Сергей Прокофьев

ДНЕВНИК

1907 - 1918

sprkfv

Дневник

В оформлении обложки использован фрагмент текста «Дневника» от 8 сентября 1927 года и фотография С.Прокофьева, сделанная в Чикаго в 1919 году.

Сергей Прокофьев

Дневник

1907-1933

(часть первая)

sprkfv

sprkfv
54, rue de la Glacière, 75013 Paris, France

ISBN: 2-9518138-0-5

«Склонность к записыванию была мне свойственна с самого детства».
(С.Прокофьев «Автобиография»).

«Если бы я был не композитором, я, вероятно, был бы писателем или поэтом».
(С.Прокофьев «Дневник», 23 ноября 1922 года).

Предисловие

Дневники пишут многие. Обычные люди и необычные, интересные и заурядные, поэтичные и прозаичные, грубые личности и тонкие натуры. Только в дневниках они становятся равны друг другу. Объединяет их одно – запечатлеть свои мысли, наблюдения, чувства, которые не всегда хочется доверить кому-либо. Дневник – это отражение автора, его второе «я» , самое близкое и доверенное лицо, только с ним можно говорить обо всём.

По содержанию своему дневники так же разнообразны, как и их авторы. Это могут быть сухие записи, с методичной точностью запечатлевшие течение времени и событий; обрывочные записи, представляющие собой крик души в моменты особых переживаний при взлётах или падениях; целое литературное произведение с множеством действующих лиц, диалогами и лирическими отступлениями...

Дневник Прокофьева – это уникальное произведение, которое имеет полное право получить свой номер опуса в его каталоге. Прокофьев жил в эпоху, богатую значительными событиями в истории России и всего мира; время бурного развития культуры, значительных событий. Люди, с которыми сводила его судьба с самого детства, в свою очередь были неординарны и оставили свой след на Земле.

Писать дневник он начал с юного возраста и поначалу в записях много внимания уделял мальчишеским интересам, но уже тогда стали появляться точные, порой далеко не лестные, характеристики встречавшихся ему людей, критические оценки происходившего вокруг в мельчайших деталях и всегда с исключительно собственной точкой зрения. Такое отношение к окружающему миру сохраняется на всём протяжении дневника с той только разницей, что с течением времени в нём всё больше и больше внимания уделяется Музыке, главной спутнице, с которой С.Прокофьев не расставался ни при каких обстоятельствах всю свою жизнь.

Дневник С.Прокофьев писал в тетрадях, довольно регулярно, порой по многу страниц в день. В периоды путешествий и концертных гастролей иногда запускал на большие сроки: либо совсем не писал, либо ограничивался отрывочными заметками в записных книжках и на отдельных листках, представлявшими группы слов, написанных без гласных, напоминающих автору прошедшие события или пришедшие в голову мысли. Эти «концентраты идей», к сожалению, не всегда расшифровывались автором и сейчас это сделать невозможно. Но когда С.Прокофьев успевал их доработать, в дневнике появлялась радостная фраза: «Догонял дневник».

Дневник консерваторских и послеконсерваторских лет уцелел чудом. Часть была сохранена Марией Григорьевной, матерью композитора, и привезена ею во Францию несмотря на все опасности, связанные с отъездом из России через Чёрное море, с интернированием русских эмигрантов на Принцевых островах в Турции. Другая часть была в годы революции взята из разгромленной петроградской квартиры Прокофьевых друзьями, в том числе Б.Асафьевым, и отдана С.Кусевицкому, который, в свою очередь, передал их на хранение Н.Я.Мясковскому – верному другу Прокофьева – и возвращена в 1927 году, в первый приезд С.Прокофьева в СССР после его отъезда в 1918 году.

Талантливый рассказчик, обладающий несомненным литературным даром, чему

свидетельство – сам дневник, а также рассказы, письма и переводы стихов, и, наконец, написанные им самим либретто опер; вместе с тем задира, вундеркинд, гениальный композитор и пианист – С.Прокофьев не был сухарём, отнюдь, он был весьма романтическим юношей. Этими чертами пронизана «консерваторская» часть» дневника.

С.Прокофьев пишет 20 ноября 1909 года: «Моя жизнь очень богата впечатлениями и событиями и я охотно заношу их в дневник. Но писать о романтических приключениях несравненно легче и приятней, чем о других, более сухих материях... Вот почему мои барышни заняли здесь столько места».

Однако, надо заметить, что такое «легкомысленное», казалось бы, поведение Сергея Прокофьева не помешало юному композитору Сергею Прокофьеву за этот период сочинить такие шедевры, как: Первый концерт для фортепиано и оркестра, Гадкий утёнок, Первый концерт для скрипки и оркестра, Скифская сюита, «Классическая» Симфония, опера «Игрок» и др., а также блестяще закончить Петербургскую консерваторию, заняв первое место на фортепианном конкурсе Консерватории.

Вспоминая описанные в своём дневнике впечатления о конкурсном концерте, он пишет 29 февраля 1928 года: «Всякий конкурс есть особо острое выявление себялюбия, желания выдвинуть себя на трупах других, т.е. это есть низость, с которой надо бороться. И всё же я не могу без волнения читать это место в дневнике: так горячо и подробно оно описано и так втягивает в атмосферу того времени».

Дневник – достоверный документ, по которому можно проследить постепенное превращение Серёжи Прокофьева из романтического и восторженного юноши в зрелого и хладнокровного, знающего себе цену и знающего, чего он хочет, опытного композитора и виртуозного пианиста. Смелый и решительный, он не боится в суровые и опасные годы гражданской войны отправиться через объятую войной Сибирь в США, рассчитывая только на свои силы и не имея там друзей. На страницах дневника – и описание дороги: Сибирь, Япония, Гавайские острова, США; и описание трудностей пути и первых дней на чужбине, неожиданных радостных встреч, первых знакомств и музыкальных контактов. Тут же описание встречи со своей будущей женой и матерью его двух сыновей – Линой Прокофьевой.

Заграница встретила Прокофьева не с распростёртыми объятиями, отнюдь. Только благодаря своему таланту, абсолютной преданности музыке, энергии, невероятной трудоспособности и неугасимому оптимизму он сумел доказать своё право называться выдающимся композитором и виртуозным исполнителем.

На страницах дневника С.Прокофьев подробно описывает свои встречи с огромным числом знаменитых людей. Тут и Стравинский, Дягилев, Кусевицкий, Бенуа, Асафьев, Мейерхольд, Капабланка, Рахманинов, Скрябин, Боровский, Сувчинский, Луначарский, Керенский, Бальмонт, Черепнин... Список займёт не одну страницу. Каждый раз мы встречаемся с колоритными картинами, с разными действующими лицами. Каждый раз – точные характеристики и безжалостная критика недостатков, которая, впрочем, успешно уступает место положительным оценкам, если объект был того достоин. Прокофьев часто сохраняет в своих записях прямую речь – способ более точно запечатлеть персонаж. Его описания нового города или обстановки, в которой развёртывается событие, всегда полны исчерпывающих деталей и порой лирических отступлений. С детства большой любитель природы и пеших прогулок, он не упускает возможности рассказать и о пейзаже. Особенно часто это встречается в период жизни в Европе.

Нельзя не отметить и то, что в дневник Прокофьев заносил и свои профессиональные мысли. Он часто фиксирует идеи о новых произведениях, разбирает свои выступления на том или ином концерте, равно как и выступления других музыкантов; или даёт краткий анализ произведений своих современников.

Интересны строки о его известном (но неправильно понятом) способе быстрого и экономного письма партитур. Вот что сам Прокофьев пишет 14 января 1926 года: «...Я отмечаю, сколько тактов составляют партитурные страницы, затем до точности размечаю оркестровку и записываю, какие инструменты, т.е. сколько строк понадобится для этой партитурной страницы. Таким образом, когда дело дойдёт до писания партитуры, дело сведётся до простой механической работы, почти переписки».

Немало места Прокофьев уделяет философским размышлениям. Ещё в юности у него проявился интерес к таким фигурам, как Кант и Шопенгауэр, о произведениях которых он много размышлял сам и со своим другом Максом Шмидтгофом. Позже, в Америке, он увлёкся Christian Science, учением, в котором его привлекала не религиозная сторона, а философская – в Christian Science он находил источник советов для самоанализа и самоконтроля, столь необходимого артисту, да и любому человеку. Некоторые положения Christian Science подвергались его традиционному критическому разбору.

Первая (после отъезда в 1918 году) поездка С.Прокофьева с женой Линой в СССР в 1927 году произвела на него такое впечатление, что он с помощью жены подготовил дневник своего пребывания в СССР для печати. Но по каким-то причинам он так и не был напечатан. Этот подготовленный Прокофьевым материал с его пометками сохранился у Лины и был опубликован моим братом Олегом к 100-летию со дня рождения композитора (издательство «Синтаксис», Париж, 1990). Для сохранения непрерывности всего дневника он включён в настоящее издание.

Многие до сих пор задаются вопросом: почему Прокофьев с семьёй в 1936 году окончательно вернулся в Россию, пытаясь объяснить это чисто экономическими причинами. По прочтении дневника становится ясно, как сам Прокофьев объясняет своё решение. Прокофьев очень тосковал по России, в которой он провёл счастливые годы детства и юности, по друзьям, русской речи и природе. 19 декабря 1928 года он пишет: «Идя домой, думал о России и меня страшно тянуло туда. И в самом деле, какого чёрта я здесь, а не там, где меня ждут и где мне самому гораздо интереснее? (...) Лишь после отсрочки я понял, как меня туда тянуло и как, в сущности, я уже настроился ехать!»

И всё же сомнения мучали его. Времени прошло много, страна изменилась, изменились люди. 31 мая 1929 года: «...был в кинематографе на русском языке. Много приятного и родного, особенно волнующееся поле ржи. Ехать – не ехать в Россию?» В конце концов, несмотря ни на что и на страх перед советской репрессивной машиной, в 1936 году Прокофьев со своей семьёй окончательно вернулся на Родину.

Переехав в СССР, Прокофьев не взял с собой дневника. Мало того – перестал его вести совсем (к сожалению!). В рукописях дневника встречаются уточнения рукой С.Прокофьева, сделанные позже карандашом. Последнее из них датировано автором 1936 годом. Очевидно, что он понимал серьёзность содержания своих записей и не хотел, чтобы они попали в руки властей. Ведь сколько имён там фигурирует, сколько событий, и как свободно всё написано! Кстати сказать, его друг Н.Я.Мясковский, живший всё время в СССР, в последние годы жизни свой дневник уничтожил, сохранив лишь отдельные выписки из него. (Об этом пишет О.П.Ламм в своей книге «Страницы творческой биографии Мясковского», Москва, 1989).

С.Прокофьев оставил весь дневник и часть переписки в сейфе в США. Об этом мы узнали после его смерти. В 1955 году этот архив был перевезён в СССР Инюрколлегией. Далее состоялось заседание Комиссии по наследию С.С.Прокофьева, на котором был решён вопрос о том, куда поместить полученный архив. На это заседание ни я, ни мой брат Олег, ни тем более наша мать Лина

Прокофьева приглашены не были. Комиссия решила передать все документы в Государственный Архив (ЦГАЛИ), о чём 26 апреля 1955 года был составлен Акт, который нам предложили подписать постфактум. В Акте было обусловлено, что документы будут храниться в ЦГАЛИ и закрыты для использования на 50 лет для всех, кроме наследников – Прокофьевой М.А., Прокофьевых Олега и Святослава.

Поскольку моральное право на издание дневников принадлежит членам семьи (наследникам С.Прокофьева), мы решили, что времена изменились и необходимо издать этот бесценный документ. Работа по подготовке текста была непростая – это не только редактирование, но настоящая расшифровка. Я применяю термин расшифровка в связи с тем, что с 7 июня 1914 года у С .Прокофьева для быстроты, как он пишет, «царапания путевых заметок» (7 июля 1914 г), появляется, ставшая типичной и постоянной для него, манера написания слов – без гласных: например – чмд (чемодан), снчл (сначала), рстрн (ресторан), удрл (удрал или ударил) и т.д. Как видно, некоторые слова не сразу воспринимаются правильно, помогает общий смысл фразы. Иногда написание даётся полностью или почти полностью – как правило для специфических слов, названий или фраз на иностранном языке и т.д. В таких случаях, естественно, сохранена оригинальная орфография. Особенно была трудна расшифровка незнакомых имён и фамилий, потребовавшая значительных поисков.

Нашей главной задачей было расшифровать и издать этот исключительный документ, который ответит на очень многие вопросы и поможет, наконец, правильно осветить жизненный и творческий путь С.Прокофьева – от студенческих лет в Петербургской консерватории до его возвращения в Россию. При чтении дневника получаешь исчерпывающее представление о С.Прокофьеве, как о невероятно трудолюбивом, умном и проницательном, добром, но требовательном человеке. Порой он бывал сух и резок, но в совокупности это был цельный, прокофьевский характер.

Мы не хотели превращать первое издание в музыковедческий труд с длинными и исчерпывающими комментариями (минимально даны лишь самые необходимые), с полным указателем имён и основными биографическими данными и т.д. Только они могут составить несколько объёмных книг. Это, я не сомневаюсь, будет сделано специалистами.

В завершение я хочу выразить благодарность всем членам моей семьи, принявшим участие в подготовке к печати «Дневников» моего отца, и особенно отметить неоценимую помощь моего сына Сергея, без которого не был бы возможен выход в свет этого труда.

Я также признателен сотрудникам РГАЛИ, поддержавшим идею настоящего издания.

Святослав Прокофьев
(январь, 2002 г.)

Часть первая
1907-1918

1907

3 сентября

Начинаю такую запись, пожалуй, что дневник. Я решил ещё весною, что, мол, начну осенью, приехав в Петербург. Сегодня отправился держать первый научный экзамен (из пятого в шестой класс) по физике. Заставили меня ждать с часу до четырёх, а в четыре научный инспектор Русинов, он же учитель физики, вдруг мне сообщает, что в будущем году мне выпускной экзамен надо держать весной, и всю историю и физику надо сдавать сполна! «Я бы советовал вам поступить в этом году в научные классы, тогда будете держать весною экзамен вместе с классом в размере курса». Теперь надо решить, как быть. Сначала это на меня очень неприятно подействовало: научные классы, Боже мой! Но тут есть и «за»: перспектива будущего свободного лета – это очень большой выигрыш; затем, научные классы два часа в день – может уже не так скверно, да и дома научных занятий не будет. Придётся мне познакомиться со всем шестым классом наших учениц: до сих пор, за три года моего пребывания в Консерватории, я ни с одной не кланялся и ни одной знать не хотел; в этом же году думал так: коли познакомлюсь, так ладно, коль не познакомлюсь, – тоже ладно. Сегодня сдавала экзамен одна ученица (кажется, в пятый класс) и с ней был ученик, чуть ли не гимназист. Когда она сдала экзамен и вышла оттуда, надо было видеть, как они бросились друг к другу, как отправились в укромный уголок поговорить о случившемся; ей-Богу, даже на одну секунду завидно стало! И странно, особенное сочувствие было к гимназисту, даже чуть-чуть познакомиться хотелось.

Был сегодня первый раз у Мясковского; он не вполне здоров. Пробыл полчаса, не больше. В разговорах – ничего нового, повторялось то, что было в переписке. Повторил ему, что его последняя (e-moll'ная) соната с фугой лучше всех его сонат; он согласен. Много он написал за лето: две сонаты, более десяти романсов, множество мелких фортепианных пьесок, да вот теперь кончил квартет[1].

– Вот квартет бы я не стал писать, – сказал я ему.

– Ничего, напишете, – отвечает.

Эх, много бы я написал, будь у меня свободное лето!

6 сентября

Кончил экзамены. Только по немецкому 4, а по остальным пяти предметам все пятёрки. Эффект небывалый. Консерваторские профессора довольны. В прошлом году было слабее: из семи предметов три пятёрки (французский, арифметика и история) и четыре четвёрки (немецкий, география, закон Божий, русский). Но мне же и везёт вообще! Это мне на днях тётя Таня с мамой заметили; а я так ещё раньше замечать начал, что мне судьба очень часто навстречу идёт, навстречу моим желаниям, да вообще во всём везёт. Так и сегодня: у меня должны были быть русский экзамен и по истории церкви; оба учителя – братья, оба – Петровы, обоим под восемьдесят лет, оба строги на экзамене и больше четвёрки не ставят. И вдруг оба чего-то не пришли! Меня экзаменовали другой священник и другой учитель русского языка (из младших классов) и оба поставили пятёрки. Прекрасно! Вчера встретил в Консерватории Захарова.

– Что такое, – говорю, – вы живы? Вас ещё не повесили?

– Ну а вас-то?

– Да нет, позвольте, в газетах писали, что Захаров какой-то к повешиванию

[1] Имеются ввиду: Фортепианная соната из двух частей (d-moll); Соната c-moll, одночастная; 12 фортепианных миниатюр «Флофион» (четвёртая тетрадь); 7 романсов на слова Баратынского; струнный квартет F-dur.

приговорён.

В общем он такой же не очень серьёзный музыкант, как и был; летом написал несколько романсов и фортепианных пьесок.

- Какие, - говорю, - ужасы! Саминский и Элькан на фугу тоже переходят!
- Ну что-ж, я за Саминского рад.
- Да Саминский-то Саминский, а вот Элькашка - помилуйте!

Купил «Гибель Богов» и с великим удовольствием играю. Взял у Мясковского его e-moll`ную сонату (первый номер или №2 она, одним словом, одна из первых). Куда слабее номера шестого, d-moll'ной, с фугой; виден успех за два года. Комик Ахрон, молодой пианист, ученик Есиповой. «Что ваши теоретики, - говорит, - у меня вот брат есть, так тот сочиняет!». И с четверть часа говорил про замечательного композитора, его брата. Из длинной речи я понял только, что тот кончил Консерваторию по скрипке и имеет четыре вещи (вещицы) напечатанными, очевидно гений!! Да , кстати, по отношению той парочки, что я говорил в первый раз: вчера, кажется, они после экзамена рассорились и разошлись (вот тебе и на!). Она вместе со мной держала экзамен (классом ниже меня) по географии (историк не пришёл и меня экзаменовал географ); дело её шло ничего себе; вдруг: куда течёт Волга? «Не знаю...». Я ей после экзамена говорю, что я бы ей больше единицы не поставил. Она осталась недовольна.

Кончился шахматный турнир в Карлсбаде; первый приз взял Рубинштейн. Стало быть, стал чемпионом и в будущее лето примет участие в чемпион-турнире; и сыграет, поручусь, удачно. Â через несколько лет матч с Ласкером... Звезда же Яновского и Чигорина меркнет. Очевидно, что Рубинштейн будет чемпионом России, и уже есть фактически теперь.

10 сентября

Сегодня начались занятия в Консерватории. Т.е. они фактически не начались, но так, все собрались, пошумели, друг с другом повидались - и то хорошо. Лядов вывесил аншлаг, что просит всех господ теоретиков собраться через неделю, семнадцатого, а Римский, говорят, начнёт после двадцатого; положим, это никого не удивляет и вполне в духе этих профессоров. Винклер же аккуратен до подлости и сегодня уже пришёл; я скорее спрятался.

Хочу выучить Концерт (c-moll) Бетховена и фугу Баха, которые он мне дал играть летом. Что касается научных классов, то поводили, поводили за нос, протянули время (как всегда в Консерватории) и сказали, что занятий не будет сегодня. Ладно, завтра, так завтра. По субботам этих классов совсем нет, по вторникам, средам и пятницам по два часа, понедельник и четверг три часа. Перевидал сегодня бездну теоретиков (кроме Асафьева и Канкаровича).

Мясковский ругает мою Сонатинку C-dur'ную безумно: «Это чёрт знает, что такое! Какая-то опереточная музыка, да ещё самой низкой пробы!». Недаром я и давать её не хотел; хотя мне самому первая часть ничего, нравится; единственное, что там хорошо, нашёл Мясковский, это заключительная часть со скачками. Я ему, в свою очередь, порядком почистил его C-moll'ную (№1) Сонату и попросил дать №4, «Pittoresque».[2] Я согласен с ним, что сонаты в одной части писать можно, и так, по-моему, даже и должно. Тем не менее, я свою последнюю сонату сделаю о трёх частях; дело в том, что части будут небольшие и форма очень сжатая. Да вообще я эту сонату (№4) пишу как-то так, не вовсю. Вот №2 - другое дело было. Мясковский советует сделать поконтрапунктистей разработку. Это, пожалуй, правда.

[2] Колоритную (фр).

Захаров дал мне свой романс; ещё не смотрел, но, кажется, для Захарова зело ничего. Мясковскому начинает нравиться последняя детская опера (№2) Асафьева; говорит, строго и хорошо проведены лейтмотивы.[3] Надо будет попросить посмотреть. Очень захотелось нам с Мясковским сегодня пойти на «Китеж», но билетов не могли достать... Кстати: Моролёву летом очень нравилась Сонатина, и он просил даже её переписать!

13 сентября

Что нового? Время летит безумно быстро, а между тем нечего особенно и писать. Пока что дни провожу в Консерватории и дома. В занятия втягиваются лениво, по-консерваторски, а вот теперь и совсем три дня нет занятий. Очевидно, как следует начнётся с понедельника. В научные классы хожу; пока довольно скучно, и я занимаюсь тем, что разрисовываю тетрадь замечательными пейзажами. Учитель истории, по-моему, большой комик, но любящий подразнить учеников, особенно учениц («прохвост!» - говорят ученики), между прочим сказал классу такую историю: «Господа, вы помните, в прошлом году у нас в Консерватории было освободительное движение, а потому история наша сильно запоздала в своём развитии... Господа, мы отстали на полгода, так как прошли только до гуманизма». Я же прошёл к экзамену, как и полагалось, дальше семилетней войны; теперь довольствие проходить опять. Класс наш удивительно оригинальный: семнадцать учениц и три ученика! Положим, говорят, придут ещё трое. Для нас всего две парты; я сижу на второй, рядом с другим учеником, настолько же русским, сколько и немцем, с фамилией что-то вроде Валленштейна, кажется Ваншеев; как будто, если бы не излишняя серьёзность, милый малый, на шестнадцать месяцев старше меня. Что касается учениц (их, несчастных, семнадцать человек усадили на четырёх скамьях), то пока ни с кем не знакомился. Смотрю на это дело так: что времени много. всегда успею и ничуть не тороплюсь; может, имею вид, что не желаю знакомиться совсем, но, думаю, от этого ничего не проиграю.

17 сентября

Сегодня все лядовские теоретики собрались к одиннадцати часам в Консерваторию. Явился сам Лядов, и вот все мы, фугисты, входим в класс, где уже Лядов и теоретики других классов. Увидев нас, он:

- А, это фугисты! Так вот, господа, по средам и субботам от часу, до свидания, - и мы вышли.

Стоило того собираться! Асафьев обещал со временем дать свою новую оперу, Мясковский дал «Pittoresque»; говорит, первая часть моей Сонатины начинает нравиться, финал же дрянь. Давно бы так! Купил по его рекомендации «Märchen» (Ор.8) Метнера. Сегодня семнадцатое сентября, Веры, Надежды, Любви, Софьи - пол-Петербурга именинницы. У нас именинниц что-то немного. Павские не сделали нам до сих пор визита, поэтому сегодня мы ограничились телеграммой. Вере Реберг вчера послал поздравление; между прочим толкую насчёт «На ножах» Лескова, очень мне понравилось. Удивительные у него типы: одни аферисты, преступники. скверные люди, но замечательно умные; другие - честные, хорошие, но сильно уступают первым по уму; и нельзя сказать, на стороне которых сочувствие. Неприятный конец. Замечательно Лесков хорошо умеет быстро происходящие происшествия описывать: прелесть, как живо и картинно выходит! Слог прекрасен и постоянное остроумие куда лучше, чем в его «Соборянах».

[3] Снежная королева», детская опера №2.

20 сентября

Пломбировал зубы. Заткнул два дупла.

Сегодня в научном классе учеников было девять человек: Добрженец, Пиастро, Шурцман, Шмидт, Ваншейдт; какие все милые русские фамилии, точно острова Тихого океана! Ещё есть трое, у тех уже совсем чёрт знает какие фамилии. Илюша Гвирцман - еврей, высокий, довольно красивый, довольно живой, ума среднего, ничего себе. Мишка Пиастро, тоже еврей, низенький, толстенький, довольно миролюбивый; говорит, что хорошо играет в шахматы; судя по разговорам, довольно осведомлён, непременно сыграем с ним, и уже много говорили. Добрженец, поляк, с красными волосами, не блестящего ума (хотя, кажись, в прошлом году шёл одним из первых). Все трое - скрипачи; затем два валторниста. Шмидт - немец, драчун. Константин Ваншейдт, о котором я уже упоминал, должно быть лучше всех, по крайней мере наиболее солидный и благообразный. Что касается до учениц, то более других обращает на себя внимание Анисимова, Эше, Флиге, Бессонова. Последняя - смелая, живая до вертлявости, рисуется, не по летам молода, но корчит из себя взрослую барышню, что отвратительно действует. Флиге - напоминает её, но умеренней. Эше - куда скромней, в классе занимается рисованием; я обратил на неё внимание ещё весной: разбирая её довольно оригинальную фамилию, я случайно натолкнулся на e-c-h-e (Eche), т.е. все буквы составляют название нот; попробовав на рояле и повертев и так и сяк, я получил недурную тему, которую и поместил побочной партией в свою третью фортепианную сонату, которую тогда сочинял; Мясковский, рассматривая сонату, нашёл тему «архисвежей» и замечательно красивой. Но больше всех меня теперь интересует (в той степени, в которой они меня интересуют вообще) это Анисимова.
На глаз я ей дал бы пятнадцать лет, даже меньше, и едва ли ошибусь. Красивая ли она? Пожалуй - да; хотя особенной правильности в чертах нет, но жизнь, здоровье, весёлость[4]. (Я ещё помню её четыре года тому назад, когда в первый год моего поступления был в течение десяти дней в научных классах). Весной на публичных фортепианных экзаменах случилось так, что я сдавал их с винклеровским классом, а за ним играл класс Палетика; среди него была и Анисимова. Все вместе были в артистической. Мы с ней молвили несколько слов и могли бы коротко познакомиться, так как она против этого, очевидно, ничего не имела, но мне было лень, Анисимова меня мало интересовала. За лето она сильно похорошела.

25 сентября

Сегодня я «ымынынник» и должен быть под столом. Но у нас сегодня никакого особенного празднества не было, потому что папа по своим вечным делам приехать не смог и будет здесь только в первых числах октября. Были только Раевские и Евд. Мак. Петрова. Прежде на этот день я смотрел, как на нечто замечательное, ждал с нетерпением; может потому, что знал, что получу подарки. Сегодня тоже я получал их, и немало. От тёти Тани, мамы и папы - шахматный столик, очень хороший и очень дорогой; кроме того, от папы оперу (какую хочу) и шоколаду. От Mlle Roblin малюсенький финский ножик и две французские книги, от Mme Петровой - золотой porte-карандашик, от тёти Кати - три рубля. Верно, ещё будет от папы крёстного. В общем - довольно и доволен.

Завтра утром идти в Консерваторию к Черепнину впервые по дирижёрству. Сегодня я праздновал и научные классы пропустил. Эти дни у нас гостит Mlle Louise

[4] Анисимова маленького роста, очень свеженькая, с ямочкой на подбородке, вечно скалящая свои неправильные зубки. (Более позднее примечание автора).

Roblin. Когда мне было семь лет, она почти прямо из Парижа семнадцатилетней девочкой была взята ко мне и прожила в Сонцовке почти два года; потом уехала; потом опять, когда мне было двенадцать лет, пробыла у меня около года. Теперь она в Пскове, где у неё много уроков, но нас не забывает, так как ужасно любит маму, и иногда на несколько дней приезжает, как и теперь. Ещё когда впервые она была у нас в Сонцовке, я научился в шахматы и её научил. Теперь она попрактиковалась. Мы играем; пока сыграли восемь партий с результатом 6-1-1.

В последний раз Захаров говорит мне:

- Приходите как-нибудь к нам. с братишкой (мой ровесник) в шахматы поиграете!

- Благодарю вас.

- Так придёте?

- Хорошо, непременно.

Хотя мне бы очень желательно завести с ними покороче знакомство, но я, разумеется, с первой клички не пойду; пусть повторит ещё раз, другой, да объяснится правильней, да обстоятельней, - тогда с моим удовольствием'

28 сентября

Всё идёт мало-помалу. Занятия в Консерватории разгораются тоже мало-помалу, и во всё это втягиваешься всё больше. У Черепнина начали дирижёрство. Предполагалось три человека, а накатило чёрт знает сколько и выходит бестолково. Когда он вывесил аншлаг и пригласил нас пожаловать в такой-то день, то я, помня. как было с Лядовым, к Черепнину на зов аншлага не пошёл. Когда же он осведомился обо мне и кто-то отвечал, что Прокофьев-де теперь посещает научные классы и верно там, то уважаемый старший преподаватель произнёс: «Значит, науку предпочёл искусству!...». Острота директорская, достойная бывшего нашего Бернгарда. В моём стойле (как я называю научный класс) всё по-старому. Ученики мне не нравятся; по возможности их избегаю. Ученицы возбуждают странные, скучные чувства, которые ежеминутно очень меняются. Анисимова не нравится; кстати она самая молодая в классе. Идиотов в смысле науки не оберёшься!

Удивительный класс.

Заболел Мясковский воспалением слепой кишки. Теперь эта болезнь часто бывает и её хорошо умеют лечить, но времени отнимет недель пять-шесть, не меньше, думаю. Бедный! Послал ему письмо; может как-нибудь сам забегу; только далеко: целых семь вёрст.

1 октября

Из Озерков вернулся. Туда мы с тётей Таней ездили на два дня: поехали вчера утром и вот теперь вечер, только что вернулись. Живут в Озерках тёти Танины знакомые Понофидины, муж и жена, детей нет; у них там три своих дачи; богатые люди, из хорошего общества, очень образованные, радушные, донельзя любезные, донельзя воспитанные. Я у них впервые. На одной из их дач живут Борковские, давнишние знакомые, главным образом тёти Танины. Это настоящие бары. Ещё не так давно они проживали по сорок тысяч в год, но теперь всё прожили и находятся в бедности, ожидая какого-то наследства. К ним на эти два праздника приезжал племянник их, Коля Акафьев. Мы с ним знакомы очень давно, но видаемся изредка. Ему лет четырнадцать с половиной, кадет, очень талантливо рисует, если ничто не помешает - великим художником будет, довольно умный, хотя не чересчур и зело развращён. Ещё там был Николай Викторович Викторов. Страшно милый господин, певец, иногда выступает, имеет прекрасный баритон, большой комик и

очень остроумный. Мы с ним играли на рояле и пели. Играли в крокет, в лото, гуляли, катались на велосипеде, - везде он нас смешил. В общем, время провёл очень весело и, кажется, им очень понравился; они все мне тоже. Сергея Ивановича Понофидина не было; он хорошо, говорят, играет в шахматы и даже партии разбирает. Очень звали ещё.

В Консерватории занимаемся; Черепнин восхищается натуральными валторнами; говорит: «Вот в новой моей вещи я думаю поместить натуральные валторны; мне кажется, будет очень свежо...». Хотел ему сказать - свежо предание, да верится с трудом - но как-то промолчал. С Mlle Roblin сыграл всего десять партий (матч) с результатом 8-1-1; вчера она уехала.

3 октября

Сегодня утром приехал папа. Собирался он ещё к именинам и только теперь бесконечные дела отпустили его. Ехал он с двадцать седьмого сентября, останавливался в Харькове и у Сонцова. Вчера Балаев (учитель русского - я его называю «Балалаев», так как он порядочная балалайка) заставил выбрать роли в «Горе от ума» (почти весь третий акт) и читать в классе, а теперь предложил их выучить наизусть. Я - Антон Антонович Загорецкий; «Горе от ума» я очень люблю и Загорецкий - очень милая роль, так что я учу с удовольствием. Потерял книгу истории и, отыскивая её, два урока не учил. Сегодня меня класс утешил: мы, говорят, никто тоже не учили. Когда учитель стал вызывать, то многие отказались отвечать и он им поставил двойки. Вдруг: Прокофьев! Я, разумеется, отказываться в пользу двойки не стал и храбро выступил. Но на моё счастье (мне удивительно всегда и везде везёт!) он возьми и спроси у меня старое: про Лютера и итальянских гуманистов. Я очень зело отвечал и получил кажется 5, а может 4 с половиной. Удивительно! А книгу-то надо купить. Написал кучу благодарных писем за поздравления к именинам. От папы попадает мне за мой почерк. От папы-крёстного подарок - десять рублей.

6 октября

Сегодня - первый вечер серии концертов Зилоти. На концерты в этом году мы не абонировались, так как слишком дорого; вчера я был на репетиции. Кстати: с контрамарками на репетиции вышла такая история. Черепнин обещал их нам добыть, но случилось так, что дирижёров тринадцать, а Зилоти контрамарок прислал десять. Уважаемый старший преподаватель не дал Орлову, которого вообще недолюбливает, ещё одному ученику и мне. Почему мне? Тоже может недолюбливает, а может потому, что самый молодой, чтобы не было нареканий. Вхожу в класс.

- А я вас обидел! - кричит.

- ???

- Контрамарки не дал.

Я ему сказал довольно длинно, причём напирал на то, что почему Саминский, например, который попал на дирижёрство на «тройке», незаконным путём, получил, а я, законный, - нет?

- А почём вы знаете? Может Саминский гораздо лучше вас дирижировать будет? Ведь я же не могу из десяти билетов сделать тринадцать!

- Да, это так, но что же мне делать?

- Ну что, что? Застрелите меня!

- Да нет, стрелять я в вас не стану, а только как мне контрамарку добыть?

- Попробуйте как теоретик.

Я стал уходить.

- Послушайте, а как же урок?
- А я себе сначала достану контрамарку, - и ушёл.

Это его обидело. Билетик я получил (правда только на один концерт), но факт, что получил как теоретик, и вернулся в класс. Ноль внимания на меня; моя очередь играть, но заставляет играть других, а когда я обратился с каким-то вопросом о билете, то он довольно коротко отрезал:

- Что я - специалист по билетной части? Вот вы симфонию принесли? - и прочее.

Я посидел ещё немного, но так как, видно, мне не дождаться своей очереди и мне есть хотелось, то тихонько удрал. Впоследствии ученики мне говорили, что будто я демонстративно ушёл. Нисколько я с Черепниным вовсе ссориться не желаю, но что же мне делать, если все профессора вселяют в меня уважение к себе, а Черепнин ни вот чуточки!

10 октября

Сегодня, во время антракта между научными классами, меня вдруг зовёт по фамилии одна из учениц, Нодельман.

-Видите ли, у нас будет бал и мы решили вас выбрать в распорядители...

-Но, позвольте, я никого не знаю и ничего не умею. Я боюсь!

- Да, эта роль, конечно, довольно ответственная, но вот надо выбрать двух учениц и одного ученика, и мы выбрали, т.е. не выбрали, а вообще большинство голосов было на вашей стороне.

Я поблагодарил, сказал, что, конечно, тронут до слёз. («Ну вот уж и до слёз!» - говорит), но что я всё-таки отказываюсь. Молвили ещё пару слов и разошлись. В Консерватории я был с самого утра, устал ужасно, и ничего не соображал. Но всё-таки мне пришло в голову, что хорошо ли я сделал, что отказался? Во-первых, это может не так сложно и страшно, но с другой стороны очень почётно и очень приятно; во-вторых, ученицы, в классе которых я всего один месяц и с которыми совсем не разговаривал, делают мне честь и «большинством» голосов выбирают в распорядители, а я так коротко отказываю. Не слишком ли это высокомерно? Я

отправился и отыскал Нодельман, которая прогуливалась внизу с другой ученицей, Флиге. Стал у неё расспрашивать, что да как насчёт этого самого дела. Узнал следующие подробности: во-первых, бал состоится на Рождество, стало быть ещё не скоро и времени много; средства им дал, кажется, Глазунов, да ещё что-то, одним словом, денег много; затем пред этим они хотят устроить спектакль и непременно, чтобы я участвовал, так как судя по «горе-от-умаевскому» Загорецкому, умею хорошо говорить; когда я стал отлынивать, то «не Добрженеца же выбирать!» - говорит. Одним словом, я не сказал ни да. ни нет, не согласился и не отказался, но расстались мирно-тихо, друзьями, и буду ждать более подробных сообщений, - время терпит!

Сегодня Черепнин принёс кучу контрамарок на репетиции концертов Шредера.

- Кого я обидел в прошлый раз? - говорит.
- Меня!
- Ну так мы с вас начнём в этот раз.

Впрочем это была только одна комедия, так как билетов хватило всем и даже осталось.

- А дирижировать вам дам пока ещё не очень скоро.

У Лядова пишем тройной контрапункт; лучше других пока у Захарова. Элькана, меня: Асафьев не ходит, Мясковский болен, хуже у Канкаровича и отчасти у Саминского. А Винклер последний раз очень меня расхвалил за gis-moll'ную фугу

Баха. Ни разу не остановил и всё время говорил «хорошо, очень хорошо», чего я ни разу от него за мою долгую жизнь не слыхал.

14 октября

Удивительно, какой Лядов стал аккуратный! Уже четыре урока занимается подряд и начинает ровнёшенько в час. Говорят, это Саминский постарался; он уже давно толковал, чтобы послать Лядову письмо, и расспрашивал, кто даёт свои подписи, а потом, говорят, когда этот номер не прошёл, Саминский прямо отправился к Глазунову и поговорил с ним. Нам очень хорошо, а он всё взял стало быть на свою голову. Вчера на урок пришёл директор. Как раз проверялись Саминского задачи; и как назло ошибка на ошибке, т.е. ужас что такое. Глазунов вперил в него свои две вишенки и так не спускал с него глаз всё время. Не отрадное положение! А про одну из моих задач (которые были вообще сделаны очень недурно): «Эта стильно сделана...». Удивительно мне везёт: всё попадает, что стиля нет, а Глазунов пришёл - и стильная задача случилась! Если Лядов когда говорил Глазунову, что у Прокофьева-де никогда стиля нет, то вот, опровержение налицо.

Вчера в научном стойле пришлось писать сочинение «Елена в Торе»; я опоздал, пришлось торопиться, но вышло, кажись, ничего, только, если не вру, перепутал богинь Артемиду и Афродиту, а может и не перепутал.

Получил письмо от Моролёва; говорит, оттого так долго не писал, что были осенние прививки. Ну ладно. Перешёл ни с того ни с сего на «ты». Это ничего. Послал уже ответ. Написал письмо в виде круга, строчки идут спирально, приближаясь к центру, посреди дырка и на другой стороне продолжение в виде развёртывающейся спирали. Несколько напоминает... блин в граммофоне. Эта мысль мне пришла не так давно и я впервые её применил; оно интересно и оригинально, но возня так писать.

18 октября

Непременно в ближайшем будущем пойду в какое-нибудь шахматное общество. Собственно я знаю о существовании двух: Невский, 44 и Невский, 55. Остаётся узнать дни, когда там собираются: Невский, 55-я уже знаю, а про первое ещё нет, но 44 я бы предпочёл, так как, кажется, там бывает Малютин, единственный шахматист из «великих», которого я знаю и с которым играл; всё лучше, когда есть знакомые. Завтра мама едет в Москву. Заболел папа-крёстный, он уже года три, как не совсем здоровый, а теперь - удар и паралич левых конечностей. Чем это кончится - неизвестно, во всяком случае хорошего мало. Жаль его, бедного! Да ещё - одинокий, правда есть четыре племянницы, да всё не то, что своя семья.

Теперь рассуждение относительно учениц четвёртого класса и наших отношений. Вот уже шесть недель, как я в классе, и ни с кем с ними не знаком. Как посмотришь на это со стороны, то выходит очень странно, и едва ли кто на моём месте себя так повёл. А теперь? Теперь всё пошло, как по течению, само собой. Чем это кончится и к чему это ведёт? Поразмыслив об этом, я пришёл к странному и довольно неожиданному выводу, что я дожидаюсь, пока ученицы сами ко мне не подойдут и не познакомятся. И, как ни странно, этого можно дождаться, например, через месяц, когда активней станут приготовляться к знаменитому балу и спектаклю. Да уже пример есть налицо, когда меня окликнула Нодельман несколько дней тому назад. Разобравшись в своих чувствах, я пришёл к следующему заключению: сидя дома, я не без удовольствия о них вспоминаю, иногда жалею, что до сих пор ещё не знаком: есть очень милые, назову Глаголеву, Эше, Мейнгард. Прийдя в Консерваторию, я тоже нахожу их очень милыми, очень рад, если бы со

мной заговорили, но ничто не толкает начать знакомство самому. Это-то и странно. Но раз познакомившись, буду доволен. Вывод мой такой: надо самому начать знакомство. А с чем подойти? Самая интересная тюль, это пропустить урок и на другой день спросить, что они без меня делали. Если до среды не познакомлюсь просто, то в среду так и сделаю, тем более, что первый урок по физике всё равно пропадает из-за лядовской фуги, а второй - история, из которой у меня уже две пятёрки и которую могу без малейшего ущерба пропустить. А тем временем лучше съезжу к больному Мясковскому. Я у него был на днях; ему лучше, начинает выздоравливать. Сказал, что кончаю свою 4-ю Сонату, - «Смотрите, привезите мне её», - говорит.

20 октября

Сегодня Лядов не пожаловал. Прогуливаясь в ожидании по коридору, я настолкнулся на Нодельман и К°, которые быстро шли контр-курсом. «А мы вас ищем!». Хотел им ответить - я вас тоже ищу, - но затем не сказал. Дело касалось того. что, пользуясь отсутствием классов, все собирались, чтобы выбрать и прочесть комедию для рождественского спектакля. Всё как следует, пришла инспекторша и очень тактично и мило села в сторонку. Поднялся гам невообразимый, т.е. такой гам, что послушав его часть, я с головной болью вернулся домой и лёг спать. Ни к чему за этот час не пришли. Я предлагал выбрать комитет из четырёх лиц и поручить ему ведение всего, - этот номер почему-то не прошёл, Балаев, кажется, предлагал «Бабье лето», но никто, даже сам Балаев. автора не знает. Наконец после адского шума, вдруг оказалось, что через четверть часа класс будет занят. Пришли к довольно умному заключению, что двое останутся и подождут какого-то драматического господина, который преподаёт в оперном классе и будет через час, и попросят его выбрать комедию. Но когда же собраться опять? Решили завтра в Консерватории в час дня.

Завтра пойду в час. А из учениц мне больше других нравится Глаголева - уж не говоря, что красивая, говорят, что очень способная, и ещё эта милая манера разговаривать; она меня уже давно заинтересовала.

24 октября

Вчера читали ещё что-то для знаменитого спектакля, но, по-моему, тоже дребедень; хотя многие нашли, что лучше предыдущего и что если ничего лучше не будет, то поставят это. Но это не так интересно. Интересней выборы. Дело в том. что наши ученицы додумались устроить комитет из четырёх лиц для ведения всего: точь-в-точь как я предлагал несколько дней назад, только я думал три ученицы и один ученик, а они решили поровну. Выписали на доске кандидатов. По подсчёту голосов оказалось: Гвирцман 18 (все голоса). Нодельман 15, Абрамычева

14, я 12, Пиастро 6. Эше 4, Глаголева 3. Я имел, стало быть, шесть минусов, причём достоверно известно, что из них пять принадлежат ученикам. Гвирцман прошёл блестяще; пожалуй это и справедливо, так как он более других учеников достоин быть в комитете, да и пользы больше чем от других будет. Ясно, что меня выбрали ученицы, но зачем? Взглянув на себя со стороны, я отлично понял, что буду не только бесполезным, но вредным членом комитета. Я говорю, что я, подобно словам историка, как кардинал, который служит Богу, а в Бога не верует, так и я – нахожусь в комитете по устроению спектакля, значит, принимаю самое деятельное участие в устроении его, а в возможность спектакля не верю. Кроме того, я ужасно занят вообще, а тут пугают, что комитету пропасть дела всякого.

Во-первых, шахматы: я собирался непременно пойти в шахматное общество. В

газетах объявление, что начинается турнир (Невский, 55) сильнейших игроков, среди них - Малютин. Очевидно, что я пойду смотреть; играют по вторникам и пятницам; вчера - первый день - я не мог, так как был на «Тангейзере», а в пятницу пойду. Во-вторых, с билетами на репетиции Зилоти: Черепнин, как известно, меня «обидел». И вдруг Александру Зилоти пришла в голову мысль переменить контрамарки с зелёных на жёлтые. Он прислал Черепнину десять жёлтых контрамарок и объявил, что зелёные не действительны, а уважаемый старший преподаватель их отдал все Канкаровичу с просьбой вручить тем, кто обладает зелёными. Я ничего этого не знал. Вдруг подходит Канкарович, с которым, кстати сказать, мы были несколько поссорившись, и говорит:

- Господин Прокофьев, у вас есть зелёная контрамарка?

- А что такое?

Он объяснил всё это.

- Ну давайте.

Мы помирились.

Сегодня от Захарова очень милую остроту слышал на известную поговорку: «Лучше поздно, чем никогда», - сказал господин, приехав через пять минут после отхода поезда.

27 октября

Вот ужас, как эти дни я занят, просто как белка в колесе верчусь! Сколько раз собирался присесть и записать сюда и едва наконец сел. Начну с четверга. После научных классов закричали: «Не выпускать никого!» - и начали читать новую комедию - «Уездный Шекспир». Пристали ко мне, чтобы читал я, я сначала упёрся, но потом снизошёл. Я бы, пожалуй, ушёл, так как устал, а вечером ещё Винклер, но на первой скамейке, смотрю, уселась Глаголева, - меня заинтересовало, как это она к делу относится, - я остался. Посреди пьесы, на какой-то остановке, слушатели стали толковать, что не интересно-де, и много пустословия, решили прекратить чтение и прочесть «Летнюю картинку» Щепкиной-Куперник, которую уже раз читали и которая некоторым понравилась, а мне - нет. Я отказался читать, так как горло устало, предложил Глаголевой, она, не ломаясь, согласилась и очень недурно прочла. Большинство решило, что эту самую вещь и надо поставить; я протестовал.

Тем не менее участь «Летней картинки» была решена и мне единогласно предложили роль Юрия.

Я побрыкался, но они действительно правы, в конце концов принял предложение. Содержание пьесы таково. На некую Шурочку, девушку лет семнадцати, смотрят как на малого ребёнка и называют её Крошкой, между тем как она себя чувствует уже взрослой. Она влюблена чуть ли не в дядю своего, Юрия Петровича, которому тридцать восемь лет и который постоянно посмеивается над ней и подтрунивает. Тем не менее он ежечасно находит в ней всё новые и новые прелести. Приходят гости, играют в «фанты». Юрию выпадает рассказать сказочку. Он в ней выражает свои возникающие чувства *к* Крошке; затем выпадает Крошке поцеловать кого-нибудь. Она целует Юрия и убегает. Происходит замешательство. Все идут «чайпить»[5]. Шура не выходит и только откликается на зов Юрия. Затем - объяснение в любви и свадьба.

Итак, мне сразу дали Юрия, главную мужскую роль. А насчёт Шурочки произошёл великий спор. Глаголева, окончив чтение, прямо объявила, что она хочет играть Шурочку. Но на неё обрушилась Нодельман с компанией, говоря ей «из

[5] Так в оригинале.

дружбы», что ты, мол, очень хороша, но слишком высока ростом для Крошки, лучше пусть Садовская или Алперс. Глаголева настаивала на своём, ей предлагали кого-нибудь другого - она отказалась. Спор продолжался долго. Я предложил конкурс. Глаголева ухватилась за это, её противникам отрицать было нельзя, и решили, что будут конкурентки читать перед Ридалем (драматическим господином) и ему предоставят выбрать. Записалось пять человек: Глаголева, Садовская, Алперс, Анисимова и Абрамычева. Глаголева смотрит победоносно, с высокомерной скромностью, уверена в успехе конкурса. Безусловно - все на её стороне, и сомнения не было бы никакого, если бы не предательский рост, что, замечу, в данном случае немаловажный пункт. Остальные действующие лица будут Эше, Бессонова, Осипова, Гвирцман и Пиастра Нодельман благородно отказалась от участия. Митинг с адским шумом длился около двух часов; я большую часть времени разговаривал с Глаголевой. Удивительно, как это всё на белом свете вертится, меняется: давно ли на неё я смотрел издали, а теперь, может быть, будем вместе играть и даже целоваться на сцене! Надо покупать книгу и зубрить Юрия; книгу найти очень трудно, а время на зубрение ещё трудней.

Вчера впервые пошёл в Шахматное Общество (Невский, 55). Тётя Таня восставала и не пускала. Общество произвело самое милое впечатление: длинная мягко освещённая комната; два длиннейших стола с серым сукном, не то войлоком; на них расставлены шахматы, всего досок восемнадцать-двадцать; по бокам контрольные часы; садятся и играют; другие ходят, смотрят. Знаменитые игроки первой категории просто приходят, разговаривают, посмеиваются, играют партию. Мило до прелести. Я часа два с половиной следил за игрой, главным образом, за партиями Лебедев - Фрейман и Алании - Розенкранц. Как приятно увидеть в лицо тех шахматистов, кого давно знаешь и по партиям, по портретам, по таблицам турниров, и как интересно видеть их борьбу за свежей партией один против другого, зная, что каждый из них - сила, и каждый ход решает судьбу партии! Теперь второй тур. Лебедев, случайно выигравший в первом туре у Розенкранца, с самым нахальным лицом, уверенно и довольно быстро сжимает в тиски фигуры Фреймана - минута, и он выиграет, впрочем, он в этом уверен; продолжения партии я не видал, но знаю, что Лебедев проиграл её. Алапин пришёл с шиком, с опозданием на сорок минут; часы его были давно пущены. Он играл быстро и постоянно упрощал партию обменом фигур. В совершенно ровной партии он только под конец получил ничтожное преимущество, но Розенкранц сделал маленькую ошибку и проиграл. Около одиннадцати часов один студент предложил мне сыграть партию. Перед тем он несколько раз подряд обыграл какого-то почтенного господина. Не зная, какой он силы, я стал играть на ничью, и партия была почти ничья, но он сделал промах, поведший за собой проигрыш ладьи, и сдался. Вторая партия стала тоже клонить с я к ничьей, я хотел непременно выиграть, но сделал несколько нетактичностей и свёл на ничью. Третью - играл уже усталый и. проиграв фигуру, проиграл её. Все партии играны очень быстро, так называемые Schnellpartien' По окончании он пригласил меня к себе, назвал себя Василием Василиевичем Струве и сказал, что дома, у себя, всё-таки лучше играть, чем здесь. Я с радостью согласился и мы друзьями шли вместе домой. Через неделю, в субботу, пойду к нему. Сегодня утром из Москвы вернулась мама. Папа-крестный пережил опасность, но проболеет долго и едва ли когда-нибудь овладеет левой ногой и рукой. Бедный, бедный! От маменьки и тётеньки - некоторая головомойка за ослушание, но затем заключён прочный мир.

Начался танцкласс. Как и прошлый и позапрошлый год - в квартире Потоцких. Пока состав скучный и неинтересный: три кавалера - Ваня Павский, Костя Скалой и я, и три барышни - девочки не старше восьми лет. В прошлом году было куда лучше, была и Леля Скалой, которая меня очень интересовала, но, положим, к

весне разонравилась. Но всё-таки была весёлая компания, милый кружок. Впрочем, теперь обещают ещё правоведа, лет семнадцати, необычайно высокого, Лелю Скалон и ещё одну барышню, а если этот номер не пройдёт, то - сестёр Фроловых.

2 ноября

Вернулся с «Лоэнгрина». Хорошая очень опера, хотя «Тангейзер» и даже «Моряка-скитальца» я ставлю выше. Как-то на днях навещал выздоравливающего Мясковского и там познакомился с одним музыкантом-офицером. Теперь его встретил и толковал с ним. Я говорю, что в «Тангейзере» гораздо больше материалу; он это объясняет тем, что «Тангейзер» - вполне законченная вещь, а «Лоэнгрин», так сказать, отрывок Грааля, очень возможно, что Вагнер гораздо больше потрудился над первым, чем над вторым. Римский-Корсаков внёс новый проект о курсе теории композиции с четырьмя годами для бесталанных вместо шести. Меня это касается, кажется, только так, что я весною чуть ли могу диплом и звание свободного художника получить.

5 ноября

В субботу впервые был у В.В.Струве и играл с ним в шахматы. Отец его занимает довольно большую казённую квартиру, но кто он такое - совершенно не знаю, кроме разве того, что они обрусевшие немцы. Я предложил ему играть партии серьёзно и играть матч, например, до пяти выигранных партий; он согласился и решил играть матч из десяти партий на большинство. Первую партию я выиграл, во второй он меня сильно потеснил, но долго не смог продолжать, партия получалась равная, как я подставил коня и проиграл. Он, должно быть, немножко слабее меня, и я уверен, что матч выиграю. Он рад мне и говорит, что надо нам попрактиковаться побольше, а в январе уже записаться в Общество. Всё как по маслу, только лучше бы было, если он посильней меня бы был.

Сейчас взял «Саломею» Штрауса, но кажется так и не просмотрю, так как при всём старании не могу согласиться с такой музыкой. Интересно потолковать с Мясковским, какого он мнения. Я кончаю свою 4-ю Сонату и думаю посвятить ему; в ней порядочно всякой «изобретательности» («ах, изобретатель!» - говорит всегда в таких случаях он).

Ну, а насчёт знаменитого спектакля, то режисссировать будет артист театра Комиссаржевской - Феона, и в ту субботу, а пока, вчера, мы взяли и попробовали сами: вышла до некоторой степени каша, хотя многие решили, что вовсе не так скверно и могло бы быть много хуже и что в будущем очень хорошо выйдет, а я говорю - ни черта. Положим, они несколько правы, так как многие прямо не привыкли к сцене; по себе сужу: дома всё прекрасно наизусть знал, вышел на сцену - ни гу-гу. Роль моя, хотя она мне и понравилась зело, пока я учил, - преотвратительная, во-первых, хоть потому, что мне от начала до конца не сходить со сцены. Лучше других знают пока Эше и Бессонова. Последняя играет такую ломаку-барышню, и эта роль как на неё сшита, удаётся очень хорошо. Шуру, самую длинную, самую трудную и самую глупую роль играет Алперс; всё это очень мило, но ей, ей Богу, не справиться с задачей! Что касается до Глаголевой, то я теперь сам убедился, что она действительно слишком высока ростом.

9 ноября

Вся эта история со знаменитым рождественским спектаклем начинает сильно надоедать. Всё это ведётся как-то ужасно паршиво. Комитет есть, но он выеденного

яйца не стоит, - я первый, Абрамычева вторая. Всё вершат Нодельман с Гвирцманом, да и те пустяками заняты: печать какую-то для комиссии придумывают, да форму билетам изобретают. Роли, кажется, учат из рук вон лениво. В воскресенье Феона назначил репетицию, завтра хотят ещё раз сами прорепетировать, чтобы знать роли получше. Всё это ужасно раздражает.

Недавно выставили нам отметки за четверть. У меня: 5 (история), 4+ (всеобщая литература), 4+ (русский), за физику нет, но я вчера получил 5. Из учеников ни у кого лучших отметок нету. У Пиастро и Добрженца 5, 4 и 4 без плюсов.

Сегодня свадьба Мити Максутова. Князь женится на княжне Оболенской. Мама поехала. Утром приехал папа. Он заезжал в Москву. Папе-крёстному лучше; есть надежда на ногу, но очень ещё нервен.

Слышал «Зигфрид»-идиллию; какая прелесть!

15 ноября

Четырнадцатого был танеевский вечер, с папой был на нём. С Сергеем Ивановичем встретился внизу, снимая пальто, и молвили пару милых слов.

- Здравствуйте, Сергей... а по батюшке не знаю, как..

- Да помилуйте, Сергей Иванович! Всегда называли просто Серёжей пожалуйста, и теперь так!

Потом спросил, как мои музыкальные дела, а я выразил свою радость, что услышу, как он играет, чего никогда не слыхал. Какой он милый! И какая разница между ним и Лядовым, прямо - небо и земля!

23 ноября

Странно, как иногда у меня меняются настроения! Всё-таки большею частью у меня самое жизнерадостное настроение, но тогда вдруг ни с того ни с сего нападает что-то вроде хандры какой-то. Большею частью тогда - как я заметил - когда я или целый день дома сижу, или что-либо скучное читаю, или где-нибудь неудача, - собой, например, недоволен, часто из-за сущего пустяка. Ну, ладно. Сейчас хорошее настроение. Играли в «тётку» с Арсением Степановичем Белановским (священник из Екатеринодара, сын нашего старика-священника в Селидовке, отца Стефана; приехал ходатайствовать в Петербург). «Тётка» - очень модная и милая игра в карты для четверых: я её переделал и для троих, отбросив мелкие карты до шестёрок. Я порядочно насобачился в неё и частенько выигрываю.

Матч со Струве кончился девятнадцатого в ничью: 4-4 и две ничьи. Начнём новый до пяти выигранных партий. Теперь будет серьёзный, будем играть не более одной партии в день и думать сколько угодно. Хочу купить контрольные часы. Непременно этот второй матч выиграю. В первом он ни одной партии не выиграл по всем правилам - всё грубые недосмотры с моей стороны. Я же выиграл две по ошибкам, но зато две других по всем правилам искусства, по всем преданиям старины и себя считаю всё-таки сильней (да и он тоже).

В Консерватории с нашим спектаклем поворот к лучшему. В среду была репетиция с Феона и он дал совсем иную постановку дела. Отношения с ученицами самые лучшие.

2 декабря

В четверг в Консерватории был ученический концерт: оркестр составлен из учеников, дирижируют ученики, солируют ученики. Самая интересная вещь концерта - это Концерт Корсакова, который исполнял Лемба (я говорю, что его

«Малько дирижировало, а Лемба играла»). Сыграл он недурно, хотя местами не хватало силы. Затем сильно волновался и подвирал сначала и совершенно замер и засох на октавах в конце, где его руки совсем затекли. Все эти замечания я ему передал и он согласился с ними вполне. Многие говорили, что я слишком строго критикую, а кто-то из учениц сказал: «Вот бы вас журнальным критиком сделать!». Эта мысль мне, в общем, ужасно понравилась: действительно, из меня вышел бы хороший критик и притом большая собака, так что всем бы доставалось. Сам Концерт Корсакова по музыке очень красивый и к тому оригинальный, не похожий на многие другие. Я просил Винклера дать его мне со временем играть: обещал. Затем исполнялась «Алжирская сюита» Сен-Санса. Эту сюиту я ещё в прошлом году, будучи у Черепнина в партитурном классе, вызубрил очень хорошо. Теперь я впервые услышал её в оркестре и никак не ожидал, что инструментовка так чудно звучит, прямо удивительно! На концерте было публики мало, но много своих, которых пускали даром. Между прочим, встретил там одного старого знакомого, Юрку Фролова. С ним я познакомился у Павских года два тому назад и изредка у них встречался, иногда же в концертах. Одно время мы были, кажется, на «ты», но потом как-то вернулись на «вы». Он какими-то судьбами очень хорошо знаком и в близких отношениях со многими ученицами, особенно нашего, шестого класса. Позавчера был на «Китеже». Весной, когда его впервые поставили и успели дать только четыре раза, я все четыре был, но в этот сезон как-то до сих пор не удавалось. Эту оперу я очень люблю; о красоте её говорить, конечно, нечего, но скажу только, что Черепнин, который теперь её дирижирует, дирижирует зело, зело скверно!

Второй матч со Струве начался и для меня очень удачно: все три первые партии я выиграл. Про мою 4-ю Сонату Мясковский говорит, что в ней много материалу, больше, чем в других, но нет общего плана и это портит; я согласен и может быть что-нибудь переделаю.

10 декабря

Что мне, надоел что ли дневник? Нет, не надоел, а только времени совсем не было, да и как-то так, менялось часто настроение и некоторые взгляды, так что через минуту мог написать совершенно другой взгляд на вещь.

В пятницу был концерт Глазунова. Дело в том, что когда Консерватории дали автономию, то позволили учредить и столовую, ведение которой всецело предоставили ученикам. Те, всё как следует, учинили выборы, составили выбранную комиссию и поручили ей ведение дела. Комиссия устроила всё распрекрасно и всё бы хорошо, только вдруг обнаружилось, что они впали в крупный долг. Как это случилось - неизвестно, только для покрытия этого крупного долга решили устроить концерт в честь Глазунова. Тут произошло крупное столкновение между двумя группами избранников, между столовой комиссией и комитетом старост. Каждые хотели показать своё могущество, свою деспотическую власть и право, поссорились, поругались, но в конце концов концерт состоялся и, благодаря таким именам, как Глазунов, Собинов, Баринова, Мальмгрен, зал был битком набит. Самой большой вещью концерта была 7-я Симфония Глазунова. Она, конечно, милая, послушаешь несколько раз - ничего, нравится (Римский-Корсаков в восхищении), но какая-то невыпуклая и неиндивидуальная. «Сделана, а не сочинена», - говорит Розовский. На концерте была Глаголева. Это в первый раз я её встречаю в концерте. Глаголева безусловно очень красивая.

Мне бывает очень странно иногда: как это и почему это я до сих пор никогда и ни за кем не ухаживал. Рассуждая и так и сяк, я более или менее нашёл несколько причин. Во-первых, у меня привычка выискивать у человека дурные черты, а не

хорошие, тогда как другой выискивает хорошие и старается покрыть ими дурные; следствием этого - что мало кто мне нравится вполне. Во-вторых, будучи в Консерватории, видишь массу барышень, следовательно embarras de richesse[6] и ещё, запрещённый плод слаще для других, а здесь делай, что хочешь. В-третьих, я ужасно боюсь навязывать кому-нибудь себя, быть кому-нибудь неприятным, в тягость. Это чувство во мне так сильно, что доходит до щепетильности. Наконец, не хотелось портить свой известный престиж, установившийся в Консерватории. Что касается до учениц наших, то *я* себя настолько независимо и при этом прочно поставил, что такое мнение может долго держаться. Да я себя там так и привык держать. Впрочем, последнее время я решил быть подобрее и полюбезней.

Теперь насчёт дирижёрского класса. Черепнин дал дирижировать Саминскому и Канкаровичу, а больше никому. Фурману дал продирижировать 1/8 симфонии (полчасти), а Орлов, Коломийцев и я так и остались за штатом. Первые же двое всё-таки недовольны, что они всего по три раза махали. Наконец Канкарович составил заявление в Художественный Совет. Заявление очень хорошее, литературное, корректное, основательное, но там есть один пункт, с которым я не согласен, так как это некоторая нетактичность: «Мы не можем не заметить, что личность господина Черепнина недостаточно для нас компетентна и не раз в наших глазах дискредитировалась...» и прочее. Мне удалось склонить многих к тому, чтобы выкинуть пункт, и теперь заявление переписывают для приложения подписей. На последнем уроке я спросил Черепнина, что когда, мол, я-то буду дирижировать? Он ответил: «Не раньше, как после Рождества». После урока все мы, дирижёры, окружили его и стали жаловаться на своё ужасное положение. Черепнин - замечательный дипломат и политик. Он может удивительно тонко сразить человека. Помню такой случай: опоздал он на урок. Саминский, со всегдашним своим нахальством и без всякого позволения, не долго думая, стал за пульт и начал дирижировать симфонию. Вдруг - запоздавший Черепнин. Взошёл, постоял, затем хлопнул несколько раз в ладоши, чем остановил оркестр, и, обращаясь к Климову, очень громко: «Господин Климов, пожалуйста, «Meerstil» Мендельсона!». Красный как рак, Саминский забрал свою партитуру и незаметно соскользнул с занятого им высокого места вниз.

Другой случай уже был совсем недавно. После неудачных переговоров с Черепниным, дирижёры глухо роптали, что не дают им дирижировать. Ропот ещё усилился, когда он взошёл наверх и сам стал махать. Решили выразить протест и демонстративно уйти из класса, да никак не могли сговориться. Наконец решили, что будет антракт, а после антракта состоится демонстрация. Черепнин дирижировал долго, медленно, повторяя каждый такт чуть не три раза, и, наконец кончив, обращаясь к оркестру, проговорил: «Господа, сегодня антракта не будет: мы прямо кончим». Все дирижёры так и присели: хотели мы его одурачить, а вышло, что он нас одурачил, да ещё целый урок не дал никому помахать!

Возвращаюсь к сегодняшнему дню. Так и сегодня, поговорив, поговорив, он ловко повернул беседу и, выйдя чистым из воды, совершенно мило распрощался и ушёл. Среди разговора он патетически произнёс: «Да вот, господа, доведу моих учеников, Климова, Малько, до весны, выпущу их, а там может быть и уйду». Он томно опустил глаза, а у окружающих засияла радостная улыбка и все приятно переглянулись. «...А может и ещё останусь, не знаю», - продолжал он в раздумьи. Все лица вытянулись. После ухода Черепнина я обратил внимание на одну его фразу: «Да устройте себе очередь, что ли, если так хотите!». Я на этом и стал настаивать. Меня поддержали и, составив алфавит, решили, что в раз будут дирижировать по три человека. Если этот проект пройдёт, то будет прекрасно. А то ведь это ужасно

[6] Богатый выбор (фр).

- Рождество, а я ни разу не махал! Впрочем, всё что ни делается, всё к лучшему! Если бы он мне дал дирижировать осенью, то я бы жестоко оскандалился, так как отродясь не держал в руках палочки, но последние недели три я стал дирижировать дома, перед зеркалом иногда, и порядочно насобачился; когда теперь придётся выступить, то буду совершенно уверен и спокоен, и поручусь, пройдёт ничуть не хуже, чем у господ Саминских и К°.

17 декабря

На днях получаю приглашение пожаловать в субботу в Консерваторию, где соберутся «начинающие композиторы» для составления программы концерта, который состоится в январе в Малом зале. Имеющие сочинения (камерные, вокальные, ансамбли, фортепианные) могут представить их и проиграть, затем - закрытая баллотировка, и вещи, получившие больше голосов, исполняются на концерте. Организатор всего этого - госпожа Ранушевич, окончившая в прошлом году у Соловьёва. Как композитор, она обладает некоторыми способностями, может быть - образованный человек; годов ей, во всяком случае, не больше шестидесяти, но и не меньше тридцати. Приглашено было до пятидесяти человек, но пришло только семь. Исполняли вещи четверо: Ранушевич сыграла несколько романсов, из которых один («Две тучки») - хороший, другой - приличный, остальные - слабые. Абутков, кончивший весною с Ранушевич вместе, сыграл и спел несколько бездарнейших и бесконечно-длиннейших вещей, после которых даже романс Саминского оказался красивым. Затем я сыграл несколько фортепианных «собачек»: «Упрёк», «Восточная песенка», «Трагедия», « Humoresque démoniaque», «Сказка», «Призрак». Вещи имели успех и вызвали множество разнообразных толков. Решили собраться ещё через неделю в большем числе. Ради интереса устроили баллотировку моих вещей (шесть человек): «Сказка» - 6, « Humoresque démoniaque» - 4, «Восточная» - 3, «Упрёк» - 2, «Трагедия» - 0 («Призрак» не голосовали). «Трагедия» сначала очень понравилась, но потом придрались к большим терциям во второй теме и провалили целиком.

А «Летняя картинка» провалилась тоже целиком, - предсказание моё исполнилось в точности. Решили устроить концертное отделение.

Мой шахматист (Струве) уехал «на два дня» в Юрьев, но вот уже две недели, как его нет: очень скучно без шахмат. Непременно запишусь в Общество с января.

Был в пятницу на ученическом вечере. За четыре года это второй раз. Никто мне верить не хочет. Вечер страшно длинный, скучный, и знакомых как-то мало. Вдобавок украли калоши. Когда я стал говорить об этом: «Это что! - отвечают, - вон у Изаи на концерте скрипку в 60 тысяч украли, так бедному прямо дурно сделалось!». Другие мнят, что это - ловкая реклама, но «изаисты» с негодованием утверждают, что Изаи не нуждается в рекламе.

25 декабря

Рождество и мамино рожденье.

У нас вообще дни рождения достопримечательны: мама родилась в один день с Иисусом Христом, а я - спустя сто дней в году, так как одиннадцатое апреля приходится на сто первый день в году. Сегодня я получил интересный подарок. Дело в том, что как-то не так давно Наде Петровой купили куклу: лохматого медвежонка. Я с ним начал возиться и всячески забавляться.

- Очень нравится? - спрашивают.
- Ужасно милый! - говорю.
- Вот подожди, мы тебе такого же купим.

- Ладно, ладно.

Вдруг сегодня на огромном подносе мама, папа, тётя Таня торжественно и со смехом подносят большого мохнатого медведя! Очаровательный зверь; кто ни приходил - всем ужасно нравится, а Андрюша Раевский заявил:

- И у моего Саши будет такой же.

Одним словом, медведь имел успех и сейчас сидит у меня на столе и плутовато посматривает по сторонам.

Несколько дней назад наконец записал Бессоновой её сочинения: вальс и «Pas d'Espagne». Конечно, в общем, дребедень: во-первых, уже потому, что танцы, затем нет никакой самостоятельности, и, наконец, натаскала она у всех соседей, сколько у кого можно. Но, как достоинства, надо заметить, что звучит очень благозвучно и вовсе не так элементарно, как можно было бы предположить, и форма очень правильная, всё логично вытекает одно из другого. Последнее доказывает большое музыкальное чутьё, тем более, что Бессонова - большая лентяйка, и не только гармонии - элементарной теории совершенно не знает, даже своих вещей записать не могла. Она думала, что и мне придётся возиться, и была удивлена, что всё так легко далось. Бессонова осталась очень довольна и - и раньше ещё, а теперь особенно - приглашала меня к себе, притом довольно упорно. Двадцать четвёртого она именинница, но справляет именины двадцать пятого, вот тогда-то вечером и просила. Я, конечно, очень благодарил, был тронут, сожалел, но сказал, что, вероятно, не смогу прийти, так как это мамино рожденье.

Второе заседание «начинающих композиторов» состоялось двадцать третьего и, ей Богу, было ещё хуже первого. Собралось девять человек. Всё это, почти без исключения, - ходячие бездарности. Право, только одного отмечу с безусловным талантом: Растраповича. А остальные, как музыканты, ни рыба, ни мясо - не публика и не серьёзные музыканты, а так - что-то такое - желают быть последним, а на самом деле не многим лучше первого. Состоялась опять закрытая баллотировка. Назову свои вещи: «Сказка» - 6 (из восьми), романс «Отчалила лодка» - 5, «Humoresque démoniaque» - 4, «Упрёк» - 2, «Шествие», «Восточная песенка», «Fête sacré» - 0. Соберутся ещё раз. Обо мне уже составили легенду, что Прокофьев-де двух нефальшивых нот подряд и слышать не может!

1908

1 января

С Новым Годом! Действительно! Сегодня из-за этого восемь визитов сделать пришлось, да ещё два на завтра осталось. Если считать вверх и вниз, то пятьдесят восемь этажей излазил. Впрочем, это довольно интересно, тем более, что везде очень мило встречают. Праздники я провёл тихо-смирно, кажется, только на двух ёлках был. Новый Год встречали по обыкновению у Раевских. Тётя Таня, ни с кем не поссорившись, не в духе, и сидит, запершись, у себя в комнате.

Завтра случится, наконец, знаменитый бал в Консерватории, предмет мечтаний и стараний нашего класса в течение целого полугодия. Перед балом концертное отделение: 1) 2 фортепиано - Анисимова и Осповат; 2) декламация (в сухую, без музыки) - Глаголева; 3) рояль - Садовская; 4) трио - Гвирцман, Цимбалист и я, - антракт; 5) скрипка - Виллик; 6) рояль - Шварц; 7) для окончания пустяк - Сомненье», трио Глинки - мы. Далее бал. Распорядителей шесть: четыре члена комитета, Флиге и ещё кто-то - все с красными бантами, остальные, второго класса, с голубыми. Свинство, что совпадает с вечером у Павских, где меня очень просят; положим, у них начало в семь, а в Консерватории мой номер в без четверти десять, так что сначала отправлюсь к Павским, а потом уже туда.

4 января

Also[1]. В половине восьмого пошёл к Павским, у них собралось очень милое общество: четверо Фроловых, двое Скалонов, поздней Добрышины. В общем обещало быть весело, так как всё старые знакомые. Леля Скалой похорошела и становится очень красивой барышней, хотя ей не хватает изящества. Мне удалось с ней протанцевать длинный танец и поговорить о старине, и немножко незлобно подразнить насчёт Риги, куда она любит ездить, и насчёт того, что она писательница. Двадцать минут десятого мы с мамой отправились в Консерваторию. Сначала слушать концертное отделение собирался один папа, но потом как-то неожиданно пошли и мама, и тётя Таня. Только что мы с мамой входим, как на меня, как снег на голову, прямо с верху лестницы обрушиваются человек пять учениц с криками, что: «Прокофьев, скорей! Прокофьев, мы вас ждём!» В самом же деле оказалось, что Цимбалиста ещё нет, и он явился минут через десять после меня. Едва я взошёл в артистическую, как Гвирцман:

- Имеете смелость выйти на эстраду и объявить о перемене программы?
- Пожалуйста, - и через момент я очутился на эстраде и снёсся с публикой.

Это всё произошло так головокружительно быстро, что я совершенно теперь не представляю себе, что именно я объявил с эстрады, хотя помню, что сказал с чувством, с толком, с расстановкой. Без меня же, оказалось, прошли следующие номера. Первыми выступили Анисимова и Осповат и сыпрали своих «Гномов»... Так, не очень скверно, на четвёрку с минусом. Затем декламировала Глаголева: «Жизнь» Надсона; начала, говорят, неважно, волнуючись, но потом разошлась, имела успех и заставляли «бисситься». Далее бесцветно играла Садовская, а затем очень хорошо - Виллик. Шварц оказалась заболевшей, и после антракта явились мы с мендельсоновским трио. Сыграли трио очень хорошо, все хвалили, а те, кто слышал его на последней репетиции, так прямо удивлялись, потому что тогда оно шло отвратительно, да и немудрено, так как мы его репетировали всего три раза; теперь же все очень старались и, ничуть не волнуясь, были при вполне здравом рассудке и твёрдой памяти, следовательно сыграли прекрасно. Непосредственно за Мендельсоном сыграли «Сомненье» Глинки, тоже как следует, ну, да это сущий

[1] Итак (нем).

пустяк. Программа была кончена, но вдруг явилась Глаголева и исполнила вещи, которые должна была играть Шварц; пьесы скучные, да и играла она далеко не восхитительно, так что скорей проиграла, чем выиграла от этого выступления. Концертное отделение окончено, отправились сниматься в один из классов, переделанный в гостиную. Пока мы рассаживались, целые миллионы публики столпились у двери и, прижавшись лбом к стеклу, рассматривали нас. «Посмотрите, господа, какой мы из себя зверинец изображаем!» - воскликнул кто-то, кивнув на публику. Наконец открыли аппарат и щёлкнул магний. Прогуливаясь с Бессоновой, пришли в артистическую, где как раз никого не было. Вдруг является Глаголева, а за ней Mme Глаголева. Глаголева представила меня ей и очень мило рекомендовала. Мы поговорили о том, о сём, и затем, по просьбе Mme Глаголевой, благо никого нет, сыграл ей одну свою вещицу - «Упрёк». Mme Глаголева - очень милая дама. Что касается до самой Глаголевой, то она мне сегодня сильно разонравилась: во- первых, её выступление с вещами Шварц; второе, хотя многие и находили её сегодня особенно красивой, но мне не понравился тип её красоты; в-третьих, она весь вечер держала себя как-то лениво, всё время сидела в артистической и, томно склонив головку, беседовала с несколькими близко стоящими людьми.

Начались танцы. Первый вальс я пропустил, потому что всегда кружится голова, затем несколько танцев подряд танцевал с Бессоновой, во время промежутков разгуливал с ней и вообще был, так сказать, атташе при ней. Танцует она хорошо, при том страшно бешено, слишком бешено даже, так что невольно вспоминается поговорка «хорошенького по-немножку». У Бессоновой масса поклонников - стоят себе, голубчики, по сторонам и ловят её взглядом, ревнуя. Не понимаю я подобных синьоров; по-моему, у них нет никакого самолюбия и совершенно не заслуживают уважения. Бессонова их всё время мучила и добрую половину вечера оставалась со мной. Сначала она по обыкновению была весёлая, но потом стала мало-помалу киснуть и в конце концов не то стала нервничать, не то ломаться: вероятно, на неё напало такое глупо-возвышенное настроение, когда человеку чего-то не достаёт, чего-то хочется, а чего - неизвестно.

Однако случилось, что в этот момент встретилась Бессонова-мамаша и с дочкой затеяла разговор. Я, пользуясь этим, поскорее удрал подальше и попал прямо в танцевальный зал. Протанцевав с двумя-тремя барышнями, я пригласил Эше- старшую. Она - очень милая и стоит во всех отношениях выше Бессоновой, хотя немножко важная и высоко себя держит, не хватает ей простоты. С ней мы пробыли довольно долго, и что меня сразило, это то, что ей всего 16 лет, тогда как она выглядит, по крайней мере, лет на восемнадцать.

Затем я ещё немного потанцевал с Бессоновой и половина четвёртого, не дождавшись конца, отправился домой. Общее впечатление от бала гораздо приличнее, чем я ожидал.

11 января

Сегодня не пойду в Шахматное Собрание, пойду в воскресенье. Я там был в прошлую пятницу, видел Малютина, но в члены до двадцать первого года записываться нельзя, да и стоит это удовольствие пятнадцать рублей, а за каждый вход пятьдесят копеек; в турнирах же могут участвовать и не члены. Мне удалось добиться получения от мамы и папы позволения посещать Собрание («клуб», как они его называют), но не чаще раза в неделю.

Числа пятнадцатого начнутся турниры, в том числе будет для игроков четвёртой и третьей категории, куда Малютин и советует записаться. Я сильно уговариваю Струве, но у него какие-то экзамены и он, вероятно, увильнёт.

Черепнин после того, как на него было подано и рассмотрено заявление, теперь

с нами затеял длинный разговор, политикан ил без конца, но был очень мил и в конце концов оказалось, что нас в классе официально только пять человек, так что заниматься можно без особенных затруднений, а капитальные перемены будут с будущего года. Пока же обещал дать Канкаровичу и Саминскому продирижировать на ученическом вечере, а всем рекомендовал посещать оперный класс. Ставят три оперы: «Снежный богатырь» Кюи, «Виндзорские кумушки» Николаи и «Цыгане» - нашего ученика Галковского; это очень симпатично, что в Консерватории ставят оперу ученика, но только (судя по толкам) сама-то опера очень уж такая... стиль Чайковского, но вдесятеро проще.

Сегодня впервые был в оперном классе. Пришлось аккомпанировать «Кумушки», причём Брауер дирижировал, а все пели. Темп страшный, ноты вижу первый раз, так что пришлось напрячь всё внимание и всё своё искусство в чтении нот, чтобы не ударить лицом в грязь, чего я, кажется, и не сделал, так как всё сошло прекрасно и многие удивлялись моему чтению нот. Теперь предстоит с некоторыми певцами и певицами проходить партии.

В научном классе недавно пришлось писать сочинение на одну из шести тем на Онегина. Я выбрал самую трудную: «Онегин как тип липшего человека» и сначала не за что было как-то ухватиться, но я составил по всем правилам план и сочинение удалось. Отметки за вторую четверть такие: физика - 5, история - 5-, история всеобщей литературы - 5.

Фотография, которую снимали второго, готова. Отдельные лица (в том числе и я) удались прекрасно, но общий вид ни к чёрту не годен, так как аппарат слишком велик и близко поставлен, а потому перспектива безобразная: передние лица с пятачок, а задние с гривенник.

Девятого была свадьба Кати Раевской с Палей Игнатьевым. Я был шафером в числе восьми (на втором месте - первый Шурик). Это первый раз, как я шафер, да ещё на такую страшно парадную свадьбу. Но дело обошлось благополучно и я даже водил вокруг аналоя, не наступив на шлейф. Венчали в Инженерном замке, в той самой комнате, где задушили императора Павла. Мама была mère passagère[2], отцом посажённым был харьковский губернатор Тобизен. Невеста в этот вечер была удивительно красива.

13 января

Умер Чигорин. Бедный, бедный! Впрочем, настоящий Чигорин, великий Чигорин, уже умер несколько лет, а в последние года прежнее величие вспыхивало лишь иногда, да и то слабой искрой. Но всё же жаль русского чемпиона, потому что «храм оставленный - всё храм, кумир поверженный - всё Бог!», как кто-то сказал про Стейница, когда он проигрывал матч Ласкеру. У всех та же участь: пал Цукерторт перед смертью; повержен был Стейниц Ласкером в свои последние пять лет; Чигорин хоть не был поверженным кумиром, но всё же был оставленным храмом, - никто не победил его, все сразу вдруг стали выше. В 1903 году он последний раз явился настоящим Чигориным: взял первый приз в Вене, опровергнул райсгамбит, выиграв чёрными большинство у Ласкера, и явился победителем Киевского турнира, но далее, сыграв ещё недурно в Кембридже-Спрингсе, он стал в ряды самых неудачливых международных игроков. Правда, пятый приз в Нюрнберге и победа над Сальве - всё-таки победы, но какие! Последний Лодзинский турнир, когда Чигорин лежал в предсмертной болезни, а многие думали, что избегал в нём участия, Чигорин всё равно первого бы приза не получил: первое место за Рубинштейном, а третье или четвёртое - за старым русским маэстро.

[2] Посажённная мать (фр).

Затем матч на шахматную корону России, и маститый русский кумир умер бы развенчанным и поверженным. Теперь Рубинштейн получает корону по наследству. Он достоин её и будет её так же высоко держать в Европе, как Чигорин десять- двадцать лет назад. Может эта корона станет в будущем всемирной, так как молодой чемпион много обещает, Ласкер рано-ль, поздно-ль, при жизни или после смерти отдаст её, хоть, говорят, милейший человек, никогда не будет пользоваться такой симпатией, такой любовью, никогда его успехи не будут приняты так близко к сердцу, как русский великий мастер, тонкий аналитик и гениальный игрок Михаил Иванович Чигорин! !

27 января

Позавчера привезли концертный рояль. Наш «германигроссмановский»[3], который мы четыре года назад купили на аукционе за 285 рублей, теперь начал сильно сдавать, а мне уже давно обещан концертный - вот теперь и купили. «Ратке», стоит новый 1300 рублей, но был на нескольких концертах, а потому отдали за тысячу, а по секрету за девятьсот. Наш старый взяли в обмен за 275, так что мы доплатили 625 рублей. Рояль, конечно, хороший, но звучит здесь гораздо мягче; говорят, что обыграется и порезчеет, а во-вторых, в более большой комнате тоже будет сильный. В среду будет у меня Мясковский «смотреть рояль». Он у меня уже раз был недели полторы назад; играли с ним 9-ю Симфонию Бетховена, которую, по его словам, никто с ним не мог доиграть до конца. Вообще он милый и простой, и я никогда не думал, что он будет столь милостив на посещение меня. Захаров тоже был на Рождество и я тоже у него побывал, но пока ещё друг к другу не собрались. Сегодня заходил к нам Мих.Мих.Чернов и рассматривал мои последние сочинения, которые вообще ему понравились. Говорит, что попробуем устроить на Вечера «современников».

Сегодня иду в Шахматное Собрание и буду играть с Траутенбергом (барон фон- Рауш фон-Траутенберг). О нём я здесь поминаю впервые, но думать приходилось чаще. Молодой студент, он с осени записался в пятую категорию, шёл со скоростью категории в месяц и теперь находится почти во второй. Струве мне говорит: «Вам лавры Траутенберга не дают покоя!» Будучи последний раз в Собрании, я обыграл его товарища, который немного слабее Траутенберга, и вот теперь буду играть с ним самим.

3 февраля

А «Наль и Дамаянти» Аренского далеко неважная опера! Я до сих пор нашёл в ней три очень красивых момента, действительно - хорошо, но воды, воды сколько! Хуже Асафьева! Кажется, и успеха она большого не имеет, и снята скоро будет.

Алперс очень милый человек (хотя большой ребёнок). Она, кажется, хорошая знакомая Фроловых. Надо будет как-нибудь на эту тему поговорить.

6 февраля

В понедельник, наконец, первый раз дирижировал. Когда Черепнин ко мне обратился и сказал:

- Ну-ка, вот вы хоть первую часть попробуйте!, - то я даже переспросил его:
- Что вы говорите?

Затем влез наверх, забыв взять партитуру, вернулся за ней, взял и начал. Сначала

[3] Т.е. марки «Герман и Гроссман».

пошло чуть-чуть несмело, но затем всё как следует и сошло благополучно. Конечно, положение непривычное и я, например, совершенно не различал деревянных духовых. Когда надо было показывать отдельные вступления, то я не видел, что гобой, что кларнет, а показывал общим взмахом. Кроме того, трудно различались звуки инструментов, вообще как-то плохо было слышно и один раз, где начали было расходиться, то я только на четвёртом такте понял, кто у меня уходит вперёд. Однако всё сошло прекрасно и Черепнин, который обыкновенно брал новичка под руку и отводил его в сторонку, где хорошенько отчитывал, сказал мне:

- Что-ж, для начала недурно, очень недурно, - и отпустил с Богом.

Другие ученики-дирижёры поздравили меня с первым удачным дебютом и сказали, что никак не ожидали от меня такой прыти. Дирижировал я «Трагическую» Симфонию Шуберта.

24 февраля

Давно, давно не брался за дневник и много накопилось, чего записать. Случилось маленькое приключение с Балалаевым. Дело в том, что я его не особенно долюбливаю, он же, напротив, ко мне чувствует симпатию: я как-то недавно получил 5 и особенную похвалу на словах за сочинение о Борисе Годунове; перед тем тоже очень смешно вышло, когда он задал выучить какой-нибудь отрывок из «Скупого рыцаря», и я, выбрав самый кончик, на его вызов: «Прокофьев!» - громогласно объявил: «Барон, вы лжёте!» Балалаев откинулся на спинку стула, думая, что *я* хочу сказать дерзость, но затем, видя, что я спокойно продолжаю дальше, весь класс покатился со смеху. За декламацию я тоже получил 5. Так вот, как-то я в начале урока, не заметя, что Балалаев уже объясняет, заговорил с соседом в полголоса. Балалаев, бывший сильно не в духе и имевший вообще привычку угрожать удалением из класса, если кто шумел, обратился ко мне со словами: «Послушайте, выйдите из класса или перестаньте говорить!» Замечание резкое и совсем незаслуженное. Я из класса не ушёл (хотя потом сильно жалел об этом), но затем пропустил у него пять уроков. Впрочем Бессонова на первом же уроке объявила ему, что Прокофьев-де больше ходить не будет.

- Я знаю, что он давно мною недоволен, - отвечает тот. - Это всё за то, что я ему в первую четверть «четвёрку» поставил. Мелко, очень мелко!..

А потом одному из учеников сказал:

- Ну что-ж, я на него больше не сердит, так и он мог бы перестать...

Однако я пять уроков не являлся, но, не желая быть не в курсе дела, я попросил одну из учениц, Адлере, сообщить мне о пройденном открыткой, что та очень любезно и исполнила. Вообще она очень милая (хотя это мне не мешает остаться при прежнем мнении). Мы как-то с ней долго разговаривали. Я её спросил о Фроловых. Она рассказала, что хорошо знакома с ними, что Фроловы приняты в доме, что она от них слыхала обо мне. Кончилось тем, что я был приглашён к ней в субботу. По её просьбе я достал ей и дал две контрамарки на генеральную репетицию - первая любезность ученице нашего класса. Поздней я встретил её в Малом театре с Фроловыми. Оба кавалера были приглашены к ней в ложу. Я сидел с папой и мамой в шестом ряду.

Потом начинается в Мариинском «Кольцо Нибелунгов». Имевшие в прошлом году абонемент, могут его возобновлять. Я возобновил наши два кресла пятнадцатого ряда. Но мне хотелось прослушать весь цикл два раза. На первый абонемент ничего не получил. Тогда отправился брать на третий. Для того, чтобы иметь больше шансов вытянуть жребий, взял с собою Елену и Машу. Однако, когда очередь дошла до них, то их прогнали. Я успел два раза встать в хвост, причём счастье оба раза улыбнулось: вытянул 25 и 64; а сзади меня стояли две дамы,

которые тянули три раза и вытащили шесть пустышек. В общем, я убил четыре с половиной часа, но достал кресло четвёртого ряда, у левого прохода, по-моему, одно из самых лучших мест в театре.

В четверг четырнадцатого М.М.Чернов наконец повёл меня к «Современникам». Я взял свои фортепианные пьески, вторую тетрадь и третью (написано до «Мольбы» включительно). Там было только четверо человек: Нурок, Нувель, Медем и Сенилов. Мих.Мих. меня очень хорошо рекомендовал и я начал играть свои вещицы. Первым номером шёл «Снежок», который сразу всех сразил и приятно удивил: и оригинально, и картинно, и логично, и красиво. Другие вещи тоже ужасно понравились, так что на меня сразу все накинулись и раскрыли свои объятья.

- Непременно приходите на наши четверги и приносите всё, что ни напишете!

Медем (я долго не знал, что он преподаватель Консерватории) спросил меня:

- Вы кончили Консерваторию по роялю?

- Помилуйте, я на младшем курсе!

- На младшем курсе? ! У вас такая прекрасная техника и октавы такие хорошие.

- Представьте себе, я только что был на уроке Винклера, и мне попало за мои октавы!

Позднее Мясковский встретил меня словами: «Мне Нувель говорил, что вы у «Современников» фурор своими вещами произвели!».

2 марта

В четверг был опять у «Современников». Носил 4-ю (d-moll'ную) Сонату и опять захватил третью тетрадку пьесок. В Сонате больше понравилась первая часть, а пьески имели опять огромный успех, особенно «Снежок», «Воспоминания» и «Порыв». Крыжановский сказал:

- Не пишите вы трезвучия: оно средь ваших аккордов, право, звучит фальшиво!

Единогласно решили, что надо непременно исполнить на концерте. Так как ученику Консерватории это невозможно, то предлагают псевдоним, например Сергеев. Однако под давлением папы, с которым я, впрочем, вполне согласен, вероятно попрошу отложить до осени: сначала кончу фугу, а тогда мне никакие неприятности с Консерваторией не страшны!

В Консерватории ученическими силами ставят оперу ученика Галковского - «Цыгане», и в тот же день коротенького «Снежного богатыря» Кюи. «Цыгане», как я и предполагал, оказываются прескверной оперой. Материалу почти никакого, интересного в опере так мало, что не приведи Господи! Красивы два самостоятельных лейтмотива: Алеко и измены, а главная тема цыган своров封ана, остальное либо всё бледно и серо, либо сворованo, да и сворованo-то бледно. Я уже имел несколько разговоров с автором и обыкновенно они кончались тем, что он сердился и уходил. Говорят, Глазунов, Климов, все, одним словом, недовольны оперой, и только Корсакову очень нравится и он её чуть ли не наизусть знает. На всякого мудреца довольно простоты! Слабая опера, слабый талант! Ну, ей Богу, мою «Ундину» бы, которая неоконченная благополучно спит на дне морском, поставили бы!

3 марта

Вчера был у меня Захаров. Играли «Divin poème» Скрябина. Какая прелесть! Ужасно мне нравится она. Захаров обедал и затем отправились на генеральную репетицию «Цыган», которая в восемь часов вечера. Слаба опера Галковского, но Кюи ещё хуже. Т.е. материалу-то пожалуй и больше, и лучше он, но общее впечатление настолько бледное (да ещё при скверной постановке), что не приведи

Господи; «Снежного богатыря» я всё-таки выслушал, но на «Цыган» уже не хватило терпения. Вспомнив, что Черепнин говорил когда-то, что очень хорошо слушать оперу, сидя над сценой, я решил побывать там. Предлагаю Садовской пойти вместе. Она отвечала, что никогда там не бывала, и вот мы отправились. Поднялись по всяким лестницам, простым и винтовым, чуть ли не на крышу, и оттуда, с мостиков, перекинутых между поднятыми декорациями через сцену, слушали злосчастную музыку Галковского и любовались на Платонова, который маленькой козявочкой в онегинском костюме жестикулировал на сцене. Затем спустились вниз и решили не возвращаться в партер Большого зала, а слушать с его балкона. Но дело в том, что в Консерватории, несмотря на своё собственное электричество, его почему- то сильно жалеют, а потому, хоть и генеральная репетиция, в фойе горело каких- то полторы лампочки, а наверху так совсем была абсолютная тьма. Вот туда-то мы с Садовской и решили отправиться. Поднявшись по лестнице, мы очутились в совершеннейших потьмах и ощупью, спотыкаясь на ступеньках и взявшись за руку, стали пробираться, отыскивая дверь на балкон. Нашли - заперта; сыскали другую - тоже. Между тем мы присмотрелись в темноте и при мерцавшем свете где-то пробивавшейся луны, решили отправиться к самой дальней двери с другой стороны. Бросились туда бегом, добежали и на счастье дверь оказалась отпертой - мы очутились на совершенно пустом балконе. И прекрасно: хочешь - слушай музыку, а хочешь - разговаривай; и, разговаривая, сам никому не мешаешь и тебе никто не мешает. Этим мы воспользовались и очень мило проболтали всю оперу; очень мило и очень откровенно, о разных пустяках и о своих воззрениях, причём я ей сказал несколько резких и определённых комплиментов. Репетиция кончилась - мы благополучно спустились вниз и распростились, а Захаров подвёз меня домой.

10 марта

В четверг учитель истории явился на урок в отвратительном настроении духа. Обыкновенно он много балагурит с ученицами, но сегодня сердито объявил, что будет спрашивать подряд у всего класса заданный урок - освобождение крестьян, которое всякий должен хорошо знать. Начали все получать двойку за двойкой. Только самые лучшие получали тройку, максимум 4-, Наконец предпоследней была моя очередь. Я всё время сидел смирно и урок свой знал прилично, во всяком случае, на четвёрку. Но тут мне пришла в голову оригинальная мысль. Когда он меня вызвал, я собрал у учеников пять книг истории, раскрыл их все на странице освобождения крестьян и, сложивши стопочкой, подошёл к столу, за которым сидел «Рыжие усы». Затем, не торопясь, разложил их на столе и начал отвечать. Но тот не дал мне сказать и слова и сухо спросил:

- Подождите: это зачем?!

Я ему отвечал самым невинным тоном:

- А если я забуду, то можно будет справиться...

Он лопнул:

- Уходите вон! Никак от вас не ожидал. Девчонки шумят и галдят и вы туда же, паясничаете! Не ожидал от вас, не ожидал!

Я с невозмутимым спокойствием начал складывать все пять учебников и отправился на своё место.

- Никак этого паясничества от вас не ожидал! - послал ещё раз мне вслед.

- Я урок знаю, - отвечал я адски невинно.

- И слушать не хочу! И знать вас не хочу!

Впрочем в журнал не поставил ни двойки, ни пятёрки, а просто маленькую чёрточку. Очевидно, будущий урок будет спрашивать и вдоль и поперёк, а потому всю историю преподробно повторить. Зачем я это проделал? Не знаю. Вероятно,

меня просто интересовало: что из этого выйдет; да и весь класс хохотал.

12 марта

В понедельник ко мне обращается Глаголева и спрашивает:
- Будете сегодня на «Валькирии»?
- Нет, у меня абонемент по средам и пятницам...
- Ну, а я буду.

Случилось так, что как раз в этот день со мной была маленькая книжечка - немецкое либретто «Валькирии» с приложением лейтмотивов. Я эту книжечку передал, говоря, что, прежде, чем слушать оперу, надо хоть немножко познакомиться с лейтмотивами. По окончании урока опять речь зашла «Валькирии». Я сел к роялю и показал Глаголевой некоторые наиболее важны лейтмотивы. Сначала все столпились вокруг, но затем мало-помалу разошлись: мы остались вдвоём. Глаголева попросила рассказать ей содержание оперы. Я объяснил, что тут не одна опера, а четыре, связанных между собой. Далее я рассказал содержание «Нибелунгов» и «Валькирию» особенно подробно, приводя тут же на рояле примеры. Отправились в библиотеку, чтобы взять клавир и чтобы нагляднее иллюстрировать оперу, но клавира не оказалось и мы с пустыми рукам вернулись назад. Тогда я сыграл кое-что наизусть. Мало-помалу с «Нибелунгов» перешли на другие темы, на Корсакова, на то, что Штейнберг женится на его дочери.
- А что, она интересная? - говорит.
- Да, у неё очень забавное лицо.
- Как это - забавное? Есть красивые, есть некрасивые, но забавные лица – этого я не понимаю...
- Нет, такие - не то чтобы красивые или некрасивые, - а которые врезываются в глаза и хочется узнать, что за человек такой с этим лицом.

От «Валькирии» Глаголева в восхищении; я ей дал прочесть «Кольцо Нибелунгов» по Свириденко.

22 марта

Сегодня в четыре часа я аккомпанировал «Снежного богатыря» на сцене, так как будет вместе с «Цыганами» повторение спектакля, а две минуты шестого направился в столовую. Бессонова меня представила Лесненко. Мы проболтали довольно недолго. Она очень сожалела, что не могу быть в воскресенье. Потолковали о том, о сём. Бессонова сказала мне: «Нам, кажется, по пути»: Лесненко уехала, а мы пошли вместе.

30 марта

В среду слушал «Цыган» Галковского, которых повторили ещё раз. Это первый раз, как я слушал как следует, и конечно в конце концов они более или менее - ничего, но только всё-таки дрянь опера. М.М.Чернов по окончании сказал мне:
- Безнравственная музыка, и я не променял бы одну пьеску из вашей тетрадки даже за обе оперы!

Я сделал ему глубокий реверанс.

В тот вечер случилось как-то так, что не было почти знакомых, а антракты длинные, - меня разбирала адская скука. Решил скуки ради выискать Эше-младшую. Вообще мне сильно хотелось восстановить прежние отношения, её же небрежность ко мне страшно меня злила. Здесь я не надеялся этого достигнуть, так как она по обыкновению будет, вероятно, носиться, да ещё окружённая своими двумя

подругами, и решил опять-таки, скуки ради, следить за ней издали. Однако весь антракт Эше как в воду канула и я, уже сердитый, отправился на своё место, как вдруг в совершенно пустом проходе наталкиваюсь на Эше-младшую, совершенно одну и со скучающим видом смотрящую по сторонам. Этого случая я никак не ожидал! Я подошёл и заговорил о пустяках, об опере и прочем. Видя, что я отнюдь не намереваюсь говорить ей неприятностей и колкостей, она не сделала попыток сбежать, хотя разговор был короткий, так как вскоре явилась её подруга. После конца спектакля она уже совсем охотно со мной болтала и таким образом примирение было совершено. Я очень рад.

Научные классы кончились в пятницу. Я на последнем уроке истории не был, а историк меня со знаменитого инцидента с пятью книгами так и не вызывал. Сижу в Большом зале на репетиции Шереметева, вдруг - Добрженец:

- Вас зовёт Алексей Степанович в класс.

Я стал просить Добрженца сказать, что меня не нашёл, и сам хотел уйти, но тот сказал, что я не могу этого сделать, и я, предварительно изругав его (на что тот немало обиделся), отправился в класс. По дороге мне попался Палечек:

- Вы свободны? Пойдёмте скорей в оперный класс - аккомпанировать!

Я. конечно, обрадовался случаю и пошёл в оперный класс. А «рыжие усы», знав об этом, пришли в негодование и сказали, что так как Прокофьев не приходит отвечать, то они ему поставят годовую четвёрку вместо пяти - пусть, если хочет, ответит завтра вне урока. Я, имея в году одни пятёрки и ни одного бекара (т.е. отказа), решил не отвечать, так как он не имеет никакого права поставить мне менее пяти. Однако случилось, что на другой день, проходя по коридору, я натолкнулся на него, сидящего на подоконнике и спрашивающего Бессонову. Увидя меня, он подозвал меня и задал пустяшный вопрос; я начал отвечать, но он не дал договорить и сказал: «Я всегда был уверен, что вы знаете!».

После урока в пятницу состоялся совет, где вывели годовые отметки. Объявили, что недопущениями к экзамену считаются те, кто больше как по двум предметам имеет двойки, т.е. попросту три двойки из четырёх отметок. Такими всё-таки оказались Гвирцман и Флиге, и никакие мольбы Глазунову, кажется, не помогут. В заключение Русинов сказал, что никогда такого шумливого и непослушного класса, особенно среди учениц, он не видал.

У меня, к моему удивлению, по всем предметам стояла круглая пятёрка и даже без единого минуса. То же у Осиповой. Сегодня шестой класс снимался на деньги, оставшиеся после бала второго января. Хотя фотограф от Флиге снял нас тогда с магнием так хорошо, что никто не получил даже фотографии, тем не менее отправились опять в эту фотографию. Я бы предпочёл сняться одним классом и сильно на этом настаивал. Но всё-таки пригласили и Глазунова, и Ник.Ив.Новича, и всех наших учителей, и даже бывших учителей. Посмотрим, как это выйдет.

3 апреля

Последних уроков у Винклера я очень боялся, потому что он перед экзаменами всегда сильно нервничает и в конце концов становится нетерпимым, не Винклером, а «Свинклером». К моему удивлению уроки сошли весьма благодушно, а на последнем он мне устроил пробный экзамен и заставил проиграть всю техническую программу. В конце он не без некоторого удивления заметил, что - недурно и я готов к экзамену. Это было мне дороже всего; потом я два дня совсем не играл, затем играл полтора часа, в день экзамена полчаса и, вполне уверенный, отправился на него. Благодаря винклеровскому одобрению, я почти ничуть не волновался, играл спокойно гаммы, арпеджио и терции (последние, мой конёк, к сожалению, удались хуже), недурно и оживлённо сыграл октавный этюд Клементи и очень

хорошо трельный As-dur Черни, которым кончился экзамен и за который находившиеся здесь в конференц-зале экзаменующиеся и слушатели стали аплодировать, чего вовсе не полагается. Вообще мой экзамен сошёл очень хорошо, Винклер сиял, наш класс отличился (Буракинская 4,5; Троицкая 5, хотя играла хуже меня и сама говорит, что «если мне поставят 5, то Прокофьеву надо 6,5!»).] Очевидно, у меня есть способности к роялю, потому что эту зиму за неимением времени, я играл ужасно мало, настолько мало, что даже как-то нет присутствия духа выразить это более или менее точной цифрой. Винклеру я говорю, что играю два часа («мало, мало!...»), но редкий день выпадает полный час, а очень часто и совсем не приходится. Конечно, я сюда не включаю то, что я играю не для него, например, сочиняю, читаю ноты и прочее.

Теперь двадцать пятого предстоит публичный экзамен, который, судя по вещам, которые будут играть, должен сойти ещё лучше этого. Тогда мне, например, и к Есиповой дорога открыта, но мне, право, у Винклера так тепло, и жаль было бы расставаться.

Последнее время сильно пичкаюсь Вагнером: два абонемента «Нибелунгов», да ещё 25-летие со дня смерти его, так что концерты Шереметева, Никиша. За последнее время слушал одиннадцать раз, да ещё три предстоит. Другой музыки после него и слушать не хочется, но зато теперь и сочинять не приходится - всё под пальцы да под перо так и лезет он. Моя C-moll`ная (пятая) Соната благодаря этому остановилась[4]. Решил я написать сонату такую, чтобы можно было, в случае чего, показать и Лядову. Может с точки зрения «Современников» она и шаг назад, но мне она очень нравится по чистоте формы и письма. Говорю Мясковскому, что, вот, начал сонату, а через несколько времени он мне сообщает, что и сам начал As-dur`ную'), третью (т.е. седьмую) сонату и дописал уже до разработки; я решил - чем я хуже его, и дописал до репризы, а он вскоре сказал, что уже кончил первую часть; я начал финал, но он сказал, что остальные части напишет летом. Теперь его соната лежит у меня и очень мне не нравится, особенно в гармоническом отношении.

18 апреля

Экзамены, экзамены! Господи, уж так готовишься к этой поганой истории (завтра) - приехал папа и зубрить всё заставляет. Всю Пасху этим занят. Но вот что интересно: прежде я терпеть не мог Консерватории, а теперь, сидючи без неё, - скучаю о ней. Втянулся, голубчик! Положим, понятно. Эти праздники провожу тихо-скромно, да историю учу, других нет интересов, вот и вспоминаешь Консерваторию. Как-то на днях, пойдя туда за пустяшной справкой (часы экзамена), просидел на окне и проболтал часа полтора с Садовской и Эше-младшей.

Что касается до Алперс, то она мне очень симпатична; мы с нею не раз возвращаемся вместе из Консерватории - полдороги по пути. На первый день Праздника получаю carte-postale[5] с изображением маленькой девочки, рвущей огромные цветы выше роста, и написано: «Посмотрю я сколько цвихтиков, и какие все чудесные! (Китеж)». С другой стороны «Христос воскрес» и без подписи. Остроумная открытка имела большой успех. Я заподозрил Захарова, тем более, что это - его любимое место в «Китеже». Кроме того, кто же так хорошо знает эту оперу и имеет её, чтобы найти и сделать выписку? Я выписал музыку этого места и на открытке, тоже без подписи, отправил ему. Хотел написать «Воистину

[4] В последствии - первая и третья части 4-й Сонаты (Op.29). (Более позднее примечание автора на полях).

[5] Почтовая открытка (фр).

воскрес», но, спасибо мама сказала, что и без того понятно. Через несколько дней получаю от него ответ, что, мол, спасибо за память и за «Китеж», но помузицировать с вами, как обещал, не могу, потому что очень занят. Очевидно, что цветики исходят не от него, либо не хочет признаться и невинность разыгрывает. Что postale прислал кто-нибудь из Консерватории - ясно, на адресе нет имени и отчества; стал перебирать учениц и, вспомнив, что у меня сохранилась открытка Алперс о Бадаеве, сыскал её и сличил почерки. Моё удивление - она точная копия другого. Вот так! Не ожидал от неё; и как мило, что человек думает обо мне! Впрочем, надо проверить. Как увижу её, то надо по какому-нибудь случаю воскликнуть что-нибудь: «Боже мой, сколько цветиков, и какие все чудесные!», сохранив при этом самый невинный вид; по лицу её видно будет, писала она или нет, а в свою очередь озадачить, догадался ли я.

23 апреля

Из научных экзаменов сдал три да письменный четвёртый. Пока у меня отметки лучше всех и я иду во главе класса. Осталась одна физика, страшная для многих, но пока что не для меня.

Относительно цветиков, то как-то до сих пор у Алперс не спросил. Меня занимают два вопроса: посколь мне Алперс нравится? Действительно, что в ней хорошего, яркого? Особенного ничего. А дурные стороны? Нет. Причины же, что Алперс мне милее многих, я думаю, следующие три: 1) она сама по себе очень милая, как ни верти, а это её неотъемлемое качество; 2) к тому же простая, совершенно нет ломаний и кривляний, ни рисовки, как у весьма многих, особенно в Консерватории; какая есть, такая и есть, а потому и свою симпатию ко мне выражает проще и милей; 3) она близко стоит с Фроловыми. Последнее время она сильно подурнела из-за своих веснушек, а то была очень недурна; смотреть на неё сзади, да в синем с белым своём платье - вид у неё очень изящный.

С Глаголевой по-прежнему хорошие отношения: оба друг к другу привыкли, оба друг о друге хорошего мнения.

Бессонова провалилась на двух экзаменах из двух и на третий не явилась. Со мной продолжает быть любезной и предупредительной, но мне решительно не нравится. Я говорю, что в ней единственное хорошее качество это то, что она неизменно хороша ко мне.

С Садовской у нас самые лучшие отношения. Как-то недавно вычёркиваю ей по её истории, что не надо к экзамену, и говорю, что вот, мол, приходите меня слушать на экзамене двадцать пятого.

- А вы напишите мне тут на бортике, а то я забуду.

Я написал на бортике одной из страниц и, пока разговаривал, на остальных двухстах страницах расставил стрелки, показывающие куда надо вертеть, чтобы добраться до надписи.

- Боже мой! Это зачем?

- А вот, где ни откроете книгу, везде стрелка. Перевернёте по направлению стрелки - там ещё стрелка. Вы ещё, и так, пока не дойдёте до напоминания быть на экзамене.

Говорит, что когда учила историю, то много смеялась.

28 апреля

В пятницу сдал публичный экзамен по роялю. Сошёл очень хорошо. Конкурсный этюд Кесслера f-moll, который никто не мог сыграть по-человечески, сошёл хорошо, Есипова, его выбравшая, слушала с удовольствием и всё время кивала в

такт головой. Фуга Баха (C-moll, второй том) сошла, по словам Винклера. безукоризненно и наконец Traumenswirren Шумана тоже чисто и скоро, и выразительная середина. Одним словом, мне поставили 5 (Винклер сияет), п подобная отметка была ещё только у какой-то Дубяго. Медем после экзамена хотел мне что-то сказать, раскрыл рот, но не нашёлся и только крепко пожал руку. Мама и тётя Таня рассказывают, что когда я вышел на эстраду, Есипова наклонилась к Глазунову и тихо:

- Это он?

- Да, это он.

Забавно!

Тётя Катя опоздала на экзамен и внизу наталкивается на восходящего профессора Миклашевского:

- Скажите, пожалуйста, - экзамен Винклера?

- Кончился.

- Быть не может! Ну, а скажите, как Прокофьев?

- Очень хорошо. Очень способный. Только один недостаток: ужасно он странно ноги держит под роялем!

- Хорошо, я ему скажу непременно. Так вы говорите - хорошо?

- Не только хорошо, - очень хорошо. Я ему 5 поставил.

На экзамене был Мясковский. Трогательно - человек за тридевять земель, и всё же приехал с Песков специально послушать меня. Других никого не было. Теперь Винклер дал очень интересную программу на лето. Между прочим - Сонату Шумана и Концерт Корсаньки. Последний я слышал два раза за эту зиму (Лемба. Крейцер) и он произвёл на меня чарующее впечатление - изящный, ясный, простой, искренний. Ещё помню, тогда я сказал Винклеру, что когда буду кончать Консерваторию - дайте мне его.

- Ну, вот! Мы тогда возьмём что-нибудь другое. А так непременно его пройдём.

Теперь, когда он, давая летнюю программу, задумался: «Концерт... какой бы вам концерт?», я облизнулся полушутя:

- Корсакова бы!

- Ну, что-ж, возьмите, пожалуй, Корсакова, коли уж так хотите.

Никак не ожидал.

3 мая

Кончил научные экзамены. Физику я ответил действительно блестяще и единственный получил пятёрку.

Группа наша готова. Вышла хорошо. Я тоже недурно, хоть и несколько заплаканно, но с насмешливо-уверенным лицом. Почти все собирают на снимке подписи.

А цветики проговорились. Сидим мы на окошке после экзамена и болтаем. Между тем - Алперс с несколькими подругами всё время прохаживалась мимо по коридору. Наконец ей, видимо, стала надоедать наша горячая беседа, - она стала часто подходить к нам, обращаясь с пустяшными вопросами к Глаголевой. А когда я встал, чтобы подойти к двери напротив и взглянуть, что делается на экзамене, она не вытерпела:

- Февронию получили?[6]

- Февронию?

- Не получили?

- Получил. Только у вас мало терпения, я думал - вы дождётесь, пока я сам

[6] Имеется ввиду полученная ранее открытка с цитатой из «Китежа».

заговорю об этом...

Впоследствии, когда мы вместе шли из Консерватории, я опять поднял вопрос о цветиках, сказал, что они имели большой успех, и я долго затем играл «Китеж».

1 июля

Четвёртого числа мая вечером был черепнинский экзамен, собственно наиболее неудачный экзамен этого года. За партитурное чтение, несмотря на то, что я, кажется, уже хорошо читаю ноты, - мне поставили 4, а за палочное махательство 3,5; ну это собственно в порядке вещей: что можно хотеть - я всего раз в году дирижировал! Экзамен по инструментовке был на другой день. Мне дали довольно интересную работу: D-dur'ную Humoresk'у Грига. Я её инструментовал достаточно правильно, но просто, до бесцветности. Лядов и Черепнин, проверявшие её, почему- то поставили 3,5, и оба расписались. Устные вопросы задавали о страшных пустяках: заставили, например, подробно рассказать о всех ударных инструментах. Поставили 4,5. Что касается Корсакова. - будучи болен, он на экзамене не присутствовал, - то годовой отзыв (мне удалось подсмотреть) был таков: «Способен; очень мало приносил работ; успехи незначительны; 3,5». Совершенно прав. В прошлом году я исправно посещал его уроки, исправно приносил работы и шёл хорошо. В этом же году я стал часто пропускать, пользуясь тем, что Римский-Корсаков, имея в классе много учеников, советовал подавать работы через урок, т.е. раз в две недели, я стал приносить ещё реже, - да ведь и времени в году у меня было вот как мало! Ну, и успехов, сам чувствую, не сделал: инструментовку кончил, но сам в её знании далеко не уверен. Положим, я думаю, скоро научусь. Средний экзаменационный вывод: у меня 4, Канкаровича 4, Саминского 4,5, Мясковского 5. Наконец шестого нам задали фугу - единственный экзамен, которого я боялся. Тема симпатичная, для работы времени много, стеснений никаких нет, так что работу писать удобно. Я писал тщательно, постоянно взглядывал с лядовской точки зрения, не позволял себе ничего «интересного», - сухо, да побольше секвенций с побочными септаккордами. Кроме того, фугу просматривал Мясковский и сделал некоторые указания насчёт мелочей, большинство которых я принял. И чем дальше я писал, т.е. чем ближе развязка, тем я спокойней, - это часто со мною бывает. Подал я фугу после восемнадцатичасовой (приблизительно) работы, раскинутой на три дня.

На восемнадцатое мая был назначен выезд, вещи уложены, билеты взяты; поезд идёт в 6.30. В тот же день утром я должен был узнать судьбу своей фуги и пошёл в Консерваторию. Оказалось, что начали проверять с гармонических задач, затем контрапункт и только тогда фуга. По нашим расчётам, до фуги надо было проверить свыше ста пятнадцати задач! Чёрт знает, сколько бездарностей носят почётное звание теоретиков ! После долгих стараний мне удалось упросить, чтобы мою фугу проверили до отхода поезда. Вдруг вылетает Лядов:

- Вы, Прокофьев, шахматист?
- Да, я играю...
- И хорошо, сильно?
- Довольно сильно.
- Ну все-таки, как, приблизительно? Какой категории?
- Третьей.
- Третьей? Ого!
- А вы, Анатолий Константинович, хорошо играете?
- Да я был в двух клубах записан. Ведь мои друзья и Шифферс (он страшно твёрдо произнёс «е»), Чигорин!
- А вы какой категории?
- Да четвёртой я так, ничего, да только теорию, дебюты плохо знаю.

- А вы, Анатолий Константинович, в Шахматном Собрании бываете? Вот бы нам сыграть!

- Ну, что там! Ведь вы, видите ли, сильней меня!

В это время показался Глазунов, и Лядову:

- Ну что-ж, никакого сомнения в переходе быть не может.

- Ну всё-таки, Саша, он хочет знать отметку.

- Да четыре с половиной, я думаю. А?

Так мне четыре с половиной и поставили. Глазунов (оба очень любезно со мной поговорили) сказал, что нет ни одной ошибки и всё сделано очень хорошо, только поинтересней, повкусней надо контрапунктики, а вступления, напротив, все очень красивы. Я было заикнулся насчёт того, нельзя ли в будущем году миновать форму, но получил самый решительный ответ, что надо проходить форму, и конец. Мы распрощались (Лядов крепко потряс руку и сильно наклонил голову) и я, счастливый и довольный, отправился на поезд. Такого счастливого конца никто не ожидал. Рассказывают, что месяца полтора назад Асафьев встретил где-то Лядова и начал спрашивать, как идут занятия в классе. Между прочим:

- А Прокофьев?

- Ну!... - и Лядов сильно махнул рукой.

Теперь всё сошло благополучно. Впоследствии я узнал, что и весь класс сдал прекрасно: Мясковский, Элькан и Акименко 5, Канкарович, Розовский, Саминский 4,5. Захаров и Асафьев (он совсем не ходил из-за университета) будут держать осенью. Вот Лядов! В будущем, например, году скажут ему: «Чего уроки пропускаешь?» - и он ответит: «Ведь не могут же мои ученики «шесть» на экзамене получить?».

Это было восемнадцатого, а девятого был консерваторский акт. Мама решила непременно пойти, - что это такое? сын четыре года в Консерватории и она ни разу не была на акте. Надо было непременно достать контрамарку. А контрамарки дают только тем, кто оканчивает или принимает участие. Значит, мне добыть никак нельзя. Но тут Канкарович извернулся.

- Давайте на барабане играть, вот и получим!

Это было на генеральной репетиции. Действительно, в Концерте Лембы оказался Gran Cassa[7] и я взялся на нём играть, а Канкароша на тарелках. Прежде я никогда даже вблизи не стоял, но тут мы храбро уселись и стали считать такты. Всего надо было ударить один раз, и перед самым концом. Считали мы считали, да так и просчитали: Концерт кончился, а мы всё ещё не ударили. Тем не менее мы решили играть на акте, только попросили Малько махнуть нам в этом месте палочкой. А контрамарку получил. На акте по обыкновению - миллиард народу. Маму удалось посадить лишь в пятнадцатом ряду. Затем я пошёл туда-сюда, натолкнулся на Анисимову, потом Садовскую, Диму (так зовут гимназиста последних классов, двоюродного брата Абрамычевой). Я всем объявлял, что после антракта первый номер - моё выступление, и когда удивлённо спрашивали «на чём?», я спокойно отвечал: «На турецком барабане». После антракта мы с Канкаровичем заняли свои места и принялись считать такты. Наконец, смотря одним глазом на Малько, а другим в ноты, сосчитали и ударили. Оказалось, попали вовремя. Только многие, кто нас слушал, нашли, что мы слишком не «форте» ударили, и думали, что мы бухнем сильней. А всё-таки, как мы ни смеялись над этим барабаном, всё же как- то отрадно, когда отыгрались и ничего над душой не висит. Я первым делом по окончании бросился и обнял Лембу с вопросом - хорошо я сыграл? «Хорошо, хорошо», ответил тот, которому, очевидно, совсем было не до того. Затем я вернулся к своей компании.

[7] Большой барабан (ит).

На другой день мы уехали из Петербурга и Европы.

26 июля

Восемнадцатого мая мама, тётя Таня и я выехали из Петербурга и направились в Сухум к Смецким. Ольга Юрьевна Смецкая - мамина подруга со школьной скамьи. Впоследствии она выппла за миллионера Смецкого, но самые лучшие отношения с мамой сохранились до сих пор. Зимой они были в Петербурге и очень нас звали. Теперь эта поездка состоялась. До Новороссийска мы ехали по железной дороге, а от Новороссийска до Сухума на пароходе, куда и прибыли поздно вечером при благоухании каприфолий и массе летающих светляков. Подробного описания пребывания в Сухуме делать не буду - право же, дневник уж и так на два месяца запаздывает, какой же это дневник! Скажу коротко. Принимали нас любезно и радушно до чрезвычайности. Природа удивительная. Но я как-то довольно равнодушно относился ко всем её красотам и не восхищался, как другие, хотя мне в общем и очень нравилось. Прожили мы три недели и три дня. Под конец я немножко даже начал соскучиваться. Действительно: музыкантов нет, партнёров в шахматы нет, молодёжи нет (у соседки и дальней родственницы О.П.Дмитриевой трое детей, старшей дочери Оле четырнадцать лет - совершенно серый, хотя и прекрасно воспитанный, тип). Среди музыкантов - Mme Метелева, бывшая знаменитая скрипачка Прокопович, действительно прекрасно играет и хороший музыкант, но она всё либо уезжала, либо лежала в ревматизме. Наконец, шахматистов - тех вовсе никого. Выехали мы с тётей Таней восемнадцатого июня мама осталась ещё на недельку) и ехали вместе до Ростова, а затем я один. Это моё первое самостоятельное путешествие, но я уже так привык ездить по железной дороге, что оно ровно ничего особенного не представляет. Из Сухума мы совершали довольно часто поездки, осматривая достопримечательности. Самая большая - в Новый Афон (двадцать четыре версты); самая интересная - к Венецианскому мосту. В Новый Афон мы поехали в двух экипажах, осмотрели монастырь, причём я выдавал себя за английского корреспондента, все сведения заносил в записную книжечку и, к ужасу проводника-монаха, во всех особенно замечательных местах громко, с чувством, декламировал немецкие стихи. У пещеры вырезал себе палку, назвав её Святой Палкой, но она оказалась столь безобразной, что я с ней ходил только купаться. Что касается Венецианского моста, то, по преданию, на нём венецианцы отразили Тамерлана. Это единственно интересный мост, но огромное впечатление производит ущелье за Венецианским мостом. Я прямо пришёл в восторг, притих и замечтался. Одним, с кем-нибудь рука об руку по этому ущелью... и этот чудный уголок, к удивлению, довольно мало известен в Сухуме. Кстати, вспомнил, что когда мы ехали в Сухум и только что сели на пароход в Новороссийске, вдруг встречаю... кого?... Пиастро. Оказывается, душечка едет с папенькой и сестрой из Севастополя в Тифлис. Море было как стекло гладкое, мне очень нравилось и я всё хотел декламировать:

Бездонное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей!

- которое мы с отвращением учили Бадаеву. Теперь с Пиастро с удовольствием вспоминали его.

Его сестра - очень красивого типа грузинка, но ужасно толстая и неповоротливая, за и все они имеют страшно необтёсанный вид. Как только пассажиры узнали, что оба мы музыканты, сейчас же, конечно, пристали - играйте, играйте. Я согласился, а Пиастро, и особенно папенька, стали ломаться, да так упорно, да так

отвратительно, что меня взорвало. «У нас ноты, - говорят, - лежат внизу, а сверху - заново сшитые концертные костюмы - далеко лезть, мять не хочется...». Наконец публике надоело просить, она замолчала. Через четверть часа является Пиастро-папенька и, торжественно неся кипу нот, громогласно объявляет:

- До-стал!!...

- А я теперь не хочу аккомпанировать! - огорошил я его.

Эффект был прекрасный. Так и не играли. Я играл один. Положим, сын на меня ничуть и не обиделся. Мы играли в шахматы с результатом 4-0-0. Он говорит, что будто играл с Лядовым две партии: одну проиграл, одна ничья.

3 августа

В конце концов, я был рад, когда в половине июня попал наконец в Сонцовку. Сейчас же начал писать симфонию. Что я летом напишу симфонию, я решил ещё прошлой осенью чуть ли не в сентябре. Решил, что начну не раньше Сонцовки, всю зиму был твёрд в своём решении и теперь приступил со рвением к делу.

Весной Мясковский собирался писать квартет, я ему советовал симфонию. Теперь он тоже пишет симфонию. К осени мы должны кончить и покажем Глазунову. Надо надеяться, что он даст сыграть на одном из ученических концертов. Пишу симфонию очень тщательно, много вожусь с темами: и чтоб красиво, и стильно, и, главное, самостоятельно. В большинстве случаев ими доволен. Сочинив побочную, я пришёл в восхищение от неё, но сейчас же начались опасения, не сворована ли она. Мясковский, с которым мы деятельно переписываемся, меня на этот счёт успокоил, но сказал, что ход напоминает какой-то квартет Брамса. Квартетов Брамса я совсем не знаю, да и менять что-то не хочется - пусть уж так останется. Буду писать симфонию возможно короче (что может быть хуже длинной симфонии:) и в трёх частях без скерцо. Скерцо надо блестяще инструментовать, на что я не рискую. Да и не мой характер - скерцо. Позднее мне пришла в голову мысль: скерцо satanique, но уж дело было решённое, в другой раз. Первое время я всё страшно боялся, что не успею кончить симфонии. Затем - что будет скверно. Но, по обыкновению, чем дальше, тем спокойней. Мясковский очень доволен моими темами (чего, положим, я про него сказать особенно не могу).

Порядочно играю на рояле для Винклера. Чувствую, что за конец весны и начало лета сделал сильные успехи, а потому и занимаюсь с удовольствием. Концерт Корсакова вовсе не так страшен, как я думал. Восьмого июня умер великий композитор. Случайно, когда проезжал семнадцатого через Новороссийск и было восемь часов ждать на станции, раскрываю газету. Читаю: «Похороны... Римского-Корсакова...». Но так их много, что я даже не особенно обратил внимание, так как был далёк от мысли. Смотрю внимательней: «...композитора... Н.А...... Тут я понял истину, сильно опечалился и озадачился. Вот тебе и умер Корсанька, и не удалось мне поучиться у него. Прошёл инструментовку, да и ту кое-как. Помню последний раз, как я его видел. Во втором этаже, в Консерватории, у лестницы. Был напротив, в конференц-зале, кажется, экзамен по русскому. Мы стояли с Абрамычевой и болтали, а несколько в стороне с кем-то низенького роста говорил Римский-Корсаков. Весёлый, довольный, необыкновенно интересный собой, он о чём-то горячо рассказывал маленькому человечку. Кажется, он недавно получил известия из Парижа об удачном ходе дела с постановкой там «Снегурочки». Я смотрел на него и любовался, думал: вот он, великий человек, достигший известности и славы... А теперь умер. Помню и его последний успех: на Беляевском концерте исполнялись в первый раз Вступление и Шествие из «Золотого петушка». Вступление прошло довольно бледно, но Шествие мне сильно понравилось, а инструментовка сильно поразила - такой красочности я никогда и не слыхал. Что меня смутило в Шествии,

это пошловатая тема в середине его. Кончилось оно и раздались аплодисменты. Это были не бурные аплодисменты, это был сплошной треск - ровный, не усиливающийся и не ослабевающий: аплодировал поголовно весь зал. Корсаков сидел налево в третьей ложе. Был в длинном сером сюртуке. Некоторое время он был неподвижен, но наконец вышел к публике. Шествие заставили повторить.

15 сентября

Сергий:

Ещё одна, последняя страница,
И кончена симфония моя...

И последнюю страницу дописал, и кончил симфонию. Кончил мою первую вещь, написанную с надеждой на исполнение. Прежде *я* всё хотел написать оперу и возился над «Ундиной», но осенью я серьёзно стал подумывать об исполнении и решил, что с симфонией скорей добьёшься этого и, не надеясь на зиму, положил написать такую летом. Видя оркестровое исполнение вещей Лембы, Галковского на наших ученических концертах и спектаклях, я решил, что сюда попасть и не особенно трудно, так как я едва ли напишу хуже их. Решение моё усилилось. Были даже порывы начать симфонию, но я себе не позволял, находя, что много всё равно не сделаю, а буду только портить. Иногда, когда некоторые ученицы постарше меня не особенно дарили вниманием, я думал: «Подождите, когда через год остальные ученики будут все возиться над моею симфонией, а я буду автором...», - хотя сейчас же рассудок говорил, что, во-первых, это ещё вопрос, а во-вторых, это ещё очень далеко. Принялся я за симфонию ревностно. Одним из главных двигателей была перспектива исполнения. Может, скажи мне кто-нибудь: симфония исполнена не будет, и я едва ли кончил бы её. Были моменты остановок на скучных а трудных местах, и во время сочинения, и во время инструментовки, но я уже так свыкся с мыслью, что осенью явлюсь в Петербург с симфонией, что картину явки без неё я себе как-то и представить не мог. Находили моменты и отчаянья, когда никак не сочинялась какая-нибудь тема, не одолевалась какая-нибудь разработка или не выходило тутти в партитуре - я злился, решал никогда в жизни не писать симфонии, - но большею частью всё шло гладко и приятно.

В половине сентября был назначен наш отъезд в Петербург, и вот пятнадцатого симфония завершилась. «Окончен труд...», надо ждать теперь исполнения. Теперь, когда работа уж завершена, я спокойно отношусь к тому, сыграют ли её или нет. Может быть и то, и другое. Я смотрю на это, как на двух игроков, как на два состязающихся лица: и тот и другой могут победить, ни та, ни эта победа не удивит
- может только обрадовать или опечалить. За моей симфонией есть шансы: музыка красивая - этого, я думаю, отрицать нельзя, - форма правильная, гармония красивая, темы яркие, сплетение тем и контрапункт, хоть жульнический, но есть... За что я боюсь, это за инструментовку. Сильно боюсь, что мои tutti не все окажутся как следует, и это сознание мне мешает иногда полюбоваться своей толстенькой партитуркой. Успокаиваюсь тем, что покажу её Глиэру - он кое-что скажет, Мясковский кое-что посоветует, Глазунов подправит. А исполнят её или нет, всё равно хорошо, что я написал симфонию. Польза для дальнейшего будет и в смысле техники, и во многих других смыслах. Спокойно могу сказать, что моё лето не пропало.

В моём дневнике ничего не упомянуто о первом шахматном турнире, в котором я участвовал в жизни. Начался он пятого февраля этого года в Шахматном Собрании. Турнир был смешанный, для игроков всех категорий. Я так и думал, что войдут все категории, но впоследствии оказалось, что большинство - игроки второй

категории, остальные первой и третьей, так что я, не принимая в расчёт даже моей неопытности, был одним из слабейших его участников. Помню, пятого вечером я был в Собрании и, в ожидании начала, сидел в смежной с игорной комнатке, болтая с Малютиным.

Подошёл Чудовский и протянул веерочком беленькие билетики, предлагая вынуть жребий. «Интересно, с кем это я буду играть сейчас», - сказал я и вытянул номер четвёртый. Через минуту он опять подошёл ко мне, взял под руку и повёл в игорную комнату.

- Что-ж, вы можете начинать, - проговорил он. - Вот ваш партнёр.

Нас познакомили. Рядом, за отдельным столиком, были расставлены шахматы, стояли часы и лежала бумага с карандашами. Мы сели. Партнёр, Демчинский. спросил:

- Вы... какой категории?

Я поскромничал:

- Четвёртой... третьей.

- Позволите начать?

- Пожалуйста.

Всё было торжественно. Я волновался страшно. Уже давно моя мечта была - играть в каком-нибудь турнире; она осуществилась. Игра началась. Я едва мог думать. Когда я записывал, мои руки прыгали и выводили какие-то каракули. И партия какая-то не такая. Венская... я никогда не играл венской. Я помнил принцип: надо поскорей выводить фигуры; и ласкеровский: коней сначала, потом слонов, и старался руководствоваться им. Я то и дело посматривал на часы и, чтоб хоть сколько-нибудь успокоиться, жевал конфетку. Когда мой противник задумался, я встал и подошёл к Чудовскому, который за длинным столом, наискось от меня, играл с Вудбергом.

Наклонившись над ним, я стал смотреть его запись.

- Вы красный и взволнованный! - улыбнулся Чудовский.

Я услышал, как щёлкнули часы, и кинулся к своей партии. Я, как мне показалось, начал получать преимущество. Начал задумывать стратегическое движение, шедшее несколько вразрез с теорией. Через полтора часа у меня получилось стеснённое положение, затем я проиграл пешку. Нечего и говорить, что меня обдало варом. Затем у меня стало составляться подобие атаки, а далее мой противник неожиданно проговорил:

- Что-ж, мат в один ход...

- Как?

Он показал на f8.

- Да, правда...

На этот раз я не был так ошеломлён. Удар уж был нанесён с потерей пешки. Я пошёл в соседнюю комнату, где уже сидел проигравший Траубенберг и писал таблицу турнира.

- Проиграл? - спросил я.

- Да. Но я очень рад: это значит я все остальные партии выиграю.

- Ах вот как! Ну а я тоже проиграл, - мы с вами товарищи по несчастью.

Следующую партию я тоже проиграл и вообще весь турнир играл крайне неудачно. Но почти каждую партию мне удавалось получать хоть какое-нибудь преимущество и затем проигрывать подставками или просто слабыми ходами. Это мне давало постоянно надежду, что следующую-то партию я уж непременно выиграю. Это почти и оправдалось.

В двух последних турах я должен был играть с первыми категориями, - едва не выиграл у Люца и, наконец, одержал победу над подвыпившим Потёмкиным. Таким образом горечь поражений была вознаграждена.

25 сентября

Сегодня мы вернулись в Питер. Был в Консерватории. Перво-наперво встретил Иванову, ученицу Винклера.

- Поздравляю вас с профессором, - говорит.

Оказывается, что Александра Адольфовича[8] произвели в профессора. Мы все этому сильно обрадовались. Второго встретил Саминского. Сообщает, что форму будем проходить у Витоля. Так всегда и бывает: ругали, ругали Лядова, так вот на тебе, теперь и по Лядове всплакнёшь и пожалеешь. Лядов же преподаёт в высших практических, а гармонию - Калафати, одним словом - чёрт знает что. Отправились к Мясковскому выяснять положение и душу отводить. Далее откуда-то вынырнула Алперс. Мы встретились весьма радостно (я даже более радостно, чем она). Она выросла, пожалуй, подурнела, стала носить взрослую причёску, которая к ней совсем не идёт, и вообще могла бы быть гораздо лучше. Мы проболтали минут с десять. Я под конец не выдержал и стал её немножко подзуживать.

Разговор кончился появлением Канкаровича. Я довольно коротко с ней распрощался и отправился с ним в оперный класс. Пробыл там с четверть часа, видел Платонова. Урод страшный, хотя у меня слагается мнение, что он человек огромного ума.

Проездом через Москву был у Р.М.Глиэра и показал свою симфонию. Симфония понравилась (лучше других вторая часть, а из тем - вступление). Что меня обрадовало, это то, что с контрапунктической стороны она достаточна, инструментовка очень недурна и сделана она хорошо. Это всё то, за что *я* боялся. По музыке она хороша, хотя ему больше понравились фортепианные пьески («Снежок», «Скерцо», «Сказка», «Марш» и прочие).

- Вот так и пиши, - сказал он. - У этой музыки есть будущее.

Советовал непременно добиться исполнения, так как нет ничего полезней, как слушать свои вещи. При моём визите он меня приветствовал:

- Какой же ты красавец стал! Право, красавец. Опасен для консерваторок.

Мама вставила:

- Я ему и говорю: не бегай за девчонками, пусть они за тобою бегают...

1 октября

Был у Мясковского. Но тут он меня пренеприятно удивил, что симфонию свою уже неделю, как отдал Глазунову.

- Что-ж меня не дождались, *я* так себе рисовал эту идиллию, как мы вместе подойдём к Глазунову...

Он мне прямо ответил, что это было бы с его стороны большой глупостью, так как я умею играть свою симфонию, а он нет; следовательно, его симфония сразу проигрывала в моём присутствии. Но, одним словом, факт тот, что его симфония уже подана, хотя Глазунов и сожалел, что автор не мог сам её сыграть. Я решил действовать решительно.

На другой день в час дня я был у Глазунова с партитурою в руках, - их нет дома. В тот-же день в семь часов я повторил свой набег, - они кушают и у них гости. На другой день в восемь часов я опять был там. «Стучитесь, и да отверзится...», - я узрел Глазунова. Он торопился и куда-то уезжал. После короткого разговора была назначена аудиенция в воскресенье в пять часов. «Мне некогда, мне очень некогда. Вы можете до воскресенья?».

Теперь подскабливаю симфонию и жду решительного воскресенья. В четверг,

[8] А.А.Винклер.

вероятно, пойдём с Мясковским к «современникам», - понесу свою дочку[9]. Мясковский говорит, что будто-бы они собираются собрать оркестр, - тогда и моей дочке будет ход.

Захаров встретил меня очень радостно, а Саминского ещё больше не люблю и уже начинаю с ним ссориться. К Винклеру поступил новый ученик, Володя Дешевов. С ним мы познакомились уже года два и изредка встречались в концертах. Он продолжает жить в Царском и четыре раза в неделю приезжает в Консерваторию. Винклер сказал ему, указывая на меня:

- Вот у кого поучитесь читать ноты, господин Прокофьев прекрасно читает ноты.

А Мясковский рассказывал, что, когда он в классе стал играть c-moll'ную фугу. Винклер спросил:

- А вы слышали, как её на экзамене играл господин Прокофьев? Так и играйте, это была идеально сыгранная фуга.

Я очень рад Дешевову, что он поступил в Консерваторию. Винклеру для первого раза сыграл этюды Рубинштейна и Шопена и очень обрадовал его.

- Этим вы овладели вполне, - сказал он про Рубинштейна, - как-нибудь сыграете на вечере, может эффект произвести.

В Шахматном Собрании в турнир опоздал, начал матч с Чудовским. Моё удивление: Чудовский, взявший в прошлом турнире первый приз, теперь, в этом турнире, проигрывает подряд все партии. Никак не могу понять, и мне его очень жаль, так сказать, жаль прежнего сильного Чудовского. В матче он первую партию мне тоже проиграл. Такие-то дела.

Зарубить себе на носу: в Консерватории перестать дразнить учениц и быть с ними возможно милей. Право же, втрое больше вознаградится. Приятно дразнить, но скучно, когда потом от тебя убегают.

4 октября

Вчера в Консерватории опять увидал С.Эше. Она говорила по телефону. Я прошёл мимо и поклонился, она отвечала улыбкой. Когда она кончила, я подошёл к ней и заговорил, памятствуя, что дразнить и говорить ученицам неприятности отнюдь нельзя. Однако с Эше это не так легко сделать: будучи enfant terrible'ем[10], она сама на это вызывает и милый разговор с нею не так-то легко устраивается. Благодаря нескольким комплиментам с моей стороны, острота разговора скоро смягчилась, и мы заговорили весьма любезно. Узнал я следующее: Эше-старшая бросила Консерваторию и поступила на драматические курсы, где идёт очень талантливо. Эше-младшая бросила научные классы и бывает в Консерватории всего два раза в неделю в классе фортепиано. К первому я отнёсся вполне равнодушно, но второе меня сильно опечалило. Действительно, Эше-младшая похорошела, выросла, стала воспитанной и корректной, и теперь почти исчезла с горизонта Консерватории. Положим, это так-бы и должно быть: хорошие типы редко встречаются в Консерватории. Далее она мне сообщила, что у них собирается очень интересное общество из артистов и что после этого на «консерваторцев» противно и смотреть, где столько нахалов, что иногда им противно руку подать, и т.д. Одним словом, она прозрела, что очень хорошо, и, как следствие этого, удалилась от Консерватории, что теперь очень жаль. Я спросил, когда она бывает в Консерватории, говоря ей, что «теперь вы стали редкостью для Консерватории». Мы проговорили с четверть часа и затем корректно распростились, причём у меня

[9] Имеется ввиду симфония.

[10] Несносным ребёнком (фр).

осталось от неё самое приятное впечатление.

12 октября

Вчера, так же как два дня перед тем, встречал в Консерватории Эше, и не одну, а со старшей сестрой, у которой сердце не камень - нет-нет, да в Консерваторию и заглянет. Встретились мило, разговаривали долго. Я много расспрашивал, а она много рассказывала интересного про свои драматические курсы. В общем, обе сестры милы и любезны. Старшая, пожалуй, развитей, у неё выдержки больше, одним словом, она старше другой, но младшая мне гораздо больше нравится. В первой много деланного, сценичного, вторая гораздо естественней. Зашёл разговор о сочинениях. Я между прочим сказал старшей, что хотел бы написать романс, да никак не найду подходящих стихов. «Вот посоветуйте-ка мне», - говорю. Она начала какие-то стихи. Вчера, встретившись с нею второй раз, я опять напомнил об этом.

- Давайте я вам сейчас напишу по памяти, - ответила.

Быстро подошла к окну, стала перед ним на колени и на четвертушке листа стала писать. Это было «Скуй мне сердце, кузнец».

Я яростно принялся за дело. Не знаю почему - потому ли, что я никогда не писал романсов, или мне очень хотелось хорошо написать, чтобы непременно понравилось, или у меня не было настроения, или мне мешали, но только всё сегодня выходило не то; и как следствие этого, у меня сейчас пресквернейшее настроение духа. Впрочем, скверное настроение духа может быть и от скуки: действительно, скучно без друзей, скучно без любви, без таких привязанностей. А у меня нет ни близких товарищей, никого я до сих пор не любил... Впрочем, я кажется начинаю вздор болтать!

Написавши, прочёл - чёрт знает: начал за здравие, а кончил за упокой! Впрочем, я правда иногда скучаю.

17 октября

Несколько слов о музыкальных делах. Одиннадцатого числа Глазунов выздоровел от болезни и уехал в Киев на две-три недели дирижировать свои вещи. Меня это страшно огорчило, так как симфония принуждена ждать без конца. Мясковский накануне отъезда, после пятичасового ожидания в Консерватории, добился-таки Глазунова и попросил свою партитуру обратно. Тот отвечал, что он всего просмотреть не успел, но то, что он видел, доставило ему большое удовольствие. По возвращении просил партитуру ещё раз. В общем, я рад за Мясковского (в свою симфонию я верю), хотя немножко завидно и опасно, как бы это не было гибелью для моей. Глазунов нашёл, что у Мясковского стиль Танеева и его собственный, а у меня, конечно, такой колоссальной контрапунктичности и красоты (в этом отношении) рисунка — нет, хотя меня все и уверяют, что она вполне достаточно контрапунктична. Я должен взять красотой или подъёмом, формой; но Глазунов контрапунктист, да вон ещё нашёл, что стиль Мясковского такой же, как у него - это сильно меня подводит. Впрочем - увидим. Мясковского я хоть очень высоко ставлю, его романсы «Круги» и «Кровь» я очень люблю, но тем не менее я убеждаюсь, что из него большого композитора не выйдет: он сочиняет учёно, он часто сочиняет красиво, он много сочиняет, но яркого, захватывающего и оригинального - у него нет. «Современники» отдали должное моей симфонии, похвалили, но в общем приняли её довольно холодно - это не их стиль, зато от двух последних фортепьяшек («Humoresque» и «Наваждение») пришли в восторг. Когда играл вторую, в некоторых местах начинали хохотать и подпрыгивать на стульях. Исполнять будут в конце ноября, надо теперь разрешение Витоля.

18 октября

Сегодня, после недельного перерыва, опять встретил С.Эше. Она мне очень обрадовалась и вообще ясно, что она ценит моё внимание и вполне интересуется мной. Впрочем, относительно Алперс я вернулся к прежнему весеннему мнению и очень её люблю. С ней мило и просто, она очень недурно музыкально образована, мы большие друзья. Первое осеннее невыгодное впечатление сгладилось - она была тогда не в авантаже, но её, хоть хорошенькой назвать нельзя, тем не менее она очень недурна собою.

25 октября

Вопрос решился-б очень просто, если бы Глазунов согласился бы на исполнение моей симфонии. На днях он приезжает из отъезда, и я опять буду стучаться к нему. Да, кроме того, ещё надо получить разрешение на исполнение фортепианных пьесок, так как Витоль сказал, что это первый случай в его практике - давать разрешение ученикам на исполнение, а потому он ничего не знает, и я должен обратиться к Глазунову. Семь моих фортепианных пьесок пойдут у «современников» на концерте в конце ноября и исполнять их буду я сам. Я проиграл им в один из четвергов всю программу с треском. В тот же вечер туда (по просьбе через Мясковского) явился и Саминский со своими двумя романсами, мечтая об их исполнении на том же концерте. После моего «Наваждения», встреченного шумными одобрениями, и которое действительно звучало эффектно, скромненько по стенке пробрался Саминский к роялю и тотчас же запел сипленьким вибрирующим голосочком, тихонько аккомпанируя, запинаясь и постоянно попадая не на те ноты, куда надо, и извиняясь. Сыграл незаметно один романс, сыграл другой... гробовое молчание было ответом. Окончил на увеличенном трезвучии и, видимо, очень гордился этим. Никто не обратил внимания. Тогда Саминский сказал: «И так кончается». Опять никто не обратил внимания. Он как-то незаметно встал и... по стенке, по стенке... и исчез. В этот вечер мне было искренне его жаль; мне было прямо неловко за него. Я стоял в стороне и старался на него не смотреть.

Винклеру, который вообще очень доволен мной, я собирался показать свои пьески, как вдруг он на уроке обратился ко мне:

- Мне Медем говорил, что вы будете исполнять свои вещи..., так пожалуйста, предварительно покажите их мне. Кроме того, мне вообще очень интересно посмотреть ваши сочинения.

В четверг принесу на урок.

1 ноября

В четверг был на концерте Консерватории в память Римского-Корсакова. Концерт оставил самое лучшее впечатление, особенно хорошо последнее действие «Китежа» в концертном исполнении. Хороша «Псковитянка», всё хорошо, только скверно, без всякого понимания, сыграл фортепианный Концерт Дроздов (брат знаменитого). Только теперь я вполне оценил изящное исполнение Лембы в прошлом году. На концерт я явился без билета, но получил контрамарку от Mlle Алперс, и таким образом дело устроилось. Очень забавно, что вся эта компания её подруг (Анисимова, Абрамычева, Флиге, Нодельман), которая всегда держится вместе, и теперь была налицо, - вполне твёрдо решила, что я ухаживаю за их Верочкой, а потому как-то необыкновенно ловко оставляли всё время нас вместе. Только подойдёшь к этой компании, как через минуту смотришь - те пошли направо, те - налево, - я остался с Алперс. Было забавно, было приятно, но под конец это

меня начало злить. Эше, Глаголевой на концерте не было. Мне сколько раз приходило в голову: кто лучше - Эше или Алперс? Но, в общем, получалось, что их абсолютно сравнивать нельзя. Это две совершенные противоположности: то, что в одной достоинства, то в другой - недостатки. Если взять несуществующий, идеальный тип, и разделить часть достоинств одной и часть достоинств другой, запенив остальное место недостатками, то возможно, что получатся Эше и Алперс. Но если бы мне непременно, до зарезу, надо было бы выбрать ту или другую - кого бы я выбрал? Конечно, ни ту, ни другую.

5 ноября

Ответ на предыдущее: Алперс сама по себе гораздо лучше Эше, но показная сторона у Эше несравненно лучше, чем у Алперс.

10 оября

После десяти набегов на Глазунова, на одиннадцатом я, наконец, показал ему симфонию. Первая часть ему понравилась меньше других, вторая больше, третья еще больше. Про первую нашел, что слишком резко, особенно вторая страница вступления. В третьей же части резкостей почти совсем нет.

- Конечно, может быть, у вас уши совсем другие, вы ведь на целых двадцать пять лет моложе меня, но, всё-таки, такие резкости хороши лишь иногда, изредка.

Общее впечатление, что вся симфония от начала до конца написана с огнём, с задором, особенно конец. Форма очень хорошая, удачны такты на 15/8 в последней части. На мой вопрос, какова инструментовка, он отвечал, что, насколько он успел увидеть, всё на своём месте. Наконец сказал, что видна у меня техника и некоторая композиторская опытность. Уходя, я спросил:

-Александр Константинович, а нельзя ли эту симфонию как-нибудь попробовать в нашем ученическом оркестре?

-Подождите, мне теперь очень некогда, я должен поехать в Москву, а когда вернусь, вы мне её опять покажете, мы её посмотрим в несколько приёмов, по отдельным частям.

Мы распростились. В общем, всё очень хорошо. Если я, конечно, добьюсь исполнения.

13 ноября

Как-то раз, часа в четыре, я зашёл после урока Винклера в столовую Консерватории выпить стакан чаю. В столовой народу было немного, между прочими - С.Эше, и все остальные были, очевидно, ей знакомы. Она вела себя отвратительно, как настоящая консерваторка низшей пробы - била по нескольким зайцам, в том числе, вероятно, и по мне: громко говорила, бегала по столовой, деланно смеялась, кидала взгляды; одета она была в какое-то зелёное платье с сильно открытым воротом. Я сидел в стороне, критически наблюдал и наконец, сердитый, ушёл домой. На другой день случилось, что Василий дал мне контрамарку на генеральную репетицию «Юдифи» с Шаляпиным в Мариинском театре, которая только что началась. Тут же была и Эше.

- Пойдёмте, я вас проведу, - говорю ей.

Она сначала не хотела, потом стала говорить, что её не пропустят, но скоро согласилась и мы пошли. Пройти удалось без особого труда, мы сидели в партере вместе. Я всё время скучал: опера из рук вон тоскливая, Шаляпин пел плохо, Эше была рассеянная и всё больше глядела по сторонам на хорошеньких артисток. На

третьем акте я удрал домой. Эше меня почти совсем перестала интересовать.

22 ноября

Так как за это время ничего особенного не случилось, то займусь биографиями, которые я теперь узнал.

Алперс. Предок её был... испанец. Так что она себя называет Donna Alperes. Отец её родился в Малороссии, инженер, строитель железных дорог, а посему Mlle Алперс на своём веку попутешествовала, - родилась в Николаеве, была в Феодосии, Томске, Костроме, впрочем, всё это в ранней молодости, а последние восемь лет она живёт в Петербурге. Её отдали в институт, но затем, «по настоянию Римского-Корсакова», перевели в Консерваторию. В семье все музыканты - мать поёт, отец постоянно увозит все ноты к себе в Кострому, где у него теперь служба. Семья же живёт в Петербурге и трогательно каждый день пишет ему письма. Кроме того, там есть бабушка и два младших брата, из которых старшего я.знаю. Недавно она выступала на ученическом вечере, и довольно бесцветно. Видел там Юрия Фролова и совсем не узнал - он носит ужасное пенсне. Фроловы - их очень близкие знакомые, одно лето жили вместе в Павловске на даче. Ухаживает ли он за ней - сильно сомневаюсь. А что я ухаживаю за ней, - это уже решено и подписано. Впрочем, с ней очень мило проводить время, я её вижу почти каждый день; она стала ходить на эстетику по вторникам. В общем, она лучше других; жаль, что нет лучше её.

Эше (я говорю про старшую). У неё в родословной что-то непонятное. Мать её - княжна Ходанская; отец носит двойную фамилию: одну - Эше, другую какую- то баронскую, сейчас не упомню. Но почему-то дочери носят только одну фамилию. Что касается национальности, то, по-моему, Эше по-немецки значит - ясень; говорят, что по-чухонски значит - осёл, но что она полька по происхождению.

7 декабря

Прошлый раз жаловался, что событий никаких нет, теперь могу сказать о противоположном. Самое главное - это второе появление моей симфонии перед Глазуновым. На этот раз дело вышло проще, и я попал к нему после третьей атаки. По назначению я явился на Казанскую в половине второго.

- Что-ж, я думаю, мы рассмотрим по частям? - сказал Глазунов.

- Тогда, Александр Константинович, начнёмте уж с третьей части; она вам больше нравится и резкостей в ней меньше, - ответил я.

Глазунов охотно согласился и, сев за рояль, стал играть по партитуре; я сидел рядом. Замечаний он делал мало и исключительно в деталях по инструментовке и только в двух или трёх местах остановился, находя гармонию слишком резкой. В два часа явился Мясковский, которому было назначено показать свои романсы (он хочет рекомендацию для напечатанья у Юргенсона), но Глазунов провозился со мной почти до без четверти трёх. Досмотрев до конца, он сказал:

- Замысел очень хорош. Но выполнение... резко, очень резко... Что же касается до того, чтобы попробовать... я, право, не знаю уж, как это сделать...

Мы довольно долго говорили на эту тему, причём Глазунов так вёл разговор, что я теперь совершенно не представляю себе нити этого разговора. Общий смысл такой, что в симфонии много хороших мест, но очень много резкостей; кроме того, я очень бесцеремонно обращаюсь с голосоведением. Поэтому выступать ли мне со своей симфонией - как бы это мне не повредило. Ему, очевидно, очень хотелось поощрить меня и сыграть что-нибудь моё, но резкости симфонии возбуждали его против этого. Он спрашивал:

- А нет ли у вас чего-нибудь попроще сыграть?

В конце разговора дело стало понемножку наклёвываться. В перспективе были три оркестра: придворный, шереметевский и консерваторский. Первый, вероятно, лучше всех, но ей-богу, я никогда не слыхал об этих концертах, - это, по-моему, - тупик, из которого дальше хода нет. Что же касается двух других, то оркестры я считаю одинаковыми, но концерты Консерватории виднее и интересней. Я стал напирать на последний. В конце концов, Глазунов решил исполнение последней части, а другие обещал ещё посмотреть.

- Надо будет попросить Малько или кого-нибудь разучить и продирижировать, - говорит. - Вы только сделайте те поправки, что я указал, а потом мы ещё посмотрим вторую часть.

Я поблагодарил, попрощался и ушёл. Исполнение симфонии, слава Богу, было решено, хотя всё это было сказано так туманно, что я ещё решительно себе не представляю, как и что это будет. А теперь скоблю и клею симфонию. Несмотря на то, что поправок он сделал и немного, тем не менее, всё это отнимает страшно много времени: работа медленная, утомительная и скучная. Но зато если симфония будет исполнена... !

Другое событие, это моё первое выступление на ученическом вечере. Играл я 1-й Этюд Шопена, «Рапсодию» Брамса, Этюд C-dur Рубинштейна. На первый, с его погаными арпеджио, я не надеялся, так как при малейшем волнении он проваливался. А потому я решил его играть только в том случае, если, выйдя на эстраду, почувствую себя совсем спокойно. Перед выступлением я немного волновался, но успокоился, сев за рояль, и Этюд сошёл хорошо. Две другие вещи я знал прекрасно и сыграл их с треском. Мне дружно и много аплодировали. В общем, я имел больше всех успеха, несмотря на то, что играли ещё две представительницы есиповского класса. Есипова меня слышала и Захаров, который осенью перешёл к ней в класс, хочет в частном разговоре спросить, как я ей понравился. Я весь этот год решаю всё crescendo и crescendo перейти от Винклера к ней. Пока я был у Винклера на младшем курсе, я был вполне доволен им, он очень хорошо учил меня гаммам и этюдам. Но теперь, перейдя на высший курс, на художественный, я им не удовлетворён.

У меня вообще страсть двигаться вперёд, я вообще люблю общество тех, кто стоит в чём-либо выше меня, у кого я поучаюсь; но когда я догоняю, то это общество становится мне уже менее интересно. Когда я прихожу теперь в класс Винклера, он мне ничего нового не даёт. Все его указания я либо знаю, либо забыл о них! пока учил свою вещь. Что же я буду у него сидеть ещё два-три года и ничего нового не получать, тогда как я чувствую у себя большие способности к роялю и собираюсь быть хорошим пианистом?

Да и все же советуют идти к Есиповой. Кажется, только один папа против. Кроме того, Винклера жаль.

На это Мясковский возражает:

- Когда вы идёте к цели, то нечего смотреть, через какие трудности приходится ступать[11].

Вероятно, весной или осенью перейду к ней.

Но вернусь к моему вечеру. Было, конечно, много знакомых консерваторцев. Я играл в самом начале, так что весь вечер был, так сказать, свободен. В конце концов, я опять-таки очутился в обществе госпожи Алперс (и её брата). Она, конечно, мила, но всё-таки ровно ничего из себя не представляет и мне начинает надоедать.

[11] Цитировано в письме папе. Его ответ: «Но иногда эти трупы подымаются и ударяют по затылку» (примечание автора).

19 декабря

Вчера выступил у «современников» со своими пьесками («Сказка», «Снежок» и т.д.), аки автор и исполнитель. Моё появление на эстраде было встречено небольшими аплодисментами, что мне очень понравилось, так как появляюсь-то я в первый раз. Я был совершенно спокоен и играл хорошо. Хлопали почти после каждой вещи и по окончании. Нельзя сказать, чтобы аплодисменты были очень сильны, но ведь тут публика такая; а всё же, мне было больше хлопков, чем всем остальным номерам. Говорят, когда я ушёл с эстрады, в публике поднялся шёпот, шум и оживлённый обмен мнений. Вообще, если и не всё понравилось, то всем разное, и слушали меня с большим интересом, что и требовалось. Здесь же исполнялись и три романса Мясковского. Несмотря на то, что они, пожалуй, у него самые лучшие, успеха не имели. Сам он не был на концерте, так как заболел инфлюенцией, а, может, просто струсил. Его романс «Кровь» я слушал с большим удовольствием, но публике он не понравился. Кто-то из «современников», кажется Каратыгин, высказал оригинальное мнение, будто музыка Мясковского уже устарела. Я понимаю это так, что не так давно новейшая музыка имела направление Мясковского, но теперь уклонилась от него, - Мясковский же продолжает писать так же, а потому и устарел. Может быть, это мнение и правильное.

Итак, это было моё первое композиторское выступление. Тем не менее, я ему не придаю большого значения - у меня на уме теперь симфония. А Глазунов, как на зло, запил! Чёрт знает, надо что-нибудь пожертвовать на общества для борьбы с употреблением спиртных напитков...

Третьего января, говорят, будет консерваторский вечер, устраиваемый научными классами «à la мы» в прошлом году. Хочу пойти.

1909

10 января

В Консерватории начинают заниматься. Впрочем, я вполне доволен. Рождество я провёл прескверно, почти нигде не бывал, а папа, приехавший на праздники, на третий день заболел инфлюенцией и проболел всё время. Новый Год встречали дома - это первый раз. всегда у Раевских. Симфония моя киснет. Тридцать первого видел на одной из репетиций Глазунова, но он рёк:

- Подождите, дайте с этим концертом кончить...

А теперь запил... Мария Павловна Корсак говорит, что она имеет большое влияние на некоего Рузского (ибо он должен ей две тысячи), а этот Рузский - друг и приятель Глазунова и, следовательно, имеет влияние на него, - предлагает таким образом воздействовать относительно симфонии, да что-то плохо верится. Итак: терпение, терпение и терпение...

А с Mlle Алперс играл в четыре руки. Захватил вчера в Консерваторию 5-ю Симфонию Глазунова, про которую она не раз говорила и которую я очень люблю, и попробовал её с ней. Читает ноты, оказывается, прескверно. Собственно, этого и следовало ожидать!

20 января

Вчера встретил, наконец, в Консерватории Mlle Глаголеву. Прихожу на урок Винклера, иду совершенно занятый своим делом, вдруг навстречу в самом нижнем коридоре выплывает Глаголева под руку с Поповой. Выросла, стала страшно тонкой, похорошела очень. Она премило приветствовала меня, и мы предолго проболтали вместе. Она рассказывала, как провела Рождество в Елизаветграде; рассказывала, что занималась у Мееровича и теперь поступает к Дроздову. Меерович - это лучший ученик Есиповой, вероятно кончит теперь с роялем и золотой медалью. Он, по словам её, всё время ухаживал за ней, так что она была весьма удивлена, когда он предложил заниматься с ней. Тем не менее, он всё время держит себя в высшей степени корректно, и занятия сошли с ним благополучно. Сегодня она первый раз является к Дроздову и адски трусит - колени трясутся и подгибаются. Я был очень доволен, что встретил Глаголеву. Я был горд её обществом, я любовался на неё, моё самолюбие было удовлетворено, глядя, как она, не прерывая разговора, кивком отвечала на низкие поклоны знакомых или желающих быть знакомыми учеников. Сколько такту, сколько деликатности, умения себя держать вдобавок к её внешности! Глаголева действительно в своём роде совершенство. У меня осталось сильное впечатление от неё. Тем не менее, я ничуточки не влюблён. Этого совершенно нет; да и было бы совсем бесполезно. В заключение прибавлю мнение, которое я высказал Бессоновой и Осповат после встречи с Глаголевой (надеюсь, что это мнение будет передано по адресу): «Да, Глаголева похорошела и поумнела».

24 января

В четверг опять видел Глаголеву. Она встретила меня словами:

- Вы мне очень, очень нужны!

Дело заключается в следующем. Она где-то и с кем-то должна скоро танцевать ассирийский танец в ассирийских костюмах - нужна ассирийская музыка. А посему она обращается ко мне, как к лицу знающему и компетентному в этом деле.

Я отвечал, что для ассирийской музыки она с успехом может взять сковороду - и дело будет улажено, но она резонно возразила, что у ассириян были какие-то лютни, не то что-то вроде этого. Нельзя ли сыскать какой-нибудь ассирийский

мотив, а мне бы написать на него музыку? Я тут объяснил, что одного мотива мало, а надо ещё гармонию; гармонии же у ассириян, очевидно, никакой не было, и придётся употреблять общепринятые восточные гармонии. Тогда не проще ли взять что-нибудь из уже существующей музыки? Я справился у подвернувшегося ученика Сакетти (который вопреки всему прекрасно осведомлён в истории музыки), и тот указал нам на «Королеву Савскую», которую мы тотчас и достали в библиотеке Консерватории. Я начал играть и выбирать места, Глаголева слушала. Вскоре наткнулись на шествие в первом действии. Глаголева пришла в восторг и от музыки, и от моего исполнения: как, помилуйте, с места прямо - и так хорошо! Эту музыку ей и надобно, и никто иной не должен аккомпанировать кроме меня. Я отвечал - нет. Глаголева стала упрашивать, справилась о моём имени и отчестве и т.д. Ведь только четыре репетиции по полтора часа на Петербургской стороне!

- Перекреститесь, у меня шахматный конгресс на днях начинается! - я остался непреклонен.

- Ну, придите хоть в воскресенье - мы втроём с моим партнёром обсудим, что и как будем танцевать!

Я опять остался непреклонен. Мне было приятно перечить этой красавице, которой всё исполняют по одному её мановению.

- У меня хронический насморк, мне нельзя на Петербургскую сторону. Вот придёте в понедельник на урок, я тоже буду - приводите вашего партнёра, мы и разберёмся!

Глаголева согласилась - на том и порешили.

31 января

М.П.Корсак пригласила к себе одновременно меня и Рузского, и таким образом познакомила нас. Я сыграл ему свою Симфонию, которая ему понравилась, особенно две последние части, найденные очень оригинальными, и он сказал, что может поговорить с Глазуновым, а кроме того, не лишне познакомить меня с известным критиком Оссовским и с Александром Зилоти. Через три дня на концерте Беляева это знакомство было сделано (оба очень милые) и решено, что на днях они все послушают мою детку. Но вот уже две недели, а нет ни слуху, ни духу. Глазунов же с третьего января в течение трёх недель пил comme un trou[1], и только дня четыре, как оправился от своей ужасной болезни. Я. встретив его в Консерватории, сразу атаковал храбрыми словами: «Когда же, Александр Константинович, сыграют мою симфонию?». Глазунов пробурчал себе что-то под нос и затем стал говорить, по-обыкновению тихо и неясно, и совсем не то, что мне было нужно. Затем незаметно переехали на «Экстаз»[2] Скрябина. Однако я настойчиво переехал обратно к своему вопросу. Наконец Глазунов сказал:

- Обратитесь к Н.Н.Черепнину и покажите ему свою симфонию, - что он скажет. Можно - так и сыграем.

Я обратился к Черепнину, подъехав очень мягко. Мол, позвольте показать вам симфонию, я её уже показывал Глазунову, и он сказал, что важно знать ваше мнение.

Черепнин был в высшей степени любезен, выслушал симфонию и произрёк свой суд:

- Если бы эта симфония была бы вроде обыкновенной ученической работы, как, например, «Цыгане» Галковского или Симфония Лембы, то я непременно настаивал бы на её исполнении. Но эта вещь переходит границы обыкновенной

[1] Соответствует «пил, как сапожник» (фр).

[2] «Поэма экстаза», для оркестра (Ор.54).

ученической работы, она слишком сложна гармонически для нашего оркестра, и он её не сыграет. Вы убежите с первой же репетиции. Кроме того, в этом году ученических концертов, кажется, и не будет. Устройте в каком-нибудь другом оркестре - это будет очень хорошо, я этому сочувствую и постараюсь помочь, чем могу.

Подошедший в это время Глазунов сказал, что он в конце февраля устроит симфонию в Придворном оркестре и чтобы я дал её расписывать на партии.

Итак, дело устроено. Но я не удовлетворён. Это - самые неизвестные концерты, которые существуют, да ещё в подлейшем зале. А жаль, что я уже перешагнул консерваторский оркестр!...

Теперь симфония расписывается на партии.

4 февраля

Глаголеву встречаю в Консерватории аккуратно по понедельникам и четвергам. История с ассирийскими танцами мало-помалу развивается. У Глаголевых седьмого будет костюмированный вечер, на этом вечере она и выступит. Глаголева стала настойчиво упрашивать, чтобы я проаккомпанировал эти танцы.

Я сначала совершенно искренне отказывался - просто лень было, но в конце концов согласился.

Начали репетировать. Первый раз - в Консерватории, по моему настоянию. Она привела своего партнёра, Б.Е.Петри, милого молодого человека, и мы подробно установили музыку и чуть-чуть наметили па. Вчера состоялась настоящая репетиция у неё в училище. Мы премило провозились с девяти до половины двенадцатого, причём сначала изобретала па она одна, затем вместе с Петри, наконец все мы втроём. Начало выходить довольно недурно.

Кстати, мне в Глаголевой что-то, не знаю ещё что, начинает сильно не нравиться. А к красоте её я уже пригляделся.

Теперь к другому. Тридцатого января Захаров выступал на ученическом вечере, сыграл хорошо, но для него можно было лучше. На вечере были и Mme и Mlle Алперс и обе усиленно звали меня к ним в воскресенье.

- К несчастью, у меня открытие шахматного конгресса ровно в восемь часов!
- А вы приходите после конгресса.
- Всё, что могу, сделаю.

С этими словами я спокойно решил не идти и распростился с ними. Однако минут через десять меня вдруг сильно туда потянуло. И в воскресенье, как только заседание стало менее интересно, в начале одиннадцатого часа я сел на извозчика и отправился к ним на 6-ю Роту. На мой звонок открыл дверь старший брат, затем выскочила Верочка и меньшой братишка, словом, вся троица.

Время проводили неопределённо: отчасти за роялем (Верочка пела тихеньким голосочком), пробовали танцевать и т.д. - в общем, приятно. Очаровательна Mme Алперс (как её зовут - ей-Богу. не знаю) с её поразительной мягкостью, её глазами и зубами. Все были очень любезны. Когда Бессонова обращалась ко мне - «Сергей Сергеевич...». - Алперс возражала: «Ах. как вы торжественно!» - и сама меня несколько раз называла по имени. «Серёжа», очевидно, ей очень нравилось. Я почему-то сделал вид. что не обратил на это внимания, тонируя и продолжая её звать Верой Владимировной. А мне у них очень нравится; просили бывать так, запросто.

1 марта

Глазунов рёк - и свершилось. Двадцать третьего февраля в Придворном

оркестре играли мою симфонию. Правда, это была закрытая репетиция - Глазунов, кажется, против публичного исполнения моей симфонии, он боится, чтобы это мне не повредило. Уж не знаю, право, как это может мне повредить. Либо не хочет, чтобы я в несовершенном виде перед публикой появлялся, либо не хочет меня портить преждевременным исполнением вещей. Чёрт его знает, но мне от этого не легче. Едва успел Кек мне переписать партии и содрать с меня 54 рубля, едва успел я прокорректировать эти пятьсот страниц (что, положим, с помощью Мясковского и даже мамы было не особенно трудно), как настал день исполнения.

За несколько дней встречаю Глазунова:

- Александр Константинович, может, мне снести партитуру дня за два Варлиху?

- Ну, снесите.

- Александр Константинович, может, мне лучше самому проиграть её Варлиху?

- Ну, проиграйте.

- Александр Константинович, может, вы будете так добры, мне карточку к нему дадите?

- Ну, возьмите.

Впрочем, он был так любезен, что дал целое небольшое письмецо, где просил принять меня и выслушать, и рекомендовал, кроме того, «прекрасным пианистом».

Пошёл я к Варлиху.

- Их нет дома.

- Но у меня письмо от Глазунова!

- Видите ли, он нездоров и не велел никого принимать. Пожалуйте, я передам письмо.

Затем письмо, очевидно, прочлось.

- Они здоровы, сейчас вас примут.

С Варлихом мы были поразительно любезны, он прослушал симфонию, нашёл первую часть недостаточно красочно инструментованной, вторую очень похвалил, а третью одобрил. Вобщем, видимо, заинтересовался симфонией и с удовольствием взялся её продирижировать. Уходя, я извинился за беспокойство, он отвечал, что рад быть полезным начинающим композиторам, и мы расстались.

Двадцать третьего, в понедельник, без четверти десять я был в нескладном зале Придворного оркестра. Были ещё ближайшие родственники, которых, положим, набралось семь человек, да ещё Мясковский с Захаровым. Больше никого я не приглашал, не зная, насколько удобно закрытую репетицию наводнять публикой. В десять часов явился Варлих, в четверть одиннадцатого - Глазунов. Я не знал, придёт он или нет - и меня это сильно беспокоило. Впрочем после моей симфонии должны были попробовать его «Элегию», и он всё равно должен был бы быть, но ведь он мог придти лишь только к своей вещи.

Ну, одним словом, Глазунов пришёл и мою симфонию начали. Вся наша компания сидела справа, Мясковский с Захаровым слева впереди, наискось от них, ещё ближе рядом, сидел Глазунов. Я поместился наискосок сзади него. Глазунов встал, чтобы подойти к Варлиху, затем вернулся и сел рядом со мною. Варлих поднял палочку и сказал: «Симфония». Я ничуть не волновался.

Начали. Как будто всё как следует, только немного громко. Кажется, несколько резок медный аккорд в девятом такте. Дальше всё хорошо. Главная партия, ход - всё звучит корректно. Захаров толкается и хвалит движущиеся терц-кварт-аккорды в ходе. Наконец добрались до побочной партии. Ничего, звучит вовсе не так страшно-громко, как мне многие говорили, но тромбоны жарят беспощадно. Глазунов встаёт и просит их играть не ff, а f, и не стаккато, а легато. Я влезаю к Варлиху и прошу взять темп чуть-чуть помедленней. Дальше всё идёт гладко. Тромбоны утихомирились. Заключительная партия и переход к ней звучат хуже, как-то бессвязно, несмотря на то, что это один из самых красивых рисунков в

партитуре. Я обвиняю оркестр и подлую акустику зала. Начинается разработка. Тромбоны, взывающие тему вступления и прибавленные мной лишь накануне, звучат прекрасно. Доехали до главной точки разработки. Кроме меди, ни одной темы не слышно - все соединения пропали. Надо будет расставить пошире темы да заставить потише играть медь. Далее следует, по выражению Андрюши, дырка. Флейту совсем не слышно, кларнет - слабо. Конечно, это - подлый зал, но всё же надо будет их удвоить. Органный пункт пропал, уж не знаю, право, что там. Кроме того, кажется, надо протянуть немножко последний аккорд. Дальше всё хорошо. Великолепно звучит побочная партия при повторении. Первую часть кончили.

Начало второй части звучит мягче и гораздо лучше, чем я думал. Далее всё хорошо до самого конца. Только в заключении бас-кларнетной темы, хоть убей, не слышно. Спрашиваю Глазунова - виновата инструментовка или акустика зала? Глазунов что-то сказал себе под нос и прибавил:

- А впрочем, можно и усилить...

- Фаготом, может быть? - Да.

Кстати, забавно, в самом начале, перед вступлением струнных, задержанная нона не понравилась Глазунову. Он быстро повернулся ко мне:

- Фальшивят?

- Нет, - ответил я.

Впрочем, с непривычки этот аккорд действительно может показаться странным.

Первая тема финала прозвучала грубо - надо поставить какое-нибудь легато. Имитацию бас-кларнета не слышно. Впрочем в этой конюшне бас-кларнета никогда не слышно. Ход не сыграли. Конечно, остановились и повторили раза два. Побочная партия ничего. Разработка звучит грубо - виновато исполнение, а там, где параллельные квинты - очень хорошо. Но дальше, самый конец разработки, даёт ff очень жидкое, что очень жаль. Здесь уж виновата инструментовка. Далее, в коде, четыре валторны проглотили свою тему, а подход к соль-мажору не вышел, его надо просто подолбить. Дальше - ничего, но грандиозное повторение темы вступления не произвело никакого впечатления; тромбоны жарили стаккато, и вообще оно не звучало, хотя по всем данным должно было звучать прекрасно. Последняя страница звучала грубовато.

Вообще мне больше всего понравилась вторая часть, которая звучала почти безукоризненно.

Симфонию кончили, наступил антракт. В это время явился барон Штакельберг, необыкновенно шикарный генерал, Глазунов шепнул мне:

- Поблагодарите его, - и затем представил меня ему.

- Какой ещё юный! - воскликнул тот.

Я начал благодарить.

- Подождите, вот хотим раз послушать её, - ответил Штакельберг.

Я его не понял. В это время начавший собираться оркестр стал настраивать некоторые мои темы.

- Что это они задним числом! - улыбнулся Мясковский.

Взошёл Варлих... и вдруг я услышал ми-минорную квинту - это мою симфонию начали опять. То был неожиданный, радостный сюрприз. На этот раз всё шло глаже и вдвое лучше предыдущего: оркестр старался перед бароном, да и играл во второй раз.

Я впивался в музыку, цеплялся за соединения тем, контрапункт, голосоведение, несмотря на то. что был порядочно утомлён после первого раза. Всем этим я объясняю то, что несмотря на безостановочность исполнения, у меня абсолютно не получилось цельности впечатления, осталась лишь груда частностей и отдельных мест. Это меня долго потом смущало - я не знал , что за такую вещь я написал и

всё спрашивал потом у всех - какое она производит впечатление? Впрочем, Andante я более или менее понял, мне, повторяю, оно больше всего понравилось своей полнотой, красивыми гармониями и местами прямо-таки очень увлекательной музыкой. Финал может и даже должен звучать гораздо лучше, а про первую часть я не знаю, что сказать - общего впечатления от неё нет совершенно. Тем не менее, Мясковскому, Захарову, всем нашим она очень понравилась. Когда через неделю мне наконец возвратили партитуру, то и самому мне она тоже очень понравилась.

По окончании симфонии Варлих меня представил оркестру.

- Вот, господа, молодой автор той симфонии, которую вы сейчас играли.

Оркестр застучал смычками, а я раскланялся, поблагодарил, как мне шепнул Глазунов, и сказал что-то вроде того, что мол, вы очень хорошо сыграли, затем поблагодарил начальствующую троицу, прослушал «Элегию» Глазунова, распрощался и ушёл. Штакельберг сказал мне:

- Ну что-ж, ничего... ничего... Только у вас инструментовка не особенно красочная, - т.е. повторил слова Варлиха и Глазунова.

Первого марта вернулся из-за границы в Петербург Зилоти. В воскресенье пойду с визитом к М.П.Корсак, она меня спросит, что мне сделал Рузский - Рузский мне ничего не сделал, она позвонит к нему по телефону и в конце концов моя симфония попадёт к Зилоти. Едва ли он захочет исполнить её в своём будущем сезоне, но тем не менее сделать это знакомство непременно надо.

Теперь ещё вот что.

Нурок устроил на выставке художника Маковского - «Салоне» - концерт молодых русских композиторов и поместил в программу три моих пьески: «Сказку», «Отчаянье» и «Наваждение». Их должен был сыграть Пышнов, но затем передали Иовановичу, пианисту, известному хорошим чтением нот и обладающему великолепным сопрановым голосом. У Каратыгина Иованович должен был мне показать, как он выучил мои вещи. Однако «Сказку» он сыграл прескверно, а «Отчаянье» с «Наваждением» совсем не сыграл. Я ему сделал все необходимые указания, довольно строго, но полушутя, а Иованович обиделся. На другой день Нурок мне прислал письмо, прося меня извиниться у пианиста. Я послал Иовановичу очаровательное, но не извинительное, письмо, а на Нурока рассердился. В результате мои вещи не пошли, я же перестал бывать у «современников».

Впрочем, Винклер, бывший на этом концерте, рассказывал, что концерт был очень неудачный и что Иованович, игравший Медема, играл его прескверно. Канкарович рассказывает, что он где-то познакомился с Каратыгиным. Каратыгин говорил ему, что я очень талантлив и даже больше того, но не обуздан музыкой и характером, и мнения о себе большого... Вот так!

12 марта

Вторая репетиция глаголевских танцев состоялась через несколько дней после первой. Петри заболел и не пришёл. Мы репетировали с Лёсечкой solo. Впрочем, репетировали не особенно долго. Мы пошли пить чай в пустую квартиру её сестры, тут же, через площадку лестницы. Выпили tête-à-tête в маленькой столовой чай, пошли ещё чуть-чуть потанцевали, я должен был сыграть ей что-нибудь своего сочинения (кажется, «Отчаянье»), от чего она пришла в восторг, а я её проводил до дома, и мы расстались. Всё это оживлённо, весело, мило и корректно, но всё- таки с маленькой ледышкой. Таков уж, вероятно, характер Глаголевой. Она богато, очень богато одарена, но меня берёт сомнение, симпатична ли она?

В субботу, седьмого февраля, я, по строгому настоянию, явился к девяти часам. Гости должны были начать собираться в десять. Бал был в училище.

Все были в костюмах и в масках. В маске был и я, что мне очень не нравилось, так как я совсем не привык к этому наморднику и терял быстроту соображения. Впрочем, скоро все сняли свои маски, так как узнали друг друга. Я почти никого не знал, держался в стороне и наблюдал, за что впоследствии получил выговор от Глаголевой:

- Вы держали себя, как композитор, а не как клоун: я вами недовольна.

Я протанцевал маленький Pas d'Espagne с Глаголевой и кончил тем дело. Она танцует, как священнодействует; оттачивает каждое па и совсем не разговаривает. Как раз наоборот, чем я - я никогда особенно не стараюсь, но зато болтаю без умолка. Главную роль играл там Петри, дирижировавший танцами и наряженный чёртом, много шумевший и оживлявший общество.

Ассирийский танец начался только около трёх часов ночи, когда, кажется, приехали Мееровичи. Глаголева ломалась, охала, отказывалась, но в конце концов всё-таки начала. Сошли танцы так. ничего, может быть и очень хорошо, а впрочем, Христос их ведает. Конечно, аплодировали и вызывали. Около того времени был и чай, и только тогда общество стало понемногу оживляться.

Я почти всё время скучал и только под конец весело танцевал с Mlle Меерович, avec entrain[3], всё время болтая и даже перевернувши стул.

Уехал я домой в шесть, а кончилось у них, говорят, в восемь.

26 марта

Последнее время я очень привык к Консерватории и сильно её полюбил. Чаще всего, даже больше, регулярней всего встречаю Верочку Алперс, эту хорошую, милую девочку. По понедельникам и четвергам у меня с трёх часов у Винклера, у неё у Оссовской - мы всегда встречаемся: в среду и субботу в половину первого я кончаю историю музыки у Сакетти, а скоро затем приходит она на гармонию. Я обыкновенно болтаюсь немного по Консерватории и встречаю её. Наконец по вторникам в половину двенадцатого мы вместе приходим на эстетику, и вместе сидим на ней. Иногда мы играем в крестики, или я ей поправляю гармонические задачи, иногда изрезываю в куски резинку - урок выходит не таким скучным, хотя после него и не всегда помнишь, о чём это читал сегодня Сакетти. По пятницам и воскресеньям мы не встречаемся. Теперь у нас ставят «Майскую ночь», мы часто после фортепианного урока отправляемся на репетицию, причём она всегда торопится к обеду и боится опоздать на него.

Недавно мама возобновила знакомство и дружбу с Е.И.Лященко, с которой была в ссоре лет восемь, кажется, не из-за чего, по интригам тёти Тани, которая и теперь не желает с ней встречаться. Эта Екатерина Иппократовна - недурная музыкантша, кажется даже занималась музыкой с мамой, и теперь весьма недурно играет на фортепиано. При встрече со мной она объявила:

- А у нас с тобой есть общие знакомые - семья Алперс, - и рассыпалась целым дифирамбом по отношению к семье Алперс.

Она познакомила меня с Калиновским, тоже музыкальным господином и другом дома Алперсов. Возможно, что через эту цепь моя мама познакомится с Алперсами, т.е. будет сделано знакомство семьями. Меня это интересует очень мало, мне всё равно.

В Верочку я не влюблён, но я её очень люблю. Она, может быть, не очень интересна вообще, как женщина, но зато чрезвычайно мила, мягка, как человек. Её мать была, вероятно, ещё лучше, отец же - хоть я его и мало знаю - мне не так нравится, он грубоват. Хотя яростный музыкант и двигательная музыкальная сила

[3] С оживлением (фр).

в доме.

У Верочки дивный характер. Такой характер редко встретишь. Несмотря на всю мою нервность, иногда мою небрежность по отношению к ней - иногда где-нибудь на репетиции, я покидаю её, меняя на общество другой ученицы, исчезаю, встретив, например, Мясковского, - никогда она на меня не рассердилась, никогда не было ни тени неудовольствия, никогда не сделала мне самого маленького упрёка.

Так как папа к нам на Пасху приехать не мог, то мы с мамой в понедельник на Страстной приехали в Сонцовку. А так как в пятницу на Пасхе у меня экзамен по эстетике, то в пасхальный понедельник я, первый раз solo, должен уехать в Петербург. Здесь скверно, холодно и мокро, сад - «нечто в сыром». Зато хорошо готовиться по эстетике и вспоминать Петербург. Были у Ребергов - впечатления никакого.

8 апреля

Итак, на второй день праздников, покинул Сонцовку и вернулся в Петербург. Доехал благополучно, хотя по дороге и потерял оперную сцену, написанную для Витоля. Посему, приехав в Петербург, должен был снова переписывать всю эту двадцатистраничную музыку, что и одолел, и вчера показал работу Wietol'ю. Wietol послушал и объявил, что он ровно ничего не понял - вот тебе и вся благодарность за труды. В воскресенье экзамен. Очень меня интересует, как это вся комиссия будет осматривать мою сцену. Мне она лично очень нравится.

Экзамен по эстетике и истории музыки сдал на 5. Верочка Алперс уклонилась и не сдавала - некогда, надо-де готовиться к переходному экзамену по роялю на высший курс. С нею встретились как очень старые знакомые.

В субботу была вечеринка в Консерватории. Я отправился. Эти вечеринки отличаются от вечеров научных классов (те, на которых я бывал прежде) тем, что, во-первых, - те бывают раз в году, эти раза три-четыре, во-вторых, - те немножко получше, эти немножко похуже.

Итак, я отправился, не задаваясь никакими целями, как в прошлый раз, а просто так, провести время.

Первое впечатление было прескверное, впечатление шума и пустоты, т.е. отсутствия моих симпатий, с которыми я бы начал танцевать. Но затем я встретил Алперс и, хотя я и не люблю долго оставаться с одной и той же дамой, тем не менее довольно охотно решил провести с ней весь вечер (ибо у неё знакомых кавалеров почти нет).

Скучно не было.

Остальную часть вечера мы провели с Березовской - ничего, довольно мило, затем я её с Ахроном проводил домой и в четыре лёг спать.

14 апреля

Сегодня в десять часов я был на духовом экзамене, где аккомпанировал трубам и кларнетам. Отделавшись от этого и зная, что научный экзамен по истории назначен в час, я решил не покидать ещё экзамена, надеясь увидеть Mlle Кузовкову. Та не заставила себя ждать и во время антракта, когда я стоял в Малом зале и с кем-то разговаривал, уселась сзади меня вместе с госпожой Васильевой. Я скоро повернулся.

- Mlle Кузовкова, вы перешли на старший курс?
- Перешла!
- И блестяще?
- Четыре с половиной.

-Удивительно, какие малыши стали на старший курс попадать!

Однако мне удалось завязать разговор на животрепещущую тему о надвигающемся экзамене по истории. На Васильеву я как-то не обращал внимания. Она сидела и иногда посмеивалась.

15 апреля

Сегодня на лестнице опять встречаю маленькую Кузовкову. Положительно мне это маленькое создание с хитрой улыбочкой очень нравится. Верочке Алперс грозит опасность. Впрочем, я её сегодня встретил и, не видав пять дней, очень обрадовался. Несмотря на то, что она спешила на урок, я потащил её на публичный экзамен, где и болтали, сидя одни на балконе.

Спохватившись, что опоздала больше получаса на урок, решительно намерилась идти на него. Все мои уговоры остались тщетны (она всегда удивительно тверда в таких случаях) - Верочка ушла, а я сделал сердитый вид.

Она стала очень хорошо одеваться - на улице в изящном синем костюме с белым боа и белой шапочкой: в Консерватории. — в синем платье, тоже очень милом Ей лишний плюс.

26 апреля

Неделю тому назад нас экзаменовали по форме. Т.е. попросту смотрели наши годовые работы. Я представил оперную сцену, пару романсов, хор, сонату, Andante, и несколько пьесок, периодов и предложений. Будь у меня ещё вариации (которые я терпеть не могу), - у меня было бы работ больше всех, так как никто оперной сцены не написал.

Дали мне сыграть сонату - всю первую часть, половину второй и половину третьей, затем «Ты был кроток и зол» и начало оперной сцены. Затем сказали: довольно.

После меня играл ещё Элькан, и потом начались прения профессоров. Мы были за дверью и кое-что долетало до нас.

Главным образом возмутили мои сочинения. Лядов орал больше всех.

- Ну, а ваше мнение? - спрашивают у него.

- Я ничего не скажу! - кричит Лядов. - Ничего не скажу и никого к себе в класс не возьму. Ни гармонии, ни формы, ни музыки - ничего нет! Драконы какие- то!

Затем все говорят сразу. Потом опять Лядов:

- Они все хотят быть Скрябиными. Скрябин дошёл до этого через двадцать лет, а Прокофьев чуть не с пелёнок хочет так писать!

Затем всё стихает.

Слышно опять Лядова.

- Это какое-то шествие слонов!

- Прокофьев - это несомненный талант, а пишет... чёрт его знает что!

Глазунов тактично отсутствовал, так как он был вызван на другой экзамен. Часа через полтора нам вынесли резолюцию: все поголовно получили по четыре с половиной, и Лядов на практическое никого не принимает, кроме Акименки и, может, Розовского.

Канкарович ушёл, так как вечером ему надо дирижировать, Саминского не было, Элькану Витоль намекнул, что ему-де нечего больше и продолжать, Мясковский обиделся, - остался энергичным человеком я один. Мне удалось уговорить последних двух дождаться Глазунова и я во главе их атаковал его.

- Так и так, как нам быть, Александр Константинович?

Толстый пузан, по обыкновению, заговорил невнятно, что-де Лядова он насиловать не может, а к себе нас тоже взять не может, так как занят до чрезвычайности, - поступайте к Соколову и т.д.

Элькан молчит, Мясковский молчит, к Глазунову кто-то подошёл, и всё пошлс к чёрту.

Ученики мало-помалу разошлись. Остался один я. Дождался я Лядова г абордировал его.

- Анатолий Константинович, правда, что вы меня не берёте?

- Да помилуйте, куда уж тут...

- Как же это, был я у вас четыре года, попал случайно на год к Витолю, почтя выучился у вас всему и вдруг для окончания вы меня не хотите взять!

- Да где же мне уж вас учить: не вам у меня надо теперь учиться, а мне у вас!

Откуда-то подлетел противный профессор Петров и быстро затараторил:

- Вот уж, правильно сказали - не ему теперь у вас учиться, а вам учиться ! него! Совершенно верно, совершенно верно, - и помчался дальше.

Лядов продолжал:

- Вы таких драконов выводите, куда мне вас теперь учить!

Я отвечал:

- Именно теперь, когда я якобы на ложном пути, меня надо направить на путь истинный; а тут мне говорят, мол, ты законченный композитор, получай диплом и убирайся вон из Консерватории! Да я, во-первых, и не всё такую музыку пишу: если хотите, я могу показать вам мою симфонию, там ничего такого ужасного нет...

- А секунды?

- Что секунды?

- Да у «современников» ведь играли же вашу вещь секундами? Всё секунды, секунды, секунды...

Лядов, шевеля двумя пальцами в воздухе, очень наглядно иллюстрировал эти секунды.

- Ну, что-ж, ведь пишут же так - ну, и я попробовал, а им понравилось...

- Так вот летом напишите что-нибудь, а с осени мне покажите, я вас и прим? тогда.

- Значит, надеяться можно?

- Да, вот напишите.

Руку пожали крепко и разошлись.

Поздней Мясковскому стало завидно. Он расспросил меня и тоже поговорил с Лядовым. Тот отвечал, что он до экзамена собирался принять и Мясковского, и меня, и только экзамен его очень возмутил.

Обещал принять и Мясковского.

А вот, говорят, соловьёвские ученики, так весь класс, четыре или пять человек, все до единого на экзамене формы провалились, среди них пожилой Алексеев. Осипов, Рукин и другие.

7 мая

О Максе.

Как-то зимой, я помню, сидели мы на балконе, на ученическом вечере: я, Mlle Алперс и Mme Алперс. Вышли играть на двух роялях ученики класса Оссовской. а с ними какой-то ученик перевёртывать страницы. Он очень непринуждённо уселся посередине и преинтересно стал перевёртывать страницы и направо, и налево.

- Смотрите, как этот тип удобно сидит, - заметил я Верочке.

- Это Макс, ученик Оссовской, - пояснила та.

Позднее я его опять увидал в Консерватории.

Той же Алперс говорю:

- А мне очень нравится лицо этого самого ученика вашего.

- Да, у него черты довольно правильные. Он очень музыкальный...

- Хорошо играет?

- Нет, ещё не особенно, на младшем курсе, но он прекрасно знает музыкальную литературу. Я с ним иногда спорю, так прямо сержусь - он обо всём решительно знает. Даже знает папины романсы.

Меня это заинтриговало и явилось желание с ним познакомиться. Впрочем, я скоро об этом забыл.

Теперь, когда на экзаменах я часто находился в обществе госпожи Алперс и её подруги Камышанской, к ним, как товарищ по классу, часто примыкал и Макс, который, кажется, ничего не имел против познакомиться со мной. Мы скоро разговорились, и с тех пор наша компания в четыре человека всегда сидела на экзаменах вместе. После экзаменов мы часто все вместе возвращались домой, ибо всем нам было по дороге.

Впрочем, чаще мы шли втроём, без Камышанской. Обыкновенно мы с Максом доводили Верочку Алперс до дому, на её 6-ю Роту, затем возвращались до 1-й - и Макс шёл направо к себе, а я налево к себе, к своему Покрову. Эти прогулки были очень приятны, мы оживлённо болтали, Макс бывал иногда остроумен.

Погода была хорошая, стало пахнуть весной, мы захотели прогуляться куда-нибудь подальше, например, в Летний сад. Сказано - сделано. Условились о дне, собрались в Консерватории втроём и пошли. Дошли пешком до Никольской, там сели в трамвай и доехали до Троицкого моста. В Летний сад уж решили не идти - не стоит, сели на пароходик и поехали к Спасителю. К Спасителю не зашли, а дойдя до Каменноостровского, сели в трамвай и поехали в Новую деревню: никто не знал, что это такое Новая деревня, интересно посмотреть. Приехали, погуляли с четверть часа, съели шоколад, который был со мной. На обратный путь сели на пароходик и приплыли к тому же Летнему саду. Опять сели в трамвай и прибыли к тому же Никольскому рынку. Затем проводили Верочку домой и разошлись по домам.

Верочка осталась очень довольна прогулкой, я - просто доволен, Макс - «ничего». Макс очень ловок в разговоре и под конец, когда я утомился с прогулки, стал даже немного меня изводить своим умением придираться к словам. Мне уж лень было соображать и парировать его, и это задело меня, - Макс сильно возвысился в моих глазах.

Тут же мы уговорились о новой прогулке, побольше. Я даже проектировал подальше, куда-нибудь в пригород, но затем решили сесть на пароходик на острова, ехать, пока он идёт, и затем пройтись пешком на взморье. Увеличили компанию Камышанской. Кого бы ещё? Но больше никого не придумали.

13 мая

Через два дня была генеральная репетиция акта. Была и Алперс, и Камышанская - я с ними раскланялся, обмолвился несколькими словами. Почти всё время сидел с Максом, который действительно знает много музыки. Мне даже доставляет удовольствие выпаливать ему какие-нибудь страшные «Märchen» Метнера, которых он не знает, или последние опусы Скрябина. Впрочем, его господином Скрябиным не всегда удивишь.

На другой день был акт. Понятие о консерваторском акте соединяется со страшной толкотнёй, теснотой, массами народа и невероятной длиннотой действия. Я поместился на балконе, у самого края, у сцены, и сидел на красном бархатном

заборчике, прислонясь к стене и уперевшись в сетку. Место очень удобное, особенно для наблюдения партера. Вначале великолепное зрелище представляли собой перерывы между первыми номерами акта, когда отверзались двери в зал и запоздавшая публика устремлялась в него. Точно потоки лавы ползли ото всех дверей, сливаясь на перекрёстках и устремляясь дальше по проходам. Всё это двигалось, ползло и наконец плотно заполнило все проходы и все пустые места в зале - яблоку было упасть некуда. Теперь интересное зрелище представляли опять-таки окончания номеров, когда весь зал подымался с кресел, чтобы лучше увидеть, что на эстраде. Разом всё вырастало на аршин - зал был похож на котёл с молоком, которое вдруг подымается, начиная кипеть.

Вначале я никого знакомых не встретил, конечно, интересных знакомых. Но я спокойно решил, что акт продлится шесть часов и все успеют друг друга найти. Так и случилось. Наскучив слушать, я пошёл длинными коридорами в учебную Консерваторию. В пустом коридоре наталкиваюсь на Алперс, в новом белом платье, очень эффектном.

- Что это вы тут?

- Жду папу. Оказывается, будут петь его романс, мы вызвали его по телефону, он может опоздать!

Затем встретил её брата, Захарова, Мясковского с сестрой, Камышанскую, Кузовкову, Дешевова, Калиновских, Е.И.Лященко, Зилоти, папашу Пиастро, Кобылянского и наконец уже после антракта Е.Эше.

Она попала сюда случайно, была одета не слишком парадно, но всё же была очень интересна. Если какая-нибудь ученица могла считать меня своим поклонником, то это была бы только Е.Эше. Ещё в январе, прощаясь с ней на балу, я просил стихи для романса. Дня три спустя я написал ей письмо, где повторил свою просьбу. Вскоре младшая сестра передала мне в Консерватории её ответ со многими стихами. Я выбрал «Ты был кроток и зол», и вскоре романс был готов, о чём я сейчас же написал Эше. Ответа не последовало. Между тем, мне мой романс не понравился, и я написал второй. Впрочем, первый оказался хорошим, а второй скверным. Эше-старшую я не видал, но иногда встречал в Консерватории младшую сестру, которая всегда у меня справлялась о романсе. Я отвечал то, что у меня его нету, то я кому-нибудь отдал и т.д. Наконец, в начале марта С.Эше настойчиво потребовала, чтобы я принёс романс завтра на какую-то репетицию в Консерваторию. Я принёс, но когда она меня спросила: «Принесли?» - ответил что-то вроде «не знаю...». В этот момент подошла ко мне Е.Эше, сказала, что письмо моё она получила, очень извиняется, что не ответила, и просила показать романс. Я сыграл его, причём обе сестры пришли в восторг и непременно потребовали, чтобы я им переписал. Я переписал, выставил литеры «Е.Н.Э» и послал Эше. Ответа опять не последовало, и только на пасхальном вечере в Консерватории, когда об руку с Алперс я встретил её, она мне крикнула:

- Merci за романс! - и больше ничего.

Это меня обидело. Затем я обеих сестёр долго не видал и наконец встретил Е.Эше на акте, в музее Глинки.

- Пойдёмте в зал, - говорит, - мне ужасно хочется послушать Ломановскую. Только там столько народу!...

- А хотите, я вас проведу в мою гостиную? Там страшно удобно и слышно прекрасно!

И я повёл её в гостиную, примыкающую к боковой царской ложе, куда вход посторонним лицам, конечно, воспрещён. Ещё раньше, проникнув в неё, я нашёл дверь, сообщающуюся с коридором под сценой, в который, в свою очередь, можно было попасть из комнаты около артистической. Тогда я на всякий случай отпер ту дверь, и теперь решил этим путём провести в гостиную Эше. Ломановская уже

начала петь, надо было спешить, и вот мы с Эше почти бегом ударились по этим коридорам, лестницам, переходам - спускались, подымались, сбивались с пути и наконец опрометью влетели в гостиную. Перед нами выросли Габель и Джиаргули... В один момент мы повернули, слетели по лестнице и теми же путями кинулись обратно. Было очень смешно, было жарко и было очень стыдно - мы вели себя как школьники. Тем не менее Ломановскую слушать было надо, и я повёл Эше на свой заборчик на балконе. Там мы поместились прекрасно и просидели часа полтора.

Играл Меерович, первый наш призёр. Играл скверно, а почему скверно - неизвестно. Я его считаю прекрасным пианистом, с техникой и огромной силой. Но на акте у него не было ни тонкости с изяществом, ни огня в игре. Спрашивается, есть ли у него это вообще? Хорошо играл Пиастро, хорошо играла Михельсон, к моему удивлению хорошо сыграл Чайковского Дроздов. Затем Эше ушла.

Наконец получил диплом и стал свободным художником. Дело в том, что, кончив форму и сдав все обязательные предметы, я получал право на диплом по теории композиции. Оставаясь на практическом у Лядова, я мог ещё года два не брать диплома и, если-б я с ним поладил, то мне могли, может, переправить мои окончательные отметки (форма и фуга четыре с половиной, инструментовка четыре) и дать медаль. Но мой папа во что бы то ни стало пожелал, чтобы я взял свой диплом сейчас же, это-де вернее, так что я заявил Табелю, что хочу получить диплом теперь же. Меня прочли с эстрады, меня вызвали для публичного получения бумаги, только я не вышел - что за радость без медали? Я его взял у Габеля сейчас же после акта. Не знаю уж, что там папа, но только он настоятельно заставил меня забрать диплом. Я. конечно, предпочёл бы его оставить и вижу только одну хорошую сторону во взятии его, что я не буду больше связан и свободнее смогу р\таться с Лядовым.

27 мая

С окончанием акта кончилась и моя служба в Консерватории и я мог отправляться на все четыре стороны. Мама должна была до июня оставаться в городе, так как после усиленных поисков, яростных споров и долгих колебаний мы нашли новую квартиру и решили перебраться на Троицкую, а я был свободен и волен в любой день уехать в Сонцовку.

Однако, первый раз за пять зим, меня не особенно тянуло в деревню, и я совсем не торопился с заказом костюма, покупкой велосипедных осей, нот на лето и т.д. В общем я пробыл в городе ещё десять дней и только двадцатого выехал в Сонцовку.

Дня через два после акта я пришёл в Консерваторию. Мельком видел Алперс. В тот же день под вечер я опять пришёл в Консерваторию, так как должен был репетировать с одной певицей аккомпанемент к экзамену. Опять Алперс и Камышанская. Верочка сегодня держала экзамен по гармонии и её промучали с утра до вечера. По этому поводу я с ними разболтался. Как я узнал, Макс заболел инфлюенцией и скрылся с горизонта Консерватории.

В следующие дни я бывал в Консерватории, слушал экзамены, которые происходили каждый день. Но вообще Консерватория стала заметно пустеть, и если экзамен сам по себе был не особенно интересен, то становилось скучно.

Наиболее оживлённым, в смысле публики, был экзамен Розановой. У неё много учениц последних научных классов и бывших научных классов, а потому в зале собралась вся молодёжь. Зал был ярко освещён солнцем, все одеты нарядно, по-весеннему, всё это производило лёгкое, весёлое впечатление. Явилась Е.Эше в лиловом костюме, с длинным тюлевым хвостом на шляпе, который доставал сзади го полу. Раскланиваюсь.

- Я пришла слушать мою сестру и, конечно, опоздала.

- Я тоже пришёл слушать вашу сестру и, конечно, тоже опоздал, — ответил я.

Эше выступает уже в Малом театре, правда, на маленьких ролях, но всё же выступает. На лето едет куда-то на Волгу и там взбудоражит целый уезд, устраивая драматические представления.

- Была бы я в Консерватории, - говорит, - и пиликала-б на скрипке. А то теперь: «Артистка Малого театра»!

Что я свободный художник, она мне не поверила.

Между тем, дома мне влетело за мои частые путешествия в Консерваторию и я стал бывать реже.

Наконец последний раз я был двадцатого на экзамене Оссовской, чтобы послушать Макса, который должен был выздороветь и играть Концерт Бетховена. Кроме того, он проектировал на другой день после экзамена ехать в Крым и мне хотелось быть вместе с ним.

Однако Макс не выздоровел, на экзамене не играл и в Консерватории не был. Я подошёл к Верочке Алперс. Помню, я в первый раз был в европейском костюме и жёлтых летних ботинках, навсегда покинув свой ученический костюм.

Верочку водили к доктору, он запретил ей играть на рояле, велел днём два часа лежать в постели, утром есть яйца, одним словом - поправлять нервы и здоровье. Теперь - час, пора идти домой завтракать. Отправились вместе. Ей, очевидно, не хотелось расставаться со мной, она предложила пройтись по Никольскому саду, а затем заговорила о переписке.

Летом я обыкновенно веду обширную переписку, главным образом шахматную и музыкальную. Этим летом я решил привлечь ещё нескольких учениц.

Что касается Алперс, то я решил, что едва ли такая скромная девочка решится переписываться с молодым человеком, и в список свой её не поставил.

Теперь, когда мы шли через Никольский сад, она раза два намекнула насчёт переписки. Я либо нарочно, а может быть, и нечаянно не придал этому значения, и только решил при прощании сказать, что, мол, напишите, когда соскучитесь. И вот, когда мы остановились на углу Садовой и Вознесенского, она сказала:

- Давайте летом переписываться?

Я, конечно, с радостью согласился и попросил её летний адрес. Карандаш оказался, бумаги - нет. Тогда *я* развернул свой портфель, в котором лежала Соната Скрябина, и стал держать пред ней, как пюпитр. А она стала писать, жалуясь, что невнятно. Так около булочной Филиппова и стояли: я на тротуаре, Верочка - спустилась с него. Картина, вероятно, была довольно оригинальная.

Адрес написан, мы крепко пожали друг другу руки, распрощались и разошлись. Я был очень счастлив от случившегося и в тот же вечер покинул Петербург.

О Глаголевой. После ассирийских танцев я перестал встречать её в Консерватории. Раз только она отдала мне портфель, который я забыл у них на балу и заметила, что, кажется, был предлог зайти к ним за портфелем... Когда я затем выступил на ученическом вечере с Токкатой Шумана, я ей написал письмо. Она лишь ответила, что непременно будет, если я достану ей пару контрамарок. Контрамарки я достал, и она слушала мою Токкату. Это мне, конечно, польстило и теперь, второго мая, когда я играл на экзамене Концерт Корсакова, я опять послал ей сообщение. На этот раз её не было, а дня через три я получил письмо, где говорилось, что, к сожалению, она не могла быть, но очень надеется, что я забегу к ним как-нибудь и... дальше не дописано.

Четырнадцатого мая мне надо было сделать несколько визитов, и я отправился к Глаголевым. Прихожу - всё вверх дном, полотёры, стулья на столах, едва пробрался в гостиную. Минут через пять явилась Лёсенька, немножко растрёпанная.

- Отчего вы у нас не были вчера?
- Вчера?
- Я уезжаю в Италию, у нас был прощальный чай. Я вам писала.
- Ничего не получил...
- Очень жаль. Вы извините, у нас такой беспорядок, мы скоро едем. Я легла в шесть часов.

Я пробыл минут двадцать и откланялся. На прощанье она мне подарила розу, извинилась, что маменька не могла выйти, нашла, что у меня ужасно мальчишеский вид и сказала, что если в воскресенье компания соберётся кататься на лодке, то она просит и меня. Об этом она мне напишет. Через два дня письмо пришло отрицательное, я написал ей напыщенно-ругательный ответ, она мне отвечала, и так сама собой завязалась оживлённая переписка.

31 мая

Теперь сижу в Сонцовке и пишу Симфоньетту.

Мысль о Симфоньетте мне пришла по следующему случаю. Играли на Беляевском концерте «Экстаз» Скрябина. На репетиции разучивали по кусочкам, повторяя отрывки по несколько раз. Когда «Экстаз» доиграли до конца, то я думал, что его начнут сначала. И вдруг... заиграли Симфоньетту Римского-Корсакова. Это был такой неожиданный контраст, что мы с Мясковским переглянулись и рассмеялись. После величественной музыки Скрябина, с колоссальной сложностью, набегающими и путающимися темпами, с его захватывающими подъёмами, доходящими до экстатических воплей, Симфоньетта Корсакова казалась такою маленькой, такой тихонькой и, в то же время, понятной донельзя и такою приятной! Это была миленькая крошка рядом с грозным великаном.

И мне стало очень ясно, что и такая музыка бывает хороша, и этакая приятна; можно писать и такую музыку, и этакую. И мало-помалу я пришёл к заключению, что летом надо написать большую вещь и маленькую симфоньетту. Написать большую симфоническую поэму или картину я собирался уже давно. И в прошлом году писал симфонию, а не поэму, только потому, что симфония - это нечто более определённое, чем какая-нибудь симфоническая поэма под названием, а мне, как композитору, в первый раз являющемуся с симфонической музыкой, требовалось что-нибудь возможно более определённое, вот почему я и писал симфонию. Теперь же я решил взяться за программную музыку, хотя ровно ещё никакого сюжета себе не наметил. А пока, весной, между делом, стал придумывать темы для Симфоньетты, так что когда я приехал в деревню, у меня почти весь материал был готов и вот в одну неделю партитура третьей части уже написана. Всё идёт скоро и легко. Сначала я думал написать её в одной части; потом передумал в трёх; затем пришла в голову мысль повторить напоследок первую часть - будет цельно, оригинально и свежо (впрочем, Мясковский говорит, что это уже где-то есть и очень скверно); наконец, когда вторая часть и скерцо оказались сходными по своему контрасту с первой и финалом, я решил разделить их интермеццом в стиле первой части и, таким образом, вышло пять частей. Но длиться Симфоньетта должна пятнадцать-двадцать минут, не больше.

Важным толчком для Симфоньетты было и следующее обстоятельство. Канкарович, после долгих скандалов, добился того, что ему дали продирижировать в Консерватории «Майскую ночь». Он оказался очень недурным дирижёром и теперь на лето получил приглашение в Воронеж. Когда я ему в шутку заметил, что не намерен ли он там исполнять Прокофьева? - он мне изъявил полную готовность. Таким образом, мы порешили, что летом сыграют мою Симфонию, а если я напишу Симфоньетту, то Симфоньетту. Я же приеду слушать. Замечу, между

прочим, что Канкарович, хотя и считает меня талантом, но моей музыки терпеть не может.

4 июня

Что касается до моего фортепиано, то случилось важное событие: я перешёл от Винклера к Есиповой.

Когда осенью я приехал в Петербург, я был твёрдо уверен, что буду продолжать у Винклера и кончу у него Консерваторию. Но тут все, решительно все, стали мне задавать вопросы: вы переходите к Есиповой? Почему вы у Винклера? Переходите. Он вам ничего больше не даст! Он из вас не сделает виртуоза, и т.д. Я защищал Винклера, но на его уроках начал мало-помалу разубеждаться в нём. Прежде, на младшем курсе, я чувствовал неизмеримую разницу между ним и мною; теперь я не чувствовал разницы, ничего нового от него не слыхал и видел, что он постоянно повторяется и ничего интересного не даёт. Я стал иногда оспаривать его, защищать свои мнения, часто достигал своего, иногда сам показывал ему оттенки - одним словом, наши отношения мало походили на отношения профессора и ученика. Класс только удивлялся, как это мне удаётся таким образом ладить с Винклером.

К декабрю я окончательно решил покинуть Винклера, правда, после долгих и временами неприятных колебаний. Однако сделать это решил весной и, когда весна наступила, поручил Захарову начать с Есиповой переговоры.

Меня много пугали, что она меня не возьмёт, попасть к ней трудно, она очень капризна и т.д. Хорошо, если согласится послушать, а если и выслушает и ей понравится, то не сразу скажет, что берёт, а скажет, что «подумаю», отложит до осени и, если будет осенью место, то только тогда возьмёт. Я очень боялся остаться между двух стульев: уйти от Винклера и не попасть к Есиповой. Для демонстрации приготовил я Токкату Шумана, которую с успехом сыграл без неё на ученическом вечере.

Захаров долго не решался с ней поговорить, но, наконец, в один прекрасный апрельский день заговорил, что, мол, вот, мой товарищ Прокофьев, ученик Винклера, уж давно мечтает попасть к вам в класс и очень просит его послушать. Есипова ответила:

- Я его знаю, я его слыхала на вечере и на экзамене, и возьму его. Но так как я знаю, что Винклер им гордится, то я только тогда возьму его, когда Винклер сам меня попросит.

Ответ был на редкость благоприятен, но только последний пункт - явно неприемлем.

Захаров был командирован второй раз.

- Едва ли, - сказал он ей, - чтобы Винклер согласился просить вас о Прокофьеве...

- Ну так как же быть? Я с Винклером ссориться не хочу. Знаете, посоветуйте ему обратиться к Глазунову, Глазунов умеет это устраивать.

Я немедленно достал Глазунова.

На мои первые слова мягкая булка выпятила свои две изюмины и недовольно промурчала в смысле, что, мол, Есипова никого себе в класс больше не берёт и т.д. Когда я успокоил его, сказав, что взять-то меня она уж обещала, Глазунов сразу стал другим, сделался очень любезным, сказал, что, конечно, Винклер прекрасный музыкант, но Есипова пианист, а Винклер не пианист; и мне, как собирающемуся быть настоящим пианистом, конечно, следует учиться у пианиста и т.д.

Дальше он сказал, что надо надеяться на благоразумие Винклера, Винклер - джентльмен, и надо думать, что отпустит меня без скандала. Обещал поговорить

с Есиповой, и с Винклером, - и мы распростились. На другой день Глазунов сказал мне, что с Есиповой он уже поговорил и что она меня берёт; теперь остаётся самое неприятное, поговорить с Винклером.

- Вот идёт Винклер, - увидал я, - может быть вы...

Но Глазунов замахал и руками, и животом:

- Нет, нет, так с нахрапу нельзя. Надо сначала подумать, приготовиться... потом уж...

Затем несколько дней я не видал Глазунова. Наконец я не вытерпел, сыскал его и допросил:

- Нет, я с ним не говорил, - ответил Глазунов. - Знаете, мне, как директору, неловко... как будто приказание... вы лучше сами уж как-нибудь... попробуйте...

Делать нечего. Я решил, что вопрос Винклеру надо будет поставить как можно проще, как будто это - самое обыкновенное дело, будто иначе и быть не может.

Со спокойствием, почти весёлым видом, я подошёл к Винклеру.

- Александр Адольфович, я у вас прошёл низший курс, перешёл на высший, дозвольте теперь покинуть вас... поблагодарить... и перейти в класс профессора Есиповой.

- А она вас возьмёт?

- Кажется, да.

- Так что-ж, я вас удерживать ведь не могу.

- И значит дадите вашу карточку?

- Требуется - так дам, - рассердился Винклер.

Затем очень внимательно стал проходить со мной Концерт Корсакова. Он прекрасно сумел сдержать себя, и только изредка его голос слегка срывался.

Второго мая был экзамен. Концерт я исполнил довольно прилично, Винклер сам аккомпанировал, поставил 5, Глазунов и Винклер очень хвалили, публики было мало, много своих: целых восемь родственников, очень хорошо одетых, а из чужих: Е.И.Лященко, Мясковский, Захаров, Алперс, Макс и шахматист Кудрин.

После экзамена Глазунов долго беседовал с Винклером. Затем класс окружил Винклера, прося программу; я стоял сзади всех, как-бы виноватый. Винклер назначил одному то, другой то, и затем обернулся ко мне:

- А вам, господин Прокофьев, вот ваш паспорт.

Он передал мне отпуск на переход из класса в класс Есиповой. Я благодарил его, сказал много хорошего, что он дал мне технику, он на ноги меня поставил, он был всегда так внимателен ко мне; мы расстались друзьями. Мама тоже подошла и поблагодарила за доброе отношение ко мне.

20 июня

С Винклером вопрос покончился. Но я ещё не был знаком с Есиповой и не знал, что мне играть летом. На экзамене Калантаровой Захаров представил меня ей.

Во время этого экзамена Есипова, утомившись слушать, вышла из зала покурить и остановилась у самой двери зала, беседуя с Налбандяном. Захаров подвёл меня.

- Вот, Анна Николаевна, ученик Прокофьев, он хотел бы знать, что ему играть летом...

Есипова смерила меня и протянула руку. Я приложился к ней и повторил просьбу Захарова.

- А, во-первых, вас Винклер отпускает? - спросила Есипова.

- Винклер отпускает; мы с ним расстались очень мирно. Он мне дал записку.

- Вы мне всё-таки покажите её, - сказала Есипова.

- К сожалению, у меня её нет с собой. Но я могу буквально повторить её:

«Ничего не имею против, чтобы ученик мой, Сергей Прокофьев, перешёл в класс профессора Есиповой. А.Винклер».

Есипова помолчала.

- Играйте летом, я вам даю играть летом классиков: Баха, Генделя, Моцарта, Бетховена. Играйте классиков.

- Благодарю вас.

Мы раскланялись.

Очень интересно то, что весь разговор, уважения ради, вёлся словами пианиссимо, так что мы друг друга едва слышали.

Итак - да здравствую я! - я перешёл в класс Есиповой, и, надо отдать справедливость, довольно блестяще. Многие очень талантливые пианисты, которые вместе со мной стремились к ней, должны были играть перед ней, добивались аудиенции на квартире, волновались, дрожали. Ничто это меня не коснулось, и самое-то страшное - был мой разговор с Винклером, оказавшийся более чем мирным.

Из попавших вместе со мной к Есиповой, замечу госпожу Малинскую, совсем молодую особу. Ученица Венгеровой, она весной перешла на высший курс и получила на техническом экзамене пять с крестом. Так как на высший курс обыкновенно переходит всякая дрянь, то эта пятёрка с крестом сильно меня заинтриговала, и я пошёл слушать Малинскую на художественный экзамен. Тут же с ней и познакомился и успокаивал её перед выходом на эстраду. Сыграла она действительно прекрасно: очень бойко и со смыслом. И вот теперь вместе вступили в класс Есиповой.

23 июня

Когда я летом поселяюсь в деревне, то мой дневник начинает чахнуть, и если я и пишу в нём, то не чаще, как раз в месяц. Да и нечего писать, сидя в этой глуши.

Пишу Симфоньетту, играю на рояле, порою с толком, порою без всякого толку, два часа в день занимаюсь с папой, проходя рисование, к которому у меня найдены способности, и математические науки. Большую роль в моей местной жизни играет переписка. Переписку я делю на три категории: шахматная, музыкальная и так, для удовольствия. В шахматы играю в двух турнирах «Нивы» и не без успеха. В первом я уже не сомневаюсь в первом призе, второй стоит похуже, но он только недавно начался и имеет будущность. В музыкальной переписке главным представителем является Мясковский, а в переписке для удовольствия - Алперс. Шмидтгоф и Глаголева.

Алперс меня удивила, её письма, длинные, содержательные, написаны гладко и хорошо. В них она прекрасно обрисовывает своё летнее времяпровождение, даёт законченную картинку своей жизни в Павловске - словом, когда читаешь, то производят полное и законченное впечатление. Переписка с ней стала для меня самой приятной, настолько, что теперь, когда, по моим расчётам, уже неделю, как должно быть её письмо и письма нет, я прямо с нетерпением жду почты и в почте ищу её письмо, и его отсутствие злит меня и портит настроение. Две с половиной недели - кажется, можно обменяться с Павловском письмами!

Глаголева первое время переписывалась неаккуратно и только постальками, и только третьего дня прислала длинное письмо. Но, Боже мой, что это было за письмо. Я еле разобрался и в почерке, и в содержании. Глаголева, всегда такая корректная, Глаголева, воплощение корректности, - и вдруг - всё написано криво, перепутано, перечёркнуто... содержание бессвязное, туманное... Живёт она во Франции, ничего не делает, всюду лень, лень и лень.

Наконец, с Максом перекидываемся короткими, но яростными письмами.

упражняемся в остроумии и дразним друг друга.

Канкарович прислал из Воронежа письмо, что исполнение Симфоньетты он не гарантирует, ибо полиция притесняет еврейский оркестр и неизвестно, состоятся ли концерты. Следующее письмо было утешительного характера, и дела с полицией стали налаживаться. Я начал гнать свою Симфоньетту, назначив себе срок окончания на двадцать пятое июля. Приходилось сильно торопиться. Грозило, что придётся прыгать через препятствия, но тот же Канкарович разрешил вопрос очень просто. Он поругался со своим воронежским антрепренёром и, показав ему тыл, отъехал из Воронежа. Таким образом, Воронеж остался без Канкаровича, а я - без Симфоньетты, ибо бросил её. не дописав до конца. Конечно, к осени я её кончу, но теперь пусть полежит, ибо совсем не хочется её писать!

Впрочем, я особенно не уныл и, главным образом, потому, что обрадовался, что не надо кончать к двадцать пятому июля. Эта торопливая работа начинала меня тяготить. Я почти не сомневаюсь, что мне удастся поставить Симфоньетту в Петербурге, а там-то её сыграют получше, чем в Воронеже. Она вышла сложней, чем я думал, и я начал уже бояться, что Канкарович со своим оркестром не справится с нею.

Что касается до скучного сидения в деревне до осени, то сидеть я не буду. Мама поехала в Ессентуки лечиться от ревматизма и я, вместо Воронежа, поеду навестить её. Это - приятная прогулка на Кавказ.

21 августа

Второго августа я приехал в Ессентуки. Это первый раз, как я попал в курортное место. Толпы нарядной публики, гуляющей целый день в парке, производили на меня приятное впечатление. Приятно было смотреть на красивых дам, изящно одетых кавалеров, в то же время чувствовалось, что сам тоже хорошо одет, тоже джентльмен, тоже не из числа последних. Хотя всё же чувствовался какой-то холод, лёгкая скука оттого, что вся эта толпа - чуждая, чуждая, чувствуешь себя одиноким без знакомых. Отчего толпа консерваторских вечеринок, несмотря ни на что, всё же оставляет приятное, тёплое впечатление? Потому что там половина лиц знакомых, все свои, того знаешь, о том слыхал, тот-то тем-то знаменит и т.д.

Я поместился у мамы, в Казённых бараках. Через номер от нас стояла Варвара Николавна Брандль. С нею мама познакомилась в поезде, по пути в Ессентуки, затем вместе с ней устроились, вместе с ней лечились и т.д. Когда мама отравилась жареным барашком и ей сделалось очень плохо, эта Варвара Николавна очень самоотверженно ухаживала за мамой и скоро выходила её, так что, когда мама записала нам об этом, меня это растрогало, и я послал в письме ей поклон.

В поклоне мне раскаиваться не пришлось, ибо Варвара Николавна оказалась молодой, красивой дамой, высокой, хорошо сложенной, хотя и довольно полной

«ессентучная красавица» - по словам Н.Н.Смецкого), очень весёлой, лёгкой на подъём, до смерти любящей, чтоб за ней ухаживали, немного капризной, но, в общем, очень милой.

Мы с ней сразу сошлись и подружились. Я за ней не ухаживал.

Мы записались в экскурсию на Бештау. До горы мы ехали в экипажах. В нашем было трое: Варвара Николавна, консерваторка и я. (Консерваторка из нашей Консерватории, кажется, Сыропятова, одна из многочисленных пианисток). На маленькой передней скамеечке мне было сидеть ужасно неудобно. Я вертелся и туда, и сюда, и так и сяк, и, наконец, понемногу устроился.

Так мы ехали с полдороги. Затем пешком полезли на гору. В экскурсию записалось восемь человек. Мама в ней не участвовала. Варвара Николавна сразу казалась в хвосте экскурсии, стонала, пила воду и тормозила всех. Я был ею очень

недоволен и с консерваторкой первый очутился на вершине. Мы оживлённо разговорились, затем раза два ещё встречались в Кисловодске. Но, когда я начал иногда поддевать её и в Кисловодске опоздал играть в четыре руки, она нашла, что я недостаточно пропитан уважением к ней, она стала говорить о том, что бывает при дворе и принадлежит к высшим кругам общества. Мне это чванство не понравилось, и я дразнил её до белого каления. При расставании она была зла невероятно, я весело смеялся, хотя и у меня остался осадок от её невыдержанного чванства.

Но это так, между прочим.

Спустившись с Бештау, компания наша разбилась. Варвара Николавна измучилась и, подбив ещё трёх дам, уехала в Железноводск в экипаже. Мы же, другая часть экскурсантов, храбро пошли в Железноводск пешком. Одолев эти пять вёрст, мы почувствовали себя ещё так лихо, что с консерваторкой отправились осматривать железноводский парк. Однако наши костюмы и длинные палки вызывали такое внимание и смех, что мы живо стушевались. Когда в восьмом часу вечера вся компания очутилась в поезде, в вагоне третьего класса, только тогда усталость начала нас разбирать. Тем не менее, вернувшись в Ессентуки, мы с Варварой Николавной так бодро влетели в наш номер, что мама, ожидавшая нас совсем заморенными, пришла в удивление, а затем в ужас, видя, как мы загорели.

Непременно надо умыться кислым молоком с лимоном. Ни того, ни другого в номере не оказалось, и вот мы с Варварой Николавной купили лимон, две порции простокваши, лихо вернулись домой, выдавили лимон, разделили месиво по-братски, намазали им мурло и разошлись спать.

Девятого числа Варвара Николавна уехала в Ялту. Мне надо было в Железноводск к Кате Игнатьевой переговорить об отъезде, так что я провожал Варвару Николавну до станции Бештау.

Прихожу на ессентукский вокзал за несколько минут до отхода поезда. Варвара Николавна уже там, окружённая толпой провожающих. В свободную минуту передаю ей:

- Мама очень извиняется, у неё массажёрка; велела кланяться вам, целовать вас...

- Что-ж вы не исполняете поручения? - улыбнулась Варвара Николавна.

- Нельзя же всё сразу! - ответил я.

Подошёл поезд. Началась невероятная суматоха. Второй класс оказался битком набитым. Носильщик с вещами устремился в вагон первого класса, который скоро нагрузили вещами доверху, т.е. буквально до потолка. Шум, толкотня, брань с кондукторами, третий звонок и, в довершение, отчаянный ветер.

Наконец поехали. В вагонах как селёдки. Варвару Николавну я потерял и стоял в толпе то здесь, то там.

Только в Пятигорске я нашёл её в вагоне третьего класса, совсем раскисшую: её совсем затолкали, на шляпе сломали перо, вещи по всему поезду, неизвестно где, словом, ужасно. Впрочем, её весёлость скоро вернулась к ней.

Приехали на станцию Бештау. Я стал прощаться.

Наконец дали третий звонок, и её поезд поехал. Я пошёл к своему поезду, который стоял напротив.

Было ещё одно женское лицо, мелькнувшее передо мной, от которого у меня осталась милая память.

Было это на второй день приезда.

Кадеты, жившие на Водах, устроили вечер в пользу чего-то: спектакль, концертное отделение и бал. Варвара Николавна продавала билеты. Концертное отделение оказалось бледным и, кроме того, некому было аккомпанировать. Варвара Николавна указала на меня. Кадеты сначала очень смущались, но потом

подошли ко мне толпой и попросили выручить их. Солировать я отказался, а аккомпанировать с удовольствием согласился.

Когда во втором отделении я очутился за кулисами, я почувствовал себя как дома. Мы живо поладили с моим солистом Горским, всего два года кончившим нашу Консерваторию, и недурно спели три романса. Затем кто-то что-то продекламировал, и в заключение проплясали лезгинку - таково концертное отделение.

Лезгинку танцевала маленькая барышня, совсем молоденькая, лет шестнадцати, изящная и очень миленькая. Вид запуганный и волнующийся. Голубенькая рубашечка и чёрная юбка.

Мы разговорились. Я утешал и подбадривал её, как бывало в Консерватории, подсмеивался, шутил, а когда она выступила, уселся напротив.

Танец мне не понравился, но очень забавляла музыка, состоявшая из повторения четырёх тактов на какой-то первобытной гармонии. Перед концом я встал и ушёл к Горскому в артистическую. Оттуда я слышал, что лезгинку заиграли опять, а затем мы с ним пошли в зал, болтая о Консерватории.

В зале начался бал. Я танцевать терпеть не могу, танцую плохо и даже боюсь, - танцевать я, конечно, не стал. Я скоро отыскал маму, которая скучала, и мы отправились домой. Когда мама пошла одевать своё пальто в дамскую, я уселся в кресло. Мимо меня прошла моя голубенькая барышня с подругой. Увидев меня, спрашивает:

- Что-ж вы не танцуете?

- Не умею, - ответил я.

Пришла мама и мы отправились к выходу. По дороге она опять мелькнула и оглянулась на меня. Я ушёл, не сомневаясь, что скоро встречу её где-нибудь в парке.

Однако в парке я её встретил лишь на пятый день. У меня есть два отвратительных свойства: во-первых, не запоминать лиц тех людей, с которыми я встречаюсь: во-вторых, не кланяться тем лицам, в знакомстве с которыми я не уверен. Оба мои качества проявились на этот раз во всей своей красе.

Моя голубенькая барышня (впрочем, на этот раз - коричневая) шла под руку со своей подругой. Я не был тогда уверен, она это или не она, внимательно посмотрел на неё и прошёл мимо. На перекрёстке, недалеко от выхода, я опять встретил её. Она стояла с подругой посреди дороги, прямо на моём пути. Не знаю, как это случилось, но я долго посмотрел на неё ясным, почти пытливым взглядом, прошёл мимо и... не поклонился.

«Каково?» - показалось мне, сказала она подруге, или, может быть, это восклицание выразило её лицо.

Я был зол на себя невероятно.

Через три дня мы уехали в Кисловодск, и я больше её не встречал.

Так скрылось хорошенькое облачко с моего горизонта.

10 сентября

Интересный человек Макс Шмидтгоф.

Познакомились мы с ним в апреле этого года. Я уже писал об этом. Помню, как мы с Верочкой Алперс сидели на балконе Малого зала на каком-то экзамене. С нами была и Камышанская, с которой я недавно познакомился.

Экзамен должен был начаться. У нас не было программы.

- Подождите, - сказал я, - я сейчас достану у вашего товарища.

Макс сидел через проход с маленькой партитуркой в руках. Конечно, это очень красиво сидеть с партитуркой, но зачем же с Трио Бетховена, да ещё для скрипки,

альта и виолончели?

Я подошёл и попросил программу.

После антракта Макс очутился сзади нас. Не сзади меня, но сзади Камышанской.

Максу, очевидно, хотелось познакомиться со мной. Я ему часто попадался на глаза, кроме того он, вероятно, не раз слыхал про меня от Верочки, наконец, я был в обществе учениц его класса, а потому вполне естественно, что он подсел к ним, только с другой от меня стороны.

Не помню о чём и как мы с ним разговорились. Помню только, что отнёсся я к нему вполне равнодушно - такой же, как и все. Среди разговора я, помню, молча взял у него из рук партитуру Бетховена, повертел её в руках и, улыбнувшись, отдал обратно.

Мы продолжали встречаться на экзаменах и после экзаменов шли, втроём с Верочкой, домой. Первое время Макс и тут был серым. Я обыкновенно вёл разговор, много и весело болтал, Макс говорил немного. Я был одет в новенькое весеннее пальто, Макс был в зимнем, ему было, очевидно, жарко, он шёл. расстегнувшись, и мне было даже жалко его.

Первое, чем он заставил меня расхохотаться, было следующее. Возвращаясь из Консерватории, мы вышли у Никольского рынка на Садовую и повернули к Вознесенскому. На пожарной части находились часы.

- Макс, вы видите, который час? - спросил я.

- Сейчас посмотрю, - ответил он и, незаметно вынув карманные часы, спокойно ответил:

- Без пяти минут два.

- Ого, - ответил я, - у вас хорошее зрение, - и в этот момент заметил, что он прячет часы.

Мы поняли и рассмеялись.

Когда мы отправились в Новую деревню, Макс уж был разговорчивым, и мы часто упорно спорили о самых пустяках. Когда мы нагулялись и устали и стали возвращаться домой, то сели у Троицкого моста в трамвай, в прицепной вагон, совсем пустой.

Не знаю, о чём мы спорили с ним, но только помню, что Макс меня переспорил. Помню, отчаянно, до глухоты дребезжащий вагон, и Макса, говорящего:

- Да, у меня такой язычок, что никто его не переспорит!

Я молча смотрел на него, голова была пустая, и я ровно ничего не нашёлся ему ответить.

Когда я возвращался домой, то я раздумывал: неужели у Макса действительно такой язык, что с ним нельзя мне спорить? Я сам привык считать себя не без язычка, и это задело моё самолюбие. Я дал себе отрицательный ответ: нет, это дело случая и усталости, Макс хоть и находчив, но не так уж, да , кроме того, в тяжёл в разговоре. В нашем обществе первенство всегда принадлежит мне, а не ему.

После этой прогулки мы с Максом встречались каждый день и были всё время очень дружны. Это было начало мая. Даже Мясковский заметил его и как-то вставил между разговором:

- Вот этот, с которым вы носитесь...

- Не воображайте, он очень много музыки знает, - ответил я.

Действительно, я убедился, что Макс хорошо осведомлён в музыкально! литературе, особенно фортепианной. В симфонической - значительно слабее, как раз наоборот, чем Мясковский.

Седьмого мая, на генеральной репетиции акта, мы с Максом виделись последний раз. Мы большую часть репетиции пробыли вместе. Впереди сидела Кузовкова с подругой, мне очень хотелось к ней подсесть. Во время антракта я решился

привести этот план в исполнение и подошёл к ней. В этот момент откуда-то взялся Макс и проговорил:

- Ну, прощайте, Прокофьев, я пойду домой.

Он так решительно подошёл, что мне пришлось прервать только что начатый разговор с Кузовковой и попрощаться с ним. Я сделал это быстро и небрежно; Макс ушёл.

Вскоре я узнал, что он заболел. Я часто справлялся потом на его вешалку, но Макса всё не было и он в Консерваторию не показывался. Наконец двадцатого я пришёл на его экзамен, но и тут его не оказалось. Так я и уехал домой, не повидавшись с ним.

Из Сонцовки я ему послал небольшое письмо. Макс ответил очень мило, остроумно, и незлобиво посмеиваясь. Завязалась переписка. Мы поддевали друг друга как могли, причём я гораздо активнее, чем он. Его другие письма оказались гораздо слабее первого и в них часто чувствовалась натяжка. Но вдруг в августе, вернувшись с Кавказа, я получил такое письмо, какого никак не ожидал.

Письмо дерзкое, с рассчитанной целью оскорбить, бестактно-наглое и, в довершение, остроумное. Краткое содержание такое.

«Когда вы начинали переписку, я думал, что вы скажете что-нибудь путное. Между тем, в письмах только дешёвое остроумие, которое мне нисколько не интересно. А потому я не дам вам моего нового адреса. Отсюда же уезжаю сегодня».

Таков смысл.

Первое мое впечатление было глубочайшее удивление. Я никак не ожидал такого оборота дела, да, видно, и сам Макс, отправляя предыдущее письмо, не знал, что поздней напишет таковое.

Второе впечатление был вопрос, что мне теперь делать. Он не дал адреса. Я помню, что он весною собирался в Крым. Адресовать: Севастополь, до востребования? Но Крым не есть ещё Севастополь. Я решил ответить по старому адресу; там перепшют. Но что ответить?

Надо коротко, остроумно, больно и дерзко.

Это, пожалуй, можно придумать. И даже не особенно трудно. Но это значит поссориться, разругаться и поставить крест на наши отношения.

Это не входило в мои планы.

Ещё в мае я решил, что с Максом мы можем сойтись, можем близко подружиться, можем быть самыми лучшими товарищами. Действительно, я ни с кем в жизни не был особенно дружен; в настоящее время больше других с Мясковским, но большая разница в летах не может не давать себя чувствовать. Итак, хоть Макс и говорит дерзости, но надо заключить мир, высоко держа своё знамя. Это было легче, чем казалось бы.

Действительно, отчего Макс решился на такую выходку?

Оттого, что я додразнил его до этого. А какие качества обнаруживает эта выходка в Максе? Непоследовательность. Невоспитанность. Отсутствие выдержки. Словом, Макс поступил как ребёнок. Итак, если я тоном взрослого человека, раздразнившего ребёнка, разъясню ему положение, оказавшись выше дрязг, то я выйду из истории с высоким знаменем и. в то же время, не пойду на окончательный разрыв.

Но для этого приходилось писать длинное письмо. Вопреки же здравому смыслу, моему самолюбию более льстило ответить Максу коротко.

Кроме того, при посылке по старому адресу, письмо могло дойти и не дойти до Макса. А это было очень важно, в обоих случаях моё положение было бы совершенно различно. Наконец, Макс мог получить письмо, но сказать, что он его не получил. Тогда моё положение было бы уже совсем ложным.

Да, письмо Макса заполнило мне голову на целый день. Целый день мне было

не по себе, и я думал даже, что и ночью оно мне не даст покоя. Впрочем, за ночь я выспался, а на другой день срисовал из ботанического атласа гриб, на другой его стороне написал: «Скушайте, глупенький, это полезно!» - и отправил Максу. А Верочке Алперс написал, рассказывая об инциденте, что назвал новорожденного щенка Максом. На всякий случай, я пущу этот слух в Петербурге.

А теперь острота впечатления мало-помалу сгладилась. Я уже смотрю на дело почти как посторонний зритель, и меня очень интересует, как мы встретимся с Максом в октябре. Он-то, вероятно, уже строит весьма трагические сцены и репетирует решительные разговоры...

22 сентября

В сентябре в Сонцовку наехало много гостей: тётя Таня, тётя Катя, дядя Саша, Катя и Паля Игнатьевы. Было толкотливо, с виду весело, но, в общем, скучно. Все милые, все целуются, играют в «винт», но когда девятнадцатого я тронулся в Питер, то был очень доволен. Все же наши остались в деревне ещё дней на десять. Сегодня я приехал в Петербург и поселился на Сергиевской, в квартире Раевских, ибо наша новая квартира на Бронницкой пуста, заколочена и, вдобавок, обкрадена летом. (Впрочем, вещи нашли, а жуликов посадили в тюрягу). Около часу отправился в Консерваторию. Я соскучился по ней. Именно не по ком-нибудь, а по Консерватории, по всём этом собирательном понятии.

О ужас, в этом году поступило новых четыреста человек. Впрочем, это интересно. Новые лица будут.

У подъезда встретил Орлова, а у лестницы Захарова. Тот встретил меня отчаяннейшей руганью. До неприличия. Дело касалось нашей летней переписки и моих диких писем.

Словом, ещё немножко и мы бы поссорились. Я постарался дать более мирное направление разговору и узнал, что Есипова сию минуту придёт в Консерваторию и начнёт свой первый урок. Вовремя же я попал в Консерваторию! В журнал я ещё не записан - надо, чтобы я поймал её и представился ей. Через несколько минут вынырнул Мясковский. Я ужасно люблю этого милого Колечку. Летом мы с ним дельно и аккуратно переписывались. Бедняга всё лето просидел в пыльном городе. Кончает «Молчание», симфоническую картину. Вечером решили собраться у него.

Нас прервала Есипова, которая показалась внизу лестницы. Я отправился прямо навстречу и раскланялся. Она очень приветливо протянула лапку. Я приложился.

- Анна Николавна, позволите придти в ваш класс?

- Пожалуйста.

Я был чрезвычайно доволен. С такой взбалмошной царицей - и всё идёт так гладко.

- Прокофьев, я вас запишу на пятницу, - сказала Есипова, когда все пришли в класс и она села за журнал.

Начала играть какая-то ученица, желавшая поступить к ней. Играла не слишком блестяще, но всё же хорошо. Есипова слушала, тут же сидел Глазунов. Когда та кончила, Есипова сказала:

- Что-ж, хорошо. Только у меня нет места в классе. Я не могу вас принять...

Той ничего не оставалось, как встать и уйти.

Затем играл Шуберт «Апассионату» Бетховена. Ничего, но в общем неважно. Затем ещё пара учениц... Я сидел и думал, что я могу сыграть и хорошо, и скверно. Могу блеснуть, но могу сыграть и неуверенно, хромая в мелочах. Я приготовил e-moll`ную «Прелюдию и фугу» Мендельсона. В пятницу её играть... Надо эти два дня подзубрить на зубок, проиграть Захарову и затем смело выступить перед

Есиповой.

Прослушав двух учениц, я ушёл из класса. Было около трёх часов. Консерватория как-то затихла и опустела. Странно было видеть эту тишину, когда час тому назад всё кипело, как в котле, и в коридорах нельзя было протолкнуться.

Я ещё не намерен был уходить и, сидя на окне, болтал с каким-то теоретиком. Вдруг показалась Есипова, которая кончила заниматься. Так как я ушёл от неё, не дождавшись конца, то мне неловко было ей показываться, сидящим против её же класса. Я стремительно поднялся и отправился в противоположную сторону, к лестнице, и натолкнулся... на Верочку Алперс.

Она обрадовалась мне. Я тоже очень ей обрадовался. Что ни что, а Верочка самый милый человек в Консерватории. Будь она вдобавок красивой, я, видно, был бы в неё влюблён без ума. Впрочем, она возмужала и умеренно похорошела.

Спасаясь от Есиповой, я быстро увлёк её вниз, и там мы проболтали около часу. К инциденту с Максом она отнеслась с интересом и удивлением. Я рассказывал смеясь, и говорил, что мне интересно посмотреть, как Макс поведёт себя, когда прийдёт в Консерваторию.

- Как вам не стыдно: что вы ему ответили! - сказала она, вспоминая гриб.

Говорит, что умерла Нодельман от тифа, в Евпатории. Мне жаль её. Мы хоть с ней не всегда ладили, она меня, кажется, не особенно любила, и даже одно время наговаривала на меня Верочке, говоря, что «ему особенно нельзя верить», - но всё же она была очень умная, практически умная, энергичная и живая. Как раз летом я несколько раз вспоминал о ней.

В половину четвёртого мы с Верочкой вместе вышли из Консерватории и вместе дошли до 1-й Роты. Там расстались. Я заехал на квартиру и отправился на свою Сергиевскую.

Теперь вечер. Я устал и к Мясковскому не пошёл. Пишу дневник и играю Есиповой.

26 сентября

На другой день после приезда, в среду, я попал в Консерваторию только в пятом часу, нашёл полнейшую пустоту, не в духах вернулся домой. Дома я занимался, готовился к есиповскому дебюту и часто вспоминал Верочку Алперс, об которой скучал и которая мне очень понравилась. У меня побывал Мясковский, да я побывал у М.П.Корсак, которая увезла меня к себе на своей лошади. Больше ничего.

В четверг, часов в двенадцать, я пришёл в Консерваторию, чтобы сыграть Захарову мою мендельсоновскую «Фугу». На этот раз Консерватория была битком набита. Тут и Мясковский, тут мелькнули и лица Кузовковой, Березовской... Мы сыскали свободный класс, и я стал играть Захарову «Фугу». От Захарова мне ужасно влетело: я считал, что выучил вещь вполне прилично, - он сказал, что очень нехудожественно и что Есипова будет ругаться. До сих пор я всё-таки чувствовал почву под ногат, отправляясь в есиповский класс, ибо надеялся на свою «Фугу». Но теперь, слыша угрозы Захарова, видя прекрасный, как на подбор, класс Есиповой, наконец, этот почтительный разговор в полголоса при ней и её манера держаться царицей, - всё это начинало меня пугать. Впрочем, вернувшись гомой и повозившись над «Фугой», я убедился, что «Фугу» я всё-таки знаю, и на другой день довольно спокойно отправился на урок.

Но вернусь к тому дню. Есиповский класс бывает четыре раза в неделю, каждый раз от часу, и мы с Захаровым, отыгравши «Фугу», отправились в него. Урок уже зачался. Когда мы вошли, только что кончила играть Малинская, моя весенняя знакомая. Её появление в есиповском классе меня очень интересовало, ибо я считал её за очень способную пианистку, да кроме того, она находилась в таком же

положении, как и я.

Как раз единственный свободный стул оказался рядом с ней. Я сел.

- Ну что?

- Кажется, ничего.

- Она, говорят, «орёт»?

- Нет, напротив, очень мягко.

- Ну, отлично.

В классе сидеть одно удовольствие. Ученики играют хорошо, Есипова показывает восхитительно и удивительно интересно. Да все и всё как-то выше, интеллигентней, чем в других, «обыкновенных» классах; чувствуется, что здесь собралось всё лучшее из Консерватории, даже само помещение и рояли лучше. Точно из глухой провинции попадаешь в избранное петербургское общество.

Позанимавшись полтора часа, Есипова пошла отдохнуть и покурить. Все учащиеся повалили за ней из класса. Есипова скрылась в конференцзале, мы разбрелись по коридорам и смешались с толпой.

Я разговаривал с Малинской. О впечатлении, которое производит есиповский урок, о том, как сошло сегодня у неё, о том, как сойдёт у меня завтра, о том, что она иногда спрашивает технику и двойные терции, и что и Захаров, и Ахрон, и я - все уже забыли их.

Подошла Верочка Алперс. Она только что отыграла у своей Оссовской и очень удивлена, что так быстро отделалась. На этот раз она мне понравилась гораздо меньше. Она опять как-то подурнела, и впечатление первой встречи было лучше. Говорит, что Глаголева вернулась из Парижа, так как была с визитом у Флиге. А Флиге собирается уходить из Консерватории. Анисимова стала ещё меньше ростом, но страшно модничает и ещё больше мнит о себе. Бессонова собирается похорошеть.

В это время прошла Есипова и двинулась в класс. Верочка пошла искать Березовскую, у которой была её книга, а мы, ученики Есиповой, пошли на урок. Впрочем, я до класса не дошёл, а, постояв и послушав у двери, отправился назад. Внизу мелькнула в отдалении Бессонова, а затем пришлось пройти мима Абрамычевой, которая сидела на окне в толпе учеников и учениц. Я подошёл, очень воспитанно поздоровался, и, не обмолвившись ни словом, прошёл дальше. Вероятно, она обиделась. Дело в том, что около десятого сентября, я, не зная, когда мне ехать из Сонцовки в Петербург, запросил Захарова, Мясковского, Алперс о том, когда начнёт заниматься Есипова. И на всякий случай написал Абрамычевой. как близкостоящей к Консерватории, прося сообщить о том же. Она, как оказалось, ответила мне, но письмо её не застало меня в Сонцовке. Ну, всё равно, подойду и поблагодарю в другой раз.

Появилась Верочка и мы вместе вышли из Консерватории.

Она домой, а я на свою Бронницкую квартиру, справиться, нет ли писем, и проводил её до Второй Роты.

Вечером и на другой день утром я готовился к Есиповой и в двенадцать часов был уже в Консерватории. Прихожу в класс. Там уже все играющие сегодня. Захаров, Ахрон и Виноградов сидят за тремя роялями и дубасят одновременно каждый свою вещь. Я постоял с минуту и направился к двери. Захаров кричит:

- Куда же вы? Это в вашем духе: всё из пикантных диссонансов!

Я пустил в него портфелем и выпел.

Не успел я переступить порог, как был удивлён крайне неожиданной встречей. Да, это было весьма неожиданно... впрочем - приятно. В двух шагах в коридоре скользил по стенке Макс Шмидтгоф. Несколько моментов мы смотрели друг на друга. Он приближался по коридору, я выходил из двери. Он выжидал, не зная, как я встречу его, я быстро соображал, как я должен действовать. Через момент я,

улыбаясь, подошёл к нему и приветливо поздоровался.
- Что-ж это вы говорили, что в октябре?
- Приехал.
- Давно?
- Вчерась. А вы?
- Дня четыре. Вот сейчас из класса. Вы вовремя попали. У меня сейчас первый урок у Есиповой. Очень страшно. Вы меня развлечёте.

Мы сели на окно у библиотеки.
- Послушайте, что это за дикое письмо вы мне?...
- Да после ваших писем...
- Во-первых, страшно нелогично и непоследовательно!
- Ну да, непоследовательно по отношению к моим письмам, но ваши письма... ведь вы ясно вызывали это.
- А вы ответ мой получили?
- Ответ?! Нет, не получил. Я ведь так и уехал на другой день.
- Жаль. Очень уж хороший был ответ. Я думал, получили.
- Длинный?
- Нет, очень короткий.
- Ну, тогда неинтересно.
- Напротив, очень интересно. Ваше письмо было такое уж длинное, что на него можно ответить было только коротко.

Мы перешли на другие темы. Спрашиваю его:
- Что сочинили летом?
- Балладу сочинил.
- Ого! Для оркестра?
- Нет, для фортепиано. И несколько романсов. - Вы мне, конечно, покажете?
- Не знаю.
- Кого боитесь: себя или меня?
- Себя, конечно. А ваша Симфоньетта - кончили?
- Не совсем, на последнем месяце беременности. Зато какие этюды я создал для Винклера! И сонату ещё Лядову. Только потерял её.
- Как?
- Вероятно, в деревне забыл. Пришлют. Второй раз, как теряю сочинения, скандал.
- А сердце не потеряли?
- Где, в деревне? Да там такая глушь! Никого. Совершенно на месте.
- И отлично: зимой пригодится.

Подошёл Шандаровский. Я довольно быстро его спровадил. Мы проболтали с Максом около четверти часа. Он вынул часы.
- Ну, прощайте, - говорит мне, - пора идти завтракать.
- Вы что-ж, на уроке были?
- Нет, просто так.
- С первым визитом? - Да.
- Пойдёмте, я вас провожу донизу.

Внизу спрашиваю его:
- Ну что-ж, «Токкату» выучили?
- Выучил. Буду играть Оссовской.
- А теперь что будете учить?
- Не знаю ещё.

- Я бы на вашем месте принялся бы за «Märchen» Метнера...
- Почему?
- Да так, по моим стопам. Вы ведь всё стараетесь учить то, что я учил!

Макс ничего не нашёлся на это ответить. Это был маленький камушек с моей стороны.

Когда он одел пальто, спрашиваю:

- Когда же теперь увидимся?
- Я буду в понедельник на уроке.
- Я тоже буду в понедельник. Значит, встретимся.
- Едва ли вы меня дождётесь: я приду в пять или семь часов.
- Да, это действительно едва ли....
- Прощайте.

Мы размашисто пожали руки и разошлись.

Я доволен моей встречей с Максом. Он мне очень нравится.

А Макс будет теперь обо мне думать. Я должен был произвести на него некоторое впечатление и моим весёлым тоном при встрече с ним, и моим появлением из есиповского класса, и некоторыми моими задеваниями, и, быть может, моим весьма элегантным серым костюмом взрослого человека (он был в чёрной куртке).

Жаль, что не скоро с ним встречусь опять. Впрочем, с другой стороны, это очень хорошо.

Итак, расставшись со Шмидтгофом, я пошёл в класс, и урок скоро начался.

Первым играл Ахрон. Чётко, громко, смело, точно фонола. Но художественного чутья у него нет. Затем играл Захаров. Этот играл хорошо, с пониманием, но чего- то у него всё же не хватало. На всей вещи лежала какая-то туманная дымка, и Есипова осталась им недовольна.

- Вы, верно, мало работали летом? - говорит.
- Напротив, я работал очень много...

Действительно, Захаров простарался всё лето, результат работы - обидный.

Затем вышел я с моей «Фугой», которую знал наизусть.

«Прелюдию» она дала мне сыграть целиком, не останавливая, и только раза два напомнив во время игры: «crescendo»... или «forte»... Но затем сказала, что я неровно играю аккомпанемент и заставила медленно и громко проиграть всю вещь, показав при этом пару восхитительных оттенков. В «Фуге» остановок было больше. Замечания касались, главным образом, темпа, который я загонял, иногда чистоты, которая хромала из-за загонения и, главным образом, педали, по поводу которой она один раз даже крикнула. В общем, надо считать, что дело сошло очень недурно - на четвёрку, минимум на четвёрку с минусом, а Захаров так остался очень доволен мной. На следующий раз задала мне «32 вариации» Бетховена, которые я теперь купил и учу с большим прилежанием.

4 октября

Когда во вторник я пришёл в Консерваторию, то первая, кого я встретил, была Леонида Михайловна Глаголева. Она встретила меня с удовольствием и была всё время чрезвычайно любезна. Она расхвалила мои летние письма, нашла их очень оригинальными, своеобразными, никто никогда ей таких писем не писал, словом, это совершенно особенный стиль monsieur Прокофьева.

Затем много рассказывала о своём путешествии, много просто так говорили и рассталась со мной, прося не забывать своих старых знакомых. Длилось свидание два часа.

О Глаголевой у меня остаётся прежнее мнение: красивая, интересная, но всё

же далёкая и чуточку холодная.

Но в общем, я доволен моим времяпрепровождением: всё идёт гладко, интересно, хорошо. Эта осень куда полней и интересней прошлой. Помню, как я тогда, встретившись с Е.Эше, на её вопрос, что я делаю хорошего, ответил:

- Скучаю.

Может тут было немножко рисовки, но всё же была доля и самой чистой правды.

Теперь же, просыпаясь утром, я знаю, что у меня впереди интересный день, а если - редко - не сегодня, то будет завтра.

11 октября

У Есиповой до сих пор было только два урока, но Захаров нашёл, что я уже сделал успехи. Так ли или не так, но только заниматься у Есиповой – одно удовольствие. И каждый раз, готовясь к уроку, я тщательно отделываю свою вещь, чтобы звучала чётко, понятно и умно. Какая благодать, что я перешёл к ней от Винклера!

Но о Винклере память всё же свята. И в память прежних добрых лет, я летом сочинил специально для него четыре фортепианных этюда и посвятил их ему, «глубокоуважаемому учителю». Позавчера я их поднёс Винклеру - надо будет завтра «случайно» встретить в Консерватории и узнать, как они ему понравились. Мясковский нашёл в них большой успех и шаг вперёд. Я лично нахожу, что они несколько необтёсаны, как первый опыт этого рода, но всё же удачней, чем я думал, начиная их сочинять.

Для Лядова я переделал старую сонату. Она мне очень нравится свежестью своих тем, абсолютной чистотой голосоведения и фортепианностью изложения. Мясковский отнёсся к ней довольно холодно, недовольный старообразной кадансировкой, а вообще она имеет успех. Виноградов её слышал и обещал выучить и сыграть Есиповой в классе. Только не теперь, а позднее. Это ужасно интересно. Что же касается Лядова, то он увидит её завтра.

Черепнин начал свои занятия очень энергично. Установил очередь для дирижирования, уже прошёл несколько партитур с нами. Если всё пойдёт так, то будет очень хорошо, и каждый будет раз в неделю дирижировать. Завтра моя первая очередь, и я сегодня усердно разучиваю партитуры и махаю палочкой. С непривычки

В четверг второй раз встретил в Консерватории Лёсечку Глаголеву.

Узнав, что у меня соната, заставила меня сыграть ей и пришла в восторг. А затем очень удивила меня, сообщив, что получила повестку в консерваторский хор и намерена записаться в него. Интересно посмотреть, как это она запоёт в хоре.

В тот же четверг встретил Макса. Поболтали с ним довольно мирно. Я выразил сожаление, что его редко видно в Консерватории. И действительно жаль.

Чаще же всех встречаю Верочку Алперс. Как видно, она больше и больше ко мне привязывается. Да и я люблю бывать с нею.

Один раз в Консерватории я всё поджидал её, пока кончится у неё урок с Штейнбергом, чтобы идти вместе из Консерватории, и не дождался - может, она уже и ушла - оделся и вышел. Направился к Юргенсону за нотами, но перейдя площадь - а может, ещё не ушла! - вернулся назад в Консерваторию будто за нотами. Верочки не встретил, посмотрел туда, сюда и решительно вышел. Однако, дойдя до того же самого места, я нашёл, что, пожалуй, сподручней пойти не к Юргенсону, а к Иогансену, - и ухватился за эту мысль, так как для этого надо было идти назад, и я лишний раз шёл мимо Консерватории. Вероятно, мне было стыдно самого себя, и я пошёл не прямо, а вокруг Консерватории. С другой стороны, этот

путь был длинный, и у меня было больше шансов встретить Верочку. И вот, когда я уже подходил к памятнику Глинке, из-за угла показалась она, Верочка. То-то как я обрадовался!

Она, конечно, удивилась, увидав меня с этой стороны.

- Откуда вы?

- Я собрался за нотами к Юргенсону, а потом раздумал и пошёл к Иогансену.

- Ах, и мне надо купить себе ноты...

И мы отправились.То была удивительно приятная прогулка. Мы побывали у Иогансена, затем дошли до Литейной, я посадил её в трамвай и мы расстались.

Милая девочка, Верочка. Ужасно иногда хочется обнять её и расцеловать!

15 октября

С моим поступлением в есиповский класс я стал приобретать и новых знакомых. Замечу вообще, что класс относится ко мне очень мило. С моей стороны даже свинство, что никак не могу запомнить физиономий всех двадцати наших учении: сегодня я здороваюсь с какой-нибудь и разговариваю с ней, а завтра забываю её лицо и не кланяюсь. Из учеников замечу, прежде всего, Виноградова. Это очень талантливый парень, совсем молодой, несколько простоватый, но чрезвычайно симпатичный. Он случайно слышал мою лядовскую сонату и пообещался её выучить и сыграть Есиповой в классе. Но потом как-то... упомянул об этом Есиповой, а та сказала ему, чтобы он не учил, но что она с удовольствием послушает сонату от меня самого. По словам Виноградова, Есипова много слышала обо мне. как о композиторе, и даже кто-то ей говорил про меня: «Вот какие таланты есть у вас в классе!», - на что Есипова ответила, важно покачав головой: «Да, да, да...».

Сонату я играть не буду, а этого же Виноградова заставлю учить пару моих новых этюдов, только с просьбой до поры до времени не проговориться Есиповой.

Другой интересный ученик есиповского класса - это Боровский. Весной на публичном экзамене он великолепно сыграл Токкату Шумана. Тогда я не хотел сам перед собой сознаться, что он сыграл лучше меня, потому что я тоже играл Токкату очень хорошо. Но, мало-помалу, я убедился в этом и с тех пор пропитался к Боровскому большим уважением как к пианисту. Он же теперь, как начинающий теоретик, питает ко мне уважение как к теоретику окончившему, получившего свободного художника. Таким образом, наше первое знакомство основано на взаимном уважении. Он очень милый, и хорошо играет на рояле.

Из учениц я, не считая Малинскую и Берлин, как следует пока знаю двух: Терпелевскую и Гофман.

Терпелевская в прошлом году была со мной на эстетике. Ей двадцать один год. у неё прекрасные волосы, изящная внешность, недурное лицо. Но вся она заключается в своих глазах. Глаза у неё - всё. Большие, под сильно очерченным« бровями, очень тёмные, живые и страшно резкие. Глаза - это какой-то зверёк. И когда смотришь на неё, то видишь, главным образом, глаза. Сама она очень простая, милая, весёлая, иногда слишком живая, ударяясь в бессоновщину, но только Бессонова - карикатура, а эта может очень нравиться.

Гофман - что про неё сказать? Талантлива очень - да. Но, несмотря на свое семнадцать лет, так мала ростом и так некрасива собой, что, право, жаль ее становится. Ко мне страшно внимательна. Очень интересна её подруга по шестому научному классу. Не знаю про неё ни кто она, ни что она. Поступила, вероятно, в этом году, потому что я её заметил всего несколько дней. Надо будет познакомиться.

Очень она хорошенькая, и при том симпатично-хорошенькая.

23 октября

Прошлую весну Верочка частенько звала меня к себе, но я обыкновенно отнекивался по самым разнообразным причинам и не был у неё ни разу. В этом году приглашения возобновились, хотя довольно неопределённо: «приходите» да «заходите». Наконец в субботу мне была прислана записочка с горничной, где я в тот же вечер настоятельно приглашался к ним.

Я забрал несколько тетрадок своих сочинений и отправился.

Кроме Калиновского у них никого не было. Я играл мои вещи, играли на двух роялях сонаты Грига-Моцарта, играли в четыре руки сюиту самого Mr Алперса. Единственно неприятное впечатление оставили бесконечные споры Mr Алперса с Калиновским, часто о самых пустяках, например, имел ли право Григ приписать партию второго фортепиано к Моцарту? Остальное было очень мило и тепло.

Когда я уже уходил, Mr Алперс спрашивает:

- Вы интересуетесь критикой?

- Да, конечно, - говорю.

- Так приходите к нам в четверг, приносите ваши сочинения, будут Оссовский, Бельский.

Я, конечно, поблагодарил и пообещал.

В четверг, захватив сонату, пару этюдов и первую часть Симфоньетты, я опять очутился на их симпатичной 6-й Роте. На этот раз дверь открыла горничная, а не один из братьев, как обыкновенно. Прямо против передней находился кабинет, и в нём сидел господин Алперс и писал какие-то ноты. Я прошёл прямо к нему. Рядом, в гостиной что-то наигрывала на рояле Верочка, мимо дверей несколько раз проходил и заглядывал младший братишка, - всё это меня очень забавляло.

Через четверть часа кто-то позвонил. Mr Алперс вышел в переднюю, а я прошёл в гостиную и раскланялся с Верочкой. Приехал Вельский с супругой. Я очень интересовался Вельским, зная его прекрасное либретто к «Китежу» и «Петушку». Впрочем, он оказался тихим и малоразговорчивым господином, с шишкой на голове. Затем явился Калиновский и Оссовские, Mr и Mme. Это было самое ценное, и я их очень поджидал.

После чая начали музицировать. Какая-то барышня прескверно пропела пару романсов, затем обратились ко мне, прося сыграть мои сочинения. Я предложил сыграть сначала 5-ю Сонату Скрябина. Все оживлённо согласились. Накануне я был у Захарова и с успехом демонстрировал её там. Соната вызвала шум и оживление, так как действительно редко приходится слушать такие взбалмошные вещи.

Затем я сыграл свою сонату. Соната понравилась, хотя гораздо больший успех имели этюды, особенно №4, который заставили повторить. Последним номером шла первая часть Симфоньетты, которая тоже понравилась; нашли, что «совсем другая музыка», но очень приятная и ей «прямая бы дорога в Беляевские концерты». Впрочем, теперь в правлении этих концертов неурядица. Вместо Римского- Корсакова вступил туда Арцыбушев, человек большого характера, который забрал всю власть в свои руки и всем заправляет.

Оссовский сказал:

- Если вы меня уполномачиваете, я могу ему упомянуть о вашей Симфоньетте, может, он её втиснет в программу концертов этого года. По крайней мере он до сих пор исполнял все мои просьбы.

Я ответил, что страшно ему благодарен, что я даже никак не ожидал такой доброты со стороны Оссовского. Впрочем, это предложение промелькнуло очень быстро, и мы больше о нём не упоминали. Другая маленькая любезность Оссовского состояла в том, что он предложил мне свою контрамарку на репетицию

Зилоти, узнав, что у меня нет таковой.

Это человек, на редкость много знающий из жизни музыкального мира. Впрочем, и не мудрено, если он постоянно вращается в «высших кругах» представителей этого мира. Прекрасно рассказывает и даёт массу интересных сведений.

Mme Оссовская была тоже очень любезна и много расспрашивала о Есиповой. Я под конец спросил у неё, что сталось со Шмидтгофом.

Она сказала, что Шмидтгоф бывает на уроке от семи часов вечера, и в этом году стал страдать неаккуратностью, а когда вернулся после лета, то все пальцы торчали в разные стороны, так что пришлось посадить его на самые просты упражнения. Поступил он к Оссовской года два тому назад стараниями Зилоти и почти ничего не умел играть. Чего-нибудь особенного он не представляет, но очень способен, внимателен и аккуратен и очень интересуется музыкой. И Mr и Mme отзывались о нём очень симпатично.

- Я вас часто ставлю ему в пример, - сказала Оссовская, - с вашей техникой и вашим умением играть вещи.

- Вероятно, поэтому-то он мне летом такое сердитое письмо прислал.

- По-моему, надо бы иногда наоборот. Вероятно, вы уж тут сами виноваты. - ответила Оссовская, которая, должно быть, уже что-нибудь слыхала о наша знаменитой переписке или приметила мой задиристый нрав.

Вернулся я домой очень довольный вечером. И действительно, если Оссовский устроит мне Симфоньетту, то это будет такой шаг, о каком я даже не мечтал Благоразумие заставляет сомневаться в возможности такого торжества, но всё же я не мешаю себе обольщать себя, дабы приняться за Симфоньетту и докончить её.

Кроме Верочки, меня настоятельно приглашала к себе Глаголева. Я объявил, что в ближайшее свободное воскресенье я явлюсь к ней с визитом, на что она ответила, что с визитом я могу не являться, но что вечерком она мне будет очень рада. В конце концов стало известно, что её мамаша уехала в Елизаветград и что она одна, скучает, - следовательно, я должен её утешить.

В воскресенье вечером я явился к Глаголевой. У неё была сестра её, Соня, у которой умер летом муж и которая живёт теперь с ними, и ещё какой-то студент, что-то вроде кузена, очень малоинтересный длинный молодой человек.

Встретили меня цитатами из моих писем, которые привели в восторг не только Лесечку, но и сестру её, и вообще очень мило проболтали вечер. Я играл свои вещи и Скрябина, а Лесечка сообщила, что в восторге от текста «Экстаза» Скрябина, который я дал ей незадолго перед тем и который она намерена выучить, чтобы декламировать.

Таким образом, расставаясь, мы были очень довольны друг другом.

Вообще я повторяю, что не сравню эту осень с предыдущей. Тогда я чувствовал-то себя как-то хуже: уставал, нервничал, одно время страдал даже бессонницей, симфония как-то не ладилась с исполнением, часто бывали скверные настроения, - и что характерно, это то, что я всё первое полугодие надеялся на лучшее будущее, всё ждал, что следующий месяц будет богаче, удачней, интереснее. Собственно, я и был прав, так как с нового года я и чувствовать себя стал лучше - бессонница исчезла, симфония пошла, появились новые, интересные лица. Интересным событием шахматного мира был международный турнир в Петербурге. Словом, вторым полугодием был доволен.

В этом же году полный разгар начался с первого же дня моего приезда Петербург. Моё поступление к Есиповой, удачные занятия у неё, великолепный профессор, который заставляет с удовольствием заниматься, интересный класс, оживление в дирижёрстве, которое совсем закисло в прошлом году, масса новых

интересных лиц, значительное сближение с Верочкой и с Глаголевой благодаря летней переписке и т.д.

Я уже не занимаюсь мечтами о будущих более приятных месяцах, - мне совершенно некогда этим заниматься. Во всяком случае настоящее приносит такую массу занятного, приятного, хорошего, что кажется ровно нечего больше и желать. По крайней мере я так себя чувствую. За всё время с моего приезда, у меня не было ни одного скверного настроения, я ни минуты не кис и не намеревался киснуть.

Последняя неделя была самой интересной. Мне много удовольствия доставили посещения Алперсов и Глаголевых (где я щеголял новыми штатскими костюмами) и где со мной порядочно носились, у Черепнина я дирижировал, у Есиповой шло всё гладко, - и в довершении всего - предложение Оссовского об исполнении Симфоньетты, и где: на Беляевских концертах! Это была высшая точка, и, когда я, счастливый, возвращался домой, мне приходило в голову, что, вероятно, теперь напряжённость интереса и разнообразия в жизни должна на время ослабнуть - нельзя же всё время так, пожалуй и материалу не хватит...

Что-ж, можно немножко и отдохнуть!

27 октября

В жизни иногда выпадают хорошие деньки. Таким деньком был вчерашний.

Начался он дирижёрским классом. Была моя очередь и мне выпало начать минорную Симфонию Шуберта. Сначала пошло несколько неуверенно, потом немножко лучше, а с середины с оркестром вдруг что-то сделалось и он заиграл совсем хорошо. Когда же я кончил и сошёл с пульта, то увидел Глазунова, сидящего в первом ряду, который пришёл послушать, что делается в классе.

Около часу дня класс кончился. Я встретил Камышанскую, поговорил немного с ней, затем явилась Верочка и подняла вопрос относительно завтрашней репетиции симфонического концерта, где должен был петь Собинов и исполняться 5-я Симфония Чайковского.

Пошли за контрамарками к Джиаргули. Но вместо него натолкнулись на Глазунова, с которым два теоретика уже начали разговор о том же самом.

g Билеты должны быть у Соколова, а Соколова сейчас нет, - сказал Глазунов. - Пойдёмте к нему в кабинет, вероятно, там где-нибудь в столе лежат билеты.

Отправились. Глазунов полез в стол и извлёк оттуда объёмистый пакет.

- Вероятно, они, - решил он и взрезал пакет большим ножом.

В пакете оказалась толстая пачка литографированных контрамарок на завтрашнюю репетицию. Глазунов повертел пачку в руках и нерешительно сказал, протягивая нам контрамарки:

- Что-ж, господа, может вы раздадите их вашим товарищам?

И с этими словам вышел.

Эффект был равносилен тому, как если-б перед нам высыпали на стол целую груду золота. Вероятно, у каждого мелькнула мысль, кому он сможет любезно поднести контрамарку. Тем не менее мы сделали серьёзный вид и подошли к объёмистой пачке.

- Надо взять каждому для своего класса, а остальные давайте снесём Джиаргули, чтобы не было потом нареканй, - сказал один из теоретиков.

- В нашем классе десять человек, я возьму десять, - сказал другой.

- А у меня девять, - сказал первый.

- Ну, а я возьму и для теоретиков, и для дирижёров, штук пятнадцать, - сказал я. захватывая на всякий случай около двадцати пяти. - Только смотрите, раздавать теоретикам, а не консерваторкам, - строго прибавил я.

Когда я опять встретил Верочку, то ей уж кто-то дал одну контрамарку.

- Пойдёмте куда-нибудь, где мало народу, я вам что-то покажу, - сказал я ей.

Когда мы выбрались на одну из пустынных лестниц, я вынул мою пачку.

- Сколько хотите? - спросил я.

Она взяла на всякий случай пару. Впрочем я, имея как раз свободное время, задался серьёзной целью раздавать контрамарки только теоретикам.

Я отправился в класс Лядова. Это был второй урок. Первый урок, на который я по его требованию принёс экспозицию квартета, был сплошным скандалом. Мой квартет привёл его в ярость. Он послал меня к Рихарду Штраусу, к Дебюсси; словом, к чёрту, только оставьте его класс в покое.

Баня продолжалась ни больше ни меньше, как полтора часа, причём мне удалось выговорить право принести сначала ещё квартет, а потом уже отправляться на все четыре стороны.

На этот раз я принёс ему квартет более лядообразный, о чём и предупредил его.

- Ну и музыка верно будет! - проговорил маэстро, раскрывая ноты.

Но музыка оказалась самая нормальная. Некоторые места ему даже понравились, в других пришлось постонать, но уже о Штраусе и Дебюсси разговоров не было. Когда же просмотр был кончен, Лядов любезно раскланялся с Мясковским и со мной и проговорил:

- Пожалуйста, господа, продолжайте!

Это была ещё удача на сегодняшний день.

В моём кармане оставалось несколько контрамарок.

Надо Глаголевой дать, она собинистка.

- Вы идёте домой? - появилась откуда-то Верочка Алперс.

- Домой.

- Идёмте вместе.

Я оделся и вышел из Консерватории. Верочки ещё не было, - я дошёл тихонько до угла, остановившись перед какой-то афишей, а потом, встретив Виноградова, затянул с ним разговор.

Каково было моё удивление, когда от противоположного угла отделилась зелёная шубка Лёсечки Глаголевой, и пошла прямо на Консерваторию. Нет, положительно мне сегодня везёт! Глаголева, конечно, очень обрадовалась контрамарке.

За памятником я остановился у трамвайной остановки и стал ждать вагона. Но он что-то не шёл, а я смотрел на Консерваторию в ожидании, не появится ли моя компаньонка.

И когда уже трамвай совсем подходил, она появилась, но с обратной стороны.

- Вы что, трамвай ждёте? - окликнул меня кто-то сзади.

- И трамвай, и вас. Откуда это вы?

- Я забыла перчатки и теперь надо возвращаться в Консерваторию.

- Да когда же вы ушли? Я вас всё ждал.

- Я сегодня оделась очень быстро.

- Ну вот и забыли перчатки. Наденьте мои: у меня в кармане две пары.

После некоторого колебания она надела их, и мы весело отправились домой. Когда я наконец очутился в своей квартире, я так устал, что мог только спать.

Таков был этот симпатичный денёк.

20 ноября

В моём дневнике как-будто преобладает лёгкий, романтический элемент. Будто я самый пустой человек на свете и ничего кроме этого меня не интересует. Однако меня прямо возмущают те люди, которые только и говорят о своих романах, о

своих ухаживаниях, - что же касается моего дневника, то я не поставлю себе этого в вину, так как это происходит совсем случайно. Моя жизнь, а эта осень в особенности, очень богата впечатлениями и событиями, и я охотно заношу их в дневник. Но писать о романтических приключениях несравненно легче и приятней, чем о других, более сухих материях. Кроме того, в жизни всегда приятно поделиться новостями и событиями, и всегда приходится всем делиться, но отнюдь не романтическим элементом, который остаётся при себе и который поневоле хочет вылиться хотя бы в дневник. Понятно, что этот элемент преобладает, тогда как многое другое записывать и скучно, и сухо, и неинтересно.

Вот почему мои барышни заняли здесь столько места. Но это так, между прочим; маленькое предисловие. Я так долго не писал, что накопился миллион событий и не знаешь, откуда начать.

Начнём с дирижёрства. Ведь я в этом классе третий год, а между тем за первые два года я продирижировал три раза. В этом году я решил быть страшно энергичным, скандалить, говорить дерзости, - словом, прошибить лбом стену, но всё-таки дирижировать.

Обстоятельства благоприятствовали желанию дирижировать: собрался прекрасный оркестр, устроили очередь, словом, основания хорошие.

Когда я стал за пульт, я почувствовал себя ужасно странно. Хотя я партитуру знал хорошо и в смысле жестов знал где что делать, но я был страшно не дома, у меня не было плоскости, где я мог бы дирижировать. Черепнин сказал, что я дирижирую как мертвец, как лунатик, и наговорил кучу неприятностей. Во второй раз было лучше («менее хуже» - по словам Черепнина), но всё же плохо. Черепнин сказал, что он жалеет оркестр, когда тот играет под моим управлением.

После этого я как-то зашёл к Канкаровичу. Он уже давно зазывал меня к себе, я у него не бывал, - и вот вечерком забежал. Я спросил у него о какой-то фермате, и тут-то он мне дал целый урок, настоящий урок дирижёрских приёмов.

Передо мной открылся целый новый горизонт. Я нашёл плоскость, по которой я должен махать; я узнал массу мелочей, вроде того, что делать с левой рукой, как держать локти, как хорошенько давать раз.

Словом, я сразу стал дирижёром, и мой новый дебют нельзя было сравнить с предыдущим. Я несколько раз побывал у Канкаровича и узнал его жесты.

Тем не менее я оказался в числе обиженных юбилейным концертом. Конечно, всем восьмерым нельзя выступить в один вечер, да ещё такой парадный, - и четверо оказались избранных, а четверо обиженных. Как утешение, нам сказали, что мы будем дирижировать на ученических вечерах.

И вот шестого ноября состоялся мой первый дебют. Черепнин в меня ни на грош не верил, но дать было надо, - я дирижировал на вечере первую часть неоконченной шубертовской симфонии. На генеральной репетиции Черепнин так меня изводил, что ещё немножко и я дал бы ему по физиономии, и уже взвешивал те последствия, которые могли от этого произойти.

Но на вечере я, по словам нашего класса, «побил рекорд неожиданности».

Мой номер шёл самым первым. Я явился за две минуты. Я по теории решил, что при выходе на эстраду, независимо от настроения, полезно выпивать стакан воды. Решил испытать на практике. Выпил воду и вышел. Поднял палочку и был очень доволен, что она у меня не дрожит.

Начал. Когдаа я выступал, то, вероятно, я был единственным человеком, который надеялся на удачный исход. А сошло прекрасно. Черепнин меня встретил после симфонии с распростёртыми объятиями и сказал, что Глазунов тоже очень доволен. Но хитрый Сашка[4], хотя я ему и постарался попасться на глаза, ничего мне не

[4] Глазунов.

сказал. Должно быть, чтобы не баловать.

Теперь мне поручено с хором разучивать номер из «Опричников»[5]. Дело в том, что у нас по пятницам собирают хор из пианисток, учат с ними какую-нибудь вещь и исполняют потом на ученическом вечере. Первый раз это сделал Штейман, теперь должен сделать я.

Это занятно - учить с ними. Хор довольно большой, девиц - человек с полсотни. Тут же в Малом зале сидят Черепнин и классная дама, а потому девицы ведут себя послушно и учение идёт скоро и легко. Среди них чуть-ли не все мои знакомые.

Так что дирижёрство налаживается и обещает.

С Есиповой мы ладим. Говорят, что я очень быстро схватываю её указания, и потому она благосклонно на меня поглядывает.

Однажды, уходя из класса, слышу - она зовёт:

- Прокофьев!

Подхожу.

- Когда же вы мне сыграете ваши сочинения?

- Анна Николаевна, я не знал, интересуют ли вас они.

Она кивнула головой.

- Да кроме того, я принуждён их играть как композитор, а не как пианист.

- Ничего, играйте как композитор.

- Тогда позволите принести в следующую пятницу?

- Пожалуйста.

Я стал учить свою Сонату и четвёртый Этюд. Очень основательно. Первый раз в жизни разучивая свою вещь каждой рукой отдельно. Тринадцатого ноября я понёс ей Сонату и Этюд. Есипова занималась на дому, и Захаров, который очень заинтересовался Сонатой и даже начал её учить, пошёл вместе со мной слушать и смотреть, как это сойдёт у Есиповой.

Я сыграл Сонату не хуже, чем дома, и, к моему удивлению, почти не волновался. Есипова следила по нотам.

- Очень интересная музыка, - сказала она, - только я бы хотела слышать её не в вашем исполнении. Можно делать акценты, но фортиссимо всё играть нельзя. И кроме того, вы душите педаль непереставая. Вы мне оставьте её, я проставлю педаль.

Я поблагодарил, оставил Сонату и ушёл. Этюд понравился меньше.

- Ну, уж тут декадентство, - сказала она.

Захаров поздравил меня с успехом, потому что, чтобы Есипова похвалила, да ещё оставила вещь у себя, - для этого много надо. Дней через пять после того Есипова, увидав меня, очень мило улыбнулась и сказала, что успела проставить педаль только на четырёх страницах - больше не успела. А когда через неделю (сегодня) у неё был урок опять на дому и я играл Бетховена, она мне передала мою Сонату, всю до того испещрённую педалями, что я прямо ахнул от восхищения. Да ещё прибавила, что, если где педаль мне не по душе, так чтоб я сказал, и она переделает. Я, конечно, очень благодарил и сказал, что мне предлагают играть эту Сонату в Москве, так что я был бы очень благодарен, если она мне сделает указания относительно исполнения. На что Есипова ответила:

- С удовольствием.

Кстати, о Москве. Р.М.Глиэр написал, что мои фортепианные произведения предлагают сыграть на Музыкальных выставках Дейши-Сионицкой.

Обменявшись несколькими письмами, выяснилось, что я должен познакомиться с Л.В.Николаевым, который с этого года преподаватель нашей Консерватории. Он знаком с Дейшей, был когда-то в жюри на её концертах, очень знающий

[5] «Опричник» - опера П.И.Чайковского.

музыкант и очень милый человек. Словом. Рейнгольд Морицевич выразил желание, чтобы мы поближе познакомились.

Когда в Консерватории я ему от имени Р.М.Глиэра отрекомендовался, он встретил меня страшно любезно, сказал, что много обо мне слыхал и очень рад этому знакомству. В эту среду он уже был у меня и слушал сочинения. Соната понравилась, Этюды тоже, но «Наваждение» не понравилось, а пьески «современников» понравились меньше. Рекомендует играть в Москве Сонату и несколько мелочей.

Кстати, в январе со мной в Москву собираются ехать и Мясковский, и Захаров - посмотреть «Петушка» и: первый - проветриться, а второй - повидаться с братом.

Знакомству с Николаевым я очень рад, - он милый и знающий человек.

У Лядова на уроке был два раза и больше пока не хожу: совсем некогда ему сочинять. Да и неохота.

21 ноября

С Верочкой Алперс мы часто возвращаемся вместе из Консерватории. Обыкновенно под вечер, начинает темнеть. Мы непременно проходим через Никольский сад и делаем там маленькую прогулку. Чаще всего обходим раза два вокруг церкви и затем идём дальше. Около церкви тихо, безлюдно, белый снежок в пахнет деревней. Я как-то предложил ей руку и с тех пор мы гуляли под ручку - милее и ближе; а выходя из сада, снова шли чинно порознь.

Но всё же какая-то официальность отношений! Временами меня начинал докучать вопрос: почему я до сих пор никого не любил и никем не был любим? Ведь много же девушек я видел и вижу перед собой - и все равнодушно скользят мимо. Иной раз грустно становится, и завидно любящим парочкам. И почему так случается? Неужели у меня такой скверный характер, такая противная манера держать себя, что я всех от себя гоню? Правда, я сам слишком требовательный: мне надо и интересную внешность, и воспитанность, и содержательность, но всё же я иногда начинал сомневаться в возможности хорошего успеха.

Нет, любовь - это случай. Вот вдруг, ни с того ни с сего, друг друга полюбили - вот и любовь, и никакие ухаживания не приведут так к цели, как подобная случайность, простая игра судьбы. Этот тезис я себе представил очень ясно. В последние дни стал старательно заниматься делом, много упражняться на рояле, писать Симфоньетту, дирижировать.

7 декабря

В прошлое воскресенье был ученический спектакль. Поставили два акта из «Руслана» и акт из «Фауста», да не с оркестром, а под два фортепиано. С оркестром пойдёт в январе. Канкарович, Толстяков и Коломийцев дирижировали, а другие дирижёры, я в том числе, играли. Я ни разу в этом году не был в оперном классе и потому и не претендовал подирижировать на спектакле. Зато играть я взялся очень охотно. По партитуре и по обоюдному соглашению мы переделали клавир на два рояля, оба рояля вдвинули в яму для оркестра, дирижёр сел на своё обычное место, и мы сыграли прекрасно.

Впрочем, говорят, очень скверно, и нас немало за это чистили потом. В четверг я столкнулся с Максом и очень обрадовался ему. Оказывается, что Алперс и Камышанская, встретив его как-то в Консерватории, притянули к комитету по поднесению Оссовской подарка (по случаю именин). Теперь они должны были собраться, чтобы идти вместе покупать его.

Мы с Максом спустились во второй этаж и стали разгуливать и болтать около

библиотеки и есиповского класса. Стало веселей: появилась Березовская с хорошенькой темноглазой блондинкой.

- Что вы такой красный? - спросила темноглазая.
- Я только что дирижировал «Славой».

Действительно, я только что перенёс эту баню и ещё не совсем пришёл в себя. Разговор перешёл на тему о дирижёрстве; я показал ноты «Славы», читая её несколько нескладные слова. Затем показал брошюрку «Экстаза» Скрябина, которую я давал Глаголевой и которую она только что вернула через швейцара. Глаголевой «Экстаз» очень понравился и я, глядя на него снова, прямо влюбился в него.

20 декабря

Русское Музыкальное Общество, просуществовав пятьдесят лет, стало справлять свой юбилей. Празднество длилось три дня: восемнадцатого, девятнадцатого и двадцатого декабря, пятница, суббота и воскресенье. Восемнадцатого в два часа - акт, на котором принимались депутации и читались доклады и который закончился «Славой» Римского-Корсакова (наш хор пианисток учил, учил «Славу», а потом обошлось без него). Девятнадцатого был парадный концерт лауреатов: Ауэра, Вержбиловича, Ершова и нашей Есиповой под управлением Глазунова. Есипова! Это было великое событие. Наш класс собрал полтораста рублей и поднёс ей саженную корзину белых цветов, а сверху, с балкона, засыпал её цветами. Я принимал весьма деятельное участие. Наконец, двадцатого днём был концерт учащихся, с такой же программой, как и пятьдесят лет назад. Наш класс ещё осенью, после яростных стычек с Черепниным и атак на Глазунова, добился того, что будут дирижировать ученики и играть ученический оркестр. Но по выбору Черепнина и Глазунова, из восьми учеников дирижёрского класс? четверо были избранными, а четверо - обиженными. Обиженными были: я, Орлов. Фурман и Штейман. Избранными - Канкарович, Саминский, Толстяков, Коломийцев, причём Канкарович получил «бифштекс», а остальные три по «бутерброду».

Я не попал. Но что-ж делать, я уже привык к этому событию. Может, отчасти и хорошо, потому что я ведь только что ещё начал преуспевать, как дирижёр. В четверг утром была генеральная репетиция субботы. Так как на концерты билеты рассылались только по приглашению, а моя мама очень хотела послушать Есипову. то я обещался провести её на генеральную репетицию. Утром мы с мамой сели на извозчика и поехали. Когда мы ехали мимо Никольского сада, я увидел впереди другого извозчика с Катей Борщ и Надей Поповой. Я был очень рад увидеть Кетьхен. Мы одновременно подъехали к подъезду Консерватории. Я раскланялся с девицами; затем они скрылись в подъезде. Мы с мамой направились в Большой зал, где Глазунов ещё дирижировал рубинштейновской симфонией.

Есипова играла прекрасно и когда кончила и вышла в фойе, весь класс стал дефилировать к ней. Со мной была страшно мила, познакомила со своим сыном Ильиным, спрашивала про мою Сонату и, цитируя мои слова, - «как учить: как композитор или как пианист?» - «Каждой рукой отдельно», - ответил я.

Когда репетиция кончилась, я проводил маму до швейцара, а сам остался Консерватории, где началась ужасная Kontramarken-Fieber[6]. Очевидно, что каждому хотелось попасть на все три концерта, между тем как число контрамарок было ограничено. Конечно, есиповские ученики были все обеспечены, но мне по одной контрамарке на концерт было мало.

[6] Контрамарочная лихорадка (нем).

Впрочем, мне сразу удалось достать двойную порцию: и как дирижёр, и как пианист, так как тем и другим раздавали в разных местах. Явилась тёмноглазая блондиночка - Mlle Рудавская её фамилия - и, конечно, увязалась за контрамаркой. Рассыпавшись в благодарностях, она скрылась. Другую контрамарку, на акт, я отдал Верочке Алперс. которая уже имела такую, но хотела достать для мамаши.

Встретив на лестнице сидящим на окне Мясковского, я подсел к нему. Как оказалось, юбилеи мало интересуют его. В тот же момент слетела сверху Борщ и энергично стала требовать с меня контрамарку. Я, смеясь и отшучиваясь, ответил ей, что контрамарки я ей не дам.

Она ушла, а Мясковский заговорил о другом.

- Правда, хорошенькая? - спросил я его.

- У неё глазки хорошенькие, очень томные глазки, в них столько неги... Хотя мне она не нравится[7].

На другой день, в два часа, я явился на торжественный акт в смокинге, первый раз. Первая, кого я встретил, была Ванда Яблоньская и, не видя никого других знакомых, я сел рядом с ней.

Однако, через пять минут, на противоположном балконе, я усмотрел Глаголеву и почему-то очень ей обрадовался.

Оказывается, рядом с ней сидит и Верочка с Людмилой Васильевной[8]. Я поместился с ними, рядом с Глаголевой.

Просидев часок на балконе, мы втроём с Верочкой решили пробраться в партер, где было много свободных мест, но куда попасть было всё-таки довольно трудно. Впрочем, сторож, оберегавший входы, без особых капризов пропустил двух шикарных барышень в белых платьях, а кстати и меня, как кавалера. Мы сели в креслах партера. Всё хорошо. Казалось, чего бы ещё.

Увидя несколькими рядами сзади нас Глиэра, приехавшего депутатом от Москвы, я счёл достаточным предлогом - повидать старого учителя, чтобы покинуть «на минутку» своих барышень, и отправился к нему.

В субботу днём была генеральная репетиция воскресенья и продолжение Kontramarken-Fieber`a. Был Макс, была Алперс, Мериманова. Эта Мериманова, хорошенькая обезьянка в пенсне, из нашего класса Есиповой и которой симпатизирует Глазунов, получила от него целую груду контрамарок высокого достоинства на сегодняшний вечер. Мне она очень не нравится, но я ей, очевидно, наоборот, так что я получил целых три контрамарки, но с условием, что перед концертом заеду за ней и завезу её.

После репетиции началась внизу бешеная толкотня и гомон. Все хотели контрамарок и ломились в кабинет Глазунова. Зная, что у меня полон их карман, приставали ко мне до растерзания на части.

В конце концов, дав по контрамарке Глаголевой и Максу, я вышел вместе с последним, толкуя о том, что пора начинать бриться и не знаешь как: у парикмахера или самому дома?

Вечером, вместе с Мериманової, мы приехали в Консерваторию. Там уже началась хлопотня, чтобы всё с цветами для Есиповой да с корзиной было как следует и на месте.

Концерт начался.

Играл Ауэр Концерт Чайковского. Исполнил прямо великолепно. Хотя многие из его учеников и ругались потом. Но я слушал с редким удовольствием.

В антракте я имел очень озабоченный вид и возился с цветами. Сейчас должна

[7] Кажется, это мой единственный разговор с Мясковским о женской красоте. (Позднее примечание автора).

[8] Мать В.Алперс.

играть Есипова, мы должны забросать её цветами с балкона. Сто шестьдесят букетиков лежали в трёх плоских корзинах. Мы вынули их и положили на красный бортик балкона.

Игру Есиповой на этот раз я не мог слушать так внимательно, мысли были уже не там. И как только она кончила, посыпались сверху цветы. Они со всех сторон ложились вокруг неё, а один букетик попал на её длинный трен[9], и так и поехал с ней в артистическую.

Есипова имела большой успех и два раза играла на бис. Конечно, мы орали как полоумные. А внизу Пышнов и Захаров, во фраках, корректные, как с иголочки, с Гофман и Меримановой во главе, вынесли к эстраде нашу саженную корзину белых цветов.

Кончила играть Есипова, и весь класс собрался к ней и стал дефилировать. И так мило: все ученики прикладывались к ручке, а с ученицами она целовалась и они тоже прикладывались к её ручке.

- Вот мои птенцы, - говорила она какому-то генералу в орденах, стоявшему рядом с ней.

В воскресенье, на денном концерте, где выступили наши дирижёры, уже начало чувствоваться утомление от юбилейных торжеств.

Прийдя на прямой балкон, я присоединился к Смирновой, Тицу и другим ученикам есиповского класса, чтобы вместе слушать Боровского, игравшего Концерт Рубинштейна.

Наши дирижёры провели концерт недурно и лицом в грязь не ударили. Впрочем, не могу сказать, чтобы Канкарович так уж блеснул, как собирался.

[9] Шлейф, от traine (фр).

1910

8 января

Рождество я отпраздновал по новому стилю.

Есипова, готовясь к концерту, перестала заниматься с начала декабря. У Черепнина тоже готовились к концерту и настоящих занятий не было. К Лядову я перестал ходить с осени. Таким образом, дела в настоящем смысле этого слова не было, хотя время всё-таки куда-то стремительно уходило.

В Консерватории уже чувствовалось предпраздничное настроение, начинали репетировать концерты, и чем дальше, тем больше. В конце концов, три дня были праздничные концерты, которые закончились двадцатого, и возвратясь двадцатого домой, я почувствовал полное утомление от концертов, суетни, наших барышень и безделья.

Тянуло сесть за работу, что-нибудь сделать, подвинуть себя, погрузиться в другую область.

На праздниках особых развлечений не предвиделось, я был очень доволен и задумал следующий план работ:

- заняться хорошенько для Есиповой (Захаров не раз точил меня, что мало занимаюсь);
- выучить программу для Москвы;
- кончить Симфоньетту, а то никогда не кончу;
- написать женский хор.

Ведь, правда же, занимаюсь я в Консерватории с хором, - если я напишу, так и споют. Я намекнул о том Черепнину. тот ответил поощрительно - «только докажите Глазунову», и я принялся за сочинение.

Я могу сказать спокойно, что положенную себе на Рождество программу я выполнил вполне. Для Есиповой я занимался, может не слишком яростно, но во всяком случае исправно. Вещи для Москвы - сильно подучил. Симфоньетту кончил, и хор написал.

К окончанию Симфоньетты я отношусь более равнодушно, чем ожидал. Хор мне очень нравится и партитурка чистенькая. Только боюсь, что он всё-таки покажется Черепнину да Глазунову трудным для наших пианисток и будут препоны к исполнению.

Занимался делом я с большим удовольствием, никого из консерваторцев не встречал и не скучал по ним. Двадцать седьмого был в Консерватории костюмированный вечер.

Двадцать седьмого же, по приглашению Алперсов, был у них. Ничего, и ничего особенного. Двадцать пятого были у нас гости. Первый раз пригласил Мясковского «так», винтить; посадил его с дядей Сашей и В.Е.Корсаком. Но он ничего, сидел спокойный и серьёзный, и. кажется, с честью вышел из испытания. Были Яблоньские, очень интересная Ванда, - против обыкновения было весело.

Новый Год встречали по традиции у Раевских, спокойно и обыкновенно. Когда забило двенадцать, все подняли бокалы, всё стихло и хозяева молились на коленях, я вспомнил, что в этот момент надо подумать о своей милой. Три года назад я, помню, с улыбкой вспомнил Лелечку Скалон; в позапрошлом году я подумал и решил, что нет у меня никого; в прошлом с натяжкой вспомнил Верочку, а теперь? Много девиц, и милых девиц... Я улыбнулся и не вспомнил как следует никого.

В первый день я делал визиты, всего двенадцать штук, в том числе Рузским, Тобизен, Корсак, Алперсам, Глаголевым.

Визиты я отбыл с удовольствием - занятие забавное. У Алперс пробыл с шиком пять минут. Верочка была очень мила и интересна. К Глаголевым попал в седьмом часу. Mme Глаголева мне не особенно нравится, хотя, безусловно, особа интеллигентная и знающая. Я вёл с ней «умные» разговоры и в результате

удостоился того, что я «хороший музыкант и интересный собеседник».

Разговор коснулся консерваторской вечеринки третьего января. Я случайно бросил Лёсеньке:

- Леонида Михайловна, давайте пойдем на эту вечеринку?

Я до тех пор сам твёрдо не знал, пойду я или нет на эту вечеринку: мне почему-то казалось, что там совершенно «никого» не будет.

Лёся вдруг осенилась мыслью:

- А что, это оригинально, давайте пойдём посмотреть что там делается!

Сказано - решено. Мамаша немного протестовала, мы решили, что я зайду к ним часов в десять и мы отправимся.

Боясь, однако, чтобы влияние мамаши не восторжествовало, я на другой день послал подогревательное письмо, которое, как оказалось, и возымело хорошее действие.

Третьего числа я должен был посетить Kinderabend[1] у Потоцких, а половина десятого удрал оттуда вместе с Костей Скалон, который был мне попутчиком. Подъезжая к Петербургской стороне я не слишком рассчитывал на Глаголеву: могло быть и так, и этак, во всяком случае, я предвидел ломания и колебания.

Всё оказалось лучше, чем я думал: Глаголева сразу оделась, и мы поехали.

- В вас столько жизни и молодости, - сказала Глаголева, - что мне хоть немножко надо набраться её от вас!

- Ma vieille amie![2] - говорил я ей в ответ.

Когда мы прибыли на место, то первое впечатление было таково, что вечеринка несравненно лучше и нарядней, чем мы предполагали.

Концертное отделение только что кончилось. Начали танцевать. Мы сделали пару туров. Я, кажется, ещё больше разучился танцевать. Заиграли «польку». Я совершенно не имел дела с таким танцем. Глаголева настоятельно требовала, чтобы я танцевал; я настоятельно отказывался. Подошёл какой-то студент и пригласил её. Она посмотрела вопросительно на меня, я посмотрел на неё - и они скрылись в вертящейся толпе.

Я постоял в зале, потом вышел в коридор и... почувствовал маленькую обиду и большое облегчение. Глаголева была не так интересна, как я предполагал и... была слишком стара для меня...

Из зала появилась Глаголева со своим кавалером. Со мной страшно внимательна и кавалер очень мил. Потянули меня втроём гулять по коридору. Но в эту минуту как толпа спустилась, прямо на меня шла Березовская, одна. Я пригласил её.

Березовская была оживлённей обыкновенного. Она здесь всё устроила, она распорядительница, - она чувствовала себя как дома, что и было очень хорошо.

Вскоре мы с ней по традиции побежали по лестницам и очутились во втором этаже. Здесь хотя и было довольно темно, но народу было много. Мы скоро забрались на великолепное окно около библиотеки.

Березовская прятала в свой кошелёк целую кучу золота, которое только что получила от Кирлиана, и в конце концов отдала кошелёк мне на сохранение.

- Вы знаете, наша вечеринка делает великолепный сбор, - сказала Березовская, отдавая тяжёлый кошель.

- Ах, автомобиль! - увидала она в окно. - Вот бы нам поехать прокатиться!

- Поедемте! - подзадорил я.

- Нет, серьёзно, поедемте после вечеринки! Соберём компанию...

- Только человека четыре, не больше.

Глаголеву? - мелькнуло у меня. Нет, Глаголева не подходит.

[1] Детский вечер (нем).

[2] Мой старый друг (фр).

- Знаете, - сказал я, - есть здесь ещё одна парочка, кажется, очень лёгкая на подъём: Бирюлин и Кузовкова.

Кузовкова - лучшая подруга Березовской и та очень обрадовалась.

После долгих поисков мы нашли их во втором этаже. Те, конечно, согласились. Бирюлин отвёл меня в сторону, спрашивая, на чей-же счёт будет это катание, а то у него совсем нет денег.

- У Березовской их много, - ответил я. - Ей-Богу, не знаю на чей счёт, во всяком случае, не всё на наш, - и мы отправились звонить по телефону.

Нам ответили, что автомобиль приедет через четверть часа.

Я сбежал вниз и надел пальто. Наши дамы уже были готовы. Была чудесная погода. Автомобиль ещё не приехал. Нам было весело, все были очень оживлены. Компания была необыкновенно дружная и объединённая. Все были полны симпатией друг к другу. Мы были молоды, случилось это с нами в первый раз в жизни: поездка казалась нам такой интересной, такой заманчивой!

- Слушайте, слушайте! Кажется, едет, - услыхали девицы.

Мы стали смотреть по сторонам. В тихом воздухе шум становился всё ясней и ясней. С Торгового моста показался автомобиль и с шумом подлетел к нам.

- Автомобиль Березовской? - спросил я у шофёра.

Он ответил утвердительно. Автомобиль был вызван на её имя. Мы посадили наших дам, и сами уселись напротив. Это был обыкновенный таксомотор. Девочки сидели очень удобно, нам было похуже, - ну, пустяки. Мы велели открыть верх и шофёр сел на козлы.

- Куда ехать? - спросил он.

- На Острова! - ответил я.

Девицы захлопали в ладоши.

Автомобиль выехал на набережную, взобрался на Троицкий мост и засмолил по Каменноостровскому.

Было чуточку завидно влюблённым Бирюлину и Кузовковой, которые очень нежничали друг с другом.

Каменноостровский стал темнеть и вскоре автомобиль влетел в какие-то лесообразные переулки. Светила вместо фонарей луна, но девицы начали бояться.

Поехали мимо ледяных гор. Ах, горы! Поедемте с гор!

Подъехали к горам и взобрались наверх. Но тут все прониклись ужасом. Я никогда не ездил с гор, Кузовкова наотрез отказалась, Березовская тоже боялась. Мы спросили сани на четверых, нам дали такие неудобные.

- Поедемте вдвоём! - сказал я Березовской.

Мы сели, крепко ухватились друг за дружку и тронулись. Это был самый страшный момент. Сани медленно перегнулись через ребро и понеслись, захватывая дух, вниз. Я изо всей силы прижал Березовскую к себе.

Когда мы уже подъезжали обратно, навстречу нам полетели другие сани: наша меньшая парочка решилась тоже скатиться. Мы закричали им приветствие, но тем не до того было, и только Бирюлин что-то ответил.

Мы взобрались в автомобиль и поехали дальше. На Стрелке остановили машину и пошли гулять. Впрочем, Бирюлин с Кузовковой предпочли остаться в автомобиле и посидеть вдвоём, а мы с Березовской отправились, потолкались по площадке туда-сюда, и у моря сели на скамейку.

Я разостлал половинку моего пальто и мы уселись, удобно оперевшись друг на друга. Было хорошо; красивая Березовская, такая интересная, чистая, хорошая, сидела, прижавшись ко мне, и сидеть было так удобно; а вокруг абсолютная тишина; большая белая площадка, освещённая электричеством и луной, и далеко налево пара ярких фонарей нашего автомобиля.

Было хорошо. Но сидеть долго не хотелось. Мы не были влюблены друг в друга.

Ледяная Березовская - холодная Снегурочка, неспособная любить.

Но было прекрасно, и было весело. Мы стали дурачиться. Попробовали играть в снежки, но снег был сухой и острый; мы пошли к автомобилю, в котором более горячая парочка уже нас ждала.

Поехали домой. Был третий час. Надо было попасть на вечеринку до конца ее. Я поторапливал шофёра. Наконец подкатили к Консерватории. Вручили шоферу двенадцать рублей и стали раздеваться.

Мы влетели в зал, где бал уже шёл к концу. На Березовскую обрушилась орава: как это распорядительница самовольно покинула свой бал! Но мы так мило небрежничали и удирали от них, что их атаки прошли впустую.

Кажется, в первый раз в жизни, именно теперь, я танцевал с увлечением, наслаждаясь самим процессом танцевания, и понял тех, которые способны танцевать долго, не проронив ни слова. Березовская нашла, что я стал даже лучше танцевать. Когда Березовская пожелала сделать один тур с Ахроном, я подошел к Верочке Алперс.

- Хотя я и очень устала... - начала она, но сейчас же согласилась. Мы сделали с ней пару туров - она была довольна вечером и танцевала, говорит, до упаду; я набросал ей кратко и туманно нашу прогулку на Острова, но финальный вальс окончился, и я под разъездной марш довёл её до её компании.

Я довёз Нюру Березовскую до дому, приложился к её ручке, поблагодарил ее за милую компанию, получил от неё кучу плиток шоколада как от распорядительницы бала, - и в четыре часа лёг спать.

На другой день я стал думать о Глаголевой. Наверное, она на меня в обиде. А между тем мне с ней ссориться нельзя, и вот почему.

Как-то мы с ней шли по Морской и разговорились о катаньи на коньках. Лет пять тому назад, в Сонцовке, я выучился этому искусству, и если не катался совсем хорошо, то, во всяком случае, свободно «управлялся» на льду. В Петербурге я выезжал всего несколько раз. Мама очень настаивала, чтобы я катался, ибо это полезно для здоровья, и даже сшила мне специальную тёплую куртку, но мне кататься было скучно, так из этого ничего и не вышло.

Последнее время мне часто пришлось слышать о коньках: и тот катается, и те катаются, - я тогда стал жалеть, что не умею: и прежде катался не ахти как, а теперь, верно, и совсем забыл.

Глаголева сказала мне, что она немножко умеет, но её всегда возят, сама же она ездить не умеет.

- Давайте учиться?!
- Давайте!

Таким образом мне досталась компаньонка, и компаньонка очень желательная. Мы серьёзно решили начать кататься, но только всё откладывали.

Я написал Глаголевой письмо, где, разбирая вечеринку, заметил, что первая покинула меня она, и только после этого покинул я её. И если бы она знала, как было молодо, как было весело во время поездки! - то она многое бы мне простила.

Между тем на моё письмо ответа не последовало, и я не знал, злится ли на меня Лёсенька или нет. Я был уверен, что наши отношения достаточно крепки и ссора, если она есть, долго не продлится, но побаивался за коньки. А вообще чувствовал себя провинившимся школьником.

Как-то на днях я сидел дома и раздумывал о своих симпатиях. Мне пришла в голову мысль, что было бы очень оригинально их занумеровать, чтобы у каждой был свой номер в зависимости от давности, достоинств, симпатичности и пр. Кому же первый номер?

Это было самое трудное. Однако, как ни странно, я вдруг решил совершенно ясно и определённо, что первый номер надо отдать Елизавете Эше. Во-первых, по

праву давности он принадлежит ей: ещё когда я не начинал вести дневник, когда в Консерватории я не знал ни одной девицы и краснел при мысли, что меня увидели бы разговаривающим с барышней, - я отметил её среди других учениц, часто издали следил за ней и мечтал о ней.

Глаголева - №2. Алперс - №3.

На четвёртый номер ставлю Катю Борщ. Так оно и подходит.

№5... Рудавская. Хорошенькая Рудавская, очень хорошенькая! Огромный успех в Консерватории среди оркестровых музыкантов, Канкарович ухаживает за ней, а она влюблена в Кирлиана. довольно хулиганистого юношу, которого товарищи дразнят «селёдкой» и о котором я был невысокого мнения. Теперь, благодаря этому странному обстоятельству, он повысился в моих глазах.

После вечеринки третьего января я перестал за ней ухаживать. Больно уж много у неё поклонников. Это не трусость, не отсутствие самонадеянности, но у меня какое-то органическое отталкивание, я слишком самолюбив, я не могу втереться в эту толпу: цель теряет всякий интерес, страдает одно самолюбие.

№6 - это Березовская, и по праву.

А №7 - маленькая Кузовкова, с которой я долго не могу сойтись, но теперь, наконец, поладил.

31 января

Я доволен этой зимою. Моя жизнь богата интересами. Я чувствую, что я живу полной жизнью, что я беру от неё всё, что могу. Когда у меня на Новый Год спрашивали, чего мне пожелать, я думал и совершенно искренне отвечал: ничего не надо. И действительно - всё хорошо, а дальше в жизни будет ещё лучше. За эту осень интерес жизни вырос колоссально. Всё пошло вдруг кверху: и рояль, и сочинительство, и композиторская карьера, и знакомства. Моё времяпровождение разнообразно, я попеременно увлекаюсь то тем, то другим.

Да, я страшно люблю разнообразие всюду и во всём, и без него закисаю.

Для Есиповой я работаю периодами. В такое время играю аккуратно около двух часов в день, занимаюсь эти часы с пользой и большим толком. Такой период длится приблизительно дней десять-двадцать. За это время я себя много подвигаю вперёд, но затем наступает некоторое охлаждение и интерес переносится на что-нибудь другое.

Сочинением я много занимался на Рождество, а теперь крайне увлечён переложением скрябинской симфонии и сегодня, например, просидел над этой работой, не заметив, пять часов.

Дирижёрством я увлекаюсь меньше. Может и впрямь у меня меньше любви к этому делу, а может ещё не втянулся, да как тут и втянуться, когда класс наш... ах, этот класс!... проклятый Черепнин!

А между делом вижу в Консерватории много консерваторок, и хорошеньких. В прошлом году я стонал, что нет никого кроме Верочки Алперс, а теперь их много, очень много. И здесь я, более чем где-либо, люблю разнообразие. Быть может, потому меня ни одна по-настоящему не любит, но зато все вместе очень любят, и с ними весело и легко. Временами в Консерватории наступают такие «празднества», когда, например, готовятся к спектаклю или концерту, когда следует целый ряд репетиций, одна за другой. Тогда все заняты, все что-то делают и вместе с тем все бездельничают, - и вот когда весело в Консерватории!

Но спектакль или концерт проходит, чувствуется усталость от безделья, не пресыщение, но сытость - тогда тянет за работу, которая остановилась; тогда прилив энергии к работе и с удовольствием засаживаешься за неё.

Ну разве это не хорошо?

Вернусь к моей консерваторской хронике.

Я остановился, кажется, на коньках.

Глаголева, в ответ на мой автомобильный tour de force[3], заплатила ангельской добротой, даже смутила меня, и мы начали кататься на коньках. Я настоял, чтобы мы катались вдвоём, без третьих лиц. Как конькобежцы, мы очень подошли друг к другу: мы оба умели держаться на льду, но плохо... Устроились мы на небольшом и малолюдном каточке при Первом кадетском корпусе и стали кататься два раза в неделю, очень приятно и делая успехи.

Мой хор «Белый лебедь», созданный на Рождество, я показал Черепнину, а затем Глазунову. И никогда мои сочинения не устраивались так быстро и легко, как в этот раз. Черепнин одобрил, Глазунов одобрил, пошли к классным дамам и заявили, что в ближайшую пятницу просят собрать «уточек», с которыми сам автор будет разучивать новый хор, который затем пойдёт на вечере под аккомпанемент оркестра. Прямо изумительно!

Далее я начал учить хор с нашими девицами. Хор им понравился, запели его с увлечением, я стал «композитором», «маэстро», фонды мои на консерваторском рынке быстро повысились и я стал весьма известен. Случилось то, о чём я мечтал перед сочинением «Лебедя». Я стал «автором», написавшим «очень красивый» хор.

Глаголева говорила мне: «Я чувствую, что каждый день, каждый приход ваш в Консерваторию вы делаете новый шаг в вашей музыкальной карьере».

Она предсказала, и на другой день был не шаг, а целый прыжок.

Верочка Алперс выступила на ученическом вечере. Сыграла ничего; немножко бледно, но всё же сделала успехи. Там же я аккомпанировал другой ученице Оссовской. Самой Оссовской не было по болезни, а после вечера она просила зайти к ней Верочку и Макса и рассказать, как сошло дело. Коротенький вечер кончился в одиннадцатом часу. Вера посылала одного Макса, Макс одну Верочку, и оба не шли. Весь вечер мы провели вместе, втроём.

- Ах, Боже мой, ну пойдёмте все вместе, - сказал я. - Кто-нибудь из вас забежит на минутку, а затем пойдём вместе домой; нам всем по пути.

Быть может, маленькая надежда, маленькая задняя мысль и была у меня, но очень маленькая, скользящая.

Те обрадовались, и мы пошли. Решено было, что Верочка на одну секунду подымется, а мы с Максом посидим в швейцарской. Так и случилось. Её стали удерживать, она сказала, что ей нельзя, её ждут кавалеры, по лестнице сбежал сам Оссовский и потащил нас наверх.

Редко встретишь таких гостеприимных людей, как Оссовские. Но тут ожидало меня большее. Оссовский, не забывший о моей Симфоньетте, поговорил о ней с Гольденблюмом и устроил её в концерты графа Шереметева. На будущий сезон моё дитя идёт в настоящем абонементном концерте!! Вот сюрприз! Это было неожиданное и блестящее завершение вечера двадцать второго января. Вернувшись домой, я с удовольствием стал играть эту хорошенькую штучку.

Продолжаю хронику.

Двадцать восьмого пошёл мой хор на вечере. Это было рано, приходилось спешить с учением, но откладывать было нельзя, так как следующий ученический вечер был двенадцатого февраля, т.е. когда я уезжаю в Москву, а ещё следующий только в марте. Попробовали с оркестром, и оркестр звучал прелестно, я почувствовал полное удовлетворение от своей инструментовки. Но когда соединили с оркестром хор, получился такой кавардак, что нельзя было слушать: друг к другу они не привыкли и врали каждый порознь и все вместе. Между тем учить хор с оркестром нам не давали: некогда оркестру. Ставят теперь тех же «Фауста» с

[3] Фортель (фр).

«Русланом», которым я когда-то аккомпанировал, и никак не могут срепетироваться. В конце концов дело пошло так плохо, что Черепнин разогнал оркестр и нанял для оперы посторонний, а для моего хора ничего не осталось.

- Голубчик Прокофьев, я вас продал! - встретил меня Черепнин.

Но он устраивает концерт дирижёрского класса в Большом зале и обещает исполнить хор там, и не с пианисткам, а хором из природных певиц. «Напишите ещё хорик...». Теперь же на вечере можно спеть под фортепиано.

В общем, всё это так умазали, что переменой я был даже почти доволен. Тем более, что с оркестром шло несогласно, а доучивать было некогда.

Настал вечер. Я был очень доволен уже потому, что на этом вечере я оглашался в Консерватории как композитор. Мой номер стоял первым, пришла слушать меня Есипова, очень много родственников и знакомых, и кроме того, полный зал. Я дирижировал, аккомпанировал Черепнин (и очень скверно). Хор спел недурно, старательно, хотя многие пианистки не пришли, удрав на концерт Гофмана. Успех был средний. Хлопали, впрочем, довольно дружно. Я рассчитывал на значительно больший успех. Но отсутствие оркестра, безголосость певиц (горлодранок) и плохой черепнинский аккомпанемент оказали своё действие. Я ожидал от этого вечера торжества. Был только успех. Жаль, но меня это несильно опечалило: настоящее исполнение ещё впереди, а пока что-то вроде публичной генеральной репетиции. Есипова похвалила, а Глазунов был пьян.

На вечере была... Е.Эше, мой «номер первый». Её сестра говорила мне, что она собирается, и меня очень интересовало увидать её, - мы не встречались с мая месяца. Не скажу, чтобы она очень уж изменилась. Но погрубела колоссально. Много посторонних волос на голове, несколько ухваток артистки с театральных подмостков, то же красивое лицо, что и прежде, но всё это с таким налётом огрубелости: и на руках, и на костюме, и на манерах, и на красивом лице. Жаль, право; это уже не та Эше, которая так гордо держала себя два года назад. Теперь это драматическая артистка, на которую кулисы и закулисы уже наложили свой нехороший отпечаток.

В субботу была генеральная репетиция «Фауста» и «Руслана». Случилось как-то. что мы разболтались с Рудавской. Я был очень доволен. Затем ей захотелось на сцену.

- А не хотите ли, - предложил ей, - посмотреть на сцену с птичьего полёта, с верхних переборок?

- А разве можно?

- Конечно можно!

Мы влезли наверх и очень мило слушали репетицию оттуда. Рудавская была всё время мила, проста и внимательна ко мне. Что заставило её сблизиться со мною? Желание извести Березовскую? Или мой «Лебедь» старался в мою пользу? Или я просто ей понравился? Вероятно, всё это вместе. Но результат неожиданный и блестящий. Улыбнулся мне пятый мой номер, Рудавская, вероятно, самая красивая девочка в Консерватории.

Я почему-то считал её пустенькой и глупенькой, но тут, на балконе, она раскрыла мне картину, которой я далеко не ожидал. Училась она в гимназии, но её перетянул сюда Миклашевский. Она в шестом научном классе, но осенью сдаёт экзамен по гимназии. Очень интересуется ботаникой, собрала гербарий и знает латинские названия. Изучила анатомию. Занимается атлетикой и имеет шикарные мускулы. По три часа в день играет на фортепиано. Позирует перед двумя художниками и одним скульптором. Чтобы успеть всё это, ложится в двенадцать и встаёт в семь. А живёт она на Петербургской стороне в доме, где цветочный магазин Эйлерса, и в свободное время они бегают там и забрасываются цветами.

Картина блестящая, хоть, может, половину она и сочинила. И ко всему этому

её обворожительная мордашка, полная энергии и сил!

Я был доволен. Мне понравилась Рудавская, её бодрость, светлый взгляд на жизнь. Не скажу, чтобы я хоть чуточку был увлечён ею, но принципиально я был ею увлечён, и влияние моего «доброго гения с серебристыми глазами» сказалось сейчас же: я стал аккуратно вставать в восемь с половиной часов, в девять садиться за рояль и два с половиной часа играть беспрерывно, с пользой, с толком. А потом сочинять. Словом, работать бодро, полезно и аккуратно.

6 февраля

Последнее время моё внимание стала привлекать высокая, тонкая, очень изящная блондинка в пенсне, Mlle Ганзен. Прежде она проскальзывала мимо моих глаз, и я её путал с другой ученицей в пенсне, Mlle Голубовской, а в общем, обе они мало меня трогали. Последний месяц я стал часто видеть Ганзен в Консерватории в обществе красивой чёрной подруги и Миши Пиастро.

И мне очень захотелось познакомиться с ней. На вечере, где пелся мой хор. Ганзен аккомпанировала двум номерам из класса Ауэра. Я думал, что мне удастся познакомиться с ней в артистической, но это не вышло и знакомство откладывалось.

В этот понедельник, когда я разговаривал с Камышанской, я опять увидел Ганзен. Затем через несколько минут я увидал уже такую компанию: Ганзен, Камышанская и Шварц сидели и разговаривали на окне. У меня мелькнула мысль присоединиться к ним на правах знакомого Шварц и Камышанской, но тут вышло лучше: к ним подошла Алперс, я подошёл и поздоровался с ней и о чём-то заговорил. Алперс села к ним на окно, продолжая разговаривать со мной. Затем в разговор втянулась Камышанская, а вскоре я завладел разговором всей компании, не обращая особенного внимания на Ганзен, но постоянно стараясь впутать её в беседу. Действительно, она стала мало-помалу давать реплики сначала подругам, а потом и мне. По истечении часа, когда Шварц уже ушла, поднялись Алперс и Камышанская, объявив, что им пора домой.

А Ганзен взяла и осталась!

- А ведь мы с вами и не знакомы совсем, - сказала Ганзен.

Я почувствовал, что мне сейчас надо было встать и представиться ей. Я не сделал этого: ведь ясно, что и она знает кто я такой, и я уже знаю её. Я ответил смущающимся голосом:

- Я имел честь любоваться на вас на вечере, когда вы аккомпанировали Леднику и Пиастро.

Ганзен мне очень понравилась. Не знаю, за что и почему, но так уж, понравилась. Я почти каждый день встречаю её в Консерватории, мы много времени проводим вместе, она необычайно мила и проста со мной. Я не влюблён в неё, я не увлечён ею, но просто-напросто Фрида Ганзен ужасно мне нравится, и в настоящее время это самая интересная барышня для меня в Консерватории.

9 февраля

Пятого числа слушали Метнера. Концерт, во всяком случае, интересный, несмотря на то, что целый вечер были фортепианные произведения одного автора. Сонатен-триаду[4] слушать было скучно, а мелкие произведения - очень приятно. Играет хорошо, хотя силы в правой руке нет, и действительно сопит до шестого ряда.

Встретил С.И.Танеева, который приехал играть своё Трио. Со мной на редкость

[4] Имеется ввиду «Соната в триаде», Ор.11.

мил, заставил переворачивать ему страницы во время Трио и много справлялся о моей поездке в Москву.

И познакомил с Метнером.

Сегодня я уезжаю в Москву. Буду играть на Музыкальной Выставке Дейши-Сионицкой мою Сонату и три винклеровских этюда. Эти «выставки», кажется, на хорошем счету в Москве. Кроме того, судя по всему, в Москве в музыкальных кружках уже кое-что знают обо мне и отчасти ждут меня. Так что я доволен.

Кончил перекладывание первой части «Divin poème»[5] Скрябина в две руки и аккуратно сверил с партитурой. Переложение, по-моему, удалось. Скрябин в Москве. Неужели мне не удастся показать ему?!

Словом, на Москву я очень надеюсь.

Моя датчанка Эльфрида Генриховна Ганзен очень мила.

А пока всё, господа, прощайте на неделю!

15 февраля

Случилось так, что я ехал в Москву в одном поезде с С.И.Танеевым. И скандал: я ехал во втором классе, а он в третьем. Было очень стыдно. Я, положим, всё время сидел у него и он был так любезен, что удерживал меня до половины первого. И нельзя себе представить, сколько полезных сведений он мне дал за эти пять часов. Под конец он сам увлёкся и прочёл целую лекцию по теории композиции и о регистровке, и о рисунке музыкальном, и о приёме писать вариации, словом, в несколько часов дал мне в десять раз больше, чем Витоль и Лядов в полтора года. В Москве я успел побывать у него ещё два раза. Соната и «Лебедь» понравились весьма, Этюды меньше, к Симфоньетте он отнёсся довольно холодно. И опять дал кучу интересных сведений по теории композиции. Вот у кого-бы учиться!

Что касается Музыкальной выставки Дейши-Сионицкой, то её переложили на двадцать первое февраля и предложили мне вернуться к ним через десять дней, взяв проезд на счёт выставки. Так что я на другой вечер и уехал, ничего не имея против такой комбинации.

Но самое интересное - это мой визит к Скрябину. Танеев дал мне письмо к нему и я, забрав своё переложение, отправился. Когда я шёл, то волновался, но был доволен и думал, что потом не раз буду вспоминать этот момент.

Скрябин жил в особняке, принадлежащем Кусевицкому. Когда я переступил порог, то почувствовал себя «тоже джентльменом» и перестал волноваться. Я боялся одного: что Скрябина нет дома, тем более, что это было на другой день после его концерта. Но лакей успокоил меня. Я попросил лакея передать письмо, сказав, что жду ответа. В письме С.И.Танеев рекомендовал меня «молодым композитором и пианистом из Петербурга», переложившим «Божественную поэму», и просил просмотреть переложение, «чем премного обяжете искренне преданного вам...» и пр.

Через минуту выбежал Скрябин, такой маленький, щупленький, изящный. У него было удивительно хорошенькое лицо, все его фотографии в сто раз хуже, - чудные глазки, тонкие черты и какое-то особенное гениальное очарование. Только зачем-то морщинки под глазами и желтоватый teint[6], - впрочем, может после вчерашнего вечера. Я всё время любовался им, хотя по тону моего разговора он едва ли мог заметить это.

Скрябин в нерешительно-вопросительной позе остановился внизу лестницы. я сделал несколько шагов навстречу и назвал свою фамилию. Скрябин назвал

[5] 3-я Симфония, «Божественная поэма» («Le poème divin»), Op.43.

[6] Оттенок (фр).

свою и мы поздоровались.

- Видите, я сейчас никак не могу... мы собрались к нашим родственникам... - сказал он. - Не можете ли вы придти, например, завтра?

- К сожалению, это будет очень трудно, потому что сегодня я уезжаю в Петербург.

Однако скоро выяснилось, что шестнадцатого или семнадцатого Скрябин сам приедет в Петербург, и тогда я должен буду позвонить к нему по телефону в гостиницу Мухина.

- А может, я остановлюсь и не у Мухина. Тогда Глазунов будет знать мой адрес.

- Глазунов болен.

- Может, уже выздоровел?

- Едва ли. Я уехал из Петербурга третьего дня, и ничего ещё не говорили о его выздоровлении.

- Как же он болен, когда двадцатого он должен дирижировать мою Симфонию! - наивно вырвалось у Скрябина.

Я наклонился к моей папке, которая лежала рядом на стуле, и вытащил оттуда моё переложение. Папка, в которой было много посторонних нот, была претолстая, а вытащил я оттуда тоненькую тетрадку.

- Только-то?! - с удивлением воскликнул Скрябин.

- Я переложил пока первую часть.

Скрябин стал перелистывать ноты.

- Если хотите, то пусть ноты пока останутся у вас, - сказал я.

- А у вас только один экземпляр?

- Один.

- Нет, тогда я не возьму. Ещё как-нибудь потеряются.

- Ну как же...

- Нет, нет. Вы знаете, что вышло с переложением Конюса? Конюс послал его в Лейпциг, а по дороге оно пропало. И пришлось всё переделывать заново.

- Хотя, пожалуй, и я предпочту сразу уж сыграть вам лично.

Мы начали прощаться.

- Так когда же прикажете позвонить к вам по телефону?

- Да я думаю так, числа семнадцатого.

- Хорошо. Да не проще ли будет, если вы, когда вам будет свободно, позвоните ко мне, №237-61. Бронницкая, 7?

- Конечно.

Скрябин записал номер и адрес, очень любезно распрощался и я ушёл.

Перелистывая ноты, Скрябин заметил: трудность переложения заключается в том, чтобы всё звучало и, вместе с тем, было очень прозрачно.

Когда я вышел, было три часа. Поезд шёл в семь. С моим визитом к Скрябину кончилось всё интересное в Москве, и меня потянуло в Петербург. Я был несколько опечален, что просмотр рукописи откладывается, но очарован вниманием гениального маэстро. Я отправился к Глиэрам, у которых остановился, собрался и уехал в Петербург.

Вернулся домой я в пятницу утром. Поиграл на рояле и в час уже был у Есиповой на уроке. Она занималась на дому, я встретил Ильина и тот пригласил вечером к ним, поиграть в «винт». Мне уже давно хотелось попасть к Есиповой, но она меня что-то упорно не приглашала. Впрочем, у неё бывает только небольшая компания избранных: Захаров, Шуберт, Боровский, Пышнов, Фридрих. Наконец попал в эту компанию и я.

В тот вечер я собирался пойти на ученический вечер - послушать Катю Борщ и так, повертеться после поездки. Но, конечно, сейчас же переменил решение и отправился к Есиповой. У неё было мило, скучно, играли в «винт»: она, Ильин,

Шуберт и я. Ильин играет хорошо, Есипова плохо, проигрывает и близко к сердцу принимает игру. А в одиннадцать часов разошлись.

Но в общем всё меня радовало. Не порадовала только Фрида Ганзен.

В субботу урок у меня был в четыре часа. Но я пришёл в Консерваторию в два, зная, что Ганзен приходит около этого времени. Вскоре я её встретил в самом низу, очень интересную в этот день. Мы обрадовались друг другу, и всё было хорошо. Но появился Кирлиан с какими-то книгами и деловым разговором, я отошёл в сторону. Разговор их затянулся. Я повернулся и ушёл.

Через день я встретил Ганзен в обществе Пиастро-старшего. Я его очень люблю и ничего против него не имею, но почему-то имел глупость поздороваться с ними мельком и куда-то убежать, хотя никаких особенных дел у меня и не было. А когда я вернулся, то - увы - Ганзен была снова окружена двумя своими мерзавцами, и мне пришлось стоять и разговаривать с Николаевым.

26 февраля

После этого до моего второго отъезда в Москву я встречал Ганзен в Консерватории два раза. Оба раза она почти всё время пробыла со мной, а хулиганы были в стороне. Так что сражаться особенно не пришлось. Я только выразил удивление, что она находится в обществе таких компрометантных субъектов, как эти два. А потом набросал карикатуру, как она разгуливает с двумя черными по бокам и гордо выглядит какой-то царицей хулиганов.

Тем дело и кончилось. Ганзен, по обыкновению, разгуливала всё время по коридорам, я с ней, так что по возвращении домой у меня болели ноги. Играли с ней в четыре руки Mephisto-Walzer Листа. Читает ноты она хорошо и играть с ней приятно. По её словам, у неё природная техника, и действительно техника у неё хорошая. Ужасно самолюбивая особа, и если соврёт (а особенно, если я начну смеяться), то так и покраснеет.

Девятнадцатого я уехал в Москву, обещав писать Фриде.

В Москве сутолока. Остановился у Глиэров. «Гольдик»[7] дирижирует свою Вторую симфонию. Вся семья не в своей тарелке. Дети орут. Все мечутся. Наконец, симфонию сыграли и ужинали до четырёх. А на другой день играл я. Утром упражнялся, а днём лежал три часа, дабы вечером быть свежим. Перед выступлением я не волновался. Было только какое-то томление от ожидания.

Роялем был прекрасный «Бехштейн». Играть было чрезвычайно приятно, и я играл хорошо и с удовольствием. Сонату и три этюда. Я имел успех. Меня вызвали три раза. Танеев, Лавровская, Дейша-Сионицкая, - выразили мне свои похвалы. И все подчеркнули, что я хорош как исполнитель. Это мне было особенно приятно потому, что петербургские товарищи постоянно тыкали, что я отвратительно играю свои вещи.

Теперь думаю об издательстве этих пьес. То есть об этом я думаю уже с осени, но теперь решил начать приводить этот план в исполнение. Надо брать за бока Оссовского и с ним постучаться в Российское издательство.

На другой день после концерта я делал визиты, обедал у Танеева, гонял целый день и вечером уехал в Петербург.

Кстати о Скрябине. Перед поездкой в Москву я видел его два раза, беседовал с ним, сидел вместе на репетиции, опять был очарован, но показать моё переложение не удалось. Маэстро, у которого исполнялись сразу две симфонии, метался как угорелый с репетиции на другую и выбрать свободное время не смог. Тем и кончилось: я уехал в Москву, а он - заграницу.

[7] От имени Глиэра - Рейнгольд.

Итак, из Москвы я вернулся в Петербург. Здесь хоть и февраль месяц, - мороз и пыль от бесснежья, но я ужасно рад был снова встретить Питер. С Ганзен мы встретились друзьями. Гобоист получил полную отставку и держится в стороне. Кирлиан мелькает изредка. Всё это прекрасно. Теперь Ганзен простудилась, да ложится она спать всё в два часа, - последний раз была совсем не та, скучная такая и болезненная.

А что Рудавская и Березовская? Совсем потерял их с глаз. А жаль, право, они интересные девочки!

14 марта

С первого марта Консерватория перешла на весеннее положение. Это выражается в том, что начались весенние экзамены в Малом зале, что придаёт Консерватории более живой, более нервный, но и более легкомысленный характер.

Я был очень удивлён, рассчитав, что с Ганзен мы знакомы уже целый месяц. Я был поражён. Мне казалось, что знакомы мы неделю, ну две недели, но никак не месяц-полтора. Выходит, что я не достиг особенного успеха, хотя и немало времени посвятил Фриде. Со мной она очень мила, так же мила, как и в первый день, но познакомиться с ней как следует, - положительно, я ещё не познакомился. Последние дни она стала со мной немного небрежничать, а я - немного зевать, словом, наступила пауза, а с ней и равнодушие ко всей Консерватории.

Эту неделю я очень усердно занимался моим вторым хором, «Волной», заканчивая партитуру, чтобы представить Черепнину.

В последней заметке моего дневника я упоминал о Березовской и Рудавской. Действительно, ухаживая весь февраль за Фридой Ганзен, я совсем, т.е. буквально потерял из виду этих двух девиц. Теперь, в марте, я вспомнил о них и, отдаляясь от Фриды, сделал несколько шагов к ним.

Выводы. Березовская очень красива, но бесконечно скучна. Вся её характеристика в этих словах.

Рудавская - весела, мила и мала. Сохрани Бог сказать, что она пуста или бессодержательна, но чего-то... чего-то в ней нету. Какая-то гладкая она. Всё скользит, ничто не цепляется. Очень уж она молода. Семнадцать лет... А милая. Позавчера, после долгого перерыва, я встретил её на ученическом вечере. К удивлению, Рудавская была одна и стояла на балконе. Когда я пришёл опять на балкон, она снова была одна. Я подошёл к ней. Рудавская мало-помалу разболталась. В конце концов собралась квадратная компания из нас двоих, Садовской и какого- то военного медика, и мы недурно продурили полвечера.

1 апреля

Весь март месяц болен мой отец. И это набрасывает тень на всё остальное. Были дни, когда доктора считали положение его безнадёжным, - тогда совсем наступал мрак. Теперь ему как-будто лучше. Следовательно, проясняется и горизонт моего настроения.

В Консерватории - ничего особенного.

Есипова была нездорова и занятия у неё несколько ослабли. У Черепнина готовятся к концерту. Кажется, я буду дирижировать «Лирическую поэму» Глазунова. Должны бы поставить ещё мои два хора, да певицы опять заняты оперой. Впрочем, есть надежда поставить хоры у графа Шереметева в будущий сезон, так что я не очень горюю, что меня снова надувают с хорами в Консерватории.

Собрались у меня как-то экс-«современники», сделали честь. Медем, Нурок, Крыжановский, Николаев. Слушали Симфоньетту, Сонату, этюды - и всё

похвалили. К удивлению, даже Сонату. Нурок обещал «подогреть» Оссовского для издания Сонаты.

Отдаю им визиты.

Касательно наших консерваторок, то никаких определённых течений нет. На первых местах стоят Рудавская, Паласова и Ганзен. Я их встречаю с перерывами, по очереди: очаровательную Антуанеточку[8], интересную и довольно своеобразную гречанку Паласову и Фриду Ганзен, которая всё-таки пришлась мне очень по вкусу.

Ещё одна особа, о которой я не говорил - Mlle Хаславская-Голубовская, или просто Голубовская. Прошлой весной она на экзамене Розановой безукоризненно сыграла «Вариации» Глазунова. Осенью нас познакомила Садовская. После этого мы потеряли друг друга из виду, а последнее время стали встречаться очень часто. Я люблю её общество. Она чрезвычайно интеллигентна как музыкант, да и вообще интеллигентная особа и поговорить с ней интересно.

12 апреля

Десятого числа играл мои сочинения на вечере журнала «Аполлон». Организатором этого вечера был Нурок. Участники: Медем, Николаев, Стравинский, Каратыгин, выступившие со своими вещами. На прошлом вечере «Аполлона», говорят, играл Скрябин.

За несколько дней до этого вечера получаю приглашение от Е.А.Зноско-Боровского - провести у него вечерок. Раньше я у него никогда не бывал, но постоянно встречал его в Шахматном Собрании, он очень мне нравился, кроме того, мне надо было поговорить по поводу турнира по переписке, - я обрадовался приглашению и отправился. Каково было моё удивление, когда вместо общества шахматного, я встретил там общество исключительно артистическое. Оказывается, что Зноско-Боровский - секретарь в «Аполлоне», и его гости в большинстве участники этого журнала. Мне впервые пришлось попасть в такое общество, и меня очень заинтересовала манера держать себя господ художников и артистов: прогуливаться по комнатам группами под ручку, вперемежку кавалеры с дамами, - всё это в высшей степени корректно, но с другой стороны очень свободно. Это было интересно, тем более, что всю мою будущую жизнь я проведу именно в таком обществе.

Итак, десятого я играл Сонату, «Сказку» и этюд (маленький). Помещение небольшое, обстановка интимная, слушателей человек полтораста, по приглашению, все из артистического мира. Из музыкантов «современники» in corpore, Черепнин, Штейнберг, несколько критиков и много прочих.

Черепнин в последнее время уверовал в меня как композитора и музыканта, после того, как услыхал хоры и, главным образом, Симфоньетту. Теперь наши отношения резко изменились к лучшему. Он мне очень полезен тем, что распространяет в высших музыкальных кругах крайне благоприятные слухи обо мне.

Я имел успех больше всех остальных, а музыканты превозносили меня. Даже Штейнберг любезничал. А некоторые критики, в том числе Тимофеев, писавший про меня в прошлом году, что «среди общего сумбура можно найти проблески некоторого таланта», подошли ко мне и отрекомендовались сами. Кое-кто - Нувель, Мясковский - нападают на Сонату и не хотят, чтобы я печатал её под Op.1. Но, по- моему, эта Соната для меня именно идеал первого опуса. Нувель добавляет: не только первого, но даже минус первого. Всё равно я останусь при моём мнении.

На этот вечер явилась слушать меня С.Эше. Её поразил тот «зверинец» из наших

[8] Т.е. Антонину Рудавскую.

консерваторок, которых я собрал вокруг себя. Как это я могу ладить сразу со столькими хорошенькими барышнями, в том числе с Лёсечкой Глаголевой, которую она считает очень неравнодушной ко мне.

- Вы в моде в Консерватории! - решила она.

С.Эше по своей внешности способна быть весьма интересной, но подчас рядится в такие экстравагантные костюмы и шляпы, что просто неловко становится. Она очень умна, но совсем испортилась в закулисном мире Малого театра. Уж и раньше она была enfant terrible'ем[9]. Своим язычком она способна расколотить всякого. Мы с ней вступаем в отчаянные перепалки, причём иной раз она меня огорошивает таким неожиданным оборотом, что прямо не знаешь, что отвечать. И, Боже мой, как от неё достаётся всему «зверинцу»; только Глаголева, да, пожалуй, Алперс и оставлены в покое. Я зимою сторонился её, но она на все мои небрежности отвечала неизменной любезностью и комплиментами. Одеваться она стала временами приличней. Единственное, что меня привлекает иногда в ней, это её неудержимый пулемётный язычок. А любезность её дошла до того, что на днях полдороги меня домой провожала.

Теперь - Страстная неделя. Консерватория заперта. Сижу и занимаюсь дома. Хотя неособенно прилежно. Папина болезнь в самом своём начале несколько выбила меня из колеи.

Впрочем, месяцы апрель и август (т.е. последние моего пребывания в городе или деревне) наименее работоспособные месяцы у меня в году.

23 апреля

Пасха прошла скверно. В конце Страстной папе было очень плохо. Мы дневали и ночевали в больнице. На первый день Пасхи стало лучше. Теперь ничего. Но настроение у всех уже не может быть особенно хорошим.

На первый день я сидел дома. На второй день обедал у Рузских. А перед тем забежал к Глаголевой. Она болела. Я её не навещал, но послал ей милое письмо. На письмо она, конечно, не ответила, и я не знал о ней ничего. Теперь оказалось, что всё семейство уехало в Финляндию.

У Рузских со мной всегда очень носятся. У них очень мило, и я люблю бывать в их доме. Симфоньетту мою устраивают к Шереметеву Оссовский и Зилоти. Устроят или нет - бабушка надвое сказала. Касательно издательства моей Сонаты, Оссовский советует просто послать её в Москву в Российское музыкальное издательство. Оба господина были у Рузских налицо. Была ещё дочка знаменитого Ершова. Недурненькая вертящаяся барышня семнадцати лет.

На третий день я пошёл на вечеринку. Шёл без особого энтузиазма. С папиной болезнью настроение было поганое. Вечеринка скверная. Я почувствовал, что вполне разочаровался в Ганзен. Скучна, неразговорчива, своенравна и влюблена в другого. Я со спокойной душой вычеркнул её из списка и, проснувшись на другой день утром, почувствовал даже некоторую приятность от образовавшейся пустоты.

Днём я отправился в класс Ауэра аккомпанировать. У него скоро экзамен, и он просил Глазунова прислать ему аккомпаниаторов. Направили меня, Шуберта и Катю Борщ. Кроме того, Ганзен в этом классе присяжная аккомпаниаторша, так как сестра её учится у Ауэра. Когда я пришёл, она была в классе. Поздоровалась со мной холодно, как видно, за вчерашнее бегство с вечеринки. Когда я же с треском проаккомпанировал с листа мою вещь, и Ауэр остался доволен, она сразу переменила тон. На этот раз она была тонка, изящна и мила, разговорчива и занимательна, словом, это была та самая Ганзен, которая мне так нравилась

[9] Несносный ребёнок (фр).

«неизвестно почему» в былое время. Я болтал с ней довольно равнодушно, но вернувшись домой, я понял, что далеко не разочаровался в Ганзен и что она всё-таки одна из самых моих любимых учениц в Консерватории.

В четверг начались репетиции воскресного концерта. Мне дана была «Лирическая поэма» Глазунова. Выбор был хорош, так как оркестр, не имея уважения ни к Бетховену, ни к кому, - очень уважает директора, а потому играет глазуновскую вещь внимательней всего остального. Во-вторых, дирижировать эту вещь донельзя спокойно и приятно, а это для первого дебюта мне было очень важно.

Встретил Адперс. Давно я не видел её. Скучно. Наши отношения сильны только прошлым. Ганзен сказала про неё:

- Верочка выглядит облезлой кошкой.

Это свинство. Она действительно неинтересна, но это несправедливо, это жестоко. Хотя я привык, что все ученицы так шипят друг на друга, что если поверить всему, так на всех надо махнуть рукой!

Нумерация.

1. Ганзен. 2. Глаголева. 3. Рудавская. 4. Паласова. 5. С.Эше (!). 6. Мериманова (!!). 7. Алперс.

Березовская вычеркнута из списка.

30 апреля

Прошла неделя с тех пор, как я в последний раз писал дневник. И в этой неделе надо отметить большое crescendo в сближении с Фридой Ганзен.

«Тося» Пиастро уехал в Харьков, где он состоит концертмейстером в оркестре всё лето. Уехал он на первых днях Пасхи. Фрида расстроилась и изнервничалась; кажется, даже плакала. На вечеринке я застал её ещё в полном расстройстве духа.

Но как-никак, острота впечатления сгладилась, а Фрида осталась всё-таки без Пиастро. Стало быть, я, который был на втором плане, за отсутствием первого плана, очутился теперь на первом плане. К тому же я двадцать пятого удачно выступил дирижёром «Лирической поэмы», двадцать шестого успешно аккомпанировал на экзамене Ауэра, я был в Консерватории в периоде модности, наконец, я всё время ухаживал за Фридой и, без сомнения, ей нравился, - отчего же ей, в самом деле, и не увлечься мной самым искренним образом? Так оно и было. Двадцать пятого, отмахав «Лирическую поэму», мы остальную часть концерта провели вместе, а затем пошли гулять на набережную и в Александровский сад. Двадцать шестого нам пришлось аккомпанировать по очереди; мы как вышли на эстраду, так и просидели там, не уходя, полтора часа: то она аккомпанирует - я перевёртываю страницы, то я играю, она вертит страницы. Было трогательно и оригинально. Затем как-то целый день вместе толкались по Консерватории. А вчера она держала экстерном экзамен по физике, я пришёл её проведать, тоже сидели вместе. Сегодня, прийдя в Консерваторию, она послала Бессонову разузнавать, здесь ли я и где я. Мы вышли вместе и случайно забрели на пустынную Корабельную набережную. В этих местах - то безлюдье, то сплошное мужичьё. Ганзен малость струсила, но мы взялись под ручку и нагулялись приятно.

В разговоре, в отношениях наших тоже замечается сближение. То сближение, на отсутствие которого я жаловался месяц назад.

Двадцать пятого дирижировал «Лирическую поэму» Глазунова на концерте учащихся Консерватории. Сошло бесскандально. Мы с Глазуновым делили успех (!). Вместе с тем это был и экзамен дирижёрскому классу. Нам выставили баллы: Канкаровичу 5, мне и Штейману 4 с половиной, Саминскому 4, Коломийцеву 3 с половиной. Канкароше дали серебряную медаль, и он навсегда покинул Консерваторию. Саминскому и Коломийцеву тоже предложили кончить

дирижёрский класс, так что в будущем году останутся только Штейман, Толстяков да я. Новых, говорят, никого не примут. То-то будет раздолье!

С С.Эше встречаюсь не очень редко. Остаётся такая же. Неудержимый поток срывается с её языка направо и налево.

Фамилия Эше удобна для музыки: все буквы составляют названия нот: E-S-C-H-E. Я на днях скомпоновал приятную пьеску и подарил её Эше. Сегодня она вертелась вокруг меня и кричала мне в спину; очевидно, разобрала композицию. Однако, я её обществу предпочёл Фриду Ганзен.

6 мая

Первого мая в Консерватории было пусто. Экзаменов не было, занятия ослабли. Но я пришёл, зная, что и Фрида будет там около четырёх. Я стал тащить её гулять.

Мне пришлось долго её упрашивать. Наконец мы вышли.

- Я никуда не хочу кроме Никольского сада, - говорила Фрида.

- Пойдёмте к Неве! - говорил я.

Опять споры, но мне опять удалось её уговорить. Вышли на Васильевский остров и повернули налево по набережной. А когда набережная кончилась, вышли на Большой проспект и я уговорил Фриду дойти до конца, до самого моря.

Второго мая было воскресенье. Я сидел дома, играл на рояле, готовясь к экзамену, и скучал по Ганзен.

В понедельник вечером была в Малом зале репетиция есиповского экзамена. Я отыграл уже днём и был свободен. Фрида говорила, что будет в Консерватории вечером. Когда она отправилась домой, я пошёл проводить её и на углу Вознесенского тихонько предложил повернуть не направо, к её дому, а налево, к Морской. Мы побывали в Александровском саду, дошли до набережной, но тут стал плеваться дождь, я посадил её на извозчика и отвёз домой. А сам отправился в Малый зал.

На другой день был мой рояльный экзамен. Я играл фугу Букстегуде, которую мне посоветовал играть С.И.Танеев в бытность мою в Москве, и «Скерцо à la russe» Чайковского, Op.l, №1. Органную фугу Букстегуде, которой нет почти и в продаже, я переложил для фортепиано и старательно выучил. Есипова указаний почти не дала. Я озаглавил её: «Прелюдия, фуга и постлюдия» и около фамилии её автора попросил поставить год его рождения: 1637. Над изучением Скерцо я тоже основательно подумал, и оно шло у меня хорошо, толково и, главное, очень весело. Вещами я был доволен. Хотел я играть «Märchen» Op.8 Метнера и в феврале и марте начал довольно удачно проводить его. Но Есиповой не понравилась вещь, а потом она возненавидела её. В конце концов даже прикрикнула на меня и потом некоторое время дулась.

Экзамен Есиповой был разделён на два дня: в первый день играли новички и трое старых девиц похуже; во второй день играли остальные. Я был поставлен в первый день пятым, но когда на репетиции я, как говорят, шикарно сыграл фугу и Скерцо, меня поставили последним в первый день, что мне доставило невероятное удовольствие. Как-никак, а это оттеняло меня среди других, и моё самолюбие было больше чем польщено.

Итак, я играл четвёртого, играл спокойно и хорошо, и выиграл 5, в чём, положим, не сомневался, а немного надеялся на 5+. В этот день играло всего восемь человек, так что экзамен был довольно куцый. Публики было много, но зал не ломился. Есипова протянула мне лапку и сказала: «Очень хорошо». Глазунов заговорил о том, кто такое был Букстегуде.

Всё было хорошо, но... были тут и «но». Во-первых, я получил 5, а Малинская и Кузнецова 5+. Это раз. Все остальные, кроме одной, получили тоже 5, хотя играют

хуже меня. Это два. Затем я несколько раскис, потому что слишком долго после конца проболтался в артистической, а когда вышел, то Ганзен уже ушла домой. Наконец, кое-кого, кого бы я желал иметь среди своих слушателей, не было: Глаголевой, Рудавской, Эше, Мясковского, Винклера, Николаева. Остальное было хорошо, а Ильин сказал:

- Ваши акции очень повысились в моих глазах: я считал вас просто композитором, учащимся роялю, а оказывается, что из вас может выработаться шикарный пианист.

Что касается до второго дня, который был действительно торжеством есиповского класса, то Боровский и Гофман получили по 5 с двумя крестами (!), Берлин 5+, остальные большинство по 5. Боровский действительно чудесно играл Брамса, Паганини как великолепный законченный пианист. Ахрон и Зейлигер, получившие в прошлом году по 5+, получили теперь 5 без «Георгия» и сочувствовали себя с обрезанным хвостом.

Этот второй день экзамена я был уже свободен и сидел с Фридой Ганзен на балконе. Фрида тонкая, изящная, пикантная, очаровательная: я сидел и любовался на неё. Наискосок от нас, тут же на балконе, находился Мясковский. Когда экзамен окончился, Фрида начала малость будировать. Впрочем, к концу дороги немножко разошлась. На другой день праздник. Просил её позвонить по телефону. Теперь сижу дома и скучаю по ней. Фрида по телефону не звонит, хотя я жду.

10 мая

Сегодня у Фриды должен быть рояльный экзамен, но у её Дубасова невралгия, и никаких экзаменов не будет.

Всё последнее время Фрида киснет. Нервы издёрганы до крайности и, в завершение всего, я поручусь, что она отчаянно тоскует по старшему Пиастро. Мои акции за последнее время понизились и стоят, должно быть, незначительно выше, чем стояли месяц назад. У Ильина повысились, а в Дании понизились. Чем не международная биржа?

Ревную ли я к Пиастро? - нет. Я почти уверен, что он не платит ей взаимностью или платит десятой долей того, что она посвящает ему. Я ставлю Пиастро довольно высоко и в известной степени уважаю его. У него есть ум, он сам по себе довольно интересен, талантлив и имеет имя как артист.

Когда Ганзен благоволила к ухаживаниям Кирлиана и гобоиста Петрова, я был в ярости, потому что эти два ничтожества не стоили капли внимания, я не мог сносить, чтобы на них обращалось внимание. Против Пиастро я ничего не могу сказать, он имеет право на любовь Ганзен. Сражаться бесполезно, и если я когда-либо и достигну победы, то ценою многих обидных поражений.

Впрочем, только в этом году я занял видное положение в Консерватории, в прошлом же я был мало известен и всё равно, вероятно, проиграл бы Пиастро.

Конечно, на акте миллиард народу и никого не найти, кого надо. Программа тоскливая. Впрочем, Шуберт мне скоро показал Фриду. Поздней, прогуливаясь с Голубовской по коридору, я встретил её в комбинации с Нюрой и Мишей Пиастро и раскланялся с ней. Мне хотелось повидать Зилоти, Рудавскую, старшую сестру Эше, да кроме того, я чуточку дулся на Фриду, - мне не захотелось присоединиться к ней. А когда под конец я захотел разыскать её, то она куда-то скрылась.

Так я её и не видал. Сегодня сижу дома, завтра намереваюсь тоже. Хотя у Фриды и экзамен по устной гармонии и она, конечно, будет ждать моего появления в Консерватории. Послезавтра экзамен Дроздова и Оссовской: Глаголевой и Алперс. Я думаю, Ганзен зайдёт на экзамен. Меня этот день интересует. С неделю назад получил от Фриды фотографическую карточку. Карточка удивительно

очаровательная. Я часто любуюсь на неё и таю.

22 мая

Двенадцатого пришёл на экзамен Глаголевой и Алперс. Фриды не было. Впрочем, Фрида скоро пришла и уселась в передних рядах. Я стал слушать Верочку. Ничего, мило, сделала успехи, что я ей и высказал очень любезно.

Потом пошёл в артистическую, где кисла Лёся в ожидании своего номера.

- Я сегодня поеду в Сестрорецк на открытие сезона, - объявила она, - поедемте?

Я обрадовался. Уговорились, что я заеду к ним в пять часов, пообедаю, затем соберётся компания, и в шесть мы выедем. Глаголева играла так себе, но зато идеально вышла на эстраду.

В пятом часу я пошёл к папе в больницу. В шестом часу я вышел оттуда. Погода была чудесная, я как-то встряхнулся, до отхода глаголевского поезда оставалось три четверти часа, я вскочил в трам и поехал в Новую деревню на вокзал.

Трамвай пришёл минуты за три до отхода поезда. Я посмотрел туда-сюда, Глаголевой не видно, поезд тронулся и я поехал. Я прошёл через всю цепь вагонов, но компании не нашёл - видно, со следующим поездом поедут. О Сестрорецком курорте я не имел Keine Ahnung[10], а между тем, оказалось, что ехать-то туда более часу.

Становилось скучно. Я стоял на площадке последнего вагона. Погода была очаровательная. Вокруг зелено, тихо и весело. Я думал о том, какая это была бы чудная прогулка и как скучно теперь одному.

Становилось тоскливо. Дико выглядело - нестись куда-то бесцельно, неизвестно зачем. Действительно, какого чёрта я буду делать в Сестрорецке. когда Глаголева, ждавшая меня обедать, быть может, разладила со своею компанией и совсем не поехала. Между тем целый час ехать обратно, да ещё потом почти час в трамвае до дому.

Становилось невыносимо. Я заставлял себя доехать до курорта, но не мог. На последнем разъезде попался встречный поезд, я перепрыгнул в него и... вернулся в Питер.

На другой день я отправился к Мясковскому, не зная, пойду ли я на экзамен пения или нет. А он заговорил об экзамене, о том, что Асафьев аккомпанирует на нём, я потащил Мясковского и мы пошли. Отлично, а то я терпеть не могу являться один, когда не знаешь, зачем пришёл. Мы скромненько уселись с ним на балконе.

Вдруг - трах - внизу появилась Рудавская, живая как ртуть, хорошенькая как картинка. Это была новость для меня. Дело в том, что она давно уж исчезла, а на акте я видал её только издали. А прежде, в добрые времена, мы сговаривались переписываться летом. Теперь, не надеясь больше её видеть и запасаясь корреспондентами на лето, я ставил Рудавскую на одно из первых мест и, боясь, как бы она не закатилась куда-нибудь на лето, черкнул ей маленькое письмецо, так, милую эквилибристику в словах.

Как оказалось, письмо произвело эффект. Письмо она получила вчера, а сегодня появилась в Консерватории. Появился Макс, этот уж на балконе и объявил, что он уезжает в деревню. Я пошёл проводить его донизу, причём уговорились играть летом по переписке в шахматы (!), нельзя же, в самом деле, просто переписываться после прошлолетнего скандала! Кстати сказать, он на экзамене играл отчаянно; волновался, сбивался, путал, но всё же «выиграл» 4.

Экзамен скоро кончился. Я встретил Antoinett'очку, которая опять пообещала быть завтра и сейчас же спорхнула, - а затем Фриду Ганзен. С ней мы пошли домой.

[10] Никакого представления (нем).

Фрида небрежничала: видела меня с Рудавской.

На другой день — экзамен Розановой. Рудавская была очаровательна и всё время со мной. Мы по-дружески расстались. Antoinett'очка обещала скоро написать мне; подарить свой портрет; если будет хорошая погода, то пойти куда-нибудь на прогулку, словом, как всегда кучу вещей - и канула в вечность.

На следующий день, девятнадцатого, был экзамен Нюры Паласовой. Фрида волновалась за неё до умопомрачения. А мне сказала, что завтра снова, может, уедет в Москву. Может, совсем до осени не вернётся в Петербург, может через несколько дней вернётся.

20 июня

Конец июня. Дни идут на убыль. А я всё ещё сижу в Петербурге. Предскажи мне кто-нибудь это раньше - я пришёл бы в ужас. А между тем это так. Папа всё ещё болен и, кажется, безнадёжно. Вся хирургическая часть болезни прошла благополучно, оказавшийся рак вырезан, всё починено, но истощились силы после трёхмесячной борьбы, отказывается служить сердце и аппетита нет, а только аппетит может спасти дело. Мама измучилась, не покидая его ни на минуту, ни днём, ни ночью с самого марта, а я, хоть и не оказываю помощи, всё же кисну в городе. Такая хорошая была зима! - лучшие же месяцы года не увенчали зиму.

Я занимаюсь, но не так серьёзно, как надо бы. Играю на рояле, работая над тоном и круглыми пальцами, и над Концертом Сен-Санса с «Мефистовальсом». Кончил «Сны». Сочинил много материала для Концерта. Пописываю сонатинки.

А всё же атмосфера-то не та.

Собственными усилиями организовал турнир по переписке призёров и с удовольствием играю в нём. Выиграл матч у П.П.Сабурова на чемпионате Консерватории (!) +2 -0 =1. Как будто стал лучше играть в шахматы.

Петербург опустел. Один камень, людей нет. Захаров в Териоках, Мясковский на Сиверской, Голубовская там же, Алперс в Павловске, Макс в Пушкине, Боровский в Сергиевской Пустыне, Глаголева в Сестрорецке, Рудавская в Териоках, Борщ в Елизаветграде, Паласова - Екатеринодаре, Ганзен в Каменской.

Ганзен! В мае уехала она в Москву, но скоро вернулась оттуда. Вернулась и заболела. Заболела простудой, нервами и белыми ночами. Мне было прислано много писем, усердно переписывались, но прожила она в городе десять дней и уехала на юг, ни разу не повидавшись со мной. Мне очень хотелось её видеть, я скучал по ней, но Ганзен была деревянной и с редким равнодушием обошлась без меня. С дороги и из Каменской пришло от неё четыре письма, - я не ответил на них. Прощай, Фрида.

Меж тем Рудавская, конечно, не сдержав ни одного обещания, улетучилась в пространство. Я долго ждал и наконец опять решился черкнуть ей красиво-жонглёрским письмом. Как я удивился, когда Antoinett'очка на другой же день зазвонила ко мне по телефону. Через полчаса она ждёт меня у Консерватории, она идёт кой-куда по делам, хочет видеть меня и имеет время немножко погулять. До сих пор не уехала из Петербурга. Я обрадовался и сейчас же пошёл. Она была уже на площади, дуся такая, с розовым бантом на шляпе, розовым галстуком и розовой розой под ним. Мы побывали у её портнихи, у подруги, погуляли в саду на Васильевском острове, я проводил её до дому и решил, что Antoinett'очка бывает очень, очень милой.

На другой день она уехала в Териоки, а затем черкнула оттуда премилую писульку. Я сейчас же ответил по её просьбе на poste restante[11], но вот уже неделя,

[11] До востребования (фр).

а Тонечка не отвечает. Впрочем, я понимаю, что слишком много причин могут помешать правильной корреспонденции с ней, и нисколько не обижаюсь на свою милую подружку. Три последних вторника ездил в Павловск на музыку. В Павловске живут Алперсы. Я обыкновенно приезжал туда в четвёртом часу, гулял с Верочкой, в шесть обедали, потом чуточку музыканили и половина восьмого шли на музыку, а в одиннадцать я уезжал. Алперсы - семья редкая по своему единению. И между прочим, единение это сказывается и в том, что все в семье очень меня любят. Бывать у них отрадно и приятно. А Верочка очень хороша; добавлю злостно: когда нет других.

Впрочем, Бог с ними, - коль нет, так и нет. Последний раз мы гуляли целых два часа. Вышли куда-то за город, на полотно дороги, а затем в поле и в лес. В лесу я взял Веру просто под руку. Хорошо в лесу! Я почти никогда не бывал в лесу. И эта solitude en deux[12], когда вокруг далеко никого нет, один лес, густой и полутёмным - производило какое-то особенное, манящее впечатление.

Но в лесу было сыро: мы скоро вышли в поле. Посидели, отдохнули и отправились домой. От этой прогулки у меня осталось очень милое, хорошее впечатление.

Есипова проводит лето в Гунгербурге. Вот мы с Захаровым и отправились туда навещать её. Она очень любит, когда ученики приезжают к ней. Борис поехал днём раньше, я - днём позднее. До Нарвы ехать шесть часов в поезде - довольно скучно. Я был крайне удивлён, когда встретил в поезде Костю и Лелечку Скалон, и мы так весело поехали, что пожалели, что Нарва подбежала так быстро. Я был в ударе, болтал без умолку.

В Нарве я перекочевал на речной пароходик и через сорок минут пристал к Гунгербургу, где меня встретил Боря. Остановились в гостинице. С двенадцати дня до вечера проводили время у Анны Николаевны, очень милой с нами, а по утрам и вечерам гуляли с Борей по саду и по пляжу. Анна Николаевна была почти одна: с ученицей Швейгер и приживалкой. Мы убивали время «винтом», шашками и всякими другими способами. По вечерам очень мило гуляли с Захаровым и очень сошлись с ним - насколько можно сойтись при его скрытном и эгоистичном характере. Выпили на брудершафт чая с молоком.

Забавно вышло, когда мы, захотев пить, зашли в курзал. Нам предложили шерикобль. Не зная, что это, мы согласились. А когда из трубочек пососали эту пьяную вещь, то сразу обалдели оба и поскорей убрались на берег моря проветриваться.

Через два дня мы вместе выехали обратно: я - в Петербург, Борис - в Териоки. Он меня очень звал к себе на дачу, и мне крайне улыбалось это приглашение. Мне хотелось попасть на его дачу, уж не говоря о том, что где-то там в окрестностях обреталась Antoinett'очка, - и как только меня выпустили из дому, я собрался и отправился туда.

10 августа

Пишу это, сидя в Сонцовке.

Папа скончался двадцать третьего июля, пробыв ровно четыре месяца в больнице. После того, как в мае вырезали рак из кишечника, долгое время было мало перемен. Надо бы поправляться, но папа лежал и не поправлялся. Либо организм не мог сразу оправиться, либо болезнь была в корне не устранена. И действительно, появились в печени какие- то узлы, рак перешёл в печень и спасения не было. Последние дни папа был без сознания, а когда приходил в сознание, то

[12] Уединение вдвоём (фр).

под морфием, и умер не сознавая, что умирает.

Кончина его не была для меня ударом. Удар был двадцать седьмого марта, когда после первой операции доктора признали положение папино безнадёжным. С тех пор было столько уклонений в ту или другую сторону, что я уже не верил в выздоровление и временами даже желал скорейшей развязки.

Любил ли я его? - не знаю.

Если бы его кто-нибудь обидел, я полез бы на стену, заступаясь за него. Что же касается любви, то за последние шесть лет я отвык от него. У нас было мало общего, а интересов обидах - ни одного.

Зимой я видел его только в те короткие промежутки, когда он приезжал в Петербург, раза четыре в зиму. А потом главной точкой соприкосновения были наши занятия алгеброй, геометрией и рисованием, которые были иногда приятны, а иногда и нет, виной тому - излишняя папина педантичность.

Во всяком случае, я чувствую, что в настоящее время я ещё недостаточно оцениваю всю, безусловно, высокую личность моего отца, много мне послужившего, как своему единственному сыну, и своим упорным трудом надолго меня обеспечившего материально.

Мир праху твоему, праху хорошего и высокого человека!

11 августа

Вернусь к старому.

Дня через три после поездки в Гунгербург, должно быть, двадцать третьего июня, я собрался и двинулся в Териоки к Захарову.

Приехал я в Териоки с радостью. Я очень люблю Бориса Захарова. Он одарён многими качествами, привлекающими к нему. Парень он неглупый, с огромным характером, не без остроумия, очень милый, всегда джентльмен, не только в корне, но и в манерах, и в костюме, очень недурён собой, серьёзный и дельный. Право же, таких людей совсем не так много на свете. Он мне всегда нравился, хотя я до сих пор и не пробовал анализировать почему. Наверное, и в вышеприведённом перечислении я не упомянул всего. Наконец, я не помню, какие качества я за ним не заметил при начале знакомства, хотя я знаю, что наша дружба составлялась очень медленно и постепенно.

В первый раз я увидел его четыре года назад, в октябре 1906 года. Ему наступало девятнадцать лет, мне было пятнадцать с половиной. Я был у Лядова на контрапункте. Помню, как он явился в класс и помню, как в первый же день мы вместе с ним вышли из Консерватории. И больше всего в памяти осталась его огромная студенческая фуражка, необычайно франтоватого вида.

Мы с ним сразу поладили, хотя особенно друг в друге не нуждались, и я не считал его солидным музыкантом. Тем не менее, на следующий год, а может быть, и к концу того же сезона, мы уже были в самых приятельских отношениях. В бытность на фуге начали иногда бывать друг у друга, а на форме составился довольно основательный намёк на триумвират: Мясковский - Захаров - я.

У Захарова есть одно отрицательное качество. Может, это качество плохим назвать нельзя, но всё же нельзя причислить и к хорошим. Это его эгоизм, и эгоизм в связи с его крепким характером. Есть ещё и другие нехорошие качества у него: деспотизм и деревянное сердце, но об этом как-нибудь после.

Вследствие своего эгоизма Захаров интересовался только тем, что в данную минуту касалось лично его. А потому он часто совершенно исчезал с наших с Мясковским глаз, и иметь какие-либо правильные отношения с ним было нелегко.

Между тем, мы с Мясковским сошлись и, несмотря на десятилетнюю разницу, ладили. Я его ценил как великолепного музыканта и серьёзного, постоянно

работающего композитора. Со своей стороны, он считал меня интересным композитором и, быть может, недурным музыкантом: мы показывали друг другу свои сочинения, играли в четыре руки и очень ладили.

За последние полтора года Захарову очень хотелось припаяться к нашей компании, но это ему плохо удавалось, хотя мы всегда были рады его обществу. Но каждый раз как мы собирались у Мясковского или у меня, ему фатально что-нибудь мешало явиться, и он непременно надувал. А когда и удавалось составить триумвират, то он часто чувствовал себя отсталым от наших интересов, и всегда сожалел о том. Мы говорили о Регере, Штраусе, а он этой музыки не знал.

Большое ему спасибо, что прошлой весной он перетянул и устроил меня в класс Есиповой. Это была огромная услуга для меня. Это была такая услуга, больше которой мне едва ли кто-либо когда-либо делал. И я всегда буду ему благодарен за неё.

В прошлый сезон уже было нечто вроде дружбы. А когда я попал в его есиповский класс, то мы и совсем сдружились. Когда-ж в конце мая этого года он позвонил мне по телефону и сказал, что прощается и едет на дачу в Териоки, и я ответил, что, вероятно, просижу в городе с пол-лета, то он выразил живейшее участие и сказал, что я непременно должен погостить у него в Териоках и что мой отказ прямо обидит его. Я с радостью согласился. Пока же сговорились вместе навестить нашу бабушку (Есипову).

Вывод: наша дружба с первого дня знакомства до последнего прощания на териокском вокзале идёт crescendo, а потому нет оснований ждать diminuendo! Повторяю, я очень люблю его и очень радуюсь этому обстоятельству.

12 августа

Итак, я очень довольный приехал в Териоки. Семья Захаровых большущая: шесть братьев, две сестры, плюс два мужа у сестёр, плюс две жены у братьев, итого двенадцать; матери нет, а отец не живёт в Териоках и только иногда наезжает. Всё это народ взрослый (Боря почти самый молодой) и при общем единении царит полная республика. Хорошо! Удивительно привольно себя чувствуешь у них.

Дача богатая, «вилла», как ей больше подходит название, обставлена с самый безупречным комфортом, все обитатели на редкость милый народ, простой, молодой и весёлый. Не прошло нескольких дней, как я узнал всех, сошёлся со всеми и чувствовал себя как рыба в воде. Крокет, теннис, игра в четыре руки, купание в море, прогулки - всё одно за другим.

Впрочем, не все члены семьи были налицо, не хватало трёх братьев, которые добавились в июле. Семью Захаровых дополняла семья Карнеевых, жившая через две дачи от них. Здесь действующими лицами были две барышни: Лидуся и Зорюся. их брат Лёва, прозванный мною Симпомпончиком, и хвост детской мелкоты вдобавок.

Лидусе было семнадцать с половиной лет, это была очень недурненькая барышня, тонкая, гибкая, с очень милыми глазами, весёлая и простая, временамя до пустоты, но искупавшая эту крайность своей необыкновенной симпатичностью. «Лидуся ли дуся?» - лепетала она постоянно, и все с радостью подтверждали это.

Зое было на два года меньше. У неё тоже была миленькая мордашка, более детская, более куклообразная, если можно так выразиться, чем у Лиды. Но она была солидней и рассудительнее Лиды, хотя в ней и проглядывал частенько ребёнок.

Лидуся всё-ж была лучше Зои.

Симпомпончик был хорошеньким тринадцатилетним гимназистиком, премилым мальчишкой и общей симпатией.

Мы познакомились в первый же вечер. Это был вечер накануне Ивана-Купалы и вся компания отправилась на берег моря жечь смоляные бочки. К знакомству с барышнями Карнеевыми я отнёсся с глубоким равнодушием, но, заранее решив быть милым со всем, был любезен и с ними.

На море, когда на протяжении нескольких вёрст зажглась целая цепь костров получилась преинтересная картина. Боря быстро сорганизовал свой собственный кострик, собрал уйму мальчишек, поднял суматоху, и так мило - Боря-то! - стал беситься с Лидусей и Зорюсей, так мило за наш ухаживать, и те отвечали таким заразительным весельем, что в один миг втянули и меня.

Я вообще быстро схожусь, но тут было быстро и для меня. На другой день нас спрашивали: сколько лет мы знакомы? Отношения между всеми нами были чрезвычайно простые и свободные. Отношения, которые можно было довести до этой степени только зная совершеннейшую корректность Захарова. Я был сразу принят на веру, как ближайший его товарищ.

Мы ругались и дрались (в чём особенно отличалась Зорька), и прогуливались обнявшись с барышней. Но не было здесь капли вульгарного или грубого. Всё это было весело и просто. Девицы верили в нашу корректность и охотно дурачились с нами.

С нашей стороны, мы тоже охотно бесились с ними и очень любили их хотя и решили между собой, что они милы, пока играешь с ними, а как с глаз долой - так из памяти исчезнут.

Лидусе мы без колебаний отдавали предпочтение перед Зорей.

Зоя была «большой девочкой», Лидуся «молоденькой девушкой», временами преочаровательной, когда у неё, несмотря на её поверхностность, проскальзывали глубокие задушевные нотки.

Когда Боря был с ней, - мне дополнением была Зоя; когда я был с Лидой - бесился с Зоей Боря. Мы нисколько не тяготились такими переменами. Напротив было очень весело, и, гуляя по вечерам, наша квадратная компания была неразлучна. Лидуся, Зорюся, Борюся и Сергуся!

В Териоках Боря научил меня играть в теннис. Я очень увлёкся этой прекрасной игрой. Научили меня играть и в «девятый вал». Посадили так, от скуки, в дождливый день - играть по гривеннику и по пятачку. Я не ушёл, но не хотел отказаться ассигновал семьдесят копеек, высыпав всю мелочь из кошелька на стол. Игра мне готовила сюрприз: я встал из-за стола с восемнадцатью рублями в кармане но с полным отвращением к игре. А специалист по этой части, доктор Хайкин продул двадцать пять рублей.

В крокет я устроил «чемпионат», правильней турнир, который до того увлёк всю компанию, что целых два дня о нём только и говорили. Кавалеры снимали пиджаки, а дамы - корсеты, чтобы удобней было играть. Николай же Степанович брат Бориса, сломал молоток, проиграв мне партию. Первый приз получил Боря, блестяще расколотив всех конкурентов. Второй приз достался мне.

16 августа

Собираясь в Териоки, я знал, что где-то там на даче живёт Антуанеточка Рудавская. Но как найти её - это было задачей, ибо на мой ответ на её письмо последовало молчание, и так я ничего с тех пор и не слыхал о ней.

Я сказал Захарову, что в Териоках живёт одна моя консерваторка.

- Как же, я несколько раз на вокзале встречал её. - ответил он.

- Это самая хорошенькая консерваторка всей Консерватории, - говорил я.

Захаров говорил, что она вовсе уж не такая хорошенькая. Словом, когда я приехал в Териоки, мне ужасно хотелось сыскать её, но Захаровы так меня

закрутили, что прошло дня три, а я не только не нашёл Рудавскую, но даже не начинал и искать её. Между тем, родители отпустили меня всего на три дня, обещая выпустить ещё, если папино здоровье позволит это. Три дня прошли, как три минуты, и мне пора было ехать в Питер. Борис пошёл меня провожать. Я шёл и ворчал, что проворонили Рудавскую. Мы подходили к вокзалу.

- Смотри направо! Вот она, твоя консерваторка! - закричал вдруг Захаров.

Я оглянулся, увидал толстоватенькую фигурку и сердито отвернулся.

- С ума ты сошёл, - сказал я Захарову.

- Да ну, конечно она! Вон она сидит! - чрезвычайно обрадовался Борис. - Кланяйся ей! Ну! - и он, не теряя времени, снял с меня шляпу, симулируя поклон.

- Перестань, пожалуйста, это вовсе не она! Это другая... Это Попова.

Я был окончательно сбит с позиции такой подстановкой и был в ярости.

Между тем, она приблизилась к нам. Пришлось раскланяться и подойти. Но я сейчас же обрушился с вопросами о Рудавской. Нескольких слов было достаточно, чтобы она догадалась, о ком идёт речь, и подтвердила, что действительно хорошенькая девочка из научных классов здесь живёт и даже часто бывает на вокзале.

- Так ради Бога, - кончил я, торопясь в отходящий поезд, - если увидите её, скажите, что я, во-первых, очень и очень ей кланяюсь и очень хочу её видеть, а затем завтра я вернусь, вероятно, обратно, так где я могу её поймать? - и уехал.

В Петербурге оказалось, что кухарку отпустили, квартиру заперли, и будут очень рады, если я поселюсь у Захаровых. Захаровы мне тоже были рады, я - рад втройне и, благо папа чувствовал себя удовлетворительно, на другой день собрался и уехал уже на более продолжительный срок, обещая каждые три дня навещать родителей в Петербурге.

На вокзале встречаю Попову, на этот раз с радостью.

- Видела вашу девицу, просила вас завтра быть здесь ровно в двенадцать часов.

Я просиял и на другой день минута в минуту явился на вокзал.

Хоть Антоша и надула меня, но я не был в особенной обиде на неё. Тут дело было не в кокетстве с её стороны, не в некорректности, а, скорей всего, в неопытности: юная девица либо перетрусила, либо задержалась из-за мамаши, или что-нибудь ещё, но едва ли захотела надуть меня. Однако как-никак, а связь с Антошей опять порвана. Как её теперь увидишь! Я несколько раз заезжал на велосипеде на вокзал, видел Попову, но та ничего путного не сообщила мне.

Раз как-то под вечер я уговорил Бориса поехать на вокзал свезти письма. Он упирался, но поехал. Почему-то ему на самый вокзал не хотелось идти, и он с велосипедами остался в ближайшем лесочке, я же с письмами выбрался на платформу.

Бац - Antoinett'очка. Мила, как всегда; на свидание никак, никак не могла придти; рада меня видеть, а то ей скучно - знакомых никого нет.

К сожалению, я торопился, так как Захаров ждал меня, и долго пробыть с Antoinett'очкой не мог. Условились опять встретиться завтра пол-одиннадцатого у моря, около казино. Когда я вышел, Захаров уже подъехал к вокзалу, ведя сбоку и мой велосипед.

На другой день половина одиннадцатого я был надут тем же самым манером, как и в предыдущий раз. Чёрт возьми! Странно, но я опять-таки не обиделся на Антошу. Но было стыдно, что меня водят за нос и, между прочим, перед Борей. А хуже всего то, что нить опять выскользнула из рук, и я опять не знал, где мне ловить Antoinett'очку. Уж я и на большом териокском пожаре был, и ходил в церковь по воскресеньям - ничего не помогало, скрылась Антоша.

Меж тем мы с Борей ждали Мясковского, которому написали ещё в самом начале и который обещал приехать после того, как проводит отца во Владивосток.

А уезжал отец числа пятого июля.

Восьмого июля я должен был быть в Питере, ибо это папино рождение, и писал Колечке, что если он желает, то восьмого вечером мы вместе можем тронуться в Териоки. Бывая у родителей два раза в неделю, пятого я тоже был у них. Возвращаюсь вечером в Териоки. вдруг, на вокзале, в большой толпе народа - Борюся.

- Ты что это?

- Да так. письма пришёл опустить; очень рад. что тебя встретил. Вон где-то тут девица твоя разгуливает...

- Ну? - и я отправился к Антоше.

- Я каждое утро бываю у моря, - объявила она. - И завтра буду с одиннадцати часов, приходите. Я буду сидеть поближе, чем казино, там три скамейки.

На этот раз выходило как-будто вернее. Antoinett'ка не хотела сейчас, чтобы Захаров нас видел вместе (почему?), я, со своей стороны, не хотел заставлять его ждать и, в ожидании завтрашнего дня, мы скоро расстались.

Идём лесом. Заговорили о Мясковском. Вдруг Боря ни с того, ни с сего:

- Да ну, ведь известно, что Мясковский вообще плохой музыкант!

Я удивлённо посмотрел на него... Тот сказал:

- Знаешь, побежим, а то так долго идти.

Я побежал, он за мной. Вдруг слышу, что он отстал и кричит:

- Эй, Серёжа! Стой! Серёжа!

Оглядываюсь: стоят Захаров и... Мясковский, маленький, серенький. Я обалдел. А потом бросился душить и обнимать его. Оказывается, душоночек приехал днём, а вечером приятели пошли меня встречать. Пришли к предыдущему поезду и потом почти час ждали на вокзале. Тут же увидали и Antoinett'очку, причём Колечка нашёл, что та, другая - была лучше. (Ганзен, стало быть). Когда подошёл мой поезд, Колечка ушёл в лесочек, для того ли. чтобы не помешать мне увидеться с Тоней, или просто хотелось околпачпть меня в лесу, но только после смеялись мы много. Вообще мы были очень довольны, что наш триумвират собрался и чувствовали себя чудесно.

Но только Мясковский вне музыки не существует, ходит одна какая-то молчаливая тень. Странный он человек. И до чего необщителен, особенно с дамами - передать нельзя. Как музыка - так другой человек, для которого ничего, кроме одной идеи, не существует. Таков Мясковский. Хотя с глазу на глаз или в триумвирате он мил, болтлив, иногда даже очарователен.

Итак, на другой день в одиннадцать я отправился на пляж и на одной из трёх скамеек нашёл прелестную Тонюшу, склонившуюся над «Сафо» Доде. Мы погуляли по пляжу, я привёл её в прилегавший к морю Захаро-Дурдинский парк, заброшенный кусок леса, куда, однако, вход посторонним воспрещён. Гуляли там, собирали землянику, нашли кучу клочков какого-то документа, подобрали, уселись на траве и стали реставрировать документ. Оказалось, что это был перечень имён для поминовения в церкви - мы были несколько скандализированы.

В это время в отдалении, по дорожке, прошла дама в белом, с красным зонтиком, в которой я, как же показалось, узнал belle-soeur[13] Бориса, Зинаиду Эдуардовну Захарову. Мы с Тоней сидели на траве с клочками документа на коленях. Я. шутя, чтобы белая дама нас не рассмотрела, прилёг на траву за Тонюшу, и дама благополучно проследовала мимо.

Между тем приближался час дня. Пора было мне обедать, и мы расстались до завтра. Вернулся я на дачу в тот момент, как все садились за стол. Оказалось, что про моё свидание проведали, - и тут-то началась пальба со всех сторон. Уж дразнили

[13] Жена брата (фр).

меня этим свиданием, дразнили; я храбро и блестяще отбивался как мог, но ничего не помогало: пол-обеда дразнили. Впрочем, добродушно.

После обеда я даже спросил Колечку: что это они такое?

- Для развлечения, - улыбнулся тот.

Однако я не смутился и часто бывал на море. Мы мило гуляли с Антошей, правда, недалеко, далеко только собирались, но всё же самое лучшее, самое безоблачное воспоминание осталось от этого милого териочного времени.

Тоня являлась на свидания в моей quasi-брошке из quasi-золота, которые только что вошли в моду для ношения с пикейными воротничками, и которую она стибрила у меня в одно из первых же свиданий.

Так длилось недели полторы. Но случился дождь, наше свидание не состоялось, и нить опять порвалась.

В субботу, это было семнадцатого июля, я в начале десятого часа отправился на вокзал с письмом в руках, а главное поискать, нет ли Антоши. На платформе действительно сидит Тоня, малюсенькая, в малиновом японском шарфе и в толпе родственников. Пришлось поклониться и пройти. В петлице у меня красовался огромный цветок белого табаку. Я сел на платформе в толпу, в нескольких скамейках от моего магнита, и стал ждать. Долго ждал я. Но когда вся компания тронулась домой, Тоня на мой взгляд успела ответить улыбкой. Я развеселился, поехал домой. Вставать надо было рано, относительно, конечно. Я встретил симпатичного Е.А.Зноско-Боровского, прибывшего на пару дён в Териоки, и просил его зайти на другой день часов в десять на дачу.

День был чудесный, было воскресенье, настроение праздничное. Бывают такие деньки.

Пришёл Зноско. Мы с час с ним провозились за доской, да за разговорами. Все ушли в церковь. В двенадцатом часу собрались и мы с ним. У него, по-видимому, было свидание, я же, конечно, шёл искать Antoinett'ку. Пришли. Церковь чуточная - хвост молящихся на улицу. Я в ожидании сел на скамейку.

Толпа скоро повалила. Ушли Захаровы, ушёл Зноско, я всё сидел на скамейке. Тонюша появилась почти последней, увидела меня, закивала головой и пошла навстречу. Отправились на море. Честь честью закадычными друзьями.

После обеда я до самозабвения играл с Зинаидой Эдуардовной в теннис, ходил купаться, опять мельком повидал Антошу, затем снова играл в теннис, а в девять часов мне подали телеграмму: «Приезжай, папе плохо».

Половина первого ночи я был в Петербурге в больнице.

21 августа

В больнице начались печальные времена. Папа был навсегда погибшим. Наступило распадение раковых узлов в печени. Всё разрушалось внутри организма. Это было здание, которое ещё сохраняло вид снаружи, но у которого всё рушилось внутри. Вид снаружи! - этот вид был ужасен, а если не ужасен, то плачевен. Папа плохо сознавал окружающее, а потом и совсем перестал сознавать. «Посадите» - ежеминутно, едва внятно просил он. Стонал понемногу; голова на подушках была повёрнута набок. И правой рукой всё время проводил по лицу, трогал уши, поглаживал усы и короткую бороду. Спасения не было - какое спасение! - ждали дня, когда он умрёт. О, ирония! - сидеть и ждать, когда же наконец умрёт любимый человек!

Мы с тётей Таней ночевали на квартире, мама и приехавшая по телеграмме тётя Катя - в больнице.

Двадцать третьего июля в пять часов утра нам позвонили. Было уже светло.

- Папа умер, - просто сказала тётя Таня.

- Царствие небесное. - ответил я, оделся и пошёл в больницу.

Наступило тяжёлое время панихид, похорон. - ох, нехорошее время. Только в такое время оцениваешь беззаботное житьё.

22 августа

Тоне, от которой я получил пару сочувственных писем - милых и бестолковых, я перед этой последней поездкой в Териоки написал: приеду двадцать девятого, в одиннадцать дня. и очень хотел бы повидать её.

Я мало надеялся на то, что Тонька выйдет на вокзал, но первое, что я увидел на териокской платформе, была она. Выразила мне массу сочувствия, всё это время только и думала обо мне, и наконец сейчас пробудет со мной, сколько я желаю. Мы пошли по полотну и прогуляли более часу в самом дружеском разговоре. Половина первого мы вернулись на вокзал - мне надо было поспеть к часу к Захаровым обедать. Условились завтра в десять встретиться опять, а может быть днём и вместе поехать в Петербург, так как Антоша собиралась туда - оставалось поладить с мамашей. Тонюша проводила меня до половины захаровского леса, я поцеловал её лапку - и ровно в час явился на дачу.

У Захаровых все встретили меня невероятно ласково.

После обеда сейчас же объявили чемпионат в крокет, на подобие того, как я устраивал раньше. Несколько часов шла борьба, не покидая крокетной площадки, но наконец все малость притомились, а мне смерть хотелось покидаться в теннис. Кончилось тем, что я пошёл с Зинаидой Эдуардовной на теннисную площадку.

Вечером музыканили и гуляли; были Лидуся с Зорюсей. Борюся был редкостно мил со мной.

В девять часов все встали, собрались в зале у фортепиано. Все смеялись и были веселы, а на улице было серо, ежеминутно проливался дождь, временами пресильный, было мокро и неприветливо. Я тоже, как и все, смеялся; внутри же было серо и тоже лился дождь.

Так тянулось до обеда. Около двух часов встали из-за стола. Погода просияла.

Собрался я уехать в пять часов, но был у меня ещё вчера разговор с Рудавской, что если ей удастся поехать в Питер, то поедем мы в 3.30; словом, всё это выяснилось бы на злополучном свидании.

Я решил ехать в 3.30. Это была последняя надежда встретить Антошу на вокзале. Иначе *я* терял её до осени. Я собрал вещи, которые оставались ещё с прошлого приезда, и стал прощаться. А потом вспомнил, что у меня в переделке ещё брюки в магазине и надо заехать туда за ними. Как раз ехала по тому направлению в своём экипаже belle-soeur Бориса. Она с радостью довезла меня до магазина, а Боря обещал придти прямо на вокзал.

Минут за десять до отхода поезда мы расхаживали с Борисом по платформе. Я смотрел во все стороны и не находил Рудавскую. Всё рушилось. И вот, когда я уже совсем терял надежду и мысленно прощался со своей подружкой, из какой-то щёлки выпорхнула на платформу она. Рудавская, симпомпошка - и прямо на меня.

Правда - или врёт, но она была утром на вокзале, где мы назначили свидание, и когда-б не дождь, готова была гулять со мою много и долго, и даже - захоти я - прокатиться куда-нибудь на соседнюю станцию в поезде.

- Antoinett'очка, ангелочек, умоляю вас, поедемте сейчас со мною: мы отъедем на станцию или две, погуляем там и разъедемся каждый к себе.

Антоша почти соглашалась, но отсылала меня всё время к Захарову. Мне тоже хотелось провести с ним последние минуты, но потерять Тоньку было ужасно. Знакомиться с ним она не хотела. Наконец, я почти уговорил её ехать. Рудавская пошла на другую платформу, где подходил мой поезд, а я - к Боре, который только

что встретил знакомых, приехавших с поездом, подошедшим из Петербурга. Через этот поезд мы с Борей перебрались на другую платформу, где подходил мой поезд и стояла Antoinett'очка. Здесь, под грохот подходящего поезда и шипение паровозов, я познакомил её и Бориса.

Она стояла на площадке вагона, я был на ступеньках. Боря внизу. Боря со всею своей находчивостью старался поддерживать разговор; Рудавская отвечала неохотно и сбивчиво; я чувствовал себя несколько dépaysé[14] и не находил темы для разговора. Словом, приятно было, когда пробил третий звонок, мы с Борей трогательно расстались, и я вслед за Antoinett'очкой скрылся в вагоне. Вагон был почти пустой, всего один какой-то субъект.

Мы сидели с Рудавской рядочком, беззаботно болтали и были бесконечно счастливы. Я уговорил её ехать до Белоострова, чтобы выгадать время таможенного осмотра.

Время летело пулею; станции мелькали, как телеграфные столбы. Мы мигом докатили до Белоострова, я сдал мой пакет в таможню, до следующего поезда было два часа - мы взялись с Антошей под руку и пошли гулять - куда? - куда глядят глаза.

Удивительно приятно попасть с милым существом в незнакомый уголок, где ни места, ни дорог не знаешь, где никого не знаешь и где тебя никто не знает. Иметь свободных пару часов, идти и смотреть по сторонам, оставив в стороне все заботы.

Мы шли по шоссе, которое не совсем ещё высохло от утреннего дождя и порой мешало нам идти под ручку. Сначал по сторонам были заборы и постройки, затем появились дачи в промежуток с полянами и лесами, далее заблистали озёра, дачи скрылись, осталась одна живописная комбинация озёр, полей и лесов. Грязи здесь не было, было светло и весело, солнце смеялось, и мы смеялись.

Конечным пунктом мы выбрали небольшой полуостров, поросший группами деревьев и вдававшийся в озеро.

Здесь уж людей не было: было озеро, деревья, Тонюша и я. Мы стояли у самой воды; я крепко целовал её милую, хорошенькую, свежую мордашку. Но в то же время мы не переставали вести разговор о совсем других вещах: Тоня говорила, что озеро глубоко, я же говорил, что вода в нём желтоватая, значит просвечивает дно, и можно в этом озере дойти до середины, не умея плавать и не боясь утонуть.

Так пробежал кусочек времени неопределённой длины, и мы повернули обратно. Тут разговоры уже были о будущем, о том, как адресовать письма, да не приедет ли Тонюша завтра в Петербург, да не опоздать бы на поезд. Так добрались мы до вокзала. Я взял Тоне билет. Оба поезда - в Петербург и в Териоки - уже подошли. Мой отходил поздней, я стоял у вагона Antoinett'очки, пока она не уехала, обещая завтра постараться в три часа быть в Питере у магазина «Александр». Через пять минут тронулся и мой поезд и повёз меня в Петербург.

Этим кончились наши свидания с Тонюшей, ибо побывать на другой день у «Александра» она не смогла.

На третий день утром мы с мамой в севастопольском поезде уехали на юг.

19 сентября

Пишу эти строки в Сухуме.

Из Петербурга мы приехали в Сонцовку. Надо было ликвидировать папины дела, разобрать и что-то сделать с домашним скарбом. Как-никак, а родители мои прожили в Сонцовке без году «тридцать лет и три года».

Приходилось расставаться с Сонцовкой. Мне она доводится родиной моей, но я

[14] В непривычной обстановке (фр).

нисколько не жалел, собираясь покидать её. Заброшенный, пустынный уголок - что в нём хорошего? Когда шесть лет тому назад я всего на ползимы уезжал из Сонцовки. я едва не плакал, настолько моя детская жизнь была связана с этим уголком. Петербург казался интересным, но чужим. Теперь же все интересы связаны с городом: Сонцовка же хоть и кажется старым родственником, но, как и бывает со многими старыми родственниками, никакие жизненные интересы не соединяют меня более с ней.

Разборка и укладка мало меня интересовала и мало трогала. Я занимался музыкой, ходил по полям и с полным равнодушием относился к пребыванию в Сонцовке.

Ездил на несколько дней в Никополь к Моролёву. Василий Митрофанович Моролёв, один из наиболее страстных музыкантов, которых я когда-либо видел, познакомился с нами лет пять тому назад, когда был назначен ветеринарным врачом в наш Бахмутский уезд. Узнав во мне музыканта и пианиста, он так уцепился за меня, что во время своих приездов в Сонцовку буквально не отпускал меня от фортепиано. (Помнится, первое время гвоздём была асдурная Соната Бетховена и «Poème satanique» Скрябина). Со своей стороны, я узнал в нём шахматиста и уцепился за него как за шахматиста. Я объявил ему матч, но был побит (+5 -8 =1). Затем последовал целый ряд матчей, штук пять-шесть, причём уж я стал бить его, а под конец и давать вперёд коня.

Когда он приезжат к нам, мы торговались как цыгане: я ему должен был сыграть такие-то вещи, а он со мной столько-то партий. И затем целые дни «играли». Вообще же он - превесёлый человек и несмотря на разницу лет, мы сдружились очень и даже перешли на «ты».

Три года назад его перевели в Никополь, но я каждое лето ездил к нему в гости. В дневнике я ни разу не упомянул об этих моих летних поездках, вероятно, потому, что эти три-четыре дня. которые врывались в мою жизнь и исчезали, имели слишком мало связи со всем остальным: целые дни играли на рояле и в шахматы, я терял несколько фунтов в весе, и затем, возвратясь домой, входил в обыкновенную колею.

В это лето я тоже поехал к нему на четыре денька. Играл ему мою Сонату Ор.1. Она переделана из бывшей «Сонаты №2», посвящённой Моролёву. Таким образом, и эту я с большим удовольствием посвятил ему.

Седьмого сентября *я* выехал в Сухум к Смецким; мама с тётей Таней приехали через два дня. Собственно говоря, здесь, конечно, чудесно, комфортабельно и... скучно.

Т.е. острой скуки не ощущается, ибо я прилежно перед осенью занимаюсь роялем, да много времени уходит на прогулки. Наконец и срок моего пребывания всего десять дней. Но всё же тянет в Питер, к музыке, к Консерватории. Консерватория уже. наверное, клокочет, как котёл. Объявления в газетах об абонементных концертах с их программой щекочут нервы, особенно когда прочёл в них о «5-й Симфонии» Скрябина. Как? Пятая! - или опечатка?

Пора, пора, здравствуй, милый Север!

Тоня Рудавская писала мне довольно постоянно, часто длинные, но не всегда грамотные письма. Подробно и весьма ласково. Я ей отвечал очень часто, всегда с большим удовольствием и очень ласково. И теперь мне хочется очень увидеть этого помпончика, милую Тонечку. Она что-то смолкла последние две недели и не пишет. Бог с ней: зато нередко снится мне.

Захаров пишет лениво, но страшно очаровательно. Колечка Мясковский расхвалил мою последнюю оркестровую вещь, что мне доставило огромное удовольствие.

Итак, в Питер. Эту зиму я предвижу особенно деловой, толкотливой и приятной.

29 сентября

Двадцать шестого числа поезд довёз меня до Питера. Свои именины, двадцать пятое, я протолкался по Москве, справляя различные музыкальные дела. Видал Купера, который подтвердил обещание сыграть зимой в Москве «Сны».

Сонату мою, Ор.1, которую я посылал в Российское Музыкальное Издательство, мне вернули с отказом, что, впрочем, меня особенно не ошарашило. Я знал, что это прекрасное музыкальное издательство, к сожалению, становится слишком партийным, печатает только небольшой кружок своих композиторов, и чужому человеку почти невозможно туда попасть. Р.М.Глиэр советует через С.И.Танеева устроиться к Юргенсону.

(Кстати, я узнал, что Мясковский послал в Российское Музыкальное Издательство свой романс, и его приняли. Браво, Колечка! Он первый петербургский композитор, который туда попал. Завидно мне? Почти нет, очень немножко. Он хороший музыкант. И если пойдёт как композитор, то вполне достоин этого. А в себя я верю).

Ещё отправляясь из Сонцовки на Кавказ, я высчитал до минут время моего приезда в Питер и написал о том Рудавской, прося её встретить меня. От неё я последние три недели так и не получил письма и не знал, встретит или нет? Это было бы важным показателем наших отношений. Скорее - нет. Хотя, пожалуй, вернее, что и да. Однако, подъезжая к Петербургу, я всё-таки склонился к «нет». А в Сухуме однажды нашёл ромашку и принялся отрывать лепестки: вышло тоже нет.

На Николаевской платформе меня встретила Antoinett'очка и первым долгом всучила розовый букетик. Мы дружно проболтали около часу, затем она поехала к себе, а я на Сергиевскую к Раевским, где, вероятно, проживу до маминого возвращения из Сухума, недели три.

Вечером созвонился с Захаровым по телефону и отправился к нему. Он был рад мне самым неподдельным образом, я тоже. Ему даже будто неловко было от радости. Колечке звонил, но он куда-то улетучился.

На другой день утром, несмотря на ветер и сырость, в Летнем саду состоялось свидание с Антошей. Мы гуляли чуть ли не два часа, промочили ноги, схватили насморк, очень нежничали и, расставаясь, уговорились встретиться на другой день в Консерватории.

Положительно мои письма мне выиграли Антошку! Я не ошибся, решив, что летом, несмотря на всю Антошину неровность, надо ей писать аккуратно и мило, и хоть и досадно подчас писать, но не получать ответа, зато осенью оно может отговориться с толикою. Так и вышло.

Распростившись с Рудавской в саду, я отправился в Консерваторию.

Разница с прошлым годом: тогда я шёл в Консерваторию для того, чтобы попасть в тот мир, который так меня интересует, представители которого меня так занимают, где за моё отсутствие случилось много нового, где многие лица мне симпатичны и интересны.

Теперь - я уже повидал Захарова, повидал Рудавскую - главных представителей среди друзей и подруг. Новости тоже узнал. Остаётся уж всё дополнительное.

Был в этот день урок Есиповой, но не моей группы. Анна Николаевна только что открыла свои занятия. Впрочем, в этот день занималась на дому.

Встретил: Лёнечку Николаева, Сашеньку Боровского. Володечку Дешевова. Все они милейшие ребята, мои большие друзья, со всеми мы расцеловались и радостно встретились. Боровский играл на Рубинштейновском конкурсе и выиграл почётный отзыв, говорят - очень важничает и берёт по пятнадцать рублей за урок; но мил. Николаев приобретает преподавательскую популярность в Консерватории.

Потешаясь, Захаров рассказывал, что теперь в Консерватории только и слышно:
- Вы куда?
- К Есиповой.
- А вы?
- К Николаеву.

Дешевов меня интересует как композитор; я слыхал несколько его вещей: это была ещё необтёсанная, но всё же очень хорошая музыка.

Затем видел самых старинных знакомых, утративших интерес; прошла мимо Алперс и не заметила меня или сделала такой вид.

Когда я перед отъездом в деревню написан ей о папиной смерти, сообщил свой адрес и просил писать почаще и побольше, она собралась ответить чуть ли не через месяц; мамаша-де была больна. Я всё же обиделся на Алперс и ответил ей только через три недели - запоздалым поздравлением с ангелом, отрывистым и туманным, и, несмотря на внешнюю любезность, далеко не любезным. Впрочем, она - милая девочка и семья у неё милая.

Прийдя в Консерваторию во вторник, я перво-наперво встретил Тоню Рудавскую, как она и обещала. Мне нечего было делать в Консерватории, ибо Анна Николаевна позволила мне играть вместо вторника в четверг. Антоша тоже кончила занятия, и мы вместе покинули здание. Я взялся проводить её в Чернышев переулок.

2 октября

В четверг тридцатого числа был у меня первый урок у Анны Николаевны. Накануне я сидел и занимался дома; только вечером заглянул к Колечке Мясковскому. Оказывается, что в Российское Музыкальное Издательство он послал восемь романсов и из них приняли только один. Это уже хуже, чем я думал. Смотрел наброски его Второй Симфонии - ничего, но не больше. Конечно, он её блестяще разделает контрапунктически и она, в конце концов, станет очень интересной. В настоящее же время я только констатирую факт, что она не особенно интересна и не слишком самостоятельна.

В четверг пришёл в Консерваторию на есиповский урок; принёс «Авророчку» Бетховена. Я находил, что выучил её очень хорошо. Но Есипова в самом начале несколько раз оборвала меня по пустякам, а дальше заставила играть ужасно скоро. Лично я доволен моей игрой и, по-моему, сделал с прошлого года солидный успех.

Выйдя из класса, я встретил милую Тоньку, которая стояла и слушала меня за дверью. Тут же прогуливались Ганзен с Абрамычевой.

Ганзен очень подурнела: на шее, на чёрной тесьме появился лорнет, с которым она ежеминутно нянчилась. Я склонен думать, что это подурнение временное, но всё же факт на лицо, что это была уже не та очаровательная Фрида, какой она бывала в иные дни весной. Я почувствовал, что прошла пора увлечения ею, хотя ещё память об увлечении и осталась. Я разговаривал с ней весьма равнодушно и иронически осудил её желание кончать Консерваторию в этом году.

На другой день был Покров, люди, конечно, не учились, но я и Антоша пришли в Консерваторию, дабы встретиться там и пойти гулять. Я потянул её к морю, на Васильевский остров. Тонюшка бодро шагала под руку со мной, подходя к морю утверждала, что она вовсе не устала, и весело болтала. Море было тёмно-серое, почти свинцовое, несмотря на ясный день; бегали маленькие волнушки. Мы с Тонюшей постояли, посмотрели, задул ветер, да Тоня куда-то спешила, мы скоро повернули, дошли до трама и в траме вернулись в город.

14 октября

Прошло две недели. В Консерватории бываю регулярно каждый день. Много времени уходит на дирижёрский и оперный классы, что я, положим, и предвидел. Дважды уже махал оркестром и весьма доволен собою.

С Тонюшей видимся часто, почти каждый день. А если два дня не видимся, так это уже совсем из ряда вон. Пришла было нам фантазия поехать в Кронштадт. Фантазию эту я ревностно поддерживал. Но у Тони болела мать, потом она сама что-то хныкала и страдала головой, а потом стало холодно - и фантазия наша прошла, не будучи выполненной.

Приехала с Кавказа тётя Таня и поселилась в квартире. Приехала она сегодня; я ещё не видал её. По телефону говорила, что мама болела инфлюенцией, в общем мало поправилась, нервничает, плачет. Ужасно жаль маму. Я теперь начинаю ценить её как очень одарённую личность. Шесть месяцев таких трудов, такого подвижничества хоть кого подорвёт. Я надеюсь, что крепкая её натура всё это переработает.

Играю в шахматы по телефону с Голубовской. Забавно. Она попала к Есиповой на частные уроки; да благо ей будет.

Играю в чемпионате города Петербурга, в серьёзном шахматном состязании. Конечно, меня жестоко там наквасят, но ничего, играю с приятностью. Тонюша дала талисман для победы: хорошенький золотой осколочек с бриллиантиком, который она носила на шее, сопровождая это пожеланием и поцелуем. Я хотел повесить талисман на пупочку моего шахматного короля, но противник Рауш взъерепенился, пришлось снять. Партию я чуть не выиграл, но проиграл. Ничего. Следующий раз чуть не проиграю, но выиграю...

Ничего не сочиняю. Некогда. Жаль. (Фу, как развязно!).

3 ноября

Ужасно я занят и миллион времени уходит на дирижёрский класс. Ставят «Царскую невесту» и «Ромео», приходится постоянно посещать оперный класс, что совершенно необходимо, если я решил изучить технику оперного дирижёрства. Техника нелёгкая и временами прескучная, особенно если часами приходится сидеть над такой скверной музыкой, как в «Ромео», но я думаю, что мне скоро удастся её до некоторой степени постигнуть. Что касается симфонического дирижирования, то, конечно, я не могу пожаловаться на ощутимый недостаток в практике как в прошлом году, но всё же эта практика и не так велика, как можно было полагать, судя по составу класса. Довольно много дирижирует Черепнин и очень много съедает Штейман, который - замечу - стоит этого, ибо машет на славу, обещая выработать из себя прекрасного дирижёра (хотя уровень музыкального развития не особенно высок). Коломийцев начинает приобретать права гражданства и машет довольно часто, хотя по-прежнему бездарно, а Кобылянский пока не перестаёт быть нулём.

Я начал этот год весьма сносным маханием и был даже доволен собой, но как-то тут сорвался на «Итальянском каприччио» Чайковского и теперь малость осел. Вообще Штейман здорово опередил меня, чего я не ожидал, но с чем теперь приходится считаться уже как с фактом совершившимся. Как видно, я мало работаю над совершенствованием по этой части. Не потому ли, что недостаточно пылко отношусь к работе над дирижёрской техникой? - или просто никак не могу «вымахаться»?

А времени уходит пропасть и мало остаётся для занятий фортепиано. С этой стороны чистит меня Захаров и вполне за дело: говорит, что этак я зачахну и

заглохну à la какой-нибудь Шуберт[15] или Шмаевский, и ничего из меня не выйдет.

А между тем появляются новые силы, готовые затереть. Одна из новых сил - это Штембер, очень серьёзный пианист, обещающий очень много. Наслушавшись таких речей, я с трепетом пошёл на урок Анны Николаевны, но она меня похвалила за Irrlichter Листа, и я возрадовался невероятно.

Нет! Меня Штембер не затрёт ни талантом, ни пониманием! Неужели же он затрёт работоспособностью?

Штембер, Боря и я записались в гимнастическое общество «Сокол».

Моя мама уже давно добивалась от меня поступления в «Сокол», находя необходимость физического развития. Я упирался: было некогда и лень. Но в августе, в Сонцовке, Д.Д.Сонцову удалось доказать мне, насколько необходима гимнастика и насколько бодрей будешь себя после этого чувствовать. Тут он попал мне в жилку, ибо самое ужасное для меня, это когда я начинаю киснуть или недостаточно бодро себя чувствовать. А это иногда случается со мной, вследствие ли моего быстрого роста в последние годы или по каким-либо другим причинам, но только я ненавижу киснуть. Чем я бодрей, тем я счастливей. Идеал бодрости, по-моему, - муха в солнечный день.

Это смешно, но я часто об этом думаю, глядя на них летом. Вот она, настоящая жизненность, а не вялое прозябание.

Я был очень доволен, когда мне удалось, приехав теперь в Петербург, склонить к тому же Захарова с Мясковским. Положим, Колечка скоро отвалился, а в «Сокол» поступил помимо нас Штембер, так что три представителя есиповского класса вдруг ввалились в это учреждение.

Штембер - юноша лет двадцати, некрасивый, очень серьёзный, скромный, но весьма независимый, симпатичный малый, хотя и не без оговорки. «Соколом» увлечён неимоверно. Словом, втроём нам очень весело, и я тоже увлечён «Соколом».

6 ноября

Я думаю, что человека к жизни привязывает не столько счастье, сколько несчастье. Иначе: человек, испытывая несчастье, начинает дорого ценить счастье.

Отсюда параллель: если два человека не только живут всегда в ладах, но иногда и ссорятся, то через это они гораздо больше оценивают друг друга. Конечно, если ссора не переходит границы.

С Тоней Рудавской мы в последние дни невероятно часто грызёмся. Но зато как-то и больше дорожим друг другом. Может, это мне так кажется.

Вчера мы были на первом ученическом вечере этого сезона. Играл Штембер «Балладу» Шопена (хуже, чем я ожидал). Кроме того, должны были играть Борщ и Ганзен (последняя - Mephisto-Walzer!), но почему-то обе уклонились.

На этом вечере мы здорово разругались с Антошей.

Программа была бесцветная и страшно нудная; я стал упрашивать Антошу пойти гулять или просто потолкаться по Консерватории: в душном зале да в шумном фойе не сиделось, да было и приятно побыть с Тоней вдвоём. Она упёрлась, я стал упрашивать, она упорно отказывалась. Я всё же настаивал на своём, пока она не извелась и не надулась. Когда мы затем уже сидели на балконе и якобы слушали музыку, я сказал ей, что я знаю - мне надо сейчас встать и уйти, это лучшее, что я могу сделать, и всякий бы на моём месте сделал бы это, но у меня не хватает на это силы воли, потому что я не знаю - покинь я сейчас Тоню, и не скоро я опять её увижу, а мне было бы слишком скучно долго не видеть её. Я это сказал очень

[15] Имеется ввиду ученик Консерватории.

серьёзно, и именно эта серьёзность тронула Тоньку.

- Серёжа, я больше не сержусь на вас нисколько, - сказала она.

Мы тихонько пожали друг другу руки.

Насколько сердито мы ссорились, настолько любовно мы помирились.

Сегодня она обещала позвонить мне по телефону и сказать, поедем ли мы завтра в Павловск (опять моя фантазия), но не позвонила: видно, не решается на фантазию.

27 ноября

Девятого ноября Штейман сообщил мне. что по случаю смерти Льва Николаевича Толстого у нас образовалась комиссия по устройству стипендии имени Толстого. А на фонд для этой стипендии комиссия решила повернуть доход с какого- нибудь ученического спектакля или устроить концерт учащихся в Большом зале. Вывод: нам, дирижёрам, надо ревностно поддержать эту мысль и устроить концерт, где мы могли бы выступить.

Я сейчас же сообразил, что мне, пожалуй, удастся поставить «Сны», которые Черепнин и без того уже обещал сыграть, и, кроме того, сыграть Сонату - это было бы совсем шикарно.

Мы с Штейманом начали действовать.

Возни было много. Слишком уж много разных элементов участвовало в устройстве концерта. Комиссия должна была гарантировать сбор и распространение билетов. Мы - составить программу. Черепнин - скрепить её. Глазунов - утвердить. Джиаргули - дать зал и добиться разрешения у градоначальника. Габель должен назначить певца. Ауэр - скрипача. Чёрт знает! Причём каждый преследовал свои выгоды и гнул в свою сторону. Штейман хотел непременно Марш из «Гибели Богов», якобы, для Толстого. Я старался провести свои сочинения. Комиссия хотела, чтобы крупно стояло на программе, что концерт в память Толстого. Джиаргули протестовал, потому что градоначальник из-за беспорядков не пропустит программу. Мы хотели концерт поскорей, пока у всех желание горячо. Черепнин оттягивал, чтобы иметь побольше репетиций. Глазунов, напротив, торопил, так как ехал двадцать четвёртого в Москву. А Джиаргули медлил, говоря, что надо время на разрешение да на напечатание билетов.

Наконец концерт назначили двадцать второго (и попали как раз на концерт Скрябина). А мои вещи прошли обе. Ура! Случилось это так: Соната идёт что-то восемь минут, «Сны» тоже около этого. «Так подаримте же Прокофьеву четверть часа!» - воскликнул Черепнин и тем склонил Глазунова, который заявил, что он сначала послушает эти вещи и если хороши, то поставит на программу.

На другой день я был у него и играл «Сны» и Сонату. Это было первое моё появление перед светлыми очами его степенства после моих нападений два года назад с симфонией.

Глазунову понравилось и то, и другое. А когда я играл Сонату, то откуда ни возьмись принесло Лядку, того самого Лядку, который год назад изругал эту Сонату в прах.

Когда влез Лядов, Глазунов:

- Вот, не хочешь ли, Анатоль, послушать... Сонату... вот Прокофьева...

Анатоль заглянул в ноты и, сморщившись, протянул:

- Ах, это ефмольная...

А когда прослушал, то отозвался совсем одобрительно. Видно, поумнел за год.

Итак, мой дерзкий план реализировался блестяще: я выступал на концерте в Большом зале сразу по всем специальностям: как композитор, как дирижёр и как пианист.

Я был счастлив, горд и занят по горло. Массу времени отняла корректура партий.

Далее начались репетиции: четыре штуки подряд. «Снам» было уделено много времени, так как другие вещи были уже более или менее выучены в течение осени. Но всё же пьеса оказалась трудна для оркестра, и он врал и детонировал безбожно. К концерту кое-как подтянулись и сыграли весьма прилично. По мнению же других, сыграли скверно. Я дирижировал - ничего, хотя не гениально, но и - положа руку на сердце - не гладко. Успех был разнообразный: многие восхищались; другие восхищались, но ругали оркестр (это было большинство); говорят, было много и таких, которые ругали всё подряд.

Зато Сонату я сыграл хорошо. Даже самые заядлые ругатели моего пианизма, как Мясковский и Захаров, и те хвалили моё исполнение без оговорок. В публике Соната имела солидный успех. Меня вызывали. Разучивая её к этому концерту, я сделал много поправок, главным образом, в тонкостях, порядочно подскоблил её и теперь посылаю к Юргенсону, в сопровождении танеевской рекомендации.

28 ноября

Я, как ученик дирижёрского класса, получил даровой абонемент на концерты Кусевицкого в приличных пятирублёвых местах. Недели две тому назад (как раз, когда возникла мысль об ученическом концерте) я предложил Рудавской пойти со мной на один из кусевицких концертов, обещая добыть ей билет, что мне и удалось без особого труда. Тоня подумала и приехала. Её общество на концерте мне было чрезвычайно приятно, хотя в музыке она, откровенно говоря, ничего не понимает. Но слушать серьёзные и интересные вещи она мне не мешала, а во время скучных номеров, которые неизбежны во всяком концерте, мне с нею было не скучно. Вообще же очень приятно и уютно.

Когда концерт кончился, мы оделись и вышли, и я, взяв её под руку, предложил пойти до её дома пешком, то мы уж путали «ты» и «вы», и, смеясь, болтали то и другое вперемежку. Когда же у её подъезда мы распростились с ней и я поднёс к губам её лапку, то мы уж твёрдо стояли на «ты», и через день я получил письмо, написанное совсем по-брудершафтски.

Так прошло несколько дней. До концерта ученического оставалась неделя. Я был с головой занят корректурой партий, репетициями, учением Сонаты, и хоть и ждал дня, когда я увижу Тошку, хоть иногда и скучал по ней, а всё же, вероятно, не в той степени, как думала она.

За Сонату я был спокоен, но «Сны» разучивались с оркестром туго. Оркестр не постигал трудных гармоний, а ключевые знаки пришлось проставить против каждой ноты. На генеральной репетиции сыграли, впрочем, недурно. Народу на этой репетиции было не очень много. Из домашних - мама и тётя Таня. Милый Колечка Мясковский присутствовал на всех репетициях, помогал мне во время корректуры, был страшно мне полезен.

Перед концертом я абсолютно не волновался. Я был совершенно спокоен и даже приехал к началу, хотя моё первое появление на эстраде и было пятым номером.

На концерт явились все мои родственники, человек десять. (Вот кого бы порадовал этот концерт - моего покойного папу). Затем были: Мясковский, консерваторская дирекция in corpore. Кюи, Нурок, Нувель, Захаровы (Борюся и Васюся), Карнеевы (Лидуся и Зорюся), Ванда Яблоньская, Алперс, Борщ, Голубовская. Тонюшка. конечно, Макс, Боровский, Дешевов и прочие. Не было: Николаева, Винклера, Глаголевой, Лядова и, кажется, Ганзен с Паласовой.

Перед «Снами» играла Леночка Гофман solo и оркестр наполовину разбежался, так что его собрали несколько минут перед тем, как мне выйти. Пришёл Захаров, поинтервьюировал меня, поцеловал и ушёл. Выскочил Черепнин, говоря, что

оркестр надо настроить прежде чем играть, а то он совсем не строит. Перед самым выходом я почувствовал неприятную нервность, но, едва вышел на эстраду, как забыл о ней: было много дела: Василий поправлял мне пюпитр, на котором лампочка мешала ворочать фолианты, на которых были начертаны «Сны»; а я внимательно изучал расположение оркестра, ибо на репетициях эстрада не была поставлена, он сидел на сцене Большого зала и был расположен совсем иначе .

Пьеса пошла гладко. Раза два я, положим, махнул не вполне уверенно, да раза два слышал, как намазал фагот, но, когда я под аплодисменты и пожав руку концертмейстеру, уходил с эстрады, у меня осталось впечатление, что сыграл оркестр с большим настроением. Это впечатление теперь постушевалось, так как многие возразили, что оркестр ужасно врал.

После моего номера наступил антракт. Ко мне подходило много публики, Тонька в том числе, которая и осталась со мной во втором отделении.

Глазунов, на мой вопрос о «Снах», промурчал:

- Мутно... мутно... и потом, когда на до-мажорном трезвучии ми-мажорное... тоже мутно...

Где у меня ми-мажорное трезвучие на до-мажорном, я так и не мог вспомнить. Мясковский, тот объяснил это так: у меня есть ми-мажор на басовой ноте до, вот кто-нибудь и взял соль-бекар вместо соль-диез, и получился ми-мажор на до-мажоре.

Началось второе отделение. Тоня осталась со мною, и мы просидели на диване за колоннадой вокруг главной лестницы, слушая, как из зала долетали кусочки фортиссимо из исполняемых «Прелюдий» Листа. Когда осталось восемь тактов до конца, я, отсчитывая их к концу, «восемь... семь... шесть... пять...», отправился к артистической, предварительно расцеловавшись с Тоней. Я был более чем спокоен и очень уверен за Сонату.

Последний, кто подошёл ко мне, был Макс Шмидтгоф.

- Мой совет вам, играйте посильнее, а то может глухо звучать. - сказал он.

Я вышел на эстраду. Рояль был хороший. Но почему-то не было обычной табуретки перед ним, а стоял обыкновенный скверный стул. Да такой низкий, что мне казалось, будто клавиатура была примерно на высоте обеденного стола...

Я помнил завет Макса, да сразу-то и мне показалось, что рояль звучит глухо. Впрочем, опасение оказалось излишним и грома было достаточно. Соната сошла очень хорошо. Много хлопали и вызывали. За кулисами встретил меня Дешевов, затем Мясковский с beau-frère'ом[16], очень доволен был Черепнин. Глазунов хлопал, но я его после не видал и не интервьюировал.

После концерта меня окружила толпа, Лидуся и Зорюся (премилые девочки), Голубовская, Серёжа Себряков с Надей и прочие.

Распростившись со всеми, я пошёл провожать Тотошку. Мы то шли пешком, то ехали в трамвае, целовались в пустынных переулках Петербургской стороны и к половине первого добрались до её жилища.

Дома я объявил, что заходил к Штейману. Домашние оказались очень довольны моим дебютом и радостно поздравляли меня.

В три часа я лёг спать.

29 ноября

На другой день, когда мы опять возвращались с концерта Кусевицкого и уселись на скамейке где-то за Троицким мостом, я спросил её:

- А любишь ли ты меня хоть немножко?

[16] Муж сестры (фр).

Тонька покраснела и сказала, улыбнувшись:
- Ишь какие вещи он стал у меня спрашивать...
- Я спросил тебя потому, что ты в твоих письмах подписывалась «любящая тебя»...
- Я всегда правду пишу.
- Ну ладно, ладно... Я ведь всё равно не верю.
Мы привыкли с нею друг другу не верить.

21 декабря

Глаголева выходит замуж. Как-то в ноябре она пригласила к себе всех своих поклонников, и во время ужина мать объявила об её помолвке. Вся аудитория встретила это объявление гробовым молчанием и только родственники одиноко поддержали тост матери. Инцидент - вполне в Лёсечкином стиле. Меня она приглашала на этот ужин, но я поленился и не пошёл. И хорошо сделал.

Жених её, инженер Владимирский, человек умный, настойчивый, с большим характером, но ничем не замечательный. Меня удивляло, насколько безропотно он переносил все чудовищные капризы Лёсечки, которые подчас переходили всякие границы. Так играть, как играла с ним Глаголева, даже бессовестно.

Что она выходила за Владимирского, было вполне естественно, к тому дело и клонилось, хотя я и не думал, что оно доклонится до конца, и был несколько разочарован, что Лёсенька делает такую... не то чтобы плохую, но неинтересную партию.

22 декабря

Декабрь месяц вышел каким-то корявым. Ужасно тошнотно болеть и даже не то чтобы болеть, а просто прибаливать и высиживать дома. Так я сидел с седьмого по четырнадцатое, и теперь с двадцатого опять засел. На этот раз вскочил на затылке фурункул, да вырос такой большой, что приходится ходить на перевязку в папину больницу, и благодаря этому вся шея и голова перебинтована повязками, как будто мне, по крайней мере, размозжили череп. Но как ни так, а говорят, что целую неделю придётся провозиться с этой пакостью. Я растёр её себе крахмальным воротничком, усиленно посещая три вечера подряд журфиксы[17] Озаровских, Оссовских и Рузских. У Оссовских объявлены через субботу журфиксы, и я на них настоятельно приглашен, чем очень доволен, ибо у них собирается преинтересное общество. Был у них два раза. Встретил Лядова - это первый раз на частной почве. Mme Оссовская даже справилась у меня, встретив меня в передней:
- У нас Лядов. Вы как?

Я успокоил её, и мы с моим врагом Лядовым даже не без увлечения— толковали о шахматах. Там же был и Черепнин, его же встретил и у Рузских. Оказывается, что очаровательный Черепнин с пеной у рта сражается за мои сочинения и доказывает всем о наличности у меня огромного таланта. Положительно, из заядлого врага он превращается в заядлого друга. Так-то так, но мои музыкальные дела за последнее время не хотят вытанцовываться. Купер в Москве заткнулся и молчит. А Юргенсон, несмотря на настоятельное письмо С.И.Танеева, отказался печатать мои первые два опуса. Этого я никак не ожидал. Пока не унываю, но не знаю, куда теперь удариться, хотя знакомств и немало.

Шестнадцатого играл на вечере Современной Музыки, которые снова

[17] Постоянный приёмный день, от jour fixe (фр).

возобновились. Играл три этюда: d, e и c. Играл с эффектом, хотя, на строгий суд, не так корректно, как в ноябре Сонату. Этюды и я имели успех и пробудили публику, которая к остальным номерам программы относилась сонно, не исключая и двух хороших романсов Мясковского, помещённых со мной рядом. Критика и знакомые музыканты весьма горячо похвалили меня.

На концерте был и Моролёв. Моролёв! Гм... вот чудо-то, вдруг приехал в Петербург. Я ахнул, когда он без предупреждения ворвался в мою комнату. Как на зло, мне всё время нездоровилось, и я даже не сделал с ним ни одного выезда, хотя он чуть ли не две недели прожил в Петербурге. Ужасный он мужлан, а всё же большой и глубокий музыкант, и пребольшущий мой друг.

Анна Николаевна Есипова про мою Сонату Ор.1, ту самую, про которую она год назад говорила, что это «хорошая музыка», теперь объявила, что музыки в ней нет. А когда Борюся сыграл ей в классе мой Гавот, ему посвящённый, невинный ге-мольный гавотик, она сделала гримасу и проговорила Захарову:

- Неужели у вас нет для репертуара вещей интересней, чем вещи Прокофьева?

- Вам, Анна Николаевна, не нравится?

Вторая гримаса была ответом. Как видно, мой композиторский облик принял в её глазах чудовищный вид. Бог с ней! Хотя, конечно, было бы лучше, если бы он принял вид ангельский...

Я как-то принёс ей в класс 2-ю Сонату Глазунова. Премилая соната, ничуть не хуже первой и даже самостоятельней её. А между тем, насколько №1 известна, настолько вторая забита и забыта.

Анна Николаевна устроила сначала головомойку за «экзотическую» вещь, но выслушала сонату, а потом объявила, что этакую гадость можно было совсем не сочинять. Я ответил спокойно:

- К сожалению, Анна Николаевна, Глазунов никогда с первого раза не нравится...

Камушек был острый, и Есипова поспешила возразить:

- Я её совсем не первый раз слушала, у меня её играли и такой-то, и такая-то. Вы мне теперь приносите Бетховена да Шумана!

23 декабря

Мне хотелось выяснить, что такое Тоня Рудавская?

Тоня Рудавская очень красива. Напрасно Захаров говорил, что она обыкновенная хорошенькая барышня. Красота Тони Рудавской выше такого определения. Красота у неё постоянная: иной раз хуже, иной раз лучше, но в любой момент Тоня Рудавская хороша собой. Со своею красотой она не носится, не кокетничает ею и не применяет её как оружие для повиновения. Кокетство у Тони Рудавской вовсе отсутствует, даже в ущерб для неё самой. Дома её содержат весьма строго, особенно отец. Она из хорошей семьи и воспитана хорошо. Особенно яркого или ясного ума в ней нет, она такова, как все.

А вот то, что она неразвита - это ясно, как Божий день. Средний ум и среднее развитие - вот те причины, из-за которых становится иной раз скучно в её обществе. Она красива, мила, я очень люблю её за это, но сколько-нибудь серьёзной любви у меня к Тоне Рудавской нет; это знают и она, и я.

27 декабря

В Консерватории в начале декабря поставили «Ромео». Я, к удивлению, никак не могу втереться в оперное дело. А это полезно и интересно, очень необходимо мне как дирижёру, и, наконец, совершенно открыто для меня. Между тем я как-то

хожу около, а до дела никак не доберусь.

«Ромео» поставили без моего участия; я только иногда аккомпанировал в классе да присутствовал на генеральной репетиции. Теперь будут ставить «Царскую невесту». Вот здесь я думаю взяться за дело серьёзно, и хоть оперой дирижировать мне не придётся, но подготовить себя можно очень здорово.

На генеральной репетиции «Ромео» мы с Тошкой сидели то в одном углу зала, то в другом углу, то, наконец, в третьем, где и поссорились.

Встретившись через несколько дней, я очень сухо держал себя с Antoinett`очкой, просто потому что был уже нездоров, но она была мила и ласкова и даже проводила до дому Есиповой, которая занималась на дому, и подождала на тротуаре, пока я не появился у окошка.

После этого я засел дома на неделю. Антоша написала мне очень обстоятельное объяснение в любви. Я был чрезвычайно доволен, получив таковое. В ответ я поблагодарил её за «ласковую писульку» и послал ей маленькую «Мазурку», посвящённую Antoinett'очке.

1911

10 января

Рождеством я недоволен. До Нового Года возился с окаянным фурункулом, да и вообще был не совсем здоров - делом занимался плохо, а настроение духа было тоже так себе, на тройку с крестом. Надо было пересмотреть мою «Ньетточку»[1], основательно починить её и сделать достойной исполнения - но вот уже половина января, а я ещё не кончил с нею. Вторую часть оставил без изменений, первую кое-где дополнил да инструментовку подчистил, а третью переделал основательно: сильно расконтрапунктировал и переинструментовал, но общий план оставил без единого изменения. Остались ещё не пересмотренными четвёртая и пятая части. Посвящу её Черепнину и сделаю это с большим удовольствием. Кажется, он ставит её выше «Снов» и очень любит.

Очень хочу поехать в Москву, главным образом, из-за Юргенсона. Надо постараться поиграть на Музыкальной выставке. У меня есть что сыграть.

На второй день Рождества навестила меня Тоня, мы сидели в швейцарской и болтали. А затем я замотал шею шарфом и мы пустились гулять по Питеру. Гуляли всюду, до Васильевского острова включительно, и первый раз после долгих разов не поругались.

Новый Год встречали у Раевских, так. по-домашнему. Учились в бр<u>идж</u> играть.

Первого числа делал визиты: четырнадцать.

Второго был у Рузских, где я стал совсем своим человеком. Николай Павлович размилейший человек и очень меня обожает, дочки тоже мои друзья, хотя и ругаемся иной раз. особенно с Ирой Николаевной. Играли трио с Николаем Павловичем и Колаковскнм, новым профессором Консерватории - всё это хорошо; а шестого поехали к Коншину, управляющему Государственным банком, который был у Рузских и пригласил нас заглянуть поиграть к нему; это уже совсем шикарно.

Третьего числа с Борюсей поехали в Царское к Анне Николаевне, которая там проводит Рождество и которая приглашала нас в гости. Конечно, играли в «винт». Мило и скучно.

На обратном пути, стоя на площадке вагона, философствовали с Борисом. Я по какому-то поводу сказал, что он сухарь: сухой и чёрствый человек. В ответ на это он мне сделал весьма солидное разъяснение.

Главной задачей своей жизни он поставил музыку и служение ей. Но для того, чтобы достигнуть совершенства, он чувствует, что ему много надо работать. Между тем, он знает, что обладает счастливым свойством привлекать к себе людей, как мужского, так и женского пола, и при желании мог бы иметь много друзей. Но так как он способен увлекаться и затягиваться («как начну пить, так не поручусь, что не напьюсь пьяным...»), то он держит себя в руках, часто обрывает людей своей сухостью и холодностью, дабы отнюдь не отвлекаться от своей главной работы - над музыкой. Иногда он чувствует себя одиноким, но те шаги в музыке, которые он делает благодаря своей работе, с толикой окупают его жертвы - и удовлетворяют его.

Я ему ответил, что. быть может, он прав, я ему не возражаю, но для меня такая программа жизни слишком чужда.

10 января

Четвёртого числа в Консерватории была традиционная вечеринка научных классов. Я надел смокинг, белый жилет, блестящие ботинки, нашёл, что я очень эффектен, и пошёл на вечеринку.

[1] Имеется ввиду Симфониетта.

Тоне Рудавской ужасно хотелось попасть на вечеринку - ради одного меня, конечно, но её папахен, ярый антисемит, не отпустил дочку, несмотря на все её хитрости, и я остался без Тони, а Тоня без вечеринки. Вообще было довольно скучно. Конечно, было бы гораздо очаровательней провести вечер с такой обворожительной особой, как Тоня. Но дело в том, что я ношусь с Тоней уже всю осень и до того уже отстал от всех остальных моих барышень, что мне хотелось хоть на вечеринке вспомнить их. Пора увлечения ею прошла.

20 января

Есть в нашей Консерватории молодая барышня - прелесть; а имя ей Маруся Павлова. Выглядит брюнеткой, хотя не брюнетка; безукоризненная фигура и очаровательное лицо. Но её лицо я до сих пор не рассмотрел детально; не потому-ль, что я вообще не имею памяти на лица? Но, вероятно, и потому ещё, что не я её первый заметил, а меня на неё натыкали: Захаров, Канкарович, даже Боря Алперс, вскользь отзывались о ней, как об очень хорошенькой.

Я решил познакомиться с Павловой на вечеринке, где она должна была быть как представительница научного класса.

Побродив по коридорам и по залу, я скоро набрёл на Марусю Павлову, которая в обществе Кирлиана и ещё какой-то молодёжи продавала цветы и конфеты. Когда я увидел кучу кавалеров, которые тёрлись вокруг неё, у меня наполовину пропала охота. Я рассудил, что лучше сделать это в другой раз и, не дождавшись конца вечеринки, покинул таковую.

Меж тем в Петербург из Симферополя приехал на две недели Канкарович. Там он получил место директора музыкального училища, но всеми силами рвётся в Питер. Помню, он лет пять назад признал своим девизом мои слова, сказанные от его лица: «Или буду дирижёром, или пулю в лоб». А в Симферополе нет оркестра, да и не провинциальный оркестр нужен маэстро Канкаровичу. Приехал он потолкаться и повидаться с музыкальными светилами.

30 января

Двадцать шестого я разговорился с Павловой и Левицкой. Я стоял у двери есиповского класса; тут же тёрлись Зейлигер и Зеберг; к ним с каким-то вопросом подошли обе подруги; я, вооружившись выдержкой и деликатностью, осторожно ввязался в разговор.

Вскоре я с обеими барышнями спустился в столовую завтракать. Расстались если не друзьями, то добрыми знакомыми, обменявшись рукопожатием.

Павлова учится пению... Это меня удивило, она совсем молоденькая. Впрочем, это очень мило... Левицкая - бойкая особа; неглупая; немножко грубоватая.

После этой встречи мы теперь видимся почти каждый день.

31 января

Двадцать восьмого числа Глаголева обвенчалась с Владимирским. Я был её секундантом. Впрочем, всех нас было восемь шаферов, и я был на третьем месте. На первом Дернов, на втором Петри. Курьёзно, что я чуть не прозевал эту свадьбу. Сначала её назначили на воскресенье двадцать третье, потом перенесли на двадцать восьмое. Я рассчитал, что двадцать восьмое тоже воскресенье, а вышло, что пятница.

После этого я метался, как угорелый. Фрак оказался у портного, белый жилет - в прачечной, галстука совсем нет. Пришлось ехать к Раевским и надеть Шуриковы

наряды. Тем не менее *я* поспел к невесте на Петербургскую в без четверти восемь; свадьба назначена в восемь, у Александринского театра, в церкви Министерства внутренних дел.

Жених - неинтересный, серенький. Леся же блеснула своей бесовской красотой, простым, прелестным платьем и безукоризненной, как-бы выточенной фигурой.

Во время венчания меня ужасно занимала моя роль; кроме того, я с большим интересом следил за процессом венчания. Я первый раз был так близко.

Принесли венцы и водрузили их над головами жениха и невесты. И вот, когда очередь дошла до меня, случилось с Лесей приключение, да какое! Когда священник поднёс к её губам сосуд с церковным вином, Леся вспомнила что-то смешное, но сдержав смешок, прильнула к сосуду. Тут приступ смеха возобновился, или она поперхнулась, вино заплескалось, полилось на ковёр, на рукав. Леся замахала левой рукой, в которой была зажженная свеча, и подпалила фату. В одно мгновение вся невеста запылала, горящая свечка полетела на пол и покатилась по ковру, Леся завертелась. Шафера бросились тушить её. Пожар потушили так же скоро, как он начался.

Успокоились, стали продолжать прерванное венчание. Хвать - нет обручального кольца! Где кольцо? Туда, сюда - нет кольца! В публике движение; приподняли ковёр; попросили невесту отойти; кольцо лежало у неё под ногой. Надели кольцо и кончили венчание без дальнейших инцидентов. Я первый обвёл Лесю вокруг аналоя. Поздравили с шампанским и поехали ужинать на старую квартиру невесты.

С молодым супругом Леся держала себя из рук вон: звала по фамилии, говорила «вы», а когда кричали «горько!», не хотела целоваться. Наконец отец жениха, старый маститый священник, подошёл к молодым и проговорил ласково:

- Ну, горько, дети, горько!...

- Нет! - ответила Леся с изящным движением, - и не поцеловалась.

Священник мрачно отошёл в угол. Когда же гости расходились, он только сухим рукопожатием обменялся со своею дикой belle-fille[2].

Свадебка!...

13 февраля

Несколько слов о моих музыкальных делах. В январе я очень просил Рузского поговорить с Глазуновым о Симфоньетте. Николай Павлович рад всей душой, но, не успев повидать Глазунова, должен был уехать в провинцию на два месяца.

Между тем в Консерватории заговорили, что в марте устроят концерт из сочинений учащихся и что уже намечены вещи Львова, Спиваковского и Мервольфа. Ясно, как Божий день, что здесь более место моим вещам, чем чьим-либо другим; хотя бы уже потому, что я ученик дирижёрского класса.

Я забрал свою Симфоньетту, добился аудиенции у Глазунова и показал ему мою вещь. Кое-что понравилось, главным образом из 1-3-5 частей, даже контрапункт второй части был отмечен, но непонятны были выдержанные секунда с квартой в басу, но мутно звучала гармония в эпизоде С-А-С-А, да многое казалось мутным, иль дерзким, иль непонятным для стареющего уха Глазунова. Во всяком случае, такую сложную вещь нельзя дать ученическому оркестру. Пришедший в это время Черепнин подтвердил глазуновское мнение. Но зато тут же Черепнин высказался за постановку двух моих женских хоров: «Лебедь» и «Волна». На том и порешили; «Царскую невесту» окончат, хористки освободятся и выучат моего «Лебедя» и «Волну». А про Симфоньетту Черепнин поговорит с Хессиным, дирижирующим теперь у графа Шереметева.

[2] Невесткой (фр).

Я занялся чисткой хоров, главным образом «Волны», как вдруг Габель заявил, что хористок достаточно замучали с «Царской невестой» и что по окончании оперы их распустят совсем, а о моих сочинениях нечего и думать.

Чёрт знает что! Черти полосатые!

Если и хоры не пройдут, надо постараться хоть выступить с фортепианными пьесами, например, теми, которые я учу для Москвы. Ведь я единственный композитор в Консерватории, остальные композиторы - маралы, а меня обходят! Где же справедливость? Им нужны ученики, которые пишут по-ученически. А тот, кто пишет не как ученик, а как композитор, тому нет места на консерваторских концертах!

С Павловой и Левицкой я стал встречаться часто, почти каждый день. Павлова - кокетка, ухаживать за ней трудно и опасно. Я счёл за лучшее поставить себя сначала в возможно более приятельские, дружеские отношения. При встречах я бывал мил, прост, болтая обо всём, что ни попадало под язык, сыпал всякими словечками, под неумолкаемый хохот обеих девиц.

Мы часто выходили вместе из Консерватории после четырёх часов, шли до Мариинского театра, читали там афишу, затем Павлова удалялась на свой Васильевский остров, часто с провожатым, а мы с Левицкой шли до Никольского сада и тут расходились в разные стороны.

Вскоре мне удалось проводить Марусю Павлову, под предлогом надобности к портному, который действительно жил на Васильевском острове. Мы очень мило пропутешествовали с ней на Васильевский остров. Она много говорила и на каждом слове обманывала. Я ей платил тем же.

Недавно мы втроём шли с репетиции из Дворянского собрания в Консерваторию. На Никольской площади играли в снежки; ужасно весело.

С Рудавской видимся реже, письма прекратились, телефоны нечастые.

Впрочем, недавно я позвонил ей по телефону и пригласил идти гулять. Она сейчас же приехала, и мы часа два бродили по Питеру в морозный и ветреный вечер, заходя греться в кондитерские.

А последний раз мы опять разругались.

Вера Алперс о Павловой: «Она очень милая и такая простая...». «Ну, положим, не такая уж простая», - возразил я.

22 февраля

1.
У Тони милое лицо,
Но в голове у Тони пусто.
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно!

2.
У Тони славная мордашка.
Как жаль, что Тонечка... дурашка!

19 июня, Сухум - Калэ.

Я не писал дневник четыре месяца. «Человек отбился от рук». - говорят. А я - я отбился от дневника. Случилось это потому, что у меня были кой-какие ennuis[3], неизбежные в жизни, вследствие которых я несколько потерял моё обычное

[3] Огорчения, неприятности (фр).

духовное равновесие. Оно заколебалось, а с ним заколебалось и настроение, а когда настроения меняются, не хочется писать дневник, всё равно правды не напишешь; в данном случае тем более я не был бы искренним.

У меня есть свойство характера относиться к жизни легко, она меня не задевает глубоко, а скользит слегка по поверхности. Это - счастливое свойство, и как оно было кстати во время моих ennuis! Кроме того, огромный запас жизнерадостного характера не мог истощиться, он всеми силами восстанавливал духовное равновесие, и мрачные минуты чередовались с самыми обычными жизнерадостными. Жизнь текла своим чередом, «мрачные» минуты становились сначала светлее, потом реже, потом - исчезли.

В моём дневнике я занимаюсь больше фактам, чем настроениями: я люблю самою жизнь, а не «витания где-то», я не мечтатель, я не копаюсь в моих настроениях. Я кончаю мой туманный очерк. Прошло - до свидания. Я сказал, что жизнь шла своим чередом - и мне хотелось бы записать теперь то, что происходило «своим чередом» за эти четыре месяца. Уже давно хочу я засесть за дневник, но времени было мало, и я отложил работу на моё сухумское уединение.

Чтобы быть серьёзным, начну с музыкальных дел.

С ученическим концертом, где я хотел бы поставить сначала Симфоньетту, потом хоры, потом фортепианные вещи - ничего не вышло. Для меня, конечно. Черепнин уехал в Монте-Карло, а Глазунов на просьбу мою дать сыграть мне мои пьесы, возразил тремя пунктами: 1) мои сочинения по своему направлению резко расходятся с консерваторскими понятиями; их можно играть на каких угодно концертах, но не на консерваторских. 2) Я уже не ученик по теории композиции, а поэтому надо дать исполняться не мне, а сначала ученикам, находящимся теперь в теории композиции. 3) Я чуть ли не пол-концерта занял в прошлый раз - пусть теперь и другие поиграют.

Таким образом меня отшили по всем пунктам, и концерт обошёлся без меня. Сначала я был зол, а потом плюнул.

Пианистом был Кобылянский, который играл свою сонату, à la я на прошлом концерте. Играет он недурно (кончил у Есиповой), но хуже меня, не было увлечения, один раз он сбился и остановился, и смущение исполнителя передавалось слушателю. Сама соната не производит цельного впечатления, кроме того, не самостоятельна, хотя видна талантливость, но музыкальный вкус автора - не чрезмерно высокой культуры.

Из трёх оркестровых исполняемых вещей - талантлива увертюра Мервольфа, будущей знаменитости. Увертюра Спиваковского - дрянь («Дорогому учителю А.К.Глазунову»... то-то Глазунову приятно!). Симфония Львова, плод семилетней работы, имеет свои заслуги; местами она талантлива, но зато местами режет наглой бездарностью, таковы, например, концы всех четырёх частей. Композитора из этого рамолироваинного[4] Львова, конечно, не выйдет.

Решив, что от Консерватории мне нечего ждать исполнения моих вещей, я стал пытать иные способы и иные места. Придумал я следующее: сделал список известных петербургских дирижёров (их оказалось пять), собрал свои партитуры (их тоже оказалось пять) и решил, что если я покажу мои пять партитур пяти дирижёрам, то у меня будет 5x5=25 шансов на то. что кто-нибудь из них что-либо сыграет. Неужели же. в самом деле, мои вещи так плохи, что из двадцати пяти случаев ни один не будет одобрен?

Мои пять партитур были: Симфоньетта, «Лебедь», «Волна», «Сны» и «Осеннее». Пять дирижёров были: Варлих, Гольденблюм, Зилоти, Кусевицкий и Хессин. К сожалению, «Осеннее» надо было считать выбывшим из строя: ещё в

[4] Мягкотелого, дряблого, от ramollir (фр).

сентябре, только что окончив его, я, проездом с юга в Петербург, предложил Куперу в Москве посмотреть его. Тот охотно взял и обещал через две недели вернуть, но продержал, подлец, всю осень, всю зиму и всю весну, несмотря на мои письма. Так что «Осеннее» показывать дирижёрам не пришлось. Два женских хора, «Лебедь» и «Волна», тоже были мало пригодны, так как в распоряжении дирижёров всегда есть оркестр и почти никогда нет хора. Так что пробивали себе дорогу, главным образом, «Сны» и Симфоньетта.

Из моих пяти дирижёров я знал трёх: Зилоти, Гольденблюма и Варлиха; с Хессиным меня обещал познакомить Черепнин, с Кусевицким мог познакомить Оссовский.

Зилоти уже видал «Сны» и отказался от них, против хоров он принципиально («дорого», говорит), Симфоньетту не стоило ему показывать, а «Осеннего» не было. Про Гольденблюма очень кисло отозвался Черепнин, да кроме того, год тому назад я уже показывал ему Симфоньетту; Гольденблюм встретил её холодно и не хотелось теперь снова идти к нему, хотя бы и с другой вещью.

Итак, я пошёл к Варлиху в Придворный оркестр. «Сны» понравились чрезвычайно и он без дальнейших обиняков заявил, что сыграет их на ближайшем концерте новинок Придворного оркестра. Симфоньетта понравилась меньше, но понравилась, и её решили отложить до осени, но всё же с обещанием сыграть, если не открыто, то закрыто. Я ушёл, очень довольный моим успехом.

Прошёл месяц, и вот в половине апреля ко мне пришёл помощник Варлиха, Беллинг, с просьбой дать ему «Сны», партитуру и партии. Меня не было дома и он оставил записку, где сообщил, что завтра первая репетиция, а через неделю концерт. Я был очень горд. На первую репетицию я пришёл с Мясковским, и в первый раз услышал мои «Сны», так как во время консерваторского исполнения я ничего не слышал. И как приятно было слушать после Консерватории, когда хороший оркестр ничего не фальшивил. Только темпы были не совсем те, да отвратительная акустика зала Придворного оркестра давала себя чувствовать. «А хорошая музыка», - совершенно искренне сказал я Мясковскому, слушая «Сны». Он согласился с этим.

Однако «Снам» не было суждено попасть на этот концерт. Варлих через пару дней сообщил мне, что в их концерт «втиснули» (кто?) второго солиста, так что пришлось отложить «Сны» до осени. Я отнёсся к этому довольно равнодушно. Впоследствии Захаров передавал мне, что Беллинг говорил, будто «Сны» отставили потому, что они не понравились. Но опять-таки, кому же? Впрочем, я лично остался очень доволен, что прослушал их, а дальше - видно будет.

Между тем Черепнин дал мне очень хорошее рекомендательное письмо к Хесснну, который не так давно стал главным дирижёром у графа Шереметева. Я почему-то долго собирался и когда, наконец, пришёл к нему, то застал его на выезде в Ростов-на-Дону, где он дирижировал летним сезоном. Я успел сыграть «Сны» и несколько частей Симфоньетты. «Сны» имели ещё больший успех, чем у Варлиха, а Симфоньетта тоже весьма заинтриговала его. (В своём письме Черепнин налегал, главным образом, на Симфоньетту). Хессин предложил все свои услуги исполнять в Ростове - и уехал, видимо, заинтересованный. На лето мы предполагали съездить в Сухуми: Ростов был по дороге, а потому это предложение мне было очень на руку.

Что касается до пятого дирижёра. Кусевицкого, то я просил Оссовского познакомить меня с ним. Оссовский обещал, затем сообщил, что видел Кусевицкого и говорил ему, но Кусевицкий на некоторое время уезжает в Москву. А когда он вернулся, то произошло между ним и Оссовскпм нечто вроде размолвки - так это дело пока и отложилось.

Таков был мой поход против пяти дирижёров. Прибавлю к тому ещё одного,

шестого, Канкаровича. Кстати, это самый первый ученик, с которым мне пришлось сидеть рядом на одной скамейке, когда я поступил в Консерваторию: и он и я вместе поступили в 1904 году на гармонию к Лядову. За все эти шесть лет у нас сохранялись довольно приличные отношения. Мы вместе кончили теорию композиции и вместе поступили в дирижёрский класс. Но тут он опередил меня и прошлой весной окончил. Осенью он получил директора симферопольского музыкального училища, где и находится по сию пору. Этим летом его пригласили в Павловск дирижировать тремя концертами, причём он предложил поставить мои «Сны». На днях я получил от него письмо, где он подтверждает своё обещание.

Последнюю зиму я стал настоятельно обдумывать, как мне устроиться с изданием моих сочинений. Я посылал Сонату и Этюды в Российское Музыкальное Издательство и к Юргенсону, но из обоих мест мне их вернули с отказом. В беляевское издательство мне дорога закрыта из-за состава его жюри (Лядов, Глазунов и Арцыбушев), да кроме того, там нет сейчас денег. Остальные, более мелкие издательства, мне мало улыбались. Я решил попытаться ещё раз поладить с Юргенсоном, но не письменно, а лично. В эту зиму я всё равно собирался в Москву, где меня приглашали играть сочинения на Музыкальной выставке Дейши-Сионицкой, по примеру прошлого года. Но выставку эту всё перекладывали: с января на март, с марта на апрель, а затем она совсем не состоялась. Тогда я решил действовать энергично и, как только отбыл экзамен у Есиповой, так сел в поезд и приехал в Москву, предварительно запасшись блистательным рекомендательным письмом от Оссовского к Юргенсону. Приехав утром в Москву, я поехал прямо к Глиэрам и отвёз свой чемодан, так как думал пробыть в Москве дня два; у Глиэров я всегда останавливался в таких случаях.

Ужасно было любопытно, когда за обедом глиэрша меня стала всякими косвенными путями отговаривать от моего намерения печататься у Юргенсона: и трудно, и плохо платит, и долго печатает, и не любит молодых композиторов, словом - печатайтесь где угодно, но не у него. А дело в том, что у Юргенсона печатается её супруг и теперь он у Юргенсона в фаворе, притом совсем незаслуженном: Глиэр пудами пишет всякую гадость, а Юргенсон пудами её печатает и хорошо платит, уж не знаю за что: верно, в провинции сбывает. Так вот, глиэрша боялась, как-бы не явились какие конкуренты и по возможности старается отваживать молодых претендентов.

Тем не менее я написал письмо Б.П.Юргенсону, прося его назначить мне аудиенцию, причём «позволил себе приложить» письмо от Оссовского. А сам тем временем пошёл к Куперу добывать партитуру «Осеннего». Купера я встретил на улице, он ужасно извинялся и хотел сам доставить партитуру на глиэровскую квартиру. Я ему сказал, что если он позволит, то я сам зайду к нему часов в семь.

Вернувшись домой, я нашёл посыльного, который принёс ответ от Юргенсона: Юргенсон ждёт меня в своём магазине в четыре часа. Я надел сюртук, забрал портфель и отправился. Извинившись, что беспокою его, я сказал, что хотел бы показать ему мои сочинения, дабы узнать его мнение об издательстве. Перешли к роялю, я сыграл Сонату, пару этюдов, «Воспоминания», «Порыв», «Шутку», «Сказку». Ему многое, видимо, понравилось, а, в конце концов, в музыке он понимает не очень, письмо от Оссовского имело больше значения. Вернулись в кабинет, он сказал, что согласен издать мои вещи и спросил, что именно я желаю. Я сказал, что под Ор.1 я хотел бы издать Сонату, под Ор.2 - четыре этюда, затем у меня есть комплект для третьего опуса: «Сказка», «Шутка», «Марш» и «Призрак», и намечен комплект опуса четвёртого, но переделка этих вещей ещё не совсем закончена: «Воспоминания», «Порыв», «Отчаянье» и «Наваждение».

- Сколько бы вы хотели за четыре опуса? - спросил Юргенсон.

Я ответил:

- Мне прежде всего хотелось, чтобы вы издали мои сочинения. Я считаю это достаточной честью для того, чтоб на гонорар смотреть как на вещь второстепенную. А потому я прошу вас назначить столько, сколько вы найдёте удобным.

Меня Оссовский предупреждал, что Юргенсон начинающим композиторам платит либо гроши, либо ничего не платит, что к этому надо быть готовым и не обижаться. Я помню, как год тому назад у меня с Л.В.Николаевым зашёл разговор об издательстве, причём Николаев взял мою Сонату, повертел её в руках, как-будто взвесил, и проговорил со своею полуулыбочкой: «Рублей пятнадцать дал бы за неё Юргенсон...». Я принял это за насмешку и не придал особого значения. Далее, когда я думал об издательстве, меня прямо бесила мысль, что мне за первые опусы заплатят немного, а, без сомнения, на Сонате, которая рано ли, поздно ли должна здорово разойтись, наживут кучу денег. Но затем я успокоился, а когда ехал в Москву, то думал: ты только издай меня, а деньги уж не так важно. В самом деле, ведь говоря по чистой совести, не всё ли равно, получу я на двести-триста рублей больше или меньше?

Мама, имея бумаги Северо-Донецких дорог и всякие другие биржевые бумаги, каждый день испытывает колебания их биржевой цены на пятьсот-восемьсот рублей, ведь у нас денег не в обрез, чтобы гнаться за ста рублями. Мама даже предлагала мне издать Сонату за свой счёт. Но, конечно, обидно, в принципе, получить гроши. Что делать, надо мириться, ведь и Юргенсон пока не знает, кого он издаёт, талант или его суррогат.

Итак, в ответ на мои слова. Юргенсон прикрыл глаза рукою и принялся высчитывать. Минуты через две он сказал, как-будто несколько неуверенно:

- Я вам могу дать сто рублей за них.

- Пожалуйста, - не колеблясь ответил я.

Он сейчас же взял бланк с условиями и написал его. Я получил сто рублей и подписал отречение. Условия прямо ужасные по их подробностям, и я ни за что не подписал бы их, если-б они не были печатанными и, следовательно, не были бы одинаковы для всех авторов. Сонату я сейчас же оставил Юргенсону, а остальные вещи обещал прислать в ближайшем будущем, так как требовалось привести их в порядок. К осени Юргенсон обещал выпустить их из печати - и мы простились.

Я сел на извозчика и поехал к Танееву. По дороге думал об издании и не знал, радоваться ли мне или нет. Уж очень было стыдно, что так мало я получил: Соната и двенадцать пьес - сто рублей! Соната - пятнадцать рублей, а пьесы - по семь рублей! А ведь через несколько лет я получил бы за то же полторы тысячи рублей... Но к чёрту скряжные расчёты. Юргенсон сказал, что раз он начал печатать композитора, то он и партитуры печатает.

Танеев был не совсем здоров, он вывихнул ногу и лежал в постели. Тем не менее очень любезно принял меня и сейчас же заговорил, что он ужасно жалеет, что ему не удалось повидать Юргенсона после того, как Юргенсон в декабре, несмотря на танеевскую рекомендацию, оставил без внимания присланные мной сочинения. Я ответил, что дело окончено и рассказал про сделку с Юргенсоном.

Показывал Сергею Ивановичу «Сны». К сожалению рояль стоял за пять комнат и играть было оттуда трудно, а партитура «Снов» была написана карандашом, и Сергей Иванович с трудом разбирал её без рояля, не говоря уж о том, что общего впечатления не могло получиться. Сначала он сделал пару очень дельных замечаний в мелочах, но потом начал придираться ко всем новым стремлениям и подымать их на смех. Например, во второй теме: почему внизу всё время до, когда тема уже перемодулирована в до-диез?

Не дав досмотреть «Сны», я сыграл ему Этюд №3. Он похвалил мою фортепианную технику и исполнение, самою же музыку не выругал, но и не похвалил, и добавил, что из пятой комнаты очень трудно слушать вещь, где так

быстро сменяются хроматические гармонии. Затем я показал «Воспоминания» и снова попал под град насмешек. Я вынул часы - было без четверти семь, а в семь к Куперу, езды же полчаса. Я быстро сорвался с места и стал прощаться. Танеев понял это иначе.

- Вы на меня, Сергей Сергеевич, уж очень не сердитесь за то, что я вас так...

- Да нет же, что вы, Сергей Иванович! Мне очень интересно... Только я обещал в семь часов к Куперу...

- Заходите завтра, если не уедете.

- Непременно, Сергей Иванович, если только сегодня вечером не уеду в Петербург.

Я поехал к Куперу. Получил «Осеннее» и второй экземпляр «Снов». Купер был по обыкновению мил, советовал мне обратиться по его рекомендации к Mme Керзиной, чтобы выступить на её камерных концертах со своими фортепианными вещами, но ни словом не обмолвился о том, что где-нибудь продирижирует мои вещи.

От Купера я поехал к Сараджеву. Мне Глиэр давно советовал обратиться к нему как любителю новинок и хорошему дирижёру. Летом он должен был дирижировать симфоническими концертами в Сокольниках и весной заезжал в Петербург и справлялся у Крыжановского, нет ли новых композиторов и вещей. Тот указал на «Молчание» Мясковского, которое Сараджев и взялся исполнить в конце мая, но про меня Крыжановский почему-то смолчал.

Сараджева я не застал дома, оставил ему «Сны», «Осеннее» и Симфоньетту, кроме того, письмо, и вернулся домой к Глиэрам. Было десять часов вечера, я поспел ещё на курьерский поезд и уехал назад в Петербург.

Через десять дней в Петербург заезжал Глиэр и по моей просьбе привёз партитуры обратно, причём сказал, что Сараджев играть их не будет, программа на всё лето уже составлена. Ну, не будет, так и не надо, очень жаль.

Прошло ещё десять дней и Колечка Мясковский собрался в Москву слушать свою «Сказку» («Молчание»). Я проводил его на вокзал и было отрадно видеть Колечку таким радостным и помолодевшим. Для дешевизны он хотел поехать в третьем классе, но пуб~~лики~~ ехало так много, что ему пришлось уехать в первом.

В Москве его приняли с огромным почётом: Сараджев, издатель журнала «Музыка» Держановский и другие. То, что произрекал Мясковский, слушалось как изречение оракула, а он растрезвонил про меня, говоря, что чуть ли не история музыки заклеймит их пятном, если они не будут меня выдвигать... Словом, через три дня я получил письмо от Мясковского с просьбой прислать «Осеннее» и «Сны».

Оказывается, что тогда Сараджев и не видал моих партитур. Вместо него смотрел кто-то другой, не помню, композитор и заноза. Я послал обе партитуры и, вернувшись, Мясковский сообщил, что он ручается, что этим летом пойдут «Сны», а то и обе пьесы (жаль, что их нельзя ставить на одном концерте ввиду того, что обе в ми-миноре, обе туманны и мечтательны), а в будущем году я приглашён играть мой Концерт, который ещё не написан. Спасибо Колечке. Его «Сказка», к изумлению, имела успех у публики, сам он почти доволен своею вещью, но на предложение напечатать её у Циммермана - отказался.

На Рождество, когда мы с Захаровым навещали Анну Николаевну, она сказала, что составляет программу своему классу для экзамена, и предлагает нам выбрать вещи для себя. Я просил дать мне срок. Сначала я не знал, что взять, но затем вспомнил вдруг о сонате Листа и мне с удивительной ясностью представилось, что именно эту сонату я должен выучить и сыграть на экзамене: это как раз мой стиль, и ни в чём другом, как в этой сонате, я смогу показать себя во всей своей силе! С этим предложением я и пошёл к Анне Николаевне. Анна Николаевна отрезала, что эту сонату она терпеть не может, а так как я не мог выбрать ничего лучшего,

то буду играть вторую и третью части Концерта Грига. Я, елико возможно, протестовал и добился того, что мне позволили принести в класс и Грига, и Листа, на выбор. Но Лист ужаснул Анну Николаевну своею длинной и пришлось играть Грига.

Я приносил два раза Грига на урок, учил его, но вся душа моя лежала к Листу. Пришёл конец марта и вдруг мне Грига сменили на Листа! Я обрадовался до сумасшествия. Вот теперь я уже совсем иначе сел за работу. Я говорил Анне Николаевне, что предэкзаменационную работу я считаю самой производительной в году, здесь вещи доводятся до полного совершенства, и во время этой работы я наиболее двигаю себя вперёд, а потому дорого, чтобы вещь была интересная, трудная и чтоб она была по сердцу.

Однако Анне Николаевне не особенно нравилось, что я играю сонату Листа, а тут случился инцидент, из-за которого чуть-чуть совсем не произошла размолвка. Подкладкой было то, что как раз перед тем оканчивавшая Леночка Гофман играла на экзамене программу, частью хорошо, частью так себе, и я довольно беззастенчиво продёрнул то, что было сыграно так себе, в присутствии некоторых приближённых к Анне Николаевне лиц, вроде Швейгер, Калантаровой. Анна Николаевна рассердилась на это ужасно. Как раз я прихожу к ней с просьбой. А дело в том, что на возобновившихся Вечерах современной музыки я должен был играть мой большой c-moll'ный этюд, «Шутку», «Марш» и «Призрак». Требовалось разрешение Анны Николаевны. Она никогда ничего против не имела, и я пришёл за разрешением в самый последний день. Это было в Консерватории, во время урока, только не нашей группы. На мою просьбу Анна Николаевна ответила, что играть на этом концерте она мне не разрешает. Почему?! Потому что концерт платный, кроме того, я только и забочусь, чтобы выступать где-нибудь, а между тем успехов не делаю, только других критикую, лучше бы сам к себе был построже, во всяком же случае в Консерватории, кроме Есиповой, профессоров много, и я волен выбирать себе любого. И ушла на урок.

Положение моё было отвратительное. Программа была уже напечатана; кроме того, я должен был не только играть, но и аккомпанировать, а стало быть, своим отсутствием подводил бы и других. Я решил дождаться перерыва урока и ещё раз поговорить с Есиповой. Я провёл пару скверных часов ожидания. Хуже всего, что теперь она могла меня с места оборвать: «Я вам сказала? Что-ж вы пристаёте!».

Но Анна Николаевна снисходительно выслушала мою отчаянную аргументацию, а затем стала отчитывать меня за то, что я всех критикую, всех пробираю, что я не имею права на это и т.д. Я охотно слушал её и думал, что коли меня за это пробирают, то значит ещё не совсем крест надо мной поставлен. Я терпеливо дослушал всё до конца и тогда спросил: можно ли мне всё-таки на концерте играть?

Анна Николаевна сказала:

- Играть вам я не разрешаю. Но если вы будете играть, то я никаких неприятностей не буду вам делать.

- Анна Николаевна, извините пожалуйста, но мне не... не вполне ясно, как мне вас понять...

- Играйте, - сказала Анна Николаевна. - но только вы будете играть противно моему разрешению.

Я поклонился и ушёл, недоумевая. Подумал и решил играть.

Кроме моих четырёх пьес, я должен был ещё исполнить фортепианные произведения Schönberg'a, нового венского композитора. Когда эти произведения недели три назад появились на пюпитре у Нурока. то все мы пришли в ужас, недоумение и отвращение от безобразного отсутствия музыки в этой бессмысленной фальши. Кроме того, в них едва можно было разобраться вследствие огромного количества нот и знаков, и вот все пианисты Вечеров современной музыки стали

один за другим отказываться исполнять Schönberg'a: Николаев, я, Медем, Рихтер. Обойдя всех, Нурок опять обратился ко мне и убедил меня следующим доводом: так как задача Вечеров современной музыки состоит в том, чтобы показывать публике новинки, обратившие на себя внимание за границей или в России, то они должны показать и сочинения Schönberg'a, не рассуждая об их качествах, но вследствие того, что они наделали много шума в Вене. Я согласился сыграть две пьесы. Кроме того, было прямо-таки любопытно взяться за них. При полном отсутствии музыки в них было подобие намёков на какое-то настроение. Я решил вывести их на этом настроении.

Я просил поместить в программе сначала мои сочинения, а потом пьесы Schönberg'a, потому что боялся, что Schönberg произведёт скандал. Но Нурок перепутал и пришлось играть наоборот. Перед выходом он спросил меня, как я думаю, какое впечатление произведёт Schönberg на публику? Я ответил:

- Ручаюсь вам, что в продолжение двух минут публика будет его слушать за настоящую музыку...

Выйдя на эстраду, я громко объявил:

- Сочинения Schönberg'a, - дабы их, храни Бог, не приняли за мои (до сих пор я выступал на Вечерах современной музыки только как автор-исполнитель).

Когда я заиграл, то публика стала слушать очень внимательно, как «настоящую музыку». Действительно, мне удалось создать в начале пьесы какое-то выдержанно-мрачное настроение с оттенком дикости и жалобы. Так длилось две страницы. В зале кто-то засмеялся. Потом ещё и ещё. Поднялся шум. Вторая пьеса была короткая и громкая, и заглушила шумы в зале. Но когда я её кончил, в зале стоял страшенный гам и хохот. Единственно, что немного спасло Schönberg'a, это мой серьёзный вид и внимание, с которым я его играл. И странная вещь, я так прислушался к его фальши, что перестал чувствовать её, и пьесы казались мне самыми благонамеренными; даже если бы какой фальшивый аккорд подменили консонирующим, то именно этот консонанс показался бы мне фальшью.

Итак, под хохот публики я удалился с эстрады. И когда я уже подходил к двери, в зале вдруг захлопали, оценив моё серьёзное исполнение. Я с благодарностью поклонился. Зато едва я спустился с эстрады, как меня с бурным восторгом окружила толпа главных организаторов-современников. Моё исполнение произвело среди них сенсацию; они никак не ожидали, что из этих пьес, в которых ни у кого из них не хватало терпения разобраться в трёх тактах, можно сделать что-то такое, что слушалось за самую «настоящую» музыку.

Через несколько номеров после Schönberg'a я играл мои сочинения. Играл я очень недурно, особенно трудный третий Этюд, и имел успех у публики; меня вызывали. В антракте все музыканты очень хвалили мои сочинения и их исполнение, а про Schönberg'a улыбались и жали плечами.

На другой день я с большим трепетом пошёл на урок к Анне Николаевне. Но она ни словом не обмолвилась о моём выступлении, и всё обошлось благополучно. Я усердно принялся за сонату Листа. И, странное дело: пока оставался месяц до экзамена, казалось, что это ещё так нескоро, а когда осталось три недели, то экзамен очутился вдруг на носу. Анна Николаевна не сделала мне никаких указаний при изучении сонаты, так что выучил я её совершенно самостоятельно. Чем дальше, тем соната шла лучше, а главное, уж очень много было пылу. На генеральной репетиции в Малом зале я сыграл её совсем хорошо, только немножко много сопел и немного утрировал ff. Мне на это справедливо возражали, что сильное ff хорошо, но не в той степени, когда оно становится неприятным.

Настало четвёртое мая, день экзамена, как раз в тот же день, что и в прошлом году. Только в этом году играло двадцать четыре человека и все в один день. Я был поставлен одиннадцатым номером, номер не высокий, но дело в том, что я заключал

первое отделение, причём заключал целую плеяду очень недурных мальчишек, именно: Ахрона, Шмаевского, Штембера и Виноградова. Такое расположение очень мне польстило.

Перед игрой я волновался мало, меньше, чем предполагал. А сев за рояль, на эстраде с приятностью почувствовал, что совсем спокоен и владею собой. Игра пошла хорошо. Я чувствовал, что играю интересную вещь. В фуге я боялся сбиться и заранее приготовил несколько мест, куда бы можно было скакнуть, если сойду с рельс. Но я благополучно миновал всю фугу и, когда она кончилась, взял и сбился. Но я ни капли не потерялся, промодулировал в стиле исполняемой музыки и вышел на чистую дорогу. В репризе я опять сбился, но на этот раз так удачно и так стильно подошёл к следующему музыкальному периоду, что кроме удовольствия это ничего не доставило, а в публике - ручаюсь - никто ничего не заметил. Когда я кончил мою двадцатипятиминутную сонатищу и под солидные аплодисменты ушёл с эстрады, в зале сделали антракт. Моё возвращение с эстрады в публику было чрезвычайно триумфально. Меня поздравляли и мне удивлялись; по порядку: Штембер, Рудавская, Мясковский, Ганзен, родственники (шесть человек), Голубовская. Эта осталась особенно у меня в памяти. Есипова очень похвалила, Ильин, конечно, Глазунов тоже похвалил, но нашёл, что я слишком скоро играл фугу, а что сбился - это ничего, это даже хорошо, что нашёлся. (Курьёз: мама лицом к лицу столкнулась с Есиповой, отрекомендовалась ей и в лестных выражениях поблагодарила её за меня. Анна Николаевна протянула лапку (левую) и сказала: «Он делает успехи, я им очень довольна». Гм!... То ли Анна Николаевна говорила месяц тому назад).

Итак, экзамен ничего не оставил желать лучшего: прекрасно задуманный план оказался прекрасно выполненным. Но тут ждало меня разочарование. Когда классная дама прочла отметки, то оказалось, что из двадцати четырёх отметок: двенадцать было 5+ (Захаров, Штембер, Зейлигер. Берлин, Кузнецова, Дубянский, Бенуа, Лившиц и прочие). Я же получил простые «пять». Почему? Не знаю. Это испортило мне всю последующую прогулку с дюжиной учеников и учениц в ресторан и в Аквариум. Впрочем, ещё в более худшем положении оказался Боровский, который рассуждал перед выходом: «Интересно, получу ли я 5++ или просто 5+?», и получивший столько же, сколько и я. Впрочем, я скоро послал к чёрту мою отметку, решил, что в Консерватории ничего не понимают, как вдруг Есипова, очень благоволившая ко мне после экзамена, как-то обмолвилась: «Ваша пятёрка с крестом...»

- Без креста, - поправил я.

- Нет, с крестом, - ответила Анна Николаевна.

- И я видел, что с крестом, - подтвердил Ильин.

Я больше рассердился, чем обрадовался, и решил устроить скандал классной даме за её фальшивое чтение. Дней через десять я аккомпанировал на экзамене Оссовской. Когда та же классная дама начала читать отметки, я громко объявил:

- Господа, если кто получит мало, то не обижайтесь: Ольга Борисовна всегда читает не то, что там написано, а баллом меньше.

Ольга Борисовна повернулась ко мне, думая, что это неудачная шутка. Тогда я резко отчеканил ей:

- На экзамене я получил 5+, а вы прочли 5.

Она рассердилась, но нашлась:

- Я читаю то, что написано, а если вам переправили потом, то в этом я не виновата!

Уезжая, Анна Николаевна советовала мне играть побольше Бетховена: мне надо приобрести спокойствие в игре, которого мне не хватает.

Относительно моих композиторских работ за эту зиму можно подвести итог

довольно печальный: ничего нового; всего несколько поправок и переделок в старых вещах: в Сонате, хоре «Волна». Симфоньетте и пьесках из Ор.3 и 4. Тем более мне хотелось засесть теперь, с наступлением лета, за работу. Задуман был мой знаменитый «большой концерт» для фортепиано, который уже давно начат, но который я никак не соберусь продолжить. Затем весной как-то случайно начался лёгкий фортепианный концертино (в pendant[5] к трудному концерту). Кроме того, начала выясняться симфония, экспозиция которой была вчерне сочинена. За эти вещи я и хотел засесть летом.

Как-то в марте в оперном классе зашёл разговор об операх, которые будут разучиваться в будущем году в Консерватории. Из иностранных наметили «Дон-Жуана» Моцарта, а из русских никого подходящего не находилось. Штейман, шутя, бросил:

- Вот Прокофьев напишет нам оперу, мы её и поставим!...

А на меня подействовало это как удар электрического тока. В тот же день я имел со Штейманом чрезвычайно оживлённый разговор, где высказался, что меня очень увлекает мысль написать одноактную оперу и что к осени она будет готова. Я попросил поднять этот вопрос при Черепнине. но более серьёзно. Черепнин заинтересовался и, хотя, по-видимому, мало верил в осуществление плана сочинения и постановки оперы, но всё же говорил, что был прецедент с оперой «Цыгане» Галковского. Относительно же сочинения самой оперы он дал много полезных сведений, главным образом, относительно выбора сюжета, что было теперь исходным пунктом для дальнейшего. Надо выбрать сюжет для первого раза по возможности простой, обыкновенный и интимный, не задаваясь сразу чем-нибудь особенным. А главное, чтобы в опере были жизнь и движение, чтобы действующие лица не были восковыми фигурами, это самое важное. Черепнин назвал, где искать сюжеты: у Фр.Копэ, Порториша, в «Декамероне», в «1001 ночи». Затем он уехал в Монте-Карло.

Я направо и налево стал просить разыскать мне сюжет для оперы. Давно я не был так увлечён предстоящей работой, как теперь. Между прочим, на тему о сюжете я распространялся и сидя в артистической во время исполнения пьес Schönberg'а и моих собственных. Тут же был артист Мариинского театра тенор Андреев. Через день он прислал мне записку, где писал, что у него есть сюжет, не желаю ли я прочесть его вместе с ним? Я зашёл к нему и он прочёл мне одноактную пьесу баронессы Ливен - «Маддалену». Сначала я скучал и никак не мог сосредоточиться, но под конец очень заинтересовался красивым, хотя и обыкновенным сюжетом. Оперу писать на него я ещё не собирался, но взял пьесу домой, чтобы при случае прочесть ещё раз. Между тем других сюжетов никто не находил, всё как-то не подходило, а за «Маддаленой» было ещё то преимущество, что она была написана в драматической форме и, следовательно, прямо без переделок могла идти под либретто, а если бы они и понадобились, то авторша была жива, жила в Царском Селе, и переделки можно было сделать сообща с нею. Я перечёл «Маддалену» ещё раз и мне бросилась в глаза одна удивительная особенность: это то, что «Маддалена» была не пьеса для драматического представления, а самое чистокровное либретто, просящееся на музыку. Объяснюсь точнее: в «Маддалене» была масса мест, которые бы при драматическом представлении прошли бы незамеченными и неинтересными; в опере же, благодаря музыке, они приобретали огромный интерес. Например, начало «Маддалены» в драме не представляет ничего увлекательного, оно как-то никому не нужно... А в опере здесь создаётся великолепное настроение, это чудесная канва для характеристики Маддалены, красивой, изменчивой и далёкой; всё начало сразу становится чрезвычайно

[5] В довесок (фр).

интересным и нужным для слушателя оперы. Дальше: сцена Дженаро - Маддалена в драме интересна, мила, но всё же зритель ещё не знает, зачем понадобилась она, и, ручаюсь, будет смотреть её с холодным равнодушием. В опере она превращается в пылкую любовную сцену и уже благодаря одной музыке должна увлечь слушателя; музыкальная характеристика Маддалены в первой сцене уже заинтересовала слушателя, она уже создала ему известное настроение, известную связь между ним и героиней, и появление Дженаро, превозносящего Маддалену, ещё более увлекает слушателя и увеличивает эту связь. Между тем в драме - это только появление нового персонажа и в зрителе оно вызывает ожидание следующей сцены, которая объяснила бы предыдущую. Обдумывая всё это, я прочёл второй раз «Маддалену», на этот раз с гораздо большим интересом, чем тогда, с Андреевым. Идея «красивого зла» - идея пьесы - интересна сама по себе, а вся пьеса написана с такой «кинематографической» быстротой действия, что не будет ни одного места, которое было бы скучно писать для автора и скучно слушать. Кроме того, меня сразу очень заинтересовала первая характеристика Маддалены и настроение в начале первой сцены. Я сел за рояль и стал её импровизировать; сразу сочинилась первая тема; мне она понравилась. Таким образом участь «Маддалены» была решена.

Опера по либретто резко распадалась на четыре сцены и приобретала чрезвычайно стройный план:

первая сцена - характеристика Маддалены;

вторая сцена - характеристика Дженаро (плюс предыдущее, т.е. Маддалена);

третья сцена - характеристика Стеньо (плюс предыдущее, т.е. Дженаро);

четвёртая сцена - все трое вместе, каждый со своими страстями.

Что может быть стройнее этого плана для одноактной оперы?!

Итак, я принялся за «Маддалену». Впрочем, настоящую работу я откладывал до лета, а пока сочинял между делом, главным образом, материал. В июне мы уехали из Петербурга в Сухум. У меня уже были сочинены все те части первой сцены, где Маддалена одна, и порядочно материалу для второй сцены. В Сухуме я очень много работал над оперой и в три недели написал вторую и третью сцены.

Двадцать шестого июня я получил от Держановского открытку с сообщением, что «Сны» идут в Сокольниках первого июля, а «Осеннее» в период от десятого до двадцатого июля. Как раз посередине между обеими пьесами, Канкарович должен был сыграть «Сны» в Павловске, и я, очень довольный, выехал из Сухума с первым же пароходом. Но пароход, благодаря грузке персиков, опоздал на шесть часов. Поезда из Новороссийска все ушли, и я должен прожить в Новороссийске двадцать один час. Занял номер в гостинице. Сижу, пишу этот дневник.

29 июня. Новороссийск.

(NB. Вспоминаю, что когда в детстве я жил в Сонцовке, то в этот день, день Петра и Павла, храмового сонцовского праздника, в Сонцовке всегда бывали народные празднества и большое торжество).

На предыдущей полсотне страниц я записал все музыкальные обстоятельства, случившиеся в тот четырёхмесячный срок, во время которого я не брался за дневник. Теперь мне хотелось вспомнить то, что касалось моих друзей и знакомых.

Начать почему-то хочется с Мариночки Павловой. Наши отношения в период февраль-май мало изменились. С наступлением весны у неё и Левицкой кончились научные классы, сменившиеся редкими научными экзаменами, и наши регулярные встречи прекратились. Она как-то сказала мне, что хотела бы, чтобы я аккомпанировал ей на её экзамене пения. Я с радостью согласился. Потом она повторяла мне это, но когда я хотел прийти к ней в класс, чтобы попробовать, то

она пугалась и прогоняла меня. Экзамен приближался и я, видя, что Павлова колеблется между желанием, чтобы я ей аккомпанировал, и нежеланием, чтобы я её слышал, так сказать, в домашней обстановке, отправился помимо неё к профессору Иванову-Смоленскому, в классе которого не раз аккомпанировал, и предложил аккомпанировать ему на экзамене, чему старик чрезвычайно обрадовался. Однако, с моей стороны это было большим геройством, потому что на мои плечи упало более десяти учащихся обоего пола с четырьмя длинными репетициями.

Мариночку я видал только на двух. У неё оказался преочаровательный голосок, очень приятного тембра, но небольшой, такой же, как она сама. Фразировка тщательная и осмысленная, а Иванов-Смоленский говорит, что голос разовьётся и у неё большое будущее. На экзамене (который был накануне моего) она страшно волновалась и так старательно наказывала мне, чтобы я не подводил бы её и вывозил бы при случае, что взволновала даже меня; так что я на эстраде хоть делал спокойно-весёлый вид, чтобы успокоить её, но всё же рисковал попадать не в те клавиши, в которые надо. Она получила «четыре с половиной», но так как я не дождался отметки, а она на другой день не могла быть на моём есиповском экзамене, то я просил её позвонить мне по телефону об отметке. Милая девочка действительно позвонила мне; к сожалению, не застала меня дома.

Следующий раз я встретил её через две недели, провожал из Консерватории домой. Болтали обо всяких пустяках. Она остаётся ещё в Петербурге, а затем на лето едет в Лугу. На том и распрощались. Из Москвы и Териок посылал ей постальки с приветами.

Между тем на улице наступила поздняя северная весна. Малочисленные питерские деревья зазеленели. Стало тянуть на природу, в какие-нибудь петербургские окрестности.

И вот выезды начались. Первым номером мы поехали в Кронштадт. Я уж чуть ли не год собирался с Тонькой в Кронштадт. Привлекал он меня тем, что надо было ехать морем, на пароходе, куда-то в другой совсем город... - любопытно. Но всё как-то не удавалось. Наконец, в один жаркий апрельский день мы созвонились по телефону и около двенадцати часов встретились на пристани у Николаевского моста. Сначала Тоня меня несколько злила тем, что боялась, что кто-нибудь увидит её, едущей в Кронштадт, и всё пряталась по уголкам. Но потом мы выползли на палубу, там к нам привязался какой-то генерал, и мы незаметно доехали до цели. Началось это знакомство с того, что он сидел рядом, а я рассказывал Тоне о том, как я задумал писать мою оперу. Генерал слушал, слушал, наконец не вытерпел и сказал наставительным тоном:

- Чтобы написать оперу, надо быть, во-первых, композитором.

Его разозлило, что какой-то фанфарон кружит голову хорошенькой барышне, а та его слушает. Я объяснил ему, что я композитор. Генерал оказался поэтом. Разговорились. Теперь уж ему захотелось, чтобы я положил его стихи на музыку. Обещал описать нашу встречу стихами. Угощал Тоню конфетами и говорил ей комплименты. Тонька была ужасно довольна. На пароходной пристани мы с Тоней сели на извозчика и уехали.

Кронштадт оказался прескверным городишкой. Голым и пыльным. У нас было два часа. Мы позавтракали в гостинице, послали открытки знакомым, снялись, посмотрели немного город и к отходу парохода прибыли на пристань. Обратно поехали другим маршрутом: на Лисий Нос, а далее в кукушке. Тоже очень мило; сидели, читали «Сатирикон». На Каменноостровском расстались .

Через несколько дней генерал прислал мне длиннющие стихи, строчек пятьдесят, описывающие нашу встречу на пароходе. По качеству стихи прескверные, но мы с Тонькой были чрезвычайно довольны.

Больше мы генерала не видали.

Вторая поездка была вверх по Неве, тоже на пароходике, по направлению к Шлиссельбургу. Но до самого Шлиссельбурга слишком далеко, и мы, проехав два часа на пароходе, вышли где-то в Усть-Тосне, в селе Ивановском, и пошли гулять. День был холодный и мглистый; на пароходе мы очень мёрзли. В селе Ивановском была невылазная грязь. За селом - довольно недурно, но всё какие-то заводы и уйма чёрного люда. Так что мы даже побаивались, когда рабочие слишком засматривались на хорошенькую горожанку. Но дальше мы вышли в поле - красивую комбинацию из леса, поля и реки; залезли в лес, закусили бутербродами, бананами и шоколадом. Целовались и нежничали очень. Едва не опоздали на обратный пароход и мило вернулись в Петербург.

Третья прогулка, в Петергоф, была неудачная.

Затем мы как-то гуляли за Новой деревней, по Приморской дороге, тоже скандалили и даже врозь вернулись по домам. Но зато другой раз, приблизительно там же, гуляли очаровательно, это была самая удачная прогулка из всех. Мы доехали в кукушке до станции Келомяки и пошли, куда глаза глядят. Сначала место было скучное, я лениво плёлся и ворчал. Это был первый случай, что прогулка и маршрут делались по Тониной инициативе. Мы пересекли безлюдное поле, диаметром в несколько вёрст, и я потянул её в лес. Однако вначале был только подлесок, оказавшийся таким топким болотом, что мы едва не завязли. Вдобавок Тоня увидела змею и перепугалась до смерти. Мы поспешно выбрались назад в поле - и надо было видеть, как она уцепилась за меня, ища спасения от змеи. Я её успокоил, как мог, и в её испуге мне была приятна эта доверчивость, с которой Тошка искала у меня защиты. Отойдя от леса, мы разлеглись на траве и позавтракали бананами. Наконец, мы, обняв друг друга, пошли назад к вокзалу.

Последняя прогулка была по самому Петербургу. Это уже было во второй половине мая. Был жаркий день. Инстинктивно стремясь к прохладе, мы хотели к морю. Но к морю с Васильевского острова мы ходили уж не раз, нам это надоело. Решили мы добраться где-нибудь южней Фонтанки. Пошли по Фонтанке, потом в Екатерингоф (существование Екатерингофа было для нас большим сюрпризом), затем ещё дальше по каким-то загородным, неизвестным улицам; пили лимонад в какой-то дрянной, хотя и пустой, пивной. Шли ещё дальше и наконец из города вышли в поле. Странное было впечатление: то Петербург, а то просто обыкновенная деревня. Вероятно, это место было очень низкое и страдало от наводнений, потому что в разных направлениях было пересечено дамбами. Вспоминалась Голландия. Впрочем, эта прогулка оказалась хуже келомяжской, потому что, возвращаясь обратно, мы успели друг другу надоесть.

За день до моего отъезда в Сухум мы сидели с Тоней в сквере между Летним садом и Инженерным замком. Тоня, видимо, сожалела, что я уезжаю, была удивительно мила, всё говорила: «Последний раз, последний раз...», обещала часто мне писать - и сдержала это слово.

14 августа, Кисловодск.

Борю Захарова я считаю одним из наиболее талантливых людей, когда-либо мною виденных. Талантливым в жизни, (но не в музыке). Это редкий тип; и этот тип мне нравится до чрезвычайности. Я вполне сознательно люблю его - и как меня обижает его сухость и та манера, с которой он иной раз отталкивает человека, идущего к нему с раскрытыми объятьями.

Я страшно обидчив; тогда моя любовь превращается в острую ненависть; то или другое, но редко, когда я к нему бываю равнодушен.

Разговор, которые мы вели в вагоне в январе, на пути из Царского в Петербург,

и то объяснение о самом себе, которое он мне сделал тогда, видно, произвели впечатление прежде всего на него самого. Боря потом несколько раз вспоминал этот разговор.

Вообще же после этого мы виделись довольно редко. Третьего февраля вечером были на именинах Анны Николаевны. Это было первый раз, что я был приглашён на её grande soirée[6]. Очень шикарно, смокинги и фраки, большинство - профессорский персонал Консерватории, из учеников: Боря, я, Шуберт, Боровский, Берлин, Бенуа, Швейгер. Любопытно, но в большой дозе - скучно.

На масляной состоялась прогулка в Териоки. Боря уже давно говорил, что соберёт зимой компанию в Териоки. я не раз напоминал ему об этом, наконец на масляной компания собралась.

- Только ты уж себе целый день освобождай. - сказал Боря, - утром выедем, а поздно вечером вернёмся.

- Да я уж заранее вычеркнул этот день из моей жизни. - ответил я.

Компания собралась огромная, человек двадцать-двадцать пять. Боря, Вася, Стёпа и Жорж Захаровы, Вера Степановна и Зинаида Эдуардовна, её брат и сестра - Володя и Надя Маркусы, Лидуся и Зорюся; я; Кокочка Штембер; Софочка Капустина, Нина и Кира Дурдины, А.Данилов, Эспер Лукич и всякие прочие.

Софочка была в паре с Жоржусей. Боря был главным устроителем, а в частности был с Ниной и Кирой: я долго не видался с Лидусей, очень обрадовался ей - и всю прогулку провёл в паре с ней.

В этот день я был на редкость весел. Я мало помню таких весёлых дней. Удивительно счастливое было это путешествие в Териоки! Был чудный день и яркий белый снег. С вокзала гурьбой отправились на одну из второстепенных захаровскпх дач (главная зимою забита), где нас ждал вкусный обед. Затем на пяти дровнях отправились куда-то за несколько вёрст кататься с гор. В наши дровни править села Зинаида Эдуардовна, потом я с Лидусей и Кокочка Штембер. Я всё время кидал снежки в соседние дровни и ужасно возился с Лидусей.

Накатавшись с гор, поехали обратно.

В дровни с дикой лошадью влез Степан Степанович. У меня очень ярко запечатлелась эта картинка, как он молодцевато поправил своё золотое пенсне, что придало чрезвычайно пикантный вид его жирному мурлону; пенсне сверкнуло на солнце и он, молодцевато схватив вожжи, спросил:

- Кто едет со мной?

Сел я с Лидой. Зинаида Эдуардовна, которая спешила к поезду, а кстати и Кокочка, чтобы не отставать от своей компании. Тронули вожжи - и стрелой вылетели по дороге. Мчались мы на диво. Только дальше становилось хуже: стали попадаться встречные, а дорога была узкая. Мы рисковали столкнуться и громко гикали встречным: те с испугом и удивлением сворачивали в сугроб. Ещё дальше стало ещё хуже. Вместо утлых финских санок навстречу поехали огромные сооружения, состоявшие из нескольких стволов деревьев, связанных и помещённых на двое маленьких саночек. Нам впятером в наших дровнях было довольно тесно, мы с Лидой, например, сидели с правой стороны, а наши ноги болтались снаружи. Встречные сооружения из древесных стволов были прямо-таки опасны. И действительно, когда мы встретили вторую такую штуку, то благополучно не разъехались. Мы подлетели в упор, один момент - и мне показалось, что ноги мои будут снесены бревном, или же, по крайней мере, раздроблены колени. К счастью, как-то меня задело не очень сильно. В тот же момент я почувствовал, что наши дровни переворачиваются в противоположную сторону, и через голову полетел в снег.

[6] Большой вечер (фр).

Я сейчас же вскочил на ноги и увидел, как лошадь уносила наши накренившиеся на бок дровни, а Степан Степанович, повиснув на вожжах, волочился рядом по снегу, силясь влезть в дровни и задержать лошадь. Они скрылись за поворотом, а я повернулся и увидел рядом с собой Лиду. В бедную девочку целиком попало то бревно, которое летело на меня; расшибло ей бок, руку и колено. Она стояла бледная как смерть, лицо выражало страдание, и каждую минуту можно было ждать, что она либо упадёт в обморок, либо разразится истерикой. Милая девочка, однако, сдержала себя, только сорвала с руки браслет с часами, которые разбились, и осколки которых врезались ей в руку, и швырнула его в снег. Браслет глубоко утонул в сугробе, Кокочка полез его искать; я стоял рядом с Лидой и всячески старался её успокоить.

Подъехали главные сани с кучером. Выскочил Боря, очень испуганный за Лиду. Её уложили в эти сани; тронулись дальше. Лидуся скоро успокоилась и начала улыбаться на шутки, хотя ещё лежала тихонько и пришибленная. Я ехал следом на злополучной лошади, пойманной и укрощенной.

Вернувшись на дачу, ужинали. Вася Захаров пил со мною на брудершафт. Затем ходили по морю на лыжах; потом чай пили, галдели, шумели и танцевали как попало и на чём попало (до столов включительно). Я, кажется, проявил наибольший урагинизм из всех. В полночь, изнемогая от усталости, всей компанией вернулись в Питер.

Когда на обратном пути мы с Борей случайно оказались tête-à-tête на площадке вагона, он спросил меня:

- Ну что-ж, считаешь этот день вычеркнутым из твоей жизни?

- Нет, напротив - вписанным в неё золотыми чернилами, - с некоторым пафосом ответил я.

Боря остался очень доволен.

После этой прогулки Боря куда-то исчез на три недели. Сначала я никак не мог дозвониться к нему по телефону, потом оказалось, что его вовсе нет в Петербурге, что он с Васей уехал к себе в деревню под Старую Руссу. Потом я узнал, что время он там провёл отвратительно, был чем-то болен, а чем - не говорит. Уж не знаю, что приключилось с Бобосей.

Когда по его возвращении мы встретились в Дворянском собрании на денном концерте, где впервые исполнялась «Литургия» Рахманинова, то он необыкновенно обрадовался, был мил и очарователен, в тот же вечер пришёл ко мне, словом, редко я его видывал таким.

Затем мы виделись с ним, по обыкновению, ни редко, ни часто; иногда звонились по телефону. Прежде телефон у нас был в швейцарской, теперь же повесили в квартире. Одной из наиболее частых звонительниц сделалась Лидуся. После териочной прогулки мы стали с ней большими друзьями, а в телефон она стала мне звонить каждый день, иной же день и по несколько раз. Около того времени у неё случились какие-то неприятности с родителями, очень крупные, хотя из-за пустяков, дома ей все объявили бойкот, никто не хотел даже разговаривать, а тут ещё надо начинать готовиться к выпускным экзаменам, девочка же она и без того слабая да нездоровая, словом, хоть вон беги, да некуда. Я ей оказался единственным другом и поддержкой, терпеливо выслушивал её жалобы и ходил с ней гулять. Мне было искренне жаль её. Поздней, на Пасхе, уже когда всё обошлось и она помирилась с родителями, я, идя на вечер к Рузским, забежал к Карнеевым, чтобы взять забытую палку. Новое несчастье: отец, у которого донельзя слабое сердце, выпил с товарищами лишнее и теперь лежит, ему очень скверно. В доме было тихо-тихо. Мы сидели с Лидой в передней на диване. Лида была такая несчастная; я обнял её, а она так прильнула ко мне, что мне ничего не оставалось, как несколько раз поцеловать её. С тех пор это вошло у нас в обычай, и мы потом часто

целовались.

Но это всё про Лиду; что же касается Бори Захарова, то в начале апреля у нас случился инцидент.

Я пришёл к Анне Николаевне в класс, чтобы получить разрешение играть в тот же день у «современников» на концерте. В её разрешении я не сомневался и зашёл-то только так, чтобы сохранить apparences'ы[7]. Анна Николаевна меня встретила в штыки и играть не разрешила.

Наш разговор был в дверях класса, после чего Анна Николаевна зачем-то вышла в коридор, а я очутился в классе. Я стоял растерянный и совершенно потерявший почву под ногами. Вошёл в класс Боря. Я кинулся к нему:

- Боря... слушай... как же быть мне?...

- Да уж, право, не знаю, что тебе сказать, - ответил он, отстраняя меня и заговорил с кем-то другим.

Тогда я не вполне отдал себе отчёт в его поведении, почувствовал себя только очень одиноким, но поздней, особенно когда дело уладилось, я увидел всю чёрствость и даже бесчеловечность, с которой Борис обошёлся со мной в ту минуту. Когда он позвонил мне по телефону, я резко высказался ему на этот счёт и заключил разговор меткой и в своё время знаменитой фразой, ярлыком, приклеенным к Захарову:

- Ты хорош, пока ты не нужен, но ты отвратителен, когда ты бываешь нужен.

После этого мы временно прекратили встречи друг с другом.

Конечно, потом всё обошлось. Он пришёл в класс слушать, как я играю сонату Листа и нашёл большие успехи. Затем он играл в любительском спектакле, очень хотел, чтобы я пришёл на него смотреть. Я был вместе со всей его семьёй и с Карнеевыми. Играет он действительно прекрасно. После спектакля был бал, с которого я, впрочем, удрал в самом начале. Скажу только несколько слов об одной маленькой картинке: по окончании спектакля Боря появился в зале шикарный, во фраке, у него было много знакомых, все поздравляли и восхищались его игрой, Софочка Капустина млела, поднесла ему букет, словом, Бобочка порхал и чувствовал себя героем. Началась музыка для бала, но никто не начинал танцевать, вертелся офицер и больше никого. Боря умеет танцевать еле-еле, но будучи там до некоторой степени хозяином, должен был оживлять танцы. И вот он пригласил барышню и завертелся с ней по пустому залу. Он еле знал те па, которые надо было делать, но так мило делал вид, что он только небрежничает, что стоит ли ему, такому герою, стараться, так занимал разговором свою барышню, которая тем временем тщательно выделывала все па, что этого элегантного джентльмена можно было принять за самого опытного танцора!

(Хронологическая поправка: оказывается, что этот вечер был в феврале, до териочной прогулки. Я перепутал).

На есиповском экзамене Борис шикарно играл предпоследним. Играл он 1-й Концерт Рахманинова - вещь слишком лёгкую для него и для того места, которое он занимал в программе; за это ему не раз попадало от меня. После такой трудной вещи, как Соната Глазунова, игранная им в прошлом году. Концерт Рахманинова играть было стыдно. Как-то после экзамена, обедая у Есиповой, я сказал про 1-й Концерт Рахманинова (разговор шёл об его исполнении Захаровым), что это - вещь для младшего курса. Анна Николаевна ужасно рассердилась:

- Пустая вы болтушка! Говорит... говорит... а потом вдруг намелет!

За столом раздался такой смех, что поневоле Анне Николаевне пришлось сменить гнев на милость.

Перед экзаменом мы несколько раз играли с Борей Концерт, причём я сделал

[7] Видимость (фр).

ему несколько замечаний, которые он принял и которые, по-моему, имели существенное значение при исполнение всей вещи.

На экзамене он сыграл Концерт прекрасно, имел огромный успех и получил пять с крестом. Когда ему прочли его бал, он проговорил:

- Ах, это очень приятно, что 5+, я первый раз получаю, - и приятно улыбнулся.

После экзамена компания учеников и учениц, человек двенадцать, поехала в ресторан, потом в Аквариум. Всё это было бы мило, но мне ведь прочли, что я получил пятёрку, а не 5+, и это обстоятельство портило мне наше празднование окончания экзамена.

3 сентября, Москва.

Во второй половине мая я два раза гостил у Бори в Териоках. Первый раз, когда туда переехали на лето только Боря да Вася, а вся семья была ещё в Петербурге; большая дача ещё не была приведена на летнее положение, и мы жили в маленькой, №6 («палата №6», как я её называл). Я пробыл два-три дня; время провели отлично, исходили массу окрестностей, приезжали Лида с Зоей, ездили с ними на Озеро-Красавицу, словом - прелестно.

Через несколько дней я вернулся опять в Териоки. Семья Захаровых теперь уже переселилась из Петербурга, жили на большой даче. Мы с Борей по вечерам занимались философствованием. Он нашёл, что я тонкий наблюдатель, я же пользовался этим, чтобы разносить его характер. Борю хлебом не корми, но разговаривай с ним о нём самом.

Я говорил ему, что он плохой товарищ. Он соглашался с этим, но говорил, что со мной у него отношения лучше, чем с кем-либо. Он говорил, что никогда не встречал человека, превосходство которого он ясно бы чувствовал над собой. Найти такого человека было бы для него величайшим счастьем, н только с таким человеком он мог бы быть настоящим другом. Я отвечал, что у меня тоже отношения с ним ближе, чем с кем-либо другим, и вероятно, оттого, что я не встречал человека, с которым я мог бы сойтись ещё ближе, и что самый мой большой друг был бы человек такой же точно, как я сам.

Я упрекал его в позёрстве. Он говорил, что если и есть позёрство, то оно непреднамеренное, а непроизвольное, что если оно и есть, то вытекает само собой, искренне и помимо него самого.

Он говорил, что многие пробовали анализировать его, но никто не хочет понять его по-настоящему. Я возражал:

- То есть ты хочешь сказать, что тебя никто не желает понять так, как ты того желаешь. Я, например, считаю, что понимаю тебя, но, быть может, не так, как ты хотел бы.

Боря говорил:

- Ты меня упрекаешь в чёрствости, сухости и небрежности к людям. Я имел много разочарований в жизни и не могу относиться к людям так открыто и доверчиво. Больше всего в жизни я люблю искусство, музыку. Ты знаешь, что я не бегу от мира: я люблю и развлечения, и игры, и людей, и общество, но искусство я люблю более всего, и я не хочу, чтобы что-нибудь могло меня отвлечь или помешать моим занятиям им, моему служению ему. Хочешь я тебе скажу одну вещь, - ты скажешь, что это позёрство, но всё равно?

- Ну?

- Помнишь, сегодня на крокете составляли телеграмму в Париж?

- Ну?

- Ещё торговались из-за пятачка... А это единственный человек, который дорог мне на свете.

Речь шла о Mlle Бастиан, к которой, я уже не раз слышал. Борис был не совсем равнодушен, очень красивой, выходившей теперь за кого-то замуж в Париже.

Я не задумываясь ответил:

- Она тебе потому так дорога, что ты сам слишком мало ей дорог.

Боря не ответил. Водворилось молчание. Тем не менее сказанное им было так ново и, если можно так выразиться, эффектно, что произвело на меня впечатление.

- Скажи, пожалуйста, она выходит за англичанина?

- Да. И совершенно его не любит.

- Богатого? - Да.

Я задал ему несколько вопросов, но очень-то пытать Бориса нельзя было. На том и кончились наши разговоры, ибо это был последний вечер: на другой день я уехал. У меня остался зуб против Бори, и по дороге в Сухум, с парохода, я послал ему едкое и насмешливое письмо, быть может, весьма меткое и остроумное.

На другой день я тронулся в Петербург, побывал там у Лили Коншиной на свадьбе и затем отправился с мамой в Сухум - сочинять «Маддалену»-оперу.

Привожу одну Борину фразу, которая мне очень польстила.

Мы сидели у них в зале: Боровский, Борис, я, Карнеевы и несколько человек захаровской семьи. Зашёл разговор о том, действительно ли такая хорошая преподавательница наша Есипова, как о ней говорят? Боря утверждал это и в заключение сказал:

- Уж если её хвалит Сергей, который всех ругает и никого не признаёт, то можно быть уверенным, что она хороша!

И когда некоторые с недоверием отнеслись к его словам, то он очень серьёзно прибавил:

- Я серьёзно это говорю.

1912

2 марта

С.Эше сидит на стуле, согнувшись, я стою рядом и, видя у неё на спине расстегнувшуюся пуговицу, застёгиваю её. С.Эше быстро оборачивается на меня.

- Не беспокоитесь. - говорю я. - я вас не раздеваю, а одеваю. Она отвечает:

- Второе часто бывает дороже первого! - и смеётся. Остроумно. Я даже не сразу сообразил.

13 апреля

Этим летом в Пятигорске С.И.Танеев как-то сказал мне:

- И откуда это у вас. Сергей Сергеевич, явилось такое стремление к диссонансам?!

- А знаете, Сергей Иванович, когда я одиннадцати лет принёс вам первую мою симфонию, вы её прослушали и сказали, улыбаясь: «хорошо, хорошо; только гармония уж больно простая...». Эти слова крепко засели у меня в голове, я стал стыдиться простоты моей гармонии и всячески старался сделать её интересней. Это желание никогда меня не покидало: по мере моего музыкального развития, я всегда стремился к более и более сложной гармонии, пока в фортепианных пьесках 1908 года не достиг таких резкостей, после которых даже отступил к более консонирующим сочетаниям.

Сергей Иванович смеётся:

- Вот как! Я и не знал, что это я толкнул вас на этот путь!... 21 апреля

Даты «Снов»:

- Вторая тема (c-f-g-as) сочинена в 1905 году.
- Остальной материал - осенью 1909 г.
- Всё приведено в порядок и начата партитура в мае 1910 г.
- Окончена партитура 16 июня 1910 г.
- Окончена переделка сообразно некоторым указаниям Черепнина 21 октября

- Первое исполнение, в Консерватории - 22 ноября 1910 г.
- Второе исполнение. Москва. Сокольники - 1 июля 1911 г.
- Третье исполнение, Павловск - 9 июля 1911 г.
- Окончена новая переделка - 21 апреля 1912 г.

18 августа. Кисловодск.

Я уехал из Ессентуков двадцать первого июля играть мой Концерт в Москве и Павловске. Тринадцатого августа вместе с мамой возвратились в Кисловодск. Теперь в Кисловодске время я провожу так: утром пью кофе в парке и иду в аптеку Цинцинатора, где мне сдают пианино в очень уютном помещении и где я занимаюсь до первого часу: сочиняю Сонату- Op.14, очень удачно и с увлечением. Затем беру нарзанную ванну и возвращаюсь домой обедать вместе с мамой и со Смецкими. Затем либо уезжаю в Ессентуки или Пятигорск, по предварительному уговору с Максом, либо предпринимаю что-нибудь в компании с Рузскими, либо играю в шахматы в парке.

Мой Концерт Op.10 в первый раз играл сего двадцать пятого июля в Москве,

а затем третьего августа в Павловске. Я впервые играл с оркестром, но оказалось, что это не страшно, а наоборот - чрезвычайно приятно. Фортепианную часть я знал хорошо, оркестр же по писанным партиям играл плохо. В Москве мне аккомпанировал Сараджев, отлично знавший все темпы, я ни капельки не волновался, играя с ним. В Павловске я волновался, Асланов темпы знал плохо, оркестр врал, кроме того, в Павловске у меня было много знакомых и вообще это выступление было для меня значительней московского, - всё это несомненно взвинчивало нервы.

И в Москве, и в Павловске я имел успех очень значительный, играл по два и по три раза на бис. Пресса тоже объявилась дюжиной рецензий. Только в одной из них Сабанеев выругался до смешного, остальные все признавали талант, некоторые ворчали, зато другие превозносили очень.

Несомненно, что это выступление сделало меня «настоящим» композитором с очень завидным местом в музыкальной толпе.

История сочинения этого Концерта такова.

В начале лета 1910 года я задумал сочинять Концерт; изобрёл несколько шикарных и очень хитроумных пассажей и сочинил материал - правда, не вполне ещё связанный между собой - для экспозиции. Задуманное получалось очень эффектным, я играл кое-кому - нравилось[1]. Но затем, летом, я занялся «Снами», далее «Осенним», а Концерт отложил. Осенью я опять принялся за него: сочинял материал для Andante, для финала, кое-что добавлял в первой части, очень восхищался сочиняемой музыкой, но ни одной ноты не записал. Концерт должен был получиться необыкновенно трудным.

Тогда мне пришла в голову мысль: как хорошо было бы сочинить Концерт лёгкий, ясный и простой, который все бы могли играть. Играли бы его и в Консерватории. Посвятить его я решил «начинающим талантам». Параллельно с трудным серьёзным Концертом я решил написать лёгкое жизнерадостное концертино. Это было уже весной 1911 года. Великолепная тема вступления мне сразу пришла в голову, для главной партии я взял тему из небольшой фортепианной пьески «Карнавал», написанной в 1908 году и посвящённой Мясковскому. До- мажорный ход тоже сочинился сразу. Но далее произошла остановка. Я увлёкся «Маддаленой» и просочинял её всё лето 1911 года. В промежутках в виде отдыха я пробовал сочинять материал для этого концертино, но мало клеилось.

Зато осенью дело пошло быстро. Должна была получиться довольно длинная вещь сплошного пылающего Allegro. Хорошо-ль такое концертино? Кроме того, получалось совсем не так легко и просто, как я задумал - и основная идея утрачивалась. Не лучше ли включить Andante, ещё расширить вещь и сделать не концертино, а Концерт: и солидней, да и лучше во всех отношениях. Тем более, что к первому Концерту, прошлогоднему, я совсем охладел.

Итак, в концертино вставное Andante вышло хорошо, скерцообразная разработка тоже, и концертино превратилось в Концерт. На Рождество я занялся инструментовкой, а в феврале 1912 года Концерт Op.10 был готов.

Среди музыкантов Концерт имел большой успех, я не помню, кому бы он не понравился[2]. Особенно интересно мнение Черепнина, который сказал, что это лучшее моё произведение, здоровое, жизненное и великолепно ритмованное. Лестно также мнение французского критика Кальвокоресси, приезжавшего в Россию, что мой Концерт - самое интересное, что он нашёл в Петербурге. Концерт

[1] Из этого материала пассаж параллельными трезвучиями (по очерёдности правой и левой руками) вошёл впоследствии в первую часть 3-го Концерта. (Примечание автора).

[2] Глазунову, кажется, которому я имел неосторожность колупать на рояле по черновым наброскам.

этот как-то сам собой устроился в Москве и Павловске, Я хотел ещё к Зилоти, но Зилоти выругал его скверными словами и приравнял к сочинениям Шёнберга[3], чем немало возмутил моих сторонников с Черепниным во главе.

Форма Концерта.

Идеей формы, канвой послужила форма сонатная, но я настолько уклонился от неё, что сонатной формой форму моего Концерта назвать безусловно нельзя.

После массивного и крайне значительного по своему материалу вступления в ре-бемоль-мажоре следует до-мажор и подход от до-мажора к главной партии, тоже, конечно, ре-бемоль-мажорной. Затем ход и побочная партия в ми-миноре. После короткой фортепианной каденции следует новая тема в ми-миноре, которая имеет характер заключающий и которую можно назвать первой заключительной партией. За ней следует вторая заключительная в ми-мажоре. Хотя она тоже имеет заключительный характер, но она экспозицию не приводит к остановке, а перемодулировав в своём конце, обрушивается в тему вступления, которая и заканчивает отдел.

Идея помещения темы вступления между экспозицией и разработкой встречается ещё у Бетховена, только в более слабовыраженной форме, например, в «Патетической» сонате.

Далее в моём Концерте должна бы следовать разработка, но у меня излагается совершенно новая тема на манер рондо четвёртой и пятой формы. Эта тема представляет совершенно законченное, как бы вкраплённое сюда Andante. После Andante следует скерцообразная разработка. Она построена на второй заключительной, к которой примешивается со стороны оркестра побочная партия, а со стороны фортепиано кусочки из перехода к главной партии. Далее следует перекличка фортепиано с оркестром на скачке ми-ля, взятом из первой заключительной, и затем на фоне этого скачка выскакивают отрывки из главной партии. Оркестр заканчивает отдел разработки, после чего фортепиано в длинной каденции исполняет главную партию в репризе, для большей свежести: вместо ре-бемоль-мажора в до-мажоре, а после главной партии - ход. Оркестр вступает с побочной партией и, в то время как фортепиано разыгрывает свободный контрапункт, излагает одну за другой: побочную и первую заключительную. Дальше пополам с фортепиано - вторая заключительная партия, которая также как в экспозиции приводит к теме вступления. Темой вступления заканчивается Концерт. Благодаря троекратному повторению такого веского эпизода, как эта тема, - в начале, посередине и в конце, - достигается единство всего сочинения.

Л.В.Николаев говорит, будто Концерт не представляет собою сплошной цельной вещи, а состоит из ряда кусков, удачно друг к другу подобранных и ловко друг к другу пришитых. Ой-ли?

Сочиняя Концерт, я очень заботился о том, чтобы фортепиано всё время было безукоризненно слышно и чтобы оно хорошо звучало в комбинации с оркестром. Этого я достиг. Но зато попадаются места, где партия фортепиано в чисто фортепианном смысле не особенно интересна. Зато она вместе с оркестром звучит очень эффектно и производит впечатление.

3 сентября. Кисловодск. На даче у Рузских.

О том, как я разошёлся с Захаровым и сошёлся со Шмидтгофом.

Несомненно, что у меня с Захаровым были не просто обыкновенные товарищеские отношения, но нечто больше этого. Я оценил его ум, остроумие независимость и джентльменственность; эти его качества меня покоряли. Он был

[3] Шёнберг в то время был просто ругательным именем. (Примечание автора от 1915 г.).

на три года старше меня, но по жизненной опытности и солидности он был старше меня много более, чем на три года. Влияние он имел на меня большое. Года три назад, ещё до Териок, я старался как можно больше сойтись с ним, как можно больше завоевать его, как можно больше внедриться в него. И это продолжалось всё время, до самого разрыва. Когда я первый раз приехал в Териоки, я был очарован всей суммой впечатлений. Дотоле я проводил время в скучных оковах своей семьи, летом в однообразной Сонцовке, зимой в Петербурге. Тут я попал к любимому товарищу на великолепную дачу - полная свобода, всевозможные развлечения, славные барышни и сам Захаров ко всему - всё это вместе блеснуло мне совсем новым светом. Когда я уехал, мы обменялись с ним несколькими тёплыми и увлекательными письмами, а возвратясь в сентябре в Питер, когда я в день же приезда пришёл к нему, я имел ужасно нежную встречу, и это было вершиной нашей дружбы. Хотя потом внешне мы сходились и ближе, но этого огня уже не было.

Но были у Захарова такие свойства, которые при встрече с моим характером должны были повести к конфликту. Чем ближе я подходил к нему, чем больше я старался его завоевать, тем несовместимей оказывались наши характеры, тем на большее число отрицательных точек я натыкался. Это продолжалось год и кончилось разрывом.

Независимость Захарова вытекала из чувства превосходства над многими и этих «многих» было так много, начиная со всей его семьи, что чувство своего превосходства вошло у него в плоть и кровь, и повлекло за собой ряд совершенно особенных свойств характера: независимость с нежеланием считаться с кем-либо, кроме собственных решений; отсюда деспотизм, который есть выродок твёрдого характера Захарова, и упрямство, которое есть выродок деспотизма; - и, наконец, совершенно бессознательное пренебрежение к чужому «я».

Когда мало близок к Захарову, то эти качества, скрываясь под его нарядным оперением, незаметны и даже красивы, сливаясь в общее впечатление человека независимого и ни в ком не нуждающегося. Но когда мне удалось подойти к нему совсем близко, проникнув за «оперение», которое осталось, так сказать, за спиной и перестало меня интересовать, то я наткнулся на эти свойства, как на ряд острых шипов, за которые проникнуть было нельзя.

В моём собственном характере - потребность в свободе и независимости; есть в нём также и деспотизм. Но насколько всё это вылилось у Захарова в нечто твёрдое, незыблемое и непреклонное, настолько у меня всё не определилось, не выяснилось и не установилось. Зато во времена вспышек оно у меня достигает несравненно большей интенсивности, чем у него. Я могу подчиняться человеку, если я верю в него, если я сознательно люблю его и, оценив его значительные плюсы, ставлю его на пьедестал, признавая его превосходство. Я во многом подчинился Захарову. Но когда он начинал «ломить» своё ради слепого деспотизма, когда он делал по-своему и не давал мне объяснения по привычке не давать таковых и не считался с тем, насколько мне это неприятно, то я вскипал такой обидой, которая была много жгучей моей любви к нему. И то обстоятельство, что я был в то время небеспредельно свободен, не имел других друзей, не мог повернуться спиной и уехать, не мог нравственно хлестнуть его - ещё больше раздувало мою природную обидчивость, которая, кстати сказать, необыкновенно остра.

Первый взрыв мой был после того, как я уехал от него из Териок во второе лето пребывания моего там. Я прогостил всего десять дней в конце мая и отправился в Сухум с мамой. С парохода я послал ему письмо, написанное со всем умом и остроумием, на которые я был способен, и в котором я его высмеял с диким сарказмом. Но свою сгущённую атмосферу я разрядил этим письмом, я отомстил за себя, свои обиды - и больше не сердился на него. Когда мне пришёл ответ, я

даже волновался, боясь, что он рассорится со мной за ужасное письмо. Но ответ был сдержанный, а моё второе письмо уже совсем милое. Когда в июле по случаю исполнения моих вещей я с юга попал на север, то я опять гостил у Захарова две недели. И опять в результате какая-то накипь от безумных столкновений двух характеров, опять зазубринки на косе, которая налетела на камень. На этот раз я прорвался не письмом, а отсутствием писем, и как уехал, так точно в воду канул; Карнеевы писали, что Захаров удивлён и обижен моим молчанием. Но этим я опять удовлетворил себя, атмосфера была разряжена и, приехав в начале сентября в Петербург, я целую неделю провёл в Териоках. Захаровская семья меня очень любила, с Борисом с внешней стороны отношения были очаровательные, но где- то в глубине - у меня в глубине - была едва заметная трещина. Дружеские отношения продолжались и первую половину осени, но трещина росла. В ноябре произошёл разрыв.

Повод к разрыву, последняя капля чаши, был ничтожен, как капля; собственно, не стоит о нём и упоминать. Позапрошлое лето я очень ухаживал за Рудавской, следующую зиму мы с ней были неразлучны, затем надоели друг другу и встречались редко, но всё же иногда нравились, вспоминали старое и даже целовались. Захаров всегда высказывался определённо против Рудавской, а тут она сказала, что он иной раз не прочь за ней поухаживать. Некоторые факты как будто подтверждали её слова. Я вскипел и решил, что надо же наконец бросить с этим человеком, и бросил.

Я решил заменить дружеские отношения обыкновенными отношениями двух учеников Консерватории, которые раз в неделю принуждены встречаться в классе. Я стал избегать встреч с ним, а при встречах разговаривал неохотно и коротко. Он позвонил по телефону - я отвечал односложно. Сначала Захаров не мог понять, что со мною сделалось, но затем понял и сам отдалился. Желаемые мною отношения были достигнуты, мы были в стороне друг от друга, почти не встречались, а если встречались, то очень вежливо раскланивались.

Я не знал, совсем ли мы разошлись или только на время. Но я не почувствовал пустоты от потери своего «лучшего» друга, и желания сойтись снова - не было. Теперь прошёл уж год — желания же нет, и мы чужие. В течение этого года я могу отметить между нами четыре своеобразных события. 1) Месяца через два-три после ссоры была свадьба его брата Васи; я не получил приглашения на эту свадьбу - очевидно, в прямой связи с ссорой; я был очень удивлён и обижен, потому что с Васей отношения были отличные и демонстрация выходила уж слишком резкой. 2) В феврале были именины Анны Николаевны, собирались деньги и подносился традиционный подарок от класса, но в классе все оказались такими фефёлами, что кроме Захарова и меня некому было приняться за сбор пожертвований и выбор вещи. Нам пришлось часто встречаться, а когда целой компанией мы отправились покупать аквариум, то нам доставило большое удовольствие разыграть настоящих неразлучных друзей: смеялись, горячо обсуждали подарок, оба были в ударе., острили без конца и предупредительно смеялись остротам друг друга, будь она удачна или неудачна. Все считали нас вновь inséparabl`ями[4], но... именины прошли и. получив удовольствие от комедии, мы вновь разошлись. 3) На Пасху я был довольно серьёзно болен плевритом. Захаров узнал об этом и прислал сочувственное письмо. На это письмо я ответил насмешкой. 4) В мае Захаров, переехав на дачу в Териоки, сказал Карнеевым:

- Мне очень жаль, что в этом году Серёжи нет у меня на даче. Можете ему это передать.

Вообще Карнеевы были пунктом, в котором нам постоянно приходилось слышать друг о друге: я имел с ними частые встречи и был очень хорош с ними; он

[4] Неразлучными, от inséparable (фр).

тоже. Но позиции, занятые нами, были различны. Я, не отрицая того, что было в Захарове хорошего, всегда смеялся над его слабыми чертами и всегда пользовался случаем, чтобы написать на него карикатуру. Он же никогда не говорил обо мне ничего дурного. Моя позиция была активней, зато его - декоративно благородной.

Такова история конца наших отношений. К сожалению, историю начала отношений с Максом Шмидтгофом придётся отложить: сейчас некогда. Замечу только, что оба моих друга, прошлый и настоящий, терпеть не могут друг друга. Захаров ещё два года назад говорил про Макса:

- Ах, это тот, с такой плоскодонной физиономией...

Макс же определённо не может слышать имени Захарова.

7 ноября. Петербург.

Этим летом я намеревался сделать партитуру «Маддалены». Но дело пошло менее ходко, чем я полагал, и в течение июня я сделал всего сорок страниц, первую сцену. В июле, в первой половине августа, я вёл бивуачную жизнь, исполняя мой Концерт, и ничего не сочинял, в конце же лета решил подзаняться; было три проекта: 1) постараться кончить партитуру «Маддалены»; 2) переинструментовать и переделать старую Симфонию c-moll и сделать из неё «первую симфонию»; 3) написать начатую сонату.

На симфонию я плюнул, решив оставить одно Adagio, выпустив его в виде самостоятельного Ор.5. Выбор же работы пал на сонату, каковую я и написал в Кисловодске. Происхождение её было следующее: у меня с давних времён был g-moll'ный гавотик, имевший всегда несравненный успех у публики. Всегда спрашивали, скоро ли я его напечатаю. Гавотик был очень мил, и я ничего не имел против того, чтобы издать его. Надо было только подобрать ему компанию для составления опуса. У меня имелось неоконченное бойкое скерцо с довольно простой музыкой. Третьей же вещью у меня стала наклёвываться сонатинка (я всегда питал к ним слабость!). Таким образом составлялся Ор.12. В мае я писал Максу в Пятигорск, что собираюсь посвятить ему эту сонатину. Я давно хотел посвятить ему какую-нибудь небольшую серьёзную пьесу.

Сонатина сначала ползла медленно, но в первой половине лета стало ясно, что для сонатины она будет чрезвычайно огромной и совсем не такой простой. Тогда я решил сделать сонату и за эту работу с необычайным увлечением принялся в Кисловодске. Материалом для скерцо я взял скерцо, написанное Витолю в бытность мою в классе форм, но трио было новое; все остальные части не имели никаких предтеч. Своей новой сонатой я остался очень доволен; Макс и Н.П.Рузский, которым я проигрывал сонату во время сочинения, тоже не были к ней равнодушны.

А вслед за сонатой я принялся за сочинение виолончельной «Баллады» для Рузского. Я ему уже года два обещал сочинить виолончельную пьесу, но вообще имея мало склонности к камерной музыке, я никак не мог собраться исполнить обещание.

Когда мне было двенадцать лет, я сочинил сонату для скрипки. Там была очень хорошая главная партия. Я решил использовать её для виолончельной «Баллады» и взял оттуда пять тактов. Когда в Кисловодске сочинение сонаты подходило к концу, я, вследствие отъезда мамы в Сухум, переселился на дачу к Рузским. Там были вопросы о том, скоро ли я примусь за «Балладу». Это побудило меня иногда импровизировать на мою старую тему. Словом, когда фортепианная соната была кончена, то материал для «Баллады» был уже сочинён, и дался мне он очень легко. Связать его стоило большого труда, но и это удалось мне в Кисловодске, так что к отъезду в Петербург «Баллада» вчерне была сочинена.

Но, насколько я имел технику сочинять фортепианные вещи, насколько я мог

мыслить оркестрально, настолько я был технически неподготовлен к писанию камерной музыки. Привести в порядок виолончельную и фортепианную партию в «Балладе» мне стоило большого труда, хотя, чем дальше, тем шло легче. Кроме того, в Петербурге отвлекала масса дел, - и только в конце октября я закончил эту пьесу. Таким образом, вторая Соната Op.14 и виолончельная «Баллада» Op.15 явились плодом моих летних работ.

27 ноября

Сегодня вышло как-то так, что я не должен идти в Консерваторию - и целый день к моим услугам. Пользуюсь этим случаем, чтобы попробовать начать каждодневный дневник. Едва ли заряда надолго хватит, но - попытаемся.

День у меня не пропал даром: Соната Op.14 окончательно просмотрена и готова к отъезду в Москву к Юргенсону. В сопроводительном письме прошу с него двести рублей, думаю, что он даст. Говорят, что голод - лучший импульс к работе. Я хотя не голодаю, но у меня сейчас нет карманных денег - это дало толчок пересмотреть Сонату и, найдя её в порядке, приготовить к отправке. Обыкновенно сочинения у меня вылёживались дольше, в видах созревания и переделок.

Кроме Сонаты занимался сочинением Концерта (2-го) и продвинул его.

В восемь часов пойду на ученический вечер. Обещала быть сеньора Умнова. Я к ней неравнодушен.

28 ноября

Вчера с милой 17А мы провели весь ученический вечер. Кокетничали и вообще были очень довольны друг другом. После вечера я проводил её домой. Это наш первый выход. В течение вечера в зале потухло электричество; молодёжь пришла в дикий восторг. Принесли на эстраду два канделябра со стеариновыми свечками, и вечер продолжался.

Сегодня в девять часов утра пришёл в малый оркестр. Старался выпытать у Черепнина о результатах конкурса певиц на наш юбилей, но получил ответ, что результата пока нет. А интересно: во-первых, вообще, а во-вторых, очень уж Умновой хочется знать о Леле[5]. Я знаю одно, что я иду во втором составе, а стало быть, мне надо хотеть, чтобы те, чьих я сторонник, потерпели фиаско и попали во второй состав. В ученическом оркестре мне пришлось дирижировать весь урок, т.е. два с половиной часа без антракта. Утомительно, но полезно. Симфония g-moll Моцарта, «Свадебное шествие» Глазунова и «Ночь в Мадриде» Глинки.

После этого проигрывали с Гауком «Концертштюк» Вебера, пойдёт в субботу. Поручено мне на мою совесть, без профессорских указаний.

Далее я собрался уходить, но встретил Макса, и мы пробыли в Консерватории ещё час, разговаривая.

В четыре часа репетиция «Маккавеев», первый раз с хоровыми массами, а посему толкотня и бестолковщина.

Черепнин сообщил, что он говорил с Габелем и Глазуновым, и мне, вероятно, дадут дирижировать на юбилее «Грозным». Стало быть, мой выпад против Черепнина не прошёл даром. Это немного для моего участия в юбилее, но лучше, чем ничего. Вещь для дирижёра интересная, но звучащая мерзко. «Испанское каприччио», которое Черепнин оставил за собой, блеснёт ярким светом сравнительно с убогим «Грозным», а между тем дирижировать «Каприччио» можно ногой. О, Черепнин, не промах парень!

[5] Персонаж оперы «Снегурочка».

Сегодня я в первый раз был в новом Большом зале Консерватории. Я чрезвычайно им интересовался, но был разочарован: маленькая сцена, неуютный, чисто театральный зал, грубые стулья в партере... и так мне стало жаль нашего старого зала, светлого, белого, красивого, огромного своею длиной и столь милого своими воспоминаниями! Он всегда мне представлялся каким-то огромным доком, в который можно ввести корабль. Правда, он был невозможен как театр, но как концертный зал - куда просторней и симпатичней, чем эта новая восьмисоттысячная коробка. Слава Богу, оставили антре[6] с белыми колоннами, лучший уголок Консерватории.

1) Играл Вере Мериин мою Сонату Op.1; она очень довольна. 2) Черепнин говорит, что Габель меня очень любит. 3) Надо поучить «Иоанна Грозного» к завтрашней репетиции.

29 ноября

Вчера вечер сидел дома; был Макс; писали «жёлтую книгу». Сегодня утром репетировал «Грозного». Идёт недурно и вообще выходит. Но Черепнин сделал мне головомойку за ужасные жесты и за искривлённую фигуру. Увлёкшись музыкальной стороной пьесы, я забыл декоративную. Предложено обратить серьёзное внимание. Далее репетировал Глазунов аккомпанемент к своему фортепианному Концерту. Пришёл Борюся, но никто не обратил на него внимания. Завтра они репетируют вместе, и таким образом Борюся восходит на горизонте.

Фаготист и концертмейстер сделали интересное предложение: устроить через день после юбилея повторение оперы в пользу оркестра, а затем большой бал. Для меня это выгодно в том смысле, что, по-видимому, этим спектаклем буду дирижировать я.

Сегодня, после месячного перерыва, был урок у Есиповой. Встретила она меня очень мило словами:

- Что это вы совсем пропали? Много занятий?

Вероятно, до неё дошло о моей дирижёрской деятельности. Играл Концерт Чайковского и получил похвалу.

В свободные моменты читаю «Автопись моей жизни» Корсакова и биографию Чайковского (М.Чайковского). Читаю их параллельно, по годам - это любопытно. Чтение вызывает большую охоту сочинять; к сожалению, на это мало времени. Впрочем, я доволен такой интенсивной деятельностью, а урывками иногда сочиняется ещё лучше, чем тогда, когда имеются большие, бесформенные куски времени.

30 0 ноября

Вчера вечером сидел дома и страшно хотел спать, потому что недосыпал две предыдущие ночи. Пытался сочинять Концерт, но устал и ничего не выходило.

Сегодня утром репетиция «Маккавеев» с оркестром и певцами. Шло довольно порядочно, хотя несколько раз приходилось орать. Пришёл Борюся и первый раз видел меня дирижирующим. Затем он играл глазуновский Концерт. Да! Та же захаровская манера играть, тот же, что и раньше ужасный искусственный пафос! Глазунов аккомпанирует отвратительно.

Проект оркестровых музыкантов о повторении юбилейного спектакля в их пользу нашёл сочувствие у Глазунова. Главные заправилы открыто считают меня капельмейстером. Я молчу, но радуюсь.

[6] Вход, от entrée (фр).

Сбегая после репетиции по лесенке, вижу 17А, разговаривающую с Бобровичем. Я присоединился к ним, но через минуту налипли Кругловский и ещё какой-то певец. Найдя, что мне дают мало внимания, я повернулся и ушёл.

В половине третьего часа был молебен по случаю нового зала.

- Молебен?
- Т.е. панихида?
- Молебен о новом зале?
- Панихида по старому?!

Научные классы, мальчишек и девиц, выстроили в шеренгу. Когда мы с Максом пришли на молебен и быстрым темпом прошли мимо шеренги, то мальчишки, большею частью мои оркестровые музыканты, стали отдавать мне честь. Я, шутя, им отвечал, но вообще вышло эффектно.

Зал мне понравился больше.

17А появилась на молебен и поздней всё время сидела в Малом зале на фортепианной репетиции «Орлеанской девы». На репетиции закивала мне головой (но мы уже здоровались?). Я не обращал на неё внимания, вероятно, за утреннюю встречу. Несправедливо: она не виновата и мила; но это не повредит.

Стиль писем Мясковского имеет массу общего со стилем писем Чайковского (биография).

Какое свинство, что у меня вышли все карманные деньги. Макс мне должен пятьдесят рублей, но и у него осталось какое-то мелкое серебро. Тем не менее ехали сегодня в таксомобиле.

1 декабря

Вечером у нас играли в «винт», первый раз на новой квартире: Раевские, Mme Яблоньская и Колечка Мясковский. Колечка очень мил, хотя вообще было довольно скучно. Моя последняя редакция «Наваждения» найдена чрезвычайно блестящей, начало Концерта (2-го) тоже понравилось. Он сказал: «Немного с ленцой, но это очень хорошо».

Сегодня в малом оркестре первый раз аккомпанировал фортепианный Концерт. Черепнин предложил мне совершенно самостоятельно приготовиться. Я очень важничал этим, но после аккомпанемента мне попало за то, что не всё было так. После класса Черепнин прошёл со мной «Грозного» исключительно с декоративной стороны. Указания его любопытны и наблюдательны, но теперь - «удовольствие» всё это усвоить и провести в своё собственное дирижёрство.

На вечерней репетиции никак не могли доискаться Леля. Вдруг впорхнула 17А, такая оживлённая, миленькая, просто прелесть. Её сейчас же заставили репетировать. Я сидел на видном месте без дела, она стояла тоже на видном месте, но я не обращал на неё внимания и ни разу не взглянул. Должно быть, она поняла это, постаралась стушеваться и исчезла так, что я не заметил. Милый Лель, какой ты славный!

Сегодня у меня два бала: у Коншиных и Мещерских. Я сижу дома. К Коншиным лень, да и к Мещерским что-то тоже, хотя мне у них очень нравится и я пошёл бы, если-б они повторили приглашение, а то звали месяц тому назад! Я вообще ни у кого не бываю, слишком я полюбил свой избранный цикл и свои занятия: постановку наших опер, дирижёрство, сочинение, «фронты» 9-17 и Макса; это - моя жизнь, моя сфера, здесь я дома, здесь я царь. Вырываться из этой области и окунаться в другую не хочется, здесь слишком хорошо. Конечно, вполне приятно побывать на блестящем балу, но, кроме всего, я рано встаю (а сегодня так половина седьмого) и вечером меня уже клонит в сон.

2 декабря

Вечером был Макс; писали «жёлтую книгу», болтали о текущих событиях и о 17А. Сегодня утром провалялся до одиннадцати часов. Затем сочинял Концерт и возился с темой ля-минор первой части. Первые два такта вышли ничего, но дальше сдвинуться не мог. Днём был в Консерватории: Габель просил меня прорепетировать дуэт для ученического вечера. Он спокоен только тогда, когда я аккомпанирую. Затем заходил в Малый зал, где учили глазуновскую юбилейную кантату. В исполнении этой штуки принимает участие вся вокальная Консерватория, не только учащиеся, но и учащие. Умновой не было. В антракте я рылся в адрес-календаре и нашёл: Иван Иванович Умнов, потомственный почётный гражданин. Я раньше думал, что Умнова более аристократка, Макс же утверждал, что «Умнова» - фамилия духовного звания. Оказалось ни то, ни это. Я вполне доволен.

Наташка Гончарова мила и страшно ласкова; мы совсем друзья; болтаем себе на «ты»! Её в «Снегурочке» одевают Купавой (в третьем акте Купава не поёт, но фигурирует), да и в самом деле она такая «купавая»...

Прийдя домой, читал «Жизнь П.И.Чайковского». Я в восхищении от этой книги. А главное, она даёт мне необычайное желание сочинять и работать над сочинением. Начал скерцо для Концерта.

3 декабря

Вечером был у Штемберей. На Рождество молодёжь едет в имение под Тулу, очень тянут и меня. Я совсем не прочь провалиться на неделю в деревню, чтобы вздохнуть от городской сутолоки, однако определённого ответа ещё не даю; я очень прихотлив на компанию: «довольно интересной» для меня мало, необходима «очень интересная». Поэтому я Штемберям не говорю ни да, ни нет. Мы было собирались с Максом на Рождество продёрнуть в Ниццу (мне ужасно хочется в Монте-Карло, есть «система»), но теперь нет денег и, по-видимому, не будет; проект отпадает.

Сегодня первая репетиция наших опер в новом зале: слушали изо всех углов, проверяя акустику и соотношение оркестра, хора и солистов, но ничего не поняли - что слышно хорошо, а что - плохо. Одно ясно: на сцене оркестр слышен плохо. Дирижировал Черепнин и будет дирижировать, пока дело «немного наладится». Я примирился с этим. Бродил по сцене и по залу и болтал с певицами, преимущественно с Наташкой Гончаровой. Умновой опять нет. Свинство, Лидия Ивановна! Выходит, что прошла уже неделя с того очаровательного ученического вечера, а мы с ней всё не разговариваем. Не много ли?

Репетировали и кантату Глазунова. Бездарственность колоссальная. Применение темы из 4-го Концерта Рубинштейна прямо нелепое и тупое. Недурно воркуют трубы с кларнетами перед вступлением хора[7]. Партия хора коротка, очень недурна и звучит вполне торжественно. Мне бы ужасно хотелось, чтобы на море хоровых масс торжественно прозвучала у меди рубинштейновская тема. Это было бы действительно эффектно, а так, как её изложил Глазунов в начале, она кажется такой никчёмной, что становится совестно за автора кантаты.

Так как, помимо всего прочего, Глазунов в кантате всё-таки проворовался, то, встретив Лядова, я сказал, что мне нравится идея кантаты: вначале тема первого директора Консерватории, в конце - последнего, а посреди тема первого ученика.

- Какого? - удивился Лядов.
- Чайковского. Из «Ромео и Джульетты».

[7] Дало в последствии идею для соединения труб с кларнетами в солнечном восходе «Скифской сюиты». (Более позднее примечание автора).

Жест изумления.
Я:
- Или это случайно...
Лядов (смущенно):
- Вероятно, вероятно...

С предприятием нашего оркестра дело вытанцовывается; с финансовой стороны оно, конечно, удастся, раз за дело принялись евреи. Спектакль отвергнут; будет концерт. Очевидно, частью концерта я дирижирую. А солисты? На скрипку пригласили Лазерсона. А пианист? Предлагают оставить того же. Выходит, что Захаров. Нет, мерси. Захарова я совсем не желаю, а потому внёс предложение пригласить кого-нибудь с таким именем, которое привлекло бы толпы народа. Предложение одобрено, и Захаров отвергнут. В конце концов, всем руководит комитет из трёх лиц: фаготист, концертмейстер, а третьим втянут я. Конечно, это лестно, но утомительно.

4 декабря

Вечером немого сочинял Концерт, потом был Макс, болтали и писали «жёлтую книгу».

Сегодня утром блестящая победа: Юргенсон прислал условия для Сонаты, покупая её за двести рублей. Я ужасно рад и бодр. Когда я ему отправлял Сонату, то писал, что хотел бы за неё двести, но отнюдь не хотел бы. чтобы он, «идя мне навстречу», как с «Токкатой» (где он предложил сначала пятьдесят вместо ста, а потом, пойдя навстречу, семьдесят пять), назначил бы какую-либо иную цифру. Мясковский смеялся: как-бы, вместо Юргенсона, не поехала Соната мне навстречу, но - ура! - я получил ту сумму, что просил.

Сегодня репетировали в Большом зале «Орлеанскую деву», Черепнин опять дирижировал, я опять гулял. 16А мила, конечно, с Гончаровой мы очаровательно нежны (говорит, что у неё не только сангвинический характер, но и холерический), но мне нужно было 17А, а её не было. Она появилась поздней и сидела с какой-то дамой в шляпе. Я сухо поклонился и решил ждать, пока она будет одна. Дама в шляпе действительно скоро ушла, Умнова осталась одна и я прямо разлетелся к ней. Очень ласково:
- Ну как наш милый Лель поживает?
- Ничево-о-о, - протянула она. - А вы?
- Ничево-о-о, - протянул я в тон.

Затем произошёл очаровательный разговор. Я говорил, что часто её вспоминал, она говорила, что. наоборот, я забыл её совсем. К сожалению, её скоро увели петь в хоре ангелов.

После репетиции «комиссия по устройству концерта и бала», т.е. я, фаготист и концертмейстер, должны были прилипнуть к Глазунову относительно зала и чего-то ещё. Я предоставил болтать фаготу, а сам только вставлял короткие реплики. В это время мимо шла 17А. Я. не меняя позы, тихонько поймал её руку и крепко пожал, она тоже, и ушла. Кругловский, который непременно торчит, когда не надо, в частности, когда у меня что-нибудь с Умновой, увидал это и потом допекал меня. Когда переговоры с Глазуновым кончились вполне благоприятно для нас, я быстро простился и пошёл ловить 17А с целью позвать на сегодняшний ученический вечер. По дороге служитель:
- Пожалуйте сниматься с классом Анны Николаевны!

Я отмахнулся и устремился дальше. С Есиповой мы уже раз снимались, но ничего хорошего не вышло. Теперь мне было лень и некогда, наш класс я совсем не люблю, а найти Умнову было гораздо важней. Она меня ждала и сама отозвала в сторонку,

чтобы передать следующий разговор с Палечеком: он только что прошёл мимо неё и сказал:

- Смотрите, хорошенько пойте в четверг.
- Зачем? Ведь мне всё равно не петь в спектакле!
- А сказать вам, кто поёт на юбилее?
- Пожалуйста.
- Умненькая!

Причём, так как он нечисто говорит по-русски, он сказал «Умненькая», как будто проглотил сливу.

Я её очень поздравлял, хотя и жалел, что она не поёт во втором спектакле и что её «отняли у меня». На вечер она не прийдёт при всём большом желании, так как сегодня день Варвары и она обязана быть у крёстной. Я шутливо жаловался ей, что до сих пор была такой милой девочкой, а чуть успех, так уж ни на кого не смотрит и даже моих просьб не исполняет.

Не знаю почему, но успех Умновой меня приводит в самое отличное расположение духа, и я искренне радуюсь её победе, будто своей.

Встретив Захарова, я отдал ему носовой платок, случайно найденный сегодня утром в шкапу. Он очень удивился:

- Каким образом он у тебя?

Я, смеясь:

- Вероятно, как воспоминание о прошлом. Возьмите, пожалуйста, надо порвать и с этим воспоминанием!

Затем проболтали ещё чуть-чуть о текущих событиях. Я увидел Макса и. нарочно оборвав разговор на полуслове, сказал «пардон», и быстро подошёл к Максу. Далее мы с Максом сделали визит Оссовской (ибо Варвара) и пошли по домам.

5 декабря

После обеда пошёл на ученический вечер. Я аккомпанировал трудный дуэт из «Аси» Ипполитова-Иванова; пели Фейнберг и Бобрович. Музыка мерзкая, исполнение отличное. Играла на вечере фаворитка нашего класса Рая Лившиц: 3-ю «Балладу» Шопена - нехорошо, какую-то мелкую ерунду - прекрасно. Вообще же на вечере ничего особенного не было, и мы с Максом скучали бы, если-б не несколько выходов на эстраду с аккомпанементами и если-б нас не развлекало созерцание мрачного вида Борюси, которому наша неразлучность не даёт покоя.

Домой мы возвращались толпой; я шёл с 16А, Макс - со своей юной сестрой и её двумя подругами. Катя Шмидтгоф нашла, что 16А замечательно хорошенькая, чем развеселила Макса.

Сегодня утром занимался пластическими движениям перед зеркалом, изучая «Иоанна Грозного». В час была репетиция и я дирижировал им. Глазунов и Габель смотрели, якобы для того, чтобы решить, гожусь ли я для юбилея. Я дирижировал с олимпийским спокойствием всего туловища, как того требовал Черепнин, хотя всё же умудрился расшибить в кровь руку о пюпитр. «Высокие гости» похвалили мою пластику, а Глазунов сделал пару замечаний о технических приёмах.

Предположено, кроме прочих вещей, поставить на юбилее вступление к опере «Руфь» Ипполитова-Иванова. Черепнин полагает дать её Цыбину. Я ничего не имею против Цыбина, хотя обидно, что и его вклеивают на юбилей.

Новость: Концерт №2 (?!) Рубинштейна, тоже идущий на юбилее, играют Зеликман и Ариадна Никольская. Ариадна - знаменита своею красотою; я помню её появление на консерваторском горизонте года два-три тому назад, совсем ещё девочкой. Она прилежно занималась покорением сердец более интересных

учеников; очень хотела приняться за меня, но из духа противоречия и упрямства, я не захотел знакомиться с ней и не кланялся ей, хотя нас фактически знакомили два раза. Теперь Никольскую видно редко, она предпочла Консерватории общество гардемаринов и моряков. Летом мы с Максом решили, что отчего же в самом деле не познакомиться с такой интересной барышней, тем более, что многие хвалили её ум и живость. Однако первого шага я делать не хотел, а предоставил дело случаю. И вдруг: Никольская играет на юбилее! Она в блеске и на пьедестале. Дирижирует ею Черепнин. Посмотрим, всё это очень интересно. Я буду стараться всячески уклоняться от знакомства с нею, это тем более любопытно, что избежать её совсем нельзя, ибо после Черепнина я главный в той области, в которую она вступает.

После репетиции оркестра, в Большом зале была фортепианная репетиция опер; я дирижировал. Хотелось видеть 17А; она действительно явилась в конце репетиции. У меня болела голова и я был не в духе. 17А я поймал внизу. Я передал ей, что Глазунов хвалил её и её изящество. Она ужасно трусила, что ей завтра первый раз петь с оркестром.

Когда я сбегал вниз по лестнице, внизу стояла 9Б с подругами из научного класса и что-то мялись на месте.

- Ну, смелей, смелей! - услышал я, и одна из девиц робко подошла ко мне и предложила билет на вечеринку.

Я ответил, что возьму два в первом или втором ряду. Мне хочется получить сначала деньги от Юргенсона.

Вернулся я домой с головной болью и со слезой в левом глазу. Спал час, но голова не прошла. Вечером пошёл в Юсупов сад, который только что открылся, всё не было морозов. Катался на коньках. Теперь пишу дневник; голова лучше.

Вчера играл с Абашидзе мою виолончельную «Балладу». Сыграл он её вроде Рузского, так как сыграл всё, но плохо. Я второй раз убедился, что виолончельная партия звучит отлично и что «Баллада» - очень хорошая пьеса.

Сегодня утром, когда я сочинял фортепианный Концерт, мама сказала:

- Какая у тебя фальшь, как будто у тебя совсем нет слуха!

Я в ответ закрыл дверь. Она совсем не понимает мою музыку.

Третьего дня, беседуя с Максом, мне пришла в голову идея написать юмористическое скерцо для четырёх фаготов и сыграть его на ученическом вечере. Будет забавно!

Так же написать «Восхваление Глазунова» для басового голоса, литавр, двух фаготов и контрабаса, причём бас будет заунывным похоронным мотивом воспевать его сочинения, а в аккомпанементе проходит тема из упоминаемого сочинения и та музыка, откуда он украл эту тему; литавры же будут отделять один эпизод от другого музыкой с той невероятной тупостью, с которой она применена в конце его юбилейной кантаты.

6 декабря

Утром сидел дома и учил Концерт Чайковского. Днём репетиция «Снегурочки» и первый дебют на сцене с оркестром 17А. Она была в диком ужасе и кое-где подвирала, детонируя на верхах. Происходило это отчасти и оттого, что по дурацкому устройству нового зала, на сцене почти не слышно оркестра, особливо, когда он играет piano. Вообще же у «Умненькой» голос хороший и звучал он со сцены отлично, а внешность её блещет изяществом и очень выделяется в толпе, заполняющей сцену. Когда она отпела, я не решился сразу отправиться разыскать её, так как многие уже подметили наши отношения и не пропускали случая позлословить. Когда же «Снегурочку» доиграли до конца, от Умновой и след простыл.

Mme Черепнина была на репетиции. По окончании акта мы с ней одновременно подошли к Черепнину. Она (к нему обо мне):

- А он похорошел!

Я: - Благодарю вас.

Она: - Как бы это сказать? Вы стали plus sculpté[8].

Я: - Это всё стараниями Николая Николаевича: он тут мне задал такую пластическую работу по поводу дирижирования, что поневоле станешь тут plus sculpté!

Она: - Колечка, да скоро ли ты, наконец, домой пойдёшь?

Он: - Нет, нет, нет! Оставь меня! (Смеясь): - Сергей Сергеевич, уведите её, пожалуйста!

С репетиции я отправился к Рузским на именины Николая Павловича. Там, как всегда, народ и тьма угощений. Бранились, что забыл их совсем. Таня старается не обращать на меня внимания. В отместку я, уходя, забыл проститься с нею.

Вернувшись домой, узнал, что мне два раза звонила по телефону Умнова. О!! Я с нетерпением ждал, не позвонит ли ещё. Позвонила. Она в отчаяньи от своего сегодняшнего дебюта, она умирает, она бросится в Фонтанку. Я ей доказывал, что. наоборот, она пела вполне хорошо, она не верила и впрямь была очень расстроена. Звала меня прийти её утешить. Я ответил, что обещал быть сегодня на катке. Мы распростились до завтра.

Я отправился в Юсупов сад. Кататься на коньках и дышать свежим воздухом мне доставляет огромное удовольствие, хотя сегодня почти никого знакомых не было. Вернувшись домой, написал Лидии Ивановне милое письмо, утешая и разуверяя её в неуспехе.

Я идиот, что не пошёл к ней. Сегодня я особенно был нужен, я был необходим ей. Но я не оценил момента и упустил его. Дурак, дурак, трижды дурак.

8 декабря

Вчера не писал дневник. Непорядок. Навёрстываю старое.

Пятница.

Утром учил Концерт Чайкинзона. Сочинял свой. Первая часть будет, кажется, сделана отлично. Отправился на нашу репетицию. Только что кончилась спевка и всех направили в Большой зал. Толкотня, но я люблю такую толкотню. Есипова почему-то страшно мила и долго разговаривала со мною. Умновой долго не было видно, а потом она явилась, окружённая такой компанией подруг со включением преподавательницы Акцери, что к ней не подступиться. Наташа Гончарова бесконечно нежна, сидели с ней где-то на диванчике за колоннами. Губы нарумянены помадой, я заставил стереть. К 17А я подсел только в конце репетиции. Я никак не ожидал, что бедная девочка так взволнована вчерашним дебютом. Она готова бросить юбилей, сцену, Консерваторию. Это не рисовка, а настоящий детский перепуг. Все мои увещевания разбивались о непроходимый страх перед сценой и о восклицание «позор, позор! ». Всё из-за двух-трёх нот, взятых выше, чем следовало. Я её провожал домой и уговорил прийти на ученический вечер. Поправка: Никольская на юбилее не играет: был конкурс и на этом конкурсе она уступила пальму Зеликману. Ах, счастье, Арьядна, было для тебя так близко, так возможно!...

Дома у нас обедали Раевские, в восемь часов заехал за мной Макс, и мы отправились на ученический вечер. Первой предстала перед нами прекрасная Ариадна: за неимением юбилея, она играла свой Концерт на вечере. В девять часов по уговору пришла милая «англичаночка», и мы, засев на балкон, славно провели

[8] Более пластичным (фр).

с ней весь вечер. Играла 14А (Литвак) и своей игрой окончательно разрушила то шаткое очарование, которое еле сохраняла для меня. Играло моё старое воспоминание, Эльфрида Ганзен. - отлично. Играла Никольская - хорошо; Макс говорит, что в антракте только и было разговору, что об её прекрасных глазах и бойких пальцах. Макс чрезвычайно жалел, что в антракте не было меня, мы могли бы что-нибудь предпринять: Никольская блистала, но обращала на него много внимания. Но я уютно флиртовал с 17А на балконе. В половину двенадцатого я отвёз её домой, а сам вернулся на вечер послушать, не играет ли Алперсик. Всё его святое семейство присутствовало и удивлялось ограниченности внимания, которое мы им оказывали с Максом. Алперсик играл прилично, с хорошими надеждам на будущность. Когда мимо проходила Ганзен, я ударил пальцами о пальцы, как-бы аплодируя за её исполнение. Я никак не ожидал того эффекта, который это произвело: Ганзен остановилась, быстро подошла ко мне, протянула руку и сказала:

- Как, вы мне аплодируете? Вы, который всегда меня ругали, с которым я была в ссоре два года? Эта похвала для меня - самое большое удовольствие всего вечера.

Я ответил:

- Я вам плачу удовольствием за то удовольствие, которое вы мне доставили вашей игрой.

Суббота.

Утром учил Концерт Чайкина, дабы оправдать добрые отношения Анны Николаевны. Занимался немного «пластикой» по партитуре «Иоанна Грозного». В Консерваторию пришёл к репетиции, в час. Но мой «Грозный» был только в половину четвёртого. Бродили с Максом в ожидании своего номера. 9Б сидела за столиком и торговала билетами на вечеринку. Мы не могли купить, так как Юргенсон прислал деньги только в семь часов. Предприятие оркестровых музыкантов отложено до января: не вышло чего-то с залом. Черепнин изменяет слову и не даёт мне ни одной оперной репетиции из теперешних. Говорит, когда после Рождества будут готовиться ко второму спектаклю, тогда я буду полным господином всего, а теперь - и так плохо ладится - нельзя, чтобы у солистов раздваивалось впечатление от двух разных дирижёров. Кроме того, Габель и Палечек так волнуются, что теперь они - бочка с порохом и могут на меня неповинно налететь. Я с ним не согласен, но с несвойственной мне скромностью покоряюсь. Цыбин дирижировал увертюру к «Руфи»; оркестр овацировал ему. За что? «Руфь» так легка, что собака её может продирижировать хвостом. В половину четвёртого был мой «Грозный»; ничего, хорошо. Глазунов хвалил. Я храбро спросил, доволен ли он тем поправками в жесте, которые он мне советовал в прошлый раз сделать и которые я старался сделать. Он ответил, что уже обратил внимание на поправки и что я всё исполнил. Я ничего не помню, что он мне поправлял и ничего не сделал, не знаю, что ему померещилось.

С Гончаровой мы чуть не поцеловались. Она согласна с мнением Mme Черепниной о моём похорошевши и вообще сыпет комплименты.

Вечером был Макс. Я тяну его куда-нибудь завтра прокатиться, например, на Иматру. В одиннадцать часов ездили с ним на Варшавский вокзал посмотреть расписание поездов. Расписание отличное; кажется, едем. Написал «Умненькой» письмо, сообщая, что репетиции в понедельник не будет, будет во вторник. Её пытка откладывается на день.

10 декабря

Вчера утром, выйдя из дому без четверти девять, я отправился за Максом на Невский, 63, с ним мы сели в таксомотор и приехали на Финляндский вокзал.

Приятный курьерский поезд уходил в 9.45. До Выборга мы сидели в уютном вагоне- ресторане, выйдя только погулять в Териоках, богатых для меня разными воспоминаниями. В Выборге мы пересели в какой-то захолустный поезд и в третьем часу высадились на станции Иматра. Нас сейчас же окружила толпа комиссионеров от гостиниц. Одному из них мы поддались, и он привёл нас в какой-то поганый трактир. Первым долгом мы поехали на саночках на Малую Иматру, что в шести верстах. Несмотря на то, что в Питере таянье и грязь, здесь белый снег и чудный воздух. Хотя моросил мелкий дождик и портил удовольствие. Когда мы прибыли в санках к Малой Иматре, то оказлось, что надо ещё идти пешком по оледенелым буграм: нелегко, но забавно. Обе Иматры любопытны, красивы, но не грандиозны, в стиле горных речек, разбушевавшихся после дождя. Вернувшись с Малой Иматры и подмокнув от дождика, обедали в нашей убогой гостинице и писали открытки, целых девятнадцать штук. В шесть часов пошли опять на Большую Иматру, а оттуда на вокзал опустить письма и записаться на обратные билеты. Затем - в большую гостиницу «Каскад» пить кофе с бенедиктином (выпито с редким удовольствием) и читать газеты. В девять часов смотрели водопад при свете прожектора - эффект слабый, и гуляли по пустынной лесной дороге. Ужинали в «Каскаде» и в двенадцать часов уехали прямым спальным вагоном в Петербург.

Прогулка эта доставила мне большое удовольствие и очень освежила после консерваторской сутолоки. Покой и чудесный воздух Иматры мне нравятся, отель «Каскад» - тоже. Когда я сдам второй спектакль и буду, наверное, утомлён, уеду сюда на неделю и кончу свой Концерт.

Кончу ли его - или помру со скуки?

Сегодня мы вернулись в девять часов утра. Переоделся, поиграл на рояле и в час пошёл на репетицию. «Грозный» идёт совсем хорошо. Черепнин в восторге (!). Глазунов мило разговаривает. Положительно я заключаю мир с дирекцией. В «Грозном» я сделал два нововведения: 1) начало взял значительно скорее; 2) в середине в tutti большие куски не дирижировал, давая лишь изредка сильные взмахи, которые чаще выходили на генеральные четвертные паузы перед синкопами. И то, и другое одобрено.

Отлично играл николаевский Зеликман 2-й Концерт Рубинштейна (сам Концерт тоже очень ничего). Мой конкурент при окончании в будущем году. Является желание самому побольше заниматься. Цыбину за «Руфь» попало.

Пока я беседовал сегодня с Наташей, показалась «Умненькая», а когда я кончил разговор, «Умненькая» исчезла. Я нашёл её пьющей чай около кухоньки, но в толпе неизвестных мне девиц. Поговорить по-хорошему не удалось. Она позеленела, изводясь предстоящим выступлением. Петь на юбилее не хочет. Я сказал ей, что если она это сделает, то я не буду знаком с ней.

Черепнин говорит, что так как у нас оркестр приличный, то он хочет устроить во втором полугодии концерт из более новых авторов, например. Вагнера, Брамса и прочих.

- Русских авторов ни одного, только европейских.

- Причисляя таким образом Россию к Азии. - ответил я. несколько озадаченный гонением на русских авторов.

Я сильно рассчитывал поставить во втором полугодии мой 1-й Концерт.

- А вот Скрябина 1-ю Симфонию как-бы хорошо было сыграть, благо хор у нас есть!

Черепнин что-то промурчал мне в ответ в отрицательном смысле, а мне очень понравилась мысль провести 1-ю Симфонию Скрябина, и я ещё раз подыму этот разговор.

Черепнин находит, что я по моим музыкальным воззрениям не декадент, а «классик»: люблю определённость тем, ясность изложения и закруглённость

формы. Это верно.

11 декабря

Вчера вечером были с Максом на концерте Скрябина. Как ни дико, но в этот сезон я ни на одном концерте не был: концерт Скрябина буквально первый, на который я выезжаю. 24 Прелюдии (Op.ll) мне доставили мало удовольствия, а 7- ю Сонату я слушал с чрезвычайным любопытством. Соната интересная, но материал значительней пятой, совсем нестрашная и в конце концов звучит не резко. Как недостаток - перепевы многих приёмов из старых опусов. С большим интересом я слушал его исполнение «Poème satanique», которое очень совершенно, за исключением тех случаев, где нужен гром и импозантность.

Половина публики не понимала Сонаты, другая половина прилежно силилась её понять.

На концерте встретил Б.П.Юргенсона. Он очень мил. Говорит, что я с каждой встречей кажусь ему моложе.

- Так что скоро я вам покажусь маленьким мальчиком?

- Нет. Но ваши сочинения как-то глубже, чем можно предположить в вашем возрасте, а потому каждый раз, как вас встречаешь, удивляешься вашей молодости.

Возвратясь домой, я узнал, что мне звонила Умнова. Им, наконец, поставили телефон, и она сообщила его номер. Было одиннадцать часов вечера, я сейчас же позвонил.

«Умненькая» в большом волнении по случаю завтрашнего пения, не будет спать всю ночь и, кажется, поедет на Иматру. (Я в открытке с Иматры писал, что там чудесная обстановка для самоубийства: быстро, эффектно, модно и безболезненно).

Про мои письма:

- Ах, Сергей Сергеевич, если-б вы знали, как приятно получать ваши письма по утрам!

Сегодня утром учил Чайковского, днём был на репетиции. Когда я подходил к залу, я услышал начало третьего акта «Снегурочки». Умнова была уже на сцене и пела в первом ансамбле. Вид изящный, но растерянный. Мне было жалко, что я не пришёл раньше и не помог ей успокоиться.

- Макс, и ведь никак не сделаешь, чтобы она меня увидела.

- Пойди в первый ряд.

Я отправился, облокотился через барьер к Черепнину, что-то спросил у него и остался в этой позе. Умненькая меня видела. Песню Леля она спела верно, не повышая, но до ужаса робко. После этого вытащили другого Леля, только та прямо валяла всю песню на полтона выше. Я подошёл к Габелю и сказал с улыбкой:

- Станислав Иванович, она вроде кларнета in Des!

- Первая, пожалуй, лучше?

- Без всякого сравнения. Лучше в двадцать раз. Она только трусит, но это пройдёт.

- Да, да; так и сделаем.

Действительно, конкурентку скоро убрали и снова появилась Умнова.

12 декабря

Долго спал, потом играл на рояле Чайковского, также свои новые наброски. Кажется. Второй Концерт будет очень законченный по форме и изложению.

Днём - репетиция концерта. «Грозного» не репетировали: во-первых, я заявил Черепнину, что он идёт прилично; во-вторых, другие вещи шли менее прилично, потому насели на них.

Захаров играл Концерт Глазунова хорошо, балла на четыре и даже пять. Но Концерт таковский, что в первой части (идёт только она) блеснуть пианисту трудно. Впрочем, это на руку Борюсе. Зеликман на высоте; блестяще играет Полякин. Кантату Глазунова исполняли с участием профессоров (Ауэр - концертмейстер, Габель - первый бас, рассыпающаяся от ветхости Ферни-Джиральдони - сопрано и прочие). От этой примеси Кантата шла из рук вон плохо, и бедных маститостей жучили с репетированием целый час.

С «Умненькой» я встретился, как водится, в конце репетиции. Болтали всего минут десять, но как всегда очаровательно. Через несколько рядов от нас сидел мрачный Борюся, один. Я подумал, с чего бы ему во времена своих выступлений быть одиноким?

На пути домой ездил в Юсуповом саду полчаса на коньках. Вечером у нас был Балин, ушедший из конторы Алфёрова. Толковали о бирже. Советует мне поднять историю, считая возможным доказать незаконность высокой цены покупки «Железо-Цемента»[9]. Это мне вернёт рублей пятьсот.

13 декабря

Утром играл на рояле и убедился, что вторая и третья части Концерта Чайковского идут отлично, но днём на уроке Есиповой они шли хуже: перед ней я часто теряю уверенность, а без уверенности пропадает всё. Урок был на дому; после урока Анна Николаевна приглашала «выпить чайку». Я отказался, ссылаясь на репетицию, и просил позволения навестить на Рождество.

Оперная репетиция была в костюмах. За кулисам весело: все знакомые, но никак никого не узнаешь, точно на маскараде: Лель - очарователен: изящный, худой мальчишка, то, что требуется. Пел лучше, хотя не особенно хорошо, волновался намного меньше. Вполне хороши: Фейнберг (Снегурочка), Молчанов (Тибо), Левитан (Бертран). Последний - мой любимец за горячую игру, драматический талант и отличный голос.

С «Умненькой» сегодня мы просидели целый час. Кругловский, конечно, нашёл нас и надоедал до чёрта. «Умненькая» очаровательна, но почему она ни словом не обмолвилась о моём письме? Я послал его вчера вечером и, пользуясь её жалобой, что она скоро помрёт, юмористически описывал её похороны. Не потому ли, что я писал, что когда будут закрывать её гроб, я поцелую её в «хладный, разлагающийся лоб»?

Маруся Павлова пляшет одну из вакханок в «Пляске скоморохов», которую почему-то поставили в виде каких-то вакхических танцев. Борюся внимательно следил за ней. Как только танцы кончились, он сорвался с места, но весь кордебалет потребовали в Малый зал доучивать танец, меня же упросили сыграть музыку. Борюся, не повидав Павловой, вернулся восвояси.

У Глазунова нарыв в ухе с прорывом перепонки. Пожалуй, не будет дирижировать, и Черепнин заменит его. В истории музыки будет написано: «во время исполнения Кантаты, у автора лопнули барабанные перепонки». Приговор Кантате самой природой. Знаменательно.

Черепнин передавал, что Глазунов хвалил моё исполнение «Грозного» и жест.

Я - Черепнину:

- Это, вероятно, потому, что я принял все его указания относительно жестов (!).

Черепнин весело смеётся.

Он мало любит Глазунова как композитора и презирает его как дирижёра.

Вечером сидел дома. Заходил Макс.

[9] Биржевые акции.

15 декабря

Встал поздно и утром сделал мало.

Просматривал немного партитуру «Грозного». Отправился на генеральную репетицию нашего концерта. В Консерватории шум, толкотня, набитый зал, словом, Консерватория in corpore, то, что я люблю. Репетиция начиналась «Грозным». Я вышел на эстраду (т.е. верней сцену, так как эстрады не было, а оркестр расположился на сцене, благодаря чему всё звучало отвратительно), но в оркестре делали какие-то перестановки. Я уселся на крышку фортепиано, спиной к публике. Эта поза мне очень нравилась. За «Грозного» я был более чем спокоен и ничуть не волновался. Он и прошёл хорошо. Черепнин, похвалив за «продуманное» исполнение, сменил меня для дальнейшей программы, а моя роль окончилась. «Каприччио» в этом зале звучало слабо. Зеликман играл недурно; Захаров, кроме первого аккорда, очень хорошо, выше моего ожидания и без неприятных специфически-захаровских приёмов. Мы с Максом сидели на верхнем балконе.

В антракте меня поймала Тоня Рудавская, немного похужевшая, но интересная. Мы пошли пить молоко и мило провели антракт. После Концерта Глазунова (дирижировал всё-таки автор), я подошёл к захаровской семье и похвалил его игру. Самому Захарову ничего не говорил, зато он, встретив меня, сказал, что «Грозный» идёт отлично. Мне хотелось увидеть 17А, но в этой толпе найти её было мудрено. Когда позвали из зала всех поющих Кантату на сцену, я с моего балкона внимательно следил за толпой, вливавшейся на сцену, ища глазами 17А, но так и не увидел её. Макс уехал на бал в Кронштадт, а *я* спустился в партер. В противоположном конце сидел Захаров, а рядом с ним стояла Рудавская; оба мило беседовали.

В это время через зал пошёл Черепнин; я отправился его догонять и поймал как раз в тот момент, когда он проходил мимо Захарова с Рудавской; на них я не посмотрел и вышел из зала, разговаривая с Черепниным. Я пришёл на сцену и побрёл позади хора, в надежде найти Умнову. Её не было видно. Между тем «Умненькая» была в хоре и, как только хор спел всё, что надо, я встретился с ней. Мы забрались в зал на балкон и провели там остаток репетиции. Моё письмо она получила и много смеялась.

За «Грозного» я получил много похвал, в том числе и от Нелли Францис, которая издали захлопала мне на манер, как я Фриде Ганзен. Я подходил к ней и любезно болтал о пустяках.

Прощаясь, она очень выразительно сказала:

- Благодарю вас!
- За что?!
- За внимание!

(Т.е. значит такое высокопоставленное лицо как дирижёр, вдруг дарит вниманием ученицу научного класса).

Вечером у нас были гости; «винт» на трёх столах. Много Раевских (6), Мясковский, Корсак, Гадлевич (он же Годлевский) и Mme Яблоньская. По поводу первого появления у нас жены Шурика - шампанское и официально-родственный брудершафт с ней.

Я играл в «винт» и не скучал.

Мясковскому предлагают новые и новые сотрудничества в журналах. Где-то предложено написать статью о Стравинском и статью о Прокофьеве. Спорили с ним о том, надо ли ставить опусы у сочинений. Я говорил, что необходимо; он же ставить у своих не желает. После третьего бокала шампанского решили, что, подождав ещё год, в 1914 году будем пить с ним на брудершафт.

16 декабря

Так как вчера легли в полтретьего, то сегодня я проспал до одиннадцати. В час с мамой отправились в Консерваторию на генеральную репетицию наших опер. Усадив маму с В.О. Яблоньской на балконе, я спустился вниз. Через полчаса я нашел
моего милого Леля. Лель действительно прелестный. Когда началась «Снегурочка»,
я уселся в первый ряд. Песню Леля Умнова спела ни худо, ни хорошо, но когда Черепнин заставил повторить - было совсем недурно. Голос у «Умненькой» в конце концов не особенно большой, но хорошо звучащий. Её волнение передавалось и мне; надо сказать, что волнение за других, как мало оно ни будь, мучительней, чем за себя. Относительно её внешности все вокруг одобрительно перешёптывались.

В конце антракта я встретил «Умненькую». Увидав меня, она порвала с кем-то разговор и, подпорхнув ко мне, стала спрашивать меня, какого я мнения о ее сегодняшнем выступлении. Она снова в отчаяньи. Я её успокаивал; Штеинберг, Гладкая, Кедров тоже хвалили её в глаза.

Началась «Орлеанская дева».

Линтварёва дала мне хвалебную рецензию Каратыгина о моем Концерте Des-dur из «Аполлона». Взамен её потребовала, чтобы я дал ей на просмотр рукопись этого Концерта. Дал.

Вера Алперс встретила меня кисло, удивлялась, чего я не всегда ее замечаю и не всегда ей кланяюсь, и вообще желает объясниться.

17 декабря

В воскресенье заехал Макс и мы втроём - он, мама и я - к часу отправились на акт, открывавший юбилейные торжества Консерватории. Эстрада, затянутая зелёным сукном, имела нарядный вид. На первом плане через всю эстраду - стол, за которым восседали наиболее чтимые профессора и члены дирекции; сзади оркестр, а ещё дальше - огромный хор в белых платьях. Много света, зелени, пальм, флагов и трёхцветных полотнищ. В зале шикарная публика в белом и во фраках.

Началось телеграммой Государя и несколькими скучными речами, затем дважды - «Кантата» Глазунова (ничего, недурно), затем депутации (около восьмидесяти), телеграммы и «Марш» С.Орлова, прошедший довольно малозамеченным. История этого марша следующая: весной на него объявили ученикам конкурс; многие заинтересовались, хотел писать и я, но плюнул, так как пришлось бы себя насиловать в угоду консервативной дирекции. В результате к осени было предъявлено три марша, из которых один был бездарен, другой - безграмотен, а третий – менее очень плохой - орловский. Глазунов его переделал и переинструментовал – такова история «Марша».

На акте было интересно и весело. Довольно долго беседовали Юргенсон, Черепнин и я; Черепнин расхваливал меня; Юргенсон много рассказывал про С.И.Танеева, «одного из наиболее трогательных музыкальных лиц, от рождения до сих пор невинного как девушка».

Видел Хессина, который всегда горячо интересуется моими сочинениями, но никогда не имеет времени посмотреть их. Обещал прийти ко мне.

Во время акта я несколько раз приходил к маме и Максу, сидевшим на балконе. Оттуда в бинокль рассматривал наш хор и с большим трудом нашёл 17А. В антракте мы с ней встретились, но прилип очаровательный Сахновский, друг Николаева, и так настойчиво заблистал глазками по адресу Умновой, что я ушёл с Юргенсоном. Когда я одевал пальто, уходя с акта, то среди толпы и давки видал 17А, но идти с ней не захотел.

Дома я даже не снимал фрака, так как скоро пришлось ехать обратно, на концерт. Я не волновался, конечно, настроение было немного нервное, но это не было волнением. Партитуру «Грозного» я просмотрел чуть-чуть, но и это было лишнее, я всё знал отлично. Перед зеркалом прорепетировал поклон с эстрады. Затем вызвал таксомотор, и мы с мамой поехали на концерт. Мой номер был первый. Черепнин ходил среди пультов и с огромным «венским» камертоном подстраивал оркестр. Прочли какую-то телеграмму от принцессы, и я вышел на эстраду. Я был спокоен и испытывал удовольствие. «Грозный» был исполнен лучше, чем на всех предыдущих репетициях. По единодушному отзыву я дирижировал хорошо; один Хессин сказал, что я всё-таки композитор, а не дирижёр. Сам собой я доволен, сделал всё, что мог. Только один раз я едва не поскользнулся совсем на ровном месте: же померещилось, что оркестр играет «раз» в тот момент, как я даю «два»; чтобы поправить ошибку, я переменил движение палочки, но сейчас же увидел, что наоборот, теперь вышло неверно. В это время было вступление tutti, я сильным взмахом показал его вовремя, и всё пошло гладко. Место было такое ритмичное, что оркестр едва ли заметил мой инцидент; меня же такие ошибки приводят в состояние полной растерянности. Я однако скоро совладал с собою и довольно спокойно продолжал «Грозного» дальше. Аплодисменты были довольно дружные, но не продолжительные, больно уж скучная вещь. Затем моё участие в юбилее окончилось.

Я вышел в фойе и стал прохаживаться, чтобы остыть от дирижирования. Встретил Захарова, тоже разгуливавшего в ожидании своей очереди на эстраду. Он предложил мне пойти в буфет выпить лимонаду. Мы отправились и уселись за столик в пустынном буфете. Было очень странно и любопытно сидеть в обществе друг друга после полуторагодового разрыва и пить лимонад. Говорили о том, о сём, больше о текущем юбилее, но некоторая натяжка и неловкость сопутствовали разговору. Я больше вкладывал в разговор, чем он. Я заплатил за лимонад, он не захотел, чтобы я «угощал», дал мне какие-то серебряные монеты, я не взял, они остались на столе.

Я отправился наверх к маме и Максу. Кроме того, я знал, что где-то там близ наших - места Умновой. На балконе не оказалось ни одного свободного места; я стоял в проходе и осторожно поглядывал на публику в погоне за «Умненькой». Вдруг меня кто-то цап за руку со словами «поздравляю вас». Случилось, что я остановился как раз у кресла, на котором она сидела. Я остался стоять в ожидании конца номера. Откуда-то взялся Кругловский и, увидя нас рядом, иронически замычал. Я рассердился и, как номер кончился, ни на кого не глядя, ушёл к своим.

Цыбинская «Руфь» прошла хорошо и вызвала успех по отношению к сапожническому автору. Цыбин машет пластично, но чрезмерно широко. Захаров играл очень хорошо. Последний номер программы, «Каприччио», я отправился слушать наверх.

С концерта я отправился в Малый зал, где профессорам, почётным гостям, солистам концерта и прочим представителям музыкального мира был дан банкет. Малый зал имел совершенно необычайный, но очень вкусный вид. Н.П.Рузский потащил меня за свой столик; тут сидели Габель. Mme Габель, а затем какая-то скучная публика. Вообще же было очень оживлённо и интересно. Ходили от столика к столику, чокались, смеялись. Гелевер хвалил мои сочинения, Николай Павлович Рузский рассказывал, что пианист Романовский в восторге от них же.

В начале третьего часа я был дома.

Семнадцатого утром я отправился на камерное утро, которое представляло мало интереса. Тонко играла Голубовская. Тиличка Ганзен очень декоративна, а её руки при игре чарующе изящны. Захаров очень лип к обеим сёстрам Ганзен. Фрида, которой я так-таки не стал кланяться, видимо, взволнована этим событием.

Вечером состоялся оперный спектакль. Хотя я в этот вечер никакого участия не принимал, но спектакль, который выехал на моих плечах и который в ближайшем будущем на них поедет, возбуждал во мне живейший интерес. «Маккавеи» сошли благополучно. Были случайности, но они не обращались в крупные неприятности. Мила была Андриенко; очень недурна, но хуже, чем обыкновенно, Аракина; мил Кругловский; ужасна Рапп-Клезе. Хор пел хорошо; оркестр благополучно справлялся без первой трубы.

В конце «Маккавеев» я пришёл за кулисы и стал озираться, ища Леля. Вдруг Палечек:

- Идите скорей по ту сторону кулис!

Я отправился, но так и не понял, зачем он послал туда. Там была уборная Леля. Неужели так?! Леля я увидал только издали, выглянувшего из-за дверки.

Прийдя на сцену перед самым началом «Снегурочки», я нашёл «Умненькую»! уже поставленную в хоровод. Она трусила и виновато улыбалась. Я сказал ей несколько слов, тряхнул руку и ушёл - действие начиналось.

Н.П.Рузский усадил меня с собою в третий ряд. Он расспрашивал про участников, к Умновой же проявил исключительное внимание: откуда-нибудь слыхал о ней. Первый куплет она спела с повышением, второй и третий - совсем хорошо. Успех был значительный, можно было ожидать повторения, тогда бы она спела ещё лучше. Фейнберг в роли Снегурочки была на высоте.

В конце антракта на сцене Глазунов сказал речь, в которой сердечно благодарил участников торжеств: высокочтимых руководителей: Осипа Осиповича, Станислава Ивановича, Николая Николаевича и учеников, «начиная с высокоталантливых дирижёров, солистов, хора, оркестра и балета...».

«Высокоталантливых дирижёров»!! Ого, это я и Цыбин? Здорово, Саша, валяй дальше в том же духе!

Во время «Орлеанской девы» я то гулял с Максом по фойе, то бродил за кулисами, тщетно поджидая 17А. Опера кончилась, начались традиционные овации по адресу Глазунова, Габеля, Палечека, Черепнина, на этот раз более пламенные, чем когда-либо. Всё это завершилось шествием: валила толпа учеников, оравшая «Славу! », впереди несли над головами Палечека, сзади, за невозможностью поднять, вели Глазунова.

Я долго ещё искал «глупенькую» с целью тащить её на банкет у Кюба[10], куда отправлялось человек полтораста, приблизительно тех же, что и вчера; но только теперь ужин был по подписке. Захаров прошёл под руку с Павловой, очевидно избрав её дамой на ужин, - тем более же хотелось иметь мою 17А. Но её не было и я отправился один. На таком ужине в ресторане я был впервые. Николай Павлович опять усадил меня за свой стол. Впрочем, сидеть пришлось две минуты - пошли закусывать в другую комнату. Приехал Черепнин и обратился ко же:

- Серёженька, мы, конечно, вместе сядем?

Я очень обрадовался, и мы уселись с ним совсем в другом конце зала. Мы очень мило беседовали о прошедшей опере, о музыке, даже не о музыке. Между словами он дал мне понять, что по окончании Консерватории может доставить мне много интересной дирижёрской практики. Начались тосты, все пошли чокаться кто с кем. Я подошёл к соседнему столу к Mme Бенуа. Тут же сидел и Захаров, приехавший поздно, без Павловой. Едва я отвернулся, как он кликнул:

- Серёжа... Серёжа!

Я обернулся; он поднял бокал, желая чокнуться. Я издали тоже поднял стакан и, слегка сотряся его в воздухе, сейчас же ушёл в другой конец зала к Рузскому.

- Кто вы? Я вас не знаю, проходите мимо!

[10] Ресторан в Петербурге.

Я рассыпался в извинениях, говоря, что мне приказал мой профессор сидеть рядом с ним и я не мог его ослушаться. Я вернулся к своему столу. Захарова не было. Я поискал его глазами, но он исчез. Я пожалел об этом.

Глазунов, после нескольких тостов, поднял бокал за учеников, участников торжеств, и пошёл чокаться почему-то к ученице Берлин (потому что хорошенькая), потом ко мне, а потом спросил:

- Где Захаров?

Захаров нашёлся. Столкнувшись с ним, я сказал, чокаясь и улыбаясь:

- Ну что-ж, велят, чтобы мы пили за наше здоровье?

После нескольких слов он предложил мне сесть к пустому столу, я закурил и начался разговор. Разговор был длинный и касался наших «ненормальных отношений», которые я установил за последнее время. Передать его содержание очень трудно, разговор не был последователен. Захаров сказал, что он давно искал такого разговора, очевидно, он много думал, много наблюдал, сделал выводы, очень умные, и имел какой-то план и какую-то цель. Я же сел разговаривать для того, чтобы разговаривать; ни цели, ни плана я не имел. Я даже не совсем знал, какого тона мне держаться. Я испытывал колоссальное любопытство и от процесса разговора получал острое удовольствие. Никогда не куря, я сосал папиросу за папиросой, в голове немого шумело от выпитого вина, но соображение было вполне ясное.

Захаров спрашивал, во-первых, о причине, побудившей меня вдруг оборвать отношения. Я отвечал, что причина могла быть ничтожна; что чаша была полна, и маленькая капля переполнила её.

- Но всё же, интересно, что это была за капля?

- Такая же, как и все, наполнявшие сосуд.

Захаров:

- Я никогда не говорил о тебе ничего дурного, но я знаю, что ты часто ругал меня перед людьми, знающими меня. Но ведь если они меня знали, то твоя ругань не могла очернить меня.

- Я и не собирался чернить вас. Я не скрываю, что я вас ругал.

Захаров:

- Я считаю тебя страшно талантливым, очень умным... у тебя большой ум, но ведь право, ты мальчишка... мальчишка! Согласись, что ты ещё мальчишка !

- Согласен. Я гораздо моложе моих лет и очень рад этому. (Смеясь) - я вообще очень моложав.

- Очень сохранился, - улыбаясь, сказал Захаров фразу, которую говорят про стариков.

Далее:

- Мне кажется, что ты создал особое представление обо мне, не соответствующее действительности. Узнавая меня, ты не находил того, что вообразил обо мне, и резко разочаровался.

- Я про вас рисовал такую картину, что вы парник с красивыми цветами, под ними свежая зелень, ещё глубже - просто земля, а когда я забрался в самую глубь, то там оказался навоз.

- Ну вот, у тебя всегда такие пакостные сравнения! Мне бы хотелось прекратить те невероятные отношения, которые создались между нами. Так как та дружба, которая была между нами, более невозможна, то хоть с внешней стороны хотелось бы создать более приличные отношения, как между двумя музыкантами. Я тебя страшно высоко ставлю как музыканта, я очень ценю тебя как композитора; к дирижёрству ты неспособен, из твоего фортепиано тоже ничего не выйдет, но ты будешь большим композитором. Я думаю, что и ты меня теперь считаешь музыкантом. Прежде ты меня не считал, и ты был прав, но теперь я не то, что

прежде. Ведь ты меня считаешь за музыканта?

- Да ну... на четвёрку...

- Ну вот, хотя бы на четвёрку.

Стараясь быть честным, я постарался найти, за что его можно бы одобрить:

- У вас иногда бывают очень меткие суждения: например, вы писали про Симфонию Рахманинова и про длинный коридор с окошками на большом расстоянии.

- Ну да, я о письмах не говорю. В твоих, например, письмах всё обдумано, и ты знаешь наизусть каждое выражение! Но давай вот теперь выпьем за новые отношения, хотя бы только внешние, потому что продолжать такие я не считаю возможным.

- Да, но изменить положение вещей вам невозможно; положение таково, что я, выражаясь аллегорически, ушёл от вас в другую комнату и, заперев за собою стеклянную дверь, наблюдаю вас через неё.

В это время мимо прошёл Черепнин.

Я вынул часы, было без двадцати четыре.

- Что-ж, Николай Николаевич, мы поедем к Донону[11]?

- Едемте, едемте! - и мы, простившись с Захаровым, уехали из ресторана.

Черепнин был немного навеселе, но очень мил. У Донона ужинала компания учащихся, большинство участников спектакля. Я перед ужином колебался, куда поехать, но, просмотрев список «дононовцев», не нашёл в нём ни одной для себя увлекательной фамилии, и резонно отправился к Кюба. Теперь нас, т.е. главным образом Николая Николаевича, встретили восторженными криками, заорали «ура», принесли шампанского и заставили Черепнина говорить тост. Все столпились в кружок и смолкли. Он сказал:

- За здоровье молодых талантов... бам!! - и при последнем слове разбил стакан шампанского об пол.

Эффект страшный. Пение под фортепиано и танцы под испанскую музыку, и страшный гвалт. Гаук размяк у плеча декольтированной дамы, несмелый Соловьёв растерянно улыбался, Кругловский и Бобрович чувствовали себя рыбой в воде. Я, первый раз попавший в такую жизнь, с любопытством наблюдал её. Это не значит, что я был пассивен - я, был весел и даже танцевал, но я видел, что это не моя жизнь, не мой стиль, не для моей рыбы вода, и, пробыв полчаса с небольшим, я отправился домой, после, безуспешной попытки вытащить с собой Черепнина, который, наоборот, «весело кутил».

19 декабря

Проснулся я вчера в одиннадцать часов и, несмотря на короткий сон и выпитое накануне вино, чувствовал себя отлично. Занятия в Консерватории кончились, я свободный человек и принимаюсь за Концерт. Днём прошлись с Максом по Невскому, зашли в фотографию, я рассказывал о вчерашнем, всё, кроме некоторых подробностей захаровского разговора. Купил Концерт Черепнина. На ужине он говорил, что это одно из любимейших его детищ, но почему-то никто им не интересуется. Муза Черепнина чрезвычайно несамостоятельна, но всё, что ею создано, любопытно и отлично звучит. Я с интересом купил Концерт, между прочим, слышанный мною лет пять назад и непонравившийся тогда.

Вечером был на катке. Хотя музыка и много народа, но знакомых никого, кроме Бори Алперса, который загнул мне объяснение. Что за чёрт! Мне каждый вечер суждено «объясняться»! - накануне с Захаровым, а перед тем с Mme Озаровской.

[11] Ресторан в Петербурге.

К гимназисту Боре, очень мило играющему в тонность. я питаю симпатию. В этот вечер он очень серьёзно выехал на коне своей тонности. Дело касалось небрежности, выказанной его семье на ученическом вечере, когда играл его брат (на этот счёт я старался его разуверить). - и небрежности, выказываемой по отношению к его сестре (в этом я не стал разуверять).

По своему обыкновению я. вместо того, чтобы объяснять, старался запутать разговор, в то же время доказывая, что сам он очень милый юноша. В конце концов юноша извёлся и, повернувшись ко мне спиной, уехал с катка.

Сегодня я форменно продрых до половины первого. Завтра начну вставать рано, этак проспишь всё Рождество, не написав Концерта.

Днём с мамой были на кладбище у папы. Затем я заходил в Консерваторию взять партитуры опер; буду время от времени просматривать их и освежать в памяти к предстоящему спектаклю. Если я чего боюсь в этом спектакле, так это продолжительности его и утомления внимания.

Консерватория совсем пустая.

Написал ответ Кальвокоресси в Париж. Он предлагает исполнить в Париже мой Концерт Des-dur и просит партитуру. Пересмотрев её и кое-что переделав, я дам её переписать и пошлю ему. Исполнение Концерта в Париже очень лестно, но исполнение у себя, в Питере, меня порадовало бы много больше.

Сегодня вечером иду к «Умненькой» в гости и очень доволен этим. Вчера она мне звонила, удивлялась, отчего я не подошёл к ней после спектакля; я говорил, что только и делал, что искал её. На ужин её всё равно не пускали. Очень жалела, потому что юбилейные торжества для неё как-то так ничем и не закончились.

20 декабря

У «Умненькой» было очень уютно. Семья патриархального стиля, со старшими замужними сестрами и папашей купеческого оттенка, un peu style Zaharoff-père[12]. Обстановка людей состоятельных, а сама «Умненькая» - прелестно мила; сёстры тоже производят приятное впечатление. Но ежели поставить отца Ивана Ивановича рядом с дочкой Лидочкой, то никто не скажет, что она его дочка. «Умненькую» похвалили во всех газетах, она весело порхает и от прежних ужасов не осталось следов.

Сегодня утром всё-таки проспал до одиннадцати. Но Концертом занимался. Днём заходил в Консерваторию. Дали нам юбилейные значки, не особенно изящные, но приличные. «Умненькую» видел, к сожалению, мельком, помешал Черепнин со своим прощальным предрождественским уроком. Сообщил он нам важные вести.

Во-первых, повторять спектакль будут два раза: двадцатого и двадцать седьмого января - мне отличная практика. Во-вторых, в будущем полугодии идёт «Каменный гость». Я этой оперы не знаю, но предвкушаю огромный интерес. В третьих, кроме «Гостя», идут кусочки «Риголетто» и «Пиковой дамы» под фортепиано. «Риголетто» отдано в веденье Цыбина, «Пиковая дама» - в моё. В помощники Цыбину - Крейслера и двух Соловьёвых, мне - Скоруньского и Дранишникова. Вообще, «Пиковая дама» признана серьёзней «Риголетто» и дирижёров выбрали более опытных. Что касается симфонического концерта, то он пока висит в воздухе.

Всю эту музыку, не считая классических партитур для малого оркестра, надо выучить в Рождественские дни. А главное, надо хорошо продирижировать двадцатого января.

- Возьмите себе все три партитуры и ешьте их с маслом! - сказал Черепнин.

[12] Немного в стиле Захарова-отца (фр).

Кроме еды с маслом, он рекомендует несколько раз промахать их все три подряд, тренируя себя на неутомимость.

Распрощался с Черепниным на праздники, а Габель даже расцеловался - вот какая любовь!

Вернувшись домой, звонил «Умненькой». Ей дали партию Полины; очень рад. Обедал у Коншиных; приятный обед, но окутанный лёгким облаком скуки. Поиграв в четыре руки Моцарта и Бетховена, поспешил домой. Завтра встану в девять часов и - за работу.

21 декабря

Встал немного раньше, чем вчера, и без десяти десять сидел за роялем, сочиняя Концерт.

Днём с Максом прогулялись по Невскому (это у меня новая мода), купил открыток, до которых я крайне падок, также оперы - «Гость» и «Даму». Вернувшись домой, я с необычайным увлечением играл последнюю, особенно драматические места. Обедал у Рузских и играл с ним мою «Балладу». «Баллада» ему больше и больше нравится; сказал, что непременно выучит и будет играть её хорошо. Пока же немилосердно детонирует в Andante. Барышень не замечаю; они стараются платить мне тем же, но их положение хуже: папаша уж очень расхваливает «Балладу» - не замечать не приходится.

22 декабря

Опять за рояль в половине одиннадцатого. Видел во сне Тоню Рудавскую, Ариадну и «Умненькую». Первая из них сегодня же звонила с любезной речью; назначила мне прогулку на среду; что-ж, я очень рад.

Концерт помаленечку ползёт. После завтрака играл «Каменного гостя». Интересно, хотя суховато и материал невыпуклый. Но всё же интересно, а на сцене должно выходить необыкновенно живо. Некоторые места вспышек великолепны своею стремительностью.

Днём был в Юсуповом саду на пустынном катке. Я не могу прожить дня, не поглотав воздуха. После катка играл «Пиковую даму» и опять увлекался ею, несмотря на всю избитость оперы.

Письмо от Моролёва; пришлёт мне тысячу рублей для совместной игры на бирже.

Открытка от 16А. Только буква и адрес.

23 декабря

Хотя встал не рано, но Концертом занимался серьёзно; двигается. В час меня перебили завтраком, после которого я уже не мог сочинять и был зол. Читал биографию Чайковского. Одолевая её по чайной ложке через день, я добрался до второго тома. Насколько первый том действовал на меня бодряще и влёк к работе, настолько второй угнетает меня своим нытьём. Я втягиваюсь в это нытьё, и у меня портится настроение.

Днём надо было зайти к Яблоньским по поводу рождения Mme. Там зашёл разговор об оперной драме.

От них пошёл на каток. Так как знакомых упорно нет, то, чтобы не скучать, я задаю себе задания - объехать определённое число раз без остановки через все пруды. Вчера я сделал шесть туров и после отдыха ещё шесть. Сегодня восемь. Круги немаленькие и такие пробеги довольно утомительны. Перед самым моим

уходом видел издалека Борю Алперса, но Бог избавил от встречи.

Вернувшись домой, имею весь вечер свободным и дома нет никого - отлично для работы, но я немного утомлён, Концерт не клеится. Буду разыгрывать «Каменного гостя».

24 декабря

Решив вчера, что устал сочинять, я раскрыл дневник и стал перечитывать старое. Наткнулся на свою идею написать фаготное скерцо, воспламенился и целый вечер просидел над ним. В восемь часов я начал, в двенадцать с половиной скерцо было готово и записано со всею отделкой.

Мне повезло и я испытал то, о чём пишет Чайковский - когда материал приходит сам по себе, приходится лишь выбирать. Работал я с большим увлечением и не заметил, как промахнуло время. Несмотря на то, что квартеты меня всегда отталкивали, - квартетный стиль в скерцо мне легко удался. Пошлю скерцо на Новый Год Черепнину.

Ночью долго не спалось - разнервничался. Потому встал сегодня в двенадцать. Тем не менее, кусок в Intermezzo сделал.

Половина четвёртого мы встречались у магазина Винтера с Максом. Уговорились, что в случае опоздания на rendez-vous, - штраф рубль в минуту. Поэтому оба были пунктуальны. Прошлись по Невскому. Масса народу по случаю Сочельника.

Встретили В. и С. Алперсят. Макс успел поклониться, я нет. Вышло шикарно: мы с ними столкнулись в тот момент, как я говорил, объясняя какой-то свой биржевый проект:

- Тогда мне открывается кредит на двадцать тысяч...

Алперсы это слышали.

Встретили также Мясковского, смотревшего у магазина Российского Музыкального Издательства, не вышла ли 7-я Соната Скрябина. Познакомил его с Максом. Колечка купил себе новый рояль и доволен. Про «Гостя» говорит, что это скучная ерунда.

Вечером сидел дома и переписывал «Скерцо» начисто. Утром оно мне мало понравилось; теперь опять нравится.

Послал Нине Кирш открытку с поздравлением.

«Умненькая» сгинула и никак не проявляет себя. Выходит, что «глупенькая».

25 декабря

Рождество. Также мамино рожденье, о чём она не любит говорить.

По поводу праздника встал в двенадцать. Получил от мамы духи с приложением золотого. Сочинять не хотелось, разыгрывал «Гостя» до конца. Любопытно. Целотонные эффекты ужаса выдохлись до смешного, хотя всё же впечатление некоторое достигается. А как смело было это в своё время!

Днём был на пустынном катке. Сегодня сделал шестнадцать туров, это прямо подвиг; какой-то полковник с кадетом и барышней стали даже следить за моим терпеливым круговращением. Моросил мелкий дождик: лёд был блестящий и как вода отражал деревья, небо и мою бегущую фигуру.

Днём были у нас: тётя Катя, Катя, Андрюша и Шурик с женой; обедала А.П.Максутова - княжна, украшенная Георгием.

Вечером играл «Пиковую даму» и читал биографию Чайковского. Интересно очень, но сплошь разлитая меланхолия передаётся и мне.

26 декабря

Под утро снился Чайковский; я его куда-то провожал; он был такой милый и мне было так грустно его провожать, что я проснулся с расстроенными нервами.

Довольно прилично поработал до завтрака над каденцией Концерта. План каденции готов; отделка вырабатывается очень медленно.

Днём пошёл к Колечке - похвастаться Скерцом для фаготов и посмотреть его новый рояль. Скерцо имело полный успех; единственный упрёк - почему перед трио модуляция в ре-мажоре? Нововышедшие Этюды Скрябина в нонах, септимах и квинтах он ругает, находит выполнение бессмысленным. Сравнивая с ними «Наваждение» и особенно «Снежок», он находит моё применение параллельных нон несравненно более удачным. Мне скрябинские Этюды не нравятся. Что касается «Снежка», то мне кажется, что эту рукопись я затерял. Играл кое-что из моего рождающегося Концерта - нравится. На «Аласторе» надпись: «Сергею Сергеевичу Прокофьеву».

От Колечки я отправился в Юсупов сад, но по случаю таяния он оказался запертым.

Вернувшись домой, сыграл первый акт «Гостя», а в восемь часов мама звонила от М.П.Корсак, прося меня приехать туда послушать какую-то Марии Павловнину певицу. Надел сюртук, вызвал такс и поехал.

28 декабря

Вчера не успел писать дневник.

Вчера утром, встав по обыкновению не очень рано, сидел за Концертом и медленно работал над каденцией. Я что-то холодней работаю над ним. Это не значит, что то, что я теперь делаю, хуже предыдущего, тем более, что всё главное в трёх частях уже сочинено - работаю над спайками и над отделкой.

В половине четвёртого мы с Максом встретились у Винтера и прошлись, болтая, по Невскому и по набережной. Ели блины у Перетца на углу Морской и запили их рюмочкой шартреза. Вечером он обещал зайти ко мне. Вернувшись домой, я с трудом обедал, в это время позвонил Макс с предложением поехать в Художественную оперу, что снимает наш консерваторский зал, на «Евгения Онегина». Я стремительно оделся, Макс заехал за мной на «туристе», и мы уселись в шестнадцатом ряду. Постановка «Онегина» в этой антрепризе привела меня в большое умиление: Таня и Оля - молоденькие семнадцатилетние девочки с косою за плечами и в простых платьицах, Ленский - пылкий девятнадцатилетний юноша, Онегин - ледяной, выдержанный джентльмен. Декорации - очаровательны, даль - безукоризненна, сцены балов и последней картины - стильны, а облик третьей и пятой картин до того красив, что вызвал взрывы аплодисментов. Исполнение - с продуманной простотой, некоторые музыкальные и сценические подробности очень приятны. Вероятно, постановка приблизительно такая, какую страстно желал Чайковский (но не надеялся), когда сочинял «Онегина» (его письма того времени). Голоса у исполнителей незамечательны, но приличны. Из подробностей я особенно обратил внимание на следующую: когда Ленский и Онегин ссорятся и первый называет второго бесчестным соблазнителем, Онегин отвечает: «Замолчите, иль я убью вас!» и обыкновенно бросается на Ленского, с которым его разнимают. Тут - он выдержал презрительную осанку джентльмена и отчеканил свои слова так, что я понял, что «иль я убью вас» относится не к этому моменту, а к завтрашнему дню. Это толкование несравненно любопытней, так как ясно, что именно в этот момент он решает на дуэли не щадить Ленского.

А в общем, из всего спектакля мне больше всего понравился композитор

Чайковский, и я поражался талантливости этой оперы.

В антракте мы с Максом встретили прелестную троицу: Лида, Зоя и Зора. С Карнеевыми мы уже месяца полтора не имели отношений - просто отдыхали друг от друга. Я был рад их встретить, но Зора... вот кому я обрадовался как следует. Я её не видал полгода, с июля, а перед тем тоже полгода, с января; в январе же мы познакомились. Но когда случалось, что мы разговаривали по телефону, то повисали на трубке не меньше как на полчаса, а то и на час. Отчаянная кокетка, жгучая, очень интересная и не лишённая музыкального понимания - она всегда мне нравилась. Лида же злилась в таких случаях и немного ревновала.

Так вышло и сегодня, когда моё внимание явно перевесило в пользу Зоры. Они были в ложе с кем-то из Гревс; там царствовала, видно, зелёная скука и каждый антракт они спускались вниз. В интересных разговорах мы провели антракты, а потом оказалось, что Лида и Зоя должны тащиться куда-то на Крестовский остров на вечер.

- У нас автомобиль, может позволите вас довезти? - спросили мы и получили обрадованное согласие.

Действительно, наш «турист» обещал заехать за нами после спектакля, но, подлец, надул, пришлось взять первый попавшийся, кстати сказать очень шикарный, автомобиль. Девицы остались очень довольны и звали навещать их. Так как всё вышло с шиком, то мы с Максом остались вполне довольны. Жаль, что Зора уехала со своими и что её теперь неизвестно когда увидишь.

Пятница.

Так как лёг поздно, то, естественно, встал не рано. В Концерте сделал мало. Затем приехала Катя Игнатьева переговорить со мною о моём биржевом предприятии. Я требую капитал, предлагаю труд, а выигрыш делю пополам. Предполагаю взять у неё денег, играть на бирже, выиграть в год 60-80% и этим доставить ей и себе приличный доход. Катя согласна, даёт три тысячи и даже мечтает, как она поедет в Париж. Моролёв обещает тысячу, а мама тоже тысячу, но с тем, чтобы увеличить этим мой оборот и своим участием сделать фирму моему предприятию. Доход же с её пая не пополам, а весь ей. Я согласен и доволен, что мой проект выходит, я могу получить на карманные расходы приличные деньги, тем более, что из-за смутной политической конъюнктуры бумаги стоят низко. Беда лишь, что не поймать момента, когда они поскачут вверх, а сейчас покупать опасно из-за грозящих войн.

Днём катался на коньках. На этот раз только семь туров. Боря Алперс сносно любезен, я старался быть разговорчивым. На катке была хорошенькая девчонка лет пятнадцати, которую я отметил ещё в прошлую зиму. Ей было скучно со своей едва ковыляющей по льду подругой, мне - тоже; мы друг друга поняли, но ещё не познакомились. Я не умею быть смелым в таких случаях.

29 декабря

Вечером был Макс, Катя Игнатьева и трио Яблоньских. Надоедали нам с Максом и не давали уединиться во имя «жёлтой книги». Пани гадала мне и нагадала кучу мерзостей.

Лёг в два, встал в двенадцать. У Концерта пребойкое скерцо, но не выходит достойная середина. От Кальвошки[13] милая открытка: интересуется вторым Концертом и ждёт первый.

Днём пошёл в Международный банк узнать, примут ли меня туда на онкольный[14]

[13] Кальвокоресси.

[14] Тип банковского счёта.

счёт. На Невском нежданно столкнулся с Максом, шедшим по делу, но не торопившимся. Видно, нам суждено ходить по Невскому вместе. У него мало денег на праздники. Я решил дать ему. Зашли в контору Алфёрова и, хотя я уже выбрал все деньги, выигранные на бирже, я взял в счёт будущих благ двести рублей, сто отдал Максу, сто - себе. От моих денег за Ор.14 остаётся семьдесят рублей (сто прожито, двадцать пять дано Максу).

Пошёл на каток. Вчерашняя очаровательница мелькнула и скрылась. Зато была Вера Алперс. Я мило подъехал к ней и начал каким-то комплиментом. Но она загнула опять объяснение, как и братец. Вера сказала, что, коли я не даю разъяснения своим небрежностям, мы должны раззнакомиться. Я сказал, что это в её власти, но что грех на душу берёт она. Смеясь, я предложил ей проститься в последний раз, чтобы более не кланяться. Она сказала, что она не говорит этого. Я ответил, что она именно это и говорит. И простился.

Вечером иду на ёлку к Жеребцовой-Андреевой. Иду с удовольствием – там будет весь её класс. Вот как я привязан к Консерватории и обитателям ея!

30 декабря

Отправившись к Андреевым, я сообразил, что с ними хорош Захаров и что я могу его теперь встретить. Это меня заинтересовало и даже заволновало. Но моё предположение оказалось ложно.

Публика была не слишком занимательная, хотя я не скучал. Большою неожиданностью для меня оказались барышни Мещерские, которым я обрадовался до чрезвычайности. Надо отдать справедливость, что, одетые очень просто, они не были замечательны, старшая была интересней Нины, но Нина мне очень нравится уймой плутовства, сокрытого в ней. Они скоро исчезли, к большому моему огорчению.

Наша прима-балерина, имевшая такой успех в пляске скоморохов, Mlle Петц, оказалась ученицей Жеребцовой и была налицо. Мы с ней ругались, так как я. цитируя фразу Берендея, - «кувыркайтесь, ломайтесь, дураки» - доказывал, что она плясала «дуру» и вообще находил постановку пляски нелепой, а Преснякова - глупым.

Большое внимание привлекла артистка Ведринская, с женственной прелестью декламировавшая и умевшая из ерунды делать художественные отрывки.

Я играл: Скерцо из Ор.14. Этюд №4 и Гавот, всё с успехом, особенно бисированный Гавот (Rigodon, как его зовут Мещерские). Хотели «Сказку», но ни я, ни талантливый исполнитель её Иованович, не знали наизусть, а нот не было.

Сегодня встал в двенадцать. Отделывал фортепианную партию Концерта. Если сочиняя Концерт, задумываешь его как комбинацию фортепиано с оркестром, то это бывает всегда в ущерб фортепианности сольной партии. Таков результат половины мест моего 1-го Концерта, в которых фортепиано очень удачно соединено с оркестром, но где его партия малопривлекательна для пианиста. Сочиняя 2-й Концерт, я очень забочусь об интересности сольной партии, но всё же иногда во мне композитор-музыкант пересиливает композитора-пианиста, и я не могу избежать мест, скучных для солиста, так сказать, служебных.

Как же быть, сочиняя Концерт? Сегодня мне пришла идея, что безусловно интересным для пианиста получится концерт, если взять технически интересную сонату и переделать её в концерт. Для пианиста партия будет безусловно и фортепианна и интересна, а сама соната только выиграет, если её подчеркнуть и раскрасить искусной прибавкой оркестра. Блестящая мысль! Если теперь взять мою Сонату Ор.1? Не годится: и от музыки я ушёл вперёд, да и неудобно тревожить кости напечатанных вещей. Но у меня есть недурная соната a-moll, есть ничего

соната c-moll, а что если из этого накатать бойкий концерт? Эта мысль меня очень увлекла. У меня всегда стремление, сочиняя трудную вещь, сделать ей в pendant[15] более лёгкую, так не сделать ли мне ко 2-му Концерту «Концерт №3», хотя «№3» будет по музыкальному материалу анахронизмом, но по идее и технике анахронизмом не будет. Во всяком случае можно будет при издании отметить год сочинения материала.

Отправившись днём на каток, я с горячностью обдумывал мой план, а так как обе сонаты, «а» и «с», были у Макса, то, вернувшись, я звонил ему, прося затащить их мне.

31 декабря

Вечером заехал на «туристе» Макс, и мы отправились в Художественную оперу на «Мейстерзингеров». Играя раньше их по клавиру, я горячо восхищался и даже считал эту оперу лучшей у Вагнера. Теперь, видя в первый раз на сцене, я несколько разочаровался в «Мейстерзингерах». Во-первых, длина невероятная, а с нею утомление и скука, особенно в первом акте, где материал менее очарователен, чем в остальных. Второе - полное отсутствие действия и никому ненужная нелепая растянутость либретто. Третье - голосовая партия в половине оперы служебная (и музыка служебная), кому же нужны эти места? Четвёртое - юмор оперы груб и тяжёл, партия Бекмессера могла бы быть написана, если можно так выразиться, искренней и тоньше. Что же касается до музыкального материала оперы, то он до такой степени гениален, что ничего не хочется сочинять после «Мейстерзингеров». Это я говорил всегда, и это-то так меня и прельщало в клавире оперы.

Сегодня утром написал письма: «Умненькой» (миленькой), Гончаровой, Клингман. Карточку Венцелю (обрадовать его), заказное письмо Черепнину с фаготным скерцо и со столь любимым мною эпиграфом для скерцо: «... а тот - хрипун, удавленик, фагот...».

В двенадцать пошёл в Международный банк узнать, приняли ли меня на онкольный счёт; туда не всех принимают. Меня, спасибо, взяли. Из банка к Корсак, оттуда он, я, Mme Милиант и певица поехали в Народный Дом показывать эту последнюю Фигнеру. Меня Мария Павловна очень просила аккомпанировать. Я ничего не имел против познакомиться с Фигнером и посмотреть, как там всё выйдет. Впрочем, ничего особенного не было. Певица спела отлично, Фигнер её, кажется, возьмёт.

О моих Концертах, и Втором, и Третьем, пока надо забыть: призрак двадцатого января стал предо мною. Надо быть на высоте.

Новый Год встречали у Раевских по традиции; кажется, седьмой или восьмой раз подряд. Дядя Саша плох, а потому семья в мерехлюндии. Играли в «винт», учились в бридж. После встречи Года, Андрюша с Шуриком лихо отбарабанили Увертюру «Кармен», затем стали просить меня сыграть что-нибудь. Я сел и сыграл песню Леля. Общее удивление. Чтобы успокоить публику, я исполнил им Сонату Грига, которую все хотели. В полвторого ночи все разъехались.

Примечание о датах в дневнике.

До сих пор я выставлял день и час, в которые я писал дневник. Но читая его, я убедился, что лучше выставлять день, о котором пишешь, оставляя без внимания время и число, когда пишешь. Если бы мой дневник касался отвлечённых понятий - моей духовной жизни, оставляя в тени реальные события, то пометки, когда писан

[15] В дополнение (фр).

дневник, имели бы больше смысла. Но так как мой духовный мир слишком зависит от реальной жизни, то я главным образом отмечаю факты, описывая день с утра до вечера. А потому я буду впредь выставлять дату того дня, о котором пишу.

1913

1 января

Так как вчера у меня было нервное настроение, то необходим моцион, и, встав сегодня немного раньше обычного и поиграв вчерашние темы (коими остался доволен), пошёл на каток. Юсупов сад пустынен и охвачен ветром. Немного учил «голландский шаг». От этих упражнений крепнут ноги и начинаешь лучше ездить. Позавтракав дома, пошёл в Консерваторию. Проходили у Черепнина симфонию Гайдна mit Paukenschlag[1]. Никак не думал, что она так прозвана за Paukenschlag в шестнадцатом такте Andante.

В смысле публики в Консерватории было мало интересного. Пробежала младшая Рожанович, и Цыбин пришёл в восторг. Видел издали 16А, но не ощутил радости. Сегодня от неё была открытка со скверным изображением какого-то ресторана. Вот 17А, её я хотел бы видеть. Но после звонка, на который я не реагировал, она замолкла. Терпение, я сам виноват.

Сегодня рождение Лиды Карнеевой. В прошлом году я был у них, привёз конфеты, а вечером с ними и Зорой был в театре. В этом году я ограничился телеграммой («сердечное поздравление, наилучшие пожелания и тысячу приветов, Сергуся»); я ничего не имею против провести у них вечер, но у них, верно, Захаров - быть с ним милым я не желаю, а иметь недовольный вид нелепо. Поэтому я ограничился сегодня телеграммой, упразднив визит или телефон.

Вечером взялся, наконец, за пересмотр Концерта Des[2]. Делал это с большим удовольствием, которое гарантирует успешность пересмотра. Инструментовка меня удовлетворяет, кроме нескольких мест, кои переделаю. А если инструментовка будет в порядке, то нечего и тянуть: отправлю его Юргенсону.

Вечером смотрел в окно: ясная, морозная ночь и Луна вовсю. Вспоминал 17А.

10 января

Слухи о мире на Балканах. Биржа скачет вверх. Утром пошёл в Международный Банк и на собранные мною четыре тысячи открыл онкольный счёт. Велел купить двадцать пять Никополь-Мариупольских. Настроение у всех по поводу подъёма и выигрыша приподнятое и довольное.

Затем занимался чисткой Концерта, а к трём пошёл в Консерваторию.

Столкновение с Верой Дмитриевной, которая, заведуя посещением певиц и певцов в оперном классе и будучи глупа, вечно всё путает и срывается на меня как с цепи, как только её путание я поставлю ей на вид. Я нёс три толстенные партитуры идущих опер и едва не благословил её умную голову всеми тремя. Отнёс их подальше, чтобы избежать излишеств и, встретив 16А, прилип к ней. Надо отдать Елене Клингман справедливость, что я провёл с ней приятные двадцать минут.

В оперном классе - «Снегурочка»; ничего - вспоминали то, что господа певцы успели забыть за Рождество. Заходила Mme Лешетицкая (дочь Есиповой) послушать свою Попову. Она первый раз присутствовала при моём дирижировании. Я старался быть возможно более безапелляционным, чтобы она передала об этом Есиповой. Со мной чрезвычайно любезна.

Вечерние газеты сообщают о большом повышении биржи. Мама и я очень довольны. Вернувшись домой, скоблил Концерт и читал длинное письмо Макса о его симферопольских похождениях. Он очень аккуратен и пишет мне каждый день.

Вечер провёл у Коншиных. Особенно весело не было, но мило. В одиннадцать удрал оттуда.

[1] Симфония №94 G-dur «Mit dem Paukenschlag» (с литаврами).

[2] 1-й Концерт для фортепиано с оркестром, Ор.10.

11 января

Плохо спал ночь. Утром был в Международном Банке, заказал Парвиайнен[3], двадцать штук. Но, кажется, этот мой дебют не очень удачен: турки хотят воевать биржа повернула вниз.

Позавтракав дома и поиграв «Пиковую даму», пошёл на урок к Черепнину. Вера Дмитриевна, здороваясь, не протягивает мне руку. Ах так? - будем воевать. Mme Петрококина, это будет вам стоить крови, если не потери её, то порчи.

Черепнип считает картину в комнате Графини одной из лучших страниц во всей оперной литературе. Я с ним горячо согласен. Цыбин во время сегодняшнего прохождения этой картины (я играл, Черепнин вдыхал жизнь), сидел в уголку и даже прослезился.

В классе ансамбля сегодня мало народу, а из пришедших половина больна горлом – чёрт знает как готовятся к повторению спектакля!

Вечером у нас были тётя Катя и дядя Саша, а также певица, с которой мы ездили к Фигнеру и которая в необыкновенном умилении от моего аккомпанемента. Сначала я, насытившись днём музыкой, не очень хотел ей аккомпанировать вечером, чем, кажется, рассердил тётю Катю, но потом разошёлся, потому что она поёт отлично.

Вчера:

16А: - Я видела в Двинске у одной учительницы музыки ваши сочинения...

Я: - Неужели? Я начинаю в провинцию проникать!

16А: - Пожалуйста не думайте, что наш Двинск такая уж дыра!

Днём встретил в Консерватории Володю Дешевова, которого давно не видел. Куча нежностей, но оба спешили. Я его очень люблю, он единственный, кому я предложил брудершафт (с Захаровым и Максом я хотел брудершафта, но фактически предлагали они). Дешевов где-то видел Таню Рузскую и нашёл её удивительно интересной.

12 января

Очень рад, что Макс возвращается. В 10.40 утра я был на Николаевском вокзале и встретил севастопольский поезд. Мы с Максом приехали к нему на Невский, 68, бросили чемодан швейцару и отправились по Невскому. Он даже не зашёл к домашним, отложив это на несколько часов. Конечно, мне было приятно такое внимание ко мне. Вообще Макс кажется ко мне серьёзно привязан. Пили кофе в кондитерской Андреева и ходили по проспекту. Он без конца рассказывал о своём пребывании в Симферополе, где он наделал порядочно шуму благодаря тому, что сумел шикарно обставить своё посещение. Он имел большой успех у всех, за исключением, увы, главной героини, Маруси Лютц, ради которой ездил.

В половину первого ещё не всё было рассказано, но приходилось временно расстаться до вечера. Я должен был зайти к фотографу для снимка и поздравить Т.П.Себрякову, а затем к двум в Консерваторию.

В Консерватории должна была быть спевка-gala для всего хора и всех солистов под моим управлением. Но собралось меньше половины. После спевки Черепнин: «Я вас порадую: спектакль с двадцатого откладывается на двадцать седьмое, можно не торопиться с репетициями, всё успеем сделать».

Не скажу, чтобы я особенно порадовался, так как пахнет тем, что третьего спектакля вовсе не будет. Относительно сегодняшней репетиции он нашёл, что я недостаточно настойчив и недостаточно беру массы в руки. Я наконец спросил о

[3] Речь идёт об акциях.

«Фаготном скерцо»[4]:

- Николай Николаевич, что же вы ничего не скажете о моём скерцо?

- Да что-ж, очень мило... ничего... Надо его сыграть как-нибудь...

Это, право, мало; скерцо заслуживает большей похвалы.

Я надеялся сегодня увидеть 17А. Но она не пришла петь. Это уже хуже и клонится к тому, что она скроется этак по пятое февраля, т.е. до тех пор, пока не отойдут все старые спектакли и не начнут учить «Пиковую даму». Становится скучно, но звонить ей не буду.

Возвращаясь из Консерватории, встретил Шароева и, пользуясь его симпатиями ко мне, заставил проводить меня.

Дома я клеил и скоблил 1-й Концерт, а в восемь часов пришёл Макс. Вечер провели в незаметной болтовне, сообщая о событиях времени нашей разлуки. Играл ему отрывок 2-го Концерта; ему нравится третья часть и чрезвычайно - каденция первой. Финал 2-го Концерта вызвал шумный восторг. Я повторял первую его тему три раза.

13 января

Утром пересматривал Концерт Des. Днём катался с Клингман на катке у Красного моста. Катается она так себе, а сам каток, с его снующей и кувыркающейся мелюзгой, плох по сравнению с аристократическим Юсуповским.

Вечером я пошёл на концерт Жеребцовой-Андреевой, на который получил от неё билет. Её концерты всегда интересны умным исполнением и программой с любопытными новинками и красивой ветошью. Очень интересны романсы Черепнина, ужасен до безобразия пошлый обрывок из новой штраусовской «Ариадны»[5], плохие последние романсы С.И.Танеева, где музыка совсем не отвечает тексту. Я удивлён. По этому поводу Черепнин: «Что-ж, это человек, проживший всю жизнь в своей комнате, - в людях не бывает, вина не пьёт, женщин не знает: он и силён только там, где нужен контрапункт!»

Магда Орлова обратила общее внимание своим изяществом. Потом меня все, в том числе Мещерские, допрашивали, кто эта очаровательная дама, с которой я стоял. Я отвечал, что это «мать моей дочери»[6]. Мещерские зовут в пятницу - с удовольствием.

Черепнин:

- Принесли бы вы вашу «Симфониетту» в класс, оркестр хороший, сыграем.

Вернувшись домой, смотрел «Симфониетту». Будет ли она звучать? А если и будет, то необходимо самое тонкое исполнение, которого едва ли добьёшься от нашего оркестра. Во всяком случае предложение Черепнина весьма порадовало меня.

14 января

Очень приятно, что надо рано вставать. В десять часов репетиция в Малом зале всех опер, хор, солисты и оркестр. Но благо спектакль отложен на неделю, отношение участников стало менее рьяно: некоторых инструментов не хватает, хористов - половина, солистов - не более десятка. Прошли «Маккавеи»[7] и кусочки «Орлеанской девы». Ничего, я устал, но не очень. Черепнину не нравятся

[4] Юмористическое скерцо» для 4-х фаготов (Op.12Ь).

[5] Ariadne a Naxos (Op.60), опера Р.Штрауса.

[6] М.Орлова (псевдоним - Барон Ливен) - автор либретто оперы «Маддалена».

[7] «Иуда Маккавей», оратория Генделя.

некоторые темпы и некоторые взмахи. О них разговор на завтрашнем уроке. «Фаготное скерцо», говорит Черепнин, мы покажем Котте, преподавателю, и надо его сыграть. Это уже лучше.

Клингман говорит, что половина наших хористок неравнодушна к Черепнину. Охотно верю, он может нравиться.

К концу репетиции пришёл Макс. Отправились завтракать к Перетцу[8], на угол Морской и Невского. Деньги наши близятся к концу, а потому в более шикарный ресторан нельзя. Здесь же мы съели несколько вкусных бутербродов и пирожков. Хотели выпить по стакану лёгкого вина, потом оказалось, что не стакан, а полбутылки, и не лёгкого, а довольно нелёгкого. Однако обратный путь по морозу в Консерваторию выветрил пары из головы.

В Консерватории - Наташа Гончарова. Я очень мил, похорошел, моё поздравление - оригинальное, и в заключение, благо учит итальянский язык: «Jo t'amo»[9]. Спасибо. Затем оперный класс и я, довольный встречей с Наташкой, отправился домой.

Письмо от Линтваревой с отзывом о моём Концерте Des, который я давал ей перед Рождеством. Концерт ей понравился.

Интересный проект: чтобы мне выучиться владеть инструментами в своих партитурах, надо сочинить ряд концертных пьес, по одной для каждого инструмента. причём каждый раз советоваться с оркестровым музыкантом, выискивать у него всякие особенности техники и писать так, чтобы партия инструмента была возможно более виртуозна и для него сильна. Затем выслушивать, исправлять и снова слушать. Сочинять эти пьесы будет не особенно трудно, так как о глубине музыкального содержания и о ценности материала особенно заботиться незачем, лишь бы было опрятно и прилично, но о технической стороне стоит подумать. Опус будет содержать десять концертштюков: для флейты, гобоя, рожка, кларнета, бас-кларнета, фагота, валторны, трубы, тромбона и тубы.

Вечером смотрел Концерт Des и вспоминал Наташу Гончарову.

15 января

Насколько в январе приятней рано вставать, чем в декабре: тогда будят с огнём, теперь сияет солнце. Я люблю вставать рано, но если у меня нет обязательных дел, то не могу подняться ранее двенадцати.

В десять часов я был в банке по поводу нового выпуска Парвиайнен. В половину одиннадцатого в Консерватории, где должны были начать «Пиковую даму», в частности обучение Полин. Но напрасно я торопился: ни одна Полина не пришла, учили «Риголетто» и я, предоставив играть Дранишникову, ушёл из класса. Встретил 16А и долго болтал с нею, потом к нам примкнула довольно милая девица из хора - Зина Ленкина (или, как я её зову, Лена Зинкина). В коридорах сегодня страшное оживление и суета по поводу экзамена эстетики. Среди прочих, привлечённых тем же экзаменом, бродил и бледноликий Борюся.

Завтракал в столовой Консерватории и принимал урок у Черепнина (канавка из «Пиковой дамы», симфония Гайдна и «Маккавеи» по поводу вчерашних недочётов). Затем в классе ансамбля я предоставил заниматься Цыбину (или как мама его зовёт, Цыпину), а сам ушёл домой.

Кончил второй том биографии Чайковского - книги, доставившей мне огромное удовольствие. Вечером зашёл Макс, и мы пошли на ученический вечер. Вечер маленький, публики немного, интересного мало. Хорошо играла Кетьхен Борщ,

[8] Ресторан в Петербурге.

[9] Я тебя люблю.

сделала успехи. Был Захаров, которого моя неразлучность с Максом, видимо, давит, но скоро сгинул.

В одиннадцать я был дома.

16 января

Первый раз после большого перерыва малый оркестр, а потому - в девять часов в Консерватории. Собрались ребята лениво, Черепнину нездоровится, «Цыпина» и Дранишникова нет. Пришлось мне дирижировать всё время и по тактам разыгрывать «Паукеншлаг» Гайдна. Положим, я не имел ничего против этого.

После дирижирования чувствовал себя утомлённым и лень было уходить из Консерватории. Сидел на стуле у раздевалки и смотрел на входящих в Консерваторию. Почему-то думал увидеть Умненькую, хотя отлично знал, что ей не время и не место. Вообще же у этого тихого ангелочка, по которому я успел почувствовать скуку, как видно, есть характер.

Вернувшись домой, завтракал и читал биографию Чайковского. Сегодня рождение Зои Карнейзон. Мы с Максом хотели её поздравить - оказалось, что она польщена, но не будет дома. Тогда мы загнули телеграмму в сто слов, напыщенного содержания и выписывая знаки препинания буквами («точка с запятой», «тире») и сами смеялись, читая её. Потом Зоя звонила мне и звала меня и Макса обедать.

В четыре часа ходил на каток, а потом докончил исправление Концерта Des. Теперь он готов к переписке дубликата для Парижа и как только копиист сделает дубликат, отправится к Жюржансону[10]. В этот срок надо сделать «Отчаяние» - тогда вместе с Концертом поедет Ор.4, уже полтора года как проданный и доселе, к моему стыду, не посланный.

Днём какое-то общество собирало на памятник Чайковскому. Я подписал три рубля.

Макс говорит, что, кажется, тётка его пошлёт в Пятигорск подвести какие-то счета прошлого лета. Я с удовольствием прокачусь с ним, если продам Концерт или подымется биржа и у меня будут деньги; кроме того, если после спектакля можно будет бросить дирижёрский класс недели на две. Кстати, прокатимся по Грузинской дороге в Тифлис.

17 января

Черепнин приболел, и сегодня я должен был сделать репетицию без него. Вместо репетиции получился один срам: не пришли певцы, которым неясно втолковали о репетиции, а репетировать с оркестром без них - нелепо. Я с большим трудом заставил оркестр пройти «Снегурочку» и через полчаса распустил их. Флейтист Шифрин всё время паясничал и безобразничал, а по окончании репетиции, когда я сказал ему, что это стыдно, извинялся. Затем я отправился к Черепнину, который просил доложить ему о результате репетиции. Он заставил сыграть моё «Скерцо», смеялся и просил расписать на партии, чтобы сыграть.

На урок Есиповой не пошёл - не совсем готова соната «b» Шопена. Вообще я мало занимаюсь фортепиано, а Калантарова сказала сегодня, что она меня перед Рождеством слышала играющим у Есиповой и нашла большие успехи.

У Макса не в порядке горло, и он не пришёл. Я один добрался до Перетца, поел, и чтобы убить предурочное время пошёл назад через набережные и мимо Умненькой.

[10] Юргенсону.

В коридоре встретил Венцеля и заговорил с ним. Была рекреация научных классов, и много девиц прогуливалось по коридору. Три девицы, идя обнявшись мимо нас и услыша «ты» и «ты», остановились как вкопанные. Но они не ошиблись: я сидел на кончике стола, Венцель восторженно стоял передо мною и мы разговаривали на «ты». Забавно, право!

Шагая домой по Никольскому переулку, я почему-то думал, что под широкой улыбкой Умновой скрывалось равнодушие...

Вечером мы с Максом сели в «туриста»[11] и поехали в Народный Дом на «Пиковую даму». Новый зал Народного Дома произвёл на меня великолепное впечатление своим простором, массой места и воздуха. Жалко думать о нашем консерваторском, сравнивая его с ним. «Пиковую даму» я приготовился слушать с большим удовольствием. Первая картина мне не доставила такового. Но начиная со второй и до последней я наслаждался, хотя последняя нелепа и расхолаживает впечатление. Она должна начаться появлением Германа, выкинув всё предыдущее как ненужное и отвлекающее от самой драмы. «Что наша жизнь» - странно и ненужно, равно как не нужна последняя страница оперы. Очень жаль, что первая встреча Германа с Графиней мало иллюстрирована музыкой. Вообще же в опере много растянутого и ненужного не только сценически, но и музыкально. Зато сцена у Графини гениальна от первой ноты до последней, да и не одна эта сцена.

Мы с Максом много и горячо говорили о моей опере, за которую я примусь, окончив Консерваторию. Мне пришла в голову идея, что опера могла бы быть безумно интересна, если бы героем для неё взять не выдуманное лицо, никому не нужное, а... Пушкина!! Его блестящая жизнь и стремительно драматический конец - и гениальное обаяние его личности, дорогой для всякого, дали бы такое привлекательное либретто, с которым не сравнится ничто другое. А Пушкин, пишущий письмо к Геккерну, исторически верное письмо, - какая потрясающая сцена! Письмо Татьяны бледнеет перед этим письмом. А вся эпоха! А Глинка, обдумывающий «Руслана»!

18 января

Утром, в отличном расположении духа и повязав брюссельский галстук, так как надеялся встретить Умненькую, я отправился в оперный класс. Класс полон народа и занятия в полном разгаре. Меня встречают очень почтительно, уступают стул и просят дирижировать, так как без дирижёра дело не идёт. «Цыпина» нет и хотя «Риголетто» не по моей части, я сажусь дирижировать. Занятия идут оживлённо, я сразу беру ход действия в свои руки. Умненькая сидит. Едва кончился класс, как она встала и скрылась. Я решил, что она либо ушла, либо пьёт чай наверху, в маленькой кухне. Поднялся наверх - нету, спустился вниз - опять нету. На нижней площадке встречаю Ман-дель-баума, которьш привязывается с какими-то вопросами. В это время из раздевалки появляется Умненькая и быстро выходит из Консерватории. Меня охватывает сожаление и я соображаю, что хорошо бы в данный момент очутиться на улице. В ту же минуту Ман-дель-баум неловко ликвидирует разговор и, сказав: «Да, ну... вообще... мне пора» - быстро прощаетсяи устремляется в раздевалку. Я понимаю, что будет погоня за Умненькой и совершенно злой иду в какой-то класс учить партитуры «Цауберфлёты»[12]. На моё счастье партитурка оказалась презанимательной и я, позанявшись час и успокоившись в занятии, пошёл в столовую завтракать. Погода, как на зло, чудесная – сверкающий день и лёгкий мороз – вот бы в Юкки!

[11] Наёмный автомобиль, такси.

[12] «Die Zauberflöte» - «Волшебная флейта», опера В.Моцарта.

Затем урок Черепнина со скучным прохождением третьего акта «Фауста» под фортепиано. В четыре часа - ансамбль. Идёт «Риголетто»; я узнаю, что «Пиковая дама» будет через полчаса и ухожу в коридор, дабы Умненькая снова решила, что я ушёл совсем, как вчера. Пью чай, меняю коридор и через полчаса возвращаюсь. Начинается «Пиковая дама», Умнову было сажают на сцену, но сейчас же уводят в другой класс с несколькими Лизами и с Климовым, который для скорости дела будет заниматься с ними отдельно, мы же с Табелем здесь, с остальными. Я несколько расстроен, но бойко занимаюсь целый час, по истечении которого быстро возвращается Климов, докладывая, что он кончил и всех распустил. Умненькая, стало быть, ушла, я иду домой.

В восемь часов пришёл Макс, у которого сегодня настроение скверное, но которому я очень обрадовался, чтобы рассказать события дня. Затем я одел смокинг, и в десять часов мы выехали вместе, он домой, я к Мещерским. У Мещерских сегодня вечер и довольно много народу. Романовский, талантливый пианист и большой поклонник моих сочинений, сообщил мне следующее: осенью его приглашают в Рим играть какой-нибудь русский концерт, просят привезти с собой и дирижёра: он предлагает ехать мне с тем, чтобы я дирижировал всем вечером из произведений русских авторов, в том числе и моих. Всё это ещё пока не наверное и в секрете. Если он будет единственным солистом, то он может сыграть два концерта, тогда надо бы, чтобы он играл мой Des. К сожалению, он его пока не знает.

Что касается до сегодняшнего мещерского музыкального вечера, то играли много камерной и сольной музыки. Я только скерцо из Сонаты Op.14, но с решительным успехом.

19 января

Хотя малый оркестр и в девять, но я пришёл в одиннадцать, сознательно проспав скучное начало. Дирижировал «Шествие»[13] Глазунова, а после класса встретил Макса, пришедшего специально по поводу экзамена на высший курс. Мы завтракали у Перетца. и я вернулся в Консерваторию на хоровую спевку. Хор, хотя лениво и с опозданием, но собрался: Умновой не пришло.

Вдруг появился Габель и, пошептавшись с Черепниным, громко заявил, что хор так неаккуратно и в таком неполном составе собирается, что не только нельзя продолжать спевку, но и вообще едва ли состоится спектакль. Все разошлись, а Черепнин мне объяснил настоящую причину.

Консерватория, выстроив новый зал, сдала его Художественной опере, выговорив для себя ограниченное число дней для спектаклей и репетиций. Шесть репетиций взял Менгельберг для концерта ИРМО, а нам ничего не осталось. Консерватория оказалась продажной бабой, она продаётся до самозабвения и хотя имеет зал ни для чего иного, как для консерваторских вечеров, умудрилась так его запродать, что отменяет свои спектакли. И это в юбилейный год! Но горе, что Глазунов безнадёжно пьян, Арцыбушев в Одессе, а у Габеля старческая трусость - а я и все солисты, работавшие осень и зиму, должны деморализоваться обманом и бесцельностью своей работы, виною опустившейся дирекции. Я было накинулся на Черепнина, но он объяснил, что при всём желании ничего не может сделать, так как он не в числе администраторов Консерватории. Если он и сделает какие-нибудь шаги, то первым долгом его спросят, почему, собственно, беспокоится он, если есть администрация, которая молчит?

Итак, резюме - мне не суждено дирижировать оперой вплоть до «Пиковой

[13] «Свадебный марш» для оркестра (Op.21).

дамы». Глупо и досадно, и зло берёт на всех!

Я тотчас же решил, что в понедельник узнаю о плане последующих занятий и в тот же день уеду на неделю-две из Петербурга: в Крым иль на Кавказ. Надо переменить атмосферу, прокатиться, проветриться - и только тогда можно снова бодро приняться за труды. В тот же вечер у нас с Максом было горячее совещание по поводу поездки. Он готов ехать когда угодно. Вот неоценимый товарищ! Проекты: 1) Крым с заездом в Никополь или без него; полторы недели; сто пятьдесят рублей с носа. 2) Пятигорск и Тифлис, или круговая: Тифлис - Батум - Севастополь; две недели; по двести рублей. 3) Париж; две недели; по двести пятьдесят-триста рублей.

№3 скоро отпал - дорого, возня с паспортами, да не так уж и тянет. Пятигорск - Тифлис - Батум - Севастополь, который очень поддерживал Макс, заманчив, но неприятен вследствие бурного переезда по морю Батум - Севастополь. Остался Крым или Пятигорск с Тифлисом. Этот вопрос мы пока оставили открытым, колеблясь и не решая.

К проектам мама отнеслась враждебно, но не очень протестовала. Я её уговорил проехаться на это время в Москву. Маме здесь все знакомые надоели, а в Москве - Смецкие. Мама, кажется, поедет. Что касается моих финансов, то у меня готов к отправке к Юргенсону Концерт Des, за который я надеюсь получить двести пятьдесят-триста рублей. Мама мне даёт под него взаймы триста рублей: мне столько не нужно, но необходимо ссудить Макса, у которого ни гроша.

20 января

Встал поздно, потому что настроение было не бодрое и лень было подниматься с постели. В два часа встретились с Максом у фотографа. Этот мерзавец вечно надувает со своими карточкам: мы с Максом ходили к нему с ноября. Сегодня устроили вроде скандала.

Потом ходили по проспекту, обсуждая поездку, но ничего положительного не решили. Всё равно, можно решить хоть на Николаевском вокзале: курьерский «Кр.lС» идёт в Севастополь в 9.30 вечера, а Черноморский экспресс на Кавказ в 9.45: садись в любой.

В четыре часа заходил к Мясковскому. Он, как всегда, мил, но его комната и обстановка нагоняют на меня вялость. «Аластор» близится к концу. Моя вторая тема для финала Концерта g-moll ему очень понравилась. Идею же 3-го Концерта - не одобряет: между моим старым стилем и новым ничего не может быть общего.

Кто-то из оркестровых музыкантов говорил ему, что я очень непонятно дирижирую и при подъёмах выжимаю из оркестра всё задолго до его вершины, вследствие чего вершина не звучит.

Обедал у Рузских, у которых давно не был. У них не замечательно: Николая Павловича нету, а Таня ещё едет из Киева. Я старался быть милым с Ирой. Она по-прежнему не выносит Макса и всячески его ругает. К одиннадцати часам я вернулся домой, говорил с Максом по телефону. Постановили ехать в Крым: ближе и симпатичней. Итак, отъезд решён, если завтрашний разговор с Черепниным не внесёт каких-нибудь перемен.

21 января

В девять часов подняла телефоном Наташа Гончарова. Когда не надо, все становятся аккуратными - она спрашивала, будет ли репетиция и в котором часу. Я сказал, что спектакль отменён и что я уезжаю в Крым. Удивление, затем:

- Смотрите, привезите мне оттуда миртовую ветку!

- Я вам привезу кусочек ледышки, потому что там морозы и снег, - ответил я и, распрощавшись, пошёл досыпать.

Днём пошёл к Алфёрову, взял триста рублей, потом купил химический карандаш для писем с дороги, причём мне дали самый простой. В Консерватории Черепнин сообщил, что относительно спектакля не всё ещё потеряно: Глазунов перестал пить, а Принцесса[14] в Петербурге - быть может, всё уладится. К моей поездке отнёсся с одобрением и даёт мне недельный отпуск, но просит подождать два дня до выяснения вопроса о спектакле.

Весной проектируется большой концерт с программой: 7-я симфония и скрипичный концерт Бетховена, увертюра с вакханалией из «Тангейзера», «Челлини» Берлиоза и ещё какой-нибудь фортепианный концерт. А нельзя ли, чтобы мой?

Вечером пришёл Макс. Мы только что расположились с ним у меня в комнате, как зазвонили от Корсак и стали умолять приехать, да так настойчиво, что я, ругаясь, поехал.

22 января

Утром сочинилась довольно приятная тема, вероятно, для Andante 3-го Концерта. К двум часам пошёл в Консерваторию. Был очень огорчён аншлагом, что ученический вечер отменяется. Затем урок у Черепнина с «Фаустом» и «Волшебной флейтой», после чего ансамбль, в который я только слегка заглянул. Черепнин говорил с Табелем о моей поездке. Табель сказал, что если спектакль и состоится, то не раньше третьего февраля, а потому мне даётся полуторанедельный отпуск. Я обрадовался и пошёл домой. Завтра с Максом уезжаем! Но какая досада, что нет ученического вечера! Впрочем, Умненькая, по-видимому, этого не знает, поэтому я придумал комбинацию, которая удалась как по нотам.

В семь часов я отправился на Николаевский вокзал бросить письмо Ребергам о моём проезде через Харьков. Взял «туриста» и приехал в Консерваторию, которая была пустынна и безлюдна из-за отменённого вечера. Прождав двадцать минут, я увидел Умненькую, прелесть какую милую, и сообщил ей, что вечер отменён. Жалея об отмене, мы вышли на улицу. Я предложил ей ехать кататься. Она в ужасе отклонила предложение. Тогда я сказал, что автомобиль всё равно ждёт, и я отвезу ее домой. Она этому мало поверила, да и действительно, шофёр вместо Офицерской поехал по Глинке, потом по Морской, потом по набережной, потом через мост. Мы довольно долго колесили по Островам и, не выходя из автомобиля, поехали обратно. Мы расстались у её подъезда, она обещала мне написать в Севастополь, а её перчатка, забытая в автомобиле, поедет со мной как воспоминание о милой 17А.

23 января

Самочувствие так себе. Без четверти девять был в Консерватории, малый оркестр. Сегодня у нас дебютировал С.Соловьёв. Машет ничего, с надеждой, но до того несмело и сам до того несчастный, что и жалко и сочувствуешь несчастному.

Распростился с Черепниным, встретился с Максом на городской билетной станции, взял билеты на сегодня «Kp.lC», взял фотографии у Каспари, взял деньги в Международном, возобновил абонемент в Мариинском, зашёл в Консерваторию и в четыре был дома.

[14] Ея Великогерцогское Высочество Принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская - высочайшая покровительница Консерватории.

Теперь восемь часов, чемодан собран, Макс звонит по телефону, что выезжает за мной на таксомоторе, мы едем на концерт Романовского, сидим там полчаса и прямо на вокзал. Поезд идёт в 9.30. Едем на день в Никополь, а оттуда в Крым до третьего февраля. Кончаю, надо побыть с мамой перед отъездом. Она же завтра едет в Москву.

Здесь дневник мой прерывается на время путешествия, но взамен его являются путевые записки, которые писались мною и Максом, по очереди. Юмористический их тон свидетельствует о нашем отличном настроении, да и вообще поездка удалась и была чрезвычайно приятна и освежительна. С Максом мы незаменимо подходим друг другу и прекрасно спелись. Редко бывает, когда два сходных человека найдут один другого. Мы нашли.

Итак, переписываю сюда наши путевые записки[15].

Глава 1. Отъезд.

Макс:

Вот счастливцы, восклицали барышни. «Счастливой дороги» - усердно кланялись «начаенные» служители.

Я:

После свистка мы, целуя руки направо и налево, перешли с платформы вокзала на платформу вагона и мягко отбыли из Петербурга.

Глава 2. Дорога.

Нашей мечтой был новый состав поезда и мечта осуществилась: весь поезд был новый... за исключением нашего вагона. Накинув на плечи наши лёгкие шарфы, мы покинули купе и пошли в вагон-ресторан чай пить и писать приветы.

Глава 3. Никополь.

Макс:

Выйдя из вокзала в Никополе, мы сначала искали глазами лодку, чтобы поехать к Моролёву, но оказалось, что это Венеция лишь наполовину: хотя и сплошь одни каналы из грязи и воды, но ездят на четвероногих гондолах. Опасливо мы сели в тарантас и поплыли. Переплыв почти весь город, мы причалили к подъезду одного каменного дома. Раздалось щёлкание «кодака» и Моролёв схватил Сергусю в объятья, оповещая, что он снял наш торжественный въезд в ворота. Василий Митрофанович живо усадил нас за стол, потчевал пирогом и абрикотином. Сам он бойко хлопал водку, быстро и оживлённо говорил и очень суетился, производя в общем симпатичное впечатление.

Не успел Серёжа проглотить последний кусок, как уже был посажен Василием Митрофановичем за рояль, и началась никопольская казнь, отличавшаяся от египетских тем, что вместо одного длилась полтора дня. Серёжа играл целые фолианты, за которыми на рояле появлялись новые. Почти вся библиотека Моролёва перебывала на пюпитре рояля. Часа в четыре Серёжа умолил Василия Митрофановича отпустить его побриться, на что тот весьма неохотно согласился и с сожалением открыл нам дверь, просмаковывая мысль о вечернем длинном концерте, который он злодейски замышлял.

В половину одиннадцатого Серёжа, бледный, лежал на диване, виски его были смочены уксусом, и он беспомощно прихлёбывал воду с вином. Но Василия

[15] Путевые заметки помещены не полностью.

Митрофановича это зрелище трогало мало и он всё приставал: «Ну Серёжа, сыграй первую часть и финал! Ведь тебе это всё равно что наплевать, а мне удовольствие...».

Но Серёжа был так эгоистичен, что не хотел доставить Василию Митрофановичу удовольствия, а вместо того «схватил в охапку кушак и шапку и был таков». Мы долго бродили по водам, пока Василий Митрофанович дома угощал гостей ужином и «Серенадой» Рахманинова. Решив удрать завтра с двенадцатичасовым поездом, мы коварно вернулись домой. Василий Митрофанович положил нас спать и мы мгновенно «пошли ко дну».

26 января

Я проснулся только в девять, а Серёжа наслаждался невинными голосками детей, собиравшихся в школу в семь утра.

В десять часов был приглашён Василий Митрофанович и ему торжественно раскрыли наш коварный план. Он было обиделся, но компенсация в виде второй и третьей частей рахманиновского и целого прокофьевского Концертов его вполовину утешили. Он довольно неопределённо отнёсся к Концерту Сергея Прокофьева, но опять дико завосторгался Сергеем Рахманиновым и, получив карточку с ехидной надписью: «Дорогому другу Василию Митрофановичу от несчастной жертвы, замученной им 25 января 1913», отпустил нас на волю.

Добравшись до вокзала и умолив носильщика снести наши вещи, мы уселись в Никопольский экспресс», помчавший нас со скоростью двадцать пять вёрст в час в Александровск.

Глава 4. Симферополь.

Я:

Симферополь встретил нас довольно порядочной погодой, но внешностью весьма посредственной, вплоть до Европейской гостиницы, вполне оправдавшей своё название. Переодевшись и приняв тоже европейский вид, мы пошли по довольно приличным улицам города, что-то пили, что-то покупали, а главное, подыскивали автомобиль для завтрашнего странствования. Мы криво улыбнулись, когда с нас запросили «катеньку», и отправились отыскивать другой гараж, в чём нам помог попавшийся на перекрёстке Алёша Карский, жирный гимназист, ширина которого превосходила длину, а неприглядность - умственные способности. Макс, из политических соображений, разыгрывал с ним дружбу; я же, из христианских целей, решил дразнить его до такой степени, чтобы он хоть немного похудел.

Походив втроём по содержателям моторов, изучив, что значит лимузин, а что - ландоле, и не найдя любимого нами совсем открытого мотора, мы заказали себе на завтра ландоле и пошли в театр на дневное представление. Будучи введены в литерную ложу, где восседало трое детей младшего возраста, мы нашли среди них Кису, меньшую сестру Лютц, находившуюся с Максом в категорических отношениях. Не дождавшись начала конца спектакля, мы покинули зал: Макс поехал визитировать Аксаковскую улицу, дом Лютц, а я вернулся в отель.

Гуляли, переодевались и пришли на камерный вечер имени Чайковского. «Трио» Петра Ильича доставило нам большое удовольствие, которому способствовало вполне хорошее исполнение. В антракте я ознакомился с семьёю Лютц, оценив Mr и Mme как людей очень достойных, старшую дщерь Клаву как ничтожество, а героиню Марусю как любопытную девочку, худенькую, нервную, с красными волосами и нешаблонным лицом. Удалившись из концерта в театр и снова вернувшись обратно, мы внимали 1-му Квартету Чайковского, вкушая

удовольствие. Получив по окончании концерта приглашение от Mme Лютц, мы снова отбыли в театр.

28 января

Глава 5. В автомобиле.

Макс:

У подъезда пыхтел красный ландоле. Мы уселись в него, заехали на почту, я послал пять рублей[16], и мы покатили по шоссе, ведущему к перевалу. Погода была отличная, автомобиль катился прекрасно, и мы были довольны и тем, и другим. По мере приближения к горам пейзаж становился живописней. Мы переехали несколько раз через Салгир. Стал появляться снег. Количество его всё увеличивалось и наконец колёса ландоле стали недвусмысленно поскальзывать. На станции Таушан-Базар мы остановились на десять минут, и шофёр с помощником надели на колёса цепи. Цепи эти не удерживали нас, как свойственно этому предмету, а наоборот, давали нам возможность двигаться вперёд. Мы быстро перемахнули перевал (2350 футов) и, обдуваемые тёплым ветерком и глядя на синее море, стали спускаться к Алуште.

Погуляв по набережной и найдя Алушту тёплой, но малоинтересной, мы отправились дальше, заметив, что другой красный автомобиль с двумя пассажирами собирается выехать вслед за нами. Вскоре мы убедились в этом: таинственные незнакомцы нас нагоняли определённо. Наш шофёр из патриотизма пустил свою машину вовсю, и мы испытали жуткое наслаждение бешеной езды по крутым поворотам нависшего над пропастью шоссе. Гонка продолжалась почти до самого поворота на Гурзуф. Нас встряхивало, как котят; чемодан на крыше исполнял танец семи покрывал. Когда он сбросил последний брезент, помощник шофёра с ловкостью обезьяны взлез на крышу и привёл там всё в порядок. Но все геройские усилия не помогли: мы были оглушены упорным гудком и обогнаны, после чего свернули в Гурзуф утешаться завтраком во «Второй» гостинице.

Я:

Съеденная нами белуга согрелась в коньяке и белом вине, и сообщила нам своё хорошее расположение духа, а синяя морская гладь манила нас в лодку. Уклонившись от приглашения турецкой фелюги, мы сели в русскую лодочку и скользнули по приветливому морю. Грот Пушкина очень мил, а другой, рядом, поменьше, - местными остряками названный гротом мадам Пушкиной, дал повод вспомнить Наташу Гончарову. Потом мы заезжали на кремнистые Оддолары и пытались взобраться на них, а когда пристали к берегу, то должны были торопиться с отъездом, ибо солнце просилось уже спать. Зелёный парк остался нами не осмотренным, а беспокойная машина повлекла нас в Ялту. К быстрой езде мы уже привыкли и равнодушно разговаривали о посторонних вещах.

Знаменитая Ялта нам понравилась. Мы заняли номер в «России», но тут с отвращением констатировали нашу финансовую несостоятельность, которая грозила отсутствием возможности вернуться в Петербург. После неприятного обсуждения решено было выгадывать на питании, урезав свои роскошные «нососутки». Написав гору открыток, пошли их бросать, гулять по набережной и наслаждаться Ялтой.

[16] Текст денежного перевода: «Милостивый государь, исполняя поручение друга моего Серёжи Прокофьева, имею честь препроводить вам пять рублей для присоединения к сумме, собираемой на подарок А.Н.Есиповой. М.Шмидтгоф. Симферополь. 28 января 1913 г.».

Глава 6. На тройке.

Путь в Алупку был мил, но немилосердно длинен, сравнительно с автомобильной скачкой. Погода дурнела, холодела и слезилась. Дворец в Алупке хорош, а парк прямо очарователен и, будучи необыкновенно привлекательным для лета, заставил нас строить планы на этот счёт. Появление солнца согрело нас чисто южным теплом и мы, оценив Алупку лучшей инстанцией южного побережья, уселись в наш экипаж.

Макс:

Описывая невероятную спираль, мы поднимались на Байдарский перевал. Опять стал появляться снег. Серёжа укутался в плед и мы вспоминали быструю езду предыдущего дня. Когда совсем уже стемнело, в восемь часов, мы увидели яркий свет фонарей, экипаж прогромыхал под сводом ворот, и мы подъехали к так называемой гостинице.

30 января

В семь часов кто-то, пекшийся о нас, поднял нас на ноги любоваться на восход солнца. Однако дорожка, по которой должен был выплыть лучезарный бог, была стыдливо прикрыта тучкой.

Мы решили прогуляться к Форосской церкви. Быстро сделав эту прогулку, сопровождаемые байдарскими «бифштексами», мы вернулись наверх и поехали в Севастополь.

Море и тепло окончательно ускользнули от нас.

По скучной дороге через четыре часа мы добрались до «Белого города» и ввалились на вокзал, где завтракали. Затем, получив на почте «чайник»[17], мы отправились на Исторический бульвар, внимательно осматривали знаменитые укрепления, пили шоколад в кондитерской, сидели на вокзале и наконец заснули в поезде, шедшем в Симферополь.

Глава 7. Опять Симферополь.

Я:

Когда комфортабельная «Европейская гостиница» приняла нас в свои мягкие постели, а удобный умывальник смыл дорожную грязь, когда услужливый парикмахер обрил наши щёки, а соскучившийся чемодан облёк в чистое бельё - мы почувствовали истинное культурное наслаждение и спали целые полсуток. Другое важное обстоятельство - приглашение нас семьёю Лютц к обеду.

Около трёх мы сделали наше антрэ[18] на Аксаковскую улицу (в провинции, видите ли, обедают чуть ли не с утра). Комфортабельная обстановка и вкусный обед контрастировали с провинциализмом сервировки, любезность родителей противостояла дикости детей.

Но железный экспресс не ждал, и в самый разгар веселья мы сорвались с мест - пора в столицу. Собрав чемодан, мы простились с «Европейской гостиницей». Через полчаса благородный курьер унёс меня с весёлого Юга на весёлый Север, а растяпа Макс не смог расстаться с благоуханным цветником и остался в Симферополе доигрывать шестой акт.

[17] «Получить чайник» на симферопольском гимназическом жаргоне означает потерпеть неудачу. Мы рассчитывали на гору писем, но получили только два. 17А, 18А, Карнеевы,

[18] Появление, от entrée (фр).

Глава 8. Мой обратный путь.

Давно желанный новый состав вагонов приветствовал непобедимость моего отъезда. Я с удовольствием растянулся на диване, а на улице бушевала такая метель, что нос, высунутый туда, моментально отмерзал.

2 февраля

На другой день была такая же яркая погода, как и при следовании из Петербурга в Симферополь, но Реомюр показывал -16°, пикантно отличаясь от 16° ялтинского тепла. В Харькове меня затараторили девицы Реберг, а во время обеда в ресторане две дамы-симферополитенки с интересом расспрашивали о моих симферопольских впечатлениях. Отоспавшись один в четырёхместном купе, я поставил ногу на столичную мостовую. В Петербурге стояла мягкая зимняя погода и белый такс быстро доставил меня на родную 1-ю Роту[19].

3 февраля

Домой я попал в одиннадцать часов утра, на полчаса позднее мамы, приехавшей из Москвы. Она отлично провела там время и осталась очень довольна моим именинным подарком. Он состоял из альбома с любительскими снимками, снятыми мною лет пять-шесть назад в Сонцовке и теперь совсем забытыми. Я разыскал негативы и дал «Кодаку» напечатать, а перед отъездом передал альбом московской тётке Макса, приезжавшей в Петербург, прося её в день именин послать маме в гостиницу. Вышло вполне эффектно.

До двух часов играл на рояле 7-ю Симфонию Бетховена, которую я выучил между делом во время поездки, а в два часа пошёл с визитом к Анне Николаевне. У именинницы как всегда полна гостиная учеников и учениц, в большинстве случаев не знающих, как себя держать. Борюся прилично поздоровался со мною, но избегал меня, очевидно обиженный пятью рублями, посланными через Макса. Ганзен, с которой мне таки пришлось поздороваться, с места начала кокетничать. Линтварёва, Штембер, Шароев, Зейлигер и Рая Лившиц очень милы. С десятком более новых я совсем незнаком, а другой десяток относился ко мне с нескрываемой враждебностью, вероятно, за моё небрежное поведение по отношению к ним. Сама Есиповна мила, но на вечер не пригласила (может, его не будет совсем?). Если уж меня не приглашают, то кто же там будет из учеников, окромя Захарова?

Я отправился к Черепнину, но они изволили уйтить. Выскочил сын и, захлёбываясь, сообщил что папа просит меня прийти прямо в оркестровый класс. Пройдя мимо Умненького дома, я вернулся домой и занялся перепиской путевых заметок в эту тетрадь. Звонил Рузским, которые настоятельно требовали, чтобы я «явился». Я поехал, не скучал, но и не веселился особенно. Глядел на Таню, вспоминая Кисловодск. Николай Павлович как всегда прелестен, хвалит «Балладу», на днях будем с ним разыгрывать.

4 февраля

В десять часов пришёл в оркестровый класс и был мило встречен Черепушей, который сказал, что уже успел соскучиться по мне. Относительно программы занятий новая перемена. О «Маккавеях» и прочем, конечно, не говорят; предполагаемый концерт с 7-й Симфонией Бетховена тоже вылетел в трубу, -

[19] На улице Первая Рота, в доме №4, жили Прокофьевы.

теперь придумали концерт памяти Даргомыжского (по причине ста лет со дня рождения) и не дальше, как через две недели. Сегодня Черепнин уже читал «Казачок», «Чухонскую фантазию», хоры и прочее. «Казачок» звучит пикантно и снова напомнил мне идею написать несколько серьёзных и шикарных танцев для оркестра. Я дирижировал «Анданте» Вышнеградского на славную чувашскую тему.

Венцель пытался вступить в пространный разговор, но я уклонился. За мою поездку я послал свыше восьмидесяти открыток, в том числе одну ему. Он тронут и жалел, что не знал, куда ответить. Ввиду того, что Есипова занималась на дому, а в Консерватории приятных лиц не мелькало, я сначала залез в класс поучить новые Даргомыжские партитуры, а затем ушёл к Перетцу поесть.

Вернувшись, увидел Наташу Гончарову, которая радостно воскликнула: «А! Какая радость! » Навстречу ей шла знакомая девица, которая, приняв восклицание на свой счёт, кинулась ей на шею. Произошла комическая сцена, и девица быстро сликвидировалась. С Наташей радостная встреча и куча любезностей.

В оперном классе меня встретили по-дружески. Кругловский встал в юмористическую позу, сёстры Рожанович веселы и милы. Я скоро ушёл - занятия шли вяло, а отсутствие Глупенькой делало их серыми.

Вернувшись домой, я с необыкновенным наслаждением раскрыл биографию Чайковского и прочёл десяток страниц, погрузившись в другой, очаровательный мир. Кое-что сочинил для финала Концерта, таял над Сонатой Ор.14 и переделывал романс «Отчалила лодка». Писал дневник и принимал ванну.

От Макса нет письма, хотя должно бы быть. Из Севастополя переслали какое-то письмо, написанное неизвестной рукой. От Умненькой или от Дранишникова? Но конверт был неизящен. Оказалось, действительно от Дранишникова.

5 февраля

Утром учил партитуру «Казачка».

В полдвенадцатого пошёл в Консерваторию к концу оперного класса. Проходили «Пиковую даму». Цукнул Гаука за неверные гармонии. Партию Графини поёт певица, которая оказалась тоже Умновой. Поёт недурно, но вид похуже 17А. Вдали видел Никольскую. Мы с дороги послали ей две постальки, обе с очень шикарным изображением двух джентльменов, едущих на автомобиле. На одной написали «Они уехали в Крым», на другой «Они объезжают полуостров». Подписей нет, но почерки не скрыты.

У Черепнина проходили даргомыжские партитуры. Очень хорош хор восточных отшельников.

Вернувшись домой, нашёл целых пять писем. Три от Макса. В одном презабавно описывается вечер после моего отъезда, друтое - посталька, третье полно горечи по поводу неудачи с 7Б. Я это видел всё время и говорил, что оставаться там более незачем.

Вечером ходил на ученический вечер, но там абсолютно ничего интересного. Ничего сыграла Концерт Корсакова Голубовская, наиболее умная из наших учениц; довольно плох Дубянский.

От Макса телеграмма, приедет завтра в одиннадцать с черноморским. Постараюсь его встретить. Интересно поговорить.

Нашёл в Российском музыкальном издательстве открытку с портретом Чайковского, но не седенького старичка, а мужчины лет тридцати пяти. Очень интересно и странно видеть его таким.

Римского-Корсакова я тоже не видел иначе как с седою бородой, а ведь был же он когда-нибудь иным!

6 февраля

В девять часов малый оркестр. Он скоро дебютирует на ученическом вечере с симфонией Гайдна, «Волшебной флейтой» Моцарта, «Концертштюком» Вебера и «Свадебным шествием» господина директора[20]. Вебера играет или Гаук или кто-нибудь со стороны. Посоветовавшись со мной, Черепнин распределил дирижёрство так: симфонию и концертштюк мне, «Флейту» - Цыбину, а «Шествие» Прянишникову. К этому последнему Черепнин питает большое внимание, надеясь сделать из него дирижёра. Гаук же и Соловьёв на своих дебютах провалились.

Сегодня я до пол-одиннадцатого репетировал симфонию, а затем сорвался с места и в таксомоторе удрал на Николаевский вокзал встречать Макса, приехавшего с черноморским экспрессом. Я знал, что он в расстройстве духов по поводу неудачи с 7Б, мне было интересно знать, как это всё вышло, и вообще приятно его видеть и поговорить с ним. Мы с ним слишком хорошо друг друга понимаем и миры у нас одинаковые. Я начал с того, что пожаловался на скрывшуюся 17А - после этого он уже совсем весело рассказал о своём симферопольском финале. Как и в прошлый раз, мы завезли его чемодан домой, он поцеловал свою мать, и мы отправились к Лейнеру[21] завтракать.

Расставшись с Максом я пошёл в Консерваторию заниматься с хором для концерта Даргомыжского.

Дома читал прелестную биографию Чайковского и учил интересную, но сложную и нелепую «Чухонскую фантазию» Даргомыжского. Нашёл короткий прилив меланхолии, но телефоны Макса и Веры Мериин, заставившей меня рассказать о крымском вояже, прогнали её.

7 февраля

Утром довольно интересные занятия с большим оркестром по поводу предстоящего даргомыжского концерта. Потом был у Анны Николаевны, с которой не занимался два месяца. Она вела себя вполне любезно и прошла со мной две части b-moll'ной сонаты Шопена. Показывала много и интересно, но всё навыворот. Я играл ничего. Видел Кольку Штембера, который довольно грубо шутил. У подъезда Консерватории встретил Наташу - радостные восклицания, я беру её под руку и отвожу до трамвая.

Пошёл поесть в столовую. На лестнице на меня обрушивается Зинка Ленкина, прося не перетолковывать её выражений. Когда я вчера ей выражал соболезнование по поводу замечания Веры Дмитриевны, она проговорила, что куда-то очень спешит и что у неё «перья выросли на икрах». Я рассказал Клингман, что Ленка Зинкина поделилась со мной, что у неё на икрах выросли волосы. Клингман пришла в ужас, покраснела и сегодня передала об этом Ленке Зинкиной. Теперь эта последняя строго разъяснила мне, что выражение «перья выросли на икрах» встречается у Чехова.

В оперном классе, из-за болезни Палечека, проходил музыкальную часть Климов. Я посадил играть Скоруньского, а сам сел без дела, ожидая Умненькую. Было ужасно приятно, когда раскрылась дверь и она появилась в классе. Я сразу подсел к ней.

- Очень приятно, что вы живы. Я уж стал сомневаться в этом.
- А вы недавно приехали? - спросила она.
- Да с неделю уже в Петербурге.

[20] А.Глазунов, «Свадебный марш» для оркестра (Ор.21).

[21] Ресторан в Петербурге.

Я нарочно прибавил, потому что злился, что она так долго не появлялась в классе. Я спросил, будет ли она петь сегодня Полину - оказалось, что ни за что: она хрипит, кроме того, девятого поёт в концерте... Где? «О, далеко». Что? «Чайковского, «Жёлтые нивы». Долго сидеть рядом нам не пришлось: Климов ушёл на урок, прося меня сменить его. Я занимался ансамблем полтора часа, немного деликатничая с певцами в обращении, что, кажется, было ими оценено - все, по крайней мере, подходили ко мне перед уходом и благодарили за занятия. Под конец у меня почти никого не осталось в классе, потому что зудили партию Графини. Но Умненькая сидела до самого конца.

Вечером хотел поиграть «Балладу» с Рузским, но он уезжает в Вильну и этот номер не прошёл. Был в участке заявить об утере паспорта во время крымской поездки. Пристав поинтересовался, почему он потерялся. Я сказал, что он, по-видимому, вывалился из чемодана.

Вечером был Макс. Вспоминали поездку, смотрели том моих писем за 1911 год, только что полученный мною из переплёта.

Написали «гимназисту Карскому» открытку с «чайником» и надписью «Катя не приедет». Он очень хотел, чтобы Максову сестру отпустили в Симферополь гостить.

8 февраля

Утром немного подвинул финал у Концерта. К часу пришёл в Консерваторию. Францис говорит: «Ах, какая прелесть Крым! Второй раз поедете - возьмите меня!»

У Черепнина разбирали «Чухонскую фантазию» и, ни с того, ни с сего, «Садко». Какая живая и шикарная первая картина! Очень интересное задание и выполнение четвёртой картины; только растянутость неимоверная. После Черепнина пошёл было в ансамбль, но Умненькой нет и такая скука, что мухи дохнут. Повернулся и пошёл домой. Шагая по улице, соображал, что она, в сущности, свинья: я послал ей четыре письма, а она не только не ответила, но даже ни словом не обмолвилась вчера, при свидании. Но потом решил, что на это не следует обращать внимания.

Вечером мы с Максом хотели в театр, но не шло ничего порядочного. Дома сидеть не хотелось, мы пошли просто прогуляться. Звонили Карнеевым. Там наши шестнадцать открыток с дороги, в которых мы изощрялись в остроумии, произвели фурор. Девицы очень желают нас видеть. Прошлись по Невскому, зашли на вокзал и проводили севастопольский экспресс. К экспрессам мы питаем совершенно особенную нежность. Пили шоколад у Филиппова[22] и в одиннадцать были дома. Вечером, ни с того, ни с сего, было страшно весёлое настроение. Вспоминал Захарова.

9 февраля

Так как сегодня Умненькая где-то поёт и, наверное, сходит с ума от волнения, то утром написал ей письмо со всяким милым вздором.

В малом оркестре ничего особенного, и в час я был уже дома. Мне хотелось бы показать мои партитуры Кусевицкому в видах исполнения, но он дал свой последний концерт и теперь уехал. Неудача. Вера Дмитриевна жаловалась на меня Черепнину, что я не кланяюсь и вообще невежа.

Дома переделывал «Отчаяние». Старая редакция, в которой мне крайне не нравилась середина, утеряна. Начало *я* восстановил по памяти, сделав его несколько интереснее, а для середины нашёл очень симпатичный материал в пьеске 1907

[22] Петербургский кондитер.

года, посвященной Мясковскому, одновременно с маленьким «Карнавалом», из которого я взял главную партию для 1-го Концерта.

Днём был на катке с Колей Рузским. Завтра зовут с компанией в Юкки. Сегодня уже приготовлено для этой цели триста бутербродов. Мне сначала не очень хотелось, но потом захотелось. Уж очень я люблю дышать свежим воздухом!

В десять часов одел фрак и поехал к Мещерским. У них оказался целый большой бал. Блондинка, с которой я прошлый раз пикировался на ужине, мне понравилась и в этот раз, хотя фамилию её твёрдо не помню, кажется. Лансон. Увидя меня, она мило закивала головой, но когда во время кадрили мне случайно выпало сделать с ней тур вальса, она воскликнула:

- Как, с вами? Ни за что! Не хочу!

Я ответил:

- Да и я совсем не хочу, - и начал с ней танцевать.

Но она стала вырываться и сбежала. Во второй половине вечера она подошла ко мне и сказала:

- Сергей Сергеевич, сыграйте мне из «Feuerzauber'a»[23].

Я ответил смеясь:

- Не хочу я вам играть «Feuerzauber'a»!

- Нет, ну вообще так, что-нибудь.

- Ничего не буду играть!

- Почему? Ну пойдёмте сядем где-нибудь, поговорим.

- Проходите, пожалуйста, не желаю я с вами разговаривать!

Молчание. Она разочарованно:

- Да вообще мне ведь не вы были нужны, а вагнеровская музыка...

- А когда я вас приглашал танцевать вальс, то не вы были мне нужны, а вообще какая-нибудь дама!

Она смеётся. Молчание. Повёртывается и уходит.

На балу я познакомился с сёстрами Кавос, славными барышнями. Они знали меня уже раньше. Они в дружеских отношениях с Боровским и особенно Захаровьм. По этому поводу я старался быть особенно милым. Дали свой телефон, просили звонить и вообще хотят укрепить знакомство. В полчетвёртого я удрал домой, хотя не хотелось. Но надо было поспать перед Юкками.

10 февраля

Встал в девять с четвертью, одел белый коньковый костюм, сверху лёгкое пальто, а на ноги валенки, и поехал на Финляндский вокзал. Кроме детей Рузских и мамаши, была Тата Коншина с братом и Б.Н.Ястребовым и десятка полтора неизвестных лиц. Хотя на градуснике было -9°, но погода была такая солнечная, такая восхитительная, что пол-Петербурга кинулось в Финляндию и в поезд набилось столько, что он буквально трещал. В Левашове мы разместились по санкам, причём Ира Рузская почему-то пожелала ехать непременно со мной. Я не протестовал. В Юкках прекрасно летали с гор. В начале немного опасно, но потом страшно приятно. В конце концов было весело, хотя я всё время вспоминал Умненькую и думал, что её обязательно надо привезти сюда. Слетев одиннадцать раз с горы, пошли завтракать в нанятую по этому случаю дачу, где приехавший с корзинками лакей накрыл уже вкусный стол. После завтрака пошли кататься. Местность интересная, солнце ослепительное, снег как пуховая перина; мы три раза вывалились и получили полное удовольствие. Заблудились и попали в Парголово. Путались час, замёрзли и, найдя вновь Юкки, отогревались. Вследствие

[23] «Feuerzauber» - фрагмент из оперы «Валькирия» Р.Вагнера.

этого очень повеселели и стрелой помчались на вокзал. Мы-то доехали благополучно, а другие санки сцепились со встречными, перевернулись, сломали оглоблю, спустили лошадь в канаву и должны были платить штраф. Па обратном пути Рузские пригласили меня к ним, но ночью я не спал и пяти часов - теперь меня одолевала такая сонливость, что я отправился домой досыпать. Вечером звали Карнеевы, но я так устал, что отказал, равно как и Максу, тащившему меня на камерный вечер памяти Чайковского. Сидел дома, лениво почитывал биографию и в одиннадцать лёг спать.

11 февраля

Переписчик переписал партитуру Концерта за пятнадцать рублей. С виду красиво, но есть недописки, и мне предстоит ужас корректуры.

Утром в оркестре учили интересную «Чухонскую фантазию». Затем я вернулся домой, купив по дороге несколько газет - узнать, нет ли отзывов о вечере, где пела 17А. В «Петербургской газете» я действительно нашёл: она пела где-то на Пороховом заводе и была в розовом туалете. Больше ничего. В полчетвёртого пришёл в оперный класс. Пришла и Умненькая, но сидела где-то запрятавшись. Мне пришлось всё время играть, так как Скоруньский, узнав, что я в классе, не пожелал прийти. Дело в том, что занимаясь прошедший раз ансамблем, я довольно резко не позволил ему уйти, когда он вдруг сорвался с места. Он всё-таки ушёл, а теперь ещё и обиделся.

После оперного класса я столкнулся с Лидой в дверях. Она благодарила меня за субботнюю писульку, говоря, что она её очень успокоила. Расчёт мой был верен, и писулька моя пришла как раз вовремя, как раз кстати. Пела Умненькая с успехом и веселилась до пяти часов утра. Умненькая была прелестно мила, кокетничала, а я был страшно доволен. Я сказал, что соскучился о ней - она ответила тем же. Благодарила за письма, присланные из Крыма. Я ответил, что со своей стороны благодарю её за то письмо, которое она обещала мне написать и которое я так ждал. Она сказала, что в следующий-то раз она уж непременно напишет. В таком случае мне остаётся поскорей уехать! Я проводил её до класса, она пообещала прийти завтра, и я очень весёлый пошёл домой.

Вечером с Максом были в «Кривом зеркале» и много смеялись. Вообще же он недоволен жизнью ввиду симферопольского «афронта» с 7Б. Кроме того, дома у него ещё дуются за поездку и не дают денег на житьё. «Шикарно было бы застрелиться».

12 февраля

Утром подвинул финал Концерта. Сочинил заключительную партию. Идея написать оркестровую сюиту летом, нетрудную и милую по музыке, так, между делом, как Чайковский «нечаянно» написал «Струнную серенаду». Потом пошёл бриться, к Алфёрову взять пятьдесят рублей, к Схефальсу по поводу ботинок и в Консерваторию.

Проходили с Черепниным чисто дирижёрские приёмы «Konzertstück»'a Вебера по поводу его исполнения на вечере с оркестром. Затем хор, затем класс ансамбля. Умненькая пришла и села. Климов с невозможно тупым педантизмом стал придираться к какой-то несчастной Лизе. Я сидел без дела и злился на его тупость. Но тут мне пришла счастливая мысль: я подошёл к Умненькой и к рыжей Наташе (к английской леди и к английской лошади) и предложил им пойти заняться отдельно. Они охотно согласились, мы разыскали класс и стали проходить Полину и Графиню. Умненькая была очень весела и пела бойко. Голос у неё сильный, тембр

мне показался таким густым, что не понравился, но сама она ужасно нравилась. Рыжая Наташа пела прилично. Затем мы вернулись в класс, где Скоруньский продолжал аккомпанировать, а Климов придираться. Габель уселся рядом. Шла картина на Канавке, где Герман поёт о призраке Графини. Скоруньский никак не мог одолеть ритма и играл просто тремоло. Я подхожу и ставлю ему на вид. Габель сразу обрушивается на Скоруньского, начинает ему играть на спине, на клавишах, страшно горячится и наконец сам сбивается. Я протягиваю руку через плечо Скоруньского и с математической точностью играю два такта. Габель необыкновенно радостно кричит: «Ну так! Вот так! Конечно так!» Скоруньский смущён, пробует бренчать, но ничего не выходит. Я сажусь на своё место. Умненькая шепчет: «Фу, как не стыдно быть таким злым!» Я очень доволен, что произвёл на неё впечатление, и радуюсь Умненьким словам.

Вечером с Максом были на ученическом вечере. Игру Францис мы проворонили, но видели Нелли, окружённую друзьями. Вера Алперс играла определённо скверно. Серёжа Алперс недурно. Я подходил к родителям, хвалил Серёжу, не обращал внимания на Верочку, а когда Mme приготовилась что-то говорить и начала: «Сергей Сергеевич...», я быстро подошёл к ручке и, распрощавшись, скрылся.

13 февраля

В девять часов детский оркестр, с которым мы готовимся к вечеру. Затем я вернулся домой, не сделал ничего особенного и к трём пошёл на урок Черепнина. Проходили 4-ю Симфонию Бетховена, которую будем играть потом в малом оркестре. В полшестого вернулся домой и думал вечером заниматься, в частности, для завтрашнего есиповского урока, но позвонила Зоя Карнеева и стала звать к семи к обеду (меня и Макса). Я глянул в записную книжку и нашёл, что это день её ангела.

С коробкой конфет произошёл фокус: в передней мы были встречены Лидой и Mme, в гостиной шумели гости, а Зои не было видно. Я оставил конфеты в передней и вошёл в гостиную. Найдя Зою, я снова вышел в переднюю, но коробка исчезла.

После обеда я по просьбе играл Ор.1, «Гавот» и «Скерцо» Ор.14. По поводу «Гавота» заговорили, что он посвящён Борюсе. Я ответил: «Вы думаете, что «Борюся» значит непременно Захаров. «Гавот» хоть посвящён Борюсе, да не тому!» Кстати, он звонил с поздравлениями к Зое. Я привёз Макса к себе и, проболтав час, мы разошлись, вполне довольные сегодняшним днём.

14 февраля

В большом оркестре «Чухонская фантазия» и «Казачок», после чего сидели с Черепниным и обсуждали анкету - вредна ли музыка? Моцарт несомненно умер от истощения творчеством, Шуберт от легкомысленной жизни, Шуман был вообще несчастен, скрытен, одинок и запивал в своём одиночестве. Но Лист, Вагнер, Гайдн говорят о том, что музыка не влияет на долголетие жизни.

До двух сидел в пустом классе и играл на рояле. В два пошёл к Есиповой. Третьего дня, сидя с Максом на ученическом вечере, я пришёл к заключению, что в конце концов Есипова принесла мне гораздо больше вреда, чем пользы, отодвинув меня от эстрады и много отбив у меня любви и желания к инструменту.

Теперь я играл ей марш и финал из Сонаты Шопена. Указания её вычурны, но интересны. К следующему разу посоветовала мне взять adagio из моцартовских сонат. Но самое главное - её слова, что я в будущем году кончаю. Я ужасно обрадовался этому, так как уже бесповоротно решил развязываться в будущий сезон с Консерваторией и боялся, не вышло бы каких препон со стороны Есиповой.

Поевши в столовой, я пошёл в оперный класс. 11А пришла с большим опозданием, так что мне уже стало становиться скучно. После окончания класса мы с ней остались вдвоём у дверей её фортепианного класса и провели обворожительные полчаса, не спуская друг с друга глаз и болтая обо всём. Мне ужасно хочется вытащить её в воскресенье в Юкки, но пока этого вопроса не поднимаю.

Вечером Макс ныл, что ему лень на вечер, но я потащил его. Войдя в зал, мы услышали Никольскую, которая с блеском кончала какую-то пьесу. Для нас этот номер был чрезвычайной неожиданностью. Когда через номер мы вышли из зала, то Ариадна уже прогуливалась мимо зеркал с каким-то сюртуком.

15 февраля

В девять часов экстренный класс малого оркестра. Зудили с квартетом чуть ли не по пультам программу для вечера. Измучился и в полпервого вернулся домой, попросив Черепнина подарить нам дневной урок, что он охотно сделал. Дома немножко читал чайковскую биографию, немножко писал дневник, а к четырём пошёл в класс ансамбля. Так как Климов проходил «Фауста», то я пригласил всех пиковцев в другой класс и два часа занимался с ними «Пиковой дамой». Умненькая была среди них. но с нею я занимался немножко перед самым концом, с другими же пришлось порядком повозиться. После занятий я разговаривал с Лидой очень мало, мешала толпа. Вечером сидел дома, додумывал «Отчаяние», писал дневник, читал «Сатирикон» и биографию.

Вчера утром с Черепниным заходили в класс к Котту и принесли ему моё «Фаготное скерцо». Его сейчас же попробовали с четырьмя учениками. Ученики колупали довольно посредственно, но то, что удавалось - выходило славно и забавно. Черепнин на этот раз очень доволен «скерцем», а Котте обещал поучить его и сыграть как следует.

Жаль, что ученические вечера кончаются!

16 февраля

В девять часов делали серьёзную репетицию с малым оркестром. Играет он не очень хорошо, аккомпанемент Вебера даже очень плохо. Цыбин болен и его номер передали Дранишникову.

После оркестра отправились на генеральную репетицию «Электры» в Мариинский театр. Для Консерватории были три ложи: одна оперному классу, одна теоретикам и одна дирижёрам. Владенье её было дано мне, а потому я ходил, как наседка с цыплятами. Усадив всех в ложу и прогнав посторонних, я с ложным (от слова ложа) билетом прошёл в партер, где могла быть Умненькая и где всегда бывает много интересного народу. Умненькую я действительно скоро нашёл, но она сидела так далеко от прохода, вдобавок с кем-то беседовала - я подошёл, коротко поздоровался и ушёл. Хотел поймать Варлиха, но он с таким деловитым видом прыгал от знакомого к знакомому, что это не удалось. Асланов мил, зовёт меня к себе (он живёт рядом со мной) и спрашивает, что у меня есть для лета. Затем я слушал оперу Рихарда. Больше всего она меня интересовала со сценической стороны, т.е. в смысле выражения музыкой сцены и текста. Местами я получил полное удовлетворение, хотя странно, когда по поводу какого-нибудь душевного движения маленькой женщины, затерявшейся в глубине огромной сцены - в оркестре происходит такой гром с медью и кассой[24], что рушится потолок. Правда,

[24] Барабан, от cassa (итал).

я не знаком с сюжетом, а потому меня не так трогают разыгрывающиеся страсти. Что касается до самой музыки, то есть места сильные и драматические, есть очень пошлые, масса ненужной фальши, полное отсутствие малейшей формы и невероятная длина. Вообще-то музыка любопытная, но не «настоящая», как фальшивый золотой, который не звенит.

Очень утомлённый и неудовлетворённый, я вернулся домой по холоду и ветру и 10° мороза. Умненькая, как и обещала, позвонила в пять. Несмотря на погоду, я надеялся на согласие, но был опять отказ: ехать завтра её не пускают - холодно, далеко и маленькая племянница именинница. Так ни на чём и не кончили, а я остался один скучать в обществе глупенького отказа. Потому ли, что не вышло, как я хотел - или потому, что действительно поездка обещала быть очень приятной, но мне было ужасно обидно.

Сидел играл в шахматы с Mlle Roblin, моей давнишней гувернанткой, приехавшей к маме погостить на несколько дней. Обрадовался, когда позвонил Макс. У него свободный вечер, и я стал звать его к себе. Перед его приходом был в участке по поводу паспорта. К моему удовольствию, нашёлся старый в купе севастопольского поезда. Его переслали из Севастополя и вручили мне. С Максом писали «Жёлтую книгу» и вспоминали ученический вечер.

17 февраля

Утром градусник показывал -12°. Я перестал сердиться на Умненькую, потому что ехать в такой холод всё равно невозможно. Но появилось солнце, залило светом всю мою комнату, мороз спал до -7° и мне опять стало досадно. Впрочем, я утешился довольно продолжительным занятием - Концертом, который сегодня удачно сочинялся. Но я сочиняю в конце концов медленно - куда до Чайковского, валявшего в два дня картину из оперы. Такая скорость у Чайковского происходит от его малого увлечения гармонической стороной сочинения. Мелодия сочиняется гораздо скорей, чем гармонические сочетания. Между тем, я всегда интересуюсь последними, а потому часто случается, что проработаешь часа три, сочиняется легко и удачно, а выйдет всего неполная страница.

В пятом часу пошёл навещать Раевских, у которых не был со встречи Нового года и у которых все больны. Погода морозная и солнечная, и я отлично прогулялся туда и обратно пешком, сделав больше десяти вёрст. У тонных Раевских попало, почему я пришёл в белой вязаной шапке от коньков. Я рассердился: потому пришёл, что -10° мороза и стынут уши.

Вечером отправился к Коншиным на Благотворительный вечер. Там было страх как шикарно, министры, Коковцов и прочие. Мужчины во фраках, между тем я, не ожидая этого, одел смокинг и чувствовал себя неловко. Несмотря на участие Зилоти, Ершова и других известностей, наибольший успех имела Елена Попова, молоденькая императорская артистка, наша консерваторка, ещё не окончившая это учреждение. Я с ней в приятельских отношениях. Меня очень порадовал её успех.

18 февраля

Отправляясь сегодня в оркестровый класс, я чувствовал, что по поводу Масленицы никто не пожалует. Так и вышло, и, промаявшись до одиннадцати, Черепнин распустил ту половину оркестра, которая собралась. Потом играли глупый Квартет Вышнеградского для трёх флейт и арфы, потом проходили отрывки из «Жизни за царя» по случаю трёхсотлетия дома Романовых (в четверг торжественное музыкальное утро с гимном и номерами из «Жизни за царя» при

моём дирижировании и аккомпанировании).

Затем я восстановил утерянное знакомство с девочкой Хансен по просьбе Макса, которому она понравилась. Марта Шверлейн говорит, что её учительница музыки из Двинска прислала письмо, восхищается моими сочинениями и всем даёт их играть. Очень мило, что мою музыку заиграли в провинции помимо моих стараний. О, свет не без добрых людей!

Около двух встретились с Максом Анатолиевичем у Перетца и кушали блины. Потом вместе пошли в Консерваторию: не смотря на -10°, он в осеннем пальто. В Консерватории мы походили в третьем этаже, дожидаясь Умненькую. Когда же она появилась, меня поймал Габель и стал что-то толковать, так она и прошла мимо.

В оперном классе играл и дирижировал. Лёгкий инцидент с Палечеком относительно темпов; затем объяснение с клавиром в руках и примирение. Он ласково ткнул меня в позвонок и сказал, что я «уп-прямый».

Вечером сидел дома, играл Моцарта, писал дневник и был крайне доволен любезным письмом Юрасовского, который на мой вопрос ответил, что если я хочу видеть Кусевицкого. то лучше всего приехать двадцать четвёртого в Москву. Я обрадовался и поеду.

19 февраля

В десять часов генеральная репетиция сегодняшнего выступления малого оркестра. Черепнин волновался до невероятия; когда же я ему заметил об этом, он мило ответил, что, наоборот, он очень спокоен. Начали репетицию отвратительно, но потом разошлись и играли совсем недурно. Вебер, за которого я боялся, прошёл тоже хорошо. Сегодня рояль в первый раз стоял так, как это бывает на концертах. На предыдущих же репетициях он торчал где-то далеко за оркестром. Я питаю необыкновенную нежность к раскрытому концертному роялю, стоящему на эстраде впереди оркестра и готовому воспроизвести концерт. Эту нежность я испытал и летом, когда играл мой Концерт, и теперь, когда я стал за пульт у раскрытого рояля. Мне пришло в голову, что много раз в жизни мне придётся и играть концерты, и дирижировать. Интересно, что из двух больше?!

Едва я успел вернуться домой и поесть блинов, как пришлось снова отправиться в Консерваторию пройти с Черепниным номера из «Жизни за царя» и прорепетировать с хором гимн и здравицу (глазуновскую). «Боже царя храни» хотели исполнять под аккомпанемент фортепиано, но мне пришла блестящая идея спеть его с органом. Идея принята, и теперь он звучит здорово.

Половина восьмого мы четверо - мама, Mlle, Макс и я - уселись в «туриста» и поехали на вечер. Так как мы прибыли туда без десяти восемь, то в зале никого ещё не было и казалось, что мы будем играть при пустом зале. Наш оркестр наводнял артистическую - уши вяли от хаоса его звуков. Первым номером шла дранишниковская «Волшебная флейта». Начали её чуть-чуть с опозданием, так что, когда я вышел на эстраду, зал был почти полон. Перед выходом я ощущал маленькое волнение, очень приятное, вроде как, например, перед путешествием. Симфонию оркестр играл довольно порядочно для «учеников низшего курса» и довольно посредственно для слушателя со сколько-нибудь требовательным вкусом. С моей стороны (на мой собственный суд) ошибок не было (кроме одной, где я прозевал показать forte). По отзыву публики я дирижировал очень корректно, даже слишком; Глазунов нашёл все темпы безусловно верными; Черепнин сказал, что всё было хорошо и что теперь со мною можно разговаривать на языке дирижёра. Всё это отлично, тем более, что мне столько раз приходилось слышать, что дирижёра из меня не выйдет: и от Мясковского, и от Захарова, и не так давно от

того же Черепнина - ото всех с холодной, продуманной уверенностью!

Успех симфония имела средний, должно быть, из-за скуки. После симфонии следовал концертштюк Вебера. Гаук играл местами тонко, но много мазал. Я аккомпанировал честно и точно. Оркестр иногда терялся в миллионах пауз, но благополучно доехал до конца. Гаук имел большой успех не за игру, конечно, а за смазливую мордашку. Затем Дранишников дирижировал «Свадебное шествие» с трубами, барабанами и вызовами директора. Я же сидел с Максом в буфете и пил лимонад. (Забавная аналогия - после «Грозного» я точно так же пил лимонад с Захаровым).

Когда началось второе отделение, я пошёл на балкон, нашёл Умненькую одну и провёл с нею весь вечер. Как всегда в таких случаях, было страшно приятно. Говорили о том, о сём, о том, что я злой, о том, кто такая «Марта Шверлейн», о том, что она хочет учить эту партию и что в четверг к ней даже придёт Красовская. Бобрович и Ман-дель-Баум (!), чтобы репетировать квартет из «Фауста».

В антракте мы спускались вниз. Её видела мама и нашла очень интересною. Половина двенадцатого Умненькой надо было домой. Я пошёл её провожать, несмотря на её протесты.

20 февраля

Утром был в Международном, у фотографа (у которого опять ничего не готово), у Алфёрова - взял сто рублей: пятьдесят на поездку в Москву, по двадцать пять - Максу и себе.

Потом занимался дома. Переписал «Отчаяние» и вообще кончил Op.4 для печати. Приятно сидеть и медленно перелистывать такую готовую тетрадку! Возня с переводом «Наваждения» на французский язык. Я всячески наседал на Mlle Roblin. но пока без благоприятных результатов (Fantasmagorie - не совсем то, хотя звучит недурно). Корректировал парижский экземпляр Концерта Des.

В семь часов вечера поехал к А.В. Оссовскому попросить письмо к Кусевицкому, а то к Кусевицкому лезет столько народу, что он, пожалуй, и не примет, Оссовский же два года назад дал такое блестящее рекомендательное письмо к Юргенсону, что теперь мне захотелось второе. Оссовского не оказалось дома. Предчувствуя это, я предусмотрительно приготовил записку и оставил её, обещая зайти завтра. Я очень рад, что не застал его, потому что всегда ужасно неприятно просить лично, куда лучше письменно. Тем более я знаю, что когда я посылал в издательство Кусевицкого Сонату f-moll и жюри её отвергло, Оссовский поддерживал Сонату, и когда её всё-таки отвергли, он вышел из жюри.

Вечером были с мамой у Раевских (день свадьбы), играли в «винт» и, слава Богу, рано разошлись. Я вёз маму к Раевским в великолепном новом «туристе».

21 февраля

Трёхсотлетие дома Романовых. На улицах торжества и объявления градоначальника, чтобы публика была осторожней и лучше даже совсем не выходила на улицу: торжествуй, сидя у себя дома. У нас в Консерватории музыкальное утро.

Я заехал к А.В.Оссовскому, который очень любезно дал мне письмо к Кусевицкому, менее блистательное, чем к Юргенсону, зато очень убедительное, особенно там, где он, прося поддержать первые шаги исполнением пьес, благодарит его за исполнение этой просьбы.

В Консерваторию я пришёл во время молебна. Умненькая стояла и молилась. Я поздоровался и ушёл.

После молебна все перешли в Малый зал, хор выстроили на эстраде, и я с аккомпанементом грозного органа и двух роялей дважды продирижировал гимн. Затем кто-то что-то длинно и тупо читал, затем Францис так себе декламировала «Ивана Сусанина», затем пелось несколько номеров из «Жизни за царя». Утро закончилось «Здравицей» Глазунова под моим управлением - и все разошлись.

Вечером наняли мотор и поехали смотреть иллюминацию: мама, Mlle, Макс и я. Особенного ничего, но на Морской и Невском такая толпа людей и экипажей и такая давка, что мы не столько ехали, сколько стояли. Отвезя дам домой, мы поехали на вокзал сдать письмо Кусевицкому (с рекомендацией и просьбой принять в воскресенье). Мы отвезли письмо на Николаевский вокзал, мне очень понравились автоматы, выдающие марки и принимающие заказные письма, - потом прошлись по Невскому, гасившему свою иллюминацию, и мирно разошлись по домам.

22 февраля

Ночью снилась биржа, деньги и Монте-Карло с моей гениальной системой.

Утром поехал на городскую станцию за билетом в Москву. Макс убедил взять в первом классе. Так и сделал.

Вернувшись домой, писал дневник, а в три часа пошёл к Мяскушке[25] проведать его и взять партитуру «Снов». Он завопил, что очень зол на меня: мне-де давно пора прийти к нему, а я сгинул. И действительно: «Сны» он переложил в 4 руки, а «Аластор» кончил и в партитуре, и в клавире. Играли «Аластора» в 4 руки. Он мне очень понравился, больше всех других его вещей. «Аластор» яснее изложен, выпуклей и красивее прежних сочинений. Мне приятно, что такая серьёзная и интересная вещь посвящена мне. Замечательно, что первая тема «Аластора» не имеет ничего общего с первой темой моего Концерта g-moll, а при разработке они становятся похожими.

«Сны» переложены добросовестно, слишком добросовестно, так что местами надо кое-что поразгрузить. Очень было забавно играть своё сочинение в новой аранжировке и в совершенно непривычной звучности. Новая редакция «Отчаянья» понравилась Мясковскому. Он сказал, что эта пьеса вполне в его духе. «Порыв» совсем не понравился.

От Мясковского пошёл к Рузским. Николай Павлович закричал, что я совсем забыл и разлюбил его. Я ответил, что наоборот: это он меня разлюбил: только я к нему соберусь, а он сейчас же в Вильну. Играли «Балладу». Потому ли, что я был утомлён, но её исполнение не доставило мне удовольствия. Забрав её в портфель, я отправился домой.

23 февраля

В половину второго завтракали с Максом у Лейнера. С большим удовольствием выпили полбутылки Cordon vert. Затем прогулялись и разошлись по домам. Дома я с большой неохотой досматривал парижский экземпляр Концерта и делал поправки.

Звонил Карнеевым, я хотел, чтобы они приехали меня проводить на вокзал, но они вечером заняты. Зоя мила, а Лида непозволительно суха, вероятно, дуется за наш отказ ехать с ними в театр тринадцатого февраля. Звонил Наташе Гончарзон - длинная болтовня и любезностей в три короба.

Затем собрался, переделал четыре такта в «Наваждении», два в «Порыве». Пол-

[25] Мясковский Н.Я.

одиннадцатого вечера приехал в таксомобиле Макс и мы с ним выехали на вокзал

В моём полукупе ехал шаровидный, чуть-чуть напоминающий Умненького папашу, господин Леонов, депутировавшийся откуда-то из под Ряжска на петербургские торжества. Теперь он ехал обратно и довольно мило рассказывал об этих торжествах. В Любани я бросил открытку Максу и 17А. Эта последняя посталька была мною просмакована и рассчитана на эффект: на балу я ей мельком показал билет и разжёг любопытство, не сказав, куда билет, несмотря на все её упрашивания. Ещё раньше я сказал ей, что мне что-то надоело в Петербурге, что хорошо бы опять укатить куда-нибудь. Словом, намёки были сделаны, а теперь я вдруг куда-то уезжаю, неизвестно насколько, как и зачем, а в постальке стоит музыка её любимой фразы из «Пиковой дамы», над которой она всегда ужасно смеялась: «Не хочу я спать в постели», запятая, и: «ибо в маленьком купе куда очаровательней, чем в моей надоевшей комнате». На другой стороне: «Прощайте. Лидия Ивановна!» - и всё.

24 февраля

Ночь я спал на верхней полке недурно, а в десять часов был в Москве. Бросив открытку Умненькой, Гончаровой, маме и Максу, сел в гостиничную карету и поехал в «Боярский двор». Взял номер, одел визитку, зашёл на четверть часа к Смецким, которые сегодня уезжали, затем забрал в портфеле свои манускрипты и отправился завтракать к Юрасовскому, приглашавшему меня ещё в своём письме.

Историческое обозрение моего знакомства с Юрасовским следующее. Этим летом я играл в Москве мой Концерт. Там же исполнялась оркестровая пьеска Юрасовского «В лунном свете». Пьеска, хорошо инструментованная, но непримечательная, неоригинальная. Успеха не имела. Мой же Концерт вызвал аплодисменты, вызовы и разговоры. С концерта мы ехали к Яворскому ужинать вчетвером на одном извозчике: Юрасовский, Держановский, Шеншин и я. Весело балагурили о том, как нас выругает Сабанеев в своём отчёте. Уезжая в Петербург, я просил Юрасовского прислать мне московские рецензии, что он и исполнил. Пресса отнеслась несколько иначе, чем публика: к Юрасовскому ничего себе, а меня выругала скверными словами. Осенью он приехал в Петербург устрашать свои сочинения, был у всех заправил, по его рассказам, всюду имел успех, завтракал у меня, много и громко говорил, играл своего «Фантома», показавшегося мне интересной пьесой, слушал мою 2-ю Сонату, сказал, что конечно, всё это очень любопытно и изобретательно, но у меня нет ни одной настоящей мелодии, всё какие-то «тигровые скачки». Это меня задело, и когда он сказал, что из всех частей Сонаты ему более других нравится скерцо, я парировал:

- А мне наоборот, оно нравится менее остальных частей...

- Почему?

- Потому что остальные части тоньше, скерцо же рассчитано на менее взыскательный вкус.

Очень меня удивило следующее беззастенчивое признание Юрасовского:

- Хотел я сочинить симфонию. Потом, думаю, долгая это история, довольно и одной части. Назову её как-нибудь поинтересней. Рылся-рылся, нашёл у Гюго эпиграф, назвал её «Фантом». И вот видите - совсем хорошо, думают, что пьеса писалась по программе!

В январе я получил от него письмо с просьбой сделать справку в Придворном оркестре. Я исполнил поручение, а теперь - услуга за услугу - попросил его сообщить, в Москве ли Кусевицкий. В ответ я получил крайне любезное письмо с советом приехать двадцать четвёртого, приглашением к завтраку и предложением билета на денной концерт Кусевицкого. Всё как следует, двадцать четвёртого я

приехал в Москву и явился к нему завтракать.

Юрасовский занимает крайне представительную квартиру и по-видимому, сын родителей со средствами. Очень завидовал мне, что я пользуюсь таким успехом у Юргенсона (двести рублей за сонату); играл мне свой нарождающийся концерт - не стоит внимания; затем мы поехали в концерт Кусевицкого. Программа была очень приятная: «Остров мёртвых», 2-й Концерт Рахманинова и «Экстаз» Скрябина. Этот последний доставил мне большое удовольствие, особенно там, где наверху стонут духовые, а снизу им вторят валторны. Это место изумительно. На концерте ко мне мило подходил Н.Орлов, говоря, что хотел купить мой Концерт, но его нет в продаже, он взял мои первый «Этюд», но не мог одолеть его трудности. Встретил Тамочку Глебову, которая при виде меня расцвела, должно быть, запамятовав, как меня отшила в январе. Я же этого не забыл и холодный поклон живо согнал улыбку с её лица. Перед началом концерта Юрасовский познакомил меня с Кусевицким. Кусевицкий был крайне любезен, сказал, что давно интересуется моими сочинениями: очень, очень рад их послушать и назначил аудиенцию завтра в пять. С его необычной манерой разговаривать, растягивая каждое слово в версту, я был знаком уже ранее по удачной копировке Юрасовского.

С концерта Юрасовский и я отправились к Глиэру, у которого, по словам первого, в воскресенье днём собирались музыканты. В сущности никого порядочного не было. Я играл на ужасающем рояле «что-нибудь новенькое» - «Балладу». Слушали Юрасовский, Глиэр и Брыськин, но ничего не сказали, едва ли осмыслив её. Сам Глиэр мил как всегда. Жена его лежит, поднеся ему вторую двойню.

От Глиэра я ушёл в восемь и отправился домой, в «Боярский двор». Настроение хорошее. В номере ужинал, писал дневник и в одиннадцать лёг спать.

25 февраля

Встав в девять, прогулялся на городскую станцию и взял билет на ускоренный бис. Вернувшись в гостиницу, звонил Юргенсону, испросив аудиенцию на половину второго. Прийдя к нему, я протолковал час целый, но это ни к чему не повело, и результат принизил мои ожидания. Он доказал мне, что напечатать Концерт ему стоит две тысячи, а когда он окупит расход? Быть может, Концерт не пойдёт, и тогда эти две тысячи совсем пропадут. Словом, он предлагает так: гонорар триста рублей, но тогда, когда будет продано сто экземпляров.

- И то, - добавил он, - это условие мне не выгодно, если, допустим, сто экземпляров разойдутся в двенадцать лет.

Меня это задело. Я сказал:

- Ну знаете, если в течение десяти лет не разойдутся сто экземпляров, то я вообще отказываюсь от гонорара!

Так это и занесли в условия. Я предлагал мою «Балладу», он её принципиально взял, но предложил подписать условие позднее, так как теперь столько вещей ждёт очереди, что всё равно они будут лежать несколько месяцев. Например, «Токката» с октября ждёт очереди и только на днях пошла в гравировку, а декабрьская Соната ещё лежит. Словом, я ушёл, не получив ни гроша. На прощанье я, смеясь, сказал:

- Хорошо же, Борис Петрович, я вам пришлю теперь ещё партитуру «Снов»: вы мне осенью обещали их издать, так теперь гравируйте две партитуры сразу.

- Если обещал, то... что-ж... я держу слово, - ответил он, видимо совсем упустив это обстоятельство, подкатывавшее его ещё рублей на восемьсот-тысячу.

Затем мы распростились. На улице стоял чудесный тёплый день, текли ручьи, у меня до аудиенции Кусевицкого оставалось два с половиной часа. Я вытащил из кармана моего «лучшего московского друга» - план города - и пошёл пешком.

Было чуть-чуть досадно, что я вернусь без денег и что все мои уговоры и старания сейчас разбились о каменного коммерсанта.

Впрочем, я быстро утешился. Зашёл в почтамт за письмом от Макса и отправился к Филиппову чего-нибудь попить. Там с большим удовольствием прочёл максово письмо и по его совету бросил открытку Никольской. На одной стороне я ничего не написал, а на другой написал примечание: «Чтобы прочесть написанное на обратной стороне, надо его слегка намочить следующим составом: двухромокислого кали 10 гр., лимонной кислоты 5 капель, чистого спирту 100 грамм», - пусть себе повозится.

От Филиппова поехал к Кусевицкому в тот же особняк Глазовского переулка, где я три года назад пытался встретить Скрябина. Сергей Александрович принял меня чрезвычайно любезно, сказал, что чрезвычайно интересуется моим Концертом и знает, что он исполнялся прошлым летом у Сараджева. Предложил мне чаю, во время которого я ему рассказывал о моём пребывании в Консерватории, прошедшем и настоящем. Затем мы перешли в другую комнату.

- Мне очень, очень приятно будет выслушать ваш Концерт, - сказал Кусевицкий.

- В таком случае вы легко поймёте, что мне втройне приятно сыграть его вам, - любезно ответил я.

Он: - Вы ничего не имеете против того, чтобы играть на «Стейнвее»?

Я: - Помилуйте, это кажется самая нобельная фирма![26]

Он: - Я предпочитаю «Бехшгейн», но для того, чтобы играть на «Бехштейне», нам пришлось бы подняться на второй этаж.

Я исполнил мой Концерт Des-dur очень недурно, с увлечением и удовольствием. Он очень внимательно сидел с партитурой и иногда тихонько дирижировал. Когда я кончил, мой Концерт получил похвалу, превзошедшую все дотоле полученные:

- Ваша вещь привела меня в экстатическое состояние. Это настоящая, прекрасная, прекрасная и прекрасная музыка! Я ужасно сожалею, что мои абонементные концерты будущего сезона уже подробно распределены, и я не могу его поместить в их программу, но на общедоступных я его непременно исполню. Его может сыграть только большой пианист... вы, например. Я надеюсь, что вы согласитесь исполнить его зимой на общедоступном концерте, а через сезон и в абонементском, в Петербурге и Москве: этот Концерт или тот, что вы напишете. Извините за нескромный вопрос: сколько вам лет?

- Двадцать один год.

- Вы очень, очень молоды. Так рано написать такую вещь, с таким напряжением! Правда, Скрябин написал свой Концерт в восемнадцать лет, но я его и не сравню с вашим!

Я спросил его, каков Концерт для пианиста, он ответил:

- Я вам на это скажу, что это прекрасная, прекрасная и прекрасная музыка!

Затем я играл ему «Сны». Он сказал, что это очень милая пьеса, которую необходимо издать, которую будут играть, но которая, будучи написана раньше Концерта, не может иметь такого значения, как Концерт. И он прямо говорит, что исполнять «Сны» он не будет. Затем он спросил об издательстве моих сочинений, посылал ли я в его Российское Музыкальное Издательство. Я сказал, что посылал, но был отвергнут и что теперь меня издаёт Юргенсон. Узнав, что Концерт только что отдан Юргенсону, Кусевицкий очень пожалел о том, пожалел также, что я другие свои сочинения не присылал в Российское Издательство. Я сказал, что я не знал, будет ли удобно по отношению к моему постоянному издателю Юргенсону, если я часть моих вещей стану посылать в другое издательство. Затем

[26] Знатная, почётная, от noble (фр).

я откланялся, причём Кусевицкий сказал, что бюро его концертов пришлёт мне официальное приглашение на участие в общедоступном концерте будущего сезона.

Покинув гостеприимный особняк Глазовского переулка, я зашёл к Сараджеву и к Держановскому, обоих не застал дома, вернулся в «Боярский двор», пообедал, в девять часов вечера выехал в гостиничной карете на Николаевский вокзал и в десять отбыл из Москвы. В моём купе, несмотря на то, что вагон «спальный» и что мужчин и женщин разделяют, оказалась невзрачная дама и барышня à la Лида Карнеева. Однако я предпочёл комфорт женскому очарованию и, перекочевав в другое, совсем мужское купе, недурно спал до утра.

26 февраля

В Петербурге помесь дождя со снегом. Белый такс быстро доставил меня на 1-ю Роту, где несмотря на одиннадцатый час, ещё спали. Я оставил чемодан и в том же таксе поехал в Консерваторию в оркестровый класс. Его, оказывается, отменили до завтра, и я вместо оркестрового класса попал в оперный. Как раз начали заниматься со знаменитой фразы: «Не хочу я спать в постели!» Палечек очень хорошо показывал умирание Графини. Позанявшись час, я ушёл, позвонил Максу, встретился с ним на Невском и завтракал у Лейнера. От Лейнера пришли в Консерваторию, надеялись встретить солнышко Ариадну, но она уже ушла, и я отправился на урок Черепнина.

Вернувшись домой, заснул. Потом сыграл с Mlle Roblin в шахматы, писал дневник, играл моцартовские вариации для Есиповой и Сонату C-dur, которую с трудом колупает Умненькая своими длинными отполированными ноготками.

27 февраля

Хотя сегодня подобает быть малому оркестру, но по случаю надвигающегося Даргомыжского концерта был большой. После класса пришёл Макс, и мы пошли к Перетцу завтракать. До хора беседовали без конца с Зейлигером, которому, как конкуренту Захарова, мы оказывали внимание. Оба они, и Зейлигер, и Захаров, уже взяли себе Малый зал для концерта в октябре, но Захарова одолела нерешительность, и он отказался от зала.

В хоре появился выздоравливающий Цыбин. Черепнин объявил нам распределение программы концерта: «Чухонскую фантазию», «Казачка» и какой-то длинный аккомпанемент - мне; танцы из «Русалки» и «Ночевала тучка золотая» - Цыбину; хоры и песни Лауры - ему, Черепнину. Почему? По какому праву? Так, не почему. По праву профессора он лопает наш хлеб.

Дома занимался отделкой финала моего Концерта №2. Написал Кусевицкому письмо, благодаря за «доброе отношение» к моим сочинениям. Завтра начинаются экзамены для оканчивающих. Играет класс Лаврова.

28 февраля

Так как в Малом зале начались экзамены, а из Большого, всё время стоявшая нам поперёк горла Художественная опера, - уехала, то сегодня мы репетировали в Большом зале. Сегодня заходили к нам Глазунов, Габель, Вышнеградский. Играли Andante из симфонии последнего, которое между делом выучили с оркестром.

Вышнеградский - член дирекции, малоталантливый, но серьёзный и с техникой композитор. Как-то Черепнин любезно предложил ему исполнить у нас Andante из симфонии, извиняясь только, что исполнение будет без челесты, потому что её совсем нет в Консерватории. Вышнеградский воскликнул:

- Так позволь, я подарю челесту!

Челесту выписали из Парижа, а ему послали в банк счёт на пятьсот рублей. Черепнин очень хвастался, что он заработал для Консерватории челесту и рассказывал об этом Глазунову. Глазунов промычал:

- Тубы у нас вот тоже нету...

Итак, сегодня играли это Andante. Дирижировал Черепнин, потом я.

Кончив оркестровый класс, пошёл к А.Н.Есиповой на урок на её Офицерскую улицу, что почти против Умненькой. Однако, когда я позвонил у двери, навстречу мне выскочила собака, за ней Калантарова, за ней Есипова: все шли гулять. Мне пришлось за компанию с полчаса побродить по Офицерской и Крюкову каналу. Я похвастался о грядущем кусевицком выступлении, но это не произвело никакого впечатления: Анна Николаевна не любят, чтобы устраивались помимо них. Что же до сегодняшнего урока, то занимаются с одними оканчивающими, для простых же смертных - отменён. Я вернулся в своё учебное заведение, завтракал с Максом в столовой.

Из столовой пришли на экзамен Лаврова. В антракте появилась целая плеяда девиц пятого класса с Дамской, Ханцин и двумя хорошенькими барышнями. Плеяда сначала нашумела, а потом расположилась амфитеатром у одного из окон в фойе. Когда я прошёл мимо, то кто-то из них что-то крикнул. Я обернулся к ним и, сделав жест удивления, сказал:

- Боже мой, весь класс в сборе! Теперь надо кого-нибудь, кто бы прочёл вам лекцию.

Они закричали:

- Просим! Просим!

Я уселся и завязал с ними длинный разговор. Девицы выразили полнейшую радость познакомиться со мною. В конце концов девицы понемногу разбрелись, одна Дамская прилипла, чтобы я написал ей что-нибудь для арфы. Я обещал и ушёл в оперный класс. Но там шло «Риголетто».

Дома я принялся за «Прелюд» для арфы, который быстро наладился и обещал хорошо звучать. В девять часов пришёл Макс и потащил гулять. Прошлись по Морской и Невскому и пили какао у Филиппова, болтая о том, что по такой очаровательной погоде тянет на острова, что хорошо бы, как Нева растает, поплыть в Шлиссельбург.

Вернувшись домой, просидел до четверти второго и кончил «Прелюд» для арфы, после чего проиграл его пять раз и, страшно довольный, лёг спать.

1 марта

Утром хотел сочинять Концерт, но импровизировал для десятка «лёгких пьес для фортепиано», в число которых должна была войти и вчерашняя арфная пьеса. В конце концов ничего не сделал и пошёл к половине первого в Консерваторию в Малый зал на экзамен, где была зелёная скука. Я ушёл в класс Черепнина и пробыл у него до четырёх часов. Узнал печальную новость: «Пиковая дама» висит на волоске - во-первых, оркестр будет сдавать экзамены, репетиции и экзамены будут друг другу очень мешать; во-вторых, нет Германа: Брудно из рук вон плох, а Куклин хоть хорош, да «болен» «Парсифалем», которого поёт у Шереметева. Консерватория опять скандалится. Что же касается меня, то мне, право, почти всё равно: надоело всё это ужасно!

Умненькую я нашёл во втором этаже, разговаривающую с каким-то необыкновенно мордастым евреем. Она издали увидела меня и закивала мне головой. Мы с Максом подошли к ней, но мордастый еврей не хотел сдаваться и всё время ввязывался в разговор, несмотря на отсутствие благоволения к нему со

стороны Умненькой.

- Посмотрите. - говорил он, - преподавательница Цурмюлен плачет: такая жестокость, сейчас на экзамене провалили её ученицу!

Меня он начинает злить. С холодной бравадой я заявляю:

- А я так всегда радуюсь, когда проваливают на экзамене!

Общее удивление, - «...потому что столько народу лезет в свободные художники и так уронили это почётное звание, что приходится радоваться, когда лишний баласт туда не попадает».

Он начинает возражать, в это время мимо проходит Оссовская, Макс говорит:

- Вот у кого мы справимся.

Макс подходит к ней, затем я. Оссовская как всегда мила и сообщает, что ученица совсем не провалилась, а даже получила 5, Цурмюлен же так волновалась, что это волнение разрешилось слезами.

Я возвращаюсь к нашей группе:

- Цурмюлен плачет не от горя, а от счастья; её ученица не провалилась, а неожиданно получила 5.

Еврей несколько ошарашен, но настаивает на своём, что она провалилась.

Проходящий Черепнин на время отвлекает меня. Затем оказывается, что «Пиковой дамы» сегодня в ансамбле не будет. Умненькая собирается домой. Я говорю, что надо идти гулять. Умненькая зовёт меня к себе, чтобы я сыграл ей C-dur-'ную сонату Моцарта. Мы выходим вместе на улицу, погода отличная. Я тащу Умненькую на Морскую. Мы гуляем по Морской и Мойке.

Мой сегодняшний оппонент оказывается из нашего хора, всегдашний поклонник Умненькой и держатель её муфты во время репетиций Леля. Когда я отошёл к Черепнину, он сказал Умненькой, что пишет в какой-то газете и, уж подождите, когда этот Прокофьев будет дирижировать «Пиковой дамой», так в рецензии его расчешет. Хорош критик! Я подозреваю, что он пишет в одном из уличных листков, которые продают перед театрами заместо программы. Только, к сожалению, Пиковая дама»-то едва ли пойдёт!

Вечером я сидел дома, ничего особенного не делал и играл в шахматы с Mlle Roblin, которая сегодня уезжает в Псков.

Сегодня днём я встретил в Консерватории Mme Оссовскую под руку с Mme Есиповой. Я выразил первой мою признательность по поводу помощи её супруга в моих московских делах. Когда я ушёл, В.А.Оссовская стала превозносить Анне Николаевне мою «исключительную талантливость». Анна Николаевна ласково пожевала губами и сказала: «Щенок».

2 марта

В десять часов репетиция Даргомыжского в Большом зале. Больше зудили Цыбин свои танцы и Черепнин - то, что он скушал из программы. Я дирижировал «Фантазию» и «Казачок». С удовольствием, ибо чувствую, что я дирижирую теперь не очень плохо. Затем заходил к Табелю пройти при нём с Бобровичем «Свадьбу», которую в инструментовке Глазунова я дирижирую на концерте. Оказывается, она небезынтересна в смысле трудности аккомпанирования, и я очень рад, что Черепнин поручает мне её, помимо него, прочесть с оркестром.

В два часа мы с Максом присутствовали на экзамене класса Бариновой. В зале было много публики, ибо играл один из претендентов на рояль - Рабинович. Захаров и Зейлигер с презрительной миной пришли слушать его.

Рабинович играл с блеском, но несодержательно. Мы вышли на улицу - дождь, однако надо было сделать компанию Максу и проводить Шалыт на её Торговую. Затем Макс заехал ко мне взять баллады Шопена и застрял до вечера. Попалась

нам старая программа концерта Жеребцовой с текстом дуэта Штрауса из его «Ариадны». Между прочим:

Ариадна: «Чем стала я
В твоих объятьях! О, я в
блаженстве утопаю.
Кроются тайны В дыханьи
уст твоих. Что, скажи,
случилось, Чем стала
Ариадна?»

Этот кусок мы вырезали, наклеили на открытку, на которой изображён пляж, море, на пляже сидит спиною аппетитная девушка, похожая на Никольскую, а рядом с нею моряк, нежно держащий её за руку и за плечо. Запечатав постальку в конверт, мы, покатываясь со смеху, послали её прекрасной 13А.

Затем ко мне приходил какой-то юнкер Муфтель, который показывал своё сочинение - мелодекламация, к которой слова потеряны (!!). Обычная история - автор не лишён таланта, но лишён образования, а потому нелепости путаются с пошлостями. Кроме того, юнкер Муфтель глуп; Макс ужасно потешался. Через полчаса композитор ушёл.

Ровно через год будет мой экзамен по классу рояля. Если я чего боюсь, так это сюрпризов от своей памяти. В неё я потерял веру, вероятно оттого, что никогда ничего не играю наизусть. И мне кажется, что если я начну играть длинную программу и заволнуюсь, то непременно забуду и собьюсь. В конце концов, у меня память совсем не такая дурная, но она забита моею невероятной мнительностью. Пока не поздно, надо принять меры и устранить эту неприятность. От нынешнего дня играю наизусть!

Мама говорит, что Любовь Яковлевна Фирсова, сестра О.Ю.Смецкой, продаёт имение, получает триста тысяч и поселяется с нами, потому что совершенно одинока. Надо снять новую большую квартиру пополам с нею. Маме не так будет скучно. Кроме того, Л.Я. хочет играть на бирже и просит маму руководить. Конечно, это будет хорошо оплачиваться.

3 марта

Утром занимался g-moll'ным Концертом. Я в глубоком восхищении от него, но Боже мой, когда же, наконец, я его кончу?

Ждал звонка от Лиды Умновой в надежде, что она пожелает объяснить своё вчерашнее надувательство, но его не последовало. Я сам позвонил. Опять ужасно милый разговор и приглашение придти вечером. Я обещал быть в десять часов - и обрадовался этому.

Был с благодарственным визитом у Оссовских. Зондировал почву, не послать ли мне «Сны» и «Балладу» в Российское Музыкальное Издательство. Выходит, как-будто, что да. Жюри состоит из пяти членов: Кусевицкого, Оссовского, Рахманинова, Метнера и Струве. Первые два напишут «Für», вторые два «Gegen»[27], вопрос за третьим, но я думаю, что это пройдёт. Что касается до Жюржансона, то ему нечего обижаться, раз я ему уже показывал эти вещи и он морщился на них.

К обеду поехал к Рузским. Мне не особенно хотелось, но Николай Павлович сам звонил мне, справляясь о Москве, - надо было поехать. У Рузских родители как всегда очаровательны, а девчонки злы, как черти. Николай Павлович уезжает

[27] Für - за, gegen - против (нем).

в Екатеринодар и просит «Балладу», чтобы там дать её какому-то талантливому виолончелисту. Тот устраивает осенью в Петербурге концерт и сыграет «Балладу».

В полдесятого я распрощался, взял таксометр и, приятно прорезав набережные и Морскую, приехал к Умненькой. Во-первых, я был неприятно поражён толпой гостей, которые наполняли гостиную, но, во-вторых, это оказались все свои: брат, три сестры, их мужья и человека два чужих. Я провёл два очень приятных часа, был в ударе, много рассказывал; Умненькая и сёстры слушали с большим интересом и ужасно смеялись. Затем я сыграл C-dur'ную сонату Моцарта. Моё исполнение произвело фурор: у них, слушая как ковыряет Лидочка, привыкли считать сонату скучной и неприятной. Затем я играл «Гавот», «Прелюд» для арфы и «Скерцо» Op.14. Лидочка просила сыграть что-нибудь такое, чтобы она не могла заснуть и всю ночь думала обо мне, но я ответил, что она и так должна думать. В двенадцать часов я распростился и уехал домой.

4 марта

Встал рано, просмотрел «Свадьбу» Даргомыжского и в девять часов был в Консеватории, но Черепнин пришёл только в полдесятого, а оркестр собрался в десять. Окончив оркестр, я спустился вниз, куда к тому времени пришёл Макс, с которым мы пошли покупать мне котелок, затем поели в «Квисисане»[28] и в таксомобиле вернулись в Консерваторию на экзамен.

Экзамен скучный до одурения. В половину четвёртого мне надоело в Консерватории и я собрался идти домой. Макс предложил прогуляться, и мы пошли по Офицерской, по тому маршруту, по которому должна Умненькая следовать в Консерваторию. Действительно, она налетела на нас и вся вспыхнула. Я ей сказал, что иду к Есиповой отнести ноты, а она сказала, что идёт к Юргенсону покупать ноты. Обождав quart d'heure de politesse[29], я догнал её на углу Вознесенского и Офицерской и очень приятная прогулка была мне наградой за это.

Дома от Моролёва письмо: собирается взять свою биржевую тысячу обратно. Пришлось отвечать и приводить всякие доводы. Вечером звонил Макс. Но я отклонил всякие предложения - уж и так я из-за него массу времени бездельничаю: надо вечер посидеть и позаняться. Сидел, играл Моцарта (наизусть); писал дневник.

У Тонечки Поповой чудесные духи. Я ими восхищался ещё перед Рождеством. Потом оказалось, что духи вышли, а марка неизвестна. Потом и сама Попова исчезла. Сегодня сразу выпорхнули и Тонечка, и духи. Я отнял у неё платок. Мама говорит, что духи пахнут свежей полынью, но я завтра узнаю название и покупаю себе. Я иногда очень восхищаюсь сильным ароматом. Помню, попав первый раз в Сухум, я до одурения впивался в гардении.

5 марта

Когда я проснулся утром, то рядом на столе лежал вчерашний платок и издавал тонкий аромат. У меня сразу сделалось хорошее настроение. Встал, оделся, занимался кое-какими переделками в «Балладе». В «Пиковой даме» нашёлся термин piangendo[30], который теперь пришёлся очень кстати для одного эпизода в «Балладе». Затем явился переписчик и унёс её переписывать для Екатеринодара, и я пошёл в Консерваторию. Внизу встретил 17А - ? Ведь она совсем не должна была придти, а ежели придти, то полчаса назад уйти. Макс говорит, что она минут

[28] Ресторан в Петербурге.

[29] Четверть часа вежливости (фр).

[30] Piangendo - жалобно (ит).

двадцать была в коридорах без дела и, видимо, дожидалась меня. Потом появился Кругловский, выкатил глаза на Лиду, она сейчас же покраснела. Увидел меня, прыснул и ушёл, сопровождаемый моим обещанием купить против него пистолет, стреляющий пробками. Когда Лидочка ушла, я встретил Антонину Попову и вернул ей платок, требуя взамен название её духов. Она сказала Guerlain Coty, и мы с Максом пошли завтракать к Перетцу. По дороге зашли в парфюмерный магазин, где оказалось, что и Guerlain, и Coty - название фабрик, а каждая имеет по пятнадцати сортов. «Guerlain Coty» - нелепица: Попова либо надула, либо сказала насмех. Пошли к Алфёрову, я взял сто рублей, двадцать пять дал Максу. Приехав за шесть гривен в моторе в Консерваторию, мы присутствовали на экзамене Бариновой, внимая Катюше Борщ. Кэтхен не лишена таланта и огня, но игра её неровная: местами отличная, местами же грязная.

Натолкнувшись на Попову, уличил её в подлоге марки духов. Она обещала справиться дома, а я позвонить в восемь часов.

Когда я вернулся домой, я позвонил Поповой. Она, смеясь моей настойчивости, сообщила марку духов: Guerlain Cadine. Я сейчас же пошёл в соседние аптекарские и парфюмерные магазины, был в трёх, но там такой марки не оказалось. Я опять решил, что Тонечка меня надула, но позвонил в большой магазин на Невском и там Guerlain Cadine оказались. Я очень обрадовался. Душёнки не из дешёвых: десять рублей маленький флакон.

Вечером был Макс: сочинили и послали «бесконечно остроумное» письмо Ариадне. Письмо на великолепной серой бумаге, с эпиграфам из вещей, которые она играет, написанными красными чернилами, - выглядит шикарно. Форма изложения - диалог. Идея - что мы получаем письма в почтамте на предъявителя китайской ассигнации и за один автограф Ариадны мы отдали бы жизнь. Изложив всё это в элегантной форме, мы много смеялись отдельным моментам письма и, очень довольные, отправили его по адресу.

6 марта

Сегодня я не пошёл в малый оркестр - надоело, да и едва ли соберётся. Вместо этого сочинял третью часть Концерта. Несомненно, эта часть менее яркая, но очень хорошая по музыке и какая-то корректная, хорошо сделанная.

В половину первого пошёл к «пломбиру» пломбировать мои зубы. Потом был у подлеца фотографа, у которого опять ничего не готово. Зато я нашёл группу класса Лаврова с кокетливо изогнувшейся Радочкой. Купил группу и спрятал в стол. Затем купил флакон Guerlain Cadine и ужасно обрадовался этим духам, хотя у меня ещё сомнение: то ли это, что у Поповой?

Вечером я и Макс были на концерте Боровского. Играет в большинстве случаев очень хорошо, хотя не всегда достаточно убедительно. Успех, bis-ы и цветы. После концерта Mme Боровская пригласила меня к ним танцевать, но я благородно уклонился.

7 марта

Утром репетиция Даргомыжского. В «Фантазии» Черепнин всё время придумывал какие-то новые темпы, поэтому она вышла уродски. Затем выругал мой жест. «Казачок» шёл хорошо. Потом Черепнин, найдя, что прошлый раз я не так дирижировал «Свадьбу», взял её сам и сделал по-своему, вразрез со всеми моими добрыми намерениями. Когда вслед за этим я стал у пульта, я постарался восстановить по-старому, Черепнин протестовал, произошла лёгкая стычка. Кончив номер, я уселся с Бобровичем ещё раз обсудить «Свадьбу» и втолковать

ему мои намерения, а разожжённый Черепнин раскричался на оркестр. Позднее, в четыре часа. Черепнин отечески мне говорил, что он ведь всё о моей пользе заботится, а я же на него и кидаюсь. Вероятно, песни Лауры и хоры он взял себе тоже заботясь о моей пользе.

После оркестрового класса я поел в столовой и вернулся в Консерваторию на экзамен Дубасова.

Вечером я намерен был сделать много полезных дел, но сделал мало: писал дневник, читал «Pierre et Jean» Мопассана и говорил по телефону с Умненькой и Зоей Карнеевой.

8 марта

До оркестрового класса на свежую голову посмотрел «Чухонскую фантазию» и. уяснив все градации темпов, пошёл на репетицию. Репетировал «Фантазию» и градации были высочайше одобрены. Цыбину за трио «Ночевала тучка» был целый скандал, да и вообще он дирижирует совсем нехорошо. «Свадьба», благодаря расставленным в партитуре дыханиям и тщательному знанию мною всех ритмических подробностей голосовой партии, прошла безукоризненно согласно с солистом, но Габель возопил о несоответствующих его желанию темпах. Черепнин, оказавшийся главной виной ломки темпов (вчера), сразу стушевался, я доказал свою неповинность - влетело Бобровичу, а «Свадьба» была восстановлена в старом виде и повторно прошла хорошо. Таким образом, в столкновении с Черепниным я одержал победу. Хоры под его светлым управлением звучат отлично, песни Лауры в исполнении Васильевой - похуже. С этой Васильевой я сегодня пылко поругался, она потребовала извиниться - я ответил: «Очень охотно», ибо совсем не намерен был её оскорблять, и мир был восстановлен.

К концу репетиции пришёл Макс. По окончании репетиции сейчас же покинули здание и пошли завтракать в «Вену» на улице Гоголя. В «Вене» нам понравилось меньше, чем у Лейнера. Для меня лично «Вена» связана с воспоминанием об есиповском классе и, в частности, о Борисе Захарове. Я там был три раза и каждый раз в связи с есиповским экзаменом.

Из «Вены» мы вернулись в Консерваторию. Затем я пошёл на экзамен Дроздова. У Дроздова играл талантливый Бай; хорошо.

Во время игры Бая обдумывал свою программу в будущем году. Беда в том, что вещи, по мере выучивания, мне надоедают до тошноты, до невозможности играть их... Вообще же я думаю выучить двойную программу, по две вещи от каждого автора, чтобы перед экзаменом иметь возможность выбрать ту, которая менее не по душе. Программа намечается такая: Бах, Фуга Cis; Бетховен: первая часть последней сонаты: Шуман: Соната fis, вся; Шопен: Полонез As и что-нибудь тихое; Лист: Mephistowalzer; русский автор: я, «Токката».

Вечером у нас, т.е. у мамы, были гости (шесть человек), играли в лото, было нескучно, хотя я вообще и не люблю семейные вечера.

9 марта

Сегодня в десять часов была генеральная репетиция. Вначале публики было мало, потом порядочно. «Фантазия» и «Казачок», кажется, пойдут прилично. Черепнинские вещи тоже идут хорошо. Цыбинские - так себе. Кончив свои вещи, я сидел в тёмном зале с Умненькой и Максом. Впрочем, я ещё возвращался на эстраду для «Свадьбы», которая прошла сегодня без укоризны. Умненькая осталась с Максом и всё время отмечала моё изящество на эстраде. После окончания репетиции я имел большой успех у женского общества Консерватории, особенно

же у 22А, у невероятной кокетки, хотя с виду не очень интересной певицы оперного класса, талантливой исполнительницы гувернантки из «Пиковой дамы».

Затем мы с Максом пошли завтракать к Лейнеру, выпили полбутылки вкусного грава и разошлись: он по делам к тётке, я в Консерваторию за билетам. Габель, у которого я храбро просил десять билетов, дал мне записку к Фрибусу, предлагая ему выдать мне столько штук, сколько я попрошу (!). Кроме того, восемь я получил от Анненкова. Накормив тремя билетами 21-й фронт, я вернулся домой. Учил наизусть Моцарта, писал дневник, а в полдесятого пришёл Макс. Занимались распределением и рассылкой билетов. Были посланы: Умненькой, Мясковскому, всяким родственникам.

Макс просидел у меня до второго часу. Под конец мы очень оживлённо обсуждали летнюю поездку, назначая выезд на двадцатое мая, а путь следование такой: Петербург - Вологда - Ярославль; в Ярославле на пароход и в Нижний; пересадка на другой пароход и путешествие в Астрахань; пересадка на третий пароход и переезд по Каспию в Петровск; поездом во Владикавказ; Военно-Грузинская дорога; несколько дней в Тифлисе; Боржом; переезд в Батум непременно днём; Батум - Севастополь; пешком в Алушту в течение недели по этапам: Балаклава, Байдары, Алупка, Ялта, Гурзуф и Алушта; автомобилем в Симферополь через Бахчисарай; и экспрессом в Питер. На всё нужен месяц и ко дню совершеннолетия Макса, 20 июня, мы вернёмся в столицу, он получит свои полторы тысячи, а я постараюсь приладить к этому времени исполнение в Павловске «Снов». Программа остального лета будет зависеть от обстоятельств. Во всяком случае, на месяц надо будет забиться в какой-нибудь уютный провинциальный городок, чтобы позаняться.

10 марта

Хорошо выспавшись и встав в одиннадцать, я занимался корректированием копии с моей «Баллады», которую принёс мне переписчик; переделал один такт и заклеил в бандероль для посылки в Екатеринодар.

Без четверти два приехал в таксе Макс и мы втроём, с мамой, поехали в Консерваторию. Концерт начался длинной лекцией Сакетти, тянувшейся три четверти часа и после которой долго собирали публику в зал. Я не волновался, сидел то в артистической, то с Мясковским, обсуждая его переложение «Снов». Он взял их, чтобы кое-что переделать сообразно моим указаниям. Перекладывает он очень точно и добросовестно; слишком добросовестно и порою мало изобретательно на сокращения и упрощения. В «Аласторе» он сделал все переделки, которые я советовал; я польщён.

Сакетти кончил лекцию - и меня потребовали на эстраду: первым номером шла «Чухонская фантазия». При моём появлении несколько человек захлопало, но их не поддержали и в зале живо успокоились. Я исполнил «Фантазию», как мне показалось, очень хорошо. Успех был средний. Затем следовало трио под управлением Цыбина, после чего я снова вышел аккомпанировать «Свадьбу» Бобровичу. «Свадьба» прошла чуть хуже, чем на репетиции, но и Бобрович, и я, и Габель, и Черепнин остались довольны. Мы с Бобровичем поблагодарили друг друга, и я пошёл дирижировать «Казачок». «Казачок» имел успех и сошёл бойко. Черепнин был доволен мною и сообщил, что сегодня я привлёк на свою сторону многих. Кроме того, он сказал следующую ерунду:

- Не так ещё давно все говорили, что из вас дирижёра не выйдет, я один защищал вас, и вот видите, теперь слова мои оправдываются.

Как раз наоборот: многие надеялись видеть меня дирижёром и только Черепнин с удивительным постоянством втолковывал мне, что и рука у меня плохая, и жест

никуда не годится, и дирижёром я не буду, хотя дирижировать мои вещи со временем смогу...

Антракт. Макс сообщает, что 17А здесь; 11А тоже слушает очень внимательно и, кажется, волнуется. Мы выходим в фойе. Вдали навстречу показывается 17А с братом и сестрой. Мы образуем оживлённую группу: Макс, я и трое Умновых. Антракт скоро кончается.

Второе отделение состоит из уймы романсов под аккомпанемент Дранишникова. Мы. дирижёры и поддирижёры, сидим с Черепниным в буфете и пьём чай. Сегодня вечером он уезжает на неделю в Казань, предоставляя нам заниматься с малым оркестром. Мне, как старшему, предоставляется приглядывать за младшими дирижёрами, дать помахать Гауку и посмотреть, хорошо ли у него пойдёт. А главное, приструнить оркестр с правом исключать на время непослушных из класса. Помощнику инспектора предложено оказывать содействие. Словом, я на время возведён в сан Черепнина. Из опер пойдут два акта «Риголетто» и один «Фауста» - через две недели под фортепиано. Дирижируют Цыбин и я, или только я.

Второй антракт. Разговоры с родственниками. Снова Умненькая. Я гуляю с ней, оживлённо беседуя. Родители Алперс процеживают нас критическим взглядом. Я раскланиваюсь с Mme. Умненькая очень элегантна.

В третьем отделении я сижу с Максом вблизи родных. Хоры под управлением ученика Черепнина проходят гладко. Цыбин, приседая и махая хохолком, заканчивает концерт танцами из «Русалки». После окончания Черепнин задерживает меня долгим разговором. Когда я наконец пожелал ему доброго пути в Казань, все уже разошлись. Макс, верный друг, меня ждал. Решили с ним где-нибудь пообедать с полбутылкой Cordon vert. Избрав обеденным местом скромного Лейнера, мы просидели там до девятого часа.

Вечером я немного читал и писал.

11 марта

Наконец наступили дни со свободным утром - можно сочинять. Сел за Концерт, но не сделал много: перебил присланный мне опросный лист, касающийся моей музыкальной биографии, для нового издания Энгелем «Словаря» Римана. Так как лист прислан с музыкальным журналом, то его получение совсем не гарантирует того, что именно обо мне желают иметь сведения: просто разослано всем, кто музыкант, а напечатают только заслуживающих внимание. Я не знаю, уже заслуживаю я внимание или ещё нет. Посылать же свою биографию для того, чтобы она полетела в корзинку, не хочется.

Позавтракав, пошёл к «пломбиру», по выходе от которого встретился согласно уговору с Максом. Поехали в почтамт справиться, нет ли ответа от Ариадны на наше последнее послание. Подойдя к окошку, где выдаются письма до востребования, я спросил:

- Предъявителю китайской ассигнации.
- С номером?
- С номером... только китайским...

Барышня долго рылась, но это не помогло, письма не было. Итак, мы получили, как говорят в Симферополе, «чайник» и, несколько смущённые, пошли в Консерваторию.

Я встретил Наташу Гончарову, которая по-обыкновению говорила приятные вещи, и, прослушав в её обществе экзамен николаевской ученицы, пошёл в оперный класс. Ввиду близости, хотя и подфортепианного, но всё же спектакля, надо начать серьёзное посещение этого класса. Проходили «Фауст», третий акт. Я был нетвёрд в этой музыке и, хотя дирижировал, но больше слушал, вспоминал и осваивался.

Вернувшись домой, пообедав и одев смокинг, взял автомобиль и поехал за Умненькой. У нас уже несколько лет абонированы два кресла в пятнадцатом ряду на вагнеровское «Кольцо»[31]. Последние годы «Кольцо» надоело, и мы с мамой не ходили, уступая кому-нибудь абонемент. Теперь *я* решил использовать его на Умненькую и с неделю тому назад предложил ей пойти сегодня на «Валькирию» Умненькая изъявила согласие и сегодня без семи минут восемь *я* звонил в её дверь. Она уже волновалась, что я не заезжаю, жалела, что я так поздно - она совсем одна и рассчитывала посидеть со мной и поболтать. Вид у Умненькой был очень интересный. На неё надели уютную шубу и мы спустились вниз по фантастической лестнице дома Офицерская, 60. «Моторрр!» - заорал только что получивший на чай швейцар, выскакивая на улицу. Мы покатили к театру. Едва успели раздеться и войти в зал, как свет потушили и «Валькирия» началась.

Признавая весь гениальный талант Вагнера, я, однако, никогда не перестаю удивляться массе той ненужной музыки, которой разбавлены гениальные эпизоды. Слушанье Вагнера для меня соединено с понятием о невероятной, зелёной скуке. Выкинуть бы половину, безжалостно урезать оперу - и тогда получился бы настоящий шедевр. Я давно не был на «Валькирии» и сегодня слушал её с настоящим удовольствием; лучше всего, как всегда, оказалась вторая половина второго действия. Рог Хундинга за кулисами приводит меня в восторг. Что касается скучных мест, то их скрашивало соседство такой очаровательной особы, как Лидочка. Когда кончилось первое действие, я сказал ей:

- Вот, Лидочка, так и я, лет через пять, заберусь к вам в дом и выкраду вас от будущего мужа...

Молчание.

- Согласны?

- Согласна.

- Смотрите же, приготовьте мне меч!

Весь вечер прошёл удивительно приятно. Домой я отвёл её пешком. Она говорила:

- Как это вам пришла счастливая мысль повести меня на «Валькирию»?

Я отвечал, что она отклоняла столько моих счастливых мыслей, что я и на «Валькирию» едва решился её позвать.

Дома мама:

- Это с Лидией Ивановной, что-ли? -Да.

- Смотри ты, закрутишься ещё...

А в самом деле, как было бы мило жениться на Лидочке: я полгода был бы ужасно счастлив, а через полгода мы бы разъехались. Последнее будет не так трудно - у меня большая техника рвать с людьми. Милая Лидочка!

12 марта

В течение утра кончил эскизы третьей части. В этой части всё сложилось очень удачно. Я доволен.

К двум часам пришёл на экзамен к Есиповой. Это «большой день» в Консерватории. Оканчивают в этом году Позняковская, Зейлигер и Захаров - все хорошие, никого выдающегося. Экзамен при набитом зале длился с двух до шести и был крайне утомителен. Вывод тот же, что и раньше: Зейлигер талантливый, Захаров умней и больше работает. Захаров многое сыграл тонко, но не блеснул ни техникой, ни темпераментом, ни теплотой. Зал не был наэлектризован, к концу

[31] «Кольцо нибелунга» или «Тетралогия» - общее название цикла из четырёх опер Р.Вагнера.

программы стали выходить из зала, хотя все говорили, что играл он хорошо... Хорошо, но бледно.

Во время игры Позняковской я побрёл в артистическую. Туда меня влекли не определённые симпатии или антипатии, а любопытство. В артистической сидели: Зейлигер, два его приятеля и Захаров, жёлтый, как старый пергамент. Зейлигер что-то барабанил на рояле с модератором, а Захаров подавал реплики неохотно - мне нечего было делать в артистической. Тем не менее я заставил Зейлигера сыграть мне два этюда Скрябина. Затем он встал и ушёл, а Захаров сказал:

- Ну, теперь я тебе сыграю этюд Ляпунова.

Я прослушал этюд, сидя на рояле, и ушёл, сказав какую-то ерунду о манжетах.

Дома напало было плохое настроение - вследствие утомления и лёгкого нездоровья, но к вечеру всё прошло. Занимался 4-й Симфонией Бетховена к завтрашнему дирижированию.

13 марта

В девять часов утра был малый оркестр. За отсутствием Черепнина я исполнял его обязанности. Прочёл и учил вторую и третью части 4-й Симфонии Бетховена, и то, и другое далось оркестру с трудом. Цыбина не было, у Дранишникова болела рука, я давал дирижировать Гауку. Он, видимо, машет дома и у него получается что-то вроде приличного взмаха, но оркестр мало слушается его. Вообще же оркестр держал себя довольно плохо, приходилось орать, но к более решительным мерам, дозволенным Николаем Николаевичем, как исключение из оркестра, я прибегать не хотел.

Усталый, я вернулся домой, позавтракал и пошёл к дантисту. Но дантист сам уехал к доктору, чем-то заболев, и сеанс не состоялся. Домой не хотелось - уж очень хорошая была погода, пошёл в Консерваторию на экзамен пения.

Я непрочь был послушать некоторых из знакомых оканчивающих и высидел экзамен. Дамская играла мне на арфе мой «Прелюд». Звучит как я себе представлял, но играла она плохо. Я сыграл ей на рояле так, как хотел бы, чтобы «Прелюд» выходил. Дамская с живостью обещала выучить его как следует.

Вернувшись домой, играл и писал дневник. По хорошей погоде тянуло на улицу. В восемь часов вечера встретились с Максом и пошли гулять по Невскому, набережным и мимо Умненькой по Офицерской. От Мариинского театра приехали ко мне в автомобиле. С живостью обсуждали поездку на Страстной неделе на Кавказ (Тифлис, Военно-Грузинская дорога). Для этого необходимо, чтобы ему дедушка дал хоть сто пятьдесят рублей, а мне, чтобы поднялись на бирже бумаги. Я продал «Железо-Цемент», неудачно купленный ещё в августе, с убытком в тысячу двести пятьдесят рублей, но выиграл на «Никополе» семьсот.

14 марта

Утром учил третий акт «Фауста», а то Палечек прошлый раз поставил мне на вид, что я его плохо знаю. Играл для Есиповой. Полвторого встретились с Максом и пошли в почтамт. Письма не было. Было только наше, которое мы послали сами себе, чтобы узнать, доходят ли письма, посланные этаким образом. Шли мимо нового отеля «Астория». Указывая на окна, выходившие на угол Морской и Исаакиевской площади, Макс говорил: «Вот здесь бы шикарно снимать номер!»

В оперном классе объявили, что спектакля не будет (даже под фортепиано). Я не огорчён, а скорей рад: дирижировать оперой без оркестра - радость небольшая, а времени на подготовку ухлопается масса. Но примечательно: едва мне назначают дирижировать оперу, как она сейчас же отменяется: 1) повторение юбилейного

спектакля; 2) «Каменный гость»; 3) «Пиковая дама»; 4) «Риголетто» и «Фауст».

В семь часов поехал к старику Сабурову на семейный обед. Третьего дня звал меня обедать по телефону, причём позвонил ни более ни менее, как в половине девятого утра. Среди других обедал Н.С.Терещенко. Богатая семья Терещенок играет роль в музыкальном мире, особенно оперном, и я был очень не прочь познакомиться с членом этой семьи. Терещенке моя Соната Ор.1 очень понравилась. Сам он грамотно сочиняет и бойко барабанит на фортепиано.

Перед Сабуровым заходил к Мясковскому. Он недвусмысленно заявил, никакого дирижёра из меня не выйдет, что руки у меня нет, ритм колеблющийся и прочее. Я шутя отвечал ему, что подобное суждение доказывает, что насколько он понимает в музыке, настолько не понимает в дирижёрстве. В «Снах» он кое-что переделал по-моему, кое-что отстоял по-своему. Переложение хорошее, хотя местами какое-то угловатое.

В биографии Чайковского я добрался до 11 апреля 1891 года. В день моею рождения Пётр Ильич находился посреди Атлантического океана на пути в Америку; бушевала буря, и он мучился от страха и качки.

15 марта

Утром хотел сочинять, но не сочинялось - играл 2-ю Сонату Шумана для Есиповой.

В одиннадцать часов пошёл в оперный класс - не заниматься, а встречать Умненькую. Кроме того, Габель просил меня, хоть оперы и отменены, захаживать в этот класс контролировать музыкальную часть. Лидочка была en personne[32].

Дома играл Шумана. Звонил к 17А. Она удивлялась, куда я утром исчез, говорила, что давно не видела меня и соскучилась. У меня сделалось отличное расположение духа. Встретился с Максом у кассы Малого театра. Смотрели пьесу «Так случилось». Весёлая и живая пьеса. Я бываю в театре редко, но с удовольствием. На обратном пути попала в глаз соринка. Долго вынимал её, но глаз всё болел. С тем и лёг спать.

16 марта

Встал рано и пошёл в малый оркестр. Музыкантов собралось так мало, что прождав сорок минут, я посоветовался с помощником инспектора и распустил оркестр.

Дамская, сердце которой я, кажется, покорил, опять играла «Прелюд»; на этот раз лучше, а после моих указаний и совсем недурно. Соринка в глазу не унималась. Зашёл в глазную лечебницу (на нашей лестнице) и там мне вынули из глаза бревно. Сразу стало удобно смотреть - и очень весело. Позавтракав, посетил дантиста и фотографа, с которым дело кончилось миром, и он обещался приготовить те снимки, которые я прошу. Вернувшись, собрался заниматься, но явился Юрасовский, приехавший зачем-то из Москвы. По обыкновению громко разговаривал, морщился, слушая отрывки моего 2-го Концерта, признавался, что не поклоняется моей музе, и наконец сыграл невероятно пошлое скерцо из своего трио. Я ему оценил, что звучать скерцо будет прекрасно, а по музыке - дрянь. Юрасовский с готовностью согласился с этим. Зато его хор в высшей степени талантлив. Прощаясь с Юрасовским, я постарался отклонить его дальнейшие притязания на моё общество. Вечером занимался наклеиванием в чёрную тетрадь отзывов и рецензий обо

[32] Лично (фр).

мне, накопившихся с лета.

Читал в дневнике за ноябрь-декабрь только то, что касалось Умненькой. Очень интересно. Кажется, у меня никто ещё не заслуживал такого продолжительного и постоянного тёплого отношения, как милая 17А.

17 марта

До половины третьего занимался финалом Концерта, усердно и успешно: в разработке вылился очень удачный кусок[33]. А главное, до сих пор для меня совершенно не ясна была та форма, в которой должна была выразиться вторая половина финала; это было крайне неприятно и отбивало охоту сочинять. Сегодня же форма определилась совершенно ясно до деталей. Правда, она не отвечает добрым старым традициям, но вполне логична и закончена, а это единственное, что требуется. Я очень уважаю старые формы, но, безусловно, веря моему чувству формы, часто позволяю себе отступать от них.

В третьем часу я завтракал, и у меня от стараний начинала болеть голова. Позвонил Макс и предложил по чудесной погоде идти гулять. Мы профланировали два часа, прошли через Летний сад, набережные, Морскую, выпили грава у Перетца и, взяв такс, поехали: я с визитом к Мещерским, Макс домой. У Мещерских мне очень обрадовались. Летом собираются в Ессентуки.

От Мещерских заходил на Николаевский вокзал проводить Юрасовского (любезность за московскую любезность), но он ехал с другим поездом и, когда я пришёл домой, звонил, что получил триста рублей от Циммермана за шесть романсов. Это удачно, но всё-таки большого композитора из него не выйдет.

18 марта

Утром удачно сочинял финал, продолжая вчерашнее. В час - к дантисту, куда в два пришёл Макс, и мы пошли в Консерваторию на экзамен Ауэра. Оказалось, что ученики Ауэра отыграли поутру, а теперь играл всякий сор и было скучно. «Икс-А» (Ханцин) сегодня в длинном платье крайне интересна. Разговор с ней, длинный, как её платье. Зовёт нас в Керчь. Макс пошёл провожать Шалыт, а я в оперный класс, где обрадовался увидеть Умненькую. Позанявшись в классе, я, по его окончании, подошёл к ней. Едва я успел молвить десяток слов и узнать, что вместо зажившего носа она ободрала себе щёку, как издали увидал мчащегося прямо на меня Черепнина - он только что вернулся из поездки. Поймал меня и увёл с расспросами, Лидочка повертелась и ушла в свой фортепианный класс, а Черепнин доехал меня рассказами о том, как он не попал в Казань, а застрял в Москве. Когда я наконец освободился от внимания слишком ласкового профессора, я решил ждать Умненькую и дождался. И был вознаграждён. Мы с Лидией Ивановной пошли гулять, сначала по Мойке, потом опять по Мойке до самого Марсова поля, вернувшись по набережным и побродив до десятого часу. Мило как всегда. Двадцать пятого она, стараниями Бориса Константиновича, поёт в Петергофе и ускользает от моего «Зигфрида». Этот Борис Константинович, по-видимому, претендент на её руку, студент, фамилия - Ольшанский, кажется «хорошая партия», высокий, нескладный, по её словам, очень умный. Он был с нею на вечеринке и нас познакомили - крайне любезен.

Вернувшись домой, я поздно обедал, потом играл на рояле для Есиповой. Вариации Моцарта, которые я не трогал пять дней, я всё ещё ясно помню наизусть,

[33] По-видимому тот, где в оркестре побочная партия, а у фортепиано - варьированная главная. (Более позднее примечание автора).

сонату Шумана, которую учу, тоже играю на память - значит, у меня память уж не такая безобразная, как это я себе навязал.

Нашёл случайно рецензии о выступлении Умновой в партии Леля в декабре. 1) Речь. «Мило исполнена песнь Леля г-жой Умновой (класс Акцери); больше всего ей удался второй куплет песни...». 2) Биржевые ведомости. «Отметим также г-жу Умнову, недурно спевшую Леля и имевшую шумный успех после своей песни ...». 3) Петербургский листок. «Красивый голос у ученицы Умновой, выступившей в роли Леля, но она пока представляет собою ещё сырой материал...». Все хвалят, никто не ругается - браво!

19 марта

Утром не сочинялось, поэтому играл Шумана для Есиповны и читал дневник путешествия в Крым, который я обещал поведать 17А.

Урок у Черепнина в два часа. Черепнин с сентября до поздней весны ходит в бобровой шубе с высоко поднятым воротником - потому всегда простужается. Сегодня он пришёл в осеннем пальто.

Я:

- Николай Николаевич, что-ж это вы не в шубе?

- Да уж так... сегодня кажется ничего... тепло...

- Смотрите, простудитесь: всего 18° тепла!...

На уроке мне нечего было делать, я ушёл домой, поиграл для Есиповны, зашёл к Алфёрову взять сто рублей (сорок Максу, шестьдесят мне) и около пяти пришёл в Консерваторию.

Вечером мне кто-то позвонил по телефону. Я подошёл, мне сказали: «Слушайте, что играют». Я услышал мой «Гавот». Звонили от Мещерских, у которых обожают эту пьесу. Зовут в пятницу обедать запросто.

Сенсационная новость у Рузских, за какие-то долги, в отсутствие Николая Павловича, описали всё имущество на квартире. Quel scandale![34] Воображаю, что делается с Танечкой и её гонором!

20 марта

В девять часов был в малом оркестре - большой распущен вплоть до акта, но там Цыбин учил Andante по пультам и была такая беспросветная скука, что я удрал домой сочинять Концерт.

Вчера я читал, с каким увлечением сочинял 6-ю Симфонию Чайковский, и это разожгло меня. Действительно, я проработал до семи часов вечера, уйдя всего на час к дантисту, сделал коду финала и трио скерцо. Неожиданно для самого себя.

Концерт оказался почти оконченным: осталось досочинить каденцию в первой части (для которой план уже готов) и заткнуть все дыры, в которых намечено что, но не намечено как. Это уже большей частью вопрос техники. Не думаю, чтобы инструментовка заняла у меня много времени - сопровождение оркестра очень просто и прозрачно. Кода финала очень убедительна и уместна, но, вероятно, она не будет нравиться тем, кто для простого развлечения пожелает дешифрировать этот Концерт. Зато трио у скерцо пресимпатичное.

Вчера кончил после пятимесячного чтения биографию Чайковского и получил большое удовлетворение. Не говоря уж о том, что у меня любовь к подробным описаниям настоящей жизни, эта книга была сама по себе одной из интереснейших, мною читаемых.

[34] Какой скандал! (фр).

21 марта

Утром играл Шумана для Есиповны; писал дневник; сочинять не хотелось. Около двух встретились с Максом в Консерватории: у него урок у Оссовской, у меня у Есиповны, но не занималась ни та, ни другая, обе заседали на экзамене Венгеровой. Какое безобразие, у меня с Нового года было три урока! Говорят, Ахрон перешёл к Дубасову. Хоть не люблю Ахрона, но одобряю.

Купил партитуру 6-й Симфонии Чайковского и, читая её вечером, утонул в её потрясающе красивом патетизме. Захватывающая вещь. По словам Чайковского, симфония эта с программой, но «с такой программой, которая останется для всех загадкой»[35].

22 марта

До четырёх часов занимался сочинением Концерта (каденция первой части). Кроме того, вышел очень славный отыгрыш для заключения первой части, но никак не выясняется конец каденции, т.е. способ соединить каденцию с этим отыгрышем, а между тем это место должно быть сделано хорошо - это важный пункт.

Я поехал к Мещерским. Застал я там Ершова, облепленного девицами, писавшего им автографы на постальках[36] со своим изображением. Он только что позировал, а барышни рисовали его портреты.

Однако меня скоро усадили сыграть «Скерцо» из 2-й Сонаты, пользующееся здесь наравне с «Гавотом» большою популярностью. Успех; а довольный Ершов со свойственной ему эгоцентричностью заявляет:

- Тталантливый... чёрт...

Его выражение, в свою очередь, имеет успех, производит впечатление; затем все идут обедать. Я сижу с Ниной. После обеда я с Mme играл на двух роялях трио Чайковского (выходит пренедурно).

23 марта

Утром малый оркестр, 4-я Симфония Бетховена и разговоры с Черепниным о том, какое неприятное впечатление производит автобиография Римского-Корсакова. Столько яду, мелочности - как будто писал заурядный человечек, а не такой большой человек, как Римский-Корсаков. Сравнивал его стиль со стилем писем Чайковского с выводом в пользу последнего. Не потому ли, что артистическая жизнь Чайковского была рядом успехов, а Римский-Корсаков был в полной тени по соседству с блестящим фейерверком Петра Ильича?

Вернувшись домой и посетив «пломбира», который накатал мне счёт в тридцать четыре рубля, я немного позанялся, одел визитку и вместе с заехавшим за мной Максом поехал поздравить двух Лид. Пока я был у Умненькой, Макс сидел в моторе. Лизочка нарядная и хорошенькая, довольно много народу, но исключительно родня, сёстры с мужьями и - о ужас - с детьми, в столовой нобельно[37] сервированный стол и шоколад. Я пробыл десять минут - все десять болтая с Лидой; сестры старались не мешать нам. Лидочка хотела, чтобы Макс поднялся к ним, но я ответил, что это неудобно, распрощался и уехал.

Купили конфет и в половину шестого прибыли к Карнеевым, к которым были

[35] Программа по рассказу Дягилева. (Примечание сделано автором позднее).

[36] На почтовых открытках, от carte postale (фр).

[37] Благородно, от noble (фр).

званы обедать. У них мы встретили представителя неприятельского лагеря Георгия Захарова. Его познакомили с Максом и глухая вражда двух лагерей закипела. Нам с Максом сразу удалось занять позицию горячими рассказами о предстоящем майском путешествии, причём мамаша шутя просила взять Лиду и Зою с собой. Жоржусе было не по себе и он даже жаловался на это Лиде. Однако за обедом он оправился, был мил и остроумен, хотя часто остротами Бориса. Вскоре после обеда Жорж уехал, мы же с Максом просидели до десяти. Домой шли пешком.

24 марта

С утра до половины четвёртого сочинял Концерт. Собственно говоря, он уже весь сочинён, но есть большие куски, где готова гармония, тематическая сторона и где есть идея рисунка. Но эти куски представляют собой белые, едва заполненные листы, и вот заполнить их «рисунками» сообразно имевшейся при сочинении идее - является непосредственной для меня задачей на пути сочинения этой вещи.

Сегодня заполнил весь средний эпизод первой части и работал так усердно, что забыл позавтракать. В четвёртом часу у меня начала болеть голова, зашёл Макс и мы отправились гулять.

Гуляли мы с ним сегодня по окраинам, совершив рейс: 1-я Рота - Заротная - Рижский - Старо-Петергофский - Бумажная - Екатерингоф - Волынка - Тентелево - Емельяновка и вышли в поле à la Нидерланды, перегороженное плотинами, вероятно, от наводнения. Года два назад я был здесь с Тоней Рудавской.

Мы с Максом делаем большие прогулки для тренировки, что особенно нужно ему, плохому ходоку, ибо во время летнего путешествия я предлагаю сделать в шесть дней переход Севастополь - Алушта. Назад из Емельяновки мы добирались частью пешком, частью в дребезжащей конке, частью в благородном сравнительно с нею трамвае.

Вечером у меня разболелась голова, которую не выветрила прогулка, и я рано лёг спать. Утром два раза разговаривал по телефону с Умненькой. Оказывается, что «Зигфрид» идёт не в понедельник, как я думал, а во вторник, поэтому я её старательно приглашал, говоря, что «Зигфрида» переложили на вторник после усиленной моей просьбы. Умненькая сначала ныла, потом ей, по-видимому, дома вышло разрешение и она согласилась.

25 марта

Утром скоблил немного «Сны», а в двенадцать часов пошёл к Асланову поговорить о летних исполнениях. Я его не особенно люблю, несмотря на то, что он всегда крайне любезен и очень благоволит ко мне. Занимает он в двух шагах от меня небольшую, но преуютную квартирку, «холостяцкую», как он называет, и держит молоденькую горничную, словом, устроился удобно. Я сказал, что хотел бы играть 2-й Концерт в конце лета (раньше не выучить), а также хотел бы слышать «Сны». И за ту, и за другую вещь он взялся с готовностью и только поныл, что нет пятой и шестой валторны для «Снов». Решили в крайнем случае нанять пополам за шестнадцать рублей и «зафиксировали» Концерт на второе августа, а «Сны» на двадцать пятое июня. До двадцатого мая концертов не будет, с двадцатого мая по двадцатое июня мы с Максом путешествуем. «Сны» я нарочно приладил к возвращению, чтобы мне был предлог вернуться в Петербург.

Мама сначала пришла в ужас: как это мне два раза возвращаться в Петербург, но я доказывал, что иначе нельзя, и вопрос как-то живо замялся.

Днём я отнёс «Сны» к переписчику для приготовления партий с тем, чтобы сейчас же отправить партитуру в жюри Российского Музыкального Издательства

с просьбой посмотреть и вернуть к июню. От переписчика пошёл к Мясковскому, с которым Асланов просил переговорить об исполнении «Аластора». Колечку это почему-то не очень устраивает - он предпочитает свою старую C-moll'ную Симфонию. Вернувшись, немного занимался писанием Концерта.

26 марта

Сочинял Концерт. Пришло в голову совсем новое заключение первой части, кажется, очень хорошее. В половину второго пришёл в Консерваторию, где была по случаю экзамена чрезвычайная толкотня, столь любимая мною. Я полчаса прождал урока Черепнина и успел насмотреться: и на бледноликого Борюсю; и на его конкурента, но разыгрывающего нежного друга, Зейлигера, проведшего ночь в «Бродячей собаке»[38] и пришедшего сдавать энциклопедию с пустынной головой.

Пожаловал Черепнин и проходил с нами «Камаринскую» Глинки. Затем высказывал свои предположения относительно музыки будущего, предсказывая вымирание фортепиано, квартету, сонатной форме. Сравнивая себя с фантазиями Черепнина, я нахожу себя уже отсталым музыкантом.

Я пообедал, одел смокинг и отправился на Офицерскую брать Умненькую на «Зигфрида». Я просидел у Умновых полчаса в симпатичном разговоре с Лидой и сёстрами, затем повёз её в театр. У Умненькой новый туалет и как всегда элегантный вид. В ложах направо Рузские, налево Володя Дешевов: мы с Лидочкой попали под перекрёстный огонь устремлённых на нас глаз. Первый акт мы сидели, уткнувшись в клавир настолько, что у меня свело бок от неестественного положения, и во втором акте мы «закрыли лавочку». В антрактах гуляли и вообще было мило, но почему-то для меня менее мило, чем на «Валькирии». Как оперу, «Зигфрида» я люблю тоже менее «Валькирии»: масса гениальных эпизодов (вступление, все появления Зигфрида, комическая характеристика Мимме, бодрая ковка меча, ругань Альбериха с Мимме, вступление к третьему акту, антракт в том же акте), но всё это так непомерно длинно, так ни для чего растянуто, что я буквально задыхаюсь от скуки.

Провожая Умненькую домой мы с нею поссорились (чуть-чуть) и сейчас же помирились, я на прощанье поцеловал у неё лапку, а она обещала позвонить мне завтра по телефону. Возвращаясь домой, я думал - неужели моя дружба с Умненькой пошла на убыль?!

27 марта

Утром в малом оркестре, собравшемся неприлично неаккуратно, я дирижировал две последние части 4-й Симфонии Бетховена и, уступив затем место Цыбину и Дранишникову, встретил пришедшего Макса. Он сообщил, что Ариадна здесь и держит переходной экзамен на высший курс. Затем мы узнали от Николаева, что экзаменовалась она так себе, что она страдает малокровием (?!), слаба здоровьем и не оправдала возложенных на неё надежд.

Идя домой, мы пожалели, что не обладаем даром карикатуриста и не можем, например, нарисовать толстую Радочку и внизу написать что-нибудь касающееся её малокровия и в связи с этим неудачного экзамена. Но тут мне пришла гениальная мысль, которая и была выполнена в течение дня. Из имевшейся у меня группы Лаврова была вырезана задорная головка Радочки, к ней прилажено туловище другой толстой девицы, а это всё к вырезанному мною из картона силуэту рояля. Всё удалось прекрасно и толстая Радочка безукоризненно естественно сидела за

[38] «Бродячая собака» - петербургское артистическое кафе.

фортепиано. Лавров был целиком вырезан из той же группы. Николаев (экзаменовал Никольскую он) был вырезан из другой группы, специально для этого случая приобретённой у Каспари, но так как на группе его туловище было закрыто учениками, то я отрезал один бюст и устроил так, что Николаев сидит за столом. Всё это наклеилось на тёмнозелёный картон, причём Радочка за своим роялем сидела справа, а Лавров был около Николаева, который как-бы отворачивался от него и улыбался.

Вверху было написано:

«Профессор (экзаменатору): - Ах, дорогой collega, пожалейте её, поставьте ей пятёрку! Ведь она страдает малокровием... Посмотрите, какая худенькая... (на ухо) и какая хорошенькая! (громко) Поправляя здоровье, ей пришлось гулять по Морской и всячески развлекаться, а не чахнуть у рояля, оттого она и жрала так постыдно!»

Внизу написано (рукой Макса):

«Но неподкупный экзаменатор не поддаётся ни сладкой речи, ни женским чарам, и с железной справедливостью ставит балл, не совсем похожий на пять с крестом».

Я с таким жаром работал над этим произведением искусства, что у меня едва не разболелась голова.

В семь часов поехал к Сабурову обедать, затем играть всякие ансамбли. Дипломат Персиани очень сведущ в музыке, а старик Сабуров крайне меня удивил, сев за рояль и бойко исполнив «Крейцерову сонату». Я постарался пораньше удрать. На прощанье Сабуров обещал познакомить меня с аристократически-музыкальным домом Зиновьевых.

Я вернулся домой со Спасской пешком. С удовольствием рассматривал блестяще удавшуюся карикатуру для Ариадны, с удовольствием прочёл месяц дневника и, довольный жизнью, улёгся спать.

28 марта

Утром играл для Есиповой и писал дневник. Настроение было так себе. Полвторого пришёл в Консерваторию, где толкотня по случаю перехода на высший курс продолжается.

Я отправился в «аптеку» - в дом с аптекой, где обитает Аннониколаевна[39]. У Анны Николаевны было «настроение», а потому она очень свирепо поносила наших учениц, но почему-то со мною была ласкова, называя по имени-отчеству, и дала два билета на завтрашний концерт Дроздова.

Играл я ей «Полонез» As Шопена. Перед началом она заявила:

- Ах, уж эти мне полонезы! Никакой музыки - одна сплошная колотня.

Я не удержался, чтобы не вступить в препирательство:

- Что вы, Анна Николаевна! Среди колотни здесь масса хорошей музыки...

- Играйте piano! - топнула Есипова.

Вернувшись в Консерваторию, я встретил Макса, видел много лиц, смотрел, как сделано метание стрелы в «Алтаре» (подобный эффект мне нужен для скерцо).

Вечером с Максом пошли на концерт Акцери и внизу же встретили Умненькую. Концерт Акцери был довольно скучен и во всех отношениях ниже Жеребцовой-Андреевой, за исключением цветочных подношений, засыпавших эстраду.

После окончания я провожал Умненькую домой. Начиная с Крюкова канала, я взял её под руку и, не смотря на все её протесты, не отпускал до самого подъезда. Умненькая заявила, что больше никуда со мной не пойдёт; что она недовольна, почему я не подошёл к ней в антрактах.

[39] Анна Николаевна (Есипова).

29 марта

Кончал каденцию первой части и кончил, за исключением шести тактов, которые сочинены, но не заполнены фигурацией. Конец каденции в момент вступления оркестра немного грубоват по технике, но эффектен.

Мама в конце мая собирается со своей знакомой дамой Лебединцевой заграницу. Хочет, чтобы ехал и я. Но я отстаиваю мою российскую поездку с Максом. Если же мама проживёт во Франции всё лето, то на июль я поеду к ней. Меня вообще гораздо больше тянет вертеться по России, чем ехать заграницу, не потому, что мне туда не хочется, а потому что я знаю, что это всё равно придёт в своё время.

В час мы встретились с Максом в Консерватории – присутствовать при выходе «экспресса», т.е. Ариадны. Ведь карикатуру-то она уже получила. Но «экспресс» был хмур и не обращал на нас внимания. В сопровождении своего профессора Никольская ходила то в кабинет директора, то к столу классных дам – оба, по-видимому, что-то предпринимали, вероятно, улучшая отметку переводного экзамена.

Подошёл Николаев. Тут неожиданно разыгрался трюк: Николаев, после обычных восклицаний приветствия и радости, сел было со мной и Максом на окно, но, увидев интересную афишу, быстро подскочил к ней, а так как афиша висела низко, то присел на корточки и опёрся руками на пол. Я, пародируя его, подскочил к нему и, став рядом на четвереньки, тоже сунул нос в афишу. Николаев расхохотался как безумный и мне тоже стало смешно. Мы с полминуты пробыли в этой позе, трясясь от смеху. Многие с изумлением оглядывались на нас. Когда же я поднялся, то внизу лестницы увидел Ариадну, которая стояла как соляной столп и глядела на нас. Вероятно, она теперь догадывалась, откуда у меня подробности об её экзамене. Николаев ушёл, а явившийся Черепнин увёл меня на урок.

Разговоры об акте. Черепнин не уезжает до акта. Жаль, значит я не буду полным хозяином акта. Он говорит, что больше, чем на других дирижёров, возлагает надежду на меня. Из этого следует, что и Цыбин, и Дранишников сунут свои лапы. Я хотел бы один, а впрочем, чёрт с ними!

Вечером надел фрак, потому что собирался к Коншиным, и поехал в концерт Дроздова. Макс, не желавший быть шикарнее чем я, тоже одел фрак и мы среди сероватой публики концерта имели ослепительный вид, кстати сказать, крайне меня стеснявший.

Дроздов играет умно и владеет градацией силы звука, но слишком стучит и вообще не покоряет. Мне было скучно и я скоро уехал к Коншиным.

У Коншиных всегда парадно и меньше чем во фраке к ним хоть и не являйся. Была сегодня музыка, было пение, молодёжь и публика постарше, танцы и «винт». Вначале я скучал и не знал, куда себя девать; меня заставили сыграть «Полонез» Шопена и мой «Гавот»; и то, и другое имело успех, какие-то барышни подходили ко мне с расспросами, но мне не понравились они и я отвечал коротко. Когда меня усадили играть в «винт», я сразу обрадовался. В «винт» я играю с двенадцати лет и играю, кажется, недурно, а сегодня мне везло. Приехала Таня Рузская. Мы встретились с нею только после ужина. Она не без ехидства спросила:

- Давно ли вы стали вагнерианцем?

- С тех пор, как у меня появилась интересная компаньонка.

Она не ожидала такого прямого ответа.

- Вы ведь не так ещё давно свысока относились к Вагнеру?

- Я к нему свысока не относился, но он так длинен, что его высиживать можно только в приятной компании.

Николай Павлович вернулся; в воскресенье, пожалуй, пойду к ним. Об инциденте с описью их обстановки, конечно, ни слуху, ни духу, а на мой наивный вопрос, как

они поживают и проводят время, Таня ответила:
- Веселимся.

30 марта

В девять с четвертью пришёл в малый оркестр, немного мало выспавшись. Вообще пора бы распустить и этот оркестр, но Черепнин решил тянуть ещё неделю. Все, кто получше, сдают экзамен, а у нас осталось такое дрянцо, что прямо заниматься невозможно. Учил с ними «Камаринскую» Глинки. Эта партитура, т.е. этот экземпляр партитуры замечателен тем, что перед моим поступлением в Консерваторию мне его подарил Глазунов с надписью: «Любезному собрату Серёже Прокофьеву от А.Глазунова». И подумать, что у меня когда-то с Глазуновым были приличные отношения!

Сидел дома и писал Концерт. Вечером с Максом был в Малом театре, куда он достал от дядюшки контрамарки во втором ряду. Давали пьесу артиста Тарского «Прапорщик запаса» из провинциальной военной жизни, стиль «Поединка» Куприна. Пьеса растянута и скучна, но не лишена наблюдательности и даёт картину этой жизни.

31 марта

До двух часов сочинял Концерт, а затем решили с Максом прогуляться пешком в Лигово – идея, пришедшая в голову ещё во время нашей предшествующей прогулки в деревню Емельяновку.

Так как вечером в Мариинском театре шёл черепнинский «Павильон Армиды» и шумановский инсценированный «Карнавал», то мы, крайне заинтересованные, постарались достать билет. Билеты все были проданы, и в три часа мы пошли в Лигово. Погода была то весёлая, солнечная и грязная, то закручивал отвратительный снег, который, падая, таял и через полчаса переставал идти. Вообще же было не очень тепло: градуса четыре выше ноля.

До Нарвской заставы ехали в трамвае, от Нарвской до Путиловского завода влезли на верхушку коночки. Дул ветер и было ужасно холодно, к Путиловскому заводу мы замёрзли. Решив, что в таком виде трогаться в пеший путь нельзя – полезли в какой-то гадкий трактирчик и спросили, нет ли коньяку.

- У нас всё есть! – ответил хозяин.
- В таком случае, дайте нам бенедектину.
- Пожалуйте-с – ответил тот и поставил на прилавок осьмушку литра.

Бенедектин был не совсем настоящий, а какой-то «Келлеровский». Выпив по рюмке, мы ощутили теплоту в наших жилах, «осьмушку» же запихнули в карман и пошли по шоссе. Одновременно с нами пошёл и снег. Но так как мы храбро не обращали на него внимания, то снег скоро перестал и его сменило солнце. Мы надеялись, что шоссе идёт по лесу или по полю, но ошиблись: всё время по бокам были дачи, деревушки и всякие обиталища, а под ногами лежал дощатый тротуар. Он был кстати, этот тротуар, ибо там, где он иногда прерывался, мы завязали по щиколотку в грязи. В трудных местах мы согревались глотком бенедектина и, осушив небольшой флакон, запустили его в лужу у дачи графа Шереметева. К шести часам мы бодро пришли на Лиговский вокзал и заказали себе обед. Голод – лучший повар, а потому обед был очень вкусен и съеден без остатка. Три постальки (Умненькой, Карнеевым и Ханцин) были опущены в ящик, а затем вагон первого класса радушно нас принял на свои красные диваны. На улице крутила метель, нам же было очень весело.

В восемь часов я был дома и отменил своё намерение ехать к Рузским, предпочтя

заняться дневником. Вспомнив, что завтра Новикова держит экзамен и пишет сочинение, захотел разыскать черновик своего, писанного при тех же условиях пять лет назад. Рылся в «архивном» ящике своего стола, но не нашёл. Зато попалась целая куча моих старых писаний обо всём, что угодно – много забавного, и описание какой-то дуэли я даже читал Максу в телефон.

11 апреля

После вчерашней прогулки спал до одиннадцати, затем поиграл на рояле и пошёл в Консерваторию. Я пришёл туда без пяти час, в тот момент, как экзаменующихся по шестому классу приглашали засесть за сочинение. Кроме своих, была пропасть экстернов, а потому были шум и толкотня.

Вечером начал инструментовку Концерта. Я прежде хотел начать её только тогда, когда вся музыка, а в особенности фортепианная партия, будет детально сочинена. Теперь у меня осталось дописать несколько небольших пассажей, и я решил не ждать их, а начать инструментовку, пассажи же досочинятся между делом. Начал я писать партитуру с величайшим наслаждением. Ещё во время сочинения я вполне ясно представлял себе инструментовку; итак, дело сводится к распределению по строчкам партитуры лёгкого и прозрачного аккомпанемента, да к переписке фортепианной партии. Очень приятно.

В Концерте я сделал два открытия: во-первых, оказывается, что в нём нет ни одного самостоятельного оркестрового отыгрыша, и пианист, как сел за рояль, гак не отрывается от него до последнего такта. Едва ли это нехорошо; наоборот, я думаю, что это будет создавать некоторое напряжение у слушателя и приковывать его к пианисту. Во-вторых, партитура выйдет менее длинная (численностью страниц), чем я думал, так как ввиду прозрачности аккомпанемента на каждой странице помещается больше одной строки.

Сегодня первое апреля, и оно проявилось в течение вечера. Я получил карикатуру на себя и на Макса. Сходства никакого, но исполнен рисунок в красках недурно. Изображает двух шикарных фатов во фраках; подписаны наши фамилии, а на обратной стороне:

«Чем кумушек считать трудиться, Не
лучше-ль на себя, кума, оборотиться...».

Хотелось бы думать, что это от Ариадны, но ни к какому заключению я прийти не мог, хотя всячески вертел рисунок, выворачивал конверт, рассматривал штемпель и даже нюхал бумагу.

2 апреля

В девять часов я уже сидел за партитурой Концерта. Первый случай за зиму, что я вскакиваю так рано без принудительной причины идти на оркестровую репетицию.

Днём пошёл к Черепнину на урок, но Черепнин не пришёл, да в сущности нечего было делать.

Вернувшись домой, засел за партитуру. К девяти часам почувствовал, что довольно, и позвонил Максу, предлагая прогуляться. Он ответил «с наслаждением» и мы два часа гуляли, глотнув у Перетца по рюмочке шартреза. Придя ко мне чай пить, по некоторым буквам догадались, что карикатура – дело рук Карнеевых, а приписка касается наших насмешек.

Наташа Гончарова звонит и зовёт в пятницу к себе на soirée[40]. Она живёт с

[40] Вечеринка (фр).

сестрой, которая замужем за кавалергардом фон Глазенап. Подчёркивая всегда свою принадлежность к аристократии, Наташа и на этот раз, среди кучи любезностей, передала своё приглашение с предисловием, что-то вроде того, что хочет сделать мне сюрприз – позвать меня к себе. Это меня задело, и я, право, не знаю, пойду ли я к ней.

3 апреля

Письмо, поданное мне утром и написанное мне неизвестным почерком, похожим на мой, было от Ариадны Никольской. Наши пощёчины, полученные в почтамте, завершились неожиданной победой. Письмо гласит, что уезжая в Киев и жалея «если ваши замечательно остроумные письма, которые мне доставляют огромное удовольствие, останутся мною не прочитанными», она сообщает свой киевский адрес.

В полдесятого я пришёл в оркестровый класс, но, как и следовало ожидать, оркестр был представлен тремя учениками, и его распустили до осени. Черепнин долго говорил с нами об оркестровке, затем Дранишников играл свои вариации: смешение всех стилей, блестяще положенное на рояль; индивидуальности никакой. Когда Черепнин и Дранишников ушли, то я узнал, что скоро будут исполнять публично ансамбли пианисты, получившие 5+. Я остался подождать и позвонил об этом Максу. Захаров играл хорошо, но как-то не очень смело (сонату Франка). Рабинович играл уверенно и убедительно. Зейлигер хорошо. Затем мы с Максом пошли по домам, и я до вечера просидел за инструментовкой, а когда голова отказалась соображать инструментальные комбинации, делал клавир.

4 апреля

До одиннадцати инструментовал, а потом пришлось сесть за фортепиано и привести в порядок три части сонаты «g» для урока Анны Николаевны. В час пошёл в Консерваторию, но Анна Николаевна учила на дому. На уроке передо мною играли две такие плохие ученицы, что моя соната сошла совсем хорошо.

Дома немного позанялся, но скоро пришлось идти к Сабурову, который зачастил своими приглашениями. По дороге зашёл к Штемберям взять копию моего «Гавота», чтобы занести её Мещерским. У Штемберей открывает дверь Кокочка:

- А, Сэрж!

Выбегают сёстры:

- Сэрж! Сэрж!

Мамаша:

- Сэрж!

Папаша:

- Сэрж!

Шум, гам, я страшно тороплюсь, быстро свёртываю «Гавот» и отвечаю всем зараз, обещая в скором времени «прийти очень».

У Сабурова никого не было и было нудно. Слава Богу, всё это скоро ликвидировалось, и в десять часов я уже сидел за своей любезной партитурой. Старик Сабуров меня удивлял, жаря наизусть целую кучу музыки совсем не лёгкой,
и наконец сыграл вариации Гензельта, которые он проходил с автором пятьдесят шесть лет тому назад.

5 апреля

С утра до половины третьего инструментовал. Я хвастался, что у меня в

Концерте страшно прозрачный аккомпанемент. А между тем пришлось одолеть место, где весь оркестр с медью глушит солиста... Как ни странно, а я доволен этим местом.

В три часа был у «пломбира» (старик завёл хорошенькую помощницу), а затем продолжал работу. Переписывать каденцию сначала любопытно, а потом как-то глупо.

К Наташе Гончаровой я решил не идти и отправился на концерт Беляева. Я не помню, когда я был последний раз в симфоническом концерте - так это было давно, а потому мне были приятны все мелочи: встречи с музыкальными знакомыми и даже восхождение по лестнице в зал.

«Божественная поэма» Скрябина - прекрасная вещь, хотя местами скучноватая, неприлично длинная и иногда плохо оркестрованная (например, неудачный трюк с воркованием птичек; начало второй части; грандиозное повторение той же темы в конце - ибо струнные делают чёрт знает что вместо того, чтобы своим удвоением вдыхать жизнь в равнодушное трубленне этой темы медью).

Как антиподы к этой поэме были остальные вещи программы, отлично инструментованные, но подавляющие бездарностью содержания. Это: «От мрака к свету» Глазунова, «Апокалипсис» Лядова и романсы Вейсберг. Стыдно становилось за авторов.

Венцель, запинаясь и робея, просил меня аккомпанировать его оканчивающей ученице Концерт Шумана. Я с чрезвычайной готовностью согласился и пообещался завтра утром прийти к нему в класс для переговоров: ведь завтра у него берёт последний предпасхальный урок Люда Новикова и я, конечно, влезу в класс в тот момент, когда она будет сидеть за фортепиано. А то мне что-то никак не удаётся поймать «неуловимую княжну Людмилу».

5 апреля

В пол-одиннадцатого пошёл в Консерваторию к Венцелю для «переговоров» - попросту для Новиковой. Вход мой в класс был крайне импозантен, потому что Венцель вскочил и засюсюкал мне что-то «на ты» - я ему отвечал веско и громко, но... Новиковой сегодня не было на уроке. Я предложил сыгровку с его ученицей на понедельник в двенадцать часов, т.е. на время экзамена русского языка у княжны-невидимки, и вышел из класса злой.

В коридоре меня поймали Штейнберг с Карновичем. В этом году Карнович кончает у Штейнберга практическое сочинение и его вариации для оркестра предположены к исполнению на акте. Дирижировать этим номером Черепнин назначил меня. Теперь мне вручили объёмистую рукопись с просьбой переговорить с Черепниным о выкидыше некоторых вариаций. Беседовал с автором, ходил на дом к Черепнину, возвращался назад, сбыл партитуру для расписки на партии и только в третьем часу был дома.

Переписал одну страницу каденции, затем пришёл Макс и мы отправились циркулировать на манер вчерашнего дня. Ариадна вчера не уехала, ибо сегодня я в Консерватории, разговаривая с Боровским, видел её: очень хорошенькая, она неслась прямо на меня, но вдруг остановилась, круто повернулась и скрылась.

Сегодняшняя циркуляция дала те же результаты, что и вчерашняя: либо Радочка не достала билетов, либо насмеялась над нами.

6 апреля

Делал те шесть тактов в каденции, которые у меня не были готовы и затем, просидев до трёх, кончил инструментовку первой части. В три часа с Максом пошли

потолкаться на вербе. Догоняет нас его кузен, гимназист Володя.

- А я всё время шёл сзади вас, - заявляет он.
- Врёшь, - возражаем мы.
- Нет, шёл.
- Ну, а что мы делали у Поцелуева моста?
- Разговаривали с какой-то барышней.

Мы фыркнули, так как действительно у Поцелуева моста я встретил... А.Н.Есипову и беседовал с ней.

В полдесятого вечера поехал провожать Мещерочек, которые уезжали на Пасху в Крым. Плутовка-Нина - моя симпатия; на вокзале мы весело кокетничали и шалили.

С вокзала взял мотор и поехал к Рузским, у которых на этот раз все были милы, и даже Ира, с которой мы просидели вдвоём полчаса на балконе. Зовут летом к ним на дачу на Волгу.

8 апреля

Переписчик принёс партии «Снов» и кажется сделал хорошо. Верю ему и корректировать не буду. Упаковал «Сны» и «Балладу» и выпроводил их в Российское Музыкальное Издательство. Если там не согласятся напечатать, то пошлю Юргенсону; если же согласятся, то тем лучше, так как, во-первых: я получу за «Сны» гонорар; во-вторых: сделают они это живо; в-третьих: совсем мне не интересно слушать нытьё Юргенсона, что «Сны» ему принесут расходы, а «Балладу» лучше подождать... Уж если возьмёт, то держит до неприличия: «Токката» взята в ноябре, а первой корректуры нет до апреля. Хуже подлеца-фотографа Каспари!

В двенадцать часов я пришёл в Консерваторию репетировать Концерт Шумана с ученицей Венцеля, а кончив это, вышел в коридор, где весь шестой класс учениц уже бродил в ожидании русского экзамена. Новикова шла с подругами навстречу, я подошёл к ней. Несколько любезных слов, затем я подозвал Шалыт и вопросил обеих барышень, принимают ли они сегодня наше автомобильное приглашение. Барышни приняли приглашение и сказали, что выбор места поездки они предоставляют нам.

Очень довольный я оставил их сдавать свой экзамен и, позвонив Максу, встретился с Максом у Алфёрова, у которого надо было взять денег. Затем мы пошли выбирать автомобиль, что отняло у нас целых полтора часа. Остановившись наконец на новеньком «туристе», который, сняв счётчик, брался прокатать нас в Павловск за двадцать пять рублей, и пока он приготовлялся в путь, пошли за бутербродами и пирожными. Но по дороге мне попала в глаз соринка, так здорово, что мне пришлось взять таксометр и поехать домой, в глазную лечебницу над нашей квартирой. Там мне вынули мучительницу-соринку, но глаз был красный и распух. В ожидании Макса, я лежал с компрессом из свинцовой примочки. Через двадцать минут приехал Макс, глаз мой выздоровел и мы, заехав за нашими дамами в Консерваторию, отбыли в Павловск.

Новикову я знаю уже не первый год, и она всегда мне нравилась. После того, как Шалыт нас познакомила, мы встречались только урывками. Мне было любопытно узнать, какая она в жизни, до сих пор я знал её только по внешности.

Автомобиль быстро прорезал город и покатился по Пулковскому шоссе. У нас шла весёлая болтовня. Мы отлично прошлись по парку. Едва мы повернули к вокзалу, как полил дождь. Мы с Милочкой бежали бегом и первыми достигли мотора, но всё же промокли до нитки. Особенно досталось мне и Максу, бывшим в одних пиджаках. Автомобиль со стремительной резвостью помчался в Петербург,

дождь не унимался и через щель в крышке ландоле пускал холодные струйки на нас. Мы ели бутерброды и пирожные и порядочно шумели. Шалыт явно проигрывала перед Людой и оставалась в тени, Новикова же бойко болтала то со мной, то с Максом. Она родом из Волынской губернии, из военной семьи, живёт в Петербурге со старой кузиной, знакомых почти не имеет, скучает - и наша поездка была, по-видимому, целым событием.

Когда автомобиль подкатил к её дому на Канонерской улице, мы простились с Людой, и, сбросивши Шалыт у её дома, мы приехали ко мне пить коньяк и сушиться.

У меня уже сидел Колечка Мясковский, новорожденный, с которым мы должны были пойти к Асланову «фаршировать» последнего 2-й Симфонией Мясковского, предположенной в Павловске к исполнению. Предоставив Максу пачку книг, коньяк, подушку и диван, я отправился с Мясковским к Асланову. Несмотря на две рюмки коньяку, я сыграл в четыре руки симфонию вполне добросовестно и через час был дома. В симфонии есть много интересного, много скучного, но пока я не услышу её в оркестре, я мнения своего не скажу.

Дома с Максом сидела мама и по секрету от меня советовала ему отговорить меня ехать по Волге, а лучше всем отправиться заграницу. Макс, конечно, сообщил мне об этом заговоре и ехать заграницу убеждать меня не стал.

9 апреля

Начинать инструментовку скерцо что-то не хотелось. Разыгрывал на рояле первую часть Концерта и восхищался шикарной звучностью каденции, которую мне в первый раз удалось сыграть сполна. Писал дневник, играл наизусть пьесы, пройденные у Есиповой. Забрал у фотографа мои карточки от ноября месяца. Некоторые недурны, например та, где я подпёр рот рукой.

Купил Концерт Es Листа на случай, если он пойдёт на акте. Я его знаю хорошо, но ни разу не смотрел по нотам. Много остроумия как в музыкальных мыслях, так и в способе их изложения, но глубины никакой.

После обеда гулял с Максом. Высматривали в магазинах хорошие палки, но они стоят не меньше двадцати пяти рублей. Я нахожу, что это слишком дорого для палки. Макс возражает, что понятие «слишком дорого» для какой-нибудь вещи существовать не должно, а должно существовать понятие: можешь ты или не можешь её купить.

Вечером писал дневник, запоздавший на три дня.

10 апреля

Всё утро инструментовал скерцо.

В два часа пошёл в Консерваторию репетировать Концерт Шумана с венцелевской ученицей Яцыно. Я. кажется, заслужил её уважение. Она не обращает внимания на Венцеля и просит меня делать указания относительно её исполнения. Делаю осторожно, чтобы это не было обидно для Венцеля. После репетиции он заявил мне, что за ту огромную услугу, которую я ему оказываю, аккомпанируя Яцыне, он считает себя неоплатным должником. Я в ответ попросил, чтобы он на экзамен дал Новиковой что-нибудь другое вместо Этюда b-moll Мендельсона (в автомобиле она жаловалась на эту вещь, а я обещал устроить так, чтобы ей переменили этюд).

Вернувшись домой, до семи часов писал партитуру и сделал скерцо до трио. После обеда сели с Максом в таксомотор и доехали до угла Каменноостровского и Большого. Оттуда пошли бродить по островам: Каменному, Крестовскому и Елагину, сделали вёрст двенадцать и после одиннадцати вечера вернулись домой.

11 апреля

Сегодня день моего рождения и мне минуло двадцать два года. Я чувствую себя много моложе этих лет, как хорошо бы мне всего девятнадцать, и я жалею, что «стукнуло» уже двадцать два. Сегодняшний день я провёл также, как и все, не справляя день рождения. Много писал партитуру - восемь страниц, т.е. всё трио у скерцо. Кроме того, обдумывал репризу, которая не сочинена.

Карнеевы и Макс прислали телеграммы. Вера Алперс прислала письмо. Бедная девочка, прося мира, она первая протягивает руку, ибо после инцидента на катке я ей не кланялся. Колечка Мясковский сам занёс мне подарок: «Инструментовку» Корсакова, недавно вышедшую под редакцией Штейнберга. Я очень тронут. (Кстати, я докопался, что один эпизод в первой части его cis-moll'ной симфония взят из 2-го Концерта Рубинштейна. Вот так источник для заимствования!)

В семь часов Макс провожал свою мать в Москву. В семь часов пять минут я приехал на вокзал, и мы отправились гулять. На этот раз сели на верх паровой конки и, согреваемые паром из трубы, доехали до деревни Мурзинки, а оттуда дошли до села Рыбацкого. Посидев у берега тёмной Невы, вернулись в «экспресс», а с ним «в Питер». Макс рассказывал биографию Шопенгауэра и его философию, очень меня заинтересовав.

В полдвенадцатого я был дома и принялся за пасхальные поздравления. Закрытое письмо: Черепнину; постальки: Гончаровой, Рудавской, Новиковой. Н.Реберг и В.Алперс в ответ на поздравление; визитные карточки: Венцелю. Николаеву, Павлинову, Моролёву, Каченовскому, Глиэру, М.М.Сеженской. Лютцам, Юрасовскому, Mlle Роблен. А.Н.Есиповой, по обыкновению, будет послана телеграмма.

12 апреля

Утром чувствовал себя нерасположенным к работе, но всё же сделал три страницы Intermezzo. Скерцо я пока отложил, доколе не сочинится реприза.

После завтрака с мамой ездили за цветами и возили их на папину могилу. Затем я зашёл за Максом и мы отправились покупать галстуки, шляпы. Макс хочет «испанскую»; она очень элегантна. Возили в почтамт поздравительные письма, но по случаю страстной пятницы почтамт с одиннадцати часов был заперт. Макс сделал себе новые визитные карточки, а потому посылает их всем подряд, кому нужно и кому не нужно.

Когда я вернулся домой, у меня болела голова. Но я совсем немного работал сегодня. Верно, вчера перезанимался. Выпил порошок цитрованили и голова прошла. В семь часов вечера пошёл к Анне Николаевне за программой на лето, а так как я в будущем году кончаю, то сегодняшний вопрос сводился к обсуждению программы для моего окончания. На окончательном экзамене я решил непременно играть мои сочинения: 1) концерт, 2) ансамбль и 3) «пьесу русского автора». Я очень боялся на этот счёт решительного отпора со стороны Есиповой, ибо история отношений между нею и моими композициями следующая.

О том, что я сочиняю, она несомненно знала до моего поступления к ней в класс, а когда я к ней поступил - хвасталась, что, мол, вот какие теперь ученики завелись у неё: композиторы. Однако композитор брал у неё уроки, а о своих сочинениях молчал. Тогда она сама попросила меня сыграть ей что-нибудь моё. Я сыграл Сонату, Ор.1, получил похвалу и предложение проставить в сонате педаль, которую я немилосердно душил. У меня до сих пор сохранилась эта рукопись, где рукой Анны Николаевны подробно вставлена педаль во всей вещи. Вскоре после этого я стал приносить в класс пьесы Метнера, Скрябина, прослыл ярым

«модернистом» и одновременно с этим Анна Николаевна решила, что и композитор я модерный, т.е. по её понятиям пишу чушь. Про сонату тоже было изменено мнение и сказано (Захарову), что и музыки-то в ней, собственно говоря, нет... Узнав об этом, я объявил, что отныне Анна Николаевна не услышит от меня ни единой ноты, и сдержал слово по нынешний день. Прошлым летом я играл в Павловске мой Концерт, ни словом не обмолвившись о том Анне Николаевне и предоставив ей по газетам констатировать событие. По закону она имела право исключить меня из класса за публичное выступление без разрешения, но она промолчала.

Итак, к сегодняшнему дню. Анна Николаевна была мила и сообщила, что нас кончает целых десять человек, в том числе ученики Тиц, Шнее и Миндлин. Все хорошие, но не на 5+. Из учениц заслуживает внимания Берлин и Цетлин; кроме того, обе очень хорошенькие и состоят под особым покровительством Глазунова. На вопрос, что я хочу из Баха, я указал на Kunst der Fuge, на что последовало согласие с предложением выбрать футу лучше более чем трёхголосную. Про Моцарта я не имел мнения и мне прописали «Фантазию» c-moll (не из сонаты), которую я не знаю. Касательно Бетховена я заикнулся о первой части большой B-dur'ной Сонаты, но она оказалась отданной Шнее и мне пришлось выбрать Op.111[41]. Из Шумана я объявил притязание на Сонату-fis сполна, что и было принято. Про Шопена долго толковали, рылись в тетрадке, но определённого мнения не вынесли. Из Листа Анна Николаевна несмело предложила «Мазепу»[42], но я стал защищать «Тангейзера»[43], который после нытья, что длинно... заиграно... был принят. Тут наступил главный момент: какую я хочу взять пьесу русского автора? Я был крайне удивлён, когда Анна Николаевна охотно согласилась, чтобы я играл свою вещь - какую, она даже не спросила. А концерт? Я сделал осторожное предисловие и назвал свой №2.

- Ну уж, всё своё да своё: это даже нескромно. Выбирайте: или концерт или пьесу для программы!

- А мне казалось, что это-то и хорошо, что у меня есть всех родов оружие.

Впрочем, я быстро согласился играть мой Концерт, а пьесу русского автора не свою. Я уверен, что свою пьесу я дипломатизирую в течение зимы. А в ансамбль надо походить раза два к Блуменфельду; я думаю, что полажу с ним; а там можно играть и мою виолончельную «Балладу».

Анна Николаевна милостиво отпустила меня и ушла в ванну, а я, очень радостный, что мой проект выгорел, поехал домой, где меня уже ждал Макс, чтобы составлять подробный маршрут нашего майского путешествия по нововышедшему путеводителю. Мы с большим увлечением составили длинный и точный план путешествия по Волге. Каспию, Кавказу, Чёрному морю и Крыму, распределив всё по дням и по часам, и назначив выезд на двадцать второе мая (день после экзамена Умненькой, Макса и первого Павловского концерта, очень интересного) и возвращение на двадцать первое июня.

13 апреля

Решил сегодня не особенно заниматься, чтобы опять не разболелась голова. В пол-одиннадцатого мы с Максом отправились в почтамт сдать поздравительные письма, потом к Фрелиху заказать нам летние костюмы, потом к Лейнеру позавтракать (мотор, кюрасо, грав), потом оставалось до трёх полтора часа - заехали к нему, пили чай, потом в Консерваторию аккомпанировать венцелевской

[41] 32-я Соната, ut m.
[42] Имеется ввиду «Двенадцать сложных этюдов для фортепиано». №4 «Мазепа».
[43] «Фантазии и парафразы», для фортепиано, №38.

ученице (девица расцвела, кокетничает и смеётся), потом домой.

Дома с интересом перечитывал том моей корреспонденции за 1912 год, только что мною полученный из переплёта. Только каналья-переплётчик перепутал хронологию писем до апреля. Получил долгожданную корректуру «Токкаты» и, к удивлению, опуса 4. Только почему-то нет первой пьесы, «Воспоминания». Заявил письменно Юргенсону.

Как пишется «Наваждение»? Естественней через «о», но когда года четыре назад я играл его у «современников», кто-то сказал, что через «а», от слова «вадити», повадка. Так я и писал с тех пор, но другие возражают, что надо писать всё-таки «о», от слова водить, наводить. У меня в рукописи «а», в корректуре кем-то уже поправлено на «о», затем зачёркнуто и написано по-старому «а». У кого бы спросить? У Балаева?

В двенадцатом часу я надел фрак и белый жилет и с Максом пошёл в Консерваторию на пасхальную заутреню. Мама, не любя консерваторской толкотни, была с тётей Катей в другой церкви. Мы с Максом надеялись встретить кого-либо из фронтов. Но никого из фронтов не было - консерваторки не оказались патриотичными и встречали заутреню в других церквах. Был Борюся, которого Макс не переваривает, был Глазунов, с которым мне пришлось христосоваться. Когда я столкнулся с Василием Захаровым, он меня быстро спросил:

- Знаешь новость?
- А что?
- Неужели нет?
- Нет...
- Христос воскрес.

14 апреля

Пасха.

Пока я собирался встать, позвонило двенадцать. Я сделал четыре страницы партитуры. От мамы подарок - духи Fleur amie, но мою Guerlain Cadine я ни на что не променяю.

В четыре часа Макс приехал в таксомобиле, и мы поехали делать визиты. Во-первых, к Карнеевым, где обе девочки очень интересны и милы. Пять минут, рубль на чай прислуге и - дальше. Макс должен был заехать ещё к Оссовской, со мной же катался для компании.

У Рузских я расспрашивал о Волге у вдоль и поперёк её знающего Николая Павловича. Затем следовали Себряковы (четыре минуты), Ястребовы, Орловы и Оссовские - все не принимают.

Андреевы очень заинтересованы моим новым Концертом, просят демонстрации у них с музыкантами, как только Концерт будет окончен; они были у Мещерских перед их отъездом, где Романовский с успехом разыгрывал мой «Гавот».

У Умновых принимала только Лидочка, остальных же не было дома. Мой четырёхминутный визит был незначителен по разговорам, ибо какой-то белобрысый юнкер тоже делал визит. Но... уж не потому ли осталась Умненькая сидеть дома и не поехала из дому со своими, что она надеялась видеть меня? В моих последних телефонах я определённо заявил, что не прийду к ней в гости - быть может, сегодня она, надеясь на мою приверженность светским обычаям, и догадалась, что всё-таки я, бывая у них в течение зимы, сочту неудобным обойти пасхальный визит.

Макс уехал к тётке, а я заехал за мамой, которая хотела прокатиться в автомобиле, взял её, сделал визиты Коншиным, Сабурову и Корсак, пожалел, что Мещерские в Крыму, и с мамой поехал к Раевским обедать.

15 апреля

С утра до двух сидел над лёгкой партитурой интермеццо. Сделал восемь страниц. В половину третьего зашёл за Максом на его Невский, 63 и предложил ему большую прогулку. Мы прорезали Летний сад, весь Каменноостровский, Каменный и Елагин острова. Старую деревню и вышли на Сестрорецкое шоссе. Глядя на то, как два молодых человека, кокетничая с молодой хорошенькой девчонкой, учили её править огромным автомобилем, мы разожглись не столько на девчонку, сколько на автомобиль. Я заявил, что не в это, а в будущее лето мы должны сделать путешествие по России в автомобиле, что будет колоссально интересно, ново и даже романтично и что, в конце концов, это будет совсем не так дорого стоить, ибо автомобиль по случаю можно купить тысячи за две, а потом за полторы продать. Макс заявил, что такую поездку сделать необходимо, а ежели он получит наследство, то уж конечно, автомобиль у нас будет шикарный.

Прийдя в Лахту, мы слегка замёрзли, так как несмотря на отличную погоду, было всего R11°, а мы были в одних летних пиджаках. Выпив по рюмке Martel, мы, согласно расписанию прогулки, сели в поезд и поехали в Сестрорецк. Из Сестрорецка пешком шли в Белоостров. Сбились с пути. Между тем начало темнеть. Однако мы, взобравшись на пригорок, вскоре увидели вдали настоящее шоссе, добрались до него и благополучно пришли в Белоостров, вместе с темнотою и с курьерским поездом на Петербург. По дороге мы миновали то место, где я в 1910 году первый раз в жизни обменивался поцелуями - с Тоней Рудавской; но место застроилось и приняло иной вид и, хотя у меня отлично запечатлелся в памяти поэтический уголок, я так его и не видал.

Сидя в вагоне-ресторане и поглощая бифштекс, мы живо докатились до «Pietari» и пошли искать таксомотор. Таковых не оказалось - мы пешком бодро отправились по домам, промаршировав в общей сложности (считая наше блуждание у Сестрорецка) двадцать пять вёрст и крайне мало устав. Спал отлично.

16 апреля

Утром делал четыре страницы интермеццо и поиграл с величайшим удовольствием каденцию первой части. Она начинает выходить, великолепно звучит и хорошо лежит в пальцах.

К двум часам пошёл на концерт Раи Ливщиц, главным образом, по желанию Макса. Рая имеет прекрасную пальцевую технику, остальное же ни к чёрту не годится, концерты давать ей рано и сегодня было невыносимо скучно.

Вернувшись домой, немного почитал «У последней черты» Арцыбашева; хороший слог и вообще писатель отличный. Потом писал дневник.

В «Музыке» огненная статья Мизантропа, сиречь Мясковского, о Беляевских концертах. Досталось и руководителям, и бездарным авторам, исполненным в концертах. Затем вопрошается, почему не играется Черепнин, Мервольф и прочие, в том числе и я: «молодой, кипучий С.Прокофьев»...

Вечером пошёл к Штемберам, у которых я обещал побывать на праздниках. Сони и Нади дома не было, Кокочка вёл серьёзные музыкальные разговоры, а папочка и мамочка относились ко мне ласково и даже с любовью. Просидев полтора часа, я удрал.

17 апреля

В десять часов аккомпанировал венцелевской девице Яцыно. Всё сошло благополучно. Глазунов был необычайно весел и даже изволил шутить со мною: в

ожидании начала экзамена я сидел за столом, где обыкновенно продают программы: на столе стояла металлическая тарелка для денег, а самих программ ещё не было. Глазунов шёл мимо, увидел меня, засмеялся и шутливо сказал:

- Что это, у нас новая барышня продаёт программы?

Я ответил весело:

- Продавать-то продаёт, да только самих программ нету!

- Ну, а я всё-таки вам рубль положу! - сказал он и, щёлкнув рублём на тарелку пошёл дальше. Через несколько минут я пришёл в артистическую, где был и Глазунов. Он опять повторил свою остроту, что, мол, барышня, продающая программы, пришла. Потом любезно осведомился, ничего ли, если Яцыно будет играть не сейчас, а немного попозднее.

Не к добру весёлое настроение... запьёт!

Позавтракав у Лейнера, я вернулся домой, ибо меня очень тянуло к моему Концерту. Инструментовал однако мало, зато сделал порядочный кусок клавира. Пишу, оставляя пустое пространство для сольной партии, предоставляя её вписать переписчику с партитуры. При издании надо непременно сделать у партии Solo скобку фортепианную, а у партии сопровождения скобку оркестровую, тогда сразу будет бросаться в глаза: где оркестр, а где фортепиано.

В семь часов обедал у Сабурова, который, видно, очень любит меня. Обедал только его сын. Старик играл переложение Гензельта «Кориолана»[44]; очень хорошая увертюра, очень милое переложение и для 75-летнего исполнителя очень бойкое исполнение.

18 апреля

В течение утра сделал мало: три страницы интермецца; ужасно оно длинное. В два часа было условлено с Максом встретиться в Консерватории, на выпускном экзамене Николаева. Николаев сбрил бородку и очень забавен. Миклашевский, которого я считал не симпатизирующим мне, подошёл и с долей почтительного любопытства осведомился, правда ли, что у меня уже сочинён второй Концерт. Я удовлетворил его любопытство и любезно пообещал сыграть ему оба.

Я скоро вернулся, достав в библиотеке 2-й Концерт Листа, и мы с Максом следили по нотам исполнение этого Концерта николаевской ученицей. Этого Концерта я раньше не знал. У него прелестная первая тема, но как-то не ощущается вершин, если окинуть взглядом всю пьесу. Должно быть, они ощутятся, когда Концерт исполняется с оркестром. Фортепианный стиль очень интересен, но есть места и совсем неинтересные для пианиста. Констатирую этот факт для собственного успокоения.

После листовского Концерта стало крайне скучно - интересных лиц не было, и я ушёл писать Концерт. Сделал ещё пять страниц. В девять часов вечера пошли с Максом гулять. Дошли до Стрелки, а оттуда обратно до угла Каменноостровского и Большого проспекта. Большие прогулки нам теперь нипочём, и мы незаметно прошли весь путь. Затем сели в шикарный «турист» и развезлись по домам.

19 апреля

С утра до двух инструментовал интермеццо. Слава Богу, виден у него конец, завтра, должно быть, кончу. Но Боже мой, какое оно вышло длинное! Я совсем не хотел этого, а между тем выкинуть ничего нельзя, иначе пройдёт идея формы. Идея эта состоит в том, что из соль-минора музыка идёт куда-то, приходит к трио,

[44] Людвиг ван Бетховен, «Кориолан», увертюра ut m (Op.62).

а в репризе возвращается назад к соль-минору, причём большинство тем – в обращении, а общая тенденция - идти сверху вниз и от forte к piano; тогда как в начале тенденция - снизу вверх и от piano к forte.

Днём ходили с Максом к Фрелиху заказывать летние костюмы. Мы хотим красные. Когда я сказал об этом у Раевских, то там поднялся гвалт, а теперь у Фрелиха не оказалось желательной материи. Обещал поискать.

Вечером были гости, главным образом, Яблоньские, а с ними барышня, снимающая у них комнату, красивая пышная армянка, учится петь у Жеребцовой и хотя только с осени собирается в Консерваторию, но уже отлично знает разные консерваторские сплетни. Обо мне уже слыхала от Жеребцовой-Андреевой - сегодня была в восхищении от моей игры и от живости характера. Мне она сначала не очень понравилась, показалась груба, но потом приглянулась. Глаза её напоминают своею природной утомлённостью глаза 19А, но та вся тоньше, элегантней и лучше.

Мама слышала в первый раз скерцо из Сонаты Ор.14 и очень им восхищалась.

20 апреля

Вместо инструментовки захотелось сочинять пьеску для Ор.12, который я хочу начинить десятком пьес, несколько более популярными, чем мои другие пьесы. У Мещерских всегда мой «Гавот» называли «Ригодоном»; наконец я заинтересовался, чем собственно отличается ригодон от гавота и, порывшись в книге Петрова, нашёл, что это почти одно и тоже, но гавот в начале имеет две четверти за тактом, а ригодон - одну. Я как-то начал сочинять ригодон, но бросил, а сегодня на ту же музыку сочинился недурненький ригодончик, в который вошла и тема, когда-то предназначавшаяся для Концерта и состоящая из забавной последовательности побочных трезвучий и септ-аккордов. Немного посидеть - и ригодон будет готов.

Днём, чтобы пойти проветриться, ходил в Консерваторию; сидели с Максом на выпускном экзамене посторонних лиц («лиц, посторонних музыке» - по выражению Николаева). Какой славный 1-й Концерт Рахманинова (первая часть)! Несмотря на несостоятельность музыки и на некоторую детскость - какое приятное впечатление от искренности, нежности и прелестного настроения. Кроме того, он безупречно фортепианен и в нём безусловно нет служебных или неинтересных мест для солиста. Я говорю о первой части, второй и третьей я не знаю; говорят, они слабы.

Послан Умненькой рассказ Муйжеля, вырезанный из «Огонька». Героиня очень напоминает Лидочку, но немного карикатурнее её, и герой бежит от неё к другой барышне, в которой жизнь бьёт ключём. Над заголовком я написал синим карандашом: «Этот рассказ несомненно посвящается вам, мой друг!»

Вечером был с мамой у Корсак, которые всегда милы ко мне; ради сохранения приличий надо было съездить к ним. От Корсак поехал к Рузским, у которых сегодня собиралась молодёжь. Ничего интересного не было, да я и не люблю бывать на их вечерах молодёжи: лучше, когда большие, т.е. господа музыканты. Если у Мещерских я люблю барышень и равнодушен к родителям, то у Рузских наоборот: я очень люблю родителей и совершенно равнодушен к девицам.

Мещерские и Рузские терпеть не могут друг друга, но у них есть общие друзья - Кишинские: две барышни и их брат. Старшую Кишинскую я знал и раньше, а вторую, Варю, я до сегодняшнего дня не отличал от толпы. Между тем она подруга Нины Мещерской в гимназии Оболенской, а Володя Дешевов, захлебываясь, восхищался её интересностью. Сегодня она сама подошла ко мне, и мы довольно долго говорили о Мещерских.

Во втором часу я удрал домой.

21 апреля

Утром долго провалялся и пошёл проветриваться - к Максу показать образчики для костюма, принесённые портным. Пока я просидел у него да вернулся обратно, уже был час и я интермеццо сегодня не кончил, ибо в четыре мы уговорились с Максом идти на прогулку.

Звонила Умненькая. Вчерашний рассказ её задел за живое: ведь правда, в нём многое соответствовало её характеристике, но другое было преувеличено. Это-то её и задело, и Умненькая требовала, чтобы я сказал ей, что она совсем не похожа на героиню рассказа. Я отвечал, что наоборот, в рассказе она ещё недостаточно ярко охарактеризована. На Умненькую произвела впечатление краткость моего пасхального визита, она жаловалась, что не успела даже рассмотреть меня, а она по мне соскучилась. От моего вчерашнего конверта пахнуло моими духами и она очень обрадовалась. Словом, сегодня я должен придти к ним. Я ответил: ни за что. ещё испугаю её своим поведением... Умненькая рассердилась. Кроме того, сегодня я отправляюсь в длительную прогулку. Куда? К холерному кладбищу. Она пришла в ужас и просила меня идти куда-нибудь в другое место, а то ещё, храни Бог, заражусь и помру, так ей будет меня жалко.

Простившись с Лидой, я зашёл за Максом, и мы отправились в путь по намеченному маршруту. Пройдя с полчаса, мы вспомнили, что карта осталась на столе, но возвращаться не хотелось, и мы пошли без неё. Во-первых, мы запутались на Волковом кладбище, которое должны были пересечь, долго бродили по его окраинам, прыгая по сползавшим в канал могилам. Наконец, найдя дорогу, мы добрались до соединительной железнодорожной ветки, которая ввела нас в сомнение, ибо мы приняли её за полотно Николаевской дороги. Разрешив это сомнение, мы пошли далее. Здесь мы полагали следовать по дороге, идущей мимо холерного кладбища, и затем, свернув с неё, прийти в Обухово, но не попали на эту дорогу, а пошли по какой-то другой. Эта последняя была ужасная, шла по болоту, местами прерывалась, ледяной ветер замораживал нас, а главное, мы не знали, куда идём. Наконец мы очутились у Фарфоровского поста Николаевской железной дороги, по полотну дошли до Обухова, там с мостика, перекинутого через станцию, любовались на промчавшийся кисловодский экспресс, грелись чаем в извозчичьем трактире, глядели на местные «фронты» и, находя их неплохими, решили, что было- бы недурно завести где-нибудь в окрестностях фронт первой категории, и наконец, погрузившись в поезд, вернулись в Петербург.

Я позвонил Умненькой, сообщая ей, что не попал на холерное кладбище, и имел с ней длинный, приятный разговор.

22 апреля

Нынче большой день в Консерватории: последний экзамен оканчивающих по фортепиано; играют восемь человек, получившие за программу 5+, конкурируя на три премии, на три рояля (по случаю L юбилея, всегда же один рояль). Мы с Максом явились к десяти часам и застали уже наполненный зал. Надеялись видеть много фронтов, но конкурс сам по себе представлял такой интерес, что мы скоро забыли о них. «Начаенные» служители пропустили нас вперёд и сидеть было не тесно.

Первый играл Бай, ученик Дроздова. Концерт Чайковского. Хорошо, со свистом в пассажах, с силой и темпераментом, с должной выразительностью. Но местами гнал в ущерб идеи. Затем Катюша Борщ - моя давнишняя любовь - очень шло сыграла e-moll`ный Концерт Шопена, но после Чайковского и Бая это выходило скучновато и несколько бледно. Следующий за нею её товарищ по классу Бариновой, Рабинович, пианист с пустой головой и блестящими пальцами,

сверкающе сыграл Концерт Листа. Я готов был держать пари, что он получит премию. После Рабиновича был маленький антракт, и мы с неохотой пошли слушать двух девиц: Лапину от Дубасова и Моцейкевич от Цурмюлен (ту самую, радуясь за которую некогда плакала профессорша). Лапина действительно играла плохо, а Моцейкевич ничего бы, да Концерт Глазунова вогнал всех в сон. После Моцейкевич - большой антракт. Народу - мириады. Много Захаровых, братьев, сестёр, жён; Лидуся и Зорюся, очень интересные; Сабуров; Мяскушка; фронтов мало; 19А мне нравится, но мы не знакомы. Рудавская сообщает, что у неё затронуто лёгкое, а Маруся Павлова очень плоха: у неё форменная чахотка и она где-то в санатории в Финляндии. Мне искренне жаль Мариночку. С тех пор, как я встретил её при разъезде с консерваторского юбилея об руку с Захаровым, я её ни разу не видал и не мог понять, куда она девалась. К «затронутому лёгкому» Рудавской я отношусь, как к некоторому кокетству; а может быть, это и правда. В антракте толкотня невообразимая, до буфета не добраться. Зоя хочет пить. Макс каким-то чудом достаёт стакан молока и через всю Консерваторию любезно тащит его Зое. Она тронута.

После антракта началась самая интересная часть экзамена: играл класс Есиповой. Позняковская с необычайной тонкостью и блеском исполнила Концерт c-moll Сен-Санса, вызвав бурю аплодисментов. Её всегда хвалили, но я относился к ней несколько скептически. За ней появился бледноликий экс-друг мой Захаров. Два княжича царской фамилии приехали его слушать. Он был вероятным кандидатом на рояль, ибо Есиповна его всегда выдвигала. Я считал его недостойным рояля, так как всегда говорил - и ему самому во времена дружбы - что он талантлив в жизни, но неталантлив в музыке. Макс слушал с ненавистью, Карнеевы с благоговением. Захаров заметно волновался, был бледнее окрашенного в молочный цвет органа, служившего фоном его лицу, и несколько раз попадал мимо клавиш. Игра сухая и резкая: рахманиновской теплоты, томности и страстности - ни капли. Успех ниже среднего - и Захарова сменил Зейлигер. Я думал: неужели всё-таки ему присудят премию? Неужели Позняковская, Рабинович хуже него? Или я пристрастен? Я пытался себя проверить: боялся ли бы я конкурировать с Рабиновичем? - пожалуй; с Захаровым? - нет. А между тем премию ему почему- то присудят. Зейлигер исполнил тот же Концерт, что и Рабинович. Первая половина была сыграна глубже, чем у Рабиновича, но вторая - менее блестяще. Затем всех прогнали из зала и профессора заперлись в нём для вынесения вердикта. Я бы присудил рояли Позняковской, Зейлигеру и Рабиновичу, но ареопаг рассудил иначе: правда, первый рояль получила Позняковская, но два других преподнесли Баю и Моцейкевне. Аудитория молча выслушала неожиданный приговор, а Борюся исчез, едва пронёсся слух, что его обошли. Я ничего не имел против того, чтобы Захарову подрезали крылья, тем более, что его талант не так велик, чтобы быть на пьедестале. С другой стороны, его крушение вызвало более мирное отношение к нему.

Вернулся домой в седьмом часу, почувствовал себя крайне утомлённым, но всё же сделал пару страниц.

23 апреля

Инструментую финал. Право, никак не ожидал, что инструментовка так растянется и затянется. Ведь у меня ещё реприза и скерцо не готовы.

В два часа пришёл в Консерваторию для свидания с Черепниным насчёт акта. Я дирижирую тремя фортепианными Концертами: Чайковского, Глазунова и Сен-Санса (c-moll). Кроме того, двумя сочинениями оканчивающих учеников: Карновича, «Вариации», о которых я уже получил понятие перед Пасхой, и

Шапошникова, вступление к балету. О Шапошникове я уже слыхал летом, так как Сараджев играл его балетную сюиту в том же сезоне, что и мой Концерт. Его хвалит Мясковский.

Если же на акте пойдут лёгкие вокальные номера, то их дадут махать Цыбину или Дранишникову. Об инструментальных разговору не было, вероятно Черепнин хочет скушать сам.

После собеседования об акте, я встретился с Максом, и мы пошли выбирать материю на костюм. Мы хотим красную, такой красный цвет Макс видел у своего дяди, артиста. Портной нигде не мог найти и вот мы отправились на самостоятельные поиски, обошли одиннадцать магазинов и, убедившись, что красного нет, вернулись в свои квартиры.

Дома инструментовал и рассматривал партитуры взятых мною Концертов Чайковского и Глазунова. Какая безобразная инструментовка у последнего! Все голоса удвоены и утроены, всё так жирно и массивно, что бедного солиста совсем не будет слышно. Зло берёт, когда смотришь на какой-нибудь занимательный рисунок у фортепиано и видишь, что он покрыт квартетом, поверх квартета духовыми, да ещё иной раз с тромбонами.

К одиннадцати часам я пошёл на Варшавский вокзал провожать Есипову. уезжающую заграницу. Было крайне пикантно посмотреть на Зейлигера и Захарова. Оба они весь год боялись друг друга, конкурировали на рояль и оба остались без рояля. Но на вокзале оба выдержали характер: имели весёлый вид и Зейлигер рассказывал сплетни на ухо Дроздову, причём оба фыркали, а Захаров старался оживлять общество и мило острил. Есипова поручила мне быть внимательным к Позняковской на акте, причём Позняковская вставила:

- Имейте ввиду, я очень сердитая, - на что я ответил:

- Но во всяком случае я вдвое сердитее вас.

Затем поезд отбыл, сопровождаемый маханием шапок, а я вернулся домой.

Мы с Максом обменялись палками. Мне всегда нравилась его палка, ему же приглянулась моя. Он предложил мену, на которую я очень охотно согласился. Его палка шикарней, хотя моя была оригинальней.

24 апреля

К двум часам устал заниматься и по уговору с Максом пришёл в Консерваторию. Но там ничего не было - скучный виолончельный экзамен и никого интересного. Мы отправились в общество «Самолёт» узнать, по каким дням какие идут пароходы. Николай Павлович Рузский дал список, на каких пароходах надо ехать, а на каких не стоит. По дороге зашли к Алфёрову, я взял сто рублей; сорок дал Максу. По поводу уладившегося вопроса о Скутари и занятии Албании европейскими державами биржа лезет вверх и обещает мне выигрыши.

Вернувшись домой, инструментовал; затем пошёл в Малый театр. Когда я осенью просил у Рудавской билеты на Морской бал, то обещал достать ей взамен даровые в Малый театр (через Макса и его дядю). Теперь она напомнила мне об этом обещании - Макс достал четыре кресла и мы отправлялись вчетвером: Макс, я, она и какая-нибудь её подруга - на её вкус. Перед театром я остриг голову под нулевой номер. Я всегда на лето стригусь гладко, теперь же сделал это на месяц раньше, потому что очень лезли волосы. В театре вся компания так и фыркнула при моём лысом виде и всё время возмущалась и потешалась этой фантазией. Рудавская была ужасно скучна и как-то странно ревнива, стараясь меня отстранить от общества её подруги Тамары, которая, кстати сказать, оказалась весёлой тараторкой и славной мордочкой. Пьеса - «Танцовщица» - в первой половине была занимательна, во второй - скучна. После спектакля Макс достал мотор и мы, весело

болтая, отвезли барышень на их Архиерейскую, а потом развезлись по домам.

25 апреля

Утром пришлось досочинить кое-какие неготовые пассажи для финала, а потому инструментовал всего две страницы. Меня начинает беспокоить, когда же я кончу Концерт: ведь финал-то длинный, да ещё клавир надо делать, а тут подоспевает акт и много работы по части акта.

К двум часам я пришёл в Консерваторию послушать ауэровских учеников. Заниматься более, чем до полвторого я не хочу, а то у меня начинает болеть голова.

Видел 22А (старая 22А переименована в 14Б, а это новая). Я с ней ещё не знаком, но она мне очень нравится. Ауэровских учеников я не слыхал, так как сначала играл класс Налбандяна, а в четыре часа мне пришлось пойти заниматься с Черепниным по поводу надвигающегося акта.

Играл Шапошников вступление и танец из своего балета. Я зевал до слёз. Очень модерно, дёшево, запутанно, а музыки нет. Дирижировать не трудно, но с учением музыки придётся повозиться: партитура очень цветистая и в квадратный аршин величиной. После Шапошникова играл свои вариации Карнович. Эта музыка совсем не модерная, не слишком талантливая, но хорошо сделанная, порою остроумная и, право же, очень милая. Из десяти вариаций четыре выкинули, оставшиеся же автор принесёт мне в субботу вечером. А в воскресенье уже первая репетиция. Вообще теперь у меня куча работы с актом. Мой милый, бедный g-moll'ный Концерт, когда же я тебя кончу?

Вернувшись домой, сел инструментовать, но пришёл портной с примеркой; приехал Макс посмотреть, каково выглядит материя в моём новом костюме, чтобы заказать себе.

Разбирал балет Шапошникова; ругался. Максу понравилась «Аллеманда», «Ригодон» (неоконченный). Я хочу дописать к осени все десять пьес для моего 12-го опуса и издать их, продав Юргенсону за тысячу рублей. Макс возражает, что для того, чтобы заплатить такой куш надо, чтобы разошлись мои предыдущие сочинения. Предлагает пикантный проект: раскупить мою Первую Сонату, пожертвовав на неё хоть пятьдесят рублей. Завтра он заходит в магазин и требует два экземпляра, затем посылает сестру, кузена, затем я сам захожу и т.д.

Какая ерунда балет Шапошникова, ужас!

26 апреля

Мой дневник отстал на три дня. а потому сегодня пришлось пожертвовать утро, чтобы привести его в порядок. В промежутках играл балет Шапошникова и сердился на автора.

К двум часам пошёл в Международный банк сделать ставку в Парвияйнен. Эта проклятая бумага прыгнула, обещая восемьсот рублей прибыли (в моей компанейской афере), но я не успел её продать, как она вновь спустилась.

Затем купил себе испанскую шляпу, как советовал Макс, очень кривые ботинки и два экземпляра моей Сонаты (подарю Венцелю и Винклеру) и пошёл в Консерваторию на публичный экзамен оканчивающих по пению. Там масса нарядной публики и масса народу. Моя остриженная голова продолжает служить предметом удивления, восклицаний и возмущений. Некоторые сразу не узнают меня. Францис, высоко подняв плечи и брови, прошептала:

- Ф ка-ком вы вви-дде?!...

С Катюшей Борщ вышло хуже: она бегом налетела на меня, остановилась как вкопанная, фыркнула и, обернувшись назад, закричала своим знакомым:

- Идите скорее сюда! Я вам покажу что-то очень смешное!

Черепнин спросил:

- Как же вы на акте дирижировать будете? Повернитесь-ка спиной... Ну конечно, все и скажут, что лысый!

Вообще же восклицаниям не было числа. Вчера Макс высказал предположение, что я, кажется, скоро буду бить тех, кто заикнётся о моей куафюре[45]:

- Что это у вас с...

- А хотите в морду?

Сегодня на экзамене я видел Наташку Гончарову, прелесть какую хорошенькую, но она, к сожалению, разменяв у меня три рубля, куда-то умчалась и сгинула, успев, однако, крикнуть: «Мой кумир!...»

Клингман сидела на одном стиле с 22А. Потом Клингман сообщила мне, что фамилия 22А - Белокурова, что она ученица Фострем.

Затем я пошёл заниматься с Черепниным и проходить с ним концерты Чайковского и Глазунова, а когда прохождение окончилось, отправился домой. Экзамен пения был к тому времени ликвидирован.

Вечером были Раевские: играли в «винт».

27 апреля

Едва я проснулся, как палкой по голове меня хватило письмо Макса: «Сообщаю тебе последнюю новость - я застрелился».

Я заметался по кровати, по комнате, подошёл к зеркалу, выскочил в соседнюю комнату. Моя первая полусознательная мысль была: зачем же, зачем ломать так счастливо сложившееся течение жизни?! Он говорил несколько раз, что застрелиться очень просто, что это даже «страшно шикарно», иной раз он обдумывал, как-бы это сделать... и я знал, что он ни в грош не ставит жизнь. Он мог так же просто застрелиться, как иной раз выпить залпом рюмку бенедектину и найти это «страшно шикарным». Ужас охватил меня от вероятности события – и в то же время хотелось думать, что что-нибудь да не так. В это время позвонила его тётка Софья Ивановна и перепуганным голосом спросила: что значит письмо, которое она только что получила. Макс писал ей, что решив лишить себя жизни, он избирает укромный уголок, дабы избавить родных от возни с похоронами и полицией. Матери ничего не пишет, потому что не поднимается рука.

Какие причины?

Нет причин. «Причины не важны» - криво приписано в письме ко мне. Я вызвал мотор, быстро оделся и поехал к Софье Ивановне. После краткой, ни к чему не приведшей, попытки выяснить причины катастрофы, мы поехали заявить в участок, а оттуда в сыскную полицию, прося всюду сообщать результаты не матери, но Софье Ивановне. Затем мы отправились на Финляндский вокзал, чтобы выяснить штемпель на письме: он был финляндский, но совершенно непонятный, неизвестно откуда шла ужасная весть.

И вот по дороге раскрылись все причины. После смерти отца Макса семья осталась в бедности и всё время тянула с трудом существование. Макс презирал труд, Макс стыдился бедности, Максу надо было, чтобы всё было «страшно шикарно», чтобы пускать пыль в глаза, чтобы поражать всех. Даже материального благосостояния Максу было мало: ему надо было швырять деньги - в этом было его счастье. А между тем дома была бедность. Первый шаг к наклонной плоскости, по которой он скатился в бездну, было лето 1911 года, когда Софья Ивановна поручила ему дела своей театральной антрепризы в Пятигорске. Он повёл их

[45] Причёска, от coiffure (фр).

отлично, доходы Софьи Ивановны увеличились, ему, безусловно, верили и кучи денег - все выручки из касс - потекли через его руки. Он швырял их как хотел, и был «страшно шикарен». На следующее лето, т.е. теперь, это повторилось, но сверх того он подружился со мною и дружба эта погубила его. Он страшно привязался ко мне - и перед кем же блистать, как не передо мной? В Ессентуках у меня были деньги - рублей 350 на полтора месяца - и я, не имея других приятелей, кроме Макса, тратил их всегда в его присутствии и притом довольно свободно. Его пример швыряния был крайне заразителен, и я не раз под его влиянием швырял по двадцать пять рублей на ерунду - стало быть, был шикарен в его глазах. Настала осень и благосостояние Макса кончилось. У меня же, хотя биржа и упала, деньги всё же были в достаточном количестве. Но Макс не хотел сдаваться: он мне рассказывал о богатстве своих родных, о средствах матери, а если у него на руках и не было денег, так это потому, что мать решила его взять в ежовые рукавицы. Вообще я и не имел понятия об их бедности, считая всю семью богатой и привыкшей швырять деньги. Когда нам пришла фантазия поездки на Иматру - а Макс всегда бредил путешествиями - то он заявил, что у него не осталось ни капли денег. Я предложил ему. Он сначала ответил, что не хочет делать долгов.

- Какие же это долги? - возразил я, привыкший, что Макс бросает десятки рублей зря.

На Рождество ему ужасно хотелось в Симферополь. Какие-то деньги у него были, но не хватало. Я дал ему сто рублей и он, очень довольный, уехал. В конце января мы ездили вместе, причём я опять давал ему. Он сочинял басни, что получит к лету от матери пятьсот, да ко дню совершеннолетия от Софьи Ивановны полторы тысячи. Далее последовала сказка об умирающем дедушке с наследством в сто тысяч для Макса и прочее. Я ему, безусловно, верил и считал его если не богачом, то, во всяком случае, человеком очень обеспеченным. Дома и у Софьи Ивановны удивлялись его тратам, его деньгам, пошибам, моторам, ресторанам... Он же и там рассказывал сказки. Выходило, что Прокофьев имеет до двадцати пяти тысяч годового дохода, сыплет деньгами и даёт ему, не считая. И вот Макс, выросший без средств, презирающий работу, всей душой рвущийся к блеску летящего золота, к праздности и шику, попадает в заколдованное царство. Он околдован и остановиться не может: мне он говорит про сотни тысяч родственников; родственникам - про миллионы Прокофьева. Он сам настолько втягивается в созданный им мир богатства, что вернуться в мир реальной бедности у него не хватает сил. Он идёт к краху, к моменту, где у него откроется вся ложь, вся несостоятельность, где чудесный замок рухнет. Но он не ценит жизнь, он не дорожит ею, бедность до того ужасна, что жить в ней не стоит, а за чудесный звон злата можно отдать эту дешёвую жизнь. И Макс беспечно даёт себя унести потоку, созданному им самим, верит в собственную ложь, наслаждается воздушным замком, весел, доволен и знает, что он уж больше не вкусит от бедности, смерть спасёт его от этого несчастья. А что такое смерть сравнительно с нищетой - ерунда! И Макс со спокойной душой веселится в неожиданно создавшемся золотом замке.

Крах пришёл вместе с летом. Приближалось время отъезда в путешествие по Волге, Кавказу, Чёрному морю и Крыму, путешествие, о котором мы толковали всю зиму. Начиналась летняя обмундировка, пора было делать дорогие костюмные покупки, а затем и брать билеты. Макс толковал о полутора тысячах от тётки; своим родным - о том, что Прокофьев везёт его за свой счёт. Дело шло к развязке, денег не было, портной ждал образчика для костюма и уже шил мой, а я торопил Макса с покупкой летних ботинок и шляпы. Макс был прижат к стене. Взять денег негде, а объявить свою несостоятельность - какой скандал, какой позор, какое падение. Он будет уже не тем Максом, шикарным и беспечным, а жалким упавшим фанфароном, который смирно должен переносить насмешки, жить в бедности и

трудиться презренным трудом. Это ужасно, это выше сил... А избавиться от этого так просто, так легко, всего лишь застрелиться. А если обставить смерть таинственностью, если просмаковать дикую красоту этого акта. Боже, как «страшно шикарно» закончит он свою поэму!!...

Накануне Макс был весел и беспечен. Встав рано утром, оделся с иголочки: лучший костюм, лакированные туфли, фрачная рубашка, одинаковый со мною галстук, вероятно, закурил сигару и сел в мотор. Чувствуя себя с ног до головы шикарным джентльменом, он сел в купе первого класса и написал пару шикарных писем, другу и тётке: «сообщаю тебе самую свежую новость - я застрелился», «чтобы не было хлопот с полицией, я найду такой уголок, где никто меня не сыщет...».

На глухой финляндской станции он вышел из вагона и углубился в лес. Ушёл на десятки вёрст, в глушь и дебри. И на берегу глубокого озера - или среди топкого болота застрелился, сгинув в пучине бесследно, загадочно и красиво. Я уверен, когда он вставил в рот дуло револьвера и положил палец на собачку, готовую спустить заряд, он с необычайной остротой почувствовал на своих ногах лакированные ботинки, вокруг себя дремучий лес, а под собой бездонную пропасть - и с мыслью «страшно шикарно» оборвал жизнь.

Не лучше ли это, чем скончаться в измятой постели, корчась от спазм, обливаясь потом и беспомощно шевеля глазами?!

Итак, мы с Софьей Ивановной приехали на вокзал. Мне стоило больших хлопот установить, что за штемпель на письме, и только разыскав одного почтового чиновника на его квартире и разбудив его, я узнал, что это штемпель почтового вагона, какого - неизвестно. Надо было поехать поговорить с матерью. О письмах мы решили пока ничего не говорить. По дороге мы строили всякие предположения; я был уверен, что Макс покинул поезд на какой-нибудь маленькой станции и углубился в лес. Софья Ивановна сказала, что в таком случае он кончит с собой, конечно, не у станции, а уйдёт далеко, пока возможно, пока хватит сил. Быть может, он и до сих пор ещё жив и всё ещё идёт... Эта мысль меня ужасно поразила: быть может он, постепенно откладывая момент самоубийства, совсем оставит эту мысль и просто уйдёт куда-нибудь и скроется от мира? Переплывёт в Швецию и затеряется в чужих краях? Быть может, он совсем не хотел застрелиться, но хотел сгинуть с глаз мира, зарабатывать хлеб, но не прозаический хлеб петербургских уроков или кинематографов, а хлеб, окрашенный поэзией авантюры, переходить из края в край, ища богатства и издалека наблюдая по газетным урывкам, что делается в похоронившем его Петербурге...

Некоторые обстоятельства подтверждали это предположение - уходя, он одел чистое бельё и хороший костюм; он взял с собой мои письма, которые любил - не как воспоминание ли о прежней жизни? Он взял с собой склянку от мозолей, данную ему мною вчера. Я начинал надеяться.

С его матерью делалось Бог знает что, у Катюши по щекам катились слёзы. Мы с Софьей Ивановной постарались их утешить, затем я поехал домой. Моя мама выражала мне большое сочувствие и поехала со мной на Финляндский вокзал, где я хотел продолжать расследования о штемпеле. Узнал я мало: письмо было брошено в поезд, пришедший в Петербург вчера вечером, а где брошено - этого никто не мог сказать. Я отправился к Софье Ивановне, где застал и дядю Макса, известного артиста. Он находил, что это проявление психической ненормальности.

Вечером мы с Софьей Ивановной опять были на вокзале, привезли с собой портрет Макса, разыскали кондуктора того поезда, с которым мог уехать Макс, и старик-кондуктор признал в портрете пассажира первого класса, ехавшего до Териок. Это давало совсем новую идею. Почему до Териок? Там жил человек,

распространяясь о Максе, стал вести пустой разговор. Зоя вскоре рассказала, что Борюся вчера был в Териоках, а сегодня благополучно вернулся обратно. Значит, ничего подобного вроде стрельбы в Захарова, а потом в себя, с Максом не случилось.

С этим наши розыски на сегодня окончились, я вернулся домой и лёг спать. В моей отдалённой комнате я чувствовал себя слишком одиноко и предпочёл спать в столовой.

Мать Макса не венчана с его отцом: Макс незаконный сын и не имеет дворянства, о котором говорил; он собственно не Шмидтгоф, а Лавров (по матери) и даже не Анатольевич, а Иванович.

28 апреля

Утром, лёжа в постели, я почувствовал себя одиноким до отчаянья. Вчера боль утраты смягчилась горечью обмана: ведь всё, что ни говорил мне друг, которому я безусловно верил, было ложью! Но теперь я ему всё прощал перед лицом ужаса того одиночества, на которое я был обречён. Правда, того великолепного Макса, каким он мне себя рисовал, никогда не было, но с мифом я расставался без сожаления, я легко мирился с ложностью его блеска. Но Макс погиб, Макса нет, я одинок, и Боже, как я слаб и беспомощен! !

Это ужасное чувство меня покинуло, когда пришёл Карнович и стал проигрывать мне вариации для исполнения на акте. Слава Богу, хоть первая репетиция с понедельника переложена на вторник, а то бы я прямо отказался дирижировать на ней.

Очень меня развлекла прогулка с Умненькой: мне было с ней приятно и легко, и даже весело, несмотря на то, что мы уже успели поссориться из-за её нежелания ехать на острова. Вечер я провёл у Мясковского. Играл ему не совсем законченный Концерт. Играть его без подготовки трудно; в некоторых местах финала прямо приходилось складывать руки. Концерт понравился, а присутствовавший Крыжановский пришёл в восторг от интермеццо. Этот Концерт будет посвящён памяти Макса.

В течение дня Софья Ивановна была в сыскном отделении, дала туда портрет Макса, говорила с начальником - и тот обещал самые энергичные розыски.

Сегодня в диком бегстве от одиночества я решил восстановить добрые отношения с Захаровым. С гибелью Макса никто другой не может наполнить меня своею дружбой, кроме Борюси, а быть одиноким - выше моих сил. Я случайно узнал от Карнеевых. что завтра его последний экзамен и на другой день он уезжает на Волгу. Итак, завтра пойду в Консерваторию и буду иметь с ним серьёзный разговор.

29 апреля

Сегодня я ночью хорошо спал и проснувшись, не скучал: некогда, надо было идти в Консерваторию и говорить с Захаровым. Когда я натолкнулся на него, то он с улыбкой подошёл ко мне. Улыбку его вызвала моя остриженная голова, но такая удачная встреча была самым хорошим началом для мирных переговоров. Он ждал очереди на экзамен по истории музыки. Я решил говорить серьёзно после того, как он покончит с экзаменом, а пока бродил с ним по нижнему коридору и болтал о пустяках, о текущих консерваторских событиях, а также об истекших экзаменах. Когда Захаров сдал свой ерундовый экзамен и вышел на улицу, я вышел с ним и справился, куда он идёт.

- Домой.

- Пойдёмте куда-нибудь завтракать.

- Нет, я должен домой. Я обещал сестре.

Тогда, пройдя шагов двадцать молча, я прямо приступил к делу.

- Видите ли, в чём дело, я хотел бы восстановить с вами разговор, помните зимой, у Кюба. Тогда я несколько странно отнёсся к нему и тому были причины! нас разделяла стена. Я имею ввиду Макса Шмидтгофа. Теперь этой стены нет... Он застрелился.

- Застрелился?

- Да. И мне хотелось бы выяснить с вами более толково те причины, которые создали у меня с вами такие странные отношения.

- Ибо место после Шмидтгофа осталось вакантным?

- Нет, не потому.

- Чтобы восстановились добрые отношения, пока не появится новый Шмидтгоф!

- Почему же вы не хотите думать наоборот: что после Захарова был Шмидтгоф до тех пор, пока вновь не стал Захаров?

- Да, но нового Захарова не будет, а в том, что старый плох, ты убедился, значит ничего хорошего из этого не выйдет.

Я не помню в точности дальнейшего разговора: мы обменялись несколькими фразами, и Захаров предложил поехать в «Вену». Это мне было приятно, потому что таким предложением он изъявил согласие на серьёзные переговоры. Мы сели на извозчика и поехали. Центр тяжести разговора откладывался, естественно, до «Вены», пока же мы бродили около темы. Захаров высказался, что для него непонятно: что могло связать меня со Шмидтгофом; он считает его несомненно ниже меня, а насколько Захаров мог нас наблюдать, вся моя дружба со Шмидтгофом сводилась к игре на эффект, часто дешёвый и непривлекательный, к автомобилям, костюмам, бросанию денег и всяческим позам. Я ответил, что у меня были с ним безукоризненные товарищеские отношения и что я ценил его за ум, остроумие, любовь к фантазёрству.

Когда мы заняли столик и спросили завтрак, я приступил к делу и изложил мой взгляд на наши отношения. Я припомнил фразу Захарова, сказанную им у Кюба, что я приписывал ему всевозможные качества; когда же части их не оказалось, то последовало острое разочарование. Исправляя эту фразу, я сказал, что в ответ на всё моё внимание я получал гораздо меньше внимания от него. Образовался какой-то неоплатный долг, который давил моё острое самолюбие, рос и увеличивался - и, наконец, стал так велик, что заслонил собою всю сумму его достоинств. Достоинства исчезли, остался на глазах один долг. Наступила ссора со всеми своими нападками на Захарова. Затем нас разделила стена в лице Макса Шмидтгофа. Когда же эта стена пала, то я увидел, что моей прежней ненависти нет - она нейтрализовалась моими нападками, а следовательно, и вся сумма достоинств Захарова более ничем от меня не скрыта и вновь имеет свою притягательную силу. Было бы смешно, если бы я, как малое дитя, сказал бы: «Ну, Боренька, поцелуемся, помиримся и пойдём играть в игрушки!» Но ввиду вернувшегося моего расположения к нему, мне хотелось изложить ему положение вещей с той ясностью, с какой оно представляется мне, и поставить его в известность относительно произошедшей во мне перемены.

Захаров ответил, что отношения наши уже не могут быть такими же простыми, как раньше, ибо ссора всегда оставляет трещину. Я возразил, что он напрасно думает о трещине: ссора, наоборот, как гроза, очищает отношения, что некоторая неестественность неизбежна в начале, но она скоро исчезнет.

Затем Захаров сказал, что я задал ему трудную задачу, которую надо обдумать, которую надо разрешить после того, как всё немного поуляжется... а всё же жаль, что только смерть Шмидтгофа толкнула меня к нему; он хочет верить, что стена

была картонная, но зачем же я принимал её за каменную?!

Такими словами заключилось наше объяснение. Когда мы сели в трамвай, то, как мне казалось потом, мы чувствовали расположение друг к другу, но недоверие разделяло нас. Завтра Захаров с сестрой и зятем едет на Волгу до Саратова и двенадцатого возвращается обратно. Прощаясь, я сказал:

- Если вас на волжском просторе посетят какие-нибудь счастливые мысли, черкните мне два слова.

Мы пожали друг другу руки, и я вышел из трамвая.

Какое у меня было чувство?

Смутное. Но я был рад. Когда я бываю в чём-нибудь убеждён, я бываю сильным человеком и трезвым. Но это бывает, чем сильней, тем реже. Когда же на меня нападает сомнение, то Боже, как я слаб, как я беспомощен и как ужасно моё одиночество. Мне необходим друг, на которого я мог бы опереться, в которого бы я веровал и которого любил: дайте мне, на кого опереться, - и тогда я подниму всё, что угодно! Такой крепкой скалой и может быть Захаров.

30 апреля

Проснувшись утром и лёжа в столовой на диване (на котором мне теперь делают постель вместо моей комнаты), я было предался мрачным мыслям, но мне не дали тосковать, ибо подали партитуру вариаций Карновича, присланную автором. Всё утро ушло на её изучение, а в час я пошёл на репетицию. Я, видимо, осваиваюсь с дирижированием, потому что раньше ни за что бы не решился дирижировать так поверхностно выученную вещь. Теперь же я провёл всю репетицию, прочёл с оркестром все вариации, долбил их с ними три часа и заслужил похвалу Черепнина. Вообще мне с актом повезло: я уже имею шесть номеров, т.е. почти всю программу. Цыбин, кажется, ничего не получает и уезжает даже до акта, Дранишников может получить вокальный номер. Всё это очень приятно, хотя, угнетаемый ужасным происшествием, я не могу беззаботно радоваться.

Вернувшись домой, играл на рояле. Меня охватывала грусть, апатия и дикий ужас перед этой апатией. Потом это прошло, и я стал обдумывать, куда бы мне убить вечер, чтобы не сидеть дома. Одиночество, влекущее за собой чёрные мысли, наводит на меня панику. Боже мой, что же будет летом? Ведь все проекты путешествий рухнули, надо ехать с мамой заграницу, в чужие края, в одиночество. При этой мысли меня охватывает такая щемящая тоска, что я решил пока об этом не думать, тем более, что и мама не поднимает вопроса.

Сегодня вечером я собрался было пойти в Шахматное Собрание, но тут вспомнил, что в восемь часов вечера экзамен Жеребцовой-Андреевой. Я очень обрадовался и пошёл; там у меня могло быть много знакомых. Кроме того, я надеялся видеть Гончарову и Mlle Белокурову. На этот счёт я ошибся и сидел с Клингман, которая питает ко мне невероятную покорность. На экзамене оказалась и Умненькая, которая сидела, конечно, так. что к ней никак не подойти. Она издали кивала мне головой. Когда я вернулся домой, она звонила мне по телефону. Было приятно и легко на душе. Миленькая Умненькая!

1 мая

В течение утра сделал корректуру Op.4 и Op.11 и запаковал их Юргенсону. Я так увлёкся этим занятием, что не заметил, как пролетело время. Днём пошёл на экзамен Ауэра, но там было мало интересного. О смерти Макса я в Консерватории не распространялся - мне не хотелось, чтобы эта весть обратилась в одну из каждодневных мелочей, о которых между делом болтают праздные консерваторцы.

Когда вернулся домой, то опять чувство одиночества. Позвонили Карнеевы и сказали, что им передали из Териок, что в пятницу там видели на вокзале молодого человека в котелке, который имел до того растерянный вид, что обратил на себя внимание полиции. Ввиду того, что он не хотел назвать своей фамилии и не имел при себе паспорта, его арестовали. А так как он имел вид помешанного и упорно молчал, то его, продержав несколько дней в териокской будке, отправили в выборгскую тюрьму.

Это сообщение произвело на меня тяжёлое впечатление. Молодой человек в котелке, как помешанный разгуливающий по териокскому вокзалу, мог быть Максом, у которого не хватило сил застрелиться. Полусумасшедший, попавший в тюрьму, возвращающийся в Петербург, встречающий полуживую от горя мать, стыдящийся родни, неудавшийся самоубийца - о, какое падение, какой позор !!... При этой картине меня охватил страх, и если бы кто-нибудь мне сообщил в этот момент, что Макс застрелился, я пожал бы ему руку. Впрочем, Карнеевы вскоре опровергли известие. Им сообщили, что молодой человек был блондин и в барашковом пальто, а главное, не в пятницу, а в среду.

Я успокоился. Вечер провёл дома: смотрел партитуру Концерта Чайковского и балета Шапошникова, писал дневник.

Лежал на диване и вспоминал Макса, каким он был летом. Небольшого роста, с чрезвычайно элегантной фигурой и оживлённым, интересным лицом, всегда нарядный, с жёлтой розой в петлице светлого костюма, он ходил быстрой, деловой походкой, слегка припрыгивая на ходу, и постоянно был занят делом: то принимал кассу, то отправлял труппу в соседний курорт, то отдавал приказания за кулисами, то подписывал контрамарки просителям. На момент серьёзное лицо сейчас же становилось весёлым, в случае неприятности - дерзким, а когда швырял деньги, то небрежным. Всегда бодрый и живой, нарядный и привлекательный, деловой и весёлый, отлично ведущий дела и отлично развлекающийся - он производил впечатление человека ни в ком не нуждающегося, дерзкого и очень счастливого.

2 мая

В десять часов пошёл в сыскное отделение беседовать с чиновником Ивановым, которому поручены розыски Макса. Из разговоров с этим чиновником я убедился, что на розыски сыскной полиции нечего надеяться. Я спросил его, полезно ли, чтобы я поехал в Териоки. Он ответил: полезно и лучше всего сделать заявление тамошнему лендсману, коли я полагаю, что Макс уехал в Териоки. Я решил завтра ехать.

Вернувшись домой, посмотрел немного Шапошникова, затем к двум пошёл на репетицию акта. Оркестр был расположен на сцене Большого зала.

Репетирование балета Шапошникова было крайне трудным, потому что неопытные оркестранты с большим трудом разбирались в диссонансах «современной» музыки малоталантливого автора. Когда же мне пришлось пройти ещё все вариации Карновича, я почувствовал себя совсем утомлённым.

После репетиции Оссовская, до которой доходили смутные слухи, пригласила меня к себе в класс, и мне пришлось поведать ей печальную повесть. Таким образом, известие о смерти Макса сделалось достоянием Консерватории. Затем Черепнин и я выслушивали игру Бая и уславливались о разных подробностях исполнения Концерта Чайковского. Играет Бай отлично.

Вернувшись домой, я опять затосковал; меня охватило беспокойство, страх за будущее. Это прошло, когда я вышел на улицу, чтобы идти к Карнеевым, у которых обещал быть сегодня вечером. Обе девочки были милы и ласковы. Много говорили про Макса. Я вспоминал лето и Минеральные воды, с увлечением рассказывал

разные летние эпизоды. Читал им путевой дневник нашей январской поездки в Крым. Дневник им очень понравился. Я звал Зою поехать завтра со мною в Териоки, на что она ответила почти согласием. Одному мне очень не хотелось ехать и я хотел было взять с собой Катюшу Шмидтгоф, но не знал, насколько это удобно.

Вернулся я домой успокоенный и довольный вечером.

3 мая

Встал в восемь часов и собрался ехать в Териоки. Зоя позвонила по телефону, что у неё нездорова мать и что ей ехать никак нельзя. Мне было ужасно досадно, потому что ехать одному совсем не хотелось, но я всё-таки взял себя в руки и отправился. Поспел к самому отходу курьерского поезда и, войдя в вагон, был окликнут Жоржем Захаровым, который тоже ехал в Териоки. Я был очень рад этой встрече и мы, приятно разговаривая, живо доехали до Териок. Жорж пригласил меня к себе обедать, на что я охотно согласился. У меня большая нежность к захаровским дачам; даже в прошлом году летом, когда я заезжал на день к Карнеевым и, будучи в ссоре с Борисом, зашёл на захаровскую дачу только с десятиминутным визитом, то на меня повеяло симпатией при виде этой дачи.

Итак, с териокского вокзала я отправился в оружейную лавку справиться, не покупал ли в прошлую пятницу кто-нибудь револьвера. Предъявленный мною портрет Макса обошёл руки всех приказчиков, но они абсолютно ничего не могли припомнить. Тогда я вернулся на вокзал и в билетной кассе справился, не брал ли кто в пятницу билета первого класса на Выборг или вообще на север. Мне ответили совершенно определённо, что второго класса брали, а первого нет. Я поехал к лендсману и сделал ему самое подробное заявление, особенно настаивая на розыске в окрестностях Териок. Лендсман отнёсся крайне внимательно, видимо, заинтересовался делом, взял фотографию, велел её отпечатать и разослать по окрестным полицейским пунктам. Подержал меня три четверти часа и отпустил, исписав целый лист и обещая известить в случае достижения результатов.

Затем я пошёл к Захарову обедать. Он накормил меня целой горой необычайно свежих и вкусных деревенских продуктов. Я пропустил два поезда в пользу прогулки к морю, а после неё простился с Жоржем и пошёл на вокзал. Была чудесная тёплая погода; природа радовала, несмотря на тощую северную весну. Когда я шёл по лесу, у меня было легко и спокойно на душе после всех душевных бурь последней недели. Я чувствовал себя способным одиноко отправиться в далёкое путешествие.

Подремав в вагоне первого класса и вспомнив Умненькую в Куоккале, я сел в таксомотор и поехал в Консерваторию. Там я разыскал Моцейкевну, представился ей, сообщил ей, что Черепнин, не имея возможности придти лично, просил меня пройти с нею Концерт (это выглядело очень важно), и мы удалились в один из классов. Занятие состояло в том, чтобы условиться относительно темпов и намерений, словом «спеться».

Звонили Карнеевы и звали гулять или в кинематограф. Я сначала отказывался, потому что устал, но потом пошёл и мило провёл вечер в паре с Зоей; Лида была со своим будущим женихом, капитаном второго ранга. Мы гуляли, затем ходили в кино.

4 мая

Утром играл на рояле, писал дневник, подсочинял «Ригодон». Настроение моё уравновешивается. На лето мы поедем с мамой заграницу; несколько дней назад я приходил в отчаяние при этой мысли, но теперь ничего не имею против и даже

отношусь с некоторым любопытством. Беру себе право уехать, если очень соскучусь, к «Снам» в Петербург, а во всяком случае, к концу июля.

Звонил Наташе Гончаровой и мило беседовал с ней. Я видел её вчера, такую славную, но не успел подойти. Занимался с Позняковской, на манер как вчера с Моцейковной. Видел издалека тонкую 19А и испытывал желание с нею познакомиться. Дома вечером писал отставший дневник и говорил с Умненькой, зовя её завтра гулять. Она ответила, что очень рада.

5 мая

Прочёл в газетах, что сегодня открытие Павловска. Чем с Умненькой гулять по Петербургу, не лучше ли потащить её в Павловск? Впрочем, она конечно испугается и едва ли поедет. Звонил ей по телефону. Она действительно сначала испугалась, но я послал её поговорить со старшей сестрой, доказывая, что мы в толкотню не полезем, а поедем раньше съезда, уедем до разъезда и отлично погуляем в парке. Через десять минут она позвонила, что, пожалуй, это можно устроить.

В двенадцать часов ко мне пришёл Карнович сделать всякие указания в его вариациях, после чего мы поехали с ним на репетицию.

По дороге он показывал Kunststück: одновременно свистел и напевал, получая два свободно контрапунктирующих голоса. Репетицию я начал балетом Шапошникова, потом учил вариации, потом Черепнин прочитывал аккомпанемент Концерта Чайковского, а я подыгрывал сольную партию на скверненьком пианино.

Вернувшись домой, я надел мой светлый костюм, чёрный галстук с красной полосой, взял палку Макса - его благословение - и на резвом извозчике поехал за Умненькой (в автомобиле не решился, чтобы не напугать). Умненькая всё ещё колебалась, пришлось убеждать и доказывать. Наконец, за несколько минут до отхода поезда, мы доехали, едва доскакали до вокзала и после второго звонка сели в вагон. Лидочка пришла в ужас, почему это в первом классе и даже хотела идти во второй. Прибыв в Павловск, мы прямо отправились в парк и весело гуляли до девяти часов. Вернувшись на вокзал, прошли в концертный зал и прослушали кусочек какой-то музыки, после которой наступил антракт и заставил нас испытать страшенную давку. Умненькая ушла поправляться в уборную, а я, ожидая её у двери, встретил маму, тоже приехавшую со знакомой дамой в Павловск. Я отклонил их претензии на меня и, дождавшись Умненькую, погулял с нею ещё час. Затем мы с Лидой пошли в поезд, но он был так набит, что пришлось бы стоять. Следующий шёл через четверть часа. Обратный путь был очень ласков: Умненькая жала мне руку, благодарила за поездку, просила звонить к ней и заходить, говоря, что всегда, всегда мне рада, а на её вопрос, когда же, наконец, я перестану на неё бросаться, я ответил:

- Как только разлюблю вас.
- А до тех пор я не могу быть спокойной?
- Ни на одну минуту.

6 мая

Встал в пол-одиннадцатого. Посидел над «Ригодоном» и кончил его. Хотел было засесть переписывать его, но потом отложил до более свободного времени.

Сегодня на актовой репетиции должен был появиться Глазунов. Черепнин сообщил мне, что автор самолично будет дирижировать своим Концертом. Сначала это меня офрапировало[46] - я подумал, уж не происки ли это Цурмюленши

[46] Поразило, ударило, от frapper (фр).

Моцейкевны? Но потом оказалось, что Глазунов с самого начала собирался взять палочку в руку - и я успокоился. Черепнин находил в этом хорошую сторону, что присутствие директора вызовет у оркестра более внимательное отношение к делу. Сегодня Глазунов репетировал с одним оркестром, без солистки, бесконечно долго, всю репетицию. Я подсел к Моцейкевне и мило болтал с ней всё время.

После репетиции был дома, затем заходил на полчасика поболтать к Колечке. Обедал и провёл вечер у Раевских, где дяди Сашино рождение. Играли в «винт».

7 мая

Снился Макс: он собирался застрелиться; я пытался отговорить от этого, но он с такой ясностью и логикой доказал мне тщету его жизни, что я должен был согласиться с его решением.

Утром я пошёл на экзамен Гелевера в надежде услышать или, по крайней мере, увидеть 19А, с которой мне всё-таки хотелось познакомиться. Но она не играла и даже не присутствовала, и я ни с чем вернулся домой.

Писал дневник, а к двум часам пошёл на репетицию. Сегодня мне пришлось много дирижировать, главным образом сочинениями Карновича и Шапошникова. Прошёл также Концерт Чайковского с одним оркестром. Ужасно его приятно дирижировать. Во время репетирования «Вариаций» Карновича произошёл инцидент. В прошлый раз первый флейтист не пришёл; теперь же очень врал и в одном месте не сыграл темы. Черепнин закричал:

- Что-ж, у нас опять нет флейты?

Я ответил с моего возвышения:

- Есть, да играть не умеет!

Флейтист рассвирепел и буркнул:

- Вы нахал!

Создалось положение отнюдь недопустимое для дирижёра. Я хотел было устроить грандиозный скандал «с директором», но потом сообразил, что никому этот скандал не нужен и надо уладить дело самому. Я строго заметил флейтисту, что он не умеет себя держать в оркестре, что своими дерзостями он оскорбить дирижёра не может, а только доказывает свою невоспитанность. Я ужасно раскричался, щёлкая палочкой плашмя по нотам, оркестр притих и репетиция продолжалась.

В Консерватории слух об уходе Черепнина, получающего место директора Филармонии в Москве. Вот тебе и раз! Совсем пустынно будет без милого Черепуши... Хотя меня почему-то ужасно радует видеть его директором. Но кто же сможет его нам заменить?!

Вечером делал клавир Концерта. Звонил Умненькой, запрашивая её, не поедет ли она послезавтра на открытие Сестрорецка. Она пришла сначала, по обыкновению, в ужас и стала отказываться. Я не теряю надежды, хотя это ужасно скучно, что она такая пугливая.

8 мая

Утром довольно неохотно проигрывал и учил Скрипичный концерт Брамса для дирижирования на акте. На репетиции дирижировал Концерт Чайковского с Баем. Приятно, хотя не совсем удавались оркестровые аккорды, падающие в промежутках между бегущими октавами солиста. Затем следовали Карнович и Шапошников.

Один из оркестровых музыкантов, мой старый знакомый, сказал мне, что оркестр учинил разбирательство моего вчерашнего столкновения с флейтистом; разбирательство привело к заключению, что я прав, флейтист - виноват.

Черепнин, которому я сообщил моё намерение ехать в Париж, очень обрадовался этому и сказал, что я отлично делаю, отправляясь в Париж.

Когда я вернулся домой, мама сообщила мне важную весть: звонил териокский лендсман о том, что найден труп Макса. Итак, дело кончено: Макс не скрылся за границу, чтобы искать там счастья, Макс не исчез бесследно, сгинув в озере или болоте, - дело яснее, проще и определённее: Макс застрелился, и труп его лежит на столе. Как совпадение с этим известием - одновременно пришло письмо Моролёва с фотографией, изображающей наш с Максом въезд в Никополь, и приписка, в которой Моролёв извиняется, что не ответил на пасхальные карточки Макса, «так как адрес его мне мало известен...». Увы, теперь он очень прост.

В пять часов приехал сам лендсман (или он помощник лендсмана) и передал мне лично то, что он знал. Прочтя в финских газетах, что под Выборгом найдено тело самоубийцы, он запросил выборгского лендсмана о приметах самоубийцы, которые все соответствовали приметам Макса. Найденная в кармане визитная карточка устраняла все сомнения. Тело найдено три дня назад в лесу вблизи станции Сяпние - первая станция от Выборга по направлению к Петербургу. Тело уже испортилось и перевезено в выборгскую покойницкую, Сайменская ул., 11.

Я известил о печальной находке Софью Ивановну. Решили открыть матери - всё равно, рано-ли, поздно-ли придётся. Софья Ивановна просила меня сделать это; сама она берётся успокаивать и утешать, но сказать матери «Макс умер» у неё не поворачивается язык. Я заехал за Софьей Ивановной и мы втроём - она, их близкий друг Гурко и я - отправились к Александре Николаевне. Софья Ивановна действительно боялась этого момента: она попросила нас войти и сказать без неё, сама же зашла в лавочку за нашатырным спиртом. Мы вошли в комнату Александры Николаевны, я впереди, Гурко за мной. Я был почти спокоен и на удивлённый взгляд Александры Николаевны сказал деловым тоном:

- Александра Николаевна, плохие вести про Макса.
- Его нашли?... - Да.
- Мёртвым?!! - Да.

Она вскрикнула и упала на пол мимо стула. Мы подняли её и перенесли на кровать. Вбежала Софья Ивановна. Начали приводить в чувство. Она то приходила в себя и начинала ужасно всхлипывать, то вновь впадала в беспамятство. Мы с Гурко сидели у окна и говорили о Максе. Оказывается, Макс незадолго до смерти просил Гурко поговорить с Софьей Ивановной, нельзя ли Максу прожить лето в её квартире, ибо он хочет всё лето сидеть и заниматься. Очевидно, у Макса была какая-то душевная борьба, он изыскивал какие-то способы выйти из заколдованного круга, он пытался начать работать, отказаться от блеска, признаться в своей несостоятельности, но... это так нешикарно, унизительно, скучно и безнадёжно- неинтересно, что он выбрал пулю. Так-то проще. Глядя на мучающуюся мать, Гурко сказал, что Макс всегда был чёрствым. Это верно.

- Письмо... он оставил мне письмо? - спросила Александра Николаевна.

Я ответил, что в письме ко мне он говорит, что писать матери не поднимается рука.

- Покажите мне это письмо!

Но я не мог показать полушутливого тона этого письма и соврал, будто оно отдано полиции. Затем мне делать было нечего, и я вышел на улицу. После исчезновения Макса они покинули свою квартиру и переехали в меблированные комнаты на Невский, 126. Выйдя теперь из подъезда и увидя дом №124, я подумал об иронии судьбы: ведь сколько раз мы с Максом ходили мимо дома №124, с интересом разглядывая его окна и гадая, в котором же этаже живёт прекрасная

Ариадна?

Сегодня я не успел пообедать; было девять часов; я зашёл закусить на Николаевский вокзал. Опять воспоминания о Максе: он часто, по всякому поводу, захаживал сюда. Да и сколько раз мы вместе посещали наш милый Николаевский вокзал! - уезжая ли в Крым, встречая ли или провожая друг друга, или просто заходя проводить какой-нибудь курьерский поезд.

В печальном раздумьи я пошёл к Мясковскому, которому обещал поиграть в четыре руки его симфонию для Асланова. Кроме Асланова, там оказались Саминский и Шапошников, все они разговаривали о музыке и были всецело поглощены ею. Мне вдруг стало ужасно приятно погрузиться в этот мир, забыть всё печальное. Это удалось, мне стало весело. Играли симфонию Мясковского, я играл «Сны» и в завершение «Скерцо для четырёх фаготов», имевшее большой успех. Асланов обещал сыграть его в течение лета. Моё хорошее настроение сохранилось и тогда, когда от Мясковского я возвращался домой.

9 мая

Утро ушло на просматривание партитур брамсовского скрипичного и сен-сансовского фортепианного концертов, а в час я их репетировал с солистами и оркестром. Оба концерта прошли весьма посредственно: Позняковская и Липянский имели дело с оркестром в первый раз, сбивались и играли мало-ритмично; я аккомпанировал тоже так себе; оркестр не знал музыки. После репетиции Черепнин забрал меня в какой-то класс и там строго прошёл со мною оба концерта. Сегодня разговор с Черепниным завертелся о его уходе в Москву. Много шансов, что он действительно уйдёт и тогда дирижёрскому классу - дитяти, созданному Черепниным - грозит опасность захирения. Несомненно, что мне дадут докончить класс, но после едва ли дирижёры будут процветать. Кто может быть преемником Черепнина? Сохрани Бог, если человек, который сам захочет дирижировать, тогда ученики дирижёрского класса останутся без практики. Черепнин считает лучшим своим заместителем Блуменфельда: хорошего музыканта, честнейшего человека, некогда отличного дирижёра, но сошедшего со сцены после паралича. Хотя он теперь оправился, но не вполне, волочит ногу, и едва ли сможет много дирижировать. Вести класс будет отлично, а дирижировать будут ученики.

Что касается Московской филармонии, то в круг деятельности Черепнина входит дирижирование двумя концертами с программой из новых авторов. Как только будет возможно, Черепнин предлагает сыграть мой Концерт, а если мне когда придётся зарабатывать хлеб, то он всегда будет рад меня видеть у себя преподавателем рояля.

По окончании репетиции я чувствовал себя ужасно утомлённым, хотелось на воздух, на острова. Звонил из Консерватории 17А, но она ныла, что у неё свидание с какой-то дамой, потом надо ехать с сестрой в Царское. Словом, проканителив у телефона более получаса, я убедился, что с Умненькой ничего не сварганишь, и пошёл домой.

Дома не сиделось, было скучно, резко-одиноко и хотелось к людям и воздуху. Вдруг зазвонили Карнеевы и позвали с ними в Павловск: ехали Лида, Зоя и Зора. Я очень обрадовался и в компании трёх весёлых и интересных барышень отправился в Павловск. Мне очень хотелось, чтобы с тем же поездом ехала в своё Царское упрямая 17А; но этого не случилось. В Павловске мы много гуляли и мало слушали музыку. Все три барышни страшно внимательны ко мне, кокетничали наперебой и много дурили, заметно контрастируя в поведении с невероятно чинной Умненькой. Вечер прошёл незаметно, а я даже чувствовал некоторую гордость, окружённый

тремя интересными девицами. Асланов, к которому я зашёл на минутку, сказав мне, что тут меня ищет Шеншин, приехавший из Москвы показать ему свои сочинения.

- Очень жалею вас, - сказал я.

- Ну зачем же вы, Сергей Сергеевич, так говорите, - урезонивающе реплифвал Асланов. - Я готов скучать с десятью Шеншиными, но если среди них я найду хоть одного Прокофьева, то я уже буду счастлив.

Я поблагодарил за любезность и, хвастаясь моим трём подругам вышеизложенным разговором, отправился с ними есть бутерброды, а затем грузиться в поезд. Поезд ломился от публики. Мы уютно расположились на площадке, но и тут нас скоро стали штурмовать, а когда я безапелляционно защитил позицию, то какой-то непопавший в поезд господин с досады ткнул меня в руку своей тростью. Девицы пришли в ужас, публика возмутилась, а мне было смешно на беспомощный гнев оставшегося. Проводив барышень домой, я позвонил к Софье Ивановне.

Сегодня утром она ездила в Выборг. Я бы непременно поехал с нею отдать последний долг моему другу, но, связанный репетициями акта, не мог этого сделать. Быть может, это к лучшему, потому что липший раз испытывать мои нервы может и не следовало.

Макса нашли дети. Он лежал около леса, на каменистой почве; дальше было болото. Рядом с ним валялся очень хороший «браунинг». Дети позвали пастухов: пастухи - полицию. Его перевезли в Выборг, в покойницкую. Он лежал со спокойным лицом, широко раскрытыми глазами и с кровью у обоих висков. Волосы растрёпаны, но это, вероятно, случилось во время перевозки. В покойницкой с него был снят костюм, и он лежал в одном белье. Оно было безукоризненно чисто и это свидетельствовало о том, что он застрелился в тот же день. Софья Ивановна справила с полицией все формальности. Макса похоронили на выборгском кладбище сурово, без отпевания. Кажется, Софья Ивановна уехала, не дождавшись похорон. Я просил от меня купить на двадцать пять рублей цветов. Софья Ивановна свидетельствует, что сделала это.

«Раскрытые глаза и оба виска, залитые кровью...». Макс был верен себе: он глазом не моргнул и рука была тверда: через правый висок навылет в левый. Верный выстрел. Молодец.

Вернувшись домой, я надписал на Втором Концерте: «Памяти Максимилиана Анатольевича Шмидтгоф».

Завтра я надену чёрный галстук и буду носить его в знак траура.

10 мая

Приведение в порядок партитур Концертов, за которые мне влетело вчера, заняло моё утро. Звонил Лидии Ивановне, предлагая вечером идти гулять.

На репетицию я пришёл усталый после вчерашнего дня. Вскоре разболелась голова. Концерт Чайковского прошёл хорошо и дирижировать его приятно. Далее пошли неприятности: Коргуев, профессор скрипача, оставшийся недовольным моим вчерашним дирижированием, поднял вопрос, чтобы этот Концерт передали в руки Черепнина. Позняковская с тем же разлетелась к Глазунову. Черепнина задело, почему не к нему, и он принял мою сторону. Шло глухое брожение, я знал об этом, у меня болела голова, я был злой и расстроенный. Черепнин устроил так, чтобы я сегодня опять продирижировал Сен-Сансом и Брамсом: если и сегодня не пойдёт, тогда их отнимут. Глазунов и Коргуев уселись в первый ряд, а Черепнин подсел к Глазунову, доказывая при всяком удобном случае, что я дирижирую совсем хорошо. Не скажу, чтобы я себя чувствовал приятно, дирижируя оба Концерта, но дело завершилось моею победой: оба они прошли недурно, и

радостно поздравил с оставлением дирижёрской палочки за мной.

С репетиции я поехал на панихиду по Максу, которая состоялась в шесть часов в часовне на Загородном у Пяти углов. Выстояв службу с чувством искренней любви к Максу, я вышел на улицу с немногими присутствовавшими родственниками и пошёл рядом с Катюшей, очень милой девочкой, на которую я перенёс мою любовь к Максу. Она подарила мне на память кольцо с сапфиром, которое всегда носил Макс, и сообщила, что завтра они покидают Петербург, переселяясь в Москву. Я просил её писать мне и вообще не забывать меня, куда бы они не уехали. Мне казалось, что в общении с Катюшей у меня сохранялось подобие какого-то общения с Максом, а то с их исчезновением у меня не оставалось ни одного лица, близкого ему - и как-то всё больно уж резко обрывалось. Да и семья Шмидтгоф меня интересовала - как отсвет моего друга.

Итак, с обещанием писать друг другу, я расстался с Катюшей и её мамой. Кольцо я надел на палец, потом хотел снять, оно не слезало, я содрал кожу на пальце, потом подумал - быть может, оно десять дней пробыло на трупе Макса и я заражусь трупным ядом... Но это, конечно, глупость, а если Макс застрелился, имея это кольцо на пальце, то оно приобретает двойную цену. Пока я его спрятал, чтобы не насиловать нервы, но потом буду носить как память.

Дома у меня болела голова и я спал.

Швейцар передал мне записку от «сокола» Бориславского, просившего меня зайти в «Сокол-3» по поводу моего марша. В прошлом мае на слова одного из «соколов» были сочинены марши Шолларом и даже маститым Кюи. Когда мне их показали, я сказал, что оба дрянь. На это мне резонно возразили, что ругаться-то я умею, а вот лучше написал бы сам. Я ответил: и напишу! Сочинил им марш, очень глупый и вороватый, но страшно бойкий и с приятной, понятной мелодией. Марш понравился, я его подарил Бориславскому и забыл о нём. Теперь Бориславский, сообщая о том, что образовался «Сокол-3», просил меня прийти туда переговорить о марше с тем, чтобы сделать его официальным маршем «Сокола-3». Я охотно согласился; теперь марш надо провести через комитет, а пока меня записали в члены этого «Сокола». (Прежде я очень исправно делал гимнастику в «Соколе- 1», но эту зиму не был ни разу и совсем отстал).

Звонили Карнеевы, были милы, звали меня к себе в Териоки, куда уезжают завтра. Очень просили мою фотографию.

Мне кажется, что справедливость требует сыграть мой 1-й Концерт на Беляевских концертах. По этому поводу вчера я подошёл к Глазунову и спросил его, могу ли я ему показать мой Концерт. Он весьма охотно согласился, спросил: первый или второй (значит, уже знает о существовании второго) и просил в день акта напомнить ему об этом, дабы назначить время для свидания.

11 мая

Проспав до одиннадцати, дабы отдохнуть от вчерашних треволнений, я пошёл на генеральную репетицию. Сен-Санс, которого репетировали первым номером, сошёл хорошо, и после этого всё пошло отлично. А коль дело ладилось, так не было и усталости, и не болела голова, и чувствовал я себя прекрасно. Фотограф снимал нас; я думал, что снимать будут только оканчивающих, а потому стал в сторону. Глазунов обратился ко мне со словами:

- Сергей Сергеевич (первый раз по имени и отчеству), а вы станьте на ваше возвышение за дирижёрский пульт!

Я встал, но меня со всех сторон облепили всякие невежи из оркестра. Впрочем, я был в светлом костюме и выделялся резко.

Публики на генеральной репетиции было порядочно, но мало приятных лиц.

19А немножко посидела и ушла. Девочкам 21Б и 21М я подарил по билету на завтра. После репетиции лил проливной дождь. Все столпились под подъездом Консерватории и не могли сунуть носа на улицу. Черепнин поднял воротник и храбро полез под дождь.

- Сергей Сергеевич, пойдёмте со мной? - повернулся он ко мне.
- Не могу, Николай Николаевич, видите, я в одном светлом костюме.
- Ну и оставайтесь ждать: это вам наказание за франтовство!

Вернувшись домой, позвонил Умненькой, приглашая её завтра на акт, но она ныла и ломалась, что у неё завтра полчетвёртого репетиция её экзамена. Я всё же послал ей два билета.

Был у Рузских и играл Николаю Павловичу Концерт. Он не всё понял, но что понял, то понравилось, особенно первая и третья части. К смерти Макса милый Николай Павлович отнёсся очень сочувственно. Девицы, не любившие Макса, сидели и молчали.

12 мая

К дирижёрским выступлениям я привык, а потому сегодня утром совсем не волновался. Полпервого к нам заехала мамина знакомая Mme Павская, и мы втроём отправились в Консерваторию.

После утомительного чтения Табелем годового отчёта я выступил с вариациями Карновича. Оркестр играл плохо; сами вариации оказались, в конце концов, бледноватыми; есть милые, но значительным композитором Карнович не будет. За Карновичем следовал Концерт Чайковского, сошедший отлично, за исключением неизбежных ученических недочётов. Например, в одном эпизоде Черепнин требовал огромного сфорцато у литавр. Я сделал для этого энергичный взмах, но удара на него не последовало: литаврист спокойно сидел, сложа руки, и рассматривал публику в ложах. Вышло очень глупо. А между тем я так люблю это место; оно мне даже приснилось прошедшим летом: мне чудилась эта музыка и под неё я нёсся куда-то под гору, всё скорее и стремительней, всё приятней и приятней...

После Концерта Чайковского в артистическую приходили Зилоти и Асланов, и оба похвалили моё дирижирование. Я был приятно удивлён, ибо ожидал, что Асланов будет меня также уговаривать бросить дирижирование, как зимою благожелательно уговаривал Хессин. Концерты Брамса и Сен-Санса сошли вполне порядочно. Наступил антракт.

Я пошёл в буфет, нечаянно поздоровался с Верой Алперс, с которой обычно не здороваюсь, встретил наших, встретил Мясковского, который, как всегда, скептичен к моим дирижёрским талантам; находит у меня шатающийся ритм. Розовский ухмыльнулся, что, глядя на меня, он решил, что нарождается второй Зилоти. Затем я вспомнил, что послал билет Зоре, и пошёл её разыскивать. Она была очень ласкова, но менее интересна, чем d'habitude[47]. Пообещав вернуться к ней после следующего номера, я отыскал Глазунова, который назначил мне свидание на двадцатое, пол-одиннадцатого вечера.

Затем я дирижировал вступление к балету «Пир короля» и «Танец девушек» Шапошникова. Звучало ничего, со всякими инструментальными фокусами, но мысли бедные. Кончив Шапошникова, я освободился от дирижирования, пошёл к Зоре, а так как рядом с нею места не было, то перетащил её в четвёртый ряд.

Там мы просидели кончик акта и раздачу дипломов. Моцейкевна играла недурно, но несколько раз сбивалась, чем немало пугала дирижировавшего Глазунова. После

[47] Обычно (фр).

раздачи дипломов новоиспечённые «дипломаты» живописно расселись по эстраде для фотоснимка. Захаров, Зейлигер и Рабинович, конечно, отсутствовали. Зора была мила, но язвила, что нет у нас ни одной хорошенькой барышни. Впрочем, сзади нас была таковая - Маруся Павлова, которую я не видал со времён зимнего юбилея, где она мелькнула под руку с Захаровым. Она поправилась от начинавшейся чахотки и для большего укрепления едет на лето под Уфу. Мы с ней поговорили мало, но приятно.

Акт кончился, я проводил Зору до швейцарской. Она расхваливала моё дирижирование, была ласкова, обещала мне звонить и при случае сделать компанию в Павловск.

Затем я пошёл домой. Обыкновенно после таких спектаклей, концертов, актов - участники собираются компаниями и едут куда-нибудь обедать, ужинать, кутить. Мне всегда это было чуждо, вероятно потому, что компания была чужая Я один всегда шёл домой и чувствовал какую-то пустоту. Последний раз, после концерта Даргомыжского, со мной был Макс: мы с ним прошлись, пообедали и я был рад пустоты не чувствовалось, я был в моей компании, приятной мне. Теперь я опять боялся почувствовать себя одиноким, но этого почему-то не случилось Кажется компании на этот раз вообще не собиралось, факт, что я шёл домой один; но был спокоен и даже весел.

Найдя дома бандероль от Юргенсона со второй корректурой Ор.4 и Ор. 11, я забрал её и вечер провёл у Мясковского. Он проиграл мне оба опуса, выудил несколько ошибок, выслушал новый «Ригодон» и доказал, что это вовсе не ригодон- ригодон требует быстрого тема и аллябревной[48] музыки, а здесь характер совсем иной. Вот тебе и на!

Между слов я узнал, что Захаров сегодня вернулся с Волги, звонил Мясковскому и они на днях соберутся помузицировать. На вопрос Мясковского, нахожу ли я справедливым лишение Захарова премии, я ответил, что да: как музыкант он выше своих конкурентов, но технический аппарат его недостаточно совершенен; премия же присуждается пианисту, а не музыканту, а потому жюри было право, присудив её конкурентам с более блестящими чисто пианистическими данными.

13 мая

Утро провёл, делая клавир Концерта. В час пошёл в Консерваторию для прощального свидания с Черепниным, уезжающим завтра в Париж. По дороге в Консерваторию, на Офицерской, встретил целую компанию: Бай, Зейлигер и Захаров шли мне навстречу. Я остановился и мы весело заговорили о том, о сём. Все поострили над отверстиями в моей новой шляпе, устроенными для вентиляции головы, затем я любезно спрашивал у Захарова, хорошо ли ему ездилось по Волге, и, простившись со всеми, продолжал мой путь. Я очень жалел, что пришлось так мало поговорить с Захаровым: теперь уже неизвестно, где и как мы могли снова встретиться и «мирные переговоры» могли оборваться до осени. Сегодня он был мил и весело острил, но с Волги письма не прислал. Впрочем, это быть может и правильно, но вновь делать какие-нибудь выступления к перемирию - я не хочу; он же, верно, тоже не будет, хотя бы из боязни, что тогда я бросился к нему, спасаясь от ужаса одиночества; теперь же я мог успокоиться и передумать.

Придя в Консерваторию, я стал ждать Черепнина. В ожидании читал рецензии о вчерашнем. В большинстве рецензии только констатировали факт моего дирижирования, не вдаваясь в подробности и занимаясь солистами. В двух газетах меня вскользь похвалили.

[48] Отрывистой, от à la brève (фр).

Черепнин, забежав в Консерваторию на минутку, поехал по банкам по случаю отъезда за границу. Предложил мне сделать ему компанию; я был свободен и охотно согласился. Беседовали о моём будущем, Черепнин хвалил мою «вооружённость» с которой я выйду на житейские волны, и советовал мне отдать преимущество эстрадной деятельности, не законопачивая себя неблагодарной преподавательской. Уйдёт ли Черепнин директорствовать в Московскую Филармонию - ещё неизвестно, но если да, то, конечно, лучшим заместителем был бы Блуменфельд. А так как он иногда прихварывает, то ему в помощники могли бы назначите бывшего ученика, например Штеймана или меня. Расстался я с Черепниным у градоначальника в надежде встретиться через десять дней в Париже.

Вечером был у старца Сабурова; играли в шахматы.

14 мая

Утром - дневник и клавир Концерта. В три часа звонил Лидочке, зовя гулять. Она не может, она провожает сестру в Куоккалу.

- Хорошо, а я вас провожаю с Финляндского вокзала обратно, - ответил я и отправился на вокзал.

Встретил Глупенькую, проводившую сестру, и мы зашагали по набережной Невы. У пароходной пристани я стал убеждать её сесть в пароходик и поехать на острова. Лида испугалась, стала отнекиваться, очень долго спорила, но наконец мы поехали. День был праздничный, народу полный пароход, солнце яркое, берега зелёные, но дул холодный ветер. Мы гуляли по Елагину острову, Умненькая звала меня в гости в Куоккалу, слушали кваканье лягушек. Лида слышала их в первый раз (как и другая Лида - Карнеева), находила, что они поют очень красиво и старалась увидать их квакающими. Прогулка вышла милой, но на душе у меня было не совсем спокойно.

Вечером провожал Рузских, уезжавших на лето на Волгу, где они под Кинешмой сняли имение или дачу. Звали к ним гостить. Для Петербурга покупают себе автомобиль. Chic.

15 мая

Утром, после борьбы с собою, сделал важное дело, за которое очень себя похвалил.

Днём: дневник и клавир. Вечером написал Катюше Шмидтгоф письмо.

16 мая

Настроение очень хорошее. Инструментовал финал.

В три часа пошёл на экзамен Ирецкой, носивший оживлённый, праздничный характер.

Перед обедом звонила Лидия Карнеева, которая приехала из Териок по делам, а также к своему доктору, который жил напротив нас. Я стал её звать к нам. Она у нас обедала, затем я отправился провожать. Взял мотор, мы заехали в несколько мест по её делам, после чего я проводил милую барышню на вокзал, и она уехала в Териоки, взяв с меня обещание, что я скоро буду у них. Меня больше всего интересует - в Териоках ли Захаров?

Вернувшись домой, я позвонил Мещерским, спрашивая, когда и куда они уезжают на лето. Они уезжают через несколько дней в Гурзуф, где пробудут до конца лета, а сегодня сидят дома и будут очень рады, если я приду. Я одел пальто, шляпу и пришёл. У них никого почти не было: дядюшка, да ещё два-три человека.

среди них Зайцев, господин с мефистофельской бородкой, очень знающе говорящий о Париже. Я провёл с большим удовольствием весь вечер. Нина мне нравится: презанятная барышня. Меня звали гостить к ним летом, и я ушёл домой в самом весёлом расположении духа, крайне довольный приглашением. Меня потянуло в Крым. Зуб только разболелся !

17 мая

Пошёл чинить зуб. Доктор Улановский или, как я его зову Уланович, вчера ездил в Териоки и теперь расспрашивал, какую хорошенькую барышню провожал я вчера. У него очень интересная ассистентка, с красивым смуглым лицом.

Вернулся домой, сделал страничку партитуры и пошёл на экзамен Лешетицкой. Наташа Гончарова отчаянно волновалась и пела отвратительно; элегантная чёрная Тонечка Попова - очень ничего. Я сидел с Умненькой и её подругой, огненно- рыжей Наташей. Умненькая спросила, откуда мои духи.

- Отсюда, - ответил я и показал на певшую Попову.

- Фу, они теперь мне разонравились! - воскликнула 17А.

Появилась Вера Алперс с элегантной фигурой, но увядшим лицом. После экзамена я подошёл к Наташе Гончаровой, мало-помалу приходящей в себя после ужаса быть на эстраде.

- Послезавтра уезжаю в Бердянск, - сообщила она.

- Быть не может! Но я желаю тебя видеть до отъезда.

- И я тебя. Отправимся завтра на Острова?

Я очень обрадовался, пообещал завтра заехать и, уступив её общество её обожателю Чупрынникову, пошёл искать Умненькую. Я боялся, что она уже ушла, но она, должно быть, меня поджидала. Мы пошли гулять. Вышли к Калинкину мосту, а оттуда к морю, вернее, к устью Невы. Но этого было мало и мы пришли в Екатерингоф. Я показал дворец. Он был пуст и отперт. Я затащил Умненькую внутрь. Каморки тесные и неуютные.

На обратном пути говорили о Максе. Я говорил о последнем слове его последнего письма:

- Прощай.

Сколько дикого смысла вложено в это обыденное слово, оказавшееся последним, которое он обратил к своему единственному другу перед тем, как уйти из этого мира с тем, чтобы никогда, никогда больше не встретиться!

18 мая

Мой визит к Мещерским возродил желание написать ригодон. Тот, который я сочинил, не ригодон, потому что идёт в медленном темпе. Теперь я принялся за быстрый и живой.

В три часа взял открытый мотор и заехал за Наташкой. Она была одна в комфортабельной квартире своей замужней сестры, у которой живёт всю зиму. Сегодня Наташа была менее интересна, но крайне мила. Говорит, что очень любит меня за то, что я такой простой. Автомобиль попался резвый. На Островах тоже было хорошо. Мы ласково расстались, обещая друг другу писать.

19 мая

В 9.45 утра приятный курьер Финляндской дороги уже уносил меня в Териоки. Я ехал с большим удовольствием. В вагоне-ресторане, куда я пошёл выпить кофе, встретил симпатичного капитана второго ранга Баркова, Лидиного поклонника.

Сначала он мялся, не говоря куда едет, но потом выяснилось, что оба мы едем к Карнеевым. Нарядные Лида и Зоя встретили нас на вокзале, и мы весёлой гурьбой пошли на дачу. Бориса Захарова ещё нет в Териоках - очень жаль.

Карнеевы за последнее время, видно, обогатились: у них всякие угощения, ликёры и много радушия. Сделали мы милую поездку на Чёрную речку в двух фаэтонах: я с Зоей, Лида с Барковым. Я много говорил о Максе. Зоя слушала и вставляла свои замечания с большим интересом и вниманием. Играли в крокет, причём Лёва, «представитель крокетного клуба», получил поражение от Зои и меня, что привело его в форменный раж. Обратно я едва поспел на поезд. Барков остался ночевать. В глаз мне попала соринка (я стоял на площадке). Глаз запух и промучил меня всю ночь.

20 мая

На утро пошёл к глазному доктору, что над нами, и он, обмотав палочку ватой и окунув её в жидкость, ловко завернув мне верхнее веко, моментально слизнул палочкой соринку. Глаз сразу прошёл. Но я не выспался и работалось плохо. Звонил к Умненькой; она очень волнуется надвигающемуся экзамену и идёт к подруге по классу и несчастью.

Вечером был у М.П.Корсак, у которой было скучно.

- Непременно поезжай к Мещерским, - сказала она категорически, узнав, что я получил от них приглашение в Гурзуф. Поеду.

21 мая

Докончил мой весёлый ригодончик.

В финале Концерта сделал эпизод повторения темы из первой части. До сих пор он не выходил.

Отправился в наше грязное, тесное и душное градоначальство подать заявление о выдаче заграничного паспорта. Оттуда в Консерваторию - присутствовать на экзамене Умненькой. Папаша, брат и сёстры Умненькой восседали в зале, волновались и вытягивали головы при каждом выходе ученицы на эстраду. Лидочка вышла, сверкая бриллиантами в ушах; выглядела она очень славно. Пела хуже, хотя совсем неплохо, арию жены Садко. Голос хороший, но со страха повышает.

Антракт, я тороплюсь, молвлю несколько слов сестре, не успеваю пробраться к «ней» в артистическую и быстро уезжаю на поезд. На Царскосельском вокзале rendez-vous с Колечкой Мясковским: мы едем в Павловск на музыку, нарочно пораньше, чтобы погулять. Надо постараться встретить Захарова, полагаю, что он будет. В вагоне к нам подсел Захаров, но не тот: брат Василий, славный парень, пускай немножко грубоватый. Приехав в Павловск, Мяскуша и я пошли гулять. Он пишет в «Музыке» статьи под псевдонимом «Мизантроп». Дав отзыв о Беляевских концертах, он так раскатал их руководителей, неисполняющих беляевских заветов, и так напал на них за неисполнение новых авторов (между прочим и меня), что, говорят, руководители (Арцыбушев, Глазунов и Лядов) не в шутку всполошились и даже собираются привлечь в помощники Оссовского и Погожева. Это мне на руку: я хочу, чтобы они играли мои Концерты и скоро начну действовать в этом направлении.

Перед началом я заходил в артистическую к Асланову. Ему понравилось, как я дирижировал на акте, и он предлагает, чтобы я сам дирижировал в Павловске «Снами». Захарова не было, зато Мяскуша сказал, что собирается завтра к нему в Териоки.

Слушал я «Божественную поэму», чудесную музыку. Но какая бесформенная

первая часть! Пусть говорят, что угодно, но она при своей длине, совсем не разграничена, вехи отсутствуют, форма расплывчатая. Начало финала великолепно, но зачем же сейчас же после резвого и такого приятного пиззицато опять тягучая музыка?

Отлично звучала «Chambre magique» Дебюсси, но музыки в ней мало. В Стравинском её больше; «Поганый пляс»[49] прямо хорош. После окончания концерта я немного погулял среди многочисленной нарядной толпы. Встретил ессентукскую «Подушку» и мило поговорил с нею. Мне нравилось, что я в нарядном светлом костюме, и я шнырял туда и сюда, вспоминая, как это делал Макс в Пятигорске.

22 мая

Сделал к ригодончику коду. Сегодня много инструментовал. Звонил 17А по поводу вчерашнего экзамена. Она собирается на дачу. Часть семьи уже в Куоккале, сама же Умненькая едет та днях. Мне хотелось её повидатъ, но выходило как-то так, что она весь день занята. Так я целый день и просидел дома и лишь сходил к Алфёрову взять себе сто рублей. Зато много инструментовал.

От Катюши Шмидтгоф бандероль с романсом Макса на слова Лермонтова «И скучно, и грустно...». В романсе, который я изучил с живейшим интересом, видны композиторские способности, есть настроение, правильная декламация, много ума...

> «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманием вокруг,
> Такая пустая и глупая штука!»

Эта заключительная фраза написана с самым неподдельным патетизмом, нагнавшим на меня грусть. И действительно, горькая фраза Лермонтова, меланхолическое заключение романса и образ застрелившегося Макса как-то сливались в одно безнадёжное красивое целое. О, как бы пристала эта фраза к памятнику над могилой Макса!

Почему не развивался талант Макса? Он никогда не говорил о своих работах, да последнее время ничего и не сочинял, бережно замалчивая о работах прежних лет, к которым относится и этот романс. Находил ли он, что всё равно ничего из него не выйдет? Или боялся насмешки, небрежности в оценке? Или просто лень? Или же его теснило моё соседство и моё параллельное, но быстрое и уверенное развитие? Развейся в нём композитор - быть может, он не так бы кончил жизнь!

Вечером я продолжал работать. Долго говорил с Лидочкой по телефону, а когда кончил, то хотелось ещё.

23 мая

Вознесенье. Утром сидел за финалом Концерта. Подробный разговор с мамой о бирже. Выходит, что дела обстоят отлично: продать все бумаги и у нас будет капитал в семьдесят две тысячи, - мы почти богачи!

Звонил к Умняшке, предлагая ехать по чудесной погоде в Павловск.

- Нет, нет, нет! - был ответ.

Пока я уговаривал упрямицу, пошёл дождь.

- Видите, даже погода обиделась! - сказал я.

Но к четырём часам обида у погоды прошла и солнце воссияло. Я пришёл к Умновым. Пил у них чай. Очень милая семья. К чаю вышел папаша, который, по-

[49] «Пляска поганых» из сюиты балета «Жар-пткца» И.Стравинского.

видимому, спал. Он вообще немного грубоватой наружности и иногда употребляет такие слова, как «теперича», но сегодня он блеснул ослепительно бельм бельём, что мне крайне понравилось. Наконец я вытащил Лидию Ивановну на прогулку; погода - очаровательная. Мы перешли через Николаевский мост и после длительных переговоров сели на пароходик. У меня сорвало ветром шляпу и она полетела над пароходом, рискуя утонуть. По счастью, её кто-то поймал и водворил на голову. Мы доехали до Охты и пошли гулять. Хотелось за город, в зелень, но узкие улицы с деревянными тротуарами тянулись одна за другой. Уже Умненькая стала ныть, что ей пора домой, когда мы наконец пересекли соединительную ветку Финляндской дороги и вышли в поле. Тут бы и гулять, но Глупенькая упёрлась окончательно: в восемь часов у них гости, она должна торопиться и так уже едва поспеет. Мы пошли домой. Она торопилась и всё время ужасалась, что придут гости, а её нет дома. Действительно, мы вернулись только в десять часов. Я смеялся, глядя, как она помчалась вверх по лестнице. С очень приятным воспоминанием о прогулке пришёл я на мою 1-ю Роту.

24 мая

Слава Богу, почти закончил финал. После завтрака звонил Лидии Ивановне. Завтра она уезжает в Куоккалу и занята укладкой, а сейчас едет на Смоленское кладбище навестить могилу матери. Я сказал, что непременно хочу с нею повидаться, встречу её у ворот кладбища и мы погуляем. Когда я приехал к Смоленскому кладбищу, то увидал там Умненькую, которая ещё не поспела на могилу и предложила пойти вместе. Пришли, посидели и отправились обратно. Могила хорошо отделана и содержится заботливо. Зовут её мать Матроной. Родители Умненькой были неинтеллигентны, но богаты. И как у отца с таким грубым лицом и у матери-Матроны могла родиться такая тонкая, такая аристократичная дочь как Лидочка?! Мы дошли пешком до Тучкова моста. Я усадил 17 А в трамвай, но в обратную сторону, и уговорил её поехать в Новую деревню и там погулять. В Новой деревне гулять было негде, мы пересели в конočку и доехали до Ланской, откуда попали в Удельный парк. Это было уже совсем далеко, зато и очень зелено.

Вечером звонила Соня Эше, которая долго исчезала. Известие о смерти Макса её очень поразило, и я долго рассказывал о нём. Меня тронуло её сочувствие, а она сказала, что Макс всегда ей нравился.

После разговора мне стало очень тоскливо.

25 мая

С поездом 11.30 отправился в Териоки. Было мило, но скучней, нежели в прошлый раз. Захаровы в Павловске, слушают Цецилию Ганзен. Жаль.

Пошёл дождь, но перестал к вечеру. Я гулял с Зоей у моря, было душно и очень томительно. Вернулись домой в двенадцатом часу. Все спали; Лида проснулась, когда мы с осторожностью поднялись в наш верхний этаж. Я влез к ней в комнату. Лида сонно заворочалась в кровати. Я перекрестил её и поцеловал. Мне кровать была постелена в соседней комнате.

26 мая

Проснулся я под шум льющего дождя. На улице мокро, серо, вставать не хотелось. Да у Карнеевых раньше одиннадцатого часа никто в столовую не вылезает. Мы долго болтали с девочками через стенку, наконец пили кофе, и я с

Лидой отправился смотреть фортепиано, которое продавалось на какой-то даче. Утихший было дождь опять полил и нам пришлось укрыться в первой попавшейся постройке, оказавшейся прачечной. Лида рассказывала мне о школе Штиглиц, в которой она учится рисованию, и об успехе, которым она там пользуется. Я посмотрел на неё - и в самом деле, она была такая хорошенькая, а фигура её была безукоризненна. Плюнув на рояль, до которого было не близко, вернулись домой. Погода была сырая, но дождь перестал. Мы сидели на веранде, когда застучала калитка и показались Боря и Жорж Захаровы. Девицы спорхнули им навстречу, я остановился на ступеньках веранды. Крепко пожали руку и начали играть в крокет: я с Зоей против Лиды с Борей. Жорж пошёл возиться с малышами. Мы сделали всего несколько ударов. Дождь полил снова, и мы побежали на веранду. Сидели и вели общий разговор, немного искусственный. Борис и я были центром. Оба старались говорить умно. Между тем дождик быстро унялся, и мы вышли продолжать прерванную партию. Но ей не суждено было продолжаться: пришла горничная и доложила братьям Захаровым, что приехали их кузины Дурдины. Борис кладёт молоток, извиняется и уходит. Возвращаемся на веранду, где подают обед. За обедом только и было разговора, что о предстоящем открытии «крокетного клуба».

Когда я года три назад гостил у Захаровых и устраивал у них всякие крокетные состязания, то они произвели впечатление на Лёву: он организовал крокет на своей даче, стал сам устраивать чемпионаты, Захаровы продразнили это учреждение «териокским крокетным клубом», а Лёвку - председателем - и теперь каждую весну происходит торжественное открытие «клуба», а каждую осень - торжественное закрытие, собираются гости и веселятся.

Таковое открытие было назначено на сегодня в три часа. Едва мы кончили обед, как у калитки показалась целая толпа Захаровых, Дурдиных и прочих, всех более десятка. Впереди, неся что-то завёрнутое в бумагу, шёл Борис; за ним Жорж и сестра с хлебом-солью; все трое украшенные юмористическими орденами. Борис обнажил свою стриженую голову и остановился перед верандою, на ступеньках которой стоял Лёва.

- Глубокоуважаемый и высокочтимый председатель! - начал он...

Несколько человек из Захаровых, изображая репортёров и представителей фирмы «Пате», защёлкали «кодаками». Борис говорил о заслугах «крокетного клуба» и в заключение просил позволения поднести клубу в дар древнейший крокетный молоток, найденный недавно при раскопках в Северной Америке. С этими словами он развернул бумагу и вытащил оттуда обломок какого-то невероятного старого и негодного молотка. Я хохотал от души. Председатель с глубокой благодарностью принял ценный дар и в ответной речи благодарил за оказанную честь. Затем был поднесён хлеб-соль и все перешли на крокетную площадку. Тут была сожжена громогласная хлопушка, изображающая пушечный выстрел, и в тот же момент на столбе взвился флаг. Открытие состоялось. Устроили «юмористическую» партию из самых плохих игроков (Лида, Дурдины и прочие). Все расселись вокруг на скамейки, «кодаки» продолжали щёлкать, хозяева притащили ликёры, было шумно, все шутили, больше всех Борис, который был находчив, весел, пользовался общим вниманием и был центром. На меня не обращал внимания, как будто меня тут и не было. Я чувствовал себя очень неприятно, как лишний человек, но нельзя было ни уйти, ни даже показать виду. Я отлично понимал, что комедия ломается нарочно и, как неприятно ни было, решил держаться и делать вид, что не замечаю бойкота. Пришлось утешаться, что я, может быть, всё-таки главное лицо, если комедия - для меня. «Юмористическая» партия окончилась. Стали организовывать вторую. Я с Зоей против Жоржа и Лиды. Предложили Боре, но он ответил, что ему не хочется.

- Вот, ведь вас четверо: Зоя, Сергей Сергеевич...

Он первый раз назвал меня Сергеем Сергеевичем, всегда раньше по имени.

Наша партия шла без особого оживления. Семья Захаровых собралась домой. Площадка опустела, и я остался один с Лидой и Зоей. Тогда я им предложил пойти на море, где благодаря большому ветру было сильное волнение. Барышни переоделись и мы отправились. По дороге столкнулись со всей захаровской компанией, которая прямо от Карнеевых пошла на пляж и теперь возвращалась обратно. Я шёл между Лидой и Зоей, держа обеих под руки. Остановились и девицы завязали нескончаемый разговор. Я видел, что мне всё равно не о чем говорить с Борисом, а потому всё время торопил моих компаньонок. Раскланялись и пошли. Я слышал, как Борис обещал Лиде постараться придти вечером.

На море действительно пронзительный ветер, сильная волна и несколько барок, выкинутых на песок. Песком засыпало глаза и мы повернули назад. Вернулись домой. Темнело. Ужинали и слегка скучали. Но я решил пропустить ещё один поезд и дождаться захаровского пришествия.

Я был прав и дождался: появились Жорж, Боря и сёстры Дурдины. Расположились на веранде вокруг стола и затеяли игры в карты, ерундовые, но оживлённые, например в «свиньи». Поднялся шум, хохот. Боря смеётся моим остротам, мы часто разговариваем, лёгкое сближение. Мне очень весело. Но... поезд не ждёт и время моего отъезда быстро приближается. Игра на время приостанавливается, ибо Лиду, которой завтра чуть свет ехать в Петербург сдавать экзамен рисования, посылают спать. Все толпятся на веранде, а затем вслед за Лидой убегают в дом. Я остаюсь вдвоём с Борисом, но что сказать? Машинально я тоже ухожу в дом, беру пальто, шляпу и начинаю со всеми прощаться. Прощаясь с Захаровым - он знал, что я уезжаю на всё лето заграницу - нарочно говорю ерунду.

Зоя идёт со мною до калитки и хочет проводить дальше, но я отсылаю её к гостям и в полутьме быстро шагаю к вокзалу. На повороте оглядываюсь на карнеевскую дачу и, вспоминая слова из «Скучной истории» Чехова, говорю:

- Прощай, моя радость!, - адресуясь к Захарову.

В поезде стою на площадке последнего вагона и смотрю на скользящие рельсы. Всякие мысли о Захарове и Максе.

Стряхиваю с себя эти мысли и в Куоккале бросаю постальку Умненькой, мистифицируя её моим будто-бы пребыванием в Куоккале.

Домой приезжаю очень усталый и успокоенный совсем.

27 мая

Когда я проснулся, то на душе было пусто и скучно. Через три дня мы едем заграницу. Но не хочется мне зарываться в чужеземную даль, когда и без того себя чувствуешь безумно одиноким. Но надо было встать и идти делать всякие дела: брать билеты в Париж, подавать прошение о заграничном паспорте, менять деньги. Мало-помалу я разошёлся, дела меня заняли, я энергично проделывал все эти приготовления к заграничной поездке и, когда со сто-франковыми билетами в кармане возвращался домой, мне уже совсем хотелось ехать заграницу.

Позвонила Эше. Узнав, что я собираюсь заграницу, она закричала:

- Ах, поезжайте, поезжайте!! - и много говорила о том, как мне будет интересно и полезно проехаться в культурные края.

В четыре часа я кончил финал Концерта, а стало быть, кроме трио скерцо, готово всё.

Вечером на улице лил дождь. Я писал письма: Наташе Гончаровой и Нине Мещерской. Мне очень хотелось затеять переписку с Ниной, но первое время никак

не знал, какой принять тон.

28 мая

Утром пошёл в градоначальство получать заграничный паспорт по вчерашнему прошению. Хвост получателей, этак человек двести, стоял не только в душных каморках градоначальства, но и далеко на улицу. Повертевшись вокруг, я поставил вместо себя посыльного за шестьдесят копеек в час, а сам пошёл по Невскому. Вскоре полил дождь, орошая менее догадливых, чем я, «паспортистов»; я же укрылся в «Квисисану». Через полтора часа я сменил моего посыльного, а ещё через десять минут с паспортами в кармане возвращался домой.

Перед вечером собрался в Павловск. Сначала показалось скучным ехать одному, но потом решил, что это лишь до Павловска, а там знакомые найдутся.

Сегодняшней «музыкой» дирижировал Глазунов. Я полез к нему в артистическую. Он был любезен и попросил меня садиться. Я попросил позволения показать ему мой Концерт. Узнав, что у меня на послезавтра взяты билеты заграницу, он мне назначил свидание на завтра, в Консерватории. Поблагодарив, я пошёл в зал слушать. Глазунов дирижировал свою 6-ю Симфонию. Я её знаю хорошо и теперь с приятностью послушал первую часть. Вторая и третья - скука, а финал прямо хорош. Но если бы я писал симфонию, то я бы её не складывал по кирпичикам, как делает Глазунов со спокойствием каменщика, выводящего толстую стену... Это был бы дикий вихрь, сплошной стихийный ряд ударов судьбы!

Антракт. Встречаю Асланова, с которым решаем, что «Сны» пойдут второго августа, в один день с Концертом, и что я ими буду дирижировать. Расставшись с Аслановым, встретил брата Умненькой, потом семейство Шейнцвит, в обществе которого и слушал «Пляску Саломеи» Глазунова.

29 мая

Прежде чем нести Глазунову Концерт (я имею ввиду первый, который хотел ему показать в целях исполнения в Беляевских концертах), утром поиграл его. Я его давно не видел и с тех пор успел сделаться зрелей: по крайней мере, теперь мне стали очевидны многие необходимые поправки. Особенно нуждается в переделке серединное Andante.

Перед отъездом заграницу поехали с мамой на папину могилу. Хороший, видный чёрный крест; я выбирал его для отца. Мама:

- Под этой надписью подпишут и меня, а случись что с тобою, так и тебя...

Я стал думать о моей смерти и мне не хотелось умирать теперь, не написав ничего значительного, что я, без сомнения, скоро напишу... Мысли шли дальше. Мне не хотелось, чтобы после смерти наш капитал достался родственникам. Нет и нет! - на благотворительность иль на музыку.

Вернулись домой. Я поехал к Алфёрову и взял со своего счёта двести с чем-то рублей на свои расходы, с которыми пошёл в Crédit Lyonnais[50] менять рубли на франки. В Crédit смотрел на физиономии французов, к которым еду. Интересные физиономии. Выдали мне шестьсот франков. Нет! Физиономии страшные: волосы чёрные, как смоль, глаза бегают, под глазами синяки... Ах, зачем мы едем заграницу?!

Пошёл в Консерваторию, которая, к удивлению, не совсем замерла: двигались какие-то профессора, служитель, писари из канцелярии. Мой друг Вера Дмитриевна тоже почему-то толкалась. Глазунов меня сейчас же принял и слушал мой Des-

[50] Лионский Кредит, французский банк (фр).

dur'ный Концерт. Похвалил он форму, логику, технику, нашёл много темперамента и хорошую звучность, но музыка... Странная... Непонятная... Конечно, у вас уши другие... Но всё же... Оказалось, что Глазунов откуда-то знает о существовании второго Концерта. Тогда я сыграл ему Intermezzo.

- Очень интересно. Отлично сделано. Но музыка... Странная такая... Особенно середина.

Я объясняю логику середины. Затем играю первую часть. Глазунов хвалит настроение у начала, находит, что Концерт значительно зрелее первого. Своеобразный и интересный пианизм, но музыка!...

На прощание я спросил, могут ли Концерты быть исполнены на Беляевских концертах? Он ответил, что Беляевскими концертами ведает особый комитет из трёх: его, Лядова и председателя Арцыбушева. В этот комитет и надо послать Концерт так, в начале сентября. Со своей стороны Глазунов предупреждает, что в комитете он самый левый из всех троих, Лядов же и Арцыбушев с ещё большим недоверием отнесутся к столь модернистской музыке.

Я простился и ушёл. Глазунов обещал приехать слушать второго августа, если будет в это время поблизости от Петербурга.

30 мая

Днём укладывал чемоданы, а вечером Соня Эше потащила меня в «Луна-Парк», где я ни разу не был. Мне очень нравилось кататься по Американским горам, а Соня смеялась: «Он беспечно веселится!» Действительно, мне было весело, а Эше оказалась совсем приятной компаньонкой.

За час до отхода поезда я был дома - и уехал из России с приятным воспоминанием о горах.

Мы с мамой выехали из Петербурга с поездом в одиннадцать часов вечера, который невыгодно отличался от семичасового тем, что привозил нас в Берлин в шесть часов утра, а в Париж в одиннадцать часов ночи. Но на семичасовой всё было продано до восьмого июня - приходилось радоваться, что есть хоть на этот.

Количество багажа у нас было европейское: по чемодану в багаж и по чемодану в вагон, не в пример тринадцати вещам ручного багажа, которые неизменно сопровождали маму по России.

Итак, мы заперли квартиру и сели на извозчика, причём чувства у нас были разные: мама десятки лет уже собиралась в Париж - исполнялась её мечта, особенно лелеянная во время одинокой жизни в глухой Сонцовке. Я же уезжал довольно равнодушно, немножко с ленцой, чуть-чуть с любопытством, и знал, что в моей жизни не раз придётся мне поехать заграницу, - это никогда не уйдёт, сейчас же я, может быть, буду там даже скучать.

Однако уже на вокзале оказались знакомые. Накатав Карнеевьм открытку и отправившись её бросать в городской ящик, я встретил Ман-дель-Баума. Поболтав с ним, я пошёл в вагон, где нашей попутчицей до Вильны оказалась Ванда Яблоньская. Это была приятная неожиданность, Ванда весела и интересна, и время перед сном мы провели приятно.

31 мая

Я люблю спать в вагоне и, хотя спал не особенно спокойно, но всё же с удовольствием. Проснувшись после Двинска и выпив кофе в вагоне-ресторане, оказавшимся неожиданно при нашем поезде, я до Вильны болтал с Вандой и смотрел в окно на зелёные ландшафты, гораздо более симпатичные, чем на Курской дороге.

В Вильне уже начало пахнуть заграницей: поляки, иностранцы, большая карта

европейских железных дорог - всё это свидетельствовало о приближении границы. Дальше стало ещё необычней: в вагоне-ресторане немецкая и французская речь неслась наравне с русской, говорили о таможне, о Bettkart'ах[51], о времени прихода в Берлин. Тоннели и левая колея, по которой шёл поезд, были тоже не вполне обычны для России.

Перед Вержболовом у нас отобрали паспорта и сказали, что вернут в Вержболове после второго звонка. Это, естественно, породило наивную мысль: а вдруг не успеют вернуть, что тогда? В Вержболове стояли более часу, меняли деньги, закусывали, причём мама почему-то прощалась с милым русским чаем. Я писал открытки. Второй звонок дали чуть ли не за полчаса до отхода поезда. После него все должны были сидеть в вагоне и конечно двадцать пять раз успели получить паспорта. После третьего звонка мы медленно тронулись и переступили рубеж. Дядя Саша говорил, что на границе мы переедем мост, у которого одна половина наша, другая германская. Я воображал, что это мост вроде, по крайней мере, как через Днепр иль через Волгу, но он оказался какой-то маленькой дрянью через узенький ручей, через который можно было перескочить без всякого моста.

Я переехал границу с чувством некоторого благоговейного трепета: там я был дома, здесь я на чужбине; там я болтал на моём родном языке, здесь меня по-русски никто не понимает; там мне всё знакомо, здесь всё чуждо, всё иное: законы, правила, люди, поезда.

Желая путешествовать по-европейски, мы с мамой не взяли «трэгера»[52], а забрав каждый свой чемодан сами по себе отправились в эйдкуненскую таможню. Пока мама осталась стоять у вещей, лежавших на таможенном прилавке, я пошёл в кассу и, несколько смущаясь непривычною обязанностью говорить непременно по- немецки, достал два спальных места до Берлина. Вернувшись к маме, я узнал, что наши вещи почти не осматривали, налепили таможенные ярлыки и мы свободны. Тем не менее мы долго ждали, когда же наконец осмотрят наш багаж и только догадавшись спросить, узнали, что раз он сдан в Париж, то в Париже его французы и осмотрят, а немцев он не касается.

Шикарный немец с усами à la Вильгельм, в германской каске, держал пачку паспортов и на ломаном языке выкрикивал русские фамилии. Получив наши паспорта, мы с мамой забрали наши чемоданы и вышли на германскую платформу, где чистенький, хорошенький поезд гостеприимно принял нас в свои вагоны. Но вскоре случилась ложная тревога: кто-то сказал, что напротив стоит поезд тоже в Берлин, но что тот идёт через Königsberg, а этот иным путём, а нам надо ехать через Königsberg и мы сели не в тот поезд. Мама всполошилась, стала вытаскивать чемоданы, а я отправился разузнавать, с которым надо ехать. Оказалось, что можно ехать и так, и этак, но раз Bettkart'ы даны не через Königsberg, так с этим поездом и надо ехать. Я помог маме втащить чемоданы обратно, очень недовольный суетливостью, афишировавшей нашу дикость. Затем я узнал, что до отхода поезда осталось полчаса и пошёл писать открытки.

Неожиданно я почувствовал необычайное удовольствие, что я заграницей. Это было совсем новое чувство радости, интереса и любопытства к оригинальной окружающей обстановке, имеющей совершенно иную окраску, чем в России. Ряд мелочей меня ужасно радовал: купить немецкие постальки, заплатить марками и пфенигами, спросить по-немецки чернила, написать раньше обычного адреса «Russland», налепить особенную марку, опустить письмо в какой-то особенно массивный ящик, спросив предварительно: «Bitte, wo ist der Breifkasten?»[53]

[51] Билет на спальное место, от Bett - постель (нем).

[52] Носильщик, от träger (нем).

[53] Пожалуйста, где находится почтовый ящик?

Толпа, лакающая пиво и галдящая по-немецки, дополняла впечатление.

Затем я вернулся в наш аккуратный, комфортабельный вагончик с огромными окнами, ибо знал, что никаких российских звонков не будет. Но само отбытие привело меня в восторг: без звонков, без предупреждений, секунда в секунду в указанный срок, поезд мягко отбыл от платформы - это ли не немецкая аккуратность; это ли не культурность, где никто не понукается целым рядом звонков, а всякий знает, что ровно в 5.42 поезд отойдёт, а потому ему надо быть в вагоне!

Пока мама занималась разговором со своей соседкой, швейцарской дамой, я отправился в вагон-ресторан и, попивая настоящее немецкое пиво, глядел в окно на Германию. Хотя мы отъехали от России всего на версту, но уже разница была заметна: все заборы в порядке, поля аккуратно разграничены, дороги обсажены деревьями.

Хорошее настроение не покидало меня до вечера, который длился недолго, ибо в десять часов мы легли спать ввиду прибытия в Берлин в шесть часов утра. Моим соседом был милый старичок, господин Захарченко, много ездивший по загранице и давший нам с мамой много интересных указаний. Он уговорил нас пробыть завтрашний день в Берлине, потому что проехать через такой замечательный город, не посмотрев его - грех.

1 июня

Хотя немецкие спальные вагоны необычайно комфортабельны, но мне на моей верхней полке было жарко и спалось так себе. В пять часов нас подняли. Мы подъезжали к Берлину, и начинался ряд берлинских вокзалов. Это забавно: Берлин, такой-то вокзал - нет, поезжай дальше; опять: Берлин, другой вокзал - нет, опять не подходит; наконец: Берлин, Friedrichstrasse - выходите скорей, а то поезд стоит две минуты; вышли, а поезд идёт дальше, в другой «Берлин».

Мы оставили вещи на хранение и, благо вокзал в самом центре города, пошли искать кафе. К нам присоединилась и дама-швейцарка, мамина соседка по вагону, которая тоже решила провести день в Берлине. Мы обрадовались ей, потому что, приехав в первый раз в большой заграничный город, не знали куда ступить, но она, хотя и изображала нашего гида, тоже ничего не знала, сбивалась с дороги и путалась.

Узенькая Friedrichstrasse в шесть часов утра была пустынна, и Берлин не производил особенного впечатления. Кафе были закрыты, пока мы не добрались до «Бауэра», открытого день и ночь. Удовлетворив свой аппетит, мы взяли автомобиль и поехали осматривать город. Таксомоторы в Берлине дёшевы, комфортабельны и шикарны. В отличнейшем автомобиле мы объехали в полтора часа весь город и заплатили только одиннадцать марок.

Теперь Берлин произвёл на нас очень большое впечатление: масса шикарных зданий и памятников и много хороших улиц. Тиргартен внушителен и солиден, с широкими и прямыми, в немецком вкусе, аллеями. Затем мы поехали в Шарлотенбург по широкому проспекту, но это было хуже, и мы вернулись обратно.

Дамы пошли в «Wertheim», наш «Мюр и Мерилиз» en grand[54], а я обрадовался отдохнуть от их общества и, выхлопотав себе три четверти часа свободы, пошёл бродить по ожившей и гудевшей Friedrichstrasse, заходил в автоматические буфеты, бросил пару открыток, выбрился. Затем я нашёл маму и швейцарскую даму в «Wertheim»'е, дама ушла по своим делам, а мы с мамой не знали, что делать. Мама жаловалась, что устала, что осматривать Берлин утомительно. Мы посидели час на Unter den Linden и посмотрели на берлинскую публику, которая была в изобилии,

[54] В большом масштабе (фр).

потому что пробил уже полдень.

Во втором часу мы встретились в ресторане Кемпинского. Нам говорили, что в час там кушает пол-Берлина. Действительно, народу там пропасть, а накормили нас отлично. Раки, полбутылки шампанского, земляника и прочее. Затем мы с мамой поехали в Зоологический сад, которым славится Берлин. Сад блещет благоустройством, а зверей великое множество. Звери содержатся в большом порядке, но у многих из них такая тоска во взгляде, что становится тяжело на душе. Бродить с мамой по саду было затруднительно, потому что она всё уставала и просила отдохнуть.

Из зоологического сада мы, частью пешком, частью в трамвае, добрались до вокзала Friedrichstrasse, где мама и осталась ждать поезда, совсем утомлённая от беготни. Я хотя тоже устал, очень обрадовался быть на свободе, взял автомобиль и поехал в Тиргартен, очень мне понравившийся утром, когда мы быстро проехали по нему. Отпустив мотор, я углубился в дорожки тенистого парка. Сравнивая Тиргартен с нашими Островами, я находил, что, конечно, наши Острова красивей и поэтичней благодаря Неве, морю и прудам; они как-то элегантней. Но Тиргартен так благоустроен, так тенист и импозантен, так по-немецки внушителен, что я был в восторге от него. Я долго бродил по дорожкам, переходя из одного участка в другой. Много влюблённых парочек ходило по аллеям, но красивых немок - ни одной. Я вспоминал Умненькую, Макса. Наконец я вышел к прудам, à la Острова. Посидел, нацарапал несколько посталек и направился домой, т.е. к вокзалу. Некрасивая немка в пенсне сидела с военным на скамейке и взасос его целовала. Даже противно. Две девчонки, которых я обогнал, приняв самый небрежный вид, фыркнули за моей спиной.

- Ein fremde Pschüt![55]

Я быстро на них обернулся.

В девятом часу я был на вокзале, а в 9.42 мы отбыли в Кёльн, увозя отличное впечатление от Берлина. Опять комфортабельный шляфваген[56], и я, набегавшись за день, заснул как труп.

2 июня

В Кёльн, как и в Берлин, приехали чуть свет, в семь часов. Поезд на Париж шёл через полчаса, и мы с мамой решили успеть посмотреть знаменитый Кёльнский собор, находившийся у самого вокзала. Огромное готическое здание действительно подавляюще красиво. Мы попытались войти внутрь, там мама что-то громко воскликнула, между тем в соборе шла воскресная служба, - подошёл кто-то в красном, с посохом в руке, и предложил осматривать от двенадцати до двух, а теперь уйти. Я очень рассердился на маму, и мы, спеша и спотыкаясь, пошли на поезд.

На этот раз - днём - вагон был не спальный, было много теснее. На некоторых остановках подбегали к окнам продавцы с лотками, на которых в очень чистеньких пакетиках лежали вкусные бутерброды с ветчиной.

На бельгийской границе нас не беспокоили с таможней, и мы поехали по промышленной Бельгии, сплошь покрытой заводами, фабриками, железными дорогами и шоссе. Гор, зелени и красивых мест масса; угля и дыму тоже достаточно. Поезд постоянно нырял в тоннели и довольно часто останавливался. На станциях и в поезде французский язык начинал преобладать над немецким. В Льеже я забежал в буфет, но он оказался неприлично плох. Мы простояли довольно долго, прицепились к Nord-Express'у (было приятно и забавно видеть

[55] Какой-то жалкий иностранец (нем).

[56] Спальный вагон, от Schlafwagen (нем).

дам и развинченных старичков, восседающих в широких купе Nord-Express'a) и поехали дальше.

В купе соседнего вагона я встретил Mme Бенуа, молодую жену старого художника, некогда ученицу класса Есиповой и предмет внимания Боровского и Зейлигера. Мы очень обрадовались друг другу, сидели и болтали. В час мы переехали французскую границу и помчались прямо на Париж. Подобной скорости я не видал никогда; вероятно, поезд делал больше ста километров в час. Нас качало и встряхивало во все стороны, пейзажи мелькали с кинематографическою скоростью, а поезд, казалось, всё ускорял и ускорял свой ход, приводя меня в дикий восторг.

Мы пошли в вагон-ресторан завтракать и заняли столик с двумя иностранными дамами. И тут случилось забавное вавилонское смешение языков: одна из дам, живая и бойкая, говорила по-немецки и по-французски; другая, моя соседка, интересная барышня, - по-немецки и по-английски; я говорил по-французски и с трудом по-немецки; мама понимала по-немецки, но говорила по-французски; кроме того, мы с мамой объяснялись по-русски. Выходило ужасно смешно, потому что мы вели общий разговор, постоянно путались, обращаясь друг к другу не на том языке, поправлялись, переводили и обращались к гарсону, то по-немецки, то по- русски, между тем как он иначе как по-французски не понимал. От тряски тарелки стремились под стол, а воду нельзя было ни налить, ни выпить.

После завтрака мы вернулись в вагон, где было жарко и душно. Франция с её зелёными ландшафтами очень симпатична. Я смотрел в окно; мысли вертелись вокруг Макса, который с необычайной ясностью мне снился в эту ночь. Затем я перебрался в ресторан, пил минеральную воду с «Куэнтро», писал письмо Умненькой и наслаждался скачкой поезда. В пятом часу мы стали подъезжать к Парижу. По левую руку замаячила Эйфелева башня, всегда очень меня интересовавшая. Затем мы перерезали укрепления, защищавшие город от немцев, что дало мне повод представить, как эти последние бомбардировали Париж, и причалили к дебаркадеру Gare du Nord[57]. Носильщика добыли с величайшим трудом, долго ждали таможенного осмотра багажа, который свёлся к вопросу, нет ли у нас табака, и наконец, погрузившись в автомобиль, поехали по улицам Парижа.

- Вот он, Париж! - сказала мама, выезжая из ворот Gare du Nord, и, критически осмотревшись по сторонам, прибавила:

- Ничего особенного.

Она была права. Улицы этой нецентральной части города были узкие; магазины, благодаря воскресенью, закрыты и тротуары пустынны. Красоту парижских домов, сложенных из однородного серого камня, мы сразу не смогли оценить и, не попав ни на одну большую улицу, подъехали к подъезду рекомендованного нам отеля на rue Helder.

Нам дали две комнаты au troisième au-dessus de l'entresol[58], т.е. в нашем пятом, потому что у них первый этаж не считается, а бельэтаж называется entresol. Комнаты были бы ничего - в конце концов, не всё ли равно, в каких комнатах ночевать, но было томительно душно и шумно с улицы.

Мама, устав с дороги, выпила чаю и улеглась, а я, умывшись и переодевшись, пошёл смотреть город. Меня тянуло на улицу. Кроме того, хотелось найти моих знакомых: в Париже был Черепнин, Н.В. Андреев, Штейман. Адреса последнего я не знал, а Черепнин сказал, что о нём (о Черепнине) я могу справиться в Théâtre Astrac, Champs Ely sées[59]. Андреев просил адресоваться: Avenue

[57] Северный вокзал.

[58] Третий над антресолью (фр).

[59] Театр Астрюк, Елисейские поля (фр).

Théâtre, Opéra Russe[60]. Так как в огромном чужом городе чувствуешь себя одиноким, то я решил как можно скорее разыскать моих петербуржцев. Особенно мне хотелось увидеть Черепнина.

Выйдя за угол улицы Helder. я сразу очутился на шумном центральном Бульваре des Italiens[61]. Особенно бросились в глаза кафе с массой столиков, расставленных прямо на тротуаре. Сейчас же подвернулся француз и продал мне план города, дюжину открыток с видами Парижа и предложил из-под полы пачку открыток неприличного содержания. Несколько смутившись, я сказал, что этих последних мне не надо и, отойдя в сторону, развернул план. План был так называемый «монументальный», очень пригодный для меня: на нём были прямо нарисованы все знаменитые постройки города; мелкими переулками план не пестрел, были начерчены только главные улицы. Я скоро нашёл Boulevard des Italiens и определил мое местонахождение. Затем несмело стал искать Champs Elysées, боясь, что раз это «поля», то они далеко, где-нибудь за городом. К моей радости, «поля» оказались самой центральной частью города, совсем недалеко от Boulevard des Italiens и я, развёртывая на поворотах карту, пешком пришёл туда. Шумные бульвары мне очень понравились; хвалёная живость и весёлость французов себя оправдала.

По Champs Elysées мне пришлось ходить довольно долго, пока я не нашёл Théâtre Astruc, оказавшимся одновременно и Nouveau Théâtre'ом, про который говорил Андреев. Но ни адреса Черепнина, ни адреса Андреева швейцар сообщить мне не мог, и я узнал только адрес директора антрепризы, известного Дягилева. Хотя я с ним не был знаком, но отправился к нему в отель узнавать мои адреса. Отель был страшно шикарный, и я, упав в кресло, послал гарсона с моей карточкой и с надписью на ней: «Покорнейше просит не отказать сообщить адрес Н.Н.Черепнина и Н.В.Андреева».

Дягилева не оказалось дома, а его секретарь любезно сбежал вниз и сообщил, что Черепнин, кажется, уехал на днях в Россию, а Андреев дал такой адрес: до понедельника Hôtel Terminus, после - 7, rue Marbeau. Я поблагодарил секретаря и, опечаленный, что Черепнин уехал, решил разыскивать Hôtel Terminus. Увидя невдалеке Tour Eiffel[62], я дошёл до её подножья, с долей восхищения полюбовался на неё, взял taxi и поехал в Terminus, rue St.Lazare. Но Андреева там не было, зато мне сказали, что есть другой Terminus, около Gare du Nord. Тогда я вернулся домой, было восемь часов, надо было пообедать и узнать, как поживает мама.

Мама, уставшая с дороги, уже улеглася спать, отказавшись от обеда, а я взял taxi и поехал искать Terminus у Gare du Nord. В этом Terminus 'е Андреева также не оказалось, как и в St.Lazare'овском, но я узнал, что есть третий Terminus - у Gare de l'Est[63]. До него было недалеко и я пошёл пешком. Андреева и тут не оказалось, но оказался ещё Terminus у Gare de Lyon[64] и вообще по Terminus'у против каждого вокзала. У меня опустились руки и я поехал домой.

Поел в шумном и весёлом Café de la Paix, докончил письмо Умненькой, начатое утром в поезде, и пошёл спать, предварительно долго проискав почтовый ящик. Когда мне его наконец показали, то я всё-таки не мог понять, где же ящик: узенькая щёлка в стене и под ней мелко написаны часы выемки писем. Более заметны ящики, устроенные в тумбах, вроде фонарных столбов, но и те так неприметны, что можно подумать, будто французы считают почтовые ящики чем-то постыдным, что надо как можно лучше замаскировать!

[60] Авеню Монтэнь, Новый Театр, Русская Опера (фр).

[61] Бульвар Итальянцев (фр).

[62] Эйфелева башня (фр).

[63] Восточный воказал (фр).

[64] Лионский вокзал (фр).

3 - 8 июня

На другой день я взял taxi и около двенадцати часов поехал искать Андреева на rue Marbeau, куда он должен был переехать с понедельника, т.е. с сегодняшнего дня. Оказывается, что он там уже две недели, т.е. не с этого понедельника, а с Бог знает какого, оттого-то я и не мог найти ни в одном Terminus'e. Кроме Николая Васильевича здесь оказалась и его супруга, наша преподавательница, премилейшая дама. Оба очень обрадовались мне, встретили меня с распростёртыми объятиями, хвалили, что я приехал в Париж и советовали перетащить маму в их пансион, где недорого, хорошо и, благо рядом Bois de Boulogne[65], отличный воздух. Так как маме одной в Париже скучно, а Андреевы очень милые люди, то я охотно на это согласился. Через неделю они со всей дягилевской антрепризой переселяются в Лондон и зовут меня поехать с ними дня на три в качестве туриста. Это была великолепная идея, и я поспешно за неё ухватился. В четыре часа мы с мамой переехали на rue Marbeau и заняли в этом пансионе две уютные комнаты рядом с Андреевыми. Ко мне Андреевы питают исключительную любовь, с мамой они быстро сошлись, я их тоже очень люблю - и мы очаровательно прожили всю неделю.

В тот же вечер Николай Васильевич предоставил нам два кресла в Astruc на «Хованщину». Русские спектакли дягилевской антрепризы шли с исключительным успехом: Шаляпин гремел, русским хором восхищались, русский балет заткнул за пояс французское изящество, а оперные сюжеты из времён Иоанна Грозного поражали своею бытовой стороной.

Мы с большим интересом пошли в театр. Кроме того, меня интересовала внешняя сторона парижского шика: иначе, как во фраке, в партер не пускают; в антракте мужчины надевают цилиндр - так как у меня не было, то мне дал свой Николай Васильевич, а завтра я должен был купить себе кляк. (Это меня очень занимало, потому что этот шикарный головной убор у нас в России носят редко, мне же и совсем в голову не приходило, что надо будет его одеть). Интересно было посмотреть в театре парижскую публику, шикарные дамские туалеты, наконец, самый театр, только что отстроенный. Театр оказался очень элегантным: сомон[66] с золотом и серым мрамором; дамы были шикарны, кавалеры все во фраках и цилиндрах. Шаляпин производил сильное впечатление; вообще я его считаю гениальным артистом и законодателем в толковании роли. Все артисты были хороши, Андреев мил в своей небольшой роли - словом, спектакль был en beau[67] и даже на маму, всегда настроенную скептически, произвёл впечатление. Не хорош только конец у оперы, но это на совести Римского и Мусоргского[68].

В антракте я был за кулисами, в уборной у Андреева, встретил Бриан, кончившую недавно Консерваторию с золотой медалью под своею настоящей, неблагозвучной фамилией Шмаргонер; она мне сказала, что Штейман уехал в Лондон подготовлять переезд туда всей антрепризы. Затем я вернулся в зал, прорезав толпу нашего кордебалета, который должен был плясать персидок в следующем акте. Все они были очень умеренно загримированы, как на подбор стройные и миниатюрные - такие хорошенькие и голенькие, что французские фраки и цилиндры, проникнувшие за кулисы, так и липли к ним.

На другой день в том же театре я слушал «Петрушку» Стравинского. Я очень интересовался этим, ещё не проникнувшим в Россию балетом и пришёл его слушать

[65] Булонский лес (фр).

[66] Оранжевого цвета, от saumon (фр).

[67] Во всей красе (фр).

[68] Римский-Корсаков сделал вариант оркестровки оперы.

с величайшим любопытством. Сценическая его часть меня привела в восторг, инструментовка тоже, остроумие тоже - моё внимание ни на минуту не ослабевало, так всё это было занятно; но музыка... Я о ней много думал и решил, что она всё-таки ненастоящая, хотя и есть явно талантливые места. Но Боже, какая уйма рамплиссажу, не нужной музыки для музыки, а нужной для сцены. Моё более подробное мнение и приговор над Стравинским я высказал в письме к Мясковскому, написанном через неделю после слушания «Петрушки». Так как «Петрушка» очень короток, то вслед за ним дали «Дафниса» Равеля. Я всегда мало интересовался модерной французской музыкой, и теперь слушание «Дафниса» не привлекло меня на её сторону. Несомненно, музыка эта имеет свой приятный аромат, но столько в ней воды, так расплывчат рисунок, что её, право, не стоит слушать. Кроме того, «Дафнис» скучен, а Равель не умеет иллюстрировать сцену. Ещё пока дело касается поэтических девушек и лесных ландшафтов, музыка нежна и отвечает сцене; но когда доходит до драматических моментов или вакхических танцев, тогда сказывается полное бессилие автора.

В третий вечер я видел инсценировку «Шехеразады» Римского-Корсакова: довольно удачно и очень пышно, пряно, как и сама музыка. Происходящее на сцене вполне соответствует музыке, за исключением самого конца.

«Карнавал» Шумана, инструментованный целой компанией русских светил (Римский-Корсаков, Глазунов, Черепнин, Аренский), инсценирован достаточно скучно и малоизобретательно, я ожидал большего, так как его музыка даёт широкое поле для воображения. В инструментовке слушать его любопытно, хотя - чем фортепианнее номер, тем хуже он удаётся в оркестре.

Из достопримечательностей Парижа мы осматривали Лувр и Салон. В Лувре нам попался опытный гид, бывший профессор, по-видимому, спившийся; он был очень полезен, зная Лувр как свои пять пальцев и толково поясняя все достойные памятники искусства; сыпал годами, собственными именами и историческими справками. Я с большим уважением глядел на почтенные разбитые статуи и почерневшие картины; вначале было очень интересно, потом скучно, затем мучительно.

Салон меня очаровал, я не видал ничего красивее этого громаднейшего, мягко освещенного зала, сплошь уставленного прекрасным мрамором, утопающим в зелени. Особенно этот зал пленителен с балкона картинной галереи.

Затем мы были на Эйфелевой башне. Она меня интересовала с самого раннего детства, лет с семи. Это вполне естественно для ребёнка; но этот интерес сохранился и до сих пор. Ещё уезжая из Петербурга, я обещал всем моим знакомым прислать о башне открытку; теперь, взобравшись на неё, я послал не более не менее как двадцать девять - всем, кому стоило. Первый этаж я уговорил маму лезть по лестнице, а не в подъёмной машине. Это было очень приятно и слегка головокружительно, потому что узенькая лесенка вьётся в совсем пустом пространстве и земля кажется где-то далеко внизу. Мама, измучившись подъёмом, осталась в первом этаже пить чай, а я пешком полез дальше. Очень пожалев, что винтовая лестница закрыта, и сравнительно мало устав, я взобрался во второй этаж. Дальше лестницы не действовали и надо было ехать в подъёмной машине. В этой машине огромные окна на все стороны, ползёт она мягко и медленно, а каркас башни так воздушен, что кажется, будто поднимаешься на воздушном шаре. Приехав в третий этаж, я очутился в закрытом балконе, где было тесно и душно из-за двух десятков туристов, толпившихся там. Оказалось, что над ним есть ещё открытый балкон. Я выбрался на него и остался там один, потому что другие туристы не догадались сделать этого. Здесь вид был бесконечный; даль заволакивалась туманом. Высота огромная, но не головокружительная. Я вспомнил Макса. Вот где надо кончать жизнь самоубийством. Страшно шикарно и даже

приятно. Я спросил сторожа, бывали ли случаи, чтобы отсюда бросались вниз. Он ответил - нет. Может ему так приказано говорить. Посидев на верхушке и посмотрев на Париж, я спустился вниз за мамой, и мы вернулись домой.

Лувр, Салон и башня были тем главным, что мы осмотрели. Bois de Boulogne интересен не столько сам по себе, сколько публикой. Вообще же Париж, как город, удивительно красив, жив, весел и привлекателен. Конечно, я побывал и в магазинах, выбирал духи у Guerlain и остановился всё же на моей милой Cadine, заказал шикарный чёрный костюм с белыми с чёрной клеткой брюками, купил кляк, купил элегантное и дешёвое бельё. Очень любил заходить в кафе, попробовал, что такое сода-виски (ничего, недурно), но в кабаках и вечерних увеселительных заведениях, которыми славится Париж, не был ни разу: во-первых, я совершенно неопытен и непросвещён по этой части; во-вторых, я жил всё время в семейной обстановке (Андреевы, мама), где речь об этом не заводилась. Из способов передвижения я часто употреблял маленькие и ловкие такси, но также удачно пользовался подземной дорогой, устройство которой мне чрезвычайно понравилось.

Из России вести до меня доходили: Наташа Гончарова прислала длинное и ласковое письмо, Катюша Шмидтгоф прислала шесть очень толковых страниц, Колечка Мясковский был мил по-обыкновению, Нина Мещерская писала, прося не забывать Гурзуф, и, наконец, Умненькая разрешилась маленькой писулькой, ничего, довольно милой, на четыре балла. Карнеевы не присылали ничего, хотя я им каждый день валял по весёлой постальке. но... это из-за Борюси, чтобы обо мне там говорили.

Вообще же Париж оставил самое отличное впечатление. Настроение духа было хорошее, вокруг всё было ново и интересно, Андреевы милы, город красивый и живой, пансион уютен, моя комната комфортабельна, а двуспальная кровать, в которую я в первый раз попал, первое время винтила воображение.

Я с собой привёз довольно много рукописей, рассчитывая, что с помощью Черепнина их можно будет сделать известными парижским музыкантам, но Черепнин уехал в Россию, и мои рукописи остались в чемодане. Calvocoressi был страшно занят и я имел с ним только одно свидание. Я играл ему и его другу пианисту Шмитсу оба Концерта. Первый они уже знали и оценили (хотя указали, что тема взята у Балакирева), а второй мало сообразили. Первый обещали постараться исполнить в будущий сезон у Шевиллара. Кажется, это очень шикарно; дай Бог, хотя я не очень верю их обещаниям.

9 июня

Сегодня я поехал с Андреевыми в Лондон: они на три недели, петь; я на три дня. en qualité de touriste[69]. Уже накануне шла укладка сундуков, особенно у Андреевых, и нагрузили их такое множество, что два taxi едва свезли их (и нас) на вокзал. На вокзале тоже была возня: носильщики, не очень дюжие во Франции, надрывались, выбивались из сил и ворчали. Наконец мы очутились на платформе и заняли места в небольшом и весьма наполненном отделении с дверью прямо на улицу. До отхода поезда оставалось пятнадцать минут, я гулял по платформе и постоянно слышал русский говор - это было довольно курьёзно для Парижа, но дело в том, что с этим же поездом ехала почти вся оперная антреприза Дягилева: много солистов и хористов.

В 8.25 утра поезд отошёл. Хотя было ещё раннее утро, но мы успели насуетиться и с наслаждением принялись за завтрак, который был крайне остроумно уложен в коробке, предусмотрительно купленной на вокзале Николаем Васильевичем. Он

[69] В качестве туриста (фр).

аккуратно делил всё на три части и мило кормил нас. Затем всех посетила приятная дремота, а после трёхчасовой езды мы прибыли в Булонь и опасливо посмотрели на море, боясь качки и тошноты. Но Ламанш был тих, и мы расположились на верхней палубе первого класса небольшого парохода, долженствовавшего перевезти нас через пролив.

Пароход отчалил. Я был в полнейшем восторге. Была восхитительная погода. Солнце нежно жгло, а выйдя на нос парохода, можно было ощущать упругий ветер с океана. Палуба была заставлена chaise longue'ами[70], в которых нежились на солнце английские дамы в клетчатых костюмах. Гуляла масса настоящих англичан, типичных «джентльменов»; прислуга тоже была английская. Словом, всё это было настолько другое, чем в России, всё было настолько похоже на описание путешествий из жизни англичан и американцев, что я чувствовал себя в каком-то новом мире: тянуло путешествовать, ехать куда-нибудь далеко-далеко, в Америку. Действительно, у нас в России говорят об Америке, как о чём-то таком, куда всё равно никогда не попасть, как на Луну. Здесь же она выглядит чем-то вполне естественным, вполне близким, почти осязаемым. Ведь по левую руку en plein[71] Атлантический океан, а огромный пароход, плавно и уверенно пересекающий нам путь, идёт в Нью-Йорк и через пять дней будет там. Усевшись рядом с Анной Григорьевной, я с увлечением заговорил с ней о путешествии в Америку.

Через полтора часа мы пристали к берегу Великобритании, к Фолькстону. Поезд на Лондон стоял тут же у пристани. Опять русские певцы... Ах, эти русские дикари, нервные артисты, бестолковые хористы, волнующиеся, суетящиеся, непонимающие ни слова по-английски и с отчаянием в голосе орущие друг другу через всю платформу, боясь перепутать поезд - как они были забавны!

Наконец расселись и поехали. С нами в купе была чета других Андреевых, баритона. Я с ним был немного знаком. Теперь мы весело разговорились. Я знал, что он хорош с Захаровым, это меня интересовало, но разговора на эту тему я не поднимал.

К нам в купе ещё затесался хорист, приспешник Шаляпина и шут всей труппы. Он был очень комичен, всё время высовывался в окно и орал соотечественникам:

- Сенк-ю!! - что означало «благодарю вас», больше по-английски он не знал.

Вообще же ехать было томительно: жарко, пыльно, душно. Тоннели и связанная с ними копоть досаждали. Наконец начался бесконечный пригород, мы переехали Темзу (дрянь) и остановились у вокзала Черринг-Кросс. Тут становилось хуже: надо было действовать, но мы трое ничего не понимали и ничего не говорили по- английски. Анна Григорьевна знала несколько изуродованных выражений из «Русский в Англии», Николай Васильевич помнил полтора слова из прошлогоднего приезда, а я знал только жокей-клуб и ватер-клозет - больше ничего.

Мы глупо стояли на платформе, окружённые горой сундуков и беспомощно мимировали с носильщиком. В этот момент подлетела к нам Мария Ивановна, некогда русская дама, обожающая Анну Григорьевну и выехавшая её встретить. Она живо затараторила на собачьем языке, носильщик свалил вещи на тележку, и через несколько минут мы катили в автомобиле по улицам Лондона. Ничего, город как город; но хуже Парижа.

Мы остановились в тихой улице Clifton Gardens у дверей пансиона, где жила Мария Ивановна и где поселялись и мы. По случаю воскресенья прислуга гуляла и тяжеленные сундуки пришлось ворочать самим. Андреевы поместились в прелестной комнате с окнами в сад, которую уступила им Мария Ивановна, а мне дали комнату наверху — довольно скверную, но не всё ли равно, где переспать три

[70] Шезлонгами (фр).

[71] Во всю ширь (фр).

ночи?

Заперев дверь, я с наслаждением разделся, предвкушая удовольствие вымыться после духоты и дорожной копоти, но должен был разочароваться: умывальника с краном не было, а стояла умывальная чаша и кувшин, причём кувшин был пуст. Кое-как накинув одежды, я хотел позвонить горничной, но звонка не было. Пришлось одеваться как следует и отправиться на поиски прислуги. Это было не совсем просто, но, найдя её, я привёл к себе, вручил пустой кувшин и она скоро вернулась с полным. Но, о несчастье, вода в кувшине оказалась горячей, почти кипящей. Эта идиотка решила, что я намерен бриться. Делать было нечего: я налил воду в таз, подождал, чтобы она стала терпима, и стал мыться горячей водой, утешая себя тем, что после неё температура воздуха покажется более прохладной.

Отмывшись и переодевшись, красный как из бани, я спустился вниз, где пили чай.

- Ну что, - торжествующе спросила меня Мария Ивановна, - чувствуете вы себя в самом культурном городе мира?

- И даже очень: умывальника нет, воды нет, звонка нет, электрического освещения нет, телефона нет, стульев нет...

- Как стульев?!

- Ну да: у меня один стул, да и тот дырявый.

- Я вам пришлю стул, - быстро сказала она, несколько смущённая моими лондонскими впечатлениями.

Затем Николай Васильевич отправился расписаться в книге у русской вдовствующей императрицы, гостившей в Лондоне. Я охотно взялся сопровождать его, чтобы посмотреть город. Но город был пустынен и мёртв по случаю воскресенья - это особенность Англии, даже почта не действует. Мы скоро вернулись обратно, обедали, а затем я гулял solo по Оксфорд стриту. Oxford-street хорош, бесконечно длинен, но ничем не поражает. Нагулявшись, я сел в такси и с трудом объяснившись с шофёром, втолковал ему мой адрес. В пол-одиннадцатого я был дома, где уже беспокоились, не потерялся ли я в Лондоне...

10 июня

Утром погулял по большим лондонским проспектам Оксфорд и Риджен стритам. Хорошие улицы, но Париж красивее. Лошадей почти нет, одни моторы. Характерная черта Лондона - нет трамваев; зато кишмя кишат автобусы, которые катятся с необычайной быстротой и ловкостью, обгоняют друг друга - Бог их знает, как они ни на кого не налетают! Ужасно неудобно, что движение по левой руке, а не по правой: с непривычки никак не сообразишь, откуда выскочит автобус, справа или слева, особенно на перекрёстках, где едут со всех сторон.

В одиннадцать часов Николай Васильевич предложил мне пойти с ним на репетицию «Бориса Годунова» в Театр Друрилейн (я сначала всё заплетался, произнося это слово). Театр весьма так себе, зато оркестр замечательный. Я сидел в зале и с удовольствием слушал «Бориса». Вокруг меня сидело много русских хористов, оживлённо рассказывающих друг другу, как кто устроился в Лондоне и какие при этом были курьёзы. Андреев-первый встретил меня крайне любезно; очень мил режиссёр Санин; шикарная женщина и отличная певица Петренко; дирижирует Купер. В антракте мы очень радостно встретились, но говорить особенно было не о чем.

С большим удовольствием встретился я со Штейманом, который состоит одним из младших дирижёров при антрепризе. После репетиции я у него завтракал. Мы мило с ним болтали; он очень доволен, что законтрактовался к Дягилеву, по крайней мере объездил всю Европу и насмотрелся, как где делают музыку. Рассказывал

про Канкаровича, которого встретил в Дрездене. Бедный Канкарович совсем закис: и дирижёрство, и композиторство его не пошло в гору; без особенных дел он прозябает в Дрездене, томится, бледнеет и теряет всякое желание пробивать себе дорогу. Увы, но это самое плохое.

Вернувшись домой, я нашёл Mme Андрееву в кровати, больную после укладки вещей в Париже. В гостиной сидела пожилая дама Mme Смит, русская, вышедшая замуж за англичанина. Она приняла участие во мне как туристе и потащила к себе обедать, а по дороге посмотреть Лондон.

В сущности, по дороге я, кроме уже виденных улиц, мало что увидал нового. В её комфортабельном особняке было мило и скучновато; сын Петрушка с большим трудом коверкает русский язык, а красивая 24-летняя дочь вскоре после моего прихода исчезла.

Вернувшись в девять часов домой, сидел у меня наверху и писал письма Ниночке Мещерской и Лидочке Умновой.

Никогда не имел дела с газовой лампой. Чёрт её знает, как она тушится! Я провозился минут двадцать, пока мне удалось погасить эту мерзость!

11 июня

Написав Мясковскому длинное письмо с отзывом о «Петрушке», я спустился из моей коморки и отправился с Николаем Васильевичем - он с визитом в русское посольство, я смотреть Hyde Park. По дороге на Oxford Street забрели в несколько магазинов, а когда Андреев уехал в посольство я, вместо парка, пошёл прямо по большим улицам по Риджен-стриту, по Пикадилли, глазея по сторонам и останавливаясь у витрин магазинов.

Бросалось в глаза обилие контор океанских пароходных обществ, у которых в витрине красовались огромные, художественно выделанные модели океанских кораблей (иногда в разрезе, со всеми внутренностями), а также висели яркие картины Индии и Америки, и лежали соответствующие путеводители и брошюры. Таких аппетитных, манящих вдаль витрин, не найдёшь ни в Питере, ни даже в Париже, и благодаря им Лондон казался как-то ближе ко всему миру, а поездка куда-нибудь в Индию или Южную Америку, столь маловероятная для россиянина, казалась здесь естественной и простой. Затем ещё одно различие между серьёзным Лондоном и весёлым Парижем: здесь я с величайшим трудом сыскал магазин с элегантными открытками, между тем в Париже они на каждом углу.

Незаметно для самого себя я добрёл до вокзала Черринг-Кросс и, сообразив, что пора завтракать, сел на верхушку автобуса, которыми я научился пользоваться так же, как в Париже метрополитеном, и приехал домой. После завтрака меня послали осматривать Вестминстерское аббатство. Сообразив по плану, что я могу пройти туда парками, Hyde Park и St.James Park, я решил отправиться пешком, хотя это и составляло шесть вёрст.

Бодро прошагав Хайд-Парк, я наткнулся на огромную толпу и на цепь солдат, не пропускавших эту толпу. Оказалось, ждали проезда короля и французского президента, посетившего Лондон. Прождав полчаса, частью из любопытства, но главным образом, из-за невозможности пройти, я был свидетелем проезда Георга и Пуанкарэ, проследовавших в пышных старинных каретах. Толпа приветствовала их криками, а оркестр грянул «Марсельезу», сменив её через три такта английским гимном.

Пройдя симпатичный Сент-Джеймс-Парк, я вступил под сень мрачного Вестминстерского храма. Здесь погребены под его плитами короли, герцоги, полководцы и великие люди Англии. Сплошной ряд художественных памятников украшает все стены и отдельные кельи этого замысловатого здания. Особенно

меня поразили лежачие памятники, где прежние властители в полном облачении лежат как-бы в том виде, в каком они покоились на смертном одре. А рядом с ними лежат изваяния их супруг. С чувством некоторого благоговения бродил я между памятниками былого величия, сошедшего в могилу, но всё же дышащего в каждом изгибе мраморной фигуры. Долго я стоял у памятника Генделя и Шекспира. Много так ходил по церкви, любуясь её мрачною, подавляющею красотою. Ушёл я под сильным впечатлением Вестминстерского аббатства.

Затем с моста, перекинутого через мутную Темзу, любовался на красивый Парламент и в кэбе вернулся домой. Милый кэб, специфически английского фасона, на двух больших колёсах и с кучером за спиной над крышей, совсем вымирает в Лондоне, вытесняемый быстрыми и комфортабельными такси. А он мне очень нравится - такой славный и уютный!

После обеда Андреев предложил мне приехать в Дрюрилейн на первое представление «Бориса». Билеты были все проданы по сумасшедшим ценам, но можно было потолкаться за кулисами. Это было мне интересно и я отправился. Меня едва-едва пропустили как постороннее лицо, и несколько раз старались удалить.

Шаляпин - артист, перед которым я преклоняюсь - очень волновался, так как это был его первый выход перед английской публикой. Он, как зверь в клетке, ходил за кулисой перед тем, как появиться на сцене. Но успех был огромный. За кулисами я сидел со Штейманом; мы сговаривались с ним посмотреть вместе на Лондон и окрестности, благо ни он, ни я их не видали. Кроме того, оба мы не владели языком, вдвоём всё-таки не так страшно...

В антракте я зашёл в фойе и любовался на шикарнейшую публику. Лондонская премьера - чего же шикарней! И действительно - публика блестящая. Особенно хороши лондонские джентльмены. И если Париж перещеголяет Лондон дамскими туалетами, то он уступит безукоризненности английских кавалеров. Вспоминал Макса.

«Борис» - прекрасная опера. Мусоргский по-настоящему понимал сцену, так именно и следует писать. Я ужасно хочу писать оперу. У меня будет хорошая, настоящая опера!

12 июня

Перед завтраком ходил с Николаем Васильевичем в какой-то большой магазин. Мучительно объяснялся с приказчиками, делали всякие английские покупки: я купил рубашки, хорошую теннисную ракетку, теннисные туфли, почтовую бумагу.

После завтрака, согласно уговору, я приехал к Штейману. Мы было собирались в Виндзор, но теперь Штейман что-то морщился, предлагая отложить на завтра, а сегодня, например, осмотреть зоологический сад, который знаменит в Лондоне. Мне судьба осматривать зоологически сады: в Берлине нас тоже послали смотреть зверей; но я не протестовал, и мы отправились.

Зоологический сад хорош, но хуже, чем в Берлине, вообще же приблизительно одно и то же. Здесь меня поразил отдел змей, жаб, ящериц и всяких пакостных земноводных, невыразимо отвратительных на вид. Я с острым любопытством осматривал змей, начиная с крупного удава и кончая юркими маленькими змейками, которые били по нервам и заставляли непроизвольно поглядывать на пол, не ползёт ли там чего-нибудь, и вздрагивать от прикосновения к чему-нибудь холодному. Находившись до усталости по саду, мы распростились до завтра и разъехались по домам.

Вечером я писал открытки знакомым - приветы из Лондона - и лёг спать, предварительно осмотрев кровать - нет ли там змей.

13 июня

В десять часов утра пошёл в почтовое бюро, при котором находился публичный телефон, звонить Штейману, чтобы узнать, свободен ли он от театра и едем ли мы в Виндзор. Подойдя к телефонным барышням, я храбро заявил:

- Плис, мисс, Джерар сэвен-фри-фор-о!

Они с минуту смотрели на меня, потом переглянулись, фыркнули и принялись хохотать как безумные. Я, естественно, смутился и сунул им бумажку, на которой был написан телефон Штеймана. Продолжая смеяться, одна из них прочла бумажку и принялась вызывать номер по телефону. Звонила она и кричала в телефон непонятные фразы минут пять, наконец повесила трубку и обратилась ко мне с длинной английской фразой. На моё слабое мимическое возражение, что я её не понимаю, она повторила мне свою фразу, но результат был тот же. Тогда она мне мимикой объяснила, что говорить по телефону нельзя. Я так и не понял, почему: у неё ли телефон испорчен, у Штеймана ли, или просто занят и через минуту освободится. Поблагодарив, я вышел на улицу и пошёл искать другой публичный телефон. Таковой оказался близко, на улице Формозы, и я уже не стал тешить барышень моим произношением, а просто, как немой, подал им бумажку с номером. Меня живо соединили с гостиницей Штеймана; он был свободен и ждал меня. Я взял такси и через четверть часа был в его Morton Hotel. Штейман почему-то пытался заменить виндзорскую поездку чем-нибудь другим поближе, но мне хотелось в Виндзор, и после нескольких минут дипломатических переговоров мы двинулись в путь. В записной книжке у меня было предусмотрительно записано «Падингтон Стейшен», имя вокзала, с которого едут в Виндзор. Шофёр - к этому мы уже привыкли - долго не хотел понимать, куда мы его нанимаем; наконец мы сказали «Виндзор» и мимикой изобразили едущий поезд; он осенился мыслью и мы приехали на вокзал. Тут была задача, в какой кассе брать билет - их было множество. Я храбро подошёл к самой первой и спросил:

- Виндзор?

- Yes, - ответил кассир.

Я взял два обратных билета первого класса и мы вышли на платформу. Здесь новая задача: где поезд и которая платформа. Мы запросили первого попавшего кондуктора и, сунув ему билеты и сказав «Виндзор», сделали руками беспомощный жест, что, мол, не знаем, куда идти. Он показал нам на мостик через платформы и сказал какую-то фразу, где участвовало слово «фор». Догадавшись, что надо искать наш поезд на четвёртой платформе, мы полезли по лестнице на мостик, спустились на платформу с номером четыре и не ошиблись. Мы не торопясь сели в вагон и в ту же минуту поезд помчался - попали мы как раз вовремя. Теперь, когда мы сидели в запертой коробке и быстро двигались к цели, рождался новый вопрос: где же выходить? Хорошо, если прямо в Виндзоре, а вдруг с пересадкой - чёрт его знает.

Мы ехали минут сорок; наконец остановились, но это был не Виндзор. Мы собрались было ехать дальше; по счастью справились и оказалось, что здесь пересадка. Мы перешли на указанную платформу, где нам подали не поезд, а большой электрический вагон. Ещё не вполне уверенные, туда ли мы едем, сидели мы в электрическом вагоне, как вдруг после закругления перед нами выплыл древний замок замечательной красоты и мы почувствовали, что подъезжаем к Виндзору. Вокзал был прямо против замка. Зайдя с левой стороны, мы поднялись по длинной живописной лестнице и очутились внутри укрепления. Там замок так же хорош и так же ароматен ароматом старины, как и издалека, из поезда. Взбираясь на высокие каменные стены, заглядывая в рвы и слегка путаясь в лабиринте замка, мы вспоминали древние времена, атаки, штурмы, отбиваемые камнями и кипятком, и сложный план защиты этого города и неприступного замка.

К сожалению, осмотр наш был неполный: самого интересного мы не видали, так как вследствие приезда Пуанкарэ, центр замка был закрыт для туристов, и у дверей стояли часовые.

Мы вышли из замка и пошли завтракать в гостиницу. Это был крайне приятный момент. Штейман рассказывал о Черепнине, который, по-видимому, приезжал в Париж в надежде по дирижировать у Дягилева, но из этого ничего не вышло. Он ужинал со Штейманом, был крайне легкомысленно настроен и рассказывал, что зимою у него были три любовницы: Армашевская и ещё две каких-то.

Армашевскую, нашу консерваторку, я знаю. Дрянь. Но всегда так липнет к Черепнину, что я подозревал, что это неспроста. Позавтракав и узнав от лакея-француза, что парк - рядом, мы отправились разыскивать парк. Тут привязался к нам кучер и взялся за четыре шиллинга покатать нас по парку. Едва мы въехали в парк, как он остановил экипаж и, показывая рукой то в одну сторону, то в другую, стал нам что-то длинно рассказывать. Думая, что он делает исторический обзор местности, мы кивали ему в такт головами и делали вид, что кое-что понимаем. Но затем в его фразах расслышали «файф шиллинге» при указании на одну дорогу и «сикс шиллинге» на другую. Сообразили, что он предлагает сделать нам более длинный объезд, замахали ему руками и он поехал дальше.

Окрестности Виндзора милы, приятны на взгляд, но отнюдь не примечательны, похожи на среднюю Россию, но приезжать смотреть их - не стоит. Зато замок, к которому мы опять подъехали издали, на этот раз с другой стороны, удивительно прекрасен.

В пять часов мы были уже в Лондоне. Штейман предложил провести вечер вместе. Я обещал заехать к нему в восемь часов и, завезя карточку Mme Смит, вернулся домой.

Обыграл Николая Васильевича в «66», спросил его между слов о Захарове, он ответил, что знает его, потому что Захаров почему-то бывает на вечерах у Константина Константиновичей, но в этом году из-за болезни князей вечеров не было, и он Захарова не видал.

После обеда я пошёл к Штейману. Он показал мне барышню, приехавшую из глубины Африки, обратил моё внимание на особый огонь в её глазах и вообще, по-видимому, очень хочет за ней ухаживать, но не знает, на каком языке с нею говорить.

Он, я и добродушный немец, служащий помощником дирижёра в русской антрепризе, отправились в один из мюзик-холлов, которых в Лондоне множество и в которых представление состоит из песен, шансонеток, танцев, фокусов и юмористических сценок. Всё это идёт часа два без перерыва. Шикарный театр, мягкие кресла, отличный оркестр, богатая постановка, хор и балет из хорошеньких, как на подбор, женщин, несколько талантливых комиков - вот характеристика мюзик-холла, в котором мы очень веселились и смеялись несмотря на то, что не понимаем ни слова. Мы ушли страшно довольные вечером и, посидев полчаса в людном кафе, распростились и разъехались по домам.

Среди англичанок очень много хорошеньких. Вообще, в Лондоне больше красивых лиц, чем в Париже.

Я решил учиться английскому языку. Это необходимо для моих грядущих путешествий.

14 июня

В восемь часов утра простился через дверь с Андреевыми, поблагодарил их, что вывезли меня в Лондон, погрузил мой чемодан в такси и поехал в Париж. На вокзале незнание языка причинило всякие неудобства при доставании билета и

сдаче багажа, но догадливый носильщик свёл меня с французом, представителем какой-то гостиницы, и я при его помощи быстро всё сварганил и даже купил русскую газету, чтение которой убило малоинтересный переезд от Лондона до Фолькстона, куда мы прижехали в 11.50. В Фолькстоне я пересел на пароход и поехал через Ламанш. Опять палуба с приятно греющим солнышком, с longue-chaise'ами и с английскими путешественниками. Опять безграничная даль Атлантического океана и опять притягательня сила просторных океанских путешествий в чужие, не похожие на наши края... Слегка начинает качать. Я пугаюсь призрака морской болезни, видя, как некоторые дамы бледнеют и принимают беспомощные позы в их longue-chaise'ах. Но качка ничтожная. Беру кресло, ставлю на самое солнце, жмурюсь, надвигаю шляпу на глаза и предаюсь мечтам об Америке. О «кормлении рыб» (по андреевскому выражению) и речи нет.

Boulogne. Вот-то радость, что с каждым можно объясниться без затруднения - ни одного англичанина: все вокруг вдруг стали французами! Благо у меня ни одной вещи, меня не задерживают в таможне, и я первый попадаю в поезд. Занимаю уголок у окна, закусываю на вокзале, меняю шиллинги на франки, и затем мы быстро и без остановок несёмся в Париж.

Здесь пришлось полчаса ждать очереди на мой чемодан в таможне, но отпустили не роясь; я его сам дотащил до такси и, с удовольствием окидывая взглядом парижские улицы, поехал через весь город. Заехал за письмами, но было только одно от Лиды с Зоей, и в седьмом часу был на rue Marbeau, где мама мне очень обрадовалась.

15 июня

Лида писала, отчего я не взял её с собою в Лондон. Проснувшись утром, полудремал - грезились приятные перспективы поездки с нею.

По настоянию мамы поехал к Mme Лебединцевой, которую не знал, но с которой мы вместе предполагали двинуться в Auvergne. Mme Лебединцева очень мила, едет дней через пять в Royat, а пока жаждет видеть маму. Затем я отправился к Mme Guyonnet. Её муж представитель автомобильной компании. В мае они были в Петербурге, у Раевских познакомились с мамой. Через них я получал письма. Mme Guyonnet, страшно любезная дама, предложила прокатить нас завтра в автомобиле в Версаль. Я очень обрадовался такой поездке и в благодарность очень охотно сыграл ей сонату Бетховена.

От Mme Guyonnet пошёл покупать чулки Сонечке Эше, Лиде и Зое. Хорошенькая продавщица, которой я несколько раз сказал, что чулки мне нужны самые модные и притом на три разных ноги, принялась смеяться, воображая, что у меня целый гарем. Меня ударило в краску, но чулки были куплены, и я перешёл в другое отделение, где приобрёл палку, очень удачную, змеиного дерева с каменным шаром- набалдашником. Я всё время не расставался с палкой Макса, но она была чуть погнута. В Лондоне, когда меня хотели вывести из-за кулис, я так рванулся, что погнул её больше. Боясь её совсем испортить, я отложил её в сторону до Петербурга, где отдам в починку.

Вечером мама собралась к Mme Лебединцевой, но так как автомобили забастовали, а в метрополитене одна мама ехать боялась, то мне пришлось проводить её в Quartier Latin[72]. К Лебединцевой я не полез, а пока мама сидела у неё, я забрёл в кафе и тянул un bock[73], сидя за столиком прямо на бульваре.

[72] Латинский квартал (фр).
[73] Кружка пива в 250 мл (фр).

16 июня

В два часа за нами заехал шестиместный открытый автомобиль с Mr и Mme Guyonnet и её сыном от первого брака, который сам правил. Pierre de Fonbrune - очень симпатичный двадцатилетний юноша, но какая-то упорная сыпь на лице, шее и руках портит его. Мы быстро прорезали Париж и покатили по его окрестностям. Прогулка была восхитительная. Приехав в Версаль, мы бегло осмотрели дворец Людовика XIV. Если я равнодушно пробегал дворец, то я как вкопанный останавливался перед чудесными видами, открывавшимися из его окон. Из дворца мы переехали в Trianon-Palace, отель, где очень комфортабельно был сервирован чай. Глядя на прелестный версальский парк и на дворцы, я не раз вспоминал слова Черепнина:

- Приедете в Париж, поезжайте в Версаль, поживите там несколько дней.

Верно. И это я сделаю как-нибудь.

Напившись чаю, мы сели в милый автомобиль и поехали в St. Germain. Любовались оттуда на разостланный перед нами Париж и вернулись в него через Булонский лес, чрезвычайно довольные прогулкой и всем виденным.

Вечером несколько дам и хозяйка нашего пансиона заставляли меня импровизировать, задавая мне отвлечённые темы. Я играл им всякую белиберду к огромному их восхищению. Я не люблю импровизировать и делаю это редко, раз в год. Процесс сочинения за фортепиано не есть импровизирование. Сочинение состоит в интенсивном, назойливом искании. Автор разбивается на две половины, на изобретателя и критика. Первый быстро, один за другим, подаёт музыкальные обрывки мыслей; среди них толпой идут рефлекторные мысли и, затерявшись в этой толпе, оригинальные. Он как бы сыпет золотоносный песок, в котором среди массы песку иногда попадается ценный материал. Автор-критик моментально оценивает поданные отрывки и бракует, бракует без конца. Но как только он заметит намёк на что-нибудь оригинальное, свежее, красивое, он, как крючок, хватается за этот намёк и останавливается на нём. Тотчас автор-изобретатель начинает развивать этот намёк, расширять его во все стороны, а автор-критик критикует его деятельность и опять бракует и бракует попытки развивать удавшийся намёк. В золотоносном песке найден комочек; теперь в нём роются, хотят найти слиток. Часто бывает, что комочек искрошется и ничего, кроме песку, в нём не окажется. Обрывок мысли, к которому прицепились, не стоит внимания. Но зато, если удастся выкристаллизовать его в определённую, заслуживающую внимания мысль, будь то тема, или гармоническая последовательность, или просто интересный музыкальный оборот, то цель достигнута и слиток найден. Он может состоять из нескольких нот, из последовательности двух аккордов, может быть и длинной мыслью в несколько тактов. Теперь его можно записать и даже отложить на день, на месяц. Слиток найден и спрятан; будем искать другие, а когда наберётся их несколько, примемся ковать звенья для целой цепи.

Тут уж дело фантазии. Ей предоставлен материал и от степени её богатства зависит, насколько удачно он будет использован. Что же касается импровизации; то тут требуется непрерывная текучесть мыслей, чтобы одна ползла за другой и, главное, не прерывалась. Автор-критик не может остановить непонравившуюся мысль и потребовать другую, потому что хоть на момент, но будет перерыв. Критика слабеет вследствие необходимости, фантазия развивает первую попавшуюся мысль и сам импровизатор чувствует, что играет музыку гораздо более низкого качества, чем он может сочинять. Это сыпется песок, который для неопытного глаза хоть и блестит на солнце, но в котором почти никогда не бывает настоящего золота. Я хочу сказать, мне никогда не приходилось в импровизациях находить материал для моих сочинений.

17 июня

Встав рано утром, сел в метрополитен и через весь город поехал на Лионский вокзал взять билет и резервировать места в вагоне. Вернулся домой в метрополитене же и очень утомился от грохота подземной дороги.

Затем укладывал чемоданы и в 12.30 мы покинули Париж, едва поспев к поезду. В поезде тесно, душно и томительно. Я совсем изломался, пока доехали до Руая. В 7.30 вечера мы прибыли в Руая и в гостиничном автомобиле приехали в рекомендованную Mme Лебединцевой гостиницу Grand Hôtel des Sources. Гостиница не особенно дорогая, но и не особенно хорошая. Я критически глядел на Royat, место, где мне предстояло просидеть месяц, куда меня притащила мама совсем помимо меня, да и сама зная об этом курорте только по относительным рассказам. Дыра иль не дыра? Боюсь, что дыра. А пока повалился спать.

18 июня

Утром пошёл гулять. «Парк» величиной с полдесятины[74], едва шагнёшь, как уже конец. Вокруг либо гостиницы и всякие постройки, либо холмы, - прогулок, по-видимому, никаких. Публики в парке ни души. Теннис плох и никто не играет. Я привык к Кисловодску, Ессентукам, а это дыра, дыра и дыра!

Я очень недоволен. Сказал маме, что недели две, пускай, проживу, но, сохрани Бог, не больше!

19 июня - 7 июля

В результате я прожил три недели. Достал в соседнем губернском городе Клермон-Ферране пианино и занимался.

Royat - курорт для пожилых людей с публикой пятидесяти- и семидесятилетнего возраста. Молодёжь здесь как редкость. Я чувствовал, что время я проведу тоскливо и, чтобы иметь нравственную компенсацию в виде сознания, что время это не пропало даром, решил заниматься настолько много, насколько хватит сил. Действительно, я сидел за работой не меньше шести с половиной часов, но чаще восемь и девять часов в день. Это, несомненно, похвально, но и нервы мои, вместо того, чтобы отдохнуть, ещё больше истрепались. Плохо то, что целый день работать не хватит сил, а во время передышки не знаешь, что делать и куда себя девать. Время моё было распределено следующим образом: утром вставал часов в восемь, пил в общем зале шоколад и делал десятиминутную прогулку. До завтрака сидел за пианино, уча 2-й Концерт и только его, ничего другого. В полдвенадцатого завтрак в общем зале. За нашим столом, кроме мамы, Mme Лебединцева и двое её знакомых: пожилой, но очень весёлый француз и молчаливая дама. Завтрак имеет много блюд и тянется почти час. После завтрака я гуляю около часу. До обеда занимаюсь: делаю клавир Концерта или привожу в порядок Op.12, или переписываю некоторые более ответственные оркестровые партии из Концерта, ибо в переписчиков я изверился. Около часу учу Концерт. Перед обедом с полчаса гуляю. В полседьмого обед. Я рад хоть обеденному обществу. После обеда часа два занимаюсь писанием отставшего дневника или писем, и в десять ложусь спать.

Так однообразно текло время почти три недели. Из отдельных эпизодов были следующие. В казино я нашёл нечто вроде рулетки («petit chevaux»). Это гораздо хуже рулетки, потому что здесь шансы прямо не равны. Я присел к столу, сразу выиграл много, потом ещё больше проиграл, в результате: -120 франков в первый

[74] 1 десятина = 2400 кв. саженям = 1,09 гектара.

вечер. Я о них не жалел, только решил в следующий раз больше двадцати франков не проигрывать. Я выиграл пятьдесят франков, в следующие два дня их проиграл и прекратил посещение этого невыгодного учреждения.

Важным эпизодом было письмо к Захарову, написать которое я решил (ещё в Петербурге), как только приеду в Royat. После его странного поведения в Териоках надо было дать протечь времени. Письмо я послал заказным и отправил его двадцатого июня.

На заказном письме Захарову стоял адрес отправителя. Я не вполне рассчитывал на ответ, но он пришёл необычайно быстро, раньше, чем я мог бы ожидать, если бы я ждал. Захаров признавал за мною дар заставлять верить в мою искренность, протягивал мне руку и надеялся, что рукопожатие моё будет ему скоро так же приятно как и в былые времена. Я был чрезвычайно обрадован и ободрён этим письмом. Я не ответил на него, но просто потому, что оно не требовало ответа.

Что касается других моих корреспондентов, то первые полторы недели все, как по уговору, замолкли, затем письма стали приходить довольно регулярно. Два раза написал Володя Дешевов, шло, но бестолково; я его всегда очень любил, но редко встречал. Теперь я ничего не имею против сблизиться с ним. Писали Мяскушка, Катюша Шмидтгоф. Но перестали писать Умненькая и Гончарова - должно быть, обиделись на какую-нибудь дерзость в моих письмах или... выходят замуж. Нина Мещерская тоже долго молчала, но потом располоскалась на четыре страницы и любезно зовёт в Гурзуф, чему я радуюсь и поеду туда, как только сыграю в Павловске Концерт.

Мама, видя, что я то дуюсь на неё за Royat, то занимаюсь до потери сознания, предложила мне, чтобы я поехал на неделю-полторы в Швейцарию, а она выедет из Royat позднее и съедется со мною в Берлине. Это меня очень заинтересовало и я, купив карту, расписание поездов и прелестный гид Жоанна по Швейцарии, с большим увлечением составил себе подробный проект поездки, распределив всё с точностью до минуты. Поездка обещает быть очаровательной, а девятнадцатого я буду в Петербурге и две недели поработаю над Концертом.

Этот последний оказался настолько сложным для выучивания, что я начинаю прямо-таки тревожиться, успею ли я его выучить для Павловска. Надеюсь, что десятидневный перерыв на время путешествия по Швейцарии отзовётся на нём хорошо, а в оставшиеся после Швейцарии две недели я успею привести его в порядок и сыграть в Павловске прилично.

Что касается моих письменных музыкальных работ, то, несмотря на интенсивность работы, результат какой-то маленький: клавир всё-таки не кончен, партий я переписал только пять штук и Op.12 не готов. Последнее тем более жаль, что я чувствую, что этот опус будет пользоваться большим успехом, и надо поскорее издать его. Последним номером должны быть вариации на очень миленькую тему, сочинённую в день отъезда с Максом в Крым. Он всегда её хвалил и считал лучшей моей темой наравне с некоторыми темами моего 2-го Концерта. Теперь я успел лишь отделать самою тему и наметить четыре вариации, не написав ни одной. В Royat сочинена для Op.12 «Légende», маленькая пьеска о каком-то прелестном, поэтичном образе, ушедшем в предание. Я её очень люблю. «Скерцо» для Op.12 я уже полтора года не могу закончить и теперь не сдвинул с мёртвой точки. Мне хочется посвятить его Володе Дешевову. «Мазурка» сочинена года три назад, тогда же посвящена и переписана Мясковскому. С тех пор и он, и я успели её потерять. Теперь я её всю вспомнил, но ещё не удосужился записать. Борюсин «Гавот» я передредактировал, кое-что прибавил и вполне доволен им.

В Первом Концерте я решил переинструментовать и даже переделать Andante. Думал переделать в Royat, но не успел. Боже мой, когда же я всё это сделаю?! Концерт продан Юргенсону ещё весною, а я до сих пор не посылаю его «резать».

9 июля

Встал я в семь часов. Вещи уже были уложены, большинство их следовало с мамой через Париж, а со мною в Швейцарию ехал маленький чемоданчик с самым необходимым. Простившись с мамой, я взял чемодан в руку и, сев в трам, поехал в Clermont, чтобы там сесть в прямой вагон до Женевы. Какая прелесть путешествовать налегке - даже пальто нет на плечах! Вообще настроение было отличное; ему немало способствовало длинное письмо от Лидочки Умновой, полученное за десять минут до отъезда. Письмо было длинное, кокетливое, немножко влюблённое и, в общем, крайне интересное и приятное, несмотря на свои двадцать шесть ошибок. Этого письма хватило более чем на полдороги до Женевы: я мечтал о Лидочке с большим удовольствием, глядел в окно на скользящие картины и чувствовал себя прекрасно.

Ближе к Женеве путь стал лучше, но настроение хуже. Тем не менее я с большим интересом рылся в гиде Жоанна, очень умно составленном и прямо трогающим своею заботливостью о туристе: на что смотреть в окно поезда; с которой стороны вагона садиться; в какой гостинице останавливаться; сколько давать на чай - всё это указано с необычайной предусмотрительностью.

Мы постоянно ныряли в тоннели, а с правой стороны красиво стремилась Рона. Начало темнеть, когда мы приехали в Женеву. Забрав чемодан, я пошёл в Hôtel International напротив вокзала, когда увидел рядом с собой американца, сухого, прямо как палка, господина лет сорока пяти, в очках, с загорелым лицом, лёгкой лысиной и проседью. Он был моим попутчиком от Royat и теперь тоже шёл в International. Отель был полон и нам предложили одну комнату на двоих. Мы посмотрели друг на друга и быстро согласились: он из практических расчётов, я - потому, что вдвоём веселее.

Умылись, одели чистые воротнички и пошли смотреть город: американец уже посещал Женеву четыре года назад, а потому исполнял до некоторой степени обязанности гида. Так как мне необходимо было приобрести экипировку альпийского туриста, то мы попытались найти соответствующие магазины, но так как по женевскому времени выходило уже около девяти часов, то магазины были закрыты и я только констатировал их местонахождение, отложив покупку на завтрашнее утро. Пройдя через незначительный Английский сад, откуда, впрочем, прелестный вид на тёмное озеро, мы зашли в кафе и, не обедав днём, потребовали себе ужин.

Тем временем погода испортилась, подул ветер и полил дождь. Garçon храбро доказывал, что у них дождя не бывает, а это просто так. Я соглашался с ним и отвечал, что дождя у них не бывает, но иногда с неба льётся вода. Поужинав и подождав, пока дождик пошёл менее часто, мы быстро пересекли симпатичный мостик Монблана и вернулись в отель. Американец маршировал быстро и держась прямо, как палка, говорил, что он едет в Люцерн, говорил, что в Женеве много кокоток, но что он «ne touche pas trop souvent aux femmes»[75], и что Европа много интереснее Америки; для американца, конечно, точно также, как Америка для европейца. В одиннадцатом часу мы улеглись, причём я заявил, что сорвусь с места в пять.

10 июля

Ночь спал не очень крепко, но всё же спал и проснулся освежённый. Небо было серое, но американец, сунув нос в окно, заявил, что погода разгуляется и он

[75] Не часто увлекается женщинами (фр).

поедет до Лозанны на пароходе. Дружественно простившись с ним, я вышел на улицу, зашёл на вокзал и получил заказанный накануне abonnement général[76], билет, с которым я мог ездить в течение пятнадцати дней по всей Швейцарии. Было по парижскому времени шесть часов утра, по женевскому семь, а магазины открывались в восемь, поезд отходил в девять. В течение часа я обежал набережные Женевы и выпил чашку шоколада. Я не заходил вглубь города, но набережные дают впечатление небольшого, но хорошенького уголка. Вообще же Женева была не en beau[77], потому что солнце пряталось за облаками, атмосфера была серая, общий колорит напоминал нашу Неву, если б не нёсся очаровательный запах цветущих лип и если б все очертания не были так удивительно мягки.

От восьми до девяти я успел купить себе: костюм, сапоги, мешок, палку, цветные очки и носки - всё в трёх разных магазинах, облечься во всё это, в таксометре доехать до моего отеля, уложить старую экипировку в чемодан, взяв необходимые вещи за плечи в мешок, сдать чемодан в багаж прямо на Лозанну и переехать на другой вокзал, Des eaux vives, для следования в Chamonix.

Трёхчасовой путь немилосердно ленивой езды до Fayet-St.Gervais прошёл, не знаю почему, довольно незаметно, несмотря на то, что виды в окно, особенно в начале, не представляли ничего привораживающего. В Fayet надо было пересесть из парового поезда в элегантный электрический, и этот часовой переезд до Chamonix был восхитителен, а мост через Arve в пятьдесят метров вышины жутко красив. В Chamonix я покинул поезд и, съев бутерброд, согласно моему предварительному расписанию пешком пошёл к Montenvers'у, что составляет больше двух часов довольно крутого подъёма. Несмотря на предсказание американца и на утреннюю тенденцию погоды разгуляться, на вершинах гор лежали густые облака и общий тон был серый. Было тепло, а мне, шедшему в гору, жарко. Вокруг было тихо и спокойно, хвойные деревья как-то особенно мирно обрамляли систематически поднимающуюся и вьющуюся дорожку. Общая картина мало походила на июль, чувствовалась какая-то осень. Внизу расстилалась красивая долина с группой домиков Шамоникса, а за ней отвесно высились горы, покрытые лесом, прорезанные двумя серыми ледниками и увенчанные облаками, низко насевшими на них. Я шёл медленно, но не останавливался; лёгкая усталость охватывала от продолжительного подъёма, какое-то удивительное благосостояние сопутствовало ей, а на душе было спокойно и легко.

В конце концов подъём немного длинен и однообразен, но поднялся я высоко: Montenvers значился на высоте нашего года - 1913 м.

Долина Шамоникса осталась далеко внизу, а облака покоились совсем рядом с моей дорожкой. Накрапывал дождик. Из-за угла показалось здание отеля. «Ну, теперь ты можешь лить !» - небрежно подумал я о дожде. Тот полил, как по команде; между тем до отеля было совсем не так близко и я вымок, пока до него добрался. Погода вконец испортилась: ветер, холод и дождь окружали отель. Я решил отступить от начертанного маршрута, гласившего получасовой отдых и дальнейший путь, и остаться в отеле до вечера и даже до утра, что было совсем небезынтересно, так как у подножья отеля расстилалось редкое зрелище: ледник. Я промок снаружи от дождя и изнутри от быстрой ходьбы. Этак легко простудиться. Я выпил пару рюмок рома, занял номер и, раздевшись, повалился в постель.

Когда я проснулся, был пятый час вечера. В моей комнатке было тепло, но во всём отеле царствовал холод и я, чтобы согреться, должен был пить грог. Я вернулся в тёплый номер и принялся за дневник.

На улице хлещет дождь и даже снег. Снежный ледник и пушистые облака,

[76] Общий абонемент (фр).

[77] Не в лучшем виде (фр).

лежащие на горах и плывущие по ущелью снизу, придают природе зимний вид. Внизу в общем зале весело трещит камин. В гостиной на плохоньком пианино какой-то турист пытается подобрать мотив. Я на юге Франции в июле!!!

За обедом было мило с весёлым французом-доктором. Болтали и он, почувствовав ко мне симпатию, угощал меня бенедиктином.

11 июля

С точностью хронометра, в без четверти пять разбудил меня лакей и доложил, что дождя нет и погода хорошая. Я в десять минут оделся, выпил чашку шоколаду и вышел на улицу. Зимний пейзаж расстилался предо мной: ночью на горах выпал снег, у ног белел ледник, а снизу мягкой ватой полз туман. Воздух был чистый и прохладный и мне в моём английском костюмчике было не совсем тепло. Проводник пошёл вперёд, быстро спускаясь к леднику. Я шагал не отставая и скоро мне стало жарко от быстрой ходьбы. Мы пересекли каменные нагромождения, отделяющие ледник от его берегов, и пошли по льду. Сам ледник представляет собою волнистую ледяную поверхность, но не с гладким, очень скользким льдом, а с более мягким, скорее напоминающим обледенелый снег. Переход в этом месте нетруден и совсем неопасен: глубоких трещин нет; скаты не особенно крутые. Тем не менее я очень оценил гвозди на моих сапогах и остриё на моей палке. Забавная подробность: всюду на леднике и около валялось множество изорванных чулок, иногда очень хороших, но либо уже примёрзших, либо втоптанных в грязь. Я их насчитывал десятками - можно подумать, что есть обычай переходить ледник в одних чулках и затем бросать их за ненадобностью.

Как только с ледника мы вышли на груду камней, гид сообщил мне, что роль его окончена, получил свои пять франков и, приказав мне идти налево, оставил меня одного. Сначала мне показалось немного страшно, потому что приходилось прыгать с глыбы на глыбу и дороги совсем не было. Но скоро камни стали мельчать и я быстро пошёл по определившейся дорожке. Я торопился: до Tines ещё оставалось много, до отхода же поезда от Tines совсем немного - час с небольшим. После получасовой ходьбы я дошёл до Mauvais pas[78]: эта шутка была для меня совершенно неожиданна. В почти отвесной каменной скале было вырублено подобие узеньких сомнительных ступенек. Пройти по ним, вдобавок скользким от тумана и дождя, не представлялось возможным, но всё дело спасал железный прут, прикреплённый крюками к скале. Держась за него не только можно было пройти Mauvais pas, но даже это не представляло особенного труда; хотя глубокий отвесный обрыв не обещал ничего хорошего в случае падения вниз. В заключение эта штука совсем не короткая и шагать, цепляясь за прут, приходится минут десять. Я не считаю себя храбрецом, но перебрался без чувства страха, наоборот, мне нравился необыкновенный способ передвижения. Далее до Tines шла хорошая дорожка сплошного спуска в долину. По путеводителю значился час ходьбы и я явно опаздывал к поезду, но встречные пастухи обещали не более получаса ходьбы. Я несся что было духу, как лавина, и неожиданно очутился у станции после пятнадцатиминутной скачки, за двадцать минут до отхода поезда. Зато я был мокр, как гусь. Пошёл дождь; погода была холодная и серая; всюду стлался туман. Я сел в поезд и поехал, чувствуя, что начинаю стынуть и что рубашка на мне делается ледяной и мокрой. Верная простуда. Зайдя в пустое купе первого класса, принялся делать гимнастику, чтобы согреться. Это помогло и после трёхминутных упражнений я почувствовал, как по моим жилам разлилось благодатное тепло. И как только я снова чувствовал охлаждение, я повторял мою гимнастику, побывав

[78] Буквально «плохой шаг», т.е. трудный проход (фр).

раза три в купе первого класса за время часового переезда до франко-швейцарской границы. Тут был буфет, я выпил рюмочку кирша, едва не захлебнувшись крепостью этой всё-таки вкусной дряни, и по жилам пошло уже не тепло, а искры.

Мы переменили поезд и въехали в Швейцарию. Вид в окно сделался вдруг необычайно красивым, горы выше, обрывы глубже, с каждой минутой всё интересней, а всё вместе так красиво, что хотелось ахать от восхищения. Рельсы лепились по крутому склону гор, часто на такой высоте и над такой крутой зелёной пропастью, что не хотелось представлять, в каком виде были бы мы, если б сверзлись вниз. Но крушения быть не могло, ибо случись таковое, сотни тысяч туристов отхлынули бы от Швейцарии, а потому швейцарские инженеры несомненно приложили весь свой гений, чтобы сделать дорогу абсолютно безопасной. Итак, этот перегон был сказочно красив. Иногда туман, огромными белыми глыбами выползавший снизу и плывший вверх, на время застилал панораму, но он скоро уплывал со своеобразным эффектом. Дождь смилостивился и перестал, но серая погода продолжалась, и там. где в гиде значилось: «Альпы» - лежали облака.

По необычайно крутому спуску, ныряя в тоннели и извиваясь спиралью, поезд спустился к станции Vernayaz. Я покинул вагон и пошёл смотреть поток Trient, который, обхваченный двумя наклонившимися над ним скалами, стремительно вырывался в долину. К скалам на проволоке и железных крюках были подвешены лёгкие деревянные мостки, по которым я отправился внутрь этого дикого коридора с потоком внизу и бесконечными изгибами внутрь. Осмотрев эту интересную достопримечательность, я пришёл с каким-то корявым немецким туристом на железнодорожную станцию и поехал к Женевскому озеру, подъезжая к нему с обратной стороны. Несмотря на то, что дождь полил опять, милое озеро сохраняло свою природную мягкость, а берега, украшенные разнообразной, свежей, удивительной растительностью и сплошь пересыпанные красивыми отелями, довершали его красоту. Согласно моему маршруту, я вышел в Montreux, «жемчужине Женевского озера», и, укрываясь от ливня, пошёл завтракать в отель напротив вокзала. Это был прощальный дождь и после него погода начала медленно, но верно разгуливаться. Я осмотрел хорошенький Montreux в том порядке, в каком приказывал Жоанн, затем по набережной дошёл до Ciarens и осмотрел кладбище, с которого отличный вид и которое похоже на прелестный сад, из зелени которого выглядывают беленькие памятники. Несколько русских могил, несколько мыслей над ними о том, зачем расписывать на камне так много и не лучше «Е.И. 1910», как скромно гласит прекрасный белый камень рядом... Затем я спустился вниз, сел на пароход и через час был в Уши. пристани Лозанны, расположенной не совсем у берега, а на горе. Какой-то русский идиот, сидевший со своей семьёй недалеко от меня, пытался острить: «Сама-то Лозанна наверху, а Уши... понимаете, уши - внизу!»

В фуникулёре нас подняли в Лозанну, я взял номер в отеле, притащил с вокзала чемодан, посланный багажом прямо из Женевы, получил на почте открытку от мамы, переоделся в более лёгкие ботинки и пошёл осматривать город с Жоанном в руках, который, кстати сказать, от моего горячего прикосновения полинял и окрасил мои руки в красный цвет.

Вообще я веду себя настоящим туристом: не теряю ни минуты, всё страшно быстро осматриваю, пунктуально следую заранее составленному маршруту и ужасно радуюсь, когда я совершенней англичан, массами турирующих здесь: например, англичанин пишет открытку карандашом, а у меня автоматическое перо; англичанин тащит чемодан, а у меня чемодан предусмотрительно послан багажом прямо к месту ночёвки; англичанин морщится от солнца, а у меня цветные очки.

Итак, я осмотрел Лозанну, но самым интересным в ней оказались две русские

барышни, которых я встретил на улице. Вообще же в ней мало хорошего и даже ни одного привлекательного ресторана, чтобы пообедать, а есть хотелось, часы показывали девятый час. Тогда я вспомнил, что на меня очень приятное впечатление произвели Ouchy, когда я к ним приставал, и в трамвае поехал вниз ужинать. Действительно, там оказалось очень мило, озеро, окрашенное в нежные краски, розовело от закатившегося солнца и мягко всплескивало у берега. Поужинав, я поднялся в Лозанну и, написав несколько страниц дневника, заснул как убитый.

В Швейцарии необычайное множество русских, которые попадаются на каждом шагу. Русская речь слышится несомненно чаще всех остальных, за исключением, конечно, национального языка. Слыша русских, я каждый раз испытываю удовольствие.

12 июля

Разбудить себя я велел в шесть, чтобы до отъезда успеть осмотреть Le Signal de Lausanne, площадку на горе, над Лозанной, откуда прекрасный вид на город и озеро: выпив там утренний шоколад, я поспешил вниз и с восьмичасовым поездом отбыл в Yverdon, к Неушательскому озеру. Про это озеро мне говорили, что оно малоинтересно и ехать на него, конечно, не стоит, но оно мне понравилось на карте и я включил его в мой маршрут. Когда со станции Yverdon я пришёл к берегу, то в лицо мне подул резкий ветер, а само озеро представило собою неожиданную картину: волны, увенчанные белыми гребешками, быстро бежали к берегу, мягкости Женевского озера не было и в помине, наоборот, Неушательское озеро имело резко очерченный вид, сердитый характер и тёмно-синюю окраску, переходившую местами в зелёную. Я даже осведомился у матроса, не бывает ли у пассажиров в такую погоду морской болезни, но тот с усмешкой успокоил меня. В числе трёх пассажиров я сел на пароход и мы вышли в «открытый океан». По крайней мере, когда повернули перпендикулярно ветру, то пароход стало так подбрасывать, что скамейка на палубе перевернулась, а я, упорно продолжая гулять взад и вперёд, шатался как пьяный, очень забавляясь этим казусом. Меня ни капли не укачивало, чему я радовался в видах предстоящих путешествий в Америку.

Вскоре пароход повернул прямо против ветра и качка прекратилась, тем более, что ветер поутих. Конечно, Неушательское озеро менее живописно, чем Женевское. Своим синим цветом и характером берегов оно напоминает Чёрное море. Через два с половиной часа мы причалили к Неушателю, имевшему очень недурной вид с озера. Я позавтракал, купил перчатки, пробежал город и через полтора часа уже ехал в Берн. Несмотря на то, что часы показывали три часа пополудню, меня так клонило ко сну, что я с трудом продирал глаза, любуясь хорошеньким Бьенским озером, по берегу которого бежал поезд.

В четыре часа приехали в Берн и я, располагая двумя часами, с раскрытым Жоанном, побежал его осматривать. По-моему, Bern и Beer имеют что-то общее в корне. Не потому ли в этом городе особенно культивируется медведь? - открытки с изображением этого зверя, чучела и даже просторная каменная яма с живыми медведями - постоянно попадаются на глаза. Пускай Берн будет столицей Швейцарии, всё же он маленький городок, впрочем очень недурной, зажатый в подкову, образуемую рекой Аар, бегущей на дне глубокого оврага, дома на склоне которого утопают в зелени; высокие, красивые мосты. Мост Kornhaus и весь окружающий его уголок так хорош, что глаз не оторвать. Забавны в центре города часы на башне, каждый час устраивающие целое представление, собирая перед собою толпу любопытных.

Из Берна я приехал в Тун, к Тунскому озеру. Солнце уже садилось, погода была восхитительная, а озеро непередаваемо красиво. Оно не походило ни на грубое

Неушательское, ни на южное Женевское. Сумерки окрасили его в какой-то стальной цвет. Эта спокойная стальная гладь, черно-зелёные берега и розовеющая Юнгфрау на горизонте образовали гармоничный шедевр. С наступлением тьмы мы миновали высокую гору у пристани Шпиц, а когда я, спустя некоторое время, оглянулся на неё, то на самой вершине огромным алмазом сверкал яркий свет. Мне объяснили, что на верхушке стоит отель, а имя горы - Нисен. Я не мог оторвать глаз от этого горящего во тьме алмаза и после долгих поисков в Жоанне нашёл все сведения о горе и её отеле. Решено: в маршруте у меня две ночи ночуются в Интерлакене, вторую из них я проведу на вершине горы.

По живописному каналу вошли мы в Интерлакен. Прямо с пристани попадаешь на площадь, обрамлённую полдюжиной гостеприимно освещённых отелей. Это производит хорошее впечатление. Заняв комнату, я получил на вокзале мой чемодан, поужинал и крепко заснул, укрывшись легкой периной вместо одеяла.

13 июля

В Жоанне сказано, что для ознакомления с Интерлакеном необходимо четыре дня, причём дано подробное расписание на все четыре. У меня же был всего один день и то до половины четвёртого, после чего надо было двигаться на верхушку облюбованной мною горы. В конце концов я плюнул на осмотр и употребил моё утро и полдень на гуляние по самому Интерлакену и ближайшим горам. Интерлакен очень хорошенькое местечко, сплошь уставленное отелями и пансионами. Среди приезжих - русских неограниченное количество. В два часа мне надоело в Интерлакене, кроме того адски клонило ко сну. Я сел на пароход, потом в поезд и наконец в фуникулёр, который тихо-тихо стал взбирать меня на верх горы Нисен. Высота Нисена превышает 2300 метров и вагон ползёт около часу. Чего только нет на пути подъёма: и элегантный мост в начале, и закругления, и пропасть по бокам, и тоннели, и просто длинные, прямые как стрела, скаты. Сначала я радовался как дитя, что мы всё ползём и ползём вверх, и опять ползём, и ещё ползём, а конца всё-таки не видно. Потом стало скучно и настроение вдруг стало отвратительным. Однако, очутившись на вершине, я обрадовался толпе туристов и настроение исправилось. Люблю я этих милых туристов, особенно немолодых, когда они с путеводителем в одной руке, с биноклем в другой, деловой походкой идут и внимательно смотрят по сторонам, стараясь запечатлеть в памяти каждую мелочь и страшась упустить что-нибудь, заслуживающее внимания. Их не было много на верхушке, да и те вскоре уехали вниз. Зато последний, семичасовой фуникулёр, привёз целую дюжину. Сразу стало шумно: туристы толкались на верхней площадке, раскладывали карты и планы, пальцы и палки указывали во все стороны, языки произносили необыкновенные для уха названия окружающих вершин и рек. Вид действительно был беспредельный, да и предел-то часто составляли мгла и туман. Два озера, Тун и Бриенц, лежали у ног, - Тун как на ладони, а на востоке красовалась длинная цепь снеговых гор, которые по мере заката меняли цвет с розового на голубой и серый. Облака проплывали у наших ног, на время скрывая ту или другую часть пейзажа; иногда облако набегало на самую верхушку - тогда мы утопали в густом тумане. Местами около отеля лежал снег, но это по случаю холодного лета, обыкновенно же ему здесь быть не полагается. После обеда, когда совсем стемнело, я снова выходил на верхнюю площадку. С дюжину ослепительных электрических фонарей освещали её, создавая тот сверкающий алмаз на тёмной горе, который так очаровывал меня внизу на озере. Но здесь это было прямо неприятно - глазам больно, а вниз - ничего не видно. Я вернулся в мой номер, куда мне втиснули ещё какого-то немца, но он был очень любезен, сразу завалился спать и сказал, что чем дольше я буду сидеть и писать, тем ему лучше будет спаться.

Я поблагодарил его и добросовестно стал записывать моё путешествие, несмотря на дрёму, тянувшую к подушке ещё сильней, чем моего соседа.

14 июля

С четырёх часов утра в гостинице поднялся такой шум и топот, как будто по коридору проходил кавалерийский полк. На улице лил дождь, было серо и неприветливо, и мы с немцем, затворив ставень, проспали до шести. Когда я спустился в столовую, то увидел целое нашествие на гостиницу: пришла огромная экскурсия, лезшая на гору всю ночь. Для туриста нет погоды - мокрые, грязные, усталые, заполняли они всю столовую, коридор и даже полулежали на лестнице, однако весело галдели и притом так громко, что я первое время одурел. Хорошенькая горничная взяла меня en gré[79], с необыкновенной быстротой напоила шоколадом, я заглянул ещё раз на верхнюю площадку с её беспредельной далью, а в 6.44 уже спускался в фуникулёре вниз. Прошёл час, пока мы сползли вниз. Я сидел и думал о Максе, сравнивая его с Захаровым, не приходя к определённым выводам.

После фуникулёра пришлось сменить два поезда и в девятом часу я был в Интерлакене у озера Бриенца. Поезда в Швейцарии не страдают изумительной германской точностью, часто опаздывают, но зато здесь всегда друг друга ждут. Так и теперь, пароход дождался нашего опоздавшего поезда. Озеро Бриенц уже, длиннее, глубже и обрамлено более высокими берегами, чем озеро Тун. Вообще же они напоминают друг друга, но сравнивать их было трудно, потому что Тун я видел при наступлении сумерек, а Бриенц - при ярком утреннем солнце. По случаю воскресенья на палубу посадили военный оркестр, публики было много и переезд носил весёлый, праздничный характер.

Когда тонул «Титаник», то оркестру было приказано играть весёлый марш, чтобы уменьшить панику. Так «Титаник» и скрылся с музыкой в пучине. Теперь я вспоминал эту драму, но соглашался с целесообразностью столь страшного приёма. После озера Бриенц поезд опять преодолевал большой подъём, после которого открывался вид на прелестное маленькое озеро, тёмной окраски, по имени Lungernsee. Другое озеро, Сарнен, больше, но обыкновенней и хуже. После двухчасовой езды мы спустились к Фирвалъдштетскому озеру и остановились у Альпнахштада. Я вышел из поезда, предпочитая проехаться на пароходе.

Если Женевское озеро самое нежное, Неушательское самое грубое, Тунское самое поэтичное, то озеро Четырёх Кантонов - самое интересное по своим необыкновенно хитроумным очертаниям и по высоким берегам, которые часто отвесно срываются в воду. Даже смотря на карту, лежавшую у меня на коленях, не всегда можно было догадаться, куда же теперь направится пароход. Мы миновали домик Вагнера, где он ковал своё кольцо. Я смотрел на него с величайшим интересом, но домик был обыкновенен, недурен; хотелось что-нибудь более поэтичное. Мы пристали к Люцерну, эффектно раскинутому по склону берега. Много красивых зданий, чудесный тенистый бульвар вдоль набережной. Было большое желание прогуляться по городу - и вдруг проливной дождь. Очень озадаченный, стоял я под одним из густых, водонепроницаемых деревьев бульвара, но дождь скоро унялся, пошёл слабее, а я, перестав обращать на него внимание, бегло осмотрел город и поспешил на вокзал. В Жоанне я вычитал, что в нескольких часах от Люцерна находится знаменитый Чёртов мост, геройски перейдённый Суворовым в 1799 году, и так заинтересовался этим историческим местом, что решил немедля отправиться туда. Четырёхчасовой курьерский поезд быстро повлёк

[79] Здесь: выбравшая по собственному желанию (фр).

меня к станции Göschinen, откуда шесть километров шоссе отделяли меня от Чёртова моста. После швейцарских трясучих вагонов было приятно сидеть на удобных диванах миланского экспресса, быстро и безостановочно бежавшего вперёд. Докучали тоннели, в которые мы ныряли поминутно и которых на этой дороге восемьдесят. Погода тоже не утешала, было серо, холодно, дождь то переставал, то шёл опять. Миновав Брунен, мы побежали по самому берегу озера, прекрасного, несмотря на погоду. Затем, расставшись с ним, стали углубляться в горы по сложной дороге, то подымавшейся спиралью, то образовывавшей петли. Тоннели, тоннели и тоннели, а в промежутках дикие картины, напоминающие переезд от Шамоникса. Приехали в Göschinen. Комфортабельный поезд скрылся в двенадцативёрстном Сен-Готардском тоннеле, а я остался на перроне, поливаемый дождём. Но для туриста нет погоды, и, сев в экипаж, я поехал на Чёртов мост. Я промок бы до костей, если бы не элегантный плед, которым была накрыта лошадь. Мы с ней поменялись: она уступала мне плед во время езды, зато я его возвращал ей во время стоянки. Дикий Чёртов мост, перекинутый через дикий водопад, бушующий в диком ущелье, очень картинен. Вблизи моста в горе высечен шестисажённый крест памяти суворовского войска. Мы вернулись обратно. Погода пуще свирепела. Я остался ночевать в небольшом отеле.

15 июля

В семь часов утра я уже сидел в вагоне, а в восемь садился на пароход в Flüelen, пункте, противоположном Люцерну по своему положению на озере. Начавшая было проясняться погода разразилась вдруг ливнем, грозя испортить мне прогулку, но так же неожиданно сменила гнев на милость и, засияв ярким солнцем, осталась такою до вечера. Переезд был восхитителен. Интересное озеро, масса нарядной публики, весёлый день. Едва я издали, за несколько километров, увидал вагнеровский домик, как он вдруг заблистал ярким светом, точно ручка Нетунга в «Валькирии». Причины, вероятно, были те же, только Нетунг отражал камин, а окна домика отражали солнце. Пристав к шикарному Люцерну, пароход выпустил меня на набережную, на этот раз залитую не водой, а солнечными лучами и пестрящую нарядными туалетами. Я погулял, позавтракал в отеле на берегу озера; получил письмо от мамы и Карнеевых, недоумевавших моему молчанию, и пробыв в Люцерне три часа, сел в поезд для следования в Цюрих. Было жарко, душно и довольно скучно во время переезда до Рапперсвиля, города, раскинутого на южном берегу Цюрихского озера.

Собственно говоря, я не всё осмотрел на Фирвальдштетском озере, что мне приказывал Жоанн - я не был на горе Piri, откуда вид на все извилины этого озера. Эта экскурсия помечена у него как классическая и совершенно необходимая, но мне надоело в качестве Лепорелло следовать всюду, куда тащит Дон-Жуан (особенно заедали фуникулёры), и я, как Лепорелло, воскликнув «Сам хочу быть господином!», - проехал мимо этой горы.

Итак, я приехал в Рапперсвиль и сел на пароход, который через всё Цюрихское озеро повёз меня в Цюрих. Озеро явно проигрывает перед Фирвальдштетским. Нет высоких гор у берегов, нет хитроумных извилин, всё просто, хотя неплохо, а островок у Рапперсвиля прямо мил. Вечер тоже был чудесный. Через два часа мы стали приближаться к Цюриху, малоэффектному после шикарного Люцерна. Не доехав до города, я вышел в загородном саду, гулял, обедал, смотрел на потемневшее озеро и в девять пошёл искать отель у вокзала. Город оказался ярко освещённым, шумным и весёлым. Banchofstrasse совсем в парижском стиле. Получил на вокзале чемодан, в отеле комнату, в киоске русскую газету и. почитав её, заснул беспробудным сном туриста.

16 июля

Первым делом пошёл на почту и к «Куку». На почте письмо от мамы - пятое по её счёту и третье по моему. Куда могли быть посланы другие - недоумеваю. Затем открытка от Мариночки Павловой, которой я немедленно послал ответ. «Кук и сын» продал мне билет в Берлин и спальное место до Нюрнберга. Собственно, он взял только деньги, а билет обещал прислать на вокзал. Но его так хвалят все, что я поверил без расписки и оказался прав. Затем вернулся в отель, уложил чемодан и в одиннадцать поехал в Неугаузен смотреть на Рейнский водопад. Он не шикарен по первому впечатлению, но когда я забрался на площадку у самого падения воды, которая с грохотом, пеной и кипением колоссальной массой неслась вниз, обдавая меня крупными всплесками, как из лейки, тогда я оценил величие Рейнского водопада. Отчего не изобретут такие бронированные люльки, в которых бы спускали вниз любителей сильных ощущений? Всё тело укрывалось бы в стальной торпеде, голова же была бы защищена, как у водолаза, плюс стальная клетка от камней. Ведь это шикарно промчаться через весь поток и быть выловленным далеко внизу! Я осмотрел водопад со всех концов, проехался, подбрасываемый волнами на лодочке ниже его падения, позавтракал и попил сода- виски в Schböschen Worth и, имея ещё много времени, пошёл смотреть соседний город Шавгаузен, по мнению Жоанна, более других швейцарских городов сохранивший свой средневековый аромат. К сожалению, в этом аромате было много пыли и я обрадовался, вырвавшись в более или менее тенистый сквер. Там я убил час на чтение моих путевых впечатлений, после чего сел в поезд и вернулся в Цюрих в начале десятого часа. Пробежавшись по освещённым улицам и набережным, я повернул обратно и зашёл в весело гудевшее кафе на Banchofstrasse. Поглощая ужин, я имел удовольствие любоваться на хорошенькую девушку, сервировавшую стол. То есть она даже была не совсем хорошенькая, но когда она стояла в профиль у зелёной изгороди и разговаривала с кем-то, сыпавшим ей комплименты из-за изгороди, то была так элегантна, так грациозна и мила, что не хотелось пропустить ни одного движения. Дав ей в виде премии за грацию два франка на чай, я отправился на вокзал и, сказав Швейцарии «прости», сел в нюрнбергский поезд.

Я был один в отличном купе «Международного общества». В соседнем купе ехала дама, тоже одна. Нас разделяла общая умывальная. Несколько забавных встреч с дамой из-за её неумения пользоваться остроумными задвижками - и я спал крепким сном почти до самого Нюрнберга.

17 июля

Мы прибыли в Нюрнберг в полдесятого утра. Поезд на Берлин шёл в одиннадцать. Мне оставалось полтора часа на осмотр знаменитого старинного города. Я взял такси и, усевшись рядом с шофёром, попросил его показать мне город. Действительно, старинные искривлённые дома образовали кривые улицы. Всё это было очень интересно и любопытно, и даже по-своему красиво. Больше всего меня интересовал дом Ганса Закса[80]. Я долго с живейшим интересом, почти с благоговением, смотрел на него. Мотивы вагнеровской оперы не покидали меня ни на минуту. Затем мы ещё немного поколесили по городу и за полчаса до отхода поезда осмотр был кончен.

Я сел в скорый поезд и после семи с половиной часов езды по однообразной Германии приехал в Берлин. Берлин мне нравится и теперь я положительно был

[80] Sachs - персонаж оперы Р.Вагнера «Мейстерзингеры».

рад провести в нём остаток дня. Заняв номер в отеле «Монополь», я пробежал шумящую и гудящую Friedrichstrasse, пообедал в ресторане Кемпинского и, сев в автомобиль, необычайным комфортом которых может гордиться Берлин, поехал в Тиргартен. Погулял час и вернулся в отель. Тут меня постигло обычное моё злоключение: в глаз попала соринка и безжалостно мучила меня. Гнетомый сознанием, что без доктора мне не избавиться от злой гостьи, я пошёл советоваться к отельному швейцару. Тот послал меня в соседнюю клинику, где соринка была извлечена, а в глаз была закапана какая-то гадость. Психология этой болезни: едва соринка вынута, становится невероятно весело. Так и теперь я, весёлый, как ветер, понёсся по оживлённой, освещенной и прямо-таки кишащей Friedrichstrasse. Однако я скоро почувствовал какое-то странное неудобство в глазах, сунулся в зеркало и увидел, что один зрачок необычно увеличен, другой - маленький, как точка. Приписав это явление той дряни, которую вкапали в глаз в клинике, я счёл за лучшее пойти лечь спать, что немедленно привёл в исполнение.

Часа через два меня разбудил стук в дверь: приехала мама из Парижа. Мы с ней с удовольствием протолковали полчаса и разошлись по номерам - час ночи, а завтра рано вставать.

18 июля

В восемь часов, за полчаса до отхода поезда, мы были уже на платформе, оглушаемые ежеминутно влетающими поездами, изрыгающими или поглощающими толпу пассажиров и с грохотом несущимися дальше. Человек из гостиницы занял нам хорошие места. Поезд шёл в Вержболово или, как немцы называют, Вирбаллен, а потому русский язык преобладал над немецким. Чувствовалось, что мы почти в России. Это расстояние поезд поглотил в десять часов и в седьмом часу вечера мы были в Эйдкунене, где публика меняла марки на рубли, а торговцы предлагали всякие книги с яркими этикетками: «В России запрещено». Затем мы медленно переехали границу и остановились у Вержболова, причём на другой стороне виднелся довольно-таки грязный и несуразный русский поезд. Про русскую таможню рассказывают столько страстей, что мы были в некотором трепете, хотя абсолютно ничего непозволительного не имели. У нас отобрали паспорта, а вещи свалили на таможенный прилавок. Минут двадцать прошло в молчании, затем появились чиновники с паспортами в руках и, обходя огромный, расположенный «покоем», прилавок, сплошь заваленный вещами и окружённый их обладателями, начали выкрикивать фамилии. Названный пассажир отзывался и его осматривали. Нам не везло и мы ждали без конца, пока не выкрикнул чиновник:

- Прокофьев!

- Здесь! Здесь! - радостно закричали мы с противоположного конца прилавка. Чемоданы, отпертые и раскрытые, стояли перед нами. Чиновник и молодая помощница, одетая горничной, «ищейка», подошли к нам. Ищейка сунула свои проворные руки в чемоданы, быстро порылась - и осмотр был кончен. На вещи налепили пропускные зелёные этикетки, нам вернули паспорта и мы, выстояв хвост и получив плацкарты, вступили в русский вагон. Критически-ревниво осматриваясь по сторонам, очень ли Россия хуже заграницы (пожалуй, хуже, но не очень), мы тронулись в путь. Наступила тьма и хотелось спать.

19 июля

К утру поезд уже опоздал на час по вине загоревшейся оси у одного из вагонов и замены его другим. Я смотрел в окно и старался представить, какое впечатление производит Россия на иностранцев. Бросалось в глаза вот что: незаселённость

местности и масса крестьян, ходящих босиком. Поезд идёт мягко, без германского шума и толчков, но медленнее.

Полпервого мы приехали в Петербург, нагрузили таксомотор и остановились у нашего подъезда на Первой роте. Петербург был душен, пылен, взрыт и в своём июльском наряде необычайно противен. Квартира тоже не дышала уютом: диваны были пыльные и воняло краской, по причине запоздавшего ремонта. Словом, мы решили прожить эти две недели в более благоустроенной квартире Раевских и немедля переехали на Сергиевскую. Я с места в карьер с лихорадочной поспешностью уселся за работу, а в шесть вечера был уже на Царскосельском вокзале. В Царском, которое выгодно отличалось от Питера чудесным воздухом и отсутствием пыли, я разыскал Володю Дешевова на его отдельной дачке. Он ужасно обрадовался меня видеть, был, по обыкновению, ласков, любезен и мил. Взял с меня слово, что я буду навещать его зимой, ходить на лыжах, а моим письмом с Эйфелевой башней был тронут.

Втроём с его братом мы пешком отправились в Павловск на музыку. Дирижировал Каянус, а потому Асланова, к сожалению, не было. Вообще знакомых было немного, но мы не скучали. Володя очень мил, но не пресен ли он сравнительно с Максом?

Оркестровый библиотекарь сказал, что у них в оркестре нет ни одного свободного переписчика. Придётся поискать в Петербурге. «Сага» Сибелиуса содержит много интересного, хотя длинна и бесформенна.

20 июля

Итак, мы устроились в квартире Раевских у Таврического сада. Ввиду допотопной звучности здешнего рояля, я решил упражняться у себя на 1-й Роте, вставал в восьмом часу, пересекал весь город и в девять часов уже сидел за моим роялем, кстати сказать, расстроенным до неприличия. Как и следовало ожидать, сегодня Концерт выходил очень коряво; особенно мучительно было играть скерцо, за которым руки немели от усталости. Но я сыграл весь Концерт наизусть - и то хорошо. Прозанимавшись до часу, я вернулся домой, т.е. на Сергиевскую, и завтракал. После завтрака рыскал в погоне за переписчиком, а вечер провёл у Мяскушки, который уже выразил мне в телефон упрёк, почему я не пришёл вчера.

Показывал мне рукописную партитуру «Sacre»[81] Стравинского, которую ему прислал автор, вероятно, в благодарность за хорошие отзывы. Мясковский выискивает всякие интересные места и считает Стравинского талантливым новатором, хотя и улыбается его какофонии. Усиленно настаивает, чтобы я показал в Москве «Маддалену» для постановки её в Свободном театре (новой антрепризе при деятельном участии Держановского и Сараджева). Я не особенно горячо реагирую на это по двум причинам: 1)«Маддалену» надо инструментовать, это возьмёт массу времени, а его у меня совсем не будет осенью; 2) за два года, прошедших после сочинения «Маддалены», я очень развился в моих взглядах на оперу, и «Маддалена» во многих отношениях не отвечает моим теперешним требованиям. Я играл Мясковскому новые пьески: «Ригодон» и «Легенду»; первый очень понравился, вторая тоже, но неудовлетворителен конец.

Сегодня я получил от Юргенсона экземпляры только что вышедших в свет «Токкаты» и опуса 4. Я всегда с трепетом развёртываю такие свёртки, потому что непременно попадается на глаза какая-нибудь досадная опечатка, так случилось и теперь. В «Токкате» в одном месте, вместо тридцать вторых - шестнадцатые. Изданы оба опуса отлично, на этот счёт Юргенсоша молодец.

[81] «Sacre du printemps» - «Весна священная», балет.

21 ИЮЛЯ

В 9.15 - на Первой роте, за фортепиано и за учением Концерта. Занимался до часу, хотя не сплошь, а с маленькими перерывами, разбавляя учение Концерта сочинением «Этюда» для Ор.12. Это последняя пьеса из этого десятка; он был сочинён года два назад, но довольно плохо; теперь я его сочиняю заново, пользуясь только некоторыми материалами, и оставляю старый характер, - остальное новое; думаю посвятить Романовскому, отличному пианисту, милому человеку и поклоннику моей музы.

В половину второго я вернулся на Сергиевскую, позавтракал, переоделся в новый костюм с клетчатыми, необыкновенным для России брюками и поехал в Териоки к Карнеевым. За первую половину моего заграничного путешествия я им послал пропасть открыток, каждый день по одной, но так как я нашёл, что они мне отвечают слишком лениво, то вдруг перестал им писать - и за вторую половину не прислал ни одной. Теперь, при моём появлении, необычайные крики и вопли:

- Сергуся! ! Откуда? Что с вами случилось? Отчего вы ничего не писали?

Обе барышни, по обыкновению, свеженькие и хорошенькие. Поболтав с полчаса о загранице, пошли на море. Проходя мимо захаровской купальни, Лида увидела Бориса Захарова. Он шёл с велосипедом по мосткам по направлению к берегу. Обе девицы начали ему кричать и направились к мосткам, я и ещё молодой человек, Савенков, остались на месте. Затем мы все встретились. Я очень вежливо поздоровался с Захаровым, сняв шляпу, а он сказал мне:

- Здравствуй, с приездом.

Лида с Зоей затараторили, что ах, вот, сегодня Сергуся так неожиданно, смотрим - идёт! Потом сразу перевели разговор на какой-то вчерашний вечер, а на вопрос Захарова, куда мы сейчас идём, сказали, что сначала на теннис, потом в кинематограф и стали звать его. Он ответил, что никак не может, потому что у них гости и дача набита народом. Я вставил:

- Ну вот, вам и надо уйти в кинематограф: на даче свободней будет.

Но он ответил, что прийдёт лишь в том случае, если пойдут и гости. Затем мы распростились, причём на этот раз он вежливо снял шляпу, и мы продолжали наш путь. На теннисе встретили Бориса Алперса, который всегда необыкновенно изысканно здоровается с Карнеевыми и вообще что-то разыгрывает. Я поздоровался с ним сухо и невнимательно. С Серёжей Алперс - хуже: я подал ему на ходу левую руку. После тенниса мы были в кино (Захаров не пришёл), затем обедали дома (как всегда много ликёров), и в десять часов я уехал в Питер, пообещав увидеться с ними в пятницу.

Захаров в среду уезжает гостить к великим князьям, а по возвращении собирается второго с Карнеевыми слушать меня в Павловске.

22 июля

Утром опять занимался на Первой роте. Скерцо выходит лучше. В промежутках читал «Пол и характер» Отто Вейнингера.

После завтрака ездили с мамой в Новодевичий монастырь на папину могилу. Затем я делал кое-какие покупки и писал дневник. Вечером пошёл в Народный дом посмотреть, что это такое за штука. Мне очень понравилось. Около здания большой сад со всяческими развлечениями в стиле Луна-Парк. Публики много, и это не чёрный люд, а нечто среднее между интеллигенцией и чёрным людом. Много хорошеньких женских лиц. Есть студенты, гимназисты, а также какие-то скучающие штатские, очевидно, ждущие приключения. Есть и лакеи с горничными, рассуждающие: «Вы откелешные?», «Да мы тульские...». Есть и почтенные

джентльмены с жёнами, попавшие в качестве туристов. Итак, одобрив это учреждение и решив навестить его снова, я в десять часов вечера вернулся на Сергиевскую и лёг спать.

23 июля

Утром опять учил Концерт, а в промежутках читал Вейнингера. Играл кусочки из «Маддалены». Пока они касались начала оперы, я не очень увлекался ими, но когда дело дошло до драматического рассказа Стеньо, я так увлёкся, так воспламенился, что мысль о приведении «Маддалены» в порядок и о её постановке стала для меня самой горячей. Несомненно, многое, всю вокальную партию, надо переделать, но из «Маддалены» может выйти хорошая опера. Один ужас: «Маддалену» надо инструментовать, а на этот труд у меня не будет времени. Чтобы кончать фортепиано, чтобы ставить в Консерватории ученические оперы - на это уйдёт вся зима. Если же я втисну ещё инструментовку целой оперы, то мой последний год в Консерватории будет скомкан, не говоря о том, что я себя замучаю работой. А хорошо бы поставить «Маддалену». Ну хоть бы Мясковский помог инструментовать !

В одиннадцать часов я пошёл к Асланову, благо он живёт рядом со мной. Надо уговориться, когда он желает знакомиться с моим Концертом. Аслашка готовил мне сюрприз. Мой Концерт предполагался на второе августа; между тем на третье назначили какой-то важный бенефис, который требовал много репетиций и отнимал их от предыдущего концерта, т.е. от моего. Поэтому Асланов предлагал переложить мой Концерт на закрытие сезона, на двадцать третье августа. Я было хотел рассердиться на подобный произвол, но вдруг сообразил, что, в сущности, эта комбинация меня отлично устраивает. Primo: Концерт у меня совсем ещё не идёт, а к двадцать третьему я его выучу. 2) Я немедля уеду в Крым и поживу у Мещерских до двадцатого августа. Поэтому я сразу согласился с Аслановым и мы «перефиксировали» Концерт и «Сны» со второго на двадцать третье. Кроме того, и публики в Питере к тому времени будет побольше.

Вернувшись на Первую роту, я опять раскрыл «Маддалену» и с увлечением представлял себе переделки в ней и то, какая отличная из неё выйдет опера. Затем я поехал завтракать на Сергиевскую и сообщил маме о перемене даты моего выступления и о моём намерении выехать завтра в Гурзуф. Мама ничего против не имела и сама через день собиралась тронуться в Ессентуки, где её ждали Смецкие.

После обеда пошёл к Мясковскому в надеждах, между прочим, закинуть удочку об инструментовке «Маддалены». Начал я с того, что сегодня разыгрывал «Маддалену» и что она мне чрезвычайно понравилась. Мясковский обрадовался:

- Ну вот и отлично! Надо её переделать, инструментовать и поставить в Москве.

Тогда я стал ныть, что всё это очень сладостно, но невыполнимо, так как я осенью буду сбиваться с ног от консерваторской работы...

- Три недели усидчивой работы и «Маддалена» будет инструментована, - возразил Мясковский.

- В три недели?! - заорал я.

- В три недели.

- Ну и желаю вам инструментовать «Маддалену», если вы сумеете сделать целую оперу в три недели!

- Давайте «Маддалену»: сделаю, - улыбнулся Мяскушка.

- Пожалуйста, будьте благодетелем, - полушутя ответил я. - Будем её варганить в четыре руки - вы инструментовать, а я, как Бородин, покрывать жидким желатином и развешивать на верёвках сушиться!

Таким образом участь «Маддалены» вчерне была решена. Затем Мясковский расхвалил «Легенду», сказал, что он мне её так не отдаст, что я должен ему её подарить. Мы отправились в магазин Шредера, дабы проиграть мой Концерт на двух роялях (кстати, на фортепианное переложение оркестровой партии НЯМ обрушился, сказал, что авторы сами не умеют перекладывать, и впрямь сделал много ценных указаний). На двух роялях я его играл первый раз и часто сбивался, когда заслушивался вторым роялем. Вообще же выходило очень интересно, но скерцо было дьявольски утомительно.

Поиграв с Мясковским час и получив от него резолюцию, что этот Концерт лучше первого, я поехал в Царское, чтобы взять Володю Дешевова и в его компании посетить павловскую музыку. Однако дома я его не нашёл. Было уже девять часов и он уехал в Павловск. Я пошёл в Павловск пешком и прибыл туда в полдесятого, к антракту. Встретил «Подушку» и её очаровательную замужнюю сестру. Раскланявшись, я пошёл в концертный зал, Володю Дешевова так-таки не нашёл и вскоре уехал в Петербург вместе с Каратыгиным, с которым было интересно поговорить о музыке. Между прочим, на вопрос, слыхал ли он о Свободном театре в Москве, он ответил, что даже уполномочен рекомендовать туда оперы и, если я хочу предложить туда «Маддалену», это как раз было кстати и я поспешил подтвердить, что хочу.

24 июля

Сегодня надо было сделать много дел и главное - уехать в Гурзуф. Утром получал деньги в банке, заезжал к Колечке, менял в градоначальстве иностранный паспорт на русский и заезжал в городскую кассу за билетом, но там мне ничего не дали, сказав, что в день отъезда билеты продаются только на вокзале. Зато встретил Кокочку Штембер, который, как оказывается, тоже побывал заграницей, но остался таким же несуразным, как и раньше. Я сказал ему, что только что получил из печати посвящённую ему «Токкату» и предложил поехать вместе со мной на Первую роту для получения экземпляра. Мы поехали и пока я быстро собирал вещи, необходимые для Гурзуфа, он разыгрывал рулады на рояле. Когда я что-то упомянул о Тонечке Рудавской, он ответил:

- Как теперь смешны мне все эти прежние, детские увлечения!

Мы простились, и я с чемоданом, наваленным всякой мелкотой, забыв знаменитую лондонскую ракетку, поехал на Сергиевскую. Позавтракал, быстро переоделся и помчался на Финляндский вокзал для следования в Куоккалу. Мне не хотелось уехать, не повидавши Умненькую, да кроме того я несколько дней назад послал открытку, что приеду сегодня. Я долго бродил по Куоккале, отыскивая их дачу, как вдруг мне закричали: «Сергей Сергеич!» - и я увидел Лидочку, шествовавшую мне навстречу. Она жила на даче со своей замужней сестрой, выглядела очень хорошенькой, а когда сестра оставляла нас вдвоём, то говорила всякие приятные вещи, что ей не верится - меня ли она видит опять, что она ужасно рада меня видеть и прочее. В последнем письме она написала таинственную фразу, что, быть может, мы встретимся в Гурзуфе. Я очень радовался этому, хотя мало верил. Теперь же оказалось, что в Гурзуф они собираются лишь в сентябре и то лишь гадательно. К моему же сегодняшнему отъезду она отнеслась с огорчением, тем более, что я пробыл у них несколько часов и сорвался в Петербург - укладываться. Мне самому не хотелось уезжать: хотелось остаться около Лидочки, целовать её, жениться на ней..., но я был твёрд как кремень и семичасовой поезд унёс меня в Петербург. Там я собирался как сумасшедший. Уложил оба чемодана, кажется, ничего не забыл и с одиннадцатичасовым курьерским уехал в Москву.

Сегодня же ехал к великим князьям Захаров. Я имел некоторую надежду с ним

встретиться в поезде, но маленькую и не особенно горячую.

25 июля

В десять часов утра, а по московскому времени в пол-одиннадцатого, я был в Москве. Времени у меня была тьма, до восьми вечера, а дел мало: повидать Держановского, да проиграть ему и Сараджеву «Маддалену».

Я не торопясь выпил на Николаевском вокзале кофе, предварительно выругавшись, что нету шоколаду, затем в нудном пересадочном поезде переехал на Курский вокзал. Затем писал дневник сначала на вокзале, затем в пивной, и к трём часам явился к Держановскому. Так как разговаривать с ним было не о чём, то я стал наигрывать ему «Маддалену» в ожидании Сараджева, долженствовавшего появиться в пять часов. Незаметно я сыграл всю оперу Держановскому. «Маддалена», видимо, пришлась по вкусу и он сказал, что после того, как я передактирую её и особенно вокальную партию, она вполне подойдёт для Свободного театра. Сам Держановский никакого отношения к театру не имеет, но он будет влиять на Сараджева, а Сараджев, как главный дирижёр, на дирекцию. Самому Сараджеву сегодня послушать «Маддалену» не пришлось, потому что я видел его только мельком, забежав к нему на пять минут.

Кроме разговора о «Маддалене», Держановский много говорил об устраиваемом им в ноябре камерном концерте из сочинений Мясковского и моих. Будет участвовать хороший и знаменитый (по словам Держановского) виолончелист Белоусов (моя «Баллада» и виолончельная соната Мясковского), жена Держановского (романсы Мясковского) и я (моя 2-я Соната и соната Мясковского). Кроме того, я исполняю фортепианную партию с виолончелью, т.е. попросту не отхожу от рояля весь вечер. Всё это очень интересно, но сомневаюсь, чтобы я успел выучить так много вещей. Я предлагал, чтобы сонату Мясковского играл Захаров, но ему не нравится пианизм Захарова.

По случаю этого концерта Белоусову надо было послать мою «Балладу», а так как «Баллада» осталась в Петербурге, а мама завтра утром уезжает из Петербурга, то мы с Держановским звонили маме по телефону. Она сначала испугалась звонку из Москвы, но потом мы отлично разговаривали, и слышно хорошо, несмотря на 6 сотен вёрст расстояния.

В восемь часов я сел в кисловодский курьерский, дабы догнать севастопольский ускоренный поезд. Поужинал и растянулся спать, но заснул не сразу, потому что явилось какое-то нервное состояние, которое уже случалось в Руая. Тем не менее настроение хорошее.

26 июля

Утром мой кисловодский экспресс догнал в Харькове севастопольский поезд и я, получив место в Международном обществе[82], пересел в него. Когда тронулись, я сообразил, что оставил пальто в Кисловодском поезде. Пришлось телеграфировать, заявлять жандармам, но дело кончилось благополучно и пальто обещали выслать в Гурзуф.

Хотя весь поезд был набит, в моём Международном вагоне было пусто, поезд тащился медленно, время ещё медленней и я проскучал весь день. От скуки рассматривал своё лицо, нашёл под глазами и над углами губ морщинки, решил, что лицо моё теряет свежесть, что вообще я себя чувствую вяло и надо заняться физическим развитием: зимой усиленно делать сокольскую гимнастику, а летом

[82] Класс железнодорожных вагонов.

поселиться где-нибудь в деревне и с утра до вечера заниматься полевыми работами.

К вечеру мы доползли до Александровска, где я вспоминал Макса и наше зимнее путешествие. Затем в вагон насело много пассажиров, и я лёг спать.

27 июля

В восемь часов утра я был в Севастополе. Купил себе место в пятиместном автомобиле и через полчаса катил уже в Ялту. Моей соседкой была пожилая милая дама и мы с ней беседовали всю дорогу.

Ровно полгода тому назад я проделал этот путь только в обратном порядке и на извозчике, а не в автомобиле - с Максом. И теперь образ Макса и воспоминания не покидали меня ни на минуту. По мере того, как перед глазами пробегали уже знакомые горы, овраги, постройки, извилины дороги - с необычайной отчётливостью вставали в памяти зимние картины, наши серые шарфы, широкая рыжая спина извозчика, облачённого в английское пальто, разговоры с Максом и всякие мелкие факты. Здесь мы до упаду хохотали, глядя на тупые выражения жевавших жвачку коров; а здесь подул из-за горы ледяной ветер, я мёрз и кутался в шарф, а Макс иронизировал; тут мы разговаривали о дуэли с Борюсей; у этой постройки извозчик поил лошадей, а мы затыкали носы от вони; у того пригорка Макс сообщал мне историческую справку о сражении русских с англичанами. И так далее на протяжении всего пути. Мысли бежали сами собой, а я только боролся с печальным оттенком, который они стремились принять.

Автомобиль быстро добежал до Байдарских ворот. Маленькая остановка - и мы поехали дальше. Момент, когда автомобиль пересекает ворота и перед глазами вдруг расстилается безбрежное море, действительно очень эффектен. В Алупке, которая мне опять очень понравилась, мы завозили генерала на какую-то узкую и крутую улицу, на которой автомобиль никак не мог повернуть, а затем взобраться по крутому подъёму. Мы собрали целую толпу, пыхтели, гудели, чуть не свалились под откос и наконец, проваландавшись битых полтора часа, стрелою помчались в Ялту. От быстрой езды загорелась ось, автомобиль наполнился дымом и остановился при самом въезде в Ялту. Я и моя попутчица поспешили его покинуть и, благо это случилось в двух шагах от её дачи, она пригласила меня «чайпить», пока автомобиль приведёт себя в порядок. Но автомобиль был безнадёжен. Мне привели извозчика, который отвёз меня и мои чемоданы на пристань. Там я сел на небольшой пароходик, довольно сильно раскачиваемый волной. Некоторые дамы бледнели и «бузонили» за борт, но я не заплатил дани морю и спустя час выгрузился в Гурзуфе. Сопровождаемый носильщиком, нагруженным моими двумя чемоданами, я явился на дачу 14, но дача была пустынна, меня ждали лишь вечером, и я долго ходил вокруг, пока нашёл горничную. Вера Николаевна была не совсем здорова и спала, а барышни играли в теннис. Я свалил чемоданы в предназначенную мне комнату и пошёл на теннис.

Я был в швейцарском костюме и в шляпе с опущенными полями. Занятые игрой девицы не обратили на меня внимания. Я минут десять стоял у решётки и смотрел на них, а затем подошёл и поздоровался. Встретили меня любезно и даже радостно. Мы вернулись на дачу, а после обеда пошли в кинематограф. Я был отлично настроен, болтал и остроты, и глупости - и привёл в весёлое настроение всё общество.

28 июля

Несколько слов о семье Мещерских.

Вера Николаевна - чрезвычайно интересная женщина, умная, энергичная и

содержательная. Происходя из небогатой дворянской семьи Малама, она вышла замуж за инженера Мещерского. Благодаря её уму и способностям мужа, они сделали исключительно блестящую карьеру и теперь Мещерский состоит во главе нескольких заводов и крупных предприятий, получая в год сто пятьдесят тысяч рублей, не считая того, что загребает на бирже. Этой весной доктора открыли у Веры Николаевны признаки туберкулёза и посоветовали провести лето в Крыму. Всё лето она прихварывает, и это сделало её придирчивой и раздражительной. Не было дня, чтобы Вера Николаевна не разнесла своих дочерей, наипаче же доставалось Нине.

Старшая дочка Таля представляла собой интересную барышню восемнадцати лет, тонкую, томную, очень славную. Но вторая, Нина, мне нравилась больше - маленького роста, с чёрными сросшимися бровями и с дьявольски хитрым взглядом. Обе недурные музыкантши и художницы, вследствие чего пианино завалено клавирами Вагнера, а все комнаты - тюбиками с красками.

Кроме хозяев на даче жили гости: сестра Веры Николаевны с дочкой, обе настоящие провинциалки; Олег Субботин, милый молодой человек, вполне светский; художник Бобровский, цветущий мужчина лет тридцати пяти, немного скучающий в Гурзуфе, большая Талина симпатия; Serge Базавов, кузен, очень симпатичный студент, на которого по болезни Веры Николаевны были свалены все дела; наконец, Евдокия Сильвестровна, приятельница Веры Николаевны.

Обстановка такая: дача-особняк в прекрасном казённом парке, синее море, яркие лунные ночи и Нина, с первого же дня начавшая со мной вместе гулять и делать всякие глупости, за которые ей постоянно влетало от Веры Николаевны. Вообще же эти три недели я сознательно бездельничал, если не считать сорока минут, ежедневно посвящаемых учению Концерта. Немного играл в теннис, учился биллиарду, купался и брал солнечные ванны, причём тело моё стало сначала ярко- малиновым, потом шкура слезла и оно стало бурым.

На другой день мы гурьбой отправились гулять на какой-то пригорок и так там нашумели, что Вера Николаевна услыхала нас, сидя дома на даче, и сделала строгое внушение, что неприлично себя ведём и что это дурной тон.

По вечерам я гулял часто втроём с Ниной и племянницей Верой. Очевидно, я пользовался у обеих успехом, потому что Нина восклицала:

- Америка трещит!

А Вера:

— Австралия трещит!

Оказалось, что «Америка» и «Австралия» были прозвищами их предыдущих симпатий.

Вера мне не нравилась, Нина - да. Как-то она притащила альбом и заставила меня туда что-нибудь написать. Я написал приблизительно следующее:

«Это произошло в Гурзуфе 31 июля 1913. «Сейчас же принесите «Ригодон» - зычно пискнула Нина. Я послушно исполнил её приказание и принёс рукопись, сыграл и спросил, играть ли «Ригодон» в Павловске на «бис», если таковой случится. «Дрянь, не стоит!» - решила Нина. «Всё равно никому не понравится». Привыкнув всегда прислушиваться к просвещённым мнениям больших музыкантов, я и на этот раз с трепетом внимал приговору и, дабы достойным образом достойной вещью отблагодарить достойного судью, - я решил посвятить «Ригодон» (конечно по секрету) «Ниночке Мещерской».

Читая, Нина сначала злилась, но потом была польщена посвящением, пыталась даже разыгрывать «Ригодон», хотя так-таки его и не осилила.

Через пять дней после моего приезда приехала к ним подруга Тали Надя Плансон, та самая блондинка, которая мне очень нравилась ещё зимой. Теперь оказалось, что она уже невеста и через две недели свадьба.

2 августа

Вчера я сговорился с Надей Плансон идти рано утром гулять: я встану в половину восьмого и зайду за нею на соседнюю дачу. Однако, не было ещё семи, когда в мою дверь стали лететь с улицы камушки, один за другим, через равномерные промежутки. Я вскочил с кровати, приоткрыл дверь и увидел Надю, которая стояла и смеялась. Я закричал ей, что сейчас буду готов, и стал живо одеваться, причём произведён был такой шум, что сверху от Веры Николаевны пришла горничная с предложением вести себя тише. Несколько смущённый и предвкушая нагоняй, я докончил мой туалет и отправился с Надей по направлению к горам. Мило беседовали о Швейцарии, Англии, где Надя много жила, о её замужестве. Добравшись до какого-то горного озера, пили у избушки чай (о Боже, какое неустройство сравнительно со Швейцарией!), затем спустились вниз. Она пошла на свою дачу, я - купаться.

Вера Николаевна взяла лодку и мы поехали в Суук-Су. Суук-Су - тихое местечко, но с хорошей гостиницей и рестораном, лежит в двух верстах от Гурзуфа. Пока все расположились в саду перед гостиницей и потребовали самовар, Нина, Надя и я пошли осматривать внутренние помещения.

На обратном пути многие, в том числе и я, разлеглись на корме большой лодки и плыли, приятно укачиваемые волнам. После обеда играл в четыре руки с Верой Николаевной симфонии Бетховена (она недурная пианистка и мы за всё время переиграли все симфонии Бетховена раза по два), а потом все пошли гулять. Тале очень хотелось погулять ночью по татарской деревне, но её не пускали. Сегодня она поймала меня и мы потихоньку удрали. Деревня, расположенная на горе, с её кривыми улочками, странными зданиями, имела при ярком лунном свете феерический вид. Художник заговорил в Тале, она была в восхищении.

Вернувшись домой, мы нашли Нину, сидящую в глубоком кресле на веранде. У неё болела голова и был беспомощный вид. На вопрос, почему болит голова, она ответила:

- Это у меня бывает. У папы иногда неделями бывает отчаянная мигрень. Это вырождение. Потом может развиться в падучую.

Я сел на ручку кресла и заявил присутствующим:

- Господа, Ниночка вырождается!

Когда я ушёл в мою комнату, Нина появилась у окна.

- Спокойной ночи. - сказала она.

Я ответил тем же.

- Целую вас, - прибавила она, сконфузилась и быстро скрылась.

Одеяло у моей кровати оказалось пришитым к матрасу. Я долго отдирал его. Должно быть, Ниночкин номер.

3 августа

Собрались к утреннему чаю. Я сидел и читал письма Чехова, неистощимые по своему юмору, а потом пошёл купаться, хотя по морю бегали волнушки, а вчера даже утонул человек. На пляже встретил Бобровича. консерваторского тенора. Он необычайно любезен, страшно доволен Гурзуфом, хвастался приехавшими из Петербурга барышнями, а я ему предлагал сорганизовать поездку в Алупку. Мне очень хотелось туда прокатиться, но я видел, что с домоседами-Мещерскими ничего не выйдет.

За завтраком все развеселились. Я вычитал у Чехова в одном из его писем, с описанием неаполитанского зверинца, такую фразу:

- Когда спрут (осьминог) жрёт какое-нибудь животное, то смотреть противно.

Выражение подхватили и, как только кто-нибудь особенно аппетитно начинал уплетать какой-нибудь кусочек или набивать рот сочным арбузом, тогда с другого конца слышалось:

- Когда спрут жррёт... - причём это последнее слово произносилось с особенным треском.

После завтрака Надя Плансон доканчивала портрет Тали, очень удачный. Мне нравился этот портрет и я всё время похваливал его. Плансон предложила мне сесть в кресло и попозировать для этюда, который она хотела сделать с меня. Я согласился очень охотно, но этюд оказался ни к чёрту негодным, в чём я ей и признался.

Мясковский прислал письмо, расхваливая мой 2-й Концерт и называя его классическим. Я очень доволен и рассказываю Наде про Черепнина, с которым она знакома. Надя слушает с интересом и от души смеётся.

4 августа

Именины Евдокии Сильвестровны, а потому цветы, шампанское, икра. И меня втянули в подношение цветов, хотя я только пикировался с Евдокией. Плансон всё время просила меня сыграть что-нибудь моё. Она очень мила. После завтрака я сел за пианино, начал ей наигрывать 2-й Концерт и незаметно сыграл всю первую часть. А затем по требованию публики и остальные три части. К удивлению, Концерт имел успех. Первую тему теперь все поют. Нина заявила, что хочет рисовать мой портрет. Я сел позировать: Нина выпустила из тюбиков свои краски, сделала серьёзное выражение лица и начала рисовать. Мне пришлось полтора часа сидеть неподвижно в кресле, причём даже письма Чехова нельзя было читать. У Нины ужасно славные клыки. Через полтора часа Нина меня отпустила на волю. Я заглянул на полотно и увидел там такого идиотика, что принялся ругаться. Нина успокаивала меня, что это ещё только набросок, а отделка будет впереди.

Освободившись от позирования, я с удовольствием погрузился в письма Чехова и очень обрадовался, когда нашёл в них заметку, как его посетил Чайковский и как Чехов был этим польщён.

Надя Плансон доканчивает свой удачный портрет с Тали. Я хвалю снова и говорю, что Надя должна себя реабилитировать по отношению ко мне, нарисовав с меня этюд лучший, чем вчера. Она отвечает, что сейчас до отъезда не поспеет, а зимой, когда я приду к ней, сделает с меня настоящий портрет.

После обеда вся компания собралась на море. Природа очаровательна: луна прячется за красивые облака, море окрашено в стальной цвет и спокойно, как зеркало. Все весело рассаживаются в лодке. Отчаливаем. Два гребца живо гонят лодку прямо в открытое море. Гурзуфская деревня блестит целой террасой огней. Вдали идёт батумский пароход. Я удобно лежу, положив голову Тале на колени и опустив руку в тёплую воду. Пытаемся петь, соединяя тему «Мейстерзингеров» и «Тореадора». Это нелегко: сбиваемся и детонируем, но после нескольких раз начинает выходить. Выражение: «Стерр...лядь с Волл...ги!» - слышанное мною в Териоках и ляпнутое теперь в лодке, вызывает сначала хохот, но Вера Николаевна спохватывается и сквозь смех пытается делать замечание. Когда от моря шли обратно на дачу, то вся молодёжь сорвалась и побежала бегом.

Усталый ухожу спать. Сижу у порога и, наслаждаясь тишиной ночи, с миром на душе гляжу на луну, небо и бегущие облака.

5 августа

Встретившись с Ниной, улыбнулись друг другу. От вчерашних капризов ни следа.

Утро ушло на купанье, игру на фортепиано и чтение писем Чехова. После завтрака Таля и Надя уселись друг против друга и по очереди дорисовывали свои портреты. Нина, плюнув на вчерашний набросок, принялась рисовать меня в профиль углём. После часу позирования получился портрет очень чумазый, хотя и схожий. За чаем Нина брякнула мне опять что-то вроде: вы, конечно, милый молодой человек, но совсем не вселяете тех чувств, которые вселяла «Америка»! Я рассвирепел, повернулся спиной и во время прогулки не обращал на Нину внимания. Нашу группу снимали в различных позах; я всегда становился в противоположном конце от Нины. У обоих на снимках вышли сердитые рожи. Затем я ушёл домой играть на фортепиано, а уже позднее пришёл с Бобровским. У моря мы примкнули к остальной компании, дурили. Это был последний вечер пребывания Нади. Завтра рано утром она уезжала в Севастополь выходить замуж.

6 августа

Сегодня было скучнее. Уехала Надя Плансон, уехал Алексей Павлович, с Ниной я был в ссоре и ссора продолжалась весь день. Утром, как всегда, купанье, фортепиано, письма Чехова. От солнечных ванн у меня слезает кожа, всё тело чешется. После завтрака я улетучился в гости к Бобровичу. Он был крайне любезен и время у него я провёл приятно. После чая я остался учить Концерт.

Гулять пошли: Таля, Нина, Бобровский и я. Олега оставили проявлять вчерашние снимки. Таля шла надутая, получивши нагоняй; Нина дулась, поссорившись со мной; «дядя Гриша» имел какое-то предчувствие и тоже не блистал весёлостью. Я, сидя с ними на скамейке, любовался на три свирепых профиля и смеялся, но вообще выходило скучно. Зато в одиннадцать часов вечера, когда всех погнали спать, я с Олегом удрал на море к великой зависти девиц. Походили по пляжу и поболтали всякий легкомысленный вздор. Олег - милый молодой человек.

7 августа

Я давно собирался проехаться в Алупку, которая меня привлекала ещё со времён зимней поездки с Максом. Я подговаривал попутчиком Олега. Сегодня мы решили привести поездку в исполнение. Выехали в одиннадцать часов, до Ялты сражались в «66», а затем смотрели на красивые берега. Особенно красив вид на Алупку, да и сама она прелестна, во много раз лучше Гурзуфа, хотя довольно пустынна (не по вине ли обеденного времени). Во время обеда послали Тале и Нине срочную телеграмму:

«Достигли Алупки, шлём вам привет. Как жаль, о голубки, что вас с нам нет!»

После обеда отяжелели и пошли поиграть на биллиарде, а то в Гурзуфе всегда толкотня и невозможность дождаться очереди. Предварительно спросили, сколько стоит разорвать сукно (четвертной), а затем принялись за игру. К сожалению, увлеклись и затянули игру на два часа. На осмотр Алупки остался только час. Но этого хватило, потому что публики и в пять было мало.

Мы поколесили по парку, я с необыкновенной ясностью вспомнил все аллеи и магазины, посещённые в январе с Максом, - и отбыли на пароходе в Ялту. Здесь сразу иная картина, куча нарядной публики, много хорошеньких лиц, и мы с удовольствием потолкались по набережной, пляжу и саду.

Из Ялты до Гурзуфа мы ехали на резвом извозчике. Сделали прелестный переезд при восходящей луне. Меня тянуло путешествовать, далеко, в Америку, вокруг света...

На дачу приехали, когда все сидели за вечерним чаем. Оживлённая болтовня.

С Ниной я по-старому суров. Она тоже входит в тон.

8 августа

После завтрака Таля задумала рисовать с меня красками этюд, на что я с готовностью согласился. Нина ходит сердитая, неприветливая, держится особняком. Олег и я липнем к Тале, Таля к Бобровскому, а Серж - к большинству. Нина восклицает:

- Ах, скорей бы Саша приехал!

Саша - юнкер, брат уехавшей сегодня Веры, и его ждут на днях.

Вечером всей компанией ходили на биллиард, где толкалась толпа народу всяких рангов, до парикмахера включительно. Вера Николаевна не без элегантности играла с Бобровским. С биллиарда Таля, Нина, Олег и я ходили на море. Я шёл под руку с Талей и мы распевали всякие контрапункты, сущность которых я объяснял сегодня. Когда в одиннадцать часов все расходились спать, я ловким движением стянул со стола карты в карман, и мы (Олег, Серж и я) устроили у себя в спальне «винт» до двух часов ночи. Я давно не играл в открытый «винт» и теперь испытал полнейшее удовольствие. В третьем часу мы разогнули спины и расправили затёкшие члены. Олег ушёл на свою дачу, а мы повалились в постели. Однако кто-то скоро осторожно постучал в дверь. Это был Олег, которого не пустили в дачу и который вернулся к нам поспать на диванчике.

9 августа

В полдевятого, не слишком выспавшись, с бледными, но хитрыми физиономиями, мы вышли к чаю. Вера Николаевна ничего не подозревает. Девицы, которым мы нашептали об «игорном притоне», возмущаются, но втайне завидуют.

После тихого завтрака позировал Тале. Когда Нина сидела за пианино и играла привезённый мною из Ялты романс Рахманинова «Здесь хорошо», я подошёл и поправил ей неверно взятый аккорд. Она никак не ждала этого и охрипшим голосом спросила:

- Что?

Я показал ей и ушёл.

Вечером приехал Саша. За чаем я всячески пикировался с ним, задирал его, рассказывал небылицы, которым он верил. Все смеялись, а Саша не сказал ни единого слова. Нина оценила положение вещей и холодно сказала кузену:

- А ты ни капли не поумнел!

С одиннадцати часов вечера опять винтили вчетвером с Сашей. На этот раз до трёх часов и со вкусным арбузом на закуску, который Олег ловко стащил на кухне. Ночевал же Олег опять на диване.

10 августа

Наше утреннее появление было встречено ледяной отповедью Веры Николаевны, которой стены и двери донесли о ночных безобразиях. Карты арестованы. «Винт» запрещён. Таля ухмыляется, глядя на побледневшее лицо Сержа.

Вечером я взял Нину за руки и спросил, пойдёт ли она гулять. Нина сразу согласилась. Олег привязался третьим и испортил всё дело. Этот момент подготовлялся длинной ссорой и, будь я с Ниной вдвоём, он был бы очарователен, теперь же вышла обыкновенная прогулка. Жаль, ужасно жаль!

Мы зашли на кегельбан. Затем вернулись домой. За чаем Нина сразу изменилась. Смеялась, болтала со всеми, вообще чай прошёл с шумом и гвалтом, как бывало раньше.

11 августа

С наступлением прохлады гуляли по кипарисовой аллее. Нина и я удрали на берег и, уйдя далеко, сидели на большом камне, вдававшемся в море. Волны бегали вокруг и обдавали нас брызгами. Нина шалила и кокетничала. Увлеклись и опоздали к обеду, а так как торопились и бежали, то явились в растерзанном виде. От Веры Николаевны сердитое замечание, а другие всячески проезжались насчёт красных щёк и растрёпанных причёсок.

12 августа

Купался в сильных волнах, держась руками за верёвку и получая по спине и волнами, и камнями.

Затем пошли на биллиард смотреть, как сразится Сашка (по его словам, лучший игрок Екатеринослава) с парикмахером - чемпионом Гурзуфа. Состязание было в большом секрете от Веры Николаевны, которая не допускала мысли, чтобы её племянник играл с парикмахером. Сашка был побит к огромному нашему удовольствию.

Сегодня предполагались какие-то состязания в теннис всех дачников. Но англичанин, устроитель этого, получил солнечный удар и всё расстроилось. К сожалению, я совсем не использовал Гурзуф для этого почтенного спорта. Мы с Олегом было начали, но играли скверно, над нами смеялись, солнце пекло - и бросили.

Во время обеда Нина получила пачку писем, которые её расстроили. В ответ смеялись, что если письма причинили расстройство, то их следует называть слабительными. Предположив, что они имеют отношение к её предыдущему роману, я решил смириться, быть милым, тихим - и даже дал ей моё автоматическое перо для написания ответа.

Когда все разошлись спать, мы с Олегом, под предлогом доигрывания партии в «66», взяли карты к себе вниз и учинили там азартную игру в «двадцать одно». Начали, как полагается, двугривенными, кончили золотом и бумажками. Сначала я выиграл тридцать пять рублей, под конец только десять, Серж столько же проиграл, Олег продулся, но досаднее всего, что Сашка выиграл двадцать восемь рублей!

13 августа

После обеда все разлеглись в саду перед дачей и, как удавы, принялись переваривать.

Я долго и безуспешно звал всех гулять и наконец ушёл с одной Ниной. Это было самое приятное. Ей хотелось попробовать, что такое сода-виски. Пока она ждала у скамейки, я забрался в гостиницу, спросил полбутылки содовой, влил туда две рюмки виски и, скрыв под пиджаком, вернулся к Нине. В тёмной аллее мы распили, я - с удовольствием, Нина - ругаясь и называя благородный напиток солёной и мыльной водой.

За нашу прогулку нам влетело от Веры Николаевны, а дегустация виски, поведанная молодёжи на ухо, произвела сенсацию. Когда все разошлись, я играл с Олегом в шахматы, привезённые комиссионером из Ялты, и с трудом победил.

Очутившись в постели, я возмутился тем, как глупо сегодня разыгрались наши отношения с Ниной, упал в собственных глазах и, часто просыпаясь ночью, испытывал отвратительное настроение.

14 августа

Утро прошло непримечательно. За завтраком барышням влетело за поведение. Вера Николаевна обозвала их «уличными девчонками», чем немало огорчила бедных девочек. А осенью им возьмут строгую англичанку. После денного чаю состоялась поездка верхом: Серж, Олег и я. Серж на горячем скакуне, не хотевшем повиноваться, Олег на пегой лошади, а я на маленьком белом старичке. Наш отъезд собрал толпу. Я крайне неумело влез на лошадь, но норовистый Сержев скакун понёсся, закусив удила, а мы помчались вслед. Поездка за Суук-Су сошла без приключений и доставила удовольствие. Нашего возвращения ждали и с любопытством глядели на нескладных кавалеристов. Но мы подъехали вполне прилично и не ударили лицом в грязь.

После обеда с Верой Николаевной сыграли 9-ю Симфонию сполна. Вечером раскладывали пасьянсы и играли в шахматы.

15 августа

После завтрака - спустя час - я ходил купаться, а на обратном пути смотрел на нескладные лодочные гонки, устроенные по случаю местного праздника. Из-за праздника всюду гуляет народ, в парке концерт и игры.

После обеда с Верой Николаевной экзекутировали 8-ю Симфонию Бетховена, а затем все без дела расселись на террасе и вокруг неё.

- Хоть бы пошли погулять, - заметила Вера Николаевна.

- Екатерина Никифоровна!! - заорал я.

Екатериной Никифоровной (или Фёдоровной) звали экономку. Третьего дня, когда мы с Ниной прослонялись целый вечер вдвоём, нам влетело и было сказано, что отныне будем гулять под надзором экономки.

Сегодня поручили нас дяде Грише Бобровскому, или, как звала его молодёжь за глаза, просто Гришке. Мы отправились глядеть на фейерверк, но едва дошли до моря, как торопливо уговорились с дядей Гришей, где мы встретимся для обратного возвращения, и разошлись в разные стороны по парам. Я, конечно, с Ниной.

16 августа

Нина ноет, что не может быть на моём концерте. Ей очень хочется. Я отвечаю, что это ничего, вместо неё будут другие.

За завтраком оживлённые комментарии сегодняшнего состязания в биллиард. Я заявляю, что всё же подучился и даже могу играть один на один с «большими», например, с Ниной. Не знаю, почему это мне раньше не приходило в голову. Теперь это чрезвычайно заинтересовывает и Нину, и меня. Мы оживлённо сговариваемся и, испросив высочайшее разрешение, после завтрака отправляемся в биллиардную. Я объявил Нине, что мы играем на поцелуй: она не протестовала. Сегодня я играл лучше обыкновенного и двумя эффектными заключительными ударами выиграл партию. Итак, за Ниной поцелуй.

После чая все пошли гулять, но я остался поиграть Концерт, а то вчера не играл, выступление же на носу. Через час я разыскал гуляющих на кипарисовой аллее. Нина, которая скучала, сразу предложила мне пари: внизу на скамейке сидит гиппопотам или нет. Гиппопотамом с моей лёгкой руки звали Сержа, а я знал, что он дома, потому охотно согласился на пари (на поцелуй, в отыгрыш биллиардного поцелуя) и выиграл вторую штуку. Нина, к немалой моей радости, восклицает:

- Ого, «Америка» трещит!

Я торжествую.

17 августа

Несмотря на то, что пароход отходил рано утром, все встали и пошли на пристань провожать. Я уезжал вместе с юнкером Сашкой, державшим путь в Екатеринослав. Пришёл и Бобрович. Наконец подошёл пароход, забрал меня, юнкера и наши чемоданы и увёз из гостеприимного Гурзуфа. Мы долго махали платками и шапками.

Слегка качало. Проследовав мимо шикозной царской яхты «Штандарт», мы пристали к Ялте, где пересели на другой пароход, большой, батумский. Первый класс набит был битком, на палубе - ни одной свободной скамейки: жарко, тесно и томительно. После завтрака я ушёл на нос, где обдувал ветерок, но и тут кишели пассажиры. Я влез на кучу верёвок и, удобно свернувшись, глядел на ползущие мимо берега. Всё время вспоминал Макса и лёгкая печаль обвалакивала мои мысли. Я задремал и проснулся освежённым.

Мы огибали южную оконечность Крымского полуострова. Суровые, лишённые растительности, берега с высоты падали в море. Ближе к Севастополю берега стали низкими и плоскими. Они не блистали растительностью, но весёлое солнце и синее море скрашивали их непривлекательность. Мы вошли в бухту и, миновав ряд военных судов, пристали к берегу. Разгружались без конца, сели на извозчика и поехали прямо на вокзал. До отхода поезда три часа. Юнкер ушёл слоняться, а я, вполне обрадованный его отсутствием, спросил себе питья и принялся писать письмо Вере Николаевне, благодаря её за Гурзуф. В седьмом часу подали поезд и я к моему ужасу убедился, что в моём купе две дамы, которые ещё вдобавок завалили всё купе, сетки и диваны всякими свёртками, зонтам и фруктовыми корзинками. Я пришёл в полнейший раж, сразился, очистил своё место и ушёл в вагон-ресторан, где просидел до поздней ночи к величайшему удовольствию дам, решивших, что я остался в Севастополе.

В Симферополе гулял по платформе и думал, не встречу ли кого-нибудь из знакомых, времён зимней поездки с Максом. Но желанье, конечно, не оправдалось.

18 августа

Утром Харьков и Нина с Зиной Реберг, которых я предупредил открыткой. Несколько минут оживлённых разговоров, но поезд стоит мало - и снова в путь. В двенадцатом часу ночи езда уже наскучила. Приехали в Москву. Я долго бродил по платформе в надежде на Мяскушку, который гостил у Держановского и не сегодня-завтра собирался в Питер. Я ему писал, чтобы он поехал с моим поездом, но, как выяснилось потом, моё писание запоздало. Пожалев, что нет Мяскуна, вернулся в купе. К моему удовольствию, дамы вылезли в Москве и в течение ночи я отлично выспался.

19 августа

Приехал я в Петербург в отличном расположении духа, остановился в пустой квартире Раевских, где, однако же, была прислуга, составляя своим присутствием преимущество сравнительно с совершенно пустой нашей квартирой. Переоделся и поехал к Асланову сыграть мой Концерт. Не знаю, понял ли он музыку, но сказал, что дирижировать нетрудно и вообще отнёсся благосклонно.

- Эх, и какой, чёрт возьми, пианист в вас пропадает! - крикнул он после того, как я сыграл Концерт.

Я спросил - почему? Если я хорошо играю, то пианист не пропадёт: если плохо, то, значит, я плохой пианист, тогда и жалеть не о чем. Он пояснил, что заваленный композиторством и дирижёрством, я не могу достаточно заниматься роялем, а

потому мои пианистические способности пропадают, не будучи достаточно культивированы.

Для «Снов» нет пятой и шестой валторны и второй арфы. Не лучше ли отложить до будущего лета? Я ответил, что предпочитаю сыграть теперь и согласен заплатить за найм добавочных инструментов.

Вернувшись домой, звонил к Умненькой, говорил с её сестрой, сестра звала к ним в Куоккала, я обещал через день приехать.

20 августа

Встав в восемь, поехал на 1-ю Роту учить Концерт. На Сергиевской допотопный рояль и заниматься на нём нет возможности. Концерт, право же, выходит! Учил пьески для биса: арфный Прелюд, чтобы ошарашить до-мажором после всех путаниц Концерта: Этюд №4 и Ниночкин «Ригодон». Был у Мясковского, который приехал сегодня из Москвы, проигрывал с ним на двух роялях Концерт в магазине Шредера и обедал в «Вене», я отдыхал в обществе милого Колечки.

Вечером поехал в Павловск на концерт, посвящённый сочинениям Чайковского. Видел Клавдию Шейнцвит и её прелестную сестру. Наслаждался 6-й Симфонией Чайковского и пришёл в дикий восторг от последней её страницы, от звучности и настроения. Провозгласил: - К чёрту сухую музыку!

Встретил Каратыгина и сказал, что я теперь поправел и стал поклонником Чайковского.

21 августа

Сегодня первая репетиция, поэтому я встал рано и, заехав за Мясковским, отправился в Павловск вместе с ним.

После скучной сюиты Казаченки[83], репетированной под управлением пожилого и с виду симпатичного автора, наступил мой Концерт. Я с удовольствием влез за раскрытый на эстраде рояль. Я обожаю этот концертный рояль, так красиво и парадно стоящий на эстраде впереди оркестра! Но сначала Асланов совершенно справедливо захотел пройти с одним оркестром. Звучит ничего, так, как я хотел, оркестр разбирается тоже довольно прилично и не особенно врёт. Доиграв до конца, Асланов повторил с моим участием. Погода нежаркая, в зале прохладно, рояль сырой и звучит плохо, к тому же и пальцы не гнутся. По вине холода левая рука мажет весь аккомпанемент в начале. В середине первой части я едва поспеваю с моими октавами и ничего не слышу, что происходит в оркестре. Каденцию пропускаем и переходим к скерцо. К моему удивлению и радости, Асланов просит темп помедленней - так-де лучше. Флажолеты в трио скрипки визжат и тянут; надо прибавить к ним пиколку. В интермеццо я боюсь сбиться в многочисленных модуляциях, но сбиваюсь всего один раз и успокаиваюсь. В финале скачки выходят бойко, вторая же половина финала - плохо.

Репетиция окончена. Мясковский и Асланов дают всякие советы о переделке мелочей; Мясковский - большею частью толковые, Асланов - бестолковые. Все втроём садимся в поезд и едем в Петербург. Впрочем, в Царском Селе я покидаю их и отправляюсь разыскивать Володю Дешевова, что после некоторых усилий мне удаётся. Он мил как всегда, не писал мне, потому что переживал период борьбы с самим собою на религиозной почве, но теперь успокоился и повеселел. Мне очень понравилось, что он переживал такую борьбу.

[83] Казаченко, Григорий Алексеевич.

для скрипки, идея которого пришла в голову вчера. Милая, нежная тема радует меня. Вечером хотел пойти к Мяскушке, но он куда-то собирался и я провёл вечер на Сергиевской квартире, с удовольствием записывая гурзуфский дневник. Вообще Нина («Фяка») меня преследует.

23 августа

Сегодня нет репетиции и я было собрался в Куоккалу, но был удивлён телефоном от Умненькой, которая оказалась перебравшейся в город. Жаль: мне хотелось повидать её в Куоккале. Долго говорили по телефону, хотя без каких-нибудь особенных нежностей. Лидочка обещала завтра приехать на мой концерт. Обедал я у Андреевых, которые были прелестно ласковы и любезны, а я чувствовал себя как у старых друзей. Много вспоминали про Париж и Лондон, а я рассказывал про Швейцарию и с необыкновенным увлечением про пребывание в Гурзуфе.

Анна Григорьевна упомянула об её общем с Мещерскими знакомом, некоем Зайцеве, «который не прочь поухаживать за Ниной». Теперь он в Териоках. Тут для меня неожиданно открылась завеса, что этот джентльмен и есть «Америка» Нины. Он гостил до меня в Гурзуфе и его портрет, нарисованный Ниниными руками, я видел в комнате у Сержа. Зайцева я встречал весною у Мещерских: это маленький, чёрненький человек лет тридцати. Так вот она «Америка»! Вот кто стоял мне поперёк дороги! Я ушёл от Андреевых под впечатлением этого открытия.

Сидел у Мясковского и с его любезной и толковой помощью делал поправки в партитуре и партиях Концерта, выясненные во время вчерашней репетиции.

23 августа

На репетицию отправился опять с Мясковским, а в Царском подсел Володя Дешевов. Я имел глупость поехать без пальто, стоял нестерпимый холодина и я перед игрой согревался гимнастикой и рябиновкой. Концерт сыграли полностью, с каденциями. Перед второй частью я просил Асланова сделать побольше остановку, а то после утомительной каденцы играть ещё более утомительное скерцо нет возможности. Скерцо взяли нескоро и, по совету Мясковского, сплошь piano. Благодаря тому, оно прошло без затруднений. Финал был лучше, чем вчера.

Вернувшись с репетиции, я делал всякие поправки в партиях, сидя с Мясковским, который угощал меня кофе. Облекшись во фрак, я без четверти семь был на Царскосельском вокзале, дабы присоединиться к компании, ехавшей из Териок в Павловск меня слушать. Зоя и Лида были налицо, но Борис Захаров, который, как мне говорили, собирался - отсутствовал; он всё же должен был приехать с другим поездом в компании сестёр Ганзен: Тили, знаменитой скрипачки, и Фриды, моей давней симпатии. Жаль, что едут не с нами.

В Павловске я встретил Андреевых, Дешевова, Подушку с сестрою и много знакомых музыкантов. Концерт начался сюитой Казаченки, все схлынули в зал и я один разгуливал по опустевшей площадке в ожидании моей очереди. Волновался ли я? В полном смысле слова - нет, но и спокоен, конечно, не был. Я вошёл в артистическую; там беседовал с кем-то Андреев, зашедший поуспокоить меня. Асланов с удовольствием потирал руки, потому что сегодня приехало много критиков и музыкантов. Перед самым выходом мне вручили телеграмму. Я был крайне удивлён; телеграмма была от гурзуфского Сержа из Орла. Он сожалел, что не мог поспеть к моему концерту. Я очень развеселился. В это время служитель заявил мне, что господин Асланов уже давно за пультом, и я поспешил на эстраду. Меня встретили приветственными хлопкам. Начало Концерта я сыграл совсем спокойно, но к середине каденцы начал волноваться и Colossalo наврал. То есть,

собственно говоря, оно и звучало, но все пассажи я сымпровизировал, а не сыграл, как у меня написано. По окончании первой части немного похлопали; я встал и поклонился. Асланов, согласно моей просьбе, сделал длинный промежуток между первой и второй частью, поправлял волосы, сморкался и наконец из под носового платка с улыбкой спросил, можно ли идти дальше. Я кивнул головой. Скерцо начали медленно и играть его было легко. По совету Мясковского я играл его сплошь пианиссимо. В трио разволновался и сбился, однако, поиграв вместо пассажей хроматические гаммки, я скоро вернулся в колею. Ошибка прошла незамеченной. В интермеццо я ужасно боялся перемодулировать не туда, куда следует, и действительно, такой грех случился. Чрезвычайно неприятно, когда я услышал, что оркестр играет не в том тоне, в который я попал. Однако и тут я сейчас же выпутался. Финал я играл спокойней и сошёл он лучше.

После резкого заключительного аккорда несколько моментов в зале было молчание. А в ответ на шикание стали громко аплодировать, стучать палками и кричать «бис». Я дважды выходил раскланиваться, слышал в зале крики и шиканье, и мне нравилось, что Концерт разыграл в публике страсти. Мне подали большой лавровый венок с голубыми лентами. Я был обрадован. Выйдя в третий раз, я сыграл на бис Прелюд для арфы. Опять шиканье и энергичные аплодисменты. Я сыграл Этюд №4. Опять то же. Затем скоро всё смолкло, а я распечатал конверт, приколотый к венку, ибо на голубых лентах ничего не было написано. В конверте была любительская фотография, а с неё глянули на меня все милые обитатели гурзуфской дачи. Я был тронут. В этот момент в артистической появились Андреевы. Едва я успел передать им фотографию, как прибежали Лида с Зоей и с Володей Дешевовым. За ними ворвались толпой «современники» и во главе с Каратыгиным принялись выражать мне свои восторги. Затем пришёл с похвалами Асафьев, Мясковский, Асланов. У Асланова я извинился за причинённые хлопоты и поблагодарил за аккомпанемент; расцеловались. Он говорил, что только что к нему подлетел кто-то и сердито буркнул:

- Благодарю вас, ну и поднесли!!

Я вышел на улицу. Подошли сёстры Ганзен, но Захаров не появлялся и это меня сердило. Умненькой тоже не было видно. Карнеевы звали меня в зал слушать «Шехеразаду». Им, видимо, хотелось появиться вместе со мной, как героем вечера. По окончании «Шехеразады» вся публика двинулась к выходу и тут мы столкнулись с Захаровым и двумя Ганзен. Я поздоровался с Захаровым, наша группа перекинулась с его группой несколькими словами и мы разошлись. К Лиде, Зое и мне скоро присоединился Дешевов. Мы пошли в буфет слегка поужинать. Затем пошли садиться в поезд и попали в один вагон с Захаровым и его девицами. Мы сели недалеко от них, барышни обменялись несколькими словами, после чего каждая группа болтала между собою, не обращая внимания на другую. Почему-то Лида пересела на другое место, за Лидой Зоя, за Зоей Володя. Я остался один. Тогда я повернулся к Ганзенам и сказал:

- В таком случае вы мне, быть может, позволите подсесть к вам?

Те ответили «просим» и подвинулись, давая мне место. Захаров сразу обратился ко мне с чрезвычайно лестным отзывом о Концерте. Я никак не ожидал, что ему до такой степени понравится. В общем разговоре прошёл путь до Петербурга. Мы распрощались и пошли по улице. Я под руку с Зоей и с Лидой. На Загородном мы оглянулись и увидели, что сзади в такой же комбинации следует Захаров с обеими Ганзен. Мы им закричали. Они спросили, куда мы идём. Мы отвечали, что зайдём на мою квартиру, где я переодену фрак, а затем я повезу их ночевать к их подруге на Васильевский остров.

- А вдруг у неё нельзя ночевать? - спросил Захаров. - Что вы будете тогда делать? Я уж лучше тоже провожу вас, а то не буду спокоен. Только вот мне Тилю

и Фриду надо домой отвезти.

Я сказал:

- Так ты вези, а потом заезжай ко мне, мы будем тебя ждать. Первая Рота, 4.

На том порешили. Я с Карнеевыми пришёл на 1-ю Роту. Разбуженный швейцар косо посмотрел на двух дам, которых я привёл к себе в час ночи. Мы влезли в пустую квартиру. Электричество не действовало. На всех был один огарок свечки, который мы вставили в молочник. Вызвав по телефону мотор, я оставил барышень в гостиной, а сам поспешил переодеться в своей комнате. Едва я успел сбросить с себя всё, как пришёл Захаров.

- Сегодняшний день для меня - великий день, - сказал он. - Снова я в этой обстановке!

- Да, - ответил я, глядя на него.

Он протянул руку и сказал:

- Что-ж, Серёжа, забудем всё, что было!

Мы поцеловались. Из соседней комнаты девицы закричали, приветствуя наше примирение. Мы, спустившись на улицу, разместились в мотор. У Лиды разболелась голова, у Зои ныл зуб, Захаров тоже жаловался на голову и чувствовал себя не совсем по себе. Я один был вполне весел и доволен. Мы отвезли барышень на Васильевский остров и очутились в моторе вдвоём.

- Помни, Серёжа, 23 августа! - сказал Захаров.

В ответ я взял его за руку. Он сообщил мне, что через две недели покидает Питер на всю зиму и уезжает учиться в Вену. Я выразил сожаление, но очень не огорчился: для меня духовная связь была теперь важнее, чем товарищеские встречи. В разговорах о Вене прошёл путь до его дома. Завтра я с Лидой и Зоей еду на несколько дней в Териоки. Решили ехать всей компанией с Борей.

Удовлетворённый, я вернулся домой. Было почти три часа.

24 августа

Я сплю обыкновенно хорошо. Сегодня после всех вчерашних треволнений, хуже, чем всегда. Утром купил газеты, но рецензия была в одном «Петербургском листке» - и хвалят, и ругают.

Прогулялся по чудесной погоде в Таврическом саду. С удовольствием написал Нине Мещерской подробное письмо о вчерашнем выступлении. Заехал на автомобиле за Лидой и Зоей и повёз их на Финляндский вокзал. Был уже четвёртый час, вышли вечерние газеты и мы в автомобиле просматривали рецензии. На вокзале к нам присоединился Борюся. Между нами ещё не установилась простота отношений, хотя мы и оказывали друг другу предупредительность во всём.

Вечером в Териоках гуляли всею компанией.

25 августа

У Карнеевых всегда спят без конца, а потому пили кофе только в одиннадцать. Выйдя на улицу, увидели мужа захаровской сестры, который закричал, что в «Речи» замечательная про меня рецензия. Мы отправились на вокзал покупать газеты, где встретились с Борисом, пришедшим встречать Мясковского. Мясковский надул, а мы принялись за чтение многочисленных отзывов о Концерте. В «Речи» Каратыгин расхвалил со свойственным ему темпераментом. В «Петербургской газете» смешной юмористический фельетон, очень мне понравившийся. Очень забавно было коллективное чтение немецкой газеты, где Лида и Зоя были авторитетными переводчицами в качестве бывших учениц Peterschule, но они отвечали, что понимать-то понимают, но дословно перевести не могут. Шли домой

шумной компанией. Встретили семью Алперс, проживающую в Териоках. Я раскланялся.

Днём играли в крокет у Захаровых и пили у них чай. Итак, я опять на этой даче! Вся семья очень мила ко мне. особенно Луиза Алексеевна, жена старшего брата, которая, по-видимому, очень приветствует моё примирение с Борисом. Вечером были в кинематографе. Мы с Борисом навязали себе к ногам под брюки бубенчики, какие бывают у собак на ошейнике. Позвякивая в темноте кинематографического зала, мы громко выражали беспокойство, что собачку задавят в толпе. Часть публики сочувствовала, другая сердилась. Мы веселились.

26 августа

Утром по восхитительной погоде гуляли с Зоей до Коломяг, причём она заговорила меня всякими пустыми рассказами. Из Коломяг вернулись в поезде. В пять часов я уехал в Петербург, провожаемый Борей и обеими сёстрами. Заехал на 1-ю Роту, где меня ждало маленькое письмо от Нины. «Без вас здесь тихо и грустно...».

Вечером был у Мяскушки. «Бюро концертов Сергея Кусевипкого» прислало мне официальное приглашение выступить на общедоступном концерте шестнадцатого февраля с моим Первым Концертом. Это то, о чём говорил мне Кусевицкий, когда я был у него весною. А я думал, что Концерт мой будет иметь успех - и доступ моим сочинениям на концерты Кусевицкого открыт. Шикарно.

27 августа

Утром занимался на 1-й Роте и переделывал «Марш» для Ор.12. Этот марш написан лет пять тому назад, посвящен Моролёву и в своё время пользовался большим успехом под названием «моролёвского марша». Потом он заглох, а теперь я его случайно вспомнил в Гурзуфе. Марш имел снова успех. Сегодня, сделав для него пикантную гармонизацию и вставив один совсем недавно сочинённый эпизод, я получил совсем новую пьесу, очень мне нравящуюся. Я включу её в Ор.12 на место Этюда e-moll. который далеко ещё не готов.

В шесть часов я был у Мясковского, который вызвал меня по телефону по случаю неожиданного приезда из Москвы Сараджева. По их желанию я взял с собою «Маддалену» и 2-й Концерт. Особенно важно мне было сыграть «Маддалену». Сараджев - главный дирижёр Свободного театра и, хотя Мясковский и Держановский оказывали всякое давление, всё же постановка оперы зависела, главным образом, от Сараджева.

«Маддалена» произвела на него впечатление, хотя многого он не понял. Но вокальная сторона его оттолкнула. Я возражал, что на вокальную сторону смотреть нечего, - она сплошь будет переделана. Концерт ему очень понравился. Возвращаясь от Мясковского, Сараджев нежно взял меня под руку и предлагал мне место помощника дирижёра в Свободном театре. Я, не отказываясь и не соглашаясь, только осведомился, сколько будет работы.

- Это трудно точно сказать...

- Но всё-таки: три, шесть или десять часов в день?

Если даже шесть, то и это много, потому что будет отзываться на моей композиторской работе. Оказалось, что, пожалуй, и шесть часов.

В журнале «Музыка» есть отдел, где даются отзывы о всех выходящих из печати новинках. Отзывы пишут Мясковский, Карагичев, Сараджев и другие. Теперь Держановский прислал мне через Мясковского сочинения Сабанеева для отзыва. Страшно пикантно: того самого Сабанеева, который меня систематически

испепелял в своих рецензиях после каждого моего московского выступления!

28 августа

Занимался то на 1-й Роте, то на Сергиевской. Докончил «Марш», играл классиков, уча для Есиповой, и рассматривал сочинения Сабанеева и ещё какого-то молодого автора Станчинского. Про Станчинского уже готов отзыв, в Сабанееве же надо ещё поразобраться; вообще, ввиду особенных отношений, быть осмотрительным.

В шесть часов поехал к Володе Дешевову, но не застал его дома. Прождав его полтора часа, вернулся в Петербург.

29 августа

С утренним курьерским поездом я обещал вместе с Мясковским приехать в Териоки. Но Мясковский не мог ехать из-за присутствия Сараджева, а против моей поездки восставал проливной дождь и безнадёжно серое небо. Однако в Петербурге сидеть было скучно, я напялил швейцарский костюм и поехал. На вокзале со скандалом достал билет и за две минуты поспел к поезду. Погода между тем разгуливалась и, когда я час спустя выходил на териокскую платформу, сияло солнце.

Меня встретили Лида, Зоя и Боря, мы сели на двух извозчиков и, обгоняя друг друга, покатили на дачу. Час спустя к Захаровым приехали сёстры Ганзен и мы, соединившись вместе (я гостил у Карнеевых), совершили по великолепной погоде большую, весёлую прогулку. Вечером нарядились кавалеры в дамские костюмы, а дамы в кавалерские. Лида в моём швейцарском костюме выглядела хорошеньким мальчишкой, я её называл Дорианом Греем. Тиля Ганзен и Зоя, особенно Зоя, были удачными гимназистами. Боря - шикарной дамой с бюстом. Я выглядел легкомысленной особой: лицо было накрашено и напудрено, на голове большая шляпа. Гуляли всей толпой по морю, ошарашивая встречных. Танцевали в захаровском зале, причём новоиспечённые кавалеры приглашали новоиспечённых дам. Там же ужинали, потом играли в petits jeux. Захаровы оказывали мне много внимания.

30 августа

Утром я и Зоя совершили длинную прогулку по берегу моря до самого Тюрсева. А меня тянуло в эту сторону, ибо Нинина «Америка» обитала где-то здесь. И действительно, на ободранной жестянке я прочёл: «Дача Зайцева». Чёрт.

Обратно мы вернулись на извозчике, совершив в сущности отличную прогулку. Днём собрались все у Захаровых и пошли на море. Луиза Алексеевна снимала всех и непременно хотела снять меня вместе с Борисом. Я снялся с очень весёлым видом, облокотясь ему на плечо. Должно быть, забавно выйдет и другой снимок: Боря, Зоя, Лида и я, щёлкнутый в тот момент, когда мы спорили, размахивая руками, о том, какие принять позы.

Сидели у моря на песочке и опять гуляли далеко на берегу. Мы с Зоей вновь дошли до зайцевской дачи и даже на версту дальше. У Лёвки талант поэта-юмориста. Сегодня он читал мне довольно забавные и злые стихи на меня, Борю и Жоржа.

Раскладывали гурзуфский пасьянс, которому я здесь научил Лиду и Зою. Я много болтал про «Фяку».

Вечером вернулся в Петербург.

31 августа

Утром занимался на 1-й Роте. В час поехал к Каратыгину взять партитуру Концерта, которую он забрал смотреть сейчас же после исполнения. Каратыгин просил меня прийти к нему во вторник, говоря, что Нурок, Нувель и другие хотели ещё раз послушать мой Концерт. Собирается и Зилоти. Ого, и Зилоти!... Забрав партитуру, поехал к Колечке, с которым просмотрел её и карандашом отметил некоторые лёгкие переделки в инструментовке.

К семи часам поехал в Царское к Володе Дешевову. Он ждал меня в своей славненькой отдельной квартирке. Нашу компанию дополняли два симпатичных молодых человека: брат Серёжа, нервный господин, и кузен. Приходили также Бородины, знакомые Рузских и потомки композитора. Володя не без таланта рассказывал страшные истории и очень бил нас по нервам. До десятого он занят, готовясь к экзамену фуги, а после десятого мы возобновим наше знакомство. Расхваливает мой Концерт и находит, что я нашёл, как следует сочинять, он же безуспешно ищет.

На обратном пути в вагоне столкнулся с Аслановым.

- Ну, голубчик, такая про вас в «Театре и искусстве» рецензия, что шапки долой!

Он последовал этому рецепту и был всю дорогу страшно любезен, видимо, торжествуя, что в Павловске он дал такую новинку, которая наделала шуму.

1 сентября

На мой вопрос, какое впечатление на Сараджева произвела «Маддалена», Мясковский сказал, что говорил об этом с Сараджевым и тот ответил, что считает её постановку возможной.

Сегодня я с большим увлечением принялся за переделку оперы, начав с третьей сцены, наиболее мне симпатичной. Дело идёт хорошо. Проработав полдня, сделал полсцены. Вечером хотел пойти к Рузским, звонился к ним, но никто на телефон не отвечал: либо квартира ещё пустая, либо телефон сломан. Сидел дома и догонял запоздавший дневник. Написал семнадцать страниц. Звонил к Умненькой и много с нею разговаривал. Но от прогулки по хорошей погоде - отказалась, приведя кучу причин.

2 сентября

Сегодня вернулись из Гурзуфа Мещерские. Я постарался одеться поэлегантней и, странное дело, даже волновался, идя их встречать.

Нашёл, что шикарно опоздать к самому приходу поезда и прийти на четыре минуты позднее, но поезд опоздал на двадцать минут и мне пришлось ждать на платформе. На платформе было человек восемь, среди них сам Мещерский, Серж и... Зайцев. В шикарном светло-коричневом английском пальто, однако очень не шедшем ни к костюму, ни к шляпе. Мы любезно поздоровались. Я весело болтал с Сержем, иногда обращаясь и к Зайцеву, причём он несколько раз вставлял:

- Вот и в моё время в Гурзуфе...

Запоздавший поезд медленно подошёл к платформе. Первая выскочила маленькая Нина и обняла папочку.

- Здравствуйте, осьминог, - сказала она, протягивая мне руку.

За ней появились Таля. Вера Николаевна с Мушкой и Евдокия Сильвестровна. Описывать продолжение довольно трудно, потому что все одновременно разговаривали между собой, каждый каждому сообщая свои новости. О моём концерте знают все подробности, получив от разных знакомых все рецензии, даже

такие, каких у меня нет, а кроме того, подробное описание очевидца. Я не особенно лез к Нине, потому что боялся, что ей интереснее с Зайцевым. Но в результате я болтал с ней больше всех и только когда я ушёл справиться о багаже, к ней прилип Зайцев.

Шикарно иметь собственный дом, квартиру в два этажа и останавливаться в гостинице. Но так поступили Мещерские, которые по случаю неопределённости квартиры решили остановиться в «Астории», новой, самой шикарной гостинице. Пригласив всех вечером, они сели в автомобиль и уехали. Я взял такси и поехал в Консерваторию.

Приехав в Консерваторию, я нашёл там густую толпу - всё по большей части экзаменующиеся новички. Подано прошений около восьмисот. Интересно посмотреть на новые лица. Встретил нескольких знакомых, до которых уже дошли слухи о моём павловском выступлении. Забавно: те, которые прочли рецензии в «Дне» или «Новом времени», словом там, где меня выругали, стараются или умолчать, или же подбодрить и утешить; те же, которые прочли в «Речи» - хвалят, восхищаются и поздравляют.

Походив немножко по Консерватории, я отправился на 1-ю Роту продолжать переделку «Маддалены», но сегодня не было настроения и я ничего не сделал.

Колебался, идти вечером к Мещерским или нет. Опять этот Зайцев - и если Нина будет с ним, то я получу мало удовольствия. Благо Андреевы просили позвонить им о приезде Мещерских и хотели навестить их, то я решил спросить Андреевых, не пойдут ли они в «Асторию» сегодня, и если да, то примкнуть к ним. Присутствие союзников помогло бы мне и атаковать, и защищаться. Андреевы объявили, что вечером идут к Мещерским, а я, соврав, что в восемь часов у меня дело как раз рядом с ними, пообещал зайти за ними, чему милые Андреевы очень обрадовались.

Сказано - сделано. В восемь часов я был у них, и мы весёлою компанией двинулись в путь. Сели втроём на извозчика, причём я уселся на корточки, как бы на несуществующей скамеечке, и со смехом приехали в «Асторию». Мещерские занимали номер в несколько комнат с окнами на Морскую, и на Исаакия, и на памятник. Удивительно, что я попал как раз в тот номер, который мечтал когда-нибудь занимать Макс! Мы застали Мещерских заканчивающими запоздалый обед. Несколько непримечательных гостей. Зайцев с матерью пришёл на полчаса позднее. Разговор шёл оживлённый, вертясь вокруг моего Концерта, гурзуфской жизни и вокруг лондонского и парижского путешествия. Андреевы и я были центром. Нина, к которой я обращался мало, несколько раз задавала мне всякие вопросы, называя меня Серёжей. Когда пришёл Зайцев и все перешли в соседнюю комнату, я с Ниной остался в той, где убирали обед. Нина рассказывала, что делалось в Гурзуфе. Потом мы вошли в общую комнату и Нина села около меня, продолжая оживлённо разговаривать.

- А что делает «Куоккала»? - спросила она.

Я ответил, что ещё ни разу не видел её.

- А «Америка» трещит по всем швам! - сказала Нина.

Зайцев сидел тут же, но, видимо, не знал, кто «Америка».

Словом, Нина привела меня в отличное расположение. За чаем в столовой не было места. Мы с ней сидели в передней на сундуке и ели арбуз.

Мы возвращаемся в столовую. Я сажусь на ручку кресла Анны Григорьевны. Она кормит меня грушей. Нина сидит рядом с Зайцевым, но разговаривает со мной. Андреевы встают уходить домой. Я с ними. Все провожают нас. На прощанье Нина говорит мне:

- Я непременно узнаю, можно ли в отеле играть на биллиарде, тогда я вам позвоню.

Спускаясь по лестнице, Анна Григорьевна говорит:

-Ниночка похорошела: глазки такие...

-Я ей всегда говорю, что у неё самое красивое - клыки, - прибавляю я.

В пятницу зовёт меня к себе: будет Захаров, обещали приехать также Мещерские. Интересная комбинация: Мещерские - Захаров!

3 сентября

Утро ушло на встречу Раевских, на ожидание опоздавшего поезда, возню с багажом и прочее.

Приехав на 1-ю Роту, я едва собрался заниматься, как пришёл консерваторский сторож и доложил, что директор просит меня прийти поаккомпанировать на экзамене. Меня это заинтересовало, я зашёл на Царскосельский вокзал, где всё это время завтракаю, и, позавтракав, поехал в Консерваторию. Опять тучи народу. Экзамен - для поступающих на пение. Мне почти нечего было делать, посмотреть же на бедных, захлёбывающихся от волнения девочек, было любопытно.

Появился Черепнин и увёл меня, со смехом заявляя:

- Я к вам иск в двенадцать рублей предъявлю. Говорили, что будете в Гурзуфе, я приехал туда и не нашёл вас!

Оказывается, случилось это уже после моего отъезда.

С Черепниным мы с большим удовольствием проразговаривали около часу. Из консерваторских новостей - он остаётся ещё на год, а в класс к нам поступает новый ученик, говорит, что образованный музыкант. Тут же его представили: лет тридцать, в пенсне, чёрный, весьма несуразный. Фамилию не запомнил.

Затем я пошёл к «Александру», прогулялся мимо «Астории», у «Александра» отдал чинить палку Макса, а напротив, в фотографии - увеличить его портрет: на стену в мою комнату. У Раевских много болтал с Катей, которая меня очень любит и всегда крайне кокетливо ведёт разговор. Показывал ей гурзуфские фотографии, ей очень нравятся барышни Мещерские. Разговаривали про Гурзуф, где она была год назад - и мне это доставляло удовольствие. От клетчатых брюк пришла в ужас.

Вечером поехал к Каратыгину, где музыканты собрались слушать мой Концерт. Были: Нурок, Нувель, Черепнин. Браудо, Сенилов. Гнесин и много других, среди которых Тамочка Глебова. Я злопамятен и не замечал её. Зилоти не приехал, и вообще он возмущается уже при одном упоминании моего имени. Концерт имел шумный успех. Признают его самым интересным событием последнего времени. Считают меня новейшим классиком.

Черепнин:

- Вот Нурок всю жизнь старался для новой музыки... Бог-то всё видит: вот он ему на старость и подарил Прокофьева!

Арфный прелюд и Ннночкин «Ригодон» имеют шумный успех, особенно последний. «Какой свежий! Какая превосходная ритмика!»

4 сентября

Сплю я хорошо, но в последнее время начал рано просыпаться: семь-восемь часов утра - и я спать больше не хочу. Спать в сутки шесть-семь часов слишком мало. Я уж и так нервен до чёрта.

С утра сидел на 1-й Роте и переделывал «Маддалену». Работа увлекла. Только полтретьего вспомнил, что надо сходить на Царскосельский позавтракать. После завтрака продолжал занятия. Клеилось похуже. Ждал звонка от Фяки с предложением партии в биллиард. Но Фяка молчит.

Вечером поехал к Рузским, которые три дня, как приехали: Николай Павлович

очарователен, Таня и Ира побелели и порозовели. Я был любезен с барышнями. С Таней мы почти не разговаривали, с Ирой - много. Относительно её цвета лица я сказал, что она из лимона превратилась в яблоко.

Спал ночью хорошо.

5 сентября

Опять «Маддалена». После оживлённой работы я сделал третью сцену. Звонил Мясковскому, спрашивая, дома ли он сегодня вечером. Хотел показать ему переделанную сцену, а также рецензию на сочинения Сабанеева, которую я наконец написал. Написал по совести - строго и определённо. В шесть часов пошёл пешком на Сергиевскую. Очень хотелось, чтобы позвонила Нина, ужасно хотелось, но Нина - штучка, не дождёшься.

Так как Мяскушка сегодня вечером в гостях, то идти к нему нельзя. Думал я, куда бы деться вечером, но не придумал. Употребил вечер на писание гурзуфского дневника по тем наброскам, которые я делал каждый день в Гурзуфе. Благо тут фигурировала Фяка, это писание доставило мне удовольствие.

У меня новая манера, очень хорошая: когда садишься что-нибудь делать, то делать, ни на минуту не отрываясь. Я убедил себя, что отрываться ни к чему, надо работать не поднимая головы, тогда дело будет сделано скорей и для того же развлечения остаётся больше времени.

6 сентября

Сегодня вечером у Андреевых: Мещерские и Захаров. Проснувшись утром я уже был доволен предстоящим вечером.

От мамы письмо, что возвращается завтра.

Сидел на 1-й Роте и делал вторую сцену. В первой её половине - почти всё заново. Я крайне увлечён «Маддаленой». Успех моего Концерта придаёт мне много сил.

Когда устал работать, читал письма Макса ко мне и мои к нему.

Это был редкий, несравненный для меня друг! Залогом крепости нашей дружбы было то обстоятельство, что Макс всё время мне нравился, его качества были близки моей душе, он отвечал на мои душевные потребности и был близок мне, как никто. Его нет. Мною овладела печаль. Но гнал её и гнал мысль о Максе. Старого не вернуть - зачем же ныть зря?

Пообедав на Сергиевской, постригшись и побрившись, я с чрезвычайной приятностью поехал к Андреевым. В гостиной сидели супруги Андреевы, его брат и Борис Захаров. Приятная встреча, я передаю письмо, которое лежало у швейцара, присаживаюсь к раскрытому ломберному столу, предлагая Николаю Васильевичу успеть сыграть в «66», пока не начался бридж. В это время звонят и через открытую в переднюю дверь видно, как там появляются Таля и Нина.

- Осьминоги приехали!! - радостно кричу я, но сейчас же приходится извиниться за свои слова, потому что за дочками входят и родители. Вера Николаевна сразу садится за карточный стол. Николай Васильевич развёртывает карты веером и организует бридж, привлекая ещё к участию Мещерского и Захарова. Я удивлён, что Захаров умеет играть в бридж. Вера Николаевна кричит:

- Пока мы не начали, пусть Прокофьев нам сыграет что-нибудь! Я давно не слыхала его. Сергей Сергеевич, Нинин «Ригодон»!

- Я отнимаю у неё посвящение. Когда я Нине сьпрал «Ригодон», она сказала, что это дрянь. А на днях я играл его в кружке музыкантов и там мне сказали, что это великолепная вещь.

Нина:

- Вы знаете, вы очень похорошели.
- Как же, я ведь только что из парикмахерской.
- Нет, я серьёзно. Очень заметно даже сравнительно с Гурзуфом.

Затем она рассказывает, как она сегодня изводила одного типа, описывая ему наше летнее времяпрепровождение и цитируя ему мои слова, что приятнее всего целовать в переносицу, особенно со сросшимися бровями, как у неё. Словом, тип извёлся, а меня ненавидит всеми фибрами. Далее оказалось, что «Америка» трещит, а через некоторое время, что, кажется, с «Америкой» всё скоро кончится в благоприятном смысле.

Мы вернулись в гостиную. Захаров кончил бридж и, распростившись, ушёл. Я его проводил в переднюю, спрашивая, не намерен ли он до отъезда провести вечерок у Колечки. Он ответил, что все вечера его разобраны, но что он постарается устроиться и позвонит мне. Я сказал, что сыграю «Маддалену»; он выразил живейший интерес её послушать.

Вечер пролетел очень быстро. Мещерские предложили подвезти меня и взяли в свой великолепный автомобиль. Мещерский сел с шофёром, а я рядом с Ниной. Все высадились в «Астории», а меня велели отвезти на Сергиевскую. Я вылез из середины и сел с шофёром. Осьминоги смеялись, видя мою фигуру в их автомобиле, и махали мне руками.

7 сентября

Утром пришла от мамы телеграмма, что она приедет только двенадцатого, а потому я поспешил на Николаевский вокзал бросить в десятичасовой кисловодский поезд письмо; я давно не писал маме. На вокзале потерял мою парижскую палку; хорошая была палка, элегантная, двадцать франков заплатил, но.... я не пожалел: после Зайцевской змейки, моя хорошенькая палка была дегутантна[84]. Взамен её сегодня из магазина я получил починенную там «заветную» палку Макса.

Приехав домой, увлекательно работал над «Маддаленой» и много сделал во второй сцене. Нинка не звонила, этакая дрянь, хоть и обещала. На обратном пути заходил к Мяскушке и показывал ему мои отзывы о сочинениях Станчинского и Л.Сабанеева. Первый он похвалил, второй нашёл очень резким и потребовал в нём смягчающих переделок.

Вечером я хотел было навестить Лиду Карнееву, с которой несколько дней назад был сердечный припадок, но оказалось, что она уже совсем поправилась и уехала в гости к Ганзенам, где будет и Захаров. Таким образом я оказался с незанятым вечером. Употребил его на доканчивание гурзуфского дневника и на исправление Сабанеевской рецензии. И то и другое кончил.

8 сентября

Чудесная осенняя погода, холодный солнечный день. Пешком пришёл на 1-ю Роту и погрузился в «Маддалену». Работа шла, по обыкновению, успешно и вторая сцена почти готова.

Я получил, наконец, корректуру 2-й Сонаты. Ах, какая прелесть моя сонатка! Как мило выглядит и как её приятно играть. Проиграть всю её по корректуре доставило мне одно из самых больших удовольствий последних дней. Вот удобный фортепианный стиль без всяких сабанеевских ползаний по всей клавиатуре и ритмических самодурств!

[84] Отвратительна, от dégoûtant (фр).

Затем по хорошей погоде прошёл по Вознесенскому, Морской («Астория»), Невскому, Литейному и Кирочной на Сергиевскую.

В восемь часов мне позвонила Нина. Они в автомобиле ездили в Царское и выбирали себе на зиму дачу. Спросила, что я делаю вечером. Я отвечал:

- Ничего, вероятно, корректуру.

Я не был против провести вечер у них, но Нина ничего не сказала. Долго нам говорить не дали, потому что она там мешала заниматься отцу. Проклятая девчонка. Она мне нравится; я совсем не влюблён, но эта манера дёргать направо и налево крайне задирательна.

Вечер я провёл в шахматном клубе, где не был давно. Народу по случаю воскресенья мало. Играл с сильным Гельбаком. Провозились мы около трёх часов. Я едва не выиграл, но... проиграл.

9 сентября

Приехав на 1-ю Роту, кончил вторую сцену, но пришлось сейчас же уехать на Смоленское кладбище, где по тёте Тане, по случаю годовщины смерти, была панихида. В час я был в Консерватории, чтобы узнать, что в ней делается хорошенького и как занятия. Много встреч. Черепнин потащил меня к себе завтракать и объяснял план занятий. В дирижёрском классе четверо: я старший, Цыбин почти старший, Дранишников и... дай Бог памяти... Штриммер - младшие. Гаук, Соловьёв. Крейслер остаются на правах «причисленных чиновников» без жалованья. То, что в программе малого оркестра много Баха, Генделя и Глюка, очень радует меня. А то Гайдн, Моцарт и Бетховен первого периода надоели.

От Наташи Гончаровой нежное письмо после трёх месяцев молчания. Завтра приезжает в Петербург. Позвонил Нине в «Асторию». Поговорили о том, о сём, о том, что они всё же на два месяца едут заграницу. Это приводит Нину в отчаяние.

Уговорились, что послезавтра она мне позвонит и на том простились.

Пообедал я пораньше, чтобы в семь часов быть уже у Мяскуши, к которому обещал прийти Захаров. Но Захаров позвонил, что должен надуть. Это в порядке вещей и не удивило ни Мясковского, ни меня. Я сыграл Колечке вторую и третью сцену «Маддалены». Новая редакция заслужила похвалу: «Отлично сделано. Я начинаю завидовать вашим гармониям». Я намекнул об инструментовке. Мясковский возражает, что её никто, кроме автора, не может сделать. Я патетически восклицаю, что бедная опера обречена на лежание под спудом, потому что автору никогда не успеть её сынструментовать.

Молчание. Мясковский:

- А интересная задача - инструментовать такую вещь! Если бы после вашей смерти «Маддалена» осталась неоркестрованной, то я уж, конечно, сделал бы партитуру.

- Голубчик, дайте револьвер, я сейчас застрелюсь, возьмитесь только за «Маддалену»!

Смеётся.

10 сентября

Прогулка пешком на 1-ю Роту. Так как я целую неделю горячо занимался «Маддаленой», то сегодня не хотелось её делать. На столе лежала корректура милой сонатки и я с наслаждением принялся за неё. проработав до двух часов.

В полтретьего я позвонил Умненькой и после долгого и скучного упрашивания встретился с ней у Консерватории. Отправились гулять. Всё шло отлично, погода была хорошая, Лидочка говорила, что соскучилась по мне. Но на набережной, у

пристани финляндских пароходиков, случился разрыв. Я хотел во чтобы то ни стало сесть на пароходик - она не хотела. Никто не приводил доводов. Кончилось тем, что я остался внизу на пристани, а она пошла по набережной назад.

Что-ж, до свидания. Вы мне разонравились, Лидия Ивановна...

Домой я вернулся один, конечно, не особенно довольный. Доканчивал корректуру, ласково болтал по телефону с вернувшейся в Петербург Наташей Гончаровой.

Вечером был в «Соколе» и с большим удовольствием делал гимнастику. В эту зиму я буду исправно посещать «Сокол», он приносит много здоровья.

11 сентября

Прийдя на 1-ю Роту занимался «Мазуркой» для Ор.12, Вспоминал её, записывал, отделывал, переделывал.

В три часа позвонила Фяка. Я ждал этого звонка и обрадовался, когда она позвонила.

-Серёжа, приходите к нам, пойдём гулять: Таля, вы, один правовед и я. Правовед поведёт Талю, а вы меня.

Я ответил «да» и пришёл в «Асторию».

Гуляли по набережной и Каменноостровскому. Я болтал с Ниной обо всём. Она говорит, что, проснувшись однажды ночью, она увидела в душе своей пропасть, в сердце тоже пустота.

Потому так охотно кокетничает и с «Америкой», и со мной. Но прогулка была приятна и Фяка крайне любезна моему сердцу.

Вечером навещал Карнеевых. Они переехали на новую, очень хорошую квартиру. Девочки справлялись у Бориса, что за такая Фяка. Он ответил, что маленькая, чёрная, некрасивая и постоянно кричит: «Серёжа!». С Лидой и Зоей у меня разговор о том, действительно ли у Бориса пробивается лысина? Когда я недели две назад в первый раз заметил на его голове проблески лысины, на меня это произвело печальное впечатление. А у Лёвки уже готово сатирическое стихотворение, в котором блещет такая рифма:

...орёл иль решка,
Будет, нет ли,
плешка?

В половину одиннадцатого неожиданно пришёл Боря. Болтали все вместе, потом у него с Лидой оказалось какое-то важное дело и они просидели отдельно целый час. Вышел на улицу с ним вместе. Оба были крайне любезны друг к другу, но какая-то стенка натянутости разделяла нас. И эту стенку делает он. Странный характер!

12 сентября

Сидел на 1-й Роте и доделывал «Мазурку». В час пошёл в Консерваторию, отчасти чтобы прогуляться, отчасти чтобы взять в библиотеке партитуру для черепнинского класса. У подъезда встретил Голубовскую. Она сказала:

- Вот странная встреча. Я только что играла ваши сочинения, Ор.3. И в полчаса выучила «Марш». Мне их дала одна ваша поклонница, которая в восторге от вашего павловского концерта.

Поклонница тут же подвернулась и я выслушал несколько комплиментов, но физиономии её не запомнил. Выйдя из Консерватории, встретил Штеймана. С удовольствием вспомнили Лондон. Штейман после моего отъезда ещё полтора

месяца проскучал там и жалел, что не знал о моей поездке по Швейцарии, а то бы присоединился. И я жалею. У нас с ним два сходства: 1) оба любим путешествовать: 2) оба тоскуем, путешествуя в одиночестве.

Перед обедом заезжал к Мяскушке и отдал ему новую редакцию «Мазурки».

- А «Маддалена»? - спросил он.

- Лежит. Бросил. Всё равно ей быть неинструментованной!

- Напрасно вы так думаете. А я себе уже и время освободил.

- Быть не может?! - радостно воскликнул я и поспешил уйти, так как отрывал его от обеда.

В восемь часов вечера с кисловодским курьерским приехала мама. Тётя Катя, Катечка и я её встречали. Мама набралась сил и выглядела очень, очень бодрой. Я рад за неё. Все сели в мотор и поехали к нам. В десять часов тётя и кузина уехали, а я с мамой прорассказывали друг другу до полпервого ночи.

13 сентября

С утра перекладывал для фортепиано фаготное скерцо[85]. Собственно говоря, переложение сводится к переписке с четырёх строчек на две, но работа кропотливая и я не кончил. Зато неожиданно прикончил скерцо Володи Дешевова[86], которое долго стояло на мёртвой точке. Я рад, что сдвинул его, и не только сдвинул, но и завершил.

Так как мама привезла шикарные сухумские груши и яблоки, то по традиции предыдущих годов надо было поднести их Есиповой. Она уже давно в Петербурге, но страдает бронхитом и не выходит. Я отправился в пять часов к ней с визитом, она не приняла. Оставил ей карточку и фрукты. Боже мой, я в этом году кончаю, а я почти с марта не ударил для её уроков пальца о палец! От Есиповой я прогулялся по Морской и Невскому и вернулся домой.

Вечером в «Соколе» делал гимнастику. С непривычки устал страх как.

14 сентября

Сделал оркестровую интермедию, соединяющую в «Маддалене» третью и четвёртую сцену. Доволен. А то прежде этот кусок был совсем иной и притом неудачный.

Предложил Зое исполнить проект, задуманный во время териокской прогулки к даче Зайцева: сделать прогулку в двадцать пять вёрст. Зоя согласилась и в 12 часов 49 минут мы вышли, держа путь в Юкки. Мы прошли пару улиц по Выборгской стороне, пересекли полотно Финляндской дороги, немного сбились с пути, несмотря на мою карту, но всё же сносно добрались до Лесного, подойдя к нему с юго-восточной стороны. Далее мы, оставив по левой руке Удельную, безостановочно дошли до Поклонной горы, с которой открылся вид на Озерки. Заблистали озёра, мы же шли дальше и дальше, теперь по Выборгскому шоссе. Около четырёх часов, после трёхчасовой безостановочной ходьбы, мы сделали лёгкий привал в Первом Парголове. Был свежий и ясный осенний день. Купив открыток, яблок, шоколаду, мы сели в привязанную к купальне лодочку и передохнули. Собственно мы почти не устали, были лишь более вялыми, чем при выходе. Зойка только жаловалась, что туфля начинает стирать ногу, но сама Зойка выглядела бодрой, румяной и хорошенькой.

Когда я с Лёвой в Териоках играл в шахматы, то делая какой-то ход,

[85] Юмористическое скерцо для 4-х фаготов, (Op.12b).

[86] Десять пьес для фортепиано. №10 - Скерцо (Op.12).

нравоучительно заметил:

- Так играл Ласкер и Тарраш.

- А вот так играли Бойль и Мариотт, - не смущаясь ответил Лёвка.

Мне было очень смешно; в тот же вечер, гуляя с Зоей, мы всё время называли себя Бойлем и Мариоттом.

Теперь, отдыхая в лодке, мы написали несколько открыток (Боре, Лиде, Зоре и я Фяке), где подписывались: Зоя - Бойлем, я - Мариоттом. Открытка Нине была адресована: «Петербург. «Астория». №217. Фяке». Текст: «Бойль и Мариотт благополучно пришли в Парголово после трёх часов десяти минут ходьбы. Отправляются дальше (в Юкки). Сообщение СПБ телеграфного агентства». На другой стороне вид Парголова, внизу нарисованы идущие Бойль и Мариотт. Вверху написан разговор:

- Любезный Бойль, - сказал Мариотт, - я вижу уже вдали Юкки.

- О да, мой друг Мариотт, - ответил Бойль, - и мы нисколько не устали.

Мы отправились дальше. Путь от Парголова до Юкков довольно сбивчив вследствие вьющихся дорожек и тропинок, но Бог нам послал девочку-попутчицу и мы дошли без труда. В седьмом часу мы, бодрые и весёлые, стояли в Юкках у горы, с которой зимой так славно летят вниз на саночках. Темнело и холодело. Взяли извозчика и с наступлением тьмы приехали в Левашово. Прождав около часа поезда, мы сели в уютный первый класс и вернулись в Петербург, причём бодрый Бойль поехал ещё в гости, а Мариотт вернулся домой, поел, принял ванну и завалился спать.

В этот день год назад Макс, Лида, Зоя и я ездили в автомобиле в Красное Село. Вечером Макс пришёл ко мне на Бронницкую. Мама была в Сухуме. Мы затопили камин, придвинули два мягких глубоких кресла и утонули в них против огонька. Притащили груш, бананов, ликёрных конфет и кейфовали. Макс курил сигару. Звонили по телефону знакомым и сочиняли Жёлтую книгу. Этот вечер был так приятен, что на другой день мы его повторили, потом опять и опять, собираясь так на Бронницкой почти каждый вечер до конца сентября, до маминого приезда.

Во мне очень живо воспоминание об уютных «Вечерах на Бронницкой близ камина».

15 сентября

Писал дневник, играл «Скерцо» из Ор.12, немного сонату Шумана для Анны Николаевны, говорил по телефону с Бойлем. Бойль бодр, хотя немного жалуется на сердце. Звонила Соня Эше. Мне было приятно с ней поболтать.

В пять часов надоело сидеть дома. Пешком пошёл к Каратыгину взять партитуру моего Концерта, а потом к Рузским обедать. Николай Павлович только что из Киева; Таня с Ирой только что в Киев. Вечер прошёл неособенно скучно. Колю обыграл десять раз в шахматы.

16 сентября

Звонил Боря Захаров, благодаря за открытку из Юкков и спрашивая, кто же был мой попутчик. Я объяснил и, прощаясь, заявил, что надеюсь повидаться с ним до отъезда.

Скоблил Концерт, делая намеченные с Мясковским поправки. Большею частью это пустяки, но со скоблением ужасная возня.

Завтра именины Веры Николаевны. Она говорила, что за венок я должен посвятить ей пьесу. Ладно. Начал сочинять, но к завтра готова не будет. Да и не надо, раз у них в номере нет рояля. Не знаю, подойдёт ли эта пьеса к шестнадцатому

опусу или к двенадцатому; если к двенадцатому, то вариации я выделю в отдельный опус и увеличу их количество, благо славная темка.

В час пошёл в Консерваторию спросить Глазунова, куда и когда послать партитуры Концертов при желании исполнить их в Беляевских концертах. Узнал. «Поклонница», с которой познакомила Голубовская, долго беседовала. Оказывается, она за три дня до моего павловского выступления сидела со мной рядом и заглядывала в партитуру 6-й симфонии Чайковского. Я это помню. Пообещал подарить ей «Отчаяние».

Анну Григорьевну Андрееву сделали профессором. Сегодня мама говорила с нею по телефону. Анна Григорьевна спрашивала, почему я давно не был. В семь часов у неё кончаются занятия и она каждый день рада меня видеть. Итак, в семь часов я пошёл её поздравлять и очень славно провёл время. А в девять Николай Васильевич, его брат и я двинулись в «Асторию». У Мещерских несколько человек гостей, среди них милый Романовский и Зайцев. Я рассмотрел Зайцева - он корявый. Я первое время чувствовал себя почему-то сердитым и не обращал на неё внимания. Не потому ли, что меня злил отъезд Мещерских заграницу с сентября до января? Сели в бридж. Мещерский любезно подходил то к одному столу, то к другому. Увидя запись, он спросил:

- Почему же вы Нинин проигрыш записываете против буквы «Ф»?

- Так это Нина и есть: Фяка.

- Вы говорите - Фяка?

- Фяка.

- Послушай, Нина... в таком случае сегодня утром тебе было письмо... Фяке... и я его отослал назад, сказал, что не нам...

Нина срывается с места... Я сообщаю, что это моя открытка из Юкков. Общий хохот. Зовут лакея и просят разыскать письмо. Вера Николаевна называет меня сумасшедшим человеком.

Я доказываю Алексею Павловичу, что «Фяка» отлично обрисовывает Нину, которая часто, когда недовольна, говорит «фя», т.е. фякает, а кроме того это похоже на бяку.

Бридж продолжается. Я осваиваюсь с ним. Таля кое-что соображает. Нина - мало, а когда подходит Вера Николаевна и начинает делать ей указания, то совсем теряется. Я смеюсь, говоря, что мне ужасно нравится оловянный взгляд Нины и полное отсутствие мысли в глазах... Нина изводится. Нина объявляет:

- Я люблю вас за то, что вы всегда такой весёлый. Борзой щенок.

- Не острите, ради Бога. Печально смотреть, когда острит и шутит умирающий!

- Почему же я умирающая?

- Для меня вы умираете, раз вы до января уезжаете заграницу.

17 сентября

Скоблил Концерт и сочинял вчерашнюю пьесу. Материал хороший.

В два - в Консерваторию - открытие дирижёрского класса. Собрались дирижёры и поддирижёры. Черепнин в длинной речи изложил нам наши обязанности, полномочия, программы малого оркестра, большого и оперного класса. В последнем в память столетия со дня рождения Верди в первую голову пойдут три картины «Фальстафа» и две - «Риголетто». «Фальстафом» дирижирую, как старший, я. Вообще Черепнин редкостно мил ко мне и я, по-видимому, слопаю в этом году все лучшие куски. После собеседования Черепнин долго со мною разговаривал.

Затем я визитировал «Асторию», поздравлял Веру Николаевну с именинами. Посвятил ей новую пьесу, а так как ноты не готовы, то дал Вере Николаевне

расписку в посвящении, написав на визитной карточке тему из этой пьесы. Пробыв у Мещерских пять минут, поехал к Коншиным. Будущим летом они снимают целый пароход и большой компанией плывут по Волге. Зовут меня. Мне это нравится. Затем поехал к Штемберям. Галдели, шумели, болтали. Почему не приехал в Дубрачек? Играл мои сочинения. Нравятся. Но исполнение моё не нравится. Я:

- Вот вы нападаете на моё исполнение, а посмотрите - во всех рецензиях упомянули, что я отличный пианист.

Папаша:

- Отчего же не хвалить? Вы играете... громко...

Вернулся домой, поздравлял по телефону Соню Эше. Провёл вечер в «Соколе». Сегодня маршировали под мой сокольский марш, который пользуется успехом.

18 сентября

Кончил сочинять вчерашнюю пьесу[87]. Мне она очень нравится. Хотел сесть её переписывать, но отложил и доскабливал Концерт. Играл сонату Шумана, готовя её Есиповой, и «Фальстафа» Верди, готовя Черепнину. Опера презабавная, отлично сделанная и, если бьггь нетребовательным, то с приятной музыкой. Дирижировать будет интересно.

Днём с мамой ездили купить мне запонки к именинам. Очень миленькие, из выродившегося рубина - розового кварца. Вернувшись домой, продолжал мои занятия, а в девять отправился к Карнеевым, у которых были, кроме меня, Захаров и капитан Барков. Захаров был на днях у Есиповой. Её приживалка Саша ездила на мой концерт в Павловск и сообщила ей, что я играл чёрт знает что, чёрт знает как, опозорил её класс, провалился и был ошикан. Анна Николаевна возмущена и на попытку Захарова восстановить истину ответила, что он напрасно собирается выгородить товарища. Ловко! Это пахнет тем, что не играть мне на экзамене моего любезного Концерта. Надо попросить моих друзей-профессоров (Черепнина, Медема, Николаева, Андрееву), чтобы они поздравили Есипову с моим успехом. А то выходит чёрт знает что.

19 сентября

Скоблил, скоблил и доскабливал Концерт, а в промежутках играл «Фальстафа», а то Черепнин просил блеснуть в назидание младшим ученикам.

В два решил пройтись в Консерваторию, да кстати повидать «друзей-профессоров» для защиты от Есиповой. Из профессоров никого не видал, зато долго болтал с павловской поклонницей, Mlle Бушен. Она прожила два месяца в Гурзуфе и уехала оттуда незадолго до моего приезда. Это породило кучу воспоминаний о знакомых местах, а я весело рассказывал про гурзуфские развлечения. Мещерских она знает по теннису, хотя не знакома с ними. Проболтали мы довольно долго. Уходя, я встретил Серёжу Алперса, единственного члена семейства, с которым у меня приличные отношения. Серёжа перешёл к Блуменфельду, поступил в четвёртый научный класс и немого похорошел.

Вернувшись домой, позвонил Мещерским. Когда прислуга осведомилась, кого мне угодно, Талю или Нину, я ответил: Талю. Тале я сообщил о том, что получил от «компенсатора» письмо, что Есиповна выгоняет меня из класса, что Вере Николаевне вышла ужасающая пьеса, в которой руки играют в разных тонах. Посмеялись и распростились. Вечером хотел пойти к Андреевым, но они были не дома.

[87] Впоследствии - третий Сарказм (примечание автора).

Кончил скобление 2-го Концерта. Взял в руки партитуру первого и перелистал её. Я уже давно был недоволен инструментальным изложением Andante и оттого не посылал его до сих пор гравироваться, что надеялся его переделать. Но не приходила идея. Сегодня, когда я взял партитуру, мне вдруг совершенно ясно представилось, как надо переделать Andante, причём Andante принимало такую определённую и, главное, отчётливую форму, что я сейчас же с большим увлечением принялся за переработку и даже разволновался. В течение вечера Andante в новой редакции было готово, оставалось отделать и инструментовать.

Придётся усидчиво поработать, но оно будет готово к понедельнику, ко дню заседания комитета Беляевских концертов.

20 сентября

В течение утра отделал Andante и написал наброски. Вышло отлично. Инструментую.

В без четверти два пришёл в Консерваторию; с Черепниным проходили «Фальстафа». Живая и забавная опера. Профессорша арфы, госпожа Вальтер-Кюне, спрашивает, почему я не напишу что-нибудь для арфы. Я отвечаю, что у меня уже есть Прелюд, посвящённый её ученице. Mme Вальтер-Кюне просит принести Прелюд ей в класс и обещает исполнить его на ученическом вечере.

Вернувшись домой, продолжаю инструментовать.

Вечером с удовольствием делаю гимнастику в «Соколе» и играю «соколам» мой марш. Некрасивая «соколка» просит «брата Прокофьева» приходить на полчаса раньше и играть марш для «соколок».

21 сентября

Инструментую Andante. Так как по почте я уже опоздал посылать мои Концерты в «попечительский совет», то сегодня ходил туда (Николаевская, 50) и справлялся, можно ли прямо принести рукопись и сопровождаемое письмо в день заседания совета, т.е. послезавтра. Какая-то любезная дама, живущая в квартире, где заседает совет, сказала - можно, а комната совета такая солидная и уютная, что не страшно оставить в ней свои рукописи. Вернувшись домой, кончил Andante. Оба Концерта готовы предстать перед лицом совета. Но я мало надеюсь на успех: Глазунов мало сочувствует моим сочинениям, Лядов прямо считает меня вредным элементом, а председатель Арцыбушев - неопределённая величина того же лагеря.

Весной я начал читать роман «У последней черты» и оставил его на середине. Сегодня, взяв его там, где остановился, я прочёл сцену самоубийства Краузе. Сцена произвела гнетущее впечатление, а три цифры, написанные на полях книги как раз в том месте, навели на всякие размышления. Цифры 10-5-4 написаны рукою Макса и химическим карандашом, которого у него не было, но который лежал на моём столе. Макс накануне смерти, сидя у меня на диване, перелистывал эту книгу и пометки сделаны не иначе, как в этот день. Случайны ли эти цифры или они имели скрытый смысл?

Позвонил Нине Мещерской и заявил, что я желаю их видеть. Нина ответила, что они обедают у «Пивато», после чего собираются в кинематограф и зовут меня. Хотя я в кинематографе бываю только в провинции, в столице некогда, я быстро согласился и, пообедав дома, явился к «Пивату». Мещерские in corpore + Романовский занимали отдельный кабинет. Моё entré[88] было встречено радостным восклицанием, причём громче всех воскликнул сам Алексей Павлович (чему я

[88] Здесь - появление (фр).

удивился). Меня усадили и я завладел разговором, весело болтая обо всём.

Обед кончился. Два автомобиля ждало нас у подъезда. Я ехал с барышнями и с Алексеем Павловичем в большом автомобиле, Вера Николаевна с Романовским - в другом. Алексей Павлович мило смеялся, глядя как Нина сцепляется со мной за всякий пустяк. Приехали в кино и заняли ложу. Программа дрянь, но мы не скучали и весело смеялись между собой, а затем поехали есть арбуз в «Асторию».

22 сентября

Кончил Andante. Оба Концерта готовы. С удовольствием гляжу на них, какие они славные и толстенькие.

Приготовив Черепнину следующую картину из «Фальстафа» (первую из второго акта; у нас идут вторая из первого, и первая и вторая из второго), пошёл в Консерваторию, где Черепнин, несмотря на праздник, учинил занятия. Случайно роясь в кипе классных журналов, я открыл журнал Есиповой и к своему удивлению в полном списке класса не нашёл своей фамилии. Это меня задело. Ого, Есипиха так свирепа, что не ставит меня в список. На исключение из класса она имеет права ввиду моего выступления без разрешения. Из класса-то она меня не удалит, а учинить всякие неприятные переговоры может. Чтобы сразу всё выяснить, я вооружился добрым настроением и после черепнинского урока пошёл к Анне Николаевне. Я был крайне удивлён ласковой встречей и полным молчанием о павловском концерте. Тогда я сам навёл на эту тему разговор. Анна Николаевна поужасалась, но не очень, и спросила:

- Неужели вы думаете играть этот Концерт на экзамене?!

Ответь я «да» - и Концерт погиб бы, но я вовремя сдипломатизировал и сказал:

- Если вы не хотите, то я возьму какой-нибудь классический концерт...

Есипова этого нс ожидала. Я прибавил:

- За моим Концертом то преимущество, что он значительно труднее остальных, и я смогу показать в нём такую технику, какую другие не смогут показать в их концертах.

- Да, мне говорили, что он очень труден. Захаров защищал его и чуть не подрался с одной дамой...

Мы мирно распростились. Я играю по вторникам. От Есиповой я отправился прямо на Варшавский вокзал проводить Борю Захарова, уезжавшего в Вену. Его провожало довольно много народу: родственники, сёстры Карнеевы, сёстры Ганзен. На прощанье мы поцеловались. Мне приятно на него смотреть, но я не жалел, что он уезжает. После примирения создались какие-то непростые, неестественные отношения. Отъезд и переписка могли их сгладить.

Вечером заниматься не хотелось, мама уехала к Раевским, я оставался один - и пошёл к Колечке Мясковскому. Новая редакция Andante из 1-го Концерта была очень одобрена, Скерцо Володи Дешевова, которое я в первый раз играл Мяскуше сполна, - тоже («шикарная пьеса»). Выговор и сожаление, почему я не кончаю переделку четвёртой сцены «Маддалены».

23 сентября

Поиграл Есиповне, написал сопроводительное письмо к Концертам, уложил их в папку и собственноручно понёс в «попечительный совет». Дама, живущая в квартире, на двери которой красуется плакат «Попечительный совет для поощрения...» и прочее и прочее, сказала, что первое заседание не сегодня, а через неделю. Я всё равно решил оставить Концерты и, вручив их вместе с сопроводительным письмом даме, пошёл в Консерваторию.

Отдал Вальтер-Кюне мою арфную прелюдию. Та окинула её глазами и, кажется, осталась не очень довольна: слишком-де просто и легко. Я ответил, что на то и бил. Прелюдия была взята на дом для просмотра. Затем я встретил Клингман, растолстевшую и принявшую безобразный вид. Она рассказывала про популярность, которою пользуются мои сочинения в её родном Двинске. Оттуда только что поступили в Консерваторию четыре барышни и первым делом попросили показать им Прокофьева. Так как она меня там очень рекламирует, то я обещал ей 4% чистого дохода с моего двинского концерта. Встретил Mlle Бушен, подарил ей «Отчаяние»; к нам присоединилась Голубовская и мы проболтали, сидя на окне, около часа. А когда они похвастались, что любят далеко и много ходить, я предложил отправиться на Острова. В конце сентября, когда листва принимает ярко-жёлтую, красную и коричневую окраску, Острова делаются обаятельно прекрасными, глаз не оторвать. Я в прошлом году не был и теперь очень стремился. Барышни согласились. До Каменноостровского мы доехали в трамвае, а далее пошли пешком. У старинного театра ели бутерброды, которые нашлись у Голубовской в муфте, я же рассказывал об этом театре легенду, которую вычитал когда-то в «Огоньке». Затем мы, дойдя до Стрелки, досыта налюбовались красотами разноцветной листвы и косыми лучами заката. Устав и замёрзнув, вернулись домой. Чтобы согреться, я выпил две «фельдфебельских» рюмки рябиновки, в голове зашумело, я лёг, укрылся потеплей и заснул. В десятом часу ходил к милому доктору Богданову-Березовскому полечиться от моего хронического насморка.

24 сентября

В течение ночи мои часы почему-то опоздали на два часа и я, глядя на них проспал до двенадцатого часа. Когда выяснилось недоразумение, я поспешил засесть за «Фальстафа», дабы хоть немного приготовить последнюю картину для Черепнина. От двух до четырёх проходили её с Черепниным, а от четырёх до шести был первый класс ансамбля. Собрались Табель, Палечек, Черепнин, все дирижёры, много певцов и певиц из оперного класса. Черепнин и я проиграли все три картины «Фальстафа», Габель увлекался, пел и грохал ладошам по крышке рояля. Затем решали роли между певцами и распределяли, каких певцов отдать каким дирижёрам. Дело в том, что Черепнин ввёл с этого года новый способ разучивания опер в нашем классе. По этой системе певцы распределялись между учениками дирижёрского и поддирижёрского класса и они обязаны были приготовить с певцами партии. Черепнин распределил так: мне всех дам из «Фальстафа», Дранишникову - кавалеров; мне в помощники Гаука, Дранишникову - Штриммера; Цыбину - всё «Риголетто», помощник Крейслер. Мерси Черепнину, я вполне доволен, что получил всех дам!

Вернулся я домой усталым после четырёх часов занятий без перерыва. С удовольствием собирался отдохнуть в «Соколе». Как ни странно, а во время гимнастики отдыхаешь. Первое время делаю гимнастику невнимательно, но потом с большим удовольствием. После занятий «Сокола», собравшись вокруг пианино, поют мой марш. Вернувшись домой, звоню в «Асторию», но к телефону подходит Алексей Павлович и разговор сводится к тому, что они надеются скоро меня увидеть, а я надеюсь скоро к ним попасть.

25 сентября

Мои именины. Я объявил маме, что праздновать их не буду. Кто гости? Родственники? Благодарю вас!

Принялся за переделку четвёртой сцены «Маддалены», но много наработать не пришлось: в двенадцать часов приехала тётя Катя и мы с нею и мамой поехали на Новодевичье кладбище. Я всегда охотно езжу на папину могилу; сегодня, однако, было неприятно из-за холодного дождя и ветра.

Днём были родственники и мамины знакомые. Вообще день прошёл довольно глупо. Получил длинное письмо от Держановского со всякими интересными перспективами на ноябрьский концерт. Мне очень любопытно услышать «Балладу» в исполнении такого хвалёного виолончелиста, как Белоусов. Но чем меня обозлил Держемордскнй, это отказом напечатать мой отзыв о пьесах Сабанеева. Причина: отказ Сабанеева сотрудничать в «Музыке», если «Музыка» напечатает задевающую его статью. В ответ я хотел было отказаться от участия в ноябрьском концерте, а потом плюнул. Мой же отзыв о Станчинском вышел в предыдущем номере и я даже разволновался, когда читал его.

О моих именинах знают не все знакомые. Писем я получил всего несколько. «Любезный Бойль» прислал телеграмму. Лидка за какую-то дерзость злится и не поздравляет. Поздравляла по телефону Дамская и интриговала какой-то «чёрной блондинкой», которая влюблена в меня и которая мечтает поступить в оперный класс, чтобы быть ближе ко мне. Вечером играл по телефону с Голубовской в шахматы и влепил ей два мата. На другой день после «островской» прогулки она ночевала у «Шурика» (Бушен) и та будила её утром звуками моей «Сказки»...

26 сентября

Сегодня имел много времени для пересочинения «Маддалены» и сделал в четвёртой сцене порядочный кусок. Просматривал органную «Пассакалью» Баха, которая в чьей-то инструментовке пойдёт у нас в малом оркестре. Отличная вещь, только по партитуре утомительно её играть: больно длинная. В пять часов ходил к Мяскуше, ругал Держановского, Мяскуша всячески меня умиротворял. Видел у него на пюпитре девятую и десятую сонаты Скрябина. Немножко поиграл; с первого взгляда многое очень славно, а главное, совсем не так сложно; я боялся, что он после путаных шестой и седьмой сонат полезет ещё дальше «на высоты отрицания».

После обеда звонил в «Асторию», говорил с Ниной; зовёт завтра ехать с ними в «Кривое зеркало».

Был у Андреевых. Показывал мой старый романс «Есть иные планеты». Я очень его люблю и на днях, по примеру «Маддалены», переделывал в нём вокальную партию. Теперь она хороша. Романс имел успех. Анна Григорьевна будет петь его в декабре в своём концерте. Видел у неё на рояле романсы Мясковского. Я как-то их не знал до сих пор, за исключением прелестных меланхолических «Кругов». Все романсы очень неплохи.

27 сентября

Утром «Маддалена»; успешно. Так как я в письме просил Веру Николаевну «приказать кому-нибудь из подданных» позвонить мне, будет ли билет, то звонила Нина. Хохотала и говорила, что это безобразие, что я пишу, будто она «обестолковела».

- Почему у вас такой сердитый голос? - вдруг спросила она.

- Во-первых, потому что я сейчас сочиняю; во-вторых, потому что я вообще на вас сердит.

- Ну... Не надо на меня сердиться, потому что «Америка» отправилась туда же, куда и «Куоккала».

Однако я на это сообщение никак не реагировал и быстро ликвидировал

разговор. Вообще же мне было приятно слышать про участь «Америки».

В Консерватории у Черепнина проходили великолепную «Пассакалью» Баха; очень приятно будет учить её с оркестром, около стояла и смотрела 19А, тонкая и элегантная, которая в этом году поступила, как и Серёжа Алперс, в шестой научный класс. Карнеевы говорили, что они видели её в Териоках в обществе семьи Алперс. Забавно.

Вечером надел смокинг и поехал в «Кривое зеркало». К занавесу только Кессель, их знакомый, сами же приехали с опозданием. Их сопровождал Серж Базавов и Бобровский. Я очень обрадовался обоим. Поздней всех приехал Зайцев и, благо Нина сидела с краю, уселся рядом с нею. Я помню, весною я очень смеялся, сидя с Максом в «Кривом зеркале». Теперь программа похужела. В антракте молодёжь спорхнула в фойе, я же нарочно остался с Верой Николаевной и вышел только в конце антракта. Во втором антракте вышли толпою. Нину задевал недостаток внимания с моей стороны.

Перед концом антракта произошла схватка. Нина при Серже и Зайцеве подошла ко мне и сказала:

- Серёжа, пойдёмте со мной...

Я ответил, рассмеявшись ей в глаза:

- Не пойду я с вами: всякую бестолковщину от вас слушать! - и ушёл с Талей и Бобровским.

Когда всё кончилось, все спустились одеваться. Одев пальто и перекинув через плечо мой знаменитый серый шарф, я подошёл ко всей компании, простился со всеми и пошёл по лестнице вперёд.

Нина дёргает за шарф, а когда я оглядываюсь, прячется. Иду домой пешком и решаю, что Нина - ерунда.

28 сентября

Утром милая «Маддалена», а к двум в Консерваторию, где с фальстафовскими дамами должно было состояться моё первое занятие. Но их собралось совсем мало, да была путаница с текстами (их два). Тем не менее полтора часа позанимались. Затем до шести часов вечера ходил с мамой и выбирали мне осеннее пальто, но ничего не выбрали.

Вечером играл на рояле, писал дневник и просматривал вторую корректуру сонаты. Этой ночью мне чрезвычайно ярко снился Макс. Как будто я его встретил после самоубийства. Я, лёжа на диване, расспрашивал его, а он, без крахмального воротничка и заложив руки в карманы, шагал по комнате и рассказывал. Я спросил о причинах самоубийства. Он ответил, что, во-первых, незаконное происхождение и трагедия с фамилиями Шмидтгоф - Лавров - Александров. Во-вторых, какие-то семейные скандалы. Я спросил, знал ли он в последний вечер, проведённый у меня, что застрелится на другой день, и какое впечатление произвёл на него момент, в который он бесповоротно решил, что должен застрелиться. Он ответил, что в тот вечер решение уже было, а когда он раньше решал, то относился к этому вполне спокойно и равнодушно. Тогда я попросил его рассказать, как всё было с того момента, как он сел в выборгский поезд и до момента смерти. Он охотно согласился, но попросил сначала сыграть ему что-нибудь на рояле. Я подошёл к роялю и, увидя на пюпитре корректуру посвящённой ему Сонаты, подумал, что ему приятней всего услышать эту любимую им сонату. Я сел и стал играть. На том проснулся.

29 сентября

Утром «Маддалена», которой мог бы заниматься весь день; начал успешно, но

к завтраку выдохся, а так как днём ничего особенного не предвиделось, то позвонил «любезному Бойлю» и предложил пойти пешком на Острова, благо погода недурна. Зоя согласилась и в три часа мы отправились в путь. И в ту же минуту повалил, как в насмешку, густой мокрый снег. Но мы не сдались и засыпанные, белые, мокрые, шли вперёд. Когда мы прошли весь Каменноостровский, снег смилостивился и перестал. Мы стряхнули его с рукавов и отворотов пальто и повернули по набережной Каменного острова. В награду за испытание вид ещё зелёных деревьев, покрытых снегом, был очарователен. Особенно красиво выглядела дача графини Клейнмихель при взгляде на неё с Елагина острова. Мы дошли до Стрелки, затем перешли в Новую Деревню и, взяв у вокзала Приморской дороги автомобиль, развезлись по домам. Ноги мои, обутые в тонкие полуботиночки, промокли насквозь. Спасаясь от призрака плеврита, я, вернувшись домой, оттирал их одеколоном и одевал в тёплые швейцарские чулки.

Вечер сидел дома и переписывал переделанный между делом романс «Отчалила лодка» (или, как я его коверкаю, «Отчаянная лодка»).

30 сентября

Проспал. Только в одиннадцать сел за «Маддалену». К трём часам пошёл в оперный класс посмотреть, что хорошего делается с «Фальстафом». Палечек посадил всех певиц в ряд и заставил их выразительно читать без музыки.

Затем я ходил с мамой выбирать осеннее пальто. Не найдя готового, заказали.

Лёвка Карнеев, которого привыкли считать молодым мальчишкой, но которому как ни как уже семнадцать лет, обладает талантом поэта-сатирика. У него целая галерея портретов знакомых, в том числе Бориса Захарова, мой и других. Вчера через Зою я получил некоторые. Конечно, многое нескладно и не отделано, но многое и остроумно. Вот выдержки из моего портрета:

Лишь очутился на свободе, Стал о
себе воображать, Одевшись по
последней моде, Умея светский тон
держать, Он, кого зовут Сергуся,
Которого сейчас коснуся Иль,
правильней сказать, Начну по
истине ругать. Конечно, человек он
светский, Но жаль, не знает лишь
манер: Живёт в нём дух какой-то
детский, Когда бывает кавалер. В
словах ни капельки стесненья,
Почти всегда ругаться рвенье, - И,
если кто его кольнёт, То уж в опалу
попадёт. А у Сергуси быть в опале
Я не желаю никому - Об этом
многие сказали, Пришлось раз
быть и самому. Он клевать начнёт
искусно И станет как-никак
невкусно: Так наболтает языком,
Что и представит дураком.

Далее:

Серж - знаменитый композитор, Жаль,
что для ушей лишь инквизитор;
Большой притом он нигилист, А по
манерам - гимназист. Вот научился
Серж шикарить И деньги тратить на
мотор, И на экспрессе всюду шпарить,
И каждый день менять «аврор».
Меняет их ну как перчатки. Сперва
любовные зачатки, Затем
банальнейший конец Лишь та
замолвит про венец[89]. Острит, по
правде молвить, метко, Но остроумен
невпопад. Глупит он часто, о, не редко!
Но всё-ж всегда бывает рад: Увидел
раз кору - и что же: «Вот это -
Есиповой кожа!» Со смехом яростным
сказал. Ну уж довольно: я устал.

Я в ответ послал ему четверостишье:

Льву Карнееву.

В иступленьи сморщив брови, Всех
облаял, обругал... Да, он зверь, но
низкой крови: Он не Лев, а злой шакал!

Не знаю, получил ли он или я спутал новый адрес, но сегодня Зойка звонила и ни словом не обмолвилась о моём ответе.

Звонил в «Асторию» узнать, когда уезжают. В субботу. У телефона Нина. Я ответил сухо:

- Ну, благодарю вас. В субботу я буду на вокзале.

Она, очевидно, не ожидала такой быстрой ликвидации разговора и быстро проговорила:

- Постойте... Поедемте завтра с нами на «Бориса Годунова».

- Я не могу, у меня «Сокол». Вы всегда зовёте, когда «Сокол», - и заговорил о посторонних вещах.

1 октября

Утром «Маддалена», которая близится к концу. К двум, не успев выучить лёгкой, но длинной, гайдновской симфонии, пошёл на урок Черепнина. Он занимался, несмотря на праздник. Я валял симфонию с листа. Потом занимался с моими певицами, которых было сегодня десять. Присутствие Палечека было вполне приятно. Черепнин сделал список дирижёров, когда кто должен быть в оперном

[89] По мнению автора, это намёк на Веру Алперс (примечание С.Прокофьева).

классе. Я поставлен вне списка с предложением являться, когда желаю, и следить, чтобы всё шло как следует.

Я, очень довольный, хотя немного усталый, вернулся домой. Но часов в восемь меня посетил приступ нервного отчаяния, очень неприятный. Он рассеялся во время сокольской гимнастики и я вернулся домой спокойный и сильный.

«Вольные игры развеют печаль, нас унесут в беспредельную даль...» - как поётся в сокольской песне.

За чаем сказал маме, что несколько «соколов» собираются в Гельсингфорс и предлагают мне сделать компанию.

Мама ответила:

- Что-ж, это интересно.

2 октября

Кончил переделку «Маддалены» и внизу приписал, что это вторая редакция посвящается Н.Я.Мясковскому.

Днём играл на рояле, ходил к дантисту, примерял пальто, написал письмо. Так как Мещерские уезжают в субботу, то звонил им, справляясь, когда они будут дома перед отъездом. Я был очень рад, что к телефону подошла Таля, Она сказала, что, кажется, они будут дома завтра вечером, собираются к ним и Андрюши[90], завтра выясним это по телефону.

Говорил по телефону с Зоей, но мы разругались, потому что на её восклицание: «Вот видите, какая я умная девочка!» я ответил, что у неё отлично оборудованный ум для применения в пределах небольшого курятника.

Вечером, с туго набитым портфелем, поехал к Мясковскому. В портфеле были: «Маддалена», старая Симфония e-moll, которую Мяскун почему-то пожелал видеть, корректура Сонаты, которую я хотел дать ему поиграть (при его удивительном внимании, он всегда видит какую-нибудь ошибку), романс «Отчалила лодка» и «Марш» из Ор.12. который *я* немного боялся показать Мясковскому.

«Маддалена» была одобрена, посвящение приветствовано и рукопись оставлена Мясковскому на рояле. Соната просмотрена, ошибок выужено не одна, а куча, романс похвален и даже «Марш» тоже. Словом, был приятный и полезный вечер.

3 октября

Без «Маддалены» очень свободно и утро большое.

От Держановского письмо:

- Вы гневаетесь? Это ваше право... - и просит меня немедля сообщить: что я буду играть на концерте.

Думаю: 1) Сонату №2 и 2) Ор.2, Этюд №3; Ор.3 «Сказка» и «Марш»; Ор.4 «Отчаяние» и «Наваждение»; Ор.12 «Прелюд», «Ригодон» и «Легенду». Затем попрошу, чтобы непременно исполнили виолончельную «Балладу», а от остального («Токкаты», Сонаты Мясковского) откажусь, тем более, что Мясковский, кажется, и не особенно гонится за тем, чтобы я играл его Сонату.

Запаковал корректуру Сонаты и поучил на рояле «Наваждение».Звонила Фяка, приглашая вечером и прося быть с нею внимательней и любезней, чем в «Кривом зеркале».

Был в Консерватории. Nouveauté[91]: «Фальстаф» отменяется, потому что Палечек находит, что певицам его не одолеть. А кто же затеял «Фальстафа», как

[90] Андреевы.

[91] Новость (фр).

не тот же Палечек? Идиотство!

В полдевятого с большим удовольствием отправился в «Асторию». Там я нашёл всех гурзуфцев: Сержа, дядю Гришу, Зайцева с матерью, затем братьев Андреевых, но без Анны Григорьевны, Романовского и ещё человека четыре. Все сидели полукругом. Мне не было места, я сел на подоконник и, благо до меня разговор был мало оживлён, сразу завладел разговором. Стали рассаживаться в бридж. Я отошёл в сторону с Сержем и предложил ему реставрировать наш «картёжный притон» и как-нибудь собраться с «компенсатором» повинтить, например, у меня. Серж соглашался.

Рассаживаемся за три стола в бридж. За моим столом: Серж, правовед гр. Ростопчин и Нина. Я ворчу, что с Ниной играть невозможно. Впрочем, ей иногда помогает папаша. Сдаёт Серж, сидящий против Нины. Нина раскрывает свои карты и раскладывает болван. Я смеюсь:

- Приятно видеть Ниночку в её истинной роли!

Первую половину вечера Нина смеялась, но затем вдруг на неё нашло облако. По-моему, оно шло откуда-то со стороны, но причин его я не уловил. Ниночка стала печальной, ушла в себя и вяло относилась ко всему окружающему. Мне Ниночка нравилась в этот вечер, но видя, что у неё что-то иное на уме, я был с ней насмешлив и невнимателен и распрощался так, никак.

В субботу пойду провожать.

Выйдя на улицу, Романовский сказал:

- Я еду в «Вену»: у меня деловое свидание. Поедемте, господа?

- Ладно, - сказал Андреев.

Его брат и я примкнули тоже. В «Вене» душно, накурено и пропасть народу. У Мещерских я съел полкоробки конфет и теперь запах еды был противен. Скромная кружка пива, несколько знакомых артистического мира, несколько пьяных рож - и мы повернули по домам. Мне, свежему человеку, мало нравится такая ночная «Вена».

4 октября

Проспав до половины одиннадцатого, поучив «Наваждение» и Сонату, пошёл на урок Черепнина. Когда я проснулся утром, мне стало грустно, что Мещерские уезжают. Но ладно, надо найти материал в Консерватории и сегодня я даже пошёл в неё за полчаса до урока. Впрочем, ничего хорошего не видел. На уроке повторение «Пассакальи» Баха и органного концерта Генделя. Я с большим удовольствием занимаюсь «стариками». Одна из учениц дала мне номер «Аполлона» с отчётом Каратыгина о летнем сезоне. Обо всём упомянуто вскользь и лишь про мой Концерт расписано два столбца. Хвалит мудрёным и витиеватым слогом. В том же номере статья о Мережковском Чудовского, моего когдатошнего обожателя. Напутано и наворочено столько, что и не всегда до смысла доберёшься...

Вечером был в «Соколе» и с удовольствием изламывался на кольцах и «козлах». Сшили мне английское пальто, мягкое, толстое, рыжее. Я доволен. Мне необходим синий бархатный костюм.

5 октября

Утром отправился на почту, получил письмо, которое мне было нужно, и остался им более или менее доволен. Затем до четырёх часов занимался игрой на рояле: свои сочинения - для Держановского и чужие - для Есиповой. Дописал переделку старого «Гавота» Op.12. В четыре часа пошёл пешком прогуляться и сделать пару визитов: Сабурову, которого ещё не оказалось в Петербурге, и М.П.Корсак.

Вернувшись, пообедал и поехал провожать Мещерочек. Приехал я за пять минут до отхода поезда и нашёл толпу провожающих человек в тридцать; самих отъезжающих прямо не сыскать. Впрочем, на маленькую Нину я натолкнулся сразу; рядом с нею стояли Зайцев и Романовский и что-то старательно говорили. Я хотел было пройти мимо, но Нина заметила меня и стала спрашивать, буду ли я ей писать. Мы стояли с ней и, пользуясь толпой, нежно держали друг друга за руки. Я чувствовал к ней большую нежность. Нина говорила:

- Я буду писать вам отчаянные письма!

Но я скоро сорвался дальше, говоря, что надо попрощаться с родителями. С Алексеем Павловичем расцеловались. Затем я опять встретился с Ниной. После второго звонка семейство влезло в вагон.

- Серёжа, кричите «ура», когда поезд тронется, - говорит Нина.

Запыхавшийся Ершов с букетом цветов на время занимает внимание. Зайцев стоит где-то далеко, в толпе. Бьёт третий звонок. Поезд, сразу взяв быстрый ход, ускользает от платформы. Я кричу:

- Ура! Уехали! !

Вера Николаевна грозит пальцем. Серж Базавов говорит, что надо посмотреть вслед на колёса. Я отвечаю:

- Посмотришь на колёса, а увидишь буфер...

Ершов восклицает:

- Странно, когда звено, соединяющее всю эту компанию, вдруг исчезает на три месяца.

Я уговариваюсь с Сержем и Олегом о том, чтобы не терять друг друга из виду и устраивать иногда бриджик. Олег зовёт сегодня на бридж с «настоящими англичанами из Лондона», но я должен спешить на «Бориса Годунова», куда я собрался вместе с Мяскушкой. Нежно прощаюсь с Бобровским. У входа на платформу встречаются опоздавшие Андреевы. Анна Григорьевна зовёт Зайцева как-нибудь вечером побриджевать.

- Вы человек смелый, - говорит она. - Позвоните как-нибудь и приходите!

Зайцев смеётся и указывает на меня:

- Вот кто смелый человек, а не я...

Я спрашиваю у Анны Григорьевны, быть может, можно сделать бридж послезавтра. На том и порешаем. Я прощаюсь и возвращаюсь на платформу, чтобы проводить Катю Игнатьеву, уезжающую в Одессу через двадцать минут после Мещерских. (А это пикантно: бридж с Зайчиком!). Катя и тётя Катя перепутали билеты, примчались к отходу, волновались, носились по платформе и еле-еле устроились. И смех, и горе.

С вокзала я поспешил в Музыкальную Драму на «Годунова», где меня уже ждал Мясковский. Дирижёр Бихтер большой выдумщик и в погоне за оригинальностью так исказил многие темы, что слушать противно. Мясковский сообщил, что в «Московской газете» статья Леонида Сабанеева о новых композиторах и с руганью, между прочим, и по моему адресу, и с похвалой Станчинскому (!). Милый Станчинский, наверное, очень рад и успокоен. Я сказал Мясковскому:

- Голубчик, ну дайте мне хороший сюжет для оперы!

Он ответил, не задумываясь:

- «Идиот» Достоевского.

Sic!

6 октября

Так как для московского выступления мне надо учить «Сказку», повторять Этюд №3 и прочее, то я купил у Юргенсона несколько тетрадок собственного сочинения

и сегодня принялся за них. Занимался также Сонатой Шумана, а затем мне захотелось идти гулять.

Я позвонил Голубовской, предлагая ей и «Шурику» прогулку пешком куда-нибудь в дальние углы Островов. Но Голубовская не смогла, а к «Шурику» (Mlle Бушей) посоветовала обратиться непосредственно, что я и сделал. Та ответила «с большим удовольствием» и в два часа мы отправились в путь от Николаевского моста, близ которого она живёт. Прошли Васильевский остров, Петровский, Крестовский. Тут была «Батарейная дорога», западный конец которой, а стало быть, и всего Крестовского острова не помещался на карте города Петербурга, и это нас интриговало. Итак, мы вышли за пределы карты и вскоре очутились на взморье. Дорога кончалась, но оставался ещё кусок земли до моря такой низкий, что при малейшем западном ветре он заливался водой. В настоящий момент ветра не было и кусок представлял сплошное болото. Мы решили во чтобы то ни стало добраться до самого моря, прыгали с кочки на кочку, перебирались по найденной нами доске, которую мы волокли за собой. Убив около часу времени, добрались и получили полное удовлетворение, но ноги были безнадёжно промочены. Пешком вернулись назад.

Дома я оттирал ноги одеколоном, но это не совсем спасло и целую неделю после этого у меня были кашель, насморк и боязнь плеврита.

Mlle Бушен - отличныш ходок, приятная партнёрша для прогулок, неглупая барышня. Чрезвычайно заинтересована моими сочинениями, моими музыкальными деяниям, а, может быть, и мной.

Санкт-Петербургское Шахматное Собрание устраивает ряд турниров по случаю десятилетия своего существования. Один из турниров - турнир высших учебных заведений. На эту тему сегодня заседание и председатель Собрания Малютин просил меня быть делегатом от Консерватории. Я с удовольствием согласился, и сегодня вечером мы заседали в Собрании. Турнир будет в конце января при участии тридцати-сорока человек; от Консерватории два или три. После заседания я сыграл три партии, испытал удовольствие и все три выиграл.

7 октября

«Попечительный Совет для поощрения русских... и т.д.» вернул мне мои Концерты с вежливым отказом, что, мол, не могут поставить мой Концерт на программу, потому что уже имеют другой. Я был готов к этому и нисколько не удивился.

Вечером был у Андреевых.

Играл им мой романс «Отчалила лодка». Романс имел успех. Затем Николай Васильевич, его брат, Зайцев и я играли в бридж. Я уже подучился в эту игру и играю благопристойно. С Зайцевым мы с внешней стороны очень любезны, да и внутри я ничего против него не имею: ведь судя по вокзальной сцене я могу считать, что победа осталась за мной? После бриджа писали длинное юмористическое письмо Мещерским, в котором якобы Зайцев и я свидетельствовали, что Андреевы приезжали провожать и лишь опоздали. Писал я, а все, столпившись вокруг, диктовали. Я подписал: «Божью милостью художник на свободе Сергей Прокофьев», а Зайцев: «Отставной йог, картёжных дел мастер Кирилл Зайцев», причём сказал:

- Там уж поймут, почему я отставной йог...

Я знаю, что в Гурзуфе была в ходу книжка об индийских йогах (мудрецах). Если Нина в тени гурзуфских аллей называла Кирилла йогом, то я понимаю, почему он теперь язвит своей отставкой...

8 - 23 октября

С музыкальной точки зрения в этот период важно следующее: Черепнин, которому Арцыбушев сообщил, что предполагается третий Беляевский концерт, которым он, Черепнин, приглашается дирижировать, запросил Арцыбушева, почему не идёт мой Концерт, приведя массу доводов за Концерт. Из доводов больше всего подействовало сообщение, что я играю его у Кусевицкого. Словом, дело кончилось тем, что если третий Беляевский концерт состоится, то мой Des-dur будет в программе, иначе Черепнин отказывается дирижировать. Но пока это секрет и мне предложено молчать.

Был я на первом уроке у Есиповой.

- Как, всю сонату Шумана? - ужаснулась она. - Да для того, чтобы отделать такую сложную вещь для экзамена, у вас уйдёт всё время и не останется ничего для остальных вещей!

Я всё же сыграл ей две части и, очевидно, вполне в её вкусах, ибо резолюция была такая:

- Ну хорошо... к следующему уроку принесите мне начисто и мы её уж не будем трогать до экзамена.

Однако это не особенно вяжется с тем, что было сказано выше! Затем «оне» уехали с Ауэром концертировать в Киев и Одессу, и три недели урока не было.

Вообще же из людей я за этот период видел: Мяскушку, у которого бывал несколько раз, охотно встречал Mlle Бушен, разговаривал по телефону с Дамской, которая стала мне что-то звонить. В одну из пятниц был у мамы вечер, был милый Н.В.Андреев. Он, Колечка и приглашённый мою Олег бойко жарили в бридж; было очень приятно. Я звонил Сержу и даже Зайцеву (!), но оба не могли. Фяка прислала три коротких письма и получила столько же в ответ. Они в Берлине, и открытки со знакомым мне уголкам доставляют мне большое удовольствие.

С Карнеевым не вижусь и не слышусь. Захарову, от которого я уже давно имел постальку, никак не собирусь написать: свинство и глупо, но пустое письмо писать не хочется, а на содержательное нет настроения. Вообще, настроение, настроение... ах, что за отчаянное настроение было в это время!!

В субботу девятнадцатого в 8.20 вечера я уехал в Выборг. Ночевал там, утром разыскивал кладбище, но попал не на то, где погребён Макс. Другое было в семи верстах, за городом и я туда не попал, так как надо было ехать дальше. Вечером я приехал в Гельсингфорс, где прожил до двадцать третьего и двадцать третьего вечером вернулся в Питер. Настроение уже было не то, дело сделано, я весел и живуч.

Выборг - пространно раскинутый, провинциальный городок. Гельсингфорс - заграничный город, маленький Берлин, очень любопытный и благоустроенный. В поезде читал партитуру «Бенвенуто Челлини» Берлиоза, какая мерзость - куча транспонированных инструментов! Возишься с разнотонными трубами и валторнам полчаса, а оказывается обыкновенное трезвучие! В моих партитурах все инструменты будут in C.

Ах, как я люблю путешествовать!

По возвращении в столицу полторы недели не писал дневника. Навёрстываю вкратце.

24 октября

Прийдя утром в большой оркестр, узнал от Черепнина, что на третье ноября назначен концерт учащихся, в котором я дирижирую седьмую Бетховена, а также Скрипичный концерт Бетховена и фортепианный №2 Листа. Увертюру к «Моряку-

Скитальцу» и «Эвриант» отдают Цыбину. Цыбин в этом году тоже кончает и я против подобного разделения программы ничего не имею. Я с воздуха попал прямо в кипучую работу: надо учить оба Концерта и делать репетиции. Привожу в порядок партию фортепиано в Первом концерте. В этом занятии провёл вечер.

25 октября

Учил утром славный Концерт Листа. Днём проходил его с Черепниным и присутствовал на панихиде памяти двадцатой годовщины смерти Чайковского.

Дома привёл в порядок и досочинил музыкальное письмо Захарову[92]. Написать таковое мне пришло в голову в Гельсингфорсе и, гуляя по его набережным и сидя в финском кафе, я придумал и текст, и всю музыку. Теперь кое-что доделал, кое- что досочинил. Музыка, конечно, ерунда, но это, кажется, первый случай, когда я её сочинял без фортепиано. Внимание, этот способ неплох. Когда я, вернувшись в Петербург, заиграл написанное на рояле - сперва стало противно, а на другой день понравилось.

Вечером не без удовольствия был в «Соколе».

26 октября

Полгода смерти Макса. Кончив с Des-dur`ным Концертом и написав длинное сопроводительное письмо Юргенсону со всякими подробностями, касающимися издания, решил вечером показать мою редакцию фортепиано Мяскуше. Но он спешил в концерт Зилоти, кроме того, к нему напёрли Саминский и Шапошников, так что он, хотя и проиграл, но никаких путных указаний не сделал. Впрочем, кажется, переложение более или менее в порядке.

Я вернулся домой. Пришёл Боровский. Он довольно успешно пробивает себе дорогу в качестве пианиста и на днях уезжает в двадцатиконцертное турне по большим городам России - вплоть до Рождества. Я очень рад за него, а то обстоятельство, что он в конце хмурого ноября проживёт две недели в тёплом Тифлисе, давая там пять концертов, возбуждает во мне даже зависть.

Боровский пришёл послушать мой 2-й Концерт, заинтересовавшись им по каратыгинским рецензиям. Я играл ему Концерт, 2-ю Сонату, мелкие пьесы. Он делал очень неглупые замечания, видимо, вполне ориентировался в моих сочинениях и вообще показал себя зрелым музыкантом. Моя муза пришлась ему по вкусу. 2-ю Сонату просил, по выходе, прислать ему в Тифлис.

27 октября

Хоронили Лизу, старинную прислугу Раевских.

Днём был на спектакле в Малом зале: шли под фортепиано отрывки из «Онегина» и «Фауста». У нас, Консерватории, есть театр, но он сдан, а ученический спектакль городят в наскоро прилаженной сценке у органа Малого зала. Габель с удовольствием потирает руки: «Какая у нас вышла сценка!», а многие из публики справедливо издеваются над «сценкой», потому что она в конце концов, конечно, дрянь.

Черепнин давно спросил меня, желаю ли я дирижировать спектаклем под фортепиано, но я нашёл, что интерес мал и не компенсирует время, теряемое на

[92] «Музыкальное письмо Б.С.Захарову от С.С.Прокофьева в Вену из Петербурга», для голоса и фортепиано (без опуса).

репетиции. Поэтому дирижёрскую палочку передали Дранишникову. Спектакль прошёл ничего.

Вечером с приятностью винтил у Олега Субботина и выиграл полтора рубля на обратный мотор. Олег почти оправился от своего паралича, но всё же доктора посылают его в тепло, в Ниццу. Через неделю он уезжает; очень жаль, он крайне милый молодой человек.

28 октября

Отослал Жюржансону партитуру и клавир Des-dur'ного Концерта вместе с длинным сопроводительным письмом. Отправил также музыкальное письмо Борюсе. После того, как я его написал, оно мне не понравилось, а теперь ничего, забавно.

29 октября

Теперь учу мои вещи для московского выступления двадцать четвёртого ноября. Мне хочется сыграть хорошо.

Есипова вернулась из турне, и сегодня я «приобщался благодати», по выражению Бушен. Началось опять с разговора: как, неужели я играю на экзамене всю сонату Шумана?! Демонстрировал сегодня финал, играл так себе, но получил почему-то похвалу.

«Сокол» пропустил и пошёл на первый ученический вечер этого сезона. Я люблю эти вечера, а сверх того, Оссовская просила проаккомпанировать её ученице Концерт Грига. На том же вечере играла ученица Винклера Дударь, очень славненькая барышня. Сегодня она запуталась в «Токкате» Шумана, останавливалась несколько раз, сбежала с эстрады и в коридоре разразилась такой истерикой, которая одновременно и хватала за душу, и напоминала собачий лай. Её упрятали в какой-то класс и едва привели в себя.

30 октября

Занимался на рояле. Заходил в хор. Там учат помаленьку «Аиду». Черепнин, конечно, занимается с «дамами». Белокуровой в хоре нет.

Вечером был на сокольской вечеринке, которой предшествовало небольшое выступление лучших «соколов» и «соколок». Вот им-то мне и надо было играть музыку; для некоторых упражнений существовала специальная музыка (чешская, очень приличная), но для других надо было сыграть просто какой-нибудь вальс, и так как серьёзные вальсы были забракованы «соколками», то я опозорил мои седины, играя «Songe d'Automne».

Маршировали под мой марш, причём публика (большею частью тоже гимнастическая) очень забавно хлопала ладошами в такт на каждую четверть. Когда весь зал ритмично грохал, выходило эффектно.

Сестры, делавшие гимнастику под мою игру, обращали на меня внимание, но держали себя дерзко; я платил им тем же. В голове у меня всё время вертелась фраза из «Золота Рейна»: «Ах сёстры, сёстры, как вы глупы!»

31 октября

Концерт откладывается на десять дней, на четырнадцатое ноября. Глазунов запил, Ауэр в отъезде и не может назначить скрипача, пианистка заболела. Таким образом, горячка временно прекращается. Сегодня с оркестром я подробно учил

7-ю Симфонию[93] по партиям, в которых вчера подробно проставил с Крейслером оттенки, главным образом, у духовых, с погашением нестерпимых натуральных нот, а также в тех случаях, когда требовалось выделить плохо слышимую тему контрабасов (бетховенский недочёт).

Днём играл на рояле. Затем надел смокинг и поехал по приглашению обедать к Рузским, у которых не был Бог знает сколько времени. Говорят, Рузский продал своё медное дело на Кавказе и получил за него миллион; может, врут. Во всяком случае, он мил как всегда, а с виду посвежел и помолодел. С Таней я разговаривал мало, зато с Ирой сидел рядом и болтал всё время. Были Коншины. Зовут обедать в среду. У Рузских, по обыкновению, спаивали винами, шаманским, ликёрами и старым коньяком. После этого пришлось собрать всё своё внимание, чтобы сыграть «Трио» Шумана.

1 ноября

Немного проспал; потом учил на рояле московскую программу, а также для Есиповой. Днём урок Черепнина и прохождение Скрипичного концерта Бетховена. Вечером «Сокол», а после него телефоны от Дамской и Бушен с сообщениям о том, как они сегодня играли на ученическом вечере. Дамская позвонила раньше, я расспросил у неё про Бушен и когда позвонила последняя, прямо выложил ей всё про её выступление. На её изумлённое восклицание:

- Je n'en reviens plus!..[94] - я сказал, что просто я сидел на балконе и она меня не видела.

Она поверила.

2 ноября

В присутствии Ляпунова (Saint Serge[95], как его называет Бушен ввиду его исключительной набожности: благолепного вида) и Черепнина сыгрывался с ученицей Шкаровской. Играет она Концерт Листа недурно, но ломается и «задаётся» невероятно. Представляет она собой цветущую, довольно красивую и очень нахальную одесситку, говорящую:

- О-тут-вот маленькое ритенуточко у этой ноточки.

От Захарова открытка, сообщающая, что я страшно его порадовал моими «талантливым иллюстрациями петербургской жизни». Длинное письмо последует на днях. Я очень доволен.

Вечером был на повторении фортепианного спектакля «Онегина» и «Фауста». Сидел с Шуриком Бушен и вечер с нею прошёл приятно. Габель всё время сидел у рояля, нервничал и мешал Гауку играть. Довольно громко отбивал такт ногой, обутой в скрипучий ботинок, чем крайне меня раздражал. В антракте я подошёл к нему и шутливо сказал:

- Станислав Иванович, мы тут с Гауком и Цыбиным подписку устроили, чтобы вам поднести резиновые калоши!

- ?!

- А то больно уж громко скрипят и стучат ваши ботинки!...

- А разве скрипят?

- Как хохлацкая арба.

Станислав настроен добродушно и смеётся.

[93] Бетховена.

[94] Я не могу поверить! (фр).

[95] Святой Сергий (фр).

Скрипачкой на концерт назначена Тилька Ганзен. Что-ж, я очень рад.

3 ноября

Сегодня я сговорился с Бушен свершить длинную прогулку, на каковые падки и она, и я. Погода была серая, туманная и грязная, но сверху не моросило и мы отправились в путь. Мы пересекли острова: Васильевский, Петровский, Крестовский, Каменный и вышли на Строгановский мост, затем в Новую Деревню и, увязая в грязи Ланского шоссе, пришли в Удельный парк. Мне хотелось посидеть и съесть шоколад и груши, имевшиеся в моём кармане, но скамейки были мокрые, а неутомимая Шурик стремилась дальше. И действительно, повернув влево, мы вышли к очень славному пространству, украшенному лесом, водою и даже пригорком. Вскоре мы достигли полотна приморской дороги (ветка к Озеркам) и по рельсам вернулись в Новую деревню, не присаживаясь и съев груши и шоколад на ходу. Но Шурику было мало прогулки и она спросила, каково моё мнение, если сходить ещё на Стрелку? Я не прочь был и отдохнуть, но сдаваться не хотел и мы последовали на Стрелку. Острова были тёмные и пустые, но мы достигли Пуанта, после чего вернулись на Крестовский остров, сели в Введенскую коночку, затем в целый ряд трамваев и поехали к тёткам обедать: она к своей на Разъезжую, я к моей на Сергиевскую.

Mlle Бушен бойкая собеседница, а блестящее знание французского и немецкого языков очень её украшает.

У Раевских обедал, а вечером играл в «винт». Знание бриджа хорошо отзывается на игре в «винт». Часов с десяти меня стало адски клонить ко сну, разболелся висок и я стал торопить маму домой.

4 ноября

За ночь я отлично выспался. Пошёл репетировать наш концерт. Как мерзко инструментован финал 7-й Симфонии и какая мука учить его с оркестром! Шкаровская, или как я её зову Шкляревская, опоздала на репетицию. St.Serge ужасно волновался, Николай Николаевич, видно, тоже извёлся, перестал разыгрывать главного кавалера и, встретив её после репетиции, с пылу налетел.

Бушен, прийдя к своей тётке, выспалась в уголке в кресле, а проснувшись демонстрировала мои сочинения.

Играть вещи наизусть - моя слабая сторона. Сегодня у меня гениальная идея как учить наизусть, чтобы никогда не сбиваться и иметь вещь крепко в памяти.

Когда вещь много раз сыграна по нотам, надо постараться припомнить её всю без рояля, представляя себе музыку параллельно с тем, как она написана, т.е. вспоминая ушами музыку, а глазами ноты. Делать это надо медленно и кропотливо, детально представляя себе каждый такт. Это первая стадия. А вторая стадия: надо так же припомнить всю музыку, а глазам представлять не ноты, а клавиатуру и клавиши, которые производят данную музыку. Переход от первой стадии ко второй довольно труден, потому что сколько ни стараешься представить себе клавиатуру, а перед глазами рисуются ноты... Но как только удаётся усвоить в памяти клавиши параллельно с музыкой, так можно считать обеспеченным, что вещь твёрдо выучена наизусть, ибо в воспроизведении её принимают совместное участие все три памяти: музыкальная, зрительная и пальцевая; каждая упражнялась порознь - теперь все три соединяются вместе.

Сегодня, идя в «Сокол», я произвёл опыт: идя туда, воспроизвёл в памяти первую часть Сонаты Шумана, представляя себе ноты, а идя обратно - представляя себе клавиатуру (это было довольно трудно и утомительно), а вернувшись домой без

запинки сыграл всю часть; между тем, до подобных упражнений я едва ли сыграл её без колебаний, остановок.

Практическое преимущество: свой репертуар можно всегда учить: идя по улице, сидя в трамвае, ожидая какой-нибудь очереди и вообще во всякий момент, когда без этого скучал бы.

5 ноября

Занимался на рояле и понёс Есиповой Фугу №2 из «Kunst der Fuge». Идея: каждого вождя играть forte, каждого спутника piano. Эта идея была одобрена Анной Николаевной и вообще замечаний не было.

- Что вы играете из русских авторов? - спросила она.

- Да я ещё ничего не наметил.

- Ведь вы, кажется, любитель всяких этих новых: Метнера, Скрябина... Так возьмите что-нибудь оттуда.

- Хорошо, Анна Николаевна.

Отбыв урок на дому, я пришёл в Консерваторию. До урока Черепнина оставалось ещё три четверти часа, я сидел и беседовал с какими-то есиповскими ученицам о текущих музыкальных делах. Затем проходили с Черепниным и Тилей Ганзен Концерт Бетховена. Ганзен очень мила и играет прекрасно. Я держал себя с ней очень серьёзно. Теперь между Карнеевыми и Ганзенами дружба, Тиля, вероятно, будет им докладывать, что играет со мною концерт, а те явятся её слушать четырнадцатого.

Перед репетированием с Ганзен Черепнин так аппетитно играл нам сцены из «Кармен», что мне очень захотелось послушать эту оперу, тем более, что много говорили об её отличной постановке в Музыкальной Драме. Но, увы, сегодня шёл «Садко».

Я хотел было пойти к Андреевым, у которых давно не был, но Николай Васильевич пел сегодня в опере. Тогда я позвонил Mlle Бушен, зовя её в какой-нибудь драматический театр. Пошли в Малый, но пьеса была дрянь, глупая. Обратно шли пешком и Шурик длинными потоками красноречия распиналась о Вагнере.

6 ноября

Я давно не был в малом оркестре; сегодня зашёл по дирижировать «Пассакалью» Баха. Но оркестр её забыл и дирижировать было одно мучение. Тем не менее, Черепнин предлагает сделать этому оркестру выступление на вечере (двадцать второго ноября), причём «Пассакалья» будет исполняться вместе с органом, на котором будет играть ученик органного класса по оригинальному изложению. Это страшно любопытно.

Дома играл на рояле и зачитывался «Игроком» Достоевского. Я уже давно знаю эту повесть; недавно приходило в голову, что это неплохой сюжет для оперы. Теперь, когда я летом сам поиграл в рулетку, мне эта великолепная повесть с её ужасной, нелепой атмосферой очень нравится.

В седьмом часу надел фрак и поехал к Коншиным обедать. У них, по привычке, парадно: фраки, стол убран гвоздиками и прочее.

С Ирой Рузской (с которой я теперь в дружбе) ездили на квартиру Рузских и привезли в автомобиле виолончель. Я играл с Николаем Павловичем. Затем многие из молодёжи (в том числе сёстры Коншины и Рузские) отправились на Морской бал. Мне тоже немого хотелось, но я не знаю, был ли мне билет, если бы я изъявил желание. А желания я не выразил ввиду ранней и ответственной завтрашней репетиции.

7 ноября

Скерцо из Симфонии шло так себе. Черепнин говорит, что по моей вине. Но за финал, который я перед репетицией внимательно проштудировал, я получил похвалу. Явилась Цецилия и мы очень складно прорепетировали бетховенский Концерт, после которого мило беседовали.

Антракт и - Шкляревская с неритмичной интерпретацией Листа. Волнующийся Ляпунов, нервничающий Черепнин, много слушателей, почти полуторачасовое репетирование - всё это утомительно, но крайне интересно.

Директор Виленского отделения ИРМО Трескин приглашает меня выступить в Вильно с «Трио» Чайковского и с моими вещами, какие я хочу. Сто двадцать пять рублей. Я соглашаюсь и после совещания решаем на двадцать восьмое ноября, о чём он должен телеграфировать, дабы удержать зал на этот день.

Затем я возвращаюсь домой, где ко мне является приехавший из Москвы Юрасовский. Он хотя нахальный, но любезный парень. Однако после утомительной репетиции играть ему всякие «Наваждения» и прочее, а также выслушивать его произведения было трудновато.

- Двадцать восьмого вы играете в Москве? - спросил он.

- Т.е двадцать четвёртого.

- Нет, двадцать восьмого. Держановский перенёс концерт. Посмотрите в последнем номере «Музыки»: двадцать восьмого.

Я всполошился: а Вильна? Ведь я уже дал слово директору, а он телеграфировал оставить зал. Я позвонил в Консерваторию, но никто не знал, где остановился директор.

Сегодня я с жадностью дочитал «Игрока». Повесть привела меня в восторг и взволновала. Как всё это безумно, нелепо и... верно. Я не знаю, может ли выйти на этот сюжет опера; я даже совсем не думал об этом, когда читал. Скорее, что не выйдет. Но изобразить рулетку, толпу и страшный азарт мне представляется крайне увлекательным.

Сегодня я справлялся у помощника инспектора, почему не видно «моего друга» Венцеля. Увы, у него прогрессивный паралич, он в больнице чуть ли не умалишённых...

8 ноября

Прийдя в Консерваторию, первым долгом заявил всем, кому можно, что мне колоссально нужен господин Трескин, так что, едва он пришёл, как сейчас же принялся меня разыскивать. Переговорили и отложили Вильну на январь.

С Черепниным и Шкляревской проигрывали Концерт Листа и выясняли всякие подробности. Черепнин очень волновался и даже обрушился на меня, когда я воспротивился его предложению дирижировать одно место то на 2, то на 4, меняя взмах каждые четыре такта.

После занятий я не сразу пошёл домой. Была панихида по Рубинштейну, а после неё репетиция третьего подфортепианного спектакля с отрывками «Фауста» и «Онегина». Вернулся домой, играл для Москвы, обедал и пошёл на ученический вечер вместе с Кокочкой Штембер, зашедшим за мной. Вечера этого года ещё не раскачались: плохо посещаются, имеют короткую программу и тоскливый характер. Если бы не Кокочка, то подохнуть... Я очень обрадовался, когда к концу антракта явилась Шурик Бушен с важно заложенными в карманы руками. Мы просидели остальную часть вечера и не скучали. Она уже прочла «Игрока» и тоже в восторге. Теперь его читает Голубовская. На вечере очень недурно играла Скарлатти, ученица Есиповой, и милая барышня Линтварёва.

Я напишу мою автобиографию. Называться она будет: «Моя жизнь (с подробностями)».

9 ноября

Разбудили меня полвосьмого, потому что в девять надо было быть на репетиции. которая носила сегодня сложный характер. Началось «Пассакальей» Баха, которую играл малый оркестр и которую мы готовили к ученическому вечеру в конце ноября. Пришёл профессор органа и мы повторили «Пассакалью» вместе с органом. Впрочем, он играл на органе piano, без регистров, и никакого грандиозного впечатления не получилось. В десять часов пришёл большой оркестр, который соединился с малым и под управлением Цыбина заиграл «Эврианту». У меня был свободный час и я пошёл в большой зал, где Сафонов репетировал концерт памяти Чайковского. Мне не столько хотелось послушать музыку, сколько посмотреть на публику, которой, благо репетиция генеральная, собралось много. Вернувшись в малый зал, репетировал Концерт Листа. Рояль поставили как следует, у дирижёрского пульта, пришёл Глазунов, оркестр подтянулся - и Концерт сошёл совсем неплохо. Глазунов сказал Черепнину, что я сделал большие успехи в дирижировании. Я был очень доволен и по окончании репетиции немножко поболтался по Консерватории, шутя с сёстрами Рожанович и поглядывая на Белокурову, которая сегодня украшала собой коридоры. По-моему, она должна петь в хоре (так, по крайней мере, было в прошлом году). Вернулся домой и заснул на диване.

Вечером пошёл в концерт. Это - событие в моей теперешней жизни, ибо в концерты я не ходил с весны. Немудрено, что, попав в приятный зал Дворянского собрания и увидав массу музыкальной публики и много знакомых, я ощутил полнейшее удовольствие. Слушал «Прометея», которого для пущего вразумления непонятливой публики повторяли дважды. Мера энергичная и не лишённая остроумия.

Моё впечатление: «Прометей» скучен, подъёмы отсутствуют, трели и всплески донимают, форма расплывчатая. В остальном «Прометей» высокозамечательное произведение.

Встретил в концерте Штеймана и обрадовался ему. Домой шёл с Шуриком Бушен.

10 ноября

Воскресенье, а потому проспал и мало поиграл на рояле. Пошёл на третье подфортепианное представление наших опер. Зибеля Умнова не пела: струсила ли, была ли отставлена за повышательство - сие неведомо, но её заменяла Рожанович. Очень хорошо аккомпанировал заместивший Гаука Дранишников. Отличный голос у Молчанова. В антракте я сидел в фойе на диване; подозвал Клингман и велел ей сесть рядом. Она послушно исполнила и мы стали говорить о всяких пустяках.

Сделал визит Сабурову. Старик очень любезно меня принял.

Вечером с мамой и Андреевыми был на открытии кубистической выставки молодых кубистов. Если я «музыкальный кубист», то как я отстал от них! Например: большое полотно, сплошь мозаика, настоящая пёстрая мозаика; очертаний каких- либо предметов нет и намёка. Называется «Дирижёр оркестра». Какая связь между дирижёром и преподносимым пёстрым ковром - неизвестно. Но я не хочу смеяться а хотел бы понять идеи, руководившие художником.

На выставке встретил милого юношу Радлова, а также моего экс-обожателя

господина Чудовского.

11 ноября

Предгенеральная репетиция. Симфония идёт довольно скверно и я выбивался из сил, приводя её в порядок. Зато получил от Mme Черепниной комплимент за сделанные дирижёрские успехи с целой тирадой из греческой мифологии, которую я, к стыду моему, не сумел оценить. Тиля Ганзен играет славно и ритмично, с ней легко; со Шкляревской хуже, но тоже прилично. Вопрос в симфонии. По мере того, как во мне крепнет дирижёр, я начинаю ближе к сердцу принимать исполняемые мною вещи и мне хочется, чтобы симфония прошла непременно хорошо.

Дома получил письмо от Фяки и был очень доволен.

Пора, пора писать симфонию! Начинаю. Когда я шёл с «Прометея», мне пришёл в голову кусок, теперь вышла тема, далее кое-какие эпизоды. Постараюсь сначала набрать побольше материала, а затем уже примусь сочинять всё.

Перед вечером звонила Шура Бушен. Я утром спросил, пойдёт ли она вечером на «Ревность» Арцыбушева, с большим успехом идущую у Незлобина. Она обещала подумать, сказать через час, мялась и ничего не сказала. Я плюнул на Арцыбушева и решил идти в «Сокол», а завтра послушать «Кармен» и не брать Шурика за капризы.

В «Соколе» в этой очереди мало народу, поэтому заниматься пришлось много: изломали во-как!

12 ноября

Меня разбудил громогласный звонок телефона. Чуть брезжил рассвет. Я испугался, рассердился и решил не подходить к аппарату. Через некоторое время кухарка доложила, что господин Сабуров просят меня к обеду. Я спросил, который час, - было полвосьмого. Сабурову не спится, так он и звонит ни свет и ни заря.

Вообще же интересного в этот день было мало.

Заходил в Консерваторию. Обедал у Сабурова, играл с ним в шахматы (+1-1) и на рояле. Он обещает познакомить меня с музыкальным домом Зиновьевых, о чём говорил в прошлую зиму.

В половину двенадцатого я был дома и лёг спать.

13 ноября

Генеральная репетиция. Тиля Ганзен сообщает, что у неё раздуло щёку и что на репетицию не придёт. Ничего, за этот номер я спокоен: больше времени останется на симфонию. Так я и сделал и налёг на симфонию сколько было сил. Останавливались, повторяли, провозились до двенадцати часов, совсем на генеральную репетицию не было похоже, но симфония не блистала, впрочем, третья и четвёртая части - прилично. Со Шкляревской - ничего; цыбинские вещи - лучше. На репетиции, по обыкновению, довольно много слушателей. После репетиции раздавали всем билеты, а затем я шёл с Бушен по Морской и Невскому. Взял у Алфёрова пятьдесят рублей, мне их дали, но сказали, что там остаётся всего двести с чем-то рублей. Я не знаю, как они считают, но это не очень много, приняв во внимание, что там в своё время было положено 4400. Пришёл я домой в четыре часа, усталый, голодный и страшно злой; поел и заснул на диване.

Вечером с мамой были у Андреевых, играли в «винт». Было мило вследствие обоюдной симпатии.

14 ноября

Проспал, чего отнюдь не следует делать, раз лёг вовремя, а то бывает тяжёлая голова. Чинил замок у шкапа, очень гордился, что починил, вообще же ничего не делал, надел фрак, побрился и пошёл на концерт, начало которого в час. У Ганзен свинка, звонила, что участвовать не может; очень жаль, потому что этот номер прошёл бы лучше всего. Пришёл я за кулисы в хорошем настроении - перед дирижёрскими выступлениями я не волнуюсь, но мне сейчас же испортили моё настроение, сказав, что, кажется, Тилю экстренно заменит Яша Хейфец и, ввиду экстренности замены, с листа будет дирижировать Черепнин, а не я. Впрочем, замена почему-то не вышла и меня огорчили зря. Тем не менее концерт опоздал началом на сорок минут, вызывая негодование публики. В ожидании я повидал Мяскушку, «сокола» Бориславского, Бушен. Последнюю снабдил, по её желанию, партитурами.

Наконец концерт начался. Я вышел к пульту не по авансцене, а через оркестр, пробираясь между пультами. Тем не менее меня с галёрки заметили ещё на пути и встретили аплодисментами. Я встал за пульт, раскланялся, велел Василию пересадить кларнетов, которых почему-то поместили среди фаготов, довольно долго подождал и начал. Первые аккорды подали отлично, затем всё пошло складно, лучше, чем вчера. Я чувствовал себя хозяином вещи, хотя, конечно, многое не было выполнено, но добиться тонкости исполнения от ученического оркестра - задача маловыполнимая. К финалу я устал и на партитуру с моего лба сыпался целый град капель. Публика хлопала каждой части; по окончании я был вызван; Глазунов сказал, что я сделал огромные успехи; Черепнин похвалил и сказал кому- то:

- А Серёжка-то наш намахался!

В антракте я беседовал с Мясковским, который, по обыкновению, нашёл пропасть недостатков, дал мне понять, что я не дирижёр, но всё же отдал дань тому, что я лучше дирижирую, чем в прошлом году. Среди публики были: мама с тётей Катей, Кокочка Штембер, Штейман, которого я рад был увидеть, старик Сабуров, вдали мелькала тонкая 19А.

Во втором отделении соединили малый оркестр с большим, образовалось целое море музыкантов. Цыбин дирижировал «Эврианту». Это не трудно; впрочем, «Эврианта» сошла отлично и имела большой успех. Цыбина вызывали несколько раз. За «Эврiантой» следовал Концерт Листа. Шкляревская волновалась и ломалась чрезвычайно. В трудном концерте с неритмичной солисткой вообще никто не был уверен. Нас провожали на эстраду, вроде как на войну:

- Ничего, Бог даст, сойдёт...

- Что случится, так главное не теряйтесь... - и т.д.

В конце концов, когда я очутился за пультом, мне стало смешно. Концерт прошёл без скандалов. Черепнин насчитал три недочёта, но незначительных и почти всегда неизбежных. Глазунов похвалил. Увертюрой к «Моряку-Скитальцу», сыгранной под управлением Цыбина, закончился концерт.

Я прикинул, что мне делать после концерта - и отправился с Шуриком Бушен по Морской и Невскому. Вернувшись домой, звонил Штейману, который с одобрением отзывался о моём дирижировании; хотел было предложить ему пойти где-нибудь пообедать, а вечер провести в театре, но оказалось, что он сегодня занят. Тогда я решил провести вечер дома, тем более, что чувствовал большое утомление. Звонил по телефонам и играл на рояле. Вчера я видел «вещий» сон, что я играю на моём весеннем экзамене, в качестве пьесы русского автора, фугу С.Танеева. Последнее время я совсем забыл о её существовании. Сегодня, вспомнив сон, я взял фугу и нашёл её восхитительной. Положительно я выучу её для экзамена.

15 ноября

Теперь надо приниматься за оперы: Цыбин дирижирует двумя картинами из «Риголетто», я - тремя из «Аиды».

Пока же купил газеты и стал смотреть, нет ли чего про вчерашнее. «Петербургский листок»: не очень похвалил меня, зато одобрил Цыбина; «Петербургская газета» и «День» просто выругали меня, зато похвалили Цыпу. Сначала мне стало досадно; потом смешно; потом я представил, как возлорадствует всякий консерваторский балласт - и разозлился; потом мне стало просто весело и, сделав прогулку, я пришёл в Консерваторию. В Консерватории ничего примечательного.

Вечером играл «Аиду» и был в «Соколе». Три предыдущих раза я ходил во вторую очередь, малопосещаемую. Сегодня я пришёл в первую и было приятно попасть в оживление и толкотню. Фотограф снимал нас.

16 ноября

В Консерватории целое сражение Черешпша с Палечеком. Первый, в пылу вспыльчивости, наскочил на второго за то, что певцы якобы обижают младших дирижёров, а одна певица вчера наговорила дерзостей тихонькому Цыбину. Палечек горячился, уши краснели, лиловели, даже синели, я боялся, что будет удар. Наконец дело уладилось. Черепнин, уж видимо, жалел о своей горячности и ввиде примирения сам аккомпанировал на рояле «Аиду». Мне это было на руку: я прислушивался к темпам. Отличная Амнерис Мореншильд, певшая в прошлом году «Орлеанскую деву». Правда, у неё какой-то искусственный голос, но точная интонация и драматическая игра. Сегодня меня целый день преследует тема из «Аиды», до одурения.

В четыре часа пошёл к Мяскушке, у которого был Белоусов; Мясковский успел заставить его поверить в мою «Балладу» и теперь мы её сыграли два раза. Это было для меня огромное удовольствие - я в первый раз услышал мою вещь: все ноты Белоусов играл верно; на верхах виолончель пела и выла, интонируя верно, как на клавишном инструменте; все подъёмы и раскаты выходили - словом, я был в восторге. Между прочим, он посоветовал вторую тему играть pizzicato; что я и принял.

Но московский Abend[96], похоже, откладывается, так как певица больна, а к несчастью она жена Держановского и без неё вечер не состоится. Белоусов же занят весь декабрь; стало быть, если концерт отложится, то на январь. Я очень недоволен.

Мои примечания к изданию Концерта Des-dur вызвали в Москве не только разговоры, но и всяческие сомнения, так что Юргенсон стороною, через Держановского - Мясковского, решил запросить меня о каких-то якобы неисполнимых нотах и о всяких транспониментах (в партитуре так, а в партиях иначе). Мясковский, не справившись у меня, ответил, что Концерт исполнялся дважды и все написанные ноты были сыграны, что же до транспонимента, то таково желание автора, которое он не уступит. Правильно, молодец, Мяскуша!

Вышла его d-moll'ная Соната. Некогда она была посвящена мне, затем отнята за какие-то резкости. Теперь она оказалась посвященной какой-то Гофман[97], его старой знакомой, которая много играла ему Сонату. Чёрт с ними, а видеть эту Сонату я очень рад. Летом 1911-го я много играл эту Сонату и послал автору

[96] Сокращение от Klavierabend (нем) - сольный концерт пианиста.

[97] Гофман, Надежда Людвиговна, пианистка.

длинное письмо с советами о всяких мелких переделках. Тогда он почти всё отверг, но теперь всё переделал по-моему. Другая его вышедшая соната, виолончельная, мне нравится менее.

После обеда я собрался на концерт Зилоти, хотелось послушать «Jeux»[98] Дебюсси. Билеты все проданы - тогда я пошёл по артистической лестнице и послал Зилоти карточку с надписью: «ССП чрезвычайно просит Александра Ильича пропустить его, дабы послушать «Игры» Дебюсси». Зилоти велел пропустить меня и я попал в концерт.

«Игры» интересны, поэтичны и бессодержательны.

- Ну да, вы не находите мяса, - говорит Черепнин; сам же он взамен «мяса» находит что-то другое и очень любит «французов».

Встретил Л.А.Захарову. Она говорит, что Годовский расхвалил Бориса и предсказал ему завоевание Старого и Нового Света.

- Так что Боря теперь уже повторяет английский язык для Америки, - добавил я.

- Должно быть, в Вене он не засидится, - продолжала Л.А., - но вы понимаете, что прежде, чем вернуться в Россию, ему необходимо привезти кусочек лавров из-за границы.

Верно. Хотя: Белоусов загрёб лавры со всей Европы, тем не менее в Петербурге успеха не имел.

С концерта я поехал на новоселье к Эрасмусу, очень милому господину, другу Серёжи Себрякова. Я с ним познакомился в Москве, играя на Музыкальной выставке Дейши-Сионицкой. Особенно весело не было, но сам он очень мил, смешил нас карточными фокусами и поил вкусным крюшоном. Затянулся вечер до трёх часов, чего я очень не люблю.

Днём, на Сенной, садясь в трам, столкнулся с Мариночкой Павловой. Но мне почему-то показалось, что я ей буду неинтересен, а потому на её любезное приветствие я ответил двумя-тремя фразами и поспешил распрощаться.

17 ноября

Сидел дома и занимался; только часок среди дня пошёл пройтись по тёплой, ветреной и мокрой погоде. Почти кончил сочинять e-moll`ную пьеску для Op.12. Я не хочу называть её Intermezzo, но на название Capriccio ещё не остановился. Я её очень люблю, но вторая половина что-то не хотела ладиться; теперь вышла. Надо поскорее кончить и послать Вере Николаевне[99] в Берн, а то ей всё ещё там нездоровится и она скучает.

Затем вышла вторая тема для концертино и кое-что для будущей симфонии. Вообще, мои ближайшие композиторские планы: скрипичное концертино (нежное, элегантное); симфония (грозная, трагическая, безудержно стремительная); вариации (тонкие), уже намеченные; романсный опус (шесть штук), из которых два уже есть, следующие же будут написаны для Анны Григорьевны.

Вечером со Штейманом были в Музыкальной Драме на «Кармен». Музыкальная драма положительно привлекает внимание: сценическая сторона, постановка, отделка, детали - хороши, часто замечательны. Оркестром дирижировал не Бихтер, а потому музыкальных искажений не было. «Кармен» я слушал с величайшим удовольствием. Опера во многих отношениях образцовая. А как хорошо, когда много яркого тематического материала!

[98] «Игры».

[99] Мещерской.

18 ноября

Двадцать девятого Консерватория празднует юбилей Лядова небольшим концертом из его сочинений, которым дирижируют Глазунов, Черепнин и даже Габель. Сегодня приступили к дирижированию, а потому я заезжал в зал на полчаса.

Затем я пошёл домой. Дома много занимался, а вечером был в «Соколе». Встретил там Юрия Фролова, с которым некогда встречался у Павских и у Алперс.

19 ноября

Сегодня день рождения Бориса Захарова: двадцать шесть лет; по этому поводу я третьего дня послал ему постальку.

Утром старательно играл экзаменационную программу. Выучить-то я её выучу порядочно, но Боже, как утомительно будет разыгрывать всю её подряд!

Днём в Консерватории проходил с Черепниным дирижёрскую сторону «Аиды», а после того её же в классе Палечека. Партитура рукописная, строчки скрипок наверху, флейты под ними, фаготы между трубами и тромбонами, повторные такты не выписаны, а занумерованы, - словом, трудно себе представить что-нибудь более бестолковое... Спасение в том, что музыка и инструментовка необыкновенно просты.

На ученический вечер пошёл с мамой, которая тоже хотела послушать, как играет Штембер. Маму служители с поклоном проводили вперёд, а я пошёл на балкон, считая, что там веселее. Штембер - отличный пианист.

20 ноября

Меня приглашают исполнить мои пьесы на каком-то закрытом вечере высших женских курсов, где будут демонстрироваться передовая литература и музыка. Состоится это двадцать четвёртого. Я дал согласие.

Занимался на рояле, сочинял кое-что для симфонии, сделал большую прогулку. Вечером был у Мясковского. Играл доконченное мною Capriccio, но без особенного эффекта, а я его очень люблю. Mme Держановская всё ещё больна и неизвестно, состоится ли двадцать девятого московский вечер или нет. Держановский ничего не пишет, а Белоусов и я злимся и пребываем в неизвестности.

21 ноября

А.Н.Есипова с Ауэром даёт обычные два Sonatenabend'a[100], по сему случаю мы уже третью неделю без урока. Сбор на подношение Анне Николаевне цветов прошёл плохо в неумелых руках Бендицкого. Собрали всего тридцать пять рублей, на которые сегодня с Бендицким я заказал корзину цветов, впрочем, довольно большую и элегантную. Днём играл на фортепиано и занимался, несмотря на праздник, «Аидой» в Консерватории. В сем часов поехал к Рузским, у которых сегодня обед с «музыкантами»: Зилоти, Оссовские, Романовский, баритон Андреев, Погожев и прочие.

С девицами я как-то тут погрызся по телефону, вследствие чего они меня сегодня «презирают». Наоборот, родители extra-милы; гости тоже все старые знакомые, очень славные. Обед с шампанским, хересами и ликёрами наполнил голову шумом. Встали из-за стола в двенадцатом часу. Романовский играет мою F-moll'ную Сонату на своём концерте в марте и страшно её расхваливает. По этому случаю заставили

[100] Концерт из сонат (нем).

её играть. В голове громко шумело, но я сыграл Сонату довольно бойко. За Первой Сонатой запросили Вторую, которую я тоже сыграл не без успеха (особенно у А.В. Оссовского; Зилоти уехал раньше). «Легенда», «Ригодон» и «Прелюд» имели успех больше всего.

22 ноября

Так как вчера лёг в полчетвёртого, то сегодня проспал. Написал Катюше Шмидтгоф письмо, что двадцать четвёртого я не играю в Москве, как она думает. Она меня очень ждёт. Днём - Консерватория. Я заявил, что завтра явлюсь в хор - посмотреть, как без меня выучили. Мясковский телефонирует, что Держановский откладывает концерт на январь. Очень жаль. Придётся просто поехать в Москву: для торговли с Юргенсоном, для разговоров о «Маддалене» и для посещения Кусевицкого с Концертом №2.

Был у меня Цыбин, он снимает на лето сезон в Ростове ли, в Баку ли - по этому случаю забрал у меня четырнадцать штук всяких партитур. Вечером я был в «Соколе». Мой «Марш» хотят фотографическим путём воспроизвести на открытках - просят для этого чётко его написать.

23 ноября

Если мне никуда не надо идти, то я никак не могу рано встать: это свинство. Так и сегодня, я только в одиннадцать часов сел за рояль.

Московский концерт откладывается - значит, можно налечь на есиповский репертуар. В час пошёл в Консерваторию учить партитуру «Аиды», которую на дом не дают. В половину третьего - хор. Гаук было взялся дирижировать, но я посадил его играть, а сам взялся за палочку. Хор, по-видимому, приучился с Гауком работать лениво, болтать и петь невнимательно. Я сразу забрал их в руки, сделал целый ряд оттенков, громко стучал палочкой, когда они невнимательничали, иногда прикрикивал, вообще же шутил и добился того, что хор спел хорошо и с оттенками.

Пришедший к концу занятий Николай Николаевич, видимо, одобрил мои деяния. Затем мы репетировали с мужчинами закулисных жрецов, которых Крейслер, к моему удивлению, подготовил отлично.

Николай Николаевич шепнул, что, кажется, дело с третьим беляевским концертом выгорает («Нарцисс» и мой Des-dur), чем привёл меня в полнейшую радость.

После Консерватории я забегал к Мясковскому. Держановский просит умилостивить меня:

- Не надо на него сердиться, - умиротворяюще сказал Мясковский. - Дела его «Музыки» совсем плохи...

Я решил уехать в Москву двадцать девятого и запросил Держановского открыткой, будет ли в этот день в Москве Юргенсон и надо ли привозить «Маддалену». Хотя Мясковский теперь увлечён инструментовкой 3-й Симфонии, кроме того, задумал уже четвёртую и пятую, так что соркеструет «Маддалену» едва ли. Вечером я сидел дома, играл на рояле и дописал фортепианное переложение фаготного Скерцо. Играл Мяскушке сокольский «Марш», очень конфузился, но, к удивлению, получил одобрение.

24 ноября

Проспал; потом прогулялся по Морской и Невскому. Целый день сидел дома, сочинял тему для симфонии, играл на рояле, а после обеда нечаянно сочинилось

начало нежно-томительного вальса.

Позвонила Соня Эше. Сенсационная новость: она после жестокой борьбы с самой собой, поступила в оперетку, где читает, танцует танго, блещет нарядами, пользуется успехом, получает цветы, хорошее жалование. Боится, что всё это быстро кончится, потому что она не поёт, берёт экстренные уроки пения и зовёт меня посмотреть на неё.

Мне было приятно поболтать с моей старой приятельницей, испорченной, сумасшедшей, но умной.

Вечером я поехал к Раевским на именины, где по случаю «Екатерины» были гости и «винт». А в пол-одиннадцатого заехал автомобиль со студентом и меня повезли на вечер новейшей литературы и музыки на Бестужевские курсы. Когда я туда явился, читал свои стихи (или правильней - мурлыкал на какой-то мотив) Игорь Северянин. Курсистки неистовствовали и прямо выли от восторга, бесконечно требуя бисов.

После антракта играл я на довольно мерзеньком рояле, дававшем приличное forte, но отвратительное piano. Юлия Вейсберг предупредила меня, чтобы я для не слишком музыкальных курсисток выбрал что-нибудь попроще, поэтому я сыграл «Сказку», «Гавот», «Прелюд» и скерцо из Сонаты. Все вещи, требующие исполнения нежного, звучали на этом рояле отвратительно - я едва их доиграл. Зато скерцо звучало хлестко и вызвало в зале аплодисменты, визг и бисы. Я довольно долго не выходил, затем кланялся и мне странно было видеть битком набитый зал с одними женскими лицами. Мужчин не было ни одного. Я играл на бис 4-й Этюд и «Ригодон» и был поражён визгом и бисами; кто-то требовал Сонату (я был крайне доволен, что моя «литература» становится известной...). После меня - с меньшим успехом - следовали странные романсы Стравинского в исполнении его брата и порой не лишённые остроумия штучки Каратыгина.

Дебюсси на днях дирижирует у Кусевицкого. В четверг журнал «Аполлон» приглашает к себе французского композитора. Каратыгин приглашает меня сыграть мои сочинения.

Одна из курсисток восхищалась умом и начитанностью Чудовского. Мне было смешно слышать её панегирики; я возражал, что он шаркун и лишь хороший шахматист. Она, в свою очередь, дивилась моим словам, говорила, что он теперь страшно серьёзен, целые дни сидит в Публичной библиотеке, целые ночи работает, отрицает скандинавскую литературу; кроме того... женился!!

25 ноября

К двенадцати часам я пошёл в Консерваторию послушать, как репетируются лядовские сочинения. К сожалению, опоздал к исполнению романсов Анной Григорьевной, зато слышал хор (из «Мессинской невесты»), который довольно мило звучал, хотя они все мои оттенки забыли.

Вернулся домой, позавтракал и пошёл назад - репетировать «Аиду» под фортепиано, но в большом зале и с хором. Так как большой зал долго не отпирали,

то в коридоре второго этажа набилась огромная толпа, целый митинг: хор, много солисток, случайно рекреацировавшие научные классы. Я люблю такие скопления. Тут же из класса Фострем выпрыгнула Белокурочка, очень славная в своей светлой рубашечке. А затем все участники «Аиды» повалили в открывшиеся двери

Большого зала. «Аида» идёт весьма прилично.

Вечером гимнастировал в «Соколе». Восьмого у них вечер и меня просят выступить в концертном отделении.

Восьмого днём - спектакль «Аиды», вечером в таких случаях всегда не знаешь, что делать, а потому я с готовностью согласился.

26 ноября

Играл Ор.111 Бетховена, учил партитуру «Аиды», сочинял темы для симфошки - всего по-чуточку. В час понёс Ор.111 на урок к Анне Николаевне. Бедняга возится с ужасным кашлем: то ей не позволяли показываться на улицу, а теперь и по квартире запретили ходить - велели сидеть безвыходно в одной комнате. Урок носил несколько экзотический характер: я играл в гостиной, а она сидела в спальне; Позняковская же прибегала к роялю и говорила, что Анна Николаевна просила сделать такой-то и такой-то оттенок. Сонату я играл неровно и невыдержанно, по мнению Анны Николаевны, но она нашла, что соната в моём духе и могла бы у меня выйти хорошо.

Потом с Черепниным проходил партитуру «Аиды». Так как у нас репетиций мало, то сам он предварительно не будет проходить её с оркестром, а поручает это делать мне. Это интересно; надо только хорошенько вызудить партитуру. Вызудить- то, конечно, и думать нечего, более или менее познакомиться, думаю, успею.

Вечером пошёл на ученический вечер; программа не обещала быть интересной, но всё равно, я люблю наши ученические вечера. Первое отделение я просидел с Дамской и её довольно славненькой сестрой, и скучно не было. Неожиданно для меня пела Умненькая; зал её встретил аплодисментам, но пела она не очень хорошо. В антракте я её не видал, зато в упор налетел на папашу, который, к моему величайшему изумлению, засыпал меня любезностями. Второе отделение я сидел с Володей Дешевовым, с которым страшно давно не виделся. Он, по обыкновению, мил, занимается по семь часов в день, но всё же не успеет кончить в этом году и откладывает до будущего года. Между прочим, он сообщил, что Тамочка Глебова вступила в гражданский брак с каким-то артистом и уехала со своим мужем в своё рязанское имение. Мне сначала показалось это забавным, а потом я решил, что она молодец, настоящий молодец!

Во втором отделении появилась Бушен, пять раз пересаживалась на разные места, чтобы я её видел, но я решил не обращать внимания, несмотря на все старания.

27 ноября

Сегодня я раз десять звонил Кусевицкому в «Европейскую гостиницу», но так ничего и не добился. Я хочу показать ему мои новые сочинения, благо он так мило принимал меня весною; пользуясь его пребыванием в Петербурге по случаю его очередного концерта. Вечером я пошёл на этот самый концерт: сочинения Дебюсси и дирижировал сам Клод. Много у Клода интересного, но он однообразен и скучен. Кусевицкий очень мило встретил меня, но просил показать ему мои новые произведения в его следующий приезд или когда я приеду в Москву. Я сказал, что еду в Москву послезавтра, но это его не устроило. Так пока ни на чём не порешили, а он принялся расхваливать музыку Дебюсси. Маковский, редактор «Аполлона», изъявил свой интерес к моему завтрашнему выступлению в «Аполлоне» на чествовании Дебюсси. Я ответил, что получил приглашение и собираюсь прийти.

- Как прийти? Мы все ждём ваших сочинений! Вам очень заинтересован Дебюсси, ему Кусевицкий много про вас говорил, да и мы рекомендовали вас как «compositeur russe qui a le plus de talent»[101].

Я был крайне польщён. Решился ко мне подойти и Чудовскнй, говоря, что моим выступлением в «Аполлоне» очень интересуются. Я ответил ему довольно неопределённо и холодно. Он действительно женился и у него довольно интересная

[101] Самый талантливый русский композитор (фр).

жена.

Мелькала в зале Шурик Бушен, я хотел найти её и идти вместе, но она куда-то скрылась. Возвратился я домой очень довольный.

28 ноября

Генеральная репетиция лядовского юбилея. Хотя я не принимаю участия, но пришёл к началу: во-первых, послушать программу, во-вторых, генеральные репетиции всегда носят оживлённый характер. Хор из «Мессианской невесты» обыденен, но симпатичен. Габель, встреченный бурными аплодисментами, встал за пульт и благополучно промахал «Полонезом». Анна Григорьевна тонко, но слишком piano, спела русские песни. Творчество Лядова незначительно, хотя по-своему уютно. К самому же юбилею моего бывшего профессора-теснителя я отношусь индифферентно.

Встретил балаболку Садовскую, теперь по мужу Бохановскую, мою товарку по научным классам, с которой мы почему-то на «ты». Увидя Клингман, я стал спрашивать у неё, как идут «танцы мальчиков», которые готовят для «Аиды» в классе пластики. Я хочу на днях зайти на правах дирижёра в этот класс: посмотреть и дать темп.

Промелькнула Ариадна Никольская, героиня прошлогодних романтических похождений с Максом; с тех пор я её не видел. Теперь она выскочила из класса пластики, надо думать, будет плясать «мальчика». Я вернулся в Малый зал, где нашёл Шурика Бушен. Она было сделала кислое лицо на тему, что я не узнал её на ученическом вечере, но я живо усластил её и она весело затрещала. Она ушла в класс к St.Serge'у, я пить молоко. Репетиция тем временем кончилась и все разошлись.

В четыре часа надо было отправляться в «Аполлон» на чествование Дебюсси, где я должен играть «Этюд» и «Легенду». Но почему-то прежде, чем идти туда, меня шатнуло в Консерваторию. Пришёл и натолкнулся на Белокурову и Клингман. Я шёл с Палечеком и всем оперным классом в Большой зал, где собирались репетировать «Аиду». Я весело крикнул Клингман:

- Елена Максимовна, пойдёмте, по старой памяти, к нам в хор!

Она ответила, что её всё равно не пустят. Белокурова, видя что мы разговариваем, отошла в сторону, но Клингман позвала её назад и познакомила нас. Итак: всё разрешилось просто. Я был счастлив, хотя делал вид, что мало обращаю внимания на знакомство с Белокуровой. Она очень привлекала: была элегантна, весела и женственна.

Я поехал в «Аполлон». Там толпа музыкантов и артистов; среди них много знакомых, с которыми я с удовольствием повидался. Дебюсси в сопровождении четы Кусевицких приехал с опозданием. Его приветствовал Чудовский изысканной французской речью, такой изысканной, что я почти ничего в ней не понял, может и Дебюсси не всё понял. Затем, запинаясь, говорил Сакетти. Полоцкая-Емцова сыграла «Картинки с выставки» Мусоргского. Анна Григорьевна, очень волнуясь, спела два романса его же. Ещё один певец - и выступил я с 3-м «Этюдом» и «Легендой». Чуть волнуясь и заплетаясь пальцами, я сыграл их. Публика выслушала внимательно и одобрительно захлопала. Дебюсси встал, подошёл и похвалил вещи и своеобразность техники. Николаев хвалил моё исполнение, Каратыгин - «Легенду», которая являлась новинкой. Кусевицкий не процедил ни слова, чем до некоторой степени разогорчил меня. Но супруга, почётно восседавшая одесную[102] от Клавдия Дебюсси, с готовностью мне аплодировала. Все пошли «чайпить», после

[102] Т.е. справа, десница - правая рука.

чего речи и концертное отделение продолжались, огорчая Клавдия своей длинной и возбуждая у публики уже меньший интерес. Я имел очаровательный разговор с матерью Тамары Глебовой; был представлен Чудовской жене, интересной даме, художнице, наговорившей мне тьму комплиментов; познакомился с профессором Калем и уехал домой. Был восьмой час и я устал.

Дома открытка от Держановского, что меня с «Маддаленой» ждут в Свободном театре завтра в двенадцать часов дня. Я собирался ехать завтра - надо сегодня. Усталость сделала меня вялым до такой степени, что предстоящая поездка меня прямо пугала. Однако, я напомнил себе, что лучше всего спится в вагоне, быстро привёл дела в порядок, заехал к Колечке за «Маддаленой» и с одиннадцатичасовым курьерским уехал в Москву. Яркая лунная ночь и белый снег делали вид в окно очень привлекательным.

29 ноября

Поезд пришёл в Москву в половину одиннадцатого. Я отправился прямо к Держановскому, который созвонился с Юргенсоном и со Свободным театром; в этот последний я и отправился, а Борис Петрович ждал меня в четыре часа. Сараджев встретил меня страшно ласково и потащил на фортепианную репетицию «Кащея», которую надо было кончать. Я с удовольствием послушал эту милую оперу. По окончании репетиции Сараджев повёл меня в уютный кабинет Марджанова, одного из главных заправил и режиссёров театра. Марджанов мне чрезвычайно понравился. К нашей группе присоединились ещё режиссёры, второстепенные дирижёры, певцы и певицы, всего более десятка. Мы вернулись в комнату, где происходила репетиция «Кащея», и я уселся за фортепиано. Надо было рассказать содержание оперы. Сначала я запинался и подыскивал слова, но дальше рассказ пошёл живее, я цитировал фразы, иллюстрировал сценическое движение и делал экскурсии в область психологии действующих лиц. Кончил я рассказ под восклицания одобрения сюжету. Я стал играть оперу. Надо сказать, что после того, как я её переделал и в сентябре отдал Мясковскому, я не видал ни разу моей рукописи, многое позабыл и теперь врал немилосердно, попадая в соседние аккорды и пропуская целые такты. Но я заботился об одном: сохранить драматизм и пыл оперы. Это удалось и когда я кончил, Марджанов воскликнул:

- Темперамент и психология действующих лиц мне чрезвычайно нравятся, а о музыке я предоставляю судить Константину Соломоновичу.

Тот с готовностью высказался в пользу музыки. Артисты подходили и просили сыграть то или иное место. Я, усталый и голодный, с наслаждением пил чай с бутербродом. Выяснили, что в этом сезоне никак не поспеть с инструментовкой и надо её поставить осенью. Поговорили о том, издаст ли Юргенсон клавир, и стали меня звать сегодня вечером к ним на спектакль. Любезно провожаемый я поехал на городскую станцию, взял билет на сегодня в двенадцать часов ночи и пошёл к Юргенсону продавать Ор.12. Он был мил, поговорил о том, о сём и предложил за десять пьес двести пятьдесят рублей. Я ответил, что мало-мало, если пятьсот, доказывая, что это самые мои ходкие и популярные пьесы. Юргенсон предложил триста пятьдесят, потом четыреста, но я не уступал и приводил веские доводы, что мало-мало, если пятьсот.

- Попробуем... - лениво проговорил он и потянулся за листом отречения.

Я расписался, получил двести рублей, (триста по почте), не стал надоедать с «Балладой», отложив её до февраля, и, простившись с Юргенсоном, поехал обедать к Сараджеву. У него обедал ещё талантливый артист Чабров, объездивший Европу и интересно рассказывавший про Испанию и Будапешт. Позвонил Юрасовичу: «Вам кто-то ворожит!» - воскликнул он, узнав про пятьсот рублей. Затем, имея совсем

мало времени, поехал навестить Катюшу Шмидтгоф. Это было в другом конце Москвы. Едва разыскав Нижний Таганский переуток, я попал в полную глушь со скверненькими домиками и пьяными на улице. Я взглянул на часы - у меня времени почти не оставалось: надо было спешить в Свободный театр, где просили не опаздывать. И так мне не захотелось тревожить бедную семью, так меня потянуло домой, хотя я и знал, что мне будут рады - что я сел в трам и поспешил в театр...

Меня посадили в первый ряд и я слушал пантомиму «Покрывало Пьеретты» с музыкой Донани и сюжетом Шницлера. Меня расспрашивали (Марджанов, Сараджев, артисты), как я нахожу этот род искусства, желая, чтобы я написал пантомиму. В антрактах таскали за кулисы и вообще были крайне внимательны. Я пришёл к тому заключению, что пантомима тогда хороша, когда в ней сплошное движение, когда каждый такт музыки соответствует определённому движению на сцене, но если большой кусок музыки соответствует большому сценическому эпизоду, не выражая деталей, то выходит скучно и глупо.

Прощаясь с Сараджевым, я спросил: как надо считать дело с «Маддаленой»? Он ответил, что, конечно, выигранным, но у них ещё не кончились в правлении всякие «революции», дней через пять всё уладится и тогда он мне сообщит. Я же сказал, что партитура начнётся только тогда, когда у меня в руках будет контракт.

До поезда оставалось пятьдесят минут. Я нанял извозчика и поехал на Николаевский вокзал. Он повёз меня всякими переулками и наконец остановился у вокзала, впрочем мало похожего на Николаевский. Дурак привёз меня на Брестский, который был в противоположной стороне. До поезда полчаса. Я вскочил на другого извозчика, посулил ему рубль и погнал его на Николаевский. Без шести минут двенадцать я был на месте, успел съесть бутерброд и к третьему звонку сел в вагон.

30 ноября

Приехал я в Петербург, как вчера в Москву, пол-одиннадцатого. Спал так, что чуть не проспал мою столицу. Вернувшись домой, поговорил с мамой, поучил партитуру «Аиды», сочинил для симфонии тему, немного грубоватую, но отличную. В три часа пошёл в Консерваторию. Там сегодня оказался конкурс певиц: кому петь в первом составе. Опять огромная толпа участников толкалась во втором этаже. Белокурочка откуда-то вылетела прямо на меня и остановилась с приветливой улыбкой. Я вежливо, но официально, поздоровался и пошёл дальше, на самом деле радуясь, что вижу её. Конкурс был открытый, в зале много учащихся, певцов и певиц. Говорят, что подобные конкурсы - зло. Я же очень их люблю за внешнюю обстановку: все возбуждены, волнуются, ненавидят друг друга, профессора и особенно профессорши нервничают и готовы сразиться за своих учеников, случаются маленькие скандальчики и стычки между «начальством» - всё это весело и забавно. В результате у меня поют: Амнерис - талантливая Мореншильд; Аиду - добропорядочная Селезнёва; Радамес - вне конкурса, так как он один: Викинский, очень музыкальный и надёжный.

Вечером пошёл на концерт Рахманинова. «Остров смерти», если отнять растянутое начало, прекрасная вещь. 2-й Концерт я тоже высоко ценю, но отбарабанил его Зилоти в таких темпах, что порой становилось жутко, а порой - противно. Далее следовала новинка - «Колокола». Меня поразила масса интереснейшей и остроумнейшей изобретательности, не всегда свойственной Рахманинову, масса любопытных приёмов, много приятных неожиданностей. Третья часть, «Набат», привела меня в полнейший восторг своею стихийностью и силой выражения. Я решил, что это лучшее, что написал Рахманинов, горячо аплодировал и спорил с нашими любителями новой музыки, отвергавшими

Рахманинова. Вернувшись домой, звонил Мясковскому, но увы, он тоже ругал «Колокола»: ни одной темы, масса бутафории и полное несоответствие музыки и текста...

1 декабря

Послал Вере Николаевне Мещерской посвященное ей «Каприччио», сделав на полях пару примечаний: 1) к слову «Каприччио»: «Оное название, не имея ввиду никаких характеристик, дано в качестве пособия характеру исполнения, равно же как и дань характеру лица, коему посвящена пьеса» (словом, туманно надерзил); 2) перед вторым трио: «Последующее, будучи автором оценено наиблагороднейшим этапом пьесы, угрожаемо принятием страдания от мнения футуробоязненного играteля, а почему и предоставляется оному несчастному прыгнуть отсюдова прямо на звезду». «Звезда» нарисована в начале последней репризы.

Днём в Консерватории состоялась первая оркестровая репетиция «Риголетто» и «Аиды». Присутствовавшие Черепнин и Габель, видимо, одобряют моё прохождение, находя лишь, что я утрирую темпы и. увлекаясь разучиванием, забываю о жесте, делая его безобразным. Вернувшись домой, провёл вечер у себя: играл на рояле, писал дневник и без конца говорил по телефону с Шуриком Бушен, рассказывая ей о московском вояже.

2 декабря

Утром оркестр: я докончил первое проигрывание «Аиды». Цыбин «Риголетто». Кажется, у Цыбина идёт менее гладко, чем у меня - по крайней мере, после репетиции Черепнин уединялся с ним в класс. Я поболтал с Луизой Блувштейн, ученицей Гелевера, с которой сидел как-то на вечере, пошёл позавтракать в «столовку» и вернулся в Консерваторию на свидание с Габелем, который благоволит ко мне и желает окончательно уговориться относительно темпов, дабы впоследствии не иметь столкновений. Затем коридоры наполнились участниками «Аиды» и «Риголетто», и все пошли в Большой зал делать последнюю подфортепианную репетицию: завтра уже с оркестром.

Вечером зашёл за мной Николай Штембер и мы вместе пошли в «Сокол».

3 декабря

Сегодня бы надо на урок Есиповой, но она больна и лежит в постели. Я не жалею о пропуске урока, потому что с аидными репетициями соната Шопена совсем закисла. Вчера уж и так на репетиции среди общего гвалта кто-то советовал написать Есиповой, что я болен. Я ответил:

- Хуже того: я напишу, что попал в сумасшедший дом!

Утром сочинялись всякие эпизоды для скрипичного концерта. Это будет более лёгкая и элегантная музыка.

К трём часам пошёл на первую оркестровую сценическую репетицию наших опер. Начали с «Риголетто» и с первого же такта завязли. Конечно. Цыбин первый раз за оперным пультом, но он был не столько виноват, сколько оркестр, который ничего не знал. А не знал он ничего, потому что Черепнин. беспечно провозившись с лядовским юбилеем, не оставил времени для подготовки оркестра и оркестр, наскоро проиграв оперы по одному разу, теперь оскандалился самым форменным образом. Останавливаясь каждую минуту и идя совсем вразрез с певцами, Цыбин провозился больше двух часов. На «Аиду» времени не осталось, ибо оркестранты, играющие в кинематографах и прочих весёлых местах, стали просить кончить

репетицию. Черепнин стал их поддерживать; Палечек возмущался и говорил, что так ничего не поспеем сделать.

- Если мы их сейчас задержим, - сказал Черепнин, - то все они заплатят штраф и завтра никто на репетицию не явится.

Палечек вспылил, налился кровью, забыл русский язык и, запинаясь, крикнул:

- А если не явятся, так в... в... выгнать их вон из Консерватории.

- Ну вот выгоните и меня с ними! - расшаркался Черепнин.

Мне эта реплика показалась настолько нелепой, что я ввязался в разговор:

- Николай Николаевич, нигде не видано, чтобы оперные репетиции длились только два часа. А наш оркестр такой распущенный и так сегодня оскандалился, что защищать его и обижаться за него положительно не приходится!

Моё неожиданное выступление и главное - слово «оскандалился» оказались роковыми. Черепнин сердито сказал Палечеку:

- Мне кажется, такие вещи надо обсуждать в закрытом кабинете, а не ссориться тут при всей Консерватории! - и с этими словами ушёл.

Репетицию кончили, а «Аиду» отложили на завтра. Я пошёл домой, зря прослонявшись два с половиной часа.

Вечером ходил на ученический вечер, но «никого интересного не играло»; лиц интересных тоже не было. Встретив Шурика Бушен, я был рад поболтать с нею. От Захарова, наконец, длинное и милое письмо. Я доволен.

4 декабря

Долго спал; благо все репетиции днём, то я решил позволить себе спать утром, дабы отсыпать свои нервы. Просмотрев кое-какие аидные речитативы и поздравив Оссовскую с именинами, я в третьем часу пришёл на репетицию «Аиды». С большим удовольствием влез за пульт и начал решительно и деловито. Ничего! «Аида» идёт приличней «Риголетто». Дирижировать ею, пожалуй, легче, но зато интересней, в ней есть целый ряд «аттракционов», которых нет в цыбинских отрывках: у меня и хор, и балет, и банда, и жрецы за кулисами. С непривычки певцов я почти не слышал и часто следил по их губам. Итак, надо считать репетицию удавшейся, ибо всё начальство заявило, что оно за «Аиду» спокойно. Черепнин со мною угрюмо молчит, хотя и шутит с барышнями.

Вечером я, немного усталый, сидел дома. Играл по телефону в шахматы с Голубовской. Одну из двух партий она выиграла, весьма неожиданно для меня.

5 декабря

Спал до двенадцати часов. Вышла моя Вторая Соната и сегодня я получил мои обычные пять экземпляров. Я люблю эту сонату и созерцание её напечатанной доставляло мне большое удовольствие. Я рад также, что вещь, которую я так люблю, посвящена Максу. Прийдя в Консерваторию на репетицию, я хвастался Сонатой. Играл её Голубовской и Бушен. Голубовская сделала несколько метких замечаний. Цыбин сообщает, что у него с Черепниным полнейший разрыв, настолько серьёзный, что Цыбин. пожалуй, уйдёт из класса. Начали репетицию с «Риголетто». Мне опять пришлось ждать и слоняться. Не знаю, как Черепнин с Цыбиным, но на меня определённо дуется. Наконец «Риголетто» кончилось; антракт - и «Аида». Сцена приняла парадный вид, заполнившись хором и балетом. Пресняков привёл своих «мальчиков»; всё это были хорошенькие и молоденькие девочки, аппетитно обтянутые чёрным трико. Оркестр полез на стулья, а все незанятые мужчины как будто нечаянно побежали на сцену и за кулисы; с Черепниным и Чупрынниковым во главе. Я принял сухой и деловитый вид и сел за

пульт. Но в оркестре стоял такой шум, что начинать не было возможности. Мне пришлось так заорать, что даже Габель смутился и схватил меня за руку. Но оркестр сразу замолчал, а я свёл мой крик на шутку. «Аида» прошла неплохо, за мной грехов было немного, разве что, увлекаясь сценой, я махал в piano слишком широко. По окончании репетиции я столкнулся с Черепниным, который быстро выпалил:

- Оркестр всё сплошь играет громко! И вы сами виноваты! Ученикам дирижёрского класса в своё время объяснялось, как показывают piano!! До свидания!! - и ушёл.

Несколько озадаченный такой ракетой, стоял я и разговаривал с каким-то теоретиком. Откуда ни возьмись - Серафима. Я подошёл и заговорил. Белокурова была гладко причёсанной и выглядела очень подурневшей. Я смотрел на неё, и она мне не нравилась. Или она всегда такова, я же лишь в воображении создал себе несуществующего кумира?! Печально, если так. Я простился и пошёл домой. Настроение - злое под влиянием этого открытия и черепнинской ракеты.

В «Сокол» я пошёл не совсем охотно, но размялся в нём и гимнастировал с удовольствием.

А всё же Белокурочка мила моему сердцу!

6 декабря

Спал долго. Репетиция сегодня в Малом зале, потому что Большой занят. Это весьма досадно, потому что я только что стал привыкать слышать голос певцов, а тут опять другое соотношение силы звука. Кроме того, сегодня репетировали со вторым составом, а потому был ряд остановок. По окончании «Аиды» я спросил Черепнина о моём жесте. Он ничего не ответил. Тогда я сказал:

- Я вас спросил по той причине, что вчера вы мне сделали замечание. Дома я работал в этом направлении и теперь хотел бы знать, достиг ли я цели.

Черепнин что-то пробурчал, а я отошёл в сторону. Цыбин начал «Риголетто». В это время Черепнин подошёл ко мне:

- Удивляетесь, почему я не отвечаю? Вы позволяете себе орать на меня вместе с Палечеком при всей Консерватории! Если бы я сколько-нибудь дорожил моей профессорской карьерой, я должен был бы совсем иначе с вами поступить. Я человек стреляный, меня ничто не удивит! Но если я этого ждал от Цыбина в марте, то от вас я ждал, по крайней мере, в мае, а случилось это теперь!

С этими словами он ушёл. Я никак не ожидал такого вторичного фейерверка, нашёл для себя крайне обидным, что он ждал от меня чего-то в мае и решил в ближайший день выяснить отношения. Несколько расстроенный, я пошёл к Н.В.Андрееву на именины. Там была мама; играли, несмотря на день, в «винт» и мило беседовали. От Андреевых - к Рузским. Масса гостей, шум, веселье, именинник Николай Павлович сияет, весь стол заставлен шампанским, ликёрами и фруктами. Николай Павлович нежен и очарователен: «Сергуся, Сергуся...». Ира едва подала руку. Я встретил многих знакомых, среди них Марусю, бывшую Ершову, теперь Торлецкую. Обрадовались друг другу, тараторили, курили. В семь часов я поднялся домой. Родители мило простились, но обедать не оставили, вероятно, по случаю ссоры с дочерьми. Это меня немного кольнуло. Вернувшись домой, я застал за обедом десяток родственников. Играл им 2-ю Сонату, которая очень понравилась. Все милы и собираются на «Аиду».

7 декабря

Генеральная репетиция, на которую я отправился с самым приятным чувством; хотя две вещи портили удовольствие: 1) инцидент с Черепниным не может быть

оставленным - надо выяснить отношения; 2) опера шла далеко не гладко и могла пройти сегодня плохо.

В Консерватории оживление. Как только открыли Большой зал, он сейчас же набился народом. Началось «Риголетто» с большим опозданием. Мне нечего было делать, слушать не хотелось и я ходил то туда, то сюда. Я пошёл в боковую ложу, где сидел хор и балет.

- Здесь вам нельзя! - сказала Вера Дмитриевна.
- Почему нельзя?
- Потому что нельзя будет повернуться, если все сюда влезут!
- Кто это все? Дирижёр «Аиды» один! - отрезал я.

Девицы рассмеялись, а вместо меня ушла Вера Дмитриевна, не выносящая моего общества. Я мило болтал с хором.

Среди слушателей в зале сидели приведённые мной мама и Mme Яблоньская. Анна Григорьевна делала им компанию. Недалеко от них - Соня Эше, пришедшая смотреть на меня. Но она подурнела, глаза и губы слишком подведены. Маруся Павлова, к которой я подошёл, мило репликовала на мои слова и выразила удивление, почему это я не поинтересуюсь, какой у неё теперь стал голос. Я сказал, что у меня есть романс, посвящённый ей, но я не показываю его, потому что бесполезно: всё равно не поймёт и не оценит. Я имею ввиду романс «Отчалила лодка», написанный на слова, данные Марусей, и в то время мысленно ей посвящённый.

Началась «Аида». За дирижёрским пультом я чувствовал себя превосходно, да и опера шла совсем неплохо - вдвое лучше, чем накануне. Раз мне пришлось остановить оркестр из-за неверно вступивших и спутавшихся скрипок, один раз покричать на зевавший сольный барабан, да раз посадить оркестр на место, ибо он поднял шум, влезая на стулья и глядя, что такое на сцене во время закулисного хора. Впрочем, кроме удовольствия, это мне ничего не доставило. «Аида» окончилась благополучно.

Черепнин, сидевший в первом ряду и не обращавший на меня внимания во время всей репетиции, перегнулся через барьер и довольно ласково сказал, чтобы я завтра пришёл пораньше и не волновался. Я ответил, что хочу с ним серьёзно поговорить. Вероятно думая, что я буду извиняться, он что-то пробурчал покровительственным тоном. По окончании репетиции со мной долго и нежно беседовал Габель; подходил и Черепнин, но я не сказал ему ничего.

Усталый, я вернулся домой, ничего не делал и ходил в Юсупов сад взять абонемент на каток и справиться, какая участь постигла забытые весной ботинки и коньки. Целы.

8 декабря

Спал крепко и долго.

Затем поиграл мою Сонату №1. побрился, одел фрак и поехал к самому началу, т.е. к «Риголетто». Настроение хорошее, как всегда, когда я дирижирую, и если его что портило, то это инцидент с Черепниным. Пришла уйма родственников - и кстати, ибо спектакль прошёл отлично. Хуже было «Риголетто», но «Аида» прошла хорошо, лучше, чем на генеральной. Я дирижировал «наверняка» и впивался глазами в тех музыкантов, от которых мне что-нибудь надо было выжать. Эти гипнотические попытки я делал в первый раз и они давали превосходные результаты. Инцидент был только один: Аида запела на полтакта раньше, но оркестр знал аккомпанемент наизусть и я без труда привёл их в порядок. По окончании оперы оркестр мне аплодировал.

Перед началом «Аиды» я сидел то в ложе с хором, то у «мальчиков» в

гримировальне, где бедные девочки с визгом подставляли лица под смесь сажи с пивом, долженствовавшую обратить их в негритосов. Все они были крайне любезны со мной. Я спустился в уборную к Мореншильд. Акцери обещает коробку конфет, если не буду заглушать Мореншильд. Действительно, в антракте я получил коробку с очень вкусными конфетами, угощал всех, в том числе начальство (Черепнин отказался; вообще мы не разговариваем, но по окончании он напомнил, что его класс во вторник в два). Мореншильд имела огромный успех. Я по окончании приходил к ней в уборную. Ирецкая очень благодарила, Мореншильд подарила цветок, Акцери - целую пачку фиалок. Вполне довольный, я возвратился домой.

Вечеринка в «Соколе». Не особенно хочется идти, но надо, обещал в концертном отделении играть Сонату (№1). Во время игры пианино вдруг сломалось и перестало давать звук. Я полез смотреть, что случилось с механизмом, - в зале поднялся хохот. Мне самому стало смешно и, громко сказав публике:

- Ничего не поделаешь, пианино не хочет играть, - я ушёл с эстрады.

Пианино починили и я сыграл Сонату. После этого я провёл приятный час с Mlle Добротиной, её братом и консерваторкой Дувидзон. В час ночи всей компанией пошли по домам.

9 декабря

Проходя мимо Консерватории, случайно заглянул в неё, отчасти рассчитывая встретить Черепнина, дабы объясниться. Кроме того, вообще приятно было потолкаться: после вчерашнего дня я чувствовал себя до некоторой степени героем. Шурик Бушен рассказывает о своём вчерашнем визите к Боровским, где она на чей-то скептический отзыв обо мне, выступила с пылкой речью в защиту моих талантов. Ей кто-то ехидно заметил:

- В таком случае вы, вероятно, очень счастливы, что вместе с ним учитесь в Консерватории...

На что Бушен возразила:

- Консерватория тут ни при чём, потому что мы встречаемся в ней редко, но я рада, что живу в то время, когда появляются такие сочинения, как его.

- Ого! Вы говорите точно о Чайковском или Бетховене! - на что она режет:

- Да, но можно неудачно родиться в такой промежуток, когда нет ни Бетховена, ни Чайковского, ни Прокофьева!

Все эпатированы. Mme Боровская бормочет:

- Я была бы рада, если бы у моего Шуры была бы такая горячая поклонница, как вы.

Семья Алперс присутствует и молча внимает дебатам.

В Консерватории я играл на рояле во время подфортепианной репетиции «Аиды» со вторым составом. Штейман очень мил, говорил, что слышал о вчерашней удаче с «Аидой» и жалел, что не знал о спектакле.

Вечером делал гимнастику в «Соколе».

Снилась Индия - и так захотелось ехать путешествовать: далеко, вокруг света. И это случится, это решено.

Я придумал такой маршрут: Ницца - Барселона - Мадрид - Лиссабон - Нью-Йорк - Вашингтон - Ниагара - Чикаго - Сан-Франциско - Калифорния - Панама - Куба - Бразилия - Рио-Жанейро - Буэнос-Айрес - Чили - Новая Зеландия - Австралия (с юга на север) - Целебес - Малакка - Индия - Цейлон - Красное море - Константинополь - Одесса - Петербург.

Срок - год, дабы пожить кое-где, а то и больше года. Папа подарил мне когда-то шесть толстых книг - вроде географической хрестоматии. Тогда я не оценил их. Теперь я их вытащу и буду читать всё, что встретится на моём маршруте.

10 декабря

Играл сонату Шопена, но Есипова продолжает болеть и урок опять не состоялся. В два часа Черепнин назначил нам урок. Я отправился и, когда он подходил к классу, сказал, что хочу с ним поговорить. Черепнин буркнул:

- Сейчас некогда!

Я ответил:

- Хорошо, я подожду, когда вы кончите ваш урок, - и не пошёл в класс.

Цыбина тоже не было, Дранишников случайно не пришёл и Черепнину пришлось глупо заниматься с двумя полудирижёрами. По окончании урока состоялось объяснение. Мы удалились на тёмную лестницу Малого зала. Я стоял, прислонясь к стене, скрестив на груди руки и опустив голову; Черепнин бегал взад и вперёд, очень горячился и кричал, впрочем, не на меня, а сам с собой.

Объяснение сводилось к следующему.

Моим исходным пунктом была обида, нанесённая мне словами «ожидал от вас в мае». («Всякий ученик, кончающий мой класс, считает долгом лягнуть меня»). На каком основании мог он ожидать от меня, что я его «лягну» по окончании класса?

Его исходным пунктом было негодование: как мог я с «озлобленным стариком» Палечеком «орать» (хотя я вовсе не орал) на него, говоря, что оркестр оскандалился.

В результате мы говорили на разных языках, потому что ему было абсолютно всё равно, обиделся ли я иль нет на «май», а я, в сущности, мало придавал значения эпизоду с Палечеком. Я говорил серьёзным и обиженным тоном, Черепнин горячился, говорил массу образных выражений, французских слов и кучу глупостей. Я сказал, что если он ждал от меня, что в мае, кончив курс, я начну «лягать» его, то этим он ждал от меня подлости. Вот почему я считаю для себя оскорбительными его слова.

- А если вы оскорблены, так требуйте от меня удовлетворения. Пожалуйста! Пожалуйста! Вызывайте меня на дуэль!

Это было уже совсем неумно. Я сказал, что, вероятно, он обкутал меня в «лягании» сгоряча, в сущности, и не думая этого обо мне - и для выяснения этого я затеял разговор; иначе мне прямо не представляется возможным продолжать занятия.

- Если вы хотите уходить, то я вас, конечно, задерживать не могу. Но не советую вам этого делать, - сказал Черепнин.

А через несколько слов:

- Да-с, не ожидал, не ожидал, что и вы на меня вместе с Палечеком налетите!

- Вот именно это мне от вас и хотелось слышать, - быстро сказал я.

- Пожалуйста не думайте, что вы меня в чём-нибудь поймали! - поправился Черепнин.

В конце концов разговор так ничем и не кончился. Я понял только, что мы говорили о разных вещах и что Черепнин, быть может, обижен гораздо больше моего. Мы пожали руки и разошлись по разным лестницам.

Домой я вернулся недовольный и злой. И эта злоба сорвалась на саркастической пьесе №2, первая половина которой (т.е. весь материал) уже давно была сочинена. Теперь очень неожиданно и саркастично вышла вторая половина. Компенсация за разговор! Я доволен пьесой.

На ученическом вечере было неоживлённо, впрочем, с Таней Масловой приятно посидеть. Когда она смеётся, у неё на лице появляются хорошенькие юмористические складки. Голубовской и Бушен я рассказывал, что в Консерватории состоится «великосветская дуэль»: Черепнин вызвал Прокофьева.

Голубовская спросила:

- На чём? На дирижёрских палочках?

11 декабря

Так как вчера до половины третьего переписывал саркастическую пьесу, то нонче проспал, а встав, играл её на рояле, а также и иные. В два часа в Малом зале репетиция второго состава с оркестром. Оркестр собрался лениво и играл нехорошо, - оперы надоели. Черепнин теперь принимает участие в репетиции и кое-чем мне помогает. Отношения, впрочем, с обеих сторон сухие и официальные. Когда начал дирижировать Цыбин, Черепнин встал и ушёл.

Вернувшись домой, с увлечением принялся за чтение толстых географическх книг. Эти дни меня очень тянет вокруг света. Читаю книги по моему маршруту. Прочёл Нью-Йорк и Вашингтон.

Вечером пошёл в кусевицкий концерт: отчасти послушать музыку, отчасти повидать его самого, ибо в прошлый раз он посоветовал напомнить ему о моём 2-м Концерте в «следующий», т.е. этот, приезд. Напоминать о себе неприятно, кроме того, Кусевицкий в этот вечер дирижировал самолично, следовательно, был занят, так я с ним и не поговорил. 7-ю Симфонию Глазунова я знаю хорошо. Это неплохая, хотя и мертворожденная вещь. Отрывки из «Петрушки» развеселили и приятно напомнили Париж. Рислер отлично сыграл A-dur'ный Концерт Листа; исполнение Шкляревской отрыгнулось, как тухлятина. Кусевицкий аккомпанировал со спокойной уверенностью, которой мне следует позавидовать. «Прелюдии» Листа, написанные для простого состава оркестра, звучат слишком скромно.

NB: никогда не писать для двойного состава - только для тройного и четверного.

12 декабря

Черепнин, сказавшись больным, совсем не пришёл на репетицию. Репетировали в Большом зале, и пока Цыбин делал «Риголетто», было мучительно скучно, хотя Бушен и её враг Дамская попеременно развлекали меня. Певцы сегодня пели вполголоса, оркестр играл чёрт знает как, но возмущался, что я кричу. Контрабасы и виолончели вовсе не пришли. Анненков додумался заменить их другими, временными, не имеющими понятия об «Аиде». Они так врали, что я их прогнал и попросил Твордовского играть их партию на пианино. Словом, ничего хорошего в этот день не было, одна деморализация. Вернулся домой и «уехал в Америку», на этот раз читая о Чикаго, Ниагаре и Сан-Франциско.

Вечером пошёл в Юсупов сад и с удовольствием разъезжал на коньках. Народу пропасть - и все болтают по-немецки, точно Берлин. Знакомых, впрочем, никого. Бушен спешно учится на коньках, чтобы сделать мне компанию.

13 декабря

Генеральная репетиция спектакля. Всё это уже начинает претить, особенно с таким распущенным оркестром. Черепнин объявился больным и второй день не приходит. Хор собрался плохо; многие девицы сидели в партере и не хотели идти на сцену. Но генеральная репетиция всегда пользуется успехом у консерваторского населения, и публика наполнила весь зал. «Аида» прошла ни худо, ни хорошо, надеюсь, на спектакле подтянутся.

Во время «Риголетто» я безуспешно высматривал Серафиму и только, когда толпа расходилась, я узнал её издали по её высокому росту. Серафима ушла, а я столкнулся с Верой Алперс, которая опять окликнула меня. Я остановился:

- Сергей Сергеевич, - сказала она, - давайте помиримся... или... не хотите? - прибавила она, вложив в свою улыбку максимум очарования, на которое была способна.

Я подумал несколько моментов (она ждала), потом ответил:

- Всё равно, давайте.

И, пожав ей руку, пошёл дальше. Впрочем, это меня развеселило, хотя, в сущности, я и поступил по-свински.

Дома играл сонату Шопена, а вечер провёл в «Соколе».

14 декабря

Сегодня отдых от репетиций. Зайдя мимоходом в Консерваторию, я столкнулся с Крейслером, который стал приставать, чтобы я сыграл ему 2-ю Сонату. Чтобы отвязаться, я сыграл. Совершенно неожиданно для меня, он пришёл в живейший восторг. Потом мы довольно долго говорили. Он повествовал о своём интересе к старине, к монастырям, русским и заграничным. Он вовсе не глуп. Во время постановки он выдвинулся, отлично приготовил мужской хор и серьёзно нёс закулисную службу. У нас установились приятельские отношения: я называл его моей левой рукой, а он меня - своим туловищем.

Заходил я к Юргенсону, спрашивая мою d-moll'ку[103], дабы послать её Захарову, Моролёву, Катюше Шмидтгоф, но её ещё нет в магазине: не приехала из Москвы.

В одиннадцать часов вечера - фрак, белый жилет, новые лакированные ботинки - и бал у Конshиных. Я давно не бывал в beau-monde, и сегодня получил удовольствие от коншинского парада. Сначала было натянуто, а потом совсем весело. Много танцевал и много пил крюшона. С Таней Рузской танцевал кадриль, хотя отношения с натяжечкой, Ира же поздоровалась чёрт знает как. Навертевшись до усталости, я удрал задолго до конца, но всё же лёг лишь в четыре.

15 декабря

Отсыпался после вчерашнего бала, проспал до самого спектакля, но всё же пришёл дирижировать утомлённый и злой. Во время «Риголетто» было скучно, но в антракте появился Штейман, а затем в артистическую пришёл Теляковский, сопровождаемый Глазуновым, Габелем, Черепниным. Я в это время стоял за кулисами. Глазунов подошёл ко мне и сказал:

- Пойдёмте я вас представлю Теляковскому.

Я пошёл за Глазуновым, и во время представления с долею любопытства рассматривал Теляковского. Это настоящий потёртый чинарь, малоинтересный, но знающий себе цену. Велели позвать Цыбина и Черепнин любезно его отрекомендовал, упомянув, как он из рядовых оркестровых музыкантов выбился в дирижёры. Очевидно, Черепнин и Цыбин успели помириться. Для Цыпы представление Теляковскому было целым событием: человек всю жизнь скромно просвистал на флейточке в Мариинском театре - и вдруг быть представленным... Кому?... Самому Его Превосходительству Директору Императорских Театров!

«Аида» прошла не хуже, чем на первом представлении. Только в начале новая Амнерис - ученица Жеребцовой-Андреевой, Павлинова - тянула. Я рассудил: затянуть темп - выругают дирижёра, идти вразрез певице - тоже выругают дирижёра: так лучше уж подогнать темп, и я стал давать все аккорды раньше певицы. Это помогло и она вошла в темп.

В антракте Черепнин сказал, что от меня в «полнейшем восторге» Фигнер, директор Народного дома. Сегодня день директоров театра. Впрочем, Теляковский, прослушав первый акт «Аиды», уехал. Фигнера я встречал раньше у Корсак и Мещерских. Штейман выразил мне своё одобрение за ведение оперы. Многие

[103] 2-я Соната для фортепиано (Op.14).

оркестранты (из числа не врагов) хлопали мне по окончании.

Пришёл домой и заснул на диване. Разбудил телефон Сони Эше. Я заорал, что она мешает спать и, повесив трубку, снова заснул. Вечером сидел дома. Играл на рояле.

16 декабря

Сегодняшняя репетиция к третьему спектаклю была маленькая ввиду того, что состав третьего спектакля мало разнился от второго: лишь новая Джильда в «Риголетто» и новая Аида у меня. Поэтому все номера без их участия сегодня выбрасывались. Пришло пол-оркестра и четверть хора. Но как ни так, а для третьего спектакля репетиция была генеральной, и публики в зале было порядочно. Серафима отсутствовала и лишь после репетиции я увидел её поднимающейся по лестнице навстречу. Она первая поклонилась мне и ушла.

Вечером - «Сокол». Дал Юрию Фролову билет на завтрашний спектакль.

17 декабря

Вечером третий спектакль, поэтому днём ничем не хотелось заниматься. Вообще же Консерватория пустеет, учащиеся разъезжаются на праздники. Я собрался уже уходить, когда пришла вдруг Серафима. Обрадовавшись, я в первый раз подошёл к ней с любезной улыбкой и шутливо стал звать её попеть в «Аиде». Смеясь, она ответила, что петь ни за что не будет, а послушать очень хочет и пришла бы, если бы я дал билет. Вручив ей кресло десятого ряда, я стал рассказывать всякие юмористические эпизоды из постановки наших опер. Мы ходили по опустевшим коридорам, она смеялась, было весело.

Я вернулся домой, а в восемь часов был уже в театре. До сих пор концерты и спектакли проходили днём, сегодня - вечером: настроение лучше, публика нарядней, Глазунов во фраке.

«Аида» началась маленьким скандалом: арфы напутали и сбились, но сейчас же поймали; всё прошло хорошо. Был ещё ряд неизбежных инцидентов, но они не волновали, и исполнение носило гладкий характер. Окончив оперу и уходя из оркестра, я увидел Белокурову, которая стояла в ложе над оркестром и улыбалась мне. Проходя мимо провинившихся арф, я состроил негодующее лицо.

Глазунов сказал мне:

- Браво, браво капельмейстеру!

Итак, «Аида» с плеч долой, провёл я всю работу прилично, - и мне стало страшно весело. Собрались в «Вену» ужинать, стали звать Николая Николаевича, но он уклонился.

- Нет, Николай Николаевич нас ещё не простил! - сказал я и трагически прибавил фразу из «Риголетто»: «Навек тем старцем проклят я!»

Поехали: Цыбин, Крейслер, Твордовский и я. Я был великолепно настроен. Мы весело заняли столик. В «Вене» же встретили супругов Андреевых, которые приехали после генеральной репетиции «Парсифаля» есть устрицы. Павлинова, говорит Анна Григорьевна, принята на Мариинскую сцену. Поздравив Анну Григорьевну с этим событием, я вернулся к нашему столику. Ели блины, пили вино и ликёры. Цыбин без устали рассказывал грязненькие анекдоты. Провозгласили за меня тост, но за меня-композитора, а не меня-дирижёра (умышленно). Крейслер поднял стакан за Цыбина. а я за младших дирижёров. В три часа, продолжая болтать анекдоты, пошли домой. Я по гололедице поскользнулся и упал. Они хохотали и взяли меня под руки, хотя упал совсем не от ликёров. «С.С., мы вам поможем». Да я совсем не потому упал. «Но мы вам всё-таки поможем».

18 декабря

После «Вены», естественно, проспал. Потом играл на фортепиано, а в три часа катался в Юсуповом саду с Бушен, которая учится с остервенением, уже прилично держится на ногах и со временем обгонит меня.

К семи часам поехал обедать к Луизе Алексеевне Захаровой, где встретил много знакомых. Василий Захаров где-то встретился с Черепниным, который сказал ему, что я великолепно дирижировал «Аидой» (?!). Фрида Ганзен говорила колкости. С Лидой Карнеевой мы держались в разных углах, зато я мило обедал по соседству с меньшой, очень славной, Кавос.

В десять часов я уехал на «среду» к барону Дризен. Там народу относительно немного и докладная тема мало близкая моему сердцу: «Быт в пьесах Островского», но послушать прения Сологуба, Волконского и других было любопытно, а юмористическое резюме всего вечера Сладкопевцева - восхитительно.

19 декабря

Пошёл в Консерваторию взять у Фрибуса ноты: «Шехеразаду» и «Бурю» - для февральского концерта; также клавир «Свадьбы Фигаро», которая пойдёт у нас во втором полугодии. Консерватория опустела. Глазунов, которого я встретил, очень мил; Дамская отвернулась (на тему об арфном инциденте). Когда же я вернулся домой, звонила по телефону, стараясь разом и сделать мне выговор, и помириться. Я учил по моему способу сонату Шопена наизусть, представляя в голове сначала ноты, потом клавиатуру, затем делая в голове гармонический анализ (впрочем, это лучше делать прежде, а не после). Способ с непривычки утомителен для головы, но представляется безусловно верным.

Я страшно доволен моими саркастическими пьесами.

Катался в Юсуповом саду с Бушен, но она ещё не выучилась и так ковыляла, что я злился.

20 декабря

Пришёл в Консерваторию - вторично к Фрибусу за нотами, а также послушать, как Дамская (с которой мы помирились) сыграет на арфе мой «Прелюд». Она готовит его к ученическому вечеру. Из Консерватории пошёл к Андреевым. Завтра Анна Григорьевна уезжает в Лондон петь. Бриджевали и обедали. Каратыгин поражён, что я картёжник. Вечером был в «Соколе».

Отчего же так мало знают f-moll'ную сонату Шумана? Отличная вещь, особенно первые две части. Если когда придётся концертировать не с моими вещами, то сыграю её. Первый такт сонаты бесподобен. Забавен умозрительный si bb в коде первой части (= вспомогательная к вспомогательной). Такой bb можно написать только сочиняя пьесу в голове, а не на рояле.

21 декабря

Свершил геройство: встал в полвосьмого, дабы пойти на репетицию симфонического концерта. Менгельберг отличный дирижёр, кроме того, счастливец: у него короткие руки и он может ими как хочет размахивать. Ему не надо бояться, как мне или Черепнину, стать похожим на ветряную мельницу. Менгельберг с живостью провёл 5-ю Симфонию Глазунова, которая лучше 7-й. Я её хорошо знаю и слушал с удовольствием. «Дон-Кихот» Штрауса, конечно, не музыка. Но многое любопытно, ловко и с юмором сделано: блеяние баранов, характеристики Санчо-

Пансы, эпизод со странниками.

Играл на рояле. В семь часов вечера провожал Анну Григорьевну, а потом по её просьбе провёл вечер у простуженного милого Николая Васильевича, с которым ожесточённо сражался в «66». Он интересно рассказывал про Гибралтар, Лиссабон, Алжир, которые посетил в бытность свою лейтенантом на «Штандарте».

Прийдя домой, написал ряд писем, в том числе Вере Николаевне Мещерской.

22 декабря

Я встал вчера рано - так сегодня же проспал до половины первого, как никогда. Играл на рояле. Потом Бушен звала на каток и мы катались. Вечером, когда я сидел за дневником, звонила Соня Эше. У неё сегодня лирическое отношение: она признавалась, что влюблена в меня три года, что лишь за меня она вышла бы замуж и что я в мечтах единственный её любовник. Я отшучивался.

У меня хужеет зрение. Прежде я видел всё. Теперь замечаю, что некоторые надписи, названия улиц я иногда не могу прочесть, не всегда вижу башенные часы, из партера не могу рассмотреть лицо на балконе. Теперь-то ничего, но если дальше пойдёт портиться, то – хуже.

23 декабря

Сегодня полотёры до того мешали заниматься, что я сбежал из дому и играл в пустой Консерватории.

Зашёл к Юргенсону купить несколько экземпляров d-moll'ной Сонаты. Почему-то здесь серая обложка, а из Москвы мне присылали более эффектную говяже-красную. Был у Мясковского. Вечером был в «Соколе».

24 декабря

Мясковский писал про Дебюсси, что, послушав его, возвращаешься домой освежённым, как бы глотнув свежего воздуха моря, рощ и полей.

Мне это так понравилось и природоописательная музыка показалась настолько привлекательной, что захотелось самому приняться за сочинение такой музыки. Действительно, удалась побочная партия для симфонии, но это не «природа», это скорее характеристика какого-то мечтательного, загадочного образа. Мне нравится тема; и вообще, как подумаю о симфонии, я прихожу в волнение и мне кажется, что это будет замечательная вещь.

Был в Юсуповом саду, без Бушен. По морозу с остервенением делал голландский шаг и «перебежку». В семь часов надел фрак и поехал обедать к Орловым, которые вновь всплыли на моём горизонте. Магда очаровательна, но о «Маддалене» ни слова; молчу и я и не говорю о московской постановке. У Орловых было приятно, а Н.В.Андреев, всегда кокетничающий с Магдой, веселил всех своим остроумием и живостью.

25 декабря. Рождество.

Спал по-праздничному: до часу. До головной боли. Играл на рояле, принимал маминых гостей, ходил навещать Николая Васильевича, который хрипел и сидел дома, а вечером писал письмо Фяке и приводил в порядок дневник за 1913 год.

Звонила Вера Алперс, желает со мою повидаться. Я испугался, что пригласит к себе, но она избрала нейтральную почву, Юсупов сад, завтра днём. Я просил завтра и позвонить.

26 декабря

Играл на рояле. Соната Шопена выходит совсем неплохо. Многое из «программы» удаётся. Право, я, кажется, недурно сыграю на экзамене. А что, если я возьму рояль?

Пользуясь морозом, я отклонил свидание с Алперс и пошёл в Шахматное Собрание посмотреть на юбилейный всероссийский турнир. Председатель Малютин утверждает, что мне давно пора быть членом Собрания, тем более, что я теперь «maestro», а такие люди приятны Собранию. Подав о том заявление, я протолкался три часа, глядя на игру турнира. Увидал знаменитого Капабланку, он мне очень понравился. И как неприятен рядом с ним небритый, заплывший, антипатичный, но тоже очень знаменитый Нимцович!

28-31 декабря

Эти четыре дня я вставал поздно, в двенадцать; по большей части сидел днём дома и играл на рояле, уча экзаменационный материал. (Какая мерзостная форма у финала Шумана! Я едва разобрался в этих кусочках, имеющих не более порядка, чем колода хорошо стасованных карт. Чтобы выучить наизусть, я должен был сделать конспект и учить по конспекту). Сонаты Шумана, Шопена и Бетховена более или менее идут. Лист, Моцарт и Бах отстали. «Тангейзер», чтобы он «выходил», дьявольски труден и тяжёл.

Кроме игры на рояле, в течение этих дней немного сочинял симфонию. Послал Захарову мои сонаты, «Отчаяние», «Наваждение», 4-й Этюд и опус 3.

Ходил раза два на каток, но без Бушен, которая скрылась с горизонта, затаив обиду из-за моего молчаливого отказа кататься с ней. Зато часто трещала Дамская и мы весело с ней болтали по получасу и по часу. Она рассказывает всякие пустяки, про себя, про подруг, про то, что болтают обо мне в Консерватории - и её телефоны бывают вполне занимательны.

Вечера я провёл так: в субботу играл с Голубовской в шахматы по телефону.

В воскресенье играл у Корсак в лото; я не был у них сто лет.

В понедельник гимнастировал в «Соколе».

Во вторник у Раевских встречал Новый год.

В восемь часов был молебен, а затем сели играть в «винтик».

Половину двенадцатого семейно сели за стол, а с боем часов все встали с бокалами в руках. Я обещал вспомнить Дамскую и весело вспомнил её, а по ассоциации - Бушен. Следом Вегман и Белокурова. Больше никто.

О Нине Мещерской я забыл.

1914

1 января

Спал до часу. Играл Шопена и Листа. В три часа долго добивался таксомотора: куда ни позвонишь – все разобраны. Наконец мотор приехал и я отправился с визитами. Накопилось несколько совершенно необходимых, где я не был с прошлой зимы. У Шурика, Андрюши. Годлевских, Сабурова и Орловых меня не приняли. У Коншиных и Корсак я немножко посидел. У Рузских обыкновенно в этот день парадный завтрак до шести часов вечера, гам, гости и шампанское, но сегодня никогосеньки, Ольга Петровна бледная, утомлённая, хотя и любезная; Таня злая; про остальных ни слуху, ни духу. Встречали Новый Год до восьми часов и только что встают. Заехал я к Луизе Захаровой, которая, как всегда, страшно любезна. Говорит, будто Лиде Карнеевой очень неприятно, что вышла такая ссора со мною. Последний визит был к Оссовским, очень милым. Говорят, что кавказское имение Рузских благодаря медной руде стало давать им колоссальные доходы, сделав их богачами. Кончив визиты, забежал на полчасика к Николаю Васильевичу и вернулся домой обедать.

Вечером был в Юсуповом саду на ёлке. Знакомых никого, но мне было весело: столько народу, весёлых раскрасневшихся лиц, столько движения, фейерверков и всяких развлечений.

2 января

Долго играл на рояле, катался в Юсупке и читал об Америке, продолжая моё «кругосветное путешествие». Сегодня консерваторский бал.

Оделся я тщательно: смокинг (фрак слишком параден для вечеринок), шикарный парижский белый жилет, страшно прозрачные чулки и новые лакированные ботинки. Приехал я к половине девятого, как требовала того Дамская, выигравшая у меня это требование в «66». Зато она притащила мне пузырёк с отличными, немного сладкими, духами «Коти», отлив от своего флакона, кормила шоколадом и вообще состояла при мне.

Концертное отделение было нескончаемо, но могло понравиться посторонней молодёжи, благодаря участию многих талантливых и крайне декоративных солисток, особенно Тили Ганзен. Элеонора играла на арфе и со своими локонами выглядела совсем поэтично. Вегман, изящная и интересная, продавала цветы. Я попросил Элеонору сменить её на время, а сам танцевал с Катей.

Получил несколько писем по летучей почте, хотя сам не писал. Перед концом вечера два разом. В этот вечер мне было очень весело, я пользовался успехом и не заметил, как вечер пришёл к концу. Я хотел было проводить Вегман, ей, по-видимому, тоже хотелось, но пришлось бедной девочке ехать с семейством и с мамашей. Тогда я отправился домой один и, выйдя на улицу, хотел сесть в свободный таксомотор. Едва я поставил ногу, как подлетел гимназист и стал кричать, что таксомотор его. За гимназистом следовали две закутанных фигуры. Я накинулся на бестолкового шофёра, но он признал, что автомобиль принадлежит мне. В это время я узнал в закутанных фигурах нашего инспектора научных классов и его жену. Я решил, что отнимать автомобиль у начальства невежливо и, сказав, что хотя мотор мой, но я с удовольствием уступаю его даме, сел в саночки.

3 января

Обедали родственники. Обыкновенно я скучаю, но сегодня сорганизовал бридж, прошедший очень оживлённо при участии Андреева, Мясковского, меня и Шурика Раевского, специалиста по бриджу. Я сегодня играл скверно и меня ободрали.

Милый Андреев прямо из-за стола уехал в Ревель петь. На лето он подписал двухмесячный контракт в Лондон (к Дягилеву). Зовёт меня приехать на месяц. Это обойдётся в 350 рублей. Я, право, подумаю - это неплохо.

Играл саркастические пьесы[1]. Андреев в восторге от №2[2], говоря, что будто на рояле жарят в шестнадцать рук. Мясковский относится к ней холоднее, но хвалит №3, которая у остальных вызывает недоумение. В №4 оживлённые толки вызывают ключевые знаки в правой и левой руках, а также заключительный si-бемоль. Я его всячески отстаиваю.

4 января

Принялся играть пьесы для московского выступления. Обдумывал исполнение моей Сонаты. В первой части оттенки надо делать полутоновые, умерив forte, умерив темп, и играть всю часть с тонким налётом затаённой грусти.

Ходил кататься на коньках. Дома болтал по телефону с Дамской о прошедшей вечеринке. Вечером учил «Тангейзера» и писал дневник.

5 января

Спал без конца. Безобразие. Играл на рояле есиповское и московское. Лопнуло много струн. Ходил на каток. Вечером догонял дневник.

6 января. Крещение.

На рояле нет возможности играть из-за струн, которые он «лопает» (по выражению Ратке). Был у Мясковского. Надо сделать тематический анализ Сонаты и «Баллады» для «Музыки». Вечером учил Фугу Баха, благо ноты с оборванными струнами в ней не участвуют. Сыграл двенадцать раз наизусть. Вечером играл в «66» по телефону с Дамской. Одну игру выиграла она, другую я. За свою она мне приносит в Консерваторию коробку пьяных вишен, которых ей подарили пять фунтов, а я должен был прочесть дневник путешествия с Максом в Крым. Чтение (в телефон) доставило удовольствие не только ей, но и мне.

7 января

Пошёл в Консерваторию, которая помалу оживает. Болтал с Крейслером, который пропьянствовал всё Рождество в обществе Торлецкого, с которым он, оказывается, приятель.

У Дамской стянул очень тёплые и мягкие перчатки. Я предлагал ей взамен свои. Теперь хожу в «дамских». Она хохочет.

Вечером в «Сокол».

8 января

Играл на рояле. Пошёл в Шахматное Собрание смотреть на турнир. Теперь я член (и очень доволен). Турнир течёт своим чередом, интересных партий сегодня не было. Играл со стариком Сабуровым. Он ветх и память начинает ему изменять, но за доской по-прежнему молод и после двухчасовой борьбы мои останки истощились и я проиграл. Затем выиграл две партии у гофмейстера графа Пален,

[1] «Сарказмы», пять пьес для фортепиано (Ор.17).

[2] В последствии - №1. (Более позднее примечание автора).

с которым меня познакомил Сабуров. Часов в шесть заезжал в Собрание Капабланка. Он неотразим: живой, красивый, сообразительный, а главное - гениальный. Надо было видеть, с какой быстротой он доказывал ошибки наших петербургских маэстро, тут же, им же, сейчас же по окончании их партий! Я был в восторге.

Вечером играл на рояле и звонил Дамской, делясь впечатлениями о Капабланке. Она почему-то очень им заинтересована и знает решительно всё, что его касается. Мы проболтали больше часу.

16 января

Сегодня «по возобновлению» первого оркестрового класса оркестр собрался на три четверти. Черепнин читал «Шехеразаду» и возился с отдельными кусочками. Я от скуки с двумя юнцами играл на ударных инструментах, пока Черепнин не закричал: «Будет, одних вас только и слышно!» После урока столкнулся с Бушен. Она уже свыклась, что я с ней не разговариваю. Сегодня я остановил её и спросил, как она поживает. Она выпалила кучу новостей: 1) совсем выучилась кататься на коньках; 2) выучила мою 2-ю Сонату, которая ей безумно нравится и даже собирается нести её «Ляпе»[3]; 3) купила у Юргенсона первую - и она оказалась с моим автографом: «Н.С.Терещенко от автора в знак глубочайшего уважения». Вот пассаж! Мои сочинения продаются с автографом?! Как она могла после того, как я послал её Терещенке, попасть к Юргенсону? И главное, так ещё попасть, что он её продал за новую? Какой-то фокус. Объяснив Бушен, кто такой Терещенко (один из чтимых основателей Шахматного Собрания), я высказал предположение, что, послав Сонату бандеролью, я, вероятно, забыл пометить свой адрес, Соната же пришла к Терещенко, когда тот уехал заграницу. За выбытием адресата, её должны вернуть отправителю, но так как адреса его не было, то, вынув Сонату и увидав «Издательство Юргенсона», её и вернули в магазин. Это тем более вероятно, что от Терещенко я благодарности не получил; чувствую некоторую обиженность и, встретив его недавно в Шахматном Собрании, на его любезное приветствие ответил сухо.

Вечером мне звонил Н. Штембер, говорил, что купил мою 2-ю Сонату, испытывает большое удовольствие, ценит логичность всех диссонансов и желает со мной потолковать насчёт Сонаты. В восемь часов он заходит ко мне, наигрывает Сонату, а затем мы пошли в «Сокол».

17 января

Утром поиграл мои сочинения для Москвы, приводил в порядок, особенно Сонату. Чудесная погода; я прогулялся в ожидании Черепнина вечером. У Черепнина проходили «Фигаро» и «Шехеразаду». Отношения наши как-будто совсем установились, но нет его прежней ласковости. Это меня иногда злит. Впрочем, я по-прежнему шучу, а когда мне что не нравится в его объяснениях, то возражаю.

Затем я зашёл к классным дамам и спросил, будет ли заниматься Блуменфельд со своим ансамблем. Те объявили, что занятие-то будет, а примут ли меня в класс - это неизвестно, потому что у него и так полно; он, взглянув в журнал, будто бы сказал, увидев мою фамилию: «Это ещё что за фигура?» Ясно, что нетерпящие меня классные дамы хотели сказать мне дерзость. Я ответил им: «Вот оттого-то он так и спросил, что меня не знает». Пошёл я к Блуменфельду несколько

[3] Ляпунову.

противувооружённый, но дамы болтали хлам - Блуменфельд оказался страшно любезным и, узнав, что у меня есть виолончельная «Баллада», предложил принести её в класс и даже играть на экзамене. Я доволен. Габель говорит, что экзамен по фортепиано с четвёртого марта, а не в конце марта, как я думал. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! На целый месяц раньше. Впрочем, они продолжатся дней двенадцать, а класс Есиповой играет в последний день, значит, всё же выйдет после пятнадцатого.

Обедали у нас Раевские, но я удрал в Шахматное Собрание, где сегодня последний тур турнира. В Шахматном Собрании чрезвычайно оживлённо, партии в полном разгаре. И игроки, и зрители волнуются и нервничают. Нимцович с трудом отражает атаки Левенфиша, Зноско-Боровский крепко держится против Фл., который бледный, как всегда, и в обычной своей позе, с лицом, закрытым руками, сидит над доской и выжимает упорно партию. Алёхин храбро атакует старика Алапина. Перерыв. Нимцович отворяет окно, всем туловищем высовываясь на мороз - своеобразная манера освежиться. Зноско-Боровский сидит в соседней комнате, болтает ногой и читает газету. Я подхожу к нему. Разговариваю о его партии с Фл. Я:

- Фл. так бледен и сед, а ведь он, кажется, не стар, ему должно не более тридцати пяти лет.

- Ему двадцать семь.

- Что вы говорите?!

Зноско смеётся:

- Это всё от страстей!

- А с виду он такой скромный...

- От страсти можно и в двадцать семь лет стать скромным.

Перерыв кончается. Нимцович выправляет свою партию и жмёт Левенфиша. Я встречаю Терещенко. Я:

- Н.С., помните, мы весной музицировали у П.П.Сабурова? Я вам хотел послать мою Сонату, но вышел такой странный анекдот...

Терещенко:

- Как же, получил и играл с большим удовольствием... такая ещё любезная надпись.

Я совсем озадачен, но в этот момент по залу проносится, что Фл. сдался, и наш разговор прерывается и все спешат к месту сдачи. Я искренне огорчён за Фл.. он сегодня вызывал мои симпатии и я хотел, чтобы он взял первую премию. До конца турнира мне дождаться не удалось, в час ночи я ухожу домой.

18 января

Теперь я встаю рано и сейчас же сажусь за рояль - вопрос серьёзный: до экзамена менее двух месяцев, а программа далеко не готова. Так как я буду волноваться, то просто знать вещи мало: надо, чтобы они гвоздём сидели в голове. В полдвенадцатого пошёл на репетицию - послушать глазуновский Скрипичный Концерт и проветриться: на этих репетициях толчётся пол-Консерватории. Концерт Глазунова совсем неблестящ для исполнения и я мой сделаю шикарней. Первая тема очаровательна, но она целиком из «Царской невесты» Корсакова. Малыш Хейфец - отличный скрипач. Голубовская просит аккомпанировать ей Концерт Сен-Санса на экзамене (пикантно, если принять во внимание, что мы до некоторой степени конкуренты на рояле). «Пикантная дама» вертелась передо мною, видимо, ожидая нового комплимента. Дамская узнала её фамилию, она оказалась: Спивак. Какая проза! У нас в Сонцовке был мужик Спивак. Наконец порхнула Бушен, хорошенькая, гибкая и изящная, как первый раз, когда я увидел её осенью. Она

опять переменила причёску и на этот раз очень удачно.

Я вернулся домой и сел за рояль. Вечером мама тащит на бал к Потоцким, но я отказываюсь. Надо было ещё позаниматься. Но вечером я мало занимаюсь, зато звоню Дамской и мы поставили новый рекорд продолжительности разговора по телефону: два часа десять минут! Я прочитал ей дневник моего путешествия по Швейцарии, читал я с большим удовольствием.

Нурок сообщает, что наш концерт, по причине концерта Метнера, с двадцать седьмого переносится на третье февраля. Новость: Дягилев хочет со мной познакомиться. Быть может, он закажет мне балет для постановки в Париже?! Ого!

В «Вечернем времени» заметка об успешном выступлении Захарова во дворце у австрийской эрцгерцогини. Однако, Борюся, с верхов начинает!

19 января

Утром играл на рояле.

Урок у Черепнина. Черепнин говорит, что такая вокально-подвижная опера, как у Моцарта, возможна только при его простой гармонии.

Идея: написать такую оперу на ерундовом, на запутанном юмористическом сюжете, с ансамблями, быстрыми номерами, с простой гармонией и инструментовкой, но не такой простой, как у Моцарта. Это может выйти интересно, ибо Моцарт далеко не всегда совершенен в истолковании текста.

Вечером хотел на концерт Скрябина, потом махнул рукой - хватит музыки - и собрался на сеанс Нимцовича, но потом предпочёл остаться дома: по крайней мере, кончил клавир 2-го Концерта и позанимался «Шехеразадой»: чтобы дирижировать вторую часть, надо её подзубрить, а то сядешь в калошу.

20 января

В оркестре Черепнин продирижировал сам всё время. Это, верно, всё в отместку за «аидин» инцидент.

Цыбина вовсе нет, он надеялся на дебют в балетном дирижировании Мариинского театра, но дебют не получился и он огорчился. Крейслер собирается ехать со мной в Москву. Мясковский уезжает сегодня; я с Белоусовым еду завтра. После Консерватории я ездил за билетом, также покупал себе чемодан. Мне ужасно нравятся небольшие ручные чемоданчики, в которые можно положить фрак, смену белья и который можно без труда таскать в руке.

В сегодняшней «Музыке» появились анализы Мясковского и мои. Вообще номер посвящён нашему вечеру и много толкуется о нас. Анализ я написал страшно старательно и любовно иллюстрировал моей нотной каллиграфией, но, воспроизведённые фотографическим путём, мои нотные примеры выглядят отвратительно, криво и косо.

В том же номере заметка о беляевском концерте. Сообщается программа, но мой Концерт отсутствует. Черепнин, который в своё время хлопотал о нём и даже не без эффекта говорил, что дело поставлено ребром и, если мой Концерт не пойдёт, то он не станет дирижировать, преспокойно дирижирует. Вообще Черепнин хорош как дополнение, пока и без того всё хорошо, а так он иезуит и я теперь понимаю, почему у него столько врагов.

Вечером заходил Николай Штембер и мы вместе отправились в «Сокол». После «Сокола» всегда очень хорошо пить, в частности, шампанское. Мы решили выпить и зашли в какой-то трактир. Но там оказалось только две бутылки и обе очень дорогие. Тогда мы пошли на Варшавский вокзал и пили нарзан.

21 января

Играл на рояле.

В Консерватории никого интересного. С Черепниным кончил прохождение «Шехеразады». Он показывал с увлечением и очень интересно. Когда я разговаривал с Дамской, с ней под руку была, кажется, Соломон, очень славная и неглупая девочка.

В шесть часов мне подали срочную телеграмму из Москвы. Я разозлился, решил, что вечер опять откладывается. Но в телеграмме стояло «Остаюсь. Сараджев». Я уложил мой маленький, приятный чемоданчик, и отправился на вокзал. Я не люблю ездить один, а тут в компании с Белоусовым - и я отправился с полным удовольствием. Белоусов оказался очень милым и рассказывал про свои заграничные турне. Теперь он приглашён в Будапешт, Норвегию и... Испанию. Чёрт возьми, это уже совсем интересно! Благо мы ехали с Северным поездом, в нашем распоряжении был вагон- ресторан и мы посидели в нём.

Год тому назад с тем же поездом мы с Максом ехали в Крым. Очень хорошее воспоминание.

22 января

В Москве поезд стоял восемь минут, надо было не проспать. На улице слякоть и дождь и я, шикарный, приехавший в ботиночках, первым делом должен был зайти в «калошную» и купить калоши. Белоусов поехал в отель «Люкс», а я, взяв в руку чемодан, сел в трамвай и отправился к Сараджеву, впрочем сначала к Держановскому. Поболтав с Держановским и Мясковским, который остановился у них, я поехал в магазин Мюллера поиграть на рояле Ибаха, на котором мне предстоит подвизаться. Эту фабрику я недолюбливаю, а тут рояль был и вовсе противен. Впрочем, через полтора часа я попривык и кое-что звучало недурно. Затем я отправился в Малый зал Консерватории, где собирались все участники концерта и где, между прочим, репетировал оркестр для «Японской лирики» Стравинского (дрянь пьесы). Мне хотелось проникнуть в учебную Консерваторию, посмотреть - как это в Москве, но не удалось. Что касается «Малого зала», то он в двадцать раз хуже нашего. Соната Мясковского звучит очень славно и начала мне нравиться. От моей «Баллады» в восторге Мясковский, Сараджев и Держановский, особенно Мясковский. На обратном пути я заезжал к родственникам и С.И.Танееву, которого не видел два года. Не застал его дома и оставил ему карточку с просьбой прийти завтра на концерт. Дома опять репетиция с Белоусовым, проявившим изумительную добросовестность. Играл он великолепно. Вечером с Мясковским был у Юрасовского. Он развёл болтовню о музыке и в этот раз я злился на его тон.

23 января

Спал я у Сараджева и еле утром раскачался. Поехал поиграть к Мюллеру, а потом к Держановскому ещё раз проиграть «Балладу». От Держановского - с Мясковским к Яворскому, очень хороший теоретик и довольно известный московский музыкант. Я с ним знаком давно и даже уже был у него после московского исполнения моего 1-го Концерта, но с тех пор не видел, хотя знаю через Мясковского, что он в большом восхищении от моих сочинений. Мясковский с ним приятели и теперь потащил меня для компании. От Яворского я отправился к Катюше Шмидтгоф-Лавровой. Я знал, что меня там очень ждут, но как-то боялся к ним ехать. Она и её прибаливающая мать устроились очень уютно в Денежном

переулке. Катюша выглядит здоровой и весёлой девочкой, мать болезненной дамой с печатью горя на лице. Меня встречали такой неподдельной любовью, которая меня даже смущает. Их любовь к ушедшему от них Максу перенесли целиком на меня. У нас было много общих тем для разговоров: всё, что было связано с Максом, хотя прямо его я старался не затрагивать, видя, как сейчас же лицо матери подёргивается грустью. Но я спешил к Держановскому обедать и через полчаса ушёл, обещая зайти завтра. У Держановских суетно перед концертом. Mme возится с парикмахером, «сам» носится от телефона к письменному столу, мать возится с программами, Мясковский одевает смокинг. Приглашения разослали всей музыкальной Москве, но билетов продано мало. Я дразню Держановского, делая вычисления, сколько человек прийдёт на концерт и прихожу к заключению, что сорок человек обеспечено.

Я ухожу к Сараджеву (два шага), одеваю фрак и еду на концерт.

В артистической шумно. Я разговариваю с Юргенсоном, Юрасовским и композитором Акименко, с братом которого я знаком по Консерватории. Письмо Танеева. Наконец, я должен начинать. Выхожу, чуть-чуть аплодируют, я кланяюсь и сажусь за Ибаха. Зал не полон, но публики немало. Я играю 2-ю Сонату (первый раз публично). Знаю её недурно. Первая часть выходит ничего, скерцо очень мажу, но звучит оно с шиком, Andante проходит неплохо, финалом я прямо доволен. Соната имеет успех, меня вызывают дважды и дружно аплодируют. Несколько романсов Стравинского[4] - и я выхожу с Белоусовым играть «Балладу». Сегодня она мне почему-то не очень нравится и выходит хуже, чем утром. Впрочем, принимали её тепло и мы с Белоусовым выходили раскланиваться. Антракт. Толпится довольно много народу: Юрасовский, Мясковский, Шеншин, Юргенсон; я разговариваю о «Балладе» с бывшим профессором Белоусова, с которым он меня познакомил. Второе отделение: Белоусов с Ламмом (которого здесь было прозвали «Хламом», но который оказался отличным пианистом) играют Сонату Мясковского[5]. Я сижу в партере с Mme Держановской и её молоденькой сестрой (от другой матери) Лелей. Леле тринадцать лет, но ей можно дать восемнадцать; она ростом с меня, в плечах косая сажень, Держановский её называет Валькирией. Белоусов кончил и его сменил Держановский с романсами Мясковского[6]. Я сижу в артистической с Белоусовым и с Валькирией, прислушиваясь к романсам Мясковского, которые мне страшно нравятся. Романсы имеют успех, автора вызывают, но он прячется в углу партера. Выхожу я с фортепианными пьесами[7]. Теперь я играю почти совсем спокойно. И всё выходит. Некоторые вызывают аплодисменты и я встаю кланяться (Этюд №3, Прелюд, «Ригодон»). Но на последней - «Наваждении» - я сбиваюсь, пробую выпутаться, но память как отшибло, никак не попасть в колею. Тогда я останавливаюсь, прикладываю руку ко лбу, соображаю и начинаю с начала. Играю немного нервней, но с большим шиком, особенно когда дело доходит до двух глиссандо: прямо как по морде! Публика аплодирует довольно дружно и я ухожу с эстрады. Говорят, моя остановка в «Наваждении» не произвела особенно скверного впечатления. В артистической страшенный гам; все собираются к Держановским ужинать. Мясковский страшно не хочет ехать с дамами, поэтому я еду с ним. Я

[4] Были исполнены: Два стихотворения Бальмонта («Незабудочка», «Голубь»), Три стихотворения из японской лирики.

[5] Соната D-dur для виолончели и фортепиано.

[6] Два наброска на слова Вяч.Иванова («Долина-храм», «Пани Психея»), «Из З.Н.Гиппиус - пять пьес для голоса и фортепиано»).

[7] Четыре этюда для фортепиано (Op.2) №3; Четыре пьесы для фортепиано (Op.3) №l «Сказка», №2 «Марш»; Десять пьес для фортепиано (Op.12) №7 «Прелюд», №3 «Ригодон»,

восхищаюсь его романсами, он расхваливает мой пианизм, особенно в мелких вещах, находя, что я играю безукоризненно. Это первый раз, что я - пианист - получаю от него такую похвалу. Я ему и говорю, когда-то настанет тот момент, что он похвалит во мне дирижёра. Мясковский скептически качает головой. За ужином непринуждённо и весело. Я постарался усесться рядом с Лелей. Мне она нравится, но я держу себя осторожно из уважения к её годам. На бумаге от конфеты я написал ей значок, сказав, что если она всё время над этим будет думать, то только через пять лет додумается до того, что это означает. Она всё время приставала и чисто по-детски умоляла: «Ну скажи...ите!»

В четыре часа я с Сараджевыми удалился спать.

24 января

Утром беседовал с Сараджевым, который рассказывал историю Свободного театра и историю, происходящую в нём («Маддалена», Марджанов, Суходольский). Телефон к Кусевицкому. Рецензия Сабанеева. Я к Держановскому. Леля скучала. Опять «скажи...ите». Я удрал к С.И.Танееву. Он потрясён Сонатой. Кое-что ему понравилось. Он сделал несколько благодатных замечаний и слегка подтрунил над модернизмом. Обедал у Сараджева. Наконец в полвосьмого мы с Мясковским сели на извозчика и уехали. Все стояли у окна и махали руками. Я с Мясковским еду в первый раз. У нас были две нижние плацкарты, мы отлично расположились и, почитав журнальчики и книжицы, завалились спать.

25 января

В полдевятого утра мы с Колечкой были в Петербурге и, распрощавшись, поехали по домам. На прощание он очень любезно сказал, что ему было очень приятно провести со мной время. Дома у меня все спали и я отправился на симфоническую репетицию в Большой зал Консерватории - больше чтобы посмотреть знакомых, чем для того, чтобы слушать музыку. Натолкнулся я на Марусю Павлову, при виде которой я всегда радуюсь. Сегодня она была мила и снова выразила желание, чтобы я послушал, насколько лучше она стала петь. Затем я беседовал с неизменной Дамской. Вернувшись домой, с удовольствием учил мой Des-dur Концерт. Вечером собрался заниматься, но зазвонил Андреев и так ласково стал звать, что я не утерпел и поехал - бриджевали и меня облапошили на четыре рубля.

26 января

Мама именинница, по этому случаю я подарил ей хорошей бумаги для корреспонденции, а то она всегда пишет на отвратительной. Днём играл на рояле Концерт и экзаменационную программу. Вообще я принялся серьёзно за фортепиано. Кроме того, учил «Шехеразаду» на случай, если завтра Черепнин заставит дирижировать.

Нурок о Дягилеве - уехал, а я уже строил всякие фантазии о балете и Париже и о европейской знаменитости. Концерт (я играю то же, что в Москве) перекладывают на седьмое. Вечером гости, «винт», ужин, шампанское, которое я первый раз открываю и разливаю.

27 января

Лёг в четыре, встал в девять - явно не выспался. А надо было в десять быть в

Консерватории, чтобы в классе оркестра продирижировать сочинение ученика Ясина, который на манер, как я лет пять назад выпрашивал, выпросил «попробовать» его «Monastère mystérieux»[8], удивительно бессодержательную пьесу, хотя и складно сшитую и хорошо звучащую. Пьеса длилась минут десять, а остальное время Черепнин учил с оркестром «Шехеразаду». Мне он не даёт - это всё за старое. Я попросил Дранишникова аккомпанировать мне на экзамене мой Концерт. Я давно его наметил и думал, что выбор будет удачен. Он охотно согласился. Вернувшись домой, я спал, а вечером я было собрался на концерт Метнера, но потом мне не захотелось музыки. Сеанс Нимцовича? Нет, лучше заниматься: лучше кончить переложение второго фортепиано во 2-м Концерте, что я и сделал, проработав с большим оживлением весь вечер.

Надо посылать Концерт в РМИ, чего ему киснуть дома.

28 января

Учил 1-й Концерт. Хорошо, что его ещё не награвировали - пришёл в голову целый ряд переделок. Всё-таки как с течением времени вырастаешь из пьесы и начинаешь видеть её недостатки! У Черепнина в классе проходили «Фигаро», а после класса дирижирование в ансамбле, где опера уже идёт бойко. Дирижировать ансамблем нелегко, ибо темпы быстрые, а вступления надо показать чуть ли не в каждый такт и всё разным лицам. Я несколько раз влетал. Сусанну поёт Тимофеева и ещё одна ученица à la Попова (из Мариинского театра), но гораздо интереснее и очень славная, прелесть! Оказывается, она «сокол», но из первого «Сокола», а её сестра у нас в «Соколе» и знает меня. Теперь мы здороваемся «наздар». Забежал я к Блуменфельду в класс. Он познакомил меня с виолончелистом Безродным и сказал, чтобы с ним я приготовил мою «Балладу». Безродный отнёсся ко мне с большим почтением и сообщил, что летом он аккомпанировал мне в Павловском концерте.

Вечером был в «Соколе» с Николаем Штембер.

29 января

Всё утро занимался, играл, а также дирижировал, приводил в порядок «Фигаро» и «Шехеразаду». Сочинил начало Andante скрипичного Концерта, ничего, недурно. Уже о Концерте кое-кто знает и вчера профессор Налбандян даже просил показать, когда кончу. Увы, это будет не раньше осени, сейчас я себе не позволю - разве материал, которого у меня на клочках бумаги записано немало. Вечером написал Нине Мещерской, которая ругала за дерзкое предыдущее письмо, Mme Сараджевой, которая любезно прислала мне московские рецензии (впрочем, которые я уже и так достал) и Держановскому, который просил тематический анализ Концерта по случаю исполнения его шестнадцатого.

30 января

В оркестре Черепнин опять всё время провозился с «Шехеразадой», а потом сказал мне, что предполагаемый на двенадцатое февраля концерт сильно пошатнулся из-за посторонних причин и едва ли состоится, а если состоится, то позднее, а с будущего раза мы принимаемся за «Фигаро».

После класса я разговаривал с Бушен (это теперь редкость). Затем я пошёл к виолончелисту Розенштейну поиграть «Балладу» для нуроковского выступления.

[8] Таинственный монастырь» (фр).

Я с Розенштейном уже не раз играл года четыре назад на Вечерах Современной Музыки; теперь я полагал, что будет много хуже, чем с Белоусовым, но Розенштейн выказал много темперамента, тон и живость - исполнение совсем приличное, а pizzicato даже скорее Белоусова. Домой я вернулся с головной болью и лёг полежать. Вечером уговорил Штембера пойти в «Сокол», где голова моя почти прошла. Каратыгин написал статью о Метнере, модерн-неоклассиках: 1) Скрябин, Стравинский; 2) Мясковский и я (!). Молодчина, Каратыгин! Несомненно, что со временем меня будут считать самым заядлым классиком, но теперь, говорящий это - открывает Америку.

31 января

Утром занимался, а днём у Черепнина проходили «Фигаро» и был в классе ансамбля. После ссоры Черепнина с Палечеком никто из дирижёров в оперный класс не ходит, и Палечек часто бывает без аккомпанемента, очень этим изводится. Нам же, т.е. Цыбину и мне, выгода от этой ссоры та, что очевидно, как только начнутся серьёзные репетиции с оркестром, то есть как только Черепнин должен будет войти в соприкосновение с Палечеком, так Черепнин постарается уклониться и оркестровая часть перейдёт в наши руки, я думаю мои, потому что Цыбин сегодня оскандалился в классе, не зная «Фигаро», кроме того, едва ли Цыбину дадут первый спектакль, а вся тяжесть в первом, второй ерунда. Вообще же Черепнин с Цыбиным милее, чем со мною (хотя вполне со мной любезен), но Цыбин после декабрьского инцидента очень просит прощения, а я вместо того затеял крючковатое объяснение. Струве и Липинская стали закадычными подругами. Сегодня, спускаясь по лестнице, я увидел их, разговаривающими с Озеровым. Я любезно поздоровался с Липинской, а Озеров закричал: «Серж Сержович, а как пишется «ветхий»: ять или е?» Я не задумываясь ответил: ять. Впоследствии, когда меня уличили в этом, я сказал, что ответил так в насмешку. Струве мне нравится больше и больше; больше всех в Консерватории. Занятия в Консерватории идут crescendo, я начал беспокоиться надвигающимся экзаменом - зато в апреле буду свободной птицей. Если получу рояль - горд как сокол, если нет, то едва ли очень огорчусь, это для меня менее важно, чем кому-либо, хотя, конечно, кончить первым - кому не лестно!

Вечером я занимался, а у мамы играли в «винт». Концерт уже выходит.

1 февраля

Отправился встречать А.Г.[9], но она не приехала. Играл на рояле довольно много. Прошёлся по Морской. Юргенсон накануне выставил мою Сонату, должно быть, после каратыгинской статьи. Вечером занимался дома и думал, как бы хорошо в мае увезти Струве заграницу и прожить с ней лето в Швейцарии.

2 февраля

Утром играл программу и Концерт. Концерт, кажется, пойдёт хорошо и без особых трудностей. Кто-то позвонил по телефону и прервал мои занятия, я сердито подошёл к аппарату, но это оказался Олег, который вчера вернулся из-за границы. Я очень обрадовался ему и мы радостно беседовали. Он звал к себе вечером, но я уже собрался идти на ученический вечер и не мог. Уговор встретиться в один из ближайших дней, я продолжил мои занятия. Важная идея: когда играешь публично, надо забыть об окружающем и углубиться в музыку, в самою музыку, в чистую

[9] Анна Григорьевна (Жеребцова-Андреева).

музыку: как выиграет от этого исполнение и как исчезнет всякое волнение, ибо публика, чинящая волнение, исчезает из кругозора. «Углубиться в исполнение» - совет весьма заезжен, но постичь его непросто. Сегодня я постиг. Вечером пошёл на ученический вечер. Не знаю, почему у меня было отличное расположение духа; хотя на вечере никого не было из моего «министерства» (Бушен, Струве, Вегман), но я не скучал с Дамской. Зеликман с большой выдумкой сыграл вторую и третью части Концерта Чайковского. Он, вероятно, кандидат на «рояль». У меня с ним весёлые, шутливые отношения, он относится ко мне с большим почтением, вероятно, вслед моей дружбы с Николаевым; вообще Зеликман довольно неотёсанный господин. Вечером, когда я лёг спать, мне с ужасом представилось, что моя программа ещё не готова. Концерт для Кусевицкого не выучен, «Фигаро» я не знаю, я даже вскочил с постели и должен был пить воду.

3 февраля

Именины Есиповой, всегда сто рублей на подносе, но в этот раз клали в разброде, я уклонился, и сегодня, заказав за четырнадцать рублей две дюжины отличных белых роз, послал их Есиповой. Черепнин в оркестре начал проходить «Фигаро», так как концерт определённо отложен. Я купил себе по случаю за семь рублей партитуру и сегодня следил. Черепнин стал ко мне значительно милей и мы совместно восхищались красотой Моцарта. После оркестра встретил Вегман и с полчаса просидел с ней. Она очень хороша в профиль: у неё классический нос, хороший рот, красивые волосы, брови. Она рассказала, что учась на коньках, упала и очень ушиблась. Я предложил ей мои услуги в обучении на коньках. Потом я занёс свою карточку Есиповой и вернулся домой. Дома играл на рояле. Вечером Н.Штембер спрашивал, пойду ли я в «Сокол». Я отказался, ибо хотел поиграть. Разговор с Т.Рудавской, которая была у них (мило) и с Надей: на ты, она очень заинтересована моим выступлением в пятницу на Вечерах Современной Музыки и очень хочет прийти с Соней. Очевидно, статья Каратыгина о Метнере (дядюшка) и обо мне произвела впечатление.

4 февраля

До часу играл и убедился, что. моя программа не идёт. То есть Бах и Шуман недурно, и я знаю, чего мне от них добиваться, а Бетховен и Шопен ещё не улеглись, особенно Бетховен: он как будто и выходит, но то слишком порывисто, то слишком классично и скучно. «Тангейзер» ещё не идёт технически. В два часа играл в Консерватории с Дранишниковым мой Концерт. Конечно, по рукописи, в первый раз и в быстром темпе он разбирался далеко не блестяще, но всё же аккомпанирует он отлично и я доволен, что выбрал его. Концерт выходит у меня довольно шикарно, а на Дранишникова производит прямо ошеломляющее впечатление. Я рассчитываю, что такое же впечатление произведёт и на экзаменаторов: Ляпунов будет фыркать в колени, Лавров запустит в меня стулом, а иные будут в восторге. С Черепниным дирижировал «Фигаро»: я и Цыбин, потом дирижировали в классном ансамбле. Черепнин сделал замечание моему жесту, вообще же был мил. В «Соколе» с удовольствием делал гимнастику, а вернувшись домой, играл мои сочинения для Вечеров Современной Музыки.

5 февраля

Сегодня я хотел проработать «Балладу» с Розенштейном, но он болен и лежит. Утром играл всю программу (кроме Моцарта). К «Тангейзеру» я страшно устал,

но заставил себя сыграть его. Понятно, он вышел преплохо. Сегодня у меня была несвежая голова, днём надо было прогуляться. Я пошёл к Есиповой взять «Вариации» Моцарта, которые она мне выбрала для экзамена. По дороге заехал в Консерваторию. Я встретил внизу Цыбина, который отстаивал свою очередь к телефону. Я отвоевал ему очередь и он влез в будку. Через две минуты я полез в будку «навещать» его и незаметно привязал его шарф к ручке. Когда кто-то из нетерпеливых ожидающих дёрнул дверь, то вместе с дверью вытащил из будки и Цыбина, едва не задушив его шарфом. Поднялся общий хохот. Цыбин чуть не обиделся и сказал, что сделай это другой, он отнёсся бы иначе, но от души уважая меня, он принял это за невинную шутку. Я в хорошем расположении духа вернулся домой и до вечера занимался: играл, писал дневник и махал «Фигаро» по партитуре, которую я почти ещё не знаю.

6 февраля

Оркестровый класс; Черепнин читает второй акт. Я терпеливо высиживал, впрочем, слушал не без интереса. Дома занимался «Тангейзером»; трудная и тяжёлая штука. Заходил в Юсупов сад и натолкнулся на Бушен, разговаривали около часу. Она хотела показать, сколь хорошо она выучилась кататься, но я сказал, что у неё приём гувернантки, которая катается по обязанности с детьми. Бушен была крайне разочарована моим суждением. Вечером не пошёл в «Сокол», предпочитая поучить экзаменационную программу. Конечно, телефон с Дамской, которая умеет поддерживать интерес к своей болтовне.

7 февраля

Утром усиленно играл программу и учил партитуру «Фигаро». Прийдя в два в Консерваторию подцепил Николаева и сыграл с ним Концерт. Дебют ничего, кое-что идёт негладко (особенно новые переделки), но я за него спокоен. С Николаевым мы постоянно в любопытных отношениях: кандидатом на рояль является его ученик Зеликман и я. Николаев очень со мной дружен, но ему желательно, чтобы Концерт я провалил, потому что премия его ученику всё равно, что премия ему самому. Надо отдать справедливость Николаеву, что он очень мил, и когда я спрашивал у него, он всегда давал деловые советы по моей программе.

В два часа Черепнин и махание «Фигаро». Дирижёру ансамблей, пока их не выучит наизусть, очень непросто. В четыре часа пошёл к Розенштейну, который выздоравливает от своей жёлтой инфлюенции и хочет вечером играть «Балладу». Репетируем, он играет довольно вяло, но обещает к вечеру подбодриться. Вернулся в Консерваторию, дирижировал в ансамбле и совсем измученный вернулся домой. Начинает болеть голова, настроение было злющее, а вечером выступать. Лёг, но не спалось. Успокоился я и отдохнул, посидев за шахматной доской и переиграв ряд старых партий. Мама уехала раньше, а я переоделся, кое-что повторил и приехал на вечер свежий. Там уже началось первое отделение, состоящее из набора всяких композиторов: романсы Стравинского и соната НЯМ'а представляют интерес, но их исполнили плохо. Второе отделение было посвящено мне. Публика была по приглашениям. Я исполнил всю московскую программу с исключительным успехом. Мне пришлось услышать столько поздравлений, восхищений и превозношений, как никогда. Особенно за Сонату[10], арфный прелюд[11] и 3-й Этюд[12].

[10] 2-я Соната для фортепиано (Ор.14).

[11] Десять пьес для фортепиано. (Ор.12. №7).

[12] Четыре этюда для фортепиано (Ор.2, №3).

«Баллада» понравилась меньше отчасти из-за посредственного исполнения Розенштейна и слишком громкого моего аккомпанемента. Дешевов сказал, что я гениален; Николаев расхвалил мой пианизм; Рузский, Нурок, Каратыгин, Крыжановский, Андреевы, Спендиаров, Черепнин, Кобылянский, Асланов, Полоцкая-Емцова выражали свои радости. В особенном восторге были представители Консерватории: Дранишников, Гаук, Дамская, Голубовская и Бушен, которая, по словам Дамской, корчилась от волнения во время игры. Меня познакомили с известным художником Бакстом, который очень серьёзно интервьюировал меня насчёт моих отношений к балету. Это опять запахло Парижем. Каратыгин пригласил меня играть сочинения на его лекции через полторы недели.

8 февраля

Утром не особенно, хотя занимался и пошёл на генеральную репетицию в Большой зал Консерватории. Репетиция скучная, публики интересной мало, Струве не видно. Впрочем, те, кого я встречал, продолжали расхваливать вчерашний концерт. Я поболтал с Элеонорой и, вернувшись домой, до вечера занимался, главным образом играл «Тангейзера». В одиннадцать часов поехал к Рузским на большой бал. Много народа и масса вкусных угощений. Ира сменила гнев на подобие милости. Я отвечаю выдержанно и сухо. От молодёжи Рузских я отстал, да и никак не люблю, находя её скучной. Я обрадовался, когда приехал Коншин. Бал и ужин длились очень долго и в седьмом часу я удрал задолго до конца. Шёл домой пешком и было странно смотреть, как светает, как выезжает трамвай и бегут газетчики.

9 февраля

Спал до часу и, конечно, не выспался. Остальное время большею частью играл на рояле.

Олег звал к себе «побрижжать»[13] и я с удовольствием отправился к нему. Было очень славно. Олег мил и весел.

10 февраля

Когда я пришёл в оркестр, то Черепнин страшно расхваливал за мои сочинения, слышанные в пятницу. Сегодня он репетировал с певцами (!), а потом объявил мне, что первым спектаклем дирижирует он, я - вторым, а Цыбин - третьим, и что это новое правило, чтобы профессор дирижировал первым спектаклем, а ученик являлся бы его помощником, а то до сих пор выходило наоборот. Я ответил, что он ест мой хлеб, что первым спектаклем должен дирижировать я, что, может, он и прав в своём новшестве, но так было до сих пор, пускай же так и останется со старыми учениками, а с будущим годом - вместе с новыми учениками - пусть он введёт новую реформу. Он ответил, что так и могло случиться, но во время постановок «Аиды» и «Риголетто» дело приняло чудовищный оборот, и теперь надо это зло пресечь, тем более, что Палечек и многие из профессоров («- Кто?! - Например, Рааб! - Пфф!»), высказывались против того, чтобы я ставил оперу, да кроме того, я едва и смог хорошо продирижировать такую вещь, требующую крепкой дирижёрской техники, которой у меня нет. Во всяком случае разговаривать не о чем, это вопрос решённый, а второй спектакль, конечно, за мною. Я ответил,

[13] Т.е. побриджевать.

что требуя от меня массу работы на дирижёрском классе и давая мне мало настоящей практики, он тем самым как обанкротившееся предприятие платит мне по двугривенному за рубль. Черепнин пожимает плечами и разговор кончен. Я целый день злился, но ничего сделать было нельзя. Остаётся плюнуть и насесть на рояль. «Сокол», а вечером звонила Дамская и читала где-то выкопанную летнюю рецензию Бернштейна о моём Первом фортепианном Концерте, где он меня хвалил[14]. Бернштейн-то?

11 февраля

Огорчённый отсутствием уроков Есиповой, я позвонил ей и она сегодня пригласила меня к себе, но, когда я пришёл, оказалось, что она едет по хорошей погоде кататься и урок откладывается на завтра. Я искренне обрадовался, что она настолько поправилась, что может ехать кататься.

На улице встретился с Черепниным и разговор наш носил совсем мирный характер. Ругаться и дуться глупо и бесполезно, но его первый спектакль я ему не прощу. Встретил в Консерватории Липинскую и довольно долго с нею разговаривал. Это очень хорошенькая, совсем молоденькая полька из Варшавы, не совсем чисто говорящая по-русски, что к ней даже идёт. Я как-то на её глазах весело болтал с её профессором - Венгеровой; это произвело на молодую ученицу, до смерти боящейся своих учителей, сильное впечатление. Теперь Липинская и ко мне относится с большим почтением. Нас прервал возвратившийся из Москвы Крейслер, который прилип ко мне и без конца оживлённо болтал. Вообще у меня со всеми дирижёрами установились отличные отношения: Дранишникова я очень уважаю, Гаук немного подлиза по природе, но музыку он ловит хорошо и научно дирижирует, Крейслер - рубаха-парень. Твордовский - сдержанный и любезный поляк. Я забежал в класс к Блуменфельду. Он объявил, что проиграл все мои сочинения, кроме 2-й Сонаты, но ничего в них не понял. И на том спасибо. Звонила Бушен и говорила, что на Масленицу она делала éscapade[15] и едет в Москву слушать мой Концерт. Она вообще поклялась присутствовать на всех моих премьерах. Как ни так, а это премьера моего выступления на большом столичном концерте. У меня начинают заводиться настоящие поклонницы. Вечером пошёл на учебный вечер, где дебютировали Крейслер и Гаук с малым оркестром. На манер, как дирижировал в прошлом году я. Оба с честью вышли из своего первого испытания; Крейслер махал немного четырёхугольно, а Гаук совсем хорошо. Я поднёс обоим по маленькой лавровой веточке, чем крайне им польстил. Первые лавры были от меня. Черепнин, очень довольный выступлением малого оркестра, сказал им спич. «Я вижу в вас рвение, горячее отношение к делу, от души желаю, чтобы так всегда продолжалось. А в среду, господа, мы сделаем отдых и занятий с оркестром не будет». «Слава Богу!» - бросил кто-то из оркестра. Потом Черепнин потащил нас пить по бокалу пива в буфет, угощая нас, много и красноречиво говорил, провозгласил тост за здоровье дебютантов и вслед за тем ни с того, ни с сего - за меня, «за процветание того, чем вы одарены, как никто из присутствующих; что, однако, не мешает процветанию вашему и на нашем общем поприще», - указал он на дирижёров. Черепнин сделал мне пакость, забрав себе первый спектакль, так теперь ему стыдно и он подлизывается ко мне. О, знает собака, чьё мясо съела. Я вернулся на учебный вечер.

[14] Рецензия Н.Д. Бернштейна на первое исполнение Первого концерта С.С.Прокофьева в Павловске 3 августа 1912 г. под управлением А.П.Асланова. («Петербургская газета», 1912, 5 авг. №213).

[15] Выходка (фр).

12 февраля

В половину одиннадцатого я принимал у Есиповой урок. Сыграл Бетховена и Шопена: Бетховен почти без указаний, а в Шопене надо ещё подыграться. Программа, кажется, у меня в приличном виде. Выглядит Есипова плохо. Затем я на городской станции купил билет в Москву и заехал к НЯМу, у которого давно не был. Вернувшись домой, играл Концерт и делал кое-какие поправки.

Вечером пошёл на концерт Кусевицкого. Голубовская говорит, что, уходя с Вечера Современной Музыки, она слышит за собой такой разговор:

- Прокофьев? Очень милый молодой человек, - и ласково: - нахал ужасный!

Голубовская говорит, что только про меня может быть такое сопоставление.

Слушал я «Весну священную» Стравинского и слушал с обострённым вниманием. Во всяком случае, произведение это живо и почти увлекает. От «Восхваления земли» я пришёл в восторг. Но так крикливо сделано, а в иных тихих местах такая безудержительно-фальшивая музыка, что удивляешься, как это у талантливого и изобретательного Стравинского не хватает какого-то винта! В публике нашлись многие, которые усиленно аплодировали, но большинство растерялось или торжествующе-насмешливо смотрели по сторонам, что, мол, вот какую пакость пишут футуристы.

13 февраля

Утром поиграл Концерт, а в два часа пришёл Яворский, который приехал в Петербург и которого я встретил вчера в концерте. Сыгранная ему мною первая часть 2-го Концерта, по-видимому, понравилась ему, а про саркастические пьесы промолчал. Попросил у меня рукопись «Маддалены», я охотно дал. В четыре часа я ходил в Консерваторию в оперный класс, а потом сидел дома, догонял дневник и укладывал мой маленький чемоданчик.

Звонила Бушен, она завтра-таки едет в Москву. Ловко! В без четверти девять я собрался, простился с мамой и, помахивая чемоданчиком, сел в трамвай. На вокзале я думал встретить Спендиарова, который тоже ехал в Москву - послушать свои «3 П»[16]. Он в необыкновенном восторге от моих сочинений, слышанных седьмого.

Спендиаров не оказия, зато я встретил знакомого шахматиста и, сидя в вагоне-ресторане, выиграл у него партию à l'aveugle[17]. Спал я на верхней полке плохо: было узко и жарко.

14 февраля

В Москве перво-наперво поехал в магазин РМИ узнать о репетиции. Репетиция в двенадцать, а пока отправился к Сараджеву, где был ласково принят его любезной супругой. Сараджев в прошлый раз звал меня остановиться у него, чем я и воспользовался. Дирижёр Орлов («Садовый, но опытный» - по словам Сараджева), с которым меня мельком познакомил Юрасовский год назад, заявил, что репетиций завтра будет две, но на первой мой Концерт сделать не успеют, а возьмут прямо на второй, на последней. Я просил постараться сделать и утром и ушёл до того злой, что решил отказаться от участия, так как с одной генеральной репетиции Концерт всё равно прилично не пойдёт. Партитуру Юргенсон не поспел-таки награвировать - готов был один клавир (и то не корректирован), а духовые были списаны от

[16] «Три пальмы» - симфоническая

[17] Вслепую (фр).

руки. Я забрал партитуру, немного скорректировал, а также внёс поправки вследствие изменений, сделанных во время учения Концерта. Прихожу к Держановскому.

Все очень ласковы, «самого» нет дома, но я говорю с ним по телефону. Узнав, что я готов отказаться от участия, он очень доволен и готов пропеть «скандал», хотя советует уладить миром. Скоро ухожу и корректирую партитуру у Сараджева. Вечером сидел у Лавровых-Шмидтгоф. Вспоминаем Кавказ, Ессентуки, Пятигорск и рассказываем друг другу всякие случаи и приключения с Максом. И она, и я рассказывали с увлечением. Мать меня без конца благодарила за посещение, говоря, что видя меня, она как бы видела Макса. Возвращался домой взволнованный, думая о Максе - и опять кажется неправдоподобным, что он больше не вернётся. Долго гулял вокруг храма Христа Спасителя и мне хочется почтить память Макса; посвящением всех моих сочинений.

15 февраля

Выспался хорошо в уютном сараджевском кабинете, но вставать не хотелось и я едва не опоздал на репетицию. Впрочем, торопиться было незачем, так как Концерт всё равно не репетируют, но Орлов успел сделать всю программу, оставив на вечер проиграть раз «Петрушку», и в оставшееся время – минимум полтора часа - учить мой Концерт. Я согласился и сидел со Спендиаровым, который расхваливал мои сочинения. После репетиции был у Орлова и проиграл ему Концерт, высказывая свои намерения. Посидев в кафе, пошёл в Благородное Собрание на репетицию. Пока Орлов делал «Петрушку» (в которой многое меня очень забавляет), я ходил по залу и мерил его шагами, стараясь определить, чей зал больше: наш Дворянский или их Благородное? Начал корректировать Концерт и сразу наскочил на бездну ошибок в партитуре. Я совсем смутился, потому что в таком случае всегда упрекают недокорректировавшего композитора. Но это случилось лишь в первых тактах, а затем всё пошло благополучно. Я очень волновался во время корректуры. Оркестр разбирал хорошо, Орлов делал дельные указания, я волновался, что машина пущена и что я недостаточно хорошо сыграю. Впрочем, когда я сел за рояль, то вскоре успокоился. Прошло почти хорошо, я только нетвёрд был в новых переделках. Я вернулся обедать к Держановским, а потом сидел у них за роялем и повторял Концерт и пьесу для бис. Леля не отходила ни на шаг.

16 февраля

Утром я забежал в Денежный переулок и отдал Кате Шмидтгоф билеты на концерт, затем вернулся, поиграл Концерт, одел фрак и вместе с женой Сараджева, Лелей и её матерью отправился в концерт. В артистической встретился с Юрасовским и вместе с ним глядели в партитуре исполнение симфонии Глиэра. Какая грузная и скучная вещь. Со второй половины симфонии я стал волноваться, ибо приближалась моя очередь. Симфония кончилась, я повертелся в артистической. Юрасовский взял рукопись клавира - смотреть; Орлов пригласил меня на эстраду. Моему появлению похлопали, я раскланялся и сел за рояль, между прочим, весьма отвратительный.

Орлов перед выходом сказал мне: «Когда сядете за рояль, посмотрите на моё лицо - и сразу успокоетесь, это все говорят». Я исполнил его совет: действительно, лицо было спокойное, благодатное и немного глупое. Созерцание его особы действовало непроизвольно, но всё же я волновался не очень сильно и Концерт сыграл ничего. То есть и блеск, и импозантность, всё было, но кое-что было и

смазано. Я не вполне был уверен в аккомпанементе и не играл свободно, а постепенно следовал за ним. Успех был значительный, меня несколько раз вызывали и я трижды играл на bis: «Прелюд», 4-й Этюд и 3-й. Перед тем, как играть третий, я подумал, что: это или «Ригодон» и решил играть это, но выбор был неверный: я уже устал и едва дотянул Этюд, а «Ригодон» вышел бы лучше. Прийдя в артистическую, я уселся рядом с Юрасовским, который держал на коленях рукопись Концерта, и стал расспрашивать о моём исполнении. Рядом с Юрасовским сидел другой человек и одним глазом посматривал в ноты. Оказывается, это был «мой друг» Сабанеев. Когд он отошёл в сторону, Юрасовский спросил меня, желаю ли я, чтобы меня познакомили с Сабанеевым? Я ответил «ну его к чёрту» и ушёл из артистической.

Появилась Бушен и говорила: «Очень, очень хорошо». Спендиаров и несколько малознакомых и совсем незнакомых человек подходили с тем же. После концерта я ушёл с Юрасовским, сидел с ним в кафе, он говорил, что разочаровался в своей композиторской деятельности и будет дирижёром: спрашивал, неужели я собираюсь сделаться знаменитым композитором? Я ответил: да, и сказал, что напишу очень хорошую оперу. Простившись с Юрасовским, пошёл обедать к Сараджеву, а затем к Держановским, где я пользовался всеобщим успехом. Держановский объявил, что решил выставить Сабанеева из своего журнала и жалел, что в сентябре не напечатал мой резкий отзыв о его сочинении. От Держановских я, с чемоданчиком в руках, заехал к Смецким, просидел час, получил цветы и домашние пряники и поехал на вокзал.

17 февраля

Поезд мой пришёл в полдвенадцатого утра. Вернувшись домой, я немного отдыхал от московской суеты, на рояле не играл, потому что разбил себе большой палец на октаве моего Концерта.

Ходил в Консерваторию - посмотреть, что делается. Зашёл на минутку в оперный класс. Там всё шло своим чередом и Цыбин усердно махал.

Вечером был в «Соколе».

18 февраля

Утром меня поднял телефон: сегодня Есипова будет мне давать урок. Я привёл в порядок «Тангейзер» и в два часа понёс ей. Сыграл я наизусть довольно прилично, но грубовато, замечаний никаких. Пришёл в Консерваторию, и так как у Черепнина делали симфонию Моцарта, мало меня касающуюся, то разговаривал с Дамской и Вегман. А между тем наверху происходил следующий разговор: «Этот Прокофьев возмутителен! В хор не ходит, в ансамбль не ходит, а если соблаговолит, то всем недоволен, делает замечания, говорит дерзости». Потом следует перечисление всех, за кем я когда-то ухаживал. Дамская, которая мне рассказывала это, идя вместе со мной из Консерватории, говорила, что она просила их хоть не так громко кричать. Я решил, что коль так, то буду с хором ещё требовательнее и задиристее.

19 февраля

Играл. Днём пошёл в консерваторский хор, заинтриговал меня вчерашний выпад, но хор спел так ладно, что нечего было делать. Мне очень хотелось пить и как часто в таких случаях ничего иного, кроме шампанского. Пошли с Крейслером - алкоголь консерваторский пивать и с удовольствием выпили полбутылки Cordon vert. Я очень хотел «Кристаль», но его не оказалось. Вернулся домой и повторил

2-ю Сонату для сегодняшней лекции Каратыгина. В восемь вечера пошёл на класс сценических упражнений в Консерватории. Это очень полезный класс для певцов, готовящихся к оперной карьере. Давали «Сны» Пшибышевского, томительную драму не в моём духе.

Черепнин высказал массу внимания к моему московскому выступлению.

- Отлично, вас всюду теперь играют, а Концерт ваш я сам как-нибудь непременно продирижирую, он очень интересен.

Я мысленно возмущаюсь его двуличностью: а беляевский концерт, где он сказал, что если не пойдёт Концерт, то он не будет дирижировать?! Бархатистая змея! Я тащу Каратыгина на лекцию. Она оказалась в богатом частном доме, где собирается, по словам Каратыгина, богатая плутократия. Лекция длится очень долго. Про меня Каратыгин сказал, что я, по-видимому, тоже неоклассик, но слишком молодой, чтобы определённо высказаться о моём направлении. Я сидел в другой комнате с Крейслером и ел конфеты. Сонату я начал неохотно, но под конец сыграл хорошо и имел успех. Был Беллинг, второй дирижёр из Придворного оркестра и сказал, что это шедевр. Я ничего не имею против получения приглашения выступать в концерте Придворного оркестра. Вернулся я домой решив, что, в конце концов, не стоило играть, так, разве в виде любезности Каратыгину.

20 февраля

Утром оркестровый класс. Мне хотелось увидеть Струве, но она пробежала, очень торопясь в научный класс.

Вернувшись домой, играл и ходил поздравлять Раевских со днём свадьбы. Дома оказалось, что мне звонила Мещерская. Как, неужели приехала?! Я ждал их позднее. Я немного обрадовался, но появилось и смутное недовольство, что в то время, когда у меня столько дел, когда всё быстро идёт своим чередом и без того вытесняя одно другое, появляется новая притягательная сила, так как Мещерская несомненно сильная и притягательная. Но они очень звали сегодня вечером и я пошёл. Они въехали в свой новый дом в просторную и шикарную квартиру, занимая полтора этажа. На меня накинулись все, наипаче же Нинка, которая положительно имеет особое бесовское обаяние. Было весело, уютно, возились, кричали, словом - хорошо. Привезла подарок. Нина наговорила массу ласковых вещей и мы были дружны как никогда. Зайцев отсутствовал.

Я очень довольный вернулся домой.

21 февраля

Утром играл на рояле и смотрел партитуру «Фигаро», а к трём пошёл в Консерваторию прорепетировать «Балладу» с Безродным, с которым Блуменфельд назначил сыграть её в классе и на экзамене. Приходят мысли кое-где подчистить фортепианную партию. Хористкам я говорил всякие колкости или насмешки. Черепнин играл в любезность и просил не обращать внимания на критику, когда она разгорается. «Вот, например, я - говорит он. - даже никогда не читаю...». Да, но его так ругают, что лучше и впрямь не читать.

В ансамбле уселся дирижировать Цыбин; хотя Черепнин и хотел, чтобы я по партитуре продирижировал большим ансамблем, но я чувствовал себя утомлённым и ушёл домой.

Вечером «винтили»: Мясковский и Сараджев, приехавший в Петербург устраивать свои дирижёрские дела. Сараджев был мил и очень понравился маме. Олег надул.

22 февраля

Играл; право, программа почти идёт. А главное, хорошо, что всего не будут спрашивать - только три вещи; стало быть, вопрос об утомлении и выносливости отпадает. Вечером играл, разговаривал с Элеонорой по телефону, играл по телефону в шахматы с Голубовской (партия прервана в пикантном и выигрышном для меня положении) и наклеивал рецензии, которые теперь сыпятся, как горох. В последнем номере «Музыки» обо мне говорят в четырёх местах. В.Беляев, так разухабисто обругавший мою 1-ю Сонату, теперь с большой горячностью хвалит вторую. А петербургский корреспондент (Крыжановский?) о Вечерах Современной музыки пишет, что на «Наваждении» «печать гения». Я хвастаюсь, что меня произвели в гении. Приятно, Каратыгин благодарит за участие в его лекции и вручает двадцать пять рублей за участие. Я пробую отказаться, но говорит, что так дано всем участникам. В конце концов я доволен, что заработал двадцать пять рублей.

23 февраля

Так как я относительно программы поуспокоился, то сегодня проспал до одиннадцати. Играл довольно много. Днём отняли время господа из Международного Банка, с которыми мама советовалась относительно биржи. Вечером пошёл на драматический учебный спектакль. Встретил Голубовскую и, пользуясь Нининым подарком, доиграл партию в шахматы. Я выиграл. Наши консерваторцы довольно бойко разыгрывали отрывки драм и комедий. Я сижу с Дамской, была и Белокурова, но мне не удалось с нею поговорить: мне нравились больше ограниченные поклоны. Дамской, которая знает о моих симпатиях к Белокуровой, я заявил, что у меня «перемена министров» и новый премьер-министр. Я имел ввиду Струве, но на все просьбы Дамской не называл её.

Дамскую я произвёл в министры иностранных дел, а на её вопрос, кто же Бушен, я ответил, что она товарищ министра путей сообщения, намекая на наши прогулки и на совместном возвращении из Москвы.

24 февраля

Утром оркестровый класс, в котором Черепнин с певицами делал «Фигаро». В следующий понедельник он даёт репетицию мне. Встретил Алперс и заговорил с нею: она была готова болтать без надежды на прекращение. Вернулся домой, но во время завтрака отлетел кусочек зуба и пришлось пойти к дантисту. Играл программу и всё шло очень хорошо, я страшно доволен и главное, что почти все вещи идут одинаково; разве похуже Шопен, да ещё, пожалуй, Моцарт, которого я не выучил. Вечером с Николаем Штембер был в «Соколе». Николай заходил ко мне, я играл ему Бетховена. Я боялся играть ему, зная его критикантство, но он похвалил - это много!

25 февраля

Помахал партитуру «Фигаро» и играл «Тангейзера». В три часа пришёл в Консерваторию, но у Черепнина делали «Сербскую фантазию» с младшими дирижёрами. На учебном вечере играли Серёжа Алперс и Николаев, который в этом году совсем не виден в Консерватории. Из Серёжи Алперса может выйти значительный пианист, он имеет задатки, хотя пока ещё много комкает. В антракте мелькнул изящный силуэт, но скрылся в противоположном от наших мест конце

зала. После антракта сидим так: Серёжа Алперс, я, Дамская, и какой-то весёлый певец. Николаев ничего, играл бойко, многие в зале вскакивали смотреть, я оставался неподвижен. Струве, которая, очевидно, пришла слушать Серёжу (с семьёй Алперс она, кажется, познакомилась на даче в Финляндии) ушла из зала, а потом вдруг вернулась и уселась прямо впереди нас. Для меня - приятный подарок. Наша компания была хорошо настроена, я болтал глупости, острил - все смеялись. Понемногу мы её ввязали в разговор. Оказывается, она сегодня после вечера сдаёт экзамен у Глазунова в кабинете, которому в денные часы некогда. Струве волновалась и скоро ушла. Стало скучно. Уходя с вечера, я с Дамской наткнулся на Струве, которая стояла в коридоре, в унылой позе ожидая экзамен. Мы подошли, разговорились и проболтали довольно долго к большому моему удовольствию.

- Ну вот, подите же, я три года назад всё время повторял вашу фамилию! - говорил я.

Струве краснела и недоумевала, вообще она часто краснеет, когда я говорю. Подразнив её, я объясняю, что переигрывал шахматные партии с шахматистом Струве, с которым был знаком лет шесть назад и которого потерял из виду. Вообще Струве как-то держалась со мной настороже, как бы готовясь услышать дерзость и принимая каждую шутку всерьёз, готовила ответ на неё. Струве ушла вниз, а я с Дамской отыскали ключи от концертного зала и влезли туда. Книгу экзамена, хорал Баха спрятали в рояль, заперли зал и удрали. Завтра не по чему экзаменовать. Проводив Элеонору, возвращаясь домой, я думал о Струве. Мне нравится её внешность, у неё очень неправильное лицо, может это мне и нравится. В чём эта неправильность, я пока сказать не могу.

26 февраля

Сегодня надо было сдать экзамен по транспонировке хорала, чтению с листа и учить пьесы. Экзамен ерунда и не имеющий значения, но сдать всё же было надо. Идя в Консерваторию, я волновался по поводу спрятанных хоралов, но в библиотеке нашёл ещё один том и экзаменовался по нему. Хорал я транспонировал под началом Винклера, он, улыбаясь, дал мне в дорийском ладу, но я сдавал транспонировку быстро и точно (я, смеясь, предложил транспонировать правую руку на терцию вверх, а левую на умеренную кварту вниз). О том, что с листа нечего говорить, а учить мне дал «Поэму» Скрябина. Я её проиграл три раза и принёс через пять минут. Найденные мною две опечатки произвели сильное впечатление и, поставив мне по всем статьям 5+, меня отпустили. Я был очень доволен - экзамен ерунда, но 5+ меня ободрил. Похваставшись встречным моими отметками, я пошёл домой и сел за программу. Программа шла хорошо. Вечером «винт»: Сараджев, НЯМ, Олег, мама и я. Было оживлённо и мило.

27 февраля

Утром «Фигаро», которым дирижировал Черепнин. Тимофеева сказала мне, что она слышала от Голубовской мои сочинения, что она в них влюблена, а через них и в самого автора - и хочет петь мой романс на экзамене, если я ей дам.

Я обещал принести «Отчалила лодка». От Сараджева я слышал, что Глазунов вчера на репетицию пришёл невыспавшийся, так как до двух часов у него был экзамен. Я говорил Струве - что же вы Глазунова огорчили?

- Яаа?

- Он на следующий день утром пришёл на репетицию совсем измученный, говорил, что ему спать не дают. Такая, говорит, неделикатная ученица Струве - в два часа ночи экзаменоваться приходила!

Струве вспыхнула и, буркнув, что-то вроде «что вы говорите», быстро ушла. Я вернулся домой и играл на рояле. Вечером пошёл к Мещерским, ибо Нина говорила, что каждый день меня ругает, что я не рад их приезду и не прихожу. Встретили меня все очень ласково и радостно, так что я был даже удивлён. Для того, чтобы привыкнуть, я играл «Тангейзера». Вера Николаевна сделала пару метких указаний. Потом в уютной биллиардной играли в бридж. Таля и Серж Базавов против Олега и меня с Ниной. Собственно, играл я, а она сидела рядом и страшно кокетничала и нежничала. Я питаю большую симпатию и к Тале, и к Олегу, и к Сержу - и провёл в их компании вечер с большим удовольствием.

28 февраля

Проснувшись утром, я вспомнил одну вчерашнюю фразу Веры Николаевны про меня: «Ведь он композитор, а фортепиано изучает дополнительно». Я стал думать об игре и мне стало казаться, что я действительно не пианист, а все мои исполнения намеренно не выходят из границ обыкновенного добросовестного зубрилы. Да и действительно, сегодня программа шла как-то хуже.

В три часа пошёл в Консерваторию - в понедельник я дирижирую «Фигаро» с оркестром и певцами - надо было сегодня помахать в ансамбле, чтобы попривыкнуть к партитуре. Перед классами на лестнице сконцентрировалась приятная компания: Струве - Липинская - Дамская - я. Липинская страшно волнуется и говорит, что готова выдрать бороду учителю истории. Мы смеялись и задевали её. Струве опять держится как-то настороже. После ансамбля я показал Тимофеевой романс «Отчалила лодка», предварительно объяснив ей, как я представляю себе романс: чуть свет, утро, предрассветный холодок, у ног - свинцовое, отдалённо шумящее море, на душе чувство чего-то неожиданно радостного и вместе с тем невозвратного - и всё это в серой мгле едва наступающего утра. Тимофеева, кажется, оценила романс, но высказала сомнение, позволят ли ей его петь строгие требования.

Вечером я был в «Соколе». Потом звонил Дамской, она рассказывала про своих подруг. Мельком про Струве, что та всё принимает всерьёз: «Вы ей вчера полушутя про Глазунова, а она уже сегодня спрашивала у меня, неужели это действительно так».

1 марта

Играл главным образом Моцарта. В пять часов уехал в Выборг.

2 марта

Встав в восемь, чувствовал себя бодрым и свежим, а погода отличная. Взяв извозчика, поехал на кладбище. Сторож привёл меня на могилу Макса, которая находилась на финском кладбище, рядом с православным. Ряд бедных могил, белый деревянный крест, окружённый снегом, и на кресте карандашная надпись: «Максимилиан Шмидтгоф». Дав сторожу несколько марок, чтобы он привёл в порядок могилу, когда стает снег, я остался один и долго простоял, глядя на крест и думая всякие думы. Была умная, удивительная голова, был шикарный Макс, был эффектный, художественно задуманный конец - и остался скромный белый крест. Я стоял у креста - и вместе с печалью на душе было какое-то тепло, приятное чувство, что я попал на эту могилу, как будто сама могила была другом. Ослепительно ясный солнечный день, аккуратные ряды могил и шумные манёвры поездов товарной станции, которая лежала внизу пригорка, на склоне которого расположено кладбище - всё это спасало могилу от вида запустения и, снявши шляпу, я пошёл к

ждавшему меня извозчику. В вагоне я стоял у окна и ждал, когда мы проедем мимо кладбища. Оно лежало у самого полотна, в нескольких верстах от вокзала, по правую руку, и отлично видно из окна вагона. Сперва следует расположенное по склону пригорка православное кладбище с зелёной церковкой посреди, за ним, отделённое забором, финское, с правильно спускающимися рядами могил. Кресты ясно видны, но я не успеваю увидеть крест Макса - поезд идёт слишком быстро и, приехав в три часа в Петербург, я поехал домой, где завалился спать. Проснулся с головной болью, но всё же занимался фортепиано для завтра и отказался от приглашения Субботина и редактора «Речи» (!)[18], который интересуется мною и передал приглашение через Каратыгина. Я смотрел в дневник, что было прошлым годом в этот день.

3 марта

В десять часов я был в Большом зале, где состоялась моя репетиция «Фигаро» с певцами, расположенными на стульях на сцене. Я чувствовал себя спокойным, довольно опытным и продирижировал оперой очень прилично, Черепнин был доволен и хвалил, хотя и указал на несколько недочётов. Я боялся, что очень устану, но этого не случилось. Слушателей никого не было, кроме Вегман, которая сидела, забившись в глубине полутёмного зала. Остыв после репетиции, походил по коридорам Консерватории, но Струве не было и я ушёл домой. Проиграл не отходя от фортепиано всю программу и форменно вогнал себя в гроб, хотя «Тангейзер» всё же звучал. А Калантарова говорит, что требование играть программу по частям - отменено, и надо играть всё. Я всё собирался для тренировки пальцев взять на прокат тугое пианино. Походил по магазинам и так-таки ничего не нашёл. Теперь жаль, но всё равно не стоит, поздно. «Сокол», а потом телефон Дамской, которая по обыкновению болтала о всех консерваторских действующих лицах. Для меня было интереснее всего, когда она говорила о Струве, хотя я и не показывал виду. А она рассказывала, что Струве, по-видимому, меня боится и всё ждёт какой-нибудь насмешки или дерзости, надо быть мягким с нею.

4 марта

Получил корректуру Концерта, которой страшно обрадовался. Взял синий карандаш (ибо, говорят, гравёр не любит, когда поправляют красным) и с удовольствием принялся за поправки. Утром меня пригласила Калантарова на урок Есиповой. Поиграл «Вариации» Моцарта и понёс их. Анна Николаевна как будто бодрее, хотя не сравнить с прежней - как-то похудела и сморщилась. У «Вариаций» дала такой медленный темп, что я пришёл в отчаяние. А сколько шума с моей идеей играть piano и не очень акцентировать, заставила играть forte и сильно акцентировать. Я был несколько разочарован. Заставила сыграть мой Этюд №3, который прошёл очень бойко, и с улыбкой сказала:

- Точно кошки скребутся!

Вернулся в Консерваторию, где Черепнин указал вчерашние недочёты в «Фигаро».

В шесть часов прихожу домой. Чудесная идея: инструментовать мои «Сарказмы». Вечером с мамой едем на концерт Романовского, который играет мою Сонату. Миллион знакомых, точно в светском салоне. Две враждебные семьи. Рузских и Мещерских, спорят из-за гегемонии. Обе семьи близки с Романовским, обе привели много знакомых, обе поднесли аристократический букет, наконец, обе гордились

[18] Гессен, Иосиф Владимирович.

знакомством с Ершовым, которого поделили так: он сидит с Мещерскими, а дочка с Рузскими. Я говорю Вере Николаевне, что я с Ниной изображаем слона и моську. Вера Николаевна возражает, что в таком случае Нина маленький слон, а я большая моська. На концерте: Алперс, Бушен, Крейслер, Дамская. Когда Романовский начал играть Сонату, все стали оглядываться на меня, что, мол, я чувствую. Сначала забавно такое внимание, а потом противно. Романовский играл Сонату хорошо, разве лишь в двух местах не то выделил. Под конец я начал волноваться, потому что чувствовал, что сейчас меня будут вызывать. Действительно, Соната имела большой успех, дружно кричали автора, я выходил кланяться и думал: влезть мне на эстраду или поклониться около неё. Решив, что первое будет слишком «по- сокольски», кланялся у эстрады. Мама, видимо, очень волновалась, но довольна успехом, вспоминала о папе. В конце концерта много поздравлений и восхвалений. Н.П. Рузский искренне доволен. Крейслер объявил себя горячим поклонником. Мещерские страшно довольны. Когда я захожу поблагодарить Романовского, в артистической какая-то девица делает мне подобие овации и закидывает всякими вопросам о 2-й Сонате и о Концерте. Усадив маму на извозчика, я заезжаю с Крейслером к «Пивато» и выпиваю с ним полбутылки шампанского.

5 марта

Немного проспал, потом играл на рояле, а в три часа пошёл в Консерваторию. Пока Черепнин доканчивал занятия с хором, я пошёл в Малый зал, где экзамены уже пятый день шли на всех парах. Во время игры входить в зал воспрещается, а потому я пошёл в артистическую - послушать оттуда. Едва я хотел открыть дверь, как она сама распахнулась и я очутился лицом к лицу со Струве, которая шла ко мне навстречу. «Это очень шло, что вы мне открываете дверь», - сказал я и ушёл в артистическую. Играл ученик Венгеровой сонату Шумана (мою) и так плохо, что я скоро ушёл.

С Черепниным мы пошли в магазин «Беккер», где я ему проиграл мою экзаменационную программу. Я ждал от Черепнина интересных художественных указаний - и не ошибся. В Бахе, Моцарте и Бетховене он высказал много любопытных взглядов, которые я принял к сведению. Вообще он отнёсся с большим интересом и сеанс продолжался три часа. Возвращались мы домой очень дружественно разговаривая, как в былые времена. Он даже сказал печальным тоном:

- Так мне и не удалось, Сергей Сергеевич, устроить ваш Концерт в Беляевском концерте!

Впрочем, я очень мало поверил этой фразе, а за его указания относительно исполнения программы - большое спасибо. Вечером я с Олегом бриджевал у Мещерских.

Играл сонату Шопена, Таля сказала, что я играю её лучше, чем Романовский на концерте. Это меня неожиданно и очень сильно ободрило.

6 марта

Сегодня утром дирижировал Цыбин, но я не пошёл смотреть, а предпочёл заниматься роялем. В три часа пришёл в Консерваторию, чтобы дирижировать «Фигаро» в оперном классе. Как раз в Малом зале, где экзамен, был перерыв, зал проветривался и толпа ждала у двери. Струве стояла и очень мило беседовала с каким-то пиджаком. Я ушёл в Большой зал и дирижировал «Фигаро»; репетиция полностью состоялась, но под фортепиано.

Вечером «Сокол».

7 марта

Утром кончил корректуру клавира Концерта, которую сделал с большим удовольствием в промежутках между занятиями. Пошёл в оперный класс, в котором сегодня распределяли - кто в первом спектакле, кто во втором. Это всегда проходит горячо и оживлённо: все ругались и волновались. Но сегодня как-то распределяли втихомолку - и каждому сказали на ухо. Я дирижирую.

Первый спектакль под управлением Черепнина идёт пятнадцатого, второй - мой - двадцать четвёртого, третий - Цыбина - тридцатого. Все бесплатные, публика только по приглашениям. Возвращаюсь домой и играю на фортепиано. Записался в шахматы по переписке. Фрибус просит Сонату для библиотеки, лестно и приятно. Сегодня я сыграл всю программу и не очень устал - прогресс. Вечером играл на рояле и писал дневник.

8 марта

Проспал до одиннадцати. Играл, а в три часа прошёлся по хорошей погоде по Морской, купил Сонаты для Фрибуса (у Юргенсона теперь всюду выставлены мои сочинения, но мне неудобно было спросить - идут ли они) и пришёл в Консерваторию. Я хотел послушать Голубовскую, которая сегодня уже экзаменуется, но её экзамен кончился в два часа (5+). Я сидел в библиотеке, а Черепнин, очень хорошо настроенный, рассказал анекдот из своих заграничных путешествий. В поезде Берлин - Париж какие-то двое русских принимают его за немца и уверенные, что он ничего не понимает, ругают его, не стесняясь его присутствия, а в заключение с коробкой конфет и с любезным видом обращаются к нему, сказав: «Жри, собачий сын, жри!» «Нет, благодарю вас, мне что-то не хочется», - ответил Черепнин на чистом русском языке. Картина.

9 марта

Выгрывался в фугу Баха и в сонату Бетховена; догонял дневник. Голова что-то была не очень свежей и я в четыре часа пошёл гулять. Очутившись у Новодевичьего монастыря, зашёл туда посмотреть на могилу Римского-Корсакова и папы. Я люблю кладбища. Настроение было притихшее, а мысли - о том, как жизнь всё же приведёт меня к старости и смерти.

Вернулся домой и читал об Америке, продолжая «кругосветное путешествие», которое я начал месяц назад. Ах, как меня тянет поехать в Америку и объехать весь шар. В семь часов зашёл за мной Штембер и мы пошли в Малый зал Консерватории на репетицию экзамена, но ни Анна Николаевна, ни Калантарова не пришли, но собрались все шестеро экзаменующихся и поиграли в пустом зале на эстраде. Девицы относились ко мне довольно враждебно, я же - посмеивался над ними, потому что играли они прескверно. Есипова дала им мало уроков и прошла программу поверхностно, а эти дуры сами ни до чего не додумались: играли вяло, серо и глупо. Зато успешно играл я и, не отходя от рояля, в полтора часа сыграл всю программу. Штембер выслушал всё и нашёл, что хорошо; прежде он всегда относился к моей игре иронически, потому я его похвалу ценю. Перед игрой мне удалось сосредоточиться - если удастся на экзамене, то и на экзамене будет хорошо. Потом я поехал к редактору «Речи» Гессену, который приглашал меня через Каратыгина. Там собралось любопытное общество. Я играл кое-какие пьески и с Каратыгиным в четыре руки «Петрушку», которая местами отлично выходила. Случайно увидел сонату Регера, которую я не смотрел года три. Боже, как просто и ясно, а ведь не так давно это была непроницаемая чаща! Как музыка скачет вперёд:

Каратыгин сказал, что он намекал Зилоти о моём Концерте и тот просил его прислать ему. Отлично.

10 марта

Сегодня первая сценически-оркестровая репетиция «Фигаро» под управлением «ученика Черепнина». Я пошёл и довольно исправно высидел почти пятичасовую репетицию, дабы ознакомиться и с оперой, и с mise-en-scène[19]. Я знаю все арии и ансамбли, но не знаю их взаимосвязи. Вообще выходит оживлённо и занятно, хотя много нелепостей и сценически эту оперу можно написать в двадцать раз интереснее, чем это сделал Моцарт. Когда я примусь за сочинение оперы, то не буду брать глубоко драматический сюжет, а возьму лёгкий, живой, французскую комедию с запутанной интригой и напишу настоящую живую оперу.

Во время антракта я вышел в учебную Консерваторию и натолкнулся на Дамскую со Струве. Разговор коснулся моего экзамена; Струве собиралась прийти.

- Ну, вы 5+ получите, - сказала Дамская, - я считаю, что это более или менее нормально, если всякие ученики получают 5+. Если я получу 5++, то это совсем хорошо, а если просто 5, то это будет мне пощёчина.

Струве спохватилась, что ей надо повторять историю, и собралась уйти от нас. Я сказал:

- Если бы география, то я мог бы вам помочь, объяснив Америку. Я вчера сделал туда книжную экскурсию.

- Америку-то я сама знаю, - просто сказала Струве, - я жила в Канаде, - и ушла.

На меня, рвущегося за океан и с увлечением читающего об Америке, эти слова произвели впечатление. Правда, я не показывал виду, но... Струве - Америка! А?! Положительно, я страшно заинтересован. Вернувшись с репетиции, я играл, а вечером был в «Соколе», хотя многие мне и не советовали туда соваться перед экзаменом, вдруг ушибёшь руку, палец.

11 марта

Спал добросовестно, а потом добросовестно повторил всю программу. В час неожиданно позвонила Есипова и пригласила меня сыграть всю программу. Есипова сидела невидимая в другой комнате, Калантарова и Позняковская служили парламентёрами и сообщали «высочайшее» мнение. Я, в конце концов, был рад сыграть программу, потому что не вполне был удовлетворён в градации темпов сонаты Бетховена и в том, не тяжело ли я играю шестнадцатые в фуге Баха (ритм от начала до конца), ибо для достижения некоторой важности и органности я играл шестнадцатые потяжелее, но, с другой стороны, боялся переборщить. Однако, опасения были излишни и никаких замечаний не последовало. После Шопена высказалась Позняковская и прочувствованным голосом сказала: «Очень хорошо». Я приободрился и сыграл сонату Шумана, «хорошо» - выскочила Калантарова. После моего Этюда - просто «дальше», а после «Тангейзера» много похвал, а от Калантаровой лично, что мою игру нельзя узнать. На завтра меня поставили последним в программе. Я очень утомлённый зашёл в Консерваторию, где после фортепиано делали репетицию «Фигаро» Черепнин и Цыбин. Я немного повертелся, зашёл в Малый зал, где играл ученик Николаева. Хорошо, но не выдающееся. Завтра и мне на «эшафот», но сегодня я не волновался, сидя в зале. Вернулся домой, поупражнялся к завтрашнему дню, выиграл у Голубовской партию по телефону и

[19] Постановкой (фр).

улёгся спать. Завтрашний день меня, конечно, беспокоит, я знал, что это очень важный день, но спал.

12 марта

Утром не хотелось вставать - в постели уютно и спокойно, а как встану, сразу погружаюсь в область волнений и беспокойств. В одиннадцать я встал и сел за рояль, начав повторять программу с конца, т.е. с Листа, медленно продалбливая трудные места. Сыграв Листа, себя, Шумана и Шопена, я пошёл гулять по чудной погоде. По Загородному проспекту я вышел за город и вернулся назад в трамвае. В два часа мне позвонила из Консерватории Голубовская, потом «министр иностранных дел» Дамская о том, что теперь антракт, отыграли два ученика Калантаровой и два Есиповой: Ганзен (плохо) и Малинская (довольно хорошо), народу масса, многие ждут моего появления. Я то волнуюсь, то успокаиваюсь. Сел за рояль продолжать повторение программы: Бетховен, Моцарт и Бах. Вчера вечером я попытался по своему рецепту: написать фугу наизусть, но спутал, написал фигуру из другого места. Теперь я всё боялся, что собьюсь на Бахе. Но тут пришла отличная мысль: я твёрдо запомнил три места в фуге, откуда я могу безошибочно начать в любой момент, если собьюсь. Потом стал делать «репетицию»: нарочно сбиваясь и импровизируя в стиле Баха, подходя к тому или другому месту. Так как эту фугу знают мало, то я при искусной импровизации мог сбиваться совершенно безнаказанно. Это меня вдруг успокоило и я решил, что бояться нечего. Надо только сосредоточиться на музыке при выходе на эстраду и не обращать внимания на обстановку. В четыре часа мне позвонил из Консерватории служитель и сказал, что сейчас будет играть Тиц, после которого моя очередь. Я одел пальто и пешком пошёл в Консерваторию. Настроение довольно беспокойное, но я встретил сестру Подушки, очень красивую даму, которая так нравилась мне летом; мы весело поговорили, она посетовала, отчего я не приходил к ним. И ко мне вернулось хорошее настроение. В Консерватории тихо, все сбились в Малом зале. Я сидел в партере; ко мне пришёл Крейцер и делал комплименты. Я не особенно волновался, когда вышел на эстраду. Зал был набит битком. За экзаменационным столом сидела комиссия более приятная, чем я ожидал: Глазунов, Калантарова, Венгерова, Дроздов, Медем, Габель - это всё друзья; зато по другую сторону от Глазунова - Ляпунов, враг класса Есиповой - и его я больше всего боялся, кроме того, Лемба, Миклашевская. Подойдя к роялю и поклонившись комиссии, я вынул из рояля пюпитр, чтобы он не торчал перед глазами, и положил его рядом на стул. Я некоторое время посидел, вперив взор себе в колени, стараясь забыть зал и сосредоточиться на Бахе, решил, что я относительно спокоен и довольно внимателен - и начал фугу. Фуга вышла хорошо, Моцарт тоже порадовал, Бетховен начался совсем хорошо, но в экспозиции, там, где главная партия идёт довольно контрастно, левая рука заиграла тему, а правая отказалась играть и я начал сбиваться. Сообразив, что скоро за этим следует побочная партия, я постарался подойти к ней и заиграл побочную, но по ошибке в es-dur вместо as. Дело выходило плохо, но мне удалось подимпровизировать к тому месту, откуда я сбился - т.е. к концу главной партии - и тут я попал на рельсы - дело пошло ладно. Доиграл я сонату хорошо, но волновался, боясь, что снова напутаю. В сонате Шопена я в первой фразе попал мимо клавиши, но дальше мне понравилось, как я играл, и к чрезвычайному моему удовлетворению я успокоился. Шопен сошёл, по-моему, лучше, чем когда-либо у меня. Перед Шуманом я спросил у Глазунова, всю ли сонату играть или только одну часть. Глазунов посоветовался с Ляпуновым и сказал: всю. Это выходит весьма утомительно, принимая во внимание, что далее следует «Тангейзер».

Я спросил:
- Сполна?
- Сполна, - ответил Глазунов.

В зале весёлая публика засмеялась. Я стал играть сонату. Я остался не вполне удовлетворённый ариеттой, первая часть вышла хорошо, третья и четвёртая совсем блестяще. В финале, когда левая рука переходит через правую, лопнула струна. По счастью, это была такого рода струна, которая на один колок наверчена, а на противоположный просто накинута петлёй. Когда струна лопнула, то петля соскочила и струна целиком вылетела из фортепиано в публику, - своеобразный эффект и публика заржала от удовольствия. После Шумана мне стали аплодировать, но это запрещено и аплодисменты быстро унялись. Я чувствовал себя очень утомлённым и боялся, что пальцы не побегут в моём Этюде. О «Тангейзере» не хотелось думать. Я отдохнул минуты две, - больше было неприлично - и сыграл Этюд, взяв немного умеренный темп; всё же он был достаточно быстрый и произвёл впечатление. Затем следовал «Тангейзер». По счастью, у него спокойное начало и я успел отдохнуть. В «Тангейзере» вся техника была в порядке, он «шёл», а на грохот в конце всё же хватит сил. Последний аккорд сопровождался треском всего аплодирующего зала. При выходе с эстрады в артистическую, мне навстречу хлопали Позняковская, Берлин, Вегман. Пожав руку Вегман, я ушёл в артистическую. Через открытую дверь видел, как из зала выходили Струве и Липинская. Первым явился Черепнин и дирижёры: Крейцер, Дранишников, - все были в полном восторге. Штембер торжественно сказал:

- Ну! Поздравляю, очень хорошо!

Черепнин очень расхваливал за все вещи, Дранишников захлёбывался. Мы проболтали довольно долго. На смену им явилась другая партия: Дамская, Алперсы и прочие. Выходя из артистической, я встретил Глазунова. Он поздравил меня с удачным экзаменом и сказал, что далеко не всюду соглашаются с моей интерпретацией, он всё же по обязанности экзаменатора должен быть объективен, - и отдать должное моей талантливой передаче. Особенно хорошо была сыграна фуга. Сначала его фраппировало[20], что я сыграл piano, он думал, что это случайно, но когда увидел, что это проведено через всю фугу, то очень оценил это. Моцарт был сыгран хорошо, Бетховен - слишком пёстрые оттенки, которые отваливались от целого (?!), Шуман хорошо, Лист очень хорошо. Я поблагодарил и остался доволен директорским приговором. Габелю особенно понравился «Тангейзер», говорит, что он слушал с чрезвычайным увлечением. Увидев Ляпунова, я подошёл к нему и с улыбкой сказал:

- Сергей Михайлович, вы уж извините меня, что я попотчевал вас такой штукой, как мой Этюд!

- Да уж... хе-хе... ужасная вещь... ужасная... Но сыграли вы её отлично, всё до единой нотки звучало. Очень хорошо, я вам 5 с орденом поставил. У вас большие пианистические способности.

- Благодарю вас, я вас больше всех боялся! - воскликнул я.

Действительно, 5+ от Ляпунова - это большая победа. Ляпунов придира и большой враг нашего класса. Говорят, он оттого поставил мне 5+, что я играл совсем не по-есиповски. Так, пока блестящая победа, посмотрим, что будет в апреле. Крейцер, Штембер и я отправились в «Вену» обедать. Мило болтали, Крейцер предложил мне пить на брудершафт, я охотно согласился. Он решил, что в Консерватории это произведёт фурор. После обеда шёл с Кокочкой по Невскому и он с увлечением обсуждал свой будущий выпускной экзамен. Зашёл к НЯМу, поболтал с ним и вернулся домой. Рассказал маме об экзамене и измученный лёг

[20] Поразило, от frapper - ударять (фр).

спать.

13 марта

Уф! Приятно с плеч свалить такую тяжёлую вещь, как этот экзамен. Но второй ещё впереди. Спасёт меня мой Концерт или погубит? Разозлятся ли экзаменаторы на его «диссонансы» или, наоборот, он ошарашит их своим блеском и стремите пьностью? И не лучше ли, пока не поздно, взяться за какой-нибудь другой. Нет я думаю, что его можно сыграть так, что экзаменаторы ошалеют - и в том победа. Да кроме того, это первый случай: до меня ни одни человек в санктпетербургской Консерватории не кончил «своим» концертом. Итак - мой. Я пошёл в Консерватории», где шла репетиция «Фигаро». Отметки по новым правилам не говорят, Габель хитро улыбается и говорит: - Уж будете довольны!

Но Черепнпн узнал от Глазунова, что 5+ и что Глазунов особенно остался доволен Бахом: «Проникновенно сыграна фуга». Черепнин, очень довольный, опять поздравлял меня и уже строил планы, как он будет ставить мои Концерт на акте. Я заходил на экзамен Кусковой, где на меня обращали внимание всякие девицы как на героя вчерашнего экзамена. Но, к сожалению, не слышал ученика Гальперина, который, говорят, с необычайным треском сыграл «Исламею», получил 5+ и является моим конкурентом на рояль. Дамская говорит, что теперь среди учащихся масса толков, дадут ли мне рояль. Мне приходится выслушивать много поздравлений со вчерашним экзаменом. Вечером «винт» с опять приехавшим из Москвы Сараджевым и Колечкой Мясковским. Сыграли не более не менее как десять робберов, очень оживлённо. Я звонил Олегу, но он говорит, что теперь строго готовится к экзамену.

14 марта

В одиннадцать часов генеральная репетиция «Фигаро». Хотел прийти Сараджев, но очевидно, проспал после вчерашнего «винта». На репетицию сначала никого не пускали, потом пустили всех, но запретили сидеть ближе десятого ряда. Я разговаривал с Дамской, а когда началась репетиция посадил её с собой в первый ряд. Служитель было сунулся, предлагая ей выйти, но я послал его к черту и он повиновался. Репетиция продолжалась пять часов, ибо опера шла далеко не гладко и Черепнин многое повторял. Я внимательно слушал, присматриваясь к mise-en- scene. В антракте выходил в учебную Консерваторию. Струве, покраснев, довольно несвязно поздравила меня с успешным экзаменом.

Вечером я пошёл в Шахматное Собрание, где немного поиграл в шахматы с каким-то депутатом Государственной Думы.

15 марта

Принялся за переделку «Осеннего». Я очень люблю эту пьесу и мне кажется, что её можно хорошо сделать. Пока за учёбу 1-го Концерта не принимался, но я так привык играть, что меня уже тянет к роялю и я играю мою «Токкату». Capriccio, которое надо выучить для Веры Николаевны Мещерской, дабы убедить ее. что это хорошая пьеса. Днём пошёл на экзамен пения посмотреть, как оканчивают наши певцы. Вчера Цыбин сказал мне. что в день, когда назначен его третий спектакль, он занят и потому просит меня поменяться с ним и отдать ему второй спектакль. Я сказал, что не согласен и посоветовал ему устроиться иным путем. Сегодня Черепнин обратился ко мне и сказал, что, конечно, вторым спектаклем

должен дирижировать я, но если Цыбин не может, то придётся обратиться к моему великодушию. Я остался этим очень недоволен и сказал, что мне было бы крайне неприятно, если бы обратились к моему великодушию. В самом деле свинство, уже довольно, что отняли первый спектакль - и я второго не уступлю, а если Черепнин настаивает, то не буду дирижировать вовсе. Вечером пошёл на первый спектакль; встретив Белокурову, сел рядом с ней и провёл очень приятный вечер, впрочем, вполне внимательно слушая «Фигаро» и поучаясь пластике Черепнина. Белокурочка была очень славной и радовала меня. Я был в отличном настроении. Необычайный фурор произвёл, когда я назвал её по имени и отчеству. Она клялась, что никто в Консерватории не знает её имени и отчества, а между тем её имя и адрес я подсмотрел в книжке классной дамы, а по адресу во «Всём Петербурге» узнал имя её отца. Что касается до «Фигаро», то опера прошла гладко и прямо хорошо. Черепнина вызывали и поздравляли, а он отфыркивался: «Позвольте, господа, ведь я же, слава Богу, не первый раз...». Вообще сегодня было всё «министерство» и даже «министры в отставке»: Рудавская, Никольская, Ганзен и прочие.

16 марта

Сегодня я целый день занимался: с одиннадцати до половины пятого писал новую партитуру «Осеннего», которое ползёт медленно, но выходит славно. Получил две корректуры Концерта. Я всегда с удовольствием получаю корректуру. Гениальный проект на лето: если я получу рояль и продам свой старый, и ещё получу от мамы субсидию, то подбиваю Крейцера и еду с ним по Европе: Швеция, Норвегия, Дания, Голландия, Рейн, Швейцария, Милан, Ривьера. Испания, Неаполь, Венеция, Тироль, Пешт, Вена, Санкт-Петербург (два месяца, тысяча рублей), а на август - в Кисловодск, где будут мама и Мещерские. Вечером с мамой поехали в концерт Жеребцовой-Андреевой, где она пела мой романс «Есть иные планеты». Я слушал с величайшим интересом, ибо в первый раз слышу мой романс. Ничего, очень хорошо, хотя, конечно, не для большой публики (успех, впрочем, был хороший). Анна Григорьевна спела отлично и лишь квак, но после нот, но Дулов аккомпанировал сухо и не всюду брал верные басы. В антракте он сказал мне:

- Ну что, ведь я. кажется, разобрался в вашем романсе?

Я что-то мычал.

- А разве были неверные ноты?

Я (смеясь):

- И не то, чтобы очень мало!

Дулов задевается:

- Ну, знаете, это уже подвиг, что я и так одолел романс, такой запутанный! И почерк у вас уж, прямо куриный.

Я смеюсь:

- Что вы мою каллиграфию обижаете! Наоборот, я пишу очень чётко.

- Ну уж нет. я много читал, но.... - и т.д.

Когда я ухожу, он обрушивается на романс. Мещерская защищает! Вообще, Мещерские были очень милы. После вечера я был на чашке чая у Андреевых и мило разговаривал с Калем, профессором музыки в университете, который очень меня любит и говорил, что сегодня где-то читал лекцию о новой музыке, закончив мною.

17 марта

Позанимавшись «Осенним» (по-моему, оно будет инструментовано очень

славно), я в два часа пошёл в Консерваторию на экзамен оканчивающих жеребцовский класс. Увидев Крейцера, рассказал ему о моём проекте ехать по Европе и развил ему мой маршрут. Он пока не имеет планов на лето, но думал пожить на юге Германии и послушать Вагнера. Мой план ему нравится, и возможно, что я его подобью, ибо solo я, конечно, не поеду.

Экзамен был скучный, «министерство» отсутствовало, но надо было дождаться конца, дабы с Габелем и Черепниным обсудить мои предстоящие репетиции второго спектакля. С третьим спектаклем Цыбина дело как-то уладилось и о перестановке меня с ним нет больше речи. Первая репетиция в среду. Вечером играл «Токкату» и ходил в «Сокол».

18 марта

Утром учил партитуру «Фигаро» и махал оперу. В три часа у Черепнина собеседование о «Фигаро», очень интересно, ибо он сообщает свои совсем свежие впечатления о частных случаях дирижирования этой оперой. Потом оперный класс. Струве мелькнула и быстро исчезла. Очень мне нравится её элегантная фигура. Сегодня я объяснял Крейцеру и дирижёрам мой Round-reise-проект[21], но в обратном направлении: сначала Италия и Испания, потом Рейн и Скандинавия. Проект имеет успех. Крейцер облизывается на бой быков.

19 марта

В десять часов была первая репетиция второго состава с оркестром. Черепнин мне сказал:

- Будьте требовательны и ничего не спускайте ни оркестру, ни певцам. Я не говорю - орите на них, но вы знаете все оттенки, все темпы и не позволяйте отступаться от них.

Я чувствую себя за пультом вполне хорошо, конечно, кое- где волнуюсь, а кое-где не был вполне уверен. Ансамбли шли довольно посредственно - много певиц первый раз пели с оркестром и сбивались или забывали смотреть на меня. Черепнин сказал, что финалы второго и четвёртого актов оставляют желать лучшего, но вообще я показал, что могу продирижировать оперу хорошо, лишь надо привести себя в порядок. Вообще же я очень устал - чтобы провести всю оперу надо всё же иметь навык. Вечером сидел на репетиции. В антракте я выходил в учебную Консерваторию выпить стакан молока, встретил Струве и Липинскую и пообещал им билеты на спектакль. Обе просиявшими голосами крикнули «merci». В шесть часов пошёл к Мясковскому, который проверял мне корректуру Концерта и выловил несколько пропущенных диезов и бекаров, а также неверные ноты. В девять вернулся домой, играл на рояле.

20 марта

Утром повторял «Фигаро», ансамбль и некоторые речитативы перед партиями. В два часа репетиция, которая прошла сегодня очень неплохо, обещает хороший спектакль. Только в трудном ансамбле второго акта, где певцы поют по реплике друг другу, ибо в оркестре один невнятный шорох, у меня тупоумный садовник Мандельбаум, который не знает ритма, путает, не смотрит на дирижёра и грозит провалить весь ансамбль. В антракте встретил Оссовскую, которая назвала меня «господин лауреат» и говорила, что общее мнение, что я играю более зрело и

[21] Кругосветное путешествие (нем).

интереснее всех. После репетиции я поспешил домой, переоделся во фрак и поехал к Мещерским в ложу на премьеру Мариинского театра «Мейстерзингеры».

Эта опера меня всегда прямо подавляет удивительной красотой своих тем, хотя приёмы оперного письма в «Мейстерзингерах» мне и не нравятся, равно как и длинноты. Андреев был очень мил в роли Давида. Мещерские очень любезны. Домой я возвращался под сильным впечатлением оперы и счастливый любовью, которую во мне вызывает эта музыка.

21 марта

Очень устав за вчерашний день, я сегодня немного проспал, а в час пошёл в Консерваторию сыграть с Безродным «Балладу». Струве, которую я встретил у лестницы, мило разговаривала со мою, очень меня тем радуя. Кажется, она начинает меньше меня бояться и обижается не на каждое слово.

Я ушёл в класс репетировать с Безродным. Он говорил, что ему нравится «Баллада»: играет он ничего и я думал, что при некоторой настойчивости мы выучим «Балладу» и сыграем хорошо. Габель говорит, что столько желающих посетить наш спектакль, что нет возможности давать много контрамарок и я получил только пятнадцать. Вернулся домой, звонили Мещерские, предлагал им достать билеты через Андреева. Просмотрел ещё раз корректуру Концерта, ещё нашёл несколько ошибок и отнёс его на Николаевский вокзал для скорейшего следования в Москву. Надписал посвящение Н.Н.Черепнину. Я давно собирался посвятить ему этот Концерт, который он очень любит и которым всегда интересуется, а также как прощальная благодарность при уходе из Консерватории, ибо исполнением этого Концерта я прощаюсь с Консерваторией. Но контра со времени «аидного» инцидента заставляет несколько раз менять это решение то в положительную, то в отрицательную стороны. Теперь я решил в положительную и, надписав в последней корректуре «Николаю Николаевичу Черепнину», приписал, что прошу внимательно награвировать посвящение.

22 марта

Встал рано, просмотрел трудные места в «Фигаро» и в десять часов был на генеральной репетиции «Фигаро». Провёл Н. и С.Штембер, которые желают познакомиться с моим дирижированием. Опера шла гладко, если не считать хора в первом действии, который довольно порядочно развезло. Дело в том, что я с хором ни разу не занимался и на предыдущей репетиции его не было - мы не знали друг друга. Я взял темп несколько иначе, чем хористы привыкли, а те не смотрели и жарили в своём, но так как они были в глубине сцены, за декорациями, то я их плохо слышал и не пошёл за ними. Во втором акте Мандельбаум спутал всю сцену. Пришлось повторить. Он - чёрное пятно на спектакле. В антракте он обиженно говорит, что я не показываю ему вступления, но как же я могу показать ему вступление, когда он вступает всегда раньше, чем следует? В третьем акте разложен секстет, четвёртый прошёл ничего. Вообще же я был крайне утомлён репетицией и недоволен её результатом. Оставшуюся у меня корректуру Концерта я аккуратно склеил, сшил и сегодня отдал в ведение Дранишникова. Тот с видимым интересом взял её. Выйдя после репетиции в учебную Консерваторию, я узнал, что сейчас будет играть «программу» Зеликман, мой конкурент, который играл программу с опозданием на десять дней вследствие болезни Николаева. Я натолкнулся на Дамскую со Струве, очень обрадовался и уселся с ними. Публики собралось довольно много. Зеликман играл уверенно и хорошо, зал дружно хлопал. У него хороший удар, большая техника, хотя несколько смят слишком быстрый темп,

отделка подробная и интересная; мне показалось, что игра не всегда содержательная. «Карнавал» Шумана оставляет желать лучшего исполнения. После окончания экзамена поднялись оживлённые толки. Учащиеся из моей партии говорили, что он не может сравниться со мной, другие, наоборот, демонстрировали восхищение. Я разговаривал с Харитоном, учеником Венгеровой. Он сегодня утром тоже играл, говорит, хорошо и получил не то 5+, не то 5. Вообще он невероятный нахал и самохвал, но сегодня он усердно расхваливал меня и Зеликмана. Говорил, что Зеликман, конечно, 5++, а что я сыграл феноменально «Тангейзера», а фуга, по словам Венгеровой. лучше всех, игравших фугу с основания Консерватории. Но в этот момент появилась сама Венгерова и, став рядом с нами, стала захваливать Зеликмана, по-моему, преувеличенно, желая поддразнить меня, хотя я, право, не знаю, с чего бы ей дразнить меня. Вообще, по-моему, резюме такое: первые кандидаты на рояль Зеликман и я с равными шансами, т.е. с равноценными, хотя и совсем различными. Говорили так: Зеликман играет пластичней, а я интересней. Одни говорили, что меня предпочитают потому, что я шире образован: другие говорили, что предпочитают Зеликмана, потому что он пианист-специалист, а я нет. На третьем месте я считаю Голубовскуто, у которой, говорят, круглое 5+ и которая несомненно очень достойная и отлично играет, но её минус - недостаёт мужской импозантности. На четвёртом и пятом - Харитон и Гальперин. Домой я вернулся в пять часов, усталый, страшно голодный и злой, поел и лёг спать. А в восемь часов поехал к Мещерским, где играли «Китеж», «Мейстерзингеры». Я мою пьесу посвятил Вере Николаевне, которой ещё не очень нравится, но, я уверен, понравится со временем. Играл в бридж, но больше дурил. «Супруги Прокофьевы», как называли Таля и Олег меня с Ниной, потому что мы за бриджем сидели рядом и играли одним карманом. Сегодня ругались. Я попал бумажным шаром Нине в щёку, она злилась и требовала, чтобы я извинился, я не хотел, она дулась. Вероятно от усталости у меня сделалось сквернейшее настроение, а воспоминания о Максе и его конце ещё усилили его - и я вернулся домой в полной хандре, которая слегка осталась и на утро, несмотря на то. что я недурно выспался.

23 марта

Утром занимался на рояле, добросовестно играя Концерт, пускай Зеликман меня побьёт, но зря сдаваться я не буду. В три часа пошёл гулять по восхитительной погоде. Зашёл в цветочный магазин и послал дюжину белых роз Дамской по случаю её конфирмации. На карточке надпись: «Г.м.и.д.- жалуется орден Белых роз». Потом прошёл по Морской. Невскому, занёс Мясковскому билет на завтрашний «Фигаро» и вернулся домой. Вечером было выступление нашего «Сокола», но мне не хотелось идти и я отправился в Шахматное Собрание, где и продул две партии. Начинающийся через две недели Международный турнир обещает быть безумно интересным: Ласкер, Капабланка, Рубинштейн и все великие шахматисты без исключения! Словом, если во время этого турнира Петербург провалится, то на свете не останется ни одного великого шахматиста!

24 марта

Надвигающийся сегодня оперный спектакль отныне не радует меня. Я боялся, что будут какие-нибудь гадости или с хором, или с Мандельбаум, или ещё с чем-нибудь иным. И только изречение Штембера успокоило меня: «Помните, что ни один спектакль не проходит без инцидента». Вообще мало приятного дирижировать

[22] Главному министру иностранных дел.

оперой, выученной под руководством других и с чуждыми темпами и оттенками. Утро просидел над партитурой и убедился, что с моей стороны всё в порядке. Днём зашёл в Консерваторию - взять билеты, если дадут ещё, и посмотрел, нет ли кого хорошего. Билетов мне больше не дали, а встретил я Черепнина, который шёл с Цыбиным проходить оперу для третьего спектакля. Я вышел в третий этаж и у Малого зала встретил Дамскую и Струве. Мы приятно поболтали. Между словами Дамская спросила:

- А как поживает премьер-министр?

Я:

- О, сегодня я на него любовался.

Струве:

- Какой премьер-министр?

Дамская:

- Это из министерства Сергея Сергеевича.

Дамская и не подозревает, что премьер-министр стоит перед нею!

Завтра в Консерватории вечеринка, я навёл разговор на эту тему и случайно бросил Струве:

- Вот приходите, я с вами буду первый вальс танцевать.

В это время открылась дверь в Малый зал и Струве, ждавшая экзамен, помчалась туда, я же пошёл домой. Хотел дать контрамарку Вегман, но её не было, и я дал Вере Алперс. с которой у нас установились вполне мирные отношения.

Вернулся домой, вздремнул и к восьми часам приехал с мамой в Консерваторию. Но спектакль начался в полдевятого и мне пришлось ждать. Говорят, первое представление вызвало большой интерес к нашему «Фигаро» и сегодня зал был полон. Палечек сказал, что можно начинать и я, разговаривая с Черепниным, стал спускаться в оркестр. «Посмотрите, есть ли у вас пианист, который бьёт аккорд, без него не начнётся!» - закричал кто-то сверху. И кстати, ибо пианиста не оказалось. Поднялась беготня, поиски, Черепннн взволновался и хотел сам играть, но вместе с пианистом исчез и клавир. Выскочил Габель, ушедший уже в зал. Наконец нашли сначала клавир, потом пианиста. К своему удовольствию я встретил моего старого, «аидиного» концертмейстера, которого не было на репетиции, и очень обрадовался ему. Мы пожали друг другу руки и, сказав: «Ну, мы с вами старые ветераны», пошли в оркестр. Увертюру я продирижировал с удовольствием и на первом же forte сломал палочку в куски. Глазунов, сидевший в первом ряду, встал, посмотрел на пульт и, увидев, что у меня нет запасной, велел сторожу принести. Тот притащил целых три. До хора всё шло хорошо, но хор абсолютно не смотрел на меня, я его слышал очень плохо и мы на полтона разъехались, так что их поспешно убрали до конца их партии. В антракте Габель накинулся на меня, а я на хор. В конце концов я очень огорчился событием и Черепнин пришёл меня утешать и успокоить. Второе действие я начал со скверным настроением, но понемногу оно разошлось. Финала я очень боялся, особенно Мандельбаума. И действительно, он пел неритмично, приходилось то ускорять, то замедлять темп, ритм качался, и я был счастлив, когда он ушёл со сцены. Второй акт таким образом кончился благополучно, а Габель в антракте был страшно нежен, вероятно, сконфузился, что налетел на меня за хор. В третьем акте хор уже внимательно смотрел на меня, а некоторые девки широко улыбались, глядя на моё сердитое лицо. Четвёртый акт сошёл тоже хорошо. В последнем антракте я выходил в буфет, встретил Колю Мясковского и получил от него похвалу, что и ритм есть, и хор веду, и не заглушаю. Это победа! До сих пор он меня только ругал. Я очень подбодрился. После конца оперы всех - Габеля, Пале чека. Черепнина. Глазунова - вызывали. Я опоздал выйти. Затем распрощался с ними. Глазунов похвалил «два последних акта». Я получил розу от «графини» и пошёл домой, довольно усталый и не слишком довольный -

почему?

Мама была очень довольна спектаклем, бывшие там родственники - тоже.

25 марта. Благовещение.

Сегодня я проснулся свободным от оперы. Занялся переделкой «Осеннего» и с большим удовольствием проработал часов до четырёх. В четыре позвонила Дамская и спросила, не желаю ли я пойти на вербы. Я был очень рад прогуляться и мы отправились. На вербах, благо что праздник и солнечный день, была невообразимая давка и мы скоро свернули на набережную, потом в Летний сад и отлично прогулялись. Сегодня начался «Юбилейный турнир по переписке членов Шахматного Собрания», в который записался и я; пока участников мало, всего пять человек, но, говорят, прибавятся. Я люблю играть по переписке и с удовольствием принимаюсь за это занятие. Вечером пошёл на вечеринку. Я пришёл к одиннадцати часам, к концу отделения, и застал полный зал. К моему удивлению, были все дирижёры: и Дранишников. и Крейцер, и Твордовский. Вообще же публика оказалась менее интересной, чем показалась с первого взгляда. Немного украшали вечер Клингман и Блувштейн. Началось «кабарэ», нововведение в наших вечерах, но оно было неостроумно, скучно и донельзя неудачно. Все скучали. Скучала и Белокурочка, которую я рассмотрел в одном из углов с каким-то кавалером, но когда злосчастный кабарэ кончился, от Белокуровой не осталось и следа. Я тщетно искал её по всем залам, гостиным и коридорам - она скрылась. На вечере ничего не осталось дельного и я уехал домой.

26 марта

До двенадцати я спал, потом играл на рояле и кое-что переделал в «Балладе», которую с завтрашнего дня начну репетировать с Безродным к экзамену. В три часа пришёл в Консерваторию отнести ноты Фрибусу. На площадке лестницы встретил сначала Вегман. с её очаровательным греческим носиком, потом Липинскую, Струве, Дамскую. Образовалась целая толпа. Оказалось, что Струве и Дамской сейчас нечего делать, мне тоже, и я предложил идти на вербу, предложение было принято и мы отправились. Узнал я следующее: зовут её Л.Н. (я боялся, что Лидия Густавовна или Лидия Генриховна), ей шестнадцать лет, летом будет жить где-то в прибрежном краю. Раньше жила в Канаде, потом на Женевском озере, говорит на многих языках. По-русски не ладит с буквой «р». На вербе опять толкучка и мы, выйдя на набережную, повторили вчерашний рейс, уходив непривычную Л.Н. до того, что она то покраснела, то побледнела и. наконец, попросила посидеть на скамье в Летнем саду. Прогулка доставила мне большое удовольствие. Вернулся домой, повторил 2-ю Сонату и поехал к барону Дризен, на среду, «иллюстрировать» лекцию Каратыгина о новой музыке, так же, как в феврале. Но на этот раз он обо мне сказал подробнее и повально уложил на месте много моих знакомых, сказав: «Я считаю, что неоклассиков у нас в России только два - Метнер и Прокофьев. Последний ещё очень молод, но принадлежность его к неоклассикам несомненна, потому что...» - и т.д., всё что раньше говорилось в его рецензии обо мне. Я лежал в соседней комнате в глубоком кресле и очень забавлялся. Моя Соната имела обычный успех, впрочем, публики на сегодняшней среде было не слишком много - человек двадцать.

27 марта

Учил «Балладу» и кое-что в ней скоблил. Отлично идёт. Черепнин посоветовал

дать за неделю до фортепианного экзамена всем профессорам экземпляр моего Концерта - с одной стороны, они познакомятся с вещью, с другой, увидят, что вещь напечатана, а как ни так это всегда производит более солидное впечатление. Сегодня написал Юргенсону, чтобы прислал никак не позднее десятого апреля.

В три я пошёл играть с Безродным, который меня порадовал. Ему нравится «Баллада», играет он её хорошо - надо лишь немного сыграться. А в восемь часов я с мамой винтил у Андреевых, откуда в девять часов удрал на Беляевский концерт послушать «Нарцисс»[23] Черепнина. Это очень интересная вещь, часто с хорошей музыкой, иногда с водянистой заимствованной иллюстративностью, но необычайно занятно, а местами ошеломляюще интересно. Балет имел успех, а мы, ученики дирижёрского класса, поднесли корзину с нарциссами, весьма удачно выбранными Гауком. Зайдя в артистическую, где толпилась масса народу, мы поздравили профессора с успехом. Я сказал:

- Это бесподобный урок инструментовки!

В этом была доля ехидства, ибо Черепнин часто увлекался инструментовкой в ущерб музыке. Черепнин ответил задетым тоном:

- Но уверяю вас, что я никаких педагогических целей не преследовал!

В.Н.Мещерская очень довольна «Нарциссом», а так же хвалит моё дирижирование «Фигаро». Дочки тоже говорят, что они не ожидали, что я так проведу «Фигаро», и остались очень довольны спектаклем.

Сегодня я сидел с Крейцером и думал, что хорошо бы в самом деле летом сделать путешествие по Европе и привлечь бы Крейцера для компании.

28 марта

Утром занимался, а днём пришёл в Консерваторию, чтобы с Безродным играть «Балладу» у Блуменфельда. Блуменфельд сказал, что он ничего в ней не понял, а если что и понял, так то ему совсем не понравилось. Однако заставил нас повторить «Балладу» и сделал целый ряд любопытных указаний, не только касательно исполнения, но и о разных удвоенных басах, и прочее. Велел поучить и принести ещё раз. Вечером отправился к художнику Раушу, который приезжал меня приглашать к себе играть Сонату, которая многих заинтересовала. Приезжал он ко мне в стареньком пиджачке. Я одел смокинг, но у него, оказывается, парадный вечер, все во фраках и я в смокинге чувствовал себя неловко. Сами Рауши очень милы и просты, а их общества я совсем не знал: Соната имела успех. В двенадцать часов ночи я поспешил покинуть их особняк, оставив шумную компанию, собиравшуюся танцевать.

29 марта

Первая цыбинская репетиция не состоялась, потому что не собрался оркестр, вчера прошла ничего, а сегодня, когда я в двенадцать пришёл в Большой зал посмотреть, что будет на генеральной репетиции, то оказалось, что это уже спектакль, «скоропостижный спектакль», ибо завтрашний (хотя он и назван «экзаменом») запрещён градоначальником. Я счастливо успел проскочить, а бедный Цыпочка попался. Хотя публики и набралось с ползала - всякие учащиеся, забежавшие на огонёк, но всё же ни критики, ни посторонней публики, ни настроения. Хорошо, что я не поменялся с Цыбиным. Цыбин дирижёр ничего, но мне он не нравится. А первый хор у него не разошёлся, а просто вступил на восемь тактов раньше, когда ещё должен был играть один оркестр! Черепнин и Глазунов

[23] «Нарцисс и Эхо» - балет Н.Н.Черепнина.

отсутствуют.

После окончания оперы, в три часа, я пошёл играть «Балладу». Безродный играл очень прилично и, главное, с удовольствием.

30 марта. Вербное воскресенье.

Сидел, играл «Балладу» и клеил всякие переделки, которые очень интересно показать Блуменфельду. Погода испортилась, льёт осенний дождь. Тем не менее я в три часа соскучился по воздуху и, одев калоши и старое пальто, пошёл гулять по дождю и лужам. По дороге с большим удовольствием думал о моём Скрипичном концерте. К семи часам поехал обедать к Гессен. Оказывается, сегодня еврейская Пасха и я не без интереса попробовал некоторые национальные кушания и пития. У них, по обыкновению, оживлённо, говорят обо всём - и как-то находишься ближе ко всему миру и его новостям.

Гессен ко мне очень любезен и говорит, что в будущее воскресенье, в первый день Пасхи, у них будут артисты Московского Художественного Театра, это любопытно. Каратыгин сообщил о Вечере новой музыки, где исполнят Сонату Мясковского и хотят так же. чтобы выступил я. Я предлагаю играть с Безродным «Балладу».

31 марта

В час дня приехал в Консерваторию играть Блуменфельду «Балладу». Блуменфельд опять очень внимательно прослушал «Балладу», остался доволен ею, мною и Безродным, которого потрепал по щеке и сказал, что более приходить не надо. Мы в свою очередь остались довольны, а Безродный предложил мне сунуться с нею к Глазунову и проиграть до экзамена. Глазунов как раз оказался в коридоре и я подошёл к нему со словами:

- Александр Константинович, вас очень огорчит, если бы мы попросили у вас позволения сыграть вам мою «Балладу»?

Он любезно согласился и обещал послезавтра позвонить по телефону с указанием времени для аудиенции. Мы поблагодарили и ушли. Дома обдумывал шахматные ходы. В нескольких партиях уже завязалась катавасия. Вечером пошёл в «Сокол», в котором не был целых две недели. Хорошая вещь «Сокол»! Борис взял мой Марш и будет отдавать его гравёру. Права издания я подарил «Соколу».

1 апреля

Встав в девять и увидев, что погода хорошая, позвонил Дамской, та Струве, и решили ехать в Павловск. В без четверти одиннадцать, за четверть часа до отхода поезда, я был на вокзале и ждал обеих барышень, в особенности Струве. Дамская появилась за семь минут и мы спокойно стали ждать Струве. Без двух минут одиннадцать нами овладело беспокойствие, а в одну минуту двенадцатого мы были злы и недоумевали. Стали звонить Струве - нам сообщили, что она полчаса как уехала. Прошло полчаса - Струве не приезжает. Решили махнуть рукой и ехать в Павловск с поездом в час дня. Мне без Струве не особенно хотелось, но возвращаться домой было глупо. Перед отъездом я догадался позвонить на Павловский вокзал и попросить телефониста посмотреть на платформу, нет ли тонкой чёрной барышни в сером пальто, а если да, то сказать ей, что мы приедем с первым же поездом.

Приехали в Павловск и... нашли Струве на платформе. Оказывается, она действительно примчалась за минуту до отхода одиннадцатичасового поезда,

пробежала через третий класс и. вскочив в поезд, уехала. Ждала нас в Павловске со следующим поездом, но видя, что мы не приехали, решила что мы сыграли с ней шутку первого апреля и пришла в полное негодование. Села в поезд, чтобы возвратиться в Петербург, но тут к ней подошёл телефонист и сказал, что мы едем. Таким образом само первое апреля сыграло с нам фарс, но кончился он к общему удовольствию - и мы все отправились гулять по парку. Был третий час и все хотели есть. Обе барышни припасли домашние бутерброды с ветчиной. Мы выбрали скамейку посуше, я подложил Струве под ноги чурбан и мы принялись за завтрак. У Дамской сверх ветчины были ещё конфеты - это уже совсем хорошо. Затем отправились в Павловск-2 чай пить. По дороге я в качестве «сокола» легко перепрыгивал через канавы. Струве пыталась следовать за мной, но поскользнулась и села у берега канавы, а муфта полетела в воду. После поднятия первой и извлечения второй, обошли канаву в обход и чай пили на вокзале Павловск-2. Струве с удовольствием вспоминала Женеву, где прожила пять лет. Из Павловска- 2 мы пришли в Царское село и в шесть часов вечера вернулись в Петербург, все очень довольные прогулкой. Я очень устал, но позвонил Мещерским, те стали звать меня к ним играть в бридж, поручив мне притащить Олега. Я долго его убеждал, ибо он настойчиво готовился к экзаменам. Потом я прочёл в газете о сеансе одновременной игры Капабланки. Меня уже потянуло, но я решил, что с Капабланкой надо сражаться со свежими силами, а сегодня я утомлён - и поехал к Мещерским. Вера Николаевна на другой день после «Нарцисса» обедала в обществе Черепнина, который ей очень понравился. Разговор с ним обо мне. Черепнин сказал, что считает меня очень талантливым, но его смущает та самоуверенность, с которой я иду по моему музыкальному пути. Такая самоуверенность не должна сопутствовать таланту. Будто бы? Играл в бридж. С Талей у меня последнее время чрезвычайно дружеские отношения на почве музыки, совместном исполнении «Китежа», чтения биографии Чайковского и прочее. А у Веры Николаевны чрезвычайный успех: за чаем она сама перевязывала мне галстук, а я, стоя на одном колене, распевал из «Фигаро»: «Посмотрите на малышку, как бегают глазёнки и как сложены ручёнки». Мои акции в доме Мещерских сильно поднялись даже в сравнении с Гурзуфом.

2 апреля

До двенадцати должен был позвонить Глазунов с назначением аудиенции мне и виолончелисту, но звонок не последовал, и я самостоятельно пошёл в Консерваторию. Там мне сказали, что Глазунова нет и не будет. Я позвонил Дранишникову, прося его приехать в Консерваторию порепетировать Концерт, и стал ждать его. Пришёл Дранишников и репетировали Концерт. Репетировал он охотно, но жаль, что трудно. На стене вывешено распределение экзаменов. Я играю Концерт в последний день последним: почётное место, за которое другие много бы дали. Вместе со мной играют мои конкуренты: Зеликман, Голубовская, Гальперин и Кинд. Последние два - едва ли, кандидаты - Зеликман и Голубовская, главным образом Зеликман. Я знаю, что я выучу Концерт, что я сыграю хорошо, что если Зеликман сыграет так же хорошо, то рояль будет за мной, потому что я шире образован Консерваторией. Если же рояль присудят Зеликману, то, значит, он действительно играет лучше меня, а, стало быть, я недостоин рояля.

3 апреля

Играл Концерт, «Балладу», обдумывал ходы и ходил в Консерваторию к концу обеда, дабы взять билет на заутреню для Струве и для мамы. Дома писал всякие

пасхальные поздравления: письма Моролёву и Черепнину, открытки Кате Шмидтгоф, Кате Игнатьевой, Леле Звягинцевой, Н.Реберг; карточки: Каченовскому, Дамской, Глебовой, Клингман.

В пять часов пошёл пройтись, долго стоял у витрины с иноземными брошюрами («Спальный вагон», Бюро Северного пути). Очень тянет путешествовать, я заходил и смотрел всякие брошюры: набрал с полдюжины.

Заходил к Коле Мясковскому; ему вернули его 2-ю Симфонию из РМИ[24]: остались две симфонии, «Симфоньетта». «Аластор» и т.д. Играл с ним его 1-ю Симфонию, которую я уговорил дать летом Асланову в Павловск, очень славная симфония.

Вечером обдумывал ходы и дописывал поздравления. Сговорились через посредство Дамской ехать завтра втроём со Струве в Териоки.

4 апреля

Я встал в восемь часов. Стояло солнце и я позвонил к Дамской. Та к Струве и в половину десятого, за четверть часа до отхода скорого поезда, я был на Финляндском вокзале. Дамская уже ждала, а Струве опять не явилась к уходу поезда. Через десять минут ушёл и второй, а Струве всё не было. И досадно было, и смешно, что каждый раз со Струве такая история. Опять стали звонить ей на квартиру, но опять ответили тоже самое: барышня полчаса как уехала на вокзал. Не зная, что делать, вышли мы из телефонной будки и на платформе столкнулись с опоздавшей Струве. Она появилась с таким невинным видом, что Дамская стала безудержно смеяться, я за ней. Струве ничего не понимала, чувствовала себя глупо и начала сердиться. Я тоже разозлился на неё и, повернувшись спиной, ушёл брать билеты.

В Териоках не всюду стаял снег и ледяные корки сменились лужами, а лужи скользкой грязью. Мимо дачи Алперс, Захарова и той, где жила Струве прошлым летом, мы вышли к морю. Но море ещё не оттаяло и представляет неровную снежно-ледяную пелену. Я их привёл в парк, где мы решили съесть наши бутерброды. Струве предлагает влезть на сложенные в кучу леса, из которых летом строилась захаровская купальня. Проделала она это с большой ловкостью. В четвёртом часу вернулись на вокзал чай пить. Там я взял тарантас и мы очень весело поехали в Тюрисяви. Я сидел с кучером, но лицом к барышням. Приехали в Тюрисяви, погуляли, я предлагал послать открытку Липинской. чем привёл Струве в отличное расположение, затем подкладывали копейку под проходящий поезд и сидели на полустанке на деревянном заборе. Струве рассказывала, что она родилась во Франкфурте-на-Майне. где жила до четырёх лет, говоря по-немецки, потом переехала в Монреаль (французский-немецкий), потом через пять лет в Италию, в Сан-Ремо (итальянский и русский), и наконец полтора года назад в Россию. Ей Богу, сие прелюбопытно. На обратном пути я дремал, причём Струве прилагала всякие усилия, чтобы меня не разбудить. Весело смеялась в трамвае. Дамская упрашивала, чтобы я не стригся под нулевой номер, как прошлой весной, а то очень безобразно. Струве тоже подошла и сказала:

- А то ещё весь ваш успех в Консерватории потеряете (!).

Дома меня ожидал подарок от Рауша за игру у них - хрустальный, очень элегантный кубок. На меня он особенного впечатления не произвёл, но мама, кажется, осталась чрезвычайно довольна. Я же был в полном удовольствии от нашей поездки и очень усталый лёг спать.

[24] Вторая симфония Н.Я.Мясковского была предложена для издания РМИ и отклонена последним.

5 апреля

Играл Концерт, делал шахматные ответы. Днём ездил с мамой на папину могилу. Утром я заходил в Консерваторию к концу обеда взять билеты на заутреню для мамы и для Струве. Я очень люблю консерваторскую заутреню: все нарядные, все знакомые, толкотня, но это ничего - все свои. Вообще же у нас очень шикарно, кавалеры все во фраках, бывает много артистов, певцов и прочих. Мама стояла в церкви, а я ниже, на лестнице, с Торлецким и Крейцером. Видел брата Захарова, но ничего не спросил у него о Борисе, потому что Борюся свинья, ничего мне не пишет. По обыкновению, были обмороки, но сегодня мало, всего трое: одну я даже отпаивал водой. После конца заутрени я. поднимаясь вверх по лестнице, столкнулся со всем выводком Николаевских. Вернулся домой немого недовольный, что не повидался со Струве.

6 апреля. Пасха.

Хотя немного проспал, но всё же успел часок поиграть Концерт, я почти вполне уверен за него. От Юргенсона открытка, что Концерт мой издан и высылается через петербургский магазин. К сожалению, теперь праздник и магазин три дня закрыт. Во всяком случае я очень рад, это мне красное яичко к светлому дню. В два часа вызвали мотор и поехали визитировать. Я почти не делал визитов во время года, но на Новый год и на Пасху объезжали многих. Благодаря автомобилю это не особенно утомительно. Сегодня, впрочем, я побывал лишь в девяти домах, но, о ужас, везде приняли. Первым номером поехал к Корсак и отвёз туда маму, затем к Сабурову, который аппетитно рассказывал про Шахматный конгресс. У Мещерских я просидел сорок минут, они завтракали, галдели и я чувствовал себя у них отлично. Особенно весело себя чувствовал Алексей Павлович, который сегодня уезжал заграницу и которому я должен был играть его любимую «Сечу при Керженце». От Мещерских к Рузским, у которых, наоборот, тишь и никого. Сделал визит Раушу в благодарность за их чашку. Николай Васильевич Андреев сидел дома с кашлем. У Коншиных мило и немого чопорно. Вернулся я домой не в четыре, как думал, а в шесть, немного вздремнул и поехал обедать к Раевским, а оттуда к Гессен (впрочем, не сказав правоверным Раевским, что еду на первый день Пасхи в еврейский дом). У Гессен очень интересно и много публики: артисты Московского Художественного театра: Станиславский, Качалов и другие, академик Бенуа, с которым мне было очень приятно познакомиться. Он один из главных пионеров русского искусства за границей (вместе с Дягилевым, Бакстом), а я почему-то думал, что именно здесь я сделаю мою музыкальную карьеру. Бенуа с большим интересом слушал мои сочинения, очень хвалил их и заговорил о том, что из моих небольших пьес хорошо бы удалась балетная сюита.

7 апреля

Играл на рояле; заходил в Консерваторию узнать, когда мой экзамен по ансамблю, но Консерватория заперта на ключ. Заходил к Анне Николаевне поздравить и узнать о здоровье, но она никого не принимает. Я хотел прогуляться, но ботинок стёр ногу и я вернулся домой. Писал дневник и разговаривал с пришедшим С.Себряковым. В восемь часов поехал на открытие Шахматного конгресса и сразу попал в зачарованное царство. Невероятно оживлённое царство во всех трёх коматах Шахматного Собрания и ещё в трёх, уступленных нам Комитетом Собрания. Устроен турнир парадно, во фраках, тут же маэстро, окружённые толпой народа.

Ласкер, немного поседевший со времён турнира 1909 года, со своим своеобразным лицом, с маленькой фигуркой и с сознанием собственного достоинства: Тарраш - типичный безукоризненный немец с усами à la Вильгельм и с надменным лицом; наш Рубинштейн - морда грубая, неинтеллигентный, какой-то лавочник, но сравнительно с предыдущим - скромный, талантливый, для всех опасный, но не всегда надёжный; Бернштейн, цветущий мужчина, с дерзким, красивым лицом, обритой головой, огромным носом, ослепительными зубами к нестерпимо блестящими глазами. Наш талантливый Алёхин в своей правоведческой курточке, с немного потасканным правоведческим лицом не особенно приятного склада, обычно самоуверенного, но тем не менее немного смущённый столь великолепным обществом. Американец Маршалл, типичный янки, что-то вроде Шерлока Холмса, необузданного в игре и до смешного молчаливого в жизни. Парижанин Яновский, дезертировавший от воинской повинности и которому в виде особого исключения позволили беспрепятственно приехать на турнир, одетый в невероятно шикарный светло-серый костюм, покоритель сердец и бывший красавец, теперь стареющий и надевший на своём пятом десятке золотые очки. Спорщик, скандалист, вегетарианец Нимцович, типичный немецкий студент, и, наконец, два старика, обречённых на всеобщее съедение: толстенький Гунсберг и с написанной на лице обидой Блэкберн, сохранивший, однако, несмотря на свои семьдесят два года, свежесть в комбинациях и элегантность в ведении партий. Общий фаворит Капабланка, молодой, элегантный, красивый, весёлый и вечно улыбающийся, появлялся во всех концах зала, смеялся, непринуждённо болтал и заранее чувствовал себя победителем. Итак, я очутился в этом притягательном царстве и сразу был захвачен предстоящим состязанием. Начались речи, в которых особенно подчёркивалась небывалая важность предстоящего события ввиду исключительного подбора участников. Корреспонденты из Англии, Германии, Москвы, Киева, Вены, шахматисты из Германии, фотографы - всё это увеличивая парадность. Завтра первый тур!!!

8 апреля

Поиграв полтора часа Концерт, я зашёл в Консерваторию, где узнал, что экзамен уже завтра. Я заехал к Безродному, но его нет дома, оставил ему записку, прося приехать пропрепетировать сегодня вечером. Винклер очень хвалил Голубовскую, считая её тонкой пианисткой, важной конкуренткой на рояль. В без четверти два я был в милом Шахматном Собрании. У барьера, поставленного перед столами играющих, стояла толпа в несколько рядов (впоследствии в пять рядов, много на стульях). Для входа за барьер надо платить пять рублей, что я и сделал. Два часа, звонок, маэстро занимают свои места. Я разместился у стола Ласкера. Старикашка Блэкберн, в первом туре наскочивший на Ласкера, делал свой ход: Ласкер вместо ответа встаёт, небрежно гуляет по залу, затем возвращается, берёт пешку, делает ею свой ход и щёлк часами. Величайший турнир начался. За соседним столом Нимцович играл с Капабланкой. Капабланка уже два раза разбил его и теперь играет быстро, легко и элегантно. Нимцович делает хитрый манёвр ферзём, нападает на пешку. Капабланка отдаёт. Все удивлены. В соседней комнате оживлённо комментируют партию, все кричат, спорят, находят, что Капабланка зря отдал пешку, что у него нет компенсации, а если есть, то слишком малая. Престарелый Гунсберг закатывает против Алёхина какой-то рискованный вариант гамбита Эванса, очевидно заученный, и отдаёт качество. В публике ропот, что Гунсберг выжил из ума. Другой говорит, что, наоборот, это тонко, что он заранее придумал такую штуку. Алёхин сидит с красными ушами, но ловко отбивает. Яновский в своём великолепном сером костюме пришёл с опозданием и как сел с

Бернштейном, закрыл лицо обеими руками и, уткнувшись в доску, просидел не двигаясь до конца. Бернштейн, наоборот, вскакивал, волновался и иногда кричал на публику, чтобы не шумели. Между тем публика всё прибывала и заполнила весь зал. Сбор в четыре часа равен семистам рублям, но всё приходили новые и новые лица. Капабланка уже получил атаку и, вопреки мнению всех петербургских корифеев, не только отыграл у Нимцовича пешку, но форменно насел на него. Нимцович сидел растерянный, уткнувшись в доску и. видимо, теряя голову. Капабланка наоборот поражал лёгкостью, с которой давалась ему игра: он вскакивал, глядя, что делается на других досках, гулял по залу, смеялся. Алёхин разгромил старика Гунсберга и публично сделал ему овацию, гордясь тем, что первая победа великого турнира досталась петербургскому игроку. Ласкер играл очень медленно и вдумчиво и постепенно одолевал старого Блэкберна. У Маршалла с Рубинштейном получилась скучная партия - все усилия Маршалла разбились о каменную крепость Рубинштейна. Хотя в соседней комнате Д. и кричал, что он клянётся, что у Маршалла выигрышное положение, но это не помогло и партия окончилась вничью. Бернштейн, улыбаясь, подошёл к Сабурову, и сказал:

- Яновский по отношению ко мне порядочный человек, он верен себе.

Я спросил у Сабурова, что сие значит, он ответил, что раньше Яновский всегда проигрывал Бернштейну. Но в Бернштейне, несмотря на его внешний блеск, есть что-то неприятное, и я от души сочувствовал элегантному Яновскому, имеющему обаяние в своём прошлом. В пять часов я ушёл и обрадовался, очутившись на свежем воздухе. Поехал я в «Вену», где Крейцер ждал меня обедать. Я очень не прочь вовлечь его летом в европейское Round-reise. Мило пообедав, я вернулся домой репетировать с виолончелистом «Балладу», но тот сообщил, что сегодня не может, а будет завтра с десяти часов в Консерватории. Ну и отлично, «Баллада» у нас идёт. Вечером я немного играл и писал дневник, вообще же чувствую себя утомлённым и болтал по телефону с Дамской, рассказывая ей про турнир. Она очень заинтересовалась Капабланкой и с величайшим интересом внимала всем подробностям.

9 апреля

В десять часов я был в Консерватории, но моя очередь играть лишь в полтретьего. Безродного рвали на части и я едва успевал с ним проиграть два раза. Играл он несколько вяло, но обещал разойтись на эстраде. Мы репетировали в конференц-зале. рядом с помещением для классных дам. Вдруг появляется Екатерина Николаевна и начала выражать свой восторг «Балладе». Я заявил, что мы занимаемся и она мешает. Она просила позволить посидеть и послушать. Я выходил из себя и закрыл ноты. Она смущённо уходила и говорила:

- Ну, вы потом мне хоть ноты покажите.

- Потом что угодно, но сейчас ничего, дайте нам заниматься.

Сегодня я получил мои пять авторских экземпляров Концерта и, конечно, уже нашёл две опечатки, впрочем пустяшные. Вообще же выглядит очень славно. Я тешил привести в исполнение совет Черепнина и раздал нашим профессорам. Сегодня отдал Дубасову, Лаврову и Ляпунову. Первые два с чрезвычайной любезностью благодарили меня, а Ляпунову я сделал длинную надпись: «Предлагая благосклонному вниманию глубокоуважаемого Сергея Михайловича этот скромный опус, прошу верить искренности и серьёзности тех намерений, которые с первого раза могли показаться звукостранностью автора».

Приехал Колечка Мясковский после «Баллады». Вечером, по случаю окончания начного класса, Струве сбросила своё гимназическое платье и одела белую блузку, - кроме того, она за Пасху как-то выросла и теперь выглядит совсем взрослой

барышней. Мы очень обрадовались друг другу, но успели обменяться лишь десятком слов. Играл я «Балладу» ничего, но виолончелист не отличался уверенностью, и кое-где отставал. Говорят, Ляпунов разводил руками, а Блуменфельд кое-где посмеивался. Публика встречала и провожала молча (впрочем, на ансамбли публии не превышает двадцати-тридцати человек). Я был несколько смущён, хотя я ведь шёл на такой приём, ибо как мне ни странно, а «Баллада» обречена на первоначальное непонимание (отметки не говорят). Мама приехала меня слушать, но я играл не в свою очередь, мама по близорукости меня не рассмотрела, а «Балладу» не узнала и решила, что я не играл. Вечером я отправился в Шахматное Собрание, где кончался второй тур. Я думал, что публики будет меньше, чем вчера, но не тут-то было: толпа загружала все комнаты, а у барьера по обыкновению стояла плотная толпа, многие на стульях. Играло только два стола, остальные кончили. Капабланка загнул блестящую комбинацию своему соотечественнику Маршаллу, но тот вывернулся и партия кончилась вничью. Bravo, mister Marshall вчера ничья с Рубинштейном, сегодня с Капабланкой, он здорово держится против главного фаворита. Нимцович после бойкой резни с Ласкером тоже сделал ничью. Очень довольный этим событием, он явился вечером в чёрном сюртуке, надетом поверх светло-серых пиджачных брюк и палевого жилета. Безвкусие кричащее! Бернштей в полтора часа скушал Гунсберга, и старик целый день без дела скитался по Собранию. Два ветерана, два элегантных джентльмена, Тарраш и Яновский, медленно тянули нудную партию, а рядом Алёхин из кожи лез вон, стараясь натянуть ничью с расхрабрившимся стариком Блэкберном. Наконец ему это удалось, публика аплодирует, другие кричат «тише!», чтобы не мешать партии Тарраш - Яновский, но там безнадёжная скука. Бударина. наша консерваторка, очень славненькая барышня, с которой я играл в шахматы ещё в Ессентуках, пришла, встала на стул и внимательно следила за игрой. В соседней комнате большой стол, чернила, бумага, журналы и человек восемь корреспондентов пишут телеграммы, письма, газетные статьи не только в пределах России, но и всюду за границей.

Сегодня я послал Зилоти письмо о возвращении им Концерта. С месяц держит.

10 апреля

Сегодня утром мне подали мой Концерт и письмо от Зилоти. Я думал, это случайное совпадение и пожалел, что вчера послал ему письмо. Но это как раз был быстрый ответ. Он не без ехидства говорил, что его мнение о Концерте меня интересовать не может, и что ему интересно знать, когда я «найду себя». А мне любопытно знать, когда он найдёт меня. Во всяком случае сегодня утром я был очень зол. Днём был в Консерватории, где занимался раздачей экземпляров Концерта (Штейнберг, Блуменфельд, Габель. Глазунов). В надписи Глазунову я. кажется, сделал ошибку: написал «от глубоко чтущего», потом спросил у Габеля-может быть «чтящего », тот сказал: «Ну конечно - чтящего». С Габелем за Концерт мы расцеловались. Хорошо играл сегодня Зеликман (ансамбль) и очень бойко Серафима Кинд. Я ей сказал комплимент, а она осталась им чрезвычайно довольна. Я сижу, разговаривая с Дамской и показывая ей мой Концерт, сказал, что буду играть его на экзамене. С этими словами я ушёл, а её сосед стал смотреть ноты, сказал, что он много слышал про этого автора, что Прокофьев пишет очень трудно - и он удивлён этому молодому человеку, который решил играть Концерт на экзамене. Дамская расхохоталась, потому что он не знал, что я и есть автор. Дома писал письма, дневник и приготовил к отправке 2-й Концерт в РМИ, а «Балладу» Юргенсону. Мясковский вчера убедил меня снять наклейку - новый ряд нисходящих аккордов - и сегодня даже прислал на эту тему письмо. Я исполнил его желание.

11 апреля

Сегодня мне 23 года. Совсем напрасно, что так много. На самом деле я чувствую, что мне совсем не 23, а только 20. День рождения и именины я не люблю праздновать, не праздную и сегодня. Утром получил от мамы подарок - десять рублей «для пополнения фонда», весьма кстати, а то у меня совсем нет денег, а за «Балладу» я получу не ранее, как дней через десять. От Элеоноры Дамской мне подарили шикарное золотое самопишущее перо. Это внимание - за цветы к её конфирмации. Она получила массу денег в подарок. Жаловалась, что не знает, что с ними делать, и вот теперь делает мне дорогие подарки. Сегодня в Шахматном Собрании партия Рубинштейн - Капабланка. безумно интересно. Этот турнир положительно захватывает - и очень не вовремя. Я то там, то дома учу Концерт, очень утомлён и сегодня, например, чувствую себя совсем разбитым. В час дня я зашёл в Консерваторию отдать Концерт Гелеверу и Кусковой. Я взял Дамскую, которая очень хочет посмотреть на турнир, главньгм образом на Капабланку, и с ней поехал в Собрание. Дамская, правда, немного трусила, когда входила в непривычное для неё помещение, но потом очень заинтересовалась. Дам бывает мало, но всё же с десяток можно насчитать. Я с удовольствием объяснял Дамской всякие достопримечательности в Собрании. Народу набилось пропасть. Мы заранее заняли два стула у стола Рубинштейн - Капабланка. Звонок - и игры начались. Я первый раз видел Капабланку нервничавшим: он дёргал бровью, морщился, утыкался в доску. Он играл чёрными, а в зале говорили: «Не завидую тому, которому приходится играть против Рубинштейна чёрными дебют ферзевой пешки». И действительно. Капабланка сразу попал в самое стеснённое положение. Дамская, ничего не понимая в игре, вертится и вкривь и вкось, рассматривая Капабланку, спрашивает, скоро ли он выиграет, а я очень интересовался, как он распутает игру. Один момент мне показалось, что Капабланка ловко развернулся, но в ту же минуту я услышал за спиной, что это стоит ему пешки. Я решил, что это жертва, другой говорил, что он легкомысленно зевнул. Но второе выходит вернее, так как Капабланка не только очутился без пешки, но и получил отвратительное положение. Я с трудом протиснулся в соседнюю комнату, где свободен в этот день Яновский, окружённый плотным кольцом зрителей, шлифовал партию Капабланки. Во всех вариантах, по его мнению. Капабланка проигрывал и притом очень скоро. Я пошёл посмотреть на другой стол: поругавшиеся Алёхин и Нимцович играли холодно и злобно. Тарраш с красными ушами и весьма неспокойным лицом (вчера он проиграл Яновскому) выжимал Гунсберга. Маршалл имел отличную партию против Ласкера, а Бернштейн что-то путал с Блэкберном и постоянно кричал на публику: «Господа! Тише! Невозможно же играть!» и сердито говорил соседу: «Ведут себя, точно это не Шахматное Собрание, а какой-то сарай». Почему сарай - неизвестно. А публика действительно шумела как улей. За барьером тоже было густо и жарко. Художник зарисовывал шахматистов. Элеонора попросила вывести её к швейцару. Она устала и куда-то торопится. Между тем Капабланка держится и не думает сдаваться. Я определённо ему сочувствовал и в соседней комнате изыскивал варианты в его пользу. Он играл довольно быстро и имел значительный запас во времени. За полчаса до перерыва он встал и сказал, что больше играть не будет, а записывают ходы в шесть часов. Сосницкий рассказал мне, что он вчера до пяти часов кутил в «Аквариуме », его путала какая-то дама, которая не даёт ему покоя. Сегодня у него тяжёлая голова и он играет лишь бы не проиграть. Я взволнован за Капабланку. Толпа собирается вокруг доски Маршалл - Ласкер. У обоих нет времени, а положение острое. Оба волнуются и тревога передаётся публике, которая плотным кольцом окружает их стол, беспокойно взглядывая то на доску, то на часы. Но оба успевают сделать ход. Звонок и перерыв. Я усталый

выхожу на свежий воздух, возвращаюсь домой и ложусь вздремнуть. В половину восьмого приезжают Раевские обедать. Как ни так, а моё рождение. После обеда я переодеваюсь во фрак для вечера у Мещерских и еду в Шахматное Собрание. Первое, что я вижу - Рубинштейн; ему кто-то что-то говорит, а он смеётся. Выиграл у Капабланки и рад, - решил я с досадой и отправился к доске, где вывешены результаты партий. Но к огромному удивлению и радости вижу 1/2. Ничья! Ура, Капабланка сделал против Рубинштейна ничью в таком положении, это гениально, и я теперь не сомневаюсь, что он возьмёт первый приз, если его дама не очень закрутит. Другая пара тоже благополучно закончила ничьей, лишь старый Гунсберг по обыкновению проиграл. В Собрании жаловались, что много ничьих - турнир приобретает вялый характер. Ласкер и Бернштейн, окружённые огромной толпой, показали друг другу свои партии. Приходит Mme Ласкер и зовёт мужа домой. Это сдобная немка с ординарным лицом. Я еду к Мещерским. Там уже танцуют, хотя сегодня небольшой вечер и народу немного. Я ещё под впечатлением турнира и если с кем говорю, то о шахматах. Нина зовёт танцевать, я отказываюсь. Меня знакомят с очень славной подругой Нины, к которой она едет на май месяц, с Mme Филиппьевой. Мы с ней танцуем, потом беседуем в кабинете и за ужином сидим рядом. В три часа я уезжаю домой с очень приятным воспоминанием о славной кругленькой Наталье Николаевне.

12 апреля

До двенадцати спал, до половины третьего играл на рояле, в три часа пришёл в Консерваторию сыграться с Дранишниковым. Табель сообщает, что Черепнин в Монте-Карло и возвращается послезавтра.

- А ведь проигрался? - смеясь спросил я Табеля.

- И по-моему, тоже. - ответил он.

Глазунов очень мило поблагодарил меня за Концерт. Я спросил, как он нашёл «Балладу». Он прямо ничего не сказал, но много рассуждал о pizzicato, не надо ли его перенести на октаву выше, чтобы лучше было слышно? Вообще это pizzicato очень всех занимало. Дранишников ещё не знает своей партии, но подаёт большие надежды и я за него спокоен. Концерт выходит и обещает выйти ошарашивающе-блестяще, эффекту хоть отбавляй. Мы занимаемся в конференц-зале. Вдруг входит Ольга Борисовна. Я извиняюсь и говорю - наше громкое соседство вам мешает, мы сейчас уйдём. Она отвечает, что нисколько, но что она хочет со мною поговорить. Несколько удивлённый, я последовал за ней. Ольга Борисовна заговорила о том, не повредит ли мне то. что я играю на экзамене мой Концерт. Я сначала подумал, что это политика и что мой Концерт хотят деликатно отстранить, но вскоре выяснилось, что разговор самый благожелательный и что цель его действительно помочь мне взять премию. Идея такая - пускай мой Концерт очень талантливая вещь, но он слишком нов для ушей наших профессоров, они будут слушать сочинение, а не исполнение, возмутятся музыкой, а рояль присудят другому. Нет ли у меня другого Концерта: Листа. Чайковского, и не лучше ли мне приготовить его? Я поблагодарил за сочувствие и возразил, что. увы, слишком мало времени - в десять дней не приготовить концерт Чайковского, а играть неготовую вещь я не решусь. Что руководило таким внезапным сочувствием? Ведь с классными дамами я жил далеко не в ласке и согласии. Порешили мы на том, что я попрошу Глазунова послушать мой Концерт и спрошу- его мнение. Глазунов как раз появился и мы втроём обсудили дело. Глазунов про Чайковского и Рахманинова сказал, что уж больно оба заиграны, а с моим Концертом действительно надо познакомить кое-кого из профессоров. А потому будет очень хорошо, если я сыграю его в Малом зале, например, во вторник в половину- первого. Можно будет

собрать тех профессоров, которые будут в этот день в Консерватории. При этом Глазунов похвалил исполненную мною программу и отметил отличное звучание «Тангейзера». Браво! За меня принимаются. Это опять пахнет премией, а то последние дни я вращаюсь в обществе Голубовской, Зеликман и их партии и там так уверены в своих победах, что я и сам помирился, что премия за ними!

После обеда я был у НЯМ, с которым в четыре руки демонстрировал Асланову 1-ю Симфонию. Очень славная симфоша. В первой части я люблю темп, а финал прямо великолепен (кроме побочной партии): живой, весёлый, яркий. Асланову симфония тоже понравилась и он будет играть её двадцатого мая в Павловске. Я очень рад. что двадцатого мая. потому что я в это время буду в Петербурге. А то мне до сих пор не удавалось послушать сочинения НЯМ'а. Он возмущён отказом Зилоти и написал в «Музыку» великолепную, ядовитую статью, самым тонким и злым образом высмеивая в ней Зилоти. Вернулся домой и занимался просмотром 1-го Концерта перед посылкой его в РМИ.

13 апреля

Итак во вторник у меня будет вроде экзамена, значит надо играть Концерт хорошо, а потому сегодня я усердно принимался за него. Вообще же чувствую себя утомлённым, когда утром просыпаюсь - руки, ноги болят. И турнир, и экзамен - всё вместе подкатило. Я давно не был в таком увлекательном водовороте: когда я в Консерватории или дома за роялем, то я погружаюсь в мой Концерт и экзамен; попадаю же в Собрание - тамошняя жизнь так захватывает, что забываю обо всём и экзамен кажется ерундой по сравнению с борьбой шахматных титанов. Как ни так сегодня я до трёх часов занимался, а потом пошёл в Шахматное Собрание посмотреть на партию Ласкер - Рубинштейн. Я пришёл, когда партия была в полном разгаре. По обыкновению, густая толпа народа в облаках табачного дыма и в душной атмосфере. В «Новом времени» - большая статья, в которой нападки на неудачные условия игры: шум, толкотня и жара. Статья крайне озаботила устроителей и теперь изыскиваются средства устранения неудобств. Пока на стены вывесили большие доски, на которые немедленно вывешивают ход, сделанный игроком. Благодаря этому публика не так жмётся к барьеру и в любом месте зала можно наблюдать сразу за всеми партиями. Кроме того, на стене висят записи всех партий, куда немедленно заносится каждый ход. Я пришёл около четырёх часов и противники сделали ходов пятнадцать. Я решил прежде всего ознакомиться с партиями и, быстро списав их на лист бумаги, сел за доску и посмотрел их, а потом уже прилип к столу в соседней комнате, где толпа обсуждала течение партии Ласкер - Рубинштейн. Партия была позиционной, осторожной и сухой, и если-б в ней не боролись такие две силы, то просто неинтересной. Но в ней боролся тот самый Рубинштейн, который пять лет назад уже победил Ласкера, -- и все с захватывающим интересом следили за ней. Предсказывали ничью. Другая партия тоже протекала незаметно. Живой Капабланка сегодня был свободен и отсутствовал. Тарраш благополучно выжимал Блэкберна, а Яновский, элегантно закрыв лицо своими загорелыми руками с безукоризненными ногтями, с чистыми манжетами и платочком, засунутым за рукав, медленно играл с Гунсбергом. Довольно оживлённо сцепились Бернштейн и Нимцович, да Алёхин, к радости многих патриотов, выиграл у Маршалла. В шесть часов - перерыв. Я ушёл домой и вечером сидел дома: поправлял 2-й Концерт для посылки в РМИ.

14 апреля

Вчера вечером у меня разболелась голова, но сегодня я встал довольно свежим

и, поиграв час. пошёл в Консерваторию репетировать с Дранишниковым. Ольга Борисовна, увидев меня, сказала: «Ну как? Ведь вы наш герой, наша надежда (!!)». Подумать! Я попал в герои и надежду наших классных дам! Я очень обрадовался, когда увидел Струве, она сегодня держит какой-то экзамен и шла на него. Я пожелал ей успеха и не стал её задерживать разговором. Неаронова кричала мне. что я получу рояль. Затем спросила меня: вы будете преподавать в Музыкальной студии?

- Что вы говорите? - засмеялся я.

- Ну да. одна моя подруга уже мечтает к вам в класс поступить!

Я:

- В таком случае узнайте у вашей подруги, что это за Студия и что за класс Прокофьева. Я по крайней мере ничего об этой Студии не знаю.

Неаронова обещала узнать и рассказать мне о своей справке.

С Дранишниковым Концерт выходил хлёстко. По окончании он едва мог прийти в себя и говорил, что людям с пороком сердца нельзя аккомпанировать мой Концерт. Дома я догонял мой отставший дневник (как раз хочется побольше написать, а некогда), делал шахматные ходы по переписке (турнир имеет на меня хорошее влияние: я стараюсь обдумать положение и пока во всех партиях имею хорошую игру) и немного отделываю Концерт. Звонила Нина Мещерская, спрашивала, когда я прийду к ним. и говорила, что летом они будут жить в Кисловодске - приехал бы и я. К сожалению, они к себе пригласить не могут, потому что у них снята совсем небольшая дача, но я ведь человек богатый (!) и мог бы снять по соседству комнату. Мне начало это улыбаться.

15 апреля

Сегодня «большой день», как говорил Макс. Во-первых: демонстрация Концерта перед профессорами, во-вторых: партия Капабланка - Ласкер. В двенадцать часов я пришёл в Консерваторию и явился к Ольге Борисовне. Она сказала несколько ласковых слов и прибавила, что через полчаса собираются профессора в довольно большом количестве, и действительно, скоро стали появляться в коридоре то один, то другой профессор, когда же появился Глазунов и Габель. то их было больше двадцати, почти весь преподавательский персонал по фортепиано. Дело происходило в Малом зале - совсем экзамен. Хотя я не очень волновался, но зато Дранишников совсем перетрусил; Глазунов уселся, многие из профессоров раскрыли ноты, с которыми пришли, и я сыграл Концерт. Дранишников аккомпанировал хорошо, а я играл, по-моему, тоже хорошо. Кончив, я спустился с эстрады. Некоторые одобрительно кивали, другие рылись в нотах, третьи обсуждали между собой. Я подошёл к Глазунову; он сказал: немного отдохнём и сыграем ещё раз. Я вышел поболтать с Дранишниковым. который был в восторге от Концерта, выпил стакан молока и вернулся в зал. Сыграли ещё раз - Глазунов сказал: теперь надо попросить вас уйти, а мы обсудим между собой. В зале набралось довольно много учащихся. Их тоже выпроводили из зала и они собрались толпой у двери, ожидая результат, а я ушёл во второй этаж, где меня с интересом расспрашивала Ольга Борисовна. Я ничего определённого ответить не мог. Вообще же это слушание моего Концерта приобретает характер целого события. Все учащиеся, из классов которых собрались профессора в Малом зале, бродили по Консерватории и толковали о слушании моего Концерта. Никольская всё время вертелась и фиксировала меня своими блестящими глазками. Ко мне подошёл служитель и сказал, что директор просит меня в Малый зал. У двери продолжали толпиться любопытные, которые посторонились и дали мне дорогу. Я вошёл в зал. Вся комиссия стояла толпой; Глазунов впереди. Я подошёл к нему. Он сказал:

- Я должен сказать вам следующее. Сергей Сергеевич... Так. кажется, ваше

имя и отчество? Прослушав ваш Концерт, пришли к принципиальному решению, что ваш Концерт нежелателен для экзамена, потому что судить по нему об исполнении крайне трудно и неудобно. Но ввиду того, что приготовить новый концерт у вас не осталось времени, то комиссия решила предложить вам сыграть «Тангейзер» из вашей программы, а затем и ваш Концерт. Конечно, вы можете сделать передышку. Это решение вас устраивает?

Я ответил:

- Соглашаюсь. Да. - и, поблагодарив за то большое внимание, которым удостоили меня сегодня директор и комиссия, я поклонился и быстро вышел из зала.

Но это отлично! Кажется, это для меня самое выгодное решение, которое могло прийти комиссии: «Тангейзер» и Концерт - и волки сыты, и овцы целы. А главное, я теперь не буду бояться играть на экзамене, ибо и то и другое уже играно. Некоторые из профессоров, шедшие из Малого зала домой и встречая меня, поздравляли меня, другие любезно жали руку, третьи неловко молчали и спешили уйти. Но я чувствовал себя героем. С этим настроением я поспешил в Шахматное Собрание, где уже началась партия Капабланка - Ласкер. Оба чемпиона сидели на том же месте, где сражались Капабланка с Рубинштейном. Толпа тесно окружила их, но вообще в Собрании народу было меньше, чем на Пасху. Наступили будни: одним надо учиться, другим служить. В углу трещал электрический озонатор и везде было значительно чище. Ознакомившись по записи на стене с ходом партии Капабланка - Ласкер и сделав беглый осмотр остальных досок, я вышел в соседнюю комнату, где обсуждалась и шлифовалась партия Капабланка - Ласкер. Вчера Ласкер дожал Рубинштейна и эта победа произвела форменную сенсацию. Все были уверены, что Ласкер раскатает Капабланку. Но я горячо держал пари за Капабланку. В его игре столько таланта, что он должен постараться и выиграть у Ласкера. Ласкер пользуется королевской пешкой впервые. Его поклонники с восторгом заявили, что он хочет прямо высечь выскочку-Капабланку. Капабланка долго думал, однако использовал легкомысленный манёвр Ласкера в свою пользу и перешёл в солидную атаку. Я сидел в соседней комнате с целой толпой шахматистов и внимательно следил за каждым ходом, который нам моментально сообщали с поля битвы и который мы обсуждали и вкривь и вкось, подчас очень горячо. Капабланка избрал самый солидный способ, пожалуй, несколько вялый, и к пяти часам выяснилось, что Ласкер защищается от атаки. Положение получилось равное и переходило в Endspiel. Я вернулся в зал. На всех досках шла горячая резня: Тарраш, обдумав длинную комбинацию, быстрым движением цапал пешки Нимцовича, храбро жертвуя слонов. Бернштейн с Маршаллом на моих глазах запутали партию до полной невозможности разобраться на доске - все фигуры стояли под ударом, приведя меня в полный восторг. Но это длилось недолго: Бернштейн проиграл ферзя, виновато улыбнулся и принялся читать какие-то письма. В это время по залу прокатилось, что Рубинштейн сдался Алёхину. Сенсация. Алёхин, бледный и усталый, встал из-за стола. Я как-то мало питаю к нему симпатии. Шесть часов - звонок. Тарраш выгнал короля Нимцовича на середину доски и цепкими движениями заматовал его. Мат действительно блестящий. Тарраша окружили с поздравлениями, жмут руку, публика потихоньку, стараясь не мешать остальным играющим, аплодирует Таррашу. Тот сияет и раскланивается на все стороны. Нимцович с недовольным видом свёртывает свою запись, ворча под нос: «Die ganz zeit man geht hin und her. Lasker - Capablanca, Capablanca - Lasker! Unmöglich zu denken...».[25]

[25] Всё время ходят туда-сюда, Ласкер – Капабланка, Капабланка – Ласкер! Невозможно думать...» (нем).

Я возвращаюсь домой, а вечером иду в «Сокол». Не был там две недели и соскучился. Вчера я получил корректуру моего Марша, который они печатают, и, сделав её, сегодня вернул. Поправил не только музыку, но и текст с его переносами и знаками препинания.

16 апреля

Вынул «Тангейзера» и принялся за его повторение. После экзаменационной «программы» я забросил все ноты в шкап и сказал, что больше никогда не буду играть их. Судьба судила иначе. Впрочем, за «Тангейзер» я принимаюсь с удовольствием. Принимаюсь я осторожно, играя всё в медленном темпе и внимательно повторяя его технику. Вскоре я убедился, что он у меня пойдёт и не хуже, чем на предыдущем экзамене. Может быть и лучше.

Часа в три зашёл в Консерваторию. Там уже начался исполнительский концерт, но было пусто и скудно. Дранишников с интересом слушал мои шахматные рассказы. Мещерские проводят лето в Кисловодске. Вечером Олег и я играли у них в бридж. По дороге зашёл в Шахматное Собрание, но смотреть на окончание партии, начало которой не видел, не так интересно. Рубинштейн выжимал Бернштейна, а Яновский что-то вяло путался с Нимцовичем. Я попросил показать мне партию Капабланки, блестяще разнёсшего Алёхина, порадовался за успех моего любимца и пошёл к Мещерским. Веры Николаевны не было дома, когда я пришёл, Нина уже час как флиртовала с чьим-то чужим женихом по телефону. Мы налетели на неё толпой. Произошла драка, сломали телефон, вырвали штепсель, переломали ножки. Затем играли в бридж. По обычному я с Ниной играли за одного человека.

17 апреля

Сегодня я продолжал мои занятия с «Тангейзером» и отчасти с Концертом. Но я вижу, что центр тяжести лежит в «Тангейзере» и надо налечь на него. Концерт идёт достаточно хорошо, а изложить тонко - всё равно не оценят.

Когда устал, то пошёл пешком в Шахматное Собрание и, по обыкновению, первым делом осведомился по стенной записи о течении партий. Не успел я остановиться против доски Капабланка - Бернштейн, как тот начал блестящую комбинацию и, атакуя по всей доске, разгромил своего страшного противника. Как ни так, а Бернштейн штучка, и с ним справится не всякий. А рядом Маршалл жертвует фигуру Яновскому. Ласкер ужасно путает с Алёхиным. Я подхожу к Зноско-Боровскому:

- Вот что значит очистить воздух и улучшить условия игры - что ни день, то пятьдесят жертв.

Зноско смеётся:

- По-моему, слишком много кислорода!

Турнир прямо теряет свой серьёзный характер. Все довольны и потирают руки

Время приближается к перерыву. У Алёхина остаётся две минуты на восемь ходов. Он нервничает, смотрит на часы и демонстративно качает головой. Я отхожу от его доски и в это время слышу, что он вечным шахом сделал ничью. Его поздравляют и трясут ему руку. Он бледен, помятый, выходит от стола. Капабланка выгоняет короля Бернштейна на серую доску- и матует его хитрой комбинацией из коня и слона. Вокруг в восхищении шепчутся: это гениально! Шесть часов, я ухожу домой.

Вечером повторяю 2-ю Сонату для завтрашнего выступления. Говорил по телефону с Дамской, делал шахматные ходы по переписке.

18 апреля

С одиннадцати до часа играл «Тангейзера», а днём пошёл прогуляться на консерваторский экзамен. От Черепнннна открытка из Монте-Карло в ответ на моё поздравление с Пасхой. Я очень доволен его вниманием. На экзамене я встретил Дамскую и Бударину (которая все дни торчала в Шахматном Собрании) и сидел с ними. Но дома меня ждала неприятность: во-первых, Юргенсон прислал письмо - отказ «Балладе» (всякие планы об иных изданиях); во-вторых. Мясковский, с которым я говорил по телефону, сказал, что ему говорил Габель, что у меня после демонстрации профессорам Концерта нет никаких шансов на рояль, ибо полкомиссии совсем отреклась и от Концерта, и от меня, а другая половина разбита пополам - и если одна часть приемлет Концерт, то другая относится равнодушно, а стало быть, я имею только четверть голосов и что, конечно, должен был играть не свой Концерт, а чужой. Но ведь сам Мясковский, когда я спрашивал, согласился, что надо играть мой?! Во всяком случае он был очень неосторожен, сказав мне это, это равно, что сказать чахоточному: «Вы думаете, что вы выздоровеете? Ошибаетесь, вы умрёте через три дня». Во всяком случае слова Мясковского произвели на меня крайне обескураживающее впечатление, под которым я пробыл весь вечер. Повторил Сонату и поехал на Вечер современной музыки. Там исполнялась виолончельная соната Мясковского (так себе, медленно и скучно); Медем играл свои мелкотушки. Я у него выспрашивал о моих шансах, но он, хваля меня, отвечал уклончиво и прибавил: «Да на что вам рояль?» Эти слова тоже мне показались дурным признаком. Mme Винклер с обычной любезностью и темпераментом клялась, что только я получу рояль. Штейман, которого я встретил на вечере, получил дебют в Мариинском театре. Он познакомился с Коутсом и говорил тому о моей «Маддалене». Коутс будто бы заинтересовался, и Штейман говорит, что такую вещь делать либо очень трудно, либо невероятно легко. Сам Коутс пишет однако оперу - а почему бы «Маддалену» не исполнить ей в пару? Сонату я играл, думая о другом, об экзамене и об Юргенсоне. Впрочем недурно и с обычным для неё успехом. Бисировал «Прелюдом».

Перед началом концерта Каратыгин сказал слово о новых течениях в музыке, по обыкновению, лестно отозвавшись обо мне. После концерта я говорил с ним об издательствах, спрашивал про петербургского Юргенсона, небольшом издательстве, самостоятельном от Москвы. Он говорит, что там не стоит, а лучше у Бесселя, который всегда слушает, что говорит Каратыгин, и которому он порекомендует «Балладу». Я сказал, что на гонорар менее двухсот я не согласен.

19 апреля

Проснулся я под впечатлением вчерашних разговоров о плохих шансах на рояль. Мною овладела полная апатия, не хотелось заниматься и я провалялся до двенадцати часов. Кроме того, мне нужны деньги, а непринятие «Баллады» и отсутствие премии лишит меня всяких ресурсов. В двенадцать часов сел за рояль. «Тангейзер» шёл хорошо и это подняло мой павший дух. Немного я забыл темпы, но это вернётся. Шахматное Собрание я сегодня решил пропустить, чтобы не отвлекаться. Но, устав работать, пошёл пройтись, занёс 2-ю Сонату, «Сказку» и оперу Штейману, который хочет послать их Коутсу заграницу для ознакомления. В Консерватории, куда я зашёл, столкнулся с Черепниным. с которым была необыкновенно радостная и нежная встреча. Он загорел, как араб, ходил по солнцу без шляпы и выглядел весёлым и довольным. Говорили о моём Концерте и экзамене. Хочет непременно поставить Концерт на акте. На всякие мои сомнения отвечал: плюнь на всё это и играй хорошо. Вообще он возвратил мне мою прежнюю если не уверенность, но

бодрость, а в понедельник я с Дранишниковым буду ему демонстрировать Концерт. Я всегда жду от него ценных указаний. О посвящении я ему ещё не говорил. Прошлой ночью снился Захаров - дурная примета - не получу премии.

20 апреля

Играл «Тангейзера» и немного Концерт, а в два пришёл в Консерваторию прорепетировать с Дранишниковым. Я думал в праздник найти пустое здание, но встретил почти всех моих конкурентов. Все репетируют, пользуясь пустым залом. Тут же был и Глазунов, к которому все лезли с просьбой прослушать их и он всех терпеливо выслушивал. Дранишников привёл свою сестру, очень милую барышню, и мы стали играть Концерт. Ничего, выходит. Потом с Голубовской. Кинд и с Глазуновым обсуждали - не взять .ли другой инструмент от Беккера, а то этот уже поразбился. Любопытно, что все конкуренты действовали как-то сообща, не как враги, а как товарищи по трудному делу. Не было и тени вражды. Немного обособленно держался лишь Зеликман, видно уверенный в победе. Другие, «простые» оканчивающие, смотрели на нас с долей уважения, а мы говорили, что завидуем им: им надо просто хорошо сыграть, а нам - непременно лучше всех! Трудные и неприятные условия. Профессора конкурентов заметно волновались и иногда не могли воздержаться от ядовитых замечаний друг другу. Я один был без профессора и действовал самостоятельно в обществе верного Дранишникова. С Голубовской я был у Беккера и хотел «28002», мой любимый, на котором я играл на выставке Добычиной. Голубовской тоже он нравился, обещали прислать. С Голубовской у нас сохранились самые отличные отношения, и от Беккера я потащил её в Шахматное Собрание. Недалеко от Шахматного Собрания пронёсся Яновский; пожалев, что он уже кончил с Капабланкой и несколько волнуясь за исход партии (ибо Капабланка раз проиграл Яновскому), мы вошли в Собрание. «Капабланка - это какое-то чудовище, - галдели там, - тридцать два хода и от Яновского буквально ничего не осталось». Между тем остальные партии шли вовсю. Алёхин штурмовал Бернштейна, но тот, выиграв вчера у Ласкера, бойко отбивался от наскоков горячего правоведа. Ласкер имел, к удивлению и моему удовлетворению, отвратительную партию против Тарраша. Рубинштейн раздавливал Гунсберга, а Маршалл что-то утомлённо путался с Блэкберном. Голубовская прилипла к партии Ласкер - Тарраш, а я списывал партию Капабланка - Яновский и рассматривал её за доской. Теперь уже все говорили, что конкурсный первый приз обеспечен за Капабланкой, но я это говорил уже после его первой партии. Шесть часов, звонок: у Бернштейна осталось полминуты на два хода. Сабуров громко начинает: «Meine Herrn! Die Komitet...».[26]

- Не мешайте играть!!! - громко орёт Бернштейн.

Сабуров пресекается, в публике смех. Бернштейн доделывает свой ход и, проходя мимо Сабурова, сердито делает ему замечание. Тот невозмутимо и несколько взволнованно продолжает свою речь о том, что завтра игры нет.

Вечером я ничего особенного не делал и на рояле не играл - отдыхаю.

21 апреля

В два часа собрался в Консерваторию: Черепнин, Дранишников и я. Я с Прянишниковым сели за рояли, а Черепнпн устроился напротив нас и развернул ноты Концерта. Он удивлённо сказал:

- Сергей Сергеевич... я и не знал, что Концерт посвящен мне! Благодарю вас!

[26] «Уважаемые господа! Комитет...» (нем).

Затем мы с Дранишннковым начали играть. Черепнин останавливал нас в тех местах, где музыка сама собой делала остановку. Я не ошибся, ожидая от него интересных указаний - он сделал их гораздо больше, чем я полагал. Многое касалось Дранишникова, частью меня, обоих вместе и ансамбля. Словом, его замечания несомненно улучшили наше исполнение. Я поблагодарил, он, очень интересуясь завтрашним днём, обещал прийти. Я отправился в Малый зал, где шёл экзамен оканчивающих, играло много хороших учеников, некоторые есиповские ученики, словно это уже было «почти завтра». Публики было много, полно. Ещё до игры Черепнину, я зашёл к Малому залу. Там был перерыв и публика ждала продолжения в фойе. Когда я вошёл туда, на меня сразу обратили внимание, стали оглядываться и шептаться. Как ни так, я герой завтрашнего дня! Среди толпы мелькнули Лида и Зоя.[27] Они пришли слушать Эльфриду Ганзен. Теперь, после занятий с Черепшшым. я как раз попал к есиповскому классу. Играл очень славно Тиц; Ганзен, Берлин и Цейтлин - так себе, неярко. На меня опять все оглядывались. Это было мне приятно и неприятно, потому что я не был уверен за завтрашний рояль. Вернувшись домой, почти не играл, а лишь просматривал указания Черепнина. Звонила Голубовская, болтали с ней о наших настроениях. Я ей на днях предложил сыграть вечером накануне экзамена партию в шахматы по телефону для отвлечения от беспокойных мыслей. Но она теперь предпочла позаняться концертом. Решили сыграть завтра «историческую партию в шахматы» после конкурса, в тот момент, когда профессора удалятся для присуждения премии. Момент будет действительно для шахматной партии пикантный. Перед сном пошёл пройтись. Был славный вечер, луна ярко светила. Скверная речка Фонтанка, подёрнутая рябью, серебрилась под яркими лунными лучами и выглядела красавицей. Хотелось сесть на пароходик и прокатиться.

22 апреля

Настроение, которое было у меня утром, не принадлежало к числу хороших. Оно было смутное. Я боялся за плохой исход конкурса, боялся, что вся эта работа, всё стремление завершится поражением. Я повторил Концерт и «Тангейзер»; оба шли хорошо. Я нервничал, но неособенно волновался. В конце концов решил, что даром не сдамся, конкурс конкурсом, а я буду стараться сыграть хорошо. Не думать о публике, о конкурсе, а думать о музыке во время исполнения - вот главная задача. Мама и родственники уехали раньше, к началу конкурса, я остался один дома. Я люблю оставаться один перед моим выступлением. Но тут явился полотёр, кроме того мне уже не сиделось и в два часа я вышел из дому. В Консерваторию было рано - всё равно раньше пятого часа мне играть не придётся. Дойдя до Фонтанки, я сел в пароходик и поехал, не без удовольствия. Пароходик причалил к конечному пункту, к Калинкину мосту. Я вышел на берег и очутился на Петергофском проспекте. Ровно год с этого проспекта отправлялся на такой же бой Борис Захаров, тоже гордо желавший победы. И почему меня сегодня невольно занесло сюда же? Чтобы я тоже не получил рояля? Было пыльно и скверно в этом чернолюдном квартале. Я зашёл в скверик, где впрочем не было лучше. Зелени ещё не было, куча грязных ребят и женщин рылись в песке. Мимо меня прошёл один из незначительных преподавателей Консерватории, Пузыревский. с удивлением покосившись на меня. Я сел в пароходик и поехал обратно. Пешком прошёл от Фонтанки до Консерватории. Я принял деловой, холодный вид. В Консерватории тихо, все на экзамене, наводняя Малый зал. И только у лестницы толпятся безбилетники, которых не пускает стража. Я вошёл в артистическую. Там была

[27] Карнеевы.

Малинская, тоже ученица Есиповой, и Позняковская, аккомпанирующая ей и заменявшая Анну Николаевну. С Малинской мы всегда ругаемся. Сегодня я попросил её выйти, чтобы остаться перед выступлением одному. Она и Позняковская, не прекословя, вышли. Сегодня честь класса не позволяла возражать мне.

Конкурирует всего семь человек: 1) Херсон, ученик Оссовской, не представляющий ровно ничего; 2) Кинд, бойкая пианистка и милая барышня, играла сегодня с блеском и произвела эффект, оборвав толстую струну; 3) ученик Гальперин, игравший неплохо, но грубо. Далее следуют настоящие конкуренты: 4) Голубовская. Когда я пришёл, она только что кончила. Говорят, играла очень хорошо. 5) Зеликман, который играл в настоящий момент. После него была моя очередь с «Тангейзером»; затем Малинская, не имевшая никаких шансов, и снова я с моим Концертом. Подобное двоекратное выступление на конкурсе случалось первый раз в жизни Консерватории и вызывало разговоры. Итак, я остался один в артистической. До меня из Малого зала доносились урывки раскатов Концерта Листа, который, как мне казалось и как следовало ожидать, с блеском играл Зеликман. На столе лежали ноты Концерта. Я. чтобы убить время, разверну л их, и по доносившимся урывкам пробовал следить за течением концерта.

Последняя страница была покрыта аплодисментами зала. В коридорчике, отделявшем зал от артистической, поднялся шум, стали прибегать из зала - Зеликман кончил. Я растворил дверь и, увидев его, протянул ему руку:

- Поздравляю вас, звучало блестяще, насколько мне удалось отсюда слышать.

В ответ жестокое отчаяние. Я решаю, что это чрезмерная самокритика и боязнь за исход конкурса. Весь коридорчик набит публикой, прибежавшей из зала. Я злюсь, что негде уединиться и сосредоточиться перед выходом. Подходит Харитон и говорит:

- Поздравляю вас!
- С чем?
- Ваш главный конкурент побит.
- ?
- Зеликман сбился пять раз, путал и мазал весь конец.

С этим известием я вышел на эстраду. Не знаю, хорошо или плохо оно на меня повлияло. Вот почему плохо: шансы увеличиваются, значит увеличивается и обязательная необходимость сыграть непременно очень хорошо, тогда рояль мой. Мне аплодируют, затем в зале долго шумят, а я сидел и ждал, чтобы начать pianissimo. Последние дни я колебался - играть .ли начало «Тангейзера» только piano и певуче, как сказано у Листа, или же pianissimo и беззвучно, как раздаётся издалека хор странников в опере. Решив в пользу последнего, я начал очень тихо, и, как говорят, начало «Тангейзера» было сыграно лучше всего. Далее следовала вакханалия, во время которой я почувствовал, что руки мои быстро утомляются. Рояль был тугой. Тот самый милый «Беккер» №28002, который я так хотел и которого так добивался, и которому так радовался, когда его специально для меня привезли на экзамен! Теперь я чувствую, что гибну, и вся моя задача состоит в том, чтобы доиграть вещь до конца, по возможности сохранив блеск. Блеск удалось сохранить, но кое-что вышло грубо. Руки у меня ломило от усталости. Зал громко аплодировал. Кто-то, верно приверженец Голубовской или Зеликмана. шикал. В артистическую явились Черепнин, Дранишников. Штембер. Первые два очень хвалили, последний сказал, что хорошо, хотя хуже, чем на экзамене, и уехал в свою Тулу. Чтобы скрыться от толпы, наводнившей и артистическую и все окрестности по случаю десятиминутного антракта, я взял под руку Дранишникова и ушёл с ним в один из дальних классов, чтобы перед выходом ещё раз просмотреть Концерт и всякие придуманные эффекты. По дороге встретил Голубовскую и

спросил, как надо держать руки, вверх или вниз, чтобы они скорее отдохнули. Руки у меня не только устали, но болели, и я очень боялся, что к Концерту они не отдохнут.

- Вверх, конечно вверх, пусть кровь отливает, - сказали Бушен и Голубовская.

Кто-то посоветовал опустить их в тёплую воду, но я боялся этого эксперимента. Я спросил, как себя чувствует Голубовская после игры. Она ответила, что ничего, хотя были многие недочёты. Я уединился с Дранишниковым и просмотрел мой Концерт. Дранишников восхищался моим исполнением «Тангейзера» и говорил, что Зеликман погиб безвозвратно. Я неуверенно отвечал:

- В таком случае дело совсем не так плохо...

- То есть совсем хорошо! - говорил Дранишников.

Это был мой первый проблеск уверенности в победе. Малинская кончила. Настала наша очередь. С тех пор, как я кончил «Тангейзер», прошло полчаса, а руки мои всё ещё не совсем отдохнули. Я заметил при моём появлении на эстраде, что многие профессора (а их сидела армия человек в тридцать) развернули экземпляры моего Концерта, которые я раздавал в течение недели. Концерт прошёл отлично. Я не боялся его играть, потому что уже неоднократно исполнял публично. Дранишников аккомпанировал бесподобно: то гремел как настоящий оркестр, то стушёвывался с очаровательной скромностью, и всё время следил, как человек искренне понявший и полюбивший эту вещь. Мой девиз исполнения - сдержанная нежность в анданте и безудержная стремительность во всём остальном Концерте - была строго выполнена. Вообще исполнение удалось на редкость. По окончании - аплодисменты, шиканье и страшный шум. Совсем как после моего летнего исполнения 2-го Концерта в Павловске. Экзамен кончен.

Всюду толкотня и невообразимое оживление. Много профессоров поздравляют меня с «великолепным» исполнением. Меня окружают Мясковский, Каратыгин, ещё другие музыканты, Раевские и прочие родственники. Я на время выгляжу совсем победителем. Затем всё редеет. Профессора мало-помалу удаляются в конференц-зал. Часть слушателей расходится по домам, но большая толпа остаётся ждать решения у двери конференц-зала. Я предлагаю Голубовской начать нашу «историческую» партию и вынимаю карманные шахматы. Она соглашается. Бушен, Шандаровская и маменька Голубовской липнут тут же и мешают играть. Я попадаю в компанию лагеря, настроенного за Голубовскую, то есть против меня. По- видимому, мы главные конкуренты, так как Зеликман сорвался в середине и доиграл плохо. Впрочем, говорят, что комиссия не обратит внимания на ту случайность, что он сбился, тем более, что это по вине Николаева, который, желая пофорсить, аккомпанировал наизусть и будто бы первый и напутал.

Я уступил Голубовской белые и партия начинается. Мало-помалу нам удаётся сосредоточиться и «мешающий элемент» ушёл к конференц-залу. Конечно, мы играем немного в растерянных чувствах, партия иной момент казалась какой-то ненужной, иной раз от конференц-зата доносился шум и мы прислушивались, но всё же партия мало-помалу затягивала и сосредоточивала интересы на себе. Я сказал:

- Помните, ставка - рояль: проигравший партию и получивший рояль, отдаёт рояль выигравшему.

Голубовская засмеялась:

- Конечно!

Мы играли довольно долго. От конференц-зала доносился гул ожидающей толпы.

- Я слышу, кричат - Зеликман! - сказал я.

- Ну? - вскочила Голубовская.

Но оказалось, что это сторож носил профессорам чай, а учащиеся бросились к

нему с расспросами, не слыхал ли он чего, пока был в конференц-зале. Между тем Голубовская сделала ошибку и начала проигрывать партию. Через час игры она сдалась.

Мы спустились к конференц-залу. Там сидела большая толпа, притащившая скамейки, стулья, рассевшись по всей лестнице. Многие нервно ходили или оживлённо спорили. Преобладали ученики классов Николаева и Ляпунова, стало быть, враждебные мне элементы. Появился Крейслер и взял меня под руку, спрашивая, не могу ли я дать ему двадцать пять рублей.

- Голубчик, да у меня самого ничего нет. Вот если рояль дадут, тогда с удовольствием.

- Так ведь тебе и дадут, ведь сейчас обсуждается вопрос, тебе или Кинд, остальные кандидаты уже отпали.

- Откуда ты знаешь? !

- Кто-то из профессоров вышел и сказал.

Я очень встрепенулся, хотя не совсем верил словам Крейслера. Вскоре я увидел профессоршу Кускову, которую окружало несколько её учеников и учениц. Она вышла из конференц-зала сильно взволнованная, что её ученика Гальперина не допускают к окончательному голосованию на рояль.

- А кого же допустят? - спрашивают ученики.

- Из сегодняшних Голубовскую и вот его, - указывает она на меня. - Да ещё кого-то из вчерашних.

- А Зеликман? А Кинд?

- Не допущены.

Ясно, дело близится к развязке - спор из-за Голубовской и меня. В это время прямо ко мне быстро направляется Бударина, с ней Дамская. Бударина протягивает руку и говорит:

- Поздравляю! Вам!!

- Что мне? - спрашиваю, не желая ещё верить.

- Рояль ваш. - повторяет Бударина.

Дамская поздравляет. Я, боясь на случай ошибки попасть в дурацкое положение, сдержанно благодарю и спрашиваю, откуда они узнали. Они отвечают, что Лемба вышел из конференц-зала. В это время в конце коридора показался Винклер. Я иду к нему навстречу. Он говорит:

- Поздравляю вас. Это замечательно: за - тринадцать голосов, против пять. Огромное большинство, я никак не ожидал.

Я иду дальше к конференц-залу, все встречающиеся профессора поздравляют и трясут руку. Но я себя так подготовил на дурное, что как-то не решаюсь обрадоваться победе. Наконец появляется Глазунов и классные дамы и монотонно читает протокол. Глазунов невнятно сообщает, что рояль присуждается «ученику заслуженного профессора Есиповой, Сергею Прокофьеву» и, не останавливаясь, переходит к чтению отметок. По окончании чтения ученики Николаева и Ляпунова немного шикают. Раздаются голоса «несправедливо!». Ко мне друзья подходят с поздравлениями. Шиканье меня смешит и напоминает Павловск: хотя я. конечно, предпочёл, чтобы аплодировали, но николаевцы и ляпуновцы. конечно, не могли радоваться поражению своих героев. Голубовская с изумительной выдержкой подходит ко мне и поздравляет. Я с улыбкой извиняюсь. Дамская, Бударина, Крейслер и прочие торжествуют. Я говорю Дамской: если хотите заслужить расположение моей мамаши, позвоните ей сейчас о рояле, а я должен разыскать Глазунова и Габеля. Дамская отправилась к телефону, а я, кратко поблагодарив Глазунова, отправился к Есиповой. Выходим с Дамской, ибо по пути. У Есиповой уже Штейнберг, Миклашевская, Венгерова. Калантарова с цветами и поздравлениями. Но Есипова взволновалась и доктора запрещают пускать кого-

либо. Профессора оживлённо обсуждают между собой результаты голосования. Глазунов был страшно против меня и даже не хотел допускать к голосованию. Однако постановили допускать к голосованию только имеющих круглую 5+. Такими оказались: Голубовская и я от сегодняшнего дня, и Берлин и Келлер (ученики Лаврова) от вчерашнего. Голосование: я - тринадцать голосов, Голубовская - пять, Берлин - два. Келлер - один. Глазунов не хотел объявлять результатов конкурса, так он был расстроен ими. Классные дамы еле убедили, говоря, что это неудобно. За меня, по-видимому, были: Штейнберг, Миклашевская, Венгерова, Калантарова, Дроздов, Гелевер, Лемба, Медем, Винклер и другие. Лавров и Ляпунов не голосовали, так как их ученики играли. Дубасов был против. Ясно, что получил я премию не за «Тангейзера», а за мой Концерт.

Я отправлялось домой в девять часов вечера, где поздравляют, шампанское, приехали Раевские и полное торжество. Постоянные телефоны от Каратыгина, Мясковского. Мещерских. Андреевых. Да, это была победа, дорогая мне тем, что она произошла в столь любимой мною Консерватории, и ещё тем. что я не был поглажен по головке, как исправный ученик, а одержал победу новым словом, моим словом, поставленным наперекор рутине и закаменелым традициям Консерватории.

27 апреля

Встал в двенадцать. Идея поехать в Лондон! Я сказал маме и мама особенно не протестовала. А между прочим, в Лондоне можно сделать целую карьеру, только надо подучить свои сочинения. Раз я премирован, так играть плохо нельзя, noblesse oblige,[28] ничего не поделаешь! Принялся за учение «Токкаты». Немного сочинял Скрипичный концерт. Я примусь за него, как только покончу с актом. Делаю шахматный ход и смотрю партитуру Щербачёва. Ради прогулки ходил к НЯМ. Он меня очень поздравлял с премией и говорил, что, конечно, у меня конкурентов не было: все играли как ученики, я - как законченный музыкант. А вообще у меня в игре только один недостаток, но может быть, непоправимый - жёсткий удар, не только в кантилене, но всюду.

По дороге обратно заходил в «Вечернее время», где выставляет партии Шахматное Собрание. Сегодня началась вторая половина турнира. В малом помещении «Вечернего времени» толпы шахматистов перед стенной доской. Ходы сообщаются по телефону. Алёхин имеет отличную партию против Ласкера. Я доволен.

Вечером Сергей Себряков поздравил меня с новым талантом - стихотворческим. Он находит моё четверостишие образцовым и безукоризненным. В одиннадцать часов, когда я уже подумал, не лечь ли спать, позвонил по телефону Оссовский и сказал, что он, Каратьпин и Черепнпн только что сразились с Зилоти - и моя «Симфоньетта» идёт в его концерте осенью, дирижирую я сам. Варвара Александровна предложила мне сейчас же приехать. Я застал у них, кроме жён названных лиц. несколько окончивших учениц и пианистку, известную больше красотою, чем пианизмом. После поздравлений с премией Зилоти подтвердил своё приглашение, а затем принялся ругать «хулиганскую» статью Мясковского. Но нет сомнения, что она тут сыграла важную роль. Я очень доволен.

28 апреля

В десять часов я пришёл в оркестровый класс. Начали с «Шествия» Щербачёва,

[28] Положение обязывает (фр).

Черепнин взялся его поучить, а я был свободен. Выйдя в учебную Консерваторию, встретил Струве и стал расспрашивать её о том, какую французскую надпись сделать для Кальвокоресси. Она очень серьёзно принялась за дело. Затем я, к чрезвычайному удивлению и удовольствию, увидел на программе романс Мясковского и остался послушать. Пела его моя бывшая Аида, друг Дранишникова, и пела очень хорошо. Романс имел успех.

В семь часов я проводил Мещерских (Талю и Веру Николаевну) в Берн. Весть о приглашении меня к Зилоти произвела форменную сенсацию. Таля и даже Вера Николаевна просили им писать. По отъезде Нина и Алексей Павлович звали меня завтракать к ним и ехать с ними на Острова, но я сердит на Нину за её нотации и отказался.

29 апреля

За Симфонию, в том виде как она сейчас, я боюсь - многое не будет звучать. Я её всю переделаю, не только оркестровку, но и музыку. Это моя ближайшая работа. Играл «Токкату». В половину второго пошёл к «Ратке» насчёт рояля, не примет ли он свой обратно с известной скидкой, но говорит, что ему и так ставить некуда. Советует публикацию в газете - за шестьсот рублей могут купить.

В Консерватории всё время подходили ко мне и поздравляли. Черепнин сказал, что с моим Концертом опять заминка, Глазунов против его исполнения на акте и будет обсуждение комиссии. Я сказал, что если не назначат Концерт, а «Тангейзер», то я играть не буду. Черепнин согласился. Кроме того, я звонил Калантаровой, прося Анну Николаевну заявить о том же.

Затем заходил к Андрееву, который стоял без пиджака и стягивал чемодан, уезжая в Лондон. Анна Григорьевна едет через месяц. Отдал для Кальвокоресси 2-ю Сонату и 1-й Концерт с надписью в такой редакции: «Mr Calvocoressi en signe de dévouement sincère. Serge Prokofieff»[29]. Анна Григорьевна опять настаивает на моей поездке в Лондон. Коль так, то надо за этот месяц позаниматься английским языком. Всё равно я его собираюсь учить с осени. Вечером я был в «Соколе». Там прочёл о моей премии, поздравляли и хотели качать. Гимнастику я делал с удовольствием.

30 апреля

Написал письмо Захарову. Играл 2-ю Сонату Глазунова с величайшим удовольствием. Я её выучил и буду играть. Как странно, я не особенно люблю его музыку, кроме того, сам автор мне строит всякие козни, а его Соната доставляет мне массу приятного. В два часа пришёл в Консерваторию, куда меня пригласил Черепнин. Просмотрели партитуру моего Концерта. Он дал несколько полезных советов. Вообще же партитура производит на него, по его словам, приятное впечатление. Видел Зеликмава, который, видимо, ещё не свыкся со своим поражением и держит себя нахмуренно.

В четыре часа я приехал в «Асторию», куда получил печатное приглашение: в одном из салонов отеля две ученицы Дункан демонстрировали свою элегантную пластику вместе с целым рядом маленьких девочек. Несколько откровенные, красивые греческие костюмы и пластические движения были очень милы. Публика - все приглашённые, много знакомых. Ко мне подошёл какой-то господин и окликнул меня по фамилии. Он рекомендовал себя от имени Музыкальной студии и стал спрашивать о моих намерениях поступить к ним. Учреждение это совсем

[29] Господину Кальвокоресси в знак моего искреннего уважения. Сергей Прокофьев, (фр).

новое, началось с прошлой осени, имеет цель уничтожить ту рутину, которая царствует везде, даже в Консерватории. Преподаёт молодёжь - Бихтер и прочие. Я сказал, что: 1) я не хотел бы себя связывать в смысле концертных поездок - он ответил, что, конечно, всегда можно будет на месяц уехать; 2) я не могу преподавать то, что в Консерватории называется низшим курсом - он ответил, что у меня будут только старшие курсы: 3) я буду занят только раз в неделю - он сказал, что это моё желание; 4) я не хотел бы иметь много учеников - он ответил, что их много и не будет. Условия - семьдесят пять рублей с ученика в год, это очень прилично, потому что старший преподаватель в Консерватории имеет восемьдесят рублей, но занят два раза в неделю. Тогда я ответил, что благодарю за честь и согласен. Каратыгин с Бесселем ещё не успели повидаться. Про «Симфоньетту» и Зилоти он рассказал так: у Оссовского был обед, на котором Зилоти возмущался статьёй Мясковского и, главное, тем, что тот цитирует «частное письмо». Каратыгин, сидевший рядом, сказал, что, может быть, частное письмо цитировать и не следует, но по существу он согласен с Мясковским, ибо Зилоти не прав, что не играет Прокофьева.

- Но это бездарность! В его музыке нет аромата! Вот я нашёл композитора (он назвал неизвестную фамилию) - музыка такая, что ничего не понять, но зато есть аромат, я чувствую, что это талант, а от музыки Прокофьева прямо воняет!

Оссовский, разливая вино, наклонившись через плечо Зилоти, говорит:

- Саша, я с тобой не согласен, Прокофьев очень талантливый и его следует играть.

А Черепнин. который сидел напротив и пил много вина, заявил:

- По-моему, теперь только три композитора двигают музыку вперёд, это Шёнберг, Стравинский и Прокофьев: и самый талантливый из них Прокофьев!

Эффектно. Зилоти озадачен. Он слабо возражает:

- Пусть так, но я сам должен буду аккомпанировать его Концерты, между тем как же это противно. Были бы у него симфонические вещи, пусть бы себе сам дирижировал, а в данном случае...

Черепнин:

- Ловлю тебя на слове: у него есть отличная «Симфоньетта», приглашай его дирижировать «Симфоньетту».

Зилоти был сбит со всех позиций и сдался. После этого пошли ко мне звонить.

Вечером я сидел дома, писал дневник, делал шахматные ходы. В Консерватории происходило заседание, где решалась программа акта и моего Концерта. По-моему, всё должно кончиться благополучно, а если Концерт не поставят в программу, то «Тангейзера» я играть не буду и моё отсутствие на акте произведёт скандал. Решено, с завтрашнего дня я учу английский язык, для чего приглашается Mlle Sanb, которая учила десять лет назад всех Раевских и которую мы знаем давно как близкого друга дома Раевских.

1 мая

Репетиция акта.

Цыбин репетирует «Магдал» Ясина, необычайно бессодержательная музыка. По словам Черепнина, это хорошо инструментованный музыкальный ноль. Я репетирую «Шествие» Щербачёва, которое звучит громко и уверенно, а после музыки Ясина и совсем содержательно. Мой Концерт идёт на акте без всяких препятствий. Черепнин объявляет, что всеми аккомпанементами он будет дирижировать сам, таким образом, я имею только «Шествие» Щербачёва, которое можно продирижировать ногой. Не много для ученика, окончившего дирижёрский класс, о чём я ему, во всяком случае, заявляю.

Крейслер летом будет жить с матерью или в Крыму, или в деревне, или во фиорде в Норвегии. Я ему советую ехать в Норвегию - от Лондона до Норвегии не так далеко, можно будет съездить друг к другу в гости.

После акта болтали со Струве и Дамской, в воскресенье едем в Шлиссельбург. Тимофеева спела на 5+ и назначена на акт.

В шесть часов пришла Mlle Sanb и я погрузился в английский язык. Я думаю, что выучу его скоро, раз взялся с охотой и вниманием. Сначала чувствую себя весьма нелепо, всё как-то произносится не так. Я думал итальянский было бы учить много легче. Во всяком случае, занимался я с большим интересом и удовольствием.

2 мая

Играл Сонату Глазунова. Обдумывал переделки «Симфоньетты», выходит совсем славно, а главное, с одной стороны — классично. а с другой - легкомысленно и весело.

В два часа с Черепниным и Дранишниковым разбирали Концерт: я играл. Дранишников аккомпанировал, а Черепнин дирижировал. Черепнин с таким увлечением проходит и так старательно, что я решил махнуть рукой на разговор о том, что он не имеет права отнимать на акте дирижирование у оканчивающего ученика дирижёрского класса. Всё равно - продирижировать как-нибудь скверно аккомпанемент не представляет для меня большого удовольствия.

В шесть часов английский язык - ничего! Несколько слов уже знаю и при случае начал ими форсить. Вечером был в «Соколе», по обыкновению, с удовольствием.

3 мая

Утром репетиция акта, но так как ни «Шествие» Щербачёва, ни мой Концерт не идут сегодня, то я предпочёл посидеть утром дома, подучить английский язык и подумать над «Симфоньеттой».

Около часа я зашёл в Консерваторию, репетицию кончили. Я попросил Черепнина[30] репетицию моего Концерта перенести с понедельника на вторник, потому что в понедельник партия Ласкер - Капабланка. я давно не был в Шахматном Собрании и хотел непременно пойти на эту решающую партию. Та барышня, которую я нотобенил[31] несколько дней назад, ходила сегодня по-королевски. Мне не совсем понравился её голос, а так она весьма интересна.

В пять часов английский. Кто-то звонил мне по телефону, анонимная барышня, которая очень мило интригует, а главное, меня поразило, что отлично знала все результаты шахматного турнира, а кроме того, говорила по-английски.

В восемь часов я поехал к Нине Мещерской, которая осталась совсем одна с немкой. Третьего дня она мне звонила и горько жаловалась на скуку, чем и тронула моё сердце. У Нины собрались: Олег, Серж Базавов и кузен Саша. Играли в открытый «винт». Нина по традиции сидела рядом со мной и как-бы играла. Спрашивала, приеду ли я в Кисловодск и буду ли я ей писать. Послали Вере Николаевне письмо - смеялся, что через три дня придёт телеграмма: «Момент разойтись!»

Звонил Дамской относительно Шлиссельбурга.

[30] Черепнин: «Сергей Сергеевич, знаете какой я старый? Мне сегодня сорок один год! Вам жалко меня?». «Нисколько. Николай Николаевич, вы так моложавы, что не вызываете никакой жалости». (Примечание автора).

[31] От Nota Bene, т.е. отметил.

4 мая

Без четверти десять я был на пристани у Летнего сада. Был жаркий день, праздничная толпа спешила на пароход и быстро заполнила его, а моих барышень всё не было. Без пяти десять явилась Струве, а Дамская едва поспела к самому отходу. Пароходик крошечный, палуба небольшая и вся заполнена пассажирами. Мы едва сыскали себе место. Солнце жгло и было душно. Мы порадовались, когда пароход отчалил и потянул свежий ветер. Потянулись набережные, потом фабрики и лишь через два часа мы увидели незастроенные берега. Ехать было очень приятно, а моими компаньонками я был доволен. До Шлиссельбурга четыре часа езды: половину дороги на юго-восток, половину на северо-восток. Первую половину пекло солнце, а во вторую подул ветер, который в конце концов прогнал нас с палубы, В два часа мы прибыли в Шлиссельбург, сделав путь незаметно и приятно. Осматривали канал Александра II, грелись на солнышке и, валяясь на траве, завтракали бутербродами. Чтобы пересечь канал, садились в лодку. Хотя Шлиссельбург и уездный город, но это скорее посёлок, интеллигенции - никакой. По случаю праздника - карусель и Петрушка. Это забавно. Я вспоминал Стравинского. Пили чай в какой-то ужасной гостинице, в шесть часов сели на пароход и поехали обратно. Становилось холодно и мы больше сидели внутри парохода, наблюдая разные забавные парочки и троечки. На обратном пути прошли через кишащую толпу Летнего сада и простились на углу Садовой и Инженерной.

Я зашёл к Мясковскому. Держановский устраивает мою «Маддалену» во всякие театры в Москве и пишет о том и Мясковскому, и мне. Я что-то не очень верю в осуществление всех его планов.

5 мая

Я решил не ходить на репетицию акта, а отправился в Шахматное Собрание посмотреть на решающую партию Ласкер - Капабланка. По обыкновению густая толпа народа. Теперь, после моего выступления с «Тангейзером» на рауте, меня многие знают, смотрят на меня. С одной стороны, это как-будто приятно, но с другой - стеснительно. Со всеми Maestro я знаком. Тарраш как-то осунулся: он проиграл подряд четыре партии и только вчера наконец сделал ничью. Сегодня он загнул рискованный вариант против Алёхина, но потом сам испугался и стал осторожно переводить фигуры, укрепляя свою позицию. Ласкер позволил себе опоздать на четверть часа. Я. к сожалению, прозевал, как они сели за доску; кажется, они en froid[32] и еле здороваются. Ласкер играл белыми и начал разменный вариант испанской партии, тот, каким он выиграл первую партию матча с Таррашем. Начало партии они сыграли молниеносно, затем Ласкер стал бесконечно думать. Капабланка же играл мило и легко и... вскоре попал в стеснённое положение. «А ведь это не совсем хорошо... » - неуверенно говорили вокруг. Ласкер начал заметно давить его. Теперь уже Капабланка уткнулся в доску, стал нервно дёргать себя за волосы и настойчиво изыскивать способы выпутаться. Между тем Алёхин воспользовался нерешительностью Тарраша и начал атаку. Все считали партию безнадёжной. Я ему сочувствовал. Перерыв в шесть часов. Капабланка будто придумал контратаку и остроумно полез вперёд. Одни восхищены. Другие говорят, что это только кажется, что хорошо, а вслед за тем последует гибель. Башкиров, очень любезный молодой человек, который на рауте всячески восхищался моей игрой и звал меня к себе на именины (я не поехал), теперь зовёт меня к себе обедать. Он меня сам повёз в своём автомобиле и к восьми часам

[32] В прохладных отношениях (фр).

привёз обратно в Собрание. С нами ездил ещё его кузен и Рубинштейн, между прочим - молчаливый, скромный человек, не вполне чисто говорящий по-русски. Башкиров живёт у чёрта на куличиках, на Калашниковской набережной, но в огромной квартире, у матери в ушах тяжёлые бриллианты, а, по-видимому, всем заправляет в доме старший брат, который вышел к посторонним людям и к обеду без галстука и в ночной рубашке, чем вызвал во мне чувство брезгливости. К восьми часам мы едва поспели в Собрание, где партии уже продолжались. Предсказавшие неудачу вылазке Капабланки оказались правы - из неё ничего не вышло. Конец партии доиграли очень быстро и Капабланка перевернул своего короля. Дикие аплодисменты приветствовали победителя доселе непобедимого Капабланки. Ласкер делал ручкой, а Капабланка с надменным лицом старался форсить и, задрав нос, прогулялся по Собранию. Всюду шли горячие обсуждения события. Капабланка проиграл!! «Так и надо наказать легкомысленного юношу, - говорил Зноско-Боровский. - С Ласкером шутки плохи». Вскоре сдался Тарраш, но это не произвело впечатления.

Башкиров тащил меня к себе, но я был страшно утомлён и поспешил домой.

Дамская рассказала, что сегодня в Консерватории было очень интересно. Черепнин, хотя обещал мне начать мой Концерт завтра, но сегодня Глазунов оказался больным и Черепнин два часа провёл, уча с оркестром мой Концерт, страшно старался, а в начале сказал оркестру целую речь, что это замечательное произведение. которое скоро будут исполнять повсюду и которое надо знать всякому музыканту, и если с первого раза что покажется странным, то при дальнейшем знакомстве оно станет понятно. Дамская говорит, что в оркестре тем не менее многие находят музыку безобразной. Теоретики же наоборот были очень довольны. Вообще было много публики, которая внимательно слушала Концерт.

6 мая

Ввиду того, что вчера так торжественно учили Концерт, я должен был сегодня утром подучить его, чтобы не играть скверно, тем более, что со дня конкурса я его совсем не трогал. В два часа пошёл на репетицию. Черепнин радостно сообщил, что он вчера уже «попробовал» Концерт, а сегодня начнёт прямо с него. В ожидании, пока соберётся оркестр, он сидел с тромбонами и разучивал с ними всякие медные выкрики из Концерта, которые оглашали всю Консерваторию. Слушающей публики было немного по случаю праздника. Репетиция происходила в Малом зале. Черепнин проиграл Концерт сначала без меня, вслед за тем со мной. Удалось сыграть без остановки. Черепнин увлёкся и гнал все темпы так, что я в некоторых пассажах не поспевал и должен был глотать целые четверти. Кое-где он не следовал за мной. Но я решил не останавливать его и не раздражать замечаниями, а сказать после, тем более, что репетиций предполагалось четыре и Черепнин обещал играть Концерт на каждой из них. Он очень старается, увлекается Концертом и считает его самым интересным номером акта. Оркестр, к удивлению, играет совсем не так плохо, нисколько не хуже, чем у Кусевицкого или в Павловске, а старания Черепнина и шесть репетиций обещают совсем хорошее исполнение на акте. Концерт имел успех у всяких теоретиков, которые слушали; некоторые говорили: «Ваш Концерт - одна прелесть!» Отыграв Концерт, я сейчас же уехал к Раевским поздравить дядю Сашу с рождением (звали вечером, но я предпочёл идти в «Сокол»). По дороге зашёл в «Вечернее время», где на стенной доске были выставлены партии Шахматного турнира: все ходы немедленно сообщаются из Собрания по телефону. Но что за притча? У Капабланки против Тарраша не хватает фигур. Гениальная жертва? Нет, положение явно плохое. Событие меня крайне взволновало и я от Раевских поспешил в Шахматное Собрание. Там публика была

расстроена: Капабланка зевнул Таррашу фигуру, путал, пытался спасти, но это мало помогало: партия явно стояла на проигрыш. Зноско-Боровский стоял, уткнувшись в стенную доску. Я подошёл к нему:

- Эх, Евгений Александрович, и стоило вам печатать книгу про такого игрока, который партию за партией проигрывает!

- Это что. - ответил Зноско, - я уже вторую написал!

- Печально видеть, когда развенчиваются кумиры, - говорили в Собрании.

- Нет, вы скажите, чем же он развенчан?! - яростно возражают им, - схватился не за ту ладью, так от этого он хуже играть стал что ли?!

Вечером я был в «Соколе».

7 мая

Учу «Токкату», вообще немного поиграл для Лондона, между прочим Сонату Ор.l, а то мне всё время кажется, что Романовский играл её лучше меня. Я хочу доказать, что я могу ещё лучше его. На репетиции Черепнин возился с Концертом Сен-Санса, который играла Голубовская, и, к удивлению, не особенно ладил с Голубовской. Очень мило играла ученица Лаврова Келлер. Вот уж не ожидал, что от Лаврова может быть что-нибудь хорошее! С моим Концертом сегодня были всякие остановки, потому что я сегодня не уступил темпов Черепнину и кое-где заставил его идти за мной. Концерт продолжает пользоваться успехом и между прочим сегодня его весьма хвалила Голубовская.

8 мая

Мой английский язык помалу подвигается, но помалу, потому что учить урок мне некогда. После акта буду свободен. Занимаюсь я с большим удовольствием! Сегодня на репетиции Черепнин решил пропустить мой Концерт, благо он идёт лучше остальных номеров. Говорят, дирекция решила с будущего года отменить стипендию, а потому многие в оркестре взволнованы и не хотят играть. Черепнин очень нервничал, со всеми ругался и только со мною мил. Очень недоволен Цыбиным, говорит, что, к сожалению, всё, что я говорил про Цыбина, верно и он не дирижёр, ибо одних рук мало, чтобы быть дирижёром. В восемь часов пришёл Вальтер, критик, скрипач и музыкальный писатель о «Кольце» Вагнера, дабы познакомиться с моим Концертом, о котором он собирается писать после акта. Очень приятно, и я играл и подробно объяснял Концерт. Вечером я намерен был сидеть дома и писать дневник, но меня с необычайной настойчивостью и потоком любезностей стал звать к себе Башкиров. Я поехал. Было довольно мило. Я играл «Тангейзера», в которого Башкиров влюблён, затем с его кузеном в шахматы. Сестра Башкирова с мужем держат пари на семьдесят франков, но партия благополучно кончилась вничью. Домой Башкиров обещал отвезти меня в своём автомобиле, но потом оказалось, что не в порядке шина, я вызвал такси и доехал в нём, считая, однако, что шина есть обман.

Мой турнир по переписке идёт солидно и прямо удачно для меня. Международный турнир приносит мне пользу. А вот рояль не продаётся, «Баллада» не издаётся, а денег у меня нет. это плохо!

9 мая

Утром играл Концерт, а то я его со времени экзамена совсем мало поиграл, а ведь с оркестром кое-что надо играть не совсем так. как со вторым роялем. Сегодня на репетиции народу было совсем мало по случаю праздника, но зато появился

Глазунов. Он уже давно собирался аккомпанировать Голубовской и Берлин, вероятно, ввиду протеста мне, но заболел. Теперь выздоровел и принимается за дело. Оркестр его встречает тушем. Я успел сыграть Концерт до его прихода - ничего, хорошо, если оркестр был бы не ученический, то это было бы лучшее исполнение моего Концерта.

Я сидел с Дамской и Струве. Дамская заметила, что она сегодня едет на открытие Сестрорецка. Я сказал, что если турнир окончится в шесть часов вечера, то я, может быть, тоже соберусь. Приятно было бы проветриться. Я обратился к Струве:

- Поедемте?
- Нет, - ответила она.

Без всяких мотивов и очень коротко. Через некоторое время тот же вопрос и тот же ответ. Я страшно разобиделся и рассердился на Струве (хотя, конечно, не показывал этого). Вообще Струве не оправдала ни моих надежд, ни моих желаний. Всё, что я думал о ней, глядя издали, оказалось не тем. Правда - она барышня не шаблонная, очень милая, но... кипучести и дерзости, которые я искал в ней. не оказалось, да и ко мне она совсем равнодушна. Итак, премьер-министр получает отставку.

Я поехал в Шахматное Собрание, где последний тур. Капабланка играл с Алёхиным, Ласкер с Маршаллом. Ласкер стоял на пол-очка впереди Капабланки. Когда я в пять часов пришёл на турнир, то партии были в полном разгаре. Капабланка с Алёхиным играл страшно быстро труднейшую партию и, по-видимому, выигрывал. Ласкер при моём приходе пожертвовал фигуру. Никто не мог понять - какую выподу он в том видит, но говорили: «Раз Ласкер пожертвовал, значит он выигрывает». Вот какая вера в солидность его игры. «Алёхин сдался». - пронеслось среди публики. Я сидел в соседней комнате со Зноско-Боровским, который изучил партию Ласкера и нашёл в конце концов, что у Маршалла защиты нет. Все столпились против стенной доски, следя за последними минутами шахматной эпопеи. Маршалл сорганизовывал контратаку. Ласкер тем временем штурмовал его позиции. Наконец Маршалл атаковал позицию короля Ласкера. но тот просто ушёл. У Маршалла не осталось защиты. Он перевернул своего короля и пожал руку Ласкера. Ласкер получил первый приз. Горячие аплодисменты всей толпы. И действительно - одержать победу в таком турнире и как: семь очков с призёрами из восьми - это действительно показать себя королём шахматной игры. Я аплодировал Ласкеру и пожимал руку ему и его жене. Капабланка стоял в стороне и с капризным видом беседовал с Сосницким. Я с Будариной вышел из Собрания. Сия барышня целый турнир провела в стенах Собрания, влезла в долги, но ходила. По дороге мы встретили Тарраша, который нёсся по направлению к Шахматному Собранию. Я остановил его и сообщил результат и характер партии. К удивлению, у меня хватило познаний немецкого языка, чтобы свободно объясниться, но заметил, что в немецкую речь стали затёсываться английские слова, выученные на днях и похожие на немецкие. Тарраш с обычной любезностью поблагодарил за приятные известия (благодаря проигрышу Маршалла он получает четвёртый, а не пятый приз) и мы расстаёмся.

Я было хотел позвонить Олегу и отправиться с ним в Сестрорецк, но предпочёл идти в «Сокол», а также написать заметку в шахматный отдел газеты «День», опрашивающей разных «знаменитостей» об их мнении о турнире, в том числе и меня. Я был крайне польщён возможностью опубликовать высказывания о моих милых маэстро, которых я знаю десять лет - не лично, но по таблицам их турниров, над которыми я ещё в Сонцовке просиживал целые вечера. Мне хотелось, чтобы моя заметка была бы интернациональна, и я по дороге в «Сокол» тщательно её обдумывал.

По возвращении домой написал и отправил в «День».

10 мая

Генеральная репетиция. Я решил пофорсить и одел, несмотря на дождливую погоду, светлый костюм. В прошлом году на генеральной репетиции акта я был в нём же и тоже шёл дождь. Сначала народу в зале было немного, но потом набились. Пришёл Глазунов и уселся с Соколовым. Николаев был очаровательно мил. Мы сидели с ним и слушали сочинения композиторов.

Симфония Цыбина также скромна и незначительна, как и сам автор. Ясенский удачно инструментовал необычайно бессодержательную музыку. Затем вышли мы с Черепниным играть Концерт. Я знал, что меня ждёт весь зал, и перед выходом меня охватывает вроде робость - не относительно того, чтобы играть, но относительно того, как выйти. Играл я ничего, а ансамбль был совсем хорош. Оркестр и зал аплодировали. Затем я дирижировал мой незначительный номер - «Шествие» Щербачёва. Оркестр относился ко мне мило и любезно. «Шествие», благодаря моим случайным знакам, было исполнено со многими фальшивыми нотами, но повторять было некогда - и так репетиция обещала затянуться до ночи.

Оказывается, Глазунов сказал Черепнину про Концерт: «И как всё это выходит!» Выходит специфическое музыкальное выражение, крайне лестное. Очень хорошо играла Тиля Ганзен. Я сказал ей. что делаю ей предложение: она выгодная невеста с приданым, я выгодный жених с роялем, оба мы лауреаты Консерватории - сам Бог велел. Она смеётся и мило болтает. Я под руку с Николаевым прогуливался по коридору и расспрашивал о впечатлениях от Концерта. Николаев хвалил. Появился Зеликман и даже обменялся несколькими любезными словами со мной. Вообще он со дня своей гибели почти не появлялся в Консерватории, а если приходил, то держал себя невозможно заносчиво. Но Бог с ним, я не хочу смеяться над ним, пианист он хороший. Итак, мир праху его.

Вечером я сидел дома и посылал билеты всем знакомым.

11 мая

Перед актом я всё-таки нервничал. Впрочем я не боялся за исход. Когда я пришёл в артистическую, там царило своеобразное ожидание: Черепнин волновался, потому что не было бас-кларнета и литавриста, Габель и Францис волновались, потому что не была готова программа. Цыбин уже дирижировал. Зал был набит нарядной публикой. Вскоре наступила и моя очередь, я волновался очень немного.

Мой выход был приветствован дружными аплодисментами. Я играл Концерт с удовольствием, хотя несколько раз начинал волноваться, впрочем не очень. Черепнин аккомпанировал хорошо. Концерт имел большой успех, я дважды выходил кланяться. Даже Глазунов и Арцыбушев были приличны и похлопали. Оркестр аплодировал.

Затем я продирижировал «Шествием» Щербачёва, которое было сыграно весьма плохо, даже Дранишников, игравший партию фортепиано, врал. Антракт. Артистическая наполнена народом. Хвалят: Боровский, Блуменфельд, много профессоров. Арцыбушев подходит и рекомендует (!), говорит несколько милостивых слов и справляется про 2-й Концерт (sic!). Я пытаюсь доказать , что моя музыка - классическая и благодарю его за внимание. Антракт кончается, артистическая и коридор пустеют. Я встречаю Мясковского, Саминского, Розенштейна - все хвалят. С последним словесная схватка, ибо он хвалит дирижёра Цыбина и ругает Черепнина. Миклашевская знакомит меня с пианисткой Михельсон - она хочет играть мой Концерт в марте в Лондоне под управлением Коутса, с которым она в самых дружеских отношениях. Я очень доволен - и Лондон, и Коутс - он мне нужен для Мариинского театра и для моих будущих опер. С

Тимофеевой, которая сегодня очень интересна и мило пела «Золотого петушках я слушал Голубовскую. Голубовская играла интересно, но её не всегда слышно. Акт обещает затянуться до бесконечности. А вечером мне играть с Капабланкой. Я отправился в пустое фойе Малого зала и, сняв фрак, полчаса дремал в уголке на диване. Я бы совсем ушёл, если бы не выдача дипломов. Но ожидание напрасно: Ольга Борисовна выкликает длинный список фамилий, среди которых меня нет - я ведь имею диплом и на второй не имею права. Таким образом мне не удаётся пофорсить перед публикой. Иду в Малый зал сниматься. Глазунов облепляется девицами и не думает приглашать меня на почётное место как лауреата, но я образую новый ряд впереди и сажусь с Тимофеевой и Цыбиным. Съёмки тянутся очень долго. Мне очень весело, хотя я и не доволен Глазуновым. После этого девы по очереди пристают к нему с просьбой карточки и со всякими прощаньями.

Габель сам говорит мне:

- А вот этому я дам! Вместе ведь работали!

Проходя мимо Глазунова, я кланяюсь и решительно говорю:

- До свидания, Александр Константинович.

К удивлению, он начинает мямлить мне какую-то любезность, которой я совсем не намерен был наслаждаться. Поэтому я быстро смял развивающееся вторично прощание и ушёл. Когда я подъехал к дому, то к ужасу увидел: без четверти восемь. А сеанс одновременной игры Капабланки в восемь. Я, как сумасшедший, скинул фрак, одел пиджак и, не пообедав, помчался на случайно подвернувшемся автомобиле в Собрание. Там Сабуров, оказывается, уже рассказал про акт и многие меня поздравляли. Ласкер спросил меня, с чем поздравляют. Я ответил по-немецки:

-Вот вы третьего дня взяли первый приз, а я первый приз получил сегодня, - объяснил, в чём дело.

Ласкер ответил, что в музыке он ценитель небольшой, но я такой милый молодой человек, что он искренне радуется моим успехам. Начался сеанс. Пришли смотреть Дранишников, Бориславский, Бударина - все толпой за моей спиной и даже волновались. Капабланка ходил с чрезвычайной быстротой. Много партий он начал королевским гамбитом и я боялся, чтобы и со мной он не разыграл этот дебют, но мне повезло. Партия была солидная, я уткнулся в доску, постарался не обращать внимания на окружающих и получилась приличная партия. Далее Капабланка немного насел на меня, но потом партия выправилась. Дранишников и Бориславский с напряжённым вниманием следили за игрой и иногда решались предлагать советы, впрочем плохие. После двухчасовой игры партия совсем выправилась и стояла на ничью. Но горе в том, что осталось всего пять-шесть игр, а потому Капабланка играл с такой скоростью, что совсем не было времен подумать. Он как-то прорвал цепь моих пешек и выиграл партию. Объявил результаты сеанса: +27 -1 =2, причём одна из ничьих - по любезности старику Сабурову. Последнюю партию кончил Башкиров. Он пришёл с опозданием, игра по консультации с Рубинштейном и Маршаллом и всё-таки продул. Я был несколько огорчён проигрышем - до сих пор я не проигрывал в сеансе одновременной игры - и для реванша записался в четверг. Уходя, я простился с Ласкером, который завтра уезжает. Ласкер был очень мил и звал меня к себе в гости, когда я буду Берлине. Я очень гордился этим приглашением. Моя заметка со сравнением с Моцартом и Бахом ещё не появилась, но кое-кто уже знает про неё и улыбается мне.

12 мая

Утром валялся и читал рецензии. Обещал пойти на экзамен Алперс и Гаука, но был урок английского и я не попал. Днём гулял по Невскому и Морской. Вечером

заехал на своём автомобиле Башкиров и повёз меня к себе. Он говорит, что сам он и Капабланка собираются ехать в Лондон и тоже через Швецию - шикарно, поедем все вместе.

У Башкирова меня опять заставили играть; потом я выиграл партию в шахматы у его знакомого, очень любезного князя из Симбирска.

13 мая

Опять рецензий целая куча и все хвалят, даже маленький листок захлёбывается. Днём я ходил на экзамен Ирецкой, вообще чувствовал себя героем, хотя впрочем ничего интересного на экзамене не было.

Я сидел с Дранишниковым. Аккомпанировала Голубовская, по обыкновению очень хорошо. Я налетел на неё по поводу неверного темпа в арии Кащея. Она чуть было не обиделась, но дело уладилось. Неаронова пищала, а Мореншильд пела очень хорошо.

Я отправился к Бесселю, к которому меня послал Каратыгин и с которым он уже говорил обо мне. Старик Бессель принял меня очень любезно, долго расхваливал свою фирму и сказал, что очень рад издать меня, но не сразу 2-й Концерт (я и не собираюсь), а сначала что-нибудь поменьше. Я предложил «Балладу», он охотно согласился, но больше пятидесяти рублей дать не хотел. Но это слишком мало и я, сказав, что подумаю, ушёл очень недовольный обстоятельствами, потому что деньги нужны, а никак их не получишь.

Вечером был в «Соколе», где меня поздравляли с блестящим актом. Звонила Дамская, так, вообще, а между прочим рассказала о том, как Струве высказалась обо мне. говоря, что я, по-видимому, сержусь на неё. Она дала мне характеристику - и Дамская подивилась, насколько она была наблюдательна. По словам Дамской, Струве находит у меня все недостатки, кроме одного: я не горжусь и не заношусь, а держу себя просто. Но в моих недостатках она винит не меня самого, а окружающих, которые меня балуют и портят.

14 мая

Асланов просит сообщить Мясковскому, что сегодня он ждёт его и меня к себе в Павловск для повторения в четвёртый раз 1-й Симфонии Мясковского, которая двадцатого идёт в Павловске и партитуру которой Мясковский ещё не дал Асланову. Отыскать НЯМ'а было нелегко, так как вчера всё семейство переехало на новую квартиру, куда - я не знал. Я час пробыл у телефона, звонил всюду, где могли знать о Мясковском, и с большим трудом отыскал его.

Вообще же днём подсочинил Скрипичный концерт и экспозиция первой части почти выяснилась. Я очень люблю его темы, Концерт обещает быть трогательным. В семь часов мы поехали с Колечкой в Павловск. Я с большим удовольствием взялся поиграть с ним в четыре руки. Симфония эта писалась одновременно с моей e-moll'ной и я питаю к ней давнюю привязанность.

В Павловске зелено и ароматно. Асланов живёт далеко от вокзала, но занимает отличную просторную дачу. Дама, исполняющая обязанности его жены, очень мила и интеллигентна. Собака, французский бульдог, тоже мне понравилась, хотя я терпеть не могу собак. Сам Аслашка по-прежнему самоуверен, любезен, хитёр и не очень умён.

Продемонстрировали мы с Колечкой очень обстоятельно всю Симфонию и в одиннадцать поехали обратно. Он говорит, что в Москве где-то Сараджев серьёзно хочет ставить «Маддалену». Колечка заговорил об инструментовке, предлагая свои услуги, но при совместной со мной работе.

15 мая

Занимался английским языком. Вечером отправился в Шахматное Собрание на второй сеанс Капабланки: Дранишников, Бориславский, Бударина опять явились смотреть на состязание. По четвёртому ходу Капабланка попал в некую ловушку, которую я вышлифовал в одной из партий по переписке: 1. d4, d5; 2. К f3, С f5: 3. С4, К с6 с угрозой К b4. Он стоял перед доской минуты две-три, морща лоб и теребя волосы. Я был в полном восторге, что задал задачу господину чемпиону. Действительно, он проиграл качество, но вывернулся и так насел на меня, что мне пришлось пускаться во всякие авантюры, чтобы спасать партию. Так длилось два часа. Партия начала упрощаться и становиться будто совсем недурной, но тут он цапнул ферзём ладью, защищенную королём, а когда я взял ферзя королём, то, конечно, сделал шах королю и королеве. «Ах ты чёрт!» - вырвалось и у меня, и у Дранишникова с Бориславским, принимающих горячее участие в партии.

- Ну отчего вы два хода назад не сделали ему шах, тогда ваш ферзь стоял бы на другом месте!

- Действительно жаль, подождите, мы переставим, он, может быть, забыл...

- Ну что вы, что вы, - испугался Дранишников.

Но я поставил и, когда Капабланка подошёл, сделал шах. Капабланка хотел ответить, но потом заметил, что я вновь поставил партию и засмеялся. А затем тут же показал, что и при этом шахе он выиграет почти тем же способом. На этот раз я был меньше огорчён проигрышем, чем в прошлый раз, но решил прийти завтра. Я уже мало надеялся спасти свою честь, но очень уж интересно было сыграть.

16 мая

Без четверти девять я был на вокзале и в девять с Колечкой поехал в Павловск. Andante, с которого начинается, звучало отлично, особенно середина. Финал не выходил, в первой части - не всё, и Асланов затянул темп непомерным ritardando. Я следил по клавиру. Симфония мне нравится, хотя, конечно, она выиграла, если бы было больше живости, порывистости, если бы ярче была инструментована. В час дня мы поехали обратно и я поспел на мой английский урок. Занятия этим языком идут немного медленнее, чем я полагал, ибо я совсем не успеваю учить уроков. Сегодня я не доспал, за уроком зевал как гимназист и днём отсыпался, а вечером опять в Шахматное Собрание играть с Капабланкой. Неизменный Дранишников на этот раз остался недоволен:

- Вы недостаточно серьёзно играли сегодня, - сказал он.

Но на самом деле я играл серьёзно. Началась партия как и вчера, но немного солидней - Капабланка не проиграл качества, но зато и не выиграл фигур. Он повёл атаку, весьма для меня стеснительную, которую я добросовестно отражал. Иные фигуры Капабланка выводил с шиком, ставя прямо под удар, но сохрани Бог взять их - проиграешь сразу. Направо от меня волновалась Бударина, а налево сидел безукоризненный джентльмен Яхонтов - beau-frère[33] Башкирова. После упорной двухчасовой игры я вдруг усмотрел великолепную комбинацию и заявил Яхонтову:

- Я выигрываю партию.

Тот встрепенулся, я ему показываю комбинацию, но для верности попросил Капабланку пройти ещё тур. Когда он подходил вторично, я уже волновался, потому что обдумал ловушку с матом в три хода. Я сделал ход, Капабланка хотел ответить,

[33] Муж сестры (фр).

но вдруг остановился, усмотрев ловушку, постоял, подумал и отдал мне фигуру - иначе он спастись от ловушки не мог. Итак, у меня лишняя фигура, теперь надо использовать её. Был такой момент, где я очень испугался - мне показалось, что Капабланка вывернулся, но вывернуться ему всё же не удалось и Капабланка быстро проиграл. Я торжествовал победу, меня поздравляли. Дранишников был в полном восторге и говорил: «Качать! Качать!» Башкиров звал к себе чай пить, я говорил, что поздно, но узнав, что поедет и Капабланка. я принял приглашение. Результат сегодняшнего сеанса был: 24: +20 -2 =2.

Мы сели в автомобиль и приехали на Калашниковскую набережную. Башкиров ввёз нас в самый гараж, похвастались таким образом, что у них ещё два автомобиля. Затем мы втроём пили чай. Я с интересом рассматривал Капабланку, мне было интересно, как он держит себя запросто. Но Капабланка, который лёг в восемь утра и встал в двенадцать, выглядел донельзя утомлённым и больше молчал, уткнувшись в свой стакан. Башкиров сыпал длинным потоком красноречия о русской истории, а мы слушали. Затем стал просить сыграть «Тангейзера». Я, конечно, не играл бы, но мне интересно было знать, как относится к тому Капабланка. Он слушал с видимым удовольствием, но обнаружил много непонимания, сказав, что эту вещь он где-то слышал, но не знает, что это. Мой Прелюд для арфы очень одобрил. Мы вместе вышли на улицу. Я сказал, что пойду пешком, он тоже. Обменялись двумя словами о рассвете, я решил молчать, раз и он молчал. Мы быстро шагали, причём я строго следил, чтобы идти в ногу. Минут через двадцать ходьбы Капабланка, наконец, заговорил и спросил, правда ли я еду через Швецию в Лондон и когда? Французский выговор у него не совсем чистый, но говорит он правильно. Я ответил ему подробно, но не спрашивал его, едет ли он. Далее мы весело обменялись замечаниями насчёт окружающего. Капабланку особенно забавляла ночная публика на Невском проспекте. Мы бойко дошагали ни более ни менее как до угла Садовой и Вознесенской, где распрощались - он в «Асторию». я на 1-ю Роту. Было три часа утра и совсем светло.

17 мая

Я долго спал и встал с больной головой. Урок английского и зубной доктор заняли мой день. Вечером я сидел дома и сочинял Симфонию. Голова болела, но проходила, когда я увлекался сочинением.

18 мая

Моя победа над Капабланкой произвела сенсацию, «сокол» Бориславский приезжал поздравлять н говорил, что «соколы» гордятся моей победой. Сегодня я сочинял Скрипичный концерт, гулял по Фонтанке, немного нервничал, а обедал у Анны Григорьевны, которая послезавтра уезжает в Киев - Париж - Лондон. Мы очень хорошо беседовали, она приедет в Лондон первого июня и позаботится о комнате для меня.

19 мая

Встал в восемь часов и с удовольствием поехал с Колей в Павловск. Я люблю встать рано и куда-нибудь прокатиться, а тут ещё симфония, которую я готов послушать с удовольствием. К нам присоединился ещё Саминский.

В Павловске, по обыкновению, благодать и жаркое солнце. Асланов высказал массу провинциализма в непомерном ritardando в первой части симфонии, за что я на него наскочил с упрёками, так как тихий НЯМ молчал. В конце концов Асланов

начал изводиться и просит меня пойти прогуляться. Как раз в это время появились сестры Дамские и я отправился с ними гулять. Они несколько дней как переселили на лето в Павловск. Я очень весело болтал с ними. Элеонора, кажется единственный человек, с которым я встречался постоянно всю зиму, постоянно говорю по телефону и всегда с интересом, ни разу не поссорившись.

Забавное открытие: у Дамской есть сходство с Максом: 1) в манере рассказывать о каком-нибудь пустяке с чрезвычайным увлечением и с убедительностью, которая заставляет считать этот пустяк действительно интересным; 2) в манере подчёркнутого шика, в частности, по швырянию денег. В Максе и то и другое выходило так увлекательно, что нравилось мне совсем бессознательно. В Элеоноре то же было выражено слабее и нравилось мне по воспоминаниям о Максе.

Погуляв до часу, я поехал в Петербург. Мясковский отправился раньше. Дома мне сообщили, что заходил господин Черепнин и просил непременно прийти в четыре часа в Консерваторию. Меня это весьма заинтересовало. За уроке английского языка я отчаянно зевал, так как рано встал и много был на воздухе, в четыре часа явился в Консерваторию. Оказывается, что Черепнин хочет проиграть Зилоти свою «Красную маску», которая в будущем году пойдёт у Зилоти. Но так как всего нельзя было сыграть, то он просил меня помочь. Я с удовольствием согласился, так как, кроме всего прочего, «Красная маска» мне очень понравилась, когда года два назад Черепнин играл мне по рукописи. Теперь он дал мне корректуру кое-что показал и просил просмотреть дома и тогда ему позвонить. Черепнин был страшно любезен и как будто стеснялся, что утруждает меня. В Консерватории тихо и пусто.

20 мая

Сегодня я отправился на экзамен Жеребцовой-Андреевой. Она просила внимательно послушать её учениц и потом сказать мнение. На экзамене собралось довольно много народа. Я сидел с Дамской, которая приехала из Павловска проветриться и на программе записывала свои впечатления, ставила отметки. Еще присутствовали: Неаронова, Алперс и «Тигресса», - так мы с Дамской прозвали одну крупную и сильную ученицу, с хищным взглядом и острыми зубами, красивой какой-то животной красотой.

В семь часов мама, Mlle Roblin и я поехали в Павловск. В Павловске много публики: Каль, окруженный своими друзьями-музыкантами: Саминский, Шапошников, Крыжановский и прочие. Мясковский обещал через Крыжановского устроить мою «Балладу» в издательство Циммермана, а то у меня в кармане ни гроша, а отдать за пятьдесят рублей Бесселю не хочется. Идём в зал. Я сижу отдельно от Мясковского, со своими. Симфония начинается очень хорошо. 4/6 на si бемоль звучит великолепно, но Allegro мне кажется скучным. Побочная партия восхитительна. Вообще же я боюсь, что Симфония покажется публике скучной. К тому же Асланов тянет её очень медленно. Много дефектов по вине инструментов. Вторая часть звучит отлично. Финал хуже, но довольно бойко и не скучно, хотя в всё выходит. К удивлению, Симфония имеет некоторый успех. Хлопают довольно дружно. Я страшно радуюсь. В артистической и около собирается вся компания музыкантов. Критику из «Речи», который писал про мой Концерт после акта, что он в четырёх неравномерных частях, я говорю:

- Ну, батенька, сели вы в калошу: мой Концерт в одной сонатной части, а не в четырёх.

Он слабо возражает, я разношу его неоспоримыми доводами. Мне становится жаль его и я прекращаю разговор. Мясковского окружают музыканты, дама подносит ему розы. Я сообщаю ему, что у меня особое мнение, которое я сообщу

ему после. НЯМ со всей компанией уезжает в Петербург, зовёт меня, но я иду с сёстрами Дамскими гулять по парку. Гуляли и весело болтали. В одиннадцать часов мы возвращаемся на вокзал. Я показал на Зайцева и говорю Элеоноре: «Вот это мой бывший враг...». Затем мы прощаемся и я иду в вагон, где встаю рядом с Зайцевым. Мы обменялись любезностями, затем он знакомит меня с длинным джентльменом иностранного склада, рекомендует его дирижёром из Нью-Йорка Шиндлером. Сидим все вместе и болтаем по-немецки. Шиндлер приехал в Россию в качестве туриста. В Нью-Йорке в чрезвычайной моде русская музыка и он заинтересовался, что за страна Россия. В Петербурге пробудет несколько дней. Я пригласил и его, и Зайцева к себе, думая, что одинокому путешественнику приятно провести вечер в семейном доме. Я хотел показать ему мои сочинения и познакомиться с его. Он охотно согласился и мы любезно расстались до завтра.

21 мая

Разговаривал по телефону с Анной Григорьевной. Она была очень довольна моим подробным разбором её экзамена. Звонил Башкиров, зовя вечером к нему играть, может быть, в шахматы, либо в азартные игры: будет и Капабланка. Но, во-первых, у меня нет денег, а во-вторых, сегодня у меня Зайцев и американец. (Я очень доволен, что у меня «настоящий американец» из Нью-Йорка). Они явились часов в десять. Шиндлер притащил толстую переплетённую тетрадь своих романсов, отлично напечатанных американским издательством.

Он играл их - очень грамотно, умно, толково, местами оригинально, но в большинстве случаев неоригинально. Вообще же мне понравились. Пили чай, угощал его русскими продуктами: сигом, рябиновой наливкой. Особенно ему понравилась последняя. Он бойко болтал по-французски и разговор носил оживлённый, непринуждённый характер. После чая я сыграл ему 1-й Концерт и 2-ю Сонату. Вторая Соната привела его в полный восторг. Он нашёл, что это «asiatische musik»[34] и что это восхитительно. Я ему подарил экземпляр Сонаты, а он мне - весь толстый том своих романсов. Уходя, он очень благодарил за русское гостеприимство и был тронут бутылкой наливки, которую ему подарила мама. Он отправляется в Крым, а через две недели рассчитывает быть в Лондоне, где проведёт месяц и где мы встретимся. Зайцев не нахвалится на 2-ю Сонату и считает её огромным шагом по сравнению с первой.

22 мая

Зубрёжка английского языка и игра на фортепиано заняли мой день. Написал Нине Мещерской открытку с джентльменом, к которому липнет полдюжины девиц. Я думаю, она разозлится и очень доволен. Вечером отправился к Колечке Мясковскому на его новую квартиру на Васильевском острове. У него очень славные две комнаты. Играли «Красную маску» и нашли, что ужасно мало материала. Я хотел, чтобы он написал в «Музыку» отзыв о сочинениях Шиндлера, но он, отдавая должное их грамотности, всё же нашёл их незначительными и сказал, что если напишет, то выругает. Играл с ним кусочек его 3-й Симфонии по делаемому клавиру. По-видимому, будет совсем хорошо. В 1-й Симфонии обратил внимание на целый ряд переделок, но он упрямо их отрицает. НЯМ обещает (полушутя) написать мне очень трудный фортепианный концерт. Я обещал его исполнить. С Крыжановским и Циммерманом клеется очень лениво, а мне нужны деньги.

[34] Азиатская музыка (нем).

23 мая

Написал Черепнину, что «Красная маска» готова к исполнению. Пошёл в магазин Юргенсона и, рассматривая его издания (петербургские), как-бы всколь заметил ему, что они отлично выполнены и что я с удовольствием готов издать у него что-нибудь моё, например «Балладу». Он с живостью затеял серьёзный разговор и просил дать подумать, так как я дал понять, что я отдаю её дёшево, двести рублей, но не желал бы получить только сто рублей. Мы простились на том, что через три дня я зайду. Это хорошо, чёрт с ним, что это издательство хуже. Я бросил открытку в Москву, прося вернуть «Балладу».

Дома мне позвонил вдруг Дидерихс и предложил дирижировать двумя концертами в Москве в Сокольниках двадцатого и двадцать второго июня. На эти концерты приглашался Черепнин, но он не мог и посоветовал обратиться ко мне. Я, во-первых, был очень польщён - как ни так это всё же солидно, кроме того, мне предлагают поставить в программу мои сочинения. Но... как же с Лондоном - надо было отказаться от поездки, торчать в Петербурге до пятнадцатого июня и неизвестно, куда деваться после двадцать второго. Кроме того, из моих сочинений мне, кроме «Снов», нечего было играть. Симфония не поспеет. Вознаграждение по сто рублей за концерт; это, конечно, не много, но при моём безденежьи это было не лишнее. Я поблагодарил Дидерихса за честь, мысленно поблагодарил Черепнина за любезность и просил дать до завтра подумать. Делая вечером «Соколе» гимнастику, я всё обдумывал, как быть - Лондон или Москва, и склонился в пользу Лондона. Конечно, в Москве продирижировать приятно, я поставил бы 1-ю Симфонию Мясковского (хотя не знаю, чем я наполню второй концерт), но в конце концов, раз меня приглашают один раз, то пригласят и второй, а между тем неизвестно, когда мне представятся столь благоприятные условия для составления знакомств в Лондоне, а дорожка в Лондоне будет пошире, чем в Москве!

24 мая

Утром, когда я занимался английским языком, кто-то позвонил по телефону. Я, очень недовольный, что прерывают урок, подошёл. Мужской голос сказал:

- Здравствуйте, Сергей Сергеевич.
- Кто говорит? - спрашиваю я.
- Неужели не узнаёте?
- Кто такой?
- Забыли?

Я рассердился и повесил трубку. Через минуту зазвонил опять. Пошла мама. Потребовали меня. Я сказал, что занимаюсь английским. Незнакомец сказался «Захаром из Вены» и повесил трубку. Я сначала рассердился, а потом обрадовался и по окончании урока позвонил ему. Мы побеседовали очень весело, приятно и большой непринуждённостью. Он поздравил меня с премией, сказал, что очень хочет посмотреть на меня. Сегодня он в два часа забежит в Консерваторию, советовал ему забежать в пять, потому что в это время я приду туда для исполнения «Красной маски». Вечером он уедет в Териоки, а в понедельник вернётся и позвонит мне. Он собирается учить Концерт Черепнина, чтобы сыграть его в Москве, просил прозондировать почву у Черепнина. В июле он играет в Павловске. В России остаётся до октября-ноября, а затем едет в Берлин, в Лейпциге, кажется, концерт. Итак, мы пока распрощались. Потом Консерватория, куда Захаров не попал. Зато с Черепниным мы проиграли «Красную маску» и побеседовали о московском приглашении. Я сказал, что отказался от него. Черепнин ответил, что, конечно, очень интересно сейчас же со скамьи и на концертную эстраду, но в Лондон тоже

полезно. Дидерихс обещал переговорить, нельзя ли мне выступить во второй половине лета. Затем явился Зилоти и Черепнин с моим подыгрыванием исполнил «Красную маску». В авторском исполнении выходит очень эффектно. Со мной Зилоти говорил о том, что желательно поскорее получить мою рукопись для переписки партитуры, а когда состоится концерт - неизвестно, распределение будет зависеть во многом от иностранных гастролёров. Меня Черепнин очень благодарил за помощь, просил помнить, что у меня всегда есть друг, готовый мне всюду помочь. «Вот вы мне посвятили Скерцо для 4-х фаготов, а я вам в отместку посвящаю пьесу для одного фагота». Мы, смеясь, расстались.

Вечером я сидел дома, писал дневник, кое-что повторял на рояле для Лондона.

25 мая

Со времени охлаждения отношений с Рузскими-девицами я почти перестал бывать в этом семействе. Перед конкурсом и перед актом я звонил Николаю Павловичу; он был любезен, обещал непременно прийти после, но оба раза что-нибудь мешало. Звал меня к себе, я обещал, но, предвидя сухие физиономии «Иродиады» и Татьяны, не особенно стремился. Сегодня утром я позвонил Николаю Павловичу, он позвал меня завтракать. Я живо собрался и поехал. Но девы оказались почти совсем любезными, родители страшно милы, а после завтрака, когда весь женский персонал уехал, Николай Павлович приказал подать шампанское и стали тянуть одну бутылку за другой. Первый бокал за мою премию. В шесть часов я удрал. На улице была чудесная погода, много нарядных людей, на Каменноостровском солнечно и зелено. В голове у меня шум, я терпеть не могу этого; мне нравится шампанское как напиток, но опьянение не доставляет никакого удовольствия. Я пошёл пешком выветрить часть хмеля из головы. Дома никого не было, я завалился и проспал два часа. Затем делал шахматный ход, писал дневник, играл на рояле.

26 мая

Очень здорово спал. После завтрака загнул Mlle Roblin семь матов подряд. Догонял дневник, читал о Швеции, Дании и Ганновере. Вечером играл в «винт». Звонил Захарову, но он ещё не вернулся из Териок.

27 мая

Захаров вернулся и звонил. Опять очень милый разговор; он предлагает повидаться сегодня у Шредера, а я ответил, что до сих пор не мог собраться выбрать себе рояль и мне стыдно к Шредеру показываться. Я предлагаю завтра отправиться к Мясковскому, на чём и порешили. Есипова в Луге. Говорят, ей очень плохо. Может быть, мы вместе поедем навестить её. Один бы я не отправился - очень уж скучно трястись четыре часа в поезде туда и четыре обратно, а вдвоём с Захаровым с удовольствием.

Приняв урок английского, я отправился к Юргенсону за ответом о «Балладе». Я не знал, что скажет Юргенсон, я думал, что он будет морщиться на тему о гонораре, но он без всяких согласился на сто пятьдесят рублей и только просил в течение зимы уступить ему опус из фортепианных пьес или романсов, как компенсацию за неособенно выгодную виолончельную пьесу. Я очень обрадовался, коогда получил сто пятьдесят рублей. Ура, я снова богат, а то очень уж мне надоело иметь сорок две копейки в кармане.

Итак, вполне довольный, я отправился по Невскому, зашёл в бюро «Северного

пути», навёл всякие справки о моём маршруте, купил себе преинтересный указатель расписания поездов всей Европы, гид по главным городам Европы, подал в градоначальстве прошение о заграничном паспорте и вернулся домой. Дома эффект, когда я из бумажника вытащил толстую пачку денег. Колечка, которому я звонил о завтрашнем визите с Захаровым, чрезвычайно доволен за «Балладу» и поздравил с хорошим гонораром. Дома я сидел и изучал путеводитель. Звонила из Павловска Элеонора и звала приехать в Павловск. Я очень непрочь, если поспею до отъезда. Сегодня я в «Соколе», завтра у НЯМ'а. Как только удастся, пойду к Мещерским. Я их очень люблю. Нина ещё гостит и вернётся в конце недели.

1 июня

Я люблю, когда поезд уходит рано утром: как-то бодро себя чувствуешь при утреннем отъезде. Сегодня я велел разбудить себя в семь, да и сам проснулся к этому времени, но это вышло рано: чемоданы были уложены (их всё-таки вышло два) и делать было нечего. Отправлялся я в путь с полным удовольствием и без былых сомнений. Жаль было только, что мама оставалась на две недели одна в Петербурге. Швейцар долго кричал извозчика (в эту поездку мне надо беречь деньги
и таксомотор нельзя). Наконец извозчик явился и я поехал. В руках чуточный саквуаяжечек, два же жёлтых чемодана предназначались в багаж. У Пяти углов удовольствие: новый нотный магазин и в нём моя Соната. Приехал я, против моего правила, задолго до поезда, но и хорошо: день воскресный, толкотня безобразная и я еле сдал мои чемоданы. До Стокгольма, потому что после того, как сбил меня Б.Захаров, я всё ещё не знал, как я поеду из Стокгольма: его путём или моим. Поезд уже стоял. Я разыскал вагон, место, положил чемодашку и вышел на платформу. Mlle Roblin, которая спала, когда я уезжал из дому, уже успела примчаться на вокзал и теперь трогательно меня провожала. Далее явление: лауреата Ганзен и «сестры знаменитой Ганзен», обе с ног до головы ослепительно белые, а с ними Жорж Захаров - везёт их в гости в Териоки. Они покосились на Mlle Roblin, а когда я после отхода поезда подсел к ним в их третий класс (!), то не утерпели спросить, как я простился с моей барышней? Я довольно неожиданно для них ответил вопросом:

- А правда хорошенькая?

Дорога до Териок прошла незаметно, потому что мы оживлённо тараторили, причём сёстры выказывали милое внимание. Рассыпались восторженными комплиментами по поводу музыкального письма Борису, которое теперь, по-видимому, успешно демонстрируется. «Даже Зорюсе очень понравилось». Гм, она там весьма недвусмысленно высмеивается. Приехали в Териоки. Ганзята думали, что их встретит Борис, я тоже полагал, что он догадается прийти со мной попрощаться, но он либо заартачился, либо прозевал - жаль, но, во всяком случае, это неважно. Я отправился завтракать в ресторан. Публика уже интернациональная: и шведы, и немцы, и финляндцы. Накормили до отвалу и я вернулся в купе. Перед Выборгом прилип к левому окну и видел кладбище с могилой Макса. Т.е. совершенно отчётливо его креста я не рассмотрел, но группу крестов, среди которых был его, я видел ясно. И опять солнце, зелень, оживление как-то успокаивали от участи моего друга. Но поезд дымил и быстро бежал вперёд.

Становилось жарко и душно. Копоть досаждала. В купе было по-заграничному – шесть человек, да ещё ребёнок, Божье наказание. Но поезд шёл, время тоже, жара падала. Копоть тоже куда-то исчезла и стало вовсе славно, когда мы стали приближаться к Або. Если кто-нибудь попытался доказать, что Або находится в России, то его нетрудно было сбить с позиции: народ, дома, вывески - всё было чужое. Поезд на минутку приостановился у вокзала и сейчас же повёз нас на

пристань, остановившись против белого парохода, уже набитого публикой. От парохода нас отделял небольшой сарайчик, который надлежало пройти, прежде чем попасть на пароход. В сарайчике стояли два полисмена в касках, которые отобрали паспорта, пообещав их вернуть во время пути на пароходе. В наивной надежде достать каюту получше, я поспешил на пароход и тут сразу почувствовал, что я попал в иностранию: пароход был шведский и я не мог объясниться ни на каком языке. У лестницы, ведшей внутрь парохода к каютам, я увидел шведку с большим листом бумаги, а вокруг неё толпу пассажиров. Она, по-видимому, заведовала каютами. Тут я вспомнил, что в Северном Бюро мне предлагали удержать место на пароходе, и храбро сунулся к шведке, заявив: «bestellung»[35] и назвав свою фамилию. Действительно, место мне было записано и я получил отличную каюту. Каюта была двухместная, но в ней не было верхних полок, как в черноморских пароходах или в вагонах, а обе койки были нижние. Я поспешил на палубу и принялся писать маме открытку, но успел написать один адрес. Машина загудела, пассажиры замахали платками, ехавшая экскурсия сельских учительниц запела псалом и мы медленно двинулись вперёд. Я надел пальто и устроился спереди на верхней палубе. Пароход заскользил по гладкой как зеркало воде, выходя из бухты. Но за этой бухтой последовала вторая, потом какие-то острова, заливы, и так без конца. Тут только я понял, что значит заметка в путеводителях: «Только полтора часа в открытом море». Весь наш путь лежал среди таких островков и лишь ночью на полтора часа мы от них освободимся. Островки были то маленькие, то средние, каменистые, в большинстве случаев покрытые хвойными деревьями. Разбросанные в полном беспорядке, они очень занимали глаз. Я чувствовал себя великолепно и был страшно доволен путешествием.

Становилось холодно, публика с палубы куда-то разбежалась. Я спустился вниз и увидел, что ужинают. Шведский обычай: посередине стоит стол с массой закусок, иногда простых, но в большом количестве. Все подходят, берут себе и угощаются, а потом уже следует ужин из одного или двух блюд. Я этого не знал и, придя, когда уже все сидели на своих местах, не знал, что надо делать и чувствовал себя неловко. Но в конце концов я всё-таки поужинал. Вышел на палубу - было холодно и ветрено. Я вспомнил, что в Стокгольме мы будем рано и что перед ним будет интересно - и пошёл спать.

2 июня

Я проспал на целый час дольше, чем предполагал, но это оказалось как раз кстати, потому что часы надо было перевести на час назад - мы ехали на запад и теперь уже жили по среднеевропейскому времени. Я вышел на палубу. Было весьма прохладно и. к сожалению, не солнечно. Мы шли шхерами, приятными на взгляд, но про красоту положения Стокгольма столько болтали, что глаз становился требовательным. Въезд в Стокгольм не произвёл на меня никакого впечатления - может, из-за погоды. Пароход пристал к берегу, я долго ждал, пока выволокут мои чемоданы. В таможне (такой же сарай, как в Або) налепили пропускные тикетки, которые тут же у выхода содрали обратно. Я, не зная языка и обременённый чемоданами, окликнул представителя первого попавшегося отеля, тот взвалил чемоданы в автомобиль, что-то сказал шофёру и я быстро поехал через город, действительно очень красивый. Мы остановились против отеля средней эффектности, я вошёл внутрь и храбро заговорил по-немецки. Меня отлично поняли, дали комнату и заплатили таксомотору, между прочим, забыв мне поставить это в счёт (я вспомнил уже уехав из города). Оставив вещи, я отправился в город.

[35] Зарезервировано (нем).

Первым делом в Reisebüro[36], где мне наменяли шведских денег (весьма невзрачных, вроде финских), подарили маленький план города и где я не без труда узнал про пароход в Англию и заказал билет на всё последующее путешествие.

Затем я пошёл по улицам, с интересом оглядываясь по сторонам, дабы рассмотреть Швецию и шведов. Мы привыкли к немцам, французам, англичанам, но про шведов у нас знают как-то мало, а потому тем более было интересно на них поглядеть. Они производили приятное впечатление. Мужчины были рослые, женщины хотя не особенно красивые, но в большинстве случаев отлично сложённые. Я спустился в маленький ресторанчик под мостом около дворца и натолкнулся на бритого русского субъекта вроде актёра, который тоже путешествовал и с которым я познакомился на пароходе. Теперь он был уже не один, а ещё с двумя русскими. Народ был молодой, простоватый, весьма бесшабашный, но весёлый и полный желания как можно больше увидеть и обойти. Я присоединился к ним и мы отправились по извивающимся набережным. Линия этих набережных очень хитрая, ибо Стокгольм разбросан на полуостровах и островах, соединённых несколькими, хотя и немногочисленными, мостами. Дома на набережных местами великолепны. Вообще под лучами появившегося солнца Стокгольм выглядел шикарно. Мы пришли в Северный музей, внушительное здание с красивыми бульварами у подножья. Но содержание музея не очень привлекло меня. Все эти убогие комнатки, утварь, деревянные вещицы северных народов, собранные в необычайном количестве, нагоняют тоску однообразием, бедностью и некрасивостью. Интересней всего большая зала налево от входа. Здесь остатки прежнего шведского величия: рыцарские кольчуги, разные трофеи. Я думал о тех диких временах, когда один рыцарь, закованный с ног до головы, хватал мечом по кольчуге другого и та раскалывалась под тяжестью здоровенного удара. Произвели на меня впечатление простреленные и залитые кровью рубашки Густава-Адольфа. Я плохо помню историю, но трагическая смерть близорукого короля осталась у меня в памяти. Музей я осматривал без моих компаньонов. Выйдя из музея, я вновь присоединился к ним и они потащили меня в Сканцен. Что это было, никто в точности не знал, но они утверждали, что очень интересно, и мы пошли. Оказалось, что это большой гористый сад с разбросанными в нём историческими древностями и убогостями. Было скучно, длинно и неинтересно. Солнце теперь жарило беспощадно. Двое из наших компаньонов решили идти купаться, а я с третьим переплыл залив и пошёл осматривать дворец. Внутренность, как у всех дворцов: длинный ряд покоев различных стилей с картинами, расписными потолками и вазами в углах. Для бегло осматривающего туриста гораздо интересней наружный вид дворца, красивого мрачной северной красотой.

Было полчетвёртого дня. Я так устал, что едва добрёл до гостиницы и повалился спать. А когда проснулся, то едва раскачался. Затем меня ждали разочарования: я пришёл в гостиницу, где тоже отсыпались мои компаньоны, но опоздал на полчаса против назначенного времени и они уже ушли. Затем я потерял карту города. Наконец, в Reisebüro мне приготовили билет, но он оказался очень дорогой: сто тридцать пять крон, т.е. семьдесят пять рублей до Нью-Кастля. У мамы биржа плохая, денег мне дано не так много, а потому, если я здесь разбросаю, то мне мало останется на Лондон.

Помирившись со всеми несчастьями, я поднялся на Катарина-Хиссен, местную Эйфелеву башню в миниатюре, и оттуда с чрезвычайным удовольствием обозревал город. С приятностью прокатился в открытом

[36] Бюро путешествий (нем).

в кафе, чтобы поглядеть на стокгольмцев, которые, как говорят, все с семьями высыпают по вечерам в кафе и сады. Впечатление то же, что и утром: мужчины рослые и сильные, женщины красиво сложены, часто свежи и недурны лицом, но красивых не видел.

3 июня

В половину десятого я с моими чемоданами поехал на пристань для следования на пароходе по Готскому каналу до Трольхеттенского водопада, т.е. почти через всю Швецию. Эта поездка меня привлекала. Мне было интересно посмотреть на Швецию; интересен был сам процесс езды по каналу, шлюзам, озёрам; наконец приятно было в течение двух суток отдыхать, так сказать, на лоне природы, по которой я соскучился, да и чувствовал я себя всё же утомлённым и после экзаменов, и после Петербурга, и после осмотра Стокгольма.

Пароход был небольшой и тесный, но по мере возможности комфортабельный. Большой не поместился бы в шлюз. Зато он был довольно высок и имел несколько этажей, так как плавание по каналу исключало качку, а с ней и заботу об устойчивости судна. Пароход имел две палубы, салон и довольно много кают, двухместных, немного маленьких, но вполне переносимых. Мы отчалили, провожающие долго махали платками и по-шведски одною кистью, держа остальную часть руки горизонтально, пока мы не скрылись за поворотом. Оказывается, нам предстояло до вечера идти шхерами и только под вечер мы вступали в канал и углублялись внутрь страны. Это представлялось немного скучным, потому что шхеры я уже видел и у Або, и у Стокгольма - и они начинали надоедать. В них было ветрено, а солнце, так беспощадно жарившее во время вчерашнего осмотра Стокгольма, сегодня спряталось на весь день. Было серовато, и, главное, холодно.

Публика на пароходе была не очень шикарная, весьма разнообразных национальностей. Шведского и английского языка было больше всего, хотя иногда можно было слышать и немецкую речь. Моим каютным соседом оказался очень любезный господин немецкого происхождения, говоривший комплименты по адресу России и оказавшийся приятным собеседником на всю дорогу. Интересных женских лиц не было. Разве молоденькая шведская девчонка лет пятнадцати, собственно, некрасивая, но с такой бездной кокетства, вертлявости и ломания, что, казалось, у неё не было ни одного естественного жеста. Смотреть на неё было занимательно. Она не говорила ни на одном языке, кроме шведского, и ехала с сердитого вида родителями.

Днём я крепко спал. После спанья мёрз на палубе, Реомюр показывал 8°. Мы пересекли небольшой кусочек «совсем» моря, где пароход покачивался и кое-кто болел (не я, это мне важно - я боялся поболеть между Норвегией и Англией), а под вечер вступили в канал. Ветер стих, природа стала красивой, было хорошо. Канал узенький, двум пароходам не разъехаться, вокруг красивый, мирный, безмятежный зелёный ландшафт. Пароход медленно скользил по совершенно неподвижной воде канала. Курьёзная, какая-то взъерошенная волна встревоженной винтом воды, сердито журча, бежала за пароходом. Мы вступили в первый шлюз. За нами закрылись толстые ворота. Другие такие же ворота преграждали нам путь спереди. Пароход привязали канатами к тумбам, чтобы он не шевелился, и в нижней части передних ворот открыли дыру, через которую хлынула вода и закипела вокруг парохода. Мы незаметно поднялись до уровня воды следующего канала; затем впереди нас растворились ворота и мы поплыли дальше.

Я отправился спать, потому что немецкая брошюра гласила, что завтра рано утром будет интересно.

4 июня

Мой сосед, очень милый господин, но встал в пять часов, долго одевался и не давал мне спать, пока наконец не ушёл. Я вздремнул ещё часок, но проспал до половины девятого и когда вышел, то целая лестница шлюзов была уже пройдена; мой сосед объявил, что было очень славно и пока пароход проходил шлюзы, можно было гулять по прелестному шведскому grün'y[37]. Очень досадно. Солнце сегодня светило ярко, обещая погоду на весь день - это утешало. Я спустился в столовую пить кофе. Там была только одна молодая особа, американка, судя по виду. Все прочие уже отпили. Мне подали кофе рядом с ней. Я поклонился, сел и уткнулся в мою чашку. Тогда она заговорила первая по-английски. Я ответил, что ничего не понимаю. Она - по-французски, и мы довольно мило проговорили минут десять. Я вышел наверх. Пароход медленно плыл по каналу среди живописного ландшафта, дышащего спокойствием благосостояния и благоустройства. Случалось, канал шёл выше уровня земли, причём с обеих сторон нас держали плотины. Днём мы пришли в Моталу, город при соединении канала с озером Vattern. Пароход стоял час, а пассажиры гуляли. Недалеко, у канала, стоит памятник над могилой строителя канала. Я с почтением осмотрел его. В компании утренней барышни, оказавшейся не американкой, а немкой («суфражисткой» по словам моего соседа, потому что она ездила в Стокгольм на съезд женского равноправия), я осматривал сонный провинциальный городок. Едва ли кто- либо из обитателей переступал порог своих палисадников и огородов - так всё было тихо, уютно и сонно. И вероятно, они с чувством удивления и соболезнования смотрели на странных людей, которых зачем- то носит по всему земному шару, которые всё осматривают, всюду лезут и имя которым «турист».

Мы очень славно пробежались после тридцатишестичасового сидения на пароходе, вернулись «домой» и поплыли дальше. Пароход пересекал большое озеро, красивые ландшафты исчезли и я отправился всхрапнуть. Когда я снова очутился на палубе, то дело шло к закату. Пароход скользил по каналу, который сменялся маленькими озёрами, какими-то водяными разливами, неглубокими, потому что путь пароходу был отмечен вехами. Затем следовал опять канал с деревьями, склонившимися в его неподвижные воды, пара шлюзов ради развлечения и снова разлив с вехами. Всё это, озарённое и позолоченное косыми лучам заходящего солнца. Воздух был тих и тёпл. Я нашёл себе восхитительное место на самом носу парохода и, закрытый от остального парохода деревянной будкой, сидел на куче верёвок, мечтал и наслаждался путешествием.

Мы прошли самую высокую часть канала. После ужина начались опускающие шлюзы. Сразу серия из восьми штук, чтобы пройти их пароходу требовалось больше часу. Я предложил юной суфражистке пойти гулять. Она охотно согласилась и мы, оживлённо болтая по-немецки, сделали хорошую прогулку. На последнем шлюзе мы вернулись на пароход. Он выглядел красиво, когда стоял в шлюзах - такой белый и высокий. На палубе было тихо, пассажиры спали. Несколько человек дышали воздухом, лёжа в chaise-longue'ax. Улыбались, глядя на возвращающуюся парочку. Улыбались, конечно, зря. Я отправился спать. Мой сосед уже сладко посапывал.

5 июня

Проснувшись утром и выглянув в иллюминатор, я констатировал, что мы идём по озеру, берегов которого почти не было видно. Я знал, что оно длинное, ничего

[37] Зелень, газон (нем).

интересного нет, а потому не спешил с вставанием. Когда я вышел на палубу, мы снова входили в канал, а около полудня пристали к Трольхеттену, городу при большом водопаде и месту моей пересадки с парохода в поезд для следования в Христианию. Пароход в Трольхеттене одолевал вереницу шлюзов и все пассажиры хлынули осматривать водопад. Я с моим соседом одними из первых уселись в экипаж и покатили к водопаду, который находился совсем близко. Водопад красив и стремителен, хотя поменьше Рейнского. Мы сначала сбежали по камням вниз и поглядели оттуда, я, стараясь поддаться впечатлению несущейся массы. Потом смотрели с высоко над ним перекинутого моста. Сильное зрелище. Затем мой компаньон уехал, боясь опоздать на пароход, а я пошёл вдоль берега, ибо ниспадание воды продолжалось на большом расстоянии. Вода то бурливо хлестала через камни, то гибко извивалась вокруг впадины на дне. Пассажиры живописно разбрелись по камням, окружающим водопад. Я вскоре догнал мою суфражистку, которая, к удивлению, шла обнявшись со шведской ломакой-барышней. Когда я присоединился к ним, то последняя была очень не прочь поболтать со мной, но увы, кроме шведского, она не знала иных языков. Я пожалел. Мы дошли до нижнего шлюза, куда должен был спуститься и пароход. В ожидании гуляли по полю и лежали под деревом. Я даже позволил себе пощекотать шею ломаки-барышни длинной соломинкой, в ответ на что она капризно поводила головой, а суфражистка строго сказала мне:

- Nicht ergern[3].

Подошёл пароход и я простился с нею очень мило и любезно. Я хотел было попрощаться и со шведкой, но та, заметив моё движение, сказала, что у неё руки грязные и руки мне не подала. Я сначала был немного шокирован, но потом узнал, что заграницей вообще не всегда прощаются за руку, тем более с молодыми людьми почти незнакомыми.

До моего поезда оставалось полтора часа и я медленно пошёл вверх по берегу. Тишина леса сочеталась с мятежностью водопада. Камни и сосны напоминали Финляндию. Я думал о Максе. Мне хотелось посвятить его памяти симфонию, которую я задумываю. Я сидел на камне и смотрел на несущуюся воду.

Однако надо было искать вокзал. Чемоданы уже были там. Всё ещё под впечатлением моих мыслей о Максе, под нестирающимся, а порой особенно ярко вспыхивающим обаянием его личности, я пошёл к вокзалу, нашёл чемоданы, поел и сел в подкативший поезд на Христианию.

Было три часа, солнце жгло, я находился и растянулся на диване. Вагоны здесь восхитительные, лучше всех других стран: широко, просторно, удобно. Конечно, стало хуже, когда насело шесть человек в купе. Но ничего не поделаешь - во втором классе всюду так. Я пошёл в вагон-ресторан пить пиво, но тут правило - не давать алкоголь. И даже пиво дают только к еде. Нечего делать, спросил к пиву бутерброд; пиво выпил, а бутерброд оставил мухам (впрочем, их было не более двух на весь поезд).

Наконец солнце спустилось, стало прохладнее и приятнее. Мы переехали норвежскую границу и вступили на родину Грига. Какие-то таможенные чиновники сунули нос в мой саквуаяжик и отправились дальше. Я вышел на площадку и пробыл на ней почти весь остальной путь, несколько часов. Норвегия радовала глаз. Зелёная, свежая, то гористая, то ровная, то лесистая, то полевая - она была мила и интересна. Я очень радовался, что я в Норвегии, в стране чуждой, но привлекательной. Я вспоминал Пер-Гюнта и жалел, что мало читал Гамсуна, Ибсена и прочих северных писателей. Иногда попадались каменистые горы, иногда мы ныряли в туннели, один раз пересекли у большого города восхитительный

[38] Не нравится (нем).

водопад. С наступлением вечера стало совсем холодно. Я сначала натянул пальто, а потом пришлось совсем уйти в вагон. По левой руке показался большой залив на котором стоит Христиания. Мы долго его огибали и наконец выехали под сень большого вокзала. С моим чемоданчиком в руке вышел я на улицу, предварительно
прочтя в моём всеевропейском путеводителе, что «главная улица Карлиохансгаде, на которой находится и большинство отелей, начинается от самого вокзала». Однако никакой главной улицы от вокзала, по-видимому, не начиналось. Я взял налево к какому-то бульвару, но и тут ничего хорошего не предвиделось. Я вернулся
к вокзалу и прочел название небольшой улицы, шедшей прямо от него. С трудом сообразив, что Karl Johans Gade и есть та самая главная улица Карлиохансгаде, о которой говорится в путеводителе, я обругал Христианию «дырой» и «Харьковом»
и с чемоданом в руке пошёл но «главной» улице. Однако вскоре она начала расширяться, заполняться магазинами, хорошими домами и походить на большую улицу благовоспитанного города. Я чувствовал себя усталым и мне хотелось покомфортабельнее устроиться на ночлег. Хотя мои финансы не блистали избытком, я полез в лучшую гостиницу Grand Hotel и был крайне доволен получить недорогую комнату. Приведя свой вид в порядок и поужинав в комфортабельном ресторане отеля, я вышел на улицу и Христиания мне сразу очень понравилась. Из подъезда я попал в самую оживлённую часть Karl Johans Gade, красиво украшенную зеленым бульваром. Бульвар кишел нарядной весёлой толпой. И эта толпа мне во много раз понравилась больше шведской. Свежие, часто хорошенькие, всегда хорошо сложённые норвежки были чрезвычайно привлекательны. Норвежцы тоже были лучше шведов. Это был какой-то свежий, цельный, сохранившийся народ, который сразу внушал к себе доверие, расположение и симпатию. С большим удовольствием толкался я по бульвару среда весёлой нарядной толпы. Впрочем недолго. Усталость становилась невыносимой. Пришлось пойти в отель и лечь спать.

6 июня

Отлично выспавшись, я вышел с удовольствием на улицу, достал в бюро путешественников карту города и, сев на скамейку в тени бульвара, ознакомился с расположением городских достопримечательностей. При карте был маршрут для желающего ознакомиться с городом, чем я и воспользовался и в точности выполнил его. Город не представляет собой ничего замечательного и мил лишь сад, лежащий на горе на северной окраине. Сад интересен и красив, с привлекательным четырёхугольным бассейном на верху пригорка и с башней у бассейна, с которой интересный вид на залив, город и окрестности. Но странное дело, город мне нравился, город был мне симпатичен и я радовался, что попал в него. Я забрел наудачу в маленький ресторанчик на Kongens Gade, где меня накормили отличным завтраком. Его специальность - огромные крабы и омары, красовавшиеся в витринах, но мне надо было беречь деньги и я не решился спросить этого зверя. После завтрака я отдыхал от жары, вернувшись в Grand Hotel, где устроился в большой прохладной читальне писать открытки добрым знакомым. Их набралось более двух десятков, я извёл пропасть чернил, открыток, времени и красных норвежских марок, больших и украшенных картинкой по случаю юбилея. Оказывается, что Христиания существует сотый год, устраивает по этому случаю выставку на эту выставку съехалось много норвежцев с разных концов государства, оттого улицы так оживлённы, а толпа так нарядна. Я попал удачно и повидал норвежцев в более полном виде, чем можно увидеть обыкновенно. Итак, написав целую стопку открыток, я отправился на пристань и. сев в небольшой пароходик «Турист», поехал вокруг залива на берегу которого лежит Христиания. Прогулка

была немного однообразная и длилась более двух часов, но попадались хорошие виды, большую же часть пути я дремал в chaise-longue. Вернулся в город, поел в славном ресторанчике на Kongens Gade, написал в отеле несколько страниц этих «дорожных впечатлений» и отправился на вокзал для следования в Берлин. К моим услугам было крайне комфортабельное купе спального вагона. Я поспешил спать ввиду планов на раннее вставание.

7 июня

Поезд, пересекая Скандинавский хребет между Христианией и Бергеном, поднялся на высоту вечных снегов. Хотя мне очень хотелось спать, я заставил себя подняться в пять часов утра и с живейшим интересом наблюдал зимний ландшафт. На остановке я вышел погулять. Под ногами хрустел снег, было свежо, но в одном пиджаке нисколько не холодно. Поехали дальше; начали изводить бесконечные коридоры, построенные над полотном в видах защиты его от снежных метелей и обвалов. Горы, их очертания - проще, чем в Швейцарии или на Кавказе, но снег, снег и снег - это превосходно! Начали спускаться, стало теплей, зажурчали ручейки, наступила весна. Очертания гор стали острей и интересней. Появились озёра, шумные водопады, зелёные обрывы. Ещё ниже восхитительные виды Швейцарии, но в более диком, нетронутом, виде: глубокие озёра замысловатой формы, по берегам которых, прорезывая срывающиеся в воду утёсы, извивался наш поезд. Ещё пара часов спуска и мы прибыли в Берген. Берген оказался пыльным и дрянным городом. Оставив вещи на вокзале, я отправился на пристань узнать, скоро ли придёт пароход на Нью-Кастль. Спросил я по-английски - первая моя фраза на этом языке. Меня с трудом поняли и я, в свою очередь, с трудом понял, что пароход опаздывает на несколько часов. Делать нечего, пришлось почти целый день протолкаться по скверному городу. Мне предстояло тридцать шесть часов ехать открытым морем. Сначала меня пугала качка - я знал, что Немецкое море не из спокойных, и боялся проболеть весь путь. Одно время неврастенично подумал - а вдруг утонем в открытом море, но вид множества пароходов, стоящих у пристани, успокоил и устранил эти мысли. На пристани суетилось много рабочих. Мне пришло в голову, а что если Макс не застрелился и это был кто-нибудь другой, а он удрал заграницу и где-нибудь ищет счастья?! Что было бы, если бы я встретил его сейчас на пристани? Фантазия услужливо рисовала картину за картиной и я долго бродил по городу, погружённый в мечты. Затем встряхнулся и пошёл в кафе с садиком, тянуть пиво и царапать путевые записки. Хотел найти могилу Грига, но она за городом, надо ехать поездом.

Наконец прибыл пароход, большой, просторный и удобный. Я привёз мои чемоданы и занял каюту. Мой сосед, старичок англичанин, был замечательно мил, но мои уроки не спасли меня, я почти ничего не понимал, что он говорил мне, и мы объяснялись больше на манер глухонемых. Он познакомил меня ещё с несколькими своими знакомыми англичанами, но и там дело ограничилось больше любезными улыбками. Всё население парохода было исключительно английское.

Тут меня постигла неприятность: утром, в Скандинавских горах, когда я всё время высовывался в открытое окно вагона, мне продуло глаз и теперь он время от времени начинал слезиться. Ужасно противно, особенно за обедом, когда приходилось иметь безутешно рыдающий вид.

Море было спокойное и нас ничуть не качало.

8 июня

Мне суждено иметь милых каютных соседей, но непременно встающих в пять

часов! Так сегодня поступил и мой англичанин, добрый сын своей церкви, ради воскресенья читавший с рассветом молитвы. Глаз мой то проходил, то опять слезился и очень портил путешествие. Мы шли открытым морем. Чуть качало, но не укачивало. Дул сырой ветер и я однажды, желая согреться, но не желая уходить с палубы, пил виски. Днём обыграл каких-то коммивояжёров в шахматы. Вечером качало сильнее, но я свыкся и мне хотелось, чтобы была буря. Я долго гулял по палубе, все уже ушли спать. Палуба длинная и приятная для прогулки. В двенадцатом часу я наконец устал и пошёл разыскивать каюту.

9 июня

В семь часов мы причалили к Нью-Кастлю. Я простился с моим англичанином, который уже успел познакомить меня со своими племянницам, сухими, но не лишёнными интереса англичанками, немного напомнившими Умненькую, и звал меня к себе в гости. На пристани вскрытие чемоданов в таможне с поверхностным осмотром. Затем я в каком-то допотопном фаэтоне поехал по скверному городу на вокзал. Здесь меня удивили две вещи: 1) второго класса в Англии нет - первый и третий, причём третий удобный, мягкий, чистый и все едут в нём; первый класс для людей определённо богатых или солидно предубеждённых; 2) за багаж с меня ничего не взяли и не выдали квитанции: просто поставили в багажный вагон, а приехав в Лондон, я пришёл и, ни слова не говоря, взял.

Итак, поезд отбыл из Нью-Кастля, от которого было четыре часа езды до Лондона. Мчались мы с замечательной бойкостью: приятно было глядеть в окно и покачиваться в мягком кресле, хотя и третий класс. Виды в окно зелёные и симпатичные, красивее Германии, среднее между Швецией и Францией. Публика в вагоне интеллигентная и чистая, лучше второго класса провинциальной России. Нас пригласили скушать ленч и путь до Лондона проскользнул живо. В Лондоне я обошёлся без носильщика. Вспомнив, что я «сокол», забрал оба тяжёлых чемодана и маленький саквуаяжик, нанял такси, чётко произнеся адрес, и приехал в Clifton Gardens. Меня встретила сначала Мария Ивановна, а потом милые Андреевы. Лондонская жизнь началась.

9 июня - 7 июля. Лондон.

Андреевы устроились на Clifton Gardens у своей знакомой Марии Ивановны, старой девы, помешанной на светских приличиях, но очень резкой и, в сущности, невежливой, русской по происхождению, но живущей двадцать лет безвыездно в Англии, однако обожающей всё русское, и в том числе особенно чету Андреевых. Для меня была найдена комнатка в соседнем подъезде, а завтракали, обедали и проводили время мы вместе. Сначала симпатия Марии Ивановны по инерции с Андреевых была перенесена и на меня, но на всякую её резкость я отвечал тем же и мы часто ссорились. Андреевы же были ко мне всё время замечательно милы.

В кармане я имел письмо от Черепнина к Отто Клингу, директору музыкального магазина «Брейткопф и Гертель» и большому ценителю русской музыки. Клинг, к которому я явился в цилиндре и визитке и с письмом Черепнина, оказался очаровательным господином, предложил мне прекрасную комнату для занятий в его магазине, с несколькими роялями, креслом, стулом и восхитительными карикатурами на музыкантов на стенах. В этой комнате в своё время работали и Черепнин, и Скрябин, и Рахманинов, и прочие русские музыканты.

Так как моим ближайшим музыкальным планом была переделка совсем заново «Симфоньетты» для концерта Зилоти, то я немедленно и принялся за работу, тем более, что комфортабельная комната располагала к ней. Каждый день около десяти

часов я являлся туда и до первого часа работал, затем возвращался домой завтракать.

Дягилевский сезон был вовсю; Николай Васильевич через день должен был петь в опере. Я знал, что в Лондоне Нувель и, помня его склонность повертеться вокруг русских спектаклей, просил Николая Васильевича узнать в театре, не знают ли его адреса. Николай Васильевич спросил у Дягилева, а Дягилев, услыхав мою фамилию, сказал, что он хочет познакомиться со мной и имеет ко мне дело. Это произвело на меня чрезвычайное впечатление. Я ехал в Лондон, зная, как там гонятся теперь за русской музыкой, и надеялся завязать сношения. К Дягилевской антрепризе я давно относился с большим интересом и без сомнения очень хотел бы иметь дело с этим блестящим предприятием; когда же теперь само предприятие захотело иметь со мной дело, то это было не в бровь, а в глаз. Дягилев просил Андреева привести меня за кулисы и на другой день мы отправились. Предстоящее знакомство меня даже волновало. Дягилев, как личность, меня крайне интересовал; кроме того, я знал, что он крайне обаятельная личность.

На первый раз Дягилева за кулисами не оказалось, но через день на «Соловье» мы встретились. Он был страшно шикарен, во фраке и цилиндре, и протянул мне руку в белой перчатке, сказав, что очень рад со мной познакомиться, что он давно хотел этого, просит меня посещать его спектакли, интересуется, какое впечатление производит на меня «Соловей», а в один из ближайших дней надо серьёзно потолковать со мной и послушать мои сочинения, о чём мы сговоримся через Нувеля. На этом расстались. Я скоро встретил Нувеля, который сообщил мне, что Дягилев хочет заказать мне балет.

Между тем Клинг познакомил меня с Бантоком, директором Бирмингемской консерватории, милейшим господином, который увёз меня к себе на пару дней. В Бирмингеме было очень хорошо, я провёл приятно время и всех обыграл в шахматы. По возвращении в Лондон я получил от Нувеля письмо, что Дягилев приглашает нас завтракать. В означенный день я зашёл за Нувелем и мы отправились в ресторан. Дягилев по обыкновению запаздывает и мы минут двадцать ожидали в гостиной при ресторане. Нувель поддразнивал меня, что я в сущности чрезвычайный карьерист, и воображал, как я сейчас буду стараться устраивать свои дела с Дягилевым. Наконец появился Дягилев в сопровождении Мясина, это была последняя любовь Дягилева. Мясин был совсем молодой юноша; очень недурно танцевал в «Иосифе» Штрауса.

Завтрак был очень хорош и начался дынею, что мне понравилось. Начался разговор о балете. Я с подчёркнутой независимостью высказывал мои мнения, но Дягилев мало слушал и говорил о всяких тонкостях и подробностях новейших балетных течений, мало меня интересовавших. Например, что одни балетмейстеры придумывают движения вполне согласованные с музыкой, а другие делают из сценических движений как-бы контрапункт к музыке. При первом же удобном случае я постарался перевести разговор с балета на оперу. Поговорили об «Игроке», которого я назвал как замечательный оперный сюжет, но Дягилев не выразил никакого интереса к опере и сейчас же вернулся к балету. После завтрака поехали в магазин Брейткопфа слушать мои сочинения. Я сыграл: 1) Вторую сонату, 2) «Маддалену», 3) Второй концерт. «Маддалена» понравилась меньше всего; в Сонате две последние части; а 2-й Концерт привёл Дягилева в полный восторг.

- Вот теперь надо завтракать сначала! - воскликнул он, желая сказать, что теперь он понял, о чём и как со мной надо говорить.

Мне было предложено кресло на все спектакли, а через несколько дней я был приглашён в салон отеля «Сесиль» для дальнейших разговоров. Всё было как следует: салон был ослепительно шикарен, Дягилев очень неаккуратен, затем

подали чай и мы начали разговаривать. Дягилев придумал не более не менее, как поставить мой Концерт со сценой, т.е. чтобы я играл, а на сцене танцевали. Он даже имел ввиду сюжет, т.е. собственно не сюжет, а сферу, где можно искать его, что-нибудь вроде Леля и Снегурочки, только Леля не «мальчонку-пастушонка», а слегка гротескного, насмешливого.

Я сразу решил, что всё это нелепость, однако же нашёл политичным сразу этого не высказывать, постарался же навести Дягилева на мысль, что лучше и удачней выйдет, если мне заказать совсем новый балет.

- Я хочу обязательно, чтобы в будущем сезоне у меня шло что-нибудь ваше, а новый балет вы, пожалуй, не успеете сделать.

Был и ещё проект: сделать балет на сюиту из моих фортепианных пьес, которые я мог бы инструментовать. Во всяком случае мы должны ещё обсудить это вместе с Нижинским, который на днях приедет в Лондон. При упоминании о Нижинском у Дягилева неестественно заблестели глаза. Однако Нижинский не приехал, а вместо него Дягилев приходил слушать 2-й Концерт в обществе испанского художника Серт, который после каденции первой части, думая, что я не понимаю по-французски, закричал:

- Mais c'est une bête féroce[39], - и очень извинялся, узнав, что я понял его.

Оба шумно восхищались Концертом, причём Дягилев, по моему мнению, поступил неосторожно: так расхваливать перед заключением контракта было с его стороны просто необдуманно. Между прочим, одним из моих достоинств он считал склонность к национальному стилю, который кое-где прорывался очень определённо, обещая много в будущем, но пока тонул в музыке интернациональной.

В промежутках между этими вечерами я довольно часто ходил в театр, где меня всегда ждало одно из четырёх кресел седьмого ряда, резервированных для Дягилева. В этот раз «Петрушка» мне доставил больше удовольствия, чем в прошлом году в Париже, и прямо-таки понравился. «Весну священную» в этом сезоне, к сожалению, не давали.

В следующий раз Дягилев познакомил меня со своим главным балетным дирижёром Monteux, очень милым господином, и мы вместе должны были завтракать у Бичема, лондонского миллионера, с которым Дягилев был в компании и который имел огромное влияние в лондонской музыке, но Бичем куда-то экстренно уехал, а потому мы завтракали втроём в отеле «Савой». Затем у Брейткопфа я играл Дягилеву и Monteux 1-й Концерт, который их крайне обрадовал, не столько музыкой, сколько быстротой бега. Monteux пригласил меня будущей зимой играть в Париже; у него симфонические концерты от хорошей марки. Затем мелкие пьесы из Ор.12 и первый «Сарказм». Так как дело близилось к моему отъезду, то Дягилев сказал:

- Не уезжайте, не поговорив со мною.

Я надеялся, что уеду с подписанным контрактом, однако этого не случилось. Когда я за день до отъезда зашёл за кулисы, Дягилев, будучи чем-то очень расстроен - кто-то не мог петь или танцевать - был крайне рассеян в разговоре со мной. Вообще же сказал, чтобы я по приезде в Петербург обратился к Нувелю и Каратыгину, они меня познакомят с настоящим русским писателем, например. Городецким, который и сделает мне балетный сюжет. Сам он, Дягилев, в августе месяце приедет в Москву и Санкт-Петербург, и если я буду в Кисловодске, то выпишет меня туда же для окончательного выяснения и подписания контракта. На этом мы расстались.

Итак, я неожиданно сделал в Лондоне очень хорошую карьеру. Действительно, сразу, минуя всякие наши учреждения, выйти на европейскую дорогу, да ещё такую

[39] Но это дикое животное! (фр).

широкую, как дягилевская - это очень удачно. Мне всегда казалось, что эта антреприза как раз для меня и я тоже нужен для этой антрепризы. А эта поездка в Лондон, которая не имела собственно никаких определённых перспектив, почему- то очень меня привлекла и представилась могущей принести мне много. У меня несомненно есть чутьё. Я давно чувствовал, что с Дягилевым должно получиться. Когда я готовился к конкурсу я, несмотря на протесты всех друзей, родственников, профессоров, решил играть свой Концерт, ибо чувствовал, что только этим Концертом смогу ошеломить экзаменаторов и что только ошеломлением, а не добросовестным изучением, можно отбить рояль.

Несколько слов о том, как я проводил остальное время в Лондоне.

В девять часов вставал, пил кофе с хлебом, маслом, и, по английской манере, с мёдом или вареньем. Садился на верхушку автобуса и ехал в магазин Брейткопфа, где оживлённо переделывай «Симфоньетту». Однако за месяц пребывания мне удалось сделать одну первую часть. В первом часу надо было складывать ноты и на автобусе возвращаться завтракать, ибо, сохрани Бог, если опоздаешь. Днём часто играли в бридж с Николаем Васильевичем и Марией Ивановной, или отправлялись куда-нибудь с Андреевыми, или я писал письма. Впрочем я часто бывал в русском театре, иногда гулял по Хайд-парку, где влюблённые парочки с очаровательной непринуждённостью нежились на травке. Раз мы были в мюзик- холле, где очень занятно, но, к сожалению, без знания английского языка не всё понятно (а я за месяц пребывания так и не научился «спикать»). Были с Николаем Васильевичем на боксе. Это было великолепно и весьма ново. В особенно решительные моменты зал форменно выл. По воскресеньям мы, как всякие порядочные обитатели Лондона, отправлялись за город. Марию Ивановну не брали, чем, кажется, её огорчали. Очень хороша была поездка в Виндзор, затеянная по моему проекту на верхушке автобуса. Это был довольно длительный переезд по гладкому, как паркет, шоссе, затем прогулка по замку, завтрак, несколько открыток и возвращение в город в поезде. Другая прогулка была в чудесный Кью-гарденс с его ошеломляющими оранжереями для тропического леса, где ходишь по лестницам и мосткам среди такой чащи диковинных гигантов, точно находишься в самом деле в дебрях Бразилии. Сам сад очень мил и прогулка вышла отличной. Однако, редкая прогулка обходилась без того, чтобы мы с Анной Григорьевной не повздорили; вообще к концу месяца мы с ней ссорились довольно часто и даже последовало некоторое охлаждение друг к другу. У Николая Васильевича же был такой удивительный характер, что мы с ним сцепились только один раз, и то из-за Марии Ивановны. Анна Григорьевна уехала из Лондона раньше остальных и самая интересная прогулка была последняя, без неё: Андреев, я и его приятель Роксиков, случайно заехавший в Лондон. Андреев сказал:

- Ну, черти, уж идёмте, я вас сегодня угощу завтраком в итальянском ресторане.

Мы страшно обрадовались и пошли. Пили «кианти». повеселели, поехали в Ричмонд-парк, оттуда на пароходе вверх по Темзе в какой-то старинный дворец и вообще это было очень хорошо.

Последние дни я бегал с Роксиковым по Лондону, делая покупки: рубашки, пальто, костюм (замечательный, белый с чёрным), ракетку для Кати Шмидтгоф и т.д. Денег не хватило и Николай Васильевич дал три гинеи взаймы. Седьмого утром я с Роксиковым отправился в Россию. Андреев должен был приехать через неделю. Я увозил с собою отличное впечатление от Лондона, не говоря о том, что здесь было сделано важное дело, но и вообще мне город понравился чрезвычайно и англичане тоже, хотя их самовосхваление и самовосхищение меня злило и я расхваливал Россию вовсю: русскую музыку - это без всяких разговоров теперь лучшая и прямо единственная, а когда мне в Бирмингеме восторженно говорили:

- Замечательно! Почти так же хорошо, как у нас, в России.

Итак, мы с Роксиковым выбрали путь на Остенде, где провели конец дня и вечер, гуляя по пляжу, любуясь публикой, смущаясь, что мы в дорожных костюмах. Осмотрели курзал, я было сунулся в игровую залу, но мне сказали, что входную карточку с целым рядом формальностей можно получить только завтра, так я и не попал. Купили себе купальные костюмы, получили удовольствие от купания в море, а вечером выбыли через Брюссель на Кёльн. Утром пересели в Кёльне на D-Zug[40] на Берлин, предварительно осмотрев подавляющий собор. В четыре часа прибыли в Берлин, где, первым долгом, потеряли друг друга. Этому обстоятельству я особенно не огорчился, взял автомобиль и поехал в мой любимый Tiergarten[41], много гулял и пил пиво. Ни одной хорошенькой немки. Обедал у Кемпинского и поехал в подземной железной дороге неизвестно куда, так, вообще - сравнить, где андерграунды[42] лучше: здесь или в Лондоне. В Лондоне гораздо лучше, а приехал я в часть города, называемую Schoeneberg, и тут попал в такие комфортабельные улицы, каких нигде не видал: широкие, длинные, тихие, усаженные деревьями, с огромными тротуарами, с гладкой как лёд мостовой, с импозантными домами, большие, относительно редко поставленные окна которых свидетельствовали о просторе квартир. Замечательные кварталы.

Воздух был тёплый и неподвижный. Я взял открытый автомобиль и поехал на вокзал, где нашёл скучающего Роксикова. Мы выбыли в Россию, в Александрове имели багажный осмотр, но после него попали в тот же вагон, ибо колея от Александрова до Варшавы узкая, как заграницей, и вагоны ходят прямо от Берлина до Варшавы. Было любопытно ехать по матушке-России в иностранном вагоне. Мы переехали через пыльную Варшаву на другой вокзал. Город, центра которого я, положим, не видел, мне не понравился, но поразили меня евреи в национальных долгополых нарядах, с бородами и пейсам. Таких экземпляров в других больших городах не сыщешь! В Варшаве мы с Роксиковым расстались, причём денег мне опять не хватило и пришлось занять у Роксикова пять рублей!

Я направился в Петербург, но через Москву, ибо там надеялся услышать «Сны» в исполнении Юрасовского. После утомительных суток пути среди зноя и засыпавшей вагон пыли, я под вечер приехал в Москву, где был встречен Катюшей Шмидтгоф. О концерте я имел неверные сведения: он происходил лишь завтра, но мне не захотелось ждать и я в тот же вечер уехал в Петербург, предварительно проведя пару часов в обществе Катюши. Её матери опять плохо и на этот раз очень серьёзно, ибо это рецидив рака. Я горячо жалел бедную девочку и, сидя у открытого окна вагона, который быстро нёс меня на север и обдавал чудесным свежим воздухом, думал о её судьбе и нельзя ли её, умри её мать, устроить как-нибудь при моей маме.

11 июля

В половину девятого утра я высадился на дебаркадере Николаевского вокзала. В Петербурге африканский зной, на улице не пыль, а какой-то самум, по окраинам забастовки с переворачиванием трамваев. Пакость ужасная, впрочем как всегда летом в Петербурге.

Мама страшно мне обрадовалась, после чего пошли бесконечные разговоры: я - про Лондон и про Дягилева, мама про забастовки и про её скучное житьё в Петербурге. Действительно, прожить месяц в таком зное и одиночестве штука

[40] Direct-Zug - прямой поезд (нем).

[41] Зоопарк (нем).

[42] Подземки, от underground (англ).

нелёгкая. Маме поскорее хочется уехать из Петербурга, но мне желательно пробыть хотя бы неделю в городе и его окрестностях, а окромя всего прочего нельзя и уехать, не выяснив либреттный вопрос. Поэтому я прежде всего позвонил к Нувелю. Тот закричал, что у него дел выше горла и что до вторника он ни о чём ином думать не может. А дело о либретто надо вести всё равно через Каратыгина, так не проще ли мне прямо к нему и обратиться. Правильно, проще и приятнее, чем путаться с форсистым Нувелем. Звонил к Каратыгину два раза, но полное молчание было ответом.

День провёл с мамон, разбирая мои вещи и показывая ей всякие покупки.

12 июля

Так как сегодня я опять не мог дозвониться до Каратыгина, то отправился самолично на его квартиру. Квартира была глухо заперта и внизу швейцар сказал, что Каратыгин живёт у Гессена на Каменном острове. Благо с Гессеном я знаком, я, дабы не терять времени, немедля туда отправился и застал всю семью завтракающей в обществе Каратыгина. Узнав, что Дягилев заказывает мне балет, он сказал:

- Очень рад, я ему давно об этом говорю, но он всё боялся, что вы не сделаете крупной вещи и что плохо сынструментуете. Вашу инструментовку и я ему не хвалил.

Я заговорил на тему о либретто и обратился за содействием к нему. Он ответил, что лучше всего либретто сделает пожилой Сергей Городецкий и, благо он в Петербурге или около Петербурга, то к Городецкому лучше всего и обратиться. Гессен любезно обещал справиться в своей редакции о местонахождении Городецкого и послезавтра пригласит его и меня к себе для разговора о балете.

После этого заговорили о всемирной войне, висевшей в воздухе, находя её неотвратимой. Это было для меня полной неожиданностью и под впечатлением надвигающегося ужасного бедствия я вернулся домой. Вечерние газеты носили тревожный характер. Дома только и было разговоров, что о всеевропейской войне.

13 июля

После отчаянной жары полил дождь. А я как раз собрался в Териоки к Захаровым. Я решил плюнуть на дождь и поехал, расставшись, однако, с желанием пофорсить новым костюмом. Надел резиновое пальто и столь нелюбимые мной калоши и отправился в путь. Как и следовало ожидать, пока я доехал до Териок, дождь перестал. Когда я вступил в просторную захаровскую дачу (приехал я с большим удовольствием), то увидел всю семью за столом. Восклицания неожиданности и радости, особенно любезный приём со стороны Бориса и меня усадили за стол. Я едва успевал есть, разговаривая со всеми и рассказывая про Лондон, Дягилева и про свои намерения. С Борисом мы были милы и просты, все старые тени сгинули. После обеда он потащил меня сыграть ему 2-ю Сонату, которую он от меня ещё не слышал и которую он, по-видимому, сам не очень разобрал. Я сыграл, Соната ему очень понравилась. Тут же были сестры Ганзен, постоянные гости этой дачи. Гуляли, пили денной чай, Боря много расспрашивал про Лондон, довольно много говорил о войне. Пришёл Лёва Карнеев. Лида и Зоя сегодня уехали в гости в Юкки. Борис говорил, они будут жалеть о своём отсутствии. Играли в крокет. Я кряхтел и вспоминал старые времена моего чемпионства. Я - Лёва: +1 -2; я - Боря: +2 -1. Странно, я прежде всегда проигрывал Борису. Лёва занумеровал всех своих любимых барышень, так что теперь идут разговоры например:

- А что поделывает №20?

В своё время он перенял мои чемпионаты в крокет, теперь - фронты. Вечером были с Ганзенами в местном театре, откуда я отправился на поезд. Захаров приглашал меня к ним гостить. Очень мило с его стороны, но вряд ли мне удастся воспользоваться этим летом его приглашением.

Вполне довольный, я вернулся в Петербург.

14 июля

По-видимому, энергично выступила Россия с угрозой войны, это произвело впечатление на Австрию и Германию, там заговорили умиротворяюще, и европейской войны не будет.

Я звонил на Каменный остров к Гессену, который сегодня обещал устроить мне свидание с Городецким, но оттуда ответили, что, хотя Городецкий в Петербурге, но до него никак не дозвониться. Придётся подождать. Писал дневник. Скучновато без рояля. Мой старый увезли продавать, а нового я всё ещё не беру. Н.В.Андреев переслал письмо от Нины Мещерской, которому я очень обрадовался. Я буду рад повидать Нину. Она жалуется, что временами скучно, хоть удавись. Я в ответ послал ей юмористическое стихотворение на тему о её удавлении.

Заходил на Николаевский вокзал опустить это письмо и кстати купить московские газеты. В одной из них отчёт Держановского о концерте Юрасовского, длинный, хвалебный, но бестолковые рассуждения о 1-й Симфонии Нямочки и вскользь о «чудесных «Снах». А жаль в самом деле, что я не подождал сутки в Москве и не послушал «Снов». Если бы звучало хорошо, так можно было бы осенью отдать Юргенсону, а теперь опять будут лежать.

15 июля

Утром звонил Захаров, просивший проаккомпанировать ему 2-й Концерт Рахманинова, который он двадцать пятого играет в Павловске. Я удивлён, как это он не может выучить нового Концерта и уже пятый год играет всё тот же рахманиновский. Впрочем, Концерт в самом деле очень очаровательный. Я охотно согласился и в три часа пришёл к Шредеру. К моему удивлению, захаровская игра улучшилась во много крат - появилась мягкость, естественная задушевность, которая раньше заменялась каким-то искусственным, крайне неприятным пафосом. Я его поздравил с успехом, по-видимому, доставив этим искреннее удовлетворение. Он, по крайней мере, сделался исключительно мил. Мы вместе отправились к Юргенсону, где я хотел справиться о корректуре «Баллады». Пожилой и крайне бестолковый руководитель этого магазина, один из семьи Юргенсонов, долго писавший в мае на клочке бумаги, где я буду летом, теперь всё перепутал и послал корректуру в Кисловодск, где она и валяется на почте. Теперь мне нечего делать и я мог бы её проверять, а в Кисловодске буду заниматься «Симфоньеттой» и будет некогда. Расставшись с Захаровым, я отправился к швейцару Сергея Городецкого узнать, где господин поэт, а то ни Каратыгин, ни приехавший в Петербург Нурок не могут дозвониться по телефону. Дворник сказал, что они только что приехали в город, чем я и удовлетворился и, не зная его лично, а потому не желая заходить, попросил Каратыгина попытаться позвонить ещё раз.

Одел новый костюм, производивший необычайно шикарное, «английское» впечатление, и поехал в Павловск в компании Бориса и Василия Захаровых. В Павловске я был встречен Дамской, но, не желая сразу накидываться, остался с братьями Захаровыми. Дирижировал Глазунов, и Боже, какой скучной, какой «безликой, домашнего изготовления» показалась его 3-я Симфония после

лондонских новшеств. Вообще вкусы Дягилева и безобразия Стравинского в его «Соловье» уже оказали на меня своё влияние, и мне как-то мелко и тесно в аккуратненьком блюдечке глазуновской логики. Мой балет будет большим прыжком в модернистском смысле по сравнению с моими предыдущими сочинениями; к моему лирическому Скрипичному концерту, который я так нежно любил перед поездкой в Лондон, я теперь поохладел - теперь надо сделать аховый балет, а потом отдохнуть на нежном Скрипичном концерте.

Второе отделение Глазунова я, конечно, не стал слушать, предпочтя поболтать со знакомыми. Мелькнула Бушен, наскочил Володя Дешевов и сказал восторженным тоном:

- Серёжа, ты знаешь, я женился!

Пфф!! Я так и присел.

- Да ты с ума сошёл? Вот несчастный человек!!

Странно и дико, хотя, собственно говоря, ему двадцать пять лет, но восторженность и юркость не позволяют ему дать больше пятнадцати. Я был поражён.

Встретив многих знакомых, я столкнулся с сёстрами Дамскими, с которыми отправился гулять. Элеонора заявила на мои рассказы, что я стал до противности знаменит. Вернувшись на вокзал, пили чай. Концерт кончился, ходило много публики. Мимо прошёл Борис, но ничего не сказал. Когда чай окончился, я распрощался и уехал в Петербург. В Петербурге на вокзале столкнулся с Глазуновым. Идя мимо, я остановился и поздоровался. Он любезно улыбнулся, но так как разговаривать мне было не о чем, то я немедленно отправился дальше. У Глазунова был бледный и слегка пьяный вид. Я оглянулся - он шёл в буфет.

Мама с прислугой ходила на манифестацию и в огромной толпе путешествовала по улицам Петербурга, пока их не разогнала полиция, чуть не сшибла с ног и очень напугала маму. Политический горизонт сгущается. Австрия объявила войну Сербии.

16 июля

Скоблил новую редакцию «Симфоньетты». Когда я пишу чернилами, я никогда не выскабливаю ошибки, а отмечаю их крестиками, скоблю же после, все сразу. Так делал и сегодня. Это довольно утомительная работа: устаёт глаз от фиксации в одну точку, где мелькает нож, и устаёт рука.

Днём ходили с мамой на Невский посмотреть, что там делается относительно демонстраций и патриотизма, но ничего особенного не видали. Каратыгин сообщил, что свидание с Городецким наконец состоится: завтра в семь часов, у Гессенов на Каменном острове. Слава Богу.

У Царскосельского вокзала встретил Шуру Фролова и рассуждал с ним о войне.

17 июля

Писал дневник, не более не менее, как о моём конкурсе на рояль. Этот день у меня ярко врезался в память и я не боялся что-либо забыть; наоборот, я отложил отчасти оттого, чтобы всё поулеглось и чтобы яснее можно было написать. Сегодня, когда писал, то события этого дня не оставляли меня равнодушным, и я заново переживал весь жар борьбы.

Днём была Надя Раевская, говорили о войне. Андрюшу Раевского забрали в полк. Колечка Мясковский, как бывший офицер, наверное тоже пойдёт. Ну какой он вояка!

В пять часов я отправился на Острова, погулял и в семь явился к Гессенам.

Там, конечно, только о войне и вполне естественно для еврейской семьи, более пессимистично и менее патриотично.

Пришёл Городецкий. Мои сведения о нём были таковы: читал его мало, но читал; считал одним из наиболее талантливых теперешних поэтов: как внешность знал за человека с длинным носом. Оказался он не только с длинным носом, но и с длинным ростом, так что я, будто и не маленький, смотрел на него снизу вверх.

Но что важнее, под некрасивостью черт скользила какая-то нежность лица, голоса, манер, производя весьма очаровательное впечатление. Одет с некоторой экстравагантностью. Итог - привлекательный.

После обеда, за которым говорили только о войне, Каратыгин предложил Городецкому и мне выпить кофе на терассе и там поговорить о наших делах. На терассе я изложил положение вещей сначала с внешней стороны, т.е. для чего и когда должен быть сделан балет, а затем с внутренней, т.е какой балет желательно было бы сделать: 1) из русской жизни; 2) драматичный или юмористичный, но не просто так себе, т.е. чтобы был кипяток или лёд, но не тёплая водица; 3) сжато и сложно изложенный с быстро развивающимся действием; 4) чтобы не было моментов без действия; 5) чтобы он состоял из пяти-шести коротких картин в общей сложности на полчаса. Городецкий, по-видимому; увлёкся идеей и сказал, что это как раз то, что он думал - написать вещь с одним сплошным действием. Затем я играл ему мои сочинения, он остался очень доволен ими, радостно сказал, что понял меня и знает, что надо, и, по-видимому, с удовольствием примется за балет. В дополнение я сказал, что хотелось бы начать балет с самого главного («так, чтобы зрители, опоздавшие к поднятию занавеса, уже не могли понять в чём дело». Городецкий: «Великолепно!!»). Кончить балет можно было бы дикой пляской, но сделать так, чтобы это была не пристёгнутая пляска, а кульминационный момент всей вещи, в которую бы влетела и на которой бы кончилась вещь. Городецкому это тоже понравилось. Как только он напишет черновые наброски сюжета, он пришлёт их в Кисловодск.

Распростившись с хозяевами, мы вместе вышли и на Каменноостровском расстались, крайне довольные друг другом. Вернувшись домой, я заявил маме, что мои дела с Сергеем Городецким готовы и я могу ехать хоть завтра. Даже лучше скорее выехать, а то дело клонится к войне и, случись таковая, начнётся такое движение по железной дороге, что не достанешь билета. Если начнут перевозить войска, то пассажирское движение может быть совсем прекращено. Дома обсуждали всякие планы и решили постараться завтра уехать.

18 июля

Ночью много просыпался, боясь проспать, а встав утром, пошёл на городскую станцию за билетом. Отложили отъезд ещё на два дня и я достал билеты на воскресенье в Кисловодск. Заедем в Москву, чтобы положить там в банке в безопасный ящик процентные бумаги, а то говорят, Петербург плох в стратегическом отношении и в случае чего его защищать не будут. Я же для себя возьму безопасный ящик в Петербурге и положу туда нотные рукописи, дневники, письма. На городской станции видел экс-Никольскую. Она, очевидно, замужем за рослым офицером, который брал себе билет у соседней кассы. На неё все оглядывались, но она заметно подделала лицо. Меня она заметила и рассматривает, я делаю вид, что не замечаю её.

Днём рылся в столе и шкапах, выбирая то, что надо положить в несгораемый ящик: дневники, переплетённые и непереплетённые письма, нотные рукописи, «Жёлтая книга» и прочее. Всего чёртова пропасть, целый чемодан.

Вечером поехал в Павловск, где играла Тиля Ганзен. Гулял с сестрами Дамскими,

заходил в артистическую к Ганзен. Обе сестры очень милы. Несмотря на военные приготовления, они съездили в Вильно и дали концерт, но едва вернулись обратно, настолько набиты поезда: все уезжают из западной России. В Териоки мне тоже не удастся попасть: Финляндия усиленно комплектуется войсками и для дачников ходят лишь два поезда. Воображаю, что за толкотня. Цецилия играла хорошо и имела большой успех. Но второму отделению не суждено было кончиться: какой-то оголтелый тип стал громко читать телеграмму о разрыве сношений с Германией, публика взволновалась, стали кричать «ура», появились флаги и концерт сменился манифестацией. Какой-то любитель музыки обиделся, что мешают наслаждаться, но его побили и он еле убежал от воинственной толпы. Кто-то плакал, на улице громко кричали «Долой Австрию», какой-то знакомый скрипач испуганно держал меня за рукав. Я походил с Дамскими в толпе и, простившись и посоветовав приехать в Кисловодск, отправился в Петербург, где для меня была приготовлена ванна. В поезде все лица были серьёзны и озабочены - война с Германией дело солидное. На неё можно смотреть двояко: если посмотреть с нормальной точки зрения, то это ужас, от которого волосы дыбом становятся; если же посмотреть с исторической, то это страшно интересно!

19 июля

В утренней газете вчерашнее известие о начале войны с Германией не подтверждалось. Я взял мой чемодан с рукописями и, еле дотащив до извозчика, отправился в Волжско-Камский банк. Я выбрал этот банк отчасти оттого, что его директор - знакомый, Коншин, недавно перешедший туда из Государственного банка. Взял ящик величиной 6 x 6 1/2 x 11 вершков и набил его доверху чик в чик. Затем делал всякие предотъездные дела: часы из починки, русско-английская книжка и прочее. На улицах призывники: то и дело группы взятых на войну идут в участки в воинские части. Если их провожает бабьё, то идут понуро, а бабы ревут. Если идут без женщин, то бодро и поют песни. При встрече одной партии с другой кричат «ура». Вообще «ура» и «Боже, царя храни» слышно, куда ни повернёшь. Даже когда ничего нет, в ушах звенят взрывы «ура». Это нервное, конечно, явление. Вечером ездил на Николаевский вокзал узнать, нет ли перемен с поездом и можно ли завтра ехать. Расписание действительно иное, но, по-видимому, уехать можно, Николаевская дорога единственная ещё обслуживающая пассажирское движение, по остальным идёт один поезд в день, к которому, конечно, не подступиться.

Петербург на военном положении.

20 июля

Утром долго не было газет. Затем принесли какую-то «Петербургскую газету», в которой в конце длинной официальной статьи сказано, что вчера в семь часов десять минут немецкий посол, граф Пурталес, передал министру иностранных дел Сазонову объявление войны. Известие это нами было принято спокойно, этого ожидали со дня на день. Значит, объявление войны произошло в тот момент, когда я мирно ехал на Николаевский вокзал узнавать о поездах.

Всё утро укладывал вещи. Звонил А.П.Мещерскому, спрашивая, нет ли поручений к семье. Очень мило болтали, он хочет, чтобы я непременно остановился у них. На войну смотрел серьёзно, но довольно оптимистично. В двенадцать часов поехал на вокзал узнать о поездах, но, кажется, всё ещё в порядке. У Казанского собора молебен перед вынесенной из собора иконой. Огромная толпа. Чудесный ясный день с красивыми белыми облаками, плывущими по голубому небу. Встретил Н.П.Рузского. Таня и Ира, обучавшиеся при Красном Кресте, призываются и идут

на войну. За это я им много прощу. Сам Николай Павлович хочет организовать лазарет и отправиться на театр военных действий. Дома у нас завтракали Шурик и Андрюша. Андрюшу забрали и он уходит в Лугу со своей бригадой.

Звонил всем Захаровым, желая узнать, где Борис, но ниоткуда не отвечали. Позвонил к Ганзен и узнал, что он приехал из Териок и ночевал у них, а сейчас пошёл с Тилей посмотреть, что делается на улице. Если война разгорится, то, вероятно, они собираются поехать на конец лета куда-нибудь на Дон, где поспокойней от угрозы войны. Перед отъездом на поезд я очень мило беседовал с Борисом. Он вызвался приехать на вокзал проводить меня, но, согласно своему обычаю, надул. Поезд наш шёл в восемь часов вечера, но по случаю военного времени, мы отправились в два часа, нагрузив мотор доверху всяким вещами. На вокзале порядочная давка, но благодаря заблаговременному приезду, багаж удалось сдать без спешки и у вагонов очутиться к самому началу. Здесь начались «военные» мытарства: в наш вагон, нарочно ли или по рассеянности продали двойной комплект плацкарт и, таким образом, на каждое купе оказалось по восемь кандидатов. В конце концов усесться можно, если отрешиться от ночного спанья, но у каждого оказался ворох вещей, которые не лезли ни в сетки, ни под диваны, и заполнили все коридоры. Двойной комплект публики набивался в вагон, в котором образовались заторы, давка, пассажиры волновались, начальник станции с другой стороны кричал, чтобы более никого не пускали в вагон - скандал полнейший. Наконец начальник станции махнул рукой и ушёл, заявив, что прицепит ещё вагон. Этому мало поверили и продолжали тесниться. Но вагон прицепили, мы переселились и устроились хорошо, когда бы не сосед-немец, портивший нам всё удовольствие, несмотря на старание вести себя возможно тише и незаметней. Патриотизм заставил нас его ненавидеть.

21 июля

В Москве проливной дождь, слякоть, носильщиков нет, извозчиков разобрали на войну (кого самого, у кого лошадь). Таща многочисленные вещи частью сами, частью при помощи какого-то частного мужика и мальчишки, шлёпая по лужам среди толпы марширующих запасных, перепутешествовали мы на соседний Рязанский вокзал и, узнав, что скорые поезда отменены, а вообще поезд идёт через два часа, сдали вещи на хранение и поспешили в город делать дела.

Дела состоят в том, чтобы взять безопасный ящик в Купеческом банке и уложить туда всякие процентные бумаги, которые я посоветовал маме перевезти из Петербурга в Москву. Вследствие отвратительного извозчика и даже почти полного отсутствия их, отвратительных мостовых и отвратительной погоды, мы еле успели сделать это и, когда вернулись на вокзал, наш носильщик заявил, что поезд подан, набит битком, но места нам заняты. Поезд шёл лишь до Рязани. По счастью, начальство догадалось назначить ещё один, до Козлова, в каковой все и устремились. Боже, что за штурм! Совсем германская граница. Затем перетаскивание вещей из того поезда в этот, отстаивание мест, пропихивание картонок через окно и прочее подобное. В конечном результате сидели мы так: четыре человека на одном диване и четыре напротив, двое на чемоданах в проходе и двое на отдельных креслах у противоположного окна. Итого двенадцать в одном отделении. Верхние полки были подняты и завалены багажом. Пассажиры на 50% офицеры, призываемые к своим частям: на Дон, Кавказ и прочее. 25% - офицерские жёны и семьи. Остальные - просто пассажиры. Не успел поезд ещё отчалить, как весь вагон заговорил о войне - и так продолжалось без перерыва до Козлова, т.е. с двенадцати часов дня до одиннадцати вечера. На улице лил дождь, в вагоне было душно и окна открыть было нельзя. Обрадовали первые телеграммы

с театра военных действий: «Казаки разбили наголову германский драгунский полк». Восхитительно! Даже стройная немецкая кавалерия дрогнула, когда вихрем наскочила на них с гиканьем и с пиками наперевес лихая казацкая стая. Во всём вагоне было приподнятое настроение, все разговаривали между собой, спорили и увлекались. Но как ни так, одиннадцать часов подряд - это тяжело. И я, как дождь стихал, выходил на площадку подышать свежим воздухом.

Развеселила меня станция «Дягилево». Пахнуло Лондоном и милым балетом. В одиннадцать часов вечера - Козлов. Отсутствие носильщиков, куча вещей, густая толпа суетящихся людей и полное незнание, когда и куда будут поезда. Сверх того - проливной дождь и собачья усталость. Я действительно геройски достал носильщика и, не отпуская, держал под руку, узнал о существовании на запасном пути вагона первого класса на Ростов, по путям между паровозом и маневрирующим поездом с носильщиком и вещам добрались до него, привёл маму и заняв полукупе, заперся на все замки. Проводник получил рубль на чай, к нам ломились, что-то кричали, но мы были глухи и немы. Затем вагон начал маневрировать, нас прицепили к ростовскому поезду и мы заснули, страшно довольные, что наконец устроились прилично.

22 июля

Поезд шёл по расписанию военного времени, состоял из восемнадцати вагонов и одного паровоза и тащился, как черепаха. Лишь через ночь, день и ночь приехали мы в Ростов. Публики стало меньше, ехали медленно и спокойно. Раза два паровоз отказывался брать подъём и мы стояли в поле. Новых газет не имели, так как не проезжали больших центров. Я читал Городецкого, но мне попалась книжка со стихами из «Русской мифологии и поверий», слишком специально написанная.

23 июля

В одиннадцать часов утра приехали в Ростов и опять попали в кипящий котёл: огромный поезд с запасными, увозимыми на войну, то изрыгали, то поглощали тысячные толпы, кое-где провожали бабы и выли, кое-где играла гармошка и пели. Пришёл поезд из Кисловодска, нагруженный по семьдесят человек в вагоне вместо двадцати четырёх. Узнали мы, что оттуда больше разъезд, ибо среди лечившихся много офицеров и их семейств. Боже, какая сутолока, волнение, беготня, штурмы вагонов, крики и отчаяние непопадающих. У меня закружилась голова от шестичасового нахождения на ростовской станции, пока, наконец, в пять часов поезд не повёз нас дальше, и я был рад, что можно было на время забыть о войне. На улице была тёплая южная ночь.

И только на маленьких станциях с жадностью набрасывались служащие и выспрашивали у нас, нет ли новостей с войны.

- Мы тут живём в степу и ничего до нас не доходит.

Я с удовольствием рассказывал про победу казаков и про присоединение к тройственному согласию Японии. Больше этого я сам ничего не знал.

24 июля

В семь часов утра мы подъезжаем к Минеральным водам.

Стали вырисовываться старые знакомые: Бештау, Змейка, Железная гора. На горизонте с удивительной ясностью снял Эльбрус. Воспоминания о Максе вступили в свои права. Я боялся, что по приезде в эти места они особенно властно заявят о себе, но война и миллионы жертв, над которыми она подняла руку, как-то

примирили, заставили более философски смотреть на людскую жизнь. Вот и Минеральные воды, вот и стол, за которым мы с Максом наскоро выпили бутылку шампанского перед моим отъездом в Москву, когда я ехал играть в первый раз мой Первый Концерт. И мне стало как-то приятно и ласково, что я снова вижу те места, где два года назад я так хорошо проводил время.

Пересели в дачный поезд и поехали. Вот станция Бештау, где мы с Максом стреляли из револьвера; вот Каррс - немецкий посёлок, стало быть, ныне проклятый; вот пышная зелень у самого полотна, где мы с Максом проектировали прогулки с нашими фронтами; вот, наконец, и Пятигорск. Но что за вид у платформы?! Все, ждущие поезда на север, те, кого война зовёт в дело, с багажом и волнением, что не получат места. Я еле узнал пятигорскую платформу.

Мы поехали дальше. Маленькая остановка у Скачек, затем Ессентуки. Тут выгружалась мама, которая оставалась на три недели в Ессентуках в обществе Смецких и целебных источников. Пришлось суетиться, подавать многочисленные чемоданы и картоны в окно, и простившись, наконец двинуться в Кисловодск.

Итак, поезд пришёл в Кисловодск, я сдал свои вещи на хранение и через парк пошёл разыскивать дачу Цветкова, где жили Мещерские. Была восхитительная погода. Солнце нежно жгло, небо было не голубое, а почти синее, облака ярко белые, зелень сочная и свежая. Говорили, что вся публика бросилась вон, едва началась война. Но это не совсем так: многие уехали, но многие остались, а до «войны» отсюда так далеко, что спокойствие курортной жизни было удивительно по сравнению с кипящим Петербургом и суетящимися железными дорогам.

Я невероятно обрадовался, что я в Кисловодске. Из сгущённой атмосферы я попал в вёдро и солнце. Милый Кисловодск, ты старый друг! Я с удовольствием пересёк Нарзанную галерею и пошёл по парку. Первым долгом меня, конечно, потянуло к шахматным столикам, над которыми десятка два согнутых спин приятно манили к игре. Вдруг меня кто-то окрикнул, смотрю - Нина, Таля, их кузина, Серж Базавов, правовед Томкеев, словом - вся мещерская молодёжь. Восклицания, расспросы, рассказы и мы всей компанией отправляемся на дачу.

24 - 31 июля. Кисловодск.

По приглашению Веры Николаевны я поселился у них, в одной комнате с Сержем Базавовым, студентом, изысканную любезность которого я имел удовольствие констатировать ещё в Гурзуфе. Мещерские занимали этаж дачи Цветкова с просторным, высоким комнатам минутах в пятнадцати ходьбы от Нарзанной галереи.

В этом году было тише, чем в прошлом - отсутствовал Олег, взятый на войну, Бобровский, Надя Плансон и прочие. Зато присутствовала тонная англичанка, которая решительно связывала все прогулки и выходки. Я чувствовал себя в Кисловодске восхитительно. Война не беспокоила: больших столкновений не было, а мелкие стычки были в нашу пользу. Льеж держался, в победу все верили и, потирая руки, говорили о семимиллионной русской армии.

Первую неделю пребывания в Кисловодске я решил отдохнуть от занятий и наслаждался бездельем. Центральным моим занятием была игра в шахматы в парке. Я попал к началу турнира. Играло одиннадцать человек по две партии, игроки средней силы (третьей-четвёртой категории), а двадцать партий, которые надо было сыграть для турнира, обещали занять порядочное время. Я начал четырьмя выигрышам, продолжая славный ряд побед, начатых победой над Капабланкой. Но в конце концов пришлось и проиграть (выиграл партнёр).

бриджевые супруги - Нина и я, по обыкновению вместе.

С Ниной мы встретились никак, впрочем шло; иногда ссорились, иногда были очень нежны, но в итоге интересовались друг другом много меньше, чем в Гурзуфе. После долгого отсутствия, малорослая Нина показалась мне не очень интересной. Я чувствовал себя удивительно приятно и спокойно, был весел, жил текущими пустяками, был уверен в интересном будущем и ничего не желал. С Талей у меня была самая отличная дружба. Однако по прошествии недели мои отношения с Ниной перешли в полосу большей нежности. Произошло это после большого разговора, в котором с неподдельной тревогой она вспоминала о минувшей любви к «Америке» (понимай к Зайцеву). Роман этот разыгрывался в Гурзуфе перед моим приездом, а завершился в сентябре, когда Нина после полного разрыва с горечью уехала в Берн. Там она очень мучилась, пока чувство не утихло, хотя и теперь иногда ноет старая рана. Её рассказ, набросанный полуштрихами и полунамёками, произвёл на меня неожиданное впечатление и вызвал чувство нежности к его героине. Вообще Нина не очень примечательна, но иной раз в ней накапливается электричество, которое может притягивать и при прикосновении давать яркие искры.

Возвращаюсь к дачной жизни. Мирное её течение вскоре нарушило неполучение известий от главы семейства. По случаю войны и железнодорожной сутолоки срочные телеграммы еле доходили, а простые - не доходили вовсе. Однако внять этому Вера Николаевна не желала, каждый день сыпала в Петербург срочные телеграммы и, не получая на них ответов, сходила с ума от тревоги. В довершение всего из Петербурга перевели ей двадцать пять тысяч - тогда решили, что Алексей Павлович умирает, запретили играть в бридж, появились заплаканные глаза, небрежность и т.д., пока не получили сразу пачку телеграмм, пересланных по почте, извещавших, что Алексей Павлович жив, здоров, а двадцать пять тысяч послал ради успокоения. Все вновь повеселели и принялись за подготовку большого благотворительного концерта в курзале для семей запасных. Собственно концерт устраивали какие-то дамы-благотворительницы. Вера же Николаевна принимала лишь косвенное участие, заявив им о существовании в Пятигорске двух балерин, а в Кисловодске - лауреата санкт-петербургской Консерватории, сиречь меня. Кроме того, участвуют в концерте: Сафонов, всегда проводящий лето в Кисловодске, Тартаков и всякие другие местные и не местные знаменитости. С Сафоновым Мещерские знакомы довольно хорошо. Сафонов женат на Вышнеградской, с семьёй которой Мещерские довольно близки. Меня привели к Сафонову во время обдумывания программы. Там обо мне немного знали как о человеке, быть может, талантливом, но главным образом - расхваленном. Мне было интересно познакомиться с этой семьёй, так как Сафонова я, наравне с Рахманиновым, считал лучшим русским дирижёром. У него оказалось большое множество детей - несколько великовозрастных сыновей и N-ное количество дочерей: очень славная старшая, замужняя, довольно любопытная вторая, Варя, лет семнадцати, затем целая лестница более молодых. Я болтал всякую ерунду. О музыке с папашей не говорили: я в их мнении революционер, а они народ консервативный.

1-10 августа. Кисловодск.

Благотворительный концерт состоится первого августа, причём нерасторопные дамы-устроительницы собрались выпустить афишу лишь за десять часов до начала вечера, а потому публика ничего не знала и, несмотря на здешнюю популярность Сафонова, наполнился зал в числе, кажется, семидесяти человек. В день концерта на даче Мещерских царила толкотня: приехали глупенькие девочки из Пятигорска (балерины), я мерил фраки, так как мой остался в Санкт-Петербурге, девицы

Мещерские волновались, что не будет публики. К моему выступлению я относился в высокой степени безразлично - меня здесь никто не знает, а сочинений никто не поймёт, разве если бы написали в афише, что «лауреат Консерватории», но до этого не догадались. Вообще же вся комедия занимала. Приехала из Ессентуков мама, зашла в первый раз к Мещерским и попала к обеду, за которым стоял такой шум, что можно было ошалеть. Нина зашла в мою комнату осмотреть, хорошо ли я оделся, поправила галстук и сказала, что я мил, «можно прямо поцеловать». Я наклонился и поцеловал её. Нина засмеялась и убежала.

Так как в благотворительном концерте никто по обыкновению не хочет начать, а мне было наплевать, то я согласился начать концерт 1-й Сонатой, мелкие пьесы сыграл во втором отделении. Огромной гурьбой мы отправились в курзал. Я пришёл за кулисы, позволив себе опоздать на пятнадцать минут, но ещё не было ни публики, ни артистов, ни устроительниц. Гуляли. Прошёл час. Собрались: пятьдесят человек публики, все артисты и две устроительницы. Госпожа Васильева, единственная музыкальная устроительница, так как когда-то она училась у Сафонова, явилась за кулисы (остальные продавали цветы и сладкие пирожки) и взволнованно спросила у собравшихся артистов, делать ли концерт перед пятьюдесятью слушателями или нет. Решили делать и я вышел играть Сонату на специально для меня привезённом из Минеральных вод «Стейнвее». Но, о ужас, он звенел, ибо на струнах лежало что-то металлическое, которое перекатывалось из одного конца рояля в другой и отчаянно дребезжало. Только соображение, что в публике это не так слышно, как мне, дало мне доиграть Сонату до конца. Вообще же было так противно её играть под звон прыгающего гвоздя, что я еле сдерживал себя, чтобы не встать и не уйти. Встал из-за рояля я в полнейшей ярости и, сердито исполнив формальности поклонов публике, выругался за кулисами. Затем ушёл из курзала. Я сначала решил не продолжать во втором отделении и только немного успокоившись и стоя на предыдущей точке зрения на этот концерт - «наплевать», вернулся за кулисы. Mme Васильева:

- Вы, кажется, высказывали недовольство по поводу рояля?

Я ответил, что считаю непростительным халатность со стороны устроительниц, дающих рояль, в котором насыпаны гвозди.

- Вы, кажется, делаете мне замечание? - спросила Mme Васильева.

- Если вы считаете себя устроительницей, то да, - ответил я.

Mme Васильева очень взволновалась и сказала, что я ещё не так знаменит, чтобы возмущаться из-за гвоздей, насыпанных в рояль, а как человек воспитанный должен раскаяться в своих словах.

Затем служитель извлёк из рояля настоящий винт (что дало мне повод предположить, что это как раз тот винт, которого не хватает в голове Mme Васильевой) и я стал играть «Гавот», скерцо из 2-й Сонаты, Прелюд для арфы и Этюд №4. Мне хлопали и я раза два кланялся, а затем сидел в артистической с артистами Мариинского театра Тартаковым и Валицкой и мило с ними беседовал. В Кисловодске всё же нашёлся мой поклонник, который знает все мои сочинения, и приходил за кулисы выражать радость познакомиться со мной. После концерта я проводил маму в Ессентуки и вернулся на мещерскую дачу. В программе, оказывается, перепутали мою фамилию и написали Покровский вместо Прокофьев.

Далее жизнь вступила в обычное мирное течение. Я решил, что гулять довольно - надо заниматься. Кстати, мой шахматный турнир заглох, так как многие из участников разъехались, а устроители не сумели довести его до конца. Я успел сыграть из двадцати партий шестнадцать, выиграв из них тринадцать, и находился на втором месте, так как нашёлся чиновник Мельников с девятью очками из девяти. Деньги пожертвовали на Красный Крест, а турнир бросили.

Итак, я стал заниматься: 1) «Симфоньеттой», 2) английским у мещерской

англичанки мисс Эйзекс, той дамы, которая не отставала ни на шаг от девиц и мешала всем затеям. Впрочем, преподавательницей она оказалась очень хорошей и я даже начал разговаривать. Девицы фыркали, слушая мой прононс[43], а я отвечал:

- Подождите, через год я буду над вами смеяться.

В «Симфоньетте» я занялся второй и третьей частью, переделывая их существенно. Во второй середина совсем новая, впрочем из материала современного «Симфоньетте», предназначавшегося для оркестровой пьесы «Пейзаж», но неиспользованного. В третьей части я сочинил новую первую тему, а остальное изменил до неузнаваемости. Пока выходит мило и складно.

Были у Мещерских на чашку чая Сафоновы, Mr и Mme. Я не сомневался, что Mme Васильева наговорила им про меня всяких пакостей, поэтому держался réservé[44]. Тем не менее я начал было сообщать относительно винта, попавшего из её головы в фортепиано, но Вера Николаевна вовремя замяла разговор. Снимались, а мы с Ниной ссорились.

На другой день в шесть часов утра снялись с якоря и пошли гулять в горы. Молодёжь: Нина, Таля, я, Серж Базавов, правовед - довольно милый, несколько мальчишествующий юноша Томкеев, и мисс Эйзекс. Я обещал быть милым с Ниной, и так как она плохо ходит в гору, всё время тащил её за палку. Благодарность воспоследствовала и, когда мы, наконец, достигли Седла-горы и в изнеможении разлеглись на сене, мы с Ниной очутились рядом и, пользуясь выступом стога, скрывавшего нас от острых глаз мисс Эйзекс, лежали в самой нежной позе, услаждая отдых короткими поцелуями. На обратном пути мы с Ниной оказались вдвоём, так как выбрали более короткую дорогу. Мы очень мило провели этот путь, пока нас наконец не догнал запыхавшийся Томкеев, прося подождать мисс Эйзекс, которая еле плетётся, будто она хочет родить черепаху. Это последнее предположение породило всеобщее веселье и было предметом разговора до самого дома.

Так как я гулял без шляпы (сие модно), то лицо было беспощадно сожжено солнцем. Кожа лупилась дней пять. Оно любопытно, но не особенно приятно. С Ниной больше нежностей не было, но я, не в пример первой неделе, немного за ней ухаживал. Ласковое отношение часто прерывалось ссорами, без которых не проходило дня. Дважды в неделю я ездил в Ессентуки к маме. Уезжал в 3.15, проводил там два часа и с шестичасовым поездом возвращался обратно. Мне было приятно увидеть милые Ессентуки.

От Катюши письмо: померла от рака её мать. Бедную Катюшу очень жаль: в шестнадцать лет остаться одной перед лицом суровой жизни - тяжело, и я искренне ей сочувствую.

Я очень интересуюсь и даже волнуюсь - где Мясковский. Два месяца нет от него сведений и ясно, что он, как бывший офицер, призван сражаться. Куда ему, беспомощному Колечке! Я запросил и сестёр его, и Захарова и теперь жду ответа. А между тем на даче Мещерские уже получили телеграмму с театра войны: убит полковник Комаров, их дядя. Плакали, служили панихиду. А вообще сильное впечатление, когда война затрагивает более непосредственно. С театра войны сведения приходят смутные: немцы наводнили Бельгию, Вильгельмина уехала в Аахен, боялась, что немцы всей силой хватят в этот угол, французы и англичане не успеют приготовиться и их разобьют. На немецко-русской границе мы начинали наступать, но неизвестно, очень ли серьёзно, а смерть полковника Комарова произвела впечатление, будто мы потеряли много убитыми. Однако в победу все верили, все стены были увешаны картами, вырезанными из газет, а на

[43] Произношение, от prononcer (фр).

[44] Сдержанно (фр).

карте Европы делили побеждённую Германию между союзниками.

11-20 августа. Кисловодск.

Этот период ознаменовался исключительно нежными отношениями между Ниной и мной. Произошло это следующим образом. В ночь на одиннадцатое у Нины болело сердце, она промаялась с вечера до утра и вышла к кофе бледная, слабая и мрачная. Мне было жаль её и я всячески старался развлечь и успокоить её. На другой день всё прошло и мы уже успели поссориться. Перед отъездом неизвестно почему нашла на меня хандра - должно быть, угрызения совести, что я мало занимаюсь, когда надо торопиться с «Симфоньеттой», - во всяком случае у меня уже несколько месяцев, как не было дурного настроения и в этот день оно длилось весь обед, во время которого я сидел, уткнувшись в тарелку, и ни с кем не разговаривал. После обеда я уселся за рояль и принялся играть всё подряд с большим выражением, что доставляло мне удовольствие. Когда я доиграл «Балладу» Грига, Нина, помня моё вчерашнее сочувствие, подошла ко мне и стала не без нежности приставать с самыми добрым целями. Но я был сердит, прогнал её и принялся играть дальше. Затем я ушёл гулять и, выветрив в течение двухчасового хождения своё настроение, вернулся к чаю в отличном расположении духа. На этот раз я встретил полное презрение со стороны Нины, которая мне на прощание сунула руку особенным уничтожающим толчком; раньше она уже объясняла мне, что так она подаёт руку «Америке» после разрыва. В следующее утро такая же рука, а за завтраком полное презрение. Но так как Нина была очень мила, то после завтрака я привязался к ней с шуткам, глупостям и нежностям, она не удержалась и стала смеяться. В этот день Нина и Таля собирались к Сафоновым, у которых довольно часто рисовали в обществе сафоновских девиц, тоже художниц. Сам Сафонов высказывался несколько раз, что хотел бы ознакомиться с моим сонатами, а потому я собирался в один из этих дней пойти и сыграть их. Я спросил у Нины, позволит ли она мне прийти сегодня к Сафоновым. Нина, которая всё ещё не успела простить меня, пожала плечами и, презрительно фыркнув, сказала:

- Мне-то какое дело!

Однако, уходя к Сафоновым, подошла к столу, у которого я сидел за шахматам, и спросила:

- Так что-ж, пойдёте к Сафоновым?

На этом они ушли, а я уселся играть в бридж с братом и сестрой Базавовыми. Часа через полтора я кончил играть и собирался идти, но столкнулся с вернувшейся Ниной, у которой сделалась такая мигрень, что она принуждена была вернуться домой. Все её петушиные настроения исчезли, Нина была мягкая, тихонькая. Она сказала, что я был бы очаровательным молодым человеком, если бы не все эти дурацкие выходки и грубости. Я хотел идти к Сафонову, все собирались гулять. Нина оставалась одна со своею мигренью. Она сказала:

- Вот были бы вы паинькой, так остались бы посидеть с больной...

Я совершенно определённо собирался к Сафонову, которому мне было весьма интересно сыграть сонаты, но сразу изменил решение и остался с Ниной. Так мы просидели часа полтора в самых амикальных[45] разговорах, и с этой поры установились саше нежные отношения, не прерывавшиеся ни одной ссорой. На другой день, под предлогом чадящего в столовой самовара, сидели в моей комнате и читали статью о войне Михайловского из «Русского слова». Играли в четыре руки Симфонию Бетховена и даже Чайковского. Нина врала, конфузилась, но

[45] Дружеских, от amical (фр).

играла.

Возвращаясь к моему визиту к Сафоновым - он состоялся несколько дней спустя, причём обе Сонаты были сыграны в присутствии всей сафоновской семьи. 1-я Соната была принята относительно равнодушно, зато Вторая очень тепло, особливо спускающийся аккорд в третьей части. Пианизм похвален, а на экземпляр высказано посягательство, что весьма мне польстило. Муля, дочь №3, семнадцати лет, сказала Тале, что будет учить мою 2-ю Сонату.

С Mme Васильевой я не кланялся, кисловодского поклонника изредка встречал в парке, в шахматы почти не играл. Зато бридж дома процветал к огорчению Веры Николаевны. «Бриджевые супруги», Нина и я, играли теперь мирно и согласно; выигрыш сопутствовал их союзу. Бридж прекратился семнадцатого числа с отъездом Сержа Базавова в столицу, ибо Томкеев, ухаживая за кем-то, стал появляться реже и партнёров не стало. Я очень сожалел, что Серж уехал: по вечерам, улёгшись в постель, не с кем было порассуждать о войне и военных планах, а поутру - не с кем посоветоваться, пора вставать или нет.

В Ессентуках был раза три. Там заметно пустело. Мама кончила курс лечения и собиралась в Кисловодск, куда Смецкие уже переехали. Мясковский нашёлся: он в Боровичах, обучает какую-то ополченскую роту, но пишет только о музыке. Я страшно обрадовался его письму. Хорошо и то, что он в ополченской роте, по крайней мере не так скоро будет под огнём.

Война радовала: опасения о поражении французов и англичан в Бельгии, по-видимому, не оправдались - сражение кончилось вничью и мы за этот край поуспокоились. Зато наши шаг за шагом шли по Восточной Пруссии. Что ни день, то новый город занят, под конец на это смотрели как на привычную вещь. И когда девятнадцатого я весело пришёл на вокзал, чтобы проводить Н.Н.Смецкого и встретить приехавшую из Ессентуков маму, то как громом хватило известие о том, что два наших корпуса разбиты, а три генерала убиты. Одни совсем пали духом, другие ругали наших начальников, третьи говорили: вот они, немцы! Я был очень огорчён, но решил и говорил, что нельзя же занять Берлин без потерь. Кое-кто соглашался, но большинство считало меня мальчишкой.

По-английски я занимался, будучи по-прежнему довольным преподаванием мисс Эйзекс. По вечерам, после десяти часов, когда Вера Николаевна (прозванная мною Вильгельмом за деспотизм) уводила Нину и Талю спать, я оставался в обществе Томкеева. Ему не хотелось идти домой и он дремал в кресле с газетой, а я писал английский перевод. Затем мы съедали арбуз и расходились. Урок я брал раза два в неделю и учил слов шестьдесят.

Моим пребыванием в Кисловодске я очень доволен.

20-31 августа[46]

Период весьма замечателен.

Но сначала общая обстановка: мои утренние прогулки, занятия четыре часа вечером английским.

22 августа. Отъезд Томкеева.

23 августа. День рождение Тали. Подарок. Икра.

25 августа. Приезд Алексея Павловича.

[46] Черновые записи, очень неразборчиво. (Прим. ред.).

26 августа

Именины Тали. Утро божественное.

Я повёл Алексея Павловича в ванную, пропустив утренние занятия. Я, по-видимому, нравлюсь Алексею Павловичу. После завтрака дождь стих. Вера Николаевна просила пригласить маму на денной чай. Гости, фотографии, мама оглушена шумом. Вечером концерт Сафонова. Я перед обедом сижу в chaise-longue. Нина вышла к концу одетая и причём с красным цветком у пояса. Очаровательно. Я смотрел в восхищении. Её улыбка и глаза. Вдруг Нина подошла сзади и горячо поцеловала. После обеда молодёжь отправилась вперёд. Я сижу между Ниной и Талей. Очень кокетничаю с Ниной. Гуляем в стороне. «Ведь вы меня очень любите, Серёжа». «Ну конечно, очень».

30 августа

Я возвращаюсь очень весёлый от мамы. У пианино. Манифест. Нина дрожит, якобы от холода. Все провожают Сафонова. Я иду с Ниной и всё время о манифесте. Я обиженно протестую, называя это нелепой выдумкой. Проводив Сафонова, я возвращаюсь домой молча. Но за обедом отношения восстанавливаются. После обеда я сел у пианино. Нина сейчас же пришла. Маленькое замешательство. Нина подходит ближе, я предлагаю сыграть в четыре руки, зная, что это для неё большое удовольствие. Играем 3-ю Симфонию Бетховена. Желание Алексея Павловича - акт из «Китежа». Всю ночь сны и мысли о предстоящем «разводе».

31 августа

Утром я принял решение. Мне начинало это нравиться. Во время моих занятий Нина приходила и садилась в моей комнате на балконе. Я объявил о принятии манифеста...

11 сентября

Ровно в полдень я покинул Николаевский вокзал и в такси пересёк новоимённую столицу Петроград. Война и перемена названия не отразились на её внешности. Петроград выглядел весьма приветливо.

Дома - приятная встреча с мамой, пачка писем (от Лели Звягинцевой с трогательным вниманием полудетской влюблённости), затем из Студии с приглашением дать знать о себе, что я немедля и исполнил через посредство телефона. Там меня очень любезно приветствовали, прося завтра зайти, и сообщили, что ко мне в класс уже есть две ученицы. Собственно, больше я и не ожидал, будучи уверен, что это учреждение с наилучшими намерениями, но без учеников. Болтал с Захаровым, который баллотировался в преподаватели консерватории (это очень мило!) и с которым уговорился на днях повидаться. Затем я отправился к Шредеру за премированным роялем. Я очень забавлялся сам собой, когда входил в магазин. Мне представлялась такая картина: к начальнику магазина входит служитель и говорит:

- Барин, там лауреат за роялем пришёл. В передней стоит.

- Ах, чёрт бы его подрал, каждый день шляются. Ну выдайте ему похуже, пусть убирается.

На самом деле вышло так: меня принял управляющий, поболтали о том, о сём, и предложил на выбор три рояля, очень неплохих, хотя на первый взгляд ужасно маленьких. Впрочем цена каждого - 1050 рублей, очень порядочная. Если мне эти

рояли ие понравятся, то через неделю с фабрики будет другая партия. Я поиграл, поблагодарил и ушёл, обещая зайти с товарищем. Отправился я к другому Шредеру, однофамильцу, настройщику и комиссионеру, взявшему на продажу мой старый «Ратке». Но тот жалуется на безделье из-за войны. Рояль мой стоит скромно в углу непроданный, а я сижу без денег в приятной надежде, что если рояль продадут, то получу шестьсот рублей. Вместо того, чтобы идти домой, я прогулялся по Невскому и Морской и встретил необычное количество знакомых: Рузского, Андреевых, Ершова и прочих, человек пятнадцать. Рузский мил, но видимо, расцвёл военными успехам кузена; намекнул, что один композитор уже написал кантату на взятие Львова. Таня и Ира - сёстры милосердия и уже во Львове. Ловко! Андреевы, и муж, и жена, милы очень; я с ним - вдвойне. Всякие лондонские укусы с Анной Григорьевной забыты. Ершов имеет небритый и обиженный вид. Говорит, его за старания в вагнеровских операх теперь бойкотируют. Вернувшись домой, долго болтал с Дамской по телефону. Я захлебываясь говорил о Кисловодске. Она говорит, что в Консерватории по обыкновению толкотня. Про меня много разговоров. Появились Струве, Липинская, Черепнин, Николаев и всякие прочие. Белокурову она видела у нотного магазина, смотрящую в витрину и смеющуюся. Дамская подошла и увидела, что в витрине плакат «Новинка», а под ним мой фортепианный Концерт. Очень приятно.

12 сентября

Утром писал дневник о Кисловодске. Ходил в Волго-Камский банк за нотами и всякими спрятанным там документами и письмами. Днём ходил с Кокочкой Штембер к Шредеру спросить его мнение о рояле. Он здорово начинает играть на рояле. К моим рассказам о лондонских успехах, путешествиях относится с восхищением. Затем я пошёл в Студию, занимающую приличного вида квартиру на углу Литейного и Симеоновской. Хозяйка Студии, госпожа Левенстерн, была очень любезна и слегка взволнована. По-видимому, дела у них идут туго. Учениц у меня будет две, одна из Москвы, другая переходит ко мне из Консерватории от Кимонт. Я не смущаюсь, что попадаю в такую скромную лавочку, а скорее забавляюсь. Получать я буду семь рублей в месяц с морды. Превосходно! Точно пенсия отставному солдату.

Гулял по Невскому, но на этот раз никого не встретил и только устал. Дома прочитал дневник за прошлогодний Гурзуф и последовавший за ним сентябрь. Как забавно читать то, что было совсем иначе. Я легкомысленно торжествовал победу над Зайцевым в тот момент, когда Нина умирала от неудачной любви к нему. И теперь эта сквозящая под строчкам драма Нины меня ужасно трогала. В восемь часов вечера зазвонила Надя Штембер и затараторила:

- Кокочка сказал, что ты стал такой душка, а если придёшь сегодня к нам, то будешь душка в квадрате. Приходи и приходи!

Я пошёл. Надя и Соня стали такими великаншами, что страшно смотреть, особенно по сравнению с Ниной. Обе хорошенькие немного грубой красотой. С обеими на «ты». Кокочка с блеском, жёсткостью, но неплохо исполнил Концерт Листа. Я играл мой 1-й Концерт, который имел успех у всей молодёжи.

13 сентября

В десять часов утра поехал в Александро-Невскую лавру на заупокойную обедню сорокового дня кончины А.Н.Есиповой. Народу человек тридцать, всякие её приближённые, к которым я был либо равнодушен, либо враждебен. Хор пел с художественной тонкостью, но плохую музыку. Идея написать панихиду: строгую.

печальную и сердечную. Заходил на могилу Чайковского. Могила Анны Николаевны утопала в цветах. Очень любезен Габель.

После панихиды с Захаровым были у Шредера. Захаров одобрил тот же рояль, что и Штембер, и я просил его прислать мне. Во вторник будет, а через неделю сделают серебряную дощечку, свидетельствующую о премии. Меня ужасно радует эта дощечка.

Позавтракав дома, пошёл к двум часам в Консерваторию на вторую панихиду по Анне Николаевне, очень обрадовавшись предлогу сунуться в Консерваторию. Перво-наперво расцеловался с Черепниным, который был небрит, как ёж. Зато очень мил и мы много разговаривали. Струве загорела и похорошела, приятно глядеть, и я с удовольствием поболтал с нею. Вообще же толпа народу, шум - я умер, а жизнь после меня кипит.

Дома меня ждала корректура Op.12, которой я обрадовался до чрезвычайности. Мои милые разношёрстные пьески, с какой любовью я рассматривал их! Кроме того, важно то, что война не приостановила деятельности Юргенсона. Я ему пошлю 2-й Концерт, а то надо же «откинтелева-нибудь» денег раздобыть.

Вечером делал корректуру с большим удовольствием и говорил по телефону с Дамской. Вдруг позвонила Нина. Она очень мило разговаривала, я внутренне ужасно обрадовался и весело болтал. Я предполагал развод выразить полным холодом - развестись так здорово. Но мне было радостно услышать несколько приятных вещей, которые ввернула Нина в свой разговор.

14 сентября

До двенадцати корректировал, а затем пошёл к Захарову завтракать. Опоздал и попал, когда все уже сидели за столом. После завтрака вели разговоры с Борисом в его комнате и проигрывал ему некоторые пьески из Op.12. Он наслаждался «Ригодоном» и возмущался ущемлениями в «Марше». В три часа я отправился домой, скоблил «Симфоньетту», а в пять поехал с визитом к Мещерским.

Я чувствовал лёгкое волнение, когда подходил к дому, но мне было приятно, что я увижу Нину. Она сидела за роялем одна. Разговор был милый и непринуждённый. Я внутренне радовался. Внешне держал себя в рамках «декрета».

Когда я вечером сидел дома, скобля «Симфоньетту» и кончая корректуру. Нина была нежно мила моему сердцу. Звонил Башкиров и звал к себе. В четверг пойду с удовольствием.

15 сентября

Скоблил «Симфоньетту» и выскоблил все ошибки. В это утро я плохо работал. Впрочем к двум часам выучил сто английских слов и пошёл на Моховую к мисс Эйзекс на урок. Урок прошёл бойко, после чего я отправился к Гостиному двору, где было назначено свидание с Дамской, с которой мы пошли гулять и проходили два часа.

Вечером пробовал писать дневник о лондонском пребывании и долго звонил туда и сюда, разыскивая Городецкого. Каратыгин говорит, что: 1) он не на войне; 2) начал писать балет. Дягилев умудрился нажиться на войне, получив массу авансов с немецких городов на гастроли в октябре, и теперь, положив в карман, едет гастролировать в Америку. Ну разве не талант?

Начал корректировать «Балладу». Сегодня у петроградского Юргенсона мне сказали, что московский, Борис Петрович, взят в войска в качестве бывшего офицера и теперь где-то в Туле. Вот тебе и раз, он выглядит седым и пожилым. Откуда же я буду доставать деньги? Теперь некому послать и 2-й Концерт!

16 сентября

Кончив корректуру Op.12, принялся за корректуру «Баллады», она у меня ещё с Кисловодска лежит нетронутая. Просидел с нею до завтрака, а затем отправился в Студию на мой «приёмный экзамен».

И смех, и горе, всего одна ученица, которая всё время упрямо смотрела вниз и говорила басом. Госпожа Левенстрен познакомила нас и ушла. Я заставил играть её, то что она умеет. Она довольно ловко отбарабанила из Gradsad Parns, иногда запинаясь от страха, затем играла гаммы, арпеджии. Я разгуливал по комнате и развлекался моим профессорским положением. Спросил у неё, что она умеет из Бетховена и, узнав, что учит 2-ю Сонату, предложил ей принести её в пятницу. Затем отпустил домой.

Из Студии прошёлся по Невскому. Встретил Штеймана. Штейман сочинил какую-то симфоническую пьесу и зовёт зайти к нему. Штейман очень милый человек, но политикан, и ни в чём ему нельзя верить.

Вечером поехал с мамой к Андреевым, где должен был состояться «винт», который, однако, не состоялся вследствие обмана партнёра. Говорили, что может быть приедет Вера Николаевна. Вдруг звонок и явление: Нина, Таля и она. Нина уселась вблизи меня и прежнее форсированное внимание возобновилось. В Кисловодске я обещал Нине написать романс, выразив в нём характеристику её, а может быть, наших отношений. Нина очень дорожила этим обещанием. Теперь я объявил, что напишу ей романс на сокращённый текст «Гадкого утёнка» Андерсена, это ли не будет её характеристика? Нина сказала сначала, что это издевательство, а потом видя, что я совершенно искренне интересуюсь идеей написать на «Гадкого утёнка», решила подумать.

Мы провели весь вечер вместе. Опять ряд приятных вещей и намёков, показывающих, как не умерло в ней всё кисловодское.

17 сентября

Утром кончил корректуру «Баллады», а в три часа с мамой поехали к Мещерским поздравить Веру Николаевну с именинами. Теперь модно вместо конфет и цветов именинницам жертвовать деньги на раненых, чего требовала от меня и Вера Николаевна. Я отнекивался, что у меня вовсе нет денег, но вчера вечером послал ей по почте поздравление и квитанцию на два с полтиной и примечанием, что это «фунт с четвертью приличных конфет». Когда мы приехали (мама в первый раз), Вера Николаевна долго не появлялась, а занимали дочки. С Ниной обсуждали «Гадкого утёнка», затем Нина звала меня играть в четыре руки «Мейстерзингеров», я отмалчивался или отшучивался, а Нина говорила, что такое отношение её обижает.

Зайдя на обратном пути к Штемберям и купив два экземпляра «Гадкого утёнка» (в двух переводах), я вернулся домой, поздравил по телефону Голубовскую (но она хоть Надежда, но еврейка и отказалась от поздравления), Дамскую - с сестрой и Захарова тоже. Он огорчён, что не попал в преподаватели Консерватории (в этом году решили не увеличивать штаты), но мил и просит устраивать бридж.

В восемь часов привезли наконец мой премированный рояль. Я был очень доволен, горд и что хотите. Кроме того, я за эти дни просто соскучился без инструмента.

Играл на рояле всё подряд. Мешала начинавшая болеть голова.

Позвонил Нине якобы на тему о «Гадком утёнке». Она обещала попробовать сделать сокращения и прислать мне в письме, а на прощанье сказала, что я её вообще огорчаю.

18 сентября

Утром была немного тяжёлая голова, вследствие чего я серьёзно не занимался «Симфоньеттой», как хотел это сделать по получении рояля. Кое-что, однако, в побочной партии финала надумал. Проиграл корректуру, вообще играл на рояле и читал по-английски. В три часа пошёл к Штейману, который просил проглядеть его симфоническую вещь, необычно запутанную партитуру, вдобавок скверно написанную карандашом. Я ничего, разобрался, но устал. Разговаривали про Дягилева и про его системы заключения всяких контрактов. Я решил, что балет, независимо от войны и отсутствия контракта, необходимо сочинить, а там будет видно. Дягилев так восхищался моею музыкой, что если его антреприза будет существовать, то и мой балет пойдёт. Необходимо теперь доискаться, где же Городецкий.

Вечером я отправился к чёрту на куличики на Калашниковую набережную к Башкирову. Он был, по обыкновению, любезен, мы рассказывали друг другу о проведённом лете, а затем без конца рассуждали о войне. Он говорил с пафосом и увлечением, по-видимому, будучи крайне захваченным текущими событиями. Я с интересом слушал его. Затем позвонила его сестра, которую я как будто встречал раньше, и стала звать нас обоих к ним. Мы отправились на Французскую набережную. Сестра - княгиня, какая не знаю, - очень милая дама, занимающая шикарную квартиру. С десяток гостей бриджевали. Мы играли в шахматы. Несмотря на тысячу протестов с моей стороны, заставили играть мои сочинения и «Тангейзера». Башкиров, по обыкновению, растаял от «Тангейзера» и, провожая меня вниз по лестнице, ухаживал за мной до одурения и просил давать ему уроки. По мокрой, но приятной погоде, я шёл домой очень недовольный, что поздно ложусь спать. Я завтра собирался заниматься, а тут опять утро пропадёт.

19 сентября

Так и есть, проспал до половины двенадцатого и успел лишь позаниматься инглишем.

В газетах объявлено, что концерт Зилоти отложен до будущего сезона, ибо Дворянское собрание отдано под раненых. Как ни странно, я не огорчился. Причин две: 1) я освободился от обязанности наскоро доделывать пятую часть «Симфоньетты»; 2) в этом году публика как-то занята совсем не тем и моё выступление прошло бы вяло.

В два часа - урок у мисс Эйзекс, а затем Студия. Новая (вторая) ученица, два года назад учившаяся в Консерватории у Кимонт, чёрная, немного рыхлая, но ласково глядящая, высказала довольно милое исполнение и поверхностную технику. Зато другая, прошлого урока, имела технику бойкую. Что касается исполнения, то я внимательно прошёл с ней 2-ю Сонату Бетховена, убив на урок три четверти часа. Затем прошёлся по Невскому и Морской и вернулся домой.

Вечером собрался было заниматься, но передумал и решил пойти в «Сокол». Позвонил Кокочке Штемберу, он зашёл за мной и отправились. Я думал, что «Сокол», имевший девизом объединение славянства, теперь, во время великой борьбы, примет деятельное участие и боялся, что регулярные гимнастические занятия пострадают, но не тут-то было: занятия шли по-старому, как будто славяне и не думают объединяться. Я-то впрочем очень доволен, ибо хожу в «Сокол» исключительно ради гимнастики.

После занятий Штембер заходил ко мне, слушал Ор.12, восхищался как сумасшедший и высказывал понимание, отдав предпочтение: «Легенде», «Алеманде» и фаготному скерцо.

20 сентября

Утром писал «Ньетту»[47] - скерцо. После завтрака пошёл пройтись, а кстати снести Юргенсону корректуру «Баллады». Он извиняется, что задержал вторую корректуру, потому что гравировщик - немец, его забрали в Вологду, а с ним исчезли и доски, пока их теперь разыщешь. Прогулявшись по Невскому, вернулся домой. С большим удивлением получил письмо от Нины с шестистраничным сокращённым изложением «Гадкого утёнка», небольшим рассуждением, приглашением прийти развлечь её «никнущие нервы» и с приложением летней фотографии группы, в которой Нина в упор смотрит на меня. Изложение «Утёнка» сделано весьма недурно, и я без промедления принялся за музыку, за сочинением которой прошёл весь вечер. Сочинял с удовольствием. Это мой стиль - и он найдёт воплощение в опере, которую я напишу.

21 сентября

Всё утро «Утёнок». Этот стиль - новый в моих сочинениях. Но он назревает уже больше года. Идея пришла полтора года назад в Лондоне, во время слушания сцены в корчме из «Бориса Годунова». Первая попытка - музыкальное письмо к Захарову, написанное прошлой осенью.

В час дня ко мне явился Юрасовский, приехавший в Питер по военным делам для отправления санитаром в действующую армию. Он по обыкновению много говорил, впрочем был мил, похвалил «Сарказмы». Затем мы вместе гуляли по Невскому. В шесть часов звонил Нине, сообщая об «Утёнке». Много говорили и много смеялись. Я сказал, что под заглавием «Гадкий утёнок» будет написано: «Ему же и посвящается». Это повергло Нину в ярость:

- Будет ваших издевательств, я хочу серьёзно, позвольте отменить это, - и прочее.

Я смеялся от души. Завтра зовёт обедать. Я пойду и. конечно, с удовольствием. Вечером несколько удачных эпизодов для «Утёнка» и довольство этой пьесой. По настоятельному приглашению Башкирова, всё ещё пребывающего в восторге от моего исполнения «Тангейзера» у его сестры, поехал к нему. Он сидел у окна и ждал меня. Беседовали, он рассказал много интересного, между прочим, про некую Mme Страхович, с которой он познакомил Капабланку и в которую сей последний влюбился, не получив из-за этого первый приз. Я ему играл Fantasienstuck'и Шумана, которые ему страшно понравились. Домой он меня проводил в автомобиле.

22 сентября

«Утёнок». Сочинял до часу и кончил всю первую часть: утёнок перепрыгнул через забор, и этот забор я поставил в виде увесистого до-мажорного аккорда. Заходил Штембер, который брал мой Ор.12 играть, и снова восхищался «Легендой», «Алемандой» (это первый её успех, который меня крайне радует), Скерцом для фаготов и «Каприччио». На самом последнем *я* зачеркнул «Вере Николаевне Мещерской», - что за безобразие, право: про пьесу, которая мне нравится, упорно говорить, что она - гадость. Теперь красуется «Тале Мещерской»: я давно хочу посвятить что-нибудь Тале, а «Каприччио» ей нравится. По-видимому, это перепосвящение произведёт в их семье сенсацию. Пока я никому ничего не говорил и поехал к ним обедать. Нина выглядела теперь зелёной и нервной. Посадила меня за рояль и заставила играть в четыре руки «Мейстерзингеры». Вела она себя

[47] «Симфоньетта» (Оп.5/48).

необычайно: то нервничала, то ругала меня, то говорила, что я её огорчаю. Возмущалась моим проектом посвятить «Утёнка» - «ему же», требовала сделать серьёзное посвящение. После обеда увела меня к себе вниз показывать стихи для романса, затем мы долго сидели вдвоём в биллиардной нежно рядышком. «Декрет» продействовал двенадцать дней.

Когда я со всеми попрощался и собрался уходить с Томкеевым, Нина увела меня вниз. Внезапно вернувшись из гостиной, Вера Николаевна едва не накрыла нашего tête-à-tête'а. Домой я шёл пешком и несколько раз ловил себя на том, что всё время улыбался.

23 сентября

Утром «Утёнок», затем урок у мисс Эйзекс и Студия. Первая ученица, рыжая, Козлова, очень неплохо сыграла 2-ю Сонату Бетховена; говорит, занимается четыре часа в день. Я занимался с удовольствием, показывая ей тьму вещей, исправляя ритм, удар, оттенки. Другая не выучила вещь, но моляще смотрела в глаза. Предложил ей в следующий раз являться в класс с выученными вещами. Прошёлся по Невскому и вернулся домой. Долго говорил с Дамской по телефону. Элеонора неизвестно откуда узнала мне адрес Городецкого и сегодня я написал ему письмо. Вечером был в «Соколе» и занимался гимнастикой до изнеможения.

24 сентября

Должно быть от очень старательной гимнастики сегодня проснулся с головной болью. У меня боль в голове такого характера, что проходит, ежели удастся чем-нибудь увлечься: забыл о том, что голова болит - и боль прошла. Поэтому я занимался «Гадким утёнком». Правда, сочинил лишь несколько отрывистых эпизодов, но зато порядочно переписал его и так увлёкся этим занятием (я люблю переписывать сочинения - как-то из грубых несуразных набросков выплывает приличного вида вещь), что голова почти прошла. Я прошёлся, пользуясь восхитительной погодой, по Невскому, набережной, полюбовался сиявшей на солнце Невой и вернулся домой. Позвонил Нине. Нина была очень мила и не очень мила. Когда мы кончили говорить, я решил, что она меня огорчит и отправился провести вечер к Башкирову, который меня очень звал. Он, по обыкновению, был исключительно любезен, восхищался моей игрой, исполнением Aufschwung'a, говорил, что и его сестра, княгиня Магалова, восхищается, читал мне свою военную статью (недурно) и стихи (хуже), просил давать уроки. Я, кажется, соглашусь, просто потому что у меня денег нет. Провожал меня пешком домой и говорил, что по окончании войны покупает себе большой автомобиль «Пежо» и предлагает мне ехать с ним в Константинополь через Киев. Одессу. Румынию. Это восхитительно! Меня всегда очень привлекала длинная поездка в автомобиле, мы с Максом не раз строили всякие планы. Я страшно доволен приглашением.

25 сентября

Мои именины. Вчера, когда я пришёл домой, мама сообщила, что звонила Нина - Мещерские приедут поздравлять меня с Ангелом. Это очень мило. А появление Нины в моих покоях меня прямо обрадовало. Утром я кое-что подделал в «Утёнке», но настроение было не очень рабочее. От мамы подарок - двадцать пять рублей. Прямо пропасть, принимая во внимание военное время с одной стороны и полное отсутствие ресурсов у меня с другой. В два часа пошёл в Консерваторию. Там я пошатался час не без удовольствия, перевидал довольно много народу. Струве

похорошела и как-будто не очень дичится меня; очень интересная, прямо приятно смотреть на неё. Алперс звала к себе и вообще под обыкновенным разговором робко выражала своё внимание. Я вернулся домой и немого привёл мою комнату в порядок. Приехали Мещерские: Нина, Таля и Вера Николаевна. Девицы были очень милы, вертелись и тут и там, больше в моей комнате, рассматривая всякие предметы. Я наиграл то, что написал в «Гадком утёнке». Они никак не ожидали, что выйдет «так хорошо», и временами были прямо в восторге. Пили шоколад.

Мещерские торопились и вскоре уехали. Вечером у мамы сидела госпожа Павская, а я отвечал на поздравления и писал письмо Моролёву.

26 сентября

Утром я вскочил пораньше, чтобы успеть подвинуть «Утёнка», затем поучил английские слова и поехал к Рузским. Вчера я догадался поздравить его с рождением Иры, он был тронут и позвал меня сегодня завтракать, говоря, что на днях уезжает на театр военных действий. Оказалось, что он удобно устроился в вагоне какого- то заведующего движением и вместе с ним объедет и Вержболово, и Львов. Я ему очень завидую. Mr и Mme крайне любезны, много говорили про своего кузена и не без гордости. Да и впрямь, он теперь надежда всей России и моя. Дмитрий Павлович, брат Николая Павловича, приставал, чтобы я написал патриотическое произведение. Я отвечал: нет.

От Рузских я еле поспел к мисс Эйзекс на урок, а от неё в Студию - принять новую ученицу. Это была нервная барышня, в чрезвычайно прозрачной блузке, волновавшаяся, нервно смеявшаяся и сделавшая мне книксен на прощанье. Этим книксеном я потом хвастался направо и налево, а многие возмущались, как это можно мне делать книксен.

Прогулка, вернулся домой, читал по-английски, был в «Соколе» и длинно говорил по телефону с Дамской.

27 сентября

Хотелось кончить «Утёнка», так как вечером буду у Мещерских и они просили принести его. Но не тут-то было. Оказалось, что его «странствования» вышли тяжёлыми и чересчур всерьёз; пришлось вместо окончания «Утёнка» переделать их. Впрочем, вышло ничего. Особенно меня радует место «иногда он часами сидел в камышах».

Вера Николаевна просила маме позвонить, чтобы Таля, которая ходит в качестве сестры милосердия в соседнюю с нами Александровскую больницу, заходила к нам днём выпить чашку чаю и передохнуть (очень жаль, что Таля, а не Нина, но Нина не способна быть сестрой милосердия). Сегодня Таля была у нас со своей подругой Mlle Хреновой. Мне пришлось скоро уйти. В пять часов я вернулся домой, застал Серёжу Себрякова, а вслед за тем явился Башкиров принимать урок. У него очень хорошая рука, но степень его уменья не превышает зачаточного состояния. Особенно ужасно его чтение нот: он по складам разбирает лёгкую сонату Моцарта! Я полагал, что он играет гораздо лучше и не стал бы заниматься, если бы он не был мне симпатичным. После урока он сказал мне:

- Сергей Сергеевич, условия урока такие, как я понял из нашего предыдущего разговора.

- Я ничего не давал вам понять.

- Ну да, но вы говорили о десяти рублях, которые берут получившие премию.

- Борис Николаевич, я две цены не имею, я никогда не давал уроков. Что-ж я буду вас грабить...

- Помилуйте, какой же тут грабёж, я считаю, что это самая настоящая цена.
- Как хотите, Борис Николаевич.

Против десяти рублей за урок я, конечно, ничего не имею, я действительно о них намекнул ему очень осторожно, а теперь, когда у меня пустые карманы, это более чем кстати. Я даже горд, что час моей работы оценён в десять рублей.

В девятом часу мама и я отправились к Мещерским. Нина выскочила с не без кокетства перевязанным горлом: оно у неё болело, был насморк и лёгкий жар, который она скрывала, но который украшал её щёки лёгким румянцем. «Гадкий утёнок», сыгранный интимно за роялем, нравится до чрезвычайности и Тале, и Нине; Анна Григорьевна не пришла, а Николай Васильевич изволил одобрить. За чаем Нина посадила меня рядом с собой, говорила, что «Америка» наполовину скрылась под водой, а вместо неё выступает большой незаселённый (?!) участок земли. Затем мы в кабинете вперебивку писали Олегу письмо. Далее Нина объявила, что «декрет» должен взойти снова в силу, что она уже об этом думала.

Простились мы друзьями. Я посадил маму в трамвай, а сам пошёл пешком, в результате огорчённый, решив, что у Нины удивительный талант дёргать во все стороны. Это красной нитью проступает и в её рассказах про других. А сейчас против меня, как против Антверпена, поставлена 16-дюймовая пушка.

28 сентября

Целую неделю я аккуратно все утра сочинял «Утёнка». Сегодня можно и вздохнуть. Сыграл 6-ю Сонату Скрябина и нашёл в ней много интересного. В прошлом году меня не хватило разобрать её всю до конца. Затем всё же кое-что сделал в «Утёнке». Ездили с мамой на папину могилу. Хотел найти свежую могилу Лядова, но не удалось. Памятник в скифском характере Римскому-Корсакову мне сегодня очень понравился. Вернулся домой, но Городецкий не звонил. Вчера он в ответ на моё письмо звонил и объявил, что сюжет для балета задуман. Надо узнать моё мнение, да послушать мою музыку - и он будет живо готов. Вчера вечером он меня звал к себе, но я шёл к Мещерским и не мог. Сегодня он обещал сказать, когда теперь он может увидеться со мной, но не позвонил. Я позвонил тогда Элеоноре и по солнечной погоде пошёл с ней гулять, а затем навещать Раевских, вернувшихся из деревни.

Относительно Нины и её намерения возобновить «декрет» думал и решил, что если она станет проводить это в исполнение, то пойти в контратаку и объявить: хорошо, тогда совсем ссора, или же никаких декретов.

Вечером сидел дома, читал по-английски, играл на рояле, писал дневник.

29 сентября

Ночью снилась Нина, о ней же думал и утром. Снёс на почту корректуру Ор. 12. Писал «Утёнка», но сделал немного. Я очень доволен моей жизнью.

Завтракали у нас Таля и Mlle Хренова, обе в белых костюмах сестёр милосердия. Так как я не имел никаких спешных дел, то после завтрака занимал их, играл на рояле, в том числе сонату Мясковского, которая понравилась Тале, показывал мою партию с Капабланкой. Таля звонила домой. Узнав, что она говорит с Ниной, я примазался к телефону. После расспросов об «Утёнке» со стороны Нины и Нинином здоровье с моей стороны, Нина сказала:

- После вашего ухода я долго и упорно думала. Целый час.
- Ну вот, я вам говорил: «Пожалуйста, не думайте!»
- А я думала и придумала один очень тонкий манёвр.
- Гадость какую-нибудь.

- Нет, не гадость, а вещь, которая будет полезна и для меня, и для вас.
- Благодарю вас за заботу.

Далее звала меня прийти играть в четыре руки; я обещал в среду.

Мы довольно долго разговаривали, затем простились. Проводив Талю и её подругу, я ломал голову, что за тонкий манёвр. Ясно, он будет взамен декрета. Смысл же, вероятно, тот же: прекратить слишком амурозные отношения. Я решил повести контратаку: не давать о себе ни слуху ни духу не менее недели - пусть она проскучает в обществе своего гениального плана, а затем будет видно.

Переписывал «Гадкого утёнка», читал по-английски, а в восемь часов поехал к приглашавшему меня Башкирову. В трамвае купил телеграф: немецкая подводная лодка взорвала крейсер «Палладу», который погиб со всем экипажем. Со всем экипажем, какой ужас! У Башкирова я был под впечатлением этой катастрофы. В одиннадцать часов из театра вернулись его родители и брат (который некогда вышел к обеду в ночной рубашке). Они вернулись с патриотической пьесы «Позор Германии» и были, особенно брат, в полнейшей подмазке. Брат просил меня, как личное одолжение, пойти на эту пьесу. Борис Николаевич взялся достать билеты, а я охотно согласился пойти в среду, дабы иметь предлог отказать Нине в игре в четыре руки.

Сегодня я звонил Захарову; мы мило беседовали, он каялся, что забыл поздравить меня с именинами. В субботу я устраиваю «бридж инвалидов»: Захаров, Банкиров и Николаев - все они хромают в игре в бридж.

30 сентября

Сочинение «Утёнка» идёт менее горячо и вообще хуже. В начале фабула носила шутливый характер и писалась шутя, а к концу сказка сказывается всерьёз и как- то не удаётся приноровиться с музыкой. А потому учил английские слова и читал по-английски. В полтретьего урок этого языка, во время которого с грехом пополам поговорил по-английски о войне. Мисс Эйзекс похвалила, что я начинаю разговаривать. Затем Студия. Сегодня новая барышня не явилась и были две: рыжая и чёрная. Чёрная играла по обыкновению плохо, а рыжая хорошо, я занимаюсь с ней с удовольствием. У меня тон прямо как у Есиповой в квадрате. Да я и вполне определённо требую и знаю, что хочу требовать. По-моему, я отличный преподаватель и мои ученицы будут делать успехи. После урока директриса спрашивала про успехи. Я похвалил рыжую и пожаловался на чёрную.

Прошёлся по Невскому. Читал по-английски (с удовольствием). Перед «Соколом» звонила Нина, сообщая, что Таля с подругой придут завтра к нам завтракать. Спрашивала, приду ли я завтра вечером; я ответил, что, должно быть, пойду на «Позор Германии». Она рассердилась:

- Ну так вы говорите наверное!
- Я наверное скажу завтра Тале.

Разговор носил несколько сухой характер. Так и надо. Хотя в «Соколе» мне было немного грустно. Хотелось найти настоящую любовь.

1 октября

Сегодня у «Утёнка» замаячил конец, хотя я не всем доволен. Таля зафыркала на одно место. Пожалуй, она права, и я переделаю. Звонила Нина, передавая Тале, в котором часу та должна вернуться домой.

- Придёте к нам сегодня?
- Да Башкиров мне ещё не звонил. Когда вы позвонили, я думал, что это он. Я думаю, что не прийду.

- Ну и не надо, как хотите! Можете никогда не приходить.
- Хорошо.

На этом разговор кончился. Когда Таля ушла, я гулял по Невскому и Морской. Вернулся домой, пришёл Башкиров брать урок. К удивлению, я не особенно скучал во время урока. Затем наскоро пообедали и поспешили в театр. Пьеса так близко затрагивает всякого патриота, что смотрится захватывая дух. Она часто груба, многое потеряет интерес немедленно после войны, но кое-что и очень мило. Великолепен момент набега немецкого патруля на русскую усадьбу. Был и один момент, когда горячо вспыхнуло воспоминание о Кисловодске: когда двое возлюбленных воспользовались минутным отсутствием остальных и нежно обнялись за занавеской...

Мне обменяли котелок. Я боялся, что тот, который мне подсунули - с лысой головы, и впихнул в него носовой платок, чтобы он не касался головы.

2 октября

Сегодня у меня прояснение и я отлично докончил «Утёнка». От Мяскунчика письмо. Оказывается, он в двадцати верстах от Петрограда. И хотя ему нельзя указывать, где стоит его часть, но письмо помечено: деревня Капитолово. Я взял карту и нашёл. Запросил его, можно ли его навестить; если да, едем с Борюсей. Днём переписывал «Утёнка», читал не без удовольствия по-английски, заходил в нотопечатню Шмидта по поручению «соколов», ибо Шмидт напечатал мой «сокольский» Марш. Его бы получить, да Шмидт в качестве немецкого подданного выслан и теперь в его учреждении ничего не добьёшься. Вечером сидел дома играл на рояле (пора заблаговременно учить 2-й Концерт, - пригодится). Я очень рад, что кончил «Утёнка». Пока Городецкий, который опять сгинул, не изготовил балет, хорошо бы кончить два «Сарказма», да хотя бы четвёртую часть «Симфоньетты». После балета обязательно примусь за сочинение оперы с лёгким, подвижным сюжетом, с массою движения на сцене. Если Городецкий сделает мне сюжет, не годный для балета, примусь за мой нежный Скрипичный концерт.

Мама вернулась поздно вечером из Александровской больницы, где она помогала перевязывать раненых, в огромном множестве прибывших сегодня в столицу. Слушал её рассказы, берёт трепет и стыдно становится за увлечение «Утёнком». Но... Конечно, это непростительный эгоизм - сидеть и беспечничать, когда люди гибнут. Но ведь всегда и в мирное время масса несчастных и больных, а тогда смеяться можно: лишь теперь их втысячеро больше. Какая дьявольская нелепость эта война, и с каким серьёзным видом проделывается эта нелепость!!

3 октября

Благо «Утёнок» кончен, немного проспал, а затем не сочинял, а играл на рояле: 2-й Концерт, «Токкату» и дешевовское «Скерцо»[48], а также учил английскую премудрость. Завтракал с Юрасовским, одетьм в солдатскую шинель и послезавтра уходящим в качестве санитара на войну - таскать раненых с передовых позиций. Если бы он теперь не определился санитаром, то на Рождество его бы забрали рядовым. Всё-таки чуточку жутко провожать человека под пули, хотя я всячески шутил с ним.

Урок английского. После оного я пошёл к Юргенсону справиться, вышла ли наконец 2-я Соната Мясковского (нет ещё) и, благо у меня обменяли в театре котелок и я не хотел щеголять в чужом, я шёл в велосипедной фуражке. Старался

[48] Десять пьес для фортепиано, Ор.12. №10 - «Скерцо», посвящено В.Дешевову.

идти не по Невскому, чтобы меньше встретить знакомых. Как раз натолкнулся на Элеонору с матерью, которой она меня и представила. Мамаша ничего, довольно милая, лучше, чем казалась мне раньше.

Обедал у Анны Григорьевны, которая восхитилась моей идеей «Гадкого утёнка», а услышав музыку, восхитилась сугубо. Берёт его учить в первую голову и «петь по всем городам». От неё пошёл в «Сокол». В «Сокол» начал ходить Коля Рузский.

Когда я пришёл домой, мне позвонил Гартман; композитор, лицо которого я знал по концертам. Отрекомендовавшись, он передал мне приглашение от ИРМО выступить в декабре-январе с моим 1-м Концертом. ИРМО! Концерты, которые были так влиятельны когда-то и которые теперь совсем протухли благодаря несуразному ведению дел и скучным программам. Глазунов, Арцыбушев погубили концерты. И вдруг этакое архиконсервативное учреждение приглашает меня, да ещё с моим Концертом. Магометанина в христианский монастырь! Я был крайне удивлён и даже переспросил:

- Собственно, какие же это концерты ИРМО?...

Гартман несколько неторопливо ответил:

- Да петроградского отделения, которые бывают каждую зиму.

Я, поблагодарив за честь и объявив согласие, выразил моё удивление, как это они меня приглашают. Но дело вот в чём: концертная комиссия в настоящее время состоит из Арцыбушева, Гартмана и ещё кого-то. Гартман, кажется, интересуется моей музыкой, а Арцыбушева я привлёк весной на акте, когда он, прослушав Концерт, явился ко мне за кулисы, представился и похвалил. Я, помню, тогда рассказывал об этом случае Мясковскому и Каратыгину. Оба громко фыркнули:

- Ну вот вас и пригласят в ИРМО!

И они, и я считали это невозможным и даже смешным.

Гартман довольно долго продержал меня у телефона, разговаривая обо всём, был крайне любезен и приглашал к себе. Он спросил, какие я ставлю материальные условия, я ответил, что не знаю, вероятно, у них есть своя такса и им виднее. Я доволен.

4 октября

Я начинаю поздно вставать: в четверть одиннадцатого я ещё в постели. Сегодня пробовал кое-что сделать в двух намеченных «Сарказмах», но из этого ничего не вышло. Кое-что написал в «Симфоньетту». В общем наработал мало. Во втором часу пошёл в Консерваторию поглядеть на знакомых, но почти никого не встретил, сегодня было пустынно. У Черепнина нарыв в горле. С августа кутается в бобры - вот и простужается. Переменил, наконец, мой заграничный паспорт на российский, купил французскую газету, записную книжку, цветную рубашку, а то у моих всех лондонских короткие рукава. Вечером играли в бридж Захаров и Николаев. Башкиров разболелся и надул, Андреев тоже обещал приехать, но не поспел. Захаров не так плохо играет в бридж, Николаев тоже соображает. Оба очень шикарные, явились в визитках. Захаров поворчал, что зову в бридж играть, а никого нет. Я ответил:

- Подожди, хорошо будешь играть на твоём концерте, так я тебе устрою большой бридж.

Держал он себя мило, сдержанно и очень старался хорошо играть в карты. «Утёнок» имел большой успех. Говорит, необходимо его инструментовать.

5 октября

Обдумывал конец скерцо в «Симфоньетте», рылся в курсе инструментовки

Римского-Корсакова, обдумал этот конец и с музыкальной, и с инструментальной сторон, но не написал ни одной ноты. После завтрака пролез Кобылянский и показывал свои сладенькие трельные этюды. Хотя он кончил теорию композиции, но как он беспомощен.

Затем я по солнцу собрался пешком на Острова. Звал Башкирова, но он еще не совсем здоров. Между прочим, очень славная его сестра, княгиня-то. Она на год старше его, но выглядит совсем девочкой. Я доехал до Аптекарского острова и самостоятельно, не без удовольствия, прогулялся на Стрелку и обратно. В тумане, сменившем солнце и залившем всё как молоком, вернулся домой обедать. Я устал от прогулки, но решил заниматься. Дикая идея: написать квартет. Ужасно некстати: некогда задумывать новые планы, когда старых не оберёшься: «Сарказмы», «Симфоньетта», романсы (до шести), балет, фортепианные вариации, скрипичный концерт! Вторая дикая идея: написать этот квартет диатонически, весь на белых клавишах, а первую часть (главную партию) в строе седьмой ступени[49]. Как ни так темы и музыка сочинялись сегодня страшно легко.

Позвонила... Нина. Спрашивала, намерен ли я когда-нибудь прийти к ним или позвонить, или вообще, не позвони она сегодня, я молчал бы до 1915 года. Я отвечал что это вышло случайно, я был занят эти три дня. Она настоятельно требовала, чтобы я сегодня приехал к ним. Я отвечал в светском стиле любезного, но постороннего молодого человека, и это её сердило. Я старался перевести разговор на другие темы, но она сказала, что раньше я её огорчил так, теперь иначе и что если я не прийду сегодня, то между нами ничего не останется (?!), сегодня она меня приглашает в последний раз, а затем я могу хоть и не существовать. Я ответил, что в ближайший день я постараюсь непременно побывать у них, но сегодня всё же не могу. Она сказала, что последующие визиты её не касаются, а раз я сегодня не желаю, то - до свидания и повесила трубку. Я немного полежал на диване и у меня поболел висок. Затем я принялся за квартет. Тема выходила за темой и я даже думал, что сделаю сегодня всю первую часть. Однако до этого было далеко.

6 октября

Писал конец скерцо в «Симфоньетте». Играл мой 2-й Концерт. Затем прогулялся, читал газету и по-английски. Вечером был у Башкирова. Он познакомил меня со своей приятельницей. Mlle Грузенберг, дочерью известного адвоката. Втроём мы навещали лазарет для раненых, который он устроил со своей сестрой и обставил крайне комфортабельно. Я в первый раз был у раненых. Мы застали их за рассматриванием карты Европы. Они произвели вполне веселое впечатление, но оказалось, что более тяжёлые лежали в постелях и очень страдали.

Из лазарета мы пошли к его брату. Он занимал особняк, не особенный снаружи, но отделанный как конфетка внутри. Там и «стили», и просто красивые комнаты, хотя есть и промахи: искусственные пальмы на лестнице, стоком красные ковры в коричнево-голубом кабинете.

7 октября

Кончил скерцо из «Симфоньетты». Брал английский урок. Уехал в Студию, но там сегодня лишь одна аккуратная Козлова. Мне вручили жалование: четырнадцать рублей я его не ожидал и необычайно обрадовался, так как не было ни гроша в кармане. Прогулялся, вернулся домой, продолжил «Симфоньетту», а перед

[49] Начало пятого акта в «Огненном ангеле». (Более позднее примечание автора).

«Соколом» зашёл к Андреевым занести «Гадкого утёнка». Анна Григорьевна страшно ему обрадовалась, снова завосторгалась и сказала, что вчера была у Мещерских и расхваливала его. Это кстати! Я сказал:

- Там, кажется, девицы меня очень проклинают.

- Т.е. Нина, - пояснила Анна Григорьевна, - но я сказала, что вы и с нами ссорились, и со всеми ссоритесь - и всё же мы остаёмся друзьями.

8 октября

Позвонил Нувель:

- Дягилев запрашивает телеграммой из Флоренции ваш адрес, а также - пишете ли вы балет.

В ответ я начал ругаться, что нет возможности чего-нибудь добиться от Городецкого, вследствие чего балет и не начался. Я прибавил:

- Но я собственно полагал, что этой весной из-за войны Парижу и Лондону будет не до балетов.

- Я слыхал, - сказал Нувель, - что Дягилев вместо того поедет по Америке.

Я просил придержать дня два ответную телеграмму и в это время обещал выяснить дело с Городецким. Ловко! Очутиться в мае в Америке... это не плохо. Жаль, что война. Оно даже странно уезжать в Америку, когда под Варшавой так и режут друг друга, но я всё равно не помогаю, и антреприза всё равно поедет. Итак: сыскать и допросить Городецкого!

Я отправился к нему на Малую Посадскую, оказавшуюся симпатичным переулочком, обсаженным деревьями, влез к Городецкому, к которому вместо звонка надо было стучаться деревянным молотком, но не застал дома. Оставил энергичную записку и вернулся домой. Усиленно читал по-английски, ибо, друзья мои, Америка! Затем давал урок Башкирову, который сегодня зелёный, страдая болями в том месте, где ему два года назад оперировали аппендицит. Он был мил как всегда, хотя в ожидании таксомотора уморил меня разговорами о философах. Звал вечером к себе, но я шёл к Дамским. Я явился сегодня туда впервые и с удовольствием. Вера и даже Элеонора выглядели очень славно. Я с ними просидел целый вечер и не заметил, как пробежало время.

С Сергеем Городецким я вечером договорился по телефону. У него сюжет для балета задуман и завтра вечером он ждёт меня для обсуждений.

9 октября

Корректировал партитуру 1-го Концерта, которая у меня лежит уже два месяца, днём гулял, затем продолжал корректировать. Звонил мне Зилоти. Я думал, что его концерты состоятся, и испугался, что пятая часть «Ньетты» не готова, но он сообщил про будущий сезон: «Симфоньетта» в него включается и как я кончу её, хорошо бы её заблаговременно отдать переписчику. Зилоти говорил ласковым голосом, чем премного удивил меня.

В половину восьмого я стучал деревянным молотком в дверь Городецкого. Он занимает неплохую квартиру, но принял меня в комнате, освещённой одной свечкой и меблированной низким диванчиком. Любопытно. Одет в белую фланелевую рубаху. Вообще очень милый парень. Сюжет был написан слегка, не окончен и весьма незначителен по содержанию. Вращается в области русских идолов IX века. Неожиданно мне понравился этот аромат, а быки, которые проплывают по небу, предшествуя солнечному восходу, привели меня в восторг. Мы принялись обсуждать сюжет, кроить и так, и сяк, изобретать, сочинять, я обнаружил массу сочинительских талантов, горячился, старался и гордо могу сказать, что половину

придумал я. В результате через час балет в пяти картинах был сочинён.

1-я картина. У бога Белеса (он же солнце) есть дочь, весёлая богиня Ала. Её хочет похитить иностранный тёмный бог Тар, но он бессилен против света солнца (Белеса). Солнце заходит. Тар выкрадывает Алу. Тогда простой смертный, певец, бросается в погоню, чтобы спасти её, ибо он влюбился в богиню.

2-я картина. Вечер. Эпизод преследования. Певцу удаётся вырвать Алу, но чёрный бог отбирает её обратно.

3-я картина. В северном фиорде. Ала на цепи у Тара. Ночь. Тар хочет овладеть ею, но каждый раз в этот момент проглядывает из-за туч луна. В лучах её появляются лунные девы. Против света Тар бессилен и лунные девы защищают Алу.

4-я картина. Рассвет. Певец опять настигает Тара. Бой. Смертный убит. По небу идут быки, всякая чертовщина и восходит солнце - Велес, выехавший искать дочку. Он поражает Тара и в тот же момент с Алы спадают цепи. Она полюбила певца и поражена его смертью.

5-я картина. День. Декорация первой картины. Велес через сожжение превращает храброго защитника своей дочери в божество. Ала же бросается в костёр за телом возлюбленного и наоборот - превращается в смертную. Увы, они снова различны.

Городецкий очень стоит за такой конец. Я ничего не имею против, если его удастся понятно для публики изобразить. Я смеюсь, что этот конец напоминает анекдот про двух друзей, лифт и лестницу. Когда один ехал в шестой этаж, другой сбегал вниз по лестнице, потом наоборот, затем оба ждали и т.д., никак не умудряясь встретить друг друга. Позвонили Нувелю, прося телеграфировать Дягилеву: «Prokofiev travaille avec Gorodetzky»[50]. Пили чай. Его жена, Нимфа Городецкая, которую я уже раньше видывал в концертах, заставила меня играть. Я никак не мог понять, что это за женщина. Она была очень мила со мной. Когда к Городецкому пришёл инженер читать стихи, я сидел-полулежал на низком диване с горой подушек между «нимфой» и её сестрой - и разговаривал об общих знакомых: Черепнине, Лядове, Каратыгине. Завтра Городецкий обещал привести в порядок и досочинить то, что мы придумали сегодня, а послезавтра я приду к ним опять.

10 октября

Утром просидел над корректурой Концерта и кончил её; увы, это лишь третья часть. Юргенсон гравирует большие партитуры по частям и две остальные трети лишь воспоследуют. Урок инглиш и похвала мисс Эйзекс за успех. В семь часов позвонила Нина, сказавшая пять дней назад, что между нами всё кончено. Я объяснил, что я собираюсь на концерт. Они тоже собирались, но Вера Николаевна расхотела (Нина интересовалась послушать и посмотреть Захарова). Далее Нина укорила меня, что я не кажу духа, сказала, что по вечерам вяжет шарфы для раненых и всегда ругает меня. Мне доставило удовольствие отвечать ей в любезном тоне малознакомого человека и переводить разговор на общие темы, что её изводило. Я ей упомянул, что занят с Городецким балетом и что одна картина происходит во фиорде. Летом мы с нею мечтали, как она удерёт от мужа и как мы с нею встретимся где-нибудь в норвежском фиорде и как пламенно там будет. С тех пор «фиорды» у нас были словом для выражения пламенных чувств и супружеских отношений. Разговор кончился так.

Я:

- Если хотите, я могу позвонить вам и рассказать о сегодняшнем концерте.

[50] Прокофьев работает с Городецким (фр).

Нина очень обрадовалась:
- Хорошо! Когда же?
- Сегодня, половина второго.
Молчание. Сердито, поняв насмешку:
- Убирайтесь вы к чёрту!
Пауза. Я, согласливо:
- Хорошо, туда и отправлюсь.
Трубка щёлкнула.

Я пошёл на концерт не без удовольствия. Я давно не бывал в концертах, кроме того, надеялся встретить много знакомых. Их оказалось порядочно, впрочем, меньше, чем я полагал. Я сидел с Надей и Соней Штембер, которые звали меня к себе. Кокочка уехал в Москву и им скучно. Захаров, громко топая, вышел на эстраду и средне сыграл Фугу Баха-Бузони, в лучшем случае достигнув высоты фонолы. Зато во втором отделении он отлично сыграл с Ганзен скрипичную сонату Николаева, кстати очень неплохую, хотя и вороватую. На bis мой «Гавот», которому хлопали и даже после которого кто-то пытался покричать автора. Плохо пели супруги Андреевы. Ганзен имела огромный успех. Я думал, что после концерта у Захаровых будет ужин, но его не последовало - ведь концерт был Ганзен, а не его. Я хотел увидеть девиц Карнеевых, но был один Лёва.

Ночью снились Захаров, Ганзен, концерт и Нина.

11 октября

Встал лишь в одиннадцать.

Ходил на почту, сдавая Юргенсону корректуру Концерта.

Когда вернулся домой, то заниматься не пришлось. На вспомоществование разорённой войною Польше в Петрограде идёт сбор одежды и белья. Мама согласилась быть собирательным пунктом, - на подъезде повесили флаги, на двери - плакат, и теперь целый день к нам звонят, носят тюки со старьём, мама, студент и курсистка записывают, сортируют, выдают квитанции - где тут играть на рояле. Я очень ворчу и мысленно посылаю их к чёрту, хотя принципиально сочувствую сбору. Сидел в моей комнате и усиленно, дабы зря не терять времени, читал по- английски.

Прошёлся. Очень захотелось встретить Вегман. Трогательно, что эта хорошенькая девочка с греческим носиком влюблена в меня. Я нарочно пошёл по той дороге, по которой она ходит в Консерваторию. Придворный оркестр объявил четырнадцать (!) концертов из сочинений петроградских композиторов, начав еле дышащими стариками: Направником и Кюи, поместив посреди вопиющую бездарность: Иванова, Шенка, Калафати и проч. Перед концом несколько свеженьких имён: Черепнина, Мяскуши; а в заключение дерзких мальчишек: Стравинского и меня. Да ведь не как-нибудь, а каждый из концертов троекратно - в пользу раненых: итого сорок два концерта!

Таля позвонила маме, приглашая её и меня завтра обедать. Мама ответила за себя «нет», ибо у неё сбор, а про меня сказала, что я позвоню. Я позвонил; подошла Нина. Перво-наперво я сказал, что завтра быть не могу. Она перебила и, не обратив нарочно внимания на это, спросила про вчерашний концерт. А когда я начал рассказывать, сказала, что у неё стынет кисель.

- Если завтра не можете, приходите как-нибудь на неделе, во вторник или когда можете. Если вы, конечно, хотите, - прибавила она.

- Но ведь Таля по вечерам у больных, Вера Николаевна, вероятно, занята, — очень мне весело будет сидеть в обществе мебели и вашей злющей физиономии!

- Наоборот, она у меня сегодня весёлая.

- Ну, словом, у вас стынет кисель. До свидания! - и я повесил трубку.

Сегодняшнее сражение мне меньше понравилось, чем предыдущее.

В девять часов я был у Городецкого и с первых же слов убедился, что у него нет никакого драматического воображения. Балет он придумывает только как картину, а не как действие. Моё первое требование - чтобы действие начиналось с поднятия занавеса - было забыто. Вторая картина выкинута.

Я объявил: «Мне всё не нравится» - и лёг, очень расстроенный, на диван. Искать нового сочинителя, объяснять ему свои принципы, ждать, когда тот сочинит, Боже, как скучно. Из деликатности я попытался что-нибудь обдумать сообща в его сюжете, но понемногу мы оба увлеклись, стали придумывать эффекты и движения, и балет снова загорелся. Я придумал: эффект с народом, лежащим ниц при поднятии занавеса, план второй картины, чередование лунных лучей и туч в третьей картине; а также чудищ и эффект под занавес - превращение певца в идола. Под конец балет сверкнул в нашем воображении, оба мы были довольны и возбуждены. Я просил Нувеля послать Дягилеву от моего имени телеграмму, чтобы тот сказал, Романов ли будет ставить балет. Теперь балетмейстер необходим для выяснения подробностей.

12 октября

Я решил плюнуть на толкающихся студентов и курсисток, заперся в гостиной и принялся за сочинение балета. Работал я с увлечением, хотя кое-что выходило немного грубо. Однако постоянные звонки и толкотня в соседних комнатах не давали сосредоточиться и я скоро сменил сочинение балета чтением по-английски. В два часа пошёл делать визиты, которые у меня накопились. Дамским, Сафоновым, которые приглашали, уезжая из Кисловодска, и у которых я никого не застал теперь; Корсак; Котовой. У меня оставался свободный час. я был на Кирочной - решил сделать набег на Мещерских, а то в самом деле неудобно, две недели не кажу носа.

Вечером у меня очень мило играли в бридж: Захаров, Андреев и Сэрж Базавов. Захаров играет не очень уж хорошо, но ему везёт и он всех обыгрывает. Я рассказываю Николаю Васильевичу содержание балета. Он благословил.

13 октября

Благо Юргенсон прислал вторую корректуру Ор.12, и я занялся ею, в то время как в остальных комнатах до потолка навалили вещей и одежд для Польши. Каждую минуту являлся новый жертвователь с узлом и дверь даже не запирали. Хозяйничало уже человек пять студентов и курсистка. Так длилось до полуночи. Приехал грузовой автомобиль, но не мог всего увезти. Хотя они, вероятно, прозаразили всю нашу квартиру, но в конце концов меня заинтересовал этот сбор, а старания студентов и курсистки тронули; за обедом я их старательно угощал, а вечером, когда они всё кончили и попросили поиграть им на рояле, сыграл Скерцо Шопена.

Когда они удалились, разыгрывал 6-ю Сонату Скрябина. Сегодня я её играл во второй раз. В её гармонии есть очень тонкий аромат, изысканность и аристократизм. Такое мнение для меня самого ново, ибо к последним сонатам Скрябина я до сих пор относился скептически.

14 октября

Сегодня я опять проспал. Сел за балет. От Дягилева телеграмма: могу ли я приехать в Рим через Салоники и привезти клавир балета и хочу ли я там играть

2-й Концерт. Я позвонил Нувелю для совета. Поехать в Италию - совсем неплохо, но ехать через Болгарию и через мины Адриатического моря - хуже. Во всяком случае на ближайший срок этот проект отпадает, так как балет не начат, а Концерт не выучен; через месяц будет видно, пока же буду ждать от Дягилева телеграмму с назначением балетмейстера. Но поехать теперь на солнце, надеть светлый костюм, пройтись по пляжу, посмотреть на итальянок - это ведь превосходно!!

Я яростно принялся за балет.

Пришла Таля Мещерская, которая давно у нас не была, ибо в больнице пропасть работы. Я ей показывал итальянскую телеграмму, а также корректуру Capriccio, сообщив, что оное посвящено ей.

- А Вере Николаевне я посвящу какой-нибудь марш, а то чуть потоньше напишешь, так сейчас и «гадость», - прибавил я.

Был в Студии, а в полвосьмого в «Соколе», который перевели на Конюшенную улицу в финское помещение, ибо наше отдали под раненых. Стало теснее. Многие «соколки» меня терпеть не могут, потому что я им никогда не кланяюсь. Это меня забавляет и я принимаю необыкновенно форсистский вид. Коля Рузский сообщает, что Николай Павлович получил назначение помощника главного начальника Красного Креста и уезжает во Львов.

15 октября

Велел разбудить себя в полдевятого и сел за балет. Решил сочинить балет в пять-шесть недель и писать с рекордной скоростью. Работа клеится превосходно. Немного страдает английский и для мисс Эйзекс я сегодня выучил не все слова. Вечером у Башкирова, который мне уже три дня безрезультатно звонит по телефону и вообразил, что я рассорился с ним. Сюжет балета его очень увлёк, он обещал думать и фантазировать над частностями. Провожал меня домой.

16 октября

Балет идёт превосходно. Начал сразу первую, вторую и третью картины. Сочиняется лучше, чем вчера; вчера я местами громоздил всякую фальшь, сегодня всё идёт само собой. Мобилизировал всякие отрывки и темки, сочинённые весной и летом и записанные на клочках. Иногда морока отыскать эти клочки, всюду они разбросаны. Днём прогуливался. Звонил Захарову. В будущую среду мы разоримся на автомобиль и едем к Мяскуну.

Вечером был у Дамских и опять совершенно незаметно провёл вечер в обществе двух сестёр. У Элеоноры болит сердце и всякие нервы ввиду истории её с женихом, которому она дважды отказала и который ныне ушёл на войну и лезет в самое пекло. А ей совестно. Пришлось помогать сочинять всякие письма, что я выполнил артистически.

17 октября

Сегодня я занялся третьей картиной и обдумывал её всю до конца; материал тоже почти намечен. Лунным девам я дал тему («природоописательную»), которую я куда-то предназначал для побочной партии, теперь же она отлично иллюстрирует лунных дев, холодных, нежных, нездешних и загадочных.

В половину второго был на английском уроке. Сегодня я меньше выучил слов, но всё же получил похвалу и надежду, что скоро заговорю совсем хорошо. Потом пошёл в Консерваторию на ежепятилетний конкурс, в котором играют ученицы нашей Консерватории, окончившие её за эти пять лет. Я попал к концу и слышал

Позняковскую, которая с ошеломляющим перле[51] сыграла «Мефисто» Листа. Если бы ей несколько мозгов в пустоту под черепом, то она была бы замечательной пианисткой. Игру Голубовской и Катюши Борщ я, к сожалению, пропустил. Сидел в обществе Боровского, который хочет ко мне прийти. Я пока отклонил ввиду балета. В ожидании присуждения премии, я потолкался среди толпы ждущих. Катюша Борщ, alte Liebe[52], между прочим, снова похорошевшая, очень мило кокетничала со мной (а я с ней) и просила подарить ей мой Концерт. Охотно. Она замужем и живёт в Гельсингфорсе.

В полвосьмого был в «Соколе» и с интересом разговаривал с Колей Рузским на тему о вскипевшей вчера войне с Турцией. Конечно, всякая война есть гадость и безобразие.

А вот теперь в Италию уж никак не поедешь, вероятно, всякие греки, румыны и болгары зашевелятся, и с Дягилевым даже невозможно будет стелеграфироваться.

18 октября

Балет клеился значительно хуже и сделал мало. Читал по-английски. Звонил Нямочка, на пару дней завернувший в Петроград и ждущий меня сегодня вечером к себе. Дав урок Башкирову, я отклонил приглашение Башкирова провести у него вечер и устремился к Нямочке, которого нашёл отлично выглядящим, загорелым и оживлённым. Мы незаметно провели вечер в обществе Асафьева. Я с приятностью сыграл с Нямом его 2-ю Симфонию. Борисуля забегал к нему днём и, по словам Мясковского, хвастался, что его игру хвалят и что он получил приглашение в Московское ИРМО и ещё куда-то. Нямочка либо возвращается назад в свою Каптельку укреплять позиции для защиты столицы, либо их пошлют на самую войну. В таком случае он пробудет в Петрограде дней пять и тогда мы ещё повидаемся. На войне он не пойдёт в пекло, ибо сапёрная даже полуополченская полурота будет больше возиться в тылу.

19 октября

Ах, как я сладко целовался с Ниной во сне! Мне захотелось пойти сегодня вечером к Мещерским и поухаживать за Ниной. Как раз она в полдень и позвонила, но я сочинял балет и подошёл к телефону злющим. Она предупреждала, что Таля с подругой сегодня у нас завтракают, а кстати похвасталась, что в пятницу они все слушали «Китеж» и как было хорошо. Читай между строк: а вот меня не пригласили, хотя я летом и играл им через день по акту.

- До свидания, Серёжа, - очень ласково простилась она.

Я простился поспешно, торопясь к балету. Но потом мне стало жалко: с одной стороны, стремлюсь к ним вечером, а с другой - так грубо разговариваю. Когда приехала Таля и стала звонить Нине, сообщая что-то о своём возвращении, я ввязался в разговор и сказал:

- Ах кстати, справьтесь у вашего швейцара, целы ли книги, которые вы мне дали читать...

Книги были мне даны месяц назад и Нина была уверена, что я их читаю. Я предвкушал эффект и он случился. Нина ужаснулась, а я весело смеялся. Однако, видя, что я смеюсь и, стало быть, в хорошем настроении, она сказала:

- Серёжа, всё-таки, если у вас когда-нибудь будет время, то помните, что я «Утёнка» всё же до сих пор не слыхала и вы должны сыграть его...

[51] Жемчужно, бисерно, отчётливо, от perlé (фр).

[52] Старая любовь (нем.).

- Вы не по адресу обращаетесь: «Утёнок» у Анны Григорьевны, она его учит, она вам и споёт, а у меня нот нет, наизусть же я не помню. Кроме того, я не знаю, почему он вас так интересует...

- То есть как «почему»?

- Ведь текст ваш почти не вошёл в него, я всё изменил; фамилии вашей на посвящении нет...

Нина оказалась несколько озадаченной и разговор вскоре прекратился. Очевидно Нина так рассвирепела на отнятие посвящения (хотя я вовсе не отнимал, а только сказал, что оно не написано - «Утёнок», без сомнения, посвящен Нине), что не захотела даже со мной говорить.

Была у мамы с визитом Анна Григорьевна. Предлагала мне дать с ней в Малом зале концерт, где бы половину вечера я играл мои сочинения, а другую половину пела бы она, в том числе мои романсы. Я боюсь, что мы не соберём полного зала, а давать концерт при половинном сборе ниже моего достоинства. Поэтому я отвечал на Анны Григорьевнино предложение общими фразами и не поддерживал её планов.

Обедали у Раевских. Разговаривал с Катей Игнатьевой по-английски.

Сегодня Шурик уходит на войну. Благословляли, присаживались в гостиной на минутку, прощались и, глотая (дядя Саша) слёзы, говорили: «Ну веселей, веселей». Затем я удрал к Башкирову, с которым рассуждали о балете. Он крайне им заинтересован, придумывает для него всякие подробности, хотя в сущности ничего не может придумать. Пришёл его кузен, который побывал на войне, и рассказывал всякие ужасы, например, про австрийца с простреленными обоими глазами, в которых завелись и кишели черви и который ползал два дня по переломанным рукам и ногам соседей, пока его не привязали на верёвку. Целая драма, которую не выдумать!

Далее я выслушивал от этого кузена комплименты за игру и пикировался на тему отношения к новой музыке.

20 октября

Последние два дня балет как-то плохо клеился и это меня огорчало. Сегодня я, хотя не так много, но всё же кое-что сделал. В два часа был у англичанки, а затем в Студии, где мне перенесли уроки на понедельники. У меня так-таки две ученицы. Третья, сделавшая мне знаменитый реверанс, не показывается.

Вечером пошёл к Городецкому. До него трудно дозваться, ибо он живёт в пятом этаже, а телефон у швейцара, которого никогда нет, но вчера я подстрелил Городецкого можно сказать на лету - позвонил как раз в тот момент, когда он шёл по лестнице мимо телефона, он страшно заинтересовался тем, что я уже многое сочинил, и просил, чтобы я пришёл к нему. От Дягилева никаких телеграмм относительно того, кто балетмейстер. Мы решили - нет, так и не надо.

Ближайшей нашей задачей было выяснить первую картину, ибо в ней есть пока лишь народ, лежащий ниц при поднятии занавеса, и конец с кражей Чужбогом Алы. Середина же отсутствует и её следует употребить для того, чтобы заинтересовать зрителя Алой и поэтом. Кроме того, я требую от сюжета, чтобы он сразу начинался драматическим действием, всякие же обряды я считаю описанием и начинать с них нельзя.

Сегодня и Городецкий, и я придумали по варианту начала, но оба пришлось отвергнуть. Он придумал, чтобы певец, затесавшись в компанию жертвоприносящих жриц, похитил бы Алу, на него накинулись жрецы, а во время спора Чужбог совсем бы унёс Алу. Я возразил: раз певец похитил Алу, значит он оскорбил богов и это противоречит его обращению в идола в пятой картине.

Я придумал, чтобы при поднятии занавеса, при лежащем ниц народе, следовала

бы пышная похоронная процессия с телом убитого не певца, а витязя. Жрицы взывают, Ала воскрешает его. Ликование. «Чужбог похищает Алу, благодарный витязь бежит её спасать. Это, безусловно, эффектное начало, но Городецкий запротестовал, что акт воскрешения мёртвых не свойственен древнеязыческим славянским верованиям. Он пришёл в восторг от сочных обрывков, которые я ему наигрывал, по-видимому, вдохновился и сказал, что придумает начало.

21 октября

Под влиянием Городецкого вновь воспламенился к балету, работал с утра до трёх и порядочно сделал в третьей картине. Я постоянно думаю об инструментовке, у меня накапливается много всяких вопросов и я буду иногда захаживать в оркестровый класс, чтобы пробовать всякие инструменты и консультироваться с Черепниным.

Днём гулял, читал по-английски, писал дневник, говорил по телефону с Дамской, которой я сочинил письмо к жениху, который делает ей третье предложение и который, хотя и нравится ей, но недостаточно, чтобы выйти замуж. Новый рекорд продолжительности телефонного разговора: полтора часа днём и полтора вечером, итого три часа в один день.

22 октября

Сегодня сел за балет лишь в одиннадцать, проспав и имея в виде наказания тяжёлую голову. Впрочем ничего, работалось. Читал после двух часов по-английски и играл 2-й Концерт, а то мне приснилось, что я выхожу играть его в ИРМО и не знаю. Затем Башкиров, который принял урок (делает успехи), пообедал, а затем увёз к себе, чему я не особенно противоречил, так как начинала болеть голова. Он по обыкновению мил, читал мне Бальмонта, подарил свою фотографию (я вечером рассматривал её: великолепна непринуждённость позы) с надписью: «Вы в совершенстве владеете языком богов», провожал домой до полдороги и говорил, что он купит себе новый автомобиль у «Пежо» в Париже.

23 октября

Несколько шагов в балете. В первом часу был в Консерватории, дабы заглянуть в оркестровый класс и поговорить о малой трубе, низких валторнах и прочем, но там шла работа в две тяги: в зале Ляпунов, в фойе Глазунов; Черепнин и тут, и там - так что я дождался конца, после чего Черепнин весело замахал мне рукой и мы мило поговорили. Он сказал, что рад, что я занялся оркестровыми красками, он надеется на хорошие плоды. Простившись с ним, я поспешил на урок английского. В Консерватории почти никого не видел. Штейнберг спросил:

- Говорят, вы пишете балет чуть-ли не из индийской жизни?

- Хуже того, из скифской.

Штейнберг сделал вид, что падает в обморок.

Сделав прогулку по Невскому и Морской, я вернулся домой и догонял дневник. Я собирался к Городецкому, но от него позвонила какая-то дева, сказавшая, что он болен и лежит. По-моему, он просто ничего не придумал. Это лентяй, с которым нет возможности сварить кашу. Я очень недоволен.

Вечером сидел дома и занимал Катю Игнатьеву, которая рассматривала летние фотографии, интересовалась Мещерскими, читала рецензии и заняла у меня полвечера; впрочем, мне скучно не было. После её ухода прочёл по-английски рассказ Конан-Дойля.

24 октября

Мало сочинил, но довольно подробно обдумывал четвёртую картину. Ведь это несчастье работать с таким неизобретательным Городецким. Вместо того, чтобы писать только музыку, надо ещё придумывать всю сцену! Я очень мило говорил по телефону с Захаровым.

В воскресенье он, Андреев и Николаев играют у меня в бридж. Башкиров, не играющий в бридж, говорит: «Когда собираются люди бедные мыслями, они обмениваются картами».

ИРМО догадалось прислать мне билеты на все их концерты и завтра первый из них. Был в «Соколе», затем говорил с Дамской по телефону и играл 2-й Концерт.

25 октября

Сегодня продолжал четвёртую картину, не столько сочинял сколько обдумывал. Идея: Чужбог поразит певца стопудовым камнем. Затем продолжал третью: страстные атаки Чужбога на Алу.

Днём читал Конан-Дойля по-английски. Башкиров брал урок. По-моему, он делает успехи. Сегодня месяц, как мы занимаемся. Башкиров тащил меня к себе обедать и очень упрашивал, но я пошёл на первый концерт ИРМО. Программа была из сочинений Чайковского и, хотя я люблю Чайкушу, но меня интересовала не столько его музыка в вялом исполнении Малько, сколько всякие оркестровые звучности, ибо я этим в связи с моим балетом очень занят. Увы, первая часть 2-й Симфонии сделана ужас как нескладно, а кое-что звучит просто плохо. В 3-й Сюите лучше, хотя вообще многое крайне скромно.

В концерте было, к моему приятному удивлению, много музыкантов и народу. Меня многие расспрашивали про моё предстоящее выступление со 2-м Концертом, другие расхваливали 2-ю Сонату.

26 октября

Сегодня я весьма проспал, но кое-что сделал в балете. Написал Юргенсону письмо с просьбой выдать мне сто рублей «из сумм предстоящих гонораров». Помнится. Черепнин говорил, что Юргенсон на этот счёт очень мил и в минуту трудную выручает голодных композиторов. Сегодня утром звонила Нина, справляясь, не завтракает ли у нас её сестра. Я был корректен и сух. Днём я собирался показаться у них с визитом, после телефона решил было не идти, но потом, сосчитав, что не был две недели, оделся и пошёл.

Семья в полном составе сидела за чаем. За столом оживление. С Ниной полувнимание. Вдруг звонок и восклицание:

- Это молодожёны с первым визитом.

Я справился кто; оказалось Эрдели с женой. Становилось очень интересно. Красавец правовед Эрдели, теперь подпоручик стрелкового полка в малиновой рубахе, был пылкой Нининой любовью до истории с Зайцевым. Он недавно женился на особе с красивою внешностью и средней красоты репутацией, попал на войну, был там изранен и теперь, с красивой подкрашенной женой, хромая и с подвязанной рукой, появился в столовой. Меня интересовала встреча его с Ниной, но Нине повезло, трещал телефон и она оживлённо болтала в него несколько минут. Далее все уселись за стол. Эрдели выглядел подурневшим и крайне нервным.

Разговор шёл сначала о нём и о войне. Затем перешёл на музыку и на меня. Стали просить у меня отрывки из 2-го Концерта. Перешли в гостиную, я - за рояль, Таля присоединилась ко мне. Нина сидела в стороне с Эрдели, остальные все в

куче. Вера Николаевна рассказала как анекдот случай с переносвящением «Каприччио» Тале (я всегда говорю, что она умная женщина: сердиться было бы глупо, а обратить в шутку совсем хорошо). Затем все сидели в кружок и разговаривали. Эрдели с женой ушли, я разговаривал с Алексеем Павловичем. Отклонив предложение хозяина обедать или прийти на неделе, но пообещав прийти обедать в то воскресенье, я быстро отправился домой.

Дома обедали и играли в бридж: Андреев, Захаров и Николаев. Было очень симпатично. Андрюнчика раздели на семь рублей. Я выиграл три с половиной; при моей бедности - хлеб. Играл отрывок из второй и третьей картин балета. Я был очень удивлён, что понравилось. Захаров очень восхищался, а я отвечал, что коль он хвалит, то дело плохо, надо писать заново.

27 октября

После вчерашнего бриджа порядочно сделал в танце Алы перед Белесом. Я доволен и формой его: 1) порыв радости освобождения; 2) какой-то мистический обряд; 3) как бы немного аффектированная благодарность и 4) радостный танец.

Был у англичанки и в Студии. Моя рыжая Козлова работает за пятерых и делает успехи. Был в «Соколе» и очень устал.

В пол-одиннадцатого вечера пришёл Романов. Вчера Нувель получил от Дягилева телеграмму с просьбой свести меня с Романовым, каковому предлагается ставить мой балет.

Он оказался совсем молодым человеком, нервным, но приятным. Я ему подробно объяснил возникновение этого балета, а затем содержание его. Он слушал с видимым интересом и сказал, что это очень интересно. Просил дать ему пару дней для обдумывания и эпохи, и содержания, а в четверг он придёт вторично для ознакомления с музыкой и обсуждения.

Я написал Городецкому, прося прийти и его. Сей франт заболел неизвестно чем, может ленью. Я вчера хотел прийти к нему, несмотря на болезнь, но он ответил, что нельзя.

28 октября

Я вчера так замучился, что сегодня проснулся с начинающейся головной болью. Однако кое-что сочинить удалось и поймать идею конца четвёртой картины. Ала над трупом певца не предаётся горю или отчаянью, она ещё слишком малоземное существо для этого. Недоумение, растерянность, вопрос судьбы, нежность к распростёртому другу - вот её чувства.

В два часа я по мокрой погоде пошёл гулять, ибо голова разбаливалась серьёзней.

Вечером, в отличном расположении духа, отправился к Захарову. У него ничего особо интересного не было. Из женского общества: сестры Ганзен. Карнеевы отсутствовали. Вообще о них ни слуху, ни духу. В доме Захаровых царят «обе Цецилии». Между прочим, последняя извлекает из скрипки замечательные звуки, ставя смычок боком тетивы. Необычайно! Надо применить в балете. Немного музыканили. В половину второго разошлись.

Я шёл домой и обдумывал оперу: «Игрок». Это страшно интересно. На «Утёнке» я немного испробовал мой новый оперный стиль, а в балете выучился сочинять сцены. Я сам придумаю инсценировку «Игрока» и сам напишу текст. Это будет лучше, чем кто-либо, ибо как это будет в музыке я буду придумывать вместе с текстом. Это будет поворот в оперном искусстве и доказательство всей ходульности Вагнера (принципов «немузыки»).

29 октября

За балет сел лишь в одиннадцать. Обдумывал солнечный восход в четвёртой картине. Мне в данном случае представляется он не как явление природы, а как шествие небесных сил, завершающееся появлением Бога-Солнца.

Неожиданное открытие: мой балет грозит стать длинным. Слишком лаконичным быть не следует, но просто лаконичным - необходимо.

Днём прогулялся в Консерваторию за билетом на сегодняшний концерт. Никого особенного не видел.

От Григория Юргенсона (Борис Петрович в Туле, в прапорщиках (!), так я дело имею с Григорием) страшно любезное письмо с выражением сочувствия моему бедственному положению. Я ему в шутку написал, что голодаю, он же поверил и переконфузил меня. Но как ни так, сто рублей последовали за письмом и моей бедности пришёл конец.

Брал урок Башкиров, обедал и вместе с ним мы были на камерном вечере в пользу консерваторского лазарета. Программа с участием всяких преподавателей была из скучных и Башкиров зевал. Я меньше. Знакомых порядочно, из консерваторских меньше. NB: огневолосая, чернобровая ученица. Убедительная.

Вернувшись домой, нашёл письмо от Городецкого с назначением времени для Романова и меня и с припиской, что ему не нравится тон моих писем и выражения «толика лени», «чихаете». Сначала эта приписка меня неприятно удивила, а потом я рассердился, что он, такой лентяй, да ещё обижается, когда упоминают об этом. Я хотел было ответить, что тон моих писем отнюдь не имеет цели ему нравиться, но потом решил, что не стоит пикироваться из-за ерунды. Кончу балет, а больше иметь дел с ним не буду.

30 октября

Немножко нездоровилось и сочинять не хотелось. Этим я воспользовался, чтобы доделать корректуру Op.12, которая уже валяется третью неделю, а меж тем мне хочется поскорее выпустить весёлый Op.12.

Брал урок инглиша, немного гулял, был в «Соколе».

Романов звонил, что сегодня у него заседание, и просил передать Городецкому, что завтра в четыре. Я охотно исполнил это, ибо после «Сокола» обыкновенно устаю, что и случилось сегодня.

31 октября

Сегодня хотел кончить третью картину, но не удалось, хотя осталось мало: конец последней атаки Чужбога на Алу и краткое заключение. Тут я столкнулся с некоторой трудностью: с одной стороны, каждая последующая из трёх атак Чужбога должна быть сильней, но с другой стороны, последнюю нельзя сильно инструментовать и пускать в ход медь, дабы закулисная труба прорезала весь хаос.

Днём я никуда не ходил, читал по-английски, кончал корректуру, писал дневник и очень рад был, когда пришёл вечер и я отправился на первый ученический вечер. Я на них люблю всегда ходить, с удовольствием пошёл и сегодня. Консерватория - мой старый друг. Так как билет мне покупала Дамская, то и сидел я с ней целый вечер. Мы тараторили от начала до конца и я ей в промежутке опять писал письмо к её «Сергусе». Тот упорно хочет жениться на ней, зная, что нравится ей, а она «разьпрывает шахматную партию», в которой я, из любви к искусству, с интересом помогаю. Видел Дранипшикова, с которым радостная встреча и оживлённый разговор.

1 ноября

Сегодня я почувствовал некоторую усталость от сочинения балета и некоторую вялость отношения к нему. Да и не мудрено, если сотрудники такие нерадивые. Вчера, например, оба позвонили, что в четыре часа не могут. Отложили свидание на воскресенье. Сегодня я однако раскачался и не без увлечения приводил в порядок и почти кончил танец Алы перед Солнцем. Вообще к моему приятному удивлению четвёртая картина сочинилась совсем «нечаянно» и почти готова. Она будет маленькая, это ничего. Я застрял во второй с танцем-битвой, но его очень трудно сочинить в том сногсшибательном стиле, в каком я задумал.

От Мяскунчика письмо: его отправляют в Перемышль. Вот тебе и на! Я расстроен.

Башкиров просил пообедать у него, дать урок и провести вечер. Я отправился и был приятно удивлён обществом его сестры, которая, как я уже имел честь отметить в этом дневнике, понравилась мне во время моего неожиданного визита на Французскую набережную. Сегодня интересность её превзошла моё представление, составленное раньше. Небольшого роста, с руками в карманах костюма, с папироской в зубах (в зубах, а не в губах), с красивыми как у брата, но красивей, глазами, бойкая - таков портрет 24-летней княгини. Я для начала принял свирепый вид, потом разошёлся. После обеда сыграл им весь «Карнавал» Шумана. Она кончила институт первой по музыке, бросила музыку на пять лет, но теперь хочет возобновить занятия у меня, потому что она знает, что у других, например, бывших институтских профессоров - Лаврова. Миклашевской, - она всё равно ничего делать не будет. Словом, она просит меня заниматься с ней.

Я лично был совсем не против иметь эту ученицу, а потому без особых ломаний согласился, но раз в неделю. Я прибавил:

- Ведь с вами, дамами, беда, я занимаюсь у себя дома...

- Это неудобно, но если это для вас вопрос времени, то я буду каждый раз присылать за вам автомобиль.

Я назначил урок на четверг после урока английского, отказался от автомобиля и сказал, что я, вместо прогулки, буду ходить с Моховой на Французскую набережную пешком. Между прочим, она в лазарете, устроенном пополам с Башкировым, занимается тем, что учит раненых английскому языку. Сегодня она восхищалась их отличным прононсом.

Одев элегантную шубку, она уехала, а я посидел ещё у Башкирова.

2 ноября

Доканчивал танец Алы перед Солнцем. Днём учил английский и читал. Я гордо прочёл рассказ, который осенью мне прочили доступным лишь весной, если я зимой буду исправно учиться. В четыре часа пошёл к Городецкому, который выздоровел и с которым мы окончательно выяснили четвёртую картину. Первую он придумывает вяло и мы всё ещё её не вырешали. На неделе собираемся с Романовым. Моим письменным нападкам он искренне обижается, но, по-видимому, дело приняло мирный оборот после того, как я в дружеской форме высказал ему по поводу слишком малой доли Городецкого в работе.

От Городецкого пошёл к Мещерским, обедал у них, а затем они поехали на «Горе от ума». Таля тащила с ними, но я не пошёл. С Ниной буквально ничего особенного, хотя мы за обедом сидели рядом и она довольно оживлённо разговаривала. Она кашляла и выглядела весьма зелёной. По-видимому, «шахматная партия» кончилась вничью. Я ушёл сердитый.

Зашёл в Шахматное Собрание, но там сидело человек семь, которые

разговаривали на тему о призыве второго ополчения.

3 ноября

В десять часов утра пошёл на генеральную репетицию консерваторского концерта. Сколько лет эти репетиции были близки моему сердцу - и теперь я отправился с большим удовольствием. Дирижёрский класс ныне ходит вокруг да около, а дирижируют Глазунов. Черепнин и «новый ученик Ляпунов». Как всегда, когда Черепнин дирижирует самолично, он был в отличном расположении духа и ласково встретил меня:

- А, Серёженька, очень рад вас видеть. Вы по обыкновению веселы и довольны!

Впрочем сведения о призыве ратников второго разряда совсем не радовали меня. Дранишников, Гаук и я порядочно рассуждали на эту тему. Говорили, что если возьмут, то только для охраны пленных и мостов, а на военный театр всё равно не пошлют. Я шутил, что наоборот, такую шваль, как второе ополчение, будут посылать при взятии крепостей вперёд, чтобы мы засыпали рвы, а порядочные солдаты шли по нам на приступ.

Совсем в конце концов стало будто и интересно, если нас призовут под ружьё.

4 ноября

Во сне стоял с ружьём в руках и охранял какой-то мост, кажется, Поцелуев через Мойку. Вообще это дурацкое ополчение портит мне настроение. Говорят, призыв 1915 года возьмут в январе, а 1916 год в мае, ополченцев же (первые пять- десять лет) в одном из промежутков.

Сегодня я не сочинял балет. Не было настроения, да и надо сделать антракт. Три-то недели я работал исправно. Играл немного 2-й Концерт, занимался английским. Поздравлял тётю Катю с рождением.

Вечером пошёл на консерваторский концерт. Я звонил Башкирову, которого просила привести Элеонора, он обещал поехать, но телефонировал, что на шее у него вскочил карбункул, а во рту заболел зуб, чем крайне разгневал меня. В концерте видел много знакомых. Неаронова рассказывает, что мой 1-й Концерт вызывает восхищение многих, а один ученик даже готовит его к окончанию Консерватории. Правильно, Концерт становится образовательным пособием.

Глазунову устроили овацию, я очень обрадовался, когда такую же устроили Черепнину. После концерта провожал сестёр Дамских, ибо Элеоноре надо было посоветоваться со мною: со стороны жениха был, по-видимому, демарш к опекуну и завтра опекун приглашает её для объяснения.

5 ноября

Утром не сочинял, а играл.

Не могут ли меня освободить от ружья на том основании, что в мире искусств я гораздо больше наслужу Родине, чем в казарме?

Днём прогулялся, затем дал урок Башкирову, который действительно приехал с перевязанной шеей.

Вечером был у некой госпожи Пианковой, куда меня пригласил Каратыгин за тем, чтобы Озоровская, известная рассказчица, рассказала мне сюжет для балета, который ей пришёл в голову во время её путешествия по Архангельской губернии. Сюжет (десять картин!) оказался примитивным, но не очень балетным; а вообще, раз у меня готовы почти три картины, то я едва ли брошу их в пользу чего-нибудь, хотя бы и очень хорошего.

6 ноября

От Юргенсона письмо с упрёками, почему я, прикинувшись голодным, стянул с него сто рублей, между тем как я очень богат. Такого письма можно было ожидать, хотя я всё же не ожидал. В ответ я написал обстоятельное, а под конец ядовитое письмо, которое отняло у меня не один час. Был на английском уроке. Князь Магалов от имени жены извинился и просил назначить первый урок в любой день и любое время, кроме сегодня - сегодня именины дочери. Я назначил завтра в полтретьего. Был в «Соколе».

7 ноября

Встав по скверному обыкновению последнего времени около одиннадцати и прочитав газеты, играл на рояле, подучивая 2-й Концерт и фортепианные пьесы. В два часа не без удовольствия отправился на Французскую набережную к моей новой ученице. Она была сегодня хуже. Меня встретил князь, любезнейшая личность, устроил нас у рояля, затем уехал. Ученица, по-видимому, волновалась, вообще же игра её полна отвратительных замашек: аккорды ломаные, ритм 2x2=5, слабые части такта сильнее сильных и т.п. Я прозанимался час, мне было приятно с нею заниматься, затем мы поговорили минуты три и я уехал, осведомившись, что в будущий четверг у неё никаких нет именинников.

Прогулявшись, я вернулся домой. Учил английский. Но портит мне настроение мысль, что сейчас я учу английский, а через два месяца быть может придётся учить какую-нибудь стрельбу по движущейся мишени.

В восемь часов пошёл на ученический вечер. Меня немного смущало, что каждый ученический вечер вся Консерватория видит меня сидящим с Дамской. А впрочем наплевать. Вечер был мало примечателен, хотя я провёл время незаметно. По пути домой обсуждал с Элеонорой, как ей быть: опекун вызовет её к себе для переговоров о свадьбе. Дело серьёзное; придумали контратаку.

8 ноября

Играл на рояле. В два часа заехал за мной Захаров и мы отправились к Римскому-Корсакову, сыну композитора, который в обществе богача Сувчинского открывает музыкальный журнал, а за неудобство начинать журнал в столь военное время в эту зиму устроил шесть концертов современной русской музыки. Я играю двадцать девятого ноября Сонату и ещё что-то. Захаров приглашён в качестве солиста (соната Мясковского, Метнер и прочее). Он им разблаговестал про «Утёнка» и сегодня потащил меня, чтобы я его продемонстрировал. Вообще Захаров уверен, что это будет отличное общество и держится за него. Андрей Римский-Корсаков мне крайне понравился. Сувчинский, хотя прежде ругал мои сочинения, теперь хвалит их и напевает темы. Про «Утёнка» они пытались высказать какое-нибудь оригинальное мнение, ничего умного не сказали и решили, что Жеребцова- Андреева будет петь его в январском концерте.

9 ноября

Встал с головной болью. Играл. Сделал визит Оссовским.

После обеда с мамой поехали к Корсак, где я просидел около часу и отправился к Башкирову. Уходя, я спросил у Корсак, который хорош с военным министром, скоро ли призовут второе ополчение. Он сказал, что до этого ещё далеко: народу у нас сколько угодно, а если чего не хватает, то обмундирования: Осенний призыв и

последующий призыв, которого потребуют в январе, даёт 1.600.000 человек. Обмундировать и обучить их такая задача, что некогда тут думать о втором ополчении. Притом и первое далеко не использовано.

Таким образом я на этот счёт совсем успокоился. Позднее я узнал, что второе ополчение призывается не волею военного министерства, а царским манифестом, и сражается не в солдатской форме, а в своём штатском наряде. Скажем, например, я пойду в визитке.

Башкиров страшно извинился, что минут десять заставит меня просидеть одного. Я избрал для этого кабинет, утонул в кресле, положил ноги на стул и уткнулся в журнал.

Когда мы кончили чай и разговаривали, пришёл его кузен Женечка, отъявленный шахматист, которого я уже не раз обыгрывал и который решил взять у меня реванш. Башкиров умолял меня обыграть его и затем полюбоваться на его физиономию. Партия была серьёзной, но я дважды был отрываем звонками от Дамской, которую я просил звонить. Она была в гостях у дяди-опекуна и там произошла встреча с вернувшимся с войны женихом. Вообще обстановка была как для помолвки и бедная Элеонора выдерживала и атаки родственников, и горячее ухаживание жениха, который ей будто и нравился. В телефонном разговоре со мной она черпала подкрепление для дальнейшего боя. После второго телефона (в двенадцать часов ночи) я решил, что дело плохо - окрутят, и даже волновался за неё. В партии я проиграл пешку. И, право, я не знаю, как случилось, что вдруг шестью ходами я шикарно разнёс моего противника к великому восторгу Башкирова.

10 ноября

Отдохнув неделю от балета, сегодня я вновь принялся за него. Не очень, но помалу, больше проигрывал старое, да смотрел черепнинского «Нарцисса». Мне он очень нравится, такой элегантный и изобразительный, хотя что ни нота, то откуда- нибудь схвачено.

В полпервого я должен был позвонить Элеоноре за справкой о результате вчерашнего сражения и, право, волновался, потому что думал, что сражение проиграно. Но бойкий «министр» отразил все атаки, и хотя жених «очень хорошенький» и они весьма целовались, но согласия она не дала.

Урок английского, Студия и поспешное возвращение домой для урока Башкирову, который переносится уже второй раз. Уходя, он звал вечером к себе: у них концерт для раненых - всякие Тамары, балаганчик и гости, но я твёрдо решил держаться за «Сокол», несмотря на уговоры Башкирова, что без меня ему будто вечер не вечер.

Итак «Сокол», затем телефон с Фякой, которой я позвонил в искупление грубой ликвидации разговора третьего дня. У бедной грипп, она обязана сидеть дома, очень скучает, а о поездке в субботу, конечно, не может быть и речи. Я справился, похорошела ли она или очень подурнела, и часто ли меня вспоминает. Она отвечала: каждый день. Я обещал навестить.

11 ноября

Сегодня я занимался балетом серьёзней и даже восход солнца вышел очень хорошо. В три часа пришёл на репетицию Кусевицкого слушать «Аластора» Мясковского. Вследствие отдачи Дворянского Собрания под раненых, Кусевицкий даёт концерт в Малом театре. Оркестр расположен на сцене и звучит глухо: forte пропадает, а флейты в piano или контрабасы в pianissimo улавливаются с большим

напряжением слуха. В «Аласторе», не лишённом и без того скучностей, Кусевицкий даёт темп, очень испортив этим сочинение. Вообще же многое я слушал с величайшим удовольствием, хотя вся вещь как-то недостаточно, если можно так выразиться, компактна. Но звучит отлично, а местами замечательно. Я теперь чрезвычайно интересуюсь оркестровой звучностью, а потому особенно оценил это обстоятельство.

Играл на рояле, а вечером пошёл на ученический вечер. Народу было мало, а программа короткая. Я опять сидел с Элеонорой. После вечера обсуждал с Элеонорой её историю. Жених, будучи на войне адъютантом при ком-то, снова уехал в армию, но вернётся в субботу для окончательных переговоров. Это было ничего, но теперь и мать Элеоноры начала её выдавать.

12 ноября

У меня вошло в скверный обычай быть готовым к одиннадцати часам. Сегодня балет подвинулся очень немного, больше обдумывал. В три часа пошёл навещать Нину. Она очень похудела и стала совсем маленькой. Мне было очень её жаль и я чувствовал к ней большую нежность. Мы провели всё время у рояля, так как я по её просьбе принёс «Нарцисс», сонату Мясковского и разыгрывал ей. И лишь уходя, обнял и поцеловал и сам смутился. Я простился до субботы и ушёл с самыми нежными чувствами к Нине.

Башкиров сегодня опоздал на урок не более не менее как на час. Я рассердился и когда он явился, то четверть часа не выходил к нему. После урока мы обедали и поехали в Малый театр на Кусевицкого. С нами была Элеонора, которая интересовалась Башкировым, а я охотно познакомил их, чтобы оттянуть её у «хорошенького» жениха. Но на Башкирова я сегодня злился за урок и держал его в страшной строгости, что его крайне расстраивало. «Аластор» во второй раз ещё лучше, чем в первый. Но он длинновато-скучноват. «Божественная поэма» великолепна и очень хорошо проведена Кусевицким. После концерта я проводил Элеонору. Ей очень понравился Башкиров, но ему не понравился Скрябин, за что влетело от меня.

13 ноября

Сегодня я доделал давно задуманное поражение рукой и лучом Чужбога. На рояле это - ничего особенного, но в оркестре, кажется, выйдет сногсшибательно.

Повторил английский, был на английском уроке.

Далее «Сокол», а вечером разговоры по телефону с Ниной, которая просит инструментовать для благотворительного концерта какую-то бельгийскую песню.

14 ноября

Сегодня я встал рано, в девять, и пошёл на репетицию симфонического оркестра. Там играли Лядова - и было скучно. Маленькие мысли, скромные гармонии и до тошноты правильное голосоведение нагоняли тоску. Черепнин, как всегда, очарователен. Сделав хитрое лицо и присев, он сообщил:

- А я тоже принялся за балет и тоже на русскую тему!

Вернувшись домой, я работал над моей четвёртой картиной и, дописав гадов, приводящих Алу, и цепи, спадающие с неё, неожиданно констатировал, что третья картина готова. То-то приятно!

В четыре сходил на Французскую набережную к моей княгине, которая была сегодня ужасно хорошенькая, но в игре её столько отвратительных замашек, что

есть отчего прийти в отчаяние. Она, по-видимому, меня очень уважает и боится. Вернувшись домой, читал толстый английский роман вслух. Я уже читаю толстые романы.

Вечером поехал побриджевать к Данилову, что в обществе его, Бориса Захарова, отца Данилова и двух братьев Таубе, было выполнено добросовестно, в количестве десяти робберов и до трёх ночи.

15 ноября

Играл Сонату и пьесы для вечера «Современника». Я не знаю, буду ли я играть дешевовское «Скерцо», мне никак не удаётся его выучить. В три часа пошёл к Нине. Она очень недурно стала играть в четыре руки и бойко осиливала «Франческу» Чайковского.

Пообедав наскоро, я поспешил в первый концерт «Современника», причём так торопился, что забыл в извозчике папку с «Нарциссом», моим Концертом и сонатой Скрябина для Захарова. Но торопился напрасно: началось не в восемь, а в полдевятого и в зале никого ещё не было. Тогда я отправился в Большой зал послушать «Триглав»[53] Корсакова, главным образом, инструментовку. И действительно, звучит преинтересно. Городецкий с ласковой внимательностью стал расспрашивать, отчего меня не видно и отчего я ему не звоню. Я ответил:

- Потому что, как я у вас побываю, так на неделю пройдёт желание сочинять.

Но Городецкий решил быть милым, сказал, что он отлично обдумал первую картину и я, погуляв с ним под руку, пообещал явиться во вторник.

Светлов, помощник Дягилева, сказал, что от Дягилева, который в Риме, нет никаких сведений. Василий Захаров поздравлял с необыкновенно хвалебной статьёй, появившейся сегодня в «Русской музыкальной газете». Семья Алперс присутствовала in corpore и сыпала любезностями. После «Триглава» и антракта я вернулся на концерт «Современника». Несмотря на то, что это первый концерт нового учреждения, народ был, критики были и кое-кто из музыкантов тоже был.

На следующем концерте играю я.

16 ноября

Утром сочинилось начало скерцо в Скрипичном концерте; затем поиграл 2-ю Сонату. Надо её сыграть хорошо и пьески тоже. Кроме того, я её в пятницу играю на вечере в Студии для показа ученикам примерной игры (!).

Пошёл к Элеоноре, которая очень недурно наигрывала мой «Гавот» на арфе. Она начинает уже ныть, что ей без её «Серёжи» скучно, и не выйти ли ей в самом деле замуж. Я рад, что по крайней мере ей хоть Башкиров приглянулся и дал ей его портрет, а сам поспешил обедать к самому Башкирову. После обеда мы с ним гуляли по их большому залу и болтали, а затем сидели в уютной гостиной и он рассказывал интересные вещи из философских и религиозных воззрений Толстого. Пришёл кузен-шахматист, «сын солнца», как его зовёт Башкиров. Два часа я играл с ним тяжёлую шахматную партию и в конце концов очень хорошо выиграл. Приехала сестра, очень интересная, чуть-чуть подкрашенная.

- Сегодня я весь вечер готовила урок. - сказала она мне. - Муж находит, что я уже сделала успехи.

Я играл Шумана, она восхищалась, а за ужином внимательно следила, чтобы я ел. Я устал и стремился домой.

[53] «Ночь на горе Триглав», симфоническая картина (оркестровая аранжировка третьего акта оперы «Млада»),

17 ноября

Лёг спать в три и встал поздно. Я просплю этак полжизни. Вероятно балет шёл бы быстрее, если-б я регулярней работал по утрам, но он и без того подвигается, торопить же его пока некуда, поэтому и дремлется спокойно.

В два часа Miss Aisaaks, затем Студия, причём худшая ученица из двух, пользуясь нашим tête-a-tête'ом ныла, что я, кажется, недоволен ею, что мне не хочется с нею заниматься и что она, право, не знает, что ей делать. Я её особенно не разубеждал в этом, но показал, в чём её недостатки и как надо ей действовать, чтобы избавиться от них.

Дома у меня пришла идея для окончания третьей картины, но кончить её не удалось. В семь часов «Сокол», а вечером звонила Нина. Завтра у них гости, обещали быть «Андрюши»[54] вместе с «Утёнком», которого Анна Григорьевна обещала помурлыкать. Мама принимает деятельное участие в одном из лазаретов Министерства Юстиции. Лазаретом заведует Вера Николаевна. Обе они обнаружили чрезвычайную деятельность и довольны друг другом.

18 ноября

Хотел кое-что сделать в балете, но вместо этого пришло начало для скерцо в Скрипичном концерте. Я, пожалуй, согласен, что оно не очень содержательно, но интересно и будет «выходить». В час дня отправился в Консерваторию взять партитуру «Триглава» посмотреть кое-что из инструментовки. Фрибус любезно дал мне его до завтра. Из знакомых почти никого не видел. Из Консерватории отправился к Городецкому. Сыграл ему четвёртую картину, которая привела его в отличное расположение духа. «Образно, свежо, дико» и прочее. Затем он мне объяснил новое содержание первой картины. На этот раз было совсем хорошо. Я только посоветовал всё же при поднятии занавеса положить народ ниц, а затем мы вместе сделали кое-какие изменения и поправки. Я доволен первой картиной и примусь за неё с удовольствием. Тем более, начало уже есть и музыка жриц (пресвеженькая) начата. Городецкий говорит, что он теперь понял, как для меня надо писать либретто.

Вечером я отправился к Мещерским. Мама приехала прямо из лазарета, обедала у них и, когда я пришёл, была уже там. Однако у Анны Григорьевны потребовали сына (от первого мужа), только что произведённого в офицеры, на войну, она была в расстройстве и сегодня не могла быть у Мещерских. Общее и чрезвычайное разочарование по поводу отмены «Утёнка». Его все ждали. Все сидят и ничего не делают в ожидании бриджа. Собираются гости. Явился Зайцев, с невероятной тонностью со всеми раскланивается. Со мною сухо. Нина в свободный момент говорит мне, чтоб я хорошо вёл себя, а за ужином сидел рядом с ней. У меня с ней несколько пикировок безо всякой причины, так, из любви к искусству. Я после усиленных просьб соглашаюсь сыграть «Утёнка» без пения, намурлыкивая слова, что приводит хозяина дома в восторг, он в припрыжку бежит через весь зал звать остальных слушать «Утёнка». Все столпились вокруг рояля, но Нина с Зайцевым и кем-то ещё сидит в стороне и всё время разговаривает. Я чувствовал не столько злобу, сколько удивление и не понимал, что за шахматный ход со стороны Нины. «Утёнок» кончен - все (кроме упомянутой группы) громко восхищаются и толпятся вокруг меня; мама прощается и мы уходим, не обращая внимания на группу, сидящую в другом конце зала. Когда я выхожу уже на лестницу, бегом догоняет Нина:

[54] Супруги Андреевы.

- Серж, вы не желаете прощаться со мной?!

Ночью меня преследуют: бридж, короли, дамы, Нина, Зайцев и прочие. Наконец в семь часов, хотя совсем ещё темно, я окончательно просыпаюсь, не могу спать и обдумываю, нет ли какой репетиции, чтобы встать на неё рано? Но репетиции нет, в девять часов я засыпаю и сплю до одиннадцати.

19 ноября

Когда я встал, мне абсолютно не хотелось сочинять, поэтому я играл мою Сонату, а в час пошёл в Консерваторию: 1) надо отнести «Триглав»; 2) я обещал Элеоноре поговорить о её всё более осложняющихся делах. В Консерватории мы рассуждали целый час. Я проводил Элеонору домой, на её вопрос о моих делах рассказал о вчерашнем вечере. Элеонора нашла, что я неприлично ревнивый человек.

Днём я дал урок Башкирову, а вечером поехал к Захарову. История с Ниной меня действительно занимала до крайности и конечно огорчала. Я полагал, что она позвонит мне сегодня, и действительно, это случилось во время урока с Башкировым. Я ответил, что разговаривать не могу и позвоню вечером. Идя к Захарову, я сделал это, мы весело болтали, как будто ничего не было, она звала навещать её и играть с ней 6-ю Симфонию Чайкуши.

- Мы её уже пробовали с Талей, но, вероятно, бедный Чайкуша всё время ворочался в гробу...

- Так что когда я буду играть с вам, то одна половина Чайковского будет лежать спокойно, а другая будет ворочаться.

20 ноября

Хотя встал поздно, но кое-что сделал в первом акте. Теперешний план его мне вполне нравится и я с удовольствием обдумываю музыку. Но работать пришлось мало: позвонил beau-frère Мясковского, сообщил, что Нямчик во Львове и что туда сегодня едет со всякими тёплыми вещами одна дама, которая может передать ему письмо, если я таковое напишу. Я уже давно собирался выболтать ему мои «аласторные» впечатления и потому сегодня торопливо принялся за письмо. Не кончил, пошёл на урок к миссис Эйзекс, кончил письмо где-то в почтовом отделении, занёс его даме и с головной болью пошёл в «Сокол» - выветривать её.

О призыве второго ополчения теперь говорит весь Петроград. И хотя многие авторитетные источники (Корсак, Павская) не подтверждают это, другие с уверенностью говорят, что призовут или в декабре или, в лучшем случае, в феврале. Конечно не для боя, а для охранных служб. А впрочем не разберёшь: потеряем где-нибудь пять-десять корпусов, так и второе ополчение пошлют в огонь. Меня порой расстраивает, что придётся оторваться от обычной жизни, потерять свободу и заниматься может целый год чуждым мне делом; иногда становится страшно; а иной раз ничего и даже вовсе интересно. Но и досадно, если такое великое событие, как эта бойня, пройдёт непережитое и не коснётся меня совсем.

21 ноября

Сегодня очень хорошо сочинялась сцена жриц и Лоллия перед Алой и я её сделал почти всю. В три часа был у Нины.

Вечером я играл в Студии и очень сердился, сидя в столовой, что моя очередь оттягивается - я торопился в Консерваторию, на ученический вечер. Долго пела Зоя Лодий скучноватые «Китайские пьесы» Юлии Вейсберг. Наконец я играл

Сонату. По-моему, я сыграл её очень хорошо: где нужно - нежно и мягко (вообще это новое качество, культивируемое мною в моей игре), а финал вышел отлично технически. С последним аккордом я быстро отправился вон из Студии и на лестнице слышал, как мне аплодировали и вызывали меня. На учебный вечер, на котором сегодня было много народа, я приехал к последнему номеру, поболтал с Дранишниковым, а затем проводил сестёр Дамских домой.

22 ноября

Первая картина подвигается хорошо и я ею доволен. У Алы зажглись глаза. Дальше тоже намечается интересно. Вообще всё на свете было бы хорошо, если бы не эти глупые ратники второго разряда. Звонил Нине, которая просила рассказать, как вчера было у меня на Студии. Вообще был страшно милый разговор, а затем она заявила, что то я являлся к ним раз в месяц, а теперь три раза в неделю, это подозрительно, а потому я должен прийти к ней не раньше, чем через две недели.

Башкиров брал урок и звал к себе, но я пообещал приехать завтра, а сегодня отправляюсь в концерт ИРМО. В программе концерта были Франк, Эльгар и Шоссон - и смертная тоска.

23 ноября

Хотя проспал, но в балете чуть-чуть сделал. «Сегодня мы продвинулись на три метра вперёд» - как пишут французы в своих донесениях с войны. Я страшно заинтересован Лодзинским сражением, по утру требую газету в постель, под вечер покупаю всякие вечерние телеграммы. Это тяжёлое сражение, немцы прут сотнями тысяч, но мы должны его выиграть: солдаты у нас по качеству равные, а полководцы лучше.

Писал дневник, говорил с Элеонорой по телефону. Жених её уехал в войска на две недели, она начинает скучать и хочет писать ему милое письмо. Я нахожу, что это проигрыш шахматной партии и всячески нападал на Элеонору за её слабость. Обедал я у Башкирова и приятно провёл с ним весь вечер. Мы с ним больше и больше становимся друзьями: 1) мы едем с ним вокруг света; 2) он хочет быть моим концертным импрессарио.

Я выиграл у него очень хорошую шахматную партию.

24 ноября

Сегодня не сочинялось и я учил вещи для концерта «Современника» (не путать с «Вечерами современной музыки», отошедшими в вечность, но памяти которых будет посвящён мой балет - шаг к новизне, и я свидетельствую моё внимание моим бывшим друзьям). Был у англичанки, которой стараюсь учить побольше слов.

Занимался в Студии и, устав, пришёл домой. Говорили с Элеонорой по телефону. Девица молодец, вчерашние разговоры пошли впрок: сегодня она послала письмо, прерывающее отношения на год.

В семь часов «Сокол», где говорят о призыве второго разряда, а в девять часов - у Раевских на именинах двух Екатерин, где тоже говорят, что этот вопрос решённый. У Раевских, у которых я теперь почти не бываю, сегодня много гостей, играли на трёх столах в «винт».

25 ноября

В газетах пространные донесения, из которых следует, что Лодзинское сражение

окончено и что мы победили. А между тем из частных источников по телефону нам сообщили, что Лодзь сдана. Ничего не понимаю, хотя всё же не думаю, что мы очень проиграли, если Генеральный Штаб доносит, как о победе. Сегодня не сочинял, много писал отставший дневник, играл для субботы и почти час говорил с Ниной по телефону. Она, может быть, на время уедет в Царское, звала меня навещать её, сказала, что пойдёт со мной гулять в Павловск и что на этот день переменит в разговоре со мной местоимение. Нувель звонит, что Дягилев проявил признаки жизни, что он в Риме и что оттуда прислал телеграмму, спрашивая про мой балет. Я просил ответить, что из пяти картин готова музыка в четырёх и что мне нужно знать, кто декоратор. Что готовы четыре картины, я, конечно, соврал: готова лишь четвёртая, почти третья, первая и вторая до половины. Послезавтра Нурок и Нувель придут послушать балет.

26 ноября

Кое-что очень недурно сочинялось для скерцо Скрипичного концерта. Учил «Скерцо» из Ор.12, которое у меня всё ещё не идёт.

В шесть пришёл на урок Башкиров и сообщил, что достоверно известно, что нас призовут двадцать второго декабря. Я отнёсся храбро к этой новости, но мы долго обсуждали, куда лучше устроиться, чтобы остаться в городе. Вообще о призыве говорят теперь все, но называют шестое декабря: в этот день, в день Ангела, Царь издаёт манифест о нашем призыве.

После Башкирова был у меня критик Вальтер для слушания тех вещей, которые я играю в субботу. Он уже так поступил, когда я играл Концерт на акте и теперь хочет снова солидно ознакомиться, прежде чем писать.

27 ноября

Решив, что через неделю мне придётся вставать в шесть часов утра, я позволил себе проспать до двенадцати. Пошёл в Консерваторию позондировать почву у Черепнина относительно того, какие мне могут быть предоставлены льготы за мои музыкальные заслуги на случай призыва. Черепнин очень встревожился, стал убеждать меня, чтобы я устраивался в Петрограде.

Я опоздал в «Сокол» и не пошёл. Вечером были Нувель и Нурок, слушали балет и я боюсь, что ничего не поняли. Но оживлённо говорили и вообще время мы провели очень приятно. Весьма понравился им моролёвский «Марш»[55], а также дешевовское «Скерцо».

28 ноября

Играл пьесы для завтрашнего концерта. Учил английские слова. Думал о Нине.

В три часа был у великобританки на уроке. Городецкий так и не позвонил мне, прийдёт ли он сегодня с Романовым. Вечная возня с этим Городецким. Неизвестно, как заходит солнце в первой картине, и я не могу её сочинить дальше.

Вечером сидел дома; была Катя Игнатьева.

29 ноября

Встал в половину двенадцатого. Говорят, что в декабре призыва ополченцев не будет. Звонил к Шредеру, можно ли посмотреть рояль, на котором буду играть

[55] Десять пьес для фортепиано (Оп.12), №1 - «Марш», посвящен В.Моролёву.

вечером, но он уже отослал его в Консерваторию. Я делаю hommage[56] Шредеру за его премию, играя концерт на его рояле.

Пошёл в Консерваторию, встретил Николая Николаевича со всеми дирижёрами, среди них Крейслера, которого не видел полгода. Рояль оказался претугейшим, хотя недурным. Боюсь за «Скерцо», а вообще справлюсь. Гандшин играл мне на органе и показывал его особенности. Ему очень хочется, чтобы я написал что- нибудь для органа с роялем. Этого вида музыки нет в литературе, а между тем может выйти преинтересно.

Затем сидел дома, играл на рояле, думал о Нине, писал дневник и разговаривал по телефону с теми, кто, как у тяжело больного, справлялись, как самочувствие перед концертом. А.Н.Римский-Корсаков звонил, что согласно моему намёку он написал Юргенсону, что желательно, чтобы пьески Ор.12 вышли к сегодняшнему дню, т.е. к дню их исполнения. Хотел я это, потому что боялся, что Григорий, перепикировавшись со мною, напечатает опус через полгода, тем более, что издательство страшно завалено. Но теперь пришёл ответ, что хотя Ор.12 и не поспеет к концерту, но выйдет в ближайшие дни после него. Перед концертом я отнюдь не волновался, хотя, по-видимому, многие интересовались моим выступлением и, стало быть, играть надо было хорошо. Как ни как, это первое выступление нового лауреата, хотя сам лауреат не придаёт большого значения этому выступлению. Я приехал к началу и с удовольствием выслушал всю программу. Сегодня я не волновался, разве немножко во время самой игры, но очень немного. В антракте меня навещали: Захаров, Башкиров, Мещерские. Мещерские приехали втроём, без мамаши, и сидели с мамой (Нина - между своим папашей и моей мамашей (!). Башкиров сидел в первом ряду и исступлённо аплодировал. Захаров явился с нотами и выказывал массу интереса. Играл я в последнем отделении. Сначала 2-ю Сонату (играл я её с удовольствием). Успех отличный. Раза три я выхожу кланяться и вижу весь наш милый Малый зал, аплодирующий мне. Очень приятно. Секрет хорошего исполнения в том, чтобы не обращать внимания на зал, на публику, словом, на обстановку до исполнения и во время него, а сосредоточиться на пьесе. Потом можно кланяться сколько угодно.

Итак, я вышел три раза, передохнул и сыграл числящихся в программе шесть пьес из Ор.12. «Легенду» я играл немного медленно, но она была принята недурно. «Прелюд», конечно, понравился. Играя «Ригодон», я думал о Фяке; кстати, она сидела в третьем ряду и при небольшом повороте головы была от меня видна. Я играл «Ригодон» по-новому, немного медленней и очень задорно. Успех большой, я чуть не бисировал. За Нининой пьесой следовала Талина: «Каприччио». Пьеску я играл с любовью, но успеха она не имела никакого. «Марш» я взял против воли ужасно скоро, но проскочил он ловко и понравился больше всего. «Скерцо» мазал и кое-где выпускал двойные ноты, но для непосвящённого заметно не было. Всё. Успех очень большой. Я несколько раз выхожу кланяться. Зал стоит и аплодирует. В глаза мне бросается группа Мещерских в одном конце и Башкиров в другом, который аплодирует, как пулемёт. За кулисам я тщетно ломаю себе голову, что я умею играть на «бис», наконец вспоминаю «Гавот» и играю его к большому удовольствию публики.

За кулисы приходят Захаров и Ганзен. Захаров и все в один голос хвалят мои необычные пианистические успехи по сравнению даже с весной. А.Н.Римский-Корсаков говорит:

- Послушайте, фурор! Антрепренёр может деньги на вас нажить!

Голубовская говорит то же, что Захаров. Приходит Верочка Алперс с поздравлениями. Башкиров не отходит ни на шаг. Дамской нет - сегодня день смерти

[56] Оказываю честь (фр).

отца. Она интересовалась концертом, кроме того, очень хотела поглядеть на Нину (а Нина первым делом спросила про неё), но надо было сидеть дома.

После того, как публика разошлась и я поостыл, с Башкировым я отправился по Морской, Невскому и в трамвае по Загородному я вернулся домой. Мама была очень довольна и поздравляла.

Я лёг спать довольный, хотя немного нервный, и пожалел, что нет милого Нининого плеча, на котором можно было бы примоститься и заснуть. Только плеча, больше ничего, я как-то у неё примерил, оно такое удобное. А отправляясь в концерт, я думал: какой ужас, если бы у меня была жена!

30 ноября

Разбудил меня телефон Романова, который справлялся, как балет, и обещал прийти завтра. Я был очень рад, а про Городецкого сказал, что он так задерживает (заход солнца) и так небрежен к делу, что я, кажется, прямо брошу работу. Романов обещал привести и Городецкого. Затем я улёгся досыпать мои «десять часов сна».

Днём я по существу ничего особенного не делал, сочинять не хотелось, больше говорил по телефону с теми, кто поздравлял меня со вчерашним успехом. Звонила Нина, пыталась кой за что выругать, но в конце концов как-бы против воли похвалила. Перед моим выступлением она «дико волновалась» весь антракт. А сидя между Алексеем Павловичем и моей мамой, чувствовала себя немного необычно. На прощание прибавила, что я ей вообще в этот вечер очень нравился. Не без юмора рассказала, «как Захаров повертелся перед ней и затем почтительно поклонился, на что она ответила сухо, так как он ей не понравился - вульгарный- де и самодовольный. Кстати, я познакомил Башкирова и Захарова, и Башкирову он также не понравился.

Говорил мне комплименты Боровский, - что я стал прямо отличным пианистом: туше, градация удара, отделанность и прочее. Вероятно, я много занимался? Я ответил, что совсем не занимался, но человеческий организм имеет свойство развиваться сам по себе по инерции после данного толчка: весной я серьёзно работал и дал толчок, но результат был не весной, а по прошествии времени, теперь. Обедал я у Башкирова. После обеда беседовали, он сожалел, что я не мистик, и уморил меня разговорами о мистике. В пол-одиннадцатого приехал Демчинский с женой и Алёхин. Демчинский, ловкий causeur[57] и человек большого, весьма парадоксального ума, решил дать сегодня словесное сражение Алёхину. Но первым подвернулся я с моим новым балетом и целый вечер происходил словесный бой к великому наслаждению Башкирова («у вас без пяти минут удачный сюжет, но соль в этих пяти минутах»).

В два часа я отправился домой, шёл пешком все шесть вёрст и думал о Нине и моих отношениях с ней. Что дальше?

1 декабря

Подзубрил кое-что из английского, а то я потерял с этим концертом всякое рвение к благородному наречию. После урока Студия, причём ленивая ученица стала делать успехи, а когда я вскользь упомянул о её лени, она горячо воскликнула, что теперь о лени и речи быть не может. Козлова будет на учебном вечере играть сонату Грига и, право, ничего исполняет. Я для пущей важности заявил, что ежели будет время, может быть, загляну её послушать, на что она стала умолять прийти, говоря, что без меня не будет играть.

[57] Человек, владеющий искусством вести разговор (фр).

2 декабря

Встал поздно, но это в последний раз. Так как ни от Романова, ни от лентяя Городецкого ничего не добьёшься, я решил приняться за инструментовку готовой четвёртой картины: завтра встаю рано и засаживаюсь.

Сегодня я собрался навестить Консерваторию, посмотреть, как там готовят «Русалку». Дранишников в восторге от моего субботнего выступления.

На обратном пути с извозчика соскользнула палка Макса. Я спохватился через две минуты, соскочил с извозчика и пошёл её искать, но палки не было, хотя я прошёл весь предполагаемый кусок два раза. Теперь я вспомнил, что за извозчиком вслед шёл отряд ополченцев, который, вероятно, и подобрал палку. Отряд успел уйти и куда он повернул - неизвестно, да и как усмотришь, кто там держит мою палку. Так она и погибла. Очень огорчённый, я пришёл домой и даже три похвальных рецензии не исправили моего настроения. Мама сказала, что звонила Нина и просит позвонить ей. Но я был очень не в духе: не звонил, а когда она сама позвонила, то не утешил её любезными разговорами. Между тем бедная девочка нуждалась в утешении: её всё ещё держали дома, она тосковала, а тут ещё близкая знакомая их дома, Mme Литтауэр, скоропостижно померла: разговоры о смерти, панихида и прочее. В результате к концу телефонного разговора Нина страшно расстроилась. Я сказал на прощанье, что завтра прийду к ней с сочувственным визитом и просил её позвонить в двенадцать часов, можно ли. После телефона мне стало жаль, что я огорчил Нину, и я радовался, что завтра увижу её.

В восемь часов пошёл на ученический вечер, где мы сидели с Элеонорой и разговаривали о наших «шахматных партиях». У неё тоже дела! Раненому барину она послала милое сочувствие и получила такой трогательный ответ, что теперь тает от нежности к жениху. И в начале вечера очень разогорчила меня, доказав, что моя «война» весьма умна, ловка, держит меня в руках и кончится всё свадьбой. Я оппонировал, какое ужасное заклятье, когда жизнь только начинает развёртываться и так интересно развиваться... Неужели и в Рим с женой, и в Америку?! А между тем, как вечером хотелось заснуть на её плече, а утром как мечтается о ней! Последнее замечание произвело на Элеонору сильное впечатление. Оказалось, что я en toutes lettres[58] сказал то, о чём она сама мечтала, думая о своём женихе. Но она думала, что это только она такая глупая, а между тем и все такие. Элеонора была страшно расстроена, я же вдруг прозрел, что женитьба для меня равносильна плену, и страшно обрадовался своему освобождению: нет, нет, ни за что! Я отправился играть «Петрушку» в четыре руки, какового мы сыграли с Николаевым с ошеломляющим блеском. Слушатели то охали, то хватались за голову, то восхищались. У меня новый горячий поклонник: Сувчинский. Ведь когда-то ругал, а теперь не нахвалится. Очень милый господин. Я играл мои сочинения. Захаров восхищался исполнением «Петрушки». Ганзены («Сецилия и Сардиния») конечно были обе. Неужто Цецилия - Борина невеста?!

3 декабря

Встал в десять и, Господи благослови, сел за партитуру четвёртой картины. Пока идёт быстро и легко, так как я успел обдумать раньше. Пишу на больших листах, стараюсь писать быстро, не следя за красотой, повторяющиеся такты и пассажи обозначаю знаком % и часто употребляю выражение «то-то col то-то» вместо выписывания того же самого. Незаметно шло время и я констатировал, что уже половина первого, а Нина обещала позвонить в двенадцать. Подумав, что

[58] в точности (фр).

её взяли на похороны, я продолжал работу. В два звонка ещё не было. Мне очень хотелось к Нине и я начинал беспокоиться и не понимать, в чём дело. В три я позвонил сам, но Нина была холодна и сердилась за вчерашний разговор. В двенадцать часов звонить мне не хотела, а сегодня все лежат после похорон и прийти нельзя. Сегодня вечером я получу от неё письмо: в нём будет исполнение одной моей просьбы и затем десять слов, которые, если я буду догадлив, то пойму. Я ничего не понимал, сказал, что огорчать её вовсе не хотел, что мне очень обидно за её вчерашние слёзы и что, если она позволит, я завтра приду её навестить.

После телефона, идя в типографию Уля по поводу издания моего сокольского «Марша», я ломал голову, что она задумала. Разрыв? Вот неожиданный конец! И мне было грустно, что всё это кончилось.

Во время урока с Башкировым, я получил письмо, которое очаровательно благоухало её духами. В нём была рецензия из «Музыки», о которой я действительно просил (я теперь вспомнил), а записка, в которой я ожидал увидеть решение Нины, содержала: «Посылаю вам ту рецензию из «Музыки», которую вы просили». В чём же дело? В чём бы то ни было, но не так плохо, как я думал.

Вечером я продолжал инструментовку.

4 декабря

Встал в девять. Инструментовка подвигается быстро, я дошёл до солнечного восхода. Спросить у Нины, можно ли её сегодня навещать, я обещал ровно в двенадцать, но опоздал, и десять минут первого она позвонила сама, спрашивая, когда я прийду.

В четверть четвёртого я был у неё. Она сидела одна у лампы, такая славная, и вязала шарф, тот самый. Я видел, что Нина радуется моему приходу, и мне было приятно. Явилась Таля с визитов. Втроём мы отправились наверх «чайпить», потом к роялю играть с Ниной принесённую мною 5-ю Симфонию Глазунова. Потом внизу мы проболтали втроём с четверть часа, причём Нина возмущалась, что я так-таки не прочёл «Анну Каренину»[59], а я возражал, что теперь читаю только по-английски и если буду читать «Анну», то лишь в английском переводе.

5 декабря

Скорость движения партитуры сегодня замедлилась: я застрял на солнечном восходе: контрапункты, голосоведение, пассажи - всё это намечено, но ничего не сделано; выполнить это оказалось пресложной работой и двигается медленно, хотя выходит отлично. Инструментовка тоже, по-видимому, удастся и кажется это будет одной из шикарных страниц балета. Никак не придумаю только, что прибавить к трём струнным, чтобы сделать восход более «солнечным».

В три английский урок. Вечером пошёл на ученический вечер. Звонила Нина, вчера вечером у неё был доктор и он нашёл верхушку её лёгких сморщенными, воздух Петрограда вредным и завтра она недели на две уезжает к своей кузине в Царское. Просила писать ей и навещать. Я с удовольствием обещал, мне очень жаль бедную девочку.

6 декабря

Солнечный восход оказался чрезвычайно сложным: флейтные пассажи, гобойные партии - всё это надо сделать. С Ниной разговаривали ещё раз и опять

[59] «Исполнено в 1936 году!». (Более поздняя приписка рукой автора).

очень мило. Завтра я еду её навещать. Днём пошёл поздравить Ольгу Петровну Рузскую с именинами Николая Павловича, который во Львове. К удивлению встретил Таню, приехавшую из Львова на две недели, она покруглела, побелела и стала особенно водить бровями. Говорит, что совсем отвыкла от того, как держать себя в обществе. Петроград её неприятно поражает своею далёкостью от войны. Меня встретила крайне сдержанно, но мне было интересно послушать про Львов, я её расспрашивал и вскоре мы очень оживлённо разговорились. Я торопился домой на урок Башкирова, но он не пришёл, тогда я ему заявил, что завтра не буду у него обедать. Он в первый раз за наше знакомство рассердился на меня. Вечером я ходил в третий концерт «Современника» и слушал неинтересные песни Шведова. Поспешил домой, чтобы успеть написать Нине и опустить в ящик до одиннадцати часов.

7 декабря

От Нины письмо - целых четыре страницы, пересыпанных блёстками ума и остроумия, но я еле успел прочесть его - зазвонила Катя Шмидтгоф, приехавшая с тёткой в Петроград на полтора дня. Разговаривать с «Северной гостиницей» было трудно, нас несколько раз прерывали. Мне пришлось торопиться и я еле поспел на поезд в двенадцать часов, с которым меня ждала в Царском Нина. Был восхитительный ясный солнечный день, на полях лежал недавно выпавший, запоздавший в этом году снег, я всю дорогу стоял на площадке у раскрытого окна и наслаждался природой. И каким фальшивым фаготом зазвучал поезд Варшавской дороги, следовавший параллельно нам и бежавший с войском на войну. Одни люди, которым не хочется драться, и другие люди, которые думают о покинутом доме, тем не менее лезут друг на друга и выпускают друг другу кишки. Какая тупость!

На вокзале в Царском Селе я лоб ко лбу столкнулся с Кокочкой Штембер. Оказывается, он здесь живёт и занимается, а сейчас вышел встретить Тюлина. Всем нам было по дороге и мы весёлой гурьбой, играя в снежки и прыгая, как козлята, отправились по дороге в «Колонию». Я на минуточку зашёл к Кокочке, а затем отправился к Нине, которая устроилась в крошечной дачке у кузины и её мужа, которых я немного знал. Нина выглядела маленькой и бойкой. Мы вскоре собрались кататься по восхитительной погоде, оделись, вышли на улицу, поймали двух извозчиков и сев: муж с женою, я с Ниной, покатили в Павловск.

Вернулись домой, повертелись немного и пошли встречать Талю и Алексея Павловича. Но Таля не приехала, а Алексей Павлович привёз присланные кузеном Сашкой с войны австрийские трофеи: ранец и штык, каковые мы с любопытством рассматривали. Вскоре я отправился домой, несмотря на удерживания Алексея Павловича и Нины.

Я вернулся в Петроград. Башкиров надул и под предлогом болезни не явился на урок, чем крайне меня рассердил. В семь часов я был у Раевских, где появился Шурик, приехавший на несколько дней с войны. Считали, что он в относительной безопасности, так как состоял адъютантом при бригадном генерале, но он вместе с генералом попал под такой огонь, что половина людей не уцелела. У Шурика у кобуры была пачка шоколада фунта в два. В этот шоколад хватил шрапнельный осколок. Попади осколок немного левей или правей - и был бы он в шуриковом животе.

От Раевских я пересёк весь город и приехал на Васильевский остров к Василию Захарову на рождение. Он меня звал играть в «винт», но у «винта» был уже комплект, когда я приехал. Поиграли в «девятый вал» и рубля на три меня раздели. За ужином я был кавалером Цецилии Ганзен. Приехала она с Борисом Захаровым, ну совсем жених и невеста. Неужели и впрямь дело к свадьбе? Впрочем, что-ж,

она ничего - знаменита, молода и по-своему декоративна.

8 декабря

Встав, отправился в «Северную гостиницу» повидать Катю Шмидтгоф. Свёз ей коробку конфет. Катя пополнела, выглядела розовой и свежей. Мы очень мило беседовали с ней добрыми старыми друзьями. Я свёз её в Петербургскую гимназию, где она хотела повидать подруг, а сам вернулся домой.

Немного поиграл на рояле 2-й Концерт (пора, пора браться за ум) и пошёл в Консерваторию на репетицию «Русалки», которая уже наладилась и через неделю спектаклирует. Дранишников, которому Черепнин еле дал одну репетицию, так хорошо промахал её, что теперь получил в своё ведение все четыре спектакля. Прямо шик - в моё время мне никогда и не снилось такое «обжорство». За Дранишникова я рад: он отличный музыкант и талантливый человек. Очень хорошо, что именно он выдвигается. Я его очень люблю и он мне платит тем же.

Черепнин поймал меня за руку и заставил рассказать содержание моего балета. А когда я исполнил его желание, то очень хвалил сюжет. Mlle Шапиро мне было приятно видеть, а вообще я устал от репетиций и вернулся домой в скверном расположении духа, которое, впрочем, без остатка было выгнано «Соколом».

9 декабря

Принялся за окончание солнечного восхода, но он никак не кончается и, хотя я работал энергично, но ползёт крайне медленно. Как ни так, всё контрапункт. Но звучать будет шикарно. Днём пошёл покупать Нине подарок. Завтра её рождение и вот уже месяца полтора, как она при каждом свидании и каждом телефоне говорит, что я должен подарить ей что-нибудь на рождение. Я ломал себе голову - что. В конце концов я обещал подарить ей мои духи, мою знаменитую Cadine, которая всегда пользуется исключительным успехом, но имени которой я никому никогда не говорил, несмотря на самые старательные домогания . Особенно её желала Нина и уже не раз умоляла сказать название, а я не говорил. Итак сегодня я купил железный сундучок размерами приблизительно 3 1/2 xl 1/2 xl 1/2 вершка с толстыми стенками и отличным замком; у Гарраха - маленький хрустальный флакон; набил ящик разноцветной ватой, которой меня снабдила Элеонора, и налив во флакон знаменитых духов, запаковал всё это. Сундук так ловко запирался, что совсем было незаметно, что он сундук, можно было подумать, что это пресс-папье из сплошного железа. А завёрнутый в бумагу, он мог сойти за утюг.

Брал урок у англичанки, которая продолжала считать меня лучшим учеником, хотя в последнее время занимаюсь хуже. Занёс мой сокольский «Марш» в военную цензуру, а то без неё нельзя печатать. Вечером писал партитуру, дневник и разговаривал с Элеонорой по телефону. Своего барина, выздоровевшего в двинском лазарете, она пригласила на partie de plaisir[60] в Юкки. Оно, конечно, оригинально, но я её ругнул за неосторожность.

10 декабря

Сегодня рождение Нины, ей девятнадцать лет. Я забрал мой маленький увесистый подарок и, сговорившись с Талей, встретился с ней в два часа на Царскосельском вокзале. Кроме нас ехали поручик Литтауэр (у которого недавно умерла мать) и ещё один их знакомый военный. Родители уехали раньше и, когда

[60] Здесь - прогулка (фр).

мы прибыли в Царское, они уже следовали обратно. Я вручил Нине подарок, который её, по-видимому, весьма занимал. На вопрос, что это такое, я ответил: утюг.

В это время развернули большую коробку конфет и все накинулись на них. Разговор перешёл на другие темы, но Нина каждую минуту возвращалась к подарку. И каждый раз поднимался хохот: кто говорил, что это ящик и в нём духи, кто - что это пресс-папье, а я утверждал, что это усовершенствованный утюг, только я не хочу сказать, как им пользоваться. В конце концов Нина совсем рассердилась и «утюг» полетел под стол. Это уже хуже, так как флакон мог разбиться. Я сказал, что мне надо получить с Нины сначала некоторые клятвы, тогда я мог открыть ей секрет. Мы удалились в другую комнату, я сказал, что это «мои» духи (названия так-таки я не сказал) и что если Нина даст мне клятву, что она никому не будет их давать, не будет сама пытаться узнать их название и вообще будет их хранить так же, как и я, то я ей вручу ключ. Нина торопливо ответила, что даёт, мы сладко поцеловались и Нина с ключом в руках поспешила к ящику. Но тут снова курьёз: Cadine из флакона совсем не пахнет сама собой: надо потереть руки или прыснуть на платок и через некоторое время запах созревает.

Опять хохот. Наконец всё уладилось. Нина убедилась в неподложности драгоценной жидкости и была очень довольна. Заказали тройку ехать кататься. Офицер уехал в Петергоф и на тройке должны были разместиться Литтауэр с Талей и Нина со мной. Мы были веселы, откупорили захваченную бутылку «Марсалы» и всю вытянули до дна, причём под конец все пили на брудершафт: Нина с Литтауэром, он с Талей, я с ним, Нина со мной и я с Талей. Все исправно переругались и перецеловались.

На обратном пути пели песенки и хотя были на «вы», всё же иногда проскакивали и на «ты». Приехал Кучинский, хозяин, и поднялся галдёж невозможный. Все были на «ты», выпивали вторую бутылку, кричали Кучинским «горько», стуча по столу и так звеня посудой, что им пришлось поцеловаться. Веселье было полное, пока, наконец. Таля с Володей Литтауэр не уехали, а меня Нина не выпустила. Но через час уехал и я.

В город вернулся в десять часов. Башкиров звонил, я был с ним холоден и приглашение на спиритический сеанс оттолкнул.

11 декабря

Сегодня я нагнал отставший дневник. Занимался английским. Башкирову предложил взять урок в два, в пять и в десять часов, но он ни в один срок не смог. Свинство, пропадает второй урок, а у меня и так денег не хватает. Вечером был в «Соколе» и с удовольствием делал гимнастику.

12 декабря

Оставил «солнце» не совсем сделанным и инструментую последующих гадов. Кажется, они забавны. К часу пошёл на генеральную репетицию «Русалки». Это интересно - на генеральных репетициях всегда толчётся вся Консерватория. Габель, как всегда любезный ко мне, повёл меня через всю Консерваторию на репетицию. Дранишников умело и уверенно вёл оперу, радуя и Черепнина, и друзей. Черепнин посадил меня рядом с собой в первый ряд и мы обменивались замечаниями об опере. У Даргомыжского безусловно есть сценическое чувство, но всё же опера весьма разбавлена, как в смысле музыкального содержания, так и в смысле напряжения и в смысле притяжения. Но многое хорошо.

На репетиции было, конечно, много знакомых.

Попав домой, я успел написать Нине небольшое письмо на «ты», затем отправился снова в Консерваторию на дебют малого оркестра, где подвизались Гаук, Крейслер и опять Дранишников. Как ни так, а всё же это своё, родное. Крейслер дирижировал довольно угловато. Гаук, который, между прочим, женился, весьма старательный и недурён, а Дранишников очень уверенный, но в опере он много лучше. Его сестра всё расспрашивала меня о моём мнении о брате, а когда я с ней разговорился, то заявила, что она страстная моя поклонница по музыке (когда слушала 1-й Концерт, то даже дрожала), но совершенно игнорирует меня как человека, ибо много слыхала про мою задирчивость, самоуверенность и прочее. Я ей отвечал:

- А вот другие находят, что я-то совсем милый юноша, да сочиняю чёрт знает что.

13 декабря

Фрибус спросил, надо ли расписать на партии мой 2-й Концерт или они есть. Я ответил, что хотя и есть, но так плохо написаны, что лучше сделать новые, а то ещё быть скандалу с оркестром. Отчасти я сказал ему правду, но отчасти была и задняя мысль: раз партии будут новые, то можно кое-что переделать в партитуре, так как за это время я всё же вырос как инструментатор и кое-что смогу сделать лучше. Так с Фрибусом и решили, что я ему через неделю представлю партитуру, а он её заново распишет. По этому поводу я сегодня засел за Концерт и кое-где наклеил соответствующие заплатки. Кажется в последних тактах можно сделать новый фортепианный пассаж, а то кончалось без эффекта для солиста.

В пять часов был Башкиров. Я его встретил холодно, но он был так любезен и так интересно рассказывал, что к его уходу мы совсем помирились. От Нины письмо, на «вы», но с проскальзыванием очень милых нежностей. Она мне снова мила.

Вечером пошёл в концерт ИРМО, посвящённый произведениям Глазунова. В первый раз слышал «Царя Иудейского». Вообще слабо, но номера два очень хороши и звучат обаятельно, прямо не догадаешься, как сделано. Таково ведение Христа на казнь с отголоскам пира Пилата вдали[61]. Черепнин, попахивая винцом, очень мило сидел со мной. Василий Захаров, боясь призыва ратником 2-го разряда, определился в Красный Крест и уезжает в Тифлис, где будет заведовать складом. Сегодня он в военной форме, страшно шикарен и доволен, что едет в Тифлис.

14 декабря

Пошёл на денный спектакль «Русалки», но эту оперу положительно скучно слушать два раза. Вообще знакомых и таких, которые бы меня привлекали, было мало и я слегка скучал. Длился он до шести, хотя вечером звал меня к себе Башкиров, а потом его брат (тот, который к обеду вышел в ночной рубашке), я обоим отказал и предпочёл заниматься дома: догнать дневник, учить английские слова и написать Нине, что я выполнил не без удовольствия.

15 декабря

Утром в восемь приехала Mlle Roblin, которая прогостит у нас с неделю. Я продолжал просмотр Концерта и исправлял, что не нравится, хотя больше в

[61] NB: Трубы, удвоенные кларнетами, - иметь ввиду для солнечного восхода в балете. (Позднее примечание автора).

пустяках. Учил английский. Англичанка, «Сокол», а вечером Захаров, который зашёл ко мне проиграть «Сказку о рыбаке и рыбке» Черепнина, которую он будет играть на концерте «Современника». Очень славная вещь и играть её Захаров будет, кажется, прилично. Мне очень приятно, что Захаров обращается ко мне за моим мнением. Вообще у нас установились отношения, не оставляющие желать лучшего.

1915

1 января

Первый день сего нового года я провёл праздно: спал до половины первого, гулял до половины третьего, делал визиты до половины шестого, сидел у Башкирова, отдыхал от оных до половины девятого и играл в бридж у Мещерских до половины двенадцатого. Самое приятное было, понятно, последнее. Нина была нежной дусей, но её в Конкале, по-видимому, простудили, она теперь жаловалась на кашель, температуру, пульс. Зайцев, по её словам, начинает у них бывать всё чаще и чаще - и сразу побледнел и смолк, когда я явился.

2 января

Мой Концерт почти выходит.

С Ниной говорил по телефону - много и нежно. Её опять посадили безвыходно дома и она очень томится. Разговоры о том, какие есть пути, чтобы мы принадлежали друг другу. Я говорю, что это может быть через два года; я обещал стать к тому времени безусловной знаменитостью за границей. Она тогда порвёт с Петроградом и поселится в Париже, а я создам ей положение в Париже и дам самое интересное общество.

Обедал Башкиров и вместе мы отправились на консерваторский концерт (по случаю войны взамен традиционного бала научных классов). Смешно прямо, как Башкиров не любит Захарова. Элеонора тоже, и оба они возмущаются его игрой, хотя мой «Гавот» на бис он сыграл очень даже недурно. Элеонора играла весьма мило и привела в восторг Башкирова.

Читал рассказы Аверченко, которого я до сих пор знал по его рассказам в «Сатириконе», очень мною любимом, и которого я с удовольствием поглядел в натуральную величину.

Бенуа сообщил Черепнину, что Дягилев возлагает на меня и на мой балет огромные надежды. Черепнин советует мне погорячей над ним работать. А я-то, идиот, уже месяц, как палец о палец не ударил!..

3 января

Взялся за балет и - ничего, наметился весь конец второй картины. Только не знаю, как Солнце зайдёт, с Городецким мы своевременно этого не уяснили (ибо он хотел, чтобы Солнце зашло так, между прочим, а я не соглашался с этим), а теперь я с Городецким на штыках и оба мы вооружённо молчим.

С Ниной мы ни с того, ни с сего повздорили по телефону. Элеонора говорит, что нам не надо разговаривать по телефону, ибо, если мы ссоримся, то, главным образом, через проволоку.

Вечером - четвёртый вечер «Современника». Захаров средне сыграл «Сказку о рыбаке и рыбке» и очень хорошо несколько номеров из восхитительной «Азбуки» того же Черепнина. На вечере много знакомых музыкантов и вообще приятно.

4 января

Первая картина балета подползает вперемежку с учением 2-го Концерта.

Вера Нноколаевна сегодня пригласила меня в ложу во Французский театр, а перед тем есть блины. Нина изрекла умную вещь: мы не вовремя встретились на житейском пути: лучше бы иль на три года раньше, иль на три года позже.

Приехали Андреевы, был обед, а за ним Французский театр. Барышень не взяли и по болезни и по легкомыслию пьесы. Пьеса легка и пуста.

13 января

Вечером я решил, что мои отношения с Ниной, которые я до сих пор считал очаровательными, ни к чему не обязывающим флиртом с лёгкими мечтами в отдалённом будущем, - принимают огромные размеры; я не занимаюсь, не могу видеть других женщин, кроме Нины. - словом, создаётся положение нежелательное, никчемушнее и надо из него выйти.

Выход прост - порвать. Но с этим оторвётся лучшее, что у меня сейчас есть. Я решил, что надо объявить «декрет» с перерывом отношений на два месяца.

14 - 31 января

Утром мне было горько, но я был твёрд. Как произошёл перелом, я не знаю; мама была в лазарете, я оставался один в квартире, проходил пять часов из конца в конец, сам удивлялся течению моих мыслей, и сменил «декрет» на обратный: повенчаться. Я сам был поражён своему решению, настолько до сих пор во мне была непоколебима уверенность, что до сорока лет я буду холостым. Шум, который создаётся вокруг свадьбы, и огромные приготовления к ней меня смущали. Думал я также об участи мамы.

В шесть часов я пришёл к Мещерским - сегодня Нина именинница и она просила меня быть в шесть. Удивительное совпадение: Нина в эти дни очень много переживала, дошла до большой степени кипения, тоже решила, что нужен выход, тоже думала о разрыве, - нашла его невозможным. На следующий день утром, шестнадцатого, я получил от Нины чудесное, переполненное любовью и нежностью письмо. Днём состоялся первый серьёзный разговор по телефону, причём мы оба выяснили, что единственная форма, в которую должны вылиться наши отношения, есть свадьба. Узнал я, что с её отцом дело будет просто, а с Верой Николаевной будут невероятные трудности.

Премьера «Утёнка» семнадцатого января в Малом зале Консерватории. Его пела Анна Григорьевна, я аккомпанировал. Анна Григорьевна изучила его с нежной заботливостью, спела хорошо. Мы рассчитывали на большой успех, но успех был средний, публика не очень разобралась, хотя многие и выражали свои восторги.

В последние дни телефоны с Ниной шли вперемежку с репетицией моего 2-го Концерта в ИРМО. Концерт я сыграл хорошо. Был огромный успех, который увеличивался тем, что всё же некоторые сердито шикали. Я четыре раза бисировал и прежде всего - Фякин «Ригодон». На этом вечере стало известно, что я уезжаю в Рим, ибо Дягилев не только оплачивал мне расходы и устраивал в Риме выступление, но и предложил попутчика: русского консула в Риме, который только что оттуда приехал, сообщил, что путь безопасен совершенно, и теперь возвращается обратно в Рим. Мне страшно захотелось ехать, к тому же для моих отношений с Ниной это лучшее, что могло случиться: два месяца испытания, а для меня увидеть мир. Одни ужасались моей фантазии ехать в такое неспокойное время куда-то за моря, другие завидовали, а Нина согласилась, что это очень хорошо. На другой день я был у неё и просил, чтобы не было деловых разговоров. И было чудесно. Я видел, что Нина меня любила. Между тем, я познакомился с римским консулом Алексеевым, очень привлекательным господином, и на конец недели был назначен отъезд. Это время ознаменовалось ссорой с Башкировым, который громко кричал направо и налево о том, что едет со мной в Италию, будучи уверенным, что я в конечном итоге не поеду. Когда же выяснилось, что я твёрдо еду, он растерянно заколебался. Я назвал его пустой болтушкой и Хлестаковым и сказал, что таким людям нет места среди моих друзей. Тогда он прислал мне деньги за уроки с визитной карточкой и дипломатические отношения прервались.

Накануне отъезда были две заминки: 1) от Дягилева не было денег на дорогу; 2) прошёл слух, что Болгария и Румыния не сегодня-завтра выступят. Я ужаснулся при мысли застрять в Петрограде и как я был счастлив, когда заминки исчезли: деньги пришли, а слухи были опровергнуты.

Поездка сама по себе будет страшно интересна, а сколько она выяснит, проверит и решит!

Путешествие в Италию.

1 февраля

Когда бы не насморк, всё было бы хорошо, но приняв во внимание, что насморк сам по себе пустяк, то значит - всё и есть очень хорошо. Я был наглажен в моём швейцарском костюме с короткими брючками, в сером шарфе, зелёном пальто и клетчатой английской фуражке, и в таком виде ждал на Царскосельском вокзале появления консула, который вёз в Ниш два небольших ящичка, под восемью печатями каждый, и такой аховой тяжести, что еле поднять. Мы везли беднякам- сербам золото и вполне прониклись важностью нашей миссии. Консул сам должен был таскать запечатанные ящики и всё время сидеть над ними, как Фафнер над золотым кладом. Неизменная Элеонора меня любезно проводила и поезд отбыл. В нашем второклассном полукупе нам было тесно, но Алексей Иванович очень мил, а к вечеру мы перебрались в вагон Международного общества, что доставило обоим огромное удовольствие. В общем же итоге путешествие первого дня не внесло особенного разнообразия, как и следовало ожидать. Поезд лёгкой рысцой бежал по скучной Виндаво-Рыбинской дороге, а я, не теряя времени, учил итальянскую премудрость.

2 февраля

Поспали недурно. В вагоне обнаружили ещё троих, едущих в Италию, не считая важного советника русского посольства в Риме, который тоже следовал в Рим. Весь день не без разочарования наблюдали, что поезд всё более и более опаздывает, развив таковое до семи часов. На вокзалах много встречных воинских поездов, идущих, по-видимому, куда-то к Вильне, где идёт бой. Итальянский учу; настроение отличное; вечером перед Киевом поспали.

3 февраля

В Киев приехали в четвёртом часу ночи. Это вместо половины восьмого. Встали бодро и потащили сербское золото на вокзал. Поезд на Одессу в девять утра. Приедь мы сюда вовремя - выспались бы в отеле, а тут я, глотнув чайку, оставил консула стеречь злато и пошёл гулять по городу. Эта прогулка напомнила мне прогулку с Максом по Александровскому два года назад, тоже в четыре часа ночи, тоже в феврале, тоже в ожидании поезда и тоже по тёмному, спящему городу. Киев спал и еле светился редкими фонарями. Я разыскал Крещатик и прогулял пешком около двух часов, думая о Нине. В шесть часов я вернулся и лёг над золотом поспать, а Алексей Иванович поехал искать семью Бавастро, которая ехала с нами в Италию. В девять часов мы были в поезде и имели, благодаря золоту для сербов, отдельное купе. Бавастро оказался рубахой-парнем, весёлым, милым и сквернословом, певцом, русским по рождению и итальянцем по подданству. С ним была жена и дочка Галя, девяти лет. Мы приблизились к театру войны. Станции кишели военными, часто попадались партии пленных австрийцев в светло-серых шинелях и часто с довольным видом, что избавились от войны. Буфета при поезде не было

и приходилось на остановках спешно завтракать, обедать и пить чай. Бавастро весело болтал ерунду и всякие гадости. На улице сияло яркое солнце, снег таял , а кое-где его совсем не было. Меня терзал насморк, который был то в одной ноздре, то в другой - нельзя ни погодой наслаждаться, ни учить итальянский.

4 февраля

Разбудили нас ни свет ни заря: в пять. Станция Раздольная: надо пересаживаться в Кишинёв и следовать к румынской границе. В сереньком, предутреннем тумане мы выкарабкались на платформу Раздольной, а в семь уже сидели в поезде на Кишинёв и Унгени. Поговорили о наступлении немцев в Восточной Пруссии, а вообще были больше заняты предстоящим проездом через Балканы: можно ли провозить через границу письма, есть ли в Румынии холера, есть ли на Бухарест wagon-lit[1] и т.д. Погода опять посерела, но насморку стало лучше. В четвёртом часу поезд привёз нас в Унгени, паршивенькую станцюльку на границе Румынии. Благодаря семье Бавастро, наша компания достигла пяти человек, а багаж возрос до целого холма. Но «курьерский паспорт» Алексеева спас нас от всяких формальностей и от осмотра. Прошло несколько томительных часов ожидания в тесной зале, где было темно и скучно, а на улице шла какая-то изморозь. Наконец нам подали скверный румынский поезд, не вагоны, а какие-то конки, который повёз нас в Румынию. Прощай, Россия! Лёгкий трепет и мы переехали Прут. Опять дуана[2] - какой-то пакостный сарай, но около него страшно шикарный румынский офицер. Других осматривали и рылись не без настойчивости, но наш «курьерский паспорт» опять спас нас и мы снова очутились в «конке». Стояли без конца и в восемь прибыли в Яссы, большой город. Здесь все усилия были направлены к добыче спального места, что было не совсем просто: вагон один, а хотят решительно все. Я мёрз, пил коньяк, покупал румынские марки, разговаривал на французском и немецком языках и был страшно рад, когда попал в светлое, тёплое, мягкое купе.

Думал о Нине.

5 февраля

В пять часов нас разбудили.

- Das wagen ist heiz gelaufen[3] - заявил вагоновожатый.

Пришлось встать, обругать горевшую ось и переместиться в простой вагон, где было тесно и малоудобно. На улице ночь, затем серенький рассвет, кофе на какой-то станции, наступление дня, незамечательные ландшафты в окне в стиле нашей Екатеринославской губернии и наконец Бухарест.

Бухарест называет себя маленьким Парижем и, конечно, врёт, ибо большинство улиц в нём дрянь, хотя есть несколько живописных, с недурными магазинами и с тротуарами, по-парижски обсаженными деревьями. Мы отправились в крайне шикарный отель «Athené Palace», который был набит, в котором пришлось свалить вещи и получить комнату к вечеру. Я предоставил Алексееву беречь сербское золото, Бавастро - бегать по консульствам и выцарапывать паспорта, а сам отправился смотреть град. Я смерть люблю, приехав в новый иностранный город, сейчас же отправляться по его улицам и искрестить его быстрым шагом направо и налево. Особенно интересно было поглядеть румынскую столицу, потому что попасть во Францию или Германию дело нормальное, а очутиться в Румынии весьма

[1] Спальный вагон (фр).

[2] Таможня, от douane (фр).

[3] У этого вагона перегрелась ось

необычно. (И тут мне показалось, что если бы у меня на руке висела жена, да ещё такая, которая не умеет быстро ходить, то было бы очень скучно). Я зашёл в кафе и накинулся на местную французскую газету, чтобы узнать военные новости. Чрезвычайно пикантно было увидеть рядом с донесением нашего штаба донесение штаба немецкого, но ничего хорошего в этих донесениях не было, ибо наши отступали из Восточной Пруссии, а немцы пользовались и трубили о невероятных победах. Затем я гулял по городу, завтракал с нашей компанией в нашем шикарном отеле, повздорил с Алексеевым и обиделся на него, писал открытки, дал маме телеграмму, опять ходил по улицам и решив, что город ничего, но далёк даже до «маленького Парижа», вернулся в отель, где в уютном салоне писал сии записки. В шикарный вестибюль, салон и ресторан вечером сходилось много публики, по- видимому, шикарной: крупные дельцы, веселящаяся молодёжь, шикарные подкрашенные дамы, но самым прелестным румынкам было далеко до красавиц, а самым форсистым румынам - далеко до английских джентльменов. Алексеев, видя, что я на него определённо дуюсь, был крайне мил, у нас был один номер на двоих и мы помирились.

6 февраля

В шесть часов утра, когда было ещё совсем темно, над моей головой затрещал телефон - нас будили, надо было быстро одеться и ехать дальше. Вообще наши переезды носили характер весьма громоздкий, так как у семьи Бавастро была гора вещей. С одной стороны, это выходило скучно, но так как всем распоряжался Бавастро, а кстати и моим чемоданом, и взятьем билетов, и занятьем мест в вагоне, то я ехал беззаботно. Мы запаслись кое-чем съестным, так как при поезде не было ресторана, а в двенадцать часов приехали к Дунаю. Алексеев и Бавастро посмеивались, что я бросаю много открыток, но большинство из них было маме, довольно много моему другу Элеоноре и меньше остальным. Прежде, чем переплыть Дунай - границу Румынии с Болгарией, надо было пройти сквозь румынскую таможню, но «курьерский паспорт» Алексеева спас нас от осмотра и мы водрузились на пароход. Я подшучивал, что в Дунае заносные мины, которые австрийцы около Белграда употребляют против сербов. Действительно, кое-что промелькнуло в газетах. Все смеялись и никто не верил, но впоследствии оказалось, что не более не менее, как именно в этот день и около этого места румыны выловили две мины. Так что, проезжая Дунай, мы рисковали взлететь на воздух.

Однако благополучно пристали к болгарскому берегу, где и увидели «братушек», наряженных в военную форму, совсем такую же, как и у нас. Вообще Болгария глянула каким-то отсветом России: болгары понимали по-русски, а я, купив газету, свободно её читал. Но последнее время петроградские газеты столько вопили о недружелюбии болгар к России, что мы были осторожны. В таможне нас опять спас Алексеев, мы очутились в поезде и поехали от Рущука к Софии или, как зовут её болгары, «Софья». Болгария, в общем, также малоинтересна, как и Румыния, но её немного оживляют отдельные деревья, которые разбросаны в одиночку на расстоянии сажень двухсот друг от друга чуть ли не на протяжении всего царства. На больших станциях мы рассматривали болгарскую толпу. Толпа стала пестрее и «южнее», но красивых лиц нет. К поезду прицепили ресторан, в котором мы коротали время. Бавастро разошёлся, говорил много остроумного, ещё больше гадостей и наконец столько неделикатностей, что я повернулся к нему спиной и ушёл, а затем на его обращения не стал отвечать.

Мы проехали Плевну, причём какой-то болгарский господин с большим воодушевлением объяснил мне, как Скобелев разбил Осман-пашу, показывал все исторические пригорки, могилы, памятники. Вечером мы въехали в красивую

горную страну, очень незаселённую, ныряли в туннели, вились по берегу речки и наконец въехали на большое, окаймлённое горами плато, среди которого засияли огоньки Софии. Компания решила не ехать завтра утром дальше, а отдохнуть в Софии ещё сутки. Мы сели на извозчика и поехали по весьма скромным улицам. Я почему-то вспомнил Симферополь. Что бросилось в глаза - это вывески почти на каждом доме: «Хотелъ» такой-то, «Хотелъ» такой-то. Мы ехали долго и наконец миновав плохонький дворец, остановились у лучшей гостиницы «Hôtel de Bulgarie». Но он не годился в подмётки бухарестскому отелю и был убог, как и весь город. Впрочем, отель в конце концов был не плох. Я чуть-чуть пробежался по тихим улицам. Было двенадцать часов ночи и я лёг спать.

7 февраля

Когда утром я подошёл к Бавастро, чтобы поздороваться, он сказал:

- Это очень странно, вчера вы не желали разговаривать, а сегодня здороваетесь... - и не захотел со мной здороваться.

Я повернулся спиной с большой демонстративностью и ушёл крайне задетый. После этого мы сутки не разговаривали, а я обедал за другим столом в компании супругов Корево (он сановный старичок, она - молодая, весьма элегантная француженка, три года назад вышедшая за него замуж, оба едут в Париж) и Mme Субботкиной, тонной дамы, едущей в Геную (чёрт возьми: Генуя по-итальянски произносится Джэнова и я её всё называю Женевой). Днём много бегал по Софии. Софийский собор замечателен, внутри такой светлый и радостный и весь до капли расписанный. Некоторые улицы названы русскими именами, на площади памятник Александру III, но газеты пишут против России и такую гадость, что противно читать. Народ на улице весьма простоватый, грубоватый, и если попадается интеллигенция, то она далека до франтовства. Интереснее стало под вечер, когда высыпала освободившаяся к воскресенью толпа. Она чуточку расцветила общую серость юго-восточной пестротой.

О Сербии идут гадкие слухи: там с каждым днём увеличивается сыпной тиф, а по другим сведениям какой-то новый тиф ещё хуже сыпного, разносимый насекомыми. Мы были в лёгкой панике, но ехать было надо, а потому мы предприняли тысячи мер предосторожности: закупили провизии и питья, чтобы не питаться ничем сербским; сулемы и одеколону для рук и губ; персидского порошка и какого-то ароматического масла, коим вымазались и от которого, по словам аптекаря, ни одна вша не укусит в продолжение недели.

Алексеев вечером ходил гулять и был очень огорчён, не встретив ни одной девочки.

Я написал много открыток, с удовольствием посмотрел балет.

8 февраля

Я ещё не встал, когда пришёл ко мне Алексеев и вскользь проинтервьюировал, что я думаю о Бавастро. А когда я столкнулся с последним, тот сказал примирительно:

- Ну что-ж, вчера я вам сделал гадость, а третьего дня - вы мне; мы квиты, давайте помиримся.

Я согласился и мы помирились. Вещи были собраны и мы отправились дальше и около полудня прибыли в Цариград, сербскую границу. Снова паспортная и таможенная история, благополучно сокращённая алексеевским паспортом. Сербский вагон - и Сербия, и сразу разительная перемена к лучшему: вид народа гораздо привлекательней болгар: тоньше, красивее, бравее, веселее, а уж милы и

ласковы к русским, как к братьям. Ах, если б не сыпной тиф!

Мы везли им золото, нам дали купе и даже поставили часового. Весьма кстати, ибо весь вагон и коридор набит народом так, что не пройти и не дохнуть. Выходило несколько томительно сидеть безвыходно в купе до вечера под арестом собственного же часового; Галя чуть не расплакалась, Бавастро истощил весь запас анекдотов, но время шло и наконец мы, порядком изломанные, приехали в Ниш. В Петрограде я смеялся, что в Нише я первого на вокзале увижу сербского короля, но теперь все боялись тифа и спешили пересесть на поезд в Салоники. Он уже ждал и почти отходил. Мы еле поспели ввалить весь бавастровский багаж в спальный вагон, в котором телеграммой заказали себе места, и тут с разочарованием неописуемым узнали, что мест нам нет. А путь до Салоник сутки. А устали как собаки. Алексеева взял к себе советник посольства, жену Бавастро с Галей устроили в соседний вагон, а я с Бавастро остался ночевать в коридоре. Я было сунулся в другой вагон, но там и лежали, и стояли - и так воняло, что я шарахнулся обратно, уверенный, что схватил тиф. Сравнительно с этим наш спальный вагон был аристократическим салоном. Мы с Бавастро роптали недолго. Он до часа ночи занимал меня гадостными, но порой небесполезными для такого наивного человека как я, разговорами, а затем мы на устланном тёплым ковром полу устроили себе постели из комбинации валиков и подушек разных купе и превосходно спали до семи часов утра.

Блох я не боялся, потому что был натёрт пахучим маслом, от которого, согласно сведениям софийской аптеки, ни одно насекомое не укусит в продолжение трёх дней.

- Mais vous embaumez, monsieur![4] - говорили мне дамы.

9 февраля

Рано утром приехали в Ускюб или иначе Скопье, город, имя которого не раз упоминалось во время Первой Балканской войны. Это была премерзейшая станция, на которой мы стояли часа два. Я пытался достать марки и открытки и еле смог, а почты совсем не было, так что пришлось опустить в почтовый вагон, идущий в обратную от России сторону. Над моими многочисленными открытками попутчики уже посмеивались. По станции я прогуливался с осторожностью - сыпной тиф, хотя и говорят, передаётся только насекомыми, а всё же чёрт его знает. На станции все заборы и стены были сплёснуты известью и дезинфекцией. Наконец мы поехали. До сих пор вид в окно был весьма сер и я с улыбкой вспоминал Башкирова, который, собираясь после войны ехать на автомобиле в Константинополь, восторженно говорил, как «экзотично» будет ехать через Румынию и Болгарию. Но теперь, после Ускюба, мы сразу покатили по берегу большой реки, с которой не расставались до вечера, почти до Салоник. Теперь мы были уже за Балканским хребтом, в открытое окно струился тёплый, ароматный воздух, был юг и пахло весной. Всё это так радовало, что не хотелось идти спать, хотя купе с Ускюба освободилось.

Днём мы переехали греческую границу, причём тут, в последнем городе Сербии, где мы стояли долго, и оказалось больше всего больных ужасным тифом. Вечером мы прибыли в Салоники; кто-то сказал, что Салоники на военном положении по поводу греко-турецких осложнений, - и стало немного страшно, но всё это оказалось вздором, а вот скверно, что только что пришёл большой пароход, который заполнил все гостиницы, и пока мы нашли какой-то архимерзейший номер, то форменно измучились. Алексеев простудился и совсем разболелся. Всё ещё

[4] Но вы благоухаете! (фр).

боясь эпидемий и сырой воды, я не умылся и лёг почти не раздеваясь.

10 февраля

Разбудили нас звуки канонады. Салоники бомбардируют?! Чёрт их знает - тут не разберёшь, кто с кем хочет воевать. Но предположения не оправдались: просто в порт зашёл английский крейсер и обменивался салютами.

Погода была сероватая, но тепло. Мы приготовились в Салониках ждать парохода несколько дней, но оказалось, что сегодня шёл пароход поменьше, тысячи в три тонн, но вполне приличный, - и мы решили с ним доехать по крайней мере до Афин. Салоники имели окраску восточного города и, будь сегодня солнце, вероятно, ослепили бы пестротой нарядов. Улицы узки и грязны, а в одном закоулке мы с Бавастро усмотрели такого азиата, который был скорее похож на чумную бациллу, чем на человека. В три часа погрузили всю пропасть бавастровских вещей на лодку, а из лодки на пароход. Дул ветер и обещал качку, все наши компаньоны в ужасе принимали патентованные порошки от морской болезни. Я понадеялся на себя и не принял. И поступил правильно, ибо качка была самая маленькая и на меня не действовала. Мы покинули салоникский порт и пошли на юг, не теряя берега, который был справа и слева, то в виде материка, то в виде островов. Я разгуливал по пароходу и радовался, что еду по южным морям, таким привлекательным при взгляде на карту Европы. До сих пор мне приходилось вояжировать только по северу. Так далеко на юг я забрался в первый раз. К вечеру ветер усилился и охолодел. Кое-кто слёг, но я быстрым шагом носился по довольно дезертной[5] палубе и с удовольствием поглядывал на тёмное море. Мне хотелось, чтобы качнуло посильней.

11 февраля

Путешествие носило приятный характер. Хотя ветер был и волнишки тоже, но не очень сильные. Я всё время проводил на палубе, учил итальянский и смотрел на берега. Было солнечно и, если бы не ветер, то тепло. Вообще же я был доволен, что я на юге. А кроме всего прочего, меня потянуло в Индию. Я решил, что если обратно этим путём нельзя будет вернуться, то постараюсь устроить так, чтобы ехать на пароходе через Индию - Владивосток. Месяц пути на пароходе меня не пугал, а привлекал.

Под вечер мы стали подходить к Пирею, порту в четырёх верстах от Афин, которые виднелись на возвышении. Зрелище было дивной красоты: море, город, всё старинные постройки, Акрополь, разрушенные колонны, а позади прихотливая линия гор, всё это освещалось заходящим за море солнцем и окрашивалось в самые нежные краски: голубые, розовые, лиловые. Эти краски ежеминутно менялись, перебрасывались с одного места на другое, пока мы не вошли в порт и пока эта поэзия не сменилась прозою посадки в лодку, выгружения бавастровского багажа, таможни и электрической дороги в Афины. Зато Афины были прямо прелесть: беленькие, ярко освещённые, подвижные, а отель, к которому мы подъехали, был украшен колоннами и мрамором - ну прямо храм.

Пообедав, я отбился от компании и по моему обыкновению отправился бегать по улицам. Это было великолепно: воздух тёплый, всюду пальмы, тут и там огромные здания, усыпанные колоннами, дома все белые и, что лучше всего, белые тротуары, мраморные или под мрамор.

[5] Пустынной, от désert (фр).

12 -13 февраля

В Афинах мы проотдыхали в ожидании большого парохода на Бриндизи два дня и три ночи. Афины радовали: летней погодой, ярким солнцем, белой весёлой внешностью, античными постройками, колоннадами, тенистыми аллеями. Мы были в Акрополе. Много гуляли и времени не заметили.

14 февраля

Встали рано, погрузились в ландо и поехали в Пирей на пароход. Пришлось ехать немного полями, где очаровательно пахло весной. Когда из лодки мы поднялись на пароход, то увидели ещё одну нашу спутницу, которую утеряли в Софии, по прозванию «птичка». Молодая дама, совсем девочка, цветущая, с ослепительными зубами, милая и весёлая. Хотя я с ней до Софии обмолвился двумя- тремя словами, теперь мы встретились старыми друзьями, она меня сразу повела показывать пароход, за обедом мы уселись рядом, а так как maître d'hôtel протестовал под предлогом, что все места расписываются заранее, то мы отрекомендовались братом и сестрой, и затем всю дорогу называли друг друга «братец» и «сестрица». Пароход на этот раз был большой и хороший и мы отлично поплыли в Италию. По счастью, греки недавно стали пропускать через Коринфский канал; это сокращало нам путь, ибо не надо было огибать Грецию. Коринфский канал очень любопытен. Он прям, как стрела, и с высокими берегами, и благодаря этому при входе кажется очень коротким. На самом же деле мы шли через него полтора часа. Моросил дождь. Братец и сестрица сидели вместе, причём сестрица спрашивала у братца, что за браслет у него на руке, а братец у сестрицы - давно ли она замужем и весело ли ей живётся с мужем.

Вечером приехали в Патрас и собрались было всей компанией на берег, но лил такой дождь, что удовольствие пришлось отменить. Алексеев и Бавастро так приставали, что пришлось им сыграть, впрочем, по секрету от других. Они, по-видимому, были более скромного мнения обо мне и теперь громко выражали свои удивления и благодарности.

15 февраля

День ознаменовался ветром и волнами. Публика начала исчезать и когда раскачалось совсем, что винт выскакивал из воды и мудрено было ходить, тогда осталось всего человек десять на всей палубе. Я чувствовал себя гордым - меня не укачивало. Наоборот, было крайне интересно. Я отправился было на самый нос, где качало сильней, но там было дьявольски ветрено, захлёстывало волнами, шапку рвало, мокрый пол был скользок. Меня бросало с одного края на другой, я ухватился за какую-то штуку, разорвал пальто, еле не угодил в море и был счастлив, вернувшись благополучно из своей экспедиции. Кончилось тем, что и меня начало сосать. Я разогорчился, но, устроившись на верхней палубе в длинном кресле, я скоро обрёл душевное равновесие, но уже больше старался не покидать кресла. Обедало не много, но Алексеев выполз. А между тем по поводу воскресенья дали шампанского.

Вечером пришли на Корфу, но стали на якорь далеко. Хотелось на берег, так как судя по открыткам, там было очень хорошо, но далеко было ехать. А между тем мы стояли всю ночь, ибо по случаю военного времени плавать можно только днём.

Очертания Корфу напоминали мне роман Жюля Верна: «Приключения Гектора Сервадака».

16 февраля

Сегодня качало меньше. Солнце пекло. Публика мало-помалу выползала на палубу. Переписали все фамилии и национальности на случай, если остановит французский крейсер, но этого, к сожалению, не случилось. В два часа показалась низенькая полоска Италии и мы вошли в Бриндизи. Я, как всегда, приезжая в новую страну, с величайшим интересом рассматривал итальянские физиономии, пока нас не выпускали с парохода. Наконец мы оказались на материке (мне почему-то было скучно), пересекли неинтересный городишко Бриндизи, попали в необычайную сутолоку на платформе, столь характерную для итальянских станций и, сев в поезд, быстро поехали по прелестной, садоподобной Италии. В девять часов мы остановились в Бари на ночёвку.

17 февраля

Бари знаменит мощами православного угодника Николая, покровителя моряков (вспоминается Садко). Утром поехали дальше в Рим, но в Фоджии я и Бавастро претерпели афронт: мы позавтракали, а поезд ушёл. Пришлось телеграфировать, радоваться, что хоть билеты с нами, ждать четыре часа, мёрзнуть, так как завернул холодина, а мы были в одних пиджаках, и наконец с direttissimo[6] лететь вдогонку.

В одиннадцать вечера мы ступили на римскую платформу, где Алексеев с иронической улыбкой ждал нас. Алексеев повёз меня в отель «Ориенто», где сам остановился. Из первых впечатлений Рима - меня удивил тоннель, а больше ничего не успел увидеть. Улицы довольно узки.

18 февраля. Рим.

Итак, я в Риме!

С пяти часов утра поехали трамваи и вообще с улицы шёл такой гвалт, что не спалось. Поболтав с Алексеевым, я рано покинул гостиницу и пошёл делать всякие мелкие дела: пить кофе, покупать шляпу, план города, пробежал самый город с узенькими улицами и чрезвычайно привлекательной внешностью, глянул на великолепный «умывальник», памятник Виктору-Эманюэлю, на Колизеум и в одиннадцать был у Дягилева в «Grand Hôtel». Он приветливо замахал рукой и сказал, что вчера дважды выходил встречать меня на вокзал, узнав из посольства, когда приезжает Алексеев. Показал мне комнату, которую оставил для меня, сообщавшуюся с гостиной с роялем, ибо Дягилев занимал в отеле целую квартирку. Узнавал у меня, скоро ли я уезжаю обратно. Я ответил, что я собрался скоро, ибо кричали, что Болгария скоро станет непроходимой, а потому надо было бы торопиться, но теперь, по-видимому, эти страхи оказались неосновательными. Дягилев сказал, что после концерта он едет дня на четыре в Неаполь, затем дня на три в Палермо и затем к Стравинскому в Монтрё. Что Стравинский, который недавно с большим успехом выступил в «Августеуме», крайне заинтригован мною и будет рад, если я заеду к нему. Таким образом мы можем вместе совершить всю поездку, а через две недели я бы играл концерт в Женеве, где теперь играть интересно, ибо собиралось много народу (все, что бежали от войны).

Затем сообщил, что главный дирижёр «Августеума», Молинари, - человек способный и знающий, но иезуит и противник всего постороннего, что вклинивается в «Августеум». Председатель же, богатый и важный граф Сан-Мартнно - наоборот, любезнейший и благожелательнейший господин, хотя несомненно весьма скупой,

[6] Поезд прямого следования (ит).

и сколько заплатит мне за участие и даже заплатит ли вообще - неизвестно.

Затем появился милый юноша Мясин и мы отправились завтракать. С этого момента началось метание, которое продолжалось всё время пребывания в Риме с восемнадцатого по двадцать четвёртое февраля.

Ознакомил Молинари с моим Концертом, три репетиции, поиски и выборы хорошего рояля (что оказалось в Риме не так просто) - это те дела, которые касались собственно концерта. Затем мы бывали на каких-то других концертах, где меня Дягилев знакомил с разными критиками и вообще очень рекламировал. Обедали и завтракали в обществе итальянских графинь и герцогинь, а также в обществе милой Mme Хвощинской, жены секретаря нашего посольства. Рим я осматривал, когда успевал, но это удавалось редко.

Молинари сразу показал себя отличным дирижёром и я был в восторге от тщательности, с которой он вёл аккомпанемент. Дягилев старался рекламировать меня всячески и очень горячо относился к концерту. На генеральной репетиции с Молинари у меня произошла лёгкая стычка: он не позволил мне открыть крышку у рояля, так как она мешала некоторым музыкантам видеть его дирижёрскую палочку (рояль во время репетиции стоял не на авансцене, а среди оркестра). Я протестовал, он не внял протестам и начал дирижировать, но я в третьем такте не вступил и не стал играть. Пришлось крышку открыть. Дягилев был очень доволен моей неуступчивостью, а Молинари потом спрашивал, не обиделся ли я на него. Перед концертом появилось в газетах несколько заметок обо мне, а на заборах четырёхаршинные красные афиши о «Pianisto e compositore russo Sergio Prokofiew»[7]. Russo - это было кстати, так как народ всячески демонстрировал в пользу войны с Австрией. В зале в день концерта собралось народу тысячи две, но зал так огромен, что он далеко не был полон. Я не волновался сначала, но временами - посередине; не устал в скерцо, но страшно устал в финале и еле доиграл до конца. Вообще всё было недурно, но в Петрограде я играл лучше, а Молинари аккомпанировал хуже, чем на репетиции. После первой части аплодировали и шикали, после скерцо единодушно хлопали, после третьей части хлопали меньше, а после конца я был довольно горячо вызван. Пьески, которые я играл во втором отделении, понравились больше Концерта.

Многие лица были, как водится, в полном восторге, но многочисленные рецензии болтали разное: почти все похвалили пианиста и только немногие похвалили вещь. И хотя они пускались в подробные разборы и длинные рассуждения, по-моему, всё же они просто не поняли Концерта. Вообще, хотя успех был очень хороший, я после Петроградского выступления ожидал большего.

Дягилев очень горел узнать балет. Я ему объяснил сюжет, а затем сыграл музыку, за которыми последовал колоссальный разговор и вот какой: что это такое - я, русский композитор, на русский сюжет и пишу интернациональную музыку? ! Это не годится. По мнению Дягилева, интернациональной музыки быть не может. Не следует, конечно, под именем «национальной» понимать народные темы и вообще смотреть на это узко, но русский дух должен быть - и этому я не чужд, примеры тому - многое во 2-м Концерте.

Дягилев:

- После Стравинского в России остался только один композитор: вы. Больше там нет никого. Неужели же страна, которая дала стольких национальных композиторов как Бородин, Мусоргский, Даргомыжский, совсем иссякнет? В Петрограде у вас не умеют ценить ничего русского, это болото, из которого вас обязательно надо вытащить, иначе оно вас засосёт. Ну, пускай мы оставим балет так, пускай к вашей нерусской музыке пригоним особенно русскую постановку,

[7] Русский пианист и композитор - Сергей Прокофьев (ит).

особенно русские декорации и костюмы - нет-с, Париж чуток. Париж всё разберёт, а за Парижем пойдёт весь мир. Я же не хочу, чтобы ваш балет ограничился тремя- четырьмя спектаклями...

Я обыкновенно не легко уступаю мои позиции, однако Дягилев был так убедителен, что я сразу согласился выкинуть из балета половину музыки. Дягилев прибавил: и совершенно изменить сюжет.

Затем: писать музыку национальную, а не интернациональную, было для меня совершенной новостью, которая мне сразу понравилась. Больше о балете разговоров не было, потому что я был занят Концертом. Только один раз Дягилев страшно разволновался и раскричался, когда узнал о моём твёрдом намерении писать оперу, ибо опера, по его мнению, форма устарелая и вымирающая, нисколько не меньше, чем форма концерта. По этому поводу во время моего выступления мы были даже несколько в контрах, но Дягилев затем очень мило просил не обращать внимания на то, что он стучит кулаками по столу, ибо это для того, чтобы яснее растолковать. Он надеется, что мы ещё не раз будем спорить с пеной у рта, и это очень хорошо.

На другой день после концерта мы обедали у графа Сан-Мартино, старого весёлого господина, женатого на молоденькой, прелестной женщине. Живут они в старинном дворце и окружены самым строгим этикетом. Хотя мы провели у них очень милый вечер, но мне показалось, что хорошенькой графине всё же должно было быть скучно в этом дворце.

Затем другая графиня, Mme Antonelli, более простая, немного похожая на Соню Эше, катала нас по живописным окрестностям Рима. В её автомобиле мы совершили по Via Appia отличную прогулку, а двадцать четвёртого к вечеру, Дягилев, Мясин и я отбыли в Неаполь.

Вообще вся эта поездка носила характер беспрерывного стремления: во время путешествия - движения вперёд, во время пребывания в Риме - мыкания с репетициями, на обед, с обеда в музей. И когда я останавливался - мне становилось скучно. Поэтому, когда Дягилев предложил мне остаться в Швейцарии на два месяца, чтобы тут же на глазах - вдали от губительного влияния петроградского балета - сделать весь балет, то я без колебания отклонил, несмотря на очевидную выгодность и пользу этого предложения. (Но зато на этом у меня создался новый план, весьма фантастический, но очень любый: я возвращался в Петроград, похищал Нину, венчался и уезжал с нею в Швейцарию, где в два месяца кончал балет. Это было безумно хорошо во всех отношениях. Для выполнения же было нужно от Дягилева - две тысячи франков для моего вторичного приезда и контракт на балет хотя бы в три тысячи рублей с авансом в тысячу рублей.

25 февраля - 5 марта. Неаполь.

Дягилев отправился в Неаполь, чтобы отчасти ознакомиться с городом и произведениями искусства, скрытыми в его музеях; отчасти, чтобы поговорить с некоторыми футуристам на тему о будущей балетно-футуристической постановке пьесы, изображающей неаполитанский национальный праздник. Для меня это было в смысле моего балета потеря времени, если не считать разговоров с Дягилевым, где он выясняет мою музыкальную физиономию, а я - его новые балетные идеи. (Но познакомиться с Неаполем было интересно, и было бы ещё интересней, если бы на душе у меня было спокойно. А между тем мысли о Нине усилились до чрезвычайной нервности и во второй половине пребывания в Неаполе наступила некоторая реакция с чувством пустоты на сердце, а затем более спокойное отношение, может быть потому, что дело близилось к поездке в Швейцарию, после которой можно было ехать в Россию). Собственно говоря, время я проводил

отлично и интересно, ибо мы ни минуты не сидели сложа руки, и настроение у меня было хорошее, но каждый раз, как я просыпался утром, на сердце была какая-то тревога (и тоска), которая через десять минут проходила. В конце концов, я отнёс это явление на счёт уставших нервов и не стал обращать внимания.

О балете мы с Дягилевым говорили раза три-четыре, горячо и долго; не столько о моём, сколько вообще о теперешних течениях. Дягилев говорил всегда горячо, убеждённо, иногда истины, казавшиеся абсурдными, но возражать на них не было возможности, потому что он немедленно подкреплял их кучей самых логических доказательств, которые с необыкновенной ясностью доказывали обоснованность этого абсурда. Относительно моего выяснилось, что сюжет мой слишком стар, неоригинален и ходулен, а между тем надо сделать на какую-нибудь русскую сказочку интимно, весело, гротескно и свежо. А такую сказку мы, вероятно, найдём у Стравинского, который их обожает, имеет целую библиотеку, а как балетный композитор имеет, вероятно, некоторые на примете, и, как человек крайне благожелательный, охотно поделится с нами. Что касается меня, то, конечно, мой стиль - гротеск, гротеск и гротеск, а не ходульное повествование о вагнеровских героях. Словом, меня убедил, на моих Алу, Лоллия и прочих поставили крест и стали ждать Стравинского, Швейцарии и сказочки.

Дягилев страшно упорно уговаривал меня остаться на два месяца и работать, но об этом я не мог и подумать, а Дягилев удивлялся и не понимал - что за упорное желание ехать в Россию, когда мне предлагаются такие удобные условия для работы: в Швейцарии, совершенно отдельно ото всех и вместе с тем рядом и со Стравинским, и с Дягилевым, и с труппой и балетмейстером, которые через месяц начнут съезжаться. И денежная сторона была бы улажена. Но я был твёрд, как камень, или - с его точки зрения - упрям, как осёл, и под тысячью причинами стремился в Россию: и мать, и студия, и концерт с Придворным оркестром, и всякие другие дела, которые Дягилев находил недостаточно убедительными. По-видимому, он подозревал о сердечных делах, но ни я, ни он об этом не обмолвились.

- Но ведь всё, что вы приобретёте здесь хорошего, за короткое пребывание в Италии, вы ведь сейчас же утопите в петроградском болоте!

Я не пытался опровергнуть эту опасность, ибо в моих видах было приехать сюда вторично. Я ему даже вскользь указал, как на один из выходов, на моё вторичное возвращение, но он воскликнул:

- Как! Две недели сюда, две недели обратно, две опять сюда и две опять обратно: два месяца в дороге - да вы с ума сошли!

Я ответил, что это ничего: Чайковский на пароходе сочинял, а Глинка в карете, и в конце концов, дело касается исключительно того, жалко ли ему денег на дорогу или не жалко.

Касательно осмотра неапольских достопримечательностей Дягилев, который собственно начинает толстеть и ходить с перевальцем - обнаружил исключительную прыть и мы с утра до вечера были на ногах. Город, шумный и подвижной, очень часто напоминал Москву, но его особенность - это целые лабиринты узеньких переулочков в пять аршин шириной и в шесть этажей вышиной, в которых жизнь кипит не столько в домах, сколько на улице и которые сверху донизу завешаны просушивающимся бельём. Вид необычайный и крайне любопытный. Везувий дымил белым облачком. Говорят, он сильно провалился после последнего извержения и потерял свою благородную коническую форму. Мы раза два завтракали на горе за городом, откуда ошеломляющий вид на город и залив. Четыре утра мы осматривали Национальный музей, полный помпейской старины, причём Дягилев и Мясин обнаружили такую пламенную любовь и понимание к старинной скульптуре, что воспламенили и меня, дотоле равнодушного.

Мы сделали отличную поездку в Помпею, гуляли по мёртвым улицам и слушали

объяснения гида. (Очень интересно, а вообще, куда не повернёшься, всюду откровенный знак, свидетельствующий о том, что этот дом был публичный). Наше пребывание в Неаполе завершилось поездкой на остров Капри. Я про него много слыхивал раньше и очень интересовался. Я думал, что осуществись все мои планы и возвратись я сюда через пару месяцев, писать балет, то не поселиться ли на Капри. Но Капри, хоть и был чудесен, однако оказался таким гористым, заселённым и тесным, что я оставил эту идею. Мы приехали туда в тёплый, лунный вечер и гуляли по скалам. Дягилев и Мясин были, как пара голубков. Мы пробыли на острове полтора дня и затем через прелестный Сорренто вернулись в Неаполь, а затем в Рим.

(Дягилев трусит на лодке, запрещает гребцам петь. Дул небольшой ветер и, хотя лодку покачивало лишь слегка, Дягилев нервничал. Когда гребцы начинали негромко петь, Дягилев останавливал их, сказав, что не время петь, когда через десять минут мы может быть потонем).[8]

6 - 19 марта. Опять Рим.

Вернулись мы в Рим «на два дня»: Дягилеву надо было только получить какие-то бумаги и, согласно контракту с Америкой, застраховать свою жизнь на крупную сумму. Два дня отложились на четыре, четыре на неделю, а неделя на две. Я скучал и злился, потому что время шло зря. И хотя мы жили в люкцуозном отеле, бывали в театрах, обедали в обществе очаровательной Ружины Хвощинской, катались по окрестностям на автомобиле, я всеми силами рвался в Швейцарию знакомиться с «Петрушкой»[9] и делать дело с балетом. Тем не менее в течение этих двух недель произошло два важных факта: 1) Дягилев, убедившись, что никак не свернуть моего решения ехать в Петроград, заявил, что мне положительно необходимо вернуться вторично, хотя я, конечно, сумасшедший человек, что еду («вероятно, из-за какой- нибудь Маруси или Катюши»); 2) мы достали пять томов русских сказок Афанасьева, читали их три дня и выкопали сказку (о шуте), на которую ещё Стравинский указывал Дягилеву, как на балетный сюжет. Но сказка, состоя из целого ряда приключений, никак не укладывалась на сцену. В один прекрасный день Мясин попытался распределить одно из приключений в три картины, тогда я присоединил к этому другое, переставил их хронологическую последовательность, оба приключения отлично соединялись - и сюжет был готов в каких-либо пять минут, изумительно улёгшись в шесть картин. Последующие три-четыре дня мы посвятили отделке и разработке этих картин, причём горячее и очень полезное участие оказывал Дягилев, а Мясин очень позабавил нас, придумав для начала танец мытья пола. Меня очень занимал этот сюжет, а Дягилев ужасно радовался, что этот сюжет как раз для меня, а главная роль для Нижинского; Нижинский же и будет ставить.

20 - 22 марта. Милан.

Наконец наступил радостный день: дела у Дягилева наладились, телеграмму Стравинскому дали и мы поехали в Милан. Швейцария побоку, ибо Дягилеву ещё надо вернуться в Рим, мне всё равно надо уезжать, а Стравинский и без того собрался в Милан, чтобы познакомиться с новыми музыкальными инструментами футуристов, поэтому и было устроено rendez-vous в Милане (à propos[10], пренедурном

[8] Дописано автором позже на полях.

[9] Имеется ввиду автор балета - И.Стравинский.

[10] Кстати (фр).

городе, немного в берлинском стиле). С футуристом, вождём любопытнейшего течения, Маринетти, с идеями которого я познакомился по дерзкой и сумасшедшей книге и отчасти по многим высказываниям Дягилева, я встретился в Риме, ибо Дягилев был с ним в чрезвычайной дружбе и с их обществом ставил один из балетов. Футуристы страшно держались за Дягилева, потому что он был для них колоссальной рекламой, а Дягилев держался за них, потому что находил их течение свежим и любопытным, а также потому, что они всегда несли за собою шумиху. Итак, дружба была вовсю, а теперь в Милане они демонстрировали свои музыкальные инструменты и весьма интересовались мнением Стравинского, музыкой которого восхищались. Во главе их стоял Маринетти, весь огонь, крикун, болтун, человек невероятной подвижности и энергии. Из других отмечу талантливого художника Баллу.

Познакомиться со Стравинским я очень интересовался, ибо его сочинения, к которым я года два назад относился почти враждебно, теперь нравились мне больше и больше; к тому же Дягилев расхваливал его с необычайной горячностью. Самого его я помню довольно давно, лет девять тому назад, когда он на репетициях концертов появлялся с Римским-Корсаковым и другими корсаковскими учениками; я тогда начинал Консерваторию. Затем я помню его весной 1910 года на вечере новой музыки в «Аполлоне», где я играл Сонату, Op.l, а Стравинский отрывки из «Жар-Птицы», которые мне не понравились. Возможно, что мы в этот вечер познакомились. Дягилев даже утверждает, что я сказал Стравинскому какую-то дерзость, но я этого абсолютно не помню. Как бы то ни было, мы теперь встретились чрезвычайными друзьями. Дягилев, Мясин и я пошли его встречать, растерялись на вокзале, Дягилев с Мясиным встречали не тот поезд и, огорчившись, уехали в отель, и я, хотя и встретил и тот поезд, но самого композитора не видел' может быть, недостаточно зная его физиономию. Вернувшись в гостиницу, я нашёл там всю компанию, радостно галдящую. Комната Стравинского и моя оказались рядом. Мы отперли сообщающую их дверь и вечерами и утрами подолгу рассуждали. Услышав мой 2-й Концерт, «Токкату» и 2-ю Сонату, Стравинский стал чрезвычайно восхищаться, заявляя, что я настоящий русский композитор и что кроме меня русских композиторов в России нет. С моей стороны я был искренне очарован его новыми «Прибаутками», которые он презабавно исполнял. Затем в присутствии футуристов мы сыграли в четыре руки «Весну священную». Я её до сих пор слышал всего один раз в концерте Кусевицкого и весьма неясно понял. Теперь, садясь с автором играть её в четыре руки перед большим обществом, я форменно трусил, так как знал, что это вещь неимоверно трудная. Стравинский, всегда маленький и малокровный, во время игры кипел, наливался кровью, потел, хрипло пел и так удобно давал ритм, что «Весну» мы сыграли с ошеломляющим эффектом. Я совершенно неожиданно для себя увидел, что «Весна» - замечательное произведение: по удивительной красоте, ясности и мастерству. Я искренне приветствовал автора, а он в ответ расхваливал моё чтение. Идею писать («Шута») он очень одобрил, приветствовал моё вступление в их кружок, звал к себе в Швейцарию, сообщил массу практических сведений об издателях и вообще был мил до крайности. Он приехал двадцатого, а двадцать второго была Пасха, которую мы встретили, кроме нас четверых, в обществе Mme Хвощинской и её belle-soeur. В страстную же субботу ужинали без дам, причём Стравинский обнаружил желание тянуть «Asti»[11] без конца, захмелел и почему-то рассказывал сложную драму, которую видел в кинематографе. В первый день праздника он уехал в Швейцарию, к себе, вечером Дягилев и Мясин возвращались в Рим, а я колебался: с одной стороны, мне хотелось ехать прямо в Бриндизи и с малым

[11] Шипучее итальянское вино типа шампанского.

греческим пароходом в Салоники, с другой - пароход был мал и грязен, через три дня шёл большой, с Дягилевым же не был подписан контракт, а на эту тему я решил иметь грандиозный и решительный разговор. В конце концов я отложил отъезд на три дня и поехал с Дягилевым в Рим, ибо из Балкан пришли сведения, что между балканскими сорванцами и сербскими войсками идут горячие стычки. Это пахло войной Сербии с Болгарией, а отсюда и России с Болгарией. Тогда выезжать было бы ни к чему, ибо всё равно проехать нельзя. Совершенно неожиданно передо мной выросла беспощадная угроза: нет дороги в Россию! (Как же Нина, как же все мои планы).

С нетерпением я ждал вечерние газеты и тут прочёл следующее: Россия призвала под знамёна 1916 год. Это было неожиданно, все ждали, что позднее. Дягилев и К° запели: «Вот так, конечно, а за шестнадцатым годом и ополченцев второго разряда, вот вернётесь вы в Россию, а вас и за бока. Заграницей-то вы можете жить да поживать, да не читать газет, и ничего не знать, а приедете в Россию - нет-с, пожалуйте в Карпаты!» Словом, меня все и вся сбивало с толку и только приехав в Рим, я определённо решил ехать: на сербо-болгарской границе будто поугомонились, а угроза призыва ратников второго разряда пока не так вероятна. Во след моему решению ехать произошёл генеральный бой с Дягилевым на конкретную тему. Надо сказать, что за «Жар-птицу» он заплатил тысячу рублей, за «Петрушку» и «Нарцисс» по полторы тысячи. Штраусу же за поганый балет «Иосиф» заплатил столько, что язык не поворачивается сказать. Я решил пренебречь и тем и другим, но (ради Нины) мне надо иметь пять тысяч, с которых я только ввиде крайности решил спуститься до трёх тысяч. Однако я не успел открыть рта, как Дягилев заявил, что он собрался заключить со мной договор на манер «Нарцисса», но приняв во внимание расходы по первому проезду, расходы по второму... Тут я сразу возразил, что расходы по проездам это, конечно, расходы, но мне надо получить три тысячи. Дягилев ужаснулся и закричал: «Как, а Стравинский, а Черепнин?! Да вы с ума сошли! Да ни за что!» После этого он начал всё складывать вместе, да переводить на франки и выходило, что Равель с Дебюсси вместе не получали столько, сколько я хочу один. Однако я был твёрд (образ Нины укреплял меня) и говорил, что это моё годовое жалование, ибо на балет уйдёт год.

- А Париж, а то, что вы сразу станете известным всему миру?

В конце концов я заявил, что дело похоже на какой-то благотворительный концерт у великой княгини, где артиста приглашают довольствоваться честно играть перед высочеством и ничего не платят. Дягилев страшно разобиделся, заявил, что он ни в каких благотворителях не нуждается, хлопнул дверью и ушёл. Однако на другой день разговор возобновился, причём я старался доказать, что в Париж я вовсе не так стремлюсь - ещё понравлюсь или нет, а в Петрограде меня и без того любят. Дягилев горячился, что если бы меня любили в Харькове, то это не велика заслуга, а между Петроградом и Харьковым он не видит большой разницы. На этот раз разговор кончился моим заявлением, что разговор с ним мне напоминает Юргенсона и Бесселя. При упоминании последнего Дягилева разобрало ещё больше, чем вчера, и, кланяясь в пояс, и говоря: «Благодарю вас... Разговор кончен-с... Благодарю вас...» решительно ушёл. Два последних дня был глухой разрыв. Дягилев был страшно рассержен и ещё более озадачен. Я полагал, что он в конце концов согласится на мои условия. Чтобы он отказался от меня из-за каких- нибудь тысячи рублей - это было слишком мало похоже на Дягилева, но мысль, что он из упрямства отложит заказ балета на год, портила мне весь план кампании. В десять часов вечера (я уезжал на другой день в семь утра) я зашёл к нему в комнату, поблагодарил за его внимание, сказал, что назвав его Бесселем, я совсем не собирался его обидеть и выразил сожаление, что история с балетом так

разъехалась. Дягилев возразил, что не допускает мысли, чтобы мы разошлись из- за денег, разговор опять затянулся, но на этот раз кончился положительно: контракт был на три тысячи, но второй мой приезд на мой счёт. В третьем часу ночи контракт был подписан, причём я ругался, а Дягилев был очень доволен, что дело уладилось. Пожелал расцеловаться со мной на прощание и мы расстались до лета. Я еле успел поспать: в шесть меня уже разбудили, надо было уложить вещи и спешить на поезд. Условия контракта меня отнюдь не радовали - при таких условиях было прямо не повернуться. Но пришедшая в голову комбинация с Юргенсоном утешила меня и я в довольно хорошем настроении пересёк Италию, направляясь в Бриндизи. Всю дорогу итальянцы галдели о войне и, узнав, что я русский, радостно выражали свои симпатии к России. Я. к чрезвычайному моему удивлению, вёл разговор по- итальянски. На пароходе ехало двадцать четыре поляка и польки и с десяток русских. Все направлялись на родину. Я держался довольно особняком, немного скучал и старался загорать на южном солнце. Погода была отличнейшей и мы, не качнувшись, доплыли до Салоники. Тут пробыли день, запаслись едой и средствами, охраняющими от сыпного тифа, который ещё не совсем стих в Сербии. Я купил египетских подарков: маме, Нине, Элеоноре и Кате Шмидтгоф. По Сербии ехали в компании французских журналистов, которым сербский офицер объяснял, как болгарские «комитаджи» напали на сербскую пограничную стражу. Остановился поезд и мы ходили смотреть поля сражения и могилы убитых сербских офицеров и солдат. Доехали до Болгарии. Тут ожидали недружелюбия, но оказалось как раз наоборот - братушки были любезны.

Я набрался опыту за прошлое путешествие и теперь «всё знал»: выгодно менял деньги, попадал всюду на поезда, доставал слипинги[12] и вообще ехал очень хорошо. Через трое суток после Салоники мы подъехали к Яссам. Рано утром в окно вагона были видны австрийские Карпаты. После Ясс два часа пути и - Унгени, сначала румынский, а затем русский. Здравствуй, матушка Русь! Я был очень доволен.

(Конец путешествия в Италию).

3 - 12 апреля

Моё двухмесячное путешествие за границей записано в отдельной тетрадке, которая путешествовала вместе со мной в моём кармане. Посему продолжаю здесь с того момента, как я вновь вступил на русскую территорию, а это случилось третьего апреля, во втором часу дня, на станции Унгени.

За время моего отсутствия я, оказывается, сделался довольно знаменитым. Способствовали этому: 1) выступление в ИРМО двадцать четвёртого января и газетные восторги на эту тему; 2) отчасти предыдущее выступление в «Современнике» с Сонатой и мелкотушками, и 3) в значительной мере моя поездка в Италию к Дягилеву и известие, что Дягилев заказал мне балет.

Поэтому по вступлении на русскую территорию успехи стали мне кружить голову. Я заехал в Киев и пробыл день у Глиэра. У него собрались все профессора Консерватории, которые знали мои произведения, имели ноты и были в страшном восторге от моей игры (à propos, я познакомился со скрипачом Коханским и с композитором Шимановским, сочинения которого мне весьма понравились). Приехав в Москву, я отправился к Юргенсону. С тех пор, как осенью я письменно повздорил с его братом, я с обоими не имел отношений. Теперь Борис Петрович оказался таким милым и любезным, что, одним словом, из Юпитера превратился в Венеру. Я сказал, что приехал продавать балет на корню, Юргенсон охотно

[12] Спальные места, от sleeping (англ).

согласился. Тогда я сказал, что хочу за него три тысячи, на что Юргенсон виновато возразил:

- Многовато, Сергей Сергеевич... - и просил дать подумать и посоветоваться с братцем.

А на другой день согласился, но при условии выплаты мне пятисот рублей сначала, полутора тысяч при продаже пятисот экземпляров и тысячи при продаже ещё пятисот. От этой затяжки я отказался, сказав, что деньги мне нужны теперь, а через год-два у меня их будет достаточно; и то, что теперь тысяча рублей, через два года будет стоить лишь пятьсот. Хотя мы в течение этих двух дней прорассуждали ровно пять часов, но ни к чему не пришли и расстались, советуя друг другу подумать и написать. Кроме Юргенсона, я видел в Москве Гончарову и Ларионова, к которым отправился по поручению Дягилева и повлиял на них, чтобы они ехали в Италию рисовать декорации. Люблю талантливых людей! Затем видел Держановских и Лелю, которая выросла ещё больше, не могла - может, и не хотела - скрыть своей любви ко мне.

На другой день я был уже в Петрограде, где мама нервничала в ожидании меня. В тот же день я зашёл на репетицию ученической «Русалки» в Консерваторию. Там мне форменно оторвали руки, радостно встречая, завидуя Италии, восхищаясь загаром и прочее. Черепнин, Дранишников, Крейслер, Дамская, Ханцин (выросла и похорошела), сестра Дранишникова, даже Струве и Липинская. Вечером приехал Башкиров, который уже в Италию прислал мне телеграмму с возгласами, что тоскует по мне. Итак, мы помирились и я даже был у него. На второй день приезда начались репетиции 2-го Концерта в Придворном оркестре. Варлих был в восторге от Концерта, тряс мне руку после каждой части, а оркестр устраивал овации (Захаров, дразня меня, заметил, что оркестру приказано так делать, чтобы подбодрить неопытных артистов)[13].

По совету Стравинского, я разделил каденцию первой части на две половины возгласом валторны, и, кажется, это выходит недурно (впоследствии эту переделку я отменил)[14]. Начало третьей части я переинструментовал по собственному почину. Малько приглашал играть летом в Сестрорецк, Фительберг хотел устроить целый концерт из моих сочинений в Павловске, Глиэр - осенью в Киеве, Брыськин - турне по России, - словом, я не знал, что делать с приглашениями. Зилоти сожалел, что новый балет нельзя поставить в Мариинском театре и уже пригласил исполнить его концертно у него в концертах через год.

Я отправился с визитом к Мещерским. Была Таля и Вера Николаевна, а Нину с минуты на минуту ждали из Царского. Но Нина не ехала, Вера Николаевна злилась и имела кислый вид, а я рассказывал всякие новости ей и Тале. Мне было пора уходить - меня ждал в «Астории» Хвощинский. Вера Николаевна взялась меня довезти и оба мы ждали автомобиля, который должен был привезти Нину и увезти нас. Наконец автомобиль приехал, появилась страшно маленькая Нина, крепко пожала мою руку и принялась разговаривать с другими. Я сделал тоже самое и не уделял ей внимания до отъезда, а это случилось минуты через три-четыре. Мы обмолвились всего несколькими фразами. Нина сказала:

- Могли бы остаться и смотреть, как я буду пить чай...

Я ответил:

- Я предпочитаю отправиться в «Асторию»: там я сам буду пить чай.

Таля просила два билета на понедельник на мой концерт: ей и сопроводителю. Я спросил у Нины, будет ли она в Петрограде в понедельник. Она ответила, что по понедельник она уедет в Царское. Я быстро обратился к Тале:

- Значит, тогда только два билета.

[13-14] Примечания в скобках сделаны автором позднее.

Нина спохватилась:

- Ах, если концерт, то тогда я...

Но я уже был на лестнице. Мне показались в голосе Нины какие-то неестественные нотки, какое-то затруднение, точно плохо сдерживаемое волнение, когда она говорила со мной. Заграницей я много думал о том, как я встречусь с Ниной, как я буду себя держать, как она может себя держать. Но теперь, когда сама встреча прошла, я отнёсся к встрече как-то невероятно легкомысленно и поверхностно. Или мне кружил голову музыкальный успех, который мне приготовил Петроград - все эти похвалы, восклицания, отрывания рук, признавания чуть ли не гением; или оттого, что я слишком освоился с мечтами и отвык от настоящей Нины; или то, что я так твёрдо решил заграницей, теперь опять пришло в колебание... Но после того, как я продумал о Нине, можно сказать, непереставая два месяца - и вдруг такая легкомысленно-небрежная встреча! Странно, право.

На другой день было моё рождение, вечером пришли Андреевы, Раевские, Захаров. Мама хотела позвать Мещерских, но я отклонил под предлогом, что они меня не поздравляют. Однако мама, видя вечером, что у нас оживлённо, не спрашивая у меня, позвонила им и те, шумной компанией в шесть человек, с кузенами и кузиной, ввалились к нам. Я занимал всех как мог, Нину меньше других, но она заставила переводить ей итальянские рецензии и за чаем мы очутились рядом. Я с ней болтал оживлённо. О старых наших отношениях - ни полунамёка, а Вере Николаевне говорил дерзости. Нина сказала, что она похудела до минимума, вскользь дала понять, что она тосковала в Царском, а когда я ей показал кусочек стекла от вывески Nord-Deutscher Lloyd'a, разбитого в Риме толпой, который я привёз на память, она схватила кусочек и, спрятав в свой сак[15], сказала, что не вернёт.

На другой день вечером я у них бриджевал. Нас, по старой памяти, посадили играть за одного человека. Я много болтал об Италии, а с Ниной всё время шутил как с человеком, совсем мне чуждым. Я видел, что Нина становилась всё грустнее и печальней, и это меня ужасно радовало.

После бриджа мы оказались вдвоём у рояля за клавиром «Салтана». Нина наигрывала что-то и сказала:

- Вот под эту музыку можно застрелиться...

Затем рассказала, как она открыла у Кучинских ящик, в котором лежит револьвер. На мой вопрос, как она живёт в Царском, сказала, что много работает, рисует и делает успехи. Звала в «зелёную старушку», как я когда-то назвал её дачу в Царском, и обещала всё рассказать там подробно. Мы проговорили весь остаток вечера, Нина была то сосредоточена, то страшно рассеянна; я сдержан. На прощание я обещал приехать через три дня в «зелёную старушку» по секрету от всех.

В голосе Нины появились новые нотки, очень трогательные, которые я раньше слышал раза два, не больше.

13 апреля

Концерт Придворного оркестра, имевший место в довольно приличном зале Певческой капеллы, оказался крайне многолюдным, ибо большое количество было заранее забронировано. Я весьма прилично сыграл 2-й Концерт, а на бис «Сказку», столь любимую Анной Григорьевной. Но она имела малый успех, и хотя меня по обычаю вызывали на второй бис, но вяловато. Зато, когда я сыграл 4-й «Этюд», то зал развеселился и захлопал с горячностью. Вообще успех был весьма

[15] Сумку, от sac (фр).

значительный, мне приволокли огромный венок с красной лентой и надписью «Творцу звуковых радостей» - надпись, которую Башкиров выкопал из одной из последних рецензий в «Музыке». Очень трогательно было, когда я вышел на улицу и когда ученики Певческой капеллы, ждавшие моего появления, устроили мне маленькую овацию. Это меня не менее тронуло, чем случай в Риме, когда я на другой день после концерта, прийдя в музей, был встречен восклицаниями сторожей: «Ah, siniore pianista!»[16] - и похвалам моей игре.

14 - 25 апреля

Тем что я вернулся в Петроград, я был очень доволен. Мне рассыпали массу внимания, а я был рад видеть моих друзей и знакомых. По утрам я занимался и кончил пятую часть «Симфоньетты», а стало быть преодолел всю пьесу и мог сдать её зилотьевским переписчикам. Ходил в «Сокол»; к Берлину, где учился итальянскому ввиду моей последней поездки; бриджевал с Захаровым, Андреевым и Сержем Базавовым - все четверо с полнейшим увлечением. Захаживал в Консерваторию, где шли публичные экзамены. С Дамской я был по-прежнему в самых дружественных отношениях.

Я приехал в Царское на третий день после концерта. Приехал я по секрету и с большими предосторожностями, чтобы меня не видели, но на другой день Элеонора доложила мне, что меня там видели. Как отнестись к Нине, - у меня не было решения. Нина встретила меня нежно. Я сказал, что её браслет я не снял ни разу во все два месяца путешествия: ни днём, ни ночью, ни в концерте, ни даже в ванне.

Через три дня мы встретились на Кирочной на бридже, ибо Нина каждое воскресенье приезжала в город. В этот вечер нам не удалось совсем поговорить. Я шутил и был весел, Нина нервничала. На прощанье сказала мне, что не понимает моего поведения - разве я не вижу, в каком она состоянии? - я держу себя странно и жестоко.

Я между тем окончательно принял мой план, созданный в Италии, и пошел разговаривать с Ниной определённо. Вторая поездка в Царское состоялась легально - якобы была приглашена целая компания, но на самом деле один Володя Литтауэр, которого быстро выпроводили. Мы остались вдвоём и я сказал Нине, что уезжаю в Италию в половине мая, ибо позднее меня всякие законы о воинской повинности могут не выпустить, а вернусь в Россию едва ли в августе, может быть поеду с труппой в Америку...

- А я ?... - спросила Нина.

- А с вами мы даём друг другу полную свободу и вообще всё прекращаем. Если же через год, когда я вернусь, всё будет по старому, то тогда...

Нина страшно разгорячилась, как-то осунулась, смотрела в одну точку и за обедом тянула красное вино. Когда Нина немого успокоилась, она сказала:

- Ведь это в последний раз.

Я ответил:

- Нет, ты поедешь со мной в Италию.

Нина сказала:

- Сэрж, ведь ты знаешь, что то, что ты говоришь - невозможно.

Я стал доказывать, что возможно, что это мой план, взлелеянный в Италии, и что даже более того: это единственный исход из всего положения. Нина была ошеломлена мыслью, что через две-три недели она может очутиться со мною на пути в Италию. Я сказал, что этот план обдуман и окончателен: все равно я в половине мая уезжаю в Италию и если Нина не поедет, то между нами все будет

[16] Ах, господин пианист! (ит).

кончено: из-за войны я могу остаться в Италии не два месяца, а год, два - до окончания войны. К чему же мучиться один без другого: надо ехать вместе или расстаться сразу.

На другой день Нина вызвала в Царское отца, который, несмотря на множество важных дел, сейчас же приехал. Но Нина, видно, сама ещё не усвоила положения вещей и на возражения Алексея Павловича, что сейчас ехать в Италию есть безумие, сразу сдала все позиции и согласилась, что правда, лучше подождать до осени. Через несколько дней - это был уже конец апреля - я снова приехал в Царское. Нина, с волосами просто заплетёнными косою, была прелестна, но поведение её мне не понравилось. Правда, она была безумно нежна и, по-видимому, искренне влюблена. Я рассердился, особенно когда узнал, как она уступила все позиции в разговоре с отцом. Я ей твёрдо заявил, что об осени разговоров быть не может, что моё решение о мае непоколебимо, что терзаться год-два заграницей я не намерен, что если она действительно любит меня, то уедет со мной с согласия родителей или без него, а если нет - тогда сразу конец и навсегда. Я действительно твёрдо это решил. Нина это поняла. Но отец её ни за что в Италию не отпустит, рвать же с ним слишком для неё тяжело - она знает, что она для отца единственный человек на свете. Я ещё раз объяснил, что до осени откладывать невозможно, Нина как-будто прониклась безысходностью положения.

Вторая её атака на отца была также отбита, как и первая: отец соглашался на всё с удовольствием, но венчаться теперь же и ехать в Италию - ни за что. Было назначено свидание его со мной. Алексей Павлович был страшно мил, мы с ним долго разговаривали о моей поездке; наконец он сам перешёл на главную тему. Сказал: везти тепличную девочку, слабую здоровьем, трудными и опасными путями за границу, неизвестно в какие условия, и оставлять её там может быть на год и больше - это выше того, что может разрешить он, отец.

Вообще история меня захватила по-серьёзному: я думал только об этом, потерял способность чем-либо заниматься и только поигрывал на рояле 3-й Концерт Рахманинова, который мне вдруг очень понравился, да последние сонаты Скрябина, поминая безвременную кончину славного автора.

Май

Второго мая состоялось свидание с Ниной в зале третьего класса Николаевского вокзала. Это свидание имело важные следствия: Нина решилась поступить решительно, атаковать в последний раз отца, а если и теперь не выйдет, то мать. Сражение произошло в следующий вечер. Нина позвонила и с волнением и некоторой торжественностью сообщила, что только что говорила с матерью. Сообщение о том, что Нина меня любит и хочет выйти замуж, Вера Николаевна приняла снисходительно, но в свадьбе сейчас же и в отъезде заграницу категорически отказала. Со своей стороны Нина чувствует себя крайне взволнованной и требовала, чтобы я сейчас же обо всём рассказал моей матери. Мы еле договорили по телефону. Маму это всё очень ошеломило, но она со свойственным ей благородством не протестовала.

Вечером я играл на «Вечере современной музыки» Добычиной.

Присутствовавшие Элеонора и Башкиров поражались моему рассеянному виду, причём Элеонора знала причины, а Башкиров нет. Играл я мелкие пьески, и довольно скверно.

На другой день утром Нина телефонировала, что с матерью ей разговаривать положительно бесполезно - не внемлет. Хотя Вера Николаевна и уклоняется от прямого разговора со мной, боясь с моей стороны резкостей, но лучше, если бы я приехал и поговорил. Я приехал. Мы сидели с Ниной в биллиардной, Вера

Николаевна вошла, села в кресло и заявила, что затея моя нелепа; начать с того, что здоровье Нины слабо, у неё может быть чахотка и выходить ей замуж рано. Затем, приключись с ней что-либо в Италии, кто ей поможет? Разговор был длинен и в сущности никчёмен, ибо мы друг друга понимать не хотели. Вёлся он сухо, прямолинейно, с лёгкой враждебностью. Нина молчала.

- Подумать, что из-за того, что какой-то Дягилев требует балет, устраивать такую историю! - воскликнула с возмущением Вера Николаевна, вставая и кончая разговор.

Нина обещала прийти сегодня ко мне, её беспокоили её отношения с моей матерью.

В четыре часа она пришла: маленькая, тихая и смущённая. Мама её приняла довольно мило, даже совсем хорошо, и вообще приняла позицию благородную, не мешать людям жить; хотя в душе была уверена, что мы делаем колоссальную глупость. Перед приходом Нины, она уронила: «Не такую жену я ждала для тебя», но сейчас же замолчала. Затем я Нину провожал и мы сами восхищались своей смелостью, идя под руку по улице. (Я был высок. Нина маленькая. Увидя другую парочку - отца с дочкой-подростком - я сказал, что совсем неплохо выглядит, когда высокий мужчина идёт с маленькой женщиной. Нина поправила: «Если эта женщина - десятилетняя девочка»)[17].

На другой день - шестого - в пять часов я явился к ним. Алексей Павлович пил чай в кабинете и несколько удивился, о чём мы будем разговаривать, когда всё уже выяснено: последние разговоры, которых добивалась от него Нина уже и так оказывались лишь повторением предыдущих. Тем не менее, мы разговаривали долго и действительно всё время повторяли старое. Нина говорила мало, хотя всячески старалась меня поддержать. Тяжело было бедной девочке рвать с отцом и домом. Решено было, что завтра мы ничего не предпримем, а если и завтра не последуют уступки, то послезавтра Нина уходит со мной. Надо делать скорее: восемнадцатого начнётся пост и венчаться больше нельзя. Когда я уходил, Нине доложила горничная:

- Барыня и барин в спальной и просят вас туда.

Нина с отчаянием поглядела на меня. Я поцеловал её и даже перекрестил.

Потом она позвонила по телефону и говорила о том, что произошло в спальне. Мать резко поносила то её, то меня, а отец то выказывал страшную твёрдость, то подходил к Нине, обнимал её и говорил, что надеется, что она не способна их бросить. Но в отпуске заграницу опять строгий отказ.

Утром я ждал Нину, а Башкиров сидел в автомобиле у угла на случай, если Нина явится с провожатым, чтобы можно было сразу её увезти. Но Нина не пришла, а в два часа позвонила Таля и рассказала следующее: Нина, согласно позволению отца, направилась утром ко мне, но мать, увидев это, велела швейцару вернуть её, опровергнув разрешение отца.

Между тем я, после неудачного побега, весьма волновался и изобретал способ достать Нину. А Вера Николаевна звонила маме, чтобы я вообще не пытался силой вытащить её, так как дворники и швейцары предупреждены, будет серьёзный отпор.

Нина не звонила, а на другой день - девятого - я получил от Веры Николаевны записку, что на моё насилие над волей Нины она не может ответить ничем иным, как увезти её из Петрограда. Приписка Нины: «Жизнь зла, я ничего не могла поделать, надеюсь не прощайте, а до свидания, до осени».

Дело вступило в новый период. Начался он энергичным розыском Нины с моей стороны. Дом был пуст, Таля уехала тоже, Алексей Павлович был на заводе, а прислуга ничего не знала. Известно было лишь, что Вера Николаевна в Финляндии.

[17] Дополнено автором позже.

Я каждую минуту ждал от Нины какой-нибудь писульки с указанием, где она, но писульки не было и не было.

Между тем по всему городу пошёл слух, что вот-вот, не нынче-завтра, или через месяц, призовут ополчение второго разряда. Настроение было отвратительным, а главное, ничего нельзя было предпринимать по отношению к Нине, ибо выцарапать девочку, поссорить её с родителями и угодить в солдаты, оставшись без дягилевского контракта, а следовательно, и без денег - это уже совсем нелепо.

Понятно, я не мог серьёзно заниматься никаким делом и только урывками делал корректуру «Баллады», партитуры 1-го Концерта и его партий (в которых, кстати сказать, оказалось такое количество ошибок, какого я никогда нигде не видывал). Впрочем, дело я сделал: я стал сочинять мелкие темки, пассажи, закорючки для «Шута», даже особенно не вникая, куда она пойдёт, а лишь представлял себе общую характеристику персонажей и событий балета. К моему удивлению, темки сыпались, как из рога изобилия. С такой лёгкостью мне давно не приходило ничего в голову. Я подходил к роялю несколько раз в день, присаживался минут на пять и почти каждый раз что-нибудь заносил в тетрадь. Каждое новое появление тем меня очень радовало. Неожиданно по прошествии двух-трёх майских недель, получился совсем приличный результат: свыше пятидесяти лоскутков для будущего балета - огромный материал. Национальный оттенок довольно ярко сказывался в них. Я всегда теперь думал, когда сочинял, что я русский композитор и шуты мои русские, и это мне открывало совсем новую, непочатую область для сочинения. Может быть, отсюда и такая лёгкость сочинения этих темок и завитков.

Чувствовал я себя, конечно, очень нервным, что особенно сказывалось по утрам, когда я просыпался, как в Неаполе и Риме, с тоскливо сжатым сердцем. А затем я не мог оставаться один и рвался к людям. Ходил в Консерваторию на акт и всякие экзамены, ездил в Павловск на начавшиеся симфонические, довольно часто бывал у Башкирова, говорил по телефону с Элеонорой.

Между тем Захаров чуть ли не каждый день звонил мне по телефону, то приглашал в Териоки, то по всяким пустякам. На его приглашение приехать в Териоки двадцать первого я ответил охотным согласием. Я был колоссально рассеян в эту поездку и не мог заставить себя быть обыкновенным. Захаров страшно интриговался, подъезжая и так и сяк, спрашивал, что со мной.

Я пробыл две ночи и день и к концу немого разошёлся. В Петрограде я почти ни к кому в гости не ходил, кроме Башкирова, да несколько раз был в музыкальных кружках: у Каратыгина, Гессена, Бенуа, Рузского, Оссовского. Всюду разыгрывали мой новый опус: «Сарказмы», производивший всегда ошеломляющее впечатление, для большинства внешней стороной. Очень немногие оценили внутреннее содержание. Нурок с Нувелем заявили:

- Следующий после пяти «Сарказмов» опус вы назовите: «Пять оскорблений действием», - и долго смеялись своей остроте.

Зилоти стал ко мне диаметрально другим: милым, расхваливающим и просил, чтобы все мои будущие оркестровые вещи имели премьеры в его концертах. А ведь как крепко его дверь была до сих пор закрыта для меня!

Дягилеву я в начале мая послал телеграмму, что готов к отъезду и жду от него для этого пятьсот рублей. И действительно, я был уверен, что через неделю-две я буду на пути в Италию. Дягилев в ответ прислал пятьсот рублей, но в ответ на это Италия объявила Австрии войну, Адриатическое море покрылось минами, Бриндизи закрылся и южный путь стал непроходим. Дягилев телеграфировал: «Conseil beaucoup prendre voie du Nord, bon voyage»[18]. Мило и решительно, но «voie

[18] Очень советую взять северный путь, счастливого пути (фр).

du Nord» через Берген - Ньюкасль - Ламанш, где каждый день, судя по газетам, взлетали пароходы от плавучих мин и подводных лодок, - не манил. Зато я нашёл ещё более северный путь: Архангельск, через который довольно бойко велось сообщение с Америкой, оттуда на остров Исландию, которую, очевидно, не минуют пароходы, идущие из Архангельска в Америку, а из Исландии в Бордо или в тот порт Западной Европы (но не Англии), с которым этот остров сообщается. Безопасно и пикантно: через Исландию в Италию! Только бы Нину, да только бы подождали с ополчением, а тогда как угодно и куда угодно. И я телеграфировал Дягилеву: «Voie Nord convient. Graves affaires retiendront quelque temps Petrograd. Argent touche pas. Compose beaucoup matériaux»[19] (чтобы не подумал, что я надуваю с приездом, а деньги проживаю).

Я всё же не унывал. Кстати и про ополчение пошли более благоприятные слухи. Призывать-то призывали, но говорили пока за три года: призывов 1915, 1914 и 1913 годов, а я был в 1912, так что до осени мог быть спокоен. Но Нина молчала. Я поражался: неужели её две недели держат под такой стражей, что она не может даже бросить открытки?! А Элеонора объясняла проще: её уговорили.

Томясь скукой, я как-то отправился снова в Териоки, где был встречен радостными возгласами Бориса:

- Ах ты, балда этакий, приехал! Очень рад!

Это было уже около двадцатого мая.

Сначала мне показалось, что будет скучно. Девиц Карнеевых на даче ещё не было, а Лёвку я живо обыграл в шахматы. Появилась Танюша Гранат, соседка по даче, интересная еврейка лет семнадцати, которую я видел ещё в прошлый раз и с которой все мы тогда ходили в кинематограф. Когда днём она сказала, что идёт с компанией в Келомяки, я с охотой присоединился к ним. так как в Келомяках проводила лето Катя Шмидтгоф и я давно собирался навестить её. Так как и Танюша и я считали себя ходоками, то мы решили побить рекорд скорости в ходьбе до Келомяк и примчались туда на полчаса раньше остальных. Танюша запыхалась и прониклась ко мне почтением. Проведя у Кати симпатичный час, я возвращался в Териоки в обществе Тани и сестры Бориса. На этот раз шли медленно.

По возвращении в Петроград, я констатировал такое же отсутствие известий от Нины, как и раньше. Решив, что в ближайшую неделю едва ли что произойдёт значительное, я изъявил согласие на приглашение Малько выступить двадцать седьмого в Сестрорецке со 2-м Концертом. Ради этого события Малько даже откладывал концерт Скрябина и открывал сезон мною. Вообще же время я проводил так: кончил корректуру партий 1-го Концерта; продолжал сочинять материал для «Шута» и даже начал сочинять первую картину: по вечерам часто бывал у Башкирова, у которого был приятный балкон на Неву, защищенный от ветра маркизами, с двумя удобными креслам и низеньким шахматным столиком, около которого на полу стояла высокая ваза с клубникой. Мы играли партию в шахматы, немного беседовали, затем он провожал меня домой.

Я повторял Концерт к Сестрорецку. Двадцать третьего Вера Николаевна позвонила мне по телефону, сообщая, что она вернулась, совсем больна, лежит, очень бы хотела видеть маму - не заедет ли мама к ней. Мама отправилась. Вера Николаевна сообщила, что Нина в Финляндии. Подтвердила, что до осени никаких разговоров быть не может, Нина же дала слово не писать мне и не давать о себе знать.

Тому, как всё это рассказывала Вера Николаевна, нельзя было много верить, но всё же кое-что мне не понравилось. После репетиции я, в ожидании обратного

[19] Северный путь подходит. Серьёзные дела задержат некоторое время в Петрограде. Деньги не трогаю. Много сочиняю (фр).

поезда, ходил под моросившим дождём по пляжу - и тут внезапно произошло важное решение. Я первый раз посмел ясно представить себе картину: если бы с Ниной всё порвать... Тогда я заметил, как с меня полетел целый ряд цепей, о которых я это время не думал.

Такой обольстительной предстала мне свобода, которую я терял не замечая или, верней, на потерю которой я нарочно закрывал глаза. - что мне лёгким показалось устроить всё остальное. Итак, решение кончить историю было принято двадцать пятого мая также скоропостижно, как четырнадцатого января - начать её. Я ехал домой и смотрел на мир какими-то другими глазами, и было как-то странно, и я ещё не совсем решил, но главный стержень уже переломился, а чары Нины меркли перед радостью свободы.

На другой день моё решение не изменилось. Оно окрепло. Я никому ни слова не сказал.

Двадцать седьмого утром я уехал в Сестрорецк на генеральную репетицию. «Сны», которые я в первый раз слышу в этой редакции, несмотря на то, что она сделана уже года два, были сыграны на предыдущей репетиции до того грязно, что на просьбу Малько не сердиться, я ответил:

- Нисколько: всё равно не было ни одной ноты моей, я так и слушал за чужое сочинение.

Но на генеральной репетиции было относительно прилично. Концерт шёл хорошо. Мы даже решили поставить рояль так, чтобы я сидел к Малько спиной. Во время этой репетиции была введена флейта в побочной партии финала (когда эта тема, после проведения у фортепиано, появляется у фаготов); раньше это место было инструментовано иначе.

Вечером «Сны» были приняты средне, а Концерт, который я играл хорошо, имел большой успех. Кажется, первый случай, что никто не шикал. Я трижды бисировал. Борис Николаевич «иступлённо аплодировал». Я думал, не явится ли из Териок Борис Захаров, но этого не произошло. Симфония Стравинского совсем мила, а вернувшись домой, я нашёл открытку от самого автора, которая мне доставила большое удовольствие.

Июнь

Балет мой шёл великолепно: быстро, легко и весьма по-русски. Материалу было пропасть, я даже боялся, не вышло бы пёстро. В промежутках я разыгрывал сонаты Мясковского, которые мне доставили большое удовольствие, особенно вторая, захаровская, которую старомодный Борюся совсем не оценил.

Я ездил в Павловск на симфонические концерты. Должен был играть Захаров и все поехали его слушать, но умер великий князь и концерт не состоялся. Асланов меня бешено ругал, отчего я играю с Фительбергом, а не с ним.

- Пока вы были учеником Консерватории, я был первым дирижёром обоих ваших Концертов и переносил на своей спине все свистки и упрёки, а теперь вы стали знаменитостью и в виде благодарности поворачиваетесь ко мне спиной и играете с Фительбергом.

Хотя ругал он меня в шутливом тоне, но, по-видимому, серьёзно огорчился, что я играю не с ним; а соль в том, что между обоими дирижёрами шла страшная конкуренция и пикировка. Меня же пригласил Фительберг - я и дал ему согласие, даже не зная, очень ли хочет меня Асланов. В конце концов дело уладили. К общему удовольствию, и к моему: я играл один Концерт с одним, другой с другим. А Фительберг закричал, что мне надо заплатить не обычные пятьдесят рублей, а не иначе как двести. Это мне весьма польстило.

Шестого я собрался в Териоки. И хотя я всё последнее время чувствовал себя

весьма нервным, но едва я сел в поезд, как обо всём забыл и был невероятно доволен. В Териоках на этот раз оказались Лида с Зоей. Лёва, как и в прошлый раз, привёл нас к себе - играть в шахматы, и таким образом мир с невестой и не невестой был заключён (Лида объявлена невестой капитана Баркова, замечательного тем, что он «очень хороший человек», сейчас - в Японии). На даче у Карнеевых процветала «стуколка», в которую играли решительно все. Я не умел, но храбро стал учиться, видя, что ставят по пятнадцать копеек. Однако вскоре проиграл десять рублей и тогда выучился. Борис страшно увлекался и мы просидели весь вечер. Только раз мне удалось вытащить всех на море. Днём опять играли в «стуколку» и гуляли с Карнеевыми по морю. Только вечером, удрав из кинематографа, в котором были с Карнеевыми и Захаровым, в гостиной захаровской дачи столкнулся с Танюшей. Мы решили завтра рано утром сделать большую прогулку и поставить новый рекорд. Затем, хлопнув две рюмки шведского рома, я помчался к Карнеевым играть в «стуколку», по дороге встретил всю компанию, возвращающуюся из кинематографа, схватил Зою и понёс её на руках. В «стуколку» я отыгрался, а в час ночи уговорил Бориса идти спать.

Утром я вскочил, как вдруг Борис, спавший в одной комнате со мной, потянулся, глянул в окно и, увидев хорошую погоду, огорошил меня предложением идти с ним на озеро. Вечером я уехал в Петроград.

Скончался милый, славный Сергей Иванович Танеев. Давно ли мы гуляли, пели один другому темы, а другой должен был узнавать, откуда эта тема. Он меня донимал «Русланом», которого я не так хорошо знал, а я его симфониями Глазунова. Сергей Иванович был первый человек, который меня толкнул на серьёзные занятия музыкой и заставил меня брать уроки сначала у Померанцева, потом у Глиэра. Он меня всегда называл «Серёженькой». И только, кажется, последний год Сергей Сергеевич. Ещё одна чёрточка меня занимала: что он человек-девственник.

По возвращении в Петроград из Териок, я позвонил к Борису Николаевичу и тот сообщил, что получил письмо от Нины Алексеевны.

Нина не снесла моего месячного молчания и, дав родителям слово не обращаться ко мне, решила обойти его и запросить Башкирова: отчего я не за границей и отчего я не делаю попыток снестись с ней. Письмо было длинное и горячее.

Но ответ был другой и я почти без колебаний продиктовал отказ. До сих пор отказ был лишь внутри меня. Я знал, что захоти я вернуться к Нине - и я вернулся бы, так как никто не знал, что происходило у меня внутри. До сих пор был проект, а теперь надо было рубить. Но я почти не колебался. Тщательно составил письмо, Борис Николаевич беспрекословно его переписал и я сам снёс на почту.

Двенадцатого июня, когда письмо было запечатано, но ещё не отправлено, в Павловске я встретил Нину. Я шёл с Зорой, с которой, не видевшись два года, оживлённо разговаривал. Таля, Нина, Кучинский и ещё несколько человек (но без родителей) образовали группу почти на нашей дороге. Я сделал вид, что за разговором ничего не замечаю вокруг. Тогда Нина отъединилась от группы и демонстративно пошла впереди нас. Вокруг гуляла толпа народу и я дал себя с Зорей оттереть от Мещерских. Встреча на меня произвела сильное впечатление. Особенно бойкое движение Нины, когда она, что-то смеясь и говоря своей компании, вышла на путь передо мной. Когда я в поезде ехал обратно, мне было жаль прошлого. Я мучился. Но возврата быть не может и на другой день я сдал заказное письмо на почту.

Так кончился роман.

На другой день Кучинский прислал мне конверт с кольцом Макса, бывшим у Нины, а я через несколько дней вручил ему в управление бриллиантовую булавку и браслет Нины, который во время путешествия в Италию я не снимал два месяца. Булавка была вколота в картон, а браслет висел на булавке.

*****

Дягилев запрашивал, почему я не еду. Я отвечал, что задерживают дела со «службой», имея ввиду военную, и действительно, одни говорили, что нас призовут, другие нет, самый же вероятный слух был, что если призовут, то за четыре года. Но тут-то и «заковыка»: будут включать в это четырёхлетие призыв 1916 года - тогда я не попадаю; или нет, как досрочный, - тогда я попадаю. Впрочем, к Дягилеву я не ехал по причине, что вообще не хотел, здесь было лучше, а там мины в Ламанше и Северном море. Но ещё главная причина: я был уверен, что к весне война всё равно не кончится, а стало быть, сезона в Париже всё равно не будет и не для чего делать с балетом спешку. Однако это не значило, что я его сочинял потихоньку. Наоборот, я работал очень горячо и на дягилевский запрос мы телеграфировали пятнадцатого июня: «Ballet avance rapidement, deux tableaux finis, extrêmement national»[20]. Действительно, национальньш характер мне был по душе и Захаров даже улыбался, когда я наигрывал ему кое-что.

Кстати, этот самый господин Захаров вдруг заявил мне, что через несколько дней он уезжает на три недели в Анапу, затем на две в Кисловодск, словом, исчезает до конца июля. Это меня крайне огорчило, ибо на Териоки я сильно рассчитывал и собирался часто туда наезжать, там обещало быть так мило. Двенадцатого он с неплохим успехом играл в Павловске и тринадцатого уехал. В Анапе Ганзен, оттого он и молчал почти до самого отъезда, чтобы не болтали опять об их женитьбе.

Ещё раньше Захарова уехал Башкиров к себе в имение; объявил он, что едет на пять дней, но сгинул туда на срок неопределённого растяжения. Писал мне страшно часто, редкостно бессодержательными открыткам и более порядочными письмами.

Таким образом, я остался совсем без друзей и было скучновато. Тем более я ударился в работу: балет шёл быстро, а кроме того я разыскал «Осеннее», которое очень люблю и которое в прошлом году начал переделывать заново. Тогда половина была сделана, теперь я налёг и всё было готово. Я отношусь к «Осеннему» с большой нежностью; по-моему, это одна из наиболее тонких моих пьес, но у публики, вероятно, пройдёт малозаметно.

Единственный мой оставшийся в городе друг была Элеонора. Мы с ней несколько раз ездили в Павловск на музыкальные вечера, но, хотя в Павловске в этом году была ахова пропасть народу, знакомых, кроме музыкантов, было не так много. Были Андреевы, но я немого боялся их - начнут расспрашивать про Мещерских!

Рассматривая мой старый балет «Алу и Лоллия»[21], я нашёл, что там многое неплохо, а потом я решил, что нет особенного труда сделать из него просто симфоническое произведение, если придать этому произведению форму сюиты. Трудно будет инструментовать, но для четверного состава - интересно, и я с увлечением стал обдумывать инструментовку. А так как у «Шута» было готово уже четыре картины и он шёл скорее, чем надо (все шесть картин - к первому августа), то я позволил себе сесть за партитуру «Алы», а «Шута» временно отложить.

Новой сюитой я занялся с большой горячностью и просиживал за огромными листам партитуры целыми днями. Инструментовать была ужасная возня, но много легче и приятнее, чем я предполагал, и дело быстро двигалось вперёд. Таким образом я усиленно проработал с двадцатого по тридцатое июня и с удовлетворением констат*и*ровал, что почти полностью инструментовал. Я очень обрадовался и

[20] Балет быстро продвигается, две картины готовы, исключительно национально (фр).

[21] «Ала и Лоллий» - несостоявшийся балет, переделанный автором в сюиту.

написал о ней Зилоти, предлагая вместо «Симфоньетты» - «Алу и Лоллия». Зилоти очень любезно, блестяще оправдывая свою новую тенденцию считать меня чуть- ли не первым композитором, ответил, что просит меня дирижировать обеими вещами. Я собственно на это и рассчитывал и был очень доволен.

Ввиду установившихся мирных отношений с Лидой и Зоей, я был у Лиды в японском лазарете, где она очень ревностно исполняет функции сестры. Лида, очень похорошевшая, была страшно мила и я тоже.

Двадцать первого я отправился к ним в Териоки, очень весёлый, ибо было солнце, праздник, толкотня на вокзале, я ехал к Карнеевым и решил быть очаровательным и вообще наезжать ещё.

В компании Карнеевых мы послали Борису весёлую компанейскую постальку.

О Нине я иногда вспоминаю. Но Боже, какая восхитительная вещь - свобода! Подумать, что я ни с кем не связан!

Двадцать четвёртого июня приходил старший дворник и справлялся, какого я разряда ратник: первого или второго. Узнав, что второго, сказал, что эти не нужны, а интересуются первым. Вообще, вести на эту тему стали умиротворяющие; во всяком случае до осени - гуляй.

Мама начинает собираться на Кавказ. Я сообщил, что в Ессентуки я не поеду и останусь гостить в окрестностях столицы.

Зоя, приезжая иногда из Териок, звонит по телефону, зовёт в Териоки.

- Отчего вы нам ничего не можете сочинить. Уж право, такая вы свинья, Сергуся!

Я сел за рояль и решил посочинять крошечные пьески, «собачки», как я их называл лет восемь назад. И собачки стали рождаться с лёгкостью поразительной, мне очень нравились и выходили безукоризненными в смысле отделки. В первый день их готово было три: Зое (шестая), Лиде (пятая) - с трезвоном по случаю её свадьбы, и Катюше Шмидтгоф (шестнадцатая). Я решил, что все эти собачки будут посвящены моим приятельницам. Вот вам, Ниночка, в пику, коль вы на меня всякий вздор пишете Борюсе. К ним прибавятся скоро ещё две (одна из них для Танюши), а затем новорожденный опус (22-й в проекте) временно смолк.

Двадцать девятого я отправился по Николаевской железной дороге, ибо надо было найти дачу. Сначала я проектировал где-нибудь в Любани, но потом решил попробовать Ушки. Меня очень забавляла роль петроградского дачника, ищущего дачу. Погода была восхитительна и я был очень рад, зашагав среди зелени в Ушках. Прелестная комбинация из лугов, полей, реки, леса и группы деревьев сразу меня расположили в пользу Ушков. Уединённые, разбросанные дачки - да это совсем хорошо! Но найти дачу было тяжело. Во-первых, не знаешь, как искать: никаких объявлений нет и всё, по-видимому, занято. Дачки прелестные, элегантной публики - никого. Я расспросил кое-кого и убедился, что занято всё. Один пустой какой-то верх, такой дешёвый, что я цену за лето принял за недельную плату, но это не подошло. Я сел в поезд и перебрался в Саблино, ближе к городу, ровно час от Петрограда. Там мне тоже понравилось, потому что в лавочке у вокзала я сразу нашёл мой любимый шоколад. Затем я бродил два часа и нашёл очень славненькую дачку, новенькую, жёлтенькую, маленькую. Стояла она совсем в стороне, у ручья, с двух сторон был лес, с третьей еле просвечивала сквозь деревья старообрядческая церковь и только с четвёртой где-то далеко виднелась дача. Словом, никого, как я хотел, и простоватая, очень милая старушка-хозяйка, которая занимала верх, а мне за сорок пять рублей предоставляла низ из двух комнат, балкона, кухни, передней, кладовой и т.д. Минусы: 1) нет мебели, но ежели, приняв во внимание дешевизну дачи, разориться рублей на двадцать, то можно купить пару кроватей, стол и стулья, и одно кресло обещала дать хозяйка. 2) У ручья может быть такое сырьё, что схватишь и ревматизм, и лихорадку и чёрта в ступе. Но сейчас грело

такое ясное солнце, что сырьё не казалось страшным. Я дал задаток и вернулся в город, считая дело более или менее сделанным.

Июль

Наступало начало июля, мама отправилась на Кавказ. Про Нину я ей ни слова не говорил. Это, по-видимому, её беспокоило и она осторожно добивалась узнать, каково положение дел. Наконец, перед самым отъездом, я ей ответил, что с Ниной всё кончено. Мама уехала в очень хорошем настроении, провожаемая мной и Марфушей. На другой день уехала в монастырь и Марфуша, прислуга была отпущена и я остался один в квартире, хотя перед отъездом мамы уверял её, что сам сейчас же уеду в Павловск или Териоки. Сначала я боялся, что мне будет жутко спать одному в большом, пустом помещении, но оказалось совсем хорошо. Ел я на Царскосельском вокзале, до которого шесть минут ходьбы и где кормят вкусно; дома была кипячёная вода с порошками, делающими из неё различные лимонады и квасы, печенье и масса шоколада. Я решил, что раз я седьмого выступаю в Павловске, то до седьмого всё равно не стоит выбираться в Зет, так я назвал Саблино в разговорах с Элеонорой.

Юргенсон успел напечатать партитуру и материалы 1-го Концерта и прислал оттиски, очень приличные. Седьмого я играл его с Фительбергом в Павловске. С Фительбергом я познакомился зимой, это очень хороший варшавский дирижёр, который с этого года в Петрограде в Музыкальной драме, а на лето, совместно с Аслановым, приглашён в Павловск. Асланов крайне возмутился, узнав, что я, якобы изменив ему, играю теперь с Фительбергом (между обоими дирижёрами - вражда), но я играл с тем, кто меня пригласил раньше, и был абсолютно не виноват.

На концерт приехали Лида и Зоя, обе очень хорошенькие, мы ездили на ферму и так загуляли и забегались, что едва не прозевали концерта. Первым номером шли «Сны», которые шли ничего, но бледновато. Вообще их ещё ни разу хорошо не сыграли. Затем я играл 1-й Концерт. Фительбергу он очень нравился и он дирижировал с ошеломляющей горячностью. Я тоже чувствовал Концерт чрезвычайно в пальцах и взял темп раза в полтора скорее, чем брал до сих пор. Оркестр играл не то чтобы очень хорошо, но с удовольствием, по крайней мере на репетиции он мне сделал такую шумную овацию, какой я никак не ожидал. Итак, исполнение было из удачных и успех большой. Я на бис ахнул всю 1-ю Сонату и думал, что публике её будет довольно, но пришлось выходить ещё два раза. В артистической было весело, пропасть народу: Карнеевы, Дамские, Андреевы, критики, шахматист Терещенко, скрипач Ахрон и много других. Зайцев наговорил комплиментов, но понравилось мне его мнение, что конечно, 1-ю Сонату я сыграл гораздо лучше Романовского. А то лавры Романовского с этой сонатой не дают мне покоя.

После концерта я проводил Лиду и Зою по направлению к Царскому, где они остались ночевать у Зоры, и вернулся в Павловск ночевать к Андреевым. На другой день утром отправился к месту ночлега Карнеевых, чтобы сделать прогулку с Зоей и вместе с ней возвращаться в город и, ожидая её у ворот дачи, где жила Зора, стал читать список жильцов, ибо дач была не одна, а шесть. Каково было моё удивление, когда я прочёл фамилию Мещерских и тут вспомнил, что именно где-то на этом шоссе они собирались жить. С чрезвычайной быстротой я вышел из ворот дачи и стал ждать Зою на приличном расстоянии. Вот уж говорят, что убийцу тянет к месту преступления!

Девятнадцатого я на воскресенье уехал в Териоки, конечно с большим удовольствием, и очень хорошо провёл время у Карнеевых.

Двадцать первого я отправился в Павловск, где играл опять. Дело в том, что

ввиду соревнования обоих дирижёров меня решили поделить: с Аслановым я должен был сыграть 2-й Концерт через неделю после 1-го, но так как мне обещали платить по сто рублей за выход, а потом заявили, что не сто, а пятьдесят, то я шутя обозвал их всех жалкими и сказал, что больше играть не буду. Через неделю Дидерихс «в виде личного для него одолжения» просил меня сыграть мою 2-ю Сонату и взять за оба выступления сто пятьдесят рублей; «в виде личного одолжения» я согласился и посему двадцать первого играл опять. Перед концертом я отправился выразить сочувствие Анне Григорьевне, у которой убили на войне восемнадцатилетнего сына (от первого мужа). Входя в калитку, я увидел Анну Григорьевну, её сестру, Веру Николаевну и Талю. Две последние прощались с двумя первыми. Отступления для меня не было, так как Анна Григорьевна уже закричала: - А, Серёженька! - и потому я направился к группе.

Анна Григорьевна стояла по одну сторону стола, остальные по другую. И этот стол спас дело. Я поздоровался с Анной Григорьевной, затем с её сестрой, которая заняла меня разговором на десять секунд; этих секунд было достаточно, чтобы Вера Николаевна, отделяемая от меня столом, двинулась к калитке, не глядя на меня и разговаривая с Анной Григорьевной. Только Таля, которая пугливо жалась к матери, оглянулась на меня. Я поклонился, она ответила. Вера Николаевна, стоя ко мне спиной, демонстративно проразговаривала с Анной Григорьевной около минуты и уехала. Никаких расспросов со стороны Анны Григорьевны не последовало. Я решил, что она уже поставлена в известность. Выразив сочувствие, я через пять минут удалился, спеша на концерт.

Я играл 2-ю Сонату после симфонии Калинникова. Играть в симфоническом концерте сольную вещь, без аккомпанемента оркестра, очень скучно. Как-то непарадно и одиноко среди огромной эстрады с покинутыми пюпитрами и брошенными инструментами. Нет настроения. Кроме того, сегодня в зале шумели и ходили. Однако я решил взять себя в руки и сосредоточиться, ибо в сосредоточении - залог хорошего исполнения. Соната имела успех. Успех был менее шумный, чем прошлый раз, но часть зала, человек сто-двести, аплодировала с удивительной горячностью и настойчивостью, заставив меня бисировать четыре раза, причём даже гасили электричество и снова зажигали. В артистической сегодня меньше народа, зато новые лица - Маруся Павлова, загоревшая, как пергамент, и с жемчужными зубками, затем вновь появившаяся Соня Эше в обществе своего bien- aimé[22], элегантного сорокалетнего джентльмена. Зайцев опять расхваливал мою музыку. Элеонора отсутствовала, верно, в виде протеста, что я не заглядываю к ней в Сестрорецк и за то, что я скрыл от неё, где такое Зет.

Светлов, балетный критик и друг Дягилева, сообщил мне, что от Дягилева получил телеграмму: что сделалось с Прокофьевым? Надо сказать, что третьего июля был крайний срок, когда я, согласно контракту с ним. должен был прибыть «в тот город Европы, где Дягилев будет находиться», дабы кончить и дошлифовывать балет в его обществе. За десять дней до третьего я получил телеграмму:

«Oubliez pas, que 3/7 devez être Lausanne»[23].

А второго я ему писал:

«4 tableaux composés. Faut-il continuer ou vaut pas la peine?»[24] Смысл: я нарушил контракт, так балет к чёрту или всё же кончить. А важно иметь его подтверждение для того, чтобы он всё же заплатил три тысячи, а не уменьшил бы впоследствии гонорар, ссылаясь на то, что я не выполнил контракт.

[22] Возлюбленного (фр).

[23] Не забывайте, что третьего июля должны быть в Лозанне (фр).

[24] Четыре картины сочинены. Нужно ли продолжать или не стоит того? (фр).

Дягилев, получив эту телеграмму, вероятно, топотал ногами и ругал меня самыми скверными словами, но ничего не ответил, а теперь запросил Светлова, считая меня недостойным личной переписки. Я просил Светлова ответить, что я по военной причине сейчас выехать не могу, в дополнение же к телеграмме отправил с ехавшим к Дягилеву балетмейстером Григорьевым письмо, в котором объяснял Дягилеву, что полагаю, что теперь, когда ясно, что к весне война не кончится, и, стало быть, весной в Париже сезона не будет, - нечего и мне спешить. Письмо пришлось писать по-французски, дабы международная цензура могла понять и пропустить.

Мои друзья, Башкиров и Захаров, не радовали меня письмами: Башкиров очень часто присылал никому не нужные открытки, в которых стояло лишь «Шлю привет», а Захаров совсем смолк, очевидно, в прямой связи с письмом Нины, которое он получил и которое его несколько смутило.

Итак, отыграв в Павловске Сонату, я вернулся в Зет. Ехал я с удовольствием (здесь так тихо и зелено, и никто не знает, куда я провалился), но приехав, рассердился: без меня туда привезли пианино, а соседки прочли в газетах рецензию про Прокофьева. Скомбинировав оба факта, они открыли, что как раз это и есть я, знаменитый артист, и в своём медвежьем углу пришли в восторг. Я рассвирепел и сказал, что у меня однофамильцев много, что это ко мне отношения не имеет: я человек порядочный. Я не знаю, поверили ли мне, но видя, что рассердился, сделали вид, что поверили.

1916

1 января

Чёрт знает, мой дневник совсем обленился за ныне прошедший 1915 год! (A propos, надо выучиться писать цифру «6»). Даю себе слово быть исправным.

Спал до двенадцати. Сочинял «Игрочёночка», я рад, что миновал скучное место - томного Астлея, хотя для Коутса надо постараться с англичанином, и то я уже так урезал его партию по сравнению с романом. С нетерпением жду приезда Бабуленьки - осталось немного. Расчёт такой: в январе (несмотря на двухнедельный перерыв из-за исполнения «Алы и Лоллия») кончить второй акт. В феврале написать третий - он краткий и увлекательный. И в конце марта быть в разгаре четвёртого. Тогда опера «принципиально» уже готова и может демонстрироваться кому надо.

Я визитов больше не делаю. Но пошёл «просто поздравить» Элеонору, где три бокала шампанского глубиною в полоскательную чашку слегка подмутили голову. У Рузских приехала Таня. Восстановилась старая дружба. Я любезен, незлоблив и даже в меру сдержан.

По возвращении домой - невероятный случай: квартира разграблена, благо мама и прислуга отсутствовали. Перед каждым столом и шкапом - горка вывороченных внутренностей. Я пострадал на двести рублей (увы тебе, мой первый концерт), а мама на все украшения и столовое серебро. Затем до четырёх часов ночи толклись околоточные, писали, допрашивали - точно описывали имущество за долги. Я подбирал мои рассыпанные письма, мысленно сочинил письмо Юргенсону за новыми деньгами, но огорчён не был. «Игрока» ведь не тронули! Мама была весьма расстроена.

2 января

Ликвидация вчерашнего беспорядка не позволила много сочинять. Маркиз объясняется с Алексеем. Собственно говоря, Алексею нужен материал из его предыдущего разговора с Генералом, а Маркизу - то же из реплик Генералу, а я почему-то пишу новую музыку.

Замечательный факт: перед Рождеством Башкиров возил меня к камергеру Семёнову, где «ясновидящая» девяти- или двенадцатилетняя девчонка гадала, глядя в стакан с водою и ещё с чем-то внутри. Наболтала кучу бледной каждодневщины (вроде: ваша невеста будет меньше вас ростом и темнее волосами... - все женщины меньше меня ростом и почти все темнее волосами !), но сказала и вот что:

- Вас обокрали?
- Нет.
- Ну так остерегайтесь: обкрадут.

Положительно акции Семёнова с его мещанским спиритизмом и «низшим духом», о котором он говорит, серьёзно повышаются.

Сегодня мама продолжает жаловаться на постигшее её огорчение. Я же демонстративно презираю гаденькую превратность судьбы и настроен весело.

Традиционная консерваторская вечеринка обращена в концерт с длинным антрактом. Я всегда бывал и любил их, но ныне совсем какая-то незнакомая публика, и вообще я определённо вырос из Консерватории. Скучно мне, положим, не было, ибо я находился в обществе принца и Элеоноры, которая играла. В артистической Зилоти приглашает Глазунова шестнадцатого к себе на новинки. Глазунов мнётся и отворачивается.

Я решил, выражаясь словами Демчинского, «позволить себе рискнуть опуститься до салонного пианиста» и выучить несколько пьес наизусть. Произошло это после того, как Демчинский, тщетно просивший сыграть меня (и то и сё, и

это) и получивший ответ, что не помню наизусть, воскликнул: «Да что же вы наконец умеете играть?» Поэтому я на праздниках повторил кое-что из Шопена и Грига и теперь доволен.

3 января

Принц[1], разжёгшись, что я сегодня не еду к нему обедать, напал на регулярность, с которой я работаю, говоря, что творить каждый день с десяти до часу нельзя, и в конце концов рассердил меня. Этот выпад - ответ на мои издевательства над его понедельниками. Но всё-таки я у него не обедал, а вечером был у Демчинского и играл в шахматы. Партия, можно сказать, была уже мною выиграна - и матч кончался бы в сухую: пять рядовых, результат совершенно необъясним, так как Демчинский отлично играет. Но я зевнул слона (чего уже давно не делывал) и проиграл. Теперь стоит *4—1.* После шахмат - длинный отвлечённый разговор.

Я повторю для моего салонного репертуара два этюда Шопена. Ясно, что занятия с органом (именно: возня с аппликатурой) развили мои четвёртый и пятый пальцы, так что 2-й Этюд Шопена вдруг пошёл с неожиданной беглостью.

4 января

Пусть Башкиров говорит что хочет про моё регулярное сочинительство, а сегодня сцена Маркиза с Алёшкой шла лихо вперёд и я почти у Бабуленьки. То-то славно.

Я не знал, что делать вечером, звонил Захарову, но он играть сегодня в бридж не может. Как вдруг получил от Зилоти гору партий «Алы» для корректуры. Я страшно рад слышать «Алу», ужасно рад, но корректура меня замучает.

В газетах прочёл, что швейцарской фирме «Гоппс» предъявлен иск. Я дико обрадовался, увидев знакомую фирму в газетах: ведь Алексей[2] говорит: и через шесть поколений солидная фирма «Гоппс» и компания. Итак, солидная фирма существует до сих пор и ей даже предъявлен иск!

Вчера с Демчинским советовался, как озаглавить четвёртую часть касательно Лоллия и его погони за Алой. Что-нибудь вроде Wanderung[3]. Демчинский придумал «Поход Лоллия». Очень хорошо.

5 января

Алексей с Маркизом положены в сторону и царят корректуры. Конкурс Малоземовой (для пианисток, окончивших Петроградскую консерваторию), на который я отправился, проверив всё, присланное Зилоти, оказался более интересным по публике, чем по составу конкурирующих. Боровский, приехавший в качестве представителя Московской консерватории для жюри, говорит, что ему из-за меня достаётся в Москве, ибо он меня пропагандирует и встречает противодействие. Седьмого февраля даёт свой концерт в Петрограде и играет моё «Скерцо» из Ор.12, как раз то самое, которое я никак не могу сыграть прилично. Говорит, что первое отделение его концерта будет состоять из русских неоклассиков: Глазунова, Метнера и меня. Познакомил меня с профессором Саратовской консерватории - Скляревским. Тот через две недели даёт у себя концерт из новых авторов и играет тоже моё «Скерцо» и «Гавот». Браво, я попал

[1] Прозвище Б.Н.Башкирова (Верина).

[2] В «Игроке» Достоевского.

[3] Странствие, путешествие (нем).

в Саратов! Дзбановский, горе-критик из «Вечернего времени», прогуливался со мной, тщательно держа меня под руку, поведал свой телефон и просил сообщить побольше про себя для помещения в музыкальном отделе его газеты. Всё это мило, а самым приятным оказалась Умненькая, die alte Liebe[4]. Я её так давно не видал и она сегодня была такая хорошенькая, что я даже опоздал на мой английский урок.

Завтра первая репетиция «Алы» со струнными. Я ужасно рад «Алочке». А затем, как-никак, со времён 2-го Концерта я два с половиной года не давал новинок и он всё же был моей самой передовой вещью.

«Симфоньетта» - лишь староновинка.

6 января

Идёт «Красная маска» Черепнина и «Ала», остальное пустяки. Таким образом, все репетиции делят Черепнин и я. Черепнин заявил: «Если бы мы оба были нахалами, мы бы рвали друг у друга время. Но так как мы оба будем деликатничать и стесняться друг друга, то оба недорепетируем».

Очень запутанно, но я скоро раскусил идею этой фразы: настроить меня на деликатный лад и сыграть на этой деликатности; результат первой репетиции: Черепнин имел 1 час 45 минут, я полчаса, причём Черепнин же имел обиженный вид, что он не всё успел сделать.

Так как Зилоти со своим переписчиком запаздывают, то у меня были партии только первых двух частей, правда, отлично переписанные и проверенные.

Я поступил, без сомнения, остроумно, начав со второй части, которую оркестр заиграл с бойкостью и даже с увлечением учил пассажи. Кое-что звучит преинтересно, и вообще кажется «Алочка» будет целым фейерверком. Первую часть оркестр играл отлично и лишь с флажолетами мы завязли. На этом дело и кончилось, так как срок репетиции истёк.

Хотя я репетировал полчаса, но так устал, что даже поспал дома. Ходил затем на конкурс, ничего хорошего не слыхал, да и публика сегодня стала хуже. Премию присудили лишь к девяти часам вечера какой-то Термен. Её никто не знал, все удивлённо расхаживали и говорили: «Да покажите мне эту Термен. Какая она хоть с виду?» Голубовской суждено аккуратно занимать второе место, никогда первое, но никогда и третье, уже третий конкурс подряд.

7 января

Я настроился корректировать партии остальных двух частей, но получил от Зилоти всего несколько тетрадок, а потому кстати докорректировал «Сарказмы» и отослал их в Москву. Вечером был на концерте из сочинений Гнесина (устраиваемый «Современником», с которым я в ссоре и на концертах которого не бывал). Весь Гнесин настроен в одну минорную нотку, которую не повышает и не понижает (ни трагизма, ни просветлений) и страшно утомляет, кроме того - всё тянет, ни одного быстрого темпа, но пишет музыку хорошую. Как хотелось бы взамен хоть один живой романс Стравинского! Отлично пел Алчевский. Это был бы самый настоящий Алексей: и голос хорош, и темперамента уйма, и нос у него такой задорный, но полноват Алчевский - массировать бы ему живот, что ли.

8 января

На генеральной репетиции ИРМО (я заставил себя рано встать и пойти на неё)

[4] Старая любовь (нем).

я с удовольствием внимал 1-й Симфонии Чайковского, которую почти не знаю. Что за прелесть первая часть! Боровский - отличный пианист и отличный музыкант - играл концерт Корсакова[5]. После репетиции мы с ним завтракали в «Астории» и провели приятные полтора часа в оживлённой беседе, ибо крайне с музыкальной точки зрения уважаем друг друга.

Затем Зилоти убил меня толстым портфелем с партиями, которые пришлось корректировать до ночи и всё же четвёртую часть не совсем докончил, ибо распухла голова.

9 января

Удалось настоять, чтобы сегодня было две репетиции: со струнными и с духовыми, которые происходили одновременно, одна в зале, другая в фойе. Со струнной репетицией прошло очень оживлённо и я вогнал скрипачей в пот, уча пассажи. Хуже было с флажолетами, которые пищали, детонировали. Многие смеялись, но я не обращал на это внимания. А когда иные возмущались или гримасничали, имея, например, до и видя до-диез у соседа, я давал объяснения вроде: «До-диез для лёгкости написан вам вместо ре-бемоль, голоса движутся малыми нонаккордами с задержанными терциями и пониженной квинтой». Из этого объяснения они ничего не понимали, но так как я всю тираду отчеканивал быстро и уверенно и каждый раз не задумываясь, когда бы не был задан вопрос, то они сразу замолкали, боясь признаться, что ничего не поняли.

В одиннадцать часов сделали антракт и переменились с Черепниным: он пришёл сюда, а я пошёл к духовым. Там было хуже, залёнок - крошка, гром страшный, сложнее музыка, чем у квартета, диссонансы звучат резче, гримасы сердитее, и я, становясь на точку зрения фаготов и валторн, даже смущался, что заставляю их играть такие неприятности. Кроме того, я с непривычки совсем замучился.

Придя домой, спал, читал «Сатирикон», ел мятные пряники и мало-помалу к вечеру отдохнул. Право, уже сердце устало, как у Коутса. Сегодня я его встретил после репетиции. С ним был сердечный припадок недели три назад от переутомления. Теперь он отошёл. Мы расцеловались - и вообще он восхитителен.

Вечером - празднество у Рузских, серебряная свадьба. Надел фрак и направился к ним, предварительно однако заглянув в ИРМО, где мы парой голубков сидели с Черепниным и слушали Боровского. Малько сказал: «Я хочу быть вашим антрепренёром и устроить ваш концерт. Надо этих «современников» ударить по носу, да и кроме того - что это вы целый сезон не играете!»

Мило, хотя мне немного лень. У Малько же должна быть и другая идея: его жена, Степанова, хочет петь мои романсы. Вот если кроме неё ещё Алчевского, тогда можно начать переговоры.

У Рузских - фраки, декольте, пир на весь мир и большое музыкальное отделение с вокальным и струнным квартетами и дуэтом Зилоти-Романовский. Оба квартета пристали ко мне, чтобы я им сочинил и такой квартет, и другой. Я немного сторонился Mlle Кишинской, зная, что её сестра - подруга Нины, и боясь каких- нибудь разговоров. Но узнав, что оная сестра сама недавно с кем-то сбежала, я к концу вечера довольно весело с ней беседовал и на надписи, сделанной ей пришедшим от неё в восторг нашим профессором Кедровым, наставил знаки вопроса перед всеми перечисленными её достоинствами, приписав вдобавок: «Но тем не менее вы довольно милы». Она пожала плечами.

Плясали плясуны, было много вина. Романовский - très grisé[6], - который всю

[5] Имеется ввиду Римский-Корсаков.

[6] Сильно выпивший (фр).

осень дулся на меня за то, что я ему шикал за 4-ю Сонату Скрябина, - когда я подошёл к нему чокнуться, выпил со мной «на ты». Меня это ужасно рассмешило, а у детей Зилоти произвело сенсацию. Да ещё кое-где произведёт сенсацию. В седьмом часу утра я не очень твёрдою ногою шёл пешком домой, слегка забавляясь своею нетвёрдостью.

10 января

Проснулся я в первом часу от злющей головной боли - от пьянства. Пил пирамидон, был несчастен и час гулял - стало лучше. Сегодня была небольшая репетиция с арфами, фортепиано и челестой, учреждённая Черепниным, которую я проспал. Я вчера на вечере спросил у Зилоти, можно ли не придти на неё.

- Нет, уж лучше приходите, - сказал Зилоти.
- А если просплю?
- Ну если проспите, тогда не приходите.

Глубокомысленно и справедливо.

Корректировал партии. Принц позвонил, у телефона - мама, он с нею беседовал, спросил, дома ли я, и узнав, что да, к телефону не пригласил, а поговорив с мамой, распрощался. Совсем от рук отбился, мальчишка. Но я ему задам перцу.

11 января

Моё вчерашнее отсутствие скомпрометировало мою аккуратность в глазах Зилоти и сегодня в девять часов утра он звонил мне, справляясь, встаю ли я, чтобы идти на репетицию. Сегодня был полный состав, за исключением некоторых ударных, фортепиано и других. Я опять начал со второй части и когда мы её после нескольких повторений не без блеска, хотя и через пень-колоду, доиграли до конца, то оркестр устроил мне небольшую овацию. Этого я совсем не ожидал, хотя конечно, вторая часть наиболее понятная, а на ритмические, бойко оканчивающиеся вещи, оркестр всегда падок. С первой половины первой части пошло, к удивлению, довольно хорошо, но вторая половина выходила плачевно, всё было m.forte, неуверенно и смутно. Третья часть была тоже сплошною грязью. Убедительно звучали лишь нижние страшные си в начале её. Но дальше ни поэзии, ни страхов не было, а средний взрыв - Чужбог, бросившийся ночью на прикованную Алу, - никак не звучал, так как тромбоны не играли forte. В «Походе Лоллия» оркестр смеялся, а «Шествие солнца» мы не успели пройти. Резюме репетиции: усталость и никакого впечатления от звучности.

Днём корректировал партию ударных, вечером играл в шахматы с Тюлиным - ничья.

12 января

Сегодня начинал репетицию я. Я насел на оркестр и так его «замурыжил», что когда потом пришёл Черепнин, оркестр еле играл. Был полный состав. Я начал с «Шествия Солнца». Кажется, будто недурно, ярко, хотя я ещё не совсем расслышал звучность. Кажется, флейты немного слишком орут наверху. Во время «Похода Лоллия» оркестр уже не смеялся. Не нравится мне ксилофон с трубой. Третья часть чуть-чуть пошла и из тромбонов я таки выжал зычные возгласы. Первая часть начинает совсем проясняться. Многое выходит премило. Во второй части я заставил Cass'у[7] и литавры начинать елико возможно сильнее, те разъярились и

[7] Cassa - барабан (ит).

закатили такой грохот, что их сосед, второй тромбонист, бледный, вскочил и закричал: «Я уйду!... Я уйду!... Я не могу выносить такого треску!» Вообще же, сегодня вторая часть прошла хуже, чем вчера. Репетицией я остался удовлетворён: сегодня в первый раз кое-что начало выходить и «Ала» проясняется.

В антракте меня окружили оркестровые музыканты и один из них говорил мне, что сплошные диссонансы так бьют его по нервам, что он совсем болен. Он спрашивал, зачем я так пишу, неужели это от души, а не плод напряжённых выдумок, как бы сделать пофальшивее. Я отвечал, что это только от души, иначе бы это не увлекало оркестр, как случилось, например, со второй частью. О диссонансах я сказал, что они мне необходимы для более сильного и нового выражения мыслей, все они основаны на логике и потому я спокойно уверен, что рано ли, поздно ли будут поняты и оценены.

- Если я вижу сейчас гримасы или смех, я на это не реагирую никак, те. кто смеются - не виноваты, ибо они ещё не уловили логику, когда же они уловят - может, после пятой репетиции, может, после пятого исполнения, то поймут их и оценят.

Я ещё много говорил, ссылаясь на историю, на учебники, на японскую музыку, наконец на то, что сидя в оркестре, трудно уловить общую идею и оттого кажется ещё непонятней. Музыкант слушал меня с интересом и иногда мои доводы встречали одобрительные возгласы. Молодой виолончелист Чернявский восторженными глазами глядел на меня и когда кто-то ему заметил, что он точно влюблённый, он сказал: «Это исторический разговор».

Днём поздравлял Таню Рузскую, откуда меня не выпускали, и я уже пропустил английский урок. Вечером сидел дома с дневником и кое-какими переделками в партиях.

Черепнин шутит, что уже публика готовится к шестнадцатому: по городу ходят особые кошкодавы, которые ловят и давят кошек, чтобы они успели хорошенько размякнуть к шестнадцатому, когда их применят к дерзким композиторам. Тухлые яйца поднялись в цене и лишь гнилые яблоки ещё остались в некотором количестве на Сенной...

13 января

Зилоти на репетиции не ходит, претендуя учить концерт Грига, и сегодня я извёлся до чёрта, так как рояля не оказалось, курьера, который заведует расстановкой, - тоже. Словом - беспорядок. Относительно самой репетиции впечатление очень смутное. Как будто начинает идти, а в то же время - совсем ещё не идёт. Доминирующим же чувством была усталость и положительно я слишком напрягаю сердце, когда увлекаюсь, и скоро испорчу его. Сегодня я еле отдышался. Ноты всё же как-будто выучили, но нет piano, нет тонкости и часто второстепенное мешает главному. Если вчера Черепнин ушёл недовольный репетицией, то сегодня я был усталый, неудовлетворённый и злой, хотя Зилоти и говорил, что звучит отлично. А когда многие в оркестре частным образом выражали своё негодование по поводу ужасающей музыки, которую им приходится играть, Зилоти сказал им: «Совершенно верно, я бы на вашем месте совсем не стал играть, так это ужасно, сидя в оркестре. А я вот слушал из зала - так выходит великолепно». Говорят, Черепнин, услышав эти слова, воскликнул, схватившись за голову: «Да ты с ума сошёл, ты подстрекаешь оркестр!!»

Вечером бриджили, а потом свернули на «макао»[8]. Раздели главного азартника, Борюсю, на сорок рублей. Я, весьма кстати, выиграл двадцать пять рублей, я ведь

[8] Карточная игра.

после кражи совсем нищий, а поди добейся денег от этого «Юдензона»[9]. В час ночи я всех вывел, ибо завтра рано репетиция.

14 января

Задача сегодняшней репетиции: добиться, чтобы было piano и forte, ибо в музыке уже более или менее разобрались. Сюиту я проиграл почти без остановок и, кажется, она совсем прояснилась. Правда pianissimo ещё нет, только piano, fortissimo нет, только forte, да и в самом деле, чёрт знает, что за тромбоны: комары, а не «звук-зычный», как пишет в своём учебнике Римский-Корсаков. Слушал Тюлин и в восторге. Предлагает переложить сюиту в четыре руки. Я знал его как «сокола»[10], потом как шахматиста, теперь оказывается он кончил Консерваторию по теории композиции и знает все мои сочинения. Пока решили, что он переложит «Симфониетту». Черепнин сказал, что трудно даже вообразить тот скачок, который я сделал в инструментовке. Особенные есть удачи в piano. Форты более ординарны. По музыке же он нашёл, что эта вещь во многих местах менее самодавлеюща, чем другие мои сочинения, в ней есть «дягилевщина» и «стравинщина». Приняв во внимание, что Черепнин с ними теперь en froid[11], можно предположить, что будь он с ними по старому в дружбе, это означало бы похвалу. Но пикантней всего то, что когда я в Милане сыграл наброски «Похода Лоллия» Стравинскому, то он с Дягилевым сказали: «Знаете, 2-й Концерт лучше, а здесь... как бы вам сказать... есть что-то черепнинское...».

Я люблю бывать на «четвергах» у Бенуа и сегодня провёл там пару приятных часов, удрав полдвенадцатого ввиду завтрашней репетиции.

Сегодня годовщина моего решения жениться на Нине. Также сегодня и её именины. Как я смотрю на прошлый год? Пожалуй, как на интересную сказку. Я был, конечно, храбр. Нина - притягательна. Сейчас я снова убеждённый холостяк, но выгори вся история, было бы, конечно, мило. Возвращаясь от Бенуа, я встретил Умненькую и проводил её до дому.

15 января

Répétition générale[12]. Бенуа, Коутс, Малько, Штейнберг, Штейман, Вальтер, Нурок, сёстры Дамские, мама, тётки.

Я держал спич к тромбонам с просьбой играть во всю силу. Пьеса шла без остановок и была сыграна совсем недурно. Как ни так - восьмая репетиция. По окончании часть оркестра аплодировала, десятка полтора в оркестре шикало, а другие укоризненно останавливали протестантов: «Ну перестаньте же, не надо...». Зилоти был в полном восторге, бегал по залу и говорил: «По морде! По морде!», - что означало, что этой пьесой я дам публике по морде.

Когда за пульт встал Черепнин, а я прошёл в зал, меня с двух сторон обсели Зилоти и Коутс и принялись:

Зилоти: - Всё, что ни напишете, всё сыграю...

Коутс: - Всё, что ни напишете, сейчас же поставим...

Зилоти: - Что у вас есть для будущего сезона?

Коутс: - В каком положении опера?

Зилоти: - Такого оркестрища ни для кого собирать не буду, а вам - если надо

[9] Юргенсона.

[10] Т.е. посещавшего спортивное общество «Сокол».

[11] В прохладных отношениях (фр).

[12] Генеральная репетиция (фр).

полтораста - пожалуйте, полтораста.

Малько был очень доволен, Нурок - в восторге, Бенуа тоже, Штейнберг ругался, Вальтер, благожелательный, но ничего не понявший, имел сконфуженный вид. Я представил Коутса маме и познакомил его с Элеонорой, которая от него без ума.

Вечером был у Демчинского, играл в шахматы и получил разнос как никогда. Демчинский не выдержал и посетил последний «понедельник» Башкирова, который назвал «переложением евангелия на две балалайки, из которых одна - Борис Верин, а другая - камергер Семёнов».

16 января

Я так привык каждое утро ходить на репетицию, что сегодня как-то странно без неё.

Перед концертом диктовал про себя рецензию, ибо Дзбановский, рецензент из «Вечернего времени», страшный пень, хоть и любезный, по болезни не мог быть в концерте и просил дать ему сведения про сюиту и откровенно сказать, что заслуживает в ней внимания. Паршивец Юргенсон прислал лаконичное до невежливости письмо с сообщением, что аванса не будет. Сегодня же с Оссовским подниму вопрос о Российском Музыкальном Издательстве.

Приехав в Мариинский театр, чувствовал себя превосходно, поговорил с литаврами и кессой, прося начать вторую часть как можно громче, и не без удовольствия вышел на моё дирижёрское место. В зале захлопали. Я обернулся поклониться. Публика поспешно усаживалась на места, было полно. В первом ряду я увидел Принца. Интересовал меня и вопрос, здесь ли Мещерская. Я знал, что они абонированы в пятом ряду слева. Ведь год назад сегодня я делал Нине предложение! Сюита началась весело и пошла хорошо. После замирания первой части в публике молчание. Вторая часть начинается диким взрывом барабанов, которые однако, к сожалению, и потом играют громковато. Как ни так, кожа на литаврах прорвана и потом Зилоти хотел мне подарить её на память. За «Пляску» довольно оживлённо аплодировали. Я и даже оркестр довольны и некоторое время стараемся отдышаться. «Ночь» проходит мило, хотя не совсем тонко, успех маленький. «Поход Лоллия» проходит оживлённо, «Солнце» заливает звуками - я очень доволен. В зале шикание и аплодисменты. Я ухожу, но сейчас же возвращаюсь и снова кланяюсь, благодарю концертмейстера за труды оркестра. В конце первых скрипок кто-то с бешенством шикает. Чернявский бросается к нему и пытается унять. Жму ему руку и иду в артистическую к Зилоти. Тот показывает мне на два венка (от Рузских и Гессенов, особенно мне польстил последний), и сообщил, что по каким-то причинам не велел мне их подавать (свинство!). Выхожу кланяться на авансцену. Весь зал сверху донизу в движении: все кричат, хлопают и громко шипят. Я выхожу несколько раз.

За кулисами появляется Коутс и горячо поздравляет. Затем Асланов сообщает, что Глазунов во время «Шествия Солнца» демонстративно покинул зал. А я-то днём ещё заехал в Консерваторию пригласить его посетить концерт. В нашей ложе, куда я отправился из артистической, сидели: мама, Элеонора. Асафьев, Малько и Мясковский, утром приехавший из Ревеля специально ради «Алы» и уезжавший завтра обратно. Он немного ошалел от пьесы, но был доволен. Нурок и Нувель признались, что действительно они ничего не поняли, когда я им наигрывал эскизы этого балета прошлой зимой. Особенно был счастлив старик Нурок. Демчинскому понравилось не всё, а его жене всё не понравилось. После концерта я ужинал с Зилоти. С Оссовским разговоры о Российском Музыкальном Издательстве, там новый устав: если уж приглашать композитора, то приглашать целиком. «И если вы меня уполномачиваете, то я в ближайшем заседании на Масленице поставлю

на очередь вопрос о вас». Великолепно, к чёрту Юргенсона. Зилоти расспрашивал о пьесах для будущего сезона - пока только «Осеннее». Но я заявил о целом ряде фортепианных, вокальных и камерных вещах - для камерного вечера. Зилоти очень горячо отнёсся к этому и сказал, что его надо устроить не осенью, но даже теперь. Довольно долго говорили об участвующих, особенно желателен Алчевский, затем Попова, Белоусов.

17 - 24 января

Много рецензий, похвалы у Гессена, нежности у Рузских, мирные сношения у Бориса Николаевича, а вообще утомление от усиленной работы предыдущей недели. Утра три работал над Бабуленькой, которая сочинялась с восхитительной лёгкостью. Несомненно, от неё пахнёт Русью-матушкой, когда она появится в своих креслах на сцене. У Зилоти, в ответ на приглашение Mme посещать их запросто, я был с визитом. Все чрезвычайно милы и просят приходить завтракать, обедать и прочее.

Был на вечере «Современника», где исполнялись сочинения Обухова, который «переплюнул самого Прокофьева». Эффект в зале был похожим на первое исполнение в России Шёнберга (мной лет пять назад на «Вечерах современной музыки»[13]): громко смеялись, выходили, шаркая ногами, из зала и прочее. По окончании концерта мне буквально оборвали руки, дёргая за них и спрашивая: «Ну, а ваше мнение?» А моё мнение было такое: интересные изобретения в гармонии, но тематически - бедно и даже ординарно, отрывочно и безжизненно. Всё я прощу, но последнее - весьма печальный симптом.

25 января

Был вечером у Рауш фон Траубенберга, моего старинного приятеля по Шахматному собранию. Затем он стрелялся, потом женился и уехал в провинцию, теперь вернулся в столицу и усиленно приглашает к себе. Сегодня были именины у его жены, весьма очаровательной и бойкой дамы, певицы. Были хорошенькие лица и вообще очень мило.

26 января

Занятия у Гандшина я проспал.

Мамины именины, но она по случаю войны и дороговизны их не признаёт. Родственники, а потом Борис Николаевич. Он приехал от своего Лотина, проповедника и магнетизёра, у которого по вторникам бывают беседы. Зовёт меня поехать на одну из бесед. На моё возражение, что ведь Лотин нашёл в моей «Але» инфернальность, а стало быть мне и не место в доме Лотина, Борис Николаевич возразил, что он уже имеет для меня разрешение от него после рекомендации, что, хотя я мистикой и не увлекаюсь, но человек кристальной души. Вот как меня рекомендует наш друг Верин.

27 января

Бабуленька, а затем Мариинский театр с генеральной репетицией «Метели», смертной тоски сановного автора и такой скуки, что даже возмущаться не хочется.

Сувчинский, с которым восстановились дружеские реляции, говорит:

[13] Это было в июне 1911 года.

- Надеюсь, Сергей Сергеевич, что вы нам дадите романс для будущего сезона.

Тут наступила минута возмездия и я ответил:

- Но едва ли они будут для вас интересны после того, как их только что исполнит Зилоти.

Сувчинский омрачился:

- Он устраивает вам вечер? -Да.

Однако Сувчинский сохранил доброжелательный тон и сказал, что он не советует одного: чтобы пела Жеребцова-Андреева. Конечно, моё желание - Попова и Алчевский. Попова уже заинтересовалась моими романсами, но ведь гвоздь в Алчевском, а он в Москве и мы ждём его - и тогда будем ставить на ноги концерт.

28 января

Вчера Захаров настоял, чтобы я устроил бридж, который затем перешёл на «макаошку» и в результате меня облапошили на сорок пять рублей. Это при моей- то бедности! С нетерпением жду, когда я получу деньги либо от Зилоти за концерт, либо от РМИ, если Оссовский сладит дельце. О, какая фаланга хлынет у меня тогда в издательство!: 2-й Концерт, «Симфоньетта», «Сны», «Осеннее», «Скифская сюита», «Утёнок», семь романсов, а следом: «Игрок», «Маддалена» и балет. Недурно!

Кончил второй акт, иду на три дня впереди проекта. Впрочем, надо ещё заполнить две дырки.

29 января

Гандшин предупредил меня, что весной у меня будет огромный экзамен. Пикантно. Затем он сделал вроде замечания, сказав, что не желал бы, чтобы я без особой причины пропускал уроки.

Сделал вторую корректуру «Сарказмов» и нашёл мало ошибок. Я, по-видимому, научился внимательно и исчерпывающе корректировать.

Был в «Соколе», который из-за «Алы» не посещал целый месяц.

Затем отправился к Борису Николаевичу, который жаловался на болезнь и просил непременно приехать поговорить и посоветовать в чём-то. Кроме того, моё присутствие, оказывается, всегда его исцеляет. Дело оказалось такое: самарский брат прислал ему в подарок пятьдесят тысяч (я её повертел в руках, небольшую пачку довольно невзрачных акций). Так вот: принимать или не принимать? Жест ли это братской любви или желание пофорсить своими миллионами? Принц говорит, что он уже хотел было отказаться, но мать пришла в такой ужас, что он теперь не знает, как быть - и теперь всецело полагается на моё мнение.

Подумав, я сказал, что. в конце концов, надо взять, чтобы не дразнить гусей, а в письме написать брату, что впредь Борис Николаевич желал бы большего проявления духовных чувств, а не акционерных.

30 января

Так как трамваи нынче чёртовы, извозчики - чёртовы, такси не дозовёшься, а башкировский автомобиль сломан, то я ночевал у Принца, не выспался, так как Борис Николаевич благим матом декламировал своей сестре стихи до четырёх часов ночи, и лишь в первом часу вернулся домой. Однако кое-какие кусочки во втором акте сделал. Из-за трамваев же не попадает ко мне и англичанка, а жаль.

Вечером в первый раз выступал Бэнэбэ[14], но я всё же пошёл на концерт Зилоти, очень интересна программа, ну да и просто на людей посмотреть и себя показать после «алового» скандала.

Каль: «Чертовски талантливо, чертовски талантливо! Но скажите, это, конечно, между нами, тут так-таки ни капельки нет глумления над публикой?» Я ответил, что за такое удовольствие пришлось бы слишком дорого расплачиваться впоследствии. Моё же честное прошлое может служить ему гарантией, что он ошибается.

В антракте, переходя через зал, я издали заметил Нину, она вызывающе сидела на ручке кресла и разговаривала с каким-то студентом. Проходя мимо, я, конечно, смотрел в другую сторону. Была ли она на «Але» или были лишь сестра и мать - я так и не знаю.

Играли: бледноватую, хотя не лишённую интереса «Валиснерию», вещь Губенко, бездарную «Принцессу Мален» Штейнберга и прелестную «Испанскую рапсодию» Равеля. Мне положительно начинают нравиться французы, а ещё прошлой весной, в Риме, после горячих убеждений Дягилева я пытался, но не мог принять их, мне они казались всплесками без содержания и изящества, без глубины.

Коутс мил и целовался со мной раз пять.

31 января

В «Игроке» заполнил пропуски.

Был на ученическом концерте. Анна Григорьевна обласкала меня сладкой улыбкой, на которую последовал холодный поклон. На заседании «Медного всадника», который ныне решительно принялся за самоустройство и в правление которого я выбран, обсуждали открытие клуба через посредство концерта на Масленицу, в котором примут участие члены-авторы.

Обедал у Гессена с модным Лакиардопуло, только что проехавшим Германию и Австрию и нашумевшим своими статьями. Скромный чёрненький молодой человек. А вообще я чрезвычайно люблю бывать у Гессена, всегда наслушаешься самых последних новостей. Сазонов, по словам Гессена, интересовался моей музыкой, слышал (кажется «Симфоньетту»), но не особенно удовлетворён.

1 февраля

Сегодня, в прошлом году, я выбыл в Италию. Вообще выходит, что прошлый год был довольно ярким, если в памяти столько годовщин.

Звонил барон Дризен. Года три назад у них был «Старинный театр». Теперь он возобновил свои функции. Я приглашаюсь в деятели. Другие: Городецкий, Бенуа, Рерих, Яковлев. Последнее время меня всё в комитеты да в комитеты.

Вечером был у Элеоноры. Она начала учиться английскому у моей англичанки. А я сегодня начал учить её итальянскому (ровно на год позднее, чем сам начал учиться). Интересно, что она скорее выучит, кстати и я приведу в порядок мои итальянские познания.

2 февраля

Начал третий акт, который хлынул с горячей безудержностью. Этот акт - короткий и ужасно интересный. Особенно восхитительно будет место с проигравшей Бабуленькой. Хотя я начинаю сочинять не очень рано, часов в

[14] Б(орис) Н(иколаевич) Б(ашкиров).

одиннадцать, но сегодня проработал до трёх и завтракал лишь в три, а затем гулял.

3 февраля

Сегодня шло хуже. Даже в утреннее время поигрывал «Сарказмы». Господи, да когда же этот Алчевский вернётся из Москвы, ведь надо же налаживать концерт.

Играл на органе и заходил на репетицию «Царской невесты». Теперь вместо Палечека - Ершов, который работает с кипучестью и не без скандалов.

В пять часов у меня заседало правление «Медного всадника» на тему о первом литературно-музыкальном вечере. Затем заехал за мной Б.Н. и увёз меня к себе есть блины, мною ему заказанные. Говорит, что Лотин в последней беседе коснулся «Алы и Лоллия» и обвинял талантливого автора, который талант свой устремляет на описание дьявольщины и тем смущает людей, вместо того, чтобы посредством музыки - этого дивного языка - уносить в высшие планы. Я возразил Принцу, что Лотин узок в своих суждениях, ибо что убедительней: заповедь «не убий» или распростёртый человек с разможжённым черепом?

4 февраля

«Игрок», который шёл сегодня оживлённей, чем вчера. Днём орган, после которого завернул на репетицию «Царской невесты» и поучал Элеонору итальянскому (!).

Я не знаю, что мне делать с Таней Рузской: второе письмо из Киева. И пишет глупости.

5 февраля

Был вечером у Коутса в его милом и комфортабельном деревянном домике на 21-й линии. Он пригласил меня, чтобы сыграть мне свою оперу «Ашурбанипал». В первой половине оперы было много целотонщины в смысле построения аккордов и последовательностей, но вторая половина была совсем занятна, хотя вынести точное суждение я не решаюсь, ибо шести- и восьмиголосные гармонии, на которых сплошь построена вся вещь, не дают возможности сразу ориентироваться, особенно после фортепианного исполнения, в котором нельзя было сыграть и половины написанного. Я указал Коутсу на целотонные построения, как на большой грех, могущий испортить всю оперу. Коутс ответил, что он и сам этим тяготится. Сказал, что примется за исправления и просил меня через некоторое время приехать послушать переделки.

Познакомился я с Бальмонтом, который запросто, в замусоленном пиджачке, пришёл к Коутсу и скоро был выгнан в другую комнату, так как своим разговором мешал играть оперу. Бальмонт переводит текст «Ашурбанипала» на русский язык, так как Коутс писал на немецком. За чаем, который был сервирован в полутёмной комнате за низеньким столом, окружённом глубокими креслами, Бальмонт весьма мило распространялся о своих возлюбленных Маори и Самоа, о которых он теперь читает лекции, а уходя спросил у меня, я ли та «надежда русской музыки», о которой он слышал. Я сообщил ему, что у меня есть два романса на его слова, и с большим восторгом отозвался о чудесном мечтательном стихотворении «Есть иные планеты». Бальмонт согласился, что это одно из лучших его стихотворений, и просил наиграть романс. Я однако плохо помнил его наизусть, да и без слов это не то, Бальмонт, по-видимому, ничего не понял, хотя и похвалил. В том, что я написал ещё два женских хора, его заинтересовал женский хор с оркестром, но к стихам он отнёсся более равнодушно.

11 февраля

Что-то мой «Игрок» идёт хуже. Я рассчитывал, что третий акт проскочит ещё живее, чем второй, но, по-видимому, нельзя всю оперу промчать одним духом.

Обедал у Гессена, с которым мы сегодня по телефону наговорили кучу любезностей. Обедал и Боровский, господин профессор Московской консерватории. У Гессенов всегда очень мило и куча новостей. Вечером был у барона Дризена на заседании «Старого театра». Никого из поименованных grand-maître'ов[15] (Бенуа, Рерих и прочие) не было, но всё же довольно интересно рассуждали, хотя меня сковывала безудержная скука, когда застревали в глубине веков. Впрочем, декорации одной итальянской пьесы привели меня в восторг: на правой стороне сцены Иерусалим, а на левой - Лион, посередине море. Недурно?! Сюжетик для оперы.

7 февраля

И хочется сочинять, и не хочется. Уехать бы на некоторое время!

Днём длинное, но очень милое заседание «Медного всадника». Меня заставили писать статью о музыке для выпускаемого «Всадником» альманаха, и непременно заносисто, а мне нечего ругать. Я так занят моими собственными работами, что не вникаю всем существом в остальную музыкальную жизнь! Она проходит мимо меня как очаровательная картина, но я не переживаю её так страстно, как иной музыкант, лишённый своего творчества. Можно быть большим ценителем женщин, но влюблённым в собственную жену, и тогда хоть и смотреть на других красавиц с удовольствием и глазом знатока, но не особенно тревожиться о них. А от меня «Всадник» хочет, чтобы я встревожил и раскатал.

Вечером концерт Боровского, который с каждым годом играет лучше и лучше, а теперь стал прямо замечательным пианистом. Моё «Скерцо» Op.12, которое, кстати, у меня никогда особенно хорошо не удавалось, он сыграл со скоростью, которая меня даже испугала, так как я думал, что он сорвётся. Но он одолевал одну трудность за другой и хотя чуточку скомкал конец, но ветром долетел до последней ноты, вызвав бурю аплодисментов в зале.

Когда играют мои вещи, меня всегда пробирает дрожь, главным образом потому, что потом будут вызывать, весь зал на вас обёртывается, улыбаясь рассматривает, надо долго идти на эстраду и т.д. Собственно говоря, глупо волноваться, это ведь очень приятно. Кричали автора и сегодня, но пользуясь тем, что аплодисменты пересиливали крики и кроме того несколько раз выходил Боровский, я остался на месте.

Год назад я играл это «Скерцо» в концерте «Современника», и теперь, подойдя к Сувчинскому, с которым у нас восстановились дружеские сношения, я сказал: «Ну, Пётр Петрович, извините, у вас я играл хуже этого». А Гессен был в диком восторге и говорил, что я этим «Скерцо» сегодня покорил Милюкова, который до сих пор был против моей музыки. Словом, кадетская партия на моей стороне.

После концерта ко мне подошла сестрёнка Боровского и сказала, что хотя она не знает, знакомы мы или нет (я ей не кланялся, считая её заносчивой девчонкой), но надеется, что я не откажу приехать к ним после концерта на чашку чая. И хотя меня усиленно тащил к себе Борис Верин, который задыхался от восторга на тему о «Скерцо», я отправился к Боровским.

Было пикантно, когда я, подойдя к группе дам и поздоровавшись с ними, поздоровался и со стоявшей рядом Бушен. Она сначала растерялась, потом, видя,

[15] Великих мастеров (фр).

что можно протянуть руку, протянула её и крепко пожала мою. Две маленькие сестры Боровские были ошеломляюще любезны.

Действительно, сегодня Боровский играл замечательно, особенно 4-ю Сонату Скрябина. Я очень рад, что в сентябре шикал за неё Романовскому, вот уже без понимания-то отдубасил!

8 февраля

«Игроком» почти не занимался, а пошёл на генеральную репетицию учебного спектакля «Царская невеста». Лет пять назад она шла и в «мою бытность», и я, хоть сам не дирижировал, но деятельно участвовал в её постановке. Дранишников выдвигается, отлично дирижируя. Ершов невероятно играет на популярность у учеников и отчаянно орёт на всё начальство, Черепнина-то мне жалко, а Глазунову, Лаврову и прочим - так и надо. Мы сидели: Элеонора, Шапиро и я. Шапиро мне очень нравится.

Бутомо-Названова будет петь в Москве «Утёнка», куда отправилась с аккомпанирующим ей Каратыгиным. Перетранспонировала его на тон ниже и сегодня я слушал. Эффект от транспонировки необычайный, созвучия совершенно непривычные и я некоторые места слушал прямо за чужую музыку. И я, может быть, в этот момент понимал, какими кажутся мои вещи для тех. кто слушает их в первый раз и затем смущается необычайностью сочетаний.

Забавно вышло, когда сел я проаккомпанировать Бутоме «Утёнка» и ужасно врал, играя в транспонименте, а затем в самом шикарном месте перескочил в настоящую, родную тональность и певица остановилась с недоумевающим восклицанием: «Что это как стало высоко?»

9 февраля

Handschin, а потом с Боровским завтракали в «Астории». Мы положили каждый его приезд завтракать в «Астории». Я так редко суюсь в шикарные общественные места, что это мне доставило большое удовольствие. Кроме того, с Боровским всегда много о чём можно поговорить, а он очень внимательно прислушивается к тому, что я говорю про его исполнение. Кстати, в этот раз в глазуновской сонате я его поймал за неверный бас.

10 февраля

Масса возбуждения и восклицаний по поводу вновь открывшейся Государственной Думы.

«Игрок» совсем ни к чёрту не идёт.

Решительно положил его в сторону и принялся за приведение в порядок клавира 2-го Концерта на случай, если РМИ начнёт меня печатать. Я теперь определённо и очень горячо хочу туда попасть. Очень уж приятно двинуть в печать всю мою фалангу.

Вечер провёл у Б.Н. Его больной лицевой нерв, по его словам, проходит от моего присутствия. «Икс-лучи» - говорит Принц. Он мне, между прочим, на концерте Боровского вручил сто рублей, «внутренний заём», ибо денег у меня нет, а получения - от РМИ, буде таковое меня пригласит, или от Зилоти, буде концерт состоится, - раньше, как через месяц, не предвидятся. Я совсем не хочу одалживаться у Б.Н., но когда я ему, глядя на перебираемые им деньги, небрежно бросил: «Ах вот, дайте-ка мне на время сто рублей, а то меня раздели в «макао» - он был, кажется, искренне счастлив.

11 февраля

В десять часов утра - великолепная телеграмма.

Во-первых, откуда? Из Чикаго. А затем пожалуйте: Дягилев за балет присылает полторы тысячи рублей. Вот уж с неба благодать! Я про Дягилева забыл и думать, решив, что деньги в лучшем случае получу после войны. И вдруг, на бездождье да потоп. Стало быть, Дягилев серьёзно схватился за мой балет, раз отваливает такие куши, а засим-с, милостивые государи, я теперь-с богач, я, право, нисколько не беднее башкировского самарского брата с его двадцатимиллионным состоянием. Свыше пятисот рублей я никогда на руки не получал, и вдруг полторы тысячи. Превосходно.

Я не мог воздержаться, чтобы не пофорсить телеграммой вечером на концерте «Современника». Сам концерт - скучноватисто-кислый, нас мариновали Акименкой, Юлией Вейсберг и прочими, а этот сукин кот Захаров опять не выучил 2-ю Сонату НЯМ'а[16]. Оссовский поздравлял с дягилевской телеграммой, а про РМИ сказал, что он уже беседовал обо мне с господами Рахманиновым и Кусевицким. Кусевицкий сказал: «Ну что же, обсудим», а что сказал Рахманинов, Оссовский не сообщил. Я нахожу симптомы не из лучших. А в это издательство я определённо хочу попасть.

17 февраля

Ну вот, чуть лишь отвернёшься от дневника, как неделя и проскочит.

Из руководящих впечатлений этих дней отмечаю следующие: во-первых, приятно сознание, что балет мой на твёрдом пути и что я - богатый человек, впрочем, полторы тысячи мне принесли только вчера. Я с шиком отдал маме двести рублей, отдам Принцу сто - вообще же руки чешутся сорить деньгами. Во-вторых, началась «поэза» с Алей П.. это прелесть какая дуся, а слово «хорошо» она говорит совсем как Макс: с увлечением, немного в нос и прокатывая букву «р».

Живее пошёл и «Игрок». Я сегодня играл первый акт, он сильно разнится от третьего, но какой подкупающий, ах прелесть. Я напрасно думал, что лучшее место - Бабуленька, пожалуй, и первый акт ей не уступит.

А какую прелестную оперу можно написать на гоголевскую «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Самая разительная поэзия бывает в те моменты, когда отрываешься от обыденщины. Так вот, среди обыденщины ссоры этих двух господ, какие чудные картинки Малороссии можно набросать!

18 февраля

Вчера вечером отправился к Принцу, выиграл матч в партии у Демчинского, а с нею и матч (ура: 5-2, великолепный результат) - и за поздним временем остался ночевать. Сегодня утром опять уселись играть в шахматы, затем он приехал ко мне и у меня снова были шахматы. Таким образом - «шахматные сутки».

19 февраля

Немного голова болела.

Крестины у Эрасмус. Очень милы, но вообще ничего особенного, удрал с обеда в «Сокол».

[16] Н(иколай) Я(ковлевич) М(ясковский).

20 февраля

Опять голова. Ходил пешком на Острова, благо ослепительное, столь любимое мною, солнце. Оно и лекарство разогнали боль.

Алчевский приехал и Зилоти с ним переговорил. Алчевский выразил желание познакомиться с моими романсами. Алчевский через неделю мне об этом позвонит. Зилоти советует устроить концерт осенью, чтобы его теперь не скомкать. Мне немного досадно, но, конечно, осенью лучше, я с того и начал разговоры с Зилоти, а то он сам заспешил на весну.

Я спросил Зилоти, как быть с «Игроком», ибо, по газетам, на первой неделе поста предполагается обсуждение репертуара дирекцией Мариинского театра. Зилоти справился, сколько у меня готово и, узнав, что два с половиной акта из четырёх, сказал, что будет на эту тему звонить Теляковскому. Великолепно, очень пикантно: я вступаю в Мариинский театр.

Обедал у Сосницкого, вице-председателя нашего заглохшего на время войны Шахматного Собрания. В крошечной его квартире были вкусные блины, масса вина, пьяная компания из шахматистов и сотрудников «Нового времени». Велихов, дубина, хотя и член Государственной Думы, пел скабрезные песенки, а я обыграл в шахматы Левина, одного из сильнейших игроков Петрограда. Когда я, по просьбе некоторых, сел за пианино и сыграл несколько пустячков, то Юрий Беляев, автор «Псиши», сидевший рядом и, по-видимому, совсем не знавший о моих заслугах, ласково приговаривал: «Очень мило играете, очень мило, только ради Бога не изображайте из себя таланта». Последнее касалось моего замечания: «Ах, как там галдят в столовой».

21 февраля

Теляковский, демонстрация, - так надо привести в порядок первый акт. У меня есть маленькое оркестровое вступление, в которое я влюблён, но самая первая сцена совсем не написана, ибо осенью я начал сочинять оперу с рассказа Алексея о добродетельном фатере, самая же первая сцена до сих пор ещё не совсем выяснилась, ибо она не отвечает моему тезису: начать оперу сразу с самого интересного. Впрочем, если нет обуха по голове, то всё же интересно и живо – и сегодня я начал работать.

Вечером - концерт Элеоноры. Назначила двойные цены и собрала полный зал. Конечно, играет она очень недурно, но концерт, по-моему, несколько преждевременен. Среди программы мой «Прелюд» Op.12, сыгран хорошо, с большим успехом и криками «автора», но автор не выходил.

После концерта у Элеоноры был ужин. Я. кажется, очень огорчил её, уехав к Гессенам. От дома Прокофьевых, впрочем, представительствовала мама, которую очень приглашали и которая была там в первый раз.

У Гессена Каратыгин воскликнул: «А, вот у нас и рецензия про сегодняшний концерт будет!» Я охотно согласился написать таковую. Не будь я композитор, я, конечно, мог бы быть пребойким критиком.

Бутомо рассказала про удачу с московским исполнением «Утёнка» и про Кусевицкого, сказавшего: «Я потрясён». Я смеялся и отвечал, что когда я сыграл ему мой 1-й Концерт, то он был не только потрясён, но в «эк-ста-ти-че-ском состоянии», однако это ему не помешало отрицать в дальнейшем мою музыку (и в самом деле, с тех пор он как в воду канул по отношению ко же).

Александр Бенуа был сегодня обворожителен, а Полоцкая-Емцова говорила мне дерзости.

11 февраля

Вечером был у Б.Н. и кончил с ним шахматный матч +10-1=2, результат для него весьма плачевный! Демчинский заявил, что «искания без горения и творчество без исканий» вызывают в нём негодование и поэтому он сегодня не придёт к Принцу, а если бы пришёл, то начал его жестоко громить.

23 февраля

Гандшин. English. «Сокол».

24 февраля

Сегодня, наконец, состоялась поездка в Териоки.
В Териоках белый снег и вкусный воздух.

25 февраля

Катались в Тюрисяви и на Щучье озеро, обедать ездили в Белоостров. Садясь в поезд для обратного следования в Териоки, натолкнулся на Цецилию и Эльфриду Ганзен, ехавших в Выборг концертировать. Я стремительно поздоровался и исчез, вызвав гневные возгласы, что можно было бы снимать хоть перчатку, когда здороваешься.

26 февраля

Встали в девять и под ослепительным солнцем отправились из Териок в Петроград. Я был очень доволен.
Дома сразу докончил ту часть первого акта, которая ещё не была связана с рассказом о добродетельном фатере. Сегодня я обещал проиграть Коутсу первый и второй акт, но свидание отменилось, так как Коутс завтра дирижирует «новой оперой - «Онегиным» и просит дать ему поучить партитуру.
Мадам Винклер, та самая, которая летом мне поставляла в Зет пианино, а вообще продаёт мой старый рояль, сообщает, что есть покупатель за 525 рублей. Отлично. Опять сумма, о которой я забыл и думать. Это кстати, а то я сообразил, что дягилевского гонорара мне хватит лишь до первого июня.

27 февраля

Третий акт «Игрока» движется недурно, что значит освежился.
Обедать сегодня я был приглашён к Черепнину, каковое приглашение уже давно мне было передано сначала мамашей, потом сыном. Я весьма был смущён, когда, прийдя в смокинге в семь часов, застал семью, скромно кончающей будничный обед. Кто напутал, они или я - не знаю, я готов голову дать на отрез, что они, потому что отлично помню, как меня приглашали, но вышло, что у них сегодня не обед, а вечер. Я быстро сориентировался и сообщил, что только что обедал, а пришёл спозаранку, чтобы послушать сочинения сына. Он долго ломался, но сыграл, и сквозь кучу самого наимоднейшего рамплисажа и обрывочностей фраз сквозили иногда преинтересные места. Этот Саша и его друг, сын Бенуа, сегодня демонстрировали целую выставку собственных картин, иногда интересных и остроумных. Было весело, чему много способствовал Черепнин-pere и Александр Бенуа. Последний же передал приглашение «запросто» к французскому послу

Mr. Палеологу. Итак, посол №2, летом Карнеевы затаскивали меня к китайскому.

28 февраля

Вчерашним вечером я остался всё же недоволен и вот почему: были там Оссовские, он ничего мне не сказал, она тоже ничего, но разговаривая с нею я узнал, что он на днях вернулся из Москвы. Стало быть, в заседании РМИ он был и должен был поднять вопрос обо мне. Раз не говорит - значит сражение проиграно. Вот тебе и «фаланга». Стало быть, теперь опять неизвестно, когда и что у меня будет издано. Очень не хочется мне продаваться Юргенсону, да и весьма мы с ним поругались.

Сегодня в «Игроке» кончил первую половину второго акта: Алексей остался один. Теперь его горячий монолог, сцена с Полиной, Бабуленька, которую я предвкушаю, и генеральский финал.

Были с визитом сёстры Дамские в ответ на мамино посещение после концерта. Обедал у Бориса Николаевича, у которого был с удовольствием. Заезжали с ним к доктору Ижевскому, который лечил болезнь его лицевого нерва целым рядом сложных электрических машин. Его сажали в клетку, по которой пускали ток. Доктор Ижевский говорит, что это делает чудеса в смысле питания и восстановления нервов. Когда мы вернулись к нему домой, Б.Н. очень разъярился на шахматы, но был бит «как барабан в «Але и Лоллии».

29 февраля

Вечером был у Элеоноры: необходимо, чтобы она устроила место для Кати Шмидтгоф в Москве, а то эта последняя разругалась с тёткой и должна зарабатывать себе хлеб. К Элеоноре прислал автомобиль Принц, умоляя меня приехать и разгромить в шахматы Солнышко, его кузена, бездарного шахматного психопата, которому нет более нелепого прозвища, чем Солнышко. Играет в шахматы он, впрочем, довольно крепко, но я показал высокую марку и выиграл у него две хороших партии, приговаривая, когда он погибал: «Слабит легко и безболезненно», - что из газетной рекламы про пилюли «Ара». А Б.Н., который восклицал, что «это одно сладострастие глядеть на проигравшего Женечку», говорил ему: «Ну какое ты Солнце, ты - скверная керосиновая лампа!»

Вообще же Принц чувствует себя погано, а ночью его так донимал его нерв, что с ним была истерика.

1 марта

После вчерашних шахматных стараний голова была склонна к боли. Вечером был у Коутса с мамой, которую он с необыкновенной любезностью и настойчивостью приглашал. Я привёз два акта «Игрока», сначала прочёл текст, после которого Коутс сказал: «Странный сюжет, я совершенно не представлял, как на него писать музыку», - но очень заинтересовался, а от некоторых моментов был в восторге, затем сыграл ему. Коутс с первых же слов Blanche развеселился ужасно, очень был доволен фразой Астлея, с чрезвычайным вниманием слушал весь диалог с Полиной и хохотал как сумасшедший во время скандала с Бароном. Второй акт был прослушан с ещё большим вниманием, чем первый; во время реплики Маркиза, обещающего всё устроить, Коутс потрепал меня по плечу, опять остался очень доволен выдержанностью Астлея, а combl'ем[17] была Бабуленька.

[17] Довершением, «гвоздём», от comble (фр).

Затем последовал ряд восклицаний, похвал и радости от всех присутствующих: его, его жены, моей мамы и Дюкса. Коутс кричал, что опера должна быть моментально поставлена, что он уже говорил с Теляковским и что она должна идти в январе. Я просил в декабре на случай, если в январе мне придётся поехать в Америку на постановку балета. Коутс сказал, что, конечно, это возможно и что порядок будет такой: в октябре «Соловей», в декабре «Игрок», а в феврале «Ашурбанипал». Говорили о распределении ролей и о декорациях. Он советует, чтобы это не был Головин, иначе опера, конечно, осенью не пойдёт, потому что он никогда вовремя не приготовит. Рекомендовал Ламбина, но я про такого ничего не слыхал.

В своей опере он многие терцовые и целотонные построения выкинул, очень освежив её. Я всё ещё не могу сообразить, настоящая ли это музыка или «капельмейстерская». Многое мне определённо нравится, а партитура в пятьдесят строк имеет вид ошеломляющий. Коутс называет меня своим профессором и всё переделывает, о чём я ни заикнусь.

Мама осталась очень довольна «Игроком» и, кажется, в первый раз, не без удивления поверила, что всё это состоится и удастся.

2 марта

Вечером у меня был Schnellpartieturnier[18] при участии Демчинского, Принца, Солнышка, Тюлина и меня. Рауш заболел. Турнир прошёл страшно оживлённо и кончился победой Демчинского, которого венчали венком. Я немного рассеивался организацией и играл ниже своей силы, всё же с результатом в 50%. Солнышко был невозможен, придирался, спорил, скандалил, бросил со мной партию и мы с ним разругались.

Я просил у Демчинского автограф, но он смутился (да, именно смутился) и обещал в следующий раз. А история «Деревянной книги» такая. Летом, сидя с Элеонорой в поезде на пути в Сестрорецк, мы сообразили, что если бы я собирал автографы великих и интересных людей, то я мог бы иметь замечательный альбом. Я решил, что одни фамилии или какие-нибудь изречения, из-за которых каждая знаменитость будет ломать голову - «Ах, что же ему, черт бы его драл, написать?» - отнюдь не интересна. А вот если бы их всех заставить ответить на один вопрос, это было бы замечательно, но какой вопрос? - изобретательность молчала. Так это заглохло. А теперь мне вопрос явился: что вы думаете о солнце? Прекрасно! Особенно при обнаружившемся у меня в последнее время тяготению к нему. И как все эти «кавалеры Деревянной книги» будут застигнуты этим вопросом врасплох, но вместе с тем - какое поле для ответов!

- C'est un peu du style de Boris Nikolaevitch[19], - заявила Элеонора по телефону, но затем очень горячо принялась за заказ самой книги, ибо я сказал, что она, сохрани Бог, не должна быть альбомом институтки, а в переплёте из двух простых досок, с краешком из грубой чёрной кожи, пробитой простыми гвоздями, и с железной застёжкой, такой, чтобы при прикосновении к которой руки непременно пахли металлом. Размер - рублёвой бумажки. Сопоставление внешней грубости и драгоценности автографов привлекало пикантностью. Автографы испрашиваются от знаменитых людей и от людей, играющих роль в моей жизни. Элеонора жаловалась, что ни один хороший мастер не решается делать такую грубость, тем более, что бумага внутри была превосходная, но наконец книжка была готова. Это было не то, что я задумал, она была слишком элегантна, «мужик в шёлковых

[18] Шахматный блиц-турнир (нем).

[19] Это немного в стиле Бориса Николаевича (фр).

чулках», но была оригинальна и изящна, и главное - деревянная. Открытие её было предоставлено Демчинскому, но пока, ввиду его смущения, отложено.

3 марта

Когда я проснулся, то отвратительная головная боль начиналась откуда-то с затылка, ползла кверху, но, свернув около макушки, направилась к левому виску, грозя перекинуться на мою обычную невралгию с глазом, зубом и прочим. Словом - результат вчерашнего шахматного турнира. И я сегодня не сочинял, не ходил на орган, а долго и упорно гулял.

Вечером посетил концерт «Современника» из сочинений Метнера в авторском исполнении. Сувчинский, с широким улыбающимся лицом, закидывает удочки на тему, буду ли я у них играть в будущем сезоне, ну хотя бы старые вещи. Я уклончиво не говорю «да». Метнер исполнил новую сонату Op.30, как-то всю сделанную ужасно по-метнеровски, всё это уже известно, но хорошо, хочется самому поиграть, главное - это ужасающее «хочется самому играть», ибо трагедия Метнера, что насколько он увлекателен при игре себе самому, настолько он монотонен и скучен при слушании с эстрады. Это я испытал, слушая его «Сонату-балладу». Вообще я считаю, что после своего центрального произведения, «Циклопической сонаты» e-moll, он, как Шуман последних годов, ушёл вглубь, в самого себя, вместе с обеднением чисто музыкальных средств. Романсы его иногда чрезвычайно хороши, но он не романсный сочинитель и текст его не озаряет. Я был у него в артистической, рассказал ему, как Есипова в своё время чуть не выгнала меня из класса за настойчивую игру его «Сказки», расхвалил e-moll'ную Сонату (которую он, впрочем, сегодня не играл), и, кажется, сделал ему гафу[20], сказав, что в forte у него за левой рукой не слышно правой. Вид у него коренастый, здоровый, лысина чрезвычайная, глазки маленькие и где-то глубоко в глубине, галстук нескладный, жилетка под фраком сюртучная. Но сочинения его я люблю. Вообще же думаю, что недавно он с большой убеждённостью провалил мою кандидатуру в РМИ.

Выходя из артистической, я сказал Сувчинскому: «Вы хоть бы ему жилетку подарили, неудобно же...».

4 марта

Сегодня grand-diner[21] у французского посла. Небольшой французский особняк оказался настоящим дворцом внутри с многими редкими произведениями искусства, с элегантными анфиладами комнат, с лакеями, стоящими навытяжку и наряженными в специальную форму, и, наконец, с крайне любезным хозяином, со злыми глазками и с нервозными движениями. Обедало человек пятнадцать, в том числе Бенуа с женой. Сервировали вкусно и элегантно, но почти ничего не давали есть. Затем меня заставили играть и не отпускали от рояля раз восемь. Французы лицом в грязь не ударили и больше всего увлекались самыми левыми «Сарказмами». В одиннадцать часов приехал (тоже в первый раз) Каратыгин. Ведь надо придумать, чтобы Каратыгина поместить среди элегантнейшей французской публики! Но он постригся, одел фрак и держался довольно независимо. В половину двенадцатого я поблагодарил посла, надеявшегося, что скоро мы устроим une soirée plus intime[22], и отправился на первый закрытый вечер «Медного всадника», что, за неимением собственного помещения, происходило в квартире профессора Святловского. Там

[20] Сделать неловкое замечание, от faire une gaffe (фр).

[21] Большой ужин (фр).

[22] Вечер в более узком кругу (фр).

был полный разгар, хотя музыканты почти все отсутствовали. Я играл с успехом, но русские поэты оказались позади французских любителей: «Сарказмы» их смутили, а хозяин квартиры даже рассердился и в соседней комнате говорил: «Ну да, конечно, Прокофьев показал своими предыдущими вещами, что он талантлив, но это всё же не даёт ему права издеваться над публикой своими последними вещами!»

5 марта

Я поздно сажусь сочинять: в одиннадцать. И если, как сегодня, к часу надо куда- нибудь пойти, то очень мало успеваю сделать. Сегодня я был на генеральной репетиции «Мигаэ». Коутс рекомендовал посмотреть декорации Ламбина. Что же, храм Будды мне прямо понравился, но все говорят, что это старый и крайне обыкновенный художник, лишь в последнее время пытающийся почему-то удариться в современность. Музыка у оперы - ничто, но следовавший затем «Сын Мандарина» Кюи уж ни к чёрту не годится. А между тем - как бойко можно писать весёлые оперы! И мне опять пришёл в голову, уже однажды в Италии приходивший сюжет: «La fantaisie du docteur Ox»[23] Жюля Верна. Да-с, Жюля Верна, не более и не менее. С ансамблями, воплями, беготнёй.

Алчевский, который в нынешнем сезоне выкрутился в Le grand Altchevsky[24], сообщил мне, что после слов Зилоти он хочет познакомиться с моими романсами и через неделю надеется у меня быть. Он признался, что «Сны», слышанные им в Москве, ему совершенно не понравились, но что «Scherzo», сыгранное Боровским, прямо прелестная вещь. Больше моего он ничего не знает. Полагаю, что будет доволен романсами. Стоявший рядом Сувчинский сказал: «Вот и Метнер слушал «Сны» и вынес плохое впечатление». Не помню по какому случаю я сказал, что одни люди восхищаются моими сочинениями, но считают меня пренеприятным человеком, другие же считают меня очень милым молодым человеком, но пишущим чёрт знает что. Сувчинский прибавил, что есть и третья категория людей, которые считают меня и отличным композитором, и очень милым человеком, - и всё же считают, что нужно меня ругать.

6 марта

В одиннадцать часов утра я отправился гулять куда-то за Охту, завтракал на Финляндском вокзале и в два часа вернулся домой. Обедал у Б.Н. (предварительно - визит послу) и разнёс его в шахматы. Я в последнее время очень полюбил бывать у него.

7 марта

Сегодня «Игрок» шёл отлично. Алексей один. Я чуть не доскочил до второго пришествия Бабуленьки. Вечером бридж. Я уже забыл, как в него играют. Впрочем, и слегка охладел. Захаров, Данилов и Субботин. Олег Субботин живёт теперь в деревне и в столице почти не показывается. С тех пор, как в мае Нина его приглашала в шаферы, он со мной не виделся и теперь в его взгляде на меня я иногда улавливал любопытство. Мы с Захаровым очень нежны (да и я вправду чувствую к нему большое расположение), а он, узнав, что я летом никуда далеко не собираюсь, приглашал меня в Териоки.

[23] «Фантазия доктора Окса» (фр).

[24] Великого Алчевского (фр).

Результат бриджа: опять час «макао», т.е. минус двадцать пять рублей. А Mme Винклер ни слова о дальнейшей продаже рояля.

8 марта

Сочинял, благо Гандшин перенёс занятия на день (зато он в первый раз допустил до большого органа, в Малом зале). В «Игроке» дошёл до Бабуленьки. Вечером в «Соколе» разболелась поясница, не то дёрнул что, не то продуло. Совсем скрючило.

Сегодня какая-то артистка Карина танцует астрономический танец «Марсианка» на мою сонату. Ловко? Я не пошёл «принципиально».

Рояль продан +525.

9 марта

Спина болит, но по комнате передвигаюсь. Бабуленьку не сочинил, нельзя же в таком виде подходить к любимейшим местам оперы. Писал дневник и письма. Вечером был навещён двумя Борисами Николаевичами. Демчинский немного поморщился, узнав, что будет Принц: не может простить ему увлечения Лотиным, считая, что Лотин - ерунда, «какой-то нотариус от Иисуса Христа». Демчинский сказал мне: «Я предпочитал бы провести вечер только с вами». Я ответил, что крайне польщён подобным заявлением. Сегодня «Деревянная книга» была, наконец, начата Демчинским, и раз Демчинским, то, конечно, остроумно.

10 марта

Вечером был у Бенуа. Собирался достать второй автограф для «Деревянной книги», но было много народа и суетни.

11 марта

Приступил к Бабульке и небезуспешно.

Был на концерте Захарова и Цецилии. Итак, теперь жених и невеста, - и тарантас, запряжённый парой, покатился по широкой артистической дороге. В добрый час! Играли хорошо, но программа - тухлая. Анна Григорьевна пригласила меня к ней в среду. И маму тоже. Я воспользовался последним и ответил: «Merci, я передам маме». Бедная увядшая артистка влюбилась, да, влюбилась по- настоящему, а не в переносном смысле, в нашего любезного Принца, и об этом уже говорят. Принц даже смущён.

12 марта

Бабуленька. «И голос, и тон бабушки резко изменился», но всё же нет-нет да прежняя строптивость прорывается. Пишу с любовью.

С Элеонорой были на выставке «Мира искусства». Выставлены все мои знакомые художники: Бенуа, хорош Яковлев, Водкин, многое другое хорошо.

Вечером играл первый и второй акты «Игрока» Малько. Я, собственно, не намеревался особенно разыгрывать свою оперу, но Малько аргументировал: «Что же вы, одному капельмейстеру сыграли, сыграйте и другому», - и пришлось сыграть. Присутствовали ещё мои два горячих и искренних поклонника: Милюков и Игорь Глебов, т.е. Асафьев. Сценарий и музыка имели большой успех. Малько расхваливал декламацию.

Какая разница между Коутсом и Малько! Коутс - барич, и вместе с тем

талантливый и радостный ребёнок. Малько - серьёзный музыкант, гораздо более серьёзный, чем Коутс, но как-то бродит по земле.

13 марта

Бабуленька кончена, уехала старушка. И появился безумствующий Генерал.

Днём звонил Асафьев об «Игроке». Очень хвалил Бабуленьку и Генерала и находил, что Полина должна быть неопределённой, загадочной, такая она у Достоевского. На мой вопрос, подлинная ли моя бабушка, русская или псевдо-русская, он очень меня обрадовал, сказав: «Настоящая русская бабушка». Обедал у Б.Н.Б. и подставил ему ладью в матчевой партии. Демчинский предложение приехать отклонил.

14 марта

Приглашение от какого-то питательного пункта играть в симфоническом концерте под управлением Коутса. Говорил с Коутсом, он просит играть мой 1-й Концерт. Оркестр Преображенского полка, но благо в нём отбывают повинность все порядочные музыканты, призванные на войну, оркестр очень хороший, а играть с Коутсом мне ужасно хочется и интересно. Коутс, узнав, что я кончаю третий акт, сказал, что в среду днём зайдёт его послушать. Поэтому сегодня я заторопился его кончить и едва не кончил.

Вечером ко же приехал Алчевский знакомиться с романсами. Настроен он был чуть-чуть скептически, хотя похвалы Сувчинского и Зилоти, видимо, колебали его в мою сторону. «Утёнка» он принял хорошо и с видимым интересом.

Романсы понравились, кроме «Серого платьица» и «Под крышей» («не люблю социалистических романсов»), но совершенный и окончательный удар нанесли «Сарказмы», особенно последний. Алчевский был потрясён и спрашивал, что у меня есть на душе, вызывающее такой безграничный пессимизм?

Он просидел до полвторого и обещал петь какие угодно романсы, даже «социалистические». Я рад моей победе над столь отличным певцом.

15 марта

Принц таки уговорил меня поехать к Лотину дабы посмотреть, что это за человек и как он проповедует. Сегодня я приехал к Борису Николаевичу обедать и затем мы отправились. Лотин сидел за письменным столом и, закрыв глаза, чётко и ясно рассуждал. Человек двадцать дам и несколько мужчин внимательно, иные благоговейно, слушали. Лотин имел несимпатичное, склонное к алкоголю, лицо и неприятный, чиновничий, наставительный голос. Говорил о любви к ближнему и цитировал много текстов. Я находился, во-первых, под влиянием насмешек над Лотиным Демчинского («нотариус при Иисусе Христе»), считавшим, что Лотин пустой говорун; во-вторых, под влиянием Принца, не пропускавшего ни одного вторника; и в-третьих, под влиянием сознания, что Лотин, без сомнения, делает доброе дело, ибо после его слов хоть некоторые из благоговейно настроенных дам сделают доброе дело или лишний раз не изменят мужу.

Я решил отнестись к оценке Лотина строго объективно, так сказать научно, и не дать ни одному из трёх влияний восторжествовать. Сначала это было трудно, но, незаметно для себя, я занялся содержанием его речи (а говорил он безупречно гладко, хотя и далеко без блеска Демчинского) и, когда я, наконец, вспомнил о моей критической точке зрения, то мнение было готово. Да! Это было не настоящее, это были будни. Бог был без красоты, вера без пламени, а Лотин -

великолепная говорящая машина. Мне стало скучно и я стал звать Бориса Николаевича домой. Тот просил подождать ещё немного. Мы остались и тут произошёл выпад против меня. Проповедь уже кончалась и Лотин, не покидая своего места и положения, вёл беседу, отвечая на различные религиозные вопросы, которые ему задавали присутствующие. Кто-то спросил, почему в Евангелии ничего не сказано о науке. Лотин отвечал, но сейчас же свернул с науки на искусство и сделал выпад против новой музыки, лишённой благодати, против этого хаоса, в котором клокочут все силы подземные, и после которой долго не можешь подойти к Евангелию. Выпад был прямо против меня и моей «Алы», которую Лотин ходил слушать, Лотин даже повернулся в мою сторону. Я сидел неподвижно, на Лотина не смотрел и дал себе слово не удостаивать его ни единым ответом. Лотин истощился и смолк. Все начали расходиться и мы ушли одни из первых. Б.Н. закидал меня вопросами: «Ну что, ну какое впечатление?», - я ответил, что мне очень жаль, что он обрушился на меня, так как это лишает меня права критиковать Лотина, ибо всякий объяснит это моим возмездием за нападки, но, с другой стороны я рад, что они произошли, ибо окончательно разубедили меня в Лотине. Потому что: какая цель наскока? Убедить меня? Но так не убеждают. Повлиять на аудиторию? Но эти добрые, глупые дамы слишком далеки от новых течений в искусстве и предостерегать их от «хаотичности творчества» так же не нужно, как от змей на Ямайке. Значит, было лишь желание погромить, да блеснуть, что он укорил самого Прокофьева. Резюме: Лотин лишний раз подчеркнул достоинства Демчинского, а то, что Принц принимал за настоящий бриллиант, на самом деле лишь жостовский.

16 марта

Насел на третий акт и кончил его, ибо днём должен был приехать Коутс послушать, но Коутс надул, его задержали в дирекции. Алчевский пригласил обедать с ним у «Донона»[25], говоря, что будет ещё Кусевицкий, Сувчинский и Обухов и что ему хочется особенно познакомить меня поближе с Кусевицким. Я ответил: «Ну, с Кусевицким я буду ругаться!» Я имел ввиду вот что: мне многие говорили, что Кусевицкий в чрезвычайно пышных выражениях восхищается «Утёнком» и если бы теперь он мне заикнулся про это, то я ответил бы ему, что он пустой болтун, ибо 1-м Концертом он три года назад тоже восхищался, но за три года не поинтересовался ознакомиться ни с одним моим опусом.

Когда я теперь, немного опаздывая к обеду, вошёл в отдельный кабинет «Донона», Кусевицкий широко протянул мне руку и ласково сказал: «Вы собираетесь со мной ругаться? Начинайте». Вид у него был такой любезный, что говорить дерзости было нельзя. Я ответил: «О, я всегда готов этим заниматься».

Затем все подняли бокалы за «Игрока» и вообще наперебой были очень милы. Кусевицкий говорил, что «Утёнок» в Москве имел огромный успех, сожалел, что не слышал «Алы и Лоллия», справлялся, уступлена ли она уже фирме Юргенсон и правда ли, что я с ним в ссоре. Кстати, в каком положении мои дела с его издательством я так-таки до сих пор не знаю. Было бы пикантно, если бы он после моей провалившейся кандидатуры так мило рассуждал со мной об издательских делах. А может быть, кандидатура ещё не обсуждалась? Обед прошёл в очень оживлённой беседе.

В «Медном всаднике», куда я поехал из «Донона», (второе собрание), я играл 2-ю Сонату. Музыканты ходят пока плохо, а Черепнин и Миклашевская, пришедшие в разное время, скучали. Из «Всадника» я к двенадцати часам удрал к

[25] Петербургский ресторан.

Сувчинскому, где обедавшая компания должна была закончить вечер. Сувчинский был ужасно счастлив, что я приехал к нему и что, стало быть, тени осеннего инцидента сгинули. Обухов кончал играть свои сочинения. Положительно у него есть преинтересные проблески, хотя на самых изощрённых гармониях сплошь и рядом ужасающие мелодии. Я играл 2-ю Сонату и «Сарказмы». Последние были повторены и, видимо, произвели сильное впечатление.

17 марта

Приводил в порядок и кое-что переделывал в третьем акте, а то вчера из-за Коутса я окончил его наспех и не всё было хорошо. У меня спина что-то опять болит. Вот уж удовольствие! Не буду пока ходить в «Сокол». Был на вечере в «Аполлоне», где Кусевицкий на контрабасе играл старинные вещи. Трогательно было видеть, как два концерт-директора, Зилоти и Кусевицкий, два конкурента и недавних врага, горячо трясли друг другу руки и сыпали любезностями.

Со мной Зилоти был очаровательно мил и сказал, что концерт мы не только устроим, но, наверное, и повторим. Мы слушали с ним из последней комнаты, причём исполнение происходило при потушенном электричестве. Кусевицкий, окончив играть и уступив своё место певице, пришёл в эту комнату и, увидев Зилоти (но не разобрав, что я рядом с ним), стал любезно с ним беседовать. Оба отошли шагов на пять от меня и Кусевицкий о чём-то с увлечением рассказывал. Через некоторое время я услышал его шёпот: «И он играл «Сарказмы». Ну, знаете, одно могу сказать: здорово... здорово... здорово!»

Слово «здорово», конечно, не всеобъемлющий эпитет, но в него было вложено столько драматизма, что можно было поверить искренности впечатления Кусевицкого. Зилоти быстро ему сказал: «Пойдёмте в коридор, здесь мы мешаем слушать пение» - и оба ушли.

18 марта

После урока у Гандшина делал либретто первой картины четвёртого акта, это просто: немного подумать, да вычеркнуть липшее. А вот как я сделаю рулетку, я до сих пор не ведаю. Я чувствую, что это может и даже должно выйти ошеломляюще, но как? Как?

Вечером у Мусиной со спектаклем её учениц, целой фаланги очаровательных дев. Встретившись с Николаем Васильевичем, мы широко улыбнулись, после чего он сказал, что это дело надо кончить. Я ответил, что охотно, да и в самом деле, с ним, собственно, я никогда и не ссорился. Но зато, когда он, обрадовавшись, сейчас же соединил телефон с домом и сказал, чтобы я поговорил с Аней, я это отклонил. Вот ещё, в самом деле, буду я с пальмовой веткой телефонить Ане!

19 марта

Сегодня я много ходил по 7-й Роте и великолепно обдумал сцену рулетки. Я нашёл, что я хочу, хотя и не точно всё обдумал, но подробности явятся сами собой. Главное же - найти способ сценического изложения, в котором было бы ясно, естественно и сумасшедше горячо. Я. кажется, нашёл.

Обедал у Принца. Сегодня отменено переосвидетельствование белобилетников, «гроза» с Принца спала, он счастлив как дитя. А вообще сегодня до противности хвастался, как он хорошо стал играть в шахматы: и вторую категорию он обыграл, и первую. Меня это задело и мы со страшным азартом сели играть матчевую партию. Я разыграл классический дебют ферзёвой пешки, пожертвовал одну

пешку, потом другую, потом коня, потом второго коня, наконец ладью и на 22-м ходе сделал ему мат при всех его, кроме одной, фигурах. Это была одна из лучших моих партий.

Затем Принц (впрочем, несколько огорчённый проигрышем) стал тащить меня к своим новым знакомым, князьям Голицыным. Я упирался, но после того, как самый старший князь засыпал меня любезностями по телефону, отправился. Б.Н. говорит, что ему доставляет огромное удовольствие, когда я появляюсь в бомондах, наблюдать, как я себя там держу.

20 марта

Сегодня я обдумывал и приводил в порядок третью картину - последнюю. Она легла быстро и легко, без затруднений, которых я боялся в любовной сцене. Самый конец уже был обдуман давно, в сентябре, и даже у мета где-то есть музыкальный набросок последней фразы Алексея, который я, впрочем, не применяю.

Днём вообще как-то ничего не делал (читал географию по гимназическому курсу и обдумывал, куда интересно поехать - ибо я поеду, по всему шару поеду). Днём немного нервничал и положительно начинал бояться, что у меня будут частые невралгии. Вечер провёл у Гессена.

21 марта

Принялся за четвёртый акт. Первая тема - настроение Алексея после проводов Бабуленьки: немного неопределённое, немного мечтательное, немного - если так можно выразиться - бытовое.

Пришла ко мне пианистка Вилькрейская сыграть «Скерцо» и «Прелюд», которые она через неделю играет в своём концерте. Я становлюсь завзятым композитором, к которому приходят на поклон. Ничего играет, но, конечно, это не Боровский. А сидела она у меня со своей сестрой до головной боли (у меня, конечно).

Вечером отправился на концерт Кусевицкого, что в Народном доме, - послушать, как Метнер играет 4-й Концерт Бетховена. Играет отлично, а из присочинённых им каденций первая очень удачна, но вторая нестильна и сделана слишком по-метнеровски. Самым интересным событием концерта было то, что я встретил Мариночку Павлову. Она такая же хорошенькая, но дела её плохие: отец разорился, уехал на Кавказ и где-то там служит, сестра замужем, а Мариночка здесь одна, очень стеснена средствами, от отца ничего почти не получает, кончила народную консерваторию, приложила все усилия, чтобы попасть в Музыкальную Драму, но «карта была бита», ибо... надо продаваться, чтобы куда-нибудь попадать, - и живёт она теперь где-то в крохотной комнатке. Всё это она мне рассказала с несвойственной доселе простотой и доверчивостью, и сказала, как она рада увидеть меня, можно сказать - друг детства, и как нехорошо со стороны Захарова (который одно время и не без взаимности, за ней ухаживал), после появления Цецилии, совсем скрыться и не показываться больше. Я искренне ей сочувствовал, а главное, рад был её видеть, ещё же больше - её внимание ко мне, которым она раньше почти меня не дарила. Я спросил её, можно ли её будет увидеть в ближайшем будущем. Она смутилась своею маленькой комнаткой. Я спросил, не подарит ли она меня своим визитом. Она охотно согласилась - и я был чрезвычайно рад.

22 марта

Коутсовский концерт отставлен, ибо сей балованый джентльмен отчего-то на

кого-то рассердился.

Сочинял четвёртый акт, который шёл приятно, но я из-за невралгии боюсь долго работать и часа через полтора прекращаю сочинение.

Настроение сегодня у меня отличное, я ужасно весел - и это всё Мариночка! Вечером был у Б.Н. (очередной выигрыш матчевой партии). Он даже не пошёл к Лотину - и это отсутствие произвело некоторую сенсацию, о чём мы узнали из телефона Анны Григорьевны в двенадцать часов ночи, сообщившей, что Лотин сегодня говорил с особым вдохновением. Все удивились: как он вяло говорил в прошлый раз при Прокофьеве, как Прокофьев вышел, не поклонившись Лотину, как теперь из-за этого случая будет потерян для кружка Б.Н. «Нет, Серёжа, вы прямо сатанист какой-то!» - в восторге говорил Принц, прохаживаясь со мной по залу.

23 марта

«Чтение» письма Маркиза подвигается. Вечером опять пошёл на концерт Кусевицкого. Конечно, больше всего ради Мариночки, но также и послушать Алчевского, который пел длинную партию в «Гибели Фауста» Берлиоза. Сама пьеса крайне скучна, ибо нет ни истинного трагизма, ни увлекательного лиризма, но так инструментована, что прямо ахаешь местами - и, несмотря на свои семьдесят лет, эти краски иной раз заставляют меркнуть краски Штрауса (Рихарда). Вёз меня домой Сувчинский и очень звал к себе завтра днём.

24 марта

У меня уже, конечно, сейчас и планы: а что, если провести лето где-нибудь в Норвегии? То-то прелесть! Хватит ли денег? Этот вопрос сегодня разрешил мой американский дядюшка Дягилев. Ведь надо думать, что у него денег куры не клюют, ибо сегодня я получил из банка новое извещение о деньгах из Нью-Йорка. Прямо золотой поток, если подумать, что в январе я радовался каждому пятачку. Сколько денег у Дягилева? (В повестке этого не было). Максимум тысяча, ибо две тысячи за балет я уже получил. Минимум сто рублей, если вспомнить, что за итальянскую дорогу он мне их недоплатил. Но это едва ли, скорее тысяча за партитуру, в которой я, такой-сякой, ещё не написал ни ноты.

У Сувчинского парадный приём: Алчевский. Кусевицкий, Дидерихс, А.Римский- Корсаков с Юлией[26], Блуменфельд, Захаров с Цецилией, Обухов, Асафьев. Все слушают киевских гостей: композитора Шимановского и отличного скрипача Коханского. Я уже слышал их год назад в Киеве. Преизумительно пишет Шимановский для скрипки. «Не скрипка, а целый оркестр» - говорит Захаров. А музыка его и интересна, и какая-то без ничего внутри. «Это не существительное, а прилагательное» - говорит Юлия Вейсберг. А.Римский-Корсаков прибавляет: «И даже наречие».

Сувчинский от меня не отходит ни на шаг. От Кусевицкого я держался в стороне. Обухов приглашал меня к себе. Я спрашивал его, какое впечатление произвели на него мои «Сарказмы». Он ответил: «Очень сильное». Я интересовался узнать, какое на него впечатление производят мои гармонии, ибо у него есть своя собственная определённая система гармонических построений, очень, по его мнению, пуристичная. «Чисто ли у меня звучит?» - допытывался я. Он отвечал: «Если даже не везде чисто, то чрезвычайно убедительно». В это время к нам подошёл

[26] Юлия Вейсберг

Кусевицкий и спросил у меня своим медленным голосом: «Ну кто же у меня в будущем году будет дирижировать «Алой и Лоллием», - вы или я?»

Я для пущей важности ответил ему не сразу, а заговорил о концертных залах, когда же он вернулся к своему вопросу, то я ответил, что, во-первых, благодарю его за приглашение, а во-вторых - право, не знаю, лучше ли мне самому дирижировать или попросить его - и послушать. На этом мы простились.

Вечером был на генеральной репетиции концерта инвалидов, куда меня затащил Коутс. Я думал, что он хочет меня там познакомить с Теляковским - потому что в самом деле, что мне за интерес слушать концерт инвалидов? Но этого не случилось. Зато Малько рассказал мне, что он был на днях у «Теляка» и Теляк при нём разговаривал по телефону с Глазуновым, поддразнивая последнего:

- А вот мы хотим поставить оперу одного вашего друга...
- Кого?
- Прокофьева.

Малько меня предупреждает, что оперу примут и контракт со мною подпишут, и даже гарантирует десять спектаклей, но почти наверное в будущем сезоне опера не пойдёт. Ну, мы это ещё посмотрим!

25 марта

Опера идёт хорошо.

Днём - визит Голицыным и инглиш. Вечером - «Медный всадник». Очень рад был встретить Демчинского, которого не видел давно.

26 марта

Сегодня днём меня посетила Мариночка. Предлог: показать мне, как она выучилась петь, и послушать тот романс, который я ей посоветовал уже пять лет назад, но который она до сих пор не выдала. Голос у неё окреп и увеличился сравнительно с тем, что я знал раньше, но достаточно ли он большой теперь - я не уверен. Фразировка прелестная. Мой романс она не оценила. Ей больше понравился «Доверься мне». Видно было, что она чувствовала, насколько я в музыке ушёл вперёд.

Был в банке получать деньги от американского дядюшки. Ответили, что какого- то документа не доищутся - и приходите послезавтра. Вот-те раз! А вдруг просто ошибка?

27 марта

Кончил первую картину. Теперь бег Алексея, тёмный как ночь, сквозь которую он бежал, беспокойный и отрывчатый, как мысли Алексея, и при поднятии занавеса - ослепительный яркий аккорд, как свет при входе в зал из ночной тьмы.

Днём бегал от головной боли, которая грозила разгореться и пугала меня. Но вернувшись домой, накинулся на либретто второй картины, написав в один присест больше половины. Я чувствую, что это удалось, хотя слова сами по себе пустые, но с музыкой это должно дать увлекательную картину. Голова разболелась совсем, но - редкий случай - когда я поехал играть в концерт Студии, прошла. В Студии играл Захаров, мазавший и крайне огорчившийся этим. Я играл несколько мелкотушек из Ор. 12 и имел чрезвычайньш успех. Целый зверинец орущих женских лиц сбился у эстрады и крайне стеснял меня, когда я играл на бис. Когда я спускался по лестнице, выходя на улицу, мне опять сделали овацию.

Из Тенишевского зала, где происходил этот концерт, я с Асафьевым и барышней

Кавос отправился на выставку «Мира искусства», которая сегодня закрывается большим банкетом художников и где меня просили сыграть несколько пьес. У художников - всегда с большим удовольствием. «Сарказмы» они, впрочем, не очень поняли, но Ор.12 имел большой успех. У меня было много знакомых и было весело. Петров-Водкин подошёл и любезно представился мне.

С выставки шли с Тамарой Глебовой. Мы с ней были долго в ссоре. Она имеет двух bébé, но очень мила. В третьем часу ночи мы с ней бродили по Кирочной и оживлённо болтали.

28 марта

Банк разобрался в своих документах и выдал мне деньги: 1500 рублей, т.е. сумму, которая превышает всё, что он мне должен за балет. Или он забыл, что уже один раз он мне полторы тысячи рублей послал, и теперь посылает их во второй раз? Так ли или иначе, но я теперь самый настоящий богач.

Днём опять бегал от головной боли, которая, впрочем, прошла. Однако же, всё это становится несносным.

Вечером был у Коутса, играл ему и пел до хрипоты третий акт. Коутс был в совершеннейшем восторге от рыданий Генерала и вслед за мной сам пропел: «ы-ы-ы-ы, а-а-а-а!» - и залился смехом. Нашёл, что третий акт цельнее и менее синематографичен, чем первый, но упрекнул меня, что одно место Бабуленьки схоже с Пуччини, с его «Батерфлай», которую я никогда не слыхал. Надо посмотреть и переделать, а то в самом деле, что за нелестное сходство.

Коутс сказал, что на днях будет свидание моё с директором. Затем мы рассуждали, как сделать, чтобы опера попала в этот сезон. Весь сезон буквально набит новыми постановками, но Коутс надеется, что всё же удастся протолкнуть «Игрока», особенно если сразу с осени начать его учить и декорации поручить Ламбину, который, конечно, не Головин, но зато наверное напишет их вовремя. Я говорил, что подниму вопрос о гарантии мне десяти спектаклей на сезон 1916-1917. Коутс отвечал: «Только не надо с ним ультимативного характера. Он и так всё понимает».

Затем мы наметили партии. Алексея Коутс хотел непременно дать Пиотровскому, но Пиотровский и молод, и голос у него не из чарующих, да и не хватит его на такую тяжёлую партию. Я настаивал на Алчевском. Полина - Попова, этому я очень рад. Бабуленька - Николаева и Черкасская. Маркиз, конечно, Андреев.

29 марта

Говорил по телефону с Зилоти. Он был безумно мил, говорил, что всё, что я ему ни дам, будет играть в своих концертах и что для меня нет сроков: и если я ему сообщу о новой вещи за два дня до выпуска программы на весь сезон, т.е. до двадцать пятого августа, то и это не поздно. Он сказал, что Кусевицкий крайне заинтересован издавать меня, что поднятый на заседании жюри вопрос Оссовским был отложен ввиду недостаточного ознакомления членов жюри с моими последними произведениями. Но если бы жюри и отвергло меня, то Кусевицкий хочет издавать меня в купленном им гутхейлевском издательстве, где условия такие же, что и в РМИ. «Ала и Лоллий» приглашены в Москву, главным образом, для ознакомления жюри с моею последней физиономией.

Вот уж чем я доволен, так этим. Моя фаланга вновь воскресает. А вообще в последние дни - какой ряд удач! Кроме того, я теперь не в шутку становлюсь богатым человеком, ведь как ни так, а если всё это выйдет, то я могу получить в этот год до пятнадцати тысяч.

30 марта

Сочинял бег Алексея.

Вечером - концерт Вилькрейской, в конце концов крайне посредственной пианистки. Моё «Скерцо» она грязно мазала и, кроме того, заставила меня страдать дважды, ибо бисировала. После «Скерцо» я поспешил уехать к Элеоноре.

31 марта

Алексей добежал, ярко освещённый игорным домом и – сразу к делу – крупье уже кричит: «Les jeux sont faits»[27]. Игорный дом должен быть игорным домом, а не как в «Пиковой даме» - сбором всех гостей. Либретто до закрытия первого стола у меня готово и, кажется, выйдет чрезвычайно живая и яркая сцена, хотя по своему тексту и возне пустопорожняя. Какой будет у меня вторая половина этой картины - ещё не придумал, ибо нельзя, чтобы Алексей опять ставил и ставил, а крупье выкрикивал - это скучно, но с другой стороны, надо сохранить и даже увеличить впечатление азарта.

1 апреля

С большим удовольствием принялся за рулетку.

Вечером был во «Всаднике» и сцепился с молодой поэтессой Ларисой Рейснер. На поток её умнейших и непонятнейших слов о моих сочинениях, я отвечал, что авторы, не мудрствуя лукаво, пишут, а так называемые «умные люди» пространно и умно об этих произведениях рассуждают; если же автору случится послушать эти рассуждения, то у него, по крайней мере, на три недели пропадает желание писать.

На этой неделе с Сувчинским произошла переписка: он предложил на каких угодно условиях выступить в их концерте в Москве. «На каких угодно» - вот это называется выдрессировать человека. Но раз такой широкий жест, то и я сыграл в благородство и ответил, что принимаю на всех условиях. Впрочем напрасно, ибо они в ответ предложили триста рублей. Не очень много, но чёрт с ними.

Итак, мир с «Музыкальным современником» заключён.

2 апреля

Рулетка пишется легко и даже выходит лучше, чем я думал. Днём искал подарки Элеоноре и Принцу. Этакая, право, морока! Вечером был у Гессен.

3 апреля

Рулетка идёт хорошо, но пишу понемногу, чтобы не заболела голова. Демчинский рекомендовал понемногу, но регулярно, пить бромистый хинин. Пью.

Телефонировал мне Асланов, приглашал играть концерт и дирижировать в Павловске «Симфоньеттой» (на эту тему он уже опять успел поругаться с Фительбергом, впрочем на этот раз неправ Фительберг), а затем рассказывал о заседании комитета в Мариинском театре, состоящего из старцев: Кюи, Соловьёва, А.Танеева и Ляпунова. Рассматривались новые оперы и одобрены: испанская опера Альбениса и «Сафо» нашего скромного во всех отношениях Чеснокова. Коутс поднял было вопрос о слушании и моего «Игрока», по-видимому, чтобы устроить

[27] Все ставки сделаны (фр).

скандал комитету, т.е. чтобы комитет ахнул от ужаса, а оперу всё же поставили, но Малько и Асланов отговорили Теляковского от подобных экспериментов и слушание «Игрока» состоится на днях, по окончании функций комитета. Будут присутствовать лишь дирижёры, режиссёры и, может быть, Зилоти.

Вечером был у Башкирова. Играли в шахматы. Отличное стихотворение у Бальмонта: «Димитрий Красный».

4 апреля

Рулетка идёт хорошо. Вечером бридж у Андреева. Николай Васильевич мил и чрезвычайно ласков. Анна Григорьевна, к моему удовольствию, отсутствовала.

5 апреля

Сегодня день рождения двух друзей: Элеоноры (18 лет) и Принца (25 лет). Купил Принцу подарок: очень элегантный альбом для вписывания его новых произведений с римскими XXV на нём, а то до сих пор Принц писал в какую-то скверную тетрадь.

Элеонора непременно просила что-нибудь сочинить ей, мне было лень, а подарка я ей придумать не мог. Достал ей головоломку, где надо разъединять одну вещь от другой, привёл её в ужас этим подарком, сказав, что если она всё это разъединит, тогда я ей напишу ещё прелюд.

С мамой обедали у Дамских, а вечером я с Элеонорой отправился к Б.Н. Там произошёл интересный словесный поединок между Демчинским, Ставровичем и мною – с одной стороны, гофмейстером Злобиным - с другой. Этим гофмейстером Б.Н. последнее время страшно увлекался, считая его умнейшим человеком, но в этот вечер гофмейстер был сбит с позиций и начал речь глупости. Принц за ужином в мою честь и в честь Демчинского говорил речи, а Ставрович произрекал парадоксы, но, начав с того, что «даль есть косметика», сказал удивительную истину, что надо суметь расположить окружающих людей в должной перспективе - и тогда обретёшь счастье, ибо даль скроет недостатки одних, а близость выдвинет достоинства других.

Асланов сообщил, что я приглашаюсь к Теляковскому послезавтра в два часа, соберутся все дирижёры. Зилоти и другие, слушать «Игрока». Асланов страшно ухаживает за мной и хочет быть дублёром Коутса в «Игроке».

6 апреля

Не сочинял, но проигрывал «Игрока», ибо надо повторить: завтра демонстрация. По поводу этого события я не волнуюсь, а наоборот очень доволен, что сие, наконец, произойдёт. А вообще замечательно - я вступаю в Императорский театр. Отлично звучит.

Был у Демчинского, который радостно приветствовал мой приход. А ведь его бромистый хинин почти вылечил мою невралгию. К Демчинскому же приехал Принц.

7 апреля

Утром проигрывал «Игрока», но всего повторить не успел. Асланов предложил, чтобы я заехал за ним в Мариинский театр, дабы мы поехали к Теляковскому вместе. Ему, очевидно, это было приятно, а мне удобно, поэтому я так и сделал. Ровно в два часа мы приехали на квартиру Теляковского, что в казённом здании позади Александрийского театра. Зилоти и Коутс уже сидели в зале. Затем приехали

Малько, Похитонов и Тартаков. Я чувствовал себя превосходно. Директор заставил нас подождать минут пять-десять, затем большая дверь распахнулась и они пожаловали. Маленький и невзрачный. Года два назад меня ему представили на одном из оперных спектаклей в Консерватории, но, конечно, ни он не запомнил какого-то консерваторца, ни я не запомнил физиономию его превосходительства. Поздоровались и уселись: все вокруг круглого стола, а я на расстоянии нескольких шагов на диване. Я начал рассказывать о сюжете, которого большинство, конечно, не знало, сделал историческую справку о жизни Достоевского того времени, о его поездке заграницу и проигрыше на рулетке, затем прочёл выписки из романа, характеризующие действующих лиц, и, наконец, рассказал содержание не романа, а оперы. Говорил я довольно складно (несколько под влиянием Демчинского и Башкирова) и очень уверенно. По-видимому, мой рассказ был довольно исчерпывающим, но я ещё перед исполнением каждого акта прочёл либретто. Во время чтения мною характеристик вошёл лакей и подал Теляковскому письмо. Тот распечатал и хотел читать под аккомпанемент моего доклада. Я остановился. Теляковский поднял на меня глаза - я молчал. Теляковский принялся читать письмо, но сейчас же опять поднял глаза. Я ждал. Тогда Теляковский сложил письмо - и я продолжил. Когда Теляковский поднял на меня глаза, то по лицу его пробежала тень. Мне это было неприятно, но я решил держать тон.

Итак, прочтя либретто первого акта, я принялся играть его. Малько переворачивал мне страницы, Зилоти смотрел через моё плечо. Остальные остались у стола. Играл я ничего, даже совсем ничего, но голоса у меня нет никакого и я мог только декламировать, да иногда выстукивать вокальную партию на рояле, но моя декламация за музыкой еле была слышна. Кроме того, я скоро охрип, а по свидетельству Зилоти очень душил педаль. После первого акта я немного передохнул, затем прочёл либретто второго акта, уже в совершенно измученном виде, проделал тоже с третьим. Тартакова, по-видимому, очень заинтересовала Бабуленька: он несколько раз подходил и смотрел в ноты. Теляковский ровно ничего не понял. Но, конечно, надо было сослаться на мою декламацию: без пения непонятны вокальные партии и мелодическая сторона. Поэтому не лучше ли - теперь это поздно, а вот осенью - дать хотя бы один акт разучить певцам и исполнить его с оркестром? Тогда опера будет совершенно ясна.

Такой затяжной характер с не «да» и не «нет» и, во всяком случае, с «нет» на ближайший сезон мне был нестерпим, и потому я решил идти напролом. Я ответил, что можно сделать и так, как они говорят, но я считаю долгом предупредить, что на прошлой неделе Дягилев прислал мне полторы тысячи, которые, по-видимому, надо считать задатком за оперу, потому что за балет я получил сполна (я почти был прав, говоря это, ибо тысячу рублей я должен был получить после представления партитуры, а так как пока готов один клавир, то за клавир две тысячи я уже давно получил). Так вот, откладывание слушания оперы до осени означает, что осенью, может быть, не только положительный ответ, но также и отрицательный, а потому, если Дягилев пожелает теперь или летом заключить контракт, то я его подпишу, чтобы не оказаться между двух стульев. А известно, что хотя Дягилев в России и не играет, но контракты свои обязательно простирает и на Россию.

О да, они это отлично знали по Стравинскому и по Черепнину и знали, что Дягилев всё сделает, чтобы отобрать лучшее у Мариинского театра. Поэтому моё заявление произвело сильнейшее впечатление. Теляковский удалился к окну совещаться с собравшимися и через некоторое время обратился ко мне: «Какие же ваши условия?» - спросил он.

Ну, это уже было совсем другое дело. Я ответил, что ведь в Императорских театрах одни условия для всех, но я хочу, чтобы мне гарантировали десять

спектаклей на ближайший сезон. Стали возражать, что не только десять раз, но хоть один раз сыграть в ближайшем сезоне не успеют: столько новых постановок, столько старых возобновлений. Опять совещание и затем просьба Теляковского посетить его через неделю - в среду на Пасхе, а за это время он справится у какого- то кабинета, будут ли суммы для новой постановки. Я думал, что Теляковский полноправный барин в Императорских театрах, но, оказывается, и над ним есть контроль. Прощаясь, Теляковский сказал: «Вы всё-таки пока уж не посылайте телеграммы Дягилеву». Я, разумеется, обещал. Коутс закричал вдогонку: «Подождите меня, пойдём покупать карандаши!»

Ждать пришлось минут двадцать, ибо после моего ухода ещё совещались. Выйдя, Коутс и Зилоти сообщили, что сыграть оперу десять раз, конечно, нельзя и потому мне, вероятно, предложат десять спектаклей на два сезона, но чтобы я непременно соглашался. Особенно горячился Зилоти, говоря, что благодаря его и Коутса стараниям, наконец начинают интересоваться и молодыми авторами, но если, мол, авторы начнут капризничать, то всё это доброе начинание может полететь к чёрту.

Затем мы с Коутсом покупали карандаши «Koh-I-Noor» и я вернулся домой очень измученный, но почти довольный свиданием с директором.

Вечером приехал Принц и демонстрировал новую электрическую игрушку.

9 апреля

Появился из своего Ревеля Колечка Мясковский и звонил по телефону: приехал на два дня, я очень рад.

Сегодня Страстная суббота и я пошёл к заутрене в Консерваторию. В прошлом году я писал из Италии Элеоноре, что жалею о том, что не могу потолкаться в Консерватории у заутрени. Тартаков увидел меня, нежно расцеловался со словами: «Талантливый, талантливый...».

У Поповой я спросил, хочет ли она петь в моей опере. За неё быстро ответил Каракаш: «Ну, конечно, да!»

Захаров, который вчера причащался по поводу предстоящей свадьбы и которому я вчера сказал, что я это не делал уже более десяти лет, с комической серьёзностью отстранил меня и сказал: «Отойди от меня, ты поганый».

Глазунов важно со мной расцеловался.

10 апреля. Пасха.

Сочинял рулетку. Визитов решил не делать, но зашёл лишь к Рузским, где не был три месяца. Сегодня у них было пусто: дочки в Киевском лазарете, папаша и сынок делают визиты. Вечером был у НЯМ'а. Четвёртый и пятый «Сарказмы» произвели на него большое впечатление. Он купил полное собрание сочинений Лядова и ругал их.

11 апреля

Сегодня мне стукнуло двадцать пять лет. Настроен я был на самый именинный лад. Утром у меня был Мясковский и Асланов, ибо мы с Мясковским играли Асланову в четыре руки 3-ю Симфонию НЯМ'а ввиду летнего исполнения. Мне очень нравится эта симфония.

Вечером я принимал гостей. Были: Мясковский, Николай Васильевич, Элеонора, Принц, Демчинский с супругой и Ставрович. Entrée[28] Принца в гостиную

[28] Здесь: выход, появление (фр).

было фешенебельно, ибо в руке он еле тащил огромную корзину, сгибаясь от её тяжести. Это был подарок. Поставили посреди гостиной и развернули. Целое стадо бронзовых козлов, а всё вместе - письменный прибор весьма оригинального вида и художественной работы.

Ставрович, посетивший меня в первый раз и очень меня порадовавший этим, был в ударе и целый вечер занимал общество. Но Принц оказался в ссоре с Демчинским (вот уже номер!), ибо Демчинский чем-то его задел, и потому скоро уехал, ссылаясь на свой «понедельник», который он будто бы бросил ради моего рождения и на который снова спешил. Меня эта ссора весьма огорчила.

12 апреля

Послезавтра, в годовщину смерти Скрябина. Боровский играет в концерте «Современника» целый вечер из сочинений Скрябина. На днях Боровский приехал в Петроград и мы с ним, согласно нашему обычаю, завтракали в «Астории».

13 апреля

Сегодня мне была назначена аудиенция директором Императорских театров и ровно в двенадцать я был в кабинете у его превосходительства. Теляковский был крайне мил, спросил, непременно ли моё желание, чтобы опера шла в ближнем сезоне, и узнав, что непременно, довольно много говорил о том, как у них заполнен репертуар. Параллельно с этим расспрашивал, какие артисты да какие декорации, да какое впечатление может произвести опера на публику. Похвастался, как он всю жизнь проводил новинки, против чего даже иногда был Государь, который, впрочем, его очень любит. В заключение сказал, что ещё раз посоветуется с Тартаковым и Коутсом, видят ли они возможность поставить в этом сезоне, и если да, то пригласят меня подписать контракт. Я ушёл очень довольный.

14 апреля

Год смерти Скрябина. Боровский играл по обыкновению отлично. Особенно удалась ему 6-я Соната. Я её до сих пор мало знал. Но теперь она мне доставила большое удовольствие. На концерте я сидел с Обуховым и довольно много с ним разговаривал.

15 апреля

Позвонив Мариночке, я узнал, что она только что вернулась из Гельсингфорса. На моё предложение пойти на денное представление «Каменного гостя» охотно согласилась и мы прослушали эту оперу. Опера мне понравилась больше. О, как хорош её декламационный стиль! Если бы музыка была ярче и глубже, да пушкинская пьеса более гибка и сценична, то какая бы это была опера, какое провидение вперёд!

Мариночка была очаровательна. В Гельсингфорс она ездила к родным, а кроме того - обмундироваться на лето, ибо там всё лучше и дешевле. Она мне призналась, что её мечта - путешествовать, и с завистью слушала мои картинные описания заграничных вояжей.

Вечером я играл в Тенишевском училище на вечере «Современная поэзия и музыка» в пользу раненых и имел довольно шумный успех. Две каких-то смуглых девы прибежали в артистическую и вручили мне несколько великолепных пунцовых роз. Мариночка почему-то очень захотела меня слушать, я ей подарил билет и она

была, а затем я её увёз в «Медный всадник», куда она поехала даже не без трепета, но где не одобрила никого, за исключением Демчинского. Я подарил ей мои пышные розы. В её лице есть какая-то неуловимость, которую никак не запомнишь.

16 апреля

Сегодня в газетах появились всякие заметки о принятии «Игрока», а репортёр из «Вечерних биржевых новостей» Двинский, встретив меня в Консерватории, утверждал, что сегодня утром Тартаков сказал ему, что «Игрок» пойдёт в будущем сезоне. Из этого я заключаю, что переговоры Теляковского с Тартаковым кончились благополучно.

Вечером был у Кавос, в первый раз встретил там много знакомых.

Вообще же я не люблю бывать на вечерах, лучше шахматная партия, бридж, концерт.

17 апреля

Сегодня я звал Мариночку в Павловск на ферму есть яичницу («Nous boirons du lait sur l`herbe fraiche»[29] - как говорит Маркиз в «Игроке»), но она не смогла. Я отправился в Павловск соло.

Вечером был у Демчинского, обыграл его, а в ответ на вопрос, как мои работы, сообщил ему, что сегодня я кончил первую половину рулетки и теперь в смущении, ибо никак не могу точно выяснить, как надо сделать вторую половину. Продолжать в том же стиле с выкриками крупье «Les jeux sont faits» и «Rien ne va plus» нельзя, надоест. Значит, Алексея надо убрать вглубь, к другому столу, а на авансцене устроить ажиотаж игроков по поводу столь необычных успехов и только взрывы с дальнего стола будут доказывать, что этот успех не прекращается. Вот текста-то для этой сцены я и не мог себе уяснить. Ибо, кроме всего прочего, было необходимо, чтобы вторая половина рулетки прошла ещё горячее и нервнее, чем первая.

Демчинский очень горячо принял дело к сердцу, сразу посоветовал ввести новое лицо: директора рулетки, которого вызвали по случаю закрытия стола; и, по- видимому, понял, в чём дело, и обещал завтра придти ко мне, чтобы вместе набросать сцену. Он обещал предварительно порыться в дневниках и письмах Достоевского, чтобы поискать его впечатления о рулетке, дабы наша сцена по возможности сохранила дух Достоевского.

18 апреля

Принялся за последнюю картину, чтобы не ждать, пока будет готово либретто рулетки. Последняя картина идёт превосходно, фраза Полины «Любовница маркиза не стоит пятидесяти тысяч» вышла прекрасно.

Я не понимаю, почему Теляковский не звонит мне о контракте. Ведь надо же переписывать клавир и раздать певцам учить на лето.

Демчинский меня посетил вечером. Я ему играл рулетку и, хотя я боялся за пустоту текста, получил одобрение. «Здесь кроме обрывочных фраз и беспорядочных восклицаний ничего не может быть другого» - сказал он. Затем мы вместе набросали вторую половину рулетки, причём Демчинский видел в ней не только картинную сцену, но - в словах Директора о гибели Алексея - и глубокий смысл, идею всего «Игрока».

Демчинский обещал подробнее разработать наброски.

[29] Мы будем пить молоко на свежей траве (фр).

19 апреля

После вчерашней работы с Демчинским проснулся я лениво. Но мысль о Мариночке меня моментально развеселила.

Пошёл на урок к Гандшину. Надо подтянуться и попробовать кончить хотя бы на аттестат в будущем году, а то студентов уже начали привлекать в войска, так могут и меня осенью стяпать.

Андреев говорит, что Теляковский уехал к себе в имение сеять рожь и вернётся к концу недели, поэтому меня никто и не приглашает писать контракт. Николай Васильевич искренне разочаровался, узнав, что все мои романсы ушли из его рук к Алчевскому и будут спеты последним у Зилоти.

20 апреля

С Полиной истерика, кроме того, забежал в этой картине вперёд - вытьё на верхнем «ми» у шести валторн после брошенных денег, и затем последние такты оперы - милые воспоминания о рулетке.

Днём играл на органе. Вечером я поехал к Борису Верину, у которого не был две недели (на тему об удирании с моего рождения). А Борис Верин всё допрашивает, как мы проведём лето и не снимем ли мы вместе небольшой «коттедж».

21 апреля

Последняя картина неуклонно шествует вперёд, хотя сегодня менее интенсивно, чем вчера. Демчинский звонит, что набросал конец рулетки, ну что за прелесть!

Сегодня мы заполонены букетом родственников, в том числе и с войны. Придётся играть в «винт».

22 апреля

От Гандшина я постарался уйти как можно скорее, чтобы быть свободным и ехать с Мариночкой в Павловск. В два часа мы отбыли в первом классе в Царское, оттуда в экипаже в Павловск, долго гуляли по парку, ели яичницу на ферме и в семь вернулись в Петроград. Мариночка осталась очень довольна прогулкой. Между прочим, сегодня ей звонил Захаров, с которым ей всё-таки хочется восстановить добрые отношения. Она рассказывала, что он всегда очень ревновал меня к ней. Забавно. Мариночка скоро собирается ехать по Волге на Кавказ к папочке. Пока на её вопросы, где я буду летом, я отвечаю, что поеду на месяц путешествовать по Скандинавии.

Вернувшись домой, я нашёл телефонограмму от Тартакова, который приглашал меня зайти вечером в Мариинский театр для того, чтобы поговорить о персонажах оперы и распределить партии, что ему поручил сделать Теляковский. Я отправился и мы довольно долго провозились, наметив Алексея - Алчевскому и Ершову (чему я крайне обрадовался), Полину - Поповой и Черкасской, Генерала - Боссэ, Маркиза - Андрееву. На Бабуленьку Тартаков рекомендовал Панину, но так как я её не знал, то советовал придти в понедельник послушать её в «Мигаэ». Предложил поскорее вручить рукопись в Контору театров для расписки. «Голубчик, ведь я же должен до пятнадцатого мая сдать партии на руки артистам, а то мы в сентябре не сможем начать репетиции!» - сказал он.

А вот это уже совсем недурно. В сентябре репетиции! Это после того, как оперу «не успеть поставить...».

23 апреля

Не могу сказать, чтобы я особенно много написал, но всё же последняя картина движется и выходит хорошо. Получил от Демчинского либретто конца рулетки - и ужасно им доволен. Лишь кое-что я буду оспаривать с точки зрения живости и сценичности, хотя всё у него с большим знанием сцены. Как жаль, что я раньше не «открыл» Демчинского! Но он пригодится в будущем, и даже в самом ближайшем: в последней картине мало слов в самый разгар любви.

Обедал у Гессен, где на меня собралось большое общество - слушать «Игрока». Перед началом я должен был объяснить содержание, что я сделал настолько нескладно, что никто ничего не понял. В самом деле, я умею говорить, когда мне кого-нибудь надо в чём-нибудь убедить, но рассказывать, не зная что: роман ли, свою ли компановку, психологию ли или действие, да ещё сидя посреди гостиной, причём вам смотрят в рот и в спину, - право, здесь можно только путать. Дальше вышло ещё хуже: петь я не умею, а кричать слова, как у Теляковского, было лень - и я их бормотал вполголоса, слышали их только Бенуа и Каратыгин, сидевшие по сторонам. Остальная публика ничего не поняла. И странно, я внутренне смеялся над ними, думая, как всё это хорошо будет на сцене. Каратыгин не много понял. Бенуа убедился сценою рулетки.

Когда Каратыгин спросил, почему я так рано ухожу домой, я ответил: «Потому, что играть оперу и заставлять понимать гораздо труднее, чем слушать её и не понимать».

24 апреля

Сегодня я совсем немного написал.

Днём был на рояльном конкурсе в Консерватории, где в этом году два рояля и, по обыкновению, тучи народа и ажиотаж. Очень хорошо и с большим задором играл Зеленский. Но самым интересным номером были Захаров и Элеонора, которые топят пламень в сердцах под маской почти полного незнакомства.

В семь часов, когда я держал по Невскому путь к Принцу, меня остановила сестра милосердия, провожала весь путь, восхваляла, говорила о счастьи со мной познакомиться и о том, что, не имея иных способов, она для знакомства избрала простейший способ. Принц, ждавший меня у окна и видя, что я иду с сестрой милосердия да ещё не из слишком элегантных, не мог прийти в себя от изумления. Ибо, что за романтическая у меня история, он не знал и умирал от любопытства узнать хоть что-нибудь. У подъезда я простился с энергичной сестрой, отклонив её порывы на встречи.

25 апреля

Первый раз я проснулся в шесть, затем в восемь и быстро оделся, ибо в девять надо было заехать за Мариночкой: сегодня мы отправлялись в Шлиссельбург. А как пленительно-нежно было её обращение всего лишь с одним словом: «Серёженька...», когда она сегодня вышла ко мне, ждущему её в передней. В автомобиле мы быстро пересекли город и на Воскресенской набережной сели на пароход. Мариночка, никогда не ездившая на пароходах, струхнула в первую минуту, но когда поехали, оказалось, что вовсе не страшно. Несмотря на апрель, было жарко, мы были в светлых костюмах, солнце слепило, было весело. Путь - четыре часа, затем Шлиссельбург с неспокойным тёмно-тёмно-синим Ладожским озером и с холодным дыханием с его необозримых пространств, отдых на траве под защитой земляного вала и обратный путь.

- Мариночка, поедемте со мной в Норвегию?

- Это где-нибудь под Петроградом? - был ответ.

- Чуть-чуть подальше, - и затем я, шутя и улыбаясь, стал описывать наше путешествие с осмотрами Стокгольма, Трольгот, Христиании.

Она и слушала как шутку.

Расставшись, я сразу пошёл в Мариинский театр, куда просил зайти Тартаков, чтобы посмотреть Панину в «Мигаэ»: Бабуленька или не Бабуленька? Я извинился у Тартакова за свой светлый, непригожий для театра костюм и объяснил, что только что ездил в Шлиссельбург.

Панина мне не понравилась, голос мал.

26 апреля

Третья годовщина смерти Макса. Как я далеко ушёл от тех интересов и как они теперь иногда кажутся пустяшными и порой смешны, а всё же такого друга у меня с тех пор не было. Ах, Макс!

Вечером был у Демчинского и обсуждал «Игрока»: рулетку и последнюю любовную сцену. Он замечательный советчик.

27 апреля

Я позвонил Мариночке, придёт ли она ко мне сегодня, как мы проектировали. Она отвечала, что нет, дела. Впрочем, обещала придти завтра.

Сегодня я передал в библиотеку Императорских театров два акта «Игрока» для переписки. Ахали, что много и что быстро надо переписать. А что же Теляковский? Ведь контракт-то наконец надо писать?

28 апреля

Надо кончать «Игрока», но мне не до него. Впрочем, место, где Полина бросила ему пачкой денег, отвечает моему настроению. Сегодня я его написал, и хорошо. А шесть ревущих на верхнем «ми» валторн - это совсем захватывающе.

Днём я ждал вечера, в шесть часов Мариночка подтвердила обещание придти, в восемь не пришла, в девять не пришла, а в полдесятого позвонила, что просит извинить её - она не придёт.

Так как мне дома сидеть было уже вовсе отвратно, то я отправился к Элеоноре. Она была рада меня видеть, рассказывала про Борюсю, который за ней ухаживает.

Элеонора смеялась над моим расстроенным лицом. Кто моя любовь, она не знает.

29 апреля

Пошёл на экзамен пения и встретил Мариночку. «Какие у вас злые глаза со вчерашнего вечера!» - смеялась она. Но пообещала придти сегодня и принести «Батерфлай», памятуя обвинение Коутса, что я, не зная этой оперы, скрал оттуда одну фразу Бабуленьки.

Вечером Мариночка пришла даже раньше, чем я её ожидал. Некоторое время она расставляла на письменном столе башкировских козлов, я спросил, зачем она собирается на Волгу, когда я зову её в Норвегию? Она отвечала: будь то в будущем году, это удалось бы, но пока она так зависит от отца и от родных, что где же тут думать о таких вольностях.

Май

Первое мая было днём солнечным, воскресным, я тоже настроен был солнечно. Позвонил к Теляковскому и велел передать, что я уезжаю и хотел бы до отъезда знать о положении дела с «Игроком». К моему чрезвычайному удовольствию Теляковский в тот же день назначил мне аудиенцию и в пять часов я был очень любезно принят. Теляковский даже не дослушал «Бориса Годунова», где дебютировал Курзнер, боясь заставить меня ждать. Он сказал, что контракт на днях со мной подпишет барон Кусов, что мне могут выдать тысячи две аванса, что, если опера пройдёт с успехом, то её в следующем сезоне поставят и в Москве. Я не стал отстаивать, чтобы мне гарантировали десять спектаклей на один сезон, и уступил, как они хотели, на два.

Вечером я играл Коутсу рулетку и заключительную картину.

На именинах Бориса Верина, которые праздновались очень парадно, я был зол как чёрт, курил непереставая, и весь вечер просидел за шахматами, разнося Солнышко. А вообще настроение у меня было такое: я знал, конечно, что всё all right, и опера принята, и масса концертных приглашений, и денег много, и я всё более и более знаменит, и, в конце концов, вовсе так и не любил Мариночку, и что в замену этого плана будет очень интересная поездка по Волге и на Кавказ с Борисом Вериным, который с нетерпением ждал моего согласия, я всё это сознавал, но в душе была апатия, нежелание чем-либо интересоваться. Я был влюблён в свой план, вложил в него столько фантазии, так носился с ним, и дико скучал, оставшись без него.

Между тем Принц, которому я сообщил, что я в его распоряжении, пригласил меня на несколько недель на дачу его матери в Куоккалу с тем, чтобы десятого-пятнадцатого июня ехать по Волге и заехать в Самару к его многомиллионным родственникам. Так и порешили.

Десятого мая был мой органный экзамен, к которому я честно выучил четырёхголосную футу Баха с темой, переходившей даже в ножной клавир. Экзамен проходил в нашем органном классе и носил закрытый характер. Судили Глазунов, Витоль и мой враг Петров. Гандшин проявлял много деятельности и был одет в длинный сюртук. Я играл не без бойкости, хотя ногами кое-что смазал, а руками спутал клавиатуры. Глазунов, в ремарке о каждом ученике, написал мне: «в ногах были недопопадания (или какое-то вроде этого мудрёное слово), руки играли хорошо».

Одиннадцатого я был приглашен в дирекцию Императорских театров к некоему чиновнику Тюфлеву для подписания контракта. Поговорили для проформы с бароном Кусовым, вице-директором, затем я подписал печатный контракт, к которому было от руки прибавлено, что гарантируются мне десять спектаклей в ближайшие два сезона, затем я написал прошение об авансе в две тысячи и долго ждал, пока ходили за гербовыми марками (за мой счёт). Какой-то блондин - я думал чиновник, но это был репортёр - тут же, пока я ждал марки, с карандашом и клочком бумаги в руках, снимал с меня показания об «Игроке» и дал через день громкую заметку в петроградских газетах с портретом автора. Вообще, интервью появилось во всех газетах, меня поздравляли, звонили по телефону и прочее.

Опера моя в мае пошла медленнее, чем дотоле, и никак не хотела кончиться. Рулетку я закончил шестнадцатого мая - и она мне удалась на славу, а с последней картиной я задержался до июня, ибо были готовы частицы, но не сомкнуты. Первые три акта были уже в конторе Императорских театров и переписывались.

Около этого времени я познакомился с Шаляпиным. Знакомство произошло на очень интересном обеде у французского посла, где был целый ряд знаменитостей: Шаляпин, Бенуа, Зилоти и прочие. Как раз за несколько дней до этого появилось

моё интервью об «Игроке» с разглагольствованиями о том, насколько я интересуюсь сценической стороной оперы, и вот Шаляпин обратил внимание на эти строчки и крайне заинтересовался мной, беседовал со мной полвечера и даже предложил написать для него оперу на сюжет Стеньки Разина, на что я ответил, что этот сюжет мне не по душе. Кроме того, подходить к нему по-корсаковски больше нельзя, а как иначе подойти - я ещё не усвоил. Шаляпин интересовался «Игроком» и обещал осенью посещать его репетиции.

В конце мая с Б.Н. мы переселились в Куоккалу, где у его матери была снята отличная дача у самого моря, а самое главное - при даче был теннис. В эту элегантную игру я хотя и играл, но безнадёжно плохо, ибо не доводилось практиковаться, - и теперь обрадовался шансу, готовому к услугам в любое время. Да и партнёры подходили: играли немного лучше меня.

Июнь

Дача в Куоккале не блистала излишней роскошью, но была удобна, хозяева - милы, время - свободно, стол - отличен, конфет - куча.

Я принялся за инструментовку «Игрока» и делал страниц пять в день, а позднее и все десять, играя в промежутках в теннис. С Боренькой мы очень ладили, хотя и ссорились, когда он жулил, крича «райт», вместо «аута», или когда я его в двенадцать часов дня будил при помощи холодной воды. Также в очень дружеских отношениях я был с его меньшей сестрой Татьяной Николаевной, очень милой дамой двадцати трёх лет, жившей на соседней даче. Меньше я ладил с другой сестрой, Варей, княжной Магаловой, более невыдержанной, но она приехала позднее и мы с ней соприкоснулись мало.

Довольно часто я ездил в Петроград, пока мама не уехала на юг.

Четырнадцатого июня играл в Павловске 2-й Концерт, который недоповторил, но почему-то сыграл с чрезвычайным блеском. Публика шумно аплодировала, а я на бис бравировал «Сарказмами».

Заезжал я несколько раз в Териоки, заглядывал к Карновичу, к Захаровым (Борис с Цецилией были в Железноводске), в церковь, но тайным желанием было - увидеть прошлолетнюю Танюшу. Но теперь мне не повезло, я встретил всех: её отца, брата, сестру - Танюша же, как золотая рыбка, была неуловима.

Итак, время в Куоккале проходило между партитурой и теннисным кортом, немного однообразно, но славно. Куоккала, конечно, не получила того обаяния, которое для меня и поныне сохранили Териоки, сами Териоки, но проведённым месяцем я остался очень доволен. А в конце июня Боренька и я выбыли на Волгу, держа путь на Кавказ.

Партитура первого акта была готова и сочинение окончено.

Июль

Мы вели путевые записки, которые на полдороге были прерваны, так как мы с Боренькой разъехались. Произошло это у его брата в Самаре, где Боренька, влюблённый в семнадцатилетнюю Веру Сурошникову (не попросту, а в высших планах, трансцедентально и «единственный раз в жизни»), не мог уехать, а я скучал и рвался продолжить путь. Вера была весьма загадочная девушка и не без изюминки, а остальная публика, с её десятками миллионов - сера до тошноты.

Итак, после громогласного объяснения с Боренькой я уехал один, но уже в Царицыно получил срочную телеграмму с просьбой подождать, ибо поэт тоже выехал, днём поздней.

Я ответил поэту поэтично:

Получивши извещенье.
Одобряю вас гигантски. Ждать
в Царицыно мученье, - Я вас
встречу в Астраханске.

Что и исполнил.

По дороге в Астрахань, на пароходе я был действительно принят, неизвестно почему, по облику надо думать, за поэта. Так по крайней мере решила компания молодёжи, ехавшая на пароходе. Я себя выдал сначала за поэта, потом за художника- футуриста, потом за композитора, потом за иностранного композитора, потом за коммивояжёра большой американской фирмы, потом за представителя русской компании, желающей основать завод на берегу Каспийского моря, потом за помещика, со скуки занимающегося богословием (я действительно читал «Великих посвященных» Шюре), потом за великого шахматиста (я всех разнёс на пароходе), рассказывал всем разное, очень забавлялся, всех сбил с толку, так как во всех этих областях сыпал кучей специальных терминов, и на прощание, несмотря на все просьбы, так и оставил всех в неведении.

С Борисом Вериным (псевдоним именно от этой Веры) мы встретились в Астрахани чрезвычайными друзьями и, в ожидании парохода по Каспийскому морю, прожили два дня, живя в каюте парохода, пожирая икру и мило катаясь на моторной лодке по широченной матушке-Волге. А когда мы на моторной лодке провожали пароход, на котором приехал Борис Верин и на котором вся публика была нам знакома, то это было совсем помпезно: мы шли параллельным курсом, нам махали шляпами, платками, вся публика высыпала на палубу, пароход гудел и замедлял ход, капитан приветствовал с мостика и т.д.

Однако в Астрахани композитор и поэт расстались вторично: Борис Верин не мог проснуться полдевятого, я его обливал холодной водой, он тогда освирепел и со злости проспал отход каспийского парохода. Я уехал один.

Чем дальше от Астрахани, тем больше суживалась Волга. Затем она вдруг расширилась до горизонта и превратилась в море. Мы пристали у 12-футового рейда и, пересев с речного парохода на морской, ушли в море. Море было до противности спокойно, безнадёжно серо, погода ни тёплая, ни холодная, пароход довольно мизерабелен[30], народу пропасть, а самым скверным были мошки, правда, не кусавшие, но заполнившие воздух так, что в нём топор мог повиснуть, и немилосердно лезшие в нос, глаза, в чай, в икру. Я попробовал спать в уютной спасательной лодке, но побоялся скатиться в море и среди ночи ушёл в каюту. На другой день, в полдень, прибыли в Петровск. К этому времени мне Каспийское море надоело до отказа и я, бросив свой билет до Баку, быстро перебежал на стоявший тут поезд, а на другой день к вечеру был уже в Тифлисе.

Во-первых, я очень радовался, что я на юге. Затем Тифлис мне очень понравился: живописный, благоустроенный, оживлённый город. Пойдя вечером в клуб, чтобы поужинать, я услышал хороший симфонический оркестр и «Тассо» Листа. Был в Восточных банях и чрезвычайно ими наслаждался. На следующий день в вагоне, не имеющем стенок, поехал в Боржом по очень красивой дороге. Боржом меня весьма интересовал, так как я люблю минеральную воду его имени. Курорт уютно запрятан меж тёмных, покрытых лесом, гор. Он тих сравнительно с Кисловодском, но недостаточно тих, чтобы быть «тихим уголком». Я встретил там Гутман, консерваторку, и мы с ней сделали чудесную, солнечную прогулку на местную вершину Бакуриани. Из Боржоми я вернулся в Тифлис, где на перекладных отправился по Военно-Грузинской дороге во Владикавказ. Встретившийся мне

[30] Жалкий, от miserable (фр).

Игорь Субботин, брат Олега, и его спутник инженер, рассказывали много чудесных вещей про Закавказье, которое они по обязанности службы исколесили вдоль и поперёк, а уж какие дифирамбы были грузинкам, их красоте, женственности и любви, что прямо дух захватывало.

Военно-Грузинской дороги я ждал с нетерпением и получил огромное удовольствие от неё. В огромном, допотопном рыдване, сидя на козлах без шапки и с повязанной от солнца платком головой, я ехал по ней два дня. Конечно, надо проделывать путь в обратном направлении, но и так хорошо. Особенно хороши: монастырь в Мцхетах, долина Арагвы, подальше к верховьям, пропасти у водораздела, Казбек и лучше всего Дарьяльское ущелье. Между прочим, я по дороге, сидя на моих козлах, обнаружил вдруг рифмальную склонность и сочинил несколько стихотворений юмористического характера.

Владикавказ оказался, как я впрочем и ожидал, премилым городом, который однако был так в стороне от мира, что никто не мог мне указать, как едут в Петроград. Я ожидал получить мою корреспонденцию, но ничего не было. Марусе Павловой я из Боржома послал открытку с одним словом «привет», но переврал адрес настолько, что открытка, конечно, не дошла.

Три дня спустя, т.е. двадцать седьмого июля, я прибыл в Северную Пальмиру.

Август

Возвратясь на север, я собирался, согласно приглашению Захарова, провести август в Териоках, а потому по прибытии первым делом отправился в Териоки. Захаровскую дачу я нашёл совсем в ином виде, чем в былые дни. Жил на ней старик- отец, страдавший перерождением сердца и ежеминутно грозившим окружающим катастрофой. Все были тихи, осторожны и отнюдь не шумливо-веселы, как раньше. Боря и его юная жена встретили меня чрезвычайной ласковостью, причём крайне мила была и Цецилия, которая всегда относилась ко мне чуть недоверчиво, даже, пожалуй, враждебно. Теперь Борис, очевидно, оказал на неё решительное влияние. Несмотря на свои утренние любезности, Борис ничего не говорил о своих приглашениях гостить, а потому я немедленно заявил, что поселяюсь в Куоккала, и через день был там.

Татьяна и Варвара Николаевны радостно замахали руками и закричали, чтобы я остановился у них. Сияло солнце, теннис был в отличном состоянии, моя комната меня ждала: я поселился в Куоккале. Время проводили очень мило. Князь, муж Варвары Николаевны, она сама, Танечка и я с увлечением играли в теннис. Я быстро и уверенно инструментовал второй акт. Второй и третий акты ездили со мной по Волге и я частенько посиживал над ними, обдумывая и размечая карандашиком инструментовку. Теперь, благодаря этому, работа шла легко: тринадцать страниц партитуры в иные удачные дни.

Время текло без крупных событий, но очень мило.

Князь был очень привлекательным джентльменом. Варвара Николаевна наоборот - порой очень невыдержанна; мы дважды ругались с ней до самозабвения, но сейчас же мирились. С Татьяной Николаевной мы подружились, особенно когда я случайно проник в её величайшую тайну, превромантичную, и тогда я сделался совсем для неё необходим.

Наезжали Н.В.Андреев, занятный и шумливый князь Андронников, чемпион тенниса Аленицын и другие гости.

Кроме тенниса, играли мы в бридж, по крупному, по рублю, т.е. в десять раз крупней, чем мы зимой. Сначала это меня даже запугивало, тем более, что оба князя играли блестяще, но мне везло и, проиграв в первый раз, я выиграл во второй, проиграв в третий, выиграл в четвёртый, а затем уже только выигрывал.

Параллельно с игрой в бридж развилась в дождливые дни игра в «66». Тут уж я свирепствовал и наиграл рублей восемьсот. Весьма кстати, ибо на полученный наконец аванс под «Игрока» (1500), я вздумал сыграть на бирже, купил себе «вагоны», а они упали на пятьсот рублей - и я сидел в неприятном ожидании.

Несколько раз я заезжал в Териоки, проводил время у Бориса, играл в шахматы с Левкой, который так усилился, что я, проиграв ему серьёзную партию, объявил матч. Искал я Танюшу и наконец нашёл шестого августа на дачном балу, где я был с Карнеевыми. Я был ужасно рад её видеть, и мы с ней невероятно дурили напролёт весь бал. Зубки у неё так же сияют и профиль такой же красивый.

К началу августа относится инцидент с Малько. Я, явившись в музыкальную библиотеку Императорских театров, где «Игрок» переписывался химическими чернилами для литографирования, узнал, что он до сих пор не только не разослан певцам, но и не отлитографирован и даже не весь переписан. Я крайне возмутился, наделал библиотекарю и переписчикам замечаний, назвал их лентяями, отправился к литографщице мадам Семечкиной - и, казалось бы, немного наладил дело. Как вдруг через несколько дней получаю довольно резкое письмо от Малько, состоящего высшим начальством переписочной части Мариинского театра, с просьбой не посещать больше библиотеку, а обращаться лично к нему. На это письмо я отвечал тоже письмом, весьма внушительным, но затем дело уладилось дружественным разговором.

Шестнадцатого я дирижировал в Павловске «Симфоньетту». Оркестр был мил и послушен, я дирижировал свободно и знал, чего мне надобно. Говорят, неприлично махал на репетициях, но другие говорили, что очень хорошо вечером. Успех был, но далеко не такой, как после моих фортепианных выступлений. Асланов был мил до крайности и всё время повторял, что желает быть дублёром Коутса в «Игроке». Я сначала имел ввиду на эту роль Малько, но если будут подобные стычки...

Двадцатого августа второй акт был закончен. К тому же времени относятся несколько мыслей о 3-м Концерте, в пяти коротких частях с общим лейтмотивом, и несколько тем для него. Но отвлекаться от «Игрока» я себе не позволил и через три дня принялся за партитуру третьего акта.

К концу августа подъехала с юга мама, в это лето весьма мало, к моему сожалению, поправившаяся, и я то заезжал к ней в Петроград, то жил в Куоккале. Затем появился Борис Верин. Он был отлично настроен, ибо ценой весьма жестокого грязевого лечения в Ессентуках вылечил себе проклятую боль лицевого нерва. Я очень радовался этому. Приехав в Петроград, он через час уже звонил мне и об астраханской ссоре, конечно, не было и речи. В тот же день мы вместе отбыли в Куоккалу. В Куоккале стало оживлённей. Появились поэтические и философские разговоры.

Сентябрь

Однако сие длилось недолго. В самых же первых числах мы с князем жестоко рассорились, я уехал. Князь имел обыкновение вмешиваться в мою игру в «66» с Татьяной Николаевной и после каждой сдачи объяснять ей ошибки. В конце концов это мне надоело и я заявил, что если он будет вмешиваться, я не стану играть. Действительно, игра шла довольно крупная - по двадцать рублей очко (или «мышка», как мы их назвали). Князь разобиделся донельзя, глаза выкатились наружу, поднялся крик, словом, из петроградского князя он превратился в осетина, орущего «рэзать!». Я сначала смеялся, а затем обиделся и ушёл в другую комнату. Туда же последовала смущённая Татьяна Николаевна, которая, кстати, и проиграла мне триста рублей. На другое утро, несмотря на ажиотацию дам и Б.Н. и их попыток послать одного к другому с примирением, я уехал.

Б.Верин - к удивлению - выразил князю протест и уехал со мною из Куоккалы. Был восхитительный сияющий день. Мы на лошадях доехали до Сестрорецка, купались в бассейне и к вечеру приехали в Петроград, причём Б.Н. просил оставить инцидент в тайне.

В Петрограде я продолжал работать с третьим актом. С Малько мы раза три говорили по телефону, но ноты литографировались чёрт знает как, и Малько не всегда знал, в каком положении дело. Наконец я возмутился непорядками и сказал, что литографистку Семечкину надо не просить, а просто повесить. В ответ Малько повесил не литографистку, а телефонную трубку, и с того момента отношения с Малько приняли враждебный характер. Я жду Коутса, в надежде, что с его приездом дело сдвинется с мёртвой точки, а Коутс купается до пятнадцатого сентября в своём Новороссийске. Зашёл я к Ламбину, моему декоратору. Он сначала принял меня сухо, не зная, кто я. Но узнав, что я автор «Игрока», сделался очень милым, и я ему подробно объяснил оперу и мои желания. Это по облику красноватый старичок, не особенно умный на вид и совсем не «художественный». Вероятно, по этой причине за ним и большая заслуга: его декорации всегда готовы вовремя.

Итак, я инструментовал третий акт, который к шестнадцатому сентября и был закончен.

Между тем у Элеоноры случился ряд происшествий. У неё убили сначала любимого кузена Вовку, а через несколько дней и её знаменитого Сергея Владимировича. С этим известием она бросилась первым делом ко мне, вызвала меня к швейцару, и мне пришлось час целый ходить по Тарасову переулку, утешая и успокаивая её. Конечно, она его не любила, но всё же это было для неё большое потрясение. После смерти Сергея Владимировича ей переходило всё его состояние, с имением, виллами, особняками, кажется, миллионов восемь. Она хотела от всего отказаться, я сказал, чтобы принимала, иначе всё равно разграбят, раз прямых наследников нет.

Борис Верин, у которого я бывал довольно часто, очень бранил меня, что я зарываю в землю мой пианистический талант, что он у меня совершенно необыкновенен и что надо хоть час в день играть. Так что я, уступая ему, стал поигрывать и даже чуть не выучил 2-й Концерт Сен-Санса. Но пришлось заниматься органом, это отнимало время. Пришлось даже взять напрокат ножную клавиатуру и водрузить на неё рояль.

С Борисом Вериным мы принялись за совместное чтение «Афоризмов житейской мудрости» Шопенгауэра, которые меня очень увлекли, к которым я решил вернуться ещё раз, так как беглого прочтения для них мало.

С семнадцатого сентября я инструментовал четвёртый акт, едва достав для него по нынешнему военному времени бумагу. Первая картина проскочила легко, а с антрактом я позастрял, ибо эскизы его были не слишком полные, а инструментовка сложнее, чем во время действия. Зато рулетка пошла с чрезвычайной быстротой и приятностью.

Двадцать третьего с Элеонорой и Борисом Вериным были на «Салтане». Дирижировал только что приехавший Коутс. Я пришёл к нему за кулисы, мы радостно расцеловались. Он закончил своего «Ашурбанипала». Кто-то спросил его, скоро ли пойдёт «Ашурбанипал». Он ответил:

- Мы его только попробуем, а учить буду оперу Сэржа.

Я был очень удивлён, что желанный «толчок» с «Игроком» наступил, сказал Коутсу, что очень рад, что он наконец приехал, а то тут беспорядок с перепиской нот - хоть вон беги. Коутс ответил:

- Малько сам очень расстроен, но на будущей неделе первый акт будет.

То-то расстроен! Просто распустил всех писаришек!

Через несколько дней я играл у Коутса всю оперу. Собралось несколько

человек: Ириночка Михельсон, два репетитора из театра - Бруэр и Дюкс, и американец с женой, он командирован в Россию, в частности в Сибирь, проверять хорошо ли содержатся военнопленные. Коутс был в дичайшем восторге от «Игрока».

Двадцать пятого я праздновал мои именины. Были мои друзья: Демчинские, Ставрович, Борис Верин, Борис Захаров, сестры Дамские; тётя Катя и Катечка[31], которые были допущены на именины, нашли это общество необычайно интересным и умным. Действительно, Б.Н.Демчинский - это золотая личность.

К концу месяца, несмотря на успокоения Коутса, партии и литографии не были готовы. Я возмущался на Малько, не разговаривал с ним и при встречах с ним только что здоровался. Проверял партии «Осеннего» к предстоящему исполнению у Зилоти и инструментовал рулетку.

2 октября

Вчера были с мамой у Коутса. Там собрались слушать «Игрока»: Попова, Каракаш, Алчевский, Мейерхольд и американец с американкой. Я сыграл от начала до конца при громких одобрениях аудитории. Попова была в восторге от своей партии, Каракаш просил дать ему хоть какую-нибудь партию, Мейерхольд сказал:

- Вы даже не знаете, что вы написали: это будет переворот во всём оперном искусстве.

Алчевский - собственно наилучший музыкант из них всех - был не то озадачен, не то смущён трудностью своей партии и сказал, что насколько определённо очерчены Бабуленька и Генерал, настолько неясен ему Алексей. По-видимому, его пугала и вокальная трудность этой партии. Коутс, сиявший от восторга, готов был начать разучивание хоть завтра, но партии не были готовы. А, чтобы черти побрали и Малько, и всю эту беспардонную нотную библиотеку, в которой не могут изготовить клавиры вот уже чёрт знает сколько времени!

3 октября

Я отправился на веринский понедельник. Первый раз. Там мои «враги»: гофмейстер Злобин и Анна Григорьевна. Жеребцовне я нанёс несколько ударов, а Злобин, неизвестно за что, кипел на меня. Б.Н. читал о Пифагоре по Люису, но изложение мне не понравилось. Интересные вещи говорил Каратыгин. Он у Б.Н. второй раз и обнаруживает блестящие знания и эрудицию по философии, слушать его - одно удовольствие. Сводит он всё на материализм будучи убеждённым материалистом. Демчинский говорит, что он интересен, но безнадёжно лишён всякой поэзии. Он интересные вещи рассказывал про один опыт со внушением: замечено было, что с увеличением расстояния внушение становилось слабее, а при помещении внушителя и объекта в два вогнутых зеркала, внушение достигало наивысшей интенсивности.

4 октября

Первая репетиция «Осеннего». Как и всегда на первой репетиции, я не чувствовал удовлетворения.

«Осеннее» успеха не будет иметь. Оно слишком мало внешне для этого. Углубление же, конечно, не будет оценено. Хотя тем, кто упрекнёт меня в гротескности, отсутствии лиризма и поэзии - эта вещь послужит доказательством

[31] Тётя Катя и Катечка Раевские - тётка и кузина С.С.Прокофьева.

обратного.

Написал стихи на Злобина. Он мне надоел вчера вечером, да ещё, говорят, ругал после моего ухода. Стихи я писал с величайшим увлечением и очень легко.

5 октября

Так как лютеранки не имеют именин, то Элеонора сочинила себе именины ровно через полгода после рождения и сегодня празднует их. По этому поводу вечером были в театре. Пьеса очень пустая - и кстати, днём я написал восемь страниц партитуры и отупел. А вот летом, вперемежку с теннисом, удавалось и тринадцать делать.

23 октября

Попытка писать каждодневный дневник не имела успеха. Нагоняю вкратце.

Двадцать первого состоялась, наконец, первая репетиция «Игрока». Дело происходило в одной из внутренних зал Мариинского театра, где на возвышении помещался рояль. За ним я сидел и играл, на этот раз не спев ни звука. Нотная библиотека театра наконец сотворила литографированные клавиры первого и второго акта и артисты сидели с ними, пытаясь (но не всегда удачно) подпевать.

Коутс был в восторге, Асланов был доволен, Ершов внимательно следил по клавиру и делал полезные замечания. Заслуженная Славина держала себя высокопоставленно, но обязательно хотела петь Бабуленьку. Попова и Каракаш были восторженны и экспансивны. Репетиция прошла в приподнятом настроении.

«Осеннее» было сыграно недурно и даже имело успех. В специальном восторге были Коутс и неожиданно приехавший Кусевицкий. Оба, кроме того, хвалили меня за дирижирование, да не просто снисходительно, а очень горячо. Критика или хвалила, или боялась очень выругать, но ни один не догадался, что «Осеннее» не есть эскиз осени, не есть картинка природы, что названо так лишь по ассоциации; на самом же деле рисует мир внутренний, а не внешний. Такое «Осеннее» может быть и весной. Только в «Музыкальном Современнике» (надо думать Игорь Глебов) проникли в сущность.

На другой день меня посетил Кусевицкий и сообщил, что: во-первых, «Ала» не может идти в Москве, так как почти весь его оркестр на войне и 8-мм валторн не достать. Во-вторых, пригласил меня издаваться в издательстве Гутхейля, недавно им купленном. Я этого приглашения ждал и хотел, да оно и не могло не случиться. Но это не есть Российское Музыкальное Издательство, хотя и как бы родной брат его. В РМИ меня не пропускают Рахманинов и Метнер, два члена жюри. Здесь же жюри нет, хозяин Кусевицкий. Он надеется, что через год-другой я перейду в РМИ.

Из других событий моей музыкальной жизни отмечу: двадцатого я окончил партитуру рулетки и немного закис перед антрактом, ибо его эскизы были весьма неполны. По мере приближения конца «Игрока», мне стало хотеться написать третий фортепианный концерт, хотя я знаю, что многие меня будут ругать - зачем я пишу «концертную», а не симфоническую музыку. Две темки для него были сочинены ещё в Куоккала в августе. Предложили мне писать музыку для пантомимы на сюжет Ремизова. Я отклонил, несмотря на то, что за меня ухватились с невероятной горячностью. Зато Ремизов прочёл мне своего «Алалея и Лейлу», сюжет для балета, который пять лет обсмаковывался Лядовым, но сочинение которого ограничилось десятью тактами музыки (нота «ля» - зажигается звёздочка). Ремизов, у которого просили этот сюжет после смерти Лядова и Черепнин, и Штейнберг и другие, непременно хотел, чтобы написал я. Ремизов - специалист по всякой русской нечисти и, будучи сам похож на какую-то кикимору,

уснастил «Алалея» таким множеством всяких фантастических лесных существ с такими удивительными именами, прозвищами, выкриками и изложил это таким прелестно-витиеватым слогом, что мне сразу стало ясно, что в балете вся соль пропадёт: надо писать оперу. Но пока о новой опере думать рано - через год. «Алалей и Лейла» - прелесть, но со всем этим материалом надо создать абсолютно другой сценарий. Я напишу эту оперу.

Что ещё? Пригласили меня в Киев, это очень приятная поездка. Сыграю 1-й Концерт - это развлечение, а Второй - тягота.

Теперь помимо музыки. Я очень заинтересовался звёздами. Астрономия меня всегда тянула к себе. Теперь я раздобыл книжку Игнатьева и с увлечением стал изучать звёздное небо, запоминая названия и рисуя созвездия на бумаге. Увы, за последнюю неделю все вечера небо было в облаках.

С Борисом Вериным разрыв: я ему наложил месячный перерыв за то, что он не докончил шахматного турнира, происходившего у меня девятого октября, и умчался домой, где был гость. Турнир прошёл очень увлекательно и окончился победой Тюлина. Затем: Демчинский, Рудин, я, Лев Каренин и Борис Верин.

В английских газетах блестящая статья про меня и где-то там же играли «Скерцо для четырёх фаготов». То-то зависть у Жеребцовны! (Хм-хм). А про «Скерцо» забавно: первое его исполнение в Англии, несмотря на то, что в России, кажется, меня уже часто поигрывают!

Я захвастался, довольно. Двадцатипятилетнему мальчишке повезло, он обрадовался и затрещал: я да я. Противно!

28 октября

Эта неделя - неделя репетиций: четыре «Игровых» и три «Аловых». У Коутса фурункул внутри носа и он сидит дома. Репетиции «Игрока» делали Дранишников и я. Конкуренцию нам составлял Асланов, у которого параллельно шли репетиции «Пророка»[32], которые у нас отобрали всех участников, но к «Игроку» был такой трогательный интерес, что все они в каждый свободный промежуток прибегали - и всегда кто-нибудь да делал «Игрока». Ершов принялся за дело серьёзно и сидел каждую репетицию. Очень увлекался, врал, извинялся, махал руками и выказывал массу таланта, изображая то или иное место на сцене. Попова знала и пела верно, Боссэ-Генерал был очень хорош, Бабуленька не появлялась. Партия Генерала во втором акте шла при общем хохоте. «Алу» я две репетиции учил добросовестно, а на третьей, генеральной, произошел инцидент. Не хватало ударных, заказали к гереральной еще троих. Но заведующий оркестром нашёл лишь одного, ничего мне об этом не сказал, и в результате мы оказались без там-тама и двух тарелок. Я сначала думал, что эти
инструменты за недостатком мест не были поставлены, но узнав, что их нет и что, стало быть, - не обрати я внимания - мы бы и на концерте остались без там-тама (а что за «Шествие Солнца» без там-тама?!), я пришёл в волнение, остановил оркестр и громко потребовал у заведующего оркестром отчёта, почему нет инструментов и почему я не поставлен об этом в известность. Тот отчёта дать не мог. Я сказал, что так люди не поступают, и назвал его «антихудожественным человеком». Он что-то ответил, обиделся и ушёл. Зилоти взволновался, подошёл к оркестру и постарался меня успокоить, говоря:

- Будут, будут, Сергей Сергеевич, завтра будут, а об этом потом, не обращайте внимания, продолжайте...

Сказав, что можно подумать, будто мы в Харькове, я продолжил репетицию,

[32] Видимо речь идёт об оратории «Messiah» Генделя.

крайне огорчённый, так как вечером они-то будут, но будут играть без репетиции.

Был у Алчевского и репетировал с ним «Утёнка». Встретил у него le grand Konstantin Balmontin[33]. Я думал сначала, что Бальмонт ничего обо мне не знает, и так себя и держал, т.е. говорил о ерунде для того, чтоб о чём-нибудь говорить, но оказалось, что он часто читал всякие газетные похвалы, а прослушав «Сарказмы», весьма ими заинтересовался и сказал, что ему рисуются: бешеная страсть, чудесный лиризм в третьем, смерть в четвёртом и заколачивание чёрта в пятом. Я ответил, что программы в них нет, а если и есть намёки на неё, то только из нашего внутреннего душевного мира. О программе пятого «Сарказма» я ничего ему не сказал. Она приблизительно такая: иногда мы зло, грубо и беспечно смеёмся над чем-нибудь, но всмотревшись пристальней, видим, что осмеянное нами настолько жалко, настолько несчастно и даже трогательно в своём ничтожестве, что нам становится страшно своего смеха, он восстаёт в наших ушах, и тогда мы слышим свой собственный смех, на этот раз смеющийся над нами.

Бальмонт читал свои новые сонеты, предлагал мне их для романсов, звал к себе (чем я остался крайне доволен) и обещал заехать на «Алу», несмотря на то, что у него в этот вечер будут гости.

Сегодня мама сухо сказала мне:

- Звонила Павлова.

Со времени весны про неё не было ни слуха, ни духа. Я ужасно буду рад её увидеть!

3 ноября

Двадцать девятого в день исполнения «Алы», день который я для себя считал большим, - у меня было мерзейшее настроение, так же и весь вечер. Причины - не более как досадные недоразумения, презабавно рассеянные на другой день.

Исполнение «Алы» носило парадный характер - масса желающих её слышать, все билеты проданы и прочее. Приятной радостью для меня было, когда после первых тактов я услышал, насколько лучше звучит оркестр на эстраде и с железным занавесом. Оркестр играл много лучше, чем в январе, но можно было бы и тоньше. Однако, при некотором недоверии к варварской музыке, а порой и враждебности, оркестр не мог и не желал быть тонким. Тем не менее, конец вышел ослепительным, а вновь доставленный тамтамист напустил ослепительного золота. Мне было приятно дирижировать «Шествием Солнца», ибо инструментовка его верно рассчитана. Я сразу же начал выжимать из оркестра всё, что можно, и, тем не менее, нарастания хватило до последнего такта.

Успех превзошёл мои ожидания: с эстрады шикания не было слышно - одни громогласные аплодисменты. Когда же они стали стихать, кто-то рявкнул «долой!» (по другой версии «довольно»), и тогда произошла такая бурная овация, которая далеко затмила любимца Рахманинова, непосредственно перед «Алой» игравшего свой 2-й Концерт. И только половина оркестра злостно шикала, а группа человек в десять, с Чернявским во главе, бешено орала «браво». Прибежавшие в артистическую Попова и Каракаш были от восторга как сумасшедшие и говорили, что они не слышали «Восхода Солнца», а видели его.

За ужином у Зилоти было довольно монотонно, а меня с Рахманиновым посадили по разным концам стола, вероятно, чтобы мы не разговаривали. И только дня через три Зилоти сообщил, что после моего ухода он с Оссовским интервьюировал Рахманинова об «Але» и тот сказал, что он одобрил яркую инструментовку, моё дирижирование, даже много мест в сюите, находя, что параллельно с этим много

[33] Великого Константина Бальмонта (фр).

«музыкального гримасничества» и такого, что он не может слышать, но что всё же это очень талантливо и что надо печатать у Кусевицкого. Оказалось, что, хотя Кусевицкий и приписывает меня в своё Гутхейлевское отделение, Рахманинов и тут состоял в жюри (Кусевицкий, Рахманинов и Струве), был до сегодняшнего дня в оппозиции, и лить теперь сказал «да».

На другой день я слушал его романсы с большим интересом.

Последняя серия на стихи новых поэтов - прямо прелесть. Нина Кошиц - исполнительница, заслуживающая тщательного внимания. Но она так хвасталась как-то на ужине у Зилоти, что я был весьма к ней в оппозиции. На том ужине мы обменялись парой колкостей.

Прослушав целый вечер романсов, я решил: надо написать несколько новых. Сувчинский подвернулся с томом Анны Ахматовой, которой я давно интересовался и на которую давно мечтал написать несколько интимных, простых романсов без шестиэтажностей двадцать третьего опуса, и следующие дни, тридцать первое октября - третье ноября, я с редким увлечением, лёгкостью и любовью провёл за сочинением опуса 27. Результат четырёх дней - пять романсов, которые мне всё больше и больше нравятся, а теперь я прямо в восторге от сочинённого. Я даже думаю, что они - некоторый этап в цепи моих опусов: я имею ввиду их интимный лиризм.

7 ноября

Когда я сыграл романсы Сувчинскому, то он бросился мне на шею и стал целовать в совершенном восторге. Он бредит Ниной Кошиц («Кошкиц» как я её зову) и мечтает, чтоб она спела их на вечерах Современной музыки.

Занятия с «Игроком» позаглохли, ибо Коутс имеет свой фурункул в носу и не показывается, а в театре заняты «Пророком». И только Ершов назначает мне отдельные свидания и с исправностью учит. Я репетирую с Поповой, Алчевским и Вольф-Израэль к своему камерному концерту; выписываю либретто для Боголюбова из «Игрока».

Был я у Бальмонта. Несколько человек гостей: чёрствый и знаменитый Сологуб, человек пять скромных поэтёнков и две хорошеньких декадентских девицы. Бальмонт мил, рыж, мёрз от холода, на плечах шарф одной из дев, интересовался моей музыкой, увлёкся (к большой моей радости) пятым «Сарказмом» и подарил свою книжку с надписью «Волшебнику звуков С.С. Прокофьеву, в высокий дар которого я верю». Я был этим очень горд. Вообще, я был крайне доволен его внимательным отношением ко мне. Это ведь - Олимп. А стихами его с Борисом Вериным мы увлекались непрестанно.

Идя от Бальмонта, любовался звёздами. Наконец-то отдёрнулся облачный полог - и какая радость было увидеть и красавца Ориона, и красный Альдебаран, и красный Бетельгейзе, и чудный зеленовато-белый бриллиант Сириуса. Я смотрел на них новыми, открывшимися глазами, я узнавал их по заученным расположениям на звёздных картах - и будто какие-то нити связывали меня с небом! Было четыре часа ночи, надо было спать, а белый Сириус стоял прямо перед окнами и не давал глазам оторваться от него!

Снёс Бальмонту «Сарказмы» с надписью: «Нашему Солнцу несколько отрывков темноты».

15 ноября

У Коутса второй фурункул, затем третий - и «Игрок» заснул совершенно. Впрочем, на моё ироническое замечание Тартаков сказал:

- Вы не волнуйтесь. Всё равно опера должна пойти в этом сезоне, и пойдёт.

Четырнадцатого Боровский давал свой концерт. Памятуя его великолепное прошлогоднее исполнение моего «Скерцо» Op.12, я с нетерпением ждал моей 2-й Сонаты, но был разочарован: первая часть была сыграна без теплоты, «Скерцо» - слишком быстро и потому неясно, andante - хорошо, а финал был скомкан в преувеличенном темпе. Соната, всегда имеющая такой успех, на этот раз была принята холодно. На другой день мы завтракали у «Медведя», и я предостерегал его, что из Боровского-музыканта он становится Боровским-первым любовником, который очаровывает публику пассажами, пианистическими эффектами, но забывает о сути. Он говорил, что этого ещё не случилось, но что он будет этого остерегаться. Неделю перед тем он играл Сонату в Москве (там он играл её лучше, потому что не было автора и поклонников авторского исполнения). Он говорит, что отношение Москвы к моей музе скорее враждебное, чем дружественное, хотя Соната была принята хорошо, а так же есть и настоящие горячие поклонники.

15-23 ноября

Я был ужасно рад, когда наконец настал день отъезда в Киев. Спальное место было уже взято десять дней назад, тем не менее мою скамейку всё же продали двоим, мне пришлось перебраться в другое купэ.

На другой день яркое солнце, совершенно отсутствовавшее в ноябре в Петрограде, свидетельствовало, что мы весьма подвинулись на юг. В Киев поезд пришёл ни свет ни заря - в шесть часов. Пока я выбрился на переполненном офицерами и солдатами вокзале (войска перебрасывались в Румынию) - на дворе рассвело и к девяти часам я отправился прямо на репетицию. Что ж, играют ничего, хотя, конечно, оркестр неуверен, а Глиэр машет довольно плохо, но мне не хотелось придираться. С Глиэром у меня отличные отношения и, по традиции, с детских лет он до сих пор зовёт меня Серёжей и «ты», а я его Рейнгольдом Морицевичем и «вы». После репетиции Глиэр повёл меня в Консерваторию и с инспектором показывал мне её, а меня показывал ей, знакомя с преподающими. Это было очень занятно - профессора трясли мне руку и говорили любезности, другие неловко молчали, не зная, что сказать. Я уже старался что-нибудь придумать насчёт Киева и просторности классов. Ученицы вскакивали при нашем входе и почтительно стояли, с любопытством разглядывая петроградского гостя.

Обедали у французского консула, местного богача, еврея Болаховского. Так как билетов в Москву не было, то он звонил к коменданту и устроил мне место первого класса как посланному от французского консульства.

На следующий день после генеральной репетиции в четыре часа, я играл для профессоров и учащихся Консерватории, которыми набился весь консерваторский зал. Рейнгольд Морицевич боялся меня об этом просить перед концертом, но мне это доставило огромное удовольствие. Я помню, как ещё недавно, когда у нас в Консерватории вывешивалось объявление о том, что такая-то заезжая знаменитость «любезно согласилась» сыграть для учеников, - какое это вызывало среди учащихся оживление, прямо переполох, и как все бросались в зал слушать. И теперь, входя в Киевскую консерваторию, я был ужасно доволен, что столько молодёжи собирается меня слушать. Зал был набит битком, когда состоялся entrée: директор, инспекторы, несколько профессоров и я. Учащиеся вставали при нашем приближении. Я, смеясь, говорил Глиэру:

- Суд идёт, встаньте.

Инспектор объявил, что я сыграю 1-ю Сонату, «Токкату» и «Сарказмы», и я уселся за рояль. После каждого номера я делал антракт и спускался в первый ряд к профессорам, которые с оживлённостью выражали свои восторги, даже наиболее

консервативные (но не за «Сарказмы»), Учащиеся хлопали от вещи и до вещи, пока я сидел и разговаривал. А после конца стали орать «Наваждение!» и так шумно аплодировали, что пришлось раза три сыграть на бис. В кабинете директора, куда мы ушли от аплодисментов, учащихся сменили профессора, трясли руку, требовали надпись на моих сочинениях и прочее. Больше всего успех имела «Токката», у иных пятый «Сарказм». При моём выходе из Консерватории ученики мне устроили дополнительные овации и многие девицы и маленькие мальчики ещё долго шли по улице позади меня и Глиэра. Я, очень довольный, ушёл гулять на Днепр, впрочем пожалев, что не позвал моих экспансивных поклонников и поклонниц составить мне компанию.

Наступил концерт, на который уже за два дня билеты были проданы. Это, конечно, не я и не Стравинский тому виной, а скорее относительная редкость симфонических концертов при большой музыкальности города. Перед моим выступлением произошла заминка. Я чуть-чуть запоздал, за мной послали, в это время я приехал, а посланный увёз с собой ключ от рояля. Ждали и волновались.

Концерт прошёл не без трещин со стороны оркестра, один раз даже сбивших меня. Я играл хорошо и удивительно спокойно, даже когда врал, ибо от киевских музыкантов я уже получил приговор, и очень недурный, а остальная публика всё равно не могла судить о частностях. Успех был большой, хотя не такой шум, как в Петрограде после «Алы». Меня вызвали раз семь, трижды я бисировал, в том числе «Токкатой», повторяя её к Петрограду. У рояля, неизвестно откуда, появилась корзина белых хризантем. Я сперва отнёсся к ним довольно флегматично, решив, что это либо от Элеоноры (она говорила: «Вот я понимаю, например, жить в Петрограде и поднести цветы по телеграфу в Киеве»), либо от французского консула, либо от дирекции. Как вдруг прочитал на карточке: «Борюнечка, посылая цветы, шлёт свой привет». Цветы сразу выросли до размеров тропического леса и я был в неописуемом восторге. Нет! Это элегантно: цветы из другого города! Вдев Глиэру после концерта в петлицу хризантему, я спросил, когда идёт поезд в Харьков. Он очень удивился, ещё больше удивился народ за ужином, когда я на вопрос об отъезде в Москву, поправил: «В Харьков». Но консулу пришлось отказать, с билетами в Харьков мне посчастливилось и на другой день я к вечеру в розовейшем настроении сидел в вагоне на пути в Харьков. Я улыбался, потому что меня занимало увидеть Полину, с которой я не встречался четыре с половиной года, а в этом возрасте четыре с половиной года - вечность. Тогда ей было лишь тринадцать, теперь семнадцать. Я ей телеграфировал о приезде и был уверен, что она захлопает в ладоши, получив телеграмму. Так оно и случилось на самом деле. Полина встретила меня на вокзале, такая изящная и молоденькая, ещё моложе своих лет, со своей очаровательной улыбкой, лёгким ломаньем походки и искренней радостью меня видеть. Несмотря на четыре с половиной года, оба мы изменились мало и сразу узнали друг друга. Полина из русой стала рыжей, что было лучше, у неё были широко расставленные глаза, хорошенький нос и острый подбородок.

Она хотела приехать в Киев на мой концерт, но приехал навещать отец из Таганрога - и ничего не вышло. Мы провели весь вечер не расставаясь: катались за городом, обедали в ресторане, гуляли, были у неё. В ресторане она пожелала, чтобы мы обедали в отдельном кабинете, дабы я мог играть ей на пианино. Это был очаровательный обед, а я с удовольствием играл ей на плохоньком пианино. Она уже всеми силами рвалась в Петроград и просила её устроить в Медицинский институт. Трудность - она еврейка, а там 3% норма.

Приехав в Москву, я погрузился в деловую атмосферу, предварительно еле найдя себе номер - в девятнадцатой гостинице, так Москва перегружена. Со Струве, заведующим издательством Кусевицкого, очень обходительным господином башенной величины, мы разговаривали в первый день с одиннадцати часов вечера

до часа ночи, а на другой день с трёх часов до десяти, причём у меня дважды заболевала голова, а один раз я даже удрал на двадцать минут погулять. Он мне показал почти все последние издания, выказал массу любви к своему делу, и в конце концов, обедая в «Праге», мы почти договорились. Условия ничего, но маловат процент. Окончательного решения не произошло, я обещал подумать и написать. (Романсы и фортепианные пьесы 100-200; соната, трио, квартет 300-500; симфоническая пьеса 400-1000; концерт 500-800; балет и малая опера две-три тысячи; оперы три-пять тысяч; первое издание, триста экземпляров, без процентов; со второго и т.д. 10% с цены экземпляра). По окончании войны он надеется перевести меня в РМИ и, может быть, даже с вещами, изданными у Гутхейля.

23 - 30 ноября

В Петрограде у меня сутолока - ибо двадцать седьмого камерный концерт Зилоти из моих сочинений, и надо подготовить: виолончелиста, фаготистов, Попову и Алчевского, особенно последних двух. О себе я забочусь меньше всего, ибо «Токкату» и «Сарказмы» подготовил в Киеве. А с певцами вышла гадость, ибо у Каракаш умер отец, и Попова не только не доучила романс, но слава Богу, что совсем не отказалась.

А Алчун заявил, что романс «я не знаю» и петь не будет, и прибавил:

- Если же вы недовольны, то я могу совсем отказаться от участия в концерте.

Я ответил:

- В душе я именно так и думаю, но так как ваше отсутствие сорвёт концерт, то фактически я должен вас просить, чтоб вы пели остальные романсы.

Наступило двадцать седьмое. Зал был полон, билеты были распределены чуть ли не за два месяца, как, впрочем, и на многие концерты Зилоти. Борис Верин, получивший «амнистию» и бывший в дичайшем восторге от неё, сидел в смокинге в первом ряду и «исступлённо аплодировал». Я начал с «Токкаты», встреченной не очень горячо. Далее Алчевский с «Утёнком»: некоторая неуверенность в начале и ужасное враньё в словах, словом, недоучил. Появление четырёх фаготистов, смущённо вышедших на эстраду, без фраков (их у них никогда не было), один с повязанной щекой, вызвал весёлый смех публики. «Скерцо» было повторено. «Балладу» Вольф-Израэль сыграл почти совсем хорошо. Это её четвёртое исполнение, но первый раз с успехом. Поповочка очаровательно выпорхнула в невероятном белом платье, очень старалась, но, кроме «Отчалила лодка», всё спела плохо. Второй антракт; Алчевский - стреляный волк - до безобразия волнуется с романсом «В моём саду» и «Кудесник». Поёт, впрочем, хорошо, хотя и врёт в «Кудеснике». Опять недоучено. «Кудесник» повторяется. Перед «Сарказмами» я уединяюсь, чтобы немного сосредоточиться. Играю их, по-моему, лучше, чем когда- либо. Пятым «Сарказмом» кончается концерт. Мне подают венок (от Гессен, я очень горд), большую лавровую лиру на подставках и корзину цветов. Консерваторский Иван, который тащит лавры, шепчет:

- С.С., по нынешним временам, это редко на каком концерте бывает.

Лира от Бориса Верина, с четверостишием на ленте:

Твоя пылающая лира Горит
всё ярче, всё святей. В ней
блики солнечного мира, В
ней песни солнечных огней.

Толпа сбивается у эстрады и громко аплодирует. Я несколько раз выхожу

кланяться и, в конце концов, играю на бис пятый «Сарказм». Ничего другого я не хочу играть, дабы сохранить серьёзность концерта, а не разыгрывать из себя любимца публики. Когда я играю пятый «Сарказм», некоторые из сбившихся у эстрады бесцеремонно разворачивают у самых моих ног ноты и следят по ним, очень мне мешая, ибо я боюсь ошибиться. Хочется ткнуть ботинком. Больше я не бисирую и публика, покричав и похлопав, расходится. От Зилоти мне вручают под расписку 420 рублей: всю прибыль от концерта. Не Бог знает как много, но всё же неожиданно, потому что я с ним о деньгах не разговаривал и думал, что он попросту отделается ничем.

После концерта у меня человек пятнадцать друзей: Мясковский, Захаров с Цецилией, Борис Верин, Демчинский, Ставрович, Сувчинский, Асафьев, Элеонора с сестрой, Держановский (приехал из Москвы, мы помирились), тётя Катя и Катечка. Борис Верин остался чрезвычайно доволен обществом:

- Ни одного случайного человека!

Все исполненные в концерте вещи, за исключением «Утёнка» и «Есть иные планеты», исполнены в первый раз. («Баллада» игралась в Москве, «Токката» в Киеве в виде биса).

1-10 декабря

После концерта я проводил время так: дважды обедал у Б.Верина, где совершенно необыкновенное внимание мне оказывал брат Владимир, заставлял играть ему «Похоронный марш» Шопена и не то в шутку, а то и серьёзно, предлагал женить на дочке самарской богачихи с состоянием в шестьдесят миллионов, не более и не менее. Был я у Обухова, который играл свои новые сочинения. Фительберг возмущался, Сувчинский покатывался со смеху, Кусевицкий делал вид, что что-то понимает, я говорил, что они имеют вертикальный интерес и никакого горизонтального, т.е. гармонии, скорее аккорды, интересны, но связи нет, мелодические линии наивны, а местами - о, ужас - пошло.

Получил предложение играть в Саратове - с удовольствием, ибо раза два в зиму прокатиться очень приятно. Буду играть целый вечер один, и рад, что это будет как бы репетицией в провинции для клавирабенда в столице.

От неизвестной поклонницы Ванды Оссолинской получил пламенное послание за концерт (письмо кончалось: «прощайте, кудесник, любимец богов»). Но, конечно, главное внимание - Полина, особенно, когда она написала, что живёт только надеждой перевода в Петроград. Я решил обратиться к Гессен, но смущался, что с пустяками пристану к человеку, занятому чуть не государственными делами.

Как вдруг температура моя стала повышаться, допрыгалась до 39°, мне пришлось прилечь. Боясь, не тиф ли у меня (Борис Верин уже лежал с паратифом), я поспешил позвонить к Гессен, чтобы успеть сделать это дело до полной картины болезни. Гессен я сказал, что у меня к нему дело на тему о еврейском вопросе, а когда он несколько удивился, объяснил о переводе. Он спросил благодушно:

- Романтическая почва?

Я ответил:

- Нет, оперная. Она - Полина, как моя героиня, такая же рыжая, тонкая и глаза кошачьи. Как же мне о ней не заботиться?

Гессен очень любезно взялся переговорить с директором института Верховским и через день сообщил результат:

- Ваша Полина на каком курсе?

- На первом.

- Тогда безнадёжно. Верховский сказал, что если бы на третьем, тогда можно, а на первых двух такое переполнение, что даже думать нечего. И не потому, что

она еврейка, а потому что все лаборатории прямо ломятся от учащихся.

Я поблагодарил и написал Полине о первой неудаче.

18 декабря

Вчера я, по выражению Бориса Верина, объявил себя здоровым и вышел на улицу. Имел право, ибо два дня температура нормальная. Борису Верину тоже лучше, но он был болен серьёзнее меня и до сих пор ещё полёживает.

Вчера разнёсся слух об убийстве Распутина (имя его войдёт и в историю, и в литературу, а может и в музыку - сюжет для оперы?!!), все поздравляли друг друга, вечером на концерте Зилоти потребовали гимн. Газеты молчали, а в публике шептались, что убил граф Сумароков-Эльстон по жребию, брошенному между гвардейскими офицерами.

С «Игроком» дело движется. По крайней мере, каждый день репетиция и спевка, на которые я по болезни не мог ходить. Сидел дома и инструментовал антракт. Никак он мне не давался, пока я, наконец, не догадался написать сначала эскиз партитуры, строчек на восемь. Тут я сочинял пассажи, переделывал, перечёркивал, вписывал то, что решено, и оставлял пустые места для затруднительного, и, в конце концов, в какие-нибудь три дня эскиз партитуры был готов, да такой подробный, что в настоящую партитуру пришлось только переписывать. Сегодня я начал последнюю картину. Скоро её кончу и буду рад, в перспективе: 3-й Концерт, Скрипичный концерт и «Классическая» симфония.

Паршивая театральная библиотека всё отлитографировала. Я получил заказанные ей десять экземпляров и один уже поехал в Москву с Держановским (который воскрес со своей «Музыкой») для того, чтобы, если можно выразиться собачьим языком, снюхиваться с Купером и Большим театром. Я же буду в Москве пятого февраля, и тогда произойдут официальные разговоры.

Тринадцатого я, в ещё не совсем выздоровевшем виде, с завязанным ртом и в закрытой карете, выезжал на благотворительный концерт, устраиваемый Ольгой Борисовной, нашей консерваторской субинспектрисой. Я имел большой успех, а три южных девы, особенно одна, ученица Жеребцовой-Андреевой по имени Элли, прилетели ко мне в артистическую и задыхались от восторга. Рыжая Элли, грузинка, уроженка дикой Сванетии, теперь звонит мне через день и мы довольно мило с ней разговариваем.

24 декабря

Был я на репетиции рулетки. Сначала мне показалось, что не очень ладно: многие пели ощупью, не понимая зачем та или иная фраза и почему она «фальшивая». Выходило глупо. Но потом дело пошло на лад. И конец рулетки спели пребойко, и некоторые наизусть.

В Консерватории я очень неплохо сыграл Гандшину органные фуги Баха, которые за болезнь изрядно подучил. Вообще я подвинулся. Но сей швейцарский формалист заявил, что я весной всё же не смогу кончить курс, а потому, согласно уговора, я должен покинуть Консерваторию. Меня это разозлило, и я отправился к Коутсу, сказал, что меня призывают и что надо, чтобы Теляковский дал мне льготу, как работающему на Мариинский театр. В тот же вечер, когда я на утомительнейшей «Метели» А.С.Танеева зашёл к Коутсу в уборную, туда же вкатился кругленький, сияющий старичок в смокинге - высокосановный автор оперы. Нас познакомили и он засыпал меня комплиментами. Коутс моментально кинулся на него и с ужасом воскликнул, что меня берут в солдаты.

Танеев:

- Но это невозможно, вы не должны служить! Я обязан помочь вам, как собрат по профессии, хоть, может быть, вы меня и не считаете за такового...

Уходя, он сказал, что если действительно мне понадобятся его услуги, то чтобы я позвонил ему по телефону и он меня примет. Я послушался и позвонил. На другой день в пять часов я был принят в Михайловском дворце.

25 - 31 декабря. Рождество.

Сочельник я провёл «по традиции», т.е. третий раз подряд у Демчинского. Борис Верин на этот раз отсутствовал - у него с Демчинским контра.

На третий день праздника у меня состоялся большой шахматный турнир a tempo - «Третий перворотный турнир»[34]. Я был до чрезвычайности увлечён его устройством, да и большинство участников разожглись на турнире. Один Демчинский сохранял олимпийское спокойствие, говоря, что он находится в «других планах», чем шахматы. Новыми участниками были барон Рауш фон Траубенберг и Ростовский, ужасно обрадовавшийся моему приглашению. Турнир начался в десять вечера и окончился в шестом часу утра победой Рауша. Масса оживления ему сопутствовала.

Тридцатого я был у Лидуси Карнеевой, ныне Барковой. Она недавно появилась с Дальнего Востока и звонила мне. Мы остались очень довольны друг другом. Какая она прелестная и сколько в ней ласковости!

В смысле инструментовки - я на всё Рождество застрял с истерикой Полины. Надо было изучить глиссандо у валторн и вообще придумать достойную инструментовку, которая, кажется, удалась и будет звучать весьма необыденно.

Затем с «Игроком» номер: в газетах появилась заметка, а затем все заговорили, что вдова Достоевского (оказывается, существует такая дама) хочет притянуть меня за использование без её разрешения её романа. «Её романа», так как после смерти Достоевского права перешли к ней и «Игрок» стал её собственностью. Боголюбов говорит, что это пустяки, но, пожалуй, придётся съездить на поклон. Это скучно.

Новый год мама и я встречали у Александра Бенуа. Молодёжь галдела, было очень шумно и довольно весело. Очень мне понравилась дочь Бенуа, которую я сначала принял за жену. В ней есть также что-то от Нины Мещерской. Домой пришлось шагать пешком - извозчиков не было, и я еле дотащил три тома «Illustration» за 1865 год, которые Бенуа мне дал для постановки «Игрока». А то в Мариинском театре растерялись и не знали, где и как справляться про эпоху «Игрока».

Нувель в новогоднем тосте пожелал'мне «славы Мейербера». Ну разве не негодяй?! Он же заявил, что если я поставлю оперу без разрешения мадам Достоевской, то мне грозит заключение в тюрьму сроком до шести месяцев.

[34] Третий турнир на улице Первая рота.

1917

Январь

Первого января никаких визитов. Лишь идучи обедать к Гессен, занёс карточку моему повелителю Танееву.

У Гессен история с Достоевской вызывает оживлённейшие толки: спорят Гессен, Каратыгин, Родичев, Каменка, роются в законах и юридических пособиях и каждый доказывает противоположное. Закон об авторском праве так неясен, что по одним сведениям - Достоевна имеет все права, по другим - никаких. Гессен горячится и берётся защищать моё дело на суде.

На другой день звоню Боголюбову, спрашивая как быть, и что вообще за история. Он советует переговорить со вдовой, и я принимаю предложение Тюфяева, чиновника при Дирекции Императорских театров и друга дома Достоевских, приехать к Достоевской и переговорить. Она всегда живёт в Сестрорецке. Шестого пожаловала в Петроград, в квартиру сына. В четыре часа, согласно уговора, я явился к ней.

Достоевская оказалась маленькой миловидной старушкой, ей был семьдесят один год. Глаза её сохранили живость и деловитость. Одета была в чёрное и чёрная наколка на голове. Она сидела на диванчике у стола. Я начал с того, что наговорил ей много любезностей по поводу того, что вижу супругу столь знаменитого человека, перед которым я пребываю в таком восхищении. Затем выразил сожаление, что не обратился раньше, - единственно потому, что не знал о существующих правах собственности. Словом, сразу установились очень хорошие отношения. О деле, собственно, разговор был всего на пять секунд. Она сказала, что желала бы иметь 25% с моих доходов с «Игрока», а я ответил, что подумаю. Я рассказал ей, как я инсценировал роман. Рассказывал я с большим увлечением - и тому способствовало внимание, с которым меня слушали. А слушала меня Достоевская затаив дыхание, покраснев от волнения, и с глазами, загоревшимися совсем как у молодой девушки.

По окончании она сказала:

- Я думала, что это можно сделать хорошо, но никогда не ждала, что до такой степени!

Мои вольности - усечение конца романа, введение директора рулетки, фраза Алексея, завершающая оперу – она одобрила. Особенно ей понравилась фигура директора и финальное восклицание Алексея:

- Двадцать раз подряд вышла красная!

Она мне рассказала, что «Игрок» для неё самое дорогое воспоминание: когда она молоденькой стенографисткой явилась к Достоевскому, он объявил, что ему меньше чем в месяц надо написать роман такой-то длины, иначе неустойка разорит его. Роман уже задуман, но он в волнении, ибо не успеет его написать.

Молоденькая стенографистка не без трепета села за стол великого писателя, а он шагал по комнате по диагонали от угла к печке и, доходя до печки, каждый раз два раза постукивал по ней. Достоевский начал свой диктант:

- Наконец, я возвратился из моей двухнедельной отлучки. Наши уже три дня, как были в Рулетенбурге.

И т.д. Это был «Игрок». Продиктовав страницу, он остановился и попросил прочесть.

- Почему в Рулетенбурге? - резко остановил он, когда та читала.

- Вы так сказали.

- Я так не говорил.

Однако барышня не сдалась и твёрдо возразила:

- Но ведь у вас же было задумано такое название? Откуда же я могла узнать о нём?

- Да, верно, - согласился Достоевский. - Хорошо, оставьте.

Диктант продолжался дальше. Он диктовал ежедневно полчаса или час, частью из головы, частью по наброскам, иногда весьма подробным, сделанным за ночь.

К концу месяца «Игрок» был готов и отослан в Россию. А через четыре месяца состоялась их свадьба. Так мне рассказала старушка.

Мы с ней очень ласково простились. Она просила меня подарить литографию клавира с надписью для московского музея имени Достоевского, что я охотно сделал, а я у неё взял автограф в мою «Деревянную книгу». Старушка не выглядела привыкшей ко вниманию и комплиментам и очень смущалась, когда я ей их расточал.

Я был очень доволен нашей встречей, хотя и удивлён её денежными аппетитами, которые решил по возможности охладить.

Четырнадцатого января я играл мой 1-й Концерт в ИРМО. Концерты ИРМО ныне весьма парадны и набиты публикой битком, благодаря «приплоду» от Кусевицкого, не имевшего концертов в этом сезоне. Тринадцатого я появился на публичную репетицию, не обмолвившись ни словом с дирижировавшим Малько. Я был уверен, что он сумеет продирижировать Концерт без предварительных совещаний. Видеться же с ним после всех осенних переписных инцидентов мне было противно. Я не ошибся: Концерт на репетиции сошёл хорошо, а вечером и вовсе. Был успех, а две неизвестных, не пропустивших ни единого моего выступления без цветов, на этот раз поднесли венок с надписью «молодому гению», чем я сейчас же похвастался, Борис же Верин пожал плечами:

- Что за утилитарный эпитет к «гению» - «молодой»?!

Я решил, что вообще bis'ы следует вывести из употребления, ибо это, по существу, несерьёзно. И лишь после того, как меня очень долго вызывали, сыграл две пьески из Ор.22. Главным образом для немногих истинных музыкантов, ждавших от меня новинок. Публика не поняла их и скоро унялась. Малько пробовал быть со мной приватным и даже сказал:

- Вы не можете себе представить, как удобно вам дирижировать, вы так ритмичны!

Но я был холоден и враждебен.

После концерта был у Бориса Николаевича, проезжал по Кирочной, где этаж Мещерских был ярко освещён: справлялись именины Нины.

У Башкировых появились сёстры Курлины, те самые, мать которых обладает шестьюдесятью, а ныне и восемьюдесятью миллионами и на которых Владимир Николаевич решил женить, на одной - Людмиле - поэта, на другой - Женечке - композитора, оба получают по пять миллионов приданого. Сёстры были похожи, но Женечка лучше. Обе оказались, к удивлению, очень миленькими и даже элегантными, с острыми чертами лица, чёрными глазками и чёрными волосами, с белыми зубками, отделанными ноготками и крошечными ножками, очень тихие и нежные, слишком молчаливые, хотя и болтающими на всех языках. С Людмилой у Б.Н. уже было что-то сыздавна, до Веры Сурошниковой, а Женечка оказалась ещё замечательной тем, что три года назад вышла против воли родителей замуж, жила в бедности, но через месяц муж был убит на войне, а она вернулась в родительское лоно.

Я, конечно, смеялся над идеей женить меня на Женечке. Но Б.Н., оплёвывая меня, как всегда, когда он в восторге, умолял меня «дать сверканье, покорив сердце Женечки, которой делала предложения вся Москва». Я иногда, ради забавы, говорил ей пару любезностей, но вообще мало обращаю на неё внимания. Тем не менее, успех был чрезвычайный: кажется, она нашла, что у меня очень блестящие глаза, и кроме того, её покорила моя игра.

Очень милым событием был шахматный турнир у меня, пятнадцатого. Моя

новая идея: все участники играют между собой одновременно. Поэтому для шести человек нужно было пятнадцать досок, а так как играли по три партии, то сорок пять. У Бориса Верина, выигравшего мне в карты, было реквизировано сто пятьдесят рублей, и на них куплены все шахматы, которые были в Петрограде (а таковых по случаю войны было не очень много), затем в день турнира все доски были расположены в ряд, что составляло двадцать четыре аршина столов (так как столов не хватило, то они были соединены гладильными досками), и вся цепь шла ломаной линией через гостиную в столовую. В десять часов начался турнир при участии Бориса Верина, Тюлина. Каренина, Рудина, Ростовского и меня, и окончился в шесть утра моей победой. Все ходили, не присаживаясь, всё время и молча делали ходы. Лишь иногда раздавался вопль, что такой-то ход неверен и мне приходилось улаживать. Демчинский предугадал, что турнир окончится к утру и уклонился, произрёкши, что это «турнир для геморроидальных» (никто не садится).

После концерта ИРМО и шахматного турнира (как ни так, а всё же событие), я принялся за окончание четвёртого акта. Была последняя трудность - одолеть инструментовку «объятий», и с этим пришлось повозиться, а затем был лёгкий и быстрый кончик, и двадцать второго января инструментовка «Игрока» была закончена. Уф ! Такая тяжесть с плеч ! Крайне затянулась эта инструментовка. Ведь третий акт был готов ещё в сентябре. Четвёртый акт будет интересен и в нём новые звучности.

Думал, что теперь станет посвободней и можно будет вытащить мои наброски Скрипичного концерта, но не тут-то было: адская суета продолжалась до конца месяца, т.е. до отъезда в Саратов на мой первый в жизни клавирабенд. А темы для сует были следующие. Во-первых, по поводу истории со вдовой Достоевского. Пришлось навести ряд справок относительно её прав. Оказалось, что она действительно имеет права, но не в такой мере (т.е. 25%), ибо либреттист имеет права и до 33%, но либреттист ведь я, а она лишь владелица сюжета. Были мы с Коутсом и у директора, он посоветовал: пусть Тюфяев улаживает дело со вдовой, благо он хвастался своей дружбой. На этом и порешили. Я поручил ему предложить тысячу рублей единовременно, чтобы не путаться всю жизнь со всякими отчислениями.

Были мы с Коутсом у Бенуа, дабы посоветоваться насчёт декораций, ибо наш Ламбин внушал мало доверия. Кроме того, дирекция стала ныть на тему о невероятной дороговизне в связи с войной и хотела дать сборные декорации, и новые лишь для тех картин, где уж иначе не обойдёшься, например, рулетка. Бенуа в старой вражде с Мариинским театром, но мил ко мне в высочайшей степени и охотно согласился поговорить об «Игроке». И подал нам неожиданный совет: поставить «Игрока» в сукнах, вместо декораций, как это уже было сделано, и удачно, с «Братьями Карамазовыми», инсценированными в Художественном театре. С этой идеей мы отправились к директору, который, к удивлению, с большой охотой согласился на сукна и даже сказал, что лучше бы, если бы за это дело взялся Головин, человек талантливый и первое лицо по декоративной части в Императорских театрах. Таким образом, неожиданно возник проект передачи постановки от Ламбина и Боголюбова к Головину и режиссёру Мейерхольду. Мейерхольд - человек талантливый и с большими, иногда несколько вредящими ему фантазиями. Недавно он с Головиным поставил «Каменного гостя», очень умно и тщательно его отделав, за что я его и расхвалил тогда, получив ответ:

- Мне особенно приятно слышать эту похвалу от вас. Надеюсь, что и нам с вами удастся поработать.

Теперь я говорил директору:

- За моё краткое знакомство с Боголюбовым я убедился, что это человек совершенно безнадёжный, и если он будет ставить оперу, то по существу оперу

буду ставить я. Я не думаю, чтобы вы мне доверили постановку при моей неопытности, а потому необходимо, чтобы её ставил Мейерхольд.

Директор согласился и решил переговорить с Головиным и Мейерхольдом. Я же уехал в Саратов. Это было тридцатое января. Двадцать восьмого была первая оркестровая репетиция. Я думаю, для меня это самый интересный момент постановки оперы. Я сидел с Аслановым и с величайшим интересом следил по второму экземпляру партитуры. Всё выходило! Это великолепно ! Я. значит, владею инструментовкой и дальнейшая ступень уже мастерство. И теперь уже интересовало не то, что это «выходит», а те минуты, когда звучало ярко или пикантно. Хороши были и некоторые гротескные звучности, особенно во втором акте. Дальше не успели пройти. Оркестр относился несколько недоверчиво и, по-видимому, не понимал, в чём дело. Коутс дирижировал с величайшим увлечением.

Был я на концерте Метнера, где целый ряд его романсов пела Кошиц, молодая певица жгучего характера и разнообразной градацией нежностей в интерпретации, которую весьма захвалили при нынешнем появлении в Петрограде. Я очень люблю играть на рояле сонаты Метнера и вообще очень люблю его, отводя ему, однако же, лишь небольшой угол во дворце русской музыки, - но его романсы плохи, ибо он не понимает текста или, если так можно выразиться, не понимает отдельных слов текста. У него сделано так, что вообще весь морсо[1] соответствует всему стихотворению, а как там вышло в отдельных моментах, для него неважно. Поэтому вокальная партия бледна и невыразительна. В антракте я был у Метнера в артистической. На этот раз он был разговорчивее и даже мил, сказал, что с интересом собирается на мой концерт в Москве. Я ему, как и в прошлый раз, сказал, что жалею, что он не играет большую e-moll'ную сонату.

- А то эти, - прибавил я, - можно и самому домашними средствами сыграть, а трудную e-moll'ную хотелось бы послушать в авторском исполнении.

Метнер почему-то заделся и спросил:

- Разве в концерте полагается играть только то, что нельзя дома сыграть?

А впоследствии пошла целая история: приехав в Москву, он рассказал Рахманинову, будто я сказал ему, что его сонаты - для домашнего употребления. И будто Рахманинов теперь, сочинив что-нибудь новое, спрашивает шутя:

- Что это, для концерта или для домашнего употребления?

Возвращаясь к тому вечеру после концерта, у Сувчинского, который меня прямо благотворит, был ужин. Метнер устал и не приехал, но была Кошиц, предмет восторгов и Сувчинского, и Игоря Глебова. Я её очень ценю как певицу, да и как женщину, пожалуй, она мне нравится (недаром она увлекла Рахманинова), но она так трещала осенью у Зилоти про то, какая она замечательная, что я до сих пор стал к ней в оппозиции и демонстративно не обращал на неё внимания. Это её, по- видимому, задело и она решила в этот вечер за меня приняться, и действительно принялась. В конце концов, когда остались Сувчинский, Игорь Глебов, она и я, мы разболтались совсем хорошо, а в пятом часу утра поехали все вместе в автомобиле Сувчинского на Острова. Было около 30° мороза, ослепительная луна и был снег, на который падали чёрные тени от стволов деревьев. Кошиц высовывалась в окно автомобиля и вскрикивала:

- Ах, как хорошо жить!!

Февраль

Второго февраля был мой концерт в Саратове (от Консерватории) и пятого в Москве (от «Музыкального Современника»). Я еле выехал: в центре России

[1] Отрывок, от morceau (фр).

бушевали метели с чудовищными заносами и опозданиями поездов на сутки, да ещё назначили для подвоза в столицу продуктов «товарную неделю» (даже две) с отменой всех удобных поездов. Билетишко второго класса достала мне Элли Корнелиевна и таким образом я выехал тридцатого января.

В Саратов, вместо тридцати шести часов, мы пропутешествовали сорок восемь, причём я огромную часть пути спал и с наслаждением отдыхал от петроградской суетни. В Саратове я, не имея права по моему санитарскому паспорту жить в гостинице, остановился у Скворцова, главнейшего деятеля саратовской Консерватории, талантливого адвоката, человека молодого, необычайно подвижного, гимнаста, спортсмена, модника и милейшего собеседника. Гулял я по замёрзшей Волге, повторял то, что не успел доучить для Саратова и разыгрывал новые романсы Рахманинова, очень славные. В девять часов вечера состоялся мой первый клавирабенд и моё первое выступление в провинции, если не считать симфонического концерта в Киеве (за который, кстати, очень попало Глиэру от Рахманинова и Глазунова: как можно было развращать учеников Консерватории, заставляя меня перед ними разыгрывать мои сочинения).

Меня очень интересовало предстоящее выступление в Москве, на Саратов же я смотрел больше как на диверсию. 1-ю Сонату, которой начался вечер, я сыграл с чрезвычайным блеском и подъёмом, но под конец устал и вдруг вспомнил, что впереди ещё целая большая программа. Тогда я решил соблюдать большую умеренность и в темпе, и в экспрессии, и в силе. Затем шёл Ор.2. За 1-ю Сонату я, собственно, был спокоен, а с Ор.2 и Ор.3 уже как ни так, а «модернизм». Но Ор.3 проходит ничего, а этюды вызывают страшнейший успех. Я «по-новому» не выхожу кланяться. В четвёртом опусе «Наваждение» производит фурор, орут «бис», но я опять-таки не выхожу кланяться. «Наваждение» я за трудностью почти никогда не играл, но теперь оно у меня в пальцах. Ор.12 - после «Наваждения» - имеет отличный успех. 2-я Соната меньше. Во время «Сарказмов» в зале стоит лёгкий шум, шорох и недоумённый шёпот. Но после окончания крики «бис» и требование «Наваждения». Я, наконец, выхожу на вызовы публики. В зале форменный гвалт. На балконе орут «Наваждение!» и колотят стульями. Успех, превосходящий даже петербургский. Я бисирую «Наваждение», «Гавот», «Прелюд». В артистической набивается толпа народа, требуя автографы на программы и на тетради моих сочинений. Некоторые меня удивляют симпатиями к «Легенде» и «Сарказмам».

На другой день рано утром мы со Скворцовым отправляемся в Москву. Он достал удостоверение о военной необходимости нашей поездки, и потому мы имеем превосходное купе первого класса, затем вино, фрукты, закуски, конфеты. Идём мы идеально, хотя тридцать шесть часов вместо шестнадцати.

Я отправился к Татьяне Николаевне, сестре Бориса Верина, у которой я обещал остановиться. Т.Н. занимает прекомфортабельную квартиру, с ней у меня чрезвычайная дружба.

На мой концерт собрались решительно все: Рахманинов, Метнер, Кусевицкий, Купер, Бальмонт, Маяковский, Боровский, Игумнов, Кошиц, словом - вся музыкальная Москва. Говорят, такой публики здесь давно не видели. Дальше это уже раздули до того, что говорили, будто не было стула, на котором не сидел «кто-нибудь». Факт тот, что мои певицы - Бутомо и Артемьева - до того перетрусили, что испортили все мои романсы. Во всяком случае, не блеснули ими. Тем не менее «Утёнок» и особенно милый 27-й опус - в первый раз исполнявшийся - имели успех. Вообще, мои сочинения были приняты хорошо, даже очень хорошо, но такого энтузиастического успеха, как в Саратове, не было. Я опять не выходил кланяться, причём мне говорили, что Саратов можно учить, но не Москву. Однако, я всё- таки не выходил и лишь в конце бисировал «Наваждение». После концерта собрались у меня, т.е. у Татьяны Николаевны, участники - Сувчинский, Игорь

Глебов и Бальмонт с женой, присутствием коего я, и особенно Татьяна Николаевна, были очень горды. Я ему обещал написать заклинание «Семеро их» для мужского голоса, хора и оркестра. На меня это заклинание производит сильное впечатление. От моих произведений в дичайшей ярости был Метнер. Он изрёк:

- Или это не музыка, или я не музыкант!

Рахманинов сидел во втором ряду у прохода, рядом с Кусевицким, неподвижный, как изваяние Будды. Говорят, публика после иных вещей начинала аплодировать, потом взглядывала на своего любимца и, видя его окаменелость, смущённо замолкала. Я очень интересовался его впечатлением и впоследствии узнал, что он ушёл, недовольный концертом, но всё же сказал:

- А всё-таки это талантливо.

Присутствовал и так оскандалившийся со мной Сабанеев, многие ужасно потешались его присутствием. Говорили, что рецензию он должен будет начать так: «Заручившись письменным удостоверением автора в том, что я действительно был в концерте» и т.д. Но он предпочёл просто выругать меня без подписи.

На другой день мне пришлось метаться в погоне за билетом в Петроград (товарная неделя). Сдал Струве «Утёнка» и Ор.9. Видел Лелю, она чуть-чуть похорошела, вечером выскочила провожать меня в сени. Перед отъездом был у Купера, у которого собрались главный режиссёр Большого Театра Шкафер и режиссёр Оленин. Играл им «Игрока». Мой предварительный рассказ содержания оперы крайне увлёк их, музыка же смутила, по крайней мере господ режиссёров. Купер на мой вопрос гордо сказал:

- Меня ничто не может испугать.

Он сказал, что Большой Театр со своей стороны рад включить «Игрока» в репертуар будущего сезона, дело за Теляковским, и лучше всего, чтобы я по приезде в Петроград немедленно с ним переговорил. Я был очень доволен и с этим покинул Москву. Ехал я в этот раз в третьем классе, первый и второй были заняты членами Государственной Думы и высшими офицерскими чинами. Но у меня была плацкарта, публика вся была интеллигентной, а Т.Н. снабдила меня тюфяком, простынёй, одеялом и подушкой с кружевами.

В Петрограде меня ждала приятная новость: передача постановки «Игрока» Мейерхольду и Головину уже состоялась и уже об этом писали газеты. Затем директор принял меня крайне любезно и сказал, что ничего не имеет против постановки в Москве. Итак, с «Игроком» всё обстояло блестяще, оставалась одна Достоевна.

В Петроград я вернулся седьмого, а девятого приехала Полина, в распоряжение которой я отдал свою комнату. Я встал в семь часов утра, чтобы её встретить, но поезд опоздал и она приехала в десять.

Полина была очень мила и уже снискала расположение мамы, которая втайне враждебна ко всем женским лицам, появляющимся в моей жизни. Однако я не мог не заметить, что в столице её облик чуть-чуть грустнее, чем надобно. Всё её пребывание - пять дней - мы провели почти не расставаясь, перебывали во всех театрах, в Исаакиевском соборе, на Островах, у «Медведя». Накануне её отъезда я играл у Добычиной, там же читал Горький. Мы очень мило провели время: она, я, мама и приехавший Скворцов. Полина воочию увидела знаменитого Максима, а Максим за «Сарказмы» так расхвалил меня, что я уже давно не слышал таких похвал.

- Пишите, пишите, работайте как можно больше, - говорил он, тряся мне руку.

А про «Скерцо для четырёх фаготов» сказал, что ему представляются какие-то четыре отставных полковника, которые смеются, собравшись вместе.

Проводив тринадцатого Полину, я решил первое время дать себе отпуск от собственных дел и подарить себе досуг. Ибо сочинять для того, чтобы сделаться

прислужником своих собственных сочинений, я не хотел. А между тем, последнее время я прямо замотался со своею музыкой. Итак, я решил сделаться на некоторое время свободным человеком - ничего не сочинять, ничего не учить и ни о чём не заботиться. Кстати и Коутс уехал дирижировать в Финляндию, а Мейерхольд ещё возился с постановкой «Маскарада», следовательно, и «Игрок» временно затих сам собой.

Я был у Бориса Николаевича, почитывал астрономическую книжку (меня всегда влёк этот предмет), догнал дневник, заходил на выставки, спал, гулял. Конечно, без музыки я обходиться не мог, и вскоре начал понемножечку, но с большим успехом, подвигаться в Скрипичном концерте, набрасывал по ранее имевшимся эскизам скерцо (которое будет всем скерцам скерцо) и кое-что из финала. В первой части экспозиция была готова ещё с предыдущего года. Параллельно с этим наклюнулось с полдюжины «собачек» к Ор.22 и подвинулась переделка старинной a-moll`ной сонаты, которую я всё ещё не знал, как озаглавить: №3 или «Соната- фантазия». Op.l-bis. Таким образом, несмотря на принцип ничегонеделания, неожиданно кой-что подсочинилось. Бывал я ещё у Сувчинского. У него и Игоря Глебова разрыв с А.Римским-Корсаковым на тему об отношении к новым композиторам, главным образом, ко мне, Стравинскому и Рахманинову. Сначала хотел уйти от редактирования Римский-Корсаков, но потом еврейские сотрудники во главе с Вейсберг и Штейнберг уцепились за него. Тогда вышли Сувчинский, Игорь Глебов и Беляев с тем, чтобы издавать новый журнал. Вейсберг заносисто сказала:

- И ваш новый журнал будет называться «Пркфв».

Как ни так, но когда Каратыгин, примкнувший к Римскому-Корсакову, от лиц старого журнала предложил выступить в ближайший их концерт с романсами на Ахматову, то я отказался под наиблаговиднейшим предлогом. Зато в будущем сезоне будет у Зилоти новый камерный вечер и там все вещи опять в первый раз. Это много для композитора - давать каждый год камерный вечер из новых сочинений! Итак, всё протекло мирно и тихо, мы с Борисом Вериным почитывали Шопенгауэра, наслаждаясь им, и только глухо бродили слухи о забастовках и движении среди рабочих петроградских заводов. Наша прислуга прибегала и, выпучив глаза, рассказывала страшные сплетни, да Mme Яблоньская, прозванная мною за сенсационные, но неверные сведения агентством Вольфа, часто и взволнованно звонила мне по телефону. Делались таинственные лица и что-то шепталось на ухо. Я искренне возмущался.

В пятницу двадцать четвёртого февраля, выходя часов около двенадцати из Международного банка, видел в швейцарской какую-то взволнованную даму, которой швейцар говорил:

- Ничего, не беспокойтесь, ничего уже больше нет.

Дама могла проиграться на бирже, и я, не обратив на неё внимания, направился к выходной двери, но дверь оказалась запертой. Подбежавший швейцар отпер её и выпустил меня на улицу. Был яркий солнечный день, на Невском масса народа. Часть публики шла своим путём, но часть сбилась к стенам и влезла на ступеньки подъездов, из магазинов тоже выглядывали лица. По Невскому, в направлении Аничкова моста, проскакала десятка казаков. Очевидно, в той стороне были демонстрации. Конечно, нормально было бы отправиться домой. Но Невский выглядел солнечным и оживлённым, а публика беззаботно шла в том же направлении, в каком проехали казаки. Я немедленно отправился туда же. На Аничковом мосту замечалось некоторое скопление народа, преимущественно рабочие, в коротких куртках и высоких сапогах. Проезжали кавалькады казаков, человек по десять, вооружённые пиками. Можно было ожидать, что начнётся стрельба. Но публика беспечно шла, и дамы, и дети, и старые генералы - все с

удивлением рассматривали необычную для Невского картину. Я пересёк Аничков мост и пошёл к Литейному. Тут был главный центр. Рабочих было чрезвычайное множество, улица была запружена. Казаки старались их оттеснить, а толпа - прорваться и двинуться к Гостиному двору и, очевидно, к Зимнему дворцу. Иногда из толпы нёсся крик - крик из сотен грудей, но как-то совсем не было страшно. А при приближении кавалькады казаков раздавалось вдруг «браво, казаки!». Я сначала думал, что это велено кричать дворникам и сыщикам, чтобы одобрить казаков, но оказалось, что это кричат рабочие, очевидно, не желая входить в конфликт с собственным войском в то время, когда война с Германией. Казаки, со своей стороны, очень мягко оттесняли их лошадьми. Иногда заезжали на тротуар и прогоняли чрезмерно столпившихся зевак. Публика тогда с криком разбегалась, стараясь прятаться под ворота и в магазины, я в том числе. Затем, по проезде казаков, все снова вылезали. В одном месте толпа прорвала цепь казаков и чёрной массой потекла по Невскому. Часть казаков, во главе с необычайно позировавшим прапорщиком, поскакала вперёд, чтобы там снова преградить путь толпе. Я вернулся к Аничковому мосту. Тут казаки только что отогнали часть толпы на Фонтанку. Офицер, надрываясь, кричал, чтобы они подобру-поздорову расходились. В ответ раздавалось:

- Стыдно, казаки!

Какая-то девка визгливо орала:

- Ой, стыдно же, казаки!

В это время часть казаков повернула лошадей к ней, и она с необычайной стремительностью юркнула в толпу, убежав на другую сторону моста. Баба с тупым лицом, совершенно не понимая идеи момента, советовала «бить жидов». Какой-то рабочий очень интеллигентно объяснял ей об иных задачах движения, даром тратя перед дурой своё красноречие. Я прошёл по всему Невскому до Морской, причём толпы рабочих и оттеснявшие их казаки были уже всюду. Иногда идти можно было совершенно свободно, иногда же путь был заграждён толпою или казаками. Иной раз казаки скакали на толпу: в том месте толпа разбегалась, а публика спешила скрыться в подъезды и ворота. Я вышел в боковую улицу, взял извозчика и поехал домой. Впечатление было, что это огромная, но очень мирная демонстрация.

На другой день, в субботу, я был на концерте Зилоти, но зал Мариинского театра был на две трети пуст. Говорили, что на Невском недвусмысленная стрельба и «потусторонние» меломаны не решились следовать через Невский в концерт.

В воскресенье говорилось о серьёзных беспорядках со стрельбой, но газеты молчали. Я сидел за скрипичным концертом, и днём лишь чуть-чуть выходил погулять по нашим Ротам. Здесь всё было мирно, и я даже счёл слухи о стрельбе клеветой. Впрочем, трамваи перестали ходить. Вечером я отправился к Захарову играть в бридж и «9-й вал». На улицах оживление было неописуемое: народу, как перед пасхальной заутреней. Извозчики куда-то исчезли, поэтому публика шла и по тротуару, и по улице. У Захарова играли до пяти часов утра. Когда я возвращался домой, была тишина и пусто.

В понедельник двадцать седьмого я отправился на генеральную репетицию ученического спектакля в Консерватории. Шёл «Евгений Онегин». Звала меня моя грузинка Элли Корнелиевна. Я отправился с охотой, потому что всегда любил наши оживлённые генеральные репетиции. В библиотеке сторож сказал мне, что на Литейном у Арсенала происходит настоящее сражение с ужасной стрельбой, так как есть солдаты, перешедшие на сторону рабочих. На многих главных улицах города тоже стреляют. Но в Консерватории заняты были своею репетицией и о городе скоро забыли. Репетиция грозила затянуться и в полшестого я решил уйти. В швейцарской опять я услышал о крупной стрельбе на Литейном. Я обратился к нашему библиотекарю Фрибусу и сказал:

- Александр Иванович, пойдёмте смотреть? - но тот категорически отказался.

Тогда я сказал ему, шутя:

- Ну, а я пойду. Прощайте. Александр Иванович, может быть никогда не увидимся!

Я вышел на Морскую и отправился к Невскому. Публики было не особенно много, но всё же шли со службы чиновники, дамы, даже дети. Я решил, что отчего же не пойти дальше, если всё спокойно, если никакой толпы нет и стрельбы не слышно. Я решил идти дальше и только быть внимательным, чтобы на случай неожиданного скандала, дебоша и стрельбы - всегда иметь ввиду ворота или выступ, за который можно скрыться от пуль. Выйдя на Невский, я нашёл здесь полнейшую тишину. Езды не было никакой, публика шла, но в малом количестве, по углам стояли группы, но не рабочих, а, по-видимому, любопытных.

Я зашёл в ресторанчик Пертца, съел несколько кусочков угря и пошёл по Невскому к Адмиралтейству. Тут разъезжали казаки, были и пешие команды, но всё было тихо. Я вышел к Дворцовой площади и увидел здесь несколько иную картину. Перед самым дворцом стояла длиннейшая шеренга солдат с ружьями, а на площади была большая толпа народа. Кто-то что-то говорил. Говорили, что члены Государственной Думы разговаривают с народом. Я хотел подойти ближе и решил обойти дворец по набережной и выйти на Дворцовую площадь с Миллионной. Я благополучно выполнил свой манёвр, хотя на набережной в первый раз услышал выстрелы, впрочем отдалённые: не то с Выборгской стороны, не то с Литейного проспекта. Когда я по Миллионной улице вышел к Дворцовой площади, то увидел, как вся огромная шеренга солдат по команде повернулась и ушла в сад дворца. На площади осталась не особенно большая толпа человек в триста, которая слушала чью-то речь. Я примкнул к ней и увидел капитана, бодро говорившего, как он заботится о кормлении своих солдат. Найдя, что здесь малоинтересно, я направился назад к Миллионной, но едва я стал к ней приближаться, как затрещали выстрелы, один за другим, несколькими пачками. Толпа кинулась с площади в Миллионную улицу. Я тоже побежал, впрочем не испытывая особенного страха. На Миллионной у меня были отмечены первые ворота на случай стрельбы. Туда я и вскочил. Сейчас же после этого сторож запер их. Я через решётку смотрел, как народ бежал по Миллионной. Некоторые падали, но не от пуль, а с перепуга, сейчас же поднимались и бежали дальше. Вскоре всё успокоилось. Выстрелов не было слышно. Некоторые повернули назад и осторожно шли к площади. Я попросил сторожа выпустить меня и тоже вышел на Дворцовую площадь. Убитых не было. Говорят, стреляли городовые с арки, от Морской, холостыми зарядами.

Я вышел по Миллионной на Марсово поле. Тут сразу стало хуже. Со стороны Литейного неслась недвусмысленная перестрелка и с той же стороны, за Летним садом, поднимался широкий столб дыма. Говорили, что горит Окружной суд. Где-то, со стороны Троицкого моста, кричали «ура!». Позади, у дворца, стали стрелять гораздо горячее, чем когда я был там. Кроме того, стемнело, а фонарей не зажигали. Мне стало немного жутко и я решил идти домой. Я хотел повернуть по Садовой к Гостиному двору, но едва я пошёл по Садовой, как мне бросилось в глаза, что никто не идёт в моём направлении - все навстречу, и притом весьма тревожным шагом. Я повернул назад и мимо Летнего сада направился к Фонтанке, чтобы пойти по ней. На мосту через Фонтанку я остановился, так как с Литейного донеслась энергичная трескотня ружей. Рядом со мной стоял рабочий. Я спросил у него, возможно ли пройти по Фонтанке. Он ответил поощрительно:

- Можно, идите. Эту линию заняли наши.

- Кто «наши»?

- Рабочие, у которых ружья, и солдаты, перешедшие на нашу сторону.

Для меня это было новостью. Благодарю вас: «рабочие, у которых ружья» -

попадёшь в самое сражение! Я спросил:

- А пройти по Литейному?

Рабочий так же спокойно и поощрительно ответил:

- Там хуже. Около Бассейной засели «они».

В это время меня кто-то окликнул. Это был один консерваторец со своей женой.

- Не ходите к Литейному, - несколько испуганно говорил он. - Мы с Моховой. В нашем доме сделали базу, такая стрельба, мы идём к родителям.

Оказалось, что нам по дороге, и мы отправились вместе. После некоторых колебаний мы избрали путь по Фонтанке, но не по той стороне, где засели «наши», а по этой, где сады. Инженерный замок и цирк. Тут было как-то тихо, темновато и довольно уютно. Я спрашивал у нескольких встречных, можно ли пройти через Невский. Один сказал «не знаю», другой сказал:

- И не думайте, там сильно стреляют.

На углу я подошёл к маленькой группе. Студент рассказывал:

- Суют мне в руки ружьё. А я не знаю, как с ним обращаться, боюсь выстрелит. Если же не взять - нельзя, тут же тебя притюкнут. Ну, взял, отошёл за угол и там поставил.

Я спросил, можно ли пройти через Невский. Он ответил:

- На углу Садовой и Инженерного громят комендантское управление. Костры разожгли и жгут вещи. Там очень неспокойно. Я оттуда.

Консерваторец с женой сказали, что они дальше не пойдут и вернутся к себе на Моховую. Действительно, становилось весьма безвыходно. Невский рисовался ввиде канала, вдоль которого носятся пули. Где его пересечёшь? Я решил возвратиться ко дворцу, несмотря на доносившиеся оттуда выстрелы, и попытаться миновать его по Дворцовой набережной, с той стороны перестрелки могло не быть, Невский же оставался в стороне. Я миновал Инженерный замок и вышел на Садовую. Здесь, среди наступившей полутемноты, с грохотом пронёсся мимо меня тяжёлый грузовик. Человек двадцать рабочих, вооружённых ружьями, стояли на нём. Большое красное знамя развевалось над ними. Я подумал: «Безумцы!». Я не знал, что революция шла таким верным шагом к цели. Снова очутился я на Марсовом поле. Только теперь было гораздо темнее. На другой стороне площади, у Троицкого моста, толпа кричала «ура». Слышны были выстрелы. Я быстро, почти бегом, направился вдоль площади. Я был без калош, ноги скользили по замёрзшему тротуару. В одном месте я поскользнулся и едва удержался на ногах, ухватившись за руку проходившего полковника. Он быстро на меня обернулся. Я сказал:

- Извините, я, кажется, испугал вас.

Полковник ответил:

- Наоборот, я испугался, что вы упадёте.

И прибавил:

- Чего вы бежите? Пуля всё равно догонит. Видите, я иду не торопясь!

Я мог ему возразить, что если пройти открытое пространство вместо трёх минут в одну, то втрое меньше шансов получить пулю. Но я не был настроен на рассуждения, и сказав:

- Да, но я спешу, - поклонился и отправился дальше.

Очутившись около выставки «Мира искусств», я уже подумал, не проще ли мне пойти к Добычиной ночевать, ибо со стороны дворца неслось столько выстрелов, что идти туда казалось бесполезным. Предварительно я решил прошмыгнуть по Екатерининскому каналу: здесь казалось тихо и как-будто на этой улице не с чего было ждать беспорядков. Едва я повернул на Екатерининский канал, как по другой его стороне показалась толпа солдат, окружённых рабочими. Они шумели и пели, и приближались к Марсову полю. Очевидно, это была войсковая часть, перешедшая на сторону революционеров. Пользуясь тем, что нас разделял

канал, я быстро дошёл до церкви Спаса на крови, рассчитывая, в случае начала перепалки, спрятаться за её выступами. Встречные, у которых я спрашивал, можно ли перейти через Невский, отвечали различно: одни говорили, что можно, если быстро перебежать, другие отвечали: страшно, одна женщина сказала:

- И не ходите. Там сидят люди на крышах и стреляют из револьверов во всех, кто ни показывается.

Впрочем, этому я не очень поверил и пошёл вперёд. В темноте навстречу мелькали какие-то люди, как сероватые тени. Я решил, что представляю такую же тень, и невозможно, чтобы в каждую тень стреляли.

Наконец я очутился у Невского. К удивлению, не слышно было ни одного выстрела. У угла собрались небольшие группы. Кое-кто шёл по тротуарам. Некоторые пересекали проспект. Обычно яркие фонари, вместо белого света светили тусклым красноватым, вероятно из-за недостатка электрической энергии. Это придавало Невскому зловещий оттенок.

Вообще же было вовсе не так страшно, и я без труда пересёк его. И как обрадовался, оставив его за своей спиною! Теперь я уже был, можно сказать, дома. Ободрённый, я быстро направился по полутёмным улицам. Сенная была запружена толпами народа, неслись крики «ура». На улицах было шумно, черно и неспокойно. Со стороны Измайловского проспекта, где казармы Измайловского полка, слышалась частая перестрелка. По Забалканскому достиг я 1-й Роты и был безумно рад, очутившись дома. Было девять часов вечера, я страшно проголодался. Мама была крайне взволнована моим отсутствием.

Весь вечер на нашей 1-й Роте было движение: шумела толпа, неслись крики «ура», ездили автомобили, слышны были выстрелы. Наконец прошли солдаты с красным знаменем, направляясь к соседним Измайловским казармам уговорить измайловцев перейти на сторону революционеров. Там сначала произошла перестрелка, потом часть измайловцев перешла, а другая, запершись в казарме, сражалась до утра и ночью была отчаянная канонада. Звонил Сувчинский и поздравлял с новым правительством, имея ввиду временный комитет из наиболее популярных членов Государственной Думы.

Ночью меня разбудила оглушительная стрельба, точно под самым ухом, - стреляли у нас во дворе. Затем всё стихло, а рано утром прислуга подняла меня, говоря, что не то на нашей крыше, не то на соседней, обнаружено присутствие пулемёта и городовых, а посему сейчас производят обыски чердаков, а затем и квартир. Впрочем, нашу квартиру почему-то миновали, а на чердаках никого не нашли, и лишь один из солдат, обшаривая чердак, самостоятельно отстрелил себе палец.

Я вышел на улицу. Было яркое солнце, как в день объявления войны с Германией. Массы народа запрудили улицы. Вследствие отсутствия трамваев и извозчиков, толпа заполняла всю улицу от тротуара до тротуара. Красные банты так и пестрели. Все воинские части уже перешли на сторону революционеров и сражений больше не предвиделось.

На Фонтанке я увидел большой костёр, диаметром саженей в две, с огненными языками, достигавшими второго этажа. В квартире соседнего с ним дома изнутри высаживались рамы, со звоном и грохотом летевшие вниз, а вслед за ними вылетали по очереди все предметы домашней утвари и меблировки. Громили участкового и квартального пристава. Из окон третьего этажа вылетали зелёные диваны, скатерти, целые шкапы, набитые бумагами. Особенно сильное впечатление производили эти шкапы. Они медленно перевешивались через подоконник, затем устремлялись вниз и, как-то крякнув, тяжело падали на мостовую, прямо в костёр. Шкап разъединялся, стеклянные дверцы разбивались в куски и целый рой бумаг вздымался огнём и ветром далеко вверх, выше самого дома. Толпа злорадно галдела.

Слышались крики:

- Кровопийца! Наша кровь!

Я не сочувствовал толпе. Меня угнетало насилие. Я думал: спаслась ли от погрома семья пристава?

Днём мы с мамой отправились смотреть на революционный Петроград, имевший крайне праздничный вид. У Гостиного двора опять сцена с приставом. Я увидел, как два студента влекли подруки толстого седого человека в штатском, а за ними валила разъярённая толпа, вопя:

- Переодетый пристав!

Со всех сторон к нему побежали, и право, я думал, что ему не сдобровать. Лишь кто-то крикнул: «не надо самосуда», и я сейчас же принялся орать:

- Не надо самосуда!!

Меня кой-кто поддержал, хотя другие кричали: «убить его!» и просовывали кулаки к самому его лицу. Он что-то пытался говорить, но, кажется, ничего не видел перед собой. Кто-то, из числа нежелавших самосуда, крикнул: «оцепить его солдатами!». Но солдатам не было возможности протереться сквозь бушевавшую толпу. Пристав находился на довольно высоком тротуаре, в нескольких шагах от меня. Я изо всей силы подался назад и столкнул с тротуара несколько человек. В образовавшуюся пустоту вскочили солдаты и подошли к приставу. Теперь он был изолирован от толпы и более или менее спасён.

Я разыскал маму и мы пошли дальше. Встретили Гессена (это была самая приятная встреча для данного момента, потому что, конечно, Гессен больше всех мог рассказать нам из области политики). С Гессеном зашли в редакцию «Речи», а затем пошли к нему пить чай. На улице опять поднялась бойкая стрельба. На их доме оказался пулемёт. Я допытывался у Гессена о будущем, о том, к чему идёт революция, и какая предвидится форма правления, но он упорно отмалчивался и сводил вопрос на другие темы. Когда стрельба поутихла, мы с мамой вернулись домой. Это было двадцать восьмое февраля.

Март

Последние дни - первые дни месяца марта - ознаменовались неутомимым шатанием толпы - тысячи, десятки тысяч людей разгуливали по улицам с красными бантами на груди. Масса автомобилей (все автомобили города были реквизированы для этой цели) носились по всем направлениям. Они были нагружены до верха рабочими и солдатами, ото всюду торчали штыки и красные флаги. Я больше интересовался теми, которые развозили листки, газеты и прокламации и выбрасывали их в толпу. Я тогда вместе с другими бросался их поднимать. Один раз я подскочил к самому автомобилю и попросил дать мне листок. Тот протянул, но листок подхватил ветер и понёс вдоль улицы, а я побежал за ним. Какой-то солдат схватил его. Я заявил солдату, что листок дан мне и предложил его отдать. Солдат, кстати, не умевший читать, не отдавал. Хотя теперь солдаты были властителями столицы, я настаивал на своём, и даже подошедший другой солдат заступился за меня. В это время выяснилось, что тут не один листок, а слипшиеся два, и мы разошлись к общему удовольствию. Это был так называемый приказ №1, чтение которого весьма смутило меня.

Где-то там, в недрах Государственной Думы творилось большое дело и решалась судьба России, на крышах ещё держалась старая власть в лице постреливавших в толпу городовых, но в улицах происходило такое однообразное праздношатание, что меня оно вскоре стало раздражать. Я засел дома и с наслаждением вернулся к своей работе, кончил 3-ю Сонату, набросал несколько пьес для Ор.22 (в том числе предпоследнюю, в которой отразились окружающие настроения) и стал

продолжать Скрипичный концерт.

Из остальных впечатлений от революции мне особенно запомнились два момента. Первый, когда я стоял на улице в толпе и слышал, как господин в очках читал народу социалистический листок. Тема была - форма правления, которая должна у нас быть. Тут я впервые отчётливо согласился, что у нас должна быть республика, и очень обрадовался этому. Второй, когда я прочёл на стене плакат с объявлением о Временном правительстве. Я был в восторге от его состава и решил, что если оно удержится, то весь переворот произойдёт необычайно просто и гладко.

Итак, благодаря счастливому оптимизму моего характера, я решил, что переворот протекает блестяще. И даже не слишком пожалел, что «Игрок» пойдёт осенью - теперь действительно было не до него: на первом спектакле мог появиться какой-нибудь Чхеидзе (или как Борис Верин его перевирает «Чехидзе») и сказать речь на тему - двухпалатная или однопалатная республика - и всё удовольствие пропало бы. Мейерхольд и Головин, преочаровательный седеющий красивый господин, с которым я, наконец, познакомился и который наговорил мне короба комплиментов, - оба были милы и с большим воодушевлением относились к «Игроку». Очень горячо говорили они о «Лейле» Ремизова, прийдя в восторг, что я собираюсь написать на неё оперу. Насчёт «Лейлы» я обратился к Демчинскому, который про ремизовские наброски сказал, что это превосходный словарь, но не сюжет, - и лишь легенда или глубокая символика, одетая в этот материал, может дать либретто для большого произведения, если я, конечно, хочу таковое, а не мимолётное развлечение из разряда феерий, забываемых по выходе из театра. Я привёл его на небольшое заседание в Мариинском театре в мастерской Головина по поводу «Лейлы». Демчинский говорил об алтайских легендах, а остальные молчали и слушали. Ремизов согласился с Демчинским и взял «Лейлу» для перестройки с самого основания.

В конце марта Сувчинский собрался к себе в имение под Киевом и звал меня. Я чуть было не поехал, мне хотелось взглянуть одним глазком на еле расцветшую весну, а на обратном пути заехать на день в Харьков к Полине. Но моей поездке не суждено было состояться, ибо на железных дорогах царствовал хаос, произвол и солдаты, которые заполнили доверху вагоны всех классов. Фатально каждую весну я строю планы фантастической поездки и каждый раз фатально она за момент до удачи рушится.

Много в музыкальных кругах говорили про гимн: «Боже, царя храни» - долой, нужен новый гимн. По-моему, нет лучше гимна, чем «Славься» Глинки, только подставить новые слова. Что бодрее и светлей? Но червь честолюбия заглодал всех композиторов: помилуйте, «автор гимна» - какая популярность! Сознаюсь, были моменты, червяк куснул и меня, но сейчас же мне становилось ужасно стыдно. Между тем, Глазунов писал, Гречанинов уже печатал, а в скором времени оказалось пятнадцать готовых гимнов, один хуже другого. И когда я думал, какая всё это мразь и расслабленность, какая бедность размаха, как все эти безфантазные музикусы пишут, волнуясь, чтобы было понятно и, в сущности, не зная, что собственно надо писать, - в эти моменты мне хотелось взяться за гимн, и я даже раз позвонил Добычиной, просто поговорить. Та, с необычной горячностью, ухватилась за мысль, заговорила об этом Горькому и Бенуа, но у меня снова прошла охота. Недели через две она опять звонила мне. Я в этот вечер написал два гимна и приехал к ней сыграть. Она отнеслась к ним энтузиастически, но мне снова показалось это игрой в дешёвую популярность и я бросил их.

Было в начале марта многолюдное собрание всех людей, имеющих касание с той ли с другой ли стороны к искусству. Происходило оно в Михайловском театре, я не пошёл. Но мне рассказывали, что когда потребовалось выбирать представителей от музыки и назвали Черепнина и Зилоти, а кандидатами меня и

Глазунова, то Глазунов, сидевший на эстраде, встал и угрюмо сказал:

- Если Прокофьев, то я прошу меня избавить...

В зале зааплодировали, а ложа с моими поклонницами стала неистово шикать.

Апрель

Первого апреля пошёл в Консерваторию к заутрене. Я всегда там бываю под Пасху и очень люблю эту заутреню. Впрочем, в этом году она оказалась как-то менее нарядной, чем всегда, хотя крестный ход и поселил в меня самоё празднично- радостное настроение.

На второй день праздника - торжественное открытие Финской выставки, которому придали характер политического чествования, по случаю финляндской свободы. Говорили Милюков, Родичев, Горький. Я числился в почётном комитете и был горд, так как он блистал лучшими именами из искусства и политики. Сама выставка скучна и монотонна, ни одного яркого сюжета, ни одной яркой краски: будто вся она писана в серый день. Если на картине попадались красные краски, то уж это была радость.

У «Донона» за обедом, последовавшим за открытием выставки, говорились бесконечные речи на всех языках. Один финский скульптор призывал русских художников взяться за руки с финскими и тогда, идя друг с другом об руку, «nous épaterons le monde»[2].

Познакомился я с футуристом Маяковским, который сначала несколько испугал меня своею грубой порывистостью, но потом он высказал мне прямейшее расположение, заявив, что придёт ко мне и серьёзно поговорит со мною, так как я пишу замечательную музыку, но на ужасные тексты, на всяких Бальмонтов и прочих, и что ему надо познакомить меня с «настоящей современной поэзией». Далее я оказался первым и даже единственным современным композитором, а так как русская музыка идёт во главе всего мира - то мы должны соединиться: он от литературы, я от музыки и Бурлюк от живописи - «и тогда мы покорим мир».

Я ответил: «обязательно» и «очень рад».

Пятого числа Борис Верин справлял своё двадцатишестилетие - пиршество и много гостей, среди них Черепнин. Мне ужасно хотелось, чтобы Козловская (весьма блестящая, но и пожившая, рыжая женщина лет тридцати, большая приятельница Бориса Верина) пококетничала с Черепниным, но вместо Черепнина она направила свою артиллерию на меня. Черепнин же избрал своим обществом Демчинского, в которого положительно влюбился, чему я очень рад.

Восьмого у меня произошёл очередной «перворотный» турнир в шахматы, занимавший меня, по обыкновению, до невероятности. Появились новые участники - друзья Тюлина - Орлов и Аничков. Последний взял первый приз, а затем удивил меня, сев за рояль и сыграв в бешеном темпе финал «Апассионаты» Бетховена. Турнир заставил даже забыть о весьма беспокойных слухах о немцах, которые, пользуясь дезорганизацией нашей армии и расстройством обороны Финского залива, заносили удар на Петроград и будто уже заняли остров Эзель. Я торопил маму, чтобы она уезжала в Ессентуки, где у неё уже была заказана комната. Так будет спокойнее. Без неё я могу оставаться в столице хоть до кануна вступления немцев в Петроград, а накануне, взяв портфель с рукописями, уйти пешком вдоль Невы на восток. Борис же Верин проектировал купить небольшую моторную лодку и запереть её у себя в сарае, пользуясь, что дом на берегу Невы. В последний момент мы её вытаскивали и уплывали в Ладожское озеро, а затем в Волгу.

[2] Мы поразим мир (фр).

Через Гесеена выходило, будто есть надежда, а впрочем неизвестно, кто нынче власть.

Девятого позвонил мне Мейерхольд, сообщая, что в образующемся Обществе Деятелей Искусств - широком союзе, долженствующем объединить деятелей всей России - я избран от крайних левых «деятелей» в депутацию к комиссару императорских театров Головину (но не к моему художнику, а однофамильцу). Словом, это как раз там, где Глазунов протестовал против меня. Цель депутации - выступление против назревшего Министерства искусств, в котором уже якобы захватили власть Бенуа, Горький и прочие. Я совсем не был настроен быть в каких-либо комиссиях и депутациях, будучи твёрдо уверен, что дело композитора - сидеть и сочинять, но Мейерхольд кричал, что я избран подавляющим количеством голосов (это мне, конечно, польстило), а затем после Головина надо было отправиться в Совет солдатских и рабочих депутатов - это тоже занятно. Я согласился приехать в Академию художеств. Предварительно же позвонил Бенуа, спрашивая, что так как я вступаю в организацию по свержению его из будущего министерства искусств, то какие нужны для этого приёмы. Бенуа смеялся и говорил:

- Докажите им, что мы никаких захватнических намерений не питаем.

На другой день наша делегация во главе с Сологубом направилась в Зимний дворец, где принимал Головин. Я считал, что наши тезисы не обоснованы и говорил, что иду лишь посмотреть, как Головин, отличный оратор и председатель второй Государственной Думы, разнесёт нас, но Сологуб довольно обстоятельно оппонировал, главное же, что в настоящее время слова «организация», «организованность», «общество» (хотя бы и такое довольно-таки фиктивное, как наше) имели чрезвычайный вес, и потому наше заявление было принято к сведению. Меня лично гораздо больше интересовал дворец и переход его от монархов к искусству.

Одиннадцатого апреля мне ударило двадцать шесть лет. Двадцать седьмой год – это уже весьма порядочно. Настолько порядочно, что Онегин в отчаяньи восклицает:

Дожив до двадцати шести годов
Без цели, без любви, без дел, Себя
занять я не успел...

Впрочем, это ко мне не подходит, хотя я очень люблю эти стихи. В этот день у меня собрались друзья - Борис Верин, Демчинский, Борис Борисович Гершун, юный кузен Элеоноры, которого я очень ценю за начитанную голову и изысканное обращение. Черепнин, Сувчинский, Добычина, Элеонора, и, наконец, старая гвардия
- Нурок и Нувель. Играл я им мои новые сочинения - 3-ю Сонату и «Мимолётности». На «старую» гвардию произвела большое впечатление, пожалуй, Соната, тем, как она блестяще сделана, но, конечно, центр тяжести был в «Мимолётностях». И особенно сильное впечатление они произвели на Демчинского. Он сказал, что шаг огромный, непредвиденный.

- До сих пор был язычник, восхвалявший солнце. Теперь появились такие нотки, за которые я вас, право, поздравляю.

Четырнадцатого был на концерте из произведений Скрябина в память двух лет его смерти. И странная вещь: пришёл я туда со второго акта «Китежа», и после ужасов татарского набега прелюдии Скрябина мне показались такими нейтральными, такими ненужными и бледными, что я невыносимо скучал и заинтересовался только к концу концерта, к 7-й и 9-й сонате. Интерпретация Боровского мне тоже не понравилась: она была холодной и неуглублённой.

Шестнадцатого я, наконец, отправился в Харьков, случайно перекупив билет первого класса в Киев. До Курска этот билет мне годился. Элли Корнелиевна

принимала деятельное участие в доставании билета, так как нам было по пути, но на вокзале царствовала такая сумятица, что так мы и уехали в разных поездах. Я отлично спал на моей верхней плацкарте, а в коридор влезло с десяток, не больше, солдат, которые держали себя крайне прилично. Но начиная с Москвы, весь вагон и наше купе оказались набитыми до такой степени и солдатами, и просто публикой, что выйти из вагона не представлялось возможным. Моё спасение заключалось в том, что я так и остался на моей верхней полке в продолжение тридцати шести часов пути. В Харькове я взял мой маленький чемоданчик и выпрыгнул из вагона, попав без малого прямо в объятья Полины. Совпадение: она ни одной моей телеграммы не получила, но провожала подругу и как раз сажала её в мой вагон. После серии восклицаний и удивлений, мы отправились по улицам города. Было восемнадцатое апреля и по новому стилю праздновалось 1 Мая, нигде не работали, извозчиков не было, трамваи не ходили, улица, залитая ярким солнцем, была запружена народом, шли процессии с красными флагами, среди которых мелькали голубые еврейские и чёрные анархические. Мы побывали за городом, где тепло и зелено, и лишь к шести часам попали в ресторан обедать. Мы на этот раз встретились, чтобы разрешать задачу: едем ли, нет ли, на Сандвичевы острова. Вернее, едет ли Полина. Ответа от Полины не было.

По возвращении в столицу я рассчитывал услышать третий и четвёртый акты «Игрока» на оркестровой репетиции, но Коутс опять сообщил, что положительно пока нельзя назначать никаких оркестровых репетиций, кроме тех, которые касаются непосредственно исполняемых опер, потому что в театре такая неразбериха, что неизвестно, кто чем правит. Оркестр же, главным образом, «заседает» и занимается самопереустройством. Меня это очень печалило, так как первый и второй акты своим звучанием доставили мне удовольствие, но гораздо более интересные звучности должны были появиться в четвёртом акте. А послушать мне надо было, так как я определённо задумывал написать летом халдейское заклинание «Семеро их» с большим хором, и хотел, чтобы оно по своей звучности оставило «Алу» далеко позади. Инструментовка «Игрока» послужила бы ступенью на пути к этому.

Двадцать второго я пришёл к Борису Верину, чтобы традиционно почитать с ним Шопенгауэра. Т.е., собственно говоря, читает он (и очень хорошо), а я сижу либо в глубоком кресле перед камином, либо лежу на диване. На этот раз в гостиной сидели Варвара Николаевна, Люночка и молодые князья Голицыны. Я охотно сыграл им 3-ю Сонату и пару «Мимолётностей». Затем мы с Борисом Николаевичем, к общему негодованию, заперлись в кабинете и предпочли общество Шопенгауэра пустой болтовне. После главы Шопенгауэра мы перешли на «Заратустру» Ницше, к которому я подошёл впервые и который поразил меня изощрённостью своего странного мышления.

Двадцать третьего апреля мама выбыла в Ессентуки.

Несмотря на железнодорожный хаос, её удалось отправить комфортабельно, и так как за спокойное будущее Петрограда никто не мог поручиться, буде то от внутренних переустройств или от внешних нажимов, то я был рад, что отправил её на Северный Кавказ, в одно из самых спокойных мест России во всех отношениях.

Оставшись в Петрограде один, я первое время ничем особенным не занимался. Доминирующее настроение - ожидание ответа от Полины. Правда, я занимался переделкой одной струнной сюиты в Сонату №4, и не без удовлетворения, но не слишком усидчиво. Я искал для неё новое Andante, и такое Andante было у меня среди работ по классу формы, но никак не мог найти затерявшуюся рукопись, хотя перерыл все шкапы, полки и ящики. Очень я обрадовался, вспомнив про Andante из e-moll-ной симфонии, которое отлично вышло бы и для фортепиано, а симфонию я всё равно едва ли когда вытащу из-под покрывшего её праха.

Двадцать пятого мне подали телеграмму Полины. И странно, я даже немного побоялся: вдруг «да», а мне не удастся выхлопотать себе отпуск заграницу... Вот была бы насмешка! Но тревога, увы, была напрасна. Телеграмма гласила, что ей, как несовершеннолетней, не выдали заграничного паспорта. Я разозлился. По-моему, это был даже не прямой отказ, а увёртка.

Итак, я остался на берегу, а огромный транспасифический[3] пароход уходил без меня. Пришлось сменить его речным: я решил в мае ехать по Волге, так как прошлогодняя прогулка оставила во мне превосходные впечатления. Собирался со мной и Борис Николаевич, и Алёхин, который откуда-то снова появился в Петрограде и которого я всегда рад видеть за его некоторую «экзотику», по словам Бориса Верина («Александр Александрович, вы экзот?»).

Конец месяца делом я не занимался, но настроение было ничего, хотя не было никакого руля, который руководил им. Поэтому были развлечения вроде большой «железки» у меня при участии Захарова, Верина, Алёхина (приехал полвторого ночи) и прочих, всего девять человек, и с суммой проигрышей свыше полутора тысяч рублей (я - сто пятьдесят). Я играл мелко, ибо не имел денег, и так уж должен Б.Верину семьсот рублей. Но на другой день получил от Гутхейля за целый ряд романсов и за «Мимолётности» четыре тысячи, и мне опять стало жалко, что есть же деньги, а нет Сандвичевых островов!

Очень милым оказался Красный Крест. Мой начальник пригласил меня к себе и сказал, что, хотя времена изменились, но он хотел бы, чтобы у нас отношения остались прежние, т.е. чтобы я по-прежнему не утруждал себя работой, а занимался бы творчеством. Но так как надо выказать моё касание к Красному Кресту, то, быть может, я его выкажу в моей области, т.е. дав концерт в его пользу или что- либо подобное.

Благодаря любезное начальство, я сказал, что концерт теперь несвоевременен и не сделает сбора, но я выступлю в ряде других концертов и собранные деньги направлю в Красный Крест.

Май

Расставшись с идеей Сандвичевых островов (впрочем, конечно, я к ним ещё вернусь), я стал обдумывать моё лето и набросал приблизительный план его. Российская смута и железнодорожная разруха мешали планам путешествий, и в выборе приходилось быть скромным и осторожным. Итак: в конце мая - поездка по Волге, очаровавшей меня в прошлом году, но теперь в мае она будет ещё более цветущей и полноводной, чем в июле в прошлом году. Затем в июле поездка на месяц в Ессентуки, где меня ждала мама и к которым я питаю старинную традиционную симпатию. Начало мая, июнь и август - на севере, ясно, что не в Петрограде. Надо найти зелёный угол, где можно заниматься, где можно было бы гулять. Итак, при мысли о зелёном угле, взгляды мои пали на позапрошлогодний «Зет», т.е. Саблино, но не на мою крошечную дачку, а на одну славную ферму, в двух верстах от станции, совершенно вне дачной местности, куда я два года назад ходил иногда пить молоко и завтракать. При ней существовало что-то вроде крошечной гостиницы. Вот сюда-то я и отправился тридцатого апреля.

День был солнечный и весёлый, деревья покрылись зеленью, пахло весной и радостью природы - после скверного города, из которого я из-за революции никуда не высовывался. Ферма стояла на месте, в своём зелёном уюте, но гостиница была ликвидирована, нижний этаж отдан семье купца, а верхний сдавался. Шесть комнат с четырьмя кроватями и двумя диванами, конечно, не были мне нужны, тем более,

[3] По аналогии с «трансатлантический». Pacifique - Тихий океан по-французски.

что они стоили целых пятьсот рублей. Но они были для дачи отлично обставлены, всё было ново, чисто и удобно, с очень примитивным, но обдуманным комфортом. Главное же, ферма обеспечивала вкусное и здоровое питание, между тем как все петроградские дачники буквально не знали, что есть. Я подумал и неожиданно пришёл к заключению, что этот верх надо снять. Снял - и поступил блестяще.

Я возвратился в Петроград, собираясь через четыре дня переехать в своё имение, как я назвал мою ферму. Никому, т.е. ни одному человеку, я не сказал про эту дачу, так как исчезновение в пространстве необычайно меня радовало, чтобы ни один чёрт ко мне не приставал. Больше всех я не хотел, чтобы знала Элеонора, сыскные способности которой беспредельны, и Б.Верин, болтливость которого равносильна объявлению в газетах. Шопенгауэровская проповедь одиночества пришлась мне, такому общительному человеку, неожиданно по душе. Конечно, абсолютного одиночества я не перенёс бы, но этого и не требовал в моём возрасте Шопенгауэр. Но работать над моими сочинениями, читать, заниматься астрономией, гулять среди весенних ландшафтов, да раз в неделю наведываться в Петроград - и знать, что никто тебя не знает в этой дачной местности мелких чиновников и купцов, а из друзей никто не знает, где ты, - разве это не прелестно?!

В музыкальном отношении - важное решение: я решил обойтись без фортепиано. Я давно задумывал мою «Классическую» Симфонию писать без фортепиано, и всё, что в ней было уже сделано, то всё в голове. Теперь я решил её кончить. Мне кажется, сочинять с роялем или без рояля, вопрос привычки, и вполне хорошо теперь проделать этот опыт с простенькой вещью как такая симфония. Для инструментовки Скрипичного концерта мне тоже не нужно рояля. И этими работами я займусь в моём имении.

Моё астрономическое увлечение к весне увеличилось. Конечно, при вечно облачном петроградском небе видеть звёзды можно было только ввиде особого подарка, но всё же ко времени моего выселения на дачу я главнейшие звёзды знал настолько, что узнавал их не по взаимному расположению, а просто так, «в лицо» каждую отдельно. Я решил купить себе телескоп и поставить его на балконе дачи, чтобы наблюдать звёзды ночью. За военным временем в Петрограде в продаже оказались только два, один из них - очень славный трёхдюймовый фраунгоферовский (т.е. одной из лучших фабрик) рефрактор, каковой я и купил за двести рублей. Это довольно портативная труба, длиною аршина в два, с высоким штативом и окуляром, дававшим увеличение в семьдесят раз. Своею покупкой я был доволен до чрезвычайности и с великим нетерпением ждал случая направить телескоп в небо.

Третьего мая я был на вечере Маяковского, а пятого на Игоре Северянине, обоих слушал в первый раз. Хотя до сих пор я знал очень многое (почти всё) из сочинений Северянина и многое мне очень нравилось, а Маяковского совсем не знал, а если что знал, то это мне не нравилось, но при личном слушании эффект получился обратный: Игорь своим слащавым популярничанием и мяуканием как-то опошлил и расслабил крепкий экстракт некоторых талантливых блёсток, которыми пересыпаны его стихи; Маяковский же наоборот, как-то скрепил в одно крепкое целое все свои разбросанные и как бы бестолковые фразы. Он читал энергично, с типичным футуристическим натиском, несколько грубоватым, но весьма убедительным.

Несколько слов о Ларисе Рейснер, с которой когда-то в «Медном всаднике» мы кололись на тему о моей музыке. Это – дева, помешавшаяся на своём уме, и действительно неглупая, знает решительно всё, т.е. литературу, искусства, политику, философию, и обо всём говорит с весёлой иронией, вечно занята, издаёт какой-то журнал. Друг к другу мы тоже относились с весёлой иронией, но в последнее время, аккуратно встречаясь всюду, куда ни пойдёшь, т.е. на всех

выставках, на Маяковском, на Северянине – сменили иронический тон на дружеский – и очень мило проводили время в обществе друг друга.

Шестого я забрал телескоп, чемодан с вещами и уехал в своё имение. Погода была превосходной, всё зелено, но не успел я приехать, водвориться, с удовольствием обойти мои шесть комнат, коридор, балкон, чердак, как температура стала быстро падать, а затем повалил снег, сначала пополам с дождём, а потом безраздельно, в чистом виде, и на другой день утром всё вокруг было бело, как в январе, настолько, что ни один зелёный листок не проглядывал сквозь белый покров.

Моё астрономическое увлечение было так велико, что вечером, когда большие тучи неслись по небу и, кое-где раздираясь, вдруг открывали кусочек неба со случайно блеснувшей звездой, я спешил заметить эту точку и направлял туда телескоп, кутаясь в пальто и шарф и замерзая от холода, с тем, чтобы в случае, если в этом месте опять откроется небо, то чтобы успеть поймать звезду в мой трёхдюймовый рефрактор. После ряда неудачных попыток я убрал телескоп и лёг спать. Моя «первая ночь с телескопом» прошла неудачно! Через два дня погода исправилась на весеннюю, а девятого я отправился в Петроград с целью посетить консерваторский акт.

На акте по обыкновению торжественно, оживлённо и любопытно, хотя особенными талантами выпуск не блеснул. Отправившись в зал, я скоро встретил Мариночку, и так как я неподдельно обрадовался её видеть, то мы очень мило с ней беседовали. Один из её первых вопросов был:

- Почему вас не взяли в солдаты? Или потому, что вы талант?

Я ответил:

- Ну уж конечно. Как это вы вдруг догадались?

Мне на акте очень понравилось и вечером даже не захотелось уезжать назад в «имение»! Пошёл к Андрееву играть в бридж и, в сущности, напрасно, так как небо очистилось от облаков и было «телескопично». В созвездии Тельца столпились все планеты: Марс. Венера, Юпитер. Не надо было откладывать, иначе дальше в мае Телец будет на небе в течение дня, и ночью его не будет видно.

Десятого я вернулся на дачу, погода была тёплая, весна наступила окончательно. Борис Верин когда-то говорил, что скромная, еле пробивающаяся намёками северная весна, даёт более утончённое наслаждение, чем пышная весна юга. Мне эта идея нравилась, но теперь, при проверке стало жаль, что нет таких переливов красок, щебетаний, лучей и ароматов, которые мог подарить мощный южный расцвет.

Я принялся за дело: обдумывал до малейших деталей инструментовку Скрипичного концерта, что было легко и приятно, и, гуляя по полям, сочинял «Классическую» Симфонию. То, что было готово, я записывал, но ещё не в виде партитуры. Когда наши классически настроенные музыканты и профессора (а по-моему, просто лже-классики) услышат эту симфонию, то как они завопят о новой прокофьевской дерзости, о том, что он и Моцарта в гробу не оставил, и к нему полез со своими грязными руками, пересыпая чистые классические перлы грязными прокофьевскими диссонансами, - но истинные друзья поймут, что стиль моей симфонии именно настоящий моцартовски-классический, и оценят, а публика - та, вероятно, просто будет рада, что несложно и весело, и, конечно, будут хлопать. После этой симфонии у меня новый план: такая же маленькая «русская» симфония - в чистейшем русском стиле. Посвящена она будет Дягилеву, в память его яростных проповедей, чтобы я, русский, писал чисто по-русски.

Мысль писать оперу на «Лейл» была поколеблена, во-первых, суждением Демчинского; во-вторых, ярыми нападками на этот сюжет Сувчинского и Игоря Глебова, доказывающих, что весь этот лесной фантастический мир при перенесении

на сцену превратится в жалкую бутафорию. Так как Ремизов ничего нового не изобретал взамен забракованного Демчинским построения (да едва ли мог изобрести), а с другой стороны, Головин и Мейерхольд после революции как-то отстранились в Мариинском театре, то этот сюжет сам по себе стал постепенно отмирать и блекнуть в моём воображении. Зато какой гениальный план новой оперы! Право же, это ещё никому не приходило в голову! Сцена представляет разрез многоэтажного дома. Т.е. пожалуй довольно и двухэтажного: две комнаты вверху, две внизу. Действие происходит то одновременно во всех четырёх, то в двух, то перебрасывается из одной комнаты в другую. Сюжет... Я, право, не знаю какой, но это даёт самые фантастические возможности, с самыми невероятными ансамблями и противоположениями настроений: смеха в одной комнате, горя в другой. Всё же это скорее юмористика, чем драма.

Через пару дней я снова заехал в Петроград. Узнал я, что Зилоти избран директором Мариинского театра. Это превосходно, но дальше хуже: денег на новые постановки государство не отпустило и стало быть, такому нищенскому учреждению, как Мариинский театр, не на что ставить в будущем году «Игрока». Я как-то отношусь к этому обстоятельству спустя рукава. Меня не столько сама постановка интересует, сколько хочется услышать, как звучит в оркестре четвёртый акт. И я думаю, что этого добьюсь. Что же до постановки, то теперь все так заняты революцией, что, право, никому не до новых опер.

Между прочим, пример революционных картинок: мне нужны новые ботинки. Пришла большая партия в американском магазине «Walk over». Чтобы достать билетик на право покупки мне пришлось стать в хвост в шесть часов утра, причём я стал четырёхтысячным (в сто двадцать восьмой группе, по тридцать человек в каждой), а сзади меня потом встало ещё столько же. И лишь в четыре часа дня мне (т.е. заменившему меня посыльному) выдали бумажку на получение ботинок через месяц. Для того, чтобы стать в хвост в шесть, я решил не ложиться, и поэтому у меня состоялась Grand chemin de fer[4]. Я сначала выиграл пятьсот рублей, но потом все их проиграл, кроме восьмидесяти рублей, которые и остались мне на ботинки. Захаров и Борис Верин на этот раз выиграли и уехали сияющие, уже после того, как я ушёл на ботиночный хвост.

Четырнадцатого я приехал на дачу и опять погрузился в музыкальные занятия, зелёные прогулки и чтение Шопенгауэра. Его «Афоризмы житейской мудрости», «Парерга» и «Паралипомена» я читаю второй раз, отчёркиваю карандашом и не могу от них оторваться. Для телескопа белые ночи стали совсем неприятными: появляются лишь самые крупные звёзды: Вега да Арктур. Я направлял на них телескоп, но не получал особенного удовольствия: они просты и неинтересны. Зато я наблюдал Луну, в её первой четверти, изучая её пустынные моря и изрывающие её, как оспа, кратеры. В промежутках между музыкой, чтением, астрономией и прогулками, я отдыхал, курил английские и египетские папиросы, ел шоколад и вообще предавался кейфу, чувствуя себя превосходно.

Шестнадцатого я поехал в город покупать себе новые папиросы и обедать с Мариночкой. Оказывается, она, наконец, получила ангажемент, правда, очень скромный, в Музыкальную Драму, и гордилась этим невероятно. И, вероятно, по этому поводу стала немножко подкрашиваться. Я сказал ей, что ужасно рад её видеть и повёз в «Контан», где Мариночке, не бывавшей в шикарных ресторанах, чрезвычайно понравилось. Проведя таким образом очень приятный вечер, я вернулся на квартиру, где узнал, что Борис Верин несколько раз ночевал у меня: так его доехали с невестой. А через несколько дней он дал согласие жениться, чтобы раз и навсегда отвязаться, но взяв предварительно у невесты расписку о

[4] Большая железная дорога (карточная игра) (фр).

разводе и заявив, что никаких ни близких, ни далёких отношений между ними быть не может. По-моему - странный метод отвязываться.

Съездив ещё раз в мой Зет и сыграв девятнадцатого 1-й Концерт на открытии Павловска (деньги в пользу Красного Креста, согласно моего обещания Курляндскому), я отбыл на Волгу. Концерт этот я уже достаточно играл, и потому исполнение его для меня не представляло ни волнения, ни события. Был успех, два букета цветов и две «Мимолётности» на бис, которые, несмотря на всю свою ясность изложения, всё же поставили публику в тупик, смущённо похлопавшую и быстро смолкнувшую.

Двадцать первого, несмотря на охи и ахи и восклицания, что на Волге бесчинствуют солдаты и дезертиры, я взял небольшой чемоданчик и отправился в двухнедельное путешествие по Волге. Я исходил из соображения, что, по-видимому, резали южнее Нижнего. В таком случае я мог кататься севернее, т.е. между Тверью и Нижним. А проехаться ужасно хотелось! Главное же - хотелось глотнуть чистого, свежего воздуха с волжского простора. Так ли, иначе ль, мне столько наболтали страхов, особенно этот поганый трус Верин (теперь, после свадьбы, очевидно, Борис Людмилин), что я даже на вокзале думал: а может и в самом деле плюнуть? Но не плюнул, и лишь только вошёл в вагон - сразу стало лучше. «Прокофьев!» - заорал Асланов, который тоже оказался едущим на Волгу, да ещё с женой и кучей вещей. Он меня устроил в своём купе, отнёсся к волжским безобразиям иронически, и мы весело поехали. В Рыбинске на пристани мне сказали, что слухи о бесчинствующих солдатах сильно преувеличены, были кой-какие эксцессы при начале навигации, но теперь всё спокойно. Я обрадовался, мысленно побранил трусливого поэта и прочих алярмистов[5] - и пароход отчалил вниз по матушке- Волге. Я наслаждался путешествием, глядел на берега и глотал свежий волжский воздух. Любовь к воздуху у меня необычайная, из лучших воспоминаний о Кисловодске - это его необыкновенный утренний воздух. Аслановы оказались премилой компанией, гораздо более привлекательными, чем в те моменты, когда он у пульта, а отблески революционных беспорядков выразились лишь тем, что иной раз публика третьего класса лезла на верхнюю палубу и лузгала семечки, впрочем, держала себя тихо.

Спустя три дня плавания, перед Казанью, где выходили Аслановы, у меня возникло колебание, куда направить путь дальше: с одной стороны, меня тянуло к солнцу, т.е. на юг, к Астрахани. Но я этот путь уже проделал, кроме того, он весьма долгий, да и в Астрахани, в самом деле, пошаливали «большевики» (новое слово). С другой стороны - свернуть на Каму, о красотах которой говорили, как о затмевающих волжские, и куда я давно собирался. Наконец, любознательность взяла верх, да и очень уж хороший пароход шёл вверх по Каме. Я пересел на него и расстался с Волгой.

Пароход из Казани в Пермь идёт трое суток, держа путь на северо-восток. Пароход очень элегантный, у меня - отдельная каюта, а пассажиры - больше деловые татары, ибо железные дороги в этой девственной области отсутствуют на все три дня пути.

Кама оказалась действительно красивее Волги, и чем выше, тем лучше. Иногда высокие берега, покрытые свежей зелёной травою, круто обрывались в воду красным обрывом, будто поперечный разрез земной поверхности со всеми геологическими наслоениями, а наверху, позади травы, рос хвойный лес с густыми сомкнутыми тёмными вершинами деревьев и высоко обнажёнными прямыми стволами, между которыми чудесно просвечивало голубое небо. То берег был низкий и перед глазом до горизонта расстилались три полосы удивительных красок:

[5] Паникёров, от alarme (фр).

первая - тёмно-жёлтый песок у берега, вторая - ярко-зелёная, свежая зелень травы, и третья - далёкий лес, совсем синий, настоящий синий. То берег опять гористый, серый, каменистый; это уже северней. Наверху тёмный, почти чёрный от вечернего освещения бор сибирской хвои, а у берега вода удивительной чистоты, отражающая и камень, и лес мрачно-зелёного цвета.

В один из вечеров я в первый раз увидел самую красную и самую старую звезду Антарес. Это зве зда из южного полушария и в наших северных широтах появляется лишь в начале лета, поднимаясь настолько низко над горизонтом, что в Петрограде за домами и крышами её и не заметишь. На Каме я искал её несколько вечеров и, наконец, она появилась из-за облака как раз в том месте, где я её ждал. Это была большая радость.

Приехав в Пермь, я, по рекомендации контролёра, уроженца берегов Камы и горячего любителя своей родины, отправился дальше вверх по Каме и по Вишере, где берега ещё красивее, до городишки Чердыни (замечательной лишь тем, что её жителей зовут «чердаками»), а затем вернулся в Пермь.

Очень мне понравилась легенда про город Оханск. Когда дьявол искушал Иисуса Христа, то он показал ему красоты всего мира, но город Оханск прикрыл кончиком своего хвоста, чтобы Иисус Христос не видал такой мерзости.

С тех пор, как в Казани я простился с Аслановыми, я почти ни с кем на пароходе не знакомился, проводя время один, то глядя на берег, то обдумывая инструментовку скрипичного концерта, то читая. Читал я какую-то итальянскую книжку, чтобы вспомнить язык, затем прочёл два проходных романа, но главным чтением была «Парерга» и «Паралипомена» Шопенгауэра. Это чтение имело для меня большое значение. Особенно привлекли моё внимание блестящая глава о славе и тонкая о физиономике. Глава о женщинах не так убедительна и недостаточно широка по заданию. Все женщины, которые читают Шопенгауэра, обыкновенно начинают с неё, морщатся и, найдя Шопенгауэра обыкновенным (в данном случае довольно справедливо), бросают его читать. И как теряют! Впрочем, Шопенгауэр и не стремился, чтобы его читали женщины.

Для меня это чтение Шопенгауэра имело огромное значение. Это даже этап в моей жизни. Ибо я теперь твёрдо и сознательно стоял на ногах, обретши удивительное и совершеннейшее равновесие, которого мне до сих пор не доставало, хотя я это и не сознавал. Сколько раз мне Макс Шмидтгоф четыре-пять лет тому назад советовал прочесть эти сочинения, но я, услышав откуда-то, что Шопенгауэр безнадёжно пессимистичен, боялся взяться за них. Теперь, правда, я ещё не прочёл главных его творений - эффект получился как раз обратный: я как-то ясней и сознательней стал смотреть на все явления, больше ценить и радоваться данному мне, а также достаточно вник и принял одно развитое им правило древних: не требовать экстра-счастья, а считать за счастье отсутствие печального и то, что больше - считать приятной неожиданностью (как их много тогда будет!) - чтобы сразу сделаться вдвое счастливее !

Благодаря Шопенгауэру, я философски отнёсся и к тревожному известию из газеты: Керенский, ныне военный министр, приказал отправить всех санитаров до сорокалетнего возраста на фронт. Это могло коснуться и меня, хотя перед самым отъездом мне говорили, что Главное управление, где сижу и я, неуязвимо. Я не сомневался, что, окажись я призванным, меня так или иначе освободят, но всё же это возня и неприятности, и неизвестность, так ли мне будет удобно потом, как теперь. Пока же Шопенгауэр сыграл свою роль: я решил продолжить моё путешествие, не думать об этом и не тревожиться, так как срок для исполнения приказа дан в три недели, времени остаётся много и путешествие может продолжаться. Если же я буду переживать и беспокоиться, а вернувшись узнаю, что приказ меня не коснулся, то как глупо я буду себя чувствовать! Если же меня

и заберут, то как будет жаль - последнее свободное путешествие я не сумел сделать в своё удовольствие! Итак: в обоих случаях ехать дальше и забыть о приказе. Это удалось мне вполне.

Одно из немногих моих пароходных знакомств было с юной девицей из глухого Сарапуля. Она пришла из второго класса в нашу рубку и бойко стала «разговаривать» на пианино. Я подошёл и, когда следовало, переворачивал ей страницы. То, что я переворачивал страницы вовремя, произвело на неё чрезвычайное впечатление. Она кое-как доиграла вещь, вскочила и убежала. Встретив её через некоторое время на палубе, я попросил её сыграть ещё. Она отказывалась, но, когда я сначала сказал, что совсем не играю, а потом, что немного, хуже её, - согласилась, но с условием, что я сыграю ей. Решили бросить жребий, кому играть первому. Она бросила три копейки, я сказал «орёл», вышла решка. Как будто играть мне, так как я не угадал, но она с сожалением воскликнула:

- Ах, решка! Значит, мне.

И отправилась играть сонату Бетховена. Я остался очень доволен её уверенной и крайне сознательной, нюансированной игрой. Хваля её, я попутно сделал несколько замечаний. Но девица оказалась безумно самолюбивой, вероятно, она была премьершей в своём сарапульском музыкальном училище. Она закусила губу и сказала:

- А ну-ка, теперь вы сыграйте.

Мне вовсе не хотелось играть в рубке, где галдели татары и где, обедая, стучали ножами и стаканами, кроме того, я никогда не играю на пароходах. Но я обещал, а потому, взяв Аллегро «Патетической» Сонаты, сыграл его очень быстро и сплошь pianissimo, как бы под сурдинку. Когда я кончил, моя конкурентка подошла ко мне со словами:

- Вот вы любите другим делать замечания, а посмотрите, как сами играете! - и прочитала мне длинную нотацию, указывая, на что следует обратить внимание в дальнейшем развитии.

Это было великолепно! Но ещё лучше было то, что остальную часть пути она меня искренне презирала и почти не хотела со мною разговаривать.

Итак, попав вторично в Пермь, я сел в поезд и после трёх суток ужасного пути вернулся в Петроград. Едва я более или менее прилично устроился в переполненном публикой и солдатами вагоне, как у него сломалась ось и пришлось выселяться куда попало. Я отправился в вагон бывших политических, которые ныне возвращались из Сибири в Петроград. В вагоне было относительно свободно, но эти - к моему удивлению - очерствелые и озлобленные люди ни за что не хотели пустить меня в их купе, говоря, что они в своё время достаточно натерпелись лишений и беспокойств.

Рассердившись и сказав им, что я думал встретить здесь гуманность, а нашёл каких-то озлобленных зубров, я, прыгая через вещи и людей, заваливших весь коридор, перебрался в крайнее купе, занятое двенадцатью солдатами. Те, хотя были большевиками, резавшими в первые дни революции офицеров в Гельсингфорсе, пустили меня довольно любезно и я даже недурно спал с каким-то унтером пополам на верхней полке. А потом мы поговорили о политике, и они меня похвалили, сказав, что видно, что я умный человек. Я был весьма польщён этим замечанием.

В Петроград приехали с опозданием на тридцать три часа, четвёртого июня в два часа ночи.

Июнь

Первым моим делом по возвращении в Петроград было пойти в Красный Крест и узнать о своей судьбе. Хотя сведения были таковы, что приказ коснулся и нашего

благородного Главного управления, но я не слишком волновался и в ожидании, пока Курляндский меня примет, обдумывал разработку первой части симфонии, которая мне и удалась, несмотря на странное место для сочинения и на несоответствие времени. Курляндский был мил, как всегда, но сказал, что приказ коснулся Главного управления не только слегка, но совсем наравне с остальными учреждениями, и раз министр приказывает - он ничего не может сделать. Конечно, время у меня есть, и он советует возможно скорей заняться устройством моей судьбы.

Тогда я решил вручить мою судьбу Бенуа, который был в Петрограде и очень звал меня к себе. Бенуа страшно всполошился и зазвонил Горькому по телефону. Горький, с тех пор, как на Масленице мы с ним выступали у Добычиной и он услышал «Сарказмы», считает меня очень хорошим композитором и чрезвычайно хорошо ко мне относится. Будучи в душе пацифистом, он особенно болезненно относился к посылке на фронт людей искусства и в данную минуту хлопотал об освобождении целой партии художников. В ответ на телефон Бенуа он сказал, чтобы завтра я зашёл к нему - он даст мне письмо к Керенскому с просьбой оставить меня в покое.

Вручая мне запечатанное письмо, Горький советовал мне немедленно разыскать Керенского и лично вручить ему письмо. Лично просить о своём освобождении мне нисколько не хотелось, но Горький подчеркнул, что обязательно надо, чтобы я переговорил непременно лично, что Керенский человек культурный и, наверное, знает о моём существовании. Однако, розыски Керенского было делом совсем не лёгким: то он уезжал на фронт, то в Петрограде он был то в военном, то в морском министерстве, то на заседании правительства, то неизвестно где. Тут на помощь явилась Элеонора, которая, кстати будет сказано, последнее время вела себя прилично, не утомляя меня эксцессами. Эта удивительная особа уже была знакома с Керенским, так как она одно из многочисленных имений своего убитого Сергея Владимировича отдала в пользование инвалидам, и Керенский благодарил её по телефону. Благодаря этому, она быстро узнала, что Керенского я могу застать в девять часов утра в адмиралтействе, где он теперь квартирует и ночует. Я отправился туда, вручил письмо адъютанту и сказал, что Горький поручил мне получить личный ответ. Адъютант расшаркался перед именем Горького и через час сообщил, что письмо передано министру и скоро будет личный ответ. В ожидании я сидел довольно долго в просторном вестибюле адмиралтейства, украшенном оружием и профилями кораблей. Меня несколько нервировала встреча с Керенским, вероятно потому, что я не мог отделаться от мысли, что являюсь в форме просителя, желающего уклониться от воинской повинности. Но дух Шопенгауэра явился и устыдил меня: я не прошу, я требую на основании, что я - Сергей Прокофьев, занимающий определённое и очень большое место в русском искусстве. Затем: кто я, я знаю, а кто Керенский, это ещё неизвестно - может, спаситель России, а может, лишь случайный человек, ловко уловивший сущность политического течения, не мне перед ним волноваться. Установив это, я принялся спокойно и уверенно ждать, решив в этом смысле и отвечать на вопросы, если таковые будут мне предложены.

В первом часу дня в вестибюле произошло оживление: забегали люди, кто-то крикнул автомобиль, по лестнице спустилась кучка народа с обоими адъютантами, в нескольких шагах от меня очутился человек в хаки с лицом Рахманинова, внимательно посмотрел на меня (я сидел и тоже его рассматривал), затем поговорил со швейцаром и окружающими - и уехал. Когда он уехал, я сообразил, что это Керенский, и видя, что больше тут делать нечего, отправился домой. Адъютант записал мой телефон и телефон Горького и сказал, что позвонит.

Через пару дней Элеонора выяснила, что Керенский уехал на фронт и в своём

кармане увёз письмо Горького. Параллельно с этим стало известно, что срок призыва санитаров продлён до первого июля, а потому дело пока откладывалось, и я с радостью покинул пыльный и летом необычайно отвратный Петроград и отправился в моё «имение».

Это уже было десятого июня, в имении был полный расцвет. Поля оделись цветами, солнце грело и жгло, все окна в моей даче были раскрыты настежь рукой заботливой хозяйки. В полдень над цветами кружилось такое множество пчёл и шмелей, что положительно не было возможности гулять по полям. Я с необычайным удовольствием вновь расположился в моём просторном помещении.

Я решил приняться за главный труд Шопенгауэра - «Мир как воля», но с первых же страниц Шопенгауэр выругал меня невеждой и запретил читать себя дальше, пока я не ознакомлюсь с Кантом и «Четверичным корнем». Я решил отложить «Мир как волю» (раз сам автор запрещает её читать) и взял «Четверичный корень закона достаточного основания» как предварительную книгу к ней.

С большим увлечением я инструментовал скерцо Скрипичного концерта, которое выходит поразительно прозрачным, а звучать должно будет блестяще. Параллельно с Концертом сочинял Симфонию, в которой все четыре части двигались одновременно, а третья (гавот) была уже давно кончена. Гавот этот у Бенуа имел феноменальный успех, с тенденцией затмить старый соль-минорный, чему я буду очень рад, так как тот мне опротивел.

Четырнадцатого, приехав в Петроград и позвонив Горькому, я узнал, что ему сообщил адъютант Керенского, что «всё будет сделано». Таким образом, хотя никаких бумаг на руках ещё не было, но было слово военного министра, можно было праздновать моё освобождение. Я очень гордился этим и писал маме, что это являлось «открытым признанием государством моих заслуг перед русским искусством».

Наезжая в Петроград, я проводил вечера с Б.Вериным, который очень мил. Мы с ним несколько раз ездили на острова, а потом ужинали в его клубе, Невский, 16. Вообще же, житие в Петрограде, особенно пропитание, да и все вещи в магазинах, стоили невероятно дорого. Я имею тысячу рублей в месяц, и теперь совершенно ясно, что мне этого не хватает.

Пригласили меня в комиссию по делам искусств при комиссаре бывшего министерства двора. Эта комиссия должна была ведать всеми предметами и учреждениями искусства, которые были подведомственны министерству двора. Заседала она в Зимнем дворце - и это мне больше всего нравилось. Сами заседания были менее интересны и я скоро стал их пропускать.

Пробыв в Петрограде пару дней, я опять поспешил в свой Зет.

Идея: ведь раз «Игрок» свободен, то отчего же его не поставить в Музыкальной Драме? Я об этом посоветовался с Асафьевым, тот одобрил и решил намекнуть кому следует.

Двадцатого июня на улицах Петрограда поднялся шум и оживление, пошли толпы со знамёнами - русские войска перешли в наступление. Я радуюсь, что так. Можно хоть французам и англичанам в глаза взглянуть!

Во время одного из заседаний комиссии по делам искусств во дворце, ко мне явился Мак-Кормик, член специальной американской миссии, прибывшей в Россию по случаю революции и квартировавшей в виде особого поста там же во дворце, - и обратился ко мне за рекомендацией для Америки русских музыкальных сочинений вообще, а моих в частности. Таким образом, за его счёт была переписана «Скифская сюита» и приобретены мои печатные сочинения, затем ряд вещей Мясковского, а других авторов они помимо меня накупили целый огромный ящик на семьсот рублей, причём три четверти были второй сорт: Кастальский, Калинников, Глиэр. Я рассердился и сказал Мак-Кормику:

- Vous avez emporté toute la mauvaise musique qu'il y a en Russie![6]

Мак-Кормик посмотрел на меня и расхохотался на весь Зимний дворец. Когда он спросил меня, есть ли у меня какие-нибудь желания относительно Америки, я ему дал клавир «Игрока», сказав, что буду очень рад, если его поставят, а затем сообщил, что я человек свободный и от службы, и теперь от воинской повинности, и если в Америке пожелают, могу приехать концертировать. Мак-Кормик принял к сведению и обещал телеграфировать.

Конец месяца я провёл в имении, где царствовали чудесные солнечные дни. Луга, которых здесь было много, так как протекала речка Тосна, пестрели множеством цветов, лиловых, фиолетовых, жёлтых, белых - сплошной цветочный ковёр. Я вспомнил мои познания в ботанике, которой старательно просвещал меня отец, и жалел, что нет под рукой книжки Маевского, по которой можно было определять названия цветов.

Я зачеркнул финал моей симфонии, который показался мне тяжёлым и недостаточно характерным для классической симфонии. Асафьев как-то развивал мысль, что в русской музыке нет настоящей радости. Запомнив это, я написал новый финал, живой и до того весёлый, что во всём финале не было ни одного минорного трезвучия, одни мажорные. Из первого финала в него вошла только побочная партия. Дался он мне необычайно легко, и я лишь боялся, что его весёлость граничит с непристойным легкомыслием. Но, во-первых, она границ не переходит; во-вторых, такой финал вполне соответствует симфонии в моцартовском стиле. Мне становилось ужасно весело, когда я его сочинял!

Вскоре появилась в «Новой жизни» и статья Асафьева о радости в русской музыке. К моему удивлению, он, разобрав всю русскую музыку и отвергнув настоящую радость, указал вдруг на «Шествие Солнца» из «Скифской сюиты», как на неудержимое ликование. Я был крайне польщён и обрадован этим, а главное, он мне ничего не сказал раньше и, таким образом, заставил меня написать мой беспечный финал, в котором, правда, радость иного порядка, чем в «Скифской сюите», зато самая беспечная.

Моё философское чтение, хотя и доставляло мне огромное наслаждение, однако подвигалось медленно, так как оно требует большого напряжения мысли, между тем как я лучшие часы дня, т.е. утро, отдавал сочинению симфонии и инструментовке финала Концерта, и читал во вторую половину дня, когда мозг уже был немного утомлён работой. За «Четверичный корень» я взялся с большим интересом, но сначала было довольно трудно его читать и я не вполне усваивал, куда всё это ведёт. Но через несколько десятков страниц я вошёл в русло, привык к стилю и он мне стал понятен. «Четверичный корень» - одно из первых сочинений Шопенгауэра, но в старости издано вторично с обширными дополнениями, никому не нужными, кроме самого Шопенгауэра, ибо в них он полемизирует с немецкими профессорами и высмеивает недостаточно сообразительных, причём так пространно, что к концу его полемики забываешь о самой теме. Я рекомендовал бы читать «Четверичный корень» в первом, юношеском издании, там меньше многословия и ближе к сути.

Прочтя «Четверичный корень», я проглядел его вторично по пометкам, сделанным мною на полях, и вполне усвоил его. Это не всеобъемлющее сочинение на специальную тему, несколько сухое, но очень интересное.

Двадцать седьмого, когда я лёг спать, но не спалось, мне стало казаться, что после смерти всё же крайне неприятно быть заколоченным в гроб и отправленным под землю. Но быть сожжённым тоже досадно и крайне глупо стоять в баночке в виде пепла. Я решил, что завещаю мой скелет в музей, дабы меня там поставили

[6] Вы забрали всю плохую музыку, какая есть в России (фр).

под стекло. У ног будет надпись: «Друзья, мне приятно, что вы здесь».

Июль

Первого июля я отправился в Териоки к Борису Захарову, который с женой и новорожденной дочкой жил там безвыездно всё лето, окружённый сестрами, жёнами братьев и великим множеством детей младшего возраста. И было видно, как Борис, некогда пробившийся в высоты, теперь, правда, несколько снизившийся, совершенно захлёбывается в этом болоте мещанства и каждодневности. Детский питомник! Пелёнки и манная каша! Разговоры о коровах и огурцах! Дороговизне пуговиц и кухарок! Какой ужас! Это жизнь артиста... И видно было, как мёртвая вода заливала всю обширную дачу. Когда я приехал, то на меня накинулись и целый день играли в азартные игры, и это была единственная пульсация жизни. А когда я, в конце концов, выиграл сто рублей (результаты наших игр всегда колебались между пятьюдесятью и ста пятьюдесятью рублями), то его сестра проговорила:

- Борис! Борис! Он вечно приедет и выиграет!

Немного лучше было у Карнеевых, но там подрастает серия очень хорошенькой молодёжи. Неожиданно я столкнулся с Танюшей, которую считал уехавшей в Сибирь. У этой была пульсация жизни и даже целое кипение. Она увела меня в лес и там рассказала про свои похождения, ныне перешедшие за границы девичей чистоты. Здесь была жизнь и радость жизни. У Танюши блестели глаза и зубки, и она по-прежнему хорошенькая.

Вернувшись третьего в Петроград, я обедал с Борисом Вериным у «Контана», где нарядно и оживлённо и где, несмотря на продовольственный кризис, отлично кормят. Правда, цены безумные, но и цена деньгам с каждым днём становится дешевле, - так зачем же их беречь?

Когда вечером мы шли по улицам, то оказались свидетелями неожиданных явлений: на улицах было шумно, маршировали солдаты с ружьями, шли толпы с плакатами «долой министров-капиталистов», на наших глазах останавливали частные автомобили, владельцам предлагали выйти и вместо них устанавливали пулемёты. Словом, как по мановению волшебного жезла, улицы в один момент приняли вид первых дней революции. Началось выступление большевиков, кронштадтцев, рабочих и некоторых военных частей против временного правительства.

Едва мы с Борисом Вериным пришли в его клуб, как на Невском поднялась стрельба. У клуба заперли парадную дверь и опустили глухие шторы у окон. Лишь ярые картёжники не покидали своих столов и продолжали ставить тысячи на карту.

Как только выстрелы стихли - их было немного и говорили, что они провокационного характера - я решил, пользуясь затишьем и темнотой, отправиться домой. Собственно, влипнуть в перестрелку можно было только на Невском, да где-нибудь около правительственных зданий, на прочих же улицах было тихо и не было поводов к стрельбе. И как только я свернул с Невского, я почувствовал себя вполне спокойно. Лишь на Садовой я встретил густую чёрную толпу: шёл Путиловский завод на помощь большевикам. А у меня на 1-й Роте была тишь и гладь.

На другой день утром я по телефону узнал, что на Невском сейчас тихо: большевики, продемонстрировав до поздней ночи, отдыхали. Я решил использовать их отдых и отправился на Невский. Некоторые магазины были открыты. Я купил английских папирос, омаров, книгу Куно Фишера о Канте и отправился на Николаевский вокзал. Впоследствии выяснилось, что я уехал в час, а полвторого большевики проснулись и по всему Невскому пошла оживлённая перепалка.

Между тем я благополучно приехал в моё Саблино, которое прямо очаровало

меня своим глубоким покоем, миром, тишиной, солнцем, голубым небом и цветами. Я с наслаждением погрузился в инструментовку финала Концерта и в доканчивание сочинения симфонии. В антрактах я гулял по живописной местности, окружающей мою дачу, закуривал мои папиросы, раскупорил омары. Разрезал Куно Фишера и погрузился в мудрость Канта.

Так спокойно жил я в тридцати верстах от Петрограда, в котором стреляли и громили, и где вершилась судьба России. Лишь через день я ходил за три версты на вокзал за газетами, сенсационными и сбивчивыми. Через пять дней газеты повеселели, Петроград успокоился и я отправился туда.

В июле я предполагал навестить маму в Ессентуках, куда звал меня и Верин, собиравшийся ехать лечить свой нерв и уже снявший там дачку с лишней комнатой для меня. Я скучаю, если в течение лета не побываю на настоящем юге, и охотно предполагал провести в Ессентуках недели три. А чёрное южное небо, с не по- северному сияющими звёздами, было так заманчиво для моих астрономических увлечений! Для того, чтобы выехать из Петрограда и его окрестностей, надо было привести в порядок мои воинские дела, и вот за этим я теперь и отправился в Петроград. Хотя мне и хотелось в Ессентуки, но моё имение мне так нравилось в последний раз, что было даже жалко его покидать.

Итак, приехав в успокоившийся Петроград и начав мои шаги к получению от Керенского обещанной бумаги, я сразу убедился, что положение определённо ухудшилось. Дело в том, что Горький, в лице своей газеты «Новая жизнь», явно принял сторону большевистского движения, и теперь, когда это движение в Петрограде было подавлено, но гибельно отразилось на нашем фронте, его, Горького, стали забрасывать грязью и обвинять чуть ли не в предательстве России Германии. Ясно несомненно, что Горький чист, и если теперь и ратовал о мире и о большевиках, то потому, что он идеалист, но другие были иного мнения, а Керенский был в негодовании на него. И вот при таких обстоятельствах мне надо было реализовать обещание, данное Керенским Горькому. Вдобавок Керенский в Петрограде бывал день-два, затем несся на фронт, где шла грозная разруха и где неприятель наносил нам удар за ударом, а когда возвращался в Петроград, то должен был формировать новое правительство, так как половина правительства ушла, и во власти царствовала та же дезорганизация, что и на фронте. Приставать с частными делишками было просто стыдно. Но с другой стороны, мать из Ессентуков писала отчаянные письма: почти уже половина июля, в Петрограде беспорядки, а я не еду, и, наконец, с третьей стороны - как ни как, обещание Керенским было уже дано и весь вопрос состоял в том, чтобы он подписал какую- то гадкую бумажонку...

Тут на помощь явилась Элеонора, и так как я заявил, что плюну на всё и уеду в своё «имение», забрала ведение дел в свои руки. С тех пор, как она получила своё громадное наследство, её мечтою было, в случае надобности, освободить меня за миллион, пожертвовав этот миллион в пользу какой-либо государственной или общественной надобности. Об этом мне намекалось несколько раз. Теперь как раз представлялся удобный случай: с одной стороны, у неё уже шли разговоры с Керенским о передаче для пользования инвалидов одного из больших имений, с другой - моё дело уже стояло на рельсах, вопрос был, чтобы его подтолкнуть. За это и взялась Элеонора. Надо сказать, что дело повела она энергично и весьма ловко, приняв во внимание, что Керенский разрывался между делами поважнее моего и порой был совсем невменяем. Но он относился очень тепло к Элеоноре, и, кроме того, ему хотелось получить её имение для инвалидов, дабы этот дар оказался «добрым начинанием и примером для других». Всё сладилось бы, вероятно, очень споро, но Элеонора сама затянула дело, покривив душой. Дело в том, что я хотел получить документ, освобождающий меня «для работы по искусству» на том

основании, как освобождаются для работы по наукам всякие научные экспедиции и прочие. Но тогда бы я был совсем свободным, мог жить, где угодно в России и ехать, если понадобится, в Америку. Элеоноре же хотелось привязать меня к Петрограду, а для этого просить оставить при Красном Кресте. Я думаю, Керенскому не хотелось этого делать, так как это выглядело каким-то произволом, но она бросила в бой новый корпус, пообещав инвалидам ещё маленькое имение в придачу к большому. В конце концов приказ был дан, но Генеральный штаб его не пропустил, говоря, что, вероятно, министр забыл, что сам он не велел никого оставлять при Красном Кресте. Тогда пришлось сделать по-моему: Зилоти - ныне директор Мариинского театра - написал прошение дать мне отсрочку как музыканту. Элеонора подала бумагу Керенскому, а он написал на ней: «дать отсрочку немедленно». Если с краснокрестовым вариантом мы пропутались ровно двенадцать дней, то второй вариант прошёл феерически быстро: в десять часов утра Зилоти дал мне своё письмо, в одиннадцать часов я вручил его Элеоноре, в час дня оно было подписано Керенским, а в три я его представил в Генеральный штаб. Это было двадцать первого июля. На другой день в два часа Генеральный штаб выдал мне отсрочку «вплоть до особого приказа», в три часа я получил от воинского начальника документ на свободное проживание по всей России, а в половину десятого вечера уехал на Кавказ, провожаемый Элеонорой и Б.Вериным, который никак не мог получить своего отпуска на лечение нерва.

За эти две недели, которые я провёл в Петрограде, живя единственно получением этой отсрочки, я извёлся ужасно. В Петрограде было душно и пыльно, я жил в совершенно пустой, пропылённой квартире, в ресторанах кормили плохо и дорого (обед восемнадцать рублей вместо четырёх). Дело с отсрочкой тянулось и не выходило. Вторую неделю из двух у меня на каждый день был готов билет, но каждый день его приходилось отсрочивать на следующий день. Я ничем не хотел заниматься и, если в Зет относился к Ессентукам благосклонно, но равнодушно, то теперь рвался туда, как в рай.

По вечерам Б.Верин таскал меня к «Эрнесту», в картёжный клуб, где шла игра в chemin de fer. Я, вероятно, не поехал бы туда, если бы так не злился на окружающее течение обстоятельств. Впрочем, азартный клуб для меня довольно безопасен, так как я не проиграюсь. Происходит это потому, что мне слишком жалко проиграть деньги в карты, и кроме того, это слишком глупо. Поэтому, отправляясь в клуб, я предварительно решаю, сколько я могу ассигновать на сегодняшний проигрыш, и никогда больше этого не проигрываю. Если же выиграл, встаю и ухожу. Кроме того, я убеждённо считаю игру в карты - утомительной потерей времени. Результат моих пяти посещений был такой: +300, -300, +50, -250, +1000. Конец венчает дело: у меня пришёл банк из семи карт. Это было накануне моей поездки в Ессентуки и весьма кстати для поездки.

Десятого июля я играл мой 1-й Концерт с Фительбергом в летних концертах Музыкальной Драмы. Несмотря на то, что в этот день были мрачные сведения с фронта и настроение публики было подавленное, мой Концерт оживил зал. Мне самому не хотелось играть, но я решил, что надо взять себя в руки и заставить публику оживиться. Если в моей музыке есть сила, то она должна победить тревожное настроение. Так и случилось. Публика горячо аплодировала и я бисировал «Мимолётностями».

Фительберг и некоторые из директоров Музыкальной Драмы расспрашивали меня про «Игрока», но недостаточно интенсивно. Фительберг задал вопрос, могу ли разучить его с певцом, чтобы затем попробовать с оркестром. Я ответил, что не могу: требуется слишком много времени и сил.

Итак, вожделенный день настал, и двадцать второго я сидел в комфортабельном купе первого класса с моим чемоданом и телескопом и мчался на юг. Поездку мне

несколько испортил зуб, который ныл всю дорогу и который пришлось лечить в Ессентуках. В Таганроге, когда я сидел в буфете и спешно ел котлету, так как поезд стоял всего десять минут, меня вдруг кто-то окликнул. Я поднял глаза и увидел Полину. Она сидела напротив и смотрела на меня. Это было совершенно неожиданное явление. Пускай она живёт в Таганроге, но зачем же к моему поезду быть непременно на вокзале? А кроме того, моё последнее письмо, когда выяснилось, что она не едет со мной путешествовать, было настолько резко и издевательно, что я считал его финальным в наших отношениях. Теперь она заговорила со мной просто, как-будто ничего не произошло. Я был несколько озадачен неожиданностью и сначала держал себя, как если бы передо мною было лишь половина человека. Но Полина была мила и проста и как-будто ждала от меня чего-то. Я не удержался и похвастался моим освобождением, данным по приказу главы русского правительства.

Полина сказала:

- Я хотела ответить на ваше последнее письмо, но так как на нём был штемпель Николаевского вокзала, то решила, что вы отправили его, уезжая заграницу.

Всё это произошло очень быстро, так как поезд уже уходил. Прощаясь, я сказал ей, что в конце концов мне очень приятно, что я её увидел. Когда поезд уже двигался, а я шёл по вагону в обратном направлении и получился момент, когда Полина оказалась на одной линии, Полина спросила:

- Вы мне напишете?

В коридоре вагона стояли пассажиры, которые знали меня и смотрели на меня и на Полину. Мне ничего не оставалось, как ответить:

- Хорошо, - хотя я и не хотел сказать этого.

В Ессентуках я поселился в очень славной дачке из четырёх комнат, снятой Б.Вериным. Юг и радость, что я на юге. Солнце и южные звёзды. Воображаю, как они ярки на экваторе! В парке толпы народа, но знакомых немного, о чём я особенно не жалел. Зато в Ессентуках и Кисловодске обреталась Кошиц, Бальмонт и Шаляпин, и вот их я очень хотел видеть.

Питался я в санатории, где жила мама, для чего мне трижды в день приходилось проделывать довольно длинную прогулку со своей дачи в главный парк, где стоял санаторий. Против этих прогулок я ничего не имел. Утром я занимался, но не музыкой, а литературой: во-первых, догонял отставший дневник, во-вторых, самой настоящей литературой. Дело случилось так: в один из скучных петроградских дней, когда я никак не получал моей отсрочки, я злился и никаким делом не мог заниматься. Тогда я стал перебирать ящик со всякими детскими бумагами и рукописями. Там мне попался неоконченный детский роман, глав шесть. Я его прочёл с увлечением и даже по телефону Элеоноре, и нашёл, что это сплошное многословие, между тем как можно писать совсем недурные рассказы, была бы мысль. Я боялся за мой стиль: характерный ли он или просто неприятный? Он должен быть как раз одним из двух, но ничем третьим. Если первое, то писать можно, если второе, то я буду смешным. Помогла мне тень Достоевского: стиль его характерный и на границе неприятного. Смешно проводить какие-то аналогии с Достоевским, когда сам не напишешь ни буквы. Но важно следующее: если есть мысль, то стиль повинуется мысли. У меня есть мысль, значит, я пишу.

Решив так, я ужасно обрадовался своему разрешению себе написать рассказ и принялся его обдумывать, а когда всё было готово вплоть до отдельных сцен и выражений, сел писать. Это был «Пудель». Шопенгауэр и здесь не давал мне покоя. Второй рассказ «Случай с ногою» был задуман в поезде, а оба закончены в Ессентуках.

Днём я читал Куно Фишера. Вечером либо рано ложился спать, либо смотрел на звёзды. Я ездил в Кисловодск, где Боголюбов и тамошний дирижёр Бердяев

взялись устроить концерт, посвященный мне. В санатории с мамой жили тётя Катя и кузина Катя. Последняя была ко мне феноменально мила.

Август

Кошиц я нашёл не сразу: в парке она не появлялась, а узнав, наконец, её адрес, я не застал её дома. Встреча произошла однажды поздно вечером, и довольно эффектно. Я выходил из парка и в это время мимо меня выкатился извозчик, в котором сидели три дамы в белом. Я не успел ещё рассмотреть их, как все три закричали и замахали мне руками и стали останавливать своего лихого извозчика. Я хотел поспешить навстречу, но у выхода из парка меня остановили, спрашивая какой-то документ. Думая, что это сезонный билет, я рассердился, говоря, что сезонный билет требуется при входе в парк, а не при выходе. Но те меня не пропускали, требуя паспорт. Я послал их к чёрту, говоря, что никто не обязан в пределах курорта носить с собою паспорт. Тот возразил, что я не имею права оскорблять милицию, словом, завязалась целая история. В это время подбежала Кошиц, схватила милиционера за руку и проникновенно проговорила:

- Ну клянусь вам, он не дезертир! Верьте же мне, я не буду вам лгать!

О, женская логика! Почему он должен был ей верить? Но лучше всего, что он действительно немедленно меня отпустил. Кошиц объяснила мне, что сегодня облава на дезертиров и у всех молодых людей спрашивают документы. После этого меня посадили в экипаж и мы поехали к Кошиц. Две другие дамы были: её сестра и юная армянка Соня Аванова, пламенная поклонница Кошиц. Я - Кошиц и Кошиц - мне выразили чрезвычайное удовольствие видеть друг друга. Кошиц сказала, что давно ждала моего приезда в Ессентуки, затем несколько слов о Рахманинове, который недавно уехал, а то жил здесь, и которой про меня говорил, что, конечно, я очень талантливый, но ещё не выписался. Это последнее надо понимать, что я пишу не в той сфере, которая доступна Рахманинову. Если я случайно коснусь и её, то тогда Рахманинов скажет, что в этих сочинениях я выписался.

На обратном пути от Кошиц я опять шёл через парк и опять был задержан у выходной калитки, на этот раз в другом конце парка. Теперь я знал, в чём дело, и охотно согласился отправиться в комиссариат. Я даже не особенно обиделся, когда встречные солдаты спрашивали:

- Что, поймали? - и мой конвоир отвечал удовлетворённо:

- Да, вот один есть.

В комиссариате сидело несколько печальных джентльменов, случайно застигнутых без документа в кармане, но я был так решителен, объявив, что у меня отсрочка приказом самого военного министра, что в комиссариате заколебались и наконец отпустили, наказав принести документ завтра.

На другой день (тридцать первого июля) мы провели с Кошиц всё утро в парке. На её замечание, что за последнее время она совсем потеряла линию жизни, я давал ей философские объяснения. Кошиц зашла ко мне на дачу, чтобы написать открытки Асафьеву и Сувчинскому, а в «Деревянную книгу» было написано, что ей светят два солнца, и хочется, чтобы её грело не старое, долговечное, а молодое. Расшифровка: Рахманинов и Прокофьев.

Вечером мы вместе поехали в Кисловодск: там Кошиц выступала в «Жидовке» Галеви. Про «Жидовку», которую я совсем не знал, Кошиц мягко высказалась, что это ложно-классическая опера. На самом деле опера оказалась такой технической беспомощностью, такой сценической нескладёхой, такой тупостью в развитии сюжета, что, прибавив к этому плохую постановку, невозможных партнёров, я едва-едва не убежал из театра, и удержала меня лишь Соня Аванова, которая поминутно спрашивала:

- Правда, какая прелесть Нина Express Пална? Смотрите, смотрите!

Я смотрел, только понукаемый этим «смотрите».

Тем не менее, обратное возвращение в Ессентуки было весьма триумфально: Кошиц ехала, окружённая целой свитой, а вагон был превращен цветочными подношениями в какой-то сад из «Китежа». Ужинать я к ней не поехал, потому что ужасно устал.

На другой день я зашёл к Кошиц, чтобы ехать с нею верхом. Она говорила, что замечательно сидит на лошади. К моему удивлению, я застал Нину Павловну весьма относительно одетою. Она сидела между семью чемоданами и укладывала свои сорок платьев. Сегодня они изволили уезжать в Москву, что, неожиданно для самих себя, решили сегодня утром. Я искренне пожалел о такой скоропалительности, и, пока она укладывалась, просидел на её балконе часа два, читая стихи разных авторов, которые она мне подсовывала для романсов. Кошиц прибегала, дарила свои фотографии, показывала шляпы, перебрасывалась десятью словами и снова ныряла в свои чемоданы.

Когда я отправился домой, обещая появиться на вокзале, Кошиц взяла меня под руку и пошла провожать. Ей хотелось сказать мне что-нибудь, что запало бы мне в сердце, и действительно, она мне сказала несколько ласковых вещей, просила не обращать внимания на то, что она такое «чёртово веретено», а на прощание немного колебнулась и вдруг поцеловала.

Когда я пришёл на вокзал, где провожала куча народу, Кошиц шепнула мне, чтобы я был милым и проводил её до Минеральных вод. Это совпадало с моими желаниями и я уехал с нею в поезде так, что никто из провожающих даже не заметил, куда я делся. В Минеральных водах она воскликнула:

- Ах, Минеральные воды! Давно ли я здесь сама провожала! - и написала мне на своей фотографии: «Tout passe, tout casse, tout lasse»[7].

Когда я заметил, что странно давать такие обещания на своём портрете, она ответила, что я не понял её, - месяц тому назад она провожала здесь Рахманинова, но... tout passe...

Хотела, чтобы романсы на Ахматову были посвящены ей. Я ответил, что она даже имеет на них некоторое право, так как они были сочинены на другой день после её концерта, но «я не хочу сделать невыгодную параллель другой серии романсов, посвященных ей». Я намекнул на шесть очень хороших романсов, которые посвятил ей Рахманинов.

Кошиц говорила:

- Вы дерзки, но это мне нравится!

Ещё бы не дерзок: лучшие романсы недосягаемого божества Рахманинова! Я их очень люблю, но мои, конечно, лучше, ибо это один из самых удачных моих опусов.

Кошиц звала поехать с ней концертировать зимой.

Поцелуй на прощание, и поезд тронулся. Кошиц стояла на площадке, я шёл рядом. Когда поезд ускорил ход и стал убегать вперёд, я остановился и бросил цветок, бывший у меня в руке, на площадку её вагона. Она воскликнула от удивления, быстро наклонилась и подняла цветок. С этим поезд скрылся. Я сел в дачный вагон и поехал обратно. Глядя в окно на звёзды, я в первый раз увидел моего любимца, звезду Фомальгаут. Это звезда южного полушария, появляется у нас лишь в начале осени, а в северных широтах Петрограда почти совсем не видна. Я её уже давно облюбовал на карте, где она была помещена совсем отдельно, за пределами других звёзд.

После отъезда фантастичной, мечущейся Кошиц, я первые дни просто отдыхал.

[7] Всё проходит, всё разбивается, всё надоедает (фр).

За два дня, которые я провёл в её обществе, я прямо-таки устал. Додумав эскизы симфонии с точки зрения оркестровки, я, наконец, принялся за партитуру, которая пошла легко, приятно и классично, хотя сначала немного медленно, потому что всё же требовалось въехать в стиль.

От Бориса Верина, когда я уже потерял надежду, что он приедет, пришла телеграмма, а седьмого явился и сам поэт. Я встречал его на вокзале и, право, он был очень мил и элегантен, когда с маленьким чемоданчиком выпрыгнул из спального вагона. Впрочем, комплиментовать его на этот счёт я не стал, ограничившись оценкой, что вид у него совсем как у американского коммивояжёра. Мы были очень рады видеть друг друга и даже не ссорились, хотя он регулярно просыпал до половины первого.

Восьмого я отправился в Кисловодск навестить Шаляпина. Я его встретил несколько дней перед тем в курзале (ах, каким великолепным жестом он взял себе стул и поставил его к столу!) и думал, что он не сразу узнает меня после полутора лет, прошедших со дня нашего знакомства, но Шаляпин, к моему удивлению, сразу начал:

- А всё-таки вы. по-моему, не совсем правы, говоря об употреблении хора на сцене...

Т.е. он продолжил разговор, начатый полтора года назад у Палеолога, когда я говорил, что употреблять хор, как он был до сих пор, нельзя, так как это не сценично, а надо найти какой-то другой способ.

Итак, я отправился восьмого к нему, чтобы поговорить о его взглядах на сцену и на оперу, но в парке столкнулся с Бальмонтом и так к Шаляпину и не попал. Бальмонт был со своей маленькой женой и десятилетней дочкой Миррой, ужасной шалуньей. Я к нему так и бросился, и Бальмонт тоже с удовольствием меня приветствовал. Мы заняли столики и потребовали шоколаду. Я его расспрашивал о «Семеро их» и излагал план будущего сочинения для драматического тенора (жреца), хора и оркестра, а он, как и зимою в Москве, говорил, что я смелый человек, если берусь за эту вещь. Я его спрашивал, допустим ли такой приём, когда хор, восклицая за жрецом последние слова из каждой фразы (например: «В глубине окна семеро их!». Хор: «Семеро их!»), сделал следующее восклицание: Жрец: «Сидят на престолах Небес и Земли они!». Хор: «Земли они!» Ибо «Земли они!» по существу бессмыслица. Но так как восклицания хора следуют после каждой фразы, то Бальмонт нашёл, что «Земли они!» вполне естественно и в этом нет ничего плохого.

Затем, по поводу введённого министерством народного просвещения нового, якобы упрощённого правописания, я сделал на Бальмонта целое нападение, почему он не защищает старое, (возмущённую статью против бездарных новшеств я уже поместил летом в газетах). Бальмонт сказал, что он сам возмущён, говорил об этом, писал и, вернувшись теперь в Москву, снова поднимет вопрос.

- Хозяева слова, это мы, поэты. - сказал он, - а академики должны быть только хранителями, но не искажателями.

Затем Бальмонт заявил, что он идёт к очаровательной больной женщине, у которой сломана нога, а меня просит погулять с женой и Миррой, а через час всем вместе придти туда. Я было хотел отправиться к Шаляпину, но раз Бальмонт просил, исполнил его просьбу. Жена сделала несколько недовольный вид, что он один уходит к очаровательной женщине, но повиновалась, и он покинул нас. Мы прогуляли по парку около часу, причём Мирра оказалась пренесносной шалуньей, а из намёков жены я понял, что эта женщина, Кира Николаевна, безнадёжно влюблённая в Бальмонта, кинулась со скалы «Замка коварства и любви» («попробовала летать», по словам жены) и сломала себе ногу в трёх местах. Бальмонт (который, как потом мне говорили, был ужасно пьян), на собственных руках привёз её в Кисловодск и

с тех пор каждый день её навещает, хотя сам живёт в Пятигорске, так как в набитом публикой Кисловодске не может найти комнаты.

Через час мы, свернув с Тополёвой аллеи и перейдя три мостика через Ольховку, приблизились к поэтичному домику рядом с водяной мельницей и вошли в крошечный палисадник. В нижнем этаже была всего одна комната и в неё вела единственная дверь прямо с улицы! На кровати лежала очаровательная Кира, очень славная женщина лет двадцати трёх, с великолепными ресницами и белым чепчиком с голубым бантом, а перед ней сидел Бальмонт. Бальмонт был, по-видимому, совсем влюблён в неё и ворковал с нею по-испански, оба они были лингвисты и говорили на каких угодно языках. Жена смиренно наливала чай, Мирра бегала по саду. Кира была очень мила, мягка, ласкова, образована, любила музыку, знала много превосходных легенд и хорошо их рассказывала. В углу стоял старинный рояль, помесь с клавесином. Мои оба гавота звучали на нём пренедурно, но из «Сарказмов», которые очень любит Бальмонт, вышла одна карикатура.

Кстати, Бальмонт сказал, что ударение в его фамилии следует на последнем слоге, а не на первом, как делают многие, и в том числе делал до сего времени я.

Получив от Киры Николаевны просьбу навещать её почаще и разрешение привести завтра товарища, я покинул их. Борис Верин пришёл в чрезвычайный ажиотаж, слушая мой рассказ о проведённом в Кисловодске времени.

На другой день я позвал его к Кире, где должен был сидеть Бальмонт. Верин волновался, охорашивался, а я его наставлял, чтобы он вёл себя смирно, не набрасывался сразу на Бальмонта и умеренно ухаживал за Кирой. Картина, которую мы застали, оказалась как вчера: длинные ресницы, белый чепчик, бант на этот раз лиловый; у кровати Бальмонт держит руку Киры, у самовара жена, в саду Мирра. Бальмонт в белых штанах, желтоватом чесучовом пиджаке, с длинными волосами, остроконечной бородкой и свежей румяной кожей - лет на десять- пятнадцать моложе своих пятидесяти лет. Борис Верин вёл себя очень мило. Я довольно много играл на клавесине и пока исполнял 1-ю Сонату, Бальмонт написал мне в «Деревянную книгу» сонет, очень пышный экспромт, посвящённый мне, которым я очень горжусь и который считаю украшением «Деревянной книги». Я играл «Мимолётности» и так как это название взято из стихов Бальмонта:

В каждой мимолётности вижу я миры,
Полные изменчивой, радужной игры,

- то я спрашивал, подходит ли оно сюда. Бальмонту очень нравились и пьесы, и название, а Кира, отлично владеющая французским языком, нашла для них французский перевод - «Visions fugitives». До сих пор он мне никак не удавался.

Вечером в курзале Б.Верин устроил Бальмонту ужин с икрой, закусками и шампанским. Стол был украшен цветами. По-видимому, Бальмонт остался доволен, что его чествовали таким образом. Что касается Б.Верина, то он находился в совершенном упоении - и от «Кости», и даже от Киры.

На другой день Бальмонт завтракал у нас на даче. Нашему дачевладельцу мы, смеясь, сказали, что теперь на стене балкона мы крупно напишем: «Здесь завтракал Бальмонт», и с будущего года он может накинуть двести рублей за дачу.

Присутствовавшей маме Бальмонт очень понравился, но она была крайне поражена, когда на её вопрос, неужели он не возмущён Григорием Распутиным, он ответил:

- Нет, этот человек очень любил женщин.

После завтрака Бальмонт, по моей просьбе, прочёл «Семеро их». Читал он, стараясь подчёркивать ужас содержания и импрессионировать им, но, хоть читает он превосходно, получилось всё же менее потрясающе, чем я задумывал. Однако

некоторые особенности его чтения я постарался запомнить, чтобы впоследствии соответственно передать в музыке. Таковы: начало - страшным шёпотом, также ритм и интонации в словах «семеро их», «семеро», «земли они!». После «Семеро их» Бальмонт прочёл ещё «Малайское заклинание», превосходное, хотя далеко не такое потрясающее, как это халдейское. По-моему, это одна из самых страшных вещей, которая когда-либо была написана. И недаром она после тысячелетий вышла из-под земли, в виде загадочных клинообразных знаков, чтобы снова зазвучать, и быть может, ещё грознее, чем некогда! Бальмонт в трёх своих книгах по-разному излагал её и предложил мне выбрать любой из трёх текстов и даже комбинировать их.

На другой день Бальмонт из Пятигорска уехал в Москву. Борис Верин поехал провожать его. Я же отправился в Кисловодск, где выступал с 1-м Концертом в симфоническом концерте. Дирижировал Бердяев, ничего, не слишком плохо. Публики было не очень много (слыша симфонический оркестр каждый день на открытой сцене, она не слишком себя утруждает хождением в закрытую и платные вечера). Я имел успех. К концу вечера примчался Б.Н. Он только что усадил в Пятигорске в поезд Бальмонта. Бальмонт горячился и одного пассажира, который помешал ему втащить через окно чемодан, подаваемый снизу Вериным, обозвал «животом на двух ногах».

- Вы живот на двух ногах!, - так и закричал на него Бальмонт, и потом, прощаясь с Борисом Вериным (с которым они нежно расцеловались - дружба полная), задумчиво сказал:

- Да, здесь в Кисловодске много животов на двух ногах!

Нам очень понравилось это выражение.

Из Пятигорска Б.Верин помчался в Ессентуки на благотворительный концерт, где должен, но не мог из-за отъезда, читать Бальмонт и заявил с эстрады:

- Мне мой друг Бальмонт поручил передать, что он, по случаю отъезда, читать сам не сможет, но, если вам угодно, я вместо него прочту несколько его стихотворений.

Публике было угодно и Б.Верин читал. Кстати оказалось, что Б.Верин знает наизусть больше стихотворений Бальмонта, чем сам автор, хотя автор и выступает всё время со своими стихами. Оказалось, что Бальмонт знает пятьдесят с чем-то, а Верин более ста.

Вернувшись из Кисловодска в Ессентуки, мы с Б.Вериным направили мой, привезённый из Петрограда, телескоп на Юпитер и нашли целых шесть спутников. Я как был после концерта во фраке, так и наблюдал Юпитер - парад, достойный великолепной планеты. Кроме того, я в этот вечер изучил созвездие Геркулес, к которому несётся наше Солнце. Это довольно трудное созвездие - сложной формы, бледных звёзд и широко раскинувшееся по небосклону. Но Бальмонт его знает.

В течение этих дней у меня мало-помалу возникла мысль провести зиму в Кисловодске, и главное, чтобы мама здесь осталась на зиму. Петрограду угрожали немцы, голод, скандалы во время открытия Учредительного собрания, а в Кисловодске была тишь, огромные продовольственные запасы и чудный климат. Я не собирался прожить всю зиму, но гарантировал маме, что половину зимы я буду в Кисловодске, а то она говорила, что жить здесь одной ей слишком тоскливо. Мой проект был - поочерёдно проводить месяц то здесь, то в Петрограде.

Так и теперь, четырнадцатого, я собирался на север. Мои мотивы - здесь я то с Бальмонтом, то с Кошиц. то с Б.Вериным совсем засуетился: хотелось пожить в моём прелестном тихом «имении», поработать и сосредоточиться. Словом, четырнадцатого я, провожаемый мамой и другом, сел в поезд и помчался на север. На вопрос Б.Н., что передать Кире Николаевне, я сказал:

- Передайте, что объективно она мне очень нравится.

Кажется, она впоследствии обиделась на это.

В Ростове к нашему поезду прицепили новороссийский вагон, в котором оказался Бальмонт, заезжавший читать лекции в Екатеринодаре и теперь следовавший в Москву. По дороге мы с ним ели дыни и беседовали. Он говорил, что напрасно про Северную Америку думают, что это только страна денег и торопливой промышленной жизни. Но это страна дивной природы, а как красива Калифорния и как хороши калифорнийские женщины! Но самая лучшая - это Мексика. На мой вопрос, был ли он в Южной Америке. Бальмонт ответил:

- Слава Богу, ещё не был. Для меня остался ещё один из самых замечательных уголков земного шара.

В других краях он уже успел побывать.

В ночь на восемнадцатое наш запоздавший поезд привёз меня в Петроград. Что ж, мило, хотя мокро и грязно. Первые лица, с которыми я снёсся, была Элеонора. Она мне рассказывала - не знаю, сколь это точно - что штаб нашёл моё освобождение странным: что такое, освобождают от военной службы только за то, что композитор? - и хотели меня выкатить вон, но будто сам Керенский (так говорила Элеонора) поехал в штаб и сказал, чтобы они раз и навсегда это дело не трогали, пока он стоит во главе военного министерства и правительства.

Итак, всё было в порядке. В эти дни я обыкновенно завтракал у «Медведя» с Дидерихсом, с которым мы обсуждали будущие осенние концерты, и с Кусевицким, назначенным управляющим бывшего придворного оркестра. У Зилоти предполагалось троекратное моё выступление: с «Классической» Симфонией, Скрипичным концертом и с «Семеро их», которые я обещал кончить осенью. Кроме того, камерный вечер из новых сочинений: 3-я и 4-я Сонаты, «Мимолётности» и романсы на Ахматову (Кошиц). «Игрок» в эту зиму, как и все предполагавшиеся новинки, не пойдёт ввиду отсутствия ссуд на постановку, и контора театров предложила как-нибудь уладить этот вопрос. Но я, видя, что всё равно толку не выйдет, заявил категорически, что так как они в обещанные два сезона поставить оперу не могут, то я считаю контракт нарушенным, себя свободным от него и прошу выплатить причитающийся мне гонорар за десять гарантированных спектаклей. Таким образом, я предпочёл порвать первым, чем ждать, пока объявят, что «Игрок» снят, не будучи поставленным, хотя бы и по причине отсутствия средств на постановку.

Двадцать второго пришли тревожные вести: Рига взята немцами.

Бронированный кулак занесён над самим Петроградом. И хотя до него ещё не близко, но неизвестно, крепки ли революционные войска, и никто не знает, что будет за картина, когда три миллиона петрограждан кинутся врассыпную из города. А цепелинчики могут заглянуть в любой день. Я рад, что мама на Кавказе, я сам себя чувствую гораздо спокойней, а то увозить её во время сутолоки была бы чистая возня. Остались у меня на руках ещё мои рукописи, дневники, письма, которые я совсем не намерен был отдавать немцам, но когда я сложил их в чемодан, то он оказался набитым как железом, и весил пуда два. Бежать с таким чемоданом не слишком легко.

Я решил воспользоваться отъездом Кусевицкого в Москву, который каким-то чудом имел отдельное купе международного общества, и вручил ему этот драгоценный чемодан для хранения в Москве, в подвале Российского Музыкального Издательства. На вокзале была давка и битком набитые поезда увозили испуганных жителей на юг. Но мой чемодан уехал в отдельном купе и таким образом я остался один, свободный, избавленный от забот. Особенную нежность я питал к уехавшей огромной пачке тетрадей моего дневника.

Теперь я уложил крошечный чемоданчик необходимых вещей для Зета и двадцать четвёртого с наслаждением поселился в моём имении. И хотя была

отвратительная погода, но я был полон радости, вероятно потому, что нашёл мой собственный мир и спокойствие после петроградских беспокойств и немецких угроз.

Итак, снаружи дул ветер и моросил дождь, но внутри у меня было тепло, просторно и много хороших вещей, - а доставались они нелегко по нынешним временам! Целая куча разноцветных коробочек с разными сортами английских и египетских папирос (до пятнадцати сортов) занимали ящик моего комода. Был шоколад, были конфеты, халва, мёд, сушёные абрикосы, вкусные компоты. Элеонора дала мне два фунта настоящей белой муки (какая редкость!), и к завтраку появились блины, икра и замечательный, прямо-таки феноменальный, копчёный угорь.

Занятия мои сосредоточились на инструментовке симфонии, а по вечерам я обдумывал новые рассказы. Были планы на целых несколько штук, но не обдумывались подробности. Два первых я читал по телефону Элеоноре (кроме неё никто не знал об этих моих дебютах) и имел чрезвычайный успех, особенно за «Пуделя» «со вкусным абрикосовым пирогом».

Двадцать восьмого, когда я сходил на далёкую станцию за газетами и, вернувшись домой, удобно расположился на диване, я был поражён следующей вестью: войска главнокомандующего генерала Корнилова двигались с юга на Петроград свергать Керенского, а войска премьера Керенского выступили из Петрограда навстречу для подавления Корнилова. Междуусобная война, и я неожиданно в центре событий. Что за история?

На другой день утром я отправился в Петроград. В поезде народу было мало, шли тревожные разговоры, входили какие-то солдаты проверять зачем-то документы. Я приехал в Петроград в довольно беспокойном настроении. Я боялся, что город сделается центром побоища или что железнодорожные линии будут перерезаны наступающими и поведётся целая осада. Элеонора, которая уже снеслась с Керенским, телефонировала, что ничего, он бодр и хотя положение, конечно, серьёзное, но он полон решимости и уверен в победе над Корниловым. Я рассудил за лучшее немедленно уехать назад в имение и там ждать событий, и, несмотря на протесты Элеоноры, отменил обед у неё, отправившись немедля на вокзал.

Сидя в вагоне, я поглядывал на запад, на черневшее вдали Царское и на Павловск, где должны были встретиться войска, и было немного жутко. А в Саблине та же тишь и невозмутимость, хотя на некоторых станциях, через которые я проезжал, были расставлены отряды солдат с пулемётами.

Вернувшись на дачу, я разложил карту окрестностей Петрограда и с газетой в руках стал расставлять флажки - войск Керенского и войск Корнилова. Центром столкновения оказывались Павловск и Царское. Правое крыло Корнилова доходило до Тосны, левое Керенского до Колпина. Саблино лежало как раз между ними. Моя высокая дача, стоящая одиноко в стороне, могла быть недурным наблюдательным пунктом. Это называется с размаху влипнуть в кашу. В этот день я не инструментовал и ночью просыпался, прислушиваясь, нет ли выстрелов. Но на другой день газеты сообщили, что сражений не было, что войска, сойдясь, обменялись не снарядами, а словами, и войска Корнилова сдаются, ибо не знали, куда и зачем их вели. Таким образом, «инцидент Ка-Ка»[8] был исчерпан.

Я не контрреволюционер и не революционер и не стою ни на той стороне, ни на другой. Но мне было жаль, что корниловское предприятие так растаяло ни во что: от него веяло каким-то романтизмом.

[8] Т.е. Керенский - Корнилов.

Сентябрь

По миновании Риги и Корнилова, саблинский покой не нарушался больше ничем. Незаметно август перешёл в сентябрь. И было так уютно, что я никуда не хотел из Зета. По ночам лил дождь, но дни были солнечные. С первого числа листья стали постепенно желтеть, краснеть и рыжеть, другие оставались свежими, зелёными, что рядом с попадавшимися иногда ярко-красными листьями и с клёнами, сверху донизу ярко-жёлтыми, создавало поразительный пёстрый и пышный наряд. Удивительно, как за невзрачным посёлком Саблиным скрывалась такая красивая местность: обрывы, дачи, река. Гуляя по окрестностям, я думал, как красива северная осень, и что, в сущности, всякая осень должна порождать в сердце лёгкую грусть, так как всё же это есть умирание. Но я ведь в конце месяца уезжаю на юг, в Кисловодск, к солнцу, и потому для меня красота осени не вела пока к дождливому ноябрю и длинным тёмным ночам, и я с лёгким сердцем наблюдал окружающую красоту. Каждые пять дней я отправлялся в город по всяким накопившимся делам, а также покупать себе сласти и английские папиросы (ах, как трудно и дорого доставать их теперь!), и каждый раз с особенным удовольствием возвращался к себе назад.

Партитура симфонии быстро шла вперёд и около десятого оказалась законченной. Но гораздо более важным сентябрьским событием было сочинение «Семеро их». Это вещь, которую я давно задумал, к которой давно подходил и, когда я, наконец, за неё взялся, то заранее чувствовал, что выйдет нечто замечательное. Уже какие-то планы, какие-то мысли были, я знал, что я хочу, я как-то это чувствовал, но ничего конкретного ещё не существовало. Четвёртого сентября я, наконец, принялся за работу. Таким способом я ещё не писал ни одной вещи. Здесь я записывал не музыку, а какие-то общие контуры, иногда одну голосовую партию, или писал не нотами, а графически, общий рисунок и оркестровку.

Увлекался я безумно и иногда, доходя до кульминационного пункта увлечения, должен был останавливать работу и идти гулять, чтобы успокоиться, а то сжималось сердце. Работал я над «Семеро их» недолго, не больше получаса или часа в день и то не каждый день. Думал - очень много. Окончены были наброски пятнадцатого сентября, т.е. в двенадцать дней, из которых семь работал, а пять не писал.

4 сентября - от начала до «7», до восклицания жрецами «Тэлал! Тэлал!»

7 сентября - всего два текста, до оркестрового fortissimo.

8 сентября - до «Злы они!» включительно (между «11» и «12»),

9 сентября - до женского унисона: «Дух небес!»

13 сентября - «Дух небес!» и «Дух земли!», женский и мужской эпизод, до «18».

14 сентября - до четырёхкратного повторения «Семеро их!» (после «28». причём в этот день предполагалось, что «Семеро их!» повторится лишь двукратно).

15 сентября - добавлено ещё два раза « Семеро их!» и дописано до конца, причём заключение уже было задумано раньше, дней пять назад.

Но набросок был очень неполный и поверхностный. Точнее всего были представлены голосовые партии, хоровая и главнейшие черты инструментовки. На контрапунктические рисунки существовали лишь указания, а гармонии существовали в немногих листах. В других она была набросана случайно и непродуманно, так как отвлекаться на неё, значило отвлекаться от общих контуров пьесы. Зато общий скелет был сочинён сразу, раз и навсегда и впоследствии не подвергался никакому изменению. Из гармонии существовали и так и остались следующие места: первый аккорд, до «семь-ме-рро их», на котором производится дальнейшее заклинание, и последняя квинта фа-до. В эпизоде «Дух небес!» - женском и «Дух земли!» - мужском мелодичные линии остались без изменений,

но в женской части весь аккомпанемент был обозначен не нотами, а просто восходящими и падающими линиями; в мужской части впоследствии была переделана гармония. Дальше, начиная от «Злые ветры! Злые бури!» вся гармония носила случайный характер и в дальнейшем переделывалась несколько раз, пока не приняла своего окончательного вида. В таком виде оказался первоначальный набросок. Я был доволен и отложил его в сторону. И хотя предстояла ещё огромная работа, но там вопрос техники и изобретательности, главный же замысел со страшным напряжением был зафиксирован скелетом. Без меня никто бы не разобрался в нём, зато для меня главное уже было готово.

Моим другим занятием было чтение Канта (по Куно Фишеру). Читал я с большим интересом, хотя двигался медленно, ввиду необычайной сложности построения. Некоторые главы я прочитывал дважды для лучшего усвоения. Что до новых рассказов, то семнадцатого я принялся за рассказ о «Грибе-поганке». Этот рассказ в несколько ином стиле, чем предыдущие и чем будут, вероятно, последующие, - он результат моих одиноких прогулок по лесам и долинам, где я останавливался перед красивейшими мухоморами, трогал их, рассматривал.

Моё давнишнее стремление к гимнастике вылилось на этот раз в решение регулярно делать её по системе Миллера, которую я начал изучать и приводить в исполнение. Обливание холодной водой с головы до ног тоже проделывалось аккуратно и при открытом окне, несмотря на то, что холодно было адски и по утрам случались заморозки. Редкий прохожий, подняв глаза на второй этаж, мог увидеть в окне одни мелькавшие голые ноги. Это я, лёжа поперёк кровати, делал кругообразные вращения ногами по Миллеру.

Двадцатого я, наконец, расстался с моим милым Зетом. Становилось холодно, мокро и темно. Я уезжал с нежностью к Зету, удивляясь, как во время войны, революции, междуусобиц и голода можно небогатому, молодому, призывного возраста человеку жить так хорошо, легко и беззаботно. Мир душевный и сознание счастья дал мне Шопенгауэр своими истинами: не гонись за счастьем - стремись к беспечальному. Сколько возможностей сулит эта истина! И человеку, признавшему её, воплотившемуся в неё, сколько восхитительных неожиданностей готовит жизнь!

Итак, я очутился в мокром Петрограде, а двадцать первого уехал на Кавказ, проведя эти сутки в торопливых сборах. Симфония была сдана Зилоти для переписки, а Скрипичный концерт уже был расписан на партии и с большим вниманием и сметливостью просмотрен Коханским, отличным скрипачом и музыкантом. Исполнение и того, и другого было проектировано на ноябрь, хотя Зилоти всё ещё своих концертов не объявлял, боясь неспокойного времени. С Дидерихсом мы наметили два клавира в Петрограде и один в Москве, все тоже на ноябрь. Октябрь же я провёл бы в Кисловодске.

Двадцатого вернулся в Петроград Борис Верин. Нерв его был в хорошем состоянии, вид свежий и загорелый. У Киры, поразительно интересной и содержательной женщины, по его словам, он бывал каждый день; утром спал, днём лечил нерв и вечером летал к ней в Кисловодск и совершенно пленил её. Я, шутя, упрекнул его - как это «порядочно»: поклоняться Бальмонту и отбивать у него женщину. Мама сдала ему нашу квартиру, чтобы она не стояла пустая, подвергаясь обмерзанию и опасности ограбления, а Б.Верин уцепился за неё, так как в связи со своей злосчастной женитьбой совсем разошёлся с родственниками и решил жить врозь. «У Сэржа».

День двадцать первого я совсем закрутился со сборами. Мама прислала мне список поручений - то-то привезти и то-то сделать - не более как из пятидесяти семи пунктов. Приходилось рыться в тысяче шкапов, сундуках и картонках, а когда всё было найдено, то никаких чемоданов, коробок и корзин не хватило для того, чтобы всё это уложить. Прислуги не было, швейцариха злющая - всё я делал сам.

Наконец, четырнадцать вещей было упаковано и Б.Н. каким-то чудом успел свозить меня пообедать к «Контану» (здесь нам в первый раз дали новые деньги в двадцать и сорок рублей - поразительный мизер!). В полдесятого вечера, нагрузив доверху купе Международного общества и провожаемый, по традиции, Элеонорой и Б.Вериным, я покинул Петроград. На месяц, думал я. Не думал я, что на так долго.

Двадцать третьего вечером я выгрузил все мои коробёнки на платформу Ессентуков и был встречен мамой, которая ужасно была мне рада, а то она совсем закисла, считая себя заброшенной беженкой. С моим приездом хорошее настроение и бодрость возвратились. Мне была резервирована в санатории Кисловодска большая комната с видом прямо на Бештау. Красавец Бештау - мой любимец, и даже в Швейцарии, окружённой горами всех видов и очертаний, я вспоминал его благородные формы. Теперь я часто любовался с моего балкона, как он то закрывался облаками, то озарялся переливами заходящего солнца. В Ессентуках было тепло и хорошо, но не было таких красивых одежд на деревьях, как на севере. Здесь листья просто засохли и в большинстве случаев осыпались.

Образ жизни установился следующий: в половину восьмого я вставал, потому что рядом начинали кричать дети. Впрочем, против этого раннего часа я ничего не имел. Делал гимнастику Миллера со всеми причитающимися обливаниями, пока эти последние не отразились на крепости моего сна, тогда я стал делать гимнастику каждый день, но обливался через два дня. Затем прогулка, кофе и утренние занятия.

Я раскрывал эскизы «Семеро их» и, сидя в кресле, смотрел в них и думал. И мало-помалу обширные пустые пространства стали заполняться фактурой и рисунком: скелет стал обрастать мускулами. Параллельно с этим вычёркивалась случайная гармония и на месте её являлась настоящая. Этому занятию посвящался час. Затем я сидел на балконе и читан Канта. А иногда, вместо того, писал «Гриб- поганку», которую закончил к первому октября, или догонял дневник. В час обедал, а от двух до четырёх кинематограф: большие пустые помещения с разбитым пианино; на нём я упражнялся, приводил в порядок технику и подучивал 3-ю Сонату. Предполагая дать осенью ряд концертов и имея за спиной целое лето без рояля, полезно было подумать о своей технике. От пяти до шести я снова был на своём балконе, продолжая утренние занятия, затем прогулка, ужин и вечером, в виде отдыха, глава из эстетики. В пол-одиннадцатого спать.

Так прошла неделя. Мои именины незаметно среди неё. Отвлечённый мир царствовал весь сентябрь.

Октябрь

Первого октября я неожиданно отправился в Теберду. Теберда преинтересный уголок, лежащий в горах на Военно-Сухумской дороге. Эта дорога идёт от станции Невинномысской (что в двух часах езды от Минеральных Вод) и, с большими трудностями перевалив через Кавказский хребет, спускается прямо к Сухуму. Теберда находится в двадцати верстах, не доезжая до перевала. Славится она безоблачностью, чудесным воздухом, высотою в 4750 футов над уровнем моря и обещает сделаться знаменитым курортом. Отправились мы вчетвером: англичанин Руффман, который, собственно, и подбил меня, я и два брата Джунковских, которых, в свою очередь, подбил я. Первого под вечер мы отбыли в поезде на станцию Невинномысскую, провожаемые итальянкой Mme Collini, очаровательной дамой, по общему признанию, но не по моему в то время. Впрочем, об этом после. Приехав после полуночи на «Невинку» (как её здесь называют), мы провели ночь - какую там ночь: с двух до шести - в вагоне на запасном пути, а с рассветом в двух экипажах отправились в Баталпашинск, большую казацкую станицу в пятидесяти верстах. Там ночевали вторично в вовсе недурном отеле (потолки аршин двадцать)

и с новым рассветом в добытом нами автомобиле выехали в Теберду. Дорога, сначала степная и монотонная, стала, постепенно углубляясь в горы, хорошеть, а подъезжая к вечеру к Теберде (сто пятьдесят верст от Невинномысска) сделалась и вовсе живописной. Особенно восхищался англичанин, который в своей ровной Англии не видел ни одной горы. Для меня же был очень приятен процесс езды на автомобиле по вольным пространствам, так как до сих пор больше приходилось ограничиваться ездой по узким городским улицам.

Теберда действительно оказалась очень славным уголком, зажатым горами, с видом на изящный ледник Аманаус и с чистым, весьма разреженным воздухом, который заставлял задыхаться при слишком быстрой ходьбе или крутом подъёме. Оставив англичанина исследовать возможности постройки санатория, мы на другое утро в линейке отправились дальше по Военно-Сухумской дороге до перевала и тут-то увидели восхитительную красоту. Недаром же говорят, что Военно- Сухумская дорога красивей Военно-Осетинской, Военно-Осетинская красивей Военно-Грузинской, а как красива Военно-Грузинская знают все.

Когда мы въехали в невероятные дебри, где страшные пропасти обрушивались на сотни сажень, а над головой поднимались горы до небес, в пропасти бурлили потоки, а с противоположной стороны чернели девственные леса и сияли всеми фантастическими красками другие, ещё более высокие горы, тогда я себя чувствовал в волшебном сказочном царстве. Наконец, мы достигли сторожевой будки у подножья перевала. Дальше следовала лишь пешеходная тропинка. Оставив у будки лошадь, съедобности и пленного австрийца, мы вооружились палками и по крутому подъёму двинулись к Клухарскому перевалу, до которого оставалось ещё 2000 футов. Но тут оказалось, что северянин горному жителю не товарищ. И в то время, как обитатели Закавказья братья Джунковские, как козлы, прыгали с камня на камень, я скоро задохся от разреженного воздуха и быстрого подъёма и начал отставать. А между тем надо было до темноты поспеть на перевал, взглянуть на склон к Чёрному морю и вернуться в будку. Я просил их не обращать на меня внимания, говоря, что если я почувствую себя лучше, я их догоню, если же хуже, то спущусь к будке. Джунковские скоро скрылись в верхах, а я, отлежавшись на припекавшем солнышке, поднялся ещё вверх, до уровня нетающих снегов, а затем спустился в будку. Вскоре вернулись и Джунковские, которые без малого не дошли до трудного перевала, и затем, после яростного спора (я говорил: надо ночевать в будке, они: ехать в Теберду) выехали по непроглядной ночи среди камней и пропастей обратно. К полуночи мы кое-как добрались до Теберды, а на другой день к вечеру, прямо на автомобиле, вернулись в Ессентуки, довольные, усталые, загорелые.

На другой день, шестого, я отправился в Кисловодск, чтобы попытаться переехать туда из Ессентуков. В Ессентуках стало пусто, холодно, ветрено, - в Кисловодске сияло солнце и была пропасть народу. Война и, главное, революция согнали туда столько народу на зимовку, что все помещения оказались разобранными по баснословным ценам. Но я хотел не менее, как в «Гранд-отеле». В то время, как другие надрывались, рыская по Кисловодску в поисках жилища, я гулял по парку, нашёл владельца «Гранд-отеля» Резникова, брата известного антрепренёра, и попросил у него комнату. Таковая скоро освободилась и на другой день я выехал в Кисловодск. Въезд мой начался с анекдота, так как Mme Collini, очаровательная итальянка, (которая на этот раз мне нравилась больше) по ошибке получила ту же комнату, и мы с вещами одновременно ввалились в одну и ту же. По выяснении обстоятельств оказалось, что её комната другая, я же потом смеялся, что получил не только очаровательную комнату, но и очаровательную женщину в придачу. А комната была действительно отличной: с двумя балконами на два солнца, южное и западное, и вся залитая лучами. Мама переехала по соседству через

несколько дней.

Первые дни я провёл с приехавшим Дидерихсом, необычайно ко мне ласковым и пившим со мной на брудершафт. Зашёл к Кире Николаевне, но она как-то поблекла. Бывал в семье Сафоновых, где старый маэстро крайне олимпичен и зевсоподобен, но ко мне снисходительно ласков и про новую музыку говорит, что он её «терпит». Очень интересна была прогулка с очаровательнейшим генералом Рузским, человеком, перед которым я преклоняюсь не только как перед самым замечательным русским полководцем этой войны, но и как перед полководцем, который спас всю войну. И вот этот старик, в штатском костюме, мягком воротничке и серой шляпе, медленно шагал рядом со мной. На мои осторожные вопросы он с охотой рассказывал о целых стратегических планах, о ходе боёв, ошибках и возможностях. Я поражался, с какой простотой и охотой он, герой стольких огромных событий, рассказывал это мне. И сколько прелестной мягкости было в этом удивительном человеке!

Оглядевшись в Кисловодске, я начал готовиться к концерту, который устраивал мне антрепренёр курзала. В промежутках я работал над второй частью сонаты (сочинял её по Andante из старой симфонии) и над «Семеро их». Мысли одно время вращались вокруг Нины Мещерской, и поводы были к тому следующие: у Рузского кто-то сказал, что такую-то дачу сняли Мещерские. Мещерских много, но это наводило на мысли. Затем у Сафоновых, в книжке, в которую молодёжь собирала автографы всех писателей, я прочёл «Вера Николаевна Мещерская». И действительно, вскоре я увидел Талю, самую настоящую Талю Мещерскую, впрочем, одетую очень просто и непрезентабельно. Наконец, в Нарзанной галерее я встретил Талю и Нину. Была ли то Нина или это была не она, я не знаю: я шёл быстро и взглянул на них случайно. Они были с теннисными ракетками и смотрели на меня. Нина, если это была она, была до сих пор подстрижена. В пору моего увлечения я всегда просил её остричься, и она сделала это, как только мы разошлись с нею.

Четырнадцатого состоялся в курзале мой концерт. Я в первый раз играл публично 3-ю Сонату и «Мимолётности». Конечно, их премьеру следовало бы давать в Петрограде, а не в Кисловодске, но я на это выступление смотрю как на репетицию к столичному концерту. Полагал я, что будет полно: Кисловодск доверху набит петроградцами и московской публикой, которая могла бы меня знать, но народу было мало. Через занавес, в дырочке, я увидел в пятом ряду Талю и Веру Николаевну; несмотря на продолжительное рассматривание, Нины не было. Концерт прошёл с успехом выше среднего: публике нравилось как я играю, но она не понимала, что я играю. Вечером мама рассказала, что к ней подошла Вера Николаевна и сказала, что, в сущности, они, матери, никогда не ссорились, а потому она, Вера Николаевна, очень рада увидеть маму и побеседовать с ней. Мама была очень тронута подобным жестом, хотя и держала себя сдержанно, не зная, как я отнесусь к тому. «Серёжа сделал успехи». Таля замужем, за офицером, который на фронте.

Я слушал маму молча. Мама продолжала сообщать:

- А другая... как её... Нина, этой осенью вышла тоже замуж, за студента.

Я промолчал и, простившись, ушёл к себе. Впечатление было сильное, но как же могло быть иначе? - прошло два с половиной года, Нине двадцать один год, конечно, она вышла замуж. Кто этот студент - не знаю, вероятно, новое лицо. Больше я их в Кисловодске не встречал. Развлекла меня записка, которую мне подали после концерта: писала неведомая Ася Лесная, восхищалась игрой и хотела встречи. По стилю и подписи, должно быть, гимназистка. Я улыбнулся и лёг спать.

Через четыре дня состоялся мой второй концерт. Публики ещё меньше, прямо противно играть, но я заставил себя взять в руки: это ведь не концерт, а репетиция

для Москвы, именно для Москвы, а не Петрограда, - в Петрограде меня знают и любят, а Москву надо ещё покорить. Лавры молодого пианиста Орлова, любимца московской публики, изящного, но пустого пианиста, не дают мне покоя. Ну, а за Орловым надо побороть и Рахманинова.

На этом концерте я играл очень хорошо и тонко. Мама, всегда строгая и недовольная, была в восторге. Очень хвалил старик Сафонов, который сквозь неизвестный ему модернизм, уловил мягкость и нежность моих нюансов. Ася Лесная сидела в первом ряду и по окончании концерта пришла в артистическую. Это была не гимназистка, а ученица драматической студии Мейерхольда, лет двадцати, польско-еврейского типа, скорее оригинальная, чем интересная, хотя тоже и интересная, высокая, гибкая, одетая с уклоном к оригинальности, и в красной шапочке (так её в Кисловодске и знали под именем «Красная шапочка»; фамилия Хмельницкая, Лесная - псевдоним). Когда мы вышли из артистической на улицу, мне устроили овацию, но мы сейчас же повернули через мостик на Крестовую гору и ушли гулять.

Параллельно с «Красной шапочкой» появлялись другие лица, весьма любопытные: анархист Змиев. Он подошёл ко мне в салоне «Гранд-отеля» и попросил огня. Разговорились. Он оказался, по его словам, недавно приехавшим из Лондона. Это был совсем молодой человек, живой, остроумный и с крайне непривычным для меня мировоззрением. Называл он себя членом Петроградского совета рабочих депутатов от партии анархистов. Это было до невероятной степени пикантно, хотя я теперь не поручусь, действительно ли это так. Многие считали его просто аферистом, но я это отвергаю. Авантюрист - это безусловно. Анархист - весьма возможно, по крайней мере, он в этой области знал преудивительные вещи. Ко мне он чрезвычайно привязался, я же с удовольствием проводил время в его обществе, так как его анархическое мировоззрение - как-то всё навыворот - меня занимало. Кроме того, он имел, как я уже сказал, живой и меткий ум. Таким образом, моё время протекало в обществе Аси и Змиева и несколько уклонилось от своего отвлечённого течения: то Ася просила пойти с ней погулять, то анархист рассказывал про жизнь Кропоткина. Погода и воздух в Кисловодске были обворожительны и тянули на улицу. Но всё же часа два в день я работал над Andante 4-й Сонаты и часа полтора посвящал Канту, одолевая его экстраголоволомную трансцендентальную аналитику. Вечером я часто ходил в курзал в оперетку, где мне в первом ряду было резервировано кресло. До сих пор я почти никогда не бывал в оперетте, сердечно презирая её, но теперь я заинтересовался, просмотрев весь репертуар с точки зрения критической, уж конечно, не по части музыки, но по части оживлённости и сценичности. И что ж? Приговор: оперетты не умеют писать. Живость большею частью в тех сценах, которые идут в виде разговора, без музыки; для того же, чтобы их написать с музыкой, у авторов нет ни техники, ни сценического воображения. Есть местами и живость, и сценичность, порой элегантность (не слишком высокого качества); но всё это можно делать в сто тысяч раз лучше. У меня даже явилось желание написать - не оперетку, для этого у меня не хватило бы наглости, - но лёгкую, живую, весёлую оперу. Пока я эту мысль оставил, но к ней ещё вернусь. А рядом с этой мыслью, другой проект: опера на сюжет из жизни анархистов. Опера «Анархист». На эту тему я довольно много беседовал со Змиевым. Но мы ни до чего не договорились ввиду следующего. Из Петрограда пришли сведения о восстании большевиков. Правительство заперлось в Зимнем дворце и из пушек отбивалось от атакующих красногвардейцев. Керенский талантливо улизнул из Петрограда и во главе преданных войск идёт на выручку. Дальнейшие сведения были, что большевики сдаются, мятеж подавлен. И тут-то Змиеву, как анархисту, пришлось неважно и, не теряя времени, он удрал в Ростов, где есть заводы и на них анархические партии. Со Змиевым уехали и

разговоры об опере, и мои сто рублей, которые он взял у меня по частям, и моё бельё, которое он попросил для смены.

Двадцать шестого я кончил Andante. Я не знал, еду ли я в Петроград или нет. Четвёртого ноября предполагались у Зилоти премьеры «Классической» Симфонии и Скрипичного концерта, - за неделю до этого надо было быть в столице, а между тем Зилоти ни слова не говорил, состоятся ли концерты. Наконец, двадцать пятого пришла телеграмма, что концерт отложен на декабрь. Ближайшим очередным становился московский клавирабенд - девятого ноября. И вот тридцать первого я собрался и, простившись с солнцем и дивной кисловодской погодой (никогда больше не буду проводить осень в Петрограде), выехал в Москву. Это было немного рано - тридцать первого к девятому, но с первого прекращались прямые поезда. Газеты были неспокойны, всюду восстания большевиков, в Москве и Петрограде стрельба, но я надеялся, что к девятому всё кончится.

Уехал я довольно торжественно: провожали меня одиннадцать человек, впрочем, многие, чтобы вручить мне письма для передачи, - почта действовала из рук вон плохо. Mme Collini поднесла мне пучок белых цветов. Минеральные Воды сразу обдали ужасным дыханием осени: ледяной туман, сырость и на дебаркадере налёт какой-то слизи. Поезд должен был стоять два часа. Газеты совсем меня поразили: события вырисовывались вовсе не так, как до сих пор. Всюду победы большевиков, о Керенском ни слова, а в Москве перекрёстная стрельба из ружей и орудий. Я колебался, ехать ли: ведь в такой обстановке не до концертов. Несомненно, большевиков поддержат все солдаты с фронта, но в ответ могут забастовать все железные дороги, чем они уже грозили, и тогда я застряну неизвестно зачем в голодной и скандальной Москве. Не лучше ли, пока не поздно, вернуться? Решил дело поезд, пришедший прямо из Москвы. Начальник этого поезда сообщил о сражении в Москве и об отвратительных скандалах по всему пути. Против моего возвращения в Кисловодск был, во-первых, денежный вопрос: я уж и так брал у мамы взаймы и должен ей две с половиной тысячи, а теперь, отказываясь от концертов, должен снова сесть на её счёт, хотя бы и заимообразно. Во-вторых, очень уж неловко уехать с такой помпой, цветами и проводами, и на другой день снова появиться в Кисловодске. Но, с другой стороны, я ведь стоял перед фактической невозможностью дать концерт, и всякий смысл поездки исчезал, таким образом, сам собой. Дело не в трусости, а в том, что незачем ехать. Кисловодск же так манил своим благоустройством, спокойствием и солнцем, особенно оценённый мною теперь, когда я, еле сев в вагон, сразу погрузился в какую-то муть междоусобицы, с солдатами, уже разбившими окна, митингами в Минеральных Водах и осенней слякотью.

Я решил вернуться. И, несмотря на сбивчивость тех данных, на которых пришлось строить решение, избрал этот верный путь, ибо, как вскоре выяснилось, по всей России поднялся вой и резня - и я оказался бы идиотом, поехав в Москву с моим несвоевременным концертом. Я велел портёру[9] перетащить мои вещи в дачный вагон и взял билет в Кисловодск.

В Кисловодск мы вернулись в четыре часа ночи. Я ввалился в «Гранд-отель». Мой хорошенький номер уже успели занять и я получил рядом похуже. Мама была необычайно довольна, что я вернулся, но денег у меня было мало и я, не желая брать снова, должен был экономить.

Ноябрь

В общем, от мамы я получаю двести рублей каждые десять дней, что хватает

[9] Носильщик, от porteur (фр).

еле-еле, приняв во внимание, что, например, шоколад, который стоил раньше 1 рубль 20 копеек за фунт, выходил ныне тридцать два рубля. С моим возвращением окончилась летняя погода в Кисловодске, наступили лёгкие морозцы со снежком, который то стаивал, то вновь появлялся. Но когда было ясно - воздух чист и поразительно вкусный, а солнце - целые потоки. Боже, сколько солнца я потерял, живя в Петрограде! Как можно жить в этом тусклом, слякотном городе? Отныне только на концерты я буду приезжать туда, остальное время - на солнечном приволье!

Сведения о большевиках: их победы и вандализм по всей России. Бойня в Москве. Снаряд, попавший в квартиру, где я должен был остановиться. Снаряд третьего вечером, я приезжал третьего утром, но возможно, что и не попал бы. То-то умница, что не поехал!

Моё состояние.

Отношения к событиям.

Странное спокойствие. Я как-то считал это неизбежным, чем-то, что должно перекипеть и переболеть, и как-то не было лица, за судьбу которого я болел бы. Я несколько раз вспоминал Нину Мещерскую, но она теперь уже замужем. Сюда волнения, слава Богу, не докатывались, Кавказ казался недоступным для волнений. Что за хорошая мысль была поселиться в Кисловодске! Так я и оставался в душевном равновесии среди солнца, воздуха, 4-й Сонаты, которую я заканчивал, Канта, которого я тоже окончил в ноябре, Аси, прогулок и партии в шахматы со старым князем Урусовым.

Канта я в основных чертах усвоил, но он давил вспомогательными понятиями, новыми терминами и крайней сложностью всей постройки. Зато с какой радостью, прямо благоговением, я взялся за «Мир как воля и представление» моего любимого Шопенгауэра! А параллельно с этим, после 4-й Сонаты, десятого ноября я принялся за подробный эскиз к «Семеро их». Поверхностные сентябрьские наброски, скелет которых так и остался ни на ноту неизменённым, были за это время пополнены гармонически, а теперь заполнилось всё живое тело, вся фактура и инструментовка. Приходилось двигаться медленно, были большие трудности, надо было брать целые крепости, но эскизы неуклонно шли вперёд.

Между тем, междоусобица по всей России заставила отменить один концерт за другим, и к концу месяца я окончательно застрял в Кисловодске.

Мелькнул анархист, который уже успел побывать в Петрограде, прошмыгнул по всей России, кинулся мне в объятия. Я не знал, анархист ли он или аферист, но мне было приятно его отношение ко мне. Обещал вернуть деньги и исчез, не вернув ничего.

Двадцать четвёртого моё переселение в большой солнечный номер. Утренний гимн в солнечных лучах.

Выборы в Учредительное собрание. (Венера-Юпитер-Сириус-Луна).

К концу месяца настроение в Кисловодске стало тревожно, ибо большевики разошлись против Дона и казаков, этих энергичных врагов большевизма. Говорят, со всех сторон на них двинулся красногвардейский корпус с тяжёлой артиллерией, и если эта плотина не удержится, то смутная волна захлестнёт и наш родной Кисловодск.

Декабрь

Окончил эскиз «Семеро их» (тринадцатого).

Приготовление к новому концерту. Глазуновский концерт и 3-й Концерт.

Рассказы - как ни как, а выходят недурно, и надо бы пописать.

Середина декабря - недоволен, мало делал. Набросок 3-го Концерта, план

финала (движение) и новый план (пляска).

Визит Гартман и бумага. Наконец! Начал переписывать начисто: оказалось огромная работа, хотя приятная и лёгкая.

Рождество. Холодно. Ясно.

Конец месяца проходит в переписывании «Семеро их» и одной захватившей меня идеи: Лина Коллини бросила, что надо ей из России уезжать в Америку, - да и мне нечего сидеть в России. Эта крошечная искра, казалось, уплыла в застывшей болтовне, но на самом деле то, что казалось мне болтовнёй, оказалось горючим веществом и вмиг запылал пожар.

Ехать в Америку! Конечно! Здесь — закисание, там - жизнь ключом, здесь - резня и дичь, там - культурная жизнь, здесь - жалкие концерты в Кисловодске, там - Нью-Йорк, Чикаго. Колебаний нет. Весной я еду. Лишь бы Америка не чувствовала вражды к сепаратным русским! И вот под этим флагом я встретил Новый год. Неужели он провалит мои желания?

1918

Начало января.

Встреча Нового года у Лины (сначала у мамы). Интересная компания, стрельба, очень весело.

Америка крепнет и утверждается - и, пожалуй, не весной, а чем скорее, тем лучше. Мешают сражения на Дону (большевики - казаки), через которые надо ехать, и рознь в Петрограде (по поводу Учредительного Собрания), а предварительно надо заехать в Петербург.

Начало января, занятия: «Семеро их». Ошибки.

(10) 23 января[1]

Сегодня я купил эту книжку[2].

(11) 24 января

Балтимора - центр кулинарного искусства.

Бостон - умственный центр.

Филадельфия - старая культура, Чикаго - новая.

Сан-Франциско - космополит.

(12) 25 января

Окончание ошибок.

(13) 26 января

Окончил партитуру «Семеро их».

Прочитал «Пуделя», очень доволен, некоторые выражения поправил.

(14) 27 января.

Воспоминания о Нине несколько тусклы, но добрые (день её именин).

Обдумываю новый рассказ, но подробностей ещё нет и писать рано, хотя есть желание.

Читал книжку по хиромантии. Любопытно и ещё любопытнее попытки обосновать её на самых серьёзных исторических основаниях.

(15) 28 января

Начал ходить к Цинц играть на пианино (один час в день с половины двенадцатого до половины первого).

3-й Концерт. Отделка экспозиции.

Царица грозная чума теперь идёт на нас сама.

Первый случай в Пятигорске, но впечатление менее заметное, чем месяц назад при появлении её в Трапезунде.

[1] Дата по старому и новому стилю.

[2] Имеется ввиду записная книжка для дневника.

(16) 29 января

1915. Первое исполнение «Утёнка».
1916. Первое исполнение «Алы и Лоллия».
Начал догонять дневник (за август).
Занимался у Лины, у неё уютнее, чем в аптеке.
Отделывал тему второй части Концерта и кончил.

(17) 30 января

Регистр для флейты - на октаву выше женского голоса.
Продолжал Концерт.

(18) 31 января

«Американские антрепренёры в контракте наставят массу неустоек и сами же подведут вас под одну из них».
Подпевский.
Флейта в качестве аккомпанемента, гаммки, регистр в одну-две октавы.
Живая (ритмичная) музыка как фон для живой сцены, почти ансамбля.

(19 января) 1 февраля

Тема: Господин, узнавший в собаке своего двойника. Поп отрывает собаку: попался, подозрения в худшем. Конец?
Вместо работы с фортепиано обдумывал первую часть Концерта без фортепиано. Поразительно, как без фортепиано всё яснее. Подробный план и общие контуры музыки первой части почти готовы.

(20 января) 2 февраля

(Сербский паспорт). Это делает поездку в Америку почти реальной возможностью.

(21 января) 3 февраля

(Голова, плохо спал ночью, пирамидон не помогает).
Уже десять дней нет сведений из Петрограда кроме того, что Ленин убит. Предполагается, что там происходит нечто значительное, например, падение большевистского правительства.

(22 января) 4 февраля

Обменял маме 4000 на 1065 франков золотом. Я доволен: бумаги упадут ещё больше.
Но ведь это в десять раз (ровно) дороже, чем в довоенное время!

(23 января) 5 февраля

Получил от Ходжаева превосходный атлас.
Рассматривал план Нью-Йорка.
Почему две Fifth Avenue?

(24 января) 6 февраля

Так как, по мнению большевиков, все миллионеры в Кисловодске, то сегодня на большевистском мире призывались к резанию миллионеров и буржуев. Этот киндерфест назначен на завтра. Никто не верит, слухи надоели.

Был в Пятигорске.

Говорят, в Америку можно ехать через Персию.

(25 января) 7 февраля

Невероятная новость: Константинополь взят англичанами. Англичане в Чёрном Море. Впечатление колоссальное. Невозможно учесть всех событий.

Это может отразиться на поездке в Америку.

(26 января) 8 февраля

Слух о десанте англичан в Батуме.

Хороший сочинился Концерт.

В Америку определённо едет Сарович, румын лет тридцати-тридцати пяти, довольно интересный человек (владелец казино в Синае, румынском курорте, но совсем не в стиле моего директора из «Игрока». Гораздо мягче и элегантнее, ничего катастрофического). До сих пор я разжигал его и Лину; теперь, после взятия Константинополя, я запнулся, но, в свою очередь, они разожглись и говорят, надо выезжать немедленно при первой возможности.

Говорят, англичане - миф, а вот выступления большевиков в Пятигорске - реальность.

Голова, но не очень сильно, причина неизвестна, пирамидона не было.

(27 января) 9 февраля

В полпятого утра обыск в «Гранд-отеле». Причины - офицерская организация в Пятигорске. Не испугало.

Четыре солдата. Корректно. Портсигар. О «пистолетке».

Сарович о поездке через Константинополь.

Предложение о концертах на Ривьере (принимаю серьёзно, но что он может гарантировать?).

Мои возражения о враждебном отношении французов.

(28 января) 10 февраля

Сочинил первую вариацию во второй части Концерта.

Сведения о Константинополе подтверждаются или, по крайней мере, повторяются. Колчак?

Чтение географии. Гимназический курс. Отличное издание с рисунками. Большое удовольствие.

(29 января) 11 февраля

Пятигорск по поводу сербского паспорта.

Второй раз.

Целый день.

Мама начала учить английский.

(30 января) 12 февраля

Вторая вариация.

Вечером много обсуждали с Линой: через Константинополь или через Владивосток. И что лучше для меня: начать ли с Ривьеры, где Сарович берётся устроить концерты, или поехать прямо в Нью-Йорк.

(31 января) 13 февраля

Кончил вторую вариацию (оркестр, соло лишь задумано).

Начал «Бетховена»[3].

Сведения о Константинополе начинают становиться блефом.

Сарович настаивает ехать в Америку. Убеждал меня, что мой успех обеспечен. Необходимо лишь иметь немного денег, дабы первый месяц по приезде вести себя совершенно независимо.

Предполагаю выехать пятнадцатого старого стиля.

1 (14) февраля

Не работалось.

Известие о смуте Каледина. Но мои мысли в Америке.

2 (15) февраля

Начала болеть голова (шахматы, поздно встал), но не разболелась.

Я учу 4-ю Сонату и повторяю 3-ю.

Поигрываю кое-что из Шопена.

3 (16) февраля

Сделал немного в разработке первой части.

4 (17) февраля

Писал «Бетховена».

Играл у Сафонова ноктюрн Шопена Fis (на пари). Недоумение, так как совсем не так, как привыкли слышать. Сдержанное одобрение. Старик провожает в переднюю и сам мне предлагает до отъезда зайти «и мы поговорим об Америке».

(Идея книги для автографов всех: жалобная книга).

Из Пятигорской тюрьмы бежало двести пятьдесят уголовных. С этой бандой, особенно после обезоруживания интеллигенции, прямо житья не будет.

5 (18) февраля

Уже сто пятьдесят поймано.

Поигрывая Шопена и видя, что он удаётся, решил выучить для Америки небольшой репертуар из Шопена: четыре вальса, два ноктюрна, две мазурки, два этюда и Балладу. Жаль, что не могу найти Сонату b-moll.

С Сафоновым удар.

[3] Название рассказа С.Прокофьева.

6 (19) февраля

Знакомые Толстых приехали из Москвы за пять дней, а одна дама за тринадцать. Вопрос: сколько дней ехать мне? Пока отсюда не дают билетов ни в Россию, ни в Царицыно.

Шопена играю с чрезвычайным увлечением.

Концерт №3 отложил.

Принципы духовного состояния во время пути.

Как велика разница между длинной дорогой, наполненной нервничанием, досадой, обидой - и дорогой сплошь из хорошего настроения! Сперва может быть нелегко, а потом надо направить все усилия к сохранению хорошего настроения, работая над этим, как над трудной, но благородной задачей, наконец, рассматривая её как некий спорт. Сохранить хорошее настроение на весь путь - это марка!

Запереть сердце на ключ и ко всему окружающему относиться деревянно. Это спасёт от многих ненужных беспокойств, а всё равно ничем не поможешь.

Утешение - радостное будущее, а время всё равно должно пройти, всё равно наступит момент, с которого можно смотреть на это, как на прошедшее. Представлять этот момент.

Длительные остановки и перерывы, которые кажутся нестерпимо удлиняющими путь, на самом деле суть полноправные члены путешествия. Из них оно, собственно, и состоит, иначе 1200 вёрст в восемь суток (двести часов) = шесть вёрст в час, что невозможно.

7 (20) февраля

Трудность построения планов об Америке.

Кавказ - остров, за ним бушующее море - Россия, целый ряд слоёв, а где-то чужеземные страны, о которых никаких слухов, только старая память. (Развить этот конспект, как исходный пункт трудности моих планов).

Князю Урусову 82 года; +4° - лучшая температура для сохранения мяса, поэтому он спит при +4° и советует мне не смущаться холодной температуры моего номера.

8 (21) февраля

Обыск у мамы.

Когда Лина говорила, как важно для меня будет иметь успех в Америке, я ответил, что этот успех меня интересует только с внешней стороны, да разве ещё со стороны денежной. Внутренняя же сторона оценки очень мало ценна, ибо американцы недостаточно утончённые музыканты, чтобы я к ним серьёзно прислушивался.

9 (22) февраля

Ввиду всё усиливающихся сборов в Америку и фиксации для отъезда пятнадцатого числа, ослабленный интерес ко всем занятиям, не имеющим прямого отношения к Америке: 3-му Концерту, Шопенгауэру, рассказам. Но аккуратно, каждый день, часа два-три играю Шопена (одно отделение в американском концерте, который удаётся), а так же 4-ю Сонату, которую оставлю в Москве у издателя: поэтому надо твёрдо знать её наизусть.

10 (23) февраля

С интересом рассматривал бумажку в сто долларов, с которыми мне предстоит иметь много дел. Мы так теперь привыкли к сомнительной стоимости наших денег, что странно видеть деньги, которые имеют ценность почти абсолютную.

11 (24) февраля

Меня беспокоит мама, которая остаётся одна до осени, но её можно устроить у Никольских в Ессентуках, где она будет в семье и где в хорошеньком домике, среди казацкой станицы, она будет вне опасности нападения со стороны «максималистов», как называют наших большевиков иностранные журналы.

Лина спрашивала, почему я изменился. Я ответил tout m'embête[4], и действительно, я весь в отъезде. Все кисловодские, и даже Лина, скучны.

12 (25) февраля

Получил, наконец, печать. Целый день проездил в Пятигорск. Лина сказала, что она едет в спальном вагоне, в котором едут Коковцовы и другие экстра-буржуазные элементы, и берут с собой все свои фурюры[5]. Я сказал, что chacun s'arrange comme il peut[6], и что я с этим вагоном не поеду, так как там, наверное, ограбят.

13 (26) февраля

Лина страшно возмущена моим заявлением (chacun s'arrange и т.д.). В конце концов мы поссорились и я сказал: au revoir, jusqu'à New York[7].

Я оденусь демократически и выеду на днях.

14 (27) февраля

Умер Сафонов.

Приготовился к отъезду. Говорят, можно просто выехать с дачным поездом, а там идут не только теплушки, но и классные вагоны, и едет вовсе не так много народу. Путь через Царицын.

15 (28) февраля

В три часа ночи землетрясение. Я проснулся от сильного и неприятного колебания, звона стаканов, и сначала не понял, в чём дело. Затем решил, что взрыв в нижнем этаже. Я сейчас же начал одеваться, слыша, что во всём отеле поднялась тревога. Все обитатели высыпали в коридоры, где выяснилось, что сильные подземные удары. Многие выходили из отеля, боясь последующих, более сильных. Через полчаса я лёг спать.

Мой отъезд откладывается, так как мне предложили место в спальном вагоне, но не буржуазном, а полусоветском, и не за полторы тысячи, а дешевле. С Линой не видимся.

[4] Меня всё угнетает (фр).

[5] Меха, от fourrure (фр).

[6] Каждый устраивается как может (фр).

[7] До свидания, до Нью-Йорка (фр).

(16 февраля) 1 марта

Похороны Сафонова.
Получил от Совета рабочих депутатов документ на облегчённый проезд.
День провёл у Ходжаева, занимался на рояле к завтрашнему выступлению.
Сарович спрашивал, поехал бы я с ним и Линой, если бы в их вагоне оказалось место. Я ответил: нет.
Красильников предлагает устроить в «Гранд-отеле» перед моим отъездом концерт. «Отчего бы вам не заработать денег на дорогу, а нам не услышать вас?»
Я согласился. Вечером в воскресенье играю, так как раньше, вероятно, не выйдет.

(17 февраля) 2 марта

Ужасная беготня: с отъездом, со спальным вагоном, с концертом.
В восемь часов Лина и Сарович уехали.
Голова, не очень, от суеты. Пирамидон: прошла.
Вечером благотворительное выступление в курзале с Шопеном (первый раз публично не себя). Играл недурно.
После концерта ужин.
Очень весело до трёх часов с Люсей и Лизой Ходжаевыми.
Пили до пьяна. Редко. Принцип сохранения изящного.

(18 февраля) 3 марта

Сарович и Лина, которые должны были уехать вчера, не уехали: вагон не пошёл по случаю боёв в Армавире.
Слухи о занятии Петрограда немцами.
В полшестого концерт в «Гранд-отеле». Народу не особенно много, человек около ста, но больше ста пятидесяти и не влезет в зал. Большой успех. Доход пятьсот рублей.

(19 февраля) 4 марта

Отъезд Лины. Я решил проводить (с официальной любезностью) и нашёл её за пять минут до отхода, в вагоне. Проводы были коротки, милы и с официальной незначительностью, но меня поразила та радость, которая была в её голосе, когда она меня благодарила за проводы.
После отъезда очень грустно. Я не знаю ни её адреса в Москве, ни она моего.
Говорят, что декрет о всеобщей воинской повинности: свидетельство войны против наступающих немцев.

(20 февраля) 5 марта

Скучно, ничем не занимался.
Хочу ехать.
Ждал от Лины открытки, но не получил.
Немцы заняли Псков и Ревель. Говорят, Петроград тоже.
Но я доеду хоть до Москвы и оттуда на Владивосток. Лишь бы получить пять тысяч от издательства, да несколько рекомендаций, например, от Шаляпина, Бальмонта и Кусевицкого.
День провёл у Ходжаевых.

(21 февраля) 6 марта

Всюду объявление о Новом стиле.

Нет, надо ехать. Надо было уже выезжать, когда Лина. Быть не может, чтобы один человек, вне партий, вне каст, не смог бы добраться до Москвы, а оттуда до границы, тем более, что паспорт.

Завтра идёт вагон международного общества. Достать билет невозможно, но я обязательно поеду, хоть в коридоре.

От Совета солдатских депутатов дополнительный листок, чтобы обязательно допустили меня до Москвы, даже в случае мобилизации.

(22 февраля) 7 марта

Билет совершенно случайно получил. Мама дала пятьсот рублей. Всего в кармане шестьсот. Если не доеду до Москвы, сворачиваю прямо во Владивосток и буду ехать дальше концертами.

Настроение ночью немного беспокойное, утром весел и бодр. Жаль оставлять маму.

В восемь часов вечера двинулся в далёкий и долгий путь. Но не было уверенности, что обстоятельства (мобилизация, возможность неполучения денег и прочее) не заставят вернуться обратно. Мой костюм.

(23 февраля) 8 марта

Отъехав в два часа, в Минеральных Водах стояли сутки, ибо в Тихорецке бои. Говорят, Линин вагон попал под обстрел, но проскочил дальше. Пассажиры лежали на полу. В два часа сказали, что мы простоим ещё двое суток. Однако, в три часа мы неожиданно выехали. Бои прекратились. Едем, сверх всего, через Ростов, т.е. выгадаем трое суток против царицынского пути. Это первый вагон после месячного перерыва через Ростов.

(Болит голова от дороги, сама прошла).

(24 февраля) 9 марта

К удивлению, едем отлично, как в доброе старое время, хотя нас и двойной комплект пассажиров и спим по двое на полке «валетиком». По-видимому, Москве пока прямой угрозы нет, и даже Петроград ещё не занят немцами. Я начинаю верить, что скоро попаду в Америку. С обыском явились раз семь, но, по предъявлении документа от Совета рабочих депутатов, не тревожили.

Вечером Ростов. Узнал, что из Лининого вагона всех выселили ещё в Тихорецкой, после чего пассажиры кое-как добрались до Ростова и многие до сих пор живут здесь в гостинице.

На всякий случай отправился в гостиницу и первым, кого нашёл там, была Лина. Теперь она трудное и сложное путешествие через Америку решила заменить другим лёгким путешествием, только что начавшим казаться возможным: Румыния заключила мир с Германией и она скоро могла бы ехать прямо. Я отправился на вокзал и через полчаса мой поезд пошёл дальше. Лина была потеряна.

(25 февраля) 10 марта

Наш вагон, благодаря сумме в тысячу рублей, освобождён от реквизиций в Ростове и прицеплен к товарному поезду, идя под названием «депутатского».

Поэтому мы едем чрезвычайно комфортабельно, никто не лезет, но движение со скоростью двести вёрст в сутки.

(26 февраля) 11 марта

Письмо Лине (вчерашней датой).

Денное солнце опять разогнало скучные мысли. Америка опять стала притягивать. А впереди, в связи с событиями, настоящими немцами и давно не виданными столицами, было столько возможностей, что нельзя ничего предполагать и ни о чём жалеть: rien n'est certain[8].

(27 февраля) 12 марта

Я разгадал психологию Лины и оправдал её. Поездка в Америку со мной вместе её увлекала, но когда она попала в Ростов, где нашла всех иностранных консулов и надежду попасть прямо в родную Румынию, то вопрос был решён просто и ясно. С одной стороны, тяжёлое путешествие с человеком, который, может быть, и любит, но каждую минуту может исчезнуть, а вместе с тем возня с деньгами, которые на исходе, с продажей вещей. С другой: простое возвращение в родную Румынию, ко всем своим богатствам, соединённое с лёгкой лестью изменнику. Выбор ясен и прост, и мои вопросы были ей прямо чужды: я говорил об отвлечённых вещах, о степени глубины отношений, она - о реальном положении вещей.

(28 февраля) 13 марта

Ползём медленно. По ночам стоим. Настроение уравновесилось. Мысли стремятся к Америке.

Письмо Полине Подольской в Таганрог:

«Милый друг, пишу Вам в вагоне, как ни странно, международном. Держу путь из Кисловодска в Москву. С тех пор, как несколько месяцев назад я получил от Вас письмо, начинавшееся словами «пишу, чтобы сообщить мой адрес» и кончавшееся тем, что никакого адреса при нём не было, я вестей от Вас не имею. Черкните мне в Москву, Кудринская площадь, 1, кв.38. Если Ваше письмо не застанет меня там, его перешлют куда следует. Будьте здоровы и веселы и примите от меня моё сердечное внимание. СП.».

(1) 14 марта

Медленно подползаем к Москве.
Голова, железная дорога.

(2) 15 марта

Прибыли в семь часов утра. Впечатления от Москвы. Трамвай и отношение к моему костюму. «Метрополь» и Большой театр. Вялое настроение и отдельно от музыки, о высылании из Москвы, об анархистах. Кошиц и сразу иная атмосфера. Сегодня концерт, Ахматова[9], аккомпанировал, Кошиц предложила переехать к ней. Её муж. Его рояль. Не ожидал, что молод и несолидный. Я попал в самый центр. Концерт и радость Кошиц. Я, хотя в сущности писал для неё, но с бухты-барахты

[8] Ни в чём нет уверенности (фр).

[9] Пять романсов на стихи А.Ахматовой, Op.27.

не мог вникнуть и проникнуться. Еле прорепетировал. Исполнение - не совсем вместе (первый), но раз Кошиц, конечно, хорошо. Удивлён от неожиданного entrée в самую кипучую артистическую жизнь.

(3) 16 марта

Ночевал у Кошиц. Блины в Замоскворечье. По дороге муж Кошиц хотел показать на заборе мозги расстрелянного накануне грабителя. Вечером Кошиц тащит в театр, но мне приятно было поваляться на её очаровательном диване, низком, мягком, светло-сером с массой подушек и удобной электрической лампочкой, почитать Асафьева и превосходную книгу о Южной Америке, покурить хорошие египетские папиросы и поговорить с её мужем об американских планах Постниковых.

(4) 17 марта

Опять ночевал у Кошиц.

Кошиц в «Евгении Онегине». Сцена письма. Детская наивность и девичья застенчивость вместо драматизации. Очень хорошо, если бы не грузная фигура. Впрочем, грузность в сцене письма удалось удачно скрыть.

Слухи о выступлении Японии в союзе с Германией и помощь Америки России против Японии. Этак не выедешь, какие бы комбинации ни удались с Постниковым.

(5) 18 марта

Был в РМИ. Вышел Ор.27. С американцем познакомился, но у него главное лицо какой-то критик консервативного направления Куров. Дрянь, с которым дела не сделаешь. Кроме того, антреприза двинется в путь лишь летом, а мне надо сейчас, и сверх того - не законтрактовывая себя. Пожалуй, материальных дел с ним не сделаешь, но советы и ориентацию получить можно.

Решил заняться развитием памяти.

(6) 19 марта

Купил книжку по мнемонике и буду каждый день учить по небольшому стихотворению, повторяя предыдущие.

Получил пятьсот за 4-ю Сонату.

В Москве солнце, масса публики, и гуляющей, и даже нарядной. Нашёл отличную и дешёвую вегетарианскую столовую, так как обедать у Кошиц я не хочу.

Футуристы скандалят чуть ли не с анархистами. Я очень хотел бы повидать Маяковского. Я, конечно, не футурист, но мне нравятся контакты с ними, да и они меня хотят считать своим.

(7) 20 марта

В восемь часов утра звонил по телефону в Петроград к Элеоноре. Её радость. Звала в Петроград, гарантировала выезд в любой день через Луначарского (вследствие эвакуации выезжать нет возможности даже в набитых доверху теплушках). О немцах, говорят, ничего не слышно, и сахар есть, и мука. Я, может, и правда поеду на будущей неделе. Там масса возможностей для Америки.

Завтрак у Кусевицкого. Несмотря на голод, очень комфортабельно. «Семеро

их». Его впечатление: свет не видел такой партитуры, но удивительней всего, что всё должно выйти. Про Америку: с Постниковым связываться не советует. За «Игрока» деньги, очевидно, получу, а может быть, и большие. Гулял с Кошиц. Её отношение ко мне. Рахманинов, увезённый жить в Швейцарию. Мещанство её семьи, его семьи, его, и отсутствие у меня. Она ждёт от наших отношений чего-то большего.

(8) 21 марта

Корректура 3-й Сонаты и «Мимолётностей».

Ругал Постникову Курова. Проезд в Америку, по его счёту, шесть тысяч рублей.

Обмундировка: фрак, визитка и два пиджака 100, 85, 60 и 45 долларов, 110 – бельё и ботинки, итого 400. Жизнь (скромно) 200 долларов в месяц.

Я думаю, что с тысячью долларов могу ехать.

(9) 22 марта

Встреча с Сабанеевым (у Кошиц). Муж нарочно, смакуя сцену, назвал нас друг другу, уже когда мы подали руки. Я сейчас же ушёл из комнаты. Но Сабанеев остался обедать. Я на несколько его обращений не ответил ни слова, а когда он подошёл ко мне прощаться и протянул руку, я подал ему руку, завёрнутую в носовой платок.

Чествование (неожиданное) у футуристов в кафе поэтов. Маяковский, Каменский, Бурлюк. Председатель земного шара. Их контакт с анархистами и поведение в Москве были очень заметны в последние дни. Многие, почти все, возмущаются. Я считаю их людьми, в которых есть свежесть и что-то интересное, хотя много грубого и бутафорского.

(10) 23 марта

Много обедов, завтраков, ужинов в особняках. Голод ещё не проник в них. Москва принимает меня радушно.

Мои три пути в творчестве.

(11) 24 марта

Завтрак у Кусевицкого. О Рахманинове в Дании, неуспехе его концертов из-за германской войны. Нужда в деньгах.

Исполнял «Семеро их» для Бальмонта и Кусевицкого. Я, идя с Бальмонтом под руку по переулкам, с увлечением объяснял и изображал «Семеро их». Потом Бальмонт юмористически представлял, как встречающиеся знакомые с ужасом и сожалением смотрели на Бальмонта, думая, что он ведёт кричащего человека в сумасшедший дом.

(12) 25 марта

Меня оставляют, меня не исключают из Москвы, мне предлагают устраивать концерты, но надо держать линию – в Америку.

Кусевицкий и шесть тысяч. «...а впредь, чем дальше, тем больше будете получать».

Совет: соглашаться на триста долларов за концерт, но на маленькую серию концертов. А потом всем станет ясно.

(13) 26 марта

С Кошиц поздно вечером долгие разговоры. Я устал.

Блины у Кошиц. Бальмонт. Шумный обед, где очень чествовали Бальмонта, я в особенности. Бальмонт на вопрос, почему он не уезжает из России, ответил: «Я останусь ждать конца этой нелепости».

Вечером у футуристов. Впечатления от второго слушания «Человека» Маяковского (первое на Кузнецком мосту). Я играл 1-ю Сонату - тонкая издёвка и их восхищение. Среди нарочитости, неотёсанности и растерянности много яркого.

(14) 27 марта

Бальмонт посвящает Кошиц пламенные стихи. «...Нина Павловна так холодна. А я готов был посвятить ей не три стихотворения, а целую книгу...».

У Вячеслава Иванова с Бальмонтом. Хотя я мало знаю его произведения, но питаю к нему большое уважение. О моих стихотворениях он говорил какие-то сложные сентенции, которые я не понял.

(15) 28 марта

Американские консульства получили приказ из Вашингтона не визировать паспортов никаким русским.

Каждый особый случай только после предварительного телеграфного разрешения из Вашингтона, на что шесть недель. Это серьёзно, но я должен продолжать.

Кусевицкий: оставайтесь-ка. Эти слова важны, иначе я был бы смущён, что я как бы выманил деньги для Америки, а затем остался проживать их здесь. Впрочем, в Америку я всё же уеду.

(16) 29 марта

В три часа отъезд. Благодаря кисловодским бумагам СРД[10] - получил билет легко и вне очереди. А то на въезд в Петроград ставится масса препятствий. Вагон второго класса, дачного образца. Сначала много народу, но это дачники.

Проводы Нины. Книжечка и надпись. Поразившие меня её нежность и волнение. Прощальный поцелуй. Для меня открылась совсем иная Нина.

(17) 30 марта

Спать всё же пришлось сидя, но приехали в девять часов утра после восемнадцати часов пути, а говорили, что тридцать четыре. Петроград тихий, как всегда, и даже приветливый, солнечный. Извозчик спросил двадцать рублей, поэтому я с моим тюком проехал в трамвае. Квартира в порядке, так как во избежание реквизиции в неё поселили семью швейцара. Радость попасть в свою комнату, к своим вещам. Многие по нынешним временам роскошь: куча английских папирос, духи и прочее.

Элеонора просит завтракать у неё и обедать каждый день, «за весь год». После долгого отсутствия была очень мила и приятна. Несмотря на голод, закармливала всякими сластями. Свои бриллианты успела переправить в Швейцарию. Я всегда знал, что сумеет выпутаться.

[10] Совет рабочих депутатов.

Б.Верин. Обоюдная радость и поцелуи. Действительно, я ужасно рад его видеть, да и он называет меня самым первым своим другом. Успех в стихах; прямо кандидат в хорошие поэты. Самокритика. Наконец!

(18) 31 марта

Дневной концерт под управлением Коутса. Бурно-радостная встреча с Коутсом и предложение выступить. Наверное, меньше как двумя неделями от Петрограда не отвертеться.

Нина Мещерская (Б.Верин сообщает), с мужем Левицким, по словам Элеоноры, молодым, некрасивым мальчишкой, женился на ней из-за денег, но сейчас и у самих Мещерских денег нет. Я её саму не рассмотрел, но проходя мимо, говорил Верину: «А здесь та же публика, те же лица!» Б.Верин говорит, какой взгляд мне был брошен вслед.

(19 марта) 1 апреля

Сувчинский, Асафьев. «Ваше появление - самое яркое событие сезона». Сувчинский потерял особняк, но устроился очень славно. Много рассказов о Кошиц. Я рассказывал о ней в милом и шутливом тоне. Сувчинский рассказывал о том, как осенью у него был, перед отъездом в Данию, Рахманинов. Про меня сказал, что я огромный талант, но часто пишу странные и непонятные для него вещи. Узнав же, что я отношусь к его музыке не враждебно, а очень люблю её, просветлел и велел передать мне привет. Сувчинский писал мне, но письмо пропало.

Вечером у Б.Верина на «понедельнике», которые текут своим чередом, обсуждали старинные культы. Ставрович голодал, исхудал, говорил много и одухотворённо. После беседы все накинулись на ужин.

(20 марта) 2 апреля

Б.Верин читал зимой мои стихи Игорю Северянину, который сказал, что у этого человека есть настоящий талант и замечательный ритм. Я спросил: он случайно сказал, чтобы что-нибудь сказать, или серьёзно? Б.Верин ответил, что вполне серьёзно, потому что стихи ему очень понравились, особенно «Вы, с Дм...». Это очень приятно, я на мои стихи смотрел, как на ерунду. Стихами я совсем мало буду заниматься, а за прозу возьмусь.

(21 марта) 3 апреля

Обед у Сувчинского. Бенуа. Телеграмма от Дягилева, возможность сезона. Неужели это показатель возможности? Обещание поднять вопрос у Луначарского, но Луначарский сейчас на несколько дней в Москве. Бенуа, по словам Сувчинского, сидит в Зимнем дворце в качестве «ходатая по делам порядочных людей». Очень большой успех и «Мимолётности», и 3-я Соната, и 4-я, особенно её Andante.

(22 марта) 4 апреля

Решил объявить два концерта: второго и четвёртого апреля старого стиля. Говорил с Вечериным (рекомендация Постникова). Это милый человек, может быть, попутчик в Америку. Он говорит, что мой проект устроиться в Америке есть взгляд на будущее. С практической точки зрения он прав.

Б.Верин мечтает ехать со мной. Я был бы очень рад, хотя не слишком верю в

его мечты.

(23 марта) 5 апреля

Начал серьёзно готовиться к концерту.

Как невероятно разнообразны мнения об Америке и, главное, об отношении американцев к русским. Всё же я думаю, что это не так серьёзно, хотя и надо быть вооружённым к тому, что там ничего не выйдет, но тогда Южная Америка?

(24 марта) 6 апреля

С Мясковским было вроде нервного удара, отнялась рука и нога, но теперь он здоров и с большой энергией принялся за сочинение, в два месяца две симфонии. Играл их нам у Сувчинского. По-моему, большой успех по сравнению с третьей. Цельность, яркость, отсутствие резонёрства. Четвёртая сильнее и ярче, но пятая любопытней, как изгиб в сторону мажора и пасторали.

(25 марта) 7 апреля

Провожу время очень мило у Сувчинского, Элеоноры и Б.Асафьева. Готовлюсь к концерту, жду возвращения Луначарского для получения через Бориса Николаевича заграничного паспорта (и, может быть, устройства валюты?).

(27 марта) 9 апреля

Очень приятно узнать, что каждый вторник ходит Сибирский экспресс, правда, до Иркутска, и дальше творятся всякие безобразия. Я думаю доехать до Иркутска, а там будет на месте виднее и вовсе не так трудно, как кажется отсюда. Ведь Петроград и Москва из Кисловодска казались таким ужасом!

(28 марта) 10 апреля

Решил ехать или через Китай или через Японию - или в Соединённые Штаты, или, если там не хотят русских, в Аргентину. Путь и туда и сюда через мои милые Сандвичевы острова. На них будет видно.

Был у Лиды Барковой (очень мила), она с большой готовностью дала мне письма к японскому и китайскому послам, ныне выбывшим к себе, её друзьям.

(29 марта) 11 апреля

Борис Николаевич собирается ехать со мною, но я предлагаю выехать двадцать третьего, а он лишь на две недели позднее. Я. пожалуй, ждать его не стану, но он может догнать меня в Японии.

В Москве я могу получить через Mme Кусевицкую доллары за семь с половиной рублей, а здесь, говорят, они уже двенадцать.

(30 марта) 12 апреля

Кончил «Зеркало души». Борис Николаевич говорит, что, судя по моим письмам, у меня, должно быть, блестящая проза. Я доволен, хотя пока ему ничего про мои рассказы не говорю.

Боюсь, что публика будет плохо осведомлена о моих концертах. К выступлениям

я, кажется, готов и буду играть неплохо.

(2) 15 апреля

Концерт. Первое исполнение 3-й Сонаты и «Мимолётностей». Зал, вследствие плохо поставленной афишировки, а также шалой публики, полон лишь наполовину, а сначала и вовсе пуст, вроде как в Кисловодске. Успех большой, от 3-й Сонаты - чрезвычайный (бисирована). Артистическая полна восторженной публики. Выделялись: Лида и Зоя, Бенуа, сам семь («Семеро их»), Б.Н., а в уголке скромно стояли Миллер и Юнг, приславшие мне чудесные красные розы. «Ах, сколько у Вас друзей!», - с трогательной наивностью сказала Миллер. Элеонора была в тени и дулась. Бенуа сказал про Миллер: «Кто это? Она очень недурна». Я потом передал ей. Миллер была крайне польщена похвалой столь большого художника.

Вечером на понедельнике у Б.Н. Идея о рассказе «Рамзес-янки».

(3) 16 апреля

Мейерхольд сообщил, что «Игрок» включён в репертуар будущего года. Я не очень верю, но он говорит, что это решено. А я недавно проигрывал «Игрока», и мне было жалко, что столько хорошей музыки лежит под спудом.

(4) 17 апреля

Второй концерт. Первый раз 4-я Соната. Публики довольно много, но не полно. Приём очень горячий. От «Наваждения» колоссальные восторги. На успех 4-й Сонаты я не рассчитывал, но вышло наоборот: всей серьёзной публике сразу понравилась вторая часть, а прочей - финал, который я в первый раз сыграл как следует, доведя подъём к последнему проведению первой темы до вершины. До сих пор я боялся, что финал у меня с оборванным хвостом, но теперь мне ясно, что он хорош, что последний подъём, если его сделать как следует, вполне являет ту вершину, которая заключает сонату и после которой должен следовать немедленный конец. Демчинский сказал про финал: «Надо осьминога, чтобы его сыграть!»

Тамара Глебова, её восторги и бессвязности. Я ей сказал: «У вас речь без запятых», но мне была приятна её экзальтация. Асафьев, Сувчинский и Мясковский были в особенном восторге от «Мимолётностей». Даже сдержанный Мясковский сказал, что они - совершенство. На бис по требованию публики - «Наваждение» и 3-ю Сонату. Очень устал.

(5) 18 апреля

Репетиция «Классической» с Государственным оркестром. Я дирижировал сам, совершенно в импровисте, забыл партитуру и никогда не смотрел на эту симфонию с точки зрения дирижирования. Боялся, что выйдет скандал, но оказалось ничего, а так как в голосах была куча ошибок, то дело свелось к корректуре. Звучит прелестно и именно так, как задумывал. В Кисловодске я боялся, что при исполнении моих новых вещей будут скандалы с «революционным оркестром», но вышло как раз наоборот: государственный оркестр, обновлённый молодёжью, был гибок и послушен, и симфонию играли с чрезвычайным удовольствием.

Бенуа, который работает в Зимнем дворце, свёл меня с Штернбергом, маленьким человечком, очень любезным и необыкновенным евреем, карикатуристом. Он правая рука Луначарского и обещал всё сделать с заграничным паспортом.

(6) 19 апреля

Вторая репетиция. Идёт недурно. Оркестр устраивает овацию.

(7) 20 апреля

Когда я пришёл во дворец к Штернбергу, то оказалось, что меня желает видеть Луначарский. Его слова о Маяковском и чрезвычайно любезный приём. «Оставайтесь, зачем вам ехать в Америку». Я проработал год, а теперь хочу глотнуть свежего воздуха. «У нас в России и так много свежего воздуха». Это в моральном отношении, а я сейчас гонюсь чисто за физическим воздухом. Подумайте, пересечь великий океан по диагонали! «Хорошо, напишите на бумажке, мы дадим вам необходимые документы».

В ожидании этих документов я сидел в кабинете Луначарского, а приём продолжался. Была делегация от писателей во главе с Сологубом, была делегация от молодых поэтов, от трудовой интеллигенции о предоставлении им бесплатного проезда. Луначарский вёл приём весело, шутил, но терял много времени на пустяки. Лицо невзрачное, говорит немного картавя, вроде детей.

В половину третьего я вскочил, говоря, что надо идти. Луначарский подумал, что я обиделся, что меня заставляют долго ждать и сказал: сейчас, сейчас вам выдадут. Но я объяснил, что через полчаса публичная генеральная репетиция моей новой симфонии. Он очень заинтересовался и сказал: как жаль, что у меня назначено заседание, я бы с удовольствием приехал послушать. Я ответил: но вы можете опоздать на заседание, симфония идёт пятнадцать минут. Приезжайте! Он сказал: а и вправду, я приду. Когда я пришёл к капелле, его автомобиль стоял перед ней. Я дирижировал хорошо и оркестр играл, хотя не безукоризненно тонко, но живо и чисто. Когда я стал за пульт, то из верхнего окна луч солнца упал мне на голову. У меня пошли лиловые круги в глазах, но мой поклон говорил, что это было приветствие солнца солнечной симфонии и мне. Об этом и автограф Черепнина в мою деревянную книгу. Обед у Сувчинского, очень милая компания и чествование меня за симфонию. У Дидерихса связи со всей Южной Америкой, и впрямь, не поехать ли мне в Буэнос-Айрес?

(8) 21 апреля

В девять часов заседание с Мейерхольдом и Головиным насчёт «Игрока». Я сказал, что надо заключить контракт новый, и получить по старому. Мейерхольд согласился. Мой отъезд фиксируется на будущий вторник. Я засиделся, но, кажется, сделано дело. Мейерхольд, на моё желание найти сюжет для живой оперы, дал прочитать «Любовь к трём апельсинам».

В два - концерт «Классической» Симфонии. Пришлось отлучиться. Опять солнечный луч. Это удивительно! Фантастика! Симфония отличная. Большой успех. Условия, при которых сочинялись первые темы этой симфонии.

(9) 22 апреля

Был с Бенуа у Штернберга. Я просил Бенуа заикнуться о более порядочном размере долларов при посредстве государства. Штернберг, к удивлению, сказал: приходите завтра к двенадцати, всё будет сделано, что захотите. Или симфония произвела эффект?

Вечером, в кафе, вдруг раздался крик: «Все ни с места, руки вверх!» Отсутствие испуга, потому что много народа. Вспомнил, что у меня всего шестьдесят пять

рублей. Обыск оружия. Даже мило. Обыскивает уголовная, а не политическая. Появляются три сыщика. Мрачный кортеж: три сыщика и три солдата - сыщик-солдат-сыщик-солдат. Оловянный, пристальный взгляд. Я смеюсь в глаза. Он опустил глаза перед смехом.

(10) 23 апреля

Второй визит к Луначарскому. Насчёт долларов я немного смущался, но он сказал, что «всемерно» поддерживает это.

На мой вопрос Луначарскому, как ему понравилась симфония, он ответил: очень. «Я узнаю в вас то, что, в то время, когда все занимаются разрушением, вы созидаете».

Провожал Сибирский экспресс. Меня корчило от зависти, что через неделю, а не теперь. Нарядный поезд.

Совсем Европа, а не скрежещущая зубами «демократия».

(11) 24 апреля

Был в Смольном за паспортом. Опять неудача: дающий паспорта в Москве, вернётся через три дня. Неужели и в будущий вторник не удастся выехать? Удавиться!

В Мариинском театре у Мейерхольда. Я вновь являюсь в Мариинский театр барином, так как известно, что «Игрок» утверждён на будущий сезон. А то как-то неприятно было показываться после неудавшейся постановки.

Я подал заявление, что ввиду отъезда я прошу до вторника возобновить контракт об «Игроке», заплатить старые долги и выделить аванс под новый контракт.

Вчера был день моего рождения (27 лет). 27 - цифра у меня роковая, и счастливая, и несчастливая. Я впервые как-то (несмотря на всю мою сознательность - не суеверен) обратил на неё внимание, когда сообщал маме о смерти Макса. Она сказала: сегодня двадцать седьмое. Так как то был момент сильного нервного потрясения, то это осталось в памяти. Я не праздновал, а метался с делами. Впрочем, вечером Б.Н., к которому я переехал (к великому огорчению Элеоноры), устроил для моего дня рождения рулетку, которая закончилась на другой день в одиннадцать часов утра (я ушёл в пять). Я применял мои системы и выиграл триста.

(12) 25 апреля

С обменом валюты чёрт знает какие безобразия - у обнищалого Российского государства нет ни гроша в кассе, чтобы выдать мне, даже если бы они того пожелали.

Графиня Н. очень любезна и обещает разменять более или менее терпимо в Английском посольстве.

(13) 26 апреля

Прочитал «Любовь к трём апельсинам». А здорово! Из этого можно кой-что сделать, только предварительно переделать сюжет совсем наново. Музыка - ясная, живая и, по возможности, простая.

Когда с Мейерхольдом мы шли по Морской, обсуждая «Три апельсина», со стороны площади, от Исаакия, раздался ряд выстрелов. Мы побежали в обратную сторону, боясь влипнуть в политическое столкновение. Мейерхольд, который бежал впереди, кричал мне: «Ложитесь, ложитесь!» Добежав до большого выступа, мы

остановились. Выстрелы впоследствии оказались рядом невинных вспышек бензина в автомобиле.

(14) 27 апреля

Паспорт, наконец, можно получить. Во вторник еду хоть со ста фунтами, а если театр успеет дать аванс, то с двумястами. Это ничего.

Бенуа делал карандашный набросок с меня (у Асафьева, на диване). Мне было очень лестно, что он его делает, но результатом я не очень доволен.

(15) 28 апреля

Эти мерзавцы - контора театров - не может заключить контракта раньше, чем через три недели; нужны прохождения через всякие инстанции и вообще канитель. Предлагают дать кому-нибудь доверенность на заключение контракта. Я рассердился и наговорил им всяких глупостей.

Обедал у Шаляпина. К этому огромному артисту, каждый жест которого на сцене я считаю законом, я отношусь с некоторого рода благоговением и чрезвычайной нежностью. Шаляпин был мил, предлагал мне сюжеты для опер (но они мне не нравятся), крайне интересовался «Игроком». Тут же я столкнулся с Экскузовичем, с которым ругался утром насчёт контракта. Решено, что контракт по доверенности заключит Сувчинский. Но всё же я еду без шести тысяч.

(16) 29 апреля

Сегодня, когда я, уже почти собранный и без малого готовый к отъезду, явился в Wagon-lits брать билет на завтрашний экспресс, мне сообщили, что экспресс отменён и будет ходить из Москвы, так как отныне столица - Москва! Вот незадача! Я ужасно огорчён и немедленно уезжаю в Москву, так как, доведя сборы до конца, мне невыносимо оставаться больше на месте. Я уже и так попадаю в Буэнос-Айрес к концу сезона и терять время больше нельзя.

Ионин обещал бумажку от английской военной миссии, что я еду по её командировке. Это неплохо.

Очень хорошее поведение Элеоноры во время этого приезда: вкусно угощала шоколадом, ананасовым вареньем, сгущённым молоком в качестве тянучки. Затем падение барометра перед моим отъездом и заявление, что поедет за мной.

(17) 30 апреля

Сегодня я должен был бы уехать и от трёх до шести собираться. Поэтому ко мне собрались все друзья и, так как отъезд отменяется, то состоялся спокойный five-o'clock. Были Сувчинский, Асафьев. Элеонора, Борис Николаевич, Бенуа и Миллер. Последняя притащила немецкие переводы моих романсов - насколько я мог понять этот забытый мною язык, сделано очень ловко и даже поэтично: ведь она писала премилые немецкие стихи для меня. Теперь эта храбрая девица взялась перевести за лето «Игрока» на французский и немецкий языки.

(18 апреля) 1 мая

Сегодня 1 Мая, революционный праздник, улицы украшены футуристическими плакатами и картинами. И, казалось бы, я должен бы радоваться им, а между тем на них неприятно было смотреть. Просто писали плохие футуристы. Праздник

был не всенародный, а официально-государственный.

(19 апреля) 2 мая

В восемь часов я наконец уехал в Москву - ловить Сибирский экспресс. Элеонора перед отъездом появилась у меня - больная, растерянная, напудренная. Я сказал, что если она начнёт реветь или делать мне пакости вроде вчерашнего отравления, то я с ней не буду разговаривать.

Б.Н. садится на извозчика и провожает меня. Б.Н. говорил, что мой путь труден, что, в конце концов, он рад, что не едет. Едва не испортил мне настроение.

(20 апреля) 3 мая

Ионин и четыреста рублей за даровой билет, в последнюю минуту.

Путь до Москвы отличный. Всюду давка, а у нас, в международном, светло и просторно. Сосед угощал вином и рябчиком - совсем не голодный Петроград.

В двенадцать часов дня я появился у Кошиц - и, Боже, какая это была радость: Серёжа приехал встречать со мною Пасху! Это так и оказалось, ибо экспресс уходит во вторник.

(21 апреля) 4 мая

После заутрени, которую мы стояли в соседней церковке, у Кошиц в её заставленной цветастыми подушками квартире, состоялось разговление - попросту ужин, прошедший пьяно и весело. Мы с Ниной пили на брудершафт.

(22 апреля) 5 мая

Днём в доме Кошиц куча визитёров, среди них мой милый Бальмонт. В этот день, пользуясь Пасхой, целовались наперекрест все, но не серьёзно: и Нина со своими друзьями, и я с Соней Авановой, хорошенькой армянкой.

Вечером Нина расчувствовалась и дивно спела романс, сделанный кем-то на 3- й этюд Шопена. Я сначала критиканствовал слова, а потом весь поддался обаянию её пения.

(23 апреля) 6 мая

Как прелестен Менуэт С.Танеева! Я его не спускаю с пюпитра и все дни поигрываю и напеваю.

(24 апреля) 7 мая

В восемь часов вечера я очутился в экспрессе, в просторном полукупе первого класса и был удивлён тем комфортом, который предложил этот поезд. Уж мы отвыкли от вагона-ресторана, да ещё с пианино и с вежливыми, услужливыми официантами.

Минута в минуту поезд тронулся и сразу поехал очень оживлённо, как настоящий экспресс.

(25 апреля) 8 мая

Первый день пути.

Настроение хорошее, хотя немного пёстрое. Читаю «Вавилонскую культуру» Винклера. Пишу открытки. Сижу в вагоне-ресторане, от которого отвык вот уже три года. Стремлюсь в Буэнос.

О Нине Кошиц очаровательное воспоминание.

Вокруг зима, вернее, чуть заметна весна: зеленеющие ёлки, снег и лужи. Вот так май!

Нине Кошиц в Москву:

«Миленькая, не особенно решительно. Ниночка. Мой поезд пока оправдывает своё почётное имя - идёт резво и изнутри удобен: ресторан с метр д'отелем и большими на чай официантами, пианино, вины, бельё и никаких солдатов. Я читаю «Вавилонскую культуру», курю, думаю об океане и вспоминаю Москву. Жаль. Ваши духи, оброненные на мой носовой платок, — выдыхаются. Но моё воспоминание о Вас по-прежнему благоуханно. Целую Вас, миленькая, и сердечный привет всем. Серёжа. Скажи А.А., что он примерзавил все мои галстуки. Я в отчаянии».

(26 апреля) 9 мая

В Вятке, утром, совсем зима. Днём стало теплее и зеленее. Я очень доволен поездкой.

Начал учить испанский язык. С одной стороны, читаю правила, с другой - учу слова. Надо учить по двадцать слов в день и каждый раз кропотливо повторять предыдущие.

Подумываю о рассказах. Хотел бы писать «Белого друга», но трудно, не мог сосредоточиться.

(27 апреля) 10 мая

Встал в шесть, чтобы видеть Урал, но в этой части он не хребет, а только что волнистая поверхность, красивая, но не замечательная.

Сидел в вагоне-ресторане и обдумывал «Друга» и «Башню»[11] и немного писал «Мак Кука». Тряска мешает писанию.

Учу испанский. Не всегда ясно, где ударение и как, коротко ли или упористо произносится «и».

В.Миллер в Павловск, в собственные руки:

«Милый друг, встретив Пасху в Москве, я, наконец, попал в превосходный экспресс и ныне движусь на Восток. Желаю Вам успехов в «Игроке». Если почему- либо Вам не удалось достать экземпляр от Каратыгина, то позвоните П.П.Сувчинскому, которого Вы знаете (толстый, румяный, сидел против Вас), 4.41.80, - он Вам достанет. Шлю Вам все мои самые сердечные приветы, также Вашей подруге. Ваш С.».

(28 апреля) 11 мая

Перегон от Тюмени до Омска. Меньше лесов, больше полей. И зима, белая зима. Лишь кое-где проглядывает зеленоватая трава.

Учу испанский и уже спрягаю три вспомогательных глагола.

Вечером разыгралась такая пурга, что на станции вагон дрожал и совсем не покачивался. Боялись заноса, но ветер, слава Богу, дул в спину.

Асафьеву, в Петербург:

«Миленький Боренька, встретил Пасху в Москве, мило и пёстро, я следую в

[11] Названия рассказов - «Белый друг» и «Блуждающая башня».

экспрессе, превосходном европейском поезде, и ныне уже проехал Омск. Здесь зима, метель, масса свежей деревенской пищи - я чувствую себя прекрасно, толстею и учу испанский язык.

Как «Игрок»? Я слышал, его по случаю моего отъезда собираются отложить. Так пусть Пётр Петрович поднимет крик, что к октябрю я буду дома. Пока обнимаю Вас, миленький. Привет Вашей супруге и Петру Петровичу. Если Ниночка соберётся в Петроград, поцелуйте её от меня (фактически). С.».

(29 апреля) 12 мая

Опоздали на двадцать четыре часа. Но не всё ли равно, ехать шесть или семь дней? Лишь бы не двенадцать, да лишь бы приехать до Владивостока. Попасть в Харбин уже нет возможности: там война с есаулом Семёновым. И вот теперь у редких встречных поездов справляемся, не отрезал ли Семёнов линию на Владивосток. Говорят, он в станции Оловянной. Стало быть, в ста тридцати девяти верстах от узла на Владивосток.

Начал писать и писал успешно «Блуждающую башню». А «Белый друг» движется медленно. Я чувствую, что он должен удасться, но трудно войти в тон.

(30 апреля) 13 мая

Снег исчез. Появилась зелень, хотя и довольно относительная. Вокруг Красноярска оживлённые и красивые пейзажи.

Говорят, Семёнов дошёл без малого до Читы и едва не отрезал нам путь на Владивосток, но потом его отогнали.

Учу испанский и доволен успешностью.

«Башню» пишу с удовольствием, но понемногу.

Борису Николаевичу Башкирову, Петроград:

«Дорогой Боренька, обнимаю Вас и поздравляю с наступающим Ангелом, желаю Вам весело провести его, - а мы тем временем на резвом американском паровозе быстро приближаемся к Иркутску, собираясь сделать этот путь за семь дней. Дорога не утомляет меня, наоборот, рождаются мысли, тем более, что мой сосед приятно-молчалив. Испанский язык тоже не дремлет: двести слов уже населяют мою голову, а четыре оксильера[12] спрягаются вполне гладко. Целую Вас. Путь на Харбин закрыт, едем через Благовещенск во Владивосток. С.».

Полине, под Таганрог:

«Милая Полина, итак, моё желание наконец приходит в исполнение - я сижу в маленьком купе сибирского экспресса с заграничным паспортом в одном кармане и бумагой от английской военной миссии в другом, и держу путь к широким просторам Тихого океана. Шлю Вам привет и вспоминаю Вас. С.П.».

(1) 14 мая

В окне - красивые берёзовые леса с белыми стволами. Путь на Владивосток, говорят, свободен и даже ходят прямые вагоны из Иркутска. Беда только, что наш поезд привезёт бездну пассажиров.

Несколько раз в поезде делались обыски. Искали и оружие, и спирт, и кокаин. Вели себя изысканно вежливо.

Первые ласточки заграницы: заграничные папиросы на лотках по втрое меньшей цене, чем в Петрограде.

[12] Вспомогательных (глагола), от auxiliaire (фр).

(2) 15 мая

Рано утром Иркутск. Пересадка из экспресса в обыкновенный первый класс. Впрочем, довольно недорого в большое купе с датской миссией. Путь сразу по живописному берегу Ангары, чистых, холодных вод которой не смутили трупы многих утонувших в ней смельчаков. Но совершенно неожиданную прекрасную картину явил собою Байкал, вдруг развернувшийся перед глазами при впадении в него Ангары.

Залитый солнцем, светло-голубой, необычайно просторный, с горами, неосвободившимися ещё от снегов - он был пленителен.

(3) 16 мая

Настроение немного пёстрое, будто уже нервно-казалось. как далеко и надолго я уезжаю. Но это прошло: я сам себе указал, как глупо так думать.

Чита-1, Чита-2. На первой я спросил телеграмму от Кошиц - не было, на второй замечтался и, стыдно сказать, забыл. Но это оттого, что я не сомневаюсь - никакой телеграммы нет.

Я уехал - Ниночка осталась. Это и лучше: она слишком бы самодавлела.

Б.Н. в Петроград:

«Милая амёба, подъезжаю к Чите под впечатлением Байкала. Особенно сильное впечатление было, когда по берегу Ангары мы быстро подъехали к нему, спокойному, солнечному, светло-голубому, обрамлённому покрытыми снегом горами. От девяти дней пути не чувствую утомления, вокруг порядок полный и, хотя в Иркутске экспресс кончился, но его сменил вполне хороший вагон первого класса. Ввиду занятия Маньчжурии есаулом, делаем круг через Сретенск и Хабаровск - лишних пара дней. Обнимаю. С.».

(4) 17 мая

Сегодня съехали на кружную американскую линию и стали медленно плестись по холмистой и красивой местности.

Приятная новость: говорят, иены во Владивостоке по 2 рубля 70 копеек. Об этом я и не смел мечтать. Тогда я имею две тысячи иен - тысячу долларов - богатый человек и могу, нигде не задерживаясь, ехать в Буэнос-Айрес.

Сосед расхваливает японских гейш во Владивостоке. «Очень вежливые», - говорит.

(5) 18 мая

Медленное ползание начинает делаться утомительным. Тем более, что в четвёртом купе постоянные беседы, которые не дают мне сосредоточиться на испанском и «Блуждающей башне», что выводит меня из себя.

Сегодня мы закончили последний, и довольно значительный, выгиб на Север, поднявшись до параллели Рязани. Отныне уклонения на Север больше нет - всё время на Юг, до самого Буэнос-Айреса.

(6) 19 мая

Запахло весной, северной, запоздавшей весной. Я люблю весенние запахи. Дорога льётся среди лесистых холмов, ярко-зелёных, а иногда ярко-белых от стволов берёз. Я рад, что захватил хоть кусочек весны, хоть из окон вагона, а то я

с американской суетнёй пропустил это моё любимейшее время года. Утешение было в том, что я её встречу в сентябре в Аргентине, в цветущих Пампасах.

(7) 20 мая

День течёт лениво и косно. Тринадцатый день пути всё же утомляет и, хотя прямой усталости нет, но некоторая вялость налицо.

Миновали Благовещенск. Виды стали степные, однообразные.

Николаю Яковлевичу Мясковскому, Петроград:

«Милый Нямчик, пишу Вам из Архары, замечательной тем, что она родит всех архаровцев (и куда только не занесёт судьба по пути в эту Америку!). Завтра приезжаем в Хабаровск, а через тридцать часов после того - во Владивосток. Нежно обнимаю Вас и поздравляю с Ангелом, желаю успехов в инструментовке и в сочинении оркестрового морсо. Ваш С.П.».

(8) 21 мая

С поразительной ясностью видел во сне Макса Шмидтгоф. Мы провели с ним довольно много времени. Я был так рад его видеть и только боялся, чтобы он не исчез. Но я проснулся и Макс исчез. Вот уже пять лет, как он застрелился и, хотя ещё недавно я посвятил ему 4-ю Сонату (по посвящению на первой редакции первая часть), но всё же впечатление о Максе стало сглаживаться и отходить на далёкий план. Теперь его отсутствие снова остро укололо.

Поразительно ярка здесь зелень и голубые горы. Говорят, такие краски - лишь на девственной почве.

(9) 22 мая

Думал ли я, что когда-нибудь попаду в Хабаровск? А между тем Хабаровск оказался премилым городом с красивыми домами и с поэтичными скверами на высоком берегу Амура, такими завлекательными для гимназических романов. Склад жизни патриархальный, а настроения - контрреволюционные.

В два часа дня выехали во Владивосток, взяв направо прямо на юг. Как ни так, а Владивосток на одной параллели с Кисловодском. Благодаря английской бумаге, я получил отдельное купе.

(10) 23 мая

Шестнадцатый и последний день железнодорожного пути протекал лениво. В восемь часов вечера приехали во Владивосток и сразу попали на шумный несколькоэтажный вокзал американского типа. Несмотря на чрезвычайную переполненность города, я с моим соседом, московским корреспондентом, достал приличный номер. Начал реализировать мои письма и звонил по телефону. Дукельский в Японии, зато редактор самой большой местной газеты оказался очень мил и я был у него в этот же вечер.

Пароход в Японию, кажется, послезавтра; формальности выезда за границу незначительны (а так пугали в России!), но иены, иены, увы были 2.70, а теперь 4. Я снова обеднел.

(11) 24 мая

Первый визит - японскому консулу за визой. Этот негодный формалист требует

пять дней на визирование паспорта. Японцы боятся из России большевиков и немецких шпионов. «Вы понимаете. - сказал консул, - что если мы вам просто дадим визу, то она вообще не имеет никакого смысла?» А когда я стал настаивать, ссылаться на мои бумаги и т.д., он ответил, что я скорее получу визу, если пойду сейчас за фотографией, необходимой для того, чем если буду длинно разговаривать с консулом. Я был очень недоволен замечанием и отправился на базар к фотографу- моменталисту. Итак, я застреваю во Владивостоке на пять дней до среды. Я только потому не сержусь, что при отъезде ещё из Кисловодска предвидел, что путь готовит мне многие задержки, и тогда же решил, что во время них надо сохранять хладнокровие и не портить себе настроение.

Владивосток довольно живой город со многими кафе, в которых вещи, для петроградца совсем забытые. Пирожные, шоколад, булочки и сколько угодно сахару, настоящего, белого, рассыпчатого как бриллианты.

(12) 25 мая

Настроение разрозненное и даже не слишком весёлое, - не проще было бы сидеть в России, где и друзья, и музыка. Но все эти мысли - слабость и порождение владивостокского бесцелия и безделия.

Учу испанский. Слов шестьсот знаю довольно твёрдо.

(13) 26 мая

Сегодня занялся моими рассказами. Очень бойко пошёл «сонный» рассказ. И настроение сразу очень хорошее.

Днём был на скачках, где шли и брали призы лошади Mme Янковской, друга Бальмонта. Это в момент прихода к старту очень увлекательно, но на час-два, а затем утомительно.

Был на вечере здешних футуристов. Они пытаются дерзать как настоящие футуристы, но вещи их довольно невинны. Я в качестве председателя земного шара, т.е. в качестве их прямого начальства, хотел подтянуть их (потому что у истинных футуристов, итальянцев, отличная дисциплина), но стоило ли?

(14) 27 мая

Сегодня день тринадцатилетия Цусимской битвы. И странно во владивостокском порту видеть рядом стоящими «Асахи» и пленённого им «Орла», оба теперь в качестве японских стационеров (и не будущих ли оккупаторов Владивостока?).

С большим удовольствием писал «сонный» рассказ, который я назвал «Какие бывают недоразумения». Я от того так долго не мог взяться за него, что хотел писать в серьёзном тоне: в Норвегии, солидный инженер, - а после того, как я нашёл этот тон, более шутливого оттенка, дело сразу пошло на лад.

(15) 28 мая

Виза есть. Редактор газеты обещал достать мне билет на завтрашний пароход и разменять иены, но они растут и уже дошли до пяти рублей. Надо же, как раз к моему приезду! Я решил разделить деньги пополам - на половину куплю иены, вторую спрячу под подкладку в шляпе и рискну провезти, раз, говорят, осмотр не строгий.

Рассказ бежит оживлённо. Думал кончить сегодня, но голова начала грозить болью, поэтому остановился на последней главе.

Под Таганрог:

«Милый Боречка, японская виза, японские иены, всё получено. Завтра в двенадцать часов дня сажусь на «Хосан-Мару» и через два дня буду в Иокогаме. Прощай Россия, прощайте старые мечты, да здравствуют новые берега! С.П.».

(16) 29 мая

Хотя пароход был заранее расписан, но по протекции получил место второго класса, чему был очень рад, так как готов был ехать даже в третьем. Но иены получил очень скверно и в последнюю минуту: 5.60!, т.е. доллар за 11.20 - это преотвратительно. Я взял только на две с половиной тысячи - остальное в шляпу. Хотя я боялся, что на пароходе меня обыщут и арестуют, но ничуть - даже не открыли чемодан и не спросили ничего. Так что я ещё не верил, что уже прошёл через все игольные уши, когда пароход отчалил от берега. Разговор с офицером парохода: три мили.

Итак, прощайте, большевики! Прощайте, «товарищи»! Отныне не стыдно ходить в галстуке и никто не наступит на ногу.

(17) 30 мая

Спал плохо, потому что каюта крошечная на четверых + двое детей. Пароход «Хосан-Мару» в 2340 тонн, 12 узлов. Море тихое, густой туман. Это холодное течение из Охотского моря встречается с тёплой веткой Куро-Сиво, и отсюда испарения. Поэтому и температура в течение дня сразу переменилась из прохладной в тёплую. Превращение к вечеру было замечательное: стало тепло и ясно - мы были в тёплых водах.

Настроение хорошее и мечтательное. Вечером обдумывал конец рассказа и глядел на звёзды.

(18) 31 мая

Когда утром я вышел на палубу, мы уже подходили к Цуруге и по бокам виднелись высокие, заострённые очертания гор. Жаль, в этот день в стране Восходящего солнца это светило восходило за облаками. Горы пышные, крутые, по-новому для нас очерченные, а внизу крошечные, игрушечные деревеньки. В Цуруге нас долго морили полицейским допросом: куда, зачем, кто сам, кто отец, кто знакомые, сколько денег, etc... Затем монархический принцип: сначала первый класс, затем второй (у нас бы начали с третьего), и потому лишь некоторые пассажиры первого класса попали на токийский экспресс. Мне же пришлось ехать с почтовым в час дня. Вступив на японскую почву, я испытывал особое наслаждение, как всегда, попадая в иноземные края, сулящие столько нового. А теперь, после российской всё же тюрьмы, попасть в цветущую страну, где нет ни войны, ни революции - это ли не отдых?

Я гулял по горам, окружающим Цуругу, поросшими пышной растительностью и предавался мечтам. Затем на рикше, т.е. на двухколёсной коляске, ведомой японцем, поехал на вокзал. Это позорно ехать на человеке, но он так просил, чтобы я взял его и так радовался, когда я сел, что мне казалось - отчего же ему не дать заработать сорок иен за то, что он побегает двадцать минут. В поезде сначала набилась куча русских, а затем, когда через час я пересел в другой, прямой на Токио, то в нашем нарядном первом классе было просторно и удобно, а этот игрушечный поезд скакал временами как настоящий английский экспресс. Я совсем не настраивал себя восхищаться Японией и даже немного злился на японцев, что

они собираются занять восточную Сибирь, но должен сказать, что не видел такой прелестной страны, как Япония. Очаровательные крутые и зелёные горы чередовались с полями, разбитыми на крошечные квадратики и так любовно и тщательно возделанными, что, право, не мешало бы нашим товарищам с их земельным вопросом покататься по Японии!

(19 мая) 1 июня

В Токио прибытие в пять часов утра. Комната тут же, в Station Hotel'е, очень хорошем и даже нарядном отеле в верхних этажах самого вокзала. Но первое, что мне попалось на глаза, это объявление пароходного общества «Токио Кисен Каисчу» о пароходах в Вальпараисо. И пароход ушёл три дня назад, а следующий через два месяца! Какая неудача! Правда, ушедший пароход имел путь в шестьдесят девять дней через Сан-Франциско и все порты западного берега Америки, но второго августа я всё же был бы там, а цена всего пятьсот иен. Всё это меня очень устраивало и единственное утешение, что, вероятно, и неделю назад не было ни одного билета! Здесь запасаться надо за месяц. С этими мыслями я погулял по широко раскинувшемуся Токио, затем принял ванну (причём миллеровский массаж сделать было нельзя, так как тело сейчас же от тёплого и влажного климата становилось мокрым) и в электрическом поезде поехал в Иокогаму.

Ах, какое большое впечатление, когда в Иокогаме я в первый раз увидел спокойную, светлую гладь Тихого океана! Я остро отдавал себе отчёт, что это не просто море, а сам Великий океан.

Отвыкли мы от вежливой и льстивой прислуги: здесь за брекфестом[13] японец, раскланиваясь и оказывая тысячу внимательностей, извинился у меня за плохую погоду, поблагодарил за честь, которую я ему оказываю, принимая его услуги, а в smoking-room[14] подложил по подушке под каждую руку. Очень мило и в каждой стране свой режим, но по совести, это лишне.

В Иокогаме я, во-первых, с наслаждением купил себе новые жёлтые ботинки, а затем начал беготню по пароходным компаниям и к аргентинскому консульству - узнавать, какие и когда пароходы в Южную Америку. И всюду пренеприятный результат: путь долог, а в ближайшее время пароходов не предвидится.

Сегодня оказалась суббота и в час дня всё закрылось до понедельника. Ничего приятного не узнав, пришлось положить зубы на два дня на полку.

В это время я прочитал афишу: «Концерт Меровича и Пиастро, антреприза Строк». Вот на ловца-то зверь бежит!

Строк самый бойкий импрессарио по восточным берегам Азии и по экзотическим странам вплоть до Явы и Сиама. Его резиденция - Шанхай, и я частично из-за него хотел держать путь на Шанхай. И вдруг я сюда, и он сюда.

В «Гранд отеле» я вскоре столкнулся с Меровичем, он кончил с премией класс Есиповой тогда, когда я поступил в него. Хотя он меня почти не знал, но проведя шесть лет на Востоке, кое-что - очень мало - про меня слышал. Кстати, его брат просил меня передать ему письмо в Шанхае, так что Мерович сразу обрадовался и письму, и мне. И он, и мой старый сотоварищ Пиастро (по научному классу Консерватории) сделали огромную карьеру и состояние на восточном берегу Азии и теперь здесь жили миллионерами. Строк, по словам Меровича, в полной зависимости от них, а не они от него. Мерович советовал дать здесь и на Востоке со Строком (которого он, конечно, с удовольствием мне представит, так как они будут месяца два отдыхать, а затем уедут на Яву) ряд концертов по их стопам. Они

[13] Завтраком, от breakfast (англ).
[14] Курительная комната (англ).

дали в Азии восемнадцать концертов в Шанхае, шестьдесят на Яве и пр. А в самом деле, не лучше ли вместо журавля в американском небе взять верную синицу у берегов Азии? Поездить по этим тропическим центрам, быть может, не менее увлекательно, чем Америка. Во всяком случае я это уже имел в мыслях, когда покидал Россию, а теперь, раз парохода в Южную Америку нет, а здешняя антреприза под рукой, надо подумать. Уж очень мне надоело каждую минуту рассчитывать, хватит ли мне моих денег и приберегать их!

(20 мая) 2 июня

В четыре часа состоялся чай с Меровичем, Пиастро и Строком. Сначала мне казалось как-то неприятно, что два небольших артиста вводят меня на здешнюю концертную эстраду и что я должен выслушивать их советы и пожелания. Но они оказались милы, скромны, просто веселы и очень доброжелательны. Так что тон сразу был взят весёлый и дружественный, а Строк расшаркался и объявил, что как только через неделю он закончит с Меровичем и Пиастро, он готов устроить мне концерт в Токио и Иокогаме. Жаль, что теперь кончился сезон в Шанхае, а то там можно дать целую серию. Вечером я отправился с Меровичем и его поклонницей, её подругой - двумя необычайно шальными дамами в Café Lion, страшно дурили в отдельном кабинете.

Б.Н.Верину в Петроград, Иокогама:

«Милый Боренька, сижу на веранде «Гранд отеля» в Иокогаме, что в пятидесяти минутах электрическим поездом от Токио. У него стелится чистая, тихая гладь Великого океана. Несколько громад в двадцать, тридцать тысяч тонн украшают пристань. В кафе японцы, сгибаясь в три четверти, благодарят меня за оказываемую честь. С соседних столов доносится: «дубле» - это русские эмигранты играют в бридж. Мой пароход три дня назад ушёл в Вальпараисо, поэтому на некоторое время остаюсь здесь. Дам концерты. Целую. С.»

(21 мая) 3 июня

Завтракал у Высоцкого (письмо от Мейерхольда) в Иокогаме. Действительно, пароходов никаких нет, а если через Северную Америку, то нужна североамериканская виза, которую русскому получить до невозможности трудно.

Строк и Мерович советуют мне в августе ехать в Нью-Йорк. Это неправда, что к русским артистам относятся плохо: Цимбалист, Эльман, Ауэр делают большие сборы. Так и в самом деле, не подкрепиться ли здесь концертами, а потом махнуть в Нью-Йорк, как это я хотел сначала, до аргентинской идеи?

Вечером гулял по Гинзе, центру города, живописному и весёлому, освещённому маленькими фонариками. Там оживлённо и весело. Хорошо бы хорошенькую японку.

(22 мая) 4 июня

Обедал у Строка. Реверансы передо мной страшные. Этот импрессарио, польский еврей, помешан на том, чтобы иметь дело только с серьёзными артистами. Он очень хочет иметь дело со мной, но говорит, что настоящий успех в здешних странах можно иметь только концертируя в паре. Вот если бы я с хорошей певицей (Кошиц?), то он осенью устроил бы свыше шестидесяти концертов по Японии, Китаю и даже Индии (!).

Америка или Индия? Да и достану ли Кошиц? Вечером был на концерте Пиастро и Меровича. Впечатление пренедурное. Публика европейская, нарядная,

играют неплохо и программа серьёзная. Мерович неплохой, хотя не перворазрядный пианист. Пиастро - отличный скрипач. Идея: надо написать скрипичную сонату! Вечером Мерович, Строк и я отправились смотреть, что такое number 9. Мерович, в конце концов, отпал, а мы со Строком добрались. Это попросту публичный дом с комнатами для японцев и европейцев. Нас приняла старая хозяйка, по-моему, готентотка. Затем явились четыре японки, из которых две очень хорошенькие. Эти четыре молоденьких, отлично выдрессированных рабыни, чинно вошли, отвесили поклон и выстроились по стенке. Угостив их каким-то сиропом (причём они, взяв стаканы и подняв их, выпили за наше здоровье по глотку и поставили на стол), мы через десять минут уехали. Задних мыслей не было, просто любопытство.

А.Н.Бенуа, Петроград:

«Очень дорогой А.Н., поручаюсь Храмом вод, что на обороте, перед Вами, как идеально я добрался досюда, как здесь хорошо и как нежно я приветствую Вас, всё ваше семейство. Дам концерты и застряну на несколько недель. Письмо Саше- Яше, если на днях не предоставится случая в Пекин, брошу в почтовый ящик. Искренне любящий Вас С.П.».

(23 мая) 5 июня

Строк завтракал у меня. Хочет послать телеграмму Кошиц, но ведь она, если приедет, то не на его зов, а на мой. А если я позову, то она поймёт это совсем не так. Кроме того, я ещё не расстался с идеей Америки, северной.

Начал пописывать скрипичную сонату, вытащил мои рассказы. Вечером гулял по расцвеченной фонариками Гинзе. Ужинал в кафе «Шимбаши».

Строк спросил меня, действительно ли большие артисты Мерович и Пиастро. Я сказал, что они хорошие артисты, но не первоклассные. Что я мог сказать другого? Он спросил, будут ли они иметь успех в Москве и Петрограде. Я ответил: «нет». Неужели я должен был соврать и сказать «да»? Ведь они здесь уже составили имя.

(24 мая) 6 июня

Утром писал сонату. Днём был у Высоцких в Токио, где нарядная публика. Строк уехал в Кобе устраивать концерт Меровичу. Обо мне длинные заметки в токийских газетах. Вечером японка. Но осторожность затмила удовольствие.

(25 мая) 7 июня

Начал: «Преступная страсть».

Скрипичная соната. Неужели скерцо пустое и глупое? А ведь надо писать хорошо или совсем не писать. Днём был у Айко Осэ, к которому письмо от Бальмонта. Говорит по-русски. Издаёт газету о России, по-японски и по-русски. Обожает Бальмонта. Так, не очень интересно.

Ариадна Николаевна, по мужу Руманова, недавно проехала через Японию в Америку, и, верная старому, крутила здесь головы. Думал ли Макс Шмидтгоф, когда мы писали ей, что много спустя, через пять лет, я, гуляя с двумя японскими журналистами по главному проспекту в Токио, буду говорить об Ариадне, недавно укатившей через Великое Окно в Америку? Макс сказал бы: «Страшно шикарно!» Она где-то здесь выступила, но, по словам японца, играла лицом, а не пальцами.

Сегодня утром заходил ко мне полисмен и опять, как при спуске с парохода, допрашивал меня: кто, зачем, откуда, кто отец и т.д. Но этим не следует смущаться, тут так поступают со всеми. Он показал мне список человек в двадцать: и

американцы, и русские, все остановившиеся в отеле.

(26 мая) 8 июня

Сообщение с Россией (телеграфное) прервано уже десять дней из-за столкновений большевиков с чехословацкими эшелонами в Иркутске.

Мои планы стали довольно ясны. Строк достал Императорский театр на шестое и седьмое июля и рассчитывает на ряд концертов после этого. Затем, если у меня будет 1700 иен (и виза), я поеду в Нью-Йорк и там проживу месяц. Если окажется, что я мог дать там ряд концертов, я останусь, если нет - вернусь к октябрю в Шанхай и дам концерт с симфоническим.

Если бы можно было быть уверенным, что приедет Кошиц или Коханский, имело бы смысл остаться для остальных концертов на востоке, похерив Америку, но раз при таком сообщении с Россией ничто не может быть наверно, то надо сделать ставку на Америку, тем более, что, право, мне больше смысла концертировать перед понимающей публикой (хотя я и в американское понимание не очень верю), чем перед азиатами или полуевропейцами.

(27 мая) 9 июня

Некто Обольский, молодой человек, с которым меня познакомили, любезно предложил свои услуги по хлопотам об американской визе. Он послезавтра уезжает в Нью-Йорк, увидит там и посольство, и всяких важных русских. Я с радостью ухватился за него и просил приложить все усилия для визы.

Пописываю «Преступную страсть».

Скрипичная соната не идёт.

(28 мая) 10 июня

Был в русском посольстве второй раз. Теперь они проведали, что я такой-то композитор и сделались поразительно любезными, дали письмо в русское посольство в Вашингтоне, каковое я вручил Обольскому вместе с письмом Мак-Кормику и двадцатью иенами на телеграмму о результате хлопот. Он обещал приложить все усилия, чтобы через месяц у меня была виза.

В русском посольстве тоже знают об Ариадне Румановой. Барон Беер, секретарь посольства, заявил с некоторым ядом, что в Америке они рассчитывают на сходство «Руманов» с «Романов» и на возможность сойти за отпрыска, может быть и незаконного, царского рода.

(29 мая) 11 июня

Мерович. Пиастро и Строк уезжают давать концерты в Киото и Осаку. Мерович зовёт меня отправиться тоже туда - это старинные, настоящие японские города, очень любопытные, а в Токио мне всё равно нечего делать. Вообще, мне целый месяц нечего делать, если Строк не устроит чего-нибудь до 6 июля. Но он говорит, что в Японии надо начинать с Токио и с Императорского театра, а раньше шестого Императорский театр не получить. В Америку тоже раньше конца августа нет смысла. Значит, наслаждайся Японией и работой.

П. П. Сувчинскому :

«Милый друг, вот уже две недели я наслаждаюсь жизнью в столице японской империи. Собираюсь проехаться по красивым местам Японии, затем дам несколько концертов и - дальше, всегда дальше! Привет, С.П.».

(30 мая) 12 июня

В полдевятого утра я и Мерович с экспрессом выехали в Киото, до которого одиннадцать часов пути. У экспресса маленький, но изящный салон, и довольно бойкая скорость. Я был чрезвычайно доволен нашей поездкой по красивой, уютной и очень благоустроенной Японии. Мерович - славный малый. Сидя в креслах на площадке салон-вагона мы смеялись, что думали ли мы в есиповом классе, что нам придётся разъезжать в экспрессе по Японии, беседовать о «Фейерверке» Дебюсси?

Иены мои фактически уменьшаются и, если бы не уверенность в Строке, положение моё становилось бы неуверенным.

(31 мая) 13 июня

Ездили в быстром электрическом трамвае в Осаку, оживлённый, чисто японский город, где мы не встретили ни одного европейца. Особенно фантастическое зрелище - театр, и даже не сцена, а зрительный зал, где все сидят в каких-то коробках, лопают рис и со страшной быстротой машут веерами. Любопытны главные улицы вечером, с тысячами фонарей и фонариков и огромной гуляющей толпой. Если в наших парикмахерских есть отдельныш маникюр, то здесь отдел чистки ушей. Очень любопытно. Сюда бы послать некоторых наших тугоухих музыкантов.

(1) 14 июня

Уже пять дней я ничем не занимался. Чувствую голод и рад, что сегодня никуда не надо ехать. Гуляли с Меровичем по окрестностям Киото, среди тысячи буддийских храмов, удивительных водных сооружений (каналы сквозь тоннели), по прелестной местности. Вот здесь настоящая Япония. Мерович советует по дороге в Америку дать концерт в Гонолулу. Прелестная идея. Гонолулу, ведь, моя мечта. У меня прелестная комната, полу-европейская, полу-японская, с резными раздвижными стенками, циновками. Только ужасно дорого и иены так и бегут, а рубль упал ещё больше. Не знаю, как будут менять оставшиеся «пятеньки» (пятёрки). А ведь как это было много раньше!

(2) 15 июня

Сегодня я целый день провёл один, писал «Преступную страсть» (с большим удовольствием), учил глазами Шопена, думал. Вечером с Меровичем отправились в Чайный домик. Их здесь сотни и там танцуют гейши. Четыре девчонки танцевали нам naked dance, т.е. танец голых. Насчёт танца, - по-моему, они просто прыгали, надувая европейцев, но раздевались честно догола и после даже предлагали short- sleep. В результате одна, самая хорошенькая, сидя у меня на коленях, спёрла жемчужную булавку. Хорошо, что вовремя я спохватился, и тогда булавка нашлась. Зацепилась, видите ли, за её волосы, когда она клала мне голову на грудь.

(3) 16 июня

Писал «Преступную страсть». Перечитывал «Любовь к трём апельсинам». Мне очень нравится идея написать на это оперу, и, должно быть, напишу, но не нравится развязка. Бенуа дал мне итальянский оригинал, надо перечесть по-итальянски. Затем надо разорвать параллельные события подземных сил и поставить их в

соответствии с происходящим на земле.

(4) 17 июня

С Пиастро и его очень хорошенькой подругой, которую он выцарапал в Шанхае, ездили по системе здешних каналов, любопытство которых заключается в том, что они скользят сквозь длинные тоннели.

(5) 18 июня

Вторник. Окончил «Какие бывают недоразумения». Это уже шесть рассказов и четыре намечено. Будет десять - и довольно пока.

Пиастро уехал со своей нарядной подругой на берег моря. Мерович, переселившийся в Нару, в двух часах езды, звонит оттуда по телефону и зовёт приехать туда. Превосходный отель стоит среди парка. Я, может быть, поеду.

(6) 19 июня

Идеи Анданте для скрипичной сонаты. В четыре часа переселился в Нару. Отличный отель стоит на берегу озера среди огромного священного парка, с массой храмов и памятников. По парку бродят священные олени, совсем ручные, которые окружают вас толпой, если вы начнёте кормить их хлебом. В пруду золотые рыбы с аршин величиной, жирные и противные, тоже священные. Здесь тихо и привольно. Чудесный колокол по форме напоминает митру, по звуку - огромный благородный гонг.

(7) 20 июня

Начал ползти «Белый друг». То мне кажется, что это удастся лучше всех, то кажется, что это будет смешная попытка написать серьёзно поэтическую вещь.

Здесь хорошо для работы, но я не могу вернуться в неё. Прошлое лето, о котором я вспоминаю с таким удовольствием, самодавлело в своём времяпрепровождении и, никуда не стремясь, я наслаждался моею работой и житьём на моей милой даче. Здесь же я всё же на пролёте (весь этот год под знаком непрерывного стремления), и я не могу сосредоточиться и углубиться. Вообще, я прихожу к заключению (о, позор!), что мне нравится иметь деньги и может быть, после этой поездки, они будут.

(8) 21 июня

«Белый друг» идёт, зато Форчио застрял на третьей главе, а я очень люблю этот рассказ.

Из России телеграммы, что чехословаки захватили сибирскую линию от Томска
до Самары и в борьбе с большевиками. Я проскочил с последним поездом, хорош бы я был, если бы дожидался Кошиц! И предыдущие экспрессы, хоть и дошли, но подвергались ужасным обыскам и утеснениям. Я проскочил феерически.

Воскресла идея «белого квартета». Кое-что набросал и вспомнил старую тему (главная партия).

(9) 22 июня

Ездил в Киото. Строк написал письмо антрепренёру в Гонолулу, это меня ужасно

радует.

На концерты Меровича и Пиастро японцы ходят в дешёвые места (50 иен). Отношение японцев (вообще эти концерты любопытны, как попытка дать серьёзную музыку чуждым, но начинающим интересоваться европейской музыкой, японцам): с одной стороны - очень внимательны, но с другой - ясно, что даже при их внимании, они ни в чём не разбираются и играй им сонату Бетховена или вообще импровизируй - этого они не разберут. Внешние занятности обращают их внимание, например, pizzicato, гамма perlé у рояля и т.д. Сыграть раза два перед такой аудиторией интересно, но больше - стимула нет.

(10) 23 июня

В Наре хорошо и немного скучно. Я удивлён, что я скучаю в одиночестве, но причина в том, что сейчас ничего не пишется и не сочиняется (маленькая остановка), а книга у меня - один Шопенгауэр. Я возобновил чтение «Мир как воля» и получаю от этого много удовольствия, но эту книгу можно читать лишь понемногу: один-два часа в день. Вследствие этого много незаполненного времени.

(11) 24 июня

Приехал Пиастро со своей Марусей, и я был рад их видеть. Гуляли, пили коктейли, играли в биллиард. Пиастро рассказывает удивительные вещи про Яву, Сиам, Индию, где он много концертировал.

Удивительная вещь: здесь все стены отеля увешаны картинами, видами и прочим, но когда я хотел увидеть карту Европы, чтобы найти Принцевы острова для моего рассказа, то карты Европы нигде не оказалось. Пускай Европа - центр мира. Здешний мир живёт без неё.

(12) 25 июня

Как я отношусь к моему писательству? Во-первых и в последних - просто это мне чрезвычайно нравится. Это уже достаточный ответ. А если это окажется кроме того и очень хорошим (горе в том, что мне нельзя писать просто довольно хорошо), то я прав вдвойне?! Что касается до отнятия времени и сил от композиции, то я могу честно сказать, что за последнее время я много наработал и, если теперь сделаю передышку, то она может быть благодетельным освежением, после которого работа пойдёт только лучше.

Я согласен, что оно окажется не очень хорошим, но сейчас никак не могу уяснить, чем именно оно окажется не хорошим.

(13) 26 июня

Сегодня между Пиастро и его хорошенькой подругой происходили столкновения семейного характера - и, право же, я рад, что нет ни Лины, ни Кошиц. ни Элеоноры. В конце концов они оба утихли.

(14) 27 июня

Жизнь течёт с некоторым застоем и под проливными дождями. Читаю Шопенгауэра с большим удовольствием, последнюю книгу «Воли», но не приемлю его пессимизма.

Вспоминаю моих друзей и с большой нежностью Б.Верина. Асафьева и

Сувчинского тоже.

(15) 28 июня

Переехал в Киото с тем, чтобы завтра поехать в Токио. Надо познакомиться перед концертами, хотя очень стараться для этой публики не стоит. Всё же я не играл два с половиной месяца.

Мысли о рассказе о бескостном человеке.

(16) 29 июня

Утром сел в Observation car[15] Limited express'a, отправляясь в Токио. Дневной переезд по красивой и нарядной Японии повторил с большим удовольствием. Каждый вершок, удобной и даже не очень удобной, земли обработан с невиданной для Европы тщательностью и любовью. Фуджи-Яма мелькнула только несколько раз, при поворотах, появившись из-за туманов. Коническая и мрачная. Я рад, что видел её. Остановился в токийском Station Hotel, в том же номере. Писем из России никаких, да и едва ли можно на что-либо рассчитывать при чехословацкой «блокаде» сибирской линии.

(17) 30 июня

В Токио жарко, пыльно и противно. Был в Иокогаме и хочу переехать туда. В Grand Hotel, хотя дорого, но хорошо и терраса на Тихий океан. За это одно можно переехать.

О моём концерте первое объявление.

Стремлюсь на Сандвичевы острова и в Нью-Йорк.

(18 июня) 1 июля

Переехал в иокогамский Гранд-Отель. Перед концертами надо немного парадировать. Кроме того, здесь прохладней и больше европейской публики. Очень хороша в знойный день линия горизонта, расплывчатая, незаметно переходящая в небо. Ночью чудесный Скорпион с красным Антаресом. Здесь всё созвездие сияет полностью и действительно похоже на страшного мистического зверя.

(19 июня) 2 июля

Строк предложил продать оба токийских концерта за 850 иен (500 - мне, 350 - ему). Я пришёл в ужас от мизера, но он говорит, что больше мы никогда не получим, нет сезона и днём. Поэтому решили спроституироваться и продаться.

Это очень плохо: для поездки в Америку мне необходимо 1700-2000 иен, и при таких грошах я рискую их не наскрести. Надежда ещё на Гонолулу. Но играть за двести пятьдесят рублей - стоило для того становиться знаменитым!

Обедал с японским журналистом в японском ресторане. Устраивал директор Императорского театра с несколько рекламной целью. Книга Отагуро о музыке, обо мне. Это произвело чрезвычайное впечатление на прессу и директор Отагуро отлично осведомлён о русской музыке и мы проразговаривали с ним весь обед (по-английски). Обедали на корточках по-японски. Танцевали гейши и против каждого обедавшего сидели по две молоденьких, нарядных японки. Очень мило.

[15] Последний вагон со специальной площадкой для обзора.

(20 июня) 3 июля

По утрам играю у Высоцких, днём езжу с ними на пляж. Очень жарко. В отеле комфортабельно и хорошо. К брекфесту предлагают шестьдесят два блюда. Вот бы показать нашим бедным, заголодалым петроградцам!

Во Владивостоке чехословаки свергли большевиков. По всей Сибири бои. Очевидно, в России новый переворот. Не идёт ли дело к порядку?

Гессен появился с «Речью» в Берлине. Мне приятно, что он воскрес.

(21 июня) 4 июля

Сегодня день американской свободы, поэтому блестящий праздник в Гранд-Отеле, на который глазели толпы народа, топчась перед отелем, и, глядя на это, американцы уверены, что они справляют свой демократический праздник.

Что касается меня, то я надел фрак и ходил по нарядным террасам и салонам отеля и мне приятно радовали глаз нарядные туалеты и хорошенькие лица. Как ни так, за время войны, а тем паче революции, ни одного такого сборища я не видел в России. Знакомых было довольно много и было даже весело. Одна чёрненькая филиппинка, лет семнадцати, жена какого-то дипломата, мне ужасно понравилась, я познакомился с ней, но увы - никакого успеха!

(22 июня) 5 июля

Начал набрасывать «Жабы», первый статический рассказ. Идеей начала послужил вчерашний праздник.

Вечером разболелся живот, должно быть, я что-то скушал, и по дороге в уборную я потерял сознание. Строк перепугался, что завтра сорвётся концерт, и страшно за мной ухаживал. Был доктор (англичанин в смокинге) и сказал, что это ерунда, здесь случается со всеми, и завтра я смогу играть.

(23 июня) 6 июля

Утром чувствовал себя недурно и с некоторой опаской поехал на концерт. Играл я равнодушно, смотря как на деловое занятие. Народу очень мало (суббота, 1 час 15 дня, жарко), так что хорошо, что мы продались. Публика почти исключительно японская, слушала очень прилично. Аплодисментов немного и исключительно за технические вещи. Диссонансы их нимало не смущали, ибо для японцев, привыкших к совершенно иным звукам, едва ли есть разница между нашим консонансом и нашим диссонансом.

(24 июня) 7 июля

Второй концерт. Народу больше, да ещё директор разослал сто даровых билетов, так что зал выглядел довольно прилично. Слушали тоже чрезвычайно прилично. По просьбе местных музыкантов, «Наваждение», которое им больше всего понравилось, было включено и в этот концерт. Успех имели вещи исключительно технические. Продав концерт, мы выиграли, иначе получили бы со Строком триста.

Вечером писал «Жабы».

(25 июня) 8 июля

Прочёл вечером «Жабы» и нашёл, что сбился с тону. Получилась какая-то

горьковщина, словом, чёрт знает что. Зачеркнул и бросил.

(26 июня) 9 июля

Вечером концерт в Иокогаме, в новом зале Гранд-Отеля. Программа первого в Токио. Вход пять иен. Но цена оказалась настолько высокой, что многие уходили, не купив билета. Народу очень мало (сорок-пятьдесят человек), но слушали с большим интересом. Чистый доход в мою пользу - сорок одна иена. Кроме того, Строк получил письма, что концерты в Кобе, Осаке и третий в Токио состояться не могут.

Вот тебе и две тысячи иен на Америку. Вместо них в кармане восемьсот пятьдесят и ничего в перспективе. Но оставаться и ждать осенние концерты со Строком я не хочу - скучно и узко. Надо обязательно съездить в Нью-Йорк. Однако с такими деньгами и до Нью-Йорка во втором классе не доберёшься. Поэтому я решил ехать в Гонолулу, дать там пару концертов, подкрепиться долларами и - в Нью-Йорк.

На сегодняшнем концерте ко мне подошли четыре русских музыканта, играющих в салонном оркестре отеля, очень почтительно комплиментовали и говорили, что они были в Гонолулу и что там большой голод по серьёзным концертам.

(27 июня) 10 июля

Строк уехал. Когда он пожелал мне «всего лучшего», я ответил: «и прежде всего - лучшего антрепренёра». Он ссылался и на жару, и на отсутствие сезона, и вообще был очень расстроен, что наши концерты прошли так бесславно, ибо у него всё должно быть «только первый класс». Я ответил: «В кои-то веки Бог послал вам настоящего первоклассного артиста, но тут-то вы ничего и не сумели сделать».

Был у старых знакомых Коншиных, которые живут в часе езды от Иокогамы всей своей огромной семьёй. Очень мило провели день. Много весёлых и очень нарядных барышень и дам.

(28 июня) 11 июля

В «Жабах» то, что зачеркнул, написал заново и вышло хорошо. Надо остерегаться в разговорах: конечно, такие типы не могут разговаривать как интеллигентные, но сохрани Бог удариться во всякие «словечки». Надо найти какую-нибудь «психологическую грубость», а никак не стилистическую.

Когда же телеграмма из Нью-Йорка? Деньги с каждым днём уплывают, а задержка за одной этой телеграммой.

Мне очень нравятся японские гейши.

(29 июня) 12 июля

Один англичанин предложил «Бехштейн» и пустую квартиру. По утрам начал ходить играть. Просматривал набросанный материал скрипичной сонаты. Пока как-то отвык от сочинения за роялем и ничего не сделал, но соната может выйти недурная. Первую часть порвал от начала до конца.

Ездил в Токио обедать к маркизу Токугава, молодому, чрезвычайно занятному японцу, очень увлекающемуся европейской музыкой. Мне было интересно посмотреть, какова японская знать, но маркиз совершенно европеизировался, был необычайно мил и прост, так что никакого Востока я не увидел.

(30 июня) 13 июля

У англичанина отличная библиотека модерной музыки. Сегодня я не сочинял, а играл Регера, Роже, Равеля, Метнера. Получил большое удовольствие. Всё, несмотря на модерную славу, очень благозвучно, отлично сделано, приятно, но не глубоко. У меня лучше.

(1) 14 июля

Моя жизнь превращается в сплошное ожидание, когда же я смогу наконец ехать дальше. Отсюда нервное настроение, ничего не хочется делать, а отсюда - скука. Заставляю себя относиться к делу философски и это поразительно влияет на настроение. Ведь в самом деле, от хныкания телеграмма скорее не придёт.

Кончил «Мир как воля». Шопенгауэр, конечно, событие в моей жизни, но с «Миром как воля» я всё же не согласен. Не отрицая его идей, а, наоборот, восхищаясь ими, я всё же не могу считать мир за страдание для меня, но скорее за радость.

(2) 15 июля

Решил начать параллельные хлопоты о визе через американского консула. А то так можно прождать телеграммы Обольского до осени. Пошёл к консулу с неохотой, рисуя его каким-то зверем (столько русских намучилось с этой визой), но старик оказался очень мил и, заставив заполнить опросный лист, послал в Токио в американское посольство. Там были тоже милы, нашли, что Мак-Кормик отличная референция и что я, конечно, получу визу, но горе в том, что сейчас один из двух кабелей оборван и другой так завален телеграммами, что раньше как через три недели едва-ли будет ответ. Взяли с меня семьдесят пять иен за телеграмму, а я уже приготовился на двести. Так что это для меня подарок, весьма полезный по безденежью.

(3) 16 июля

Испанцы Гранадос и Альбенис милы, но пустоваты и порой наивны по своей технике. Дебюсси во вступлении к «Фавну» прелестно-тонок и поэтичен, несмотря на бесконечное переливание из пустого в порожнее. В первых опусах он просто плох.

Вечером бридж и меня обобрали на тридцать одну иену. Не вовремя.

(4) 17 июля

Самым интересным местом для меня сделалось отделение №23 в оффисе отеля, куда кладутся письма на моё имя. И я жду то телеграмму от Обольского, то письма от Токугавы, который, по словам барона Беера, хочет мне сделать какой-то музыкальный заказ. (А это означает иены, чёрт бы взял его).

(5) 18 июля

Русский рубль на предмет интервенции в Сибирь поднялся. Мои оставшиеся три пятисотрублёвки можно продать за триста семьдесят пять иен. Таким образом, моё состояние равно шестистам иенам. Хватит дожить до визы, доехать до Гонолулу во втором классе и там ещё останутся иен двести. Поэтому я насчёт денег более

или менее успокоился.

(6) 19 июля

По приглашению моего англичанина, у которого я продолжал разыгрывать по утрам модерную музыку, отправился с ним в Карцизву, шесть часов езды среди дыма, копоти и жары, в самой середине Нипонии на высоте три тысячи футов. По последней причине там гораздо прохладнее, чем на иокогамской сковородке, и это самое привлекательное. У англичанина (австралийца) снят простенький японский домик с раздвижными стенками и в нём живёт жена музыканта.

(7) 20 июля

Много гулял. Карцизва не блещет красотой, но приятно провести время в настоящей японской деревне. Хозяева милы, очень заняты новой музыкой, но дети орут как проклятые и выводят из себя. Замечательно, что у японцев дети совсем не кричат. Вообще японец - счастливый, всегда улыбающийся и никогда не бранящийся народ, и могли бы быть совсем привлекательны, если бы не были скрытны и хитры.

(9) 22 июля

Вернулся в Иокогаму и, хотя не ждал от почты ничего хорошего, но получил письмо от барона Веера (секретарь русского посольства) с просьбой Токугавы о сочинении, и карточку от Минстера, очень любезного молодого человека, что с сегодняшнего дня для меня комната в Омори, между Токио и Иокогамой, где он живёт со своей очень славной женой в хорошем, по его словам, и страшно дешёвом отеле.

Я рад покинуть Иокогаму, жаркую, дымную и дорогую.

(10) 23 июля

Отель в Омори тих, но не слишком благоустроен. У Минстеров довольно милый кружок французов, живущих в отеле. Сама Mme Минстер, молодая, хорошенькая женщина, по виду своему замечательно милая.

Писал письма. Писал «Преступную страсть». Гулял среди поразительно тщательно обработанных японских полей.

К ожиданию визы отношусь более спокойно.

(11) 24 июля

Прекрасная Ариадна и в этом уголке оставила следы. По саду отеля бродит молчаливый итальянец и насвистывает мотивы из «Бориса Годунова». Это в воспоминаниях русской дамы, в которую он был влюблён, которая играла «Бориса Годунова» и теперь уехала в Америку. Фамилия дамы - Руманова.

(12) 25 июля

Свирский, один из компании отеля, отличный пианист (из ряда самых первоклассных), но во время игры у него делаются спазмы, поэтому он бросил свою музыкальную карьеру, сменив её на игру в теннис.

От моих вещей публика пришла в чрезвычайный восторг, хотя предпочитал

играть им Метнера. Из гавотов, слава Богу, понравился D-dur'ный. Переложил его для фортепиано, а то я до сих пор играл его без всякого переложения.

Свирский: «Дебюсси - это сплошной блуф»(!). Не сплошной, но очень часто.

(13) 26 июля

Я очень доволен пребыванием в Омори. И главное, начал работать: пописываю «Башню» и «Страсть».

Дал Отагуре заметку про Мясковского для японского журнала. Читаю испанский роман. Хоть непосредственная надобность в этом языке миновала, но план выучить его в числе шести языков был давно (седьмой эсперанто?), поэтому более ничем особенным не занимаюсь, буду подчитывать по-испански. Жаль, не достать нигде словаря.

По-видимому, денежный вопрос тоже уладится, так как переписка с Токугавой через барона Беера идёт к концу. Я запросил пятьсот иен за пьесу. Думаю, для японца это много, как он богат ни будь.

(14) 27 июля

Меня всегда очень расстраивает, когда я вспоминаю маму и представляю, как она томится обо мне без известий. А с чехословацкой войной их, наверно, нет у неё и не скоро будут. Но я должен был уехать, иначе я себя похоронил бы в гроб, да и неизвестно, на какие деньги мы жили бы с осени. Единственное утешение, что если Кавказ действительно занят немцами или под непосредственной угрозой занятия, то мама сама радуется, что меня нет.

(15) 28 июля

Поехал в МиаHошиту: во-первых, очень красивое горное место, во-вторых, всего два часа езды, в третьих - я обещал Токугаве навестить его, да и надо кончить с заказом пьесы. Хотя я, вероятно, вывернусь и без его денег, но всё же присутствие их сделает мне огромную разницу.

Миaношиту - очень красивьй уголок с нарядным отелем. Встретил русскую компанию и с ними разъезжал в автобусе по окрестностям. Токугаву не застал и видел его пять минут, садясь в обратный автомобиль. Он обещал приехать ко мне в Омори, но про заказ ни слова. А между тем ему, после переговоров через посольство, отступать назад из-за иен просто стыдно.

(16) 29 июля

Был в Токио в американском посольстве. Очень любезны, но визы ещё нет, хотя второй кабель починили.

Испанский роман одолел, начну его же с начала. Взялся опять за книжку о Вавилоне. Поразительно интересно.

(17) 30 июля

Писал «Блуждающую башню». Кажется, на днях кончу. Я к ней было остыл, но книжка о Вавилоне вернула симпатии.

Вечером много беседовал с удивительно милой и всем интересующейся Mme Минстер (Фроська-сан, по прозвищу её друзей). Я вынес о ней очаровательное впечатление, она обо мне, вероятно, что я умный и крайне неприятный человек.

(18) 31 июля

Из американского посольства звонок по телефону и сообщение, что получено разрешение дать мне визу. Я в бешеном восторге помчался наверх сообщить об этом Минстерам и Свирскому, и сейчас же уехал в Токио в американское посольство. Там с меня взяли двадцать восемь дополнительных иен (так как телеграмма шла не более не менее, как через Европу) и с замечательным конвертом послали к американскому консулу в Иокогаму, который дал визу в пять минут. У него же встретил представителя от «Кука», который сказал, что на послезавтра есть билет на Гонолулу. Дал ему задаток, и через день меня не будет в Японии.

Но Токугава? Но деньги? Не лучше ли дождаться заказа и ехать без заезда в Гонолулу? Но если, тем не менее, заказа не последует? Нет, чем скорее ехать - тем лучше. Поэтому я сделал прощальные визиты и навестил Косато.

(19 июля) 1 августа

Сделал прощальный визит в русское посольство. Барон Беер посоветовал послать Токугаве телеграмму о моём отъезде. Я сказал, что совсем не хочу навязывать себя, но барон Беер объяснил, что это вопрос просто вежливости - сообщить о своём отъезде, так как Токугава очень хотел иметь от меня музыку. Послал.

Днём в Омори играл в бридж. Все завидуют моему отъезду и праздничное настроение.

Вечером укладывал вещи. Фрося-сан часто заходила ко мне, оказывала массу внимания и была ужасно мила.

(20 июля) 2 августа

В четыре часа ночи лёгкое землетрясение, но не такое страшное и, если так можно выразиться, более изящное, чем в Кисловодске. Приятное колебание длилось секунд пять.

С Токугавой говорил по телефону. Он чрезвычайно расстроен, что не успел получить моей музыки, хотел переписываться со мной. Ну его к чёрту, так и следовало ожидать, что ничего не выйдет. В добавок мои последние полторы тысячи рублей разменяли не за триста семьдесят пять иен, как я помнил, а за триста. Результат: после покупки билета в кармане семьдесят три доллара на Гонолулу. Я злился. Минстеры провожали меня в Иокогаме и, когда я, смеясь, сказал ему, что уезжаю с семьюдесятью тремя долларами и жемчужной булавкой, он привязался, чтобы я взял у него сто долларов, пять больших золотых монет, которые сейчас ему ни к чему. Я не хотел брать, особенно золотые, которые теперь нигде не достанешь, но он был так мил и так настаивал, что сейчас я ломаюсь из-за тонкостей, а в Гонолулу могут пригодиться - поэтому я взял, пообещав прислать ему золотом же.

И, надо сказать, что, сев на пароход, я был крайне доволен, что у меня есть эти пять золотых.

У меня оказалась отдельная каюта, хотя и второй класс.

Я, улёгшись в chaise-longue, даже не заметил, как мы тихо-тихо отчалили от берега. Пароход «Гротиус», довольно большой, голландский, 8000 тонн, на пути с Явы в Сан-Франциско. Весь вечер мы шли в виду берегов.

Ночью спал хорошо и, выйдя в четыре часа утра, перед самым рассветом, на палубу, видел поразительное зрелище: на посветлевшем небе, на котором уже исчезли звёзды, горели рядом: Луна на ущербе, Юпитер и яркая-яркая Венера.

(21 июля) 3 августа

Итак, первый день океана.

Вода тёмно-синяя, как синька. Пароход идёт с небольшим покачиванием, что сильно заметно у нас на корме, во втором классе. Я не решился на breakfast, так как слегка мутило. Завтракал на палубе в моём chaise-longue. После завтрака погулял, почувствовал себя скверно и «метнул икру». Затем заснул тут-же в кресле и после чувствовал себя прилично, хотя предпочёл оставаться в кресле.

Сегодня в машине парохода сделали какую-то поправку и мы увеличили ход с двенадцати с половиной узлов до четырнадцати с половиной.

(22 июля) 4 августа

Спал хорошо, убаюкиваемый качанием. В четыре часа ночи выходил смотреть на Венеру, но небо в тучах.

Утром океан стальной и небо в облаках. Качает сильнее, но в ленивых движениях. Однако я чувствую себя лучше вчерашнего, иногда гуляю по пароходу, но из осторожности предпочитаю сидеть в chaise-longue. В каюте определённо скверно, особенно когда рядом раздаётся шумное метание икры. Решился спуститься завтракать в столовую, но обедал наверху.

Читал «Tristan et Iseut», очень поэтичное изложение этой легенды по-французски. Книжку дала Фрося-сан, взяв с меня слово, что я прочту её в первые же дни пути.

(23 июля) 5 августа

Так как ночью было страшно душно, то в четыре часа вышел на палубу. Венера пряталась за тучи, но зато рассвет был прекрасен. Затем спал на палубе в chaise- longue.

Сегодня - солнце и океан спокойный. Чувствую себя хорошо - привык.

Закончил (в голове) «Блуждающую башню», у которой была первая половина и был конец, но не выходили подробности в середине.

Прочёл «Тристана» и взялся за Тэна, которого дала тоже Фроська-сан.

(24 июля) 6 августа

Сегодня проспал и восход, и еле не проспал breakfast. Качки почти нет. Все выползли на палубу. Океан яркий, тёмно-голубой с тысячами блестящих серебряных бликов, играющих на солнце.

Чувствую себя отлично.

Читаю Тэна, живую, блестяще написанную книгу об искусстве. Историю искусства я должен усвоить в первую очередь. В этом отношении мои знания слишком скудны, и это непростительный пробел.

(25 июля) 7 августа

Сегодня опять качка и серое небо. Я переношу качку почти незаметно, но всё же читается хуже, чем при спокойном море. До сих пор пароход шёл всё время на восток, теперь, наконец, повернул немного на юг. Пора, а то серо, ветрено и прохладно, и мне продуло руку.

Отвратительно ломило весь вечер, и на ночь я принял аспирин.

(26 июля) 8 августа

Рука прошла. Погода тоже разгулялась. Тепло, синё и спокойно.

Разносил в шахматы добрых голландцев. Они играют серьёзно, медлительно, осторожно, но, в конечном результате, плохо.

Кончил «Блуждающую башню». Собственно конец был написан ещё в Омори, но не сомкнуты многие места в середине. Таким образом, семь рассказов как раз за год моей «писательской» деятельности. Плюс две половинки («Жабы» и «Преступная страсть»), итого восемь.

Если буду писать так в течение сорока лет, то триста двадцать рассказов. Солидный писатель.

(27 июля) 9 августа

Океан синий. Путешествие несколько однообразное. Читаю Тэна. Сочинять ничего не сочиняю: нет средоточия, да и голландцы свистят во всех углах. Наблюдаю звёзды, и любопытно видеть Марса вблизи Антареса: самую красную планету и самую красную звезду. Кто ярче и кто краснее, решить не могу, но Антарес живёт, а Марс лишь отражение.

(27 июля) 9 августа «бис»

Сегодня замечательное событие: вторая пятница на неделе: так как мы, движась на восток, каждый день переводим часы на полчаса вперёд и имеем сутки в двадцать три с половиной часа, то накопили лишний день, который присчитывается при пересечении 180-го меридиана.

Из Гонолулу по беспроволочному телеграфу ряд телеграмм, между прочим, что Россия объявила войну Англии. Это произвело сенсацию на пароходе. Добрые голландцы, окружив меня и ещё пару русских, расспрашивали, что может означать эта война и не арестуют ли нас при сходе с парохода на американскую территорию. Мы объяснили, что идея такой войны может быть только в классовой борьбе, а не в борьбе национальностей. Позднее выяснилось, что это известия на основании сведений из Берлина, а потому, вероятно, провокация.

(28 июля) 10 августа

Сегодня опять беспроволочный телеграф. Советское правительство объявило войну всем союзникам, но объяснило, что война оборонительного свойства. Т.е. попросту против назревающей интервенции. Однако же, это неприятная история, хотя американцы делают отчётливое различие между русскими и большевиками. Но всё же это событие может причинить всякие неприятности в Америке. А вдруг ещё не впустят в Гонолулу? Впрочем, не думаю.

Красный Марс каждый день меняет своё положение. Наблюдаю его движение. Скорпион уже высоко в небе, обещая много новых южных звёзд, но нижняя часть неба всегда задёрнута тучей.

(29 июля) 11 августа

Путешествие приобретает несколько монотонный характер, хотя прямой скуки нет. Спасают Тэн и «Вавилон», да иногда шахматные партии с голландцами (результат: +13 из тринадцати).

Состояние духа не совсем спокойное и всё же неизвестно, что готовит Америка

в связи с объявлением войны Советским правительством, а также с тем, что в Америке начали призывать всех, даже иностранцев.

Прочитываю кавказские заметки в этом дневнике. И как несбыточно казалось тогда очутиться в синих водах у берегов Сандвичевых островов!

(30 июля) 12 августа

Путешествие оживилось: завтра с рассветом Гонолулу. В одиннадцать часов дня пересекли тропик Рака, но не похоже, что мы в тропиках: сильный северный ветер и облачное небо. В два часа на горизонте показались туманные очертания первых двух маленьких островов, в пять часов большой остров, переливавший красными и зелёными тонами в лучах заходящего солнца. Облака отбрасывали на него тени, испещряя его красивыми пятнами. Этот остров мы огибали весь вечер. От него до Гонолулу сто миль.

Беспроволочный телеграф сообщает, что Ленин и Троцкий под давлением контрреволюционных сил бежали в Кронштадт. Пароходная публика острит, что после утомительной работы по объявлению войны союзникам, они отправились на морское купание.

(31 июля) 13 августа

В шесть часов утра подошли к Гонолулу, которая пряталась в утренней дымке. Юркие моторные лодки с американскими флагами окружили пароход, привезя доктора для осмотра пассажиров, чиновников для допроса и пр. В восемь часов формальности были кончены, и я с моими чемоданами спустился в таможню. После поверхностного осмотра, где, впрочем, едва не отобрали мои рекомендательные письма, чиновник (по-видимому, русский еврей), узнав от меня зачем и насколько я сюда еду, сказал: «Мой совет - уезжайте с этим же пароходом, иначе и к ноябрю не уедете. Здесь сотни богатых людей ждут очереди на пароход и ничего не могут сделать. Пассажирские пароходы взяты на войну».

Это меня встревожило. Остаться здесь до ноября не входило в мои планы. Зайдя к «Куку», я узнал, что, действительно, на следующий пароход (через двенадцать дней), на котором может быть мест пять-шесть свободных (из Иокогамы в Сан- Франциско), записано сто двадцать человек-кандидатов. Я вернулся на пароход и упросил капитана взять меня в Сан-Франциско. Моя каюта оказалась уже проданной, но капитан был мил и нашёл мне какую-то узкую койку. Итак, через семь часов пароход уходит дальше. А жаль.

Adams, к которому я зашёл спросить про концерты, сказал, что пару можно устроить и могло бы остаться долларов четыреста. Немного, но при теперешнем моём состоянии - колоссально. А теперь, после доплаты до Сан-Франциско, в кармане сто долларов (золотых, минстеровских). Хватит ли доехать до Нью-Йорка? И Элеонорина булавка.

В очень плохом настроении я отправился по Гонолулу, вспоминая Полину и мои прошлогодние планы провести с ней в Гонолулу лето. Сквозь дождь, промочивший меня до костей, проглядывало удивительное обаяние этого острова. Когда же засияло солнце и я пришёл в Вайкики-бич, купальную окрестность Гонолулу, то я остановился совершенно очарованным: это был такой свет, такие краски, такая радость, что я ничего подобного не представлял, когда мечтал о Гонолулу. Целые деревья были засыпаны красными, розовыми, лиловыми и жёлтыми цветами. До самого отхода парохода я бродил и ездил между пальмами, цветущими деревьями и хорошенькими виллами, прячущимися между ними. Я забыл и об отсутствии денег, и только жалел, что через несколько часов надо покинуть

этот дивный рай. Да, воспоминание о Полине во многом стёрлось, но провести здесь лето в маленькой дачке среди цветов и лучей, это было бы упоительно. Со связкой тропических фруктов я вернулся на пароход под восклицания пассажиров, видевших, как я выгрузился вон. Когда пароход отчаливал, на душе была и радость от встречи с чем-то удивительно прекрасным, и печаль расставания. Точно я покидал любимую женщину. Но мы ещё увидимся, милое Гонолулу!

(1) 14 августа

Итак, снова путь. Я всё под впечатлением Гонолулу и чувствую себя на пароходе инородным телом. Как хорошо было задумано и как хорошо выходило: и два концерта, и доллары, и две недели в лучшем в мире уголке - и вдруг такое препятствие: нет пароходов между Гонолулу и материком. Кто мог бы подумать?

Говорят, железнодорожный тариф повышен на 30% и билет до Нью-Йорка гораздо дороже ста долларов. А у меня сто. Я согласен на третий класс, но его нет. Неужели булавка?

(2) 15 августа

Неизвестно почему, настроение довольно хорошее. Гонолулу остаётся позади, обаятельным видением, а я вхожу в пароходную жизнь. Читаю «Сравнительное изучение картин» Фолля. Приходят в голову темы для скрипичной сонаты. Океан тихий, солнечный и синий. Но, увы, мы уходим на север. Прощай тропик, прощайте южные звёзды.

Объявление о предъявлении в Сан-Франциско всех писем и рукописей, которые имеются, для цензуры. Неужели мои рассказы будут тоже цензуровать?! Тогда американские цензоры будут первыми, которые прочтут их.

(3) 16 августа

Все на пароходе начинают взвывать от долгого пути. И только одни проклятые филиппинцы не унывают и свищут как черти во всех уголках. Это мешает сочинять темы, которые понемногу приходят в голову. Сегодня - побочная партия для белого квартета.

Беспроволочный телеграф сообщил, что англичане заняли из Персии Баку.

(4) 17 августа

Последний пароходный анекдот: одну смуглую двенадцатилетнюю девочку из нашего первого класса свели в Гонолулу в аквариум (действительно, замечательное учреждение с рыбами удивительных форм и красок и с несколькими осьминогами). Вернувшись на пароход, она во всеуслышание заявила: «А вот когда папа с мамой делают осьминога, то их не разнимешь». Мать сконфузилась и убежала в каюту. Неожиданный результат от посещения аквариума.

Вечером был бал, но я на нём отсутствовал.

(5) 18 августа

Инженер Кучерявый, очень милый человек, везущий в Америку Скляревского, дал мне совет перевести на английский язык несколько статей обо мне. Я взял статью Каратыгина и, вооружившись словарём, терпением и желанием, принялся за перевод. После нескольких недель безделия занимался с большим удовольствием.

(6) 19 августа

Статья огромная и написана таким витиеватым слогом, что не знаешь иной раз, как перевести даже со словарём. Но преодоление этих трудностей очень занимает меня и я сижу весь день.

Погода совсем холодная. Дали тёплые одеяла. Это холодное течение от Берингова пролива к Сан-Франциско. Его же остатки, сворачивая на запад и достигая Сандвичевых островов, умеряют их жару и делают климат таким мягким.

(7) 20 августа

Проснулся с головной болью. Вчера продуло. В соединении с довольно сильной качкой это было неприятно. Принял фенацетин и лежал.

Этот день, последний в путешествии, для занятий пропал, и третью часть каратыгинской статьи не перевёл. Но довольно и того, что успел сделать.

(8) 21 августа

В шесть часов я вышел на палубу, потому что пароход уже стоял.

Мы были окутаны густым туманом, но говорили, что незадолго перед тем были видны со всех сторон горы, потому что мы находились уже в заливе Сан-Франциско. К нам уже подъезжали ловкие пароходики под американским флагом и начинался медицинский осмотр пассажиров и полицейский допрос. По мере того, как туман рассеивался, выплывали красивые очертания бухты. Откуда-то доносился звон, но это был не церковный, а сигнальный, по случаю тумана. Я думал, что, конечно, здесь не надо искать ни пейзажей, ни замков, ни легенд. Это страна великолепного комфорта, золотых долларов и безупречного all right. Полицейским допросом морили пассажиров несколько часов и в результате двадцать человек на берег не пустили, среди них - всех приехавших из России (за исключением уже бывших в Америке) и среди них - меня. Мы должны были выдержать ещё один допрос, показать письма, бумаги и прочее. Из России боялись немецких шпионов и большевиков.

- Что это?
- Ноты.
- Вы сами их написали?
- Сам, на пароходе.
- А вы их можете сыграть?
- Могу.
- Сыграйте.

Играю на пианино, которое тут же в гостиной парохода, тему скрипичной сонаты без аккомпанемента. Не нравится.

- А вы Шопена можете сыграть?
- Что вы хотите?
- «Похоронный марш».

Играю четыре такта. Чиновник, видимо, наслаждается.

- Очень хорошо, - говорит он с чувством.
- А вы знаете, на чью смерть он написан? - спрашиваю.
- Нет.
- На смерть собаки.

Человек неодобрительно качает головой.

Перерыв все мои сочинения, но не найдя среди них писем, чиновник заявил, что хотя нам всем придётся съездить на остров, но вероятно через час меня

отпустят. Остров, это звучало неприятно, так как мы его видели при въезде в бухту: он мал, скалист, красив и весь застроен тюрьмами. В результате заявили, что теперь четыре часа, присутствие на острове закрылось и нас повезут туда завтра утром, а пока мы должны ночевать на пароходе. Уныло мы слонялись по опустевшей палубе парохода и восклицали: «Скучный город Сан-Франциско!»

Вечером пассажиры просили меня играть и, хотя я всегда отказывался, в этот вечер я играл, и с большим удивлением, целых два часа. Пассажиры, оказавшиеся большими ценителями музыки, были в дичайшем восторге, чествовали меня шампанским и вечер прошёл очень оживлённо. «Мы рады теперь, что нас задержали на пароходе», - говорили они. А один богатый еврей просил осторожно передать мне, что если у меня случились бы какие затруднения или надобность в деньгах, чтобы я отправился прямо к нему.

(9) 22 августа

Утром нас посадили на катер и весь «пикник» поехал на остров. По счастью, это оказался не тюремный остров, а соседний с ним Angel Island, где находилась «Эмиграционная станция». Я, конечно, злился на всю эту историю, но вспомнив моё правило - во что бы то ни стало не портить себе настроение во время дорожных неприятностей, а потому старался сохранять его. Когда мы выгрузились на острове, я, смеясь, сказал - почему же нет для нас конвоя с пулемётами? - но нас провели в здание и поместили в комнату за решётку. Хотя дверь за решётку деликатно оставили приоткрытой, но всё же впечатление было пренеприятное. Особенно же неприятен был фотоаппарат, которым, очевидно, запечатлевали лица приведённых сюда. Я высказал предположение, что у нас ещё будут снимать отпечатки рук и ног. Дело принимало весьма отвратительный оборот. Всех «каторжников» нас было двадцать человек: три голландца, заподозренных в сношении с германскими фирмами; четыре богатых еврея; еврейская семья из бедных румын, не имевших достаточно денег для права въезда в Соединённые Штаты; один чех с австрийским паспортом; грек; итальянская чета Vernetta, едущих из Одессы в Италию; я и пять китайцев. Допрос начали только в одиннадцать, а в двенадцать чиновники уже пошли завтракать, прокушав до часу. Первых увели спрашивать четырёх богатых евреев, которых промучили три часа и дали свободу. Затем отпустили после допроса семью румынских евреев, а голландскую чету задержали до выяснения и интернировали на острове. А в четыре часа объявили, что присутствие окончено, что мы будем ночевать здесь же на острове, в госпитале, а допрос будет завтра. Тут я разозлился совсем: эти черти работают четыре часа в день, а мы сиди и жди третьи сутки. Выйдя в вестибюль, я им крикнул по-английски: такие беспорядки - срам для Америки! Но они невозмутимо ответили «all right» и уехали в город, так как на острове они не ночевали. Нам разрешили гулять перед зданием, причём один из пленных здесь чехов рассказал, что он сидит здесь из-за своих потерянных бумаг уже третий месяц и завтра наконец будет освобождён. Здесь перебывали все: и английский полковник, и французский консул из Южной Америки с шестью детьми. Все возмущались, мужчины кричали и ругались, дамы рыдали, им отвечали «all right» и дня через три отпускали. Учреждение спокойное, деликатное, устроенное для контроля китайцев и японцев и совершенно не привыкшее к обхождению с европейцами, которых сюда стали таскать лишь с объявлением войны. Обижаться нечего, а надо терпеливо высидеть эти дни, тем более, что с вами вежливы, кормят ничего, ночью дают чистое бельё, а вечером позволяют гулять по скверу, усаженному пальмами и цветами. Чех нас очень успокоил. С Mr. Vernetta мы недурно спали в неимеющем больных госпитале. Вечером перед окном нам показался слон. Ночью он кричал.

(10) 23 августа

Разбудили в шесть. Зачем? Всё равно весь день слоняться из угла в угол, а чиновники начнут допрос только в одиннадцать.

Вчерашний слон оказался тряпками, а его крик - сиреной по случаю тумана. Утром в прохладном воздухе чувствовалось дыхание осени, и было жалко, что приходит зима. Чиновники приплыли в полдесятого и начали допрос в десять, на час раньше, чем вчера. Допросили третьего голландца, грека и чеха. Первых двух отпустили, а чеха интернировали до выяснения. Китайцев ещё вчера убрали в отделение для цветнокожих, где, как говорили, сидело до сорока национальностей азиатских и австралийских народов. Остались Вернетты и я. Я приготовился послать телеграмму Мак-Кормику, что арестован без объяснения причин и прошу о содействии. Завтра суббота - чиновники приезжают на два часа и в полдень уезжают до понедельника. Это становилось невыносимо. Кроме того, газеты сообщали, что большевики, объявив войну всем союзникам, арестовали многих американцев в Москве и Петрограде, а потому здесь, как ответ, могли держать русских сколько угодно. Но тут мне сделали объяснение, с которого следовало начать: допрос здесь производится от того так медленно, что они не получают резолюции от морской контрразведки, делавшей нам допрос на пароходе. Без неё они не могут начать свой допрос. Резолюция обо мне наконец получена сегодня, завтра утром они меня опросят, и если я удовлетворю их по всем пунктам, то отпустят. Я решил, что резолюция обо мне задержана от того, что там разбирались в моих многочисленных бумагах, письмах и рукописях, отобранных на пароходе для просмотра, и стал ждать завтрашнего дня. Вернетты очень удручались своим собственным положением. «Что же это за союзники, которые нас арестовали!» - восклицали они. Я их утешал.

(11) 24 августа

Утром мы несколько волновались: если сегодня во время двухчасового присутствия нас не допросят, то на два дня остров замирал и наш арест затягивался на неопределённое время, а пребывание на этом, хотя и красивом, острове, среди многих пленённых немцев и венгров, державших себя нахально, было неприятно, не говоря уж о неопределённости положения. Единственное утешение - темы для «белого» квартета, которые приходили в голову.

Но в десять меня вызвали и подвергли часовому допросу. Спрашивали массу нужных и ненужных вещей, но некоторые вопросы были прямо шедевры:

- Сочувствуете ли вы в войне союзникам?
- Сочувствую.
- Сочувствуете ли вы большевикам?
- Нет.
- Почему?
- Потому что они взяли мои деньги.
- Бывали ли вы на их митингах?
- Бывал.
- Хорошо ли они говорят?
- Хорошо, но не логично.
- Где ваш отец?
- В могиле.
- Был ли он на войне?
- Нет.
- Почему?

- Потому что умер.
- Состоите ли вы членом какого-нибудь общества?
- Петроградского Шахматного общества.
- Политической партии?
- Нет.
- Почему?
- Потому что я считаю, что артист должен быть вне политики.
- Признаёте ли вы многоженство?
- Я не имею ни одной.
- Сидели ли вы в тюрьме?
- В вашей. Etc.

Конечно, эти вопросы были разбросаны среди кучи других на протяжении целого часа. Долго придирались насчёт того, почему у меня только сто долларов и наконец отпустили на волю.

Вернеттов допросили вослед и в двенадцать часов мы отплыли в Сан-Франциско. На этом же пароходе возвращались чиновники, полчаса назад допрашивавшие меня. Теперь они были милы и предлагали папиросу, но мне были так противны их рожи, что я ушёл на палубу. Уф! И как приятно было, с возвращённой нам свободой, сесть в мягкий автомобиль и отправиться в Plaza Hotel. У самого входа нас ожидал Николай Титович Кучерявый, который хлопотал за нас у русского и итальянского консулов и знал, что нас отпустят сегодня в двенадцать. Русский консул, оказывается, знал моё имя и принял большое участие в моей деливрации[16].

Затем мы выбрились, переоделись и, сангвинически рассказывая о происшедшем, пошли обедать. Хотя Сан-Франциско не Нью-Йорк и не Чикаго, но всё же он поражал своим оживлением, благоустройством и, главное, удивительным богатством: магазины ломятся от превосходных вещей и, очевидно, доллары текут рекой. Когда вечером мы ужинали в кафе, то посреди кафе посетители танцевали уанстеп - масса изящных барышень и вполне благовидных джентльменов, - а ведь всё это были продавщицы, приказчики, мастеровые. И средний класс живёт здесь в довольстве.

(12) 25 августа

Был с Vernetta'ми в католической церкви. Мне очень понравилось католическое богослужение, которое я слышу в первый раз. Очень хорошо тихое прелюдирование органа и декламация священника на этом фоне.

Днём, на общественном автомобиле ездили по окрестностям Сан-Франциско. Окрестности очень красивы, а благоустройство, довольство и богатство (всех классов общества) так и улыбается со всех сторон.

Образовавшаяся компания: Vemett'ы, Кучерявые и я - всё время проводили вместе. Надо сказать, все они (и я) были большими любителями поесть, поэтому просмаковали значительное количество крабов, бифштексов, клубники и других приятных вещей.

(13) 26 августа

Заказали билеты в Нью-Йорк для всей компании. По совету Кучерявого - через Ванкувер, Канаду, Чикаго. Это не дороже, но крюк. Зато увидим Калифорнию и скалистую Канаду. Я очень рад заглянуть в Канаду и посмотреть, какова знаменитая Калифорния, хотя наиболее красочная часть её - к югу от Сан-Франциско и,

[16] Освобождение, выдача, от deliverance (англ).

следовательно, вне нашего пути.

Разыскал Зеликмана, моего конкурента на Рубинштейновскую премию. Перед отъездом из Петрограда Николаев, его профессор, с гордостью сказал, что Зеликман в Сан-Франциско и у него школа, и мне даже было как-то завидно, что мы тут дохнем под ударами междоусобиц, а есть же люди, которые умеют пристроиться! Теперь, зайдя к нему, я нашёл не школу, а маленькую комнатку, где он преподавал. Он меня встретил радостно, а через десять минут уже тряс руки и называл Серёженькой. Собственно говоря, можно было ждать, что он меня встретит и кисло. По-видимому, он живёт здесь ничего, но особенно не развернулся. Дал за два года два концерта «с блестящим успехом», но на этом почему-то и замкнулся. Жизнь изменила его. Он перестал быть заносчивым, держал себя скромно, предсказывал мне в Нью-Йорке блестящий успех и сам (уже два года) собирался отправиться туда. Для себя я узнал от него приятные вещи: во-первых, русские музыканты в спросе и большевизм не бросил тени на русское искусство; во-вторых, русских, не имеющих «первых бумаг», т.е. бумаг, знаменующих первый шаг к американскому подданству, под знамёна не берут; в-третьих, Альтшуллер, Джонс и Стейнвей, к которым я имею письма, действительно влиятельные музикусы.

Ариадна здесь. Я уже слышал о ней на острове. Приехав, она дала интервью, что она вовсе не дочка Романова. А вскоре выступит в одном из больших театров- варьете. Неожиданно и не особенно блестящий конец всего триумфального шествия.

(14) 27 августа

Поездка в превосходном, мягком автомобиле по широко раскинувшемуся гористому Сан-Франциско. Инженер Кучерявый, который питает ко мне чрезвычайную нежность и уверенность в моих американских успехах, взял меня под руку и сказал, что дела его, по которым он прибыл в Америку, идут отлично, что по приезде в Нью-Йорк он получит пятнадцать тысяч долларов и рад со мной «поделиться», так что я не должен беспокоиться о том, что у меня не хватит денег до Нью-Йорка, а приехавши в Нью-Йорк, не торопиться с заключением первого попавшегося контракта. Мило, на дорогу до Нью-Йорка я рассчитывал, а на такую любезность и не гадал.

(15) 28 августа

Получил, наконец, мои письма и бумаги из таможни. Я их честно отдал на пароходе, целый портфель. Теперь пришлось побыть в девяти местах: из одного посылали в другое. Когда же из девятого послали в первое, я рассердился. Вместо меня они послали чиновника и тот принёс весь портфель с аккуратно разобранными и перевязанными письмами и рассказами (!). Значит, всё прочли. Но отобрали лишь одну постальку с видом на Гонолулу. Подумаешь, как умно!

Был в кинематографе. Постановка блестящая. Фабула бедная и нестерпимая в своей наивной назидательности. Да ещё неловко приклеенный «патриотический» конец.

(16) 29 августа

В десять часов утра отправились в далёкий круговой путь в Нью-Йорк. Для начала двое с половиной суток на север, в Ванкувер. Американские вагоны совсем на других принципах, чем вагоны иных стран: ужасно просторные и самые удобные

из всех, за исключением, пожалуй, русских, когда в России постараются. Но они, проклятые, железные и так как сегодня вдруг завернуло 40°R, то они превратились в железную печку. Это было главным впечатлением дня. Ландшафты были плоские, малоинтересные, скорость поезда приличная, но без излишней торопливости.

(17) 30 августа

Лучшую часть северной Калифорнии, к сожалению, проехали ночью. Mme Vernetta просыпалась ночью и глядела в окно, говорит, что при лунном освещении это было замечательно красиво. Но я, на моём широком ложе, задёрнутый зелёными занавесками, проспал. Американки держат себя свободнее, заговаривают с мужчинами. Дарили и мне улыбки и просили чинить карандаши. Я был любезен, но сух и держал тон. Штат Орегон, который мы пересекали днём, красив, из просторного observation-car'a видны были леса, реки, горы.

Подъезжая к Новороссийску, видишь похожие ландшафты.

(18) 31 августа

Опоздали ровно на одиннадцать часов. Причина: сгоревший мост, который чинили. Вечер провели в Сиэтле, молодом, быстро разросшемся городе, главном тихоокеанском порту для северной части Соединённых Штатов. Расширению его мешала гора - так американцы просто срыли её к чёрту до основания. Когда в полночь мы садились на пароход, чтобы плыть среди островов в Канаду (десять часов пути), то нам вдруг снова закатили допрос в таможне. Допрос мог бы затянуться на долгий срок, но капитан парохода заявил, что он не желает дольше ждать. Поэтому нам сказали «all right» и отпустили. Бегом волоча многочисленные вещи (не у меня, но у Vernett'ов и Кучерявых), мы еле-еле поспели взобраться на пароход. Кучерявый и я отнеслись к допросу равнодушно, даже одобрительно, но Вернетты обиделись и Mme плакала.

(19 августа) 1 сентября

Приятный и комфортабельный пароход привёз нас утром в канадский порт Ванкувер. Всю ночь мы шли между островами того же названия и материком, минуя прелестные берега. Жаль, что не днём. Ванкувер, по своей внешности и по складу жизни, напомнил Англию. Я не думал, что английские владения в Америке могут так отличаться от Соединённых Штатов. Особенно это бросалось в глаза по случаю воскресения, когда во всяком английском городе жизнь вымирает. Ездят по левой стороне, больше чинности, пахнет патриархальностью, меньше небоскрёбов и кипучести на улицах. Мы нашли Скляревского, которого вывез из России Кучерявый, но который не мог получить визы США и потому приехал в Канаду. Он уже получил ангажемент на тридцать концертов по Канаде. Это хороший симптом, хотя я, конечно, не согласился бы вертеться по маленьким канадским городам. Днём, по обыкновению, ездили на автомобиле, осматривая город и красивые окрестности.

В восемь часов отбыли в Нью-Йорк в знаменитом Canadian Pacific экспрессе, популярность которого достигла России. Я был чрезвычайно доволен, что еду в этом превосходном поезде.

Моролёву в Никополь:

«Известно ли Вам, сударь, где такой остров Ванкувер? О нет, сударь, Вам неизвестно, где он. Так вот, из зелёных папоротников этого острова я бью Вам мой поклон. С.П.».

(20 августа) 2 сентября

Сегодня самый живописный день поездки через Америку: с утра до вечера мы поднимались на Скалистые горы. Сзади поезда прицепили observation car - простой и остроумный: огороженная платформа с диванами. Идеально видно во все четыре стороны, а на поворотах перед глазами весь поезд. Со всех сторон высокие, скалистые и густо поросшие хвоей горы. Мы шли по берегу реки, перебрасываясь то на одну, то на другую сторону и иногда ныряя в туннели. В конце концов мне попало в глаз и пришлось уйти внутрь.

Газеты сообщают об убийстве Ленина. Это человек, сыгравший большую роль в мировой истории. Он принёс много зла для России, но ведь с точки зрения социализма, нет России или Германии, а есть Интернационал. Хотя я считаю социализм, в конечной точке его стремления, нелепостью, так как сама природа исключает понятие о равенстве, но всегда оцениваю благородство его идеи. Ленин для социализма принёс огромный вред, скомпрометировав идеи социализма в глазах многих. Но если бы когда-либо суждено было социализму воцариться на земле, то Ленина оценят как человека, предвосхитившего многое - и поставят ему памятник.

(21 августа) 3 сентября

Проснувшись утром на широкой, удобной постели американского вагона и выглянув в окно, я увидел ровную степь, как в Екатеринославской губернии. Поезд, с ровной скоростью вёрст под шестьдесят, бежал без перемены ландшафта целый день. К полуночи - граница Канады и США. Я, и особенно Вернетты, несколько боялись, что опять будут какие-нибудь препятствия, тем более, что у меня больше не было визы, которую сняли в Сан-Франциско, как больше не нужную. Но мы ведь ехали теперь из США в США через Канаду транзитом, поэтому чиновник задал мне несколько невинных вопросов, поговорил со мной по-русски, так как он был русский, и мы въехали в США.

Ленин, по газетам, жив.

(22 августа) 4 сентября

США - и поезд пошёл оживлённей. Ближе к востоку - и ландшафт стал красивее: группы деревьев, а к вечеру целые леса.

Занимался переводами статей на английский.

Настроение хорошее. Я у свершения задуманного в Кисловодске плана: я в Америке. План был нелёгкий, но я неуклонно восемь месяцев шёл к цели - и пришёл! Теперь начинается вторая стадия: надо победить эту Америку. И предчувствия хорошие.

(23 августа) 5 сентября

Чикаго. Давно какой-то мифический для меня город. «Это уж когда вы будете дирижёром в Чикаго...» - иронически говорил Черепнин в дирижёрском классе. Я ожидал от Чикаго ошеломляющего движения. Оно и было, но город мне показался каким-то тесным, да и некрасивых, закопчёных домов было немало. Я гулял мимо ослепительных магазинов, но мои доллары кончились и магазины были для меня безопасны: в кармане двадцать центов и больше ничего, если не считать ста долларов долга Минстеру и ста - Кучерявому.

Всей компанией мы ездили в автобусе по Чикаго и по паркам, окружающим длинной цепью весь город на три часа автомобильной езды. Парки хороши, но я

уже насмотрелся на американские парки. Они были приятны, но более не поражали. Я хотел повидать нашего Ауэра, который со страшной рекламой был приглашён в здешнюю консерваторию, и заходил в неё, но Ауэр ещё не прибыл. Помещение консерватории очень элегантно, но совсем крошечное по сравнению с нашей. Звонил я через Кучерявого к Мак-Кормику, но он через секретаршу извинился, что, уезжая в Нью-Йорк, занят по горло. Увидится со мной через несколько дней в Нью-Йорке.

В восемь часов вечера мы выехали в Нью-Йорк с поездом, делающим свыше восьмидесяти вёрст в час в среднем. Но путь и вагоны так хороши, что скорость совсем не даёт себя знать. Во Франции он, правда, идёт сто, но зато бросает до потолка.

(24 августа) 6 сентября

Утром едва не прозевали Ниагару. Она мелькнула сквозь просеку и скрылась. Однако я успел рассмотреть знакомый по крутым очертаниям водопад, который мы увидели, если так можно выразиться, в спину, так как просека выходила немного выше его падения. Проехав некоторое расстояние, поезд круто повернул и въехал на высокий мост. У ног неслась река, после падения стиснутая высокими берегами. Вдали виднелся второй мост, а позади него вздымалось белое облако, скрывавшее водопад. Это был утренний туман, подымавшийся над ним. Так мы и не повидали как следует прекрасную Ниагару, зато вдоволь налюбовались на отвратительные фабрики, которыми она густо обляпана со всех сторон. Да! Американцы, несмотря на весь свой размах, всё же недостаточно шикарны, чтобы позволить себе роскошь иметь Ниагару.

О, эстеты! И к вам-то я еду играть мою музыку!

День прошёл в быстром беге к Нью-Йорку. И поезд, делая даже сто вёрст в час, был так спокоен, что казалось, если бы не мелькание в окне, мы едем пятьдесят. Гудзон, по берегу которого шёл наш путь, становился всё шире и шире, мелькали красивые постройки и дворцы, и чем ближе к Нью- Йорку, тем вид был интересней. Наконец замелькали равномерные, нумерованные улицы, а затем мы углубились под город и так, не вылезая из-под земли, и приехали на вокзал. Затем нас удушили бензиновой вонью автомобили, которые пускали её сюда же, под землю, вертясь у входа вокзала, и мы поехали по улицам Нью-Йорка. Я заявил: «Не вижу Вильсона и депутации от города».

Но, тем не менее. Нью-Йорк, ничуть не поразив, произвёл просто отличное впечатление.

Впрочем, засыпая, я думал: неужели я действительно в Нью-Йорке? Как много об этом думалось и как невероятно несбыточно казалось это при теперешней обстановке! А в наших столицах вой и резня...

(25 августа) 7 сентября

Нью-Йорк очень хороший город и я рад, что поживу в нём. Единственное, что меня печалит, это представление о том, как мама скучает и волнуется, нет ей от меня известий.

Из отеля переехали на 109-ю улицу и сняли себе то, что здесь называется «апартаментами», т.е. меблированные квартиры, так как в отеле слишком дорого, а ни у меня, ни у Кучерявых ни гроша. Я никак не ожидал, что и Кучерявый проживётся. Положение прелюбопытное: он уже заявил американским клееварам о каком-то своём проекте. Американцы, которые до этого не додумались, сразу ухватились за Кучерявого и предложили ему место на двенадцать тысяч долларов,

но пока ещё контракта нет и денег тоже. Затем у него ещё два дела на мази, за которые он получит не один десяток тысяч долларов, но пока ни гроша. В мои успехи он верит и, проявляя ко мне отеческую нежность, даёт деньги, сам ничего не имея.

- Николай Титович, дайте четвертак...

Н.Т. смотрит в кошелёк, - там полтора доллара.

- Нате вам полтинник, - отвечает он и широким жестом даёт полдоллара.

Мой апартамент в две комнатки + ванная. Вид не нарядный, но меня это абсолютно не трогает. Было бы тихо, да удобное кресло, да не качался бы письменный стол. А то, что внизу сидит один мрачный негр, так это мне даже нравится. Единственно я боюсь, что американцы - снобы, и не пристало известному музыканту жить в лачуге. Но, во-первых, ничего не поделаешь, во-вторых, это до первого аванса, в-третьих, никого я сюда не приму.

(26 августа) 8 сентября

Мак-Кормик примет меня завтра. Я бы сделал по случаю воскресенья несколько визитов лицам, к которым рекомендательные письма, но багаж ещё не пришёл, а письма в багаже.

Гулял по Центральному парку и по городу.

Несмотря на бедность, едим с Кучерявым превкусно: устрицы, лангусты, всякие рыбки и персики со сливками.

Кучерявый заложил золотые часы.

(27 августа) 9 сентября

Мак-Кормик был чрезвычайно мил, сказал, что сделает всё возможное, чтобы ввести меня в музыкальный мир, а на мою благодарность за визу ответил, что ему было очень интересно, чтобы я приехал в Америку. Но он так безумно занят политикой (роль его в Соединённых Штатах весьма значительна), что рвётся на части. «Сейчас со мною обедают двое, а двое уже сидят и ждут наверху». Завтра вечером он уезжает в Вашингтон, но перед отъездом пообедает со мной.

(28 августа) 10 сентября

Сегодня я начал наступательные манёвры на Нью-Йорк. Особенно обрадовался мне Шиндлер, который четыре года назад был у меня в Петрограде. Он сейчас же потащил меня к Ширмеру, крупнейшему издателю, у которого состоит критиком поступающих рукописей. Ширмер предложил печатать мои сочинения, но вопрос: кажется, американские законы не защищают моей музыкальной собственности, так как нет конвенции между Россией и Америкой.

Мак-Кормик за обедом расспрашивал много про Россию, дал мне несколько рекомендаций. Через неделю он вернётся и обещает дальнейшее содействие. Я ему осторожно ругнул порядки Angel Island и выразил сожаление, что во главе войск интервенции в Сибири, не американцы, а японцы: американцам Россия поверит, японцам - нет.

Был у Сталя, с которым познакомился в Иокогаме и видел его там два раза по пять минут, но он мне очень понравился. Сталь блестящий адвокат, а во времена Керенского - прокурор суда (политических). Во время большевизма он сбрил бороду и бежал в Америку. Сегодня встреча была радостная, он уже про меня здесь шумел. Про издательство дал интересные советы. Вообще я очень рад этому человеку.

(29 августа) 11 сентября

Ширмер звонил, направляя меня к Адамсу, менеджеру, однофамильцу гонолульского. По его словам, это большой и порядочный менеджер. Адаме сказал, что лучше всего мне начать выступлением с оркестром и благодаря Мак-Кормику дал мне карточку к Дамрошу, свяжитесь с ним. Дамрош - дирижёр, который сейчас как раз в моде (так сказать в «патриотической» моде), так как вернулся из Франции, где давал концерты для воинства.

Больм, один из известных балетных артистов дягилевской труппы, служащий теперь в «Метрополитен» и ставящий там, в противовес итальянщине, русские оперы, страшно обрадовался, узнав, что я здесь. Он мне наговорил кучу полезных советов для ориентации в Нью-Йорке. «Главное, - сказал он, - не спешите, делайте всё важно, независимо, всё равно сезон не раньше октября, а то и ноября».

Про столь славную дягилевскую труппу я узнал печальные вести: полный развал по вине войны. Впрочем, недавно они имели успех в Испании, а теперь Дягилев получил разрешение прибыть в Лондон (что очень трудно), но труппа крошечная и декорации, как сообщают газеты, ещё не прибыли. Стравинский был очень болен, едва не умер от лёгких, нуждался в деньгах. Патриотические французы, нёсшие его на руках перед войною, теперь, после Брестского мира, и слышать не хотят о его музыке. В последнее время дела его и здоровье поправились и он работает. Мой балет «Шут» (господи, я же забыл о нём!) был получен Дягилевым в Америке два года назад. Он расхаживал с ним, просил пианистов сыграть и восклицал: «Чёрт знает, что такое! Ничего не понимаю!» А ведь такая ясная и хорошая музыка!

Вечер провёл со Сталем, очень приятно, и не заметил, как пробежали часы, слушая его блестящие рассказы о той осаде, которую он в качестве члена Временного правительства выдержал в Кремле со стороны большевиков. Он живёт с французской певицей, очаровательной молодой женщиной - в стиле Н.Мещерской. В ней больше мягкости, приветливости и красоты, чем в Нине, но нет того яда, как у Н. Однако какое постоянство сохранилось у меня к определённому типу!

Звонил к Сталю В.Н.Башкиров, который здесь, бежав ещё в ноябре от большевиков в Америку. Узнав, что я тут, он ужасно обрадовался (Сталь говорит: «Я был потрясён той горячностью, с которой этот уравновешенный человек принял известие о вашем приезде»), закричал, что я должен переселиться к нему, а сейчас спрашивал мой адрес. Я просил ответить, что, будучи напуган его поведением по отношению ко мне в Петрограде, я сейчас адреса не дам. Это за его грубое поведение во всей истории с женитьбой Бореньки. Сталь говорит, что в ответ на это его голос упал и он сказал: «Как, неужели он всё ещё помнит о старом?» и повесил трубку. Это зло с моей стороны, ведь от меня, сверх всего прочего, он мог узнать самые последние новости про свою семью, но ведь его поведение в истории женитьбы было, право же, возмутительно.

(30 августа) 12 сентября

Дочери царя расстреляны большевиками. Какое безобразие!

Петроград горит (не думаю, чтобы огонь) и занят отрядами крестьян, образовавшими белую гвардию. Ну, уж это выдумка американцев! Но, во всяком случае, я вовремя уехал.

Сегодня день поголовной регистрации. Это не значит, что всех призывают. А просто опросят, занумеруют и зачислят в такую-то категорию. Иностранцев - в пятую, соответствующую нашим белобилетникам. Я был, получил опросный лист и теперь отвечаю на вопросы.

Немного сочинял скрипичную сонату. Очень голодаю по фортепиано.

С Дамрошем говорили друг другу любезности и послезавтра он меня примет для прослушивания «Классической» Симфонии и 1-го Концерта.

Вечер провёл у Шиндлера. Он и Больм со страшной благожелательностью и пламенностью обсуждали, как меня лучше поднести Нью-Йорку, а Нью-Йорк - мне: «Вы необычайно удачно приехали: Америка уже два года голодает по новой музыке. Собственной нет, во Франции композиторы на войне. Германия - враги, а из России ничего не поступило. Всякий дирижёр кинется на ваши партитуры. Но, к сожалению, раньше ноября выступить не придётся». (Не шикарно).

(31 августа) 13 сентября

В квартире Больма интервью для толстого журнала. «Допрос» длился три часа и касался меня, моих сочинений, моей поездки, впечатлений от Америки, музыкальной жизни в России, влияния на неё большевизма и войны, деятельности других композиторов, вообще политического состояния в России и прочее.

Этот человек, Мартене, сказал, что многие большие издатели (Фишер и прочие) с удовольствием бы напечатали мои сочинения. Я ответил, что если они хотят это, то пусть делают незамедлительно, так как у меня рукописей нет, хотя и порядочно материала, сочинённого на пароходе. Поэтому, если они сейчас сделают мне заказ, я могу написать серию пьес для фортепиано, а потом я буду занят концертами.

По существу же мне хочется поскорее иметь доллары. А то уж очень плохо жаться и ждать концертов до ноября!

(1) 14 сентября

Альтшуллер, русский дирижёр и ревностный пропагандист русской музыки, к которому у меня было письмо от Кусевицкого, зазвонил мне сам, без письма, очень обрадовавшийся, что я приехал. Он полтора года назад писал Зилоти, прося мои сочинения, но этот человек ничего не сказал мне, вероятно боясь, чтобы я не удрал в Америку вослед за просимыми сочинениями. Свинья. Какую бы разницу мне сделало, если бы я теперь приехал сюда после исполненных партитур.

Вечер провёл у Сталя, где и он, и она (бразилианка) мне очень нравятся. Башкиров по-своему объяснил Сталю, почему мы в контре, но признал, что вёл себя грубо, и сказал, что если я хочу, он готов принести мне публичные извинения.

(2) 15 сентября

Альтшуллер в дичайшем восторге от моих сочинений. Мою музыку и мои приёмы инструментовки он находит совершенно особыми. Он предлагает свой первый концерт весь к моим услугам.

Но есть два «но».

Первое: этот концерт лишь десятого декабря.

Второе: концерты Альтшуллера всё же не самые шикарные. (Хотя в этом году он заработал семьдесят пять тысяч долларов и весьма поднимает голову). Если концерт с «Друзьями музыки» не удастся, то Альтшуллер прекрасный резерв.

Вечером были с Больмом в каком-то артистическом американском обществе, где «умные» американки говорили запутанные вещи и объясняли мне, какая звезда мне покровительствует. Но я произвёл на них атаку и доказал им, что они не знают элементарной астрономии. Здесь же были нити от Постникова и вся переписка о его антрепризе. Я по дороге получил веские данные, что Постников - жулик. Они были очень поражены.

(3) 16 сентября

Уже неделя, как нет пианино. С этими любезными обещаниями с ума сойти. Уж коли Ширмер обещал - так делай или не обещай.

Сегодня у евреев Судный день. Ходил в синагогу, думая найти там новое для меня пение, еврейское бормотание и интересное впечатление. Но сидели чисто выбритые банкиры в блестящих цилиндрах и монотонно читал раввин. Я соскучился и ушёл, получив при выходе замечание, так как встал не вовремя.

Вечером фрак, шапокляк (как в старое доброе время в Лондоне) и с Больмом отправились на открытие легкомысленного варьете. Но самые легкомысленные американские танцы оказались до безупречности приличны, балерины нарядные, хорошенькие и чистенькие. Впечатление приятное, пёстрое и прекрасное. Публика во фраках и дамы декольтированы. Приятно - давно не видел.

(4) 17 сентября

Играл Дамрошу «Классическую» Симфонию и 1-й Концерт. Он весьма обидел меня, переворачивая страницы через репризы (для сокращения времени) и сравнив Симфонию с симфонией Калинникова. Я обрушился на него целой контратакой, но это с его стороны, оказывается, было похвалой, так как он чрезвычайно любит симфонию Калинникова. В концерте он не успевал следить и часто переворачивал страницы на четыре такта раньше или позднее. Вообще, американская знаменитость не блеснула музыкальностью. На прощание он наговорил мне кучу любезностей, но никакого исполнения не обещал. Я ушёл с досадой.

Вечер провёл с Обольским, тем самым симпатичным, хорошеньким и, в сущности, недалёким молодым человеком, который в июне повёз мои просьбы о визе в Америку. Он здесь устроился на небольшое место в сто тридцать долларов в месяц и уже имел два скоротечных романа с американками (женщины очень любят этого хорошенького мальчика (двадцать два года), не слишком критически относящегося к их качествам). Было очень приятно побродить с ним по улицам Нью-Йорка, ведя самые лёгкие разговоры и выясняя строгости, с которыми здешние законы преследуют всякое незаконное сожительство (сейчас же женись, или плати деньги, а то вышлют, либо закатают в тюрьму). Но тем не менее американцы превосходно устраиваются. Деньги, деньги - вот, что нужно, а пока сиди смирно.

(5) 18 сентября

По словам Мартенса, критика, готовящего про меня статью, в Америке нет ни одного издательства, работающего ради печатания хорошей музыки, только коммерция, а потому на одну порядочную вещь - сотня дряни. Я ему тыкал Беляевым и Кусевицким и советовал открыть академию для миллионеров, чтобы они учились, куда тратить деньги! Mme Больм советует мне вложить мечь в ножны - всех не победишь, а себе напортишь. По её словам, я ошибаюсь, считая Америку антихудожественной. Если искусство в ней ещё не родилось, то, безусловно, уже родилось страшное внимание к нему.

В пять часов «пунш» у Больмов, на котором куча критиков и музыкантов, приглашённых на меня. Я им рассказывал про Россию и сыграл 1-ю Сонату и несколько «Мимолётностей». Говорят, 1-ю Сонату играть не следовало, лучше третью, ибо эти джентльмены падки на модерн.

Альтшуллер, который ко мне страшно нежен, показывал интересную корреспонденцию с Рахманиновым, Скрябиным, Глазуновым. Все пишут очень

гладко и запятые ставят на месте. Скрябин - тонким, размашистым почерком, Рахманинов - мелким, куриным, в стиле - лёгкий юмор: «для Америки мне нужна нянька, стар я стал и шаловлив». Ниночку Кошиц бы. Но, в конечном результате, от Америки отказался.

Альтшуллер инструментует 9-ю сонату и «Poème Satanique» Скрябина. Мне не очень нравятся приёмы Альтшуллера, но вот идея: инструментовать 5-ю Сонату! Она может выйти ослепительно. Скрябин никогда не мог выполнить своих полётов: то ему мешали средства фортепиано, то неумение владеть оркестром. Я думаю, из 5-й Сонаты я сделаю замечательную вещь.

(6) 19 сентября

Во всех газетах заметки про меня - результат вчерашнего пунша. А сам знаменитый композитор сидит с тремя чужими долларами в кармане и даже поухаживать ни за кем не может.

(Я должен Николаю Титовичу; Н.Т., не подписав ещё контракта, должен Вернеттам, а Вернетты, не получив почему-то по их чеку, уже должны итальянскому консулу. Дедка за репку).

(7) 20 сентября

Сегодня первая порядочная победа: я играл чикагскому дирижёру Стоку и случайно бывшему здесь Ширмеру. Сток пришёл в экстаз, а Ширмер был сильно впечатлён. В результате - приглашение играть и дирижировать в Чикаго (ноябрь) и, по-видимому, в связи с этим, некоторые вкусные вещи, которые выяснятся на днях.

Ширмер, на которого я дулся за отсутствие обещанного пианино, (и в самом деле - подлость!) сказал, что завтра он пришлёт собственный рояль. Насчёт издательства, по-видимому, кое-что тоже выгорит. Будет рояль - сочиню несколько мелкотушек и снесу, а то что за чёрт, без денег!

(8) 21 сентября

Сидел дома и ругался, что нет рояля. Но сегодня суббота и раз до двенадцати не поспели, значит, прощай до понедельника. Сочинял без рояля.

Надо мелкотушки для издателя, попроще. Сонатины или «Сказки». Но больше склонности к нескольким «Сказкам старой бабушки», - в которых сквозь дряхлость рассказывающей проскальзывают далёкие воспоминания.

Был у нашего художника Анисфельда, который, не зная меня, позвонил мне, чем очень польстил. Он милый, но несколько странный и, на первый взгляд, не замечательный человек. Конечно, тысячи расспросов про Россию.

(9) 22 сентября

С Кучерявым был на Cuney-Island. где Луна-Парк и всякие развлечения. С наслаждением катался с Американских гор (здесь - «Русские горы»), с которых американцы носятся с ненашей скоростью. Тут же в первый раз передо мной разостлался новый друг - Атлантический океан. Когда я ездил в Лондон, ведь я его ещё не видел, а только Ла-Манш.

Вечером у Сталя. Он по обыкновению интересно рассказывал про политические события, пережитые им в России. В американских газетах разоблачают большевиков как немецких шпионов и помощников. Сталь говорит, что это

неопровержимо.

Что делается в Петрограде - ужас. Лучше не думать - не поможешь.

(10) 23 сентября

Стоковский, дирижёр из Филадельфии и хороший музыкант, приглашает меня на концерт. Это второе очень приятное событие. Оказывается, он уже два года ищет мои сочинения, но нигде не может найти.

Ширмер просил заехать к нему в офис. Я думал, насчёт издания, но оказалось всё насчёт того же несчастного рояля. Ширмер был любезен чрезвычайно, задыхался от астмы, и сказал, что Стейнвей, узнав про мой приезд, захотел сам послать мне рояль, который я получу дня через три. Я вышел в бешенстве и из первого уличного телефона ругал Шиндлеру Ширмера. Тот принял это на свой счёт и обиделся.

(11) 24 сентября

Миша Эльман, нью-йоркское знакомство, миллионер благодаря своей скрипке, всё ещё «Миша», несмотря на свои тридцать лет и лысую голову, неприятный крикун с высоким сопрано и махатель обеими руками - таков чемпион шахмат из среды музыкантов. Поэтому мне доставило особенное удовольствие выиграть у него партию.

(12) 25 сентября

Шиндлер, которому объяснили, что я вовсе кричал не на него, а через его голову на Ширмера, угощал меня завтраком и говорил, что если у меня мало денег, то он может предоставить в моё распоряжение сто шестнадцать долларов, хранящихся у него для «политических». Эти деньги всё равно некому посылать теперь, а я, как не большевик, юридически являюсь «политическим», поэтому он мне достал их на месяц, а затем я разбогатею и верну.

(13) 26 сентября

Наконец приехало пианино, присланное Стейнвеем. Поэтому целый день сидел дома и сочинял «Сказку». После долгого лишения этого инструмента и сочинения за ним - первое время трудно сосредоточиться.

Старая бабушка рассказывает, кашляет, шамкает, многое видит совсем не в том свете, в каком оно было. Но иногда проскользнёт яркое воспоминание о таких дорогих моментах, которые остаются в памяти так, будто они были вчера. Иногда же глубокий покой или мудрость обволакивают её рассказ.

У Эльмана ещё + 2 из двух.

(14) 27 сентября

Хотя вчерне набросал вторую пьесу и она даже лучше первой, но целый день оторвали и я злился.

Замечательная победа: когда я с Больмом сидел у директора механически играющих роялей (который, кстати, отнёсся ко мне как к настоящему лидеру русской музыки), явился Кампанини, дирижёр оперы в Чикаго, и задал несколько вопросов про «Игрока».

А затем сказал:

- Дайте мне слово, что до вашего приезда в Чикаго вы не подпишете контракта ни с кем на эту оперу.

- А что я буду иметь за это честное слово?

- Моё честное слово, что «Игрок» будет поставлен в Чикаго, - сказал Кампанини и прибавил:

- Кампанини зря честное слово не даёт.

Вот так раз! Никогда не видел, чтобы неизвестная опера принималась в пять минут!

(15) 28 сентября

Приводил в порядок вторую «Сказку» и набрасыват третью.

Играл. Надо привести моё фортепиано в блестящий вид.

Учу «Poème Satanique» Скрябина.

(16) 29 сентября

Три «Сказки» в общих чертах готовы. Сталь сказал, что русское посольство в Нью-Йорке самое музыкальное и очень интересуется мною. Сталь считает, что оно обязано выдать мне субсидию (заимообразно) в тысячу долларов на представительство, ибо русская музыка должна держать свой флаг высоко.

(17) 30 сентября

Завтрак с директором механических фортепиано, которые с большим совершенством передают мельчайшие оттенки и весь характер игры исполняющего. Особенно сильное впечатление произвели на меня вещи Гранадоса. исполненные им самим за месяц до гибели.

По-видимому, колесо войны повернулось неожиданно и круто: падение Болгарии предрешает судьбу Германии. Кого мне не жалко, так это болгар - вначале изменили России, назвав её «трупом, с которым счастье было бы смешно», а чуть Германия захромала, изменили ей. Впрочем, это, кажется, называется: мудрая политика.

(18 сентября) 1 октября

Сегодня продолжение вчерашнего (механическое фортепиано - Duo-Art). Я играл мои вещи, чтобы они ознакомились, нельзя ли их воспроизвести. Сделали и опыт: я сыграл «Гавот» из «Классической» Симфонии, и они через три минуты воспроизвели его в моём же исполнении, конечно, без отделки, бледновато, но все мои акценты, замедления и фальшивые ноты вышли. Я боялся, что воспользуются «Гавотом» и потому сыграл середину в другом тоне, чтобы в случае чего иметь возможность уличить. Когда же он предложил сыграть им четыре пьесы по пятьдесят долларов, то я ответил, что так как мои цены слишком отличаются от их, то за пятьдесят я, конечно, играть не буду, но, если они не могут платить мне как следует, я с удовольствием сыграю им даром. Сказал я им это очень любезно. Впрочем, они и не уловили насмешки и почти что обрадовались поживиться задарма. У американцев душа имеет форму доллара и даже честь завёрнута в бумажный доллар.

(19 сентября) 2 октября

Кучерявые всей семьёй уехали в Индианаполис на службу. Нежно простились,

обещались писать друг другу. Я должен двести пятьдесят четыре доллара.

Среди всякой сутолоки сегодняшнего дня нечаянно сочинилась четвёртая «Сказка» (фис), и кажется, самая лучшая.

Вечер у Сталя, у которого был наш посол Бахметьев и Башкиров. С Башкировым встретился очень нежно - и он так радовался меня видеть и так горячо интересовался и тем, что в России, и моими делами в Нью-Йорке. Посол мил, весел. Чрезвычайно расхваливал мою музыку.

Вечером, при подсчёте, в кармане двадцать центов. Я достиг минимума.

(20 сентября) 3 октября

Совершенную панику нагнала на меня испанская инфлюенция. До сих пор она для меня звучала как-то анекдотически с её состоянием «прострации», хотя я о ней слышал ещё в Японии. Но сегодня в газетах - тысяча случаев в день в одном Нью-Йорке с 5-процентным смертным исходом. В Нью-Йорке ещё благодать, а в других городах повальная эпидемия. Разлететься из Большевизии в Нью-Йорк и скончаться от испанской инфлюенции! Какой сарказм! Говорят, если сразу лечь в постель и пролежать неделю, тогда ничего, и главное, не будет воспаления лёгких, от которого большинство смертных исходов.

(21 сентября) 4 октября

Ввиду отсутствия денег вечером я питался печениями, которые у меня были, а сегодня поехал к Шиндлеру и получил чек на сто шестнадцать долларов «преступных» денег, которые он выдал с необычайной готовностью. Уф! Уже целый месяц у меня не бывало свыше трёх долларов в кармане. Как приятно иметь сто. Дал пятьдесят портному в задаток за костюмы и заказал весь гардероб на пятьсот. Надеюсь, через две недели, когда будет готово, деньги явятся.

(22 сентября) 5 октября

Явился ко мне опереточный тенор с либретто американской оперетки и предлагал написать музыку. В случае успеха бешеные доходы. Я сказал «хорошо». Но с условием, что передаю ему и авторское имя, так как не хочу пачкать моё имя опереткой, но все авторские права он по контракту уступает мне «за записывание» якобы. Тенор соглашался, но не сошлись на том, что если он принимает мою музыку, так чтобы сразу авансировал тысячу долларов. Этого он не хотел, а я зараз хотел обеспечить мою работу, независимо от постановки. Я сказал, что берусь написать четыре акта в четыре дня и вообще держал себя несколько презрительно. Может и лучше, что не сошлись, так как с моей стороны это, конечно, музыкальная проституция.

(23 сентября) 6 октября

Играю аккуратно каждый день. Завтракал с В.Н.Башкировым. Очень мил и нежен. Он страшно заботится о моих успехах.

Германия просит мира. Надо думать, пока из этого ничего не выйдет. А может, я вернусь в Россию через Атлантику?

(24 сентября) 7 октября

Столкновение с опереткой вернуло мои мысли к весёлой опере и к «Трём

апельсинам». Не нравилось мне заключение в кухне, но сегодня я сочинил новый конец для всей фабулы. Я доволен и теперь уверен, что за время пребывания в Америке сделаю не только всё либретто, но кое-что из музыки. Музыка прозрачная и вся в сценическом действии.

Обедал у Фишера, крупный издатель, пришедший в восторг от моих пьес (и даже, к удивлению, от «Бабушкиных сказок»). Он хочет меня печатать, но захочет ли, когда я попрошу по пятьсот долларов за каждую «Сказку»?

(25 сентября) 8 октября

У Шиндлера «смотрины» Прокофьева местными ихтиозаврами: Бауэр, Стоковский, Mme Ланьер (основательница «Общества друзей музыки», очень влиятельного и хорошей марки). Результат: моя музыка их весьма убедила, Стоковский (очень милый парень и, говорят, один из лучших здешних дирижёров) пригласил меня дирижировать «Скифскую сюиту» в Филадельфии (неизвестно когда), а Mme Ланьер сказала, надо, чтобы мой первый реситаль был под их флагом. Вопрос, достаточно ли у её Общества денег.

Вечером пошёл отдохнуть к В.Н.Башкирову, который, право, чрезвычайно мил.

(26 сентября) 9 октября

С новым стилем и нью-йоркской суетой забыл, что вчера - день моих именин. Вспомнил об этом лишь сегодня.

Так как Фишер сказал, что для лучшего распространения моей музыки (и для лучшей их торговли) им хотелось бы издать, кроме «Сказок», ещё несколько пьес, более доступных, например, в стиле «Гавота», то я сегодня набросал для этих подлецов Danz'у.

(27 сентября) 10 октября

Сочинился «Менуэт». Но всё же я предпочёл бы работать над оперой или кончить мой милый белый квартет.

«Сказки» имели чрезвычайный успех у Сталя.

(28 сентября) 11 октября

Диктовал Мартенсу статью о русских сонатах.

Набросал «Вальс». В конце концов музыка будет ничего, а вальс - томительный и сладостный, но всё же, будь деньги, не писал бы эту белиберду.

Австрия и Турция просят мира. Как это вдруг скоро пошло.

(29 сентября) 12 октября

Продолжил «Вальс». Из Danz'ы ничего не выходит. Я хочу во чтобы то ни стало доканать этот опус.

Инфлюенция достигла четырёх с половиной тысяч в день. Побаиваюсь. Купил пульверизатор для носа и сосновое масло.

(30 сентября) 13 октября

Целый день переписывал «Сказки».

Сто шестнадцать «преступных» долларов к концу. Если завтра не продамся

Фишеру, надо доставать у посла через Сталя. До чего очертело сидеть без денег, ничего себе не позволять, скромничать, считать - прямо тошнота. А в придачу слышать со всех сторон о своей знаменитости, читать через день о себе в газетах и ждать, что через три месяца будет, если не десятки тысяч, то просто тысячи. Так дайте же, олухи, сейчас!

(1) 14 октября

Был по приглашению Фишера для переговоров о цене за «Сказки». Я назначил тысячу долларов. Фишер не моргнул и сказал, что даст ответ. Ответ пришёл вечером - не может.

Был у Сталя. Он кашляет как сумасшедший, но говорит, что температура нормальная и доктор сказал, что инфлюенции нет. Я нюхал камфору, чтобы дезинфицировать нос. Утром он ходил к своему портному - ночью умер от инфлюенции. Он к другому - и тот.

(2) 15 октября

Сталь лежит - инфлюенция. Я боюсь, что заразил меня.

Владимир Николаевич возмутился, что я живу с пятнадцатью долларами и вручил сто пятьдесят, сказав, чтобы в любую минуту я рассчитывал на него. Нежен необычайно. Вообще Америка его сильно изменила.

Вечером в «Метрополитен» на первом симфоническом концерте сезона (французский оркестр и французская программа; играли хуже, чем у нас). Желание как можно скорее выступить самому. Но увы, декабрь! Декабрь!

(3) 16 октября

Так и есть: температура 98,6°F, т.е. по нашему 37°- немного повышенная. Кашель и болят ноги. Сидел дома. Если это инфлюенция, то ничего не поделаешь, надо терпеливо переболеть. Поэтому отношусь философски.

Кончил «Гавот».

К вечеру температура нормальная.

(4) 17 октября

Утром чувствовал себя хорошо. Не инфлюенция.

Звонил В.Н. Сообщал, что у него запросили про Б.Н. Неужели Б.Н. приезжает в Америку? Вот радость-то! Я был в таком бурном восторге, в котором случилось быть лишь в Японии, при получении американской визы. Я понял, как, в сущности, я наголодался по настоящим людям и, в частности, - по моим друзьям.

Но увы, никакого Б.Н., просто телеграмма В.Н. из Омска.

(5) 18 октября

Сегодня опять повышенная температура и ужасный насморк. Сижу дома и промываю нос.

Кончил Danz'y. Немного скучно - нет предпочтения.

Звонил Обольскому, проектируя с ним эскападу.

У Сталя кризис: 104° по Фаренгейту. Вообще Фаренгейт в своих огромных числах очень импозантен.

В городе инфлюенция слабее.

Навещали Mme Больм и Mme Шиндлер.

(6) 19 октября

Целый день плачу. Насморк ударился в глаза. Нельзя даже читать. Но к вечеру лучше, температура нормальная, и я поехал в Carnegie Hall участвовать в русском концерте для американского заёма.

Что делается с этим заёмом, уму непостижимо. О нём только и орут вот уже две недели. Да и шутка ли дело навязать публике шесть с половиной биллионов долларов ! Мне многие говорили, что я делаю огромную ошибку, выступая на этом концерте в первый раз, и таким образом порчу мой первый дебют. Но отказаться от игры для заёма было нельзя. Я сам относился к этому выступлению в высшей степени равнодушно. На моё счастье концерт затянулся ввиду долгой продажи займа и последнее отделение, в котором был я, отменили. Таким образом, вышло самое лучшее: я был объявлен, но не выступил.

Зато русские отличились и в этот вечер собрали двадцать три миллиона. Карузо, Мак-Кормик и Эльман собрали четыре.

(7) 20 октября

Стремился выходить поменьше и целый день писал «Двух маркизов», которые пришли в голову вчера. Написал всё в один день. Это весьма скоропалительно. Зато устал до одури.

(8) 21 октября

Простился с моей 109-й улицей и переехал в Hotel Wellington, лежащий довольно центрально. Отель спокойный, публика живёт помесячно, позволяют играть на фортепиано и вообще здесь довольно много артистов. У меня две хороших комнаты с ванной и двумя шкапными комнатами, в которых удобно прятать чужих жён, если будут ломиться разъярённые мужья. Но увы, пока романтическая сторона хромает.

От насморков и опасения, что инфлюенция, выздоровел.

(9) 22 октября

Надо организовывать концерт-соло. А то ждать моих декабрьских выступлений - сущая тоска. Всего, ведь, пятьсот долларов надо. Их достать легко. Говорил об этом с Адамсом. Он ко мне очень мил, но к концерту равнодушен. «Если вы достанете деньги, давайте устраивать», - сказал он без особого одушевления.

Обедал с Обольским. Поручил ему узнать, какие тут можно развить похождения романтического оттенка. А то с этой Америкой чистая беда!

(10) 23 октября

Инфлюенция не уменьшается: вертится до четырёх-пяти тысяч в день и на восьмиста покойниках. Есть случаи скоротечного характера: в двенадцать часов готово дело. Крест. Говорят, это разновидность лёгочной чумы. Нечего сказать, приятное развлечение!

Хотя у меня впечатление, что приболев несколько дней назад, я перенёс параинфлюенцию, и теперь, возможно, застрахован от настоящей.

(11) 24 октября

Надо устраивать ресайтл[17]. Начал напирать на это.
Довольно много играю на рояле и имею пальцы, а также многие пьесы в хорошем виде.

(12) 25 октября

Захаживаю в библиотеку (американские библиотеки знамениты) и читаю биографию Шопенгауэра. В России мы с Б.Н. не могли достать никаких биографических сведений про Шопенгауэра.

(13) 26 октября

Данилов, милый человек, товарищ Захарова по гимназии и мой постоянный бриджевый партнёр в Петрограде, недавно перебрался сюда из Лондона. Обедали с ним и вместе провели вечер. Говорит, в Америке лучше относятся к русским, чем в Англии, хотя в Англии строго различают русских и большевиков. Но русское искусство по-прежнему сохранило в Англии обаяние. Слава Богу, я боялся, что англичане слишком увлеклись политикой и забыли о достоинствах искусства.

(14) 27 октября

Идея концерта для двух фортепиано и оркестра (красиво).

(15) 28 октября

Как странно и неожиданно заканчивается война! Кто бы мог подумать, чтобы Германия так храбро и грозно и победоносно сражавшаяся четыре года, вдруг просто и прозаически расползётся по всем швам!

(16) 29 октября

В Бруклинском музее вернисаж выставки Анисфельда и небольшой концерт из русской музыки. Я играл «Токкату», «Прелюдию», «Гавот» (D)[18] и «Скерцо» из 2-й Сонаты, затем Больм танцевал «Мимолётности», первую из них очень забавно. Это вроде моего первого дебюта в Нью-Йорке, но не совсем, так как публика только по приглашениям и в небольшом числе, человек двести. Публика довольно избранная и перед ней приятно было играть. Принимали очень хорошо и даже горячо.
После концерта публика проследовала в картинный зал, где было весело и шумно и где, как обыкновенно на вернисажах, на картины смотрели меньше всего. Меня перезнакомили с массою дам и джентльменов, из которых я не запомнил ни одного. На меня обращали много внимания. Это было сначала стеснительно, а потом приятно.

(17) 30 октября

Когда Шиндлер и Больм от чрезмерного расположения ко мне стали доставать

[17] Сольный концерт, от recital (англ).
[18] Имеется ввиду «Гавот» D-dur из «Классической» Симфонии.

для моего recital'а у кого двести, у кого даже пятьсот долларов, это привело меня в ярость. Я сказал, что не желаю побираться на паперти. Анисфельд тоже возмутился, снёсся с Вышнеградским и тот охотно согласился дать четыреста пятьдесят для концерта. Так-то проще и лучше.

(18) 31 октября

Известие об открытии Дарданелл: сегодня в шесть часов утра! Ура! Наконец я смогу послать телеграмму маме и иметь с ней довольно скорую переписку. Это меня мучило.

Концерт становится на рельсы. Зал на двадцатое днём в Эолин. Лучше иметь полный маленький Эолин (впрочем, 1300 мест), чем полупустой Карнеги-холл. Впрочем, Адаме пессимистически говорит, что Америка слишком мало про меня знает, чтобы я мог рассчитывать на сбор. Больше придётся разослать приглашений. Адамс рекомендовал играть не только себя, но и других авторов. На концерт русской музыки публика пойдёт охотней, чем на неизвестного композитора.

Купил Рахманинова и что нашёл из Скрябина.

(19 октября) 1 ноября

С увлечением учу три прелюда Рахманинова и кое-что из Скрябина, не очень страшное, чтобы не испугать американцев. Страшное будет в последующих концертах.

Обедал у Вышнеградского, который, по обыкновению, спаивал винами, был мил, спросил, как я собираюсь пропагандировать мою музыку, и когда я ответил, что проектирую концерт, то ответил, что если надо, он с удовольствием готов финансировать этот концерт. Вообще вёл себя джентльменом.

(20 октября) 2 ноября

Учу. Играю три часа в день с большим увлечением. Раз я выступаю не только как композитор, но и как пианист, то надо играть как следует.

Вечером с Обольским ужинали в Балтимор отеле, где пёстро, нарядно и много танцуют.

(21 октября) 3 ноября

Австрия заключила мир.

Мы с В.Н. (с которым очень дружны) уже проектируем возвращаться в Россию через Ниццу и Вену, с Ницца-экспресс.

Но это шутки, а на самом деле политический горизонт со всеми революциями совсем не так уж прояснился. Я не боюсь даже всемирной революции, но останавливается жизнь искусства, хотя, может быть, и открывая ему в будущем широкие горизонты.

(22 октября) 4 ноября

Получил четыреста пятьдесят от Вышнеградского и вручил Адамсу. Скоро будет объявлен. Занимаюсь старательно.

Вышнеградский даже не хотел брать расписки, но я настоял.

Инфлюенция, слава Богу, уходит из Нью-Йорка.

(23 октября) 5 ноября

Центральным моим времяпрепровождением является приготовление к концерту. Не столько мои вещи, сколько пьесы Скрябина и особенно Рахманинова. Со своими бы я справился скорее и легче, да и ответственности в них меньше, ибо если не понравится пианист, понравится композитор. А с чужими надо быть особенно внимательным: будут судить, сравнивать. Зато мои пальцы бегают как никогда. Ещё бы, три часа в день гимнастики!

Адамс не рассчитывает на продажу, но Больмьё уже продали двенадцать лож. Говорят, зал должен быть полон. На одном все сходятся: критики и музыканты будут in corpore.

(24 октября) 6 ноября

Надо признаться, что моя духовная жизнь замерла по сравнению с тем, что было раньше. Это меня, положим, не пугает, - пускай будет перерыв несколько рассеянного характера. Если бы Б.Н. мог здесь появиться - для меня была бы большая радость.

(25 октября) 7 ноября

Когда я сегодня днём вышел на улицу, всюду гудели гудки. Проходивший мимо меня американец улыбнулся и сказал: «over»[19]. Я сообразил, что, вероятно, Германия приняла предложение мира и война окончена. Я вышел на 5-ю авеню, где были толпы народа. По улице стояли автомобили в шесть рядов и не могли двинуться ни вперёд, ни назад. Стар и млад бежали, размахивая флагами, трубя в детские дудки, автомобильные рожки, стуча жестяными тарелками. Из окон небоскрёбов сбрасывали мелко изорванную бумагу, которая кружилась в воздухе, как снег. Все галдели и кричали. Какая-то девица сначала затрубила мне в ухо, потом схватила меня под руку и потащила вперёд. Я смеялся, потому что вспомнил Обольского: он, наверное, вытащил бы записную книжку и стал бы записывать её адрес. Девица скоро отстала, автомобили согнали в боковые улицы и снизу повалили толпы чиновников и рабочих. Толпа запрудила 5-ю авеню на несколько миль. Все кричали, гудели, хватали друг друга, приплясывали, несли гроб для кайзера. Я радовался окончанию войны, но в ушах звучали слова Демчинского, сказанные в начале войны: «Бесславная война - семь пиджаков навалились на один!» Да! Германия била направо и налево, пока не лопнула. Я зашёл в красивый белый храм. Там было довольно много народа, преимущественно женщины, и настроение было лучше, но орган портил дело, прелюдируя без чувства и торжественности. То ли было бы у нас в Москве, когда вместо всех этих дурацких дудок затрезвонили бы сорок сороков!

Нет, далеки американцы от поэзии! Но в Москве не знают про мир, там своя война! Впрочем и здесь дело кончилось занятно: газеты выпустили опровержения, гласившие, что не только война не кончилась, но и делегаты немецкие ещё не прибыли. Толпа читала опровержение, сердилась, рвала их и продолжала празднество до утра.

Вечером был в Карнеги-холл на концерте Monteux.

Первым, кто дирижировал в этом зале, был Чайковский. Сегодня двадцать пять лет со дня его смерти, но ни беззаботные француз, ни беспамятные американцы не потрудились его вспомнить.

[19] Кончено (англ).

(26 октября) 8 ноября

Завтрак у Mrs Flannery, богатой американки, имеющей открытый дом и много молодёжи. Я давно не был в обществе. Поэтому я провёл приятный завтрак.

(28 октября) 10 ноября

День прошёл глупо - весь в хождении по гостям, так что даже играл мало. Но, впрочем, программа идёт недурно и почти готова. За десять дней до концерта, это хорошо.

(29 октября) 11 ноября

В девять часов утра позвонила мне Mme Шиндлер и сообщила, что, во-первых, заключён мир, на этот раз настоящий и поэтому опять торжества, а во-вторых - неожиданно и негаданно приехал Рахманинов. Ну это уж действительно замечательное событие.

Ещё в Японии я слышал, что он из Дании собирается сюда, здесь ему делали самые блистательные предложения, но он от всего отказался. «Стар я стал и шаловлив». И вдруг, никого не предупредив, явился. Я необычайно обрадовался его приезду и сейчас же отправился в Hotel Netherland, где и нашёл его, уже сидящим с Адамсом. Я не вполне знал, как Рахманинов настроен по отношению ко мне: когда-то он рассердился за мои суждения об исполнении им Скрябина, затем он признал меня чрезвычайно талантливым, но пишущим непонятные вещи, а потом, перед отъездом в Данию, Сувчинский и Асафьев старательно умиротворяли его на мой счёт, наконец, вся эта история с Кошиц, но я был уверен, что раз я пойду к нему с открытым сердцем, всё пойдёт на лад. Так и вышло.

Рахманинов оказался ужасно славным, занятно ворчливым на американцев и дорогу, и звал меня прийти обедать. Так как он был занят деловым разговором, то я сейчас же ушёл. Но когда я пришёл к обеду, то оказалось, что уже час, как он должен быть дома, жена и две дочки (из которых одна уже совсем взрослая и довольно мила) сидели голодные, но композитор куда-то исчез и не возвращался. Я добродушно прождал полчаса и ушёл. Потом он очень извинялся: где-то его задержали.

Вечером пошёл в «Метрополитен» на открытие сезона.

На улице огромная толпа, празднующая победу, танцующая, дудящая с подвыпившими матросами, которых американки целовали взасос. В толкотне мне бросили в глаза конфетти, пьяный солдат сбил с меня цилиндр - и так я этого цилиндра больше не видел. Зашёл к Больму и взял другую шляпу.

В «Метрополитен» фраки и декольте, что ни кресло, то владельцы миллионов, знаменитые певцы и скучная опера «Самсон и Далила» с заурядными декорациями. Я скоро ушёл.

(30 октября) 12 ноября

Вечер провёл с Даниловым, который меня спаивал всякими коктейлями и напоил допьяна, хотя я держался бодро, не говорил глупостей, шёл по улице быстрыми шагами и был приличен (это мой point d'honneur[20], когда я пью), но когда лёг спать, то кровать поплыла, как по волнам.

[20] Почётное качество (фр).

(31 октября) 13 ноября

Был у Рахманинова, который сидел и зубрил новую редакцию своего 1-го Концерта, ещё нигде не игранную. Мы провели час в самом тёплом разговоре и, право же, Рахмаша ужасно хорош. Только жалуется, что стар, что ему нездоровится, что потерял с большевиками все деньги. С концертами здесь торопиться не будет, хочет пожить спокойно. Всё время трещали к нему телефоны. Он говорил: «Ах, проклятые!» и посылал меня разговаривать. Дал отличный совет, как заклеить палец, у которого лопнула и кожа, и мясо от его же наряда. Надо сначала замазать коллодиумом, затем тонкий слой ваты, затем опять коллодий, опять вата и так четыре раза. Получался отличный тампон, через который я чувствовал клавишу, но не было боли.

(1) 14 ноября

Сегодня я несколько кислый.

Злит, что концерт будет при пустом зале и что Адамс недостаточно внимательно занимается концертом. В конце концов, что зал будет пуст, это не столько важно, сколько противно, потому что успех всё равно будет, и критики тоже, а тогда посмотрим.

С тампоном на пальце немного играю, но всё же он мешает.

(3) 16 ноября

Познакомился (у Mme Ланьер, той самой, которая не имела денег, чтобы устроить от «Friends of Music» мой концерт и теперь выражала мне сожаление, что я дебютирую не под их флагом) с талантливым композитором Блохом, который имел здесь большой успех в прошлом году. Это добродушный, круглолицый еврей. Несмотря на свой успех, он теперь голодает (потому что не пианист) и стремится в родную Швейцарию.

(4) 17 ноября

Все деньги вышли, а В.Н. уехал в Вашингтон. Приходится комбинировать на оставшийся доллар. Вместо обеда пил кофе.

Писал американца с египтянином[21].

Программа готова и рахманиновские вещи выучены лучше всего. Что значит как следует приняться за дело.

(6) 19 ноября

Сегодня у меня в кармане только тридцать центов. Вместо завтрака пил кофе с бутербродом, а обедать позвали Больмы. О моём финансовом кризисе никто не знает, а Башкиров возвращается завтра.

Вечером, когда я был настроен неважно, так как противно играть завтра при пустом зале (в чём я не сомневался), позвонила одна дама и стала жаловаться, что не может достать билета, так как уже два дня всё продано. Я ей поверил наполовину, но заснул в отличном настроении и спал как убитый, видя хорошие сны.

(Она напутала по незнанию английского языка - билеты были, но случайно оказалась хорошим пророком).

[21] Рассказ «Рамзес-янки».

(7) 20 ноября

Когда утром Mme Больм позвонила мне и спросила, каково моё настроение, я ответил: «Жажду крови». И действительно, настроение было страшно боевое. Пальцы почему-то зажили и единственно неприятной перспективой был тугой рояль. Впрочем, я нервничал и боялся, что буду нервничать во время игры, а это надо было во чтобы то ни стало избежать, потому что выгоды никакой, один вред. Надо было найти для себя достаточное убеждение. Я попробовал доказать себе «от Шопенгауэра», что я - гениальный музыкант, а публика - «фабричный товар природы» и я был бы смешным в собственных глазах, если бы опустился до волнения перед ней. Но на это был ответ: публика сегодня будет самая избранная и среди неё найдутся люди, достаточно тонко понимающие, чтобы строго разобраться в том, что я делаю хорошо и что плохо. Тогда я взял другое убеждение: с точки зрения всей моей музыкальной жизни, первое американское выступление вовсе незначительный факт и вопрос успеха или неуспеха в Нью-Йорке никоим образом не может поколебать моей музыкальной карьеры. Но на это был ответ: да, но чрезвычайная разница - вырваться из Америки триумфатором и с долларами, достаточными, чтобы жить свободно, как хочешь, - или вырваться без успеха, купив билет в долг и неудовлетворённым, хотя и с сознанием, что для американцев нужны просто рэгтаймы и что меня этот неуспех поколебать не может. Тогда я имел третий довод: в моей жизни мне много раз придётся проходить через важные и ответственные моменты, через которые не всем суждено пройти и за которые многие бы дали очень много. Если я буду переживать эти моменты с драмой и волнением, то что мне толку в них? И какая разница - если принять их радостно и просто! Этот довод оказался самым остроумным: я не нашёл возражений на него, ухватился и решил провести сегодня в жизнь.

Когда я пришёл в Эолин-холл, то зал оказался полным. Это было приятно. Я сейчас же вышел играть, был встречен овацией, но - проклятое тугое фортепиано! - в первом этюде, который я играл всё же не совсем спокойно, в пальцовом месте пальцы совсем отказались выдавливать тугие ноты. Поэтому я сбился и должен был сразу перескочить на спокойный до-мажор. Правда, я сразу взял себя в руки и дальше играл более внимательно рассчитывая звук, но было неприятно, ибо, если так пойдёт и в других пьесах, то выйдет чёрт знает что. Однако, это по счастью не случилось и, хотя мне всё же пришлось из-за проклятого «Стейнвея» кой-где упрощать пассажи, а тогда форсировать звук, но инцидентов больше не было. Аллегро 2-й Сонаты прошло с меньшим успехом (не эффектное, видите ли), но зато скерцо и финал привели публику в раж.

Рахманинова я сыграл просто-напросто очень хорошо, а Скрябина менее честно с точки зрения точности, но очень эффектно 12-й Этюд. Последняя серия (Прокофьев, Скрябин и «Гавот» из Ор.12 и «Наваждение») прошли хорошо. В артистическую явился Адамс и указывал мне, когда выходить кланяться и когда играть на бис. Публика столпилась у эстрады и аплодировала, но не так сангвинически, как в Петрограде. Я был вызван десять раз во время перерывов (4 + 3 + 3) и восемь раз в конце, в том числе три бис'а. Затем меня повели в артистическое фойе при зале, где набилась масса музыкального народа и где меня восторженно поздравляли. Отрывали руку человек пятьдесят. Успех превзошёл ожидания. Вечер провёл по-семейному у Больмов.

(8) 21 ноября

Сегодня день рецензий (11). Впечатление такое: все критики немного ошалели от неожиданного концерта, но желают быть умными, поэтому пишут ерунду. Важно,

что пишут много и помещают впереди рецензии о Карузо. А Карузо - чемпион теноров и маэстро вне конкуренции (для Нью-Йорка).

Адамс поздравил с успехом, сказал, что он сам наслаждался очень, но никаких предложений.

Завтракал у Стейнвея в обществе Рахманинова. Рахманинов с добродушной улыбкой сказал:

- Я хотел придти на ваш концерт, но вы не прислали мне приглашения, поэтому я решил, что вы не хотите, чтобы я был.

- Сергей Васильевич, я так боялся играть при вас ваши прелюды, что очень рад, что вы не были. А мои собственные сочинения для вас, конечно, не интересны.

Рахманинов засмеялся и сказал хитро:

- Это смотря что, смотря что!

(9) 22 ноября

Завтракал с Копикусом, метрополитенским менеджером. Он очень хочет иметь дело со мной, но чтобы иметь меня также и будущим сезоном, в котором центр тяжести. Тогда он сейчас же начнёт ухлопывать деньги в рекламу. А я хочу в Россию и интересуюсь только этим сезоном. Но если, скажем, в будущем сезоне два месяца, например январь-февраль (через год), то раз мне удастся уехать в Россию, то, значит, не так трудно будет и вернуться.

(10) 23 ноября

Капабланка, который был на моём концерте и который воспылал ко мне большой симпатией, объявил, что он днём свободен и рад провести со мной время. Сегодня мы были в Национальном музее, где отличные Рембрандты и несколько прелестных Гойя. После этого пили чай в Ritz-Carlton, где много красивых женщин, и вели легкомысленные разговоры. Вечером кубинец, приятель Капабланки, увёз его кутить, а я скромно сидел дома.

Рахманинов, который не одобрял, что я собрался дать recital до симфонического выступления, находя, что может пройти без публики, и который сам хотел начать непременно с симфонического, теперь, после моего успеха, и сам решил начать прямо с recital'я.

(11) 24 ноября

Капабланка оказывается очень милым юношей, мы с ним сегодня выезжали за город, в Bronx-pare.

Американские женщины гораздо лучше, чем я думал. Японки хуже. Сегодня я не сидел скромно дома.

Сегодня негр в лифте улыбнулся и, показав мне на руку около плеча, сказал: «У вас хорошие мускулы». Это он прочёл рецензию, где говорится, что у меня мускулы - сталь. Вероятно, он считает меня за опасного боксёра и уважает.

(12) 25 ноября

Учу Концерт для Чикаго. Но он выучен раз навсегда и идёт после двухчасового повторения.

С Капабланкой был у Miss Eleanor Young, с которой он жил шесть лет. Это очень изящная молодая женщина, тонкая, беленькая, очень милая и очень американская. Чрезвычайный успех (мой у неё). Капабланка, который теперь

собирается жениться на другой, советует мне развить этот успех.

(13) 26 ноября

Учу концерт. Выучил наизусть «Бабушкины сказки». Я доволен, что написал их.

Капабланка таскал меня вместе со своим приятелем к каким-то кокоткам широкого размаха. Просто посмотреть и выпить чашку чая. Эти дамы были просто никуда негодны.

Вечером у Шиндлера встретил Лебедева, бывшего морского министра при Керенском. Безумно нервный человек лет тридцати пяти, очень увлекающийся музыкой. Он отбил у большевиков Казань и вывез оттуда пятьсот миллионов русского золота для правительства в Омске. Я спросил, вешал ли он, когда занял Казань. Он ответил:

- Расстрелял двести.

И когда я воскликнул: «Двести?!», - прибавил:

- Мерзавцев! - и пошёл просить Шиндлера сыграть что-нибудь Калинникова. Любит нежное. Анисфельд воскликнул: «Ну его к чёрту» и ушёл в другую комнату.

(14) 27 ноября

Адамс затеял со мной разговор о будущем сезоне. Он имеет в виду будущий январь-февраль и по желанию март. Тогда надо начинать рекламу. Настоящий разговор будет после моего симфонического выступления, через две недели, но мне прежде всего важно выяснить, что я получу в течение этого сезона.

Вечером был в доме, где можно было побеседовать об искусстве и философии. Я давно был лишён этого удовольствия.

(15) 28 ноября

Был у Окса, русско-американца, женатого на нашей консерваторке. Он имеет виллу под Нью-Йорком и прислал за мной автомобиль. Очень приятно было проехаться за город на свежий воздух.

(16) 29 ноября

Доделывал всякие дела перед Чикаго и завтракал с Вышнеградским, который необычайно мил ко мне и, главное, очень доволен, что я обращаюсь с ним, как с композитором, а не как с банкиром. Он хочет выписывать свою двухлетнюю дочку и родных своей жены из Киева, как только откроется сообщение между Одессой и Италией. Предлагает моей маме присоединиться к этой компании и советует мне заключить контракт на будущий сезон.

Вышнеградский спаивал винами, вчера опять пили, третьего дня тоже. Такая гадость и чувствую себя отвратительно.

(17) 30 ноября

В шесть часов вечера выехал в Чикаго. Перед этим проигрывал «Игрока» (ведь надо же его играть для Кампанини и заключать контракт), но, во-первых, - издание клавира прямо ужасно (литография с тысячами ошибок), во-вторых, - я уже вижу, что кое-что в музыке и в вокальной партии надо переделать. А затем, как я получу из России партитуру и как будет сделан перевод на французский или английский

язык, это совершенно неизвестно. Если уж я останусь здесь на будущий сезон (неужели останусь?), то не проще ли создать новую оперу - «Три апельсина»? Пожалуй, и проще, и чище дело, и лучше пойдёт для Америки. Поэтому я взял «Апельсины» с собой в поезд и сделал довольно много для либретто. Главное - начало (конец я уже переделал), оно как-то и занятно и в то же время у Гоцци слишком специально. Мысль о том, что на меня за такую оперу, как «Любовь к трём апельсинам», будут нападки от людей вроде Демчинского, что не время писать её, когда мир стонет (но моё творчество ведь вне времени и пространства), а с другой стороны, нападки тех, кто хочет от меня лирики и неги, дала мне идею пролога, который и был набросан в вагоне.

(18 ноября) 1 декабря

В три часа прибыли в Чикаго. Хотя я в поезде проехался с удовольствием, но разболелась проклятая голова, которая испортила приезд в Чикаго. Остановился я в одном из лучших отелей (Congress) и вообще приехал барином, что в сравнении с предыдущим приездом, когда у меня в кармане было двадцать центов, приятно было ощутить. Окна мои на озеро Мичиган, но оно прячется не то в тумане, не то в дыму. Вообще дым и туман - эмблемы этого города. Avenue по берегу озера очень хороша, магазины роскошны, но сам город тесен и прокопчен.

При отеле огромный полутёмный зал в мрачном романтическом стиле, с глубокими креслами и лампами в тёмных абажурах. В нем хорошо вести разговор с мечтательной девушкой или задумывать план коварного убийства. И как это американцы додумались до такого зала!

(19 ноября) 2 декабря

В десять часов репетиция. Сразу «Ала и Лоллий». Я чуточку волновался, потому что не знал, как буду объясняться по-английски с оркестром. Но большинство терминов итальянские, ставшие интернациональными, а кроме того, я теперь совсем свободно и не смущаясь говорю по-английски. Лишь некоторых простых слов я не знал, например, как называется такт, духовая группа и т.д., но мне подсказывал русский скрипач, сидевший за первым пультом. Я начал со второй части (как в Петрограде), и это сразу производит хорошее впечатление на оркестр, потому что там трудные пассажи, которые сразу не выходят, музыканты злятся сами на себя, не желают оскандалиться - и работа сразу закипает. После полуторачасового репетирования я замучился насмерть и передал репетицию Де Ламартру, который умиротворил оркестр гайдновской симфонией.

(20 ноября) 3 декабря

Вторая репетиция. Я взял одни струнные. И надо сказать, они развернулись вовсю и сыграли с блестящей чистотой и быстротой. Я доволен.

Завтракал с русским консулом Волковым, очень милым человеком, который рассказал про Южную Америку и про Персию, где он служил, обе страны, очень меня интересующие. Забегал на завтрак Мак-Кормик, который такой же как всегда: очень любезный, страшно любит Россию и занят свыше головы.

Вечером с Волковым был в опере. Зал мне очень понравился и поразил своей величиной и оригинальной конструкцией. Оркестр и исполнители хороши, декорации хуже. Заходя за кулисы к Кампанини, который пригласил меня завтра с «Игроком», памятуя обещание, данное в Нью-Йорке (которому я, кстати, не очень верил, но теперь, увидев отличный, битком набитый театр, мне показалось совсем

интересным поставить здесь оперу).

(21 ноября) 4 декабря

«Скифскую сюиту» оркестр играл совсем хорошо, но с Концертом было совсем плохо. Де Ламартр, который здесь временно и случайно, просто никакой дирижёр, вдобавок не знал партитуры и махал чёрт знает как. Хотя не полагается дискредитировать дирижёра, делая ему указания при оркестре, но Де Ламартр никогда никакого кредита и не имел, поэтому дискредитировать было нечего. Я забрал ведение репетиции в свои руки, останавливал Де Ламартра, заставлял повторять, сам объяснял оркестру, играл на рояле примеры и после часовой репетиции дело пошло на лад. Руки от дирижирования сегодня болят меньше и, кажется, совмещение пианистического и дирижёрского выступления пройдёт благополучно.

Мак-Кормик повёл меня на большой завтрак Торговой палаты, где один американец, только что вернувшийся из России, перед огромной аудиторией сделал доклад о положении в России. Я слушал доклад и думал: как странно - я каким-то наитием бежал из той среды и теперь на почётном месте, в удобном кресле слушаю доклад о всех ужасах, которые творятся на родине! «Вы убегаете от истории», - сказал Демчинский, когда я покидал Петроград. «И история вам этого не простит. Когда вы вернётесь в Россию, вас в России не поймут, потому что вы не перестрадали того, что перестрадала Россия, и будете говорить чуждым для неё языком». В этих словах много мудрости и немножко зависти к человеку, спасшемуся от бед. Но моё творчество вне времени и пространства.

В пять часов состоялось свидание с Кампанини. Перед тем я проиграл кое-что из «Игрока», глядя на него с точки зрения итальянца, и мне он не понравился, а на успех у Кампанини я просто махнул рукой. С Кампанини я сразу завёл разговор про «Три апельсина», напирая на то, что это на итальянский сюжет, но оказалось всё наоборот. Итальянский сюжет меньше интересовал Кампанини, чем чисто русский, а сцена Бабуленьки просто понравилась ему. Он расцвёл в довольную улыбку и воскликнул:

- Браво, браво, маэстро!

Кампанини сказал, что очень хочет поставить мою оперу, но целый ряд затруднений возник со стороны технической: получу ли я партитуру, как с переводом, как с клавирами. А может, и в самом деле лучше «Три апельсина»? Я не настаивал на решении, а предпочёл, чтобы сначала прошёл симфонический концерт, а затем, после успеха, пойдут другие песни. Но беседа с Кампанини меня очень окрылила. Я, вернувшись, с удовольствием перелистал «Три апельсина» и решил, что я их напишу быстро и легко. Я уже почти год сочиняю совсем мало. После отдыха можно размахнуться.

Вечером, сидя в вестибюле отеля и глядя на нарядных американок, - идея рассказа о красивой даме и невзрачном кавалере.

(22 ноября) 5 декабря

Сюиту сыграли не останавливаясь от начала до конца. Оркестр молодец. Де Ламартр хромает, но старается.

(23 ноября) 6 декабря

В два часа - первый из двух концертов (то, что было раньше публичная генеральная репетиция). Битком набитый зал и почему-то овации, когда я вышел

на эстраду. Стоковский, вероятно, был прав, говоря, что моего выступления ждали с интересом. Если я немного волновался, то успокоил себя словами: завтра опять играть, через три дня в Нью-Йорке опять играть - брось, не стоит. «Стейнвей» на этот раз был хороший, лёгкий, только с грязной клавиатурой. Ламартр отставал, но грубых пакостей не наделал. Успех большой, от «Скифской сюиты» тоже, но не такой, как на её последнем исполнении в Мариинском театре. Объясняется это тем, что по причине буден и дневного времени 90% были дамы, которые гантированными[22] ручками не могли наделать много шума. Вызовов - семь (я буду вести им статистику в Америке, это в духе Америки). В программе моя подробная биография и справка (очевидно, из энциклопедического словаря) о том, кто были скифы, настолько тщательная, что в ней сообщается, что скифы часто страдали дезинтерией. Вот мерзавец! (писавший заметку).

Кампанини пришёл в артистическую и расцеловал меня. Говорит, никогда ничего подобного не слышал.

(24 ноября) 7 декабря

В одиннадцать часов я был приглашён в офис к Кампанини для разговоров. Кампанини решил в пользу «Трёх апельсинов» (так как «Игрок» требовал непременно русских артистов, а Кампанини, хотя и мечтал их достать до Шаляпина включительно для целой серии русских опер, но не был уверен, что политические условия дозволят), чему я был рад. Кампанини спросил меня про условия, я сказал, что хотел бы те же, что в Мариинском театре, т.е. 10% валового сбора и гарантию десяти спектаклей. Кампанини сказал, что это у них не принято и предложил заменить это цифрой. Получив справку, что сбор их колеблется между тремя и девятью тысячами, я назначил шесть тысяч. Кампанини предложил четыре, потом пять. Я сказал, что согласен на пять, но с условием, что они будут выплачены так: одна при заключении контракта, две при представлении клавира и две при представлении партитуры.

Кампанини, после нескольких возражений, принципиально согласился, но должен был поставить вопрос на окончательное утверждение финансёров и директоров. Итак, я, не чувствуя того, взваливаю себе на плечи огромную работу, но кажется мне, что она пройдёт легко. А главное, что это как раз та работа, которую я должен делать: моё дело сочинять, а не метаться по концертам. Хуже, что надо кончить к сроку (первое октября), но будем смотреть бодро и кончим её до срока!

В вечернем концерте успех громогласней, чем во вчерашнем. Вызовов двенадцать или десять (7 + 5 или 5 + 5). Я безумно устал. Тем не менее русский консул, японский консул и Мак-Кормик потащили меня на какой-то победный бал, откуда я скоро удрал.

(25 ноября) 8 декабря

Пресса и вечером и нынче очень хорошая, часто восторженная, но поверхностная. Очень приятно было встретить Н.Т.Кучерявого, с которым мы нежно проболтали всё утро. Он уговорил меня обосноваться в Америке на будущий сезон, заработать хорошие деньги и в двадцать девять лет быть свободным человеком. Всё равно в Европе ещё не скоро уляжется.

В 12.40 выехал с XX Century, самым скорым в мире экспрессе, в Нью-Йорк. Но я уже раскусил американские экспрессы: они не производят никакого

[22] Т.е. в перчатках, от gant (фр).

впечатления. Путь так хорош и вагоны построены так хорошо, что сто вёрст в час кажутся нашими пятьюдесятью.

Писал первый акт либретто, которое быстро бежало вперёд. Как важно самому писать либретто: когда пишешь фразу, уже является и идея музыки (идея, конечно, не сама музыка).

(26 ноября) 9 декабря

В девять часов утра - Нью-Йорк и сразу репетиция у Альтшуллера. Странно было репетировать «Классическую» Симфонию после «Скифской сюиты»: совсем другие жесты и другие требования от оркестра. Альтшуллер уже её где-то сыграл во время своего турне по провинции и поэтому оркестр играл её довольно бегло, лишь иногда фальшивя в интонации. Днём опять репетиция. В связи с чикагской неделей, сильное утомление.

Расстроила меня какая-то опухоль. Я думал, что рак, но доктор объяснил, что глубоко сидящий фурункул. Рак бывает после сорока лет. Я очень мнителен.

(27 ноября) 10 декабря

Сегодня ещё две репетиции и вечером концерт в Карнеги. Зал полон, что необычайно для концертов Альтшуллера. Первым номером - Симфония e-moll Рахманинова, которую я прослушал с большим наслаждением. После симфонии автора, хотя он и прятался за спину жены, нашли и сделали ему овацию, заставив его встать и раскланяться. Затем следовал ряд мелких оркестровых вещей, среди них моё «Скерцо для четырёх фаготов». Сыграно оно было весьма бойко и так скоро, как я не ожидал. Альтшуллер поставил его в программе впереди фортепианного концерта «для установления хороших отношений между публикой и мной». Публика действительно осталась довольна и даже требовала повторения. Концерт прошёл хорошо и я был вызван семь раз. Адамс снова проявил свою деятельность, появился за кулисами и руководил моими выходами на вызовы. После концерта меня многие поздравляли с успехом. С Шиндлерами и Больмами (которые трогательно волнуются обо мне) мы сидели в ресторане, ели сыр и пили пиво.

(28 ноября) 11 декабря

Второй концерт Альтшуллера. Концерты начинают надоедать и утомлять, хотя всё это премьеры. Народу меньше, чем вчера. Третья Соната была принята хорошо, мелкотушки слабее, что испортило настроение, когда я вслед за ними дирижировал «Классической» Симфонией. Симфония была сыграна не слишком прозрачно, но всё же хорошо и, несмотря на то, что была последним номером концерта, имела хороший успех. Всего я был вызван семь раз (3 + 2 + 2). По окончании я был очень утомлён и нервен, и послал к чёрту привязавшуюся интервьюершу, чем, кажется, возмутил Адамса.

Рахманинов не был, нездоров. Он спрашивал у Шиндлера, почему я забыл про него и просил передать мне его телефон. Шиндлер объяснил, что я был в Чикаго. Это очень мило со стороны Рахманинова.

(29 ноября) 12 декабря

Большая пресса (двадцать пять рецензий) вчера и сегодня ругается, не пощадив даже Симфонии. Непонимание прямо-таки ослиное. Даже Симфонию находят лишённой грации и мелодии. Четвёртая часть прессы восхищается, но не так, как

чикагская. Вообще оба альтшуллеровских концерта прошли для меня менее блестяще, чем чикагские и первыйреситаль, чего я никак не ожидал.

(30 ноября) 13 декабря

В пять часов отъезд в Ann-Arbor, небольшой город в шести часах не доезжая Чикаго. При тамошнем университете - мой концерт с программой Нью-Йоркского реситаля. Пятьсот долларов не то что маленькая сумма, но я не хотел бы, чтобы на ней установилась моя цена. Поэтому я сказал, что принимаю приглашение только потому, что это по дороге в Чикаго.

В поезде с увлечением делал либретто, которое идёт на лад и принимает блестящий вид. Гоцци очень сценичен и остроумен, но есть слабые места. Сочиняю их по-своему. Вообще либретто будет совершенно без себе подобных. В конце концов Гоцци скажется стволом, к которому привили совсем другие листья.

(1) 14 декабря

Ann-Arbor - маленький городок с чистым воздухом после Нью-Йорка. В течение дня - четыре интервью, осмотр коллекции инструментов, завтрак с директорами. Зал огромный, на пять тысяч человек, и вечером почти полный. Я возмущался внутренне, что при таком сборе мне платят только пятьсот долларов. Но потом мне объяснили, что у них абонемент на всю зиму, и потому очень дешёвый. Публика не столичная, кашляла и сидела не слишком смирно. Я не очень рассчитывал, что меня поймут, и играл, хотя и довольно хорошо, но без особенного настроения. Успех всё время был недурной, но не больший. Публике нравился мой пианизм, но она не воспринимала музыки. Вызовов 2 + 2 + 4 + 0 + 3 = 11. После концерта меня окружили человек восемь русских студентов при здешнем университете и провожали домой.

(2) 15 декабря

В восемь часов утра - в поезде на Чикаго, до которого шесть часов езды. Если у меня на ближайшее время не будут концертные приглашения, то получу тысячу долларов от Кампанини и уеду писать «Апельсины» во Флориду, на солнце. Это ли не прекрасно среди зимы?!

В Чикаго приехал, как в уже давно знакомый город. Видел Кана, русского секретаря Кампанини.

Стоковский страшно мил, много говорил об успехе, который я имел в Чикаго, и советовал устроить recital. После того, как последний раз нью-йоркская критика изругала меня, я начинаю особенно ценить любезное Чикаго.

(3) 16 декабря

Разговор с Кампанини начался крайне неприятно: Кампанини заявил, что он тогда погорячился и что пять тысяч заплатить он не имеет права. За другие мировые премьеры он платил три. Я ему сказал, что это не только мировая премьера, но заказ музыки наново, и для того, чтобы её писать спокойно и хорошо, я должен быть на эти восемь месяцев денежно обеспечен; трёх же тысяч недостаточно. Отложили разговор до завтра. Я звонил Мак-Кормику, который один из финансёров Чикагской оперы, но он, как полагается, был безумно занят и вечером уехал в Вашингтон.

В этот вечер я был злой, потому что мне хотелось сочинять «Три апельсина», и

решил, что надо дать сражение Кампанини, но на случай его упрямства придётся сдать позиции.

(4) 17 декабря

Кампанини предложил четыре тысячи, как последнее и окончательное. Я сказал, что согласен на четыре, но однако на один сезон (пять спектаклей). При этом даю право возобновить на следующий сезон на пять спектаклей по двести за спектакль. Так как двести долларов за спектакль - цена страшно низкая, то Кампанини даже переспросил и сейчас же согласился, не сообразив, что за первый сезон он таким образом платит мне по восемьсот, что очень высоко. Вообще же вышли те же пять тысяч, но с оттяжкой одной тысячи на год. Контракт немедленно был написан на пишущей машинке и подписан мною. Экземпляр, подписанный Кампанини, и чек на тысячу долларов будут присланы мне на днях. В пять часов я выехал в Нью- Йорк и до вечера оживлённо делал либретто.

(5) 18 декабря

Либретто подвигается. Изучил план Флориды. Там жара и купанье. Если этот лимфатичный Адамс ничего мне не устроит, право, поеду во Флориду.

В Нью-Йорк приехали в пять. Вечер провёл у Больмов, у которых чувствовал себя уютно.

(6) 19 декабря

Адамс вместо новых концертов прислал счёт по 10% со старых, в том числе и с альтшуллеровских, в которых он не принимал участия. Про чикагский recital говорит, что он будет стоить семьсот долларов. Если я дам их, то он будет устраивать. Нет, к чёрту такого менеджера ! Надо менять на другого.

Хотел писать либретто, но нечаянно начала сочиняться сама музыка. Так целый день не мог оторваться от сочинения и сделал почти половину Пролога.

(7) 20 декабря

С увлечением писал Пролог и почти кончил. Во время сочинения я так занят сценой и воплощением действия в музыку, что порою прямо некогда остановиться и выбрать ту или иную гармонию, ту или иную тему. Но если я остановлюсь и буду отделывать музыку и тщательно выбирать материал, то мне кажется, я потеряю вихрь драматического действия. И когда я проигрываю написанное, то иной раз мне кажется, что это страшно увлекательно, а иной - что это только пустозвучие. Я думаю, что в конце концов оба впечатления верны: среди счастливых находок будет и много мест ниже моего уровня, но зато общий тон будет увлекательный, как никогда.

(8) 24 декабря

Сегодня не сочинял, так как утром ездил по делам, а днём был на концерте Рахманинова. Карнеги-холл был набит снизу доверху и многие ушли, не получив билетов.

Программа... Нет, Рахманинов продал свою душу чёрту за американские доллары! Вальсы Шопена, рапсодии Листа, вариации Моцарта, собственная полька - ужас! Вместо того, чтобы играть, по крайней мере, три четверти из своих

сочинений. Зато успех и много долларов. Я рад успеху нашего любимца и рад, что разорённый большевиками Рахманинов отыграется на Америке, но мне жаль, что он разменивается на такую «публичную» программу. Вероятно, в корне лежит не один практический расчёт, но и глубокое презрение к американцам. В России он не сделал бы этого. Играл он хорошо, но жёстко и по-рахманиновски, стиль, который я субъективно не люблю, но объективно оцениваю.

После концерта я зашёл приветствовать его в артистическую, которая была набита, как церковь в пасхальную заутреню. Рахманинов, к удивлению, долго не отпускал меня от себя, с мягкой нежностью попрекал, что я его не навещаю и сказал:

- А я вас ждал...

Я ответил с шутливым удивлением:

- Неужели ждали?!

Он сказал утвердительно:

- Ждал.

Меня очень порадовало его внимание.

(9) 22 декабря

Сегодня опять много работал. Пролог закончился удачно и началась первая картина. Я давно не работал с такой скоростью.

Гоцци имел в своём подлиннике слишком много личного и злободневного, с его борьбой с Гольдони и другими театральными течениями. Многое злободневное в его нападках на современников сделалось теперь непонятным и ненужным, но многое осталось вечным, как борьба с напыщенным, тривиальным и прочим. Я выкидываю злободневное и заменяю его, как мне кажется, постоянным.

Когда моя опера будет дана в Петрограде, я знаю, на меня накинутся, одни, что теперь, во время борьбы и судорог всего мира, надо быть деревяшкой, чтобы хвататься за такие беспечные сюжеты (а быть может, человеком, слишком преданным чистому искусству?! Как вы думаете, господа Трагики?); другие, что у меня опять беготня, а не лирика. И вот поэтому я с особенным смаком сочинял Пролог с его Трагиками, Лириками и прочими, которые будут избивать меня своими зонтиками.

(10) 23 декабря

Сочинение продолжается с увлечением. Дошёл до Чудаков: «Он забывает своё величие!» И музыка, кажется, ничего. Безумно стремлюсь к ясности.

Вечер провёл у Рахманинова, который мил и, если можно так выразиться, пассивен. Советует мне не заботиться концертами, а сочинять оперу. Одобрил сюжет и сказал, что оперный заказ - это самое завидное, чего я мог добиться в Америке.

У него был по каким-то делам Башкиров и оба друг другу чрезвычайно понравились. «И рожа-то у него такая умная!», - сказал Рахманинов про Башкирова.

(11) 24 декабря

Сегодня как-то не клеилось, хотя всё же три страницы. Но когда хочется сочинять, а работа не идёт и ходишь из угла в угол, и ничего другого делать не хочется, тогда ужасно противное и нервное состояние. Вот почему я боюсь закатиться куда-нибудь в Калифорнию или Флориду, чтобы сочинять. А вдруг как раз зашибёт и ничего не будет выходить. Ведь тогда с ума сойдёшь. Я понимаю -

поехать, чтобы жить спокойно и понемногу сочинять, как я делал это у меня в Саблине. Но поехать, чтобы сочинять, это другое дело.

Сочельник, вечером, провёл у Шиндлера с Больмами. Было мило. Я помню, три зимы подряд я проводил у Демчинского.

(12) 25 декабря

Рождество. Хотя не знаю. Рождество ли у нас в России, или там ещё празднуют по старому стилю, хотя живут, я знаю, по-новому.

Сегодня сочинял немного: обращение Короля к Труффальдино. Но музыка ничего. Зато появление Труффальдино мне что-то не очень нравится.

Днём был у Башкирова, а вечером у Больмов. где провели время просто, по-семейному. Это было приятно.

(13) 26 декабря

Леандр - и первая картина закончена на день раньше, чем полагал. Проиграл всё и, о ужас, первая картина девять минут плюс Пролог три, итого двенадцать. В развитии фабулы собственно ещё ничего не произошло, а уже прошло двенадцать минут! Надо жать, жать, а то в этой опере столько всяких событий, что мой знаменитый лаконизм грозит превратиться в бесконечную болтовню.

Изыскиваю все способы, чтобы дать маме телеграмму. Мысль, что она, быть может, с марта не имеет от меня известий, положительно не даёт мне покоя.

(14) 27 декабря

Хотя ночь была проведена не слишком спокойно, но очень часто после таких случаев отлично сочиняется. Так и сегодня. Вторая картина не пошла, а прямо помчалась. Либретто не было, но оно и не понадобилось. Вместо слов вытьё и восклицания, и всё среди адского вихря. Половина картины готова.

Вечером так устал, что пошёл в кинематограф, что со мной бывает редко.

(15) 28 декабря

Сегодня очень долго спал. Но потом работа шла хорошо и вторая картина готова. Удалась, хотя с инструментовкой придётся ещё повозиться. Длительность - три минуты, это даже короче, чем я думал. Итак, протяжение во времени у оперы в порядке: длиннот нет.

(16) 29 декабря

Утром не сочинял, был на альтшуллеровской репетиции, где пела сталевская[23] Верочка романс Римского-Корсакова «Роза и соловей» в моей инструментовке. Инструментовал я его уже месяца два назад по её просьбе и аккомпанемент так прост, что прямо нечего было делать. Но когда сегодня я его услышал, то звучало прямо прелесть как хорошо. Я доволен, что так удачно инструментовал.

Начало третьей картины долго не хотело клеиться и портило настроение, а потом вдруг пошло и притом очень хорошо. Если бы не позднее время и не усталость, дописал бы до появления Трагиков.

[23] Т.е. жена Сталя.

(17) 30 декабря

Сегодня порядочный кусок. Кончил ушедшими Трагиками.

Днём ходил за покупками, купил себе цилиндр взамен сбитого во время мирной демонстрации. Вечер провёл у Башкирова. По-видимому, союзники скоро займут Петроград. Воображаю радость голодной, запуганной, наполовину казнённой интеллигенции! И неужели в самом деле к лету можно будет просто сесть в поезд и поехать по Европе в Петроград?

(18) 31 декабря

Остановка в сочинении, потому что после появления Трагиков не было либретто. Писал либретто и кончил акт, но музыки не сочинил ни одной ноты.

Новый год встречал у Mme Люисон, весьма интересной и образованной дамы, обитающей в собственном особняке на 5-й авеню. Она сказала мне: «Не оставайтесь долго в Америке, среда убьёт вас, вам надо более утончённое общество Европы». Чтобы американка сказала такую вещь, надо чтобы она была неглупой женщиной. Вообще же я у них был в первый раз и мне не слишком хотелось встречать Новый год в каком-то новом доме, среди неизвестных мне лиц. Но здесь не встречают Новый год торжественно, нет часов, медленно бьющих двенадцать ударов, никто не встаёт, ощущая торжественность момента и предаваясь в течение этих двенадцати ударов мечтам, желаниям или воспоминаниям, хозяин с поднятым бокалом не провозглашает первый тост. Здесь нет традиций и милых маленьких суеверий. Когда я без четверти двенадцать вынул часы, хозяйка, рядом с которой я сидел, спросила:

- Разве вы торопитесь?

Я ответил:

- Нет, но я хочу знать, далеко ли Новый год.

Она улыбнулась:

- Будьте спокойны, когда он придёт - все зашумят.

И действительно, зашумели. Защёлкали трещётки, зазвонили бубенцы, задудели игрушечные дудки. У каждого перед прибором лежал какой-нибудь предмет для делания шума. Так шумели минут пять, а затем все стали пить шампанское, которое, впрочем, пили и до этого, и иногда чокались с соседкой. Да, здесь встречают Новый год по-детски, глупо, весело и пусто. Может в этой детскости даже есть более глубокая бессознательная мудрость. Но нет поэзии.

Итак, 1919 год.

1918-й год оказался на тринадцать дней короче, так как я встретил его по старому стилю, ныне отошедшему в предание. 1918 год весь прошёл под флагом Америки: январь-февраль планы, март-август путь и сентябрь-декабрь сама Америка. Я был готов к обоим результатам: и бешеным успехам и чистке с голода сапог. Линия прошла посередине, ближе к бешеным успехам, за вычетом из них недоумения, которое вселяет моя музыка. Но я удрал из России - и это много. Если бы только вытащить оттуда маму! Но кабель через Константинополь по- прежнему закрыт.

Любопытно, что бешеный успех вместо меня сделал Рахманинов, так мрачно и равнодушно приехавший из своего Копенгагена. Но его два популярных прелюда за восемь лет, протекших с его первого приезда, до того выгрались в уши любой девицы, берущей уроки музыки, что, неожиданно для себя, Рахманинов нашёл здесь такую популярность, какая ему не снилась. И теперь битком набитые концерты и десятки тысяч долларов. Я радуюсь за него и за русскую музыку и даже добродушно воспринимаю то, что он, как будто и относясь ко мне премило, всё же протестовал

перед Альтшуллером, когда последний захотел поставить «Скифскую сюиту» в тот концерт, где будет играть Рахманинов. О, старое поколение! Неинтересны тебе мысли молодых, но мы вникаем в это чувство - и не виним. И лишь в отместочку припомним, что был случай, когда «Скифская сюита» помрачила его успех!

Итак, прощай, милая книжка. Я честно писал в тебя каждый день. Теперь начнётся другая, американская.

Имена и названия

В тексте Дневника некоторые имена первый раз встречаются на иностранном языке. В общем списке имён эта особенность сохранена - имя даётся так, как в тексте, а в скобках его написание по-русски. В случае иностранного имени, указанного в тексте первый раз по-русски - ситуация обратная: в скобках дано его оригинальное написание латинскими буквами.

Биографические данные сведены до необходимого минимума, в случае неточной информации присутствует знак вопроса в скобках: (?).

Меры длины и веса:

1 вершок = 4,4 см. 1 аршин = 0,71 м. 1 сажень = 3 аршина = 2,13 м. 1 верста = 1,06 км. 1 фут = 30,48 см. 1 фунт = 409,5 граммов. 1 миля (морская) = 1852 м. 1 десятина = 2400 кв. саженям - 1,09 гектара.

Абашидзе - ученик Консерватории, виолончелист.
Абрамычева, О.Н. - ученица Консерватории.
Абутков - композитор, окончил Петербургскую консерваторию в 1906 г.
Аванова, Соня - поклонница и подруга Н.Кошиц.
«Августеум» - концертный зал в Риме.
Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881-1925) - писатель.
Avi - см. Кодина, Хуан.
Авивит, Шошана - артистка Московского еврейского театра «Габима».
Авранек, Ульрих Иосифович (1853-1937) - хормейстер, дирижёр.
А.Г. - см. Жеребцова-Андреева,
А.Г. Агранов, Яков - сотрудник ОГПУ.
А.Дм, А.Д. - мать Б.Н.Башкирова (Верина) и В.Н.Башкирова.
Adams (Адамс) - менеджер в Гонолулу.
Adams (Адамс) - американский менеджер.
Adès (Адес) - писатель.
Адлер, Джулия (Adler, Julia) - сестра Стеллы Адлер.
Адлер, Стелла (Adler, Stella) - поклонница-американка, театральная актриса.
Адриенна - см. Волковысская, А.
Айвазовский, Иван Константинович (1817-1900) - живописец-маринист.
Ives (Айвз), мисс - менеджер в San José.
Акафьев, Коля - племянник Борковских, знакомых сестры М.Г.Прокофьевой.
Акименко Фёдор Степанович (1876-1945) - композитор, пианист.
Акцери - преподаватель Консерватории, певица.
Алапин, Семён Зиновьевич (1856-1923) - шахматист.
Александр Михайлович (1866-1933) - великий князь, внук императора Николая I.
Александров, Анатолий Николаевич (1888-1982) - композитор.
Александрович, Александр Дмитриевич - певец (тенор), профессор Русской консерватории в Париже по классу пения.
Александровский, Сергей Васильевич (1864-1937) - юрист, директор Большого театра в Москве.

«Аполлон» - петербургский ежемесячный литературно-художественный журнал, издавался в1909-1917 гг. и возглавлялся художественным критиком С.К.Маковским.
Апухтина - сестра жены П.П.Сувчинского.
Арабелов, князь - знакомый Н.Кошиц.
Аравентинос - художник-постановщик «Трёх апельсинов» в Берлине.
Аракина - ученица Консерватории, певица.
Арбос, Энрике Фернандес (Arbos) (1863-1939) - скрипач, дирижёр, композитор.
Аргентина - испанская танцовщица.
Аренс - советник советского посольства в Париже.
Аренский, Антоний Степанович (1861-1893) - композитор, дирижёр.
Ариадна - см. Никольская (Руманова), Ариадна.
Ариадна - дочь А.Н.Скрябина от второго брака.
Аркадьев, Михаил Павлович (1896-...) - театральный деятель.
Арканов, Борис Самойлович - зам. директора Большого театра в Москве.
Армашевская - ученица Консерватории.
Артемьева, Зинаида Николаевна - певица, ученица А.Г.Жеребцовой-Андреевой.
Архимед (287-212 до Р.Х.) - греческий учёный.
Арцыбашев, Михаил Петрович (1878-1927) - прозаик, публицист, драматург.
Арцыбушев, Николай Васильевич (1858-1937) - юрист, композитор, один из руководителей Беляевских концертов.
Асафьев, Борис Владимирович (Игорь Глебов) (1884-1949) - музыкальный критик
и писатель, композитор, музыкальный деятель.
Асланов, Александр Петрович (1874-1960) - дирижёр, с 1909 г. руководил летними симфоническими концертами в Павловске.
Аслашка - см. Асланов, А.П.
Астров, Михаил Фёдорович - секретарь С.Прокофьева.
Астрюк, Габриэль (Astruc, Gabriel) (1864-1938) - музыкальный критик и театральный деятель.
Атовмян, Левон Тадевосович (1901-1973) - музыкально-общественный деятель, композитор.
Ауссем - российский консул в Париже.
Ауэр, Леопольд Семёнович (1845-1930) - скрипач, педагог, дирижёр.
Афанасьев, Александр Николаевич (1826-1871) - этнограф, писатель, собиратель и исследователь русского народного эпоса.
Афиногенов, Александр Николаевич (1904-1941) - драматург.
Ахвледиани, Элли Корнелиевна - ученица Жеребцовой-Андреевой, поклонница и знакомая С.Прокофьева.
Ахматова, Анна Андреевна (1889-1960) - поэт.
Ахрон, Исидор Юльевич (1892-1948) - ученик Консерватории, пианист (класс Есиповой).
Ахрон, Иосиф Юльевич (1886-1943) - скрипач, ученик Л.С.Ауэра, композитор.

Бавастро, семья - попутчики в Италию. Бада (Мейндорф) - брат Нади Раевской.
Базавов, Сергей (Серж) - кузен сестёр Мещерских.
Базилевский, Юрий (Георгий) Петрович - композитор.
Бай - пианист, ученик Консерватории (класс Дроздова).
Бакланов, Георгий Андреевич (1880-1938) - певец (баритон).
Бакс, Арнольд (Bax, Arnold) (1883-1953) - композитор.
Бакст, Лев Самойлович (1866-1924) - живописец, график, театральный художник.
Балаев, Николай Васильевич (1862-...) - преподаватель русского языка в

Маринуцци.
Белокурова, Серафима - ученица Консерватории, певица (класс Фострем).
Белоусов, Евсей Яковлевич (1881-1945) - виолончелист.
Вельский, Владимир Иванович (1866-1946) - либреттист, друг Н.А.Римского-Корсакова.
Белый, Виктор Аркадьевич (1904-...) - композитор, музыкальный деятель, член Ассоциации пролетарских музыкантов.
Белый, Андрей (Бугаев, Борис Николаевич) (1880-1934) - поэт, писатель, теоретик символизма.
Беляев, Виктор Михайлович (1888-1968) - музыкальный критик, музыковед.
Беляев, Митрофан Петрович (1836-1904) - петербургский лесной магнат, музыкальный деятель, организатор музыкальных вечеров, носивших название Беляевские концерты, музыкальный издатель.
Беляевские концерты - Русские симфонические концерты, основанные в 1885 году Митрофаном Петровичем Беляевым и часто называвшиеся его именем.
Бендицкий - ученик Консерватории.
Бенуа - ученик(ца) Консерватории, пианист(ка).
Бенуа, Александр Николаевич (1870-1960) - художник и художественный деятель, искусствовед, театральный художник и режиссёр, один из основателей объединения «Мир искусства».
Бенуа, Mme - жена А.Бенуа.
Бенуа (Браславская-Бенуа), Елена Александровна (Лёля) (1898-1972) - дочь А.Н.Бенуа, художница, скульптор, сценограф.
Бенуа, Николай Александрович (1901-1988) (Кока) - художник театра и живописец, сын А.Н.Бенуа.
Бенуа, Маруся и Кока - Бенуа, Николай, художник, сын А.Н.Бенуа; и его жена - Марина Павлова.
Берг, Албан (Berg, Alban) (1885-1935) - композитор.
Бердяев - дирижёр в Кисловодске.
Березовская, А.Г. (Нюра) - ученица Консерватории, жена Пиастро-старшего.
Берлин, А.М. - ученица Консерватории, пианистка.
Берлиоз, Гектор (Berlioz, Hector) (1803-1869) - композитор.
Берлиц - языковая школа, носящая имя своего основателя - Максимилиана Берлица (Berlitz, Maximilien).
Бернгард, Август Рудольфович (1853-1908) - музыкальный теоретик, профессор и директор (1898-1905) Петербургской консерватории.
Бернерс, Лорд (sir Gerald Hugh Tyrwhitt-Wilson, 14-е baron Berners) (1883-1950) - дипломат, литератор, композитор, художник.
Бернштейн, Николай Давыдович (1876-1938) - музыкальный писатель, рецензент.
Бернштейн, Осип Самойлович (1882-1962) - юрист, шахматист.
Бессель, Василий Васильевич (1843-1907) - музыкальный издатель.
Бессонова - учешща Консерватории.
Бетман-Гольвег, Теобальд (Bethmann Hollweg) (1856-1921) - граф, политический деятель.
Бетховен, Людвиг ван (Beethoven, Ludwig van) (1770-1827) - композитор.
Бехерт - импрессарио.
Burness, Robert (Бёрнесс, Роберт) - переводчик романсов С.Прокофьева на английский язык.
Бизе, Жорж (Bizet, Georges) (1838-1875) - композитор.
Билибин, Иван Яковлевич (1876-1942) - график и театральный художник. Член художественного объединения «Мир искусства».
Бирюлин - ученик Консерватории.

Двинский, М. - репортёр газеты «Вечерние биржевые новости».
Де Базиль - менеджер балета Монте-Карло.
Дебюсси. Клод (Debussy, Claude) (1862-1918) - композитор.
Désormière, Roger (Дезормьер, Роже) (1898-1963) - дирижёр, композитор.
Дейша-Сионицкая, Мария А(н)дриановна (1859-1932) - певица (драм, сопрано), педагог.
«Декамерон» - название сборника новелл периода 1348-1353 гг. Джованни Бокаччо (Giovanni Boccaccio) (1313-1375).
Демчинский, Борис Николаевич (1877-1942) - филолог, литератор, друг С.Прокофьева.
Delage, Charles Maurice (Делаж, Шарль Морис) (1879-1961) - композитор.
Де Ламартр (De Lamarter, Eric) - дирижёр в Чикагской опере, ассистент Ф.Стока.
Delannoy, Marcel (Делануа, Марсель) (1898-1962) - композитор.
Делямартр - см. Де Ламартр.
Демази, Поль (Demasy, Paul) - драматург.
Демчинская, В.Ф. - жена Б.Н.Демчинского.
Демчинский, Борис Николаевич (1877-1942) - филолог, литератор, друг С.Прокофьева.
Деникин, Антон Иванович (1872-1947) - русский генерал.
Державин, Гаврила Романович (1743-1816) - поэт.
Держановская (Колосова), Екатерина Васильевна - жена В.В.Держановского.
Держановский, Владимир Владимирович (1881-1942) - музыкальный деятель, редактор и издатель журнала «Музыка», один из основателей АСМ - Ассоциации Современной Музыки.
Держинская, Ксения Георгиевна (1889-1951) - певица (сопрано).
Дернов - шафер Л.Глаголевой.
Дерюжинский, Глеб Владимирович (1888-1975) - скульптор.
Дефоу, Дезире (Defauw, Désiré) (1885-1960) - скрипач, дирижёр.
Дешевов, Владимир Михайлович (1889-1955) - ученик Консерватории (класс Винклера), композитор.
Gentle (Джентл) - американская певица.
Джером-Джером - писатель.
Джесика - менеджер в Сан-Франциско.
Jesse, Mrs (Джесс) - представительница общества Pro Musica в Портланде.
Джиаргули - служащий Консерватории. Джонс - влиятельный музыкальный деятель.
Джонс(он), Johnson, также H.Johns - Джонсон, Херберт (Johnson. Herbert) - один из финансовых директоров Чикагской оперы (Business manager of Chicago Civic Opera Company).
Johnsson, Esther (Джонсон, Эстер) - молодая пианистка.
Джунковские - попутчики в путешествии по Военно-Сухумской дороге.
Дзбановский, Александр Тихонович (1870-1938) - композитор, музыкальный критик.
Дианов, Антон Михайлович (1882-1939) - музыкант, композитор.
Дива - см. Янакопулос, В.
Дидерихс, Андрей - антрепренёр, владелец фортепианной фабрики и депо роялей и пианино Р. и А.Дидерихс (1810-1914).
Дикий, Алексей Денисович (1889-1955) - актёр и режиссёр.
Дмитриев, Владимир Владимирович (1900-1948) - театральный художник.
Дмитриева, Ольга Петровна - дальняя родственница.
Дмитриеску - пианист.
Дмитрий Павлович - см. Романов, Дмитрий Павлович.

Добрженец - скрипач, ученик Консерватории.
Добровейн, Исай (Dobrowen, Issaï) (1891-1953) - дирижёр.
Добротина - знакомая Прокофьева по спортивному обществу «Сокол».
Добрышины - знакомые Павских и Прокофьевых.
Добычина, Надежда Евсеевна (1884-1950?) - основала в Петербурге в 1911 г. Художественное бюро, носившее её имя, организатор художественных выставок и музыкально-литературных вечеров.
Довглевский - сотрудник советского полпредства в Париже.
Доде, Альфонс (Daudet, Alphonse) (1840-1897) - писатель.
Donna Alperes - см. Алперс, В.
Донани, Э. (1877-1960) - пианист, композитор и дирижёр.
Дос (Dous) - преемник Макса Пама на месте вице-председателя финансовых директоров Чикагской оперы.
Достоевская, Анна Григорьевна (1846-1918) - жена Ф.М.Достоевского.
Достоевский, Фёдор Михайлович (1821-1881) - писатель.
Дранишников, Владимир Александрович (1893-1939) - ученик Консерватории, дирижёр.
Дреппер - секретарша Мэри Гарден.
Дризен, фон Остен, барон - организатор «Старинного театра». Дроздов - пианист.
Дроздов, Анатолий Николаевич (1883-1950) - преподаватель Консерватории, пианист и музыковед.
Друскин, Михаил Семёнович (1905-...) - музыковед, пианист.
Дубасов - профессор Консерватории, класс фортепиано.
Дубяго - ученица Консерватории, пианистка.
Дубянский, Александр Маркович (1900-...) - ученик Консерватории, пианист.
Дувидзон - ученица Консерватории.
Дударь - ученица Консерватории, класс Винклера.
Дукельский, Владимир Александрович (Дюк, Верной) (Duke, Vernon) (1903-1969) - композитор, знакомый С.Прокофьева.
Дулов - аккомпаниатор Жеребцовой-Андреевой, пианист.
Думер, Поль (Doumer, Paul) (1857-1932) - президент Франции в 1931-32 гг.
Дунаев - случайный знакомый, поэт-дилетант.
Дункан, Айседора (1878-1927) - танцовщица.
Дурдины, Нина и Кира - кузины братьев Захаровых.
Дутникова - балерина, племянница Демчинского.
Душкин, Сэмюэл (Dushkin, Samuel) (1891-1976) - скрипач, ученик Ф.Крейслера и Л.Ауэра.
Dubost, (Mme René Dubost) - меценатка, устроительница музыкальных салонов-приёмов в Париже. Дюгеклен - ресторан в Париже.
Дюкс - репетитор Мариинского театра. Dumesnil (Дюмениль) - музыкальный критик в Париже.
Duo-Art - американская фирма механических пианино.
Dupré, Marcel (Дюпре, Марсель) (1886-1971) - органист, композитор, музыковед. С 1926 г. профессор Парижской консерватории.
Дюран, Жак - музыкальный издатель Клода Дебюсси.
Dusseau (Дюсо) - певица (сопрано), исполнительница роли Нинетты в «Трёх апельсинах» в Чикаго.
Дягилев, Сергей Павлович (1872-1929) - художественный и музыкальный деятель, антрепренёр, организатор Русских сезонов в Париже.
Дядя Саша - см. А.Д.Раевский.

«Зимро» - еврейский ансамбль (струнный квартет, кларнет, рояль), состоявший из бывших учеников Петербургской консерватории.
Зина, Зинаида - Рейх, Зинаида Николаевна, жена Вс.Мейерхольда.
Зингер - брат принцессы Полиньяк, фабрикант швейных машин.
Злобин - гофмейстер, знакомый Бориса Башкирова.
Змиев - анархист, случайный знакомый.
Зноско-Боровский, Евгений Александрович (1884-1954) - шахматист, журналист.
Зора - см. Гревс, 3. Зоя - см. Карнеевы.

«Ибах» - фабрика и марка роялей.
Ibbs - английский менеджер пианиста Б.Моисеевича.
Ибсен, Генрих (Ibsen, Henrik) (1828-1906) - писатель.
Иванов - петербургский композитор.
Иванов, Вячеслав Иванович (1866-1949) - поэт-символист, драматург, историк и теоретик искусства. Иванов-Смоленский - профессор
Консерватории (вокал).
Иванова - ученица Консерватории (класс Винклера).
Ives, miss - менеджер в San José.
Игнатьев, А.А. - граф, генерал-лейтенант, советский дипломат, мемуарист.
Игнатьев, Паля - муж Кати Раевской, двоюродной сестры С.Прокофьева.
Игнатьева, Катя – Раевская, Екатерина Александровна (1881-1943), двоюродная сестра С.Прокофьева.
Игумнов, Константин Николаевич (1873-1948) - пианист и педагог, профессор Московской консерватории.
Идка - см. Рубинштейн, И.Л.
Ижевский - врач, лечивший Б.Верина.
Изаи, Эжен (Ysaye, Eugène) (1858-1931) - скрипач, дирижёр и композитор.
Извольские - знакомые в Нью-Йорке.
Ильин – сын А.Н.Есиповой.
Ильин, Александр Фёдорович - профессор, из евразийцев.
Ильяшенко - композитор.
Ингерманы (Ingerman) - супруги-врачи, лечившие Прокофьева в Нью-Йорке, друзья.
Ингерман (Ingerman, Sergius) - врач-отоларинголог в Нью-Йорке (муж А.Ингерман).
Ингерман, Анна (Ingerman, Anna) - врач-терапевт в Нью-Йорке. Indy, Vincent d' (Инди, Винсент) (1851-1931) - композитор.
Insull - председатель финансовых директоров Чикагской оперы (сменивший Гарольда Мак Кормика).
Иоанн Грозный (Иван IV) - великий князь московский и Всея Руси, русский царь (1547-1584).
Иованович, Младлен Эммануилович - пианист, певец, композитор.
Иогансен - нотный магазин в Петербурге.
Ионин - знакомый в Петербурге. Ионов - музыкальный деятель в Москве.
Иохельсон, Владимир Ефимович (1904-1941) - заведующий литературной частью Малегота, бывший председатель ленинградского отделения пролетарских музыкантов.
Ипполитов-Иванов, Михаил Михайлович (1859-1935) - композитор, дирижёр, педагог.
Ирецкая, Наталья Александровна (1845-1922) - певица (лирико-колоратурное

сопрано), преподаватель Консерватории с 1874 года.
ИРМО - Императорское Российское Музыкальное Общество, существовало с 1859 по 1917 год. В 1859 году открыло в Петербурге Музыкальные классы, на базе которых в 1862 году была создана Консерватория.
Итурби, Хосе (Iturbi, José) (1895-1980) – пианист, дирижёр.
Иоффе – ученик Консерватории.

Каверин, Вениамин Александрович (1902-1989) - писатель.
Кавос, сестры - знакомые, из семьи художника Е.Е.Лансере (1875-1946).
Казадесюс, Анри (Casadesus, Henry) (1879-1947) - композитор, альтист.
Casadesus, Robert (Казадезюс, Робер) (1899-1972) - пианист и композитор.
Казальс, Пабло (Casals, Pablo) (1876-1973) - виолончелист, дирижёр.
Казаченко, Григорий Алексеевич (1858-1938) - композитор, дирижёр.
Casella, Alfred (Казелла, Альфред) (1883-1947) - композитор, пианист, дирижёр.
Калантарова - пианистка, преподаватель Консерватории.
Калафати, Василий Павлович (1869-1942) - композитор, теоретик, профессор Петербургской консерватории.
Калашникова, Таня - знакомая.
Каледин, Алексей Максимович (1861-1918) - казачий атаман, организовал около Ростова самостоятельный фронт, который пал в марте 1918 года.
Калинников, Василий Сергеевич (1866-1900) - композитор.
Калиновский – знакомый семьи Алперс.
Каль, Алексей Фёдорович (1878-...) – знакомый, бывший профессор Петроградской консерватории, музыкальный критик.
Calvé, Emma (Кальве, Эмма) - певица, педагог.
Кальвокоресси, Мишель (Calvocoressi, Michel) (1877-1944) - музыковед и критик.
Каменева, Ольга Давыдовна (1883-1941) - сестра Л.Д.Троцкого, жена советского посла в Риме, театральный деятель.
Каменский, Александр Данилович (1900-1952) - пианист.
Кампанини, Клеофонте (Campanini. Cleofonte) (1860-1919) - оперный дирижёр, музыкальный директор Чикагской оперы.
Камышанская, В.М. - ученица Консерватории.
Кан, Отто (Kahn, Otto) - секретарь Клеофонте Кампанини.
Mme Otto Kahn - жена Отто Кан.
Канкарович, Анатолий Исаакович (1885-1956) - дирижёр и композитор, ученик Консерватории. Канкароша – см. Канкарович.
Кант, Иммануил (Kant, Immanuel) (1724-1804) - философ.
Капабланка, Хосе-Рауль (Capablanca, José Raoul) (1888-1942) - шахматист, чемпион мира, в 1914 г. кубинский консул в Петербурге.
Capdeville (Капдевиль) - гравёр нот.
Капустин - знакомый.
Капустина, Софья - знакомая Б.Захарова.
Карагичев, Борис Васильевич (1879-1946) - композитор и музыкальный критик.
Каракаш, М.Н. - певец Мариинского театра (баритон).
Каратьпин, Вячеслав Гаврилович (1875-1925) - музыкальный критик, композитор и педагог.
Карахан, Лев Михайлович (1889-1937) - государственньш деятель, дипломат.
Каренин, Лев - знакомый Б.Верина и С.Прокофьева.
Карина - танцовщица.
Карнеевы, Лев Кузьмич, Лидия Кузьминична (1892-...) и Зоя Кузьминична (1894-

...) - соседи Б.Захарова по даче в Териоках, знакомые его и С.Прокофьева.
Карнеечки - см. Карнеевы, Л. и 3.
Карнейзон - см. Карнеева, Л. и 3.
Карнович - композитор, соученик С.Прокофьева.
Карпентер, Джон Олден (Carpenter, John Alden) (1876-1951) - композитор.
Карпович - сотрудник русского посольства в Вашингтоне.
Карсавин, Лев Платонович (1882-1952) - профессор средневековой истории Петербургского университета, после 1922 года преподавал в Берлине, затем в Ковно.
Карский, Алексей - гимназист из Симферополя. Карташев - русский эммигрант в Париже.
Карузо, Энрико (Caruzo, Enrico) (1873-1921) - певец (тенор).
Каспари - петербургский фотограф.
Кастальский, Александр Дмитриевич (1856-1926) - композитор.
Катюша - см. Шмидтгоф, Е.
Катя, Катечка - см. Раевская, Е.А.
Катя, тётя - см. Раевская, Е.Г.
Качалов, Василий Иванович (1875-1948) - актёр.
Каченовский, Г.П. - знакомый Моролёва и Прокофьева, любитель музыки и шахматист.
Каянус, Роберт (1856-1933) - композитор и дирижёр.
«Квисисана» - петербургский ресторан. Кедров, Коля - сын Н.Н.Кедрова.
Кедров, Николай Николаевич (1871-1940) - профессор Петербургской консерватории, создатель и участник вокального квартета Кедрова.
Keil (Кейль) - брат владелицы дома в Эттале, который снимали Прокофьевы.
Кек – нотный переписчик.
Келлер – ученица Консерватории, пианистка (класс Лаврова).
Кеннеди - банкир в Лос-Анжелесе.
Кепин - партнёр в бридж.
Керенский, Александр Фёдорович (1881-1970) - политический деятель, член Государственной Думы, министр Временного правительства. Керженцев, Платон Михайлович (1881-1940) - историк, общественный деятель, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств СССР.
Керзина, Мария Семёновна - организатор камерных концертов в Москве.
Кессель - знакомый Мещерских.
Кесслер, Иозеф (Kessler) (1800-1872) - композитор, пианист.
Кильштетт, Мария Григорьевна (1861-19...) - поэтесса, беллетрист.
Кимонт-Яцына, Марцелина Ивановна (1884-...) - пианистка, преподаватель Консерватории.
Кинд, Серафима - ученица Консерватории, пианистка.
Кира Николаевна - поклонница К.Бальмонта.
Кирико, Джорджо Де (De Chirico) (1888-1978) - художник.
Кирлиан - ученик Консерватории.
Кирш, Нина - знакомая в Ессентуках.
Кишинские - общие знакомые Мещерских и Рузских.
Clark, Edward (Кларк, Эдвард) - сотрудник студии BBC в Лондоне.
Clausells - секретарь общества, устроившего концерт С.Прокофьева в Барселоне.
Клейбер, Эрих (Kleiber, Erich) (1890-1956) - дирижёр, в 1922 г. главный дирижёр Мангеймской оперы.
Klein, Warren Charles (Клейн, Уорен Чарльз) - поэт, журналист в Christian Science Monitor.

Лабунский - композитор, секретарь С.Прокофьева.
Lavary, lady - лондонская подруга Mrs Carpenter.
Лавренев, Борис Андреевич (1891-1959) - писатель.
Лавров, Николай Степанович (1861-1927) - пианист, профессор Петербургской консерватории.
Лавров, Максимилиан Иванович - настоящее имя Шмидтгофа Максимилиана Анатольевича (Лавров - фамилия матери, Шмидтгоф - фамилия отца, незаконным сыном которого Макс являлся).
Лаврова, Александра Николаевна - мать Макса Шмидтгофа.
Лавровы-Шмидтгоф - мать и сестра М.Шмидтгоф.
Лазаревский, Борис - писатель. Лазарь, Филипп (Lazar, Filip) - композитор.
Лазарюс, А. (Lazarus) - композитор, муж Ариадны Скрябиной (1905-1944), дочери А.Н.Скрябина.
Лазерсон - ученик Консерватории, скрипач. Лакиардопуло - музыкальный критик.
Лалуа, Луи (Laloy, Louis) (1874-1944) - переводчик, музыкальный критик, заведующий отделом прессы в Гранд Опера в Париже.
Ламберт - знакомый американец.
Ламберт, Констант (Lambert, Constant) (1905-1951) - композитор, дирижёр.
Ламбин, Пётр Борисович (1862-1923) - театральный художник, декоратор Мариинского театра.
Ламонд - пианист.
Ламм, Павел Александрович (1882-1951) - пианист, музыкальный деятель.
Lamoureux, Charles (Ламурё, Шарль) (1834-1899) - дирижёр, скрипач, основатель в 1881 г. оркестра Ламурё и общедоступных концертов, получивших позже имя Концерты Ламурё.
Lang (Ланг) - доктор в Обераммергау, лечивший М.Г.Прокофьеву.
Lankow (Ланкоу) - певец (бас) в Чикагской опере.
Ланьер (Lanier) - основательница «Общества друзей музыки» в Нью-Йорке.
Лапина - ученица Консерватории, пианистка (класс Дубасова).
Лапин(а) (Lapinà) - гравёр, владелец дома в Бельвю, который снимал Прокофьев с семьёй.
Лапицкий, Иосиф Михайлович (1876-1944) - оперный дирижёр.
Laporte - издатель, знакомый Ф.Пуленка.
Ларионов, Михаил Фёдорович (1881-1964) - художник, а также художник-декоратор некоторых дягилевских балетов.
Ласкер, Эдуард - шахматист, однофамилец Эмануила Ласкера.
Ласкер, Эмануил (Lasker) (1868-1941) - шахматист, чемпион мира.
Лебедев - шахматист.
Лебедев - морской министр при Керенском.
Лебединцева - знакомая М.Г.Прокофьевой.
Левенстрен - владелица музьжальной Студии, в которой Прокофьев давал уроки фортепиано.
Левенфиш, Григорий Яковлевич (1889-1961) - шахматист.
Левин - знакомый шахматист.
Левин, Иосиф (1874-1944) - пианист.
Левин - случайный знакомый в Лос-Анжелесе.
Левит (Levit) - профессор в Университете Чикаго, любитель музыки. Левитан - ученик Консерватории,певец.
Левицкая, Елена - ученица Консерватории, подруга М.Павловой.
Левицкий - муж Н.Мещерской.

Макс - см. Шмидтгоф, М.А.
Максвел - менеджер, представитель издательства Кусевнцкого.
Максвелл Джордж (Maxwell, George) - случайный знакомый.
Макстман, Сара - ученица Консерватории.
Максутов, Митя; Максутовы – родственники Раевских.
Максутова, А.П. – родственница Раевских.
Малама - девичья фамилия В.Н.Мещерской.
Малер, Густав (Mahler. Gustav) (1860-1911) - композитор.
Малиновская, Елена Константиновна (1875-1942) - театральный деятель, в 1920-1924 и 1930-1935 годах - директор Большого театра в Москве.
Малинская - ученица Консерватории, пианистка (класс Есиповой).
Мальмгрен, Евграф Ферапонтович - виолончелист.
Малько, Николай Андреевич (1883-1961) - дирижёр, педагог, окончил Петербургскую консерваторию в 1909 г.
Малышев - юрист, знакомый В.Мейерхольда.
Малютин, Борис Евгеньевич - шахматист, председатель Шахматного Собрания Петербурга.
Мама - см. Прокофьева, Мария Григорьевна.
Ман-дель-Баум (Мандельбаум) - ученик Консерватории, певец.
Mangeot, A. (Манжо) - сотрудник антрепризы «Jacques Hébertot. Théâtres et éditions».
Мансурова, Цецилия Львовна (1896-1976) - драматическая актриса. Манухин, И.И. - доктор, ученик И.И.Мечникова, занимался вопросами иммунитета.
Марвик - см. Боровская, Мария Викторовна.
Марджанов, Константин А. (Марджанишвили. Котэ) (1872-1933) - актёр и режиссёр, основатель и руководитель Свободного театра в Москве.
Маринетти, Филиппо Томазо (Mariiietti. Filippo Tommazo) (1876-1944) - писатель, лидер западноевропейского футуризма.
Мариночка – см. Павлова, Марина.
Маринуцци, Джино (Marinuzzi, Gino) - главный дирижёр и артистический директор Чикагской оперы в 1919-1920 гг.
Мария Викторовна - см. Боровская (Барановская), М.В.
Мария Ивановна - знакомая А.Г.Жеребцовой-Андреевой в Лондоне.
Маркевич, Игорь Борисович (1912-1983) - дирижёр, композитор.
Марков - помещик, знакомый М.Г.Прокофьевой.
Маркс, Карл (Marx, Carl) (1818-1883) - основоположник коммунизма.
Маркус, Владимир и Надя - родственники одного из братьев Захаровых.
Marnold, J. (Марнольд) - музыкальный критик.
Марочка, Марина - дочь Н.Кошиц.
Мартене, Фредерик X. (Martens) - журналист и музыкальный критик.
Мартину, Богуслав (Martinu, Bohuslav) (1890-1959) - композитор.
Маруся - см. Павлова, Марина.
Марфуша - горничная М.Г.Прокофьевой.
Маршалл, Фрэнк (1877-1944) - шахматист.
Маршекс, Жиль - пианист.
Маслова, Татьяна - ученица Консерватории.
Маснэ, А. - финансист и меценат, создатель Парижской частной оперы (август 1929), которая позже превратилась в Частную русскую оперу М.Н.Кузнецовой-Маснэ.
Матисс, Анри (Matisse, Henri) (1869-1954) - художник.
Маяковский. Владимир Владимирович (1893-1930) - поэт.
М.В. - см. Боровская (Барановская), М.В.
Мдивани - комиссар лёгкой промышленности Грузии.

Пуччини, Джакомо (Puccini, Giacomo) (1858-1924) - композитор.
Пушкин, Александр Сергеевич (1799-1837) - поэт, писатель.
Пшибышевский, Болеслав Станиславович (1892-...) - композитор, музыковед, музыкально-общественный деятель.
Пьернэ, Габриэль (Pierné, Gabriel) (1863-1937) - дирижёр, композитор.
Пышнов, Лев - ученик Консерватории, пианист (класс Есиповой).
Putzeys (Пютзейс) - импрессарио в Брюсселе.
Пятигорский, Грэгор (Григорий Павлович) (Piatigorsky, Gregor) (1903-1976) - виолончелист.

Рааб, Вильгельмина Ивановна (1848-1917) - певица, профессор Консерватории.
Рабинович, (М.А.) - ученик Консерватории, пианист (класс М.Н.Бариновой).
Рабинович - скрипач.
Рабинович, Исаак Моисеевич (1894-1961) - театральный художник.
Рабо, Анри (Rabaud. Henry) (1873-1949) - композитор, директор Парижской консерватории.
Равель, Морис (Ravel, Maurice) (1875-1937) - композитор.
Радлов, Николай Эрнестович (1889-1942) - художник-карикатурист. (Брат С.Э.Радлова).
Радлов, Сергей Эрнестович (1892-1958) - режиссёр.
Радлова, Надежда Константиновна - жена Н.Радлова.
Радочка - см. Никольская, А.
Раевская, Екатерина Александровна (1881-1943) - кузина С.Прокофьева.
Раевская (урождённая Житкова), Екатерина Григорьевна (1857-1929) - тётка (сестра матери) С. Прокофьева.
Раевские - семья А.Д. и Е.Г. Раевских.
Раевский, Александр Дмитриевич (дядя Саша) (1850-1914) - дядя С.Прокофьева, действительный тайный советник, муж Е.Г.Раевской.
Раевский, Александр Александрович (Шурик) (1885-1942) - двоюродный брат С.Прокофьева, муж Н.Б. Раевской, сын А.Д.Раевского и Е.Г.Раевской (Житковой).
Раевский, Андрей Александрович (1882-1920) - двоюродный брат С.Прокофьева.
Раевская, Надежда Богдановна (урожд. Мейендорф) (1885-1950) - жена А.А.Раевского, двоюродного брата С.Прокофьева.
Раевские, Катя, Алёна и Соня - дети А.А. и Н.Б. Раевских.
Раевская, Татьяна Александровна (Таня) - кузина С.Прокофьева, жена Андрея Раевского.
Разумник - писатель, драматург.
Разумовский, Сергей Дмитриевич - представитель МОДПиК (Московское объединение драматических писателей и композиторов).
Райский, Назарий Григорьевич (1875-1958) - певец (тенор), заведующий Большим залом Московской консерватории и директор Росфила.
Райчев, Пётр (Raïtchev, Petre или Raiceff, Pietro) (1887-1960) - певец (тенор), оперный режиссёр.
Раковский, Христиан Георгиевич (1873-1941) - политический деятель, дипломат.
Рамо (Rameau, Jean-Philippe) (1683-1764) - композитор.
Ранвид, Мариан (Ranvid, Marianne) - знакомые М.Г.Прокофьевой.
Ранушевич, Екатерина Михайловна - пианистка, композитор, педагог.
Рапопорт - главный режиссёр Мариинского театра.
Рапп-Клезе - ученица Консерватории, певица.
Распутин, Григорий Ефимович (1864 или 1865 или 1872-1916) - лжепророк и аферист-предсказатель при Императорской семье.

Свириденко - автор (?) книги о содержании «Кольца Нибелунга». Свирский - пианист.
Свободный театр - основан в Москве под руководством К.А.Марджанова.
Святловский - профессор, один из участников «Медного Всадника».
Святополк-Мирский, Дмитрий Петрович - князь, литератор, литературный критик. Святослав - см. Прокофьев, С.С.
Себряков, Сергей Алексеевич - сын Себряковой Т.П., троюродный брат С.Прокофьева. Себрякова, Надя - сестра (?)
Себрякова С.А.
Себрякова (Себрякова-Житкова). Татьяна Павловна - врач, практиковавший в Петербурге, двоюродная сестра М.Г.Прокофьевой.
Северянин, Игорь (Лотарев. Игорь Васильевич) (1887-1941) - поэт, писатель.
Сеговия, Андрее Торрес (1893-1987) - гитарист.
Сеженская, Мария Михайловна - дальняя родственница.
Сеженская, Александра (Шура) - троюродная племянница С.Прокофьева.
Селезнёва - ученица Консерватории, певица. Сельвинский, Илья Львович (1899-1968) - поэт.
Семёнов, Григорий Михайлович (1890-1946) - предводитель антибольшевистского движения в Забайкалье. С января 1920 г. преемник А.В.Колчака на восточных окраинах страны.
Семёнов, камергер - знакомый Бориса Верина.
Семёнова, Марина Тимофеевна (1908-...) - балерина, с 1930 г. в Большом театре в Москве.
Сенека (2 д.р.Х-39) - философ.
Сенилов, Владимир Алексеевич (1875-1918) - композитор.
Сен-Ром - пианист.
Сен-Санс, Камиль (Saint-Saens, Camille) (1835-1921) - композитор, пианист, дирижёр и критик.
Серафин, Туллио (Serafin, Tullio) (1878-1968) - дирижёр, в 1924-34 гг. главный дирижёр Метрополитан Опера в Нью-Йорке.
Серебрякова, Зинаида Евгеньевна (1884-1967) - художник.
Сержинская, Шура - см. Сеженская, Шура.
Серов, Александр Николаевич (1820-1871) - композитор, музыкальный критик.
Серт, Мися (Sert, Misia) (...-1950) - меценатка и покровительница Дягилева, большая любительница музыки, жена художника Хосе Мария Серт.
Серт, Хосе-Мария (Sert, José-Maria) (1874-1945) - художник.
Сетанс, Роберт (Soetens, Robert) (1897-...) - скрипач.
Сибелиус, Ян (Sibelius, Jan) (1865-1957) - композитор.
Szigeti, Joseph (Сигети, Жозеф) (1892-1973) - скрипач.
Сигети, Ванда - жена Ж.Сигети.
Сикар - начальник французского отдела виз.
Сиохан, Робер (Siohan, Robert) (1894-1985) - дирижёр, композитор, музыкальный критик. Основатель в 1929 г. оркестра Концерты Сиохана.
Sirota, Peter (Сирота, Петер) - берлинский антрепренёр.
Скалоны, Скалон Леля и Костя - знакомые Павских и Прокофьевых, посещали вместе с Прокофьевым танцкласс.
Скарлатти, Доменико (Scarlatti, Domenico) (1685-1757) - композитор.
Скворцов, Александр Иванович - служащий Саратовской консерватории, адвокат. Скляревский, Александр Фёдорович - пианист, профессор Саратовской консерватории.
Скобелев, Михаил Дмитриевич (1843-1882) - русский генерал.
Скоруньский - ученик Консерватории, пианист.

Умнова, Лидия Ивановна - ученица Консерватории, певица.
Walsh (Уолш) - сестра Мэри Гарден.
Уркс - главный директор фирмы «Стейнвей».
Урусов, князь - знакомый в Кисловодске.
Уткин, Иосиф Павлович (1903-1944) - поэт.
Утрилло, Морис (Utrillo, Maurice) (1883-1955) - художник.
Wake, Mrs (Уэйк) - знакомая англичанка.
Уэлс, Герберт (Wells, Herbert George) (1866-1946) - писатель.

Файнциммер, Александр Михайлович (1905-1982) - кинорежиссёр.
Файя - см. Фалья, Мануэль де.
Фалья, Мануэль де (Falla, Manuel de) (1876-1946) - композитор, пианист.
Фалеева, Надежда Павловна - племянница С.Прокофьева.
Фату - астроном в парижской обсерватории.
Фатьма - см. Ханум, Фатьма.
Фатьма Ханум - см. Ханум, Фатьма.
Фауст - журналист газеты New Republic.
Février, Henry (Феврие, Анри) (1875-1957) - композитор, пианист.
Фейнберг - ученица Консерватории, певица.
Фейнберг, Самуил Евгеньевич (1890-1962) - пианист, композитор. Первый исполнитель 3-го Концерта С.Прокофьева в России.
Felz, Mme de (Фельц) - знакомая.
Феона, Алексей Николаевич (1879-1949) - актёр, режиссёр.
Fearbanks (Фербэнкс) - знакомые американцы.
Ферни-Джиральдони - преподаватель Консерватории, (сопрано).
Феррарис - попутчик на пароходе из Америки в Европу.
Ферру, Пьер-Октав (Ferroud, Pierre-Octave) (1900-1936) - композитор, музыкальный критик, основатель в 1932 г. общества «Тритон».
Фигнер, Николай Николаевич (1857-1918) - певец (тенор), директор Народного дома.
Фидлер - знакомый архитектор Кусевицких в Париже, квартирный агент.
Philippe, Dora de (Филипе, Дора де) - певица.
Филипьева, Наталия (Николаевна) - подруга Н.Мещерской.
Филонов, Павел (1883-1941) - художник.
Философов, Дмитрий Владимирович (1872-1940) - публицист, критик.
Fink (Финк) - консервативный критик газеты «Evening Post» в Нью-Йорке.
Фирсова, Любовь Яковлевна - сестра О.Ю.Смецкой.
Фительберг, Гжегож (Fitelberg, Grzegorz) (1879-1953) - дирижёр, в 1914-1921 годах жил и работал в Петербурге.
Фишер - американский музыкальный издатель.
Фишер, Куно - писатель, автор книги о Канте.
Флешер, де ля (de la Flechère) - граф, владелец замка, где отдыхали Прокофьевы.
Флиге - ученица Консерватории.
Фл., Флямб. - шахматист.
Flannery, Mrs (Флэнери) - богатая американка.
Фогель - композитор.
Фок - служащий канцелярии Консерватории.
Фокин, Михаил Михайлович (1880-1942) - артист балета, балетмейстер.
Фолль - автор книги «Сравнительное изучение картин».
Фонарёв - случайный знакомый.
Fonbrune, Pierre de (Фонбрюн, Пьер) - сын мадам Гионне (Guyonnet).
Фонвизин, Денис Иванович (1744-1792) - писатель, драматург.

Содержание

Печать: DIAKOM, Франция

Coordination Impression
DIAKOM
21,Grande Rue - 92310 Sèvres (France)
Tél. : 33 (1) 45 07 86 55 - Fax : 33 (1) 45 07 93 09
www.diakom.com - Email : editrad@diakom.com

Achevé d'imprimé sur les presses de
JOUVE
18, rue Saint-Denis, 75001 PARIS
№ 310981Y. - Dépôt légal : Juillet 2002

9 782951 813809

ISBN : 2-9518138-0-5